
COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE
CU17700680

SIGILLVM · COLLEGII · COLVMBIAE · NOVI · EBORACI
IN LVMINE TVO VIDEBIMVS LVMEN

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

1866.

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется.

Цензор *Архимандрит Фотій.*

ХАРАКТЕРЪ ПРОТЕСТАНТСТВА

И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ [1].

(*Продолженіе.*)

II. Лютеранство.

Видоизмѣненіемъ понятія о Церкви и таинствахъ не кончается частнѣйшее развитіе Лютерова начала и приложеніе его новаго „вѣрую" къ области христіанской догматики. Идея вѣры, въ смыслѣ субъективнаго, мысленнаго отношенія къ идеѣ искупленія, требовала измѣненія въ ученіи не только о земной Церкви, но и о Церкви небесной, связанной съ первою. Лютеръ отвергъ всякое посредство между вѣрующимъ и Искупителемъ; во имя личныхъ, непосредственныхъ отношеній христіанина къ Духу благодати онъ уничтожилъ значеніе всякой іерархіи въ царствѣ благодати. Но остались еще посредники между вѣрующимъ и невидимымъ Главою Церкви — посредники высшіе, не на землѣ, а по ту сторону міра, за чертою временной жизни—въ

---

[1] См. сент. и ноябр. кн. Христ. Чт. за 1865 и майск. за 1866 г.

царствѣ славы. Это—прославленные святые, ходатаи за вѣрующихъ, принадлежащихъ къ Церкви земной, еще воинствующей. Вѣрность общему основному началу требовала, со стороны Лютера, отрицанія и этого небеснаго *посредства* членовъ Церкви торжествующей. На этотъ разъ Лютеръ оказался совершенно вѣрнымъ себѣ и послѣдовательнымъ. Онъ отвергъ почитаніе святыхъ. Съ его точки зрѣнія казалось, что и сонмъ святыхъ ходатаевъ на небѣ, своимъ посредствомъ, въ извѣстной мѣрѣ, отдаляетъ вѣрующихъ отъ Искупителя, подобно тому, какъ здѣсь на землѣ отдаляетъ Его отъ членовъ Церкви церковная іерархія. Вотъ почему Лютеръ настаиваетъ на мысли, что почитаніе святыхъ унижаетъ достоинство Спасителя, какъ единственнаго Ходатая между Богомъ и міромъ человѣческимъ. Правда, Лютеръ не забываетъ въ своемъ отрицаніи, что Церковь видитъ во святыхъ людей облагодатствованныхъ и покланяется въ лицѣ ихъ самому Духу благодати, но онъ находитъ нужнымъ совершенно отдѣлить представленіе о благодати отъ лица облагодатствованнаго. Мысль о томъ, что все совершаетъ благодать, что самъ по себѣ человѣкъ ничѣмъ, кромѣ вѣры, не проявляетъ себя въ дѣлѣ спасенія,—мысль, положенная имъ въ основу общаго взгляда на оправданіе, служитъ новымъ основаніемъ къ такому отдѣленію. Просить ходатайства святыхъ, по словамъ его, значитъ смѣшивать заслуги Спасителя съ человѣческими подвигами, которые ничего не значатъ,—съ человѣческою немощію и безсиліемъ. По его воззрѣнію, небесные предстатели — только замѣчательныя историческія лица, о которыхъ нужно говорить съ уваженіемъ, воспоминать съ благоговѣніемъ, но къ которымъ нельзя обращаться съ молитвою. На

томъ же основаніи, по которому Лютеръ отвергъ всякое священное значеніе іерархіи и преобразилъ священника въ обыкновеннаго учителя, который можетъ отличаться отъ другихъ вѣрующихъ лишь степенью общечеловѣческаго развитія и научнаго знакомства съ истинами вѣры, а вовсе не благодатными правами, онъ отвергаетъ и предстательство святыхъ, святотатственно снимая съ нихъ покровъ благодатной славы.

Отрицая, такимъ образомъ, въ самыхъ основахъ идею почитанія святыхъ, естественно было и Лютеру и последующему лютеранству отвергать ее еще болѣе въ тѣхъ частныхъ случаяхъ, гдѣ она привязана была къ чему-либо видимому, внѣшнему. Таково почитаніе св. мощей, св. иконъ. Если вообще почитаніе и призываніе святыхъ несогласно было съ взглядомъ Лютера на оправданіе личною вѣрою, то здѣсь — сверхъ этого — была еще чисто видимая, внѣшняя сторона богопочтенія, еще болѣе противорѣчившая идеѣ внутренняго, мысленнаго оправданія и спасенія. По воззрѣнію Лютера, это значило-бы смѣшивать представленіе о благодатныхъ силахъ съ представленіемъ о бездушной матеріи. Въ послѣдствіи, какъ извѣстно, лютеранскіе богословы, для оправданія своего взгляда на почитаніе святыхъ, вооружились множествомъ доказательствъ всякаго рода—историческихъ и раціональныхъ; они начали говорить, вопреки прямымъ свидѣтельствамъ исторіи, что древнее христіанство вовсе не знало подобнаго догмата, что въ древности заносились въ церковныя хроники имена святыхъ только какъ историческія имена на память потомству, что если установлялись иногда въ память ихъ дни празднествъ, то смыслъ этихъ торжествъ былъ совершенно иной, что почитаніе святыхъ есть

остатокъ до-христіанскихъ понятій и т. п. Самъ Лютеръ ограничивался больше общею мыслію о мнимомъ униженіи искупительныхъ заслугъ Спасителя чрезъ призываніе святыхъ и о необходимости внутренняго оправданія. Не вдаваясь или почти не вдаваясь въ исторію древней Церкви, которая была вся противъ него, онъ указываетъ болѣе всего на тѣ злоупотребленія, какія дѣлала католическая іерархія изъ догмата о призываніи и почитаніи святыхъ, на множество измышленныхъ чудесъ отъ иконъ и мощей и вообще на распространеніе въ массѣ народа суевѣрія.

И нынѣ еще католическое духовенство нечуждо подобныхъ обмановъ. И въ наши дни оно носитъ по улицамъ городовъ статуи Спасителя и Богоматери, увѣряя простой народъ, что волосы на этихъ статуяхъ чудесно выростаютъ вновь каждый годъ сами собою. Можно судить поэтому, что было и могло быть въ темныя средневѣковыя времена (1), и Лютеръ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, былъ правъ, осуждая обманъ и распространеніе суевѣрій въ народѣ, производимое католическимъ духовенствомъ его времени. Но злоупотребленія — не основаніе для отрицанія того, чѣмъ злоупотребляютъ. Не онѣ движутъ имъ, конечно, и не изъ нихъ исходитъ онъ главнымъ образомъ. Имъ движетъ ложное об-

(1) Лютеранскіе богословы первыхъ временъ увѣряли, что католическіе священники показывали народу перо архангела Михаила, выпавшее у него изъ крыла въ борьбѣ съ дьяволомъ, — рогъ, изъ котораго пилъ пророкъ Моѵсей, лучъ той звѣзды, которая вела волхвовъ въ Виѳлеемъ, даже слезы Спасителя, пролитыя при воскресеніи Лазаря, и млеко Богоматери. А касательно мощей въ католичествѣ вотъ что говорилось въ смалькальденскихъ членахъ: „reliquiae sanctorum refertae multis mendaciis, ineptiis et fatuitatibus. Canum et equorum ossa ibi saepe reperta sunt“.

щее воззрѣніе на оправданіе и вынуждаетъ его и здѣсь, какъ и вездѣ, къ односторонностямъ, крайностямъ. Онъ совершенно отдѣляетъ или, вѣрнѣе, отвлекаетъ идею благодати отъ лица облагодатствованнаго. Отдѣленіе это также неестественно, какъ и отдѣленіе Церкви невидимой отъ видимой. Прославленные святые для него—только замѣчательныя историческія лица. Но исторія благодатнаго царства не можетъ отождествляться съ общей исторіей человѣческаго развитія. Великіе дѣятели въ этой исторіи — не обыкновенные герои добра и правды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и носители благодатныхъ даровъ, которые составляютъ ихъ неотъемлемую личную принадлежность. Если великіе люди въ исторіи гражданскихъ обществъ заслуживаютъ уваженіе потомства, то здѣсь—въ царствѣ благодати это уваженіе и почтеніе должно носить особый, священный характеръ. Нравственный союзъ потомковъ съ умершими историческими дѣятелями—союзъ мертвый и ограничивается воспоминаніемъ первыхъ о послѣднихъ. Союзъ царства благодати съ царствомъ славы — союзъ живой и дѣйственный, и инымъ онъ быть не можетъ. Церковь земная и Церковь небесная — это одно царство Божіе, раздѣленное временемъ, но не характеромъ и основою жизни;—различіе лишь въ томъ, что члены Церкви земной еще ведутъ борьбу, которая уже кончилась для членовъ Церкви небесной. Вотъ почему союзъ нашъ съ святыми, прославленными Церковію, не можетъ быть тѣмъ мертвымъ союзомъ, какимъ связаны съ нами обыкновенныя историческія лица. Лишая ихъ предстательства за насъ, а насъ лишая права обращаться съ мольбою о предстательствѣ, Лютеръ разрываетъ живой союзъ царства благодати съ царствомъ славы, обращаетъ исторію

благодатнаго царства въ обыкновенную человѣческую исторію, отождествляетъ съ этою послѣднею.

Правда, отдѣляя идею благодати отъ лицъ облагодатствованныхъ, Лютеръ возстаетъ противъ смѣшенія ея съ человѣческою стихіею и хочетъ, повидимому, возвратить божественной силѣ все подобающее ей достоинство, но отъ дѣйствія въ людяхъ и чрезъ людей достоинство ея, очевидно, не умаляется и не можетъ умалиться, а отрѣшать ее отъ среды ея дѣйствій и самыхъ дѣйствій не значило ли, напротивъ, обращать ее въ одно отвлеченное представленіе? Послѣдующая исторія протестантства отвѣчаетъ на это: да!

Обращаемся снова къ Лютерову началу, чтобы вывесть и объяснить изъ него еще одну послѣднюю особенность лютеранской догматики. Между Церковію земною и Церковію небесною—торжествующею была у католиковъ еще область, на которую вліяли съ одной стороны іерархія, съ другой — сонмъ святыхъ. Разумѣемъ римское ученіе о чистилищѣ, тѣсно связанное съ идеей папства, ненавистной Лютеру, и съ догматомъ о почитаніи святыхъ, также отвергнутымъ Лютеромъ. Ученіе объ этомъ „purgatorium“ есть искаженіе древняго вселенскаго ученія о молитвѣ за умершихъ и о, такъ называемомъ, среднемъ состояніи душъ по смерти. Папа Григорій Великій первый высказалъ мысль о чистилищѣ, выдавая ее, впрочемъ, за свое мнѣніе, а не за догматъ. Въ средніе вѣка изъ этого выработали ученіе о чувственномъ, чистилищномъ огнѣ. Въ основаніе для освобожденія душъ отъ этого чистилищнаго огня стали въ послѣдствіи приводить ученіе о сокровищницѣ святыхъ съ ихъ сверхдолжными дѣлами, а право переносить излишество добрыхъ дѣлъ съ одного лица на

другое усвоено папѣ. Явились, такимъ образомъ, индульгенціи, которыя освобождали умершихъ отъ чистилищнаго огня, а живыхъ отъ всякаго рода грѣховъ— прошедшихъ и будущихъ, — на десятки и сотни лѣтъ. Нѣтъ нужды разъяснять, что ученіе о пресловутомъ „purgatorium", въ связи съ индульгенціями, служило самымъ нагляднымъ, самымъ рѣзкимъ выраженіемъ крайностей католическаго взгляда на оправданіе и спасеніе человѣка. Человѣкъ спасается какъ рабъ, за плату; самый актъ спасенія представляется какимъ-то контрактомъ, торговымъ договоромъ. Отношеніе Божества къ человѣку здѣсь измѣряется, какъ чувственная, пространственная вещь извѣстнаго количества и протяженія. Заслуги Спасителя при этомъ дѣлаются, если не излишними, то по крайней мѣрѣ непонятными и мало значимыми, а личность человѣческая уже совершенно исчезаетъ и теряется, потому что одна личность замѣняетъ другую своими заслугами. Личная порочная жизнь ничего не значила для индульгенцій, дававшихся не только за предковъ, но и за все потомство на тысячи лѣтъ. Если прибавить къ этому другія ложныя и нелѣпыя воззрѣнія на предметы вѣры, то вполнѣ понятны будутъ сильныя, ожесточенныя нападенія Лютера на этотъ римскій догматъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь Лютеръ не остановился во-время и, вмѣстѣ съ грубыми искаженіями ученія древней Церкви о молитвѣ за умершихъ, отвергъ и это самое ученіе. Сначала, правда, онъ отвергалъ только чувственный чистилищный огонь, затѣмъ значеніе индульгенцій и сокровищницы святыхъ; наконецъ, все ученіе о среднемъ состояніи душъ по смерти назвалъ „ложью мамона", т. е. изобрѣтеніемъ корыстолюбія священниковъ. Молитвы за умершихъ,

дѣйствительно не мирились съ его одностороннимъ началомъ. Онъ отвергъ значеніе евхаристіи, какъ жертвы за живыхъ и умершихъ; онъ разорвалъ и всякій живой союзъ Церкви земной съ Церковію небесною. Постепенное отрицаніе всего, что лежало въ основѣ католическаго догмата о чистилищѣ, значило только постепенное выясненіе для него самаго того начала, которымъ руководился онъ во всѣхъ своихъ отрицаніяхъ.

Таковы особенности лютеранской догматики. Богослуженіе и вообще обрядность должны были служить выраженіемъ новаго догматическаго воззрѣнія, а такъ какъ это новое начало отвлеченное, то понятно, что оно не столько развивало, сколько мертвило и убивало богослужебную стихію. Область богослужебныхъ формъ, естественно, оскудѣла вмѣстѣ съ уничтоженіемъ таинствъ мѵропомазанія, устнаго исповѣданія, брака, елеосвященія и священства. Въ таинствѣ крещенія исключенъ обрядъ заклинанія, какъ несообразный будто бы съ понятіемъ спасенія, какъ дѣла Божія (тамъ, гдѣ, какъ учитъ Лютеръ, все совершаетъ благодать безъ участія человѣка, конечно уже не имѣла мѣста мысль о необходимости борьбы человѣка съ врагами спасенія). Таинство причащенія, лишенное значенія жертвы, въ сообразность съ понятіемъ о немъ, какъ напоминаніи только о заслугахъ Спасителя, стало совершаться только разъ въ годъ—въ день воспоминанія о тайной вечерѣ Спасителя съ учениками ([1]). Всѣ почти обряды

([1]) Справедливость требуетъ замѣтить, что здѣсь имѣли нѣкоторое значеніе и злоупотребленія католической церкви. Въ сочиненіи: «de abroganda missa privata“ Лютеръ говоритъ, что значеніе заказныхъ литургій (заздравныхъ, заупокойныхъ) измѣрялось количествомъ платы, сообразно съ которою такъ или иначе совершалась и самая литургія.

католичества также были отвергнуты. Лютеръ оставилъ, правда, нѣсколько новыхъ церковныхъ пѣсней и далъ право составлять ихъ вновь, но не на это обращено было вниманіе лютеранъ въ сферѣ богослуженія. Сообразно съ началомъ оправдывающей вѣры, т. е. мысленнаго, внутренняго отношенія къ дѣлу спасенія, все вниманіе ихъ обращено было на проповѣдь, на научное разъясненіе истинъ вѣры [1]. Проповѣдь докторовъ и предигеровъ замѣнила собою почти все богослуженіе, лишившееся значенія для сердца вѣрующаго и принявшее сухой, бездушный характеръ.

Такъ и должно было быть. Если дѣло спасенія есть дѣло чисто субъективное, внутреннее, мысленное: то зачѣмъ обрядъ и богослужебныя формы? Хорошо выясняетъ это за Лютера Гегель въ своемъ разсужденіи о реформаціи Лютера, въ которой видитъ онъ зародышъ чисто философическихъ воззрѣній на религію. „Зачѣмъ сталъ бы я, говоритъ онъ, покланяться Христу тѣлесно, когда ношу Его въ сердцѣ и мысли? Зачѣмъ пошелъ бы я въ качествѣ пилигрима въ Іерусалимъ? Что я найду тамъ? Землю, по которой Онъ ходилъ, Его слѣды, гору, на которой Онъ страдалъ, Его гробъ? Развѣ не могу я этого просто представить? Да и зачѣмъ мнѣ этотъ гробъ? Христа въ немъ нѣтъ, онъ пустъ; а въ сердцѣ Онъ всегда со мною. Элеонъ, Іорданъ, На-

---

Признавалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что значеніе жертвы въ таинствѣ евхаристіи уменьшается для извѣстнаго лица, по желанію котораго совершается литургія, если вмѣстѣ съ тѣмъ она совершается и для другихъ, а не для него исключительно.

[1] Убогую церковь въ Виртенбергѣ, въ которой произнесена Лютеромъ первая проповѣдь противъ папства, лютеранскіе богословы называютъ поэтому Виѳлеемомъ и яслями, въ которыхъ родилось протестантство и протестантская наука.

заретъ, все это—только внѣшній предметъ пространства и времени, посредственно напоминающій Христа и измѣняющійся, между тѣмъ какъ мысль моя напоминаетъ Его мнѣ непосредственно. Этотъ пупъ земли, это средоточіе религіозныхъ явленій гораздо ближе ко мнѣ: оно въ моей мысли (¹)".

Правда, нынѣшніе протестанты ввели такъ называемыя „агенды", уничтожили прежній обычай совершать литургію только однажды въ годъ, вообще стараются оживить свои богослужебныя формы, сознавая мертвенность своего прежняго богослуженія, но можно еще спросить: законно ли это и послѣдовательно ли съ точки зрѣнія лютеранскихъ началъ?

Тѣмъ же заявило себя и также выразилось лютеранство и въ самой жизни практической и во взглядѣ Лютера на христіанскую нравственность. Своеобразное воззрѣніе на оправданіе требовало своеобразныхъ понятій и о христіанской жизни и дѣятельности.

Мы замѣчали уже, что оправдывающая вѣра Лютера не значила ни совершеннаго отрицанія необходимости добрыхъ дѣлъ, ни нравственнаго квіэтизма, живущаго однимъ созерцаніемъ. Напротивъ, по Лютеру, живая вѣра необходимо раждаетъ соотвѣтствующія добрыя дѣла. Но эти добрыя дѣла, по его же воззрѣнію, менѣе всего принадлежатъ самому человѣку, въ нихъ онъ не участвуетъ дѣятельно. Онъ — орудіе Духа благодати, орудіе совершенно мертвое. Все, что требуется отъ него и въ чемъ онъ можетъ проявлять и проявляетъ свое участіе въ дѣлѣ нравственнаго совершенства, это—сердечная настроенность по вѣрѣ въ Искупителя. Этого достаточно,

---

(¹) Hegel. Gesch. d. Philosophie. B. 2.

чтобы нравственно практическая область въ лютеранствѣ лишилась своего истиннаго значенія, чтобы она стала, по крайней мѣрѣ, на второмъ планѣ. Не этимъ ли объясняется то явленіе, что до послѣдняго времени лютеранскіе богословы почти не обращали вниманія на науку о христіанской нравственности, и протестантская литература, такъ богатая всякаго рода догматическими и историко-церковными сочиненіями, не представляла замѣчательныхъ трудовъ по богословію нравственному? Этого достаточно, наконецъ, чтобы на такомъ основаніи впослѣдствіи въ протестантствѣ развился и мистицизмъ, покоющійся на одномъ созерцаніи и довольствующійся имъ, и даже такъ называемый антиномизмъ, который во имя вѣры отрицаетъ законъ и проповѣдуетъ произволъ въ дѣйствіяхъ, подобно древнему гностицизму, отрицавшему законъ во имя своего гносиса или высшаго вѣдѣнія.

Во всякомъ случаѣ начало это никакъ не мирилось въ практикѣ съ существованіемъ так называемой церковной дисциплины и внѣшнихъ обязательныхъ предписаній касательно поведенія вѣрующихъ, тѣмъ болѣе, что авторитетъ Церкви, какъ и самое бытіе ея, были отвергнуты на томъ же основаніи. Если дѣло спасенія есть дѣло субъективной, *личной* вѣры, если оно есть внутренній актъ сердца: то зачѣмъ внѣшнія, обязательныя дѣйствія, въ родѣ постовъ и т. под.? Кто имѣетъ право давать подобныя правила для другихъ, да и зачѣмъ онѣ, что могутъ дать онѣ вѣрующему, отъ котораго требуется только сердечная настроенность? Такъ именно разсуждаетъ Лютеръ и, указывая на ненавистныхъ турокъ, грозившихъ въ его время Европѣ, замѣчаетъ, что учрежденіе постовъ и другихъ внѣшнихъ

обязательныхъ дѣйствій—дѣло, противное христіанской свободѣ и достойное лишь мусульманства. „Въ извѣстное время, говоритъ онъ, запрещаютъ ѣсть яица, молоко, а только рыбу, плоды и т. п., подобно туркамъ, которымъ запрещено пить вино". Какъ будто христіанская свобода исключаетъ собою понятіе внѣшняго закона! Для послѣдующихъ лютеранскихъ богослововъ вопросъ о постахъ и церковной дисциплинѣ былъ пунктомъ, на которомъ они по преимуществу чувствовали себя свободно, противъ котораго приводили всякаго рода доказательства—и историческія, и психологическія, и физіологическія, и даже физико-географическія, и по поводу котораго изощряли свое остроуміе, не замѣчая, что вся масса этихъ аргументовъ получаетъ свою силу и значеніе только при ихъ точкѣ зрѣнія, при ихъ отвлеченномъ, одностороннемъ взглядѣ на религіозную жизнь и дѣятельность. Вѣрою и мысленнымъ, теоретическимъ отношеніемъ къ идеѣ спасенія, скажемъ еще разъ, не обнимается религіозная жизнь, какъ и вообще идеализмомъ и отрѣшеніемъ отъ внѣшности не обнимается цѣльная, полная жизнь человѣка, состоящаго изъ души и тѣла, связанныхъ связію органическою.

Но самое главное, съ чѣмъ не мирилось въ практикѣ Лютерово начало, и въ чемъ выразилась по преимуществу реформа его по отношенію къ нравственной жизни въ христіанствѣ, это—вопросъ о христіанскомъ подвижничествѣ.

Говорятъ обыкновенно, что, отрицая значеніе подвижничества въ христіанствѣ, Лютеръ былъ выразителемъ національныхъ воззрѣній своей страны и ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ возвелъ въ начало то, чего въ душѣ всегда хотѣлъ нѣмецъ. Семейная жизнь, говорятъ, ни-

гдѣ такъ не уважалась, какъ въ Германіи, и нигдѣ не имѣетъ такого мирнаго характера, какъ въ этой странѣ. Монашество здѣсь никогда не было въ уваженіи и самъ Лютеръ поступилъ въ него вопреки желанію отца. Это послѣднее совершенно справедливо. Отецъ Лютера доказывалъ ему, что онъ, принявъ обѣты, поступилъ вопреки заповѣди Божіей о почитаніи родителей. Поэтому и Лютеръ впослѣдствіи книгу свою „de votis monasticis", въ которой отрицалъ необходимость и значеніе монашества, посвятилъ отцу своему. „Я опять твой сынъ, говоритъ онъ въ этомъ посвященіи, и снова возвращаюсь къ тебѣ и твоей любви. Я сознаю, наконецъ, справедливость твоихъ прежнихъ внушеній. Да будетъ же съ нами миръ по прежнему" и т. д. Но взглядъ отца Лютера былъ слѣдствіемъ чисто личныхъ, семейныхъ обстоятельствъ, которыя имѣли мѣсто и значеніе всегда и вездѣ, а не въ одной Германіи. Существованіе монастырей не было противорѣчіемъ чувству семейности, какимъ отличался германскій народъ, и немѣшало ему, какъ учрежденіе не обязательное. Ихъ было и здѣсь почти столько же до Лютера, какъ и въ странахъ романскихъ. Реформаторъ, дѣйствительно, отвѣчалъ національнымъ стремленіямъ Германіи, но не въ этомъ частномъ вопросѣ нужно искать выраженія его національнаго значенія. Онъ былъ національнъ въ своихъ общихъ отвлеченныхъ началахъ и въ своемъ желаніи свободы германскому народу отъ ига папства. Больше могли имѣть значенія при этомъ злоупотребленія монашества, дѣйствительно рѣзкія и частыя въ средніе вѣка. Вотъ что читаемъ мы на этотъ разъ у Лютера: „нравственность въ монастыряхъ такова, что нужно быть отрокомъ въ пещи вавилонской, чтобы, живя въ нихъ, не развра-

титься отъ грубости ихъ обитателей". Самые подвиги иногда носили мрачный, подавляющій характеръ. „Я видѣлъ, говоритъ Лютеръ, монаховъ больныхъ, истощенныхъ, опиравшихъ на клюку свое дряхлое тѣло. Я спросилъ ихъ: не освобождаютъ ли ихъ, ради немощей, отъ службы и бдѣній? Они жалобно отвѣчали: нѣтъ. Съ удивленіемъ спрашивалъ я потомъ, отчего дошли они до такой преждевременной дряхлости? Они отвѣчали: отъ лишенія сна. Отчего же не спите вы?—вновь спросилъ я и услышалъ отвѣтъ: уставъ не велитъ намъ спать". Здѣсь не узналъ я христіанскаго Бога, замѣчаетъ онъ. Но злоупотребленія не могли бы вести Лютера къ отрицанію самыхъ началъ монашества, если бы имъ не руководило другое, измышленное имъ начало и противоположное имъ.

Начало личной, оправдывающей вѣры Лютера, дѣйствительно, какъ нельзя болѣе противорѣчило всему, что носитъ имя подвижничества. Актъ спасенія, по его воззрѣнію, есть дѣло мысленнаго отношенія къ Искупителю: стóитъ возъимѣть вѣру, чтобы быть оправданнымъ; стоитъ получить настроенность по вѣрѣ, чтобы чувствовать радость спасенія. Ненужно ничего болѣе. А здѣсь, напротивъ, все—въ дѣятельности и дѣятельности усиленной, все въ подвигѣ и подвигѣ скорбномъ. Дѣло спасенія, по Лютеру, есть дѣло самой благодати; самъ человѣкъ почти не участвуетъ въ немъ. А здѣсь отъ человѣка требуютъ труда и личнаго, нравственнаго совершенства. По воззрѣнію Лютера это значитъ уже уничтожать заслуги Спасителя, исключающія будто всякую личную заслугу со стороны самого вѣрующаго. Разсуждая съ этой ложной точки зрѣнія, онъ называетъ подвижничество даже „измышленіемъ діавола, чтобы упразд-

нить вѣру во Христа". Актъ спасенія, по его воззрѣнію, есть актъ свободный. А здѣсь — только законъ и принужденіе. Актъ спасенія, наконецъ, есть дѣло внутренней, сердечной настроенности, а здѣсь все во внѣшности, формальности, въ обѣтѣ...

Собственно говоря, вопросъ о подвижничествѣ и былъ тѣмъ пунктомъ, съ котораго начались сомнѣнія Лютера и думы надъ его новымъ „вѣрую". Въ противоположность подвижничеству прежде всего и найдено и измышлено новое начало оправдывающей вѣры, новый взглядъ на спасеніе. Даровитый, но рьяный и страстный Лютеръ чувствовалъ свое безсиліе, свою непригодность къ монашеской жизни, но не просто отказался отъ этого образа жизни, а надумалъ новое начало, во имя котораго онъ могъ смотрѣть на свое отреченіе отъ обѣта, какъ на дѣло не только правое, но и святое. Такъ зародились въ немъ сомнѣнія, вызвавшія реформаторскія попытки, и протестантство — въ томъ нѣтъ сомнѣнія — обязано своимъ явленіемъ тому обстоятельству, что реформаторъ Германіи былъ человѣкъ обѣта и жилъ въ монастырѣ. Это слишкомъ ясно изъ его автобіографическихъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ его сочиненіяхъ. Стѣны монастыря, жизнь по уставу, разобщенность съ жизнію — вотъ съ чего начинаются думы реформатора. Думы эти все болѣе и болѣе волнуютъ его, — подъ вліяніемъ ихъ начинаетъ онъ читать св. Писаніе и искать въ немъ себѣ мира и покоя и останавливается по преимуществу на тѣхъ мѣстахъ его, гдѣ раскрывается мысль о благѣ оправданія, о радостяхъ оправданнаго сердца, опуская изъ виду другія мѣста объ условіяхъ спасенія со стороны самого человѣка, о необходимости дѣятельнаго участія его въ дѣлѣ спасенія, о необходимости по-

двига, самоотверженія и т. под. Настроенный такимъ образомъ и увлеченный, онъ приходитъ къ заключенію, что до него міръ христіанскій не понималъ христіанства и напрасно требовалъ подвига. „Богъ христіанскій есть Богъ любви; а здѣсь—въ подвигѣ, въ скорби, въ страданіяхъ человѣка я не узнаю Его", такъ заканчиваетъ онъ свои думы надъ собою и окружавшею его средою. Вотъ мысль, которая отъ начала двигала имъ и возбуждала строить новые взгляды на оправданіе, мысль, развитая потомъ въ цѣлую систему вѣроученія ([1]).

([1]) Интересны съ этой стороны личныя отношенія Лютера къ вопросу объ оставленіи монашескихъ обѣтовъ. Его новое начало, прямо противоположное его дѣйствительному положенію, требовало оправданія на дѣлѣ. Но такъ какъ здѣсь онъ былъ заинтересованъ лично, то онъ долго колебался, и не вдругъ рѣшился оправдать на себѣ свою проповѣдь. Его самолюбіе хотѣло избѣжать укора. Ему хотѣлось показать, что онъ имѣетъ въ виду единственно принципъ, а не личныя цѣли. (Укора этого онъ не избѣжалъ, однакоже, и не могъ избѣжать). Вслѣдствіе этого онъ рѣшается оставить свои обѣты не вдругъ, выжидаетъ и присматривается къ тому, какъ пойдетъ дѣло реформы, убѣждаетъ къ этому другихъ, какъ бы забывая о себѣ. Въ первый разъ напомнилъ ему о необходимости супружества священниковъ и монаховъ Карлстадъ. Лютеръ смутился при этомъ и растерялся; за тѣмъ отвѣтилъ, что такъ дѣйствительно должно быть, что монастыри должны опустѣть, если будетъ принято начало оправдывающей вѣры, но, прибавилъ онъ съ смущеніемъ, я желалъ бы предоставить себѣ свободу не жениться—„ut mihi non obtrudent uxorem". И нѣсколько лѣтъ за тѣмъ прошло прежде, чѣмъ Лютеръ взялъ себѣ жену. Между тѣмъ,—лично отрекаясь отъ супружества, вслѣдъ за этимъ объявленіемъ Лютеръ издалъ свои „тезисы" о монашествѣ на тему о его совершенномъ уничтоженіи. „Монастыри—это институты, говорилъ онъ здѣсь, обязанные своимъ происхожденіемъ жрицамъ Цибеллы и Весталкамъ"!! Проповѣдь имѣла успѣхъ. Монастыри начали пустѣть. Вслѣдствіе этой же проповѣди его въ 1523 г. покинула свой монастырь въ Нимчѣ и будущая жена реформатора Екатерина Боръ. Она вышла изъ монастыря вмѣстѣ съ другими восемью монахинями и не знала, гдѣ пріютиться, потому что родители не принимали ихъ въ свои домы. Всѣ онѣ явились къ Лютеру въ Виртембергъ, прося его защиты и помощи. По его просьбѣ онѣ приняты были въ домы нѣкоторыхъ виртемберг-

Итакъ христіанскій подвигъ отвергнуть во имя того, что христіанство не требуетъ будто бы со стороны человѣка никакого дѣятельнаго участія въ дѣлѣ спасенія, кромѣ вѣры. Ясное заключеніе, что подвигъ этотъ необходимъ, какъ скоро признано будетъ, (а это не можетъ быть не признано),—что христіанство не теорія только, что оно призываетъ человѣка къ дѣятельнымъ стремленіямъ, къ нравственному совершенству. Лютеръ не могъ отвергнуть его иначе, какъ отвергнувъ общую мысль о необходимости дѣятельнаго участія человѣка въ спасеніи. Ясно, что извѣстные въ исторіи христіанства подвиги самоотверженія были выраженіемъ высшаго нравственнаго совершенства христіанскаго, что вся-

---

скихъ гражданъ, сочувствовавшихъ реформѣ. Едва ли не въ этотъ моментъ онъ порѣшилъ уже жениться на одной изъ бывшихъ монахинь, но не подавалъ виду и продолжалъ жить по прежнему въ монастырѣ. Вотъ что теперь отвѣчалъ онъ одному изъ друзей на предложеніе жениться. „Богъ можетъ измѣнить чувства моего сердца, но въ настоящую минуту я вовсе не расположенъ къ этому, не потому, чтобы я не чувствовалъ къ этому никакого влеченія,—я не дерево и не камень,—но потому, что каждую минуту ожидаю смерти, какъ еретикъ и реформаторъ". Все, что сдѣлалъ онъ теперь, состояло въ томъ, что онъ снялъ съ себя свое прежнее платье, носимое духовными, и явился въ храмъ въ обыкновенной свѣтской одеждѣ. Впечатлѣніе было въ его пользу. Между тѣмъ монастырь, въ которомъ жилъ Лютеръ, продолжалъ пустѣть и наконецъ не осталось въ немъ ни одного человѣка. Одиноко ходилъ онъ по опустѣлымъ корридорамъ его и это молчаніе монастырскихъ стѣнъ, по словамъ его, убѣждало его всего болѣе, что его реформа не—мечта воображенія. Въ декабрѣ 1524 г. онъ отослалъ ключи отъ монастыря курфирсту съ донесеніемъ, что выходитъ изъ него *послѣдній*. Съ этого же времени начинаетъ онъ гласно высказывать мысль о своей женитьбѣ. Толки и насмѣшки только болѣе раздражаютъ его и дѣлаютъ еще рѣшительнѣе. „Да!—говорилъ онъ въ отвѣтъ на замѣчаніе, что своимъ поступкомъ онъ насмѣшитъ вселенную, что самъ сатана посмѣется въ аду,—да, я сдѣлаю это и насмѣшу вселенную, если ей угодно смѣяться". И онъ сдѣлалъ это 11 іюня 1525. См. Histoire de la reformation par Merle d' Aubigore.

кое разумное стремленіе къ отрицанію страсти и страстныхъ движеній основано на общихъ отличительныхъ началахъ христіанства и есть логическое послѣдствіе этихъ началъ, а не явленіе ненормальное. Жизнь христіанина вообще есть и должна быть подвигомъ большимъ или меньшимъ, иначе нѣтъ отличія въ нравственномъ состояніи его отъ состоянія язычника. Подвиги особеннаго, высшаго самоотреченія — только высшее, полнѣйшее выраженіе того, къ чему обязаны въ христіанствѣ всѣ и каждый.

Послѣдующіе лютеранскіе богословы, сверхъ этой общей мысли объ оправданіи, — въ отношеніи къ вопросу о христіанскомъ подвижничествѣ указывали по преимуществу на неестественность подвиговъ и особенно на ихъ будто бы не христіанское происхожденіе. Но всѣ вопросы о неестественности—физіологической и психической должны умолкать предъ фактомъ и дѣйствительностію. Если эти мнимо неестественные подвиги были дѣйствительно и могутъ быть, то нѣтъ нужды задаваться вопросами о ихъ возможности, тѣмъ болѣе, что они не для всѣхъ обязательны и относятся лишь къ тѣмъ, кто можетъ *вмѣстить* ихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ западная Европа познакомилась съ памятниками древней индійской и вообще восточной литературы, не перестаютъ доказывать, что христіанское подвижничество обязано своимъ явленіемъ не христіанству, а восточной теософіи, примѣшавшейся къ христіанству въ формѣ извѣстнаго гностицизма, что буддійскій и древне-индійскій аскетизмъ тождественъ съ христіанскимъ. Но и это историческое показаніе едва ли болѣе обстоятельно, чѣмъ безразсудное указаніе, сдѣланное самимъ Лютеромъ на происхожденіе монастырей отъ жрицъ Ци-

беллы. Начала буддизма и восточнаго аскетизма не только не сходны, но и прямо противоположны началамъ христіанскаго подвижничества. Кромѣ внѣшности, здѣсь все противоположно — и основы подвижничества и его цѣль. Въ буддизмѣ и на востокѣ вообще аскетъ самоотрицался во имя того, что жизнь есть страданіе, и что такова она по своему существу,—онъ ни чего не зналъ о паденіи въ христіанскомъ смыслѣ слова,—отрицался не для положительнаго нравственнаго совершенства, а для того, чтобы постепенно уничтожить въ себѣ всякую личную жизненность и наконецъ погрузиться въ нирвану, т. е. совсѣмъ уничтожиться въ этой мертвой сферѣ бытія безсознательнаго, безсодержательнаго. Христіанство и этотъ аскетизмъ также различаются между собою, какъ положеніе и отрицаніе, жизнь и смерть (1).

Остается сказать наконецъ о томъ, что вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ нами воззрѣній на Церковь и церковную жизнь, Лютеръ, естественно, уничтожалъ и то, что называлось и называется церковнымъ правомъ. Самый внѣшній бытъ христіанскаго общества долженъ былъ видоизмѣниться, такъ какъ внѣшнее, видимое происхожденіе его и вся внѣшняя жизнь Церкви — въ существѣ невидимой—не juris divini, a juris humani.

---

(1) Замѣчательно, что Фейербахъ въ своемъ „Wesen des Christenthums", совершенно вопреки всѣмъ бывшимъ до него раціоналистамъ, не находитъ иныхъ историческихъ основъ для явленія христіанскаго подвижничества, кромѣ самаго христіанства, и отрицая предразсудочную мысль о связи этого явленія съ индійскимъ аскетизмомъ, замѣчаетъ, что Лютеръ, оставаясь въ догматикѣ христіаниномъ, въ практикѣ былъ уже раціоналистомъ, отступникомъ отъ христіанскихъ началъ. Правда, онъ дѣлаетъ изъ этого, сообразно съ своею задачею, неблагопріятное заключеніе о самомъ христіанствѣ, но нашелъ же онъ возможность миновать Индію, чтобы объяснить происхожденіе христіанскаго подвижничества.

Канововъ, каноники не могло уже быть въ протестантствѣ. Итакъ, если католицизмъ въ своей идеѣ Церкви смѣшивалъ церковную стихію съ гражданскою, и эту послѣднюю хотѣлъ поглотить и уничтожить, лишивъ ее самостоятельнаго существованія: то Лютеръ на оборотъ—смѣшиваетъ гражданственность съ церковностію, церковную стихію подчиняетъ гражданской и въ этой послѣдней уничтожаетъ первую, лишивъ ее самостоятельности. Таковъ, дѣйствительно, внѣшній, юридическій бытъ и строй протестантскихъ общинъ. Если въ самое послѣднее время среди нихъ начали возникать стремленія къ самостоятельному церковному быту, къ независимости отъ государственнаго права, то это опять непослѣдовательность съ ихъ стороны, невѣрность основнымъ началамъ протестантства.

Кончая свое обозрѣніе первой изъ вѣроисповѣдныхъ формъ протестантства, мы можемъ снова повторить, что замѣтили отчасти въ началѣ, и высказать кратко слѣдующія положенія, какъ результатъ нашихъ разсужденій о лютеранствѣ.

I. Лютеранство въ томъ видѣ, какой былъ данъ ему Лютеромъ, есть чистая противоположность католицизму, противоположность, переходящая во всѣхъ своихъ пунктахъ въ другую крайность. Выясненіе крайностей католичества и лютеранства само собою даетъ въ результатѣ доказательство истинности православія, какъ вѣроисповѣданія, не только неизмѣнно вѣрнаго древне-вселенскому ученію и преданію, но и самаго въ себѣ цѣльнаго и гармоническаго, не знающаго никакихъ крайностей. Эта цѣльность, эта гармонія есть свидѣтельство, что оно не потерпѣло измѣненій со стороны человѣческихъ воззрѣній—всегда одностороннихъ и слабыхъ.

II. Главное въ лютеранствѣ—это догматъ объ оправданіи вѣрою. На него должно быть обращено все вниманіе нашей полемики, съ него должны начинаться всѣ наши разсужденія о лютеранствѣ, какъ вѣроисповѣдной формѣ. Иначе мы стали бы анализировать частности, не подвергая критикѣ того начала, на которомъ онѣ основаны.

III. Догматъ этотъ все проникаетъ собою въ лютеранствѣ. Онъ присущъ внутренно всякому частному положенію въ системѣ лютеранскаго вѣроисповѣданія. Одинаково изводится изъ него и частное догматическое положеніе и особенность во взглядѣ на христіанскую жизнь и нравственность. Показать вліяніе этого ложнаго тезиса на построеніе частнаго догмата или взгляда на христіанскую жизнь—значитъ уже показать несостоятельность и этой догматической особенности.

IV. Начало, выражаемое этимъ лютеранскимъ догматомъ объ оправданіи, есть начало не только противное дѣйствительному христіанскому ученію, извѣстному изъ св. Писанія, но и само въ себѣ несостоятельное, потому что есть крайность и односторонность.

Послѣ этого мы должны перейти къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ историческихъ формъ протестантства.

(*Продолженіе будетъ*).

СПИРИТЫ И СПИРИТИЗМЪ.

Взглядъ на спиритизмъ еще не установился. Одни, кажется, смѣшиваютъ его съ такъ называемымъ чародѣйствомъ, подъ именемъ „современнаго спиритуализма", въ которомъ происходящія или только кажущіяся извѣстнаго рода явленія приписываются дѣйствію духовъ—или по суевѣрію, или больше и вѣрнѣе— съ цѣлію мистифировать довѣрчивую публику. Спиритовъ („спиритуалистовъ") понимаютъ при этомъ только какъ тавматурговъ (какъ объ этомъ можно судить по замѣткамъ въ нашихъ свѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ). При этомъ, видятъ ли эти люди въ спиритизмѣ только фокусничество и шарлатанство, полный обманъ и мистификацію, или считаютъ такъ называемыя спиритскія „проявленія" дѣйствительнымъ произведеніемъ только не духовной, а естественной причины, именно слѣдствіемъ искуственнаго сочетанія и приложенія не приведенныхъ въ общеизвѣстность какихъ либо естественныхъ силъ и законовъ,— все равно: такъ представляемый спиритизмъ естественно не заслуживаетъ серьёзнаго вниманія. Мнимыхъ чудодѣйствъ и чудодѣевъ есть и было много не только въ новыя, но особенно въ древнія времена. Мнимыя чудо-

дѣйства производились не только предпріимчивыми Европейцами и еще болѣе предпріимчивыми Американцами, но даже Индійцами, Египтянами, и искусниками другихъ не развитыхъ націй. Описанію и объясненію ихъ посвящены цѣлыя книги. Но спиритизмъ вовсе не фокусничество, тѣмъ болѣе не шарлатанство. Представленіе какихъ нибудь загадочныхъ движеній, превращеній, звуковъ и подобныхъ оптическихъ и акустическихъ явленій подъ именемъ „проявленій духовъ", съ цѣлію мистифировать и эксплуатировать легковѣрныхъ, касается развѣ только окраинъ спиритизма, но никакъ не входитъ въ существо его. Настоящіе спириты смотрятъ на такія представленія, какъ на злоупотребленіе именемъ спиритизма, и рѣшительно отрицаются людей, занимающихся ими не только какъ корыстнымъ ремесломъ, но даже и съ искреннею вѣрою въ мнимое участіе духовъ въ произведеніи ихъ, только безъ цѣли и нужды, называя послѣднихъ практикантовъ людьми суетно-любопытными, неспособными еще быть настоящими спиритами. И отрицаются такихъ людей спириты добросовѣстно и справедливо, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нынѣшнему развитію и состоянію спиритизма ([1]). Недостаточно было бы представлять спиритизмъ только какъ

([1]) „Мы громогласно объявляемъ, говоритъ авторъ весьма важной у спиритовъ книги Медіумовъ (de livre des mediums), что тотъ, кто льстится получить *проявленія* по своему желанію, долженъ быть маловѣдущій или обманщикъ. Истинный спиритъ никогда не представитъ изъ себя зрѣлища, никогда не станетъ на подмостки. Есть даже что-то не логичное предполагать, что духи явятся на показъ любопытствующимъ и подчинятъ себя изслѣдованію, какъ предметъ рѣдкости. Слѣдовательно феномены могутъ или вовсе не быть, когда ихъ нужно, или представиться совершенно въ другомъ порядкѣ, а не въ томъ, въ какомъ желаютъ ихъ" (par. I-ère chap, III-ème § 31).

суевѣріе относительно дѣйствительности „проявленій и сообщеній“ духовъ (или душъ умершихъ людей), выражающихся будто бы въ извѣстныхъ внѣшнихъ, видимыхъ формахъ. Это—только одна сторона дѣла, мнимый источникъ, начало отправленія, причина и образъ происхожденія и устройства спиритизма, какъ явленія философско-религіозно-нравственно-практическаго, съ извѣстной доктриной, съ извѣстными стремленіями и цѣлію, весьма широкими по объему и далеко не шуточными и не пустыми по притязаніямъ. Спиритизмъ *по притязанію*—явленіе серьёзное, имѣющее предметомъ своимъ міръ религіозный и нравственный, настоящее, прошедшее и будущее человѣка ([1]). Такъ самъ онъ сознаетъ и выражаетъ себя, такъ нужно и смотрѣть на него, чтобы вѣрнѣе и дѣйствительнѣе изобличить его, отрезвить его суевѣрныхъ приверженцевъ и пресѣчь его распространеніе и вліяніе.

Понятно отсюда, что ошибочно было бы видѣть въ спиритизмѣ, какъ видятъ въ немъ другіе, и суевѣріе, касающееся религіозныхъ предметовъ, и не безначительное въ дѣлѣ религіи, но вредное собственно только въ своей сферѣ, для лицъ уже зараженныхъ имъ, и не опасное, какъ явленіе въ обществѣ, относительно вліянія и распространенія въ средѣ послѣдняго,—не угрожающее сколько нибудь видно и чувствительно привиться и безсильное долго и твердо держаться въ немъ, не заслуживающее серьёзнаго вниманія и отношенія къ се-

---

([1]) По выраженію той же „книги Медіумовъ“, „спиритизмъ затрогиваетъ самые важные вопросы философіи, вопросы всѣхъ отраслей общественнаго порядка, обнимаетъ въ одно время человѣка физическаго и нравственнаго, составляетъ самъ цѣлую науку, полную философію“ (par I. chap. 2 § 13). Справедливость этого можно видѣть почти во всѣхъ спиритскихъ сочиненіяхъ, особенно же въ «Le livre des esprits.“

бѣ, по своей внутренней очевидной пустотѣ, мелочности и неразумности, не стоющее и серьёзнаго изобличенія, какъ случайный, кратковременный и не опасный бредъ нѣкоторыхъ разстроенныхъ людей; а не проявленіе глубокой болѣзни общества. Съ одной стороны и наблюденіе бреда можетъ приводить къ полезнымъ открытіямъ; оно обнаруживаетъ иногда задушевныя любимыя мысли и чувства, питаемыя въ нормальномъ состояніи. Съ другой стороны, спиритизмъ не есть явленіе въ обществѣ случайное, или какое нибудь исключительное и чуждое обществу (даже отчасти русскому), онъ есть произведеніе общественной почвы, живетъ и дышетъ атмосферой общества и времени. Онъ воспринимаетъ и уже воспринялъ въ себя извѣстныя качества этой атмосферы, извѣстныя воззрѣнія и стремленія, и въ нихъ-то онъ имѣетъ условія своей устойчивости и распространенія въ обществѣ. Можно ожидать, что странно-суевѣрная сторона въ спиритизмѣ—собственно его „спиритическая“ форма и мнимо „спиритическій“ характеръ пройдетъ современемъ, но содержаніе спиритизма, большая сторона его доктрины, его отношеніе къ религіи и собственно къ христіанству и относящіяся до этого воззрѣнія его и стремленія,—все это можетъ остаться и жить по прежнему (не подъ именемъ только спиритизма и безъ отношенія къ духамъ), такъ какъ оно было и жило и прежде спиритизма и не имъ собственно порождено, а заимствовано имъ уже готовое, или, вѣрнѣе, само оно породило спиритизмъ и выразилось въ немъ, въ угоду извѣстнымъ требованіямъ, въ формѣ и съ авторитетомъ мнимаго *откровенія* („духосообщеній“) [1].

---

[1] Правда, спиритизмъ не проповѣдуется у насъ въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ, но французскія книги, журналъ (Revue spirite) и бро-

Спиритизмъ имѣетъ притязаніе открывать и очищать истинный смыслъ христіанства, выраженный будто бы въ священныхъ книгахъ не собственно, образно (приспособительно къ грубымъ, чувственнымъ понятіямъ и соотвѣтственной имъ пріемлемости людей, современныхъ появленію христіанства, которымъ проповѣдывали свое ученіе I. Христосъ и Его Апостолы), и за тѣмъ болѣе и болѣе будтобы искажавшійся еще впослѣдствіи „корыстными и невѣжественными толкователями въ пользу ихъ кастическихъ и властительныхъ интересовъ". Спиритизмъ принимаетъ только нравственную сторону Христіанства и значеніе его только съ этой стороны, и отвергаетъ или совершенно измѣняетъ сторону догматическую, вмѣстѣ съ этимъ и христіанскій смыслъ, и истинное, спасительное значеніе искупленія, которое, какъ оно понимается въ христіанствѣ, съ точки зрѣнія спиритской было и есть совершенно не нужно. При такомъ отношеніи къ христіанству, спириты представляютъ его приготовленіемъ къ спиритизму, какъ религіи болѣе чистой и „духовной", соотвѣтственно развитію понятій и требованій прогрессирующаго человѣчества; поставляютъ христіанство въ такое же отношеніе къ спиритизму, въ какомъ въ области истиннаго, божественнаго откровенія Ветхій Завѣтъ находится къ Новому. И эта мнимая самозванная „*новая религія*", по отноше-

шюры существуютъ въ продажѣ, при этомъ стоятъ они и расходятся одиноко, безъ антиспиритскихъ сочиненій, въ которыхъ бы раскрывалось и разоблачалось дѣло съ непредзанятой, здраво разумной и чисто христіанской точки зрѣнія, и читаются людьми, способными увлекаться и предрасположенными раздѣлять спиритскія воззрѣнія и стремленія. Отъ того спиритизмъ существуетъ и въ русскомъ обществѣ и проникъ въ немъ весьма далеко.

нію къ христіанству и вообще къ понятію о религіи, равно какъ и по собственному содержанію, есть религія раціоналистическая и не совсѣмъ даже спиритуальная; а въ отношеніи къ другимъ, бывшимъ и существующимъ, религіямъ (все равно и не христіанскимъ), эклектическая и индифферентная. Спиритизмъ находитъ религіозныя чистыя истины не только во всѣхъ древне-языческихъ религіяхъ, но и въ темныхъ сказочныхъ остаткахъ миѳологій, приписывая какъ первымъ, такъ и послѣднимъ, какъ еврейской религіи и христіанской, такъ и всѣмъ не христіанскимъ религіямъ равно откровенное начало, и, примѣнительно ко времени и народу, одинаковую истинность, важность и спасительность. При этомъ спиритизмъ не оставляетъ (по крайней мѣрѣ стремится и мечтаетъ не оставить) ничего не объясненнымъ и не понятнымъ въ области религіи; у него нѣтъ тайнъ вѣры, нѣтъ непостижимыхъ въ своемъ существѣ догматовъ, съ которыми нерѣдко не мирится, которыми возмущается и которые потому отрицаетъ суетно пытливый и не утвержденный въ вѣрѣ разумъ. У него стремленіе къ полному и ясному познанію, и „откровенія“ или „духосообщенія“ его обращаются не къ вѣрѣ, а прямо къ знанію, совершенно также, какъ обыкновенныя человѣческія сообщенія; сокровеннымъ религіознымъ вопросамъ даютъ они раскрытіе, непостижимымъ здѣсь предметамъ вѣры бытіе въ формахъ человѣческихъ представленій и понятій, и въ сферу религіозныхъ отношеній между Богомъ и людьми вводятъ совершенную логику человѣческую, видя во всемъ этомъ преимущественное достоинство, наибольшую чистоту, естественную истинность своей „новой религіи“. Вмѣстѣ съ этимъ, и конечно потому самому, спири-

тизмъ думаетъ благотворно дѣйствовать на человѣка въ его нравственномъ духовномъ усовершенствованіи и возвышеніи, въ достиженіи имъ своего назначенія, и успокоительно, отрадно въ представленіи будущности человѣка, опредѣляя отношеніе Бога къ человѣку и всю судьбу послѣдняго преимущественно милосердіемъ Божіимъ, а правосудіе Божіе представляя въ характерѣ и границахъ правды человѣческой, и потому обольщая своихъ послѣдователей будущею безнаказанностію, допуская наказанія лишь равныя ненаказанности. Наконецъ, спиритизмъ ревнуетъ о доброй нравственности, о чистой и широкой любви, о духовномъ благѣ людей. Онъ стремится къ очищенію и возвышенію нравственныхъ интересовъ и стремленій и думаетъ благотворно содѣйствовать нравственному преуспѣянію человѣчества, возбужденію и поддержанію въ немъ жизни уже не по плоти, а преимущественно по духу, сообразно съ природой, достоинствомъ и назначеніемъ духа, представляя свое ученіе, какъ наиболѣе чистое и истинное, особенно вѣрнымъ и дѣйственнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли. Впрочемъ спириты представляютъ себя столько занятыми этою цѣлію, что соглашаются даже жертвовать обязательностію своего ученія (въ его особенностяхъ) для тѣхъ людей, которые, принадлежа къ какому бы то ни было вѣроисповѣданію, живутъ не по плоти только, но и по духу, руководствуются не эгоизмомъ и суетнымъ своекорыстіемъ, но чистою, искреннею и возможно полною любовію къ людямъ и къ Богу, не забываютъ природы безсмертнаго духа и его назначенія, развиваютъ и укрѣпляютъ въ себѣ духовныя требованія и стремленія, ищутъ удовлетворенія имъ, и такимъ образомъ воспитываютъ себя въ мѣру

возраста, предназначеннаго и свойственнаго человѣческому духу ([1]).

Несостоятельность нравственности на началахъ спиритскихъ (какъ не чисто христіанскихъ), и потому ложность стремленій очистить, возвысить и утвердить ее на этихъ началахъ и тѣмъ поставить людей на прямой путь къ ихъ назначенію и конечному благу, --это не для всѣхъ можетъ быть хорошо видимо само собою. Даже между противниками спиритизма (можетъ быть впрочемъ больше усердными, чѣмъ искусными и сколько нужно дальновидными) возможно такое, напримѣръ, мнѣніе, что спиритизмъ самъ въ себѣ заблужденіе и конечно зло, но онъ можетъ служить противодѣйствіемъ и пораженіемъ матеріализму, невѣрію въ бытіе души безсмертной и въ будущую жизнь человѣка, и въ этомъ отношеніи можетъ принести пользу, какъ ядъ, служащій противоядіемъ другому, сильнѣйшему и опаснѣйшему яду ([2]). Подобное мнѣніе, разумѣется, показываетъ поверхностное, легкое лишь знакомство съ спиритизмомъ и незнаніе настоящаго характера спиритскаго ученія въ развитіи и выводахъ его, незнаніе даже самой *спиритуальной стороны* въ спиритизмѣ (его взгляда на существо и происхожденіе души и на ея отношенія къ міру и къ Богу, о чемъ мы скажемъ въ

([1]) На сколько осуществляются эти требованія въ жизни самими спиритами, хорошо не знаемъ. Но воодушевлѐнными заявленіями ихъ наполнены спиритскія сочиненія: „Revelations du monde des Esprits" par Roze, par II, „Le spiritisme sans les esprits", „Sermons sur le spiritisme... refutès par un spirite de Metz" и др.

([2]) Это мнѣніе высказано было въ „Радугѣ" (кн. 5), въ замѣчаніяхъ редакціи на помѣщенную здѣсь статью „спиритизмъ" А. Болтина (одного изъ русскихъ спиритовъ).

своемъ мѣстѣ). Спиритскія стремленія объяснить, представить въ формахъ человѣческихъ понятій религіозные вопросы и истины, въ сущности не раскрываемые и не объяснимые никакой человѣческой философіей, и проразумѣваемые въ самомъ христіанствѣ только вѣрою, вмѣстѣ съ тѣмъ представить на человѣческій вкусъ болѣе успокоительнымъ наше будущее и тѣмъ дать болѣе будто бы дѣйственное и успѣшное побужденіе къ ревностному нравственному преуспѣянію,—это—слѣдствіе естественной религіозной потребности, но вмѣстѣ и крайней слабости вѣры. Это слѣдствіе слабости вѣры, не утвержденной надлежащимъ изученіемъ религіозныхъ христіанскихъ истинъ и глубокимъ проникновеніемъ ими, отступающей предъ требованіемъ нравственной жизни съ высокими добродѣтелями, подвигами и лишеніями, на основаніи истинъ, недоступныхъ обыкновенному человѣческому познанію, превышающихъ обыкновенный нашъ, ограниченный и чувственный образъ представленій, и усвояемыхъ только вѣрою. Это слѣдствіе слабости вѣры, не постигающей великости и святости Божескаго правосудія въ отношеніи къ преступному, искупленному и облагодатствованному человѣку, страшащейся тяжести и нескончаемости будущихъ наказаній, парализованной не чисто духовнымъ характеромъ жизни, и подавленной вліяніемъ современныхъ научныхъ и ходячихъ житейскихъ воззрѣній, стремленій раціоналистическихъ, реалистическихъ, сенсуалистическихъ и другихъ подобныхъ и извѣстныхъ. При этомъ весьма естественно конечно и обратное дѣйствіе, то есть, указанные спиритскія стремленія и соотвѣтственныя теоретическія мнѣнія, порожденныя извѣстнымъ характеромъ людей и извѣстнымъ вліяніемъ на нихъ духа времени,

очень могутъ нравиться людямъ съ подобнымъ же характеромъ, образованнымъ тѣмъ же вліяніемъ, могутъ пользоваться сочувствіемъ ихъ, располагать и привлекать ихъ къ спиритизму, проповѣдующему угодливое и лестное для нихъ. А такихъ людей, не заглушившихъ въ себѣ совершенно религіозныя требованія, но слабыхъ вѣрою, подъ неблагопріятнымъ для нея вліяніемъ слишкомъ чувственной и суетной жизни и подъ враждебнымъ вліяніемъ обобщившихся и проникшихъ въ жизнь современныхъ идей и стремленій,—людей, думающихъ имѣть въ религіи все удобопонятнымъ и приспособленнымъ въ ихъ узкому, чувственному взгляду и послабляющимъ, успокоительнымъ для ихъ страстей и слабостей,—такихъ людей всегда не мало. Не совсѣмъ мало, съ другой стороны, людей и такаго рода, которые, при религіозныхъ стремленіяхъ, но при недостаткѣ образованія вообще и—христіанскаго въ особенности, наклонны къ суевѣрію. И это суевѣріе такъ много возбуждаетъ и питаетъ спиритизмъ другою своею стороною—внѣшнею, формальною, какъ мнимый посредникъ между міромъ людей и міромъ душъ, отшедшихъ изъ тѣлъ, приводящій въ ближайшее, дѣйствительное общеніе живущихъ съ отжившими близкими и любезными сердцу, перешедшими въ другую область бытія, составляющую конечный предѣлъ, заключающую въ себѣ цѣль религіи, гдѣ разрѣшеніе и осуществленіе всѣхъ вопросовъ, желаній, надеждъ и стремленій религіозныхъ.

Спиритизмъ есть вѣрованіе въ проявленія (manifestations) и сообщенія (revelations) духовъ или душъ умершихъ людей, извѣстнымъ образомъ приходящихъ въ общеніе и собесѣдованіе съ людьми, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе извѣстнаго ученія ученіемъ дѣйствительно ду-

хособщенными. Или, употребляя одну, собственно спиритскую, форму определенія: „спиритизмъ есть ученіе, основанное на существованіи, проявленіи и наставленіи духовъ“. Изъ самаго определенія спиритизма легко усматриваются въ немъ двѣ стороны, повидимому, существенно связанныя между собою, но могущія подлежать въ тоже время каждая особому разсмотрѣнію и разбору. Ѳто—доктрина спиритизма, стремленія и цѣль спиритовъ, или собственно содержаніе спиритизма, такъ называемая *матеріальная* сторона его,—и внѣшніе факты или феномены, понимаемые спиритами какъ проявленія духовъ, заявляющихъ посредствомъ ихъ о своемъ присутствіи, вызывающихъ на собесѣдованіе съ собою и передающихъ свои сообщенія и наставленія,—внѣшне-феноменальная и *формальная* сторона спиритизма, источникъ его содержанія, орудіе образованія и распространенія, свидѣтельство о мнимо-откровенномъ происхожденіи и характерѣ его. Содержаніе спиритизма или ученіе его имѣетъ сторону *религіозно-догматическую*, совершенно отличную и своеобразную отъ христіанскаго догматическаго ученія; она отрицаетъ весь кругъ христіанскихъ вѣрованій, отвергаетъ всю систему христіанскихъ догматовъ, понимая все христіанство по своему, совершенно антихристіански;—сторону *нравственную*, видимо согласную съ христіанскимъ ученіемъ о смиреніи, любви, благочестіи, на сколько впрочемъ можетъ быть согласна съ христіанско-религіозною нравственностію нравственность естественная, еще послабляемая ненаказанностію,—и сторону *сціентифическую* (des sciences),—она представляетъ міръ бытія въ совершенно новомъ своеобразномъ видѣ. Цѣль и задача спиритизма просвѣтить людей *новымъ откровеніемъ*, научить ихъ невѣ-

данной истинѣ, побороть зло въ людяхъ и возродить ихъ къ добру, морализовать человѣчество, произвести великую нравственную революцію въ немъ и *вторично* освободить, *искупить* (redempter) человѣческій родъ отъ обладанія злаго духа (понимаемаго впрочемъ въ особомъ несобственномъ смыслѣ) и отъ всѣхъ послѣдствій этого обладанія" (¹). Это, какъ увидимъ, не слова только и громкія фразы, а содержательныя мысли, не на шутку взятыя идеи, имѣющія опредѣленное и широкое развитіе и возбуждающія соотвѣтственныя стремленія и надежды. Все это появилось у спиритовъ, по представленію ихъ, вслѣдствіе сообщеній и наставленій духовъ, извѣстнымъ образомъ проявляющихъ себя и передающихъ свои сообщенія. Какъ же, въ какихъ формахъ происходятъ у нихъ, или представляются эти проявленія и сообщенія (феноменальная или формальная сторона спиритизма)?

Видимо безпричинное движенье, круженье, приподниманье, перестановка и перебрасыванье столовъ и вообще мебели и комнатныхъ вещей, такіе же повидимому безпричинные и загадочные звуки или удары какъ бы въ стѣнѣ, въ мебели или въ пустомъ пространствѣ безъ чьего нибудь видимаго участія, непонятный, странный шумъ въ комнатѣ и музыкальные звуки безъ посредства инструментовъ, или отъ игры на нихъ (напримѣръ на фортепіано и др.), но чьей то невидимой, безъ приложенія рукъ присутствующими,—вотъ болѣе общіе феномены, посредствомъ которыхъ, по представленію спиритовъ невидимые гости— духи даютъ знать о своемъ присутствіи и вызываютъ людей на обращеніе къ нимъ

(¹) Собственныя выраженія спиритскихъ сочиненій.

съ вопросами и на разговоръ съ ними. Вопросы таинственнымъ пришельцамъ предлагаются обыкновеннымъ человѣческимъ словомъ, но отвѣты получаются отъ нихъ или условными знаками, или чрезъ письмо при извѣстныхъ посредствахъ, такъ какъ духи, потерявши вмѣстѣ съ тѣломъ и органъ человѣческаго слова, не могутъ говорить человѣческою рѣчью ([1]). Сначала условно-знаменательный стукъ внутри стѣны, мебели или ножкою стола принимался за отвѣтъ духа на предложенный вопросъ (одинъ, напримѣръ, стукъ или ударъ означалъ отвѣтъ утвердительный, три удара отрицательный, два— кажется—колеблющійся и нерѣшительный и т. п.). Затѣмъ, по числу ударовъ, стали обращаться къ алфавиту и брали изъ него буквы, по порядку занимаемаго ими въ алфавитѣ мѣста соотвѣтствующія числу сдѣланныхъ подрядъ ударовъ, и такимъ образомъ составлялись отвѣтныя слова и цѣлыя фразы. Послѣ этого, постепенно упрощая и облегчая способъ полученія духосообщеній, стали употреблять въ дѣло карандашъ: вставляли его въ столикъ, въ корзинку и т. п., которые приходятъ въ движеніе подъ цѣпью наложенныхъ на нихъ рукъ практикантовъ (двухъ, трехъ и болѣе до десяти), при *воздѣйствіи духа*. Столикъ или другой предметъ съ карандашемъ двигался, карандашъ при этомъ чертилъ на под-

---

([1]) По крайней мѣрѣ такъ было въ большинствѣ духопроявленій, хотя съ рѣшительностію отрицать всякую возможность для иныхъ духовъ, въ извѣстной степени развитія ихъ и при извѣстныхъ усиліяхъ съ ихъ стороны, произнести человѣческія слова, едва ли слѣдуетъ, со спиритской точки зрѣнія, какъ это увидимъ при обзорѣ спиритскаго взгляда на состояніе духовъ внѣ тѣла. Въ „книгѣ Медіумовъ“, при классификаціи послѣднихъ, по образу принятія или сообщеній отъ духовъ, упоминаются между прочими и *медіумы слышащіе*, конечно въ соотвѣтствіе духамъ *говорящимъ* (par. II, ch. XVI).

ложенномъ внизу листѣ бумаги, и выходили буквы и слова въ отвѣтъ на предлагаемые духу вопросы. Наконецъ пришли къ заключенію, что такой приборъ и обстановка только усложняютъ и въ тоже время все еще затрудняютъ и замедляютъ полученіе сообщеній отъ духовъ,—что духъ, дѣйствующій на руки *медіума* (¹) и на столикъ и передающій свои мысли посредствомъ черченья карандаша, вставленнаго въ обращающійся подъ руками предметъ, можетъ дѣйствовать и прямо на одну руку медіума, и что слѣдовательно, помимо всякихъ приборовъ и приспособленій, можно предоставить карандашъ непосредственно его рукѣ, и написанное ею принимать за вѣщанія духа. Такъ и сдѣлали спириты. И теперь этотъ способъ вѣщаній духовъ, какъ самый легкій, удобный и *рѣчистый* (хотя вмѣстѣ и особенно подозрительный), вытѣснилъ прежніе не такъ удобные способы, и употребляется одинъ почти исключительно (²). При этомъ способѣ, кромѣ отвѣтовъ на предлагаемые вопросы, духи стали дѣлать добровольныя сообщенія и поученія, довольно широкія по объему, многообразныя и замысловатыя по предметамъ и содержанію, витіеватыя и восторженныя по выраженію; духи теперь стали ораторствовать съ силой убѣжденья, поучать и философствовать; имъ такъ легко стало все это. И безъ всякаго сомнѣнія, благодаря этому преимущественно способу, какъ болѣе легкому и удобному, составились цѣлые то-

(¹) Медіумъ—посредникъ въ сношеніи людей съ духами, чрезъ котораго духи дѣйствуютъ и передаютъ свои сообщенія.

(²) О такомъ ходѣ въ развитіи способа духосообщеній между прочимъ говорится въ „Le livre des Esprits" (во введеніи), въ „Le livre des mediums (ч. 2. гл. 2 и 5); въ „Sermons sur le spiritisme...... réfutés par un spirite de Metz" (1863) и въ статьѣ А. Болтина „Спиритизмъ", напечатанной въ „Радугѣ" (кн. 5.).

мы разнообразныхъ и многообъемлющихъ сообщеній духовъ, появилась полная доктрина, породившая извѣстныя стремленія и цѣли.

Правда, въ настоящее время на спиритскихъ сеансахъ (собраніяхъ) не ходитъ мебель, не вертятся, не поднимаются столы, не слышно ударовъ и другихъ звуковъ; все это оставлено спиритами; вызываемые и спрашиваемые духи приходятъ тихо, безъ шумныхъ и чувствительныхъ обнаруженій и незамѣтно дѣйствуютъ на одну лишь руку медіума-писателя, который легко и бойко пишетъ много разныхъ правилъ и сообщеній подъ невидимымъ вліяніемъ управляющаго имъ духа. По видимому оставленное самими спиритами можно бы оставить и при критическомъ разборѣ спиритизма и не заниматься имъ особенно; если что оставлено, то значитъ не составляетъ чего нибудь серьезнаго, важнаго и существеннаго въ дѣлѣ и не почитается такимъ. Но мы беремъ спиритизмъ не въ данный моментъ, а въ его цѣломъ развитіи. Съ другой стороны, положимъ,—есть основаніе думать, что и самими спиритами оставлены прежде бывшіе и такъ распространенные у нихъ феномены по сознанію, что они не составляютъ теперь необходимости въ спиритизмѣ, что безъ нихъ можно обойтись и что продолжать произведеніе ихъ было бы по меньшей мѣрѣ излишне, а еще пожалуй не практично и не полезно въ дѣлѣ утвержденія и распространенія спиритизма, по крайней мѣрѣ не всегда практично и полезно; но при этомъ спириты вовсе не отказываются отъ оставленныхъ феноменовъ и признаютъ за ними коренную связь съ своимъ спиритизмомъ, существенное и характерное значеніе ихъ въ послѣднемъ. Во всѣхъ спиритскихъ сочиненіяхъ или прямо говорится, или необ-

ходимо подразумѣвается на каждой страницѣ, каждою мыслью, и вообще всѣмъ содержаніемъ и характеромъ спиритизма естественно предполагается, какъ основной, существенный и исходный догматъ спиритизма, что *духи-сообщители* первоначально заявили и теперь могутъ заявлять свое соприсутствіе съ людьми и желаніе входить въ общеніе съ ними, давать наставленія и откровенія (revelations) имъ—круженьемъ (tournement), скачкою (danse) и приподниманьемъ комнатной мебели, преимущественно столовъ, различными звуками и ударами и подобными явленіями; равнымъ образомъ — что духи начали, могутъ и продолжать передавать свои сообщенія тѣми же ударами или стуками, по условно-знаменательному числу ихъ, и письмомъ карандаша, вставленнаго въ вертящійся при наложеніи цѣпи рукъ предметъ. Словомъ, всѣмъ спиритизмомъ признается, что извѣстные феномены, понимаемые, какъ „проявленія духовъ", послужили источнымъ началомъ его и теперь служатъ основаніемъ его существованія и развитія (¹). И это само собою вполнѣ очевидно. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ указанныхъ феноменахъ, съ спиритской точки зрѣнія, первоначально сказались духи-представляемые виновники спиритизма, въ нихъ и чрезъ нихъ они были узнаны, на нихъ основалось и на послѣдующее время признаніе извѣстнаго (въ спиритскомъ смыслѣ) отношенія духовъ къ спиритизму и извѣстной ихъ дѣятельности въ немъ. На нихъ, этихъ феноменахъ, признаваемыхъ за дѣйствительныя *духопроявленія*, основы-

---

(¹) „Вертящіеся столы (les tables tournantes)—пунктъ отправленія, отъ котораго наука спиритизма сдѣлала свой первый шагъ...." говорится напр. въ «книгѣ Медіумовъ» (le livre des mediums) p. II, ch. 2. § 60).

вается собственно *спиритическій* характеръ спиритизма и значеніе, авторитетность спиритскаго ученія, какъ бы *откровеннаго* въ своемъ родѣ, или *духосообщеннаго.* Безъ этой феноменальной, фактической основы, извѣстнымъ образомъ понимаемой спиритами, спиритизмъ не могъ бы называться этимъ именемъ, въ смыслѣ его происхожденія отъ духовъ и связи съ ними, и доктрина спиритская не могла бы быть производима отъ нихъ. Чѣмъ бы тогда спиритамъ увѣрять себя и другихъ, что къ нимъ приходили и приходятъ духи, что духи именно дѣйствуютъ на нихъ и передаютъ имъ свои сообщенія, и что такъ называемые *медіумы-писатели* спиритскіе пишутъ не свое собственное произведеніе или что нибудь другое, а подлинно внушенія и сообщенія духовъ, подъ ихъ вліяніемъ?

Спириты оставили употребленіе этихъ феноменовъ, перестали пользоваться ими, потому что изъ нихъ дѣлаютъ предметъ злоупотребленій „люди безнравственные, невѣжды и обманщики (т. е. пользующіеся представленіямъ ихъ какъ ремесломъ, по прихоти и корыстнымъ разсчетамъ); потому еще, что для „упорныхъ невѣровъ“ (т. е. людей нерасположенныхъ къ суевѣрію и свободныхъ отъ опасности обольщенія) они служатъ предметомъ насмѣшекъ и нареканій, и потому наконецъ, что назначеніе этихъ феноменовъ—заявить, привести въ извѣстность отношеніе духовъ къ людямъ, утвердить признаніе возможности и дѣйствительности ихъ дѣйствія на матерію, ихъ проявленій и сообщеній—уже совершилось и исполнилось (¹). Полагая, что

(¹) „Нѣтъ нужды бить тревогу и призывать къ оружію“, — сравнительно говорится объ этомъ въ одномъ мѣстѣ „Книги Медіумовъ“, — когда воины возбуждены и готовы къ дѣлу.

бывшими или представляемыми фактами достаточно утверждена дѣйствительность *миссіи духовъ* и вмѣстѣ законность существованія спиритизма и его истинность, спириты ведутъ общеніе съ духовнымъ міромъ, не вынуждая со стороны духовъ внѣшнихъ проявленій, во свидѣтельство ихъ о себѣ; увѣренные, что когда, послѣ призывнаго обращенія къ духу, начинаетъ писать медіумъ, то это вызванный духъ невидимо водитъ рукою его и такимъ образомъ передаетъ свои мысли,—спириты так. образ. получаемыми сообщеніями пополняютъ и развиваютъ содержаніе спиритизма, стараются о болѣе или менѣе научномъ обоснованіи его и вмѣстѣ съ тѣмъ усердствуютъ о проведеніи въ жизнь и дѣятельность сложившихся спиритскихъ воззрѣній и нравственныхъ началъ и правилъ. Между тѣмъ въ дѣлѣ пропагандированія спиритизма вышедшіе изъ употребленія феномены или проявленія имѣютъ все свое первоначальное и существенное въ спиритизмѣ значеніе, только—не въ дѣйствительномъ произведеніи ихъ, а въ книгахъ спиритскихъ, гдѣ они записаны, какъ бывшіе (1). Въ этихъ книгахъ, факты мнимыхъ „духопроявленій" представлены крупные и поразительные, по возможности искусно, предусмотрительно обставленные, съ видимымъ устраненіемъ возможныхъ сомнѣній и возраженій, и при этомъ связанные, оправданные и объясненные теоріей возможности и естественности, теоріей, въ основаніяхъ своихъ заимствованной правда изъ сообщеній духовъ, но при всемъ томъ для такого очевидно—сомнительнаго

(1). Le livre des mediums; Revue spirite (періодическое изданіе),—и разныя Revelations du monde des esprits, d' outre tombe, sur ma vie surnaturel и друг.

и шаткаго явленія, какъ спиритизмъ, довольно искусной и благовидной, видимо цѣлостной и въ своемъ родѣ гармоничной. Къ этимъ книгамъ (преимущественно къ „Книгѣ Медіумовъ") и отсылаютъ спириты насъ для ознакомленія и убѣжденія въ спиритизмѣ; чрезъ чтеніе ихъ главнымъ образомъ приготовляютъ и пріобрѣтаютъ они себѣ прозелитовъ. И на людей съ недостаточно крѣпкой и развитой головой, съ недальновиднымъ, не привыкшимъ къ самостоятельнымъ воззрѣніямъ умомъ, который, при чтеніи книги, не отрѣшается отъ ея точки зрѣнія и не возвышается надъ нею,—на людей потому легковѣрныхъ и склонныхъ къ увлеченію (а такихъ людей всегда не мало) хитросплетенная и завлекающая книжная сѣть легко дѣйствуетъ. Провѣрить въ дѣйствительности указанные и читанные въ книгѣ, можетъ быть совсѣмъ небывалые, факты имъ не приходится, на это выставляются благовидныя причины (указанныя выше); такъ и вѣрятъ они на слово въ то, что говоритъ имъ хитрая, можетъ быть недобросовѣстная и невѣрная дѣйствительности книга; и такимъ образомъ, легковѣрно убѣдившись въ возможности фактовъ изъ теоріи, оказываются они достаточно, благопріятно приготовленными къ дальнѣйшему, уже окончательному, практическому посвященію въ спиритизмъ, которое окончательно сбиваетъ съ толку такихъ людей [1]. И нужно сказать, что большинство по крайней мѣрѣ позднѣйшихъ

---

[1] Къ этому маневру, для успѣшности обращенія легковѣрныхъ къ спиритизму, спириты прибавляютъ представленіе чистоты и возвышенности нравственно-практическаго ученія и стремленія спиритскаго и то еще достоинство спиритизма, что въ немъ хорошо, *видимо и осязательно* разрѣшаются многіе непонятные вопросы въ христіанствѣ и весьма успокоительно дѣйствуетъ онъ на умъ и религіозное чувство человѣка.

спиритовъ, и въ частности спириты наши русскіе склонились къ спиритизму однимъ только чтеніемъ книгъ, при нѣкоторыхъ еще предварительныхъ расположеніяхъ, которымъ удовлетворяетъ спиритизмъ (и о которыхъ обстоятельнѣе рѣчь будетъ послѣ), вовсе не видавши тѣхъ фактовъ, т. е. „духопроявленій", о которыхъ читали и говорятъ съ суевѣрнымъ убѣжденіемъ.

При такомъ важномъ значеніи феноменальной, фактической стороны въ спиритизмѣ, и при такомъ разсчитанномъ отношеніи къ ней и пользованіи ею со стороны спиритовъ въ настоящее время, понятно, какъ важно и необходимо въ критическомъ сочиненіи о спиритизмѣ установить надлежащій взглядъ на спиритскіе факты „духопроявленій", дать имъ подлинный смыслъ, или по крайней мѣрѣ отнять у нихъ тотъ характеръ и то значеніе, какія приписываются имъ въ спиритизмѣ ([1]). Тогда мнимая *духовность* и лже-откровенный характеръ спиритизма и всего его ученія обнаружатся со всею очевидностію.

Мнимымъ, самымъ спиритизмомъ усвояемымъ себѣ, характеромъ строго должно опредѣляться и наше отношеніе къ нему.—Спиритизмъ, какъ вѣрованіе въ проявленія и сообщенія духовъ, основываясь на извѣстныхъ внѣшнихъ фактахъ, объясняемыхъ спиритами въ смыслѣ

([1]) По видимому нѣтъ ничего легче сдѣлать это; для людей съ здравымъ взглядомъ выраженіе такого, очевидно грубаго, суевѣрія даже и не требуетъ вовсе опроверженія; они и безъ того отдаютъ ему должное и никакъ не ошибутся въ своемъ сужденіи о немъ и отношеніи къ нему. Но какъ занимающемуся спиритизмомъ, такъ и людямъ съ такимъ здравымъ взглядомъ не лишне имѣть въ виду заблуждающуюся братію и въ разсужденіи о спиритизмѣ примѣняться къ характеру ихъ заблужденій, говорить о предметѣ примѣнительно къ ихъ суевѣрнымъ понятіямъ и взглядамъ, чтобы могла быть отъ того какая нибудь польза.

духопроявленій, всею матеріальною стороною своею, т. е. всѣмъ содержаніемъ или собственно ученіемъ своимъ представляетъ *ученіе духосообщенное*, *откровенное*, положительно данное (т. е. такимъ признается оно со спиритской точки зрѣнія). При этомъ не представляется оно взятымъ ни отъ чистаго разума, ни отъ своеобразнаго пониманія христіанскаго ученія. Слѣдовательно излишне было бы въ критическомъ разборѣ особенно много заниматься имъ, какъ заблужденіемъ ума, породившаго собственное не здравое ученіе и ложно понявшаго или исказившаго дѣйствительный, подлинный смыслъ ученія христіанскаго, и потому требующаго опроверженія и обличенія чрезъ раскрытіе и защиту истиннаго смысла христіанскаго ученія. По существу дѣла требуется (и этого вполнѣ достаточно) отнять у спиритизма основаніе выдавать свое ученіе за откровенное или духосообщенное, т. е. критически разобрать достовѣрность и подлинность его происхожденія отъ духовъ, оцѣнить признаки или свидѣтельства, представляемыя въ доказательство его духосообщенности, и указать признаки и доводы противнаго,—показать, что извѣстные факты, представляемые какъ проявленія духовъ, не могутъ и не должны быть понимаемы такъ по самому характеру ихъ и по ихъ очевидному несоотвѣтствію тому понятію и значенію, какія соединяются съ ними, и тому ученію и стремленію, какія производятся отъ нихъ. Когда это будетъ сдѣлано, спиритизмъ потеряетъ свой спиритическій характеръ и окажется ложью и самозванствомъ; съ другой стороны, само собою опредѣлится тогда отношеніе и къ самому содержанію спиритизма—,къ ученію его.

Спиритизмъ, далѣе, представляетъ полное, своеобраз-

ное міросозерцаніе и начинаетъ дѣло гораздо раньше христіанства, начинаетъ съ бытія міра и человѣка; поэтому само христіанство получаетъ въ немъ соотвѣтственное и подчиненное этому общему воззрѣнію мѣсто и значеніе—совсѣмъ иное, чѣмъ какое оно имѣетъ въ дѣйствительности. Принимается только нравственная сторона его и значеніе его съ этой лишь стороны, и вовсе отвергается сторона догматическая; признается, что смыслъ христіанскаго ученія вовсе не таковъ, какъ онъ изложенъ въ священномъ Писаніи, и что Писаніе это нужно понимать иначе, чѣмъ какъ говоритъ оно. Такой взглядъ спиритовъ на христіанство, со спиритской точки зрѣнія, не есть ихъ собственное произведеніе, не ими самими измышленъ, такъ чтобы онъ образовался изъ неправильно выведенныхъ, самопроизвольно найденныхъ или ложно понимаемыхъ данныхъ самаго же христіанскаго ученія (какъ это обыкновенно бываетъ у лжеучителей и еретиковъ въ христіанствѣ которые производятъ свое лжеученіе изъ неправо понятыхъ христіанскихъ же источниковъ, развиваютъ и защищаютъ его, не думая сходитъ съ почвы христіанства, и мечтая еще объ исключительно правильномъ раскрытіи въ своемъ лжеученіи христіанскихъ истинъ, данныхъ въ священномъ Писаніи или ученіи и преданіи Церкви). Спиритскій ложный взглядъ на христіанство претендуетъ на откровенное происхожденіе отъ духовъ; онъ естественно вытекаетъ или прямо готовымъ взятъ изъ положительно данныхъ будто-бы ими сообщеній. Поэтому естественно и вполнѣ достаточно обратиться къ критикѣ мнимаго *откровенія* (отъ духовъ) спиритскаго ученія, т. е. къ аналитическому разбору и оцѣнкѣ опять внѣшнихъ фактовъ, принимаемыхъ за духопроявленія

(разборъ формальной стороны спиритизма), къ доказательствамъ неподлинности ихъ происхожденія отъ духовъ и къ указанію несоотвѣтствія ихъ съ тѣмъ значеніемъ и назначеніемъ, какія соединяются съ ними.

Спиритизмъ представляетъ и теорію разумныхъ соображеній въ защиту возможности, естественности и подлинности своихъ фактовъ духопроявленій и въ объясненіе ихъ. На соображенія разума долженъ быть и отвѣтъ съ этой же точки зрѣнія, т. е. надобно разбирать эти доводы и показать несостоятельность ихъ съ естественной точки зрѣнія.

Послѣ всего этого спиритское ученіе не потребуетъ уже нарочитаго опроверженія себѣ; вполнѣ достаточно будетъ показать его дѣйствительное, въ собственномъ смыслѣ подлинное (недухосообщенное, а просто человѣческое) происхожденіе, и представить объясненіе настоящаго характера спиритизма и его образованія, чтобы дать ему полную, надлежащую оцѣнку, показать его явленіемъ ложнымъ, и тѣмъ отнять у него силу къ увлеченію за собою легковѣрныхъ. Такого отношенія къ спиритизму, какое указали мы, могло бы быть достаточно, судя по тому, за что выдаетъ себя спиритизмъ. Но мы сдѣлаемъ больше: разоблачивши указаннымъ путемъ (исторіей, разборомъ фактовъ и теоріи и нѣкоторыми недостойными духовъ несообразностями изъ ученія спиритскаго) ложь спиритизма о дѣйствіи въ немъ духовъ и о его происхожденіи отъ нихъ, мы разсмотримъ и оцѣнимъ и подлинную его физіономію, его настоящій духъ и характеръ, со всѣмъ его содержаніемъ.

Показавъ предварительно, съ чѣмъ будемъ имѣть дѣло и какъ будемъ вести его, предпошлемъ теперь самому разбору и объясненію спиритизма нѣкоторые фак-

ты изъ внѣшней исторіи его возникновенія и распространенія,—факты, могущіе съ своей стороны весьма много также послужить къ раскрытію подлиннаго характера спиритизма и къ опредѣленію качествъ послѣдователей и дѣятелей его—спиритовъ (1).

II.

Спиритизмъ первоначально возникъ и распространился въ Америкѣ (сѣверной) и оттуда перешолъ въ Европу. Приведемъ характеристику его и изображеніе произведеннаго имъ дѣйствія въ сѣверо-американскомъ обществѣ въ первую пору его появленія—по оффиціальному общественному документу.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ (1850—1853) въ за-

(1) Источниками свѣдѣній о спиритизмѣ будутъ служить: для первоначальныхъ фактовъ исторіи его—«*Histoire du merveilleux dans les temps modernes. t.* IV-ème (les tables tournantes, les mediums et les esprits)—par *Louis Figuier*. (Paris 1860); для опредѣленія характера и содержанія спиритизма, для критики и объясненія его: *Le livre des esprits* (la profession de foi du spiritisme ou le Credo de ses adeptes), contenant les principes de la doctrine spirite sur la nature des esprits, leur manifestation et leur rapports avec les hommes; les lois morales, la vie presente, la vie future, et l' avenir de l' humanité,—ecrite sous la dictée et publiè par l' ordre d' esprits superieurs»,—par *Allan Kardec* (Paris 1857 и 186.. гг. edit 3 и 7; всѣхъ 9 изданій); «*Le livre des mediums* (spiritisme experimental),—guide des mediums et des évocateurs, contenant l' enseignement speciale des esprits sur la thèorie de tous les genres de manifestations, les moyens de communiquer avec le monde invisible et de developer la faculté medianimique, les difficultés et les écueils, que l' on peut rencontrer dans la pratique du spiritisme»—p. A. *Kardec*, edit 5 (Paris 186...); «*Revelations du monde des esprits*—dissertations spirites, obtenus par *J. Roze medium*,—I-ère série, contenant des communications sur l' astronomie, les sciences—par l' esprit d' Arago,—des conseils etc, par divers esprits; II-éme partie—Psychologie, morale, paraboles, variétés; III-ème p.—des commentaires sur les quatre

конодательное собраніе сѣверо-американскаго Союза былъ поданъ адресъ за подписью четырнадцати тысячъ гражданъ, между которыми много было именъ, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ въ странѣ. Адресъ былъ вызванъ распространявшимся въ Америкѣ, какимъ то новымъ, непонятнымъ и необычайнымъ явленіемъ. Граждане высказывали въ адресѣ свое безпокойство и невѣдѣніе, что имъ думать, во что вѣрить и какъ вести себя, при возникшемъ и разливавшемся странномъ движеніи. Они просили или совѣта и нравственной помощи себѣ, для сопротивленія усиливавшемуся опасному и темному новому стремленію, или же напротивъ—законной авторизаціи для подчиненія ему вмѣстѣ съ другими.

„Нижеподписавшіеся граждане республики Соединен-

Evangiles» (Paris 1862); «*Sermons sur le spiritisme*—préchés à la cathedrale de Metz les 27—30 Mai 1863 an. par le R. P. Letierce—*réfutés par un spirite de Metz»*.... (1863. Paris et Metz); «*Reponses aux sermons contre le spiritisme*—prêchés par R. P. Nicomede.... 15, 16, 23, 30 aug. et 6 sept. 1863 dans l' Eglise de Willenav-de-Rions,—*par les spirites de Willenav-de-Rions»* (Bordeaux. 1863); «*Le spiritisme sans les esprits»*, p. un spirite (Paris 1863); «*Revelations sur ma vie surnaturelle»*. par Daniel Dunglas Hume (1863); «*Revue spirite* (журналъ издающійся 9-й годъ). Еще имѣлось подъ руками: «*Изложеніе спиритскихъ догматовъ»*, или «Догматы Христовой Церкви, изложенные согласно спиритическому ученію», «*Нравственныя начала*, извлеченныя изъ спиритскаго ученія», «*Записка о непрепятствованіи распространенію спиритическаго ученія»*,—(всѣ три произведенія русскаго спирита въ рукописяхъ на русскомъ языкѣ;—изъ нихъ первое, въ переводѣ на французскій языкъ, имѣетъ быть напечатано въ Парижѣ), и «*Спиритизмъ»* (особый оттискъ) статья подъ тѣмъ же заглавіемъ въ журн. «Радуга» кн. 5 и 6—Аполлона Болтина. Позднѣе помянутыхъ вышла спиритская книга «Imitation *de P. Evangile selon le spiritisme»*, contenant l' explication des maximes morales du Christ, leur concordance avec le spiritisme et leur application aux diverses positions de la vie,—par A. Kardec (1864).

ныхъ Американскихъ Штатовъ, — говорилось въ адресѣ, почтительнѣйше представляютъ почтенному собранію, что въ нашей странѣ и почти во всѣхъ странахъ Европы, въ продолженіе очень немногаго времени, быстро распространились и продолжаютъ распространяться извѣстныя явленія — physiques et intellectuels — начала сомнительнаго и стремленія таинственнаго. Явленія эти такъ размножились и усилились на сѣверѣ, въ центрѣ и на западѣ Соединенныхъ Штатовъ, что ими живо и сильно занято теперь общественное вниманіе".

Далѣе слѣдуетъ въ адресѣ описаніе и характеристика явленій (phènomènes).

1) „Какая-то скрытая, тайная сила передвигаетъ съ мѣста на мѣсто, поднимаетъ вверхъ и опускаетъ внизъ, держитъ на воздухѣ, или приводитъ въ сотрясеніе и другими разными способами измѣняетъ нормальное положеніе многихъ, даже тяжеловѣсныхъ предметовъ. Будучи, по видимому, въ своихъ обнаруженіяхъ въ прямомъ и совершенномъ противорѣчіи съ естественными законами и превышая силы человѣческаго пониманія, эта сила обнаруживается на тысячахъ лицъ здраво мыслящихъ и умныхъ, и человѣческій смыслъ до сихъ поръ еще не успѣлъ открыть первыхъ или хотя приблизительныхъ причинъ явленій, связанныхъ съ этою загадочною силою".

2) „Искры и сіянья различныхъ формъ и перемѣнныхъ цвѣтовъ появляются въ темныхъ залахъ, гдѣ не находится ничего такого, что бы способно было развить какое либо химическое дѣйствіе и явленіе или произвести фосфорическое освѣщеніе, и гдѣ нѣтъ никакого прибора, могущаго возбудить электричество или произвести горѣніе".

3) „Третій родъ явленій, на которыя податели адреса почтительнѣйше обращаютъ вниманіе собранія, составляютъ звуки, весьма часто и быстро повторяющіеся, до странности разнообразные по характеру и болѣе или менѣе значительные по силѣ. Звуки эти состоятъ отчасти въ какихъ-то таинственныхъ пристукиваньяхъ (tapotements), свидѣтельствующихъ, по видимому объ образномъ выраженіи въ нихъ какого то смысла или разумнаго значенья (intelligence). Кромѣ того часто слышатся звуки, похожіе на тѣ, какіе раздаются въ разныхъ механическихъ мастерскихъ, или бываетъ слышенъ шумъ какъ бы отъ вѣтра и бури, къ которому примѣшивается что-то похожее на скрипъ мачтъ и звуки на поверхности корабля, борющагося съ сильною бурей и поражаемаго крѣпкими ударами стремительныхъ волнъ. Иногда бываютъ громкіе удары, подобные раскатамъ грома или залпамъ артиллеріи, и эти удары сопровождаются движеніемъ (mouvement oscillatoire) окружающихъ предметовъ, иногда колебаніемъ и сильнымъ сотрясеніемъ цѣлаго дома, гдѣ происходятъ явленія. Въ другихъ случаяхъ плѣняютъ слухъ гармоничные звуки, то какъ человѣческіе голоса, а чаще какъ аккорды многихъ музыкальныхъ инструментовъ: флейты, барабана, трубы, гитары, арфы и піано. Всѣ эти звуки производятся таинственно, и совмѣстно и порознь, то вовсе безъ инструментовъ, то отъ сотрясенія и игры ихъ однихъ, безъ всякаго видимаго участія человѣческой руки или другаго какого дѣятеля. Образованіе этихъ звуковъ совершается, какъ кажется, по способамъ и законамъ, извѣстнымъ въ акустикѣ. Происходятъ, очевидно, волнообразныя движенія въ воздухѣ, которыя ударяютъ въ слуховые нервы и въ *сѣда-*

лище чувствительности слуха; но начала этихъ атмосферическихъ сотрясеній и волнованій не открываютъ объясненія самыхъ строгихъ наблюдателей".

4) „Тѣлесныя и душевныя отправленія человѣка (отъ экзерцицій въ описываемыхъ явленіяхъ) часто подвергаются страннымъ вліяніямъ, такъ что состояніе цѣлой (животно-органической или душевной) системы становится не нормальнымъ; и это происходитъ отъ причинъ, не опредѣленныхъ достаточно и понятно. Невидимая сила часто повреждаетъ нормальное по нашимъ понятіямъ отправленіе нашихъ способностей, прерываетъ чувствительность, останавливаетъ силу произвольнаго движенія, понижаетъ температуру членовъ и частей тѣла до холодности и оцѣпѣненія трупа. Иногда дыханіе задерживается совершенно въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и цѣлыхъ дней, послѣ которыхъ силы духа и отправленія тѣла возвращаютъ вполнѣ свой правильный ходъ. Можно утвердительно сказать, что въ многочисленныхъ случаяхъ явленія эти сопровождаются навсегда душевнымъ разстройствомъ и неизлѣчимыми тѣлесными болѣзнями; но не менѣе вѣрно то, что многія лица, страдавшія органическими недостатками и поврежденіями или застарѣлыми болѣзнями и, по видимому, неизлѣчимые, внезапно получали облегченіе и даже совершенно исцѣлялись силою того же таинственнаго дѣятеля".

„Кстати указать при этомъ,—продолжаютъ тѣ же податели адреса,—на всѣ главныя гипотезы, которыми пытаются объяснить эти загадочные и замѣчательные феномены. Одна приписываетъ ихъ силѣ и вліянію духовъ (или душъ умершихъ людей), дѣйствующихъ чрезъ тонкіе, невѣсомые элементы, проникающіе всѣ мате-

ріальныя формы. Нужно замѣтить, что это объясненіе согласно съ претензіями самихъ таинственныхъ агентовъ. Въ ряду принимающихъ эту гипотезу находится большое число нашихъ согражданъ, равно отличныхъ какъ по ихъ воспитанію, нравственнымъ и умственнымъ достоинствамъ, такъ и по превосходству общественнаго положенія и по политическому значенію ихъ. Другіе, во всѣхъ отношеніяхъ не менѣе замѣчательные люди, отвергаютъ это объясненіе и держатся того мнѣнія, будто извѣстныя начала физики и метафизики дадутъ возможность ученымъ изслѣдователямъ сдѣлать отчетъ о всѣхъ фактахъ, о которыхъ идетъ рѣчь,—отчетъ удовлетворительный и раціональный. Хотя, можетъ быть, и нельзя сразу и вполнѣ согласиться съ послѣдними, и пусть даже относительно вѣроятныхъ причинъ вышеописанныхъ явленій возможны, по нашему мнѣнію, другія уважительныя и очень различныя отъ указанныхъ заключеній; тѣмъ не менѣе мы почтительно представляемъ благородному собранію, что феномены, о которыхъ у насъ вопросъ, существуютъ слишкомъ дѣйствительно, и что таинственное происхожденіе ихъ, ихъ странныя свойства и не маловажное дѣйствіе на интересы рода человѣческаго требуютъ изслѣдованія терпѣливаго, ученаго, глубокаго".

„Нельзя резонно утрицать, чтобы разнообразныя явленія, о которыхъ говоримъ, не повели за собою важныхъ и продолжительныхъ послѣдствій, постепенно разстроивая физическое состояніе, умственныя отправленія и нравственный характеръ большой части американскаго народа. Явно, что эти скрытыя силы оказываютъ вліяніе на существенныя начала здоровья и жизни, мысли и поведенія, и по этому самому могутъ

послужить къ измѣненію условій нашего существованія, къ измѣненію вѣры и философіи нашего времени, равно какъ и гражданскаго управленія".

За тѣмъ въ адресѣ говорится, что подписавшіе его граждане, „согласно съ духомъ постановленій союза („во всѣхъ вопросахъ, обѣщающихъ повести за собою открытіе новыхъ началъ и произвесть важныя, особенныя послѣдствія для народа и человѣчества вообще, обращаться къ народнымъ представителямъ"),—усильно просятъ о наставленіи ихъ въ данномъ случаѣ и о полномъ изслѣдованіи дѣла со стороны нарочитой коммиссіи, высказывая увѣренность съ своей стороны, что отъ послѣдствій испрашиваемыхъ ими изысканій пріобрѣтутъ большую пользу успѣхи знанія и истинные интересы человѣчества.

Въ концѣ концевъ искателямъ хотѣлось получить отъ федеральнаго конгресса или „осужденіе ереси *кружащихся столовъ* (des tables tournantes)" или же догматическое опредѣленіе и утвержденіе этой *новой тайны* (de ce mystère nouveau) (¹).

Въ адресѣ говорилось о спиритизмѣ въ его первой, начальной формѣ развитія. И вотъ какъ смотрѣла на него и относилась къ нему одна, довольно не малочисленная часть американскаго общества (представители которой были податели адреса). Съ другой стороны вотъ какому подпала вліянію его, какъ была увлечена

(¹) Histoire du merveilleux dans les temps modernes, par Louis Figuier (Paris 1860). Tome IV-me,—les tables tournantes, les mediums et les esprits, chap. XII p. 231-234. Послѣдующая историческая характеристика предмета съ фактической стороны будетъ заимствована нами по большей части изъ того же источника.

имъ другая большая часть того же общества (о которой говорилось въ адресѣ). И это произошло, какъ увидимъ, въ продолженіе всего какихъ нибудь трехъ, четырехъ лѣтъ. На сколько вѣрно восприняты, точно и подлинно переданы странныя явленія, о которыхъ идетъ рѣчь въ адресѣ, особливо когда явленія эти называются не прямыми именами, а представляются въ образахъ и сравненіяхъ, какъ напримѣръ звуки и сіянья, относительно этого, ни мало не заподозривая благонамѣренной искренности подателей адреса, нужно однако не спѣшить вѣрить имъ; такъ какъ въ свидѣтельствованіи о явленіяхъ того или подобнаго рода, по поводу которыхъ былъ адресъ, у самихъ даже очевидцевъ, какъ увидимъ послѣ, много можетъ присходить субъективнаго, условнаго, совершенно безъ вѣдома и намѣренія свидѣтелей. Какъ бы то ни было, но явленіе возбудило сильное вниманіе къ себѣ, быстро и широко раскинулось. Однихъ и очень многихъ оно совершенно увлекло собою, сдѣлавши ихъ своими рабскими жертвами и слѣпо преданными служителями. Въ другихъ, довольно также многихъ, произвело недоумѣніе, колебаніе,—что дѣлать, какъ поставить себя въ отношеніи къ явленію, на какую стать сторону? Ложно представляемое первыми, оно оставалось также непонятнымъ для послѣднихъ, но не безъ вліянія на довѣріе и съ ихъ стороны, какъ это показываютъ уже недоумѣніе и колеблемость, выраженныя въ адресѣ.

Начало явленія и первый ходъ развитія его были совсѣмъ не таковы, какъ слѣдовало бы предполагать по послѣдующему вліянію и значенію явленія. Оно вышло (такъ представляется въ исторіи Фигье) изъ обстоятельства совершенно случайнаго, слишкомъ мелочнаго,

частнаго, безъ всякихъ приготовительныхъ причинъ, безъ всякихъ разумныхъ побужденій и поводовъ, чего не бываетъ съ явленіями, дѣйствительно назначенными играть видную роль въ судьбахъ человѣчества, произвести важныя и необходимыя послѣдствія въ какой нибудь области человѣческой жизни. Только неразлучная съ явленіемъ странность его—одна изъ характерныхъ его особенностей во все послѣдующее время, вполнѣ выразилась и въ самомъ началѣ явленія и представляетъ въ себѣ связь и соотвѣтствіе между началомъ явленія и его продолженіемъ.

Вотъ какъ представляется дѣло у Фигье въ его „Histoire du merveilleux dans les temps modernes“ (t. IV. chap. XII и дал.)

Въ 1846 году въ Кантонѣ Acadie, въ графствѣ Wagne въ селеніи Hydesville, нѣкто Michel Weckman, ни съ того ни съ сего, сталъ слышать по вечерамъ стукъ въ наружныя двери своего дома. Онъ выходилъ на стукъ, отворялъ двери, осматривалъ, и никого не находилъ за ними, подстерегалъ, и ни чего не замѣчалъ. Такъ продолжалось довольно долго; безпокоимый жилецъ дома мало по малу привыкъ къ страннымъ и, по видимому, безпричиннымъ, повторявшимся стукамъ, и пересталъ обращать вниманіе на нихъ. Но начавшееся, спустя нѣсколько времени, движеніе и перемѣщеніе мебели въ домѣ, безъ всякаго видимаго чьего нибудь участія, подъ вліяніемъ лишь какой-то скрытой силы, навело страхъ на Weckman-а съ семействомъ, и онъ оставилъ домъ, не разглашая происходившихъ въ немъ странностей. Домъ этотъ заняла фамилія Fox. Странныя явленія въ домѣ продолжались и при новыхъ жильцахъ, и были слышимы и видимы сначала двумя только молодыми

дѣвицами, изъ поселившагося въ немъ семейства, Катериною (14 л.) и Маргаритою (12 л.) Fox, и именно въ то время, когда дѣвицы однѣ отходили ко сну въ свою комнату. Сдѣлавши участницей секрета мать свою, они вмѣстѣ съ нею скоро освоились съ невидимыми и докучливыми нарушителями ночнаго покоя ихъ. Не находя какихъ нибудь естественныхъ причинъ къ объясненію того, что видѣлось и слышалось, и подъ вліяніемъ подстрекавшаго ихъ любопытства, въ одну ночь въ мартѣ 1848 уже года, m-me Fox осмѣлилась обратиться съ вопросами къ стѣнѣ, гдѣ казалось избрали помѣщеніе невидимые гости. Кѣмъ производится этотъ стукъ?—былъ сдѣланъ вопросъ. — Отвѣта не послѣдовало никакого. Живымъ ли лицомъ?—продолжали спрашивать.—Опять отвѣта не было. „Или умершимъ?"—послышался одинъ ударъ. „Несчастный это духъ"? — опять одинъ ударъ. „Несчастенъ онъ за себя, или за свое семейство?" — Молчаніе. „Сколько лѣтъ моей старшей дочери"?—спросила мать дѣвицъ. — Четырнадцать ударовъ. „А младшей"?—Двѣнадцать ударовъ. Число ударовъ въ точности соотвѣтствовало годамъ обѣихъ сестеръ. Послѣ этотъ духъ, при томъ же способѣ бесѣды, открылъ будто свое имя и то, что онъ былъ отцомъ многочисленняго семейства, изъ котораго пять сыновей были живы еще и въ то время, и даже назвалъ человѣка, убившаго его пять лѣтъ тому назадъ въ этомъ же самомъ домѣ. Но бывшіе вслѣдъ за тѣмъ по поводу этого сообщенія розыски не открыли кажется ничего удовлетворительнаго, что бы подтверждало необычайнымъ образомъ самимъ убитымъ оглашенное убійство (стр. 221 и 223).

Остановимся пока на этомъ. Фигье передаетъ эти свѣдѣнія безъ всякой критики ихъ; но не трудно ука-

зать невѣрность первыхъ исходныхъ фактовъ спиритской исторіи. Въ приведенномъ разговорѣ, чтобы получить отвѣтъ отъ таинственнаго собесѣдника, нужно напередъ, чтобы содержаніе отвѣта выразилось въ самомъ вопросѣ, нужно значитъ предугадать возможный отвѣтъ со стороны спрашиваемаго, нужно напередъ знать, что и какъ спросить его; а для этого надобно имѣть основаніе какое нибудь, необходимо прежде знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и напередъ представлять себѣ то, что имѣетъ быть въ отвѣтѣ, для того чтобы напередъ же выразить это отвѣтчику въ формѣ вопроса, безъ чего, вмѣсто всякаго отвѣта, спрашиваемый собесѣдникъ хранитъ упорное молчаніе. Со втораго жъ вопроса m-me Fox прямо выпытываетъ, по видимому, у своего страннаго собесѣдника,—если онъ не живое лицо, то не духъ ли умершаго человѣка и не несчастный-ли онъ духъ? При полной непонятности происхожденія бывшихъ до того стуковъ, слишкомъ трудно, безъ всякаго указанія съ ихъ стороны, ни съ того ни съ сего, придти къ мысли, не духъ ли какого нибудь умершаго производитъ эти стуки и такимъ страннымъ образомъ думаетъ войти въ сообщеніе съ живущими людьми? Тѣмъ болѣе это трудно, что спрашиваемый на первые два вопроса не отвѣтилъ ничего и, значитъ, не далъ никакого повода и намека съ своей стороны предположить въ немъ живое и разумное существо, а между тѣмъ второй, третій и четвертый вопросы показываютъ, что его личность, не смотря на первоначальное его молчаніе, предугадывается и предполагается уже, тогда какъ на самомъ дѣлѣ не съ чего было придти къ мысли о самомъ даже обращеніи съ вопросами къ чему-то неизвѣстному и непонятному; стукъ, трескъ или шумъ въ стѣнѣ самъ

по себѣ ни мало не ведетъ къ предположенію возможности и надобности отозваться на это явленіе обращеніемъ къ разговору, какъ бы съ лицомъ живымъ и разумнымъ. Очевидно, что въ приведенномъ разговорѣ допущеніе возможности или предположеніе, что души умершихъ людей лично могутъ приходить въ особенную близость къ живымъ людямъ, искать обыкновеннаго, виднаго. личнаго общенія съ ними, по собственному ли несчастію, или по другимъ какимъ побужденіямъ, равно какъ заявлять о своемъ присутствіи и вызывать людей на бесѣду съ собою стуками, движеніемъ мебели и подобнымъ, несвойственнымъ духамъ и вовсе не духовнымъ образомъ,—это предположеніе должно быть заранѣе сложившимся и готовымъ уже въ мысляхъ m-me Fox, и изъ него-то и вышло ея обращеніе съ вопросами какъ бы къ опредѣленному лицу, по поводу бывшихъ стуковъ. Словомъ г-жа Fox напередъ уже предполагала или представляла себѣ, съ кѣмъ имѣетъ или лучше *съ кѣмъ хотѣла имѣть* дѣло, что и выразила ясно въ своихъ вопросахъ.

Далѣе, за вопросомъ и отвѣтомъ о лѣтахъ дѣвицъ Fox, въ разговорѣ слѣдуетъ спросъ и объявленіе о положеніи *духа* въ здѣшней земной жизни, о его мѣстожительствѣ, семействѣ, объ образѣ смерти и объ убійцѣ его. При оказавшейся въ разговорѣ способности *духа* отвѣчать извѣстнымъ образомъ на тѣ лишь вопросы, въ формѣ которыхъ напередъ заключено уже содержаніе отвѣта, нельзя представлять этой части бесѣды въ другой какой нибудь формѣ, кромѣ слѣдующей: „ты былъ отцомъ большаго семейства“?—одинъ ударъ (да!) „И жилъ въ этомъ самомъ домѣ“?—одинъ ударъ. „Умеръ не естественною смертію“?—одинъ стукъ. „Былъ

убитъ"?—то-же. „Въ этомъ домѣ"?—тоже. „Не такимъ ли-то лицомъ"?—одинъ стукъ. Или въ раздѣлительной формѣ: „не такимъ ли, не такимъ ли, не такимъ ли (названія лицъ)"? Одинъ стукъ послѣ какого нибудь изъ именъ. Вопросовъ меньшей опредѣленности, въ родѣ напримѣръ слѣдующихъ: „какое положеніе или мѣсто занималъ ты въ семействѣ, гдѣ жилъ и умеръ, умеръ какою смертью и кѣмъ былъ убитъ," г-жа Fox предлагать не могла, а если бы и предлагала, то не получала бы на нихъ никакого отвѣта, т. е. за ними не могло бы слѣдовать стука; иначе, все равно, стукъ этотъ былъ бы безсмысленъ и никакого значенія привязать къ нему было бы рѣшительно невозможно. Какъ вполнѣ видно изъ всего выше приведеннаго разговора, *духъ* могъ отвѣчать только стукомъ, какъ бы въ подтвержденіе на вопросъ, когда въ послѣднемъ заключалась точно опредѣленная и полная мысль; въ противномъ случаѣ онъ не стучалъ, да къ чему бы и стучать? Значитъ, всѣ свѣдѣнія о спрашиваемомъ лицѣ должны были быть, да и были конечно напередъ сочинены спрашивавшею госпожею и выражены ею въ вопросительной формѣ для того, чтобы можно было придать нужное значеніе отвѣтному стуку, самому въ себѣ безсодержательному, безразличному и беззначительному, и тѣмъ доставить на мысль или предположеніе вопроса какъбы стороннее утвержденіе.—Разбирая фактъ въ его собственныхъ границахъ, на сколько онъ самъ говоритъ о себѣ, и не заключая изъ него больше, чѣмъ сколько представляется имъ, также не заходя и впередъ въ раскрытіи и въ объясненіи обсуждаемаго явленія, не говоримъ здѣсь о происхожденіи самихъ стуковъ, такъ какъ разсмотрѣнный теперь фактъ еще

не представляетъ въ себѣ опредѣленныхъ и ясно видныхъ данныхъ для рѣшительнаго опредѣленія свойства стуковъ. На этотъ разъ довольно того заключенія изъ разобраннаго факта, которое само собою, безъ всякой натяжки слѣдуетъ изъ него, именно,—что участіе m-me Fox въ приведенномъ разговорѣ слишкомъ велико и не равномѣрно съ участіемъ другаго *таинственнаго мнимаго собесѣдника*; оно гораздо болѣе того, чѣмъ слѣдовало ему быть, при обращеніи съ вопросами о неизвѣстныхъ вещахъ къ лицу дѣйствительному, способному и желающему дѣлать отвѣты.

Слѣдуетъ еще замѣтить относительно страннаго и повидимому совершенно не объяснимаго обстоятельства, бывшаго будто бы съ помянутымъ Weckman—омъ въ домѣ, который послѣ былъ занятъ семействомъ Fox. Къ разгадкѣ этого загадочнаго происшествія достаточно можетъ послужить слѣдующее соображеніе. Weckman, какъ было сказано, оставивъ домъ, гдѣ такъ непостижимо безпокоила его какая-то невидимая сила, „не разглашалъ происходившихъ въ немъ странностей"; а если такъ, то кто же и откуда могъ знать о нихъ? Огласка могла произойти только послѣ того, какъ начали разглашаться извѣстныя экзерциціи знакомыхъ намъ трехъ женщинъ. И очень могло быть, что обстоятельство съ Weckman—омъ было или вполнѣ сочинено, или искажено и преувеличено, и пущено въ ходъ тѣми же женщинами, для которыхъ это было нужно и полезно. Могло это сдѣлаться какъ нибудь и по соглашенію съ Weckman—омъ, могло и безъ соглашенія. Разглашеніе такой исторіи полезно было въ томъ отношеніи, что, зная и вѣря въ нее, на открывшіяся странности и чудеса могли смотрѣть, уже какъ на вещи вовсе не но-

выя, какъ на продолженіе подобныхъ же диковинъ, бывшихъ еще раньше въ томъ же домѣ и при другихъ жильцахъ,—могли, значитъ, смотрѣть болѣе довѣрчиво и не подозрительно. Это нужно было въ началѣ дѣятельности, предпринятой женщинами Fox, для первыхъ успѣховъ, чтобы легче завѣрить и мистифировать первоначальный небольшой кружокъ легковѣровъ и суевѣровъ, и до Weckman—а въ это время (такъ какъ онъ перемѣнилъ мѣсто жительства) могла не дойти пущенная выдумка; а послѣ, когда дѣло причудливыхъ женщинъ расширялось, получало силу, обаяніе и интересъ, овладѣвало довѣрчивостію многихъ и пріобрѣтало все больше и больше отуманенныхъ сторонниковъ, тогда слѣпо занимались уже тѣмъ только, что было въ ходу, а когда-то разсказыванную исторію съ Weckman—омъ могли и оставить совсѣмъ. Правда, Фигье въ своей исторіи сообщаетъ свѣдѣнія по большей части по письменнымъ свидѣтельствамъ; но на этотъ разъ и письменныя свидѣтельства могли произойти только лишь отъ слуха, а слухъ очень могъ быть распущенъ тѣми, для кого онъ былъ нуженъ и полезенъ, кѣмъ былъ и придуманъ. Представленное соображеніе можетъ имѣть теперь смыслъ только не совсѣмъ твердой и не непремѣнно вѣрной, пожалуй—и благовидной, но произвольной догадки, но впослѣдствіи, когда будетъ показано подлинное происхожденіе стуковъ, вѣроятность этой догадки крѣпко подтвердится, такъ что, если не принять ее во всей точности (на безусловно-непогрѣшимую точность впрочемъ она очевидно и претендовать не можетъ), то нужно будетъ, и съ полнымъ правомъ, предположить на ея мѣсто что нибудь подобное же, что бы давало непремѣнно такой, а не другой видъ дѣлу.

Продолжимъ прерванный разсказъ. Странныя явленія, при участіи Fox, быстро оглашались, привлекали любопытныхъ, желавшихъ повѣрить ходившіе слухи и испытать на дѣлѣ диковинныя вещи. Явленія стали повторяться чаще и чаще, одни опыты вызывали другіе, и запросовъ на нихъ становилось все больше. Вопросы мало по малу предлагались разнообразнѣе, и отвѣты получались удовлетворительнѣе; послѣдніе не ограничивались уже однимъ только стукомъ въ знакъ утвержденія и молчаніемъ въ томъ случаѣ. когда вопросы были неопредѣленными и требовали довольно сложныхъ отвѣтовъ, и когда въ вопросѣ не заключалось напередъ отвѣтной мысли, когда, словомъ, отвѣтъ долженъ быть больше и иначе. чѣмъ только *да* и *нѣтъ*, какъ это было въ приведенномъ выше разговорѣ. Извѣстное дѣло, отъ упражненія развивается и совершенствуется всякая сила и способность, практикой пріобрѣтается искусство, счастливо сошедшіе опыты обнадеживаютъ и воодушевляютъ экспериментаторовъ и движутъ впередъ предпринятую ими дѣятельность или спекуляцію.

Къ двумъ сестрамъ Fox (мать скоро сошла со сцены) присоединилась третья, старшая сестра Fish, скоро потомъ Brown (по приказанью или по совѣту духа, она развелась съ первымъ мужемъ-старикомъ, единственно изъ-за его неравенства съ нею въ лѣтахъ, и вышла за молодаго. Духъ былъ очень внимателенъ къ расположеніямъ требовательной молодости и, конечно, съ большою и желанною выгодою для Fish, освободилъ ее своимъ вмѣшательствомъ отъ сообщества холодной, не любезной для нея старости). Театръ загадочныхъ представленій перенесенъ былъ въ Рочестеръ, въ домъ старшей сестры (1848 г.), гдѣ, при многолюдствѣ го-

родскаго населенія, очевидно, могло быть болѣе разсчета на широту и успѣшность практики. Необыкновенныя явленія перестали быть привязаны къ одному извѣстному мѣсту, какъ казалось это прежде; теперь они связались съ опредѣленными лицами, связались неразрывно и скоро пошли съ ними путешествовать по всему міру, обкрадывая вѣру легковѣрныхъ, прельщая и покоряя себѣ мягкія. слабыя и мечтательныя души. Но тогда, на первыхъ порахъ, не замѣчали этой подозрительной, исключительной связи явленій съ лицами. Три сестры явились первыми, особенно популярными и почитаемыми. ревнительницами и сивиллами новаго явленія, скоро образовавшаго себѣ цѣлую доктрину. Въ странѣ такой положительной и практической, какова сѣверная Америка, гдѣ деньги составляютъ все, семейство Fox, теперь съ Fish или Brown во главѣ, очень скоро и хорошо поняло (если только не представляло этого раньше), что необыкновенная репутація, распространявшаяся о немъ изъ города въ городъ, можетъ послужить весьма выгоднымъ и легкимъ средствомъ къ обогащенію. Въ этихъ видахъ, поощряемыя легковѣріемъ, сестры: Fish-Brown и Катерина съ Маргаритою Fox объявили съ своей стороны полное пониманіе таинственныхъ стуковъ, движеній и пр. и обладаніе словаремъ для истолкованія непонятныхъ явленій и знаковъ, и рѣшительно увѣряли, словами и практикой, въ своемъ посвященіи въ „новую тайну“. Движенье (danse) мебели и другія необыкновенныя видѣнья, равно какъ и звуки, происходившіе въ комнатѣ трехъ сестеръ, истолковывались ими, какъ заявленія о себѣ душъ умершихъ людей. искавшихъ бесѣды съ оставшимися на землѣ родственниками и друзьями ихъ. Въ домѣ Fish-

Brown открылось публичное бюро „*духосообщеній*“, куда каждый могъ приходить и куда дѣйствительно стремилось множество любопытныхъ и легковѣрныхъ, для разговора съ душами когда-то близкихъ и дорогихъ лицъ. Эти довѣрчивые люди, безъ всякаго подозрѣнія, щедро сносили доллары въ кассу сестеръ-спекуляторшъ и выходили, простодушные, вполнѣ удовлетворенными всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ въ пресловутомъ жилищѣ новыхъ сивиллъ, весьма много этимъ поощряя ихъ въ дальнѣйшемъ разыгрываньи принятой ими роли.

Приведенный выше адресъ не имѣлъ желанныхъ и вообще никакихъ видныхъ послѣдствій. Это потому, что практика трехъ сестеръ и явленія, происходившія подъ ихъ управленіемъ, или, какъ казалось тогда, только въ ихъ присутствіи, успѣли уже къ тому времени значительно отуманить головы большинства оффиціальныхъ, вліятельныхъ и образованныхъ лицъ. Не только гражданскія, но и многія церковныя власти и правители (такъ говорится у Фигье) склонны были видѣть въ усиливавшемся явленіи что-то въ родѣ новаго *откровенія*, не заподозривая подлинности происхожденія его и вѣря въ его духовный „спиритическій“ характеръ (гл. XII, 225). Сами податели адреса не обнаружили въ немъ большаго недовѣрія или подозрѣнія къ дѣлу, о которомъ представляли законодательному собранію, не говоря уже о чемъ нибудь большемъ недовѣрія только или подозрѣнія. Они выражали только недоумѣніе, вслѣдствіе новизны и необычайности явленія, и не рѣшались признать его и послѣдовать ему, подобно другимъ изъ согражданъ, безъ предварительнаго оффиціальнаго изслѣдованія и опредѣленія о немъ; но не высказали съ своей стороны осужденія явленію или от-

вращенія отъ него. Правда, они выражались о явленіи, что его „начало сомнительно, природа странна и стремленія таинственны“, и испрашивали у конгресса совѣта и нравственной помощи для сопротивленія усиливавшемуся новому стремленію и осужденія ему, какъ ереси. Но они же говорили и то, что „нельзя резонно отрицать, чтобъ явленіе не имѣло назначенья (!) произвести важныя и продолжительныя послѣдствія для человѣчества, измѣнить условія нашего существованія, вѣру и философію нашего времени, равно какъ и гражданское управленіе“. Вмѣстѣ съ этимъ они высказывали увѣренность, что „отъ испрашиваемаго ими обслѣдованія дѣла пріобрѣтутъ большую пользу успѣхи знанія и истинные интересы человѣчества“. Наконецъ, въ случаѣ, если явленіе не будетъ подлежать осужденію (что также признавалось возможнымъ), податели адреса просили о догматическомъ утвержденіи „новой тайны“ для всего народа и законной авторизаціи для послѣдованія ей. Въ адресѣ не выражалось замѣтно большаго различія между осужденіемъ и утвержденіемъ явленія, а испрашивалось только что нибудь одно изъ двухъ (конечно, болѣе справедливое), чтобы не оставаться дольше въ невѣдѣніи, какъ отнестись къ новому явленію. При такомъ отношеніи общества къ явленію, если не могло послѣдовать законнаго опредѣленія на признаніе его, такъ какъ имъ были увлечены только, а еще не одурачены совершенно, да при этомъ и понимали его на столько, что признавать-то въ немъ, собственно говоря, было еще нечего; то съ другой стороны не могло также послѣдовать и формальнаго осужденія явленію; этому препятствовало и увлеченіе многихъ явленіемъ и тоже опять непониманіе его (конечно, чтобы осудить

что нибудь, нужно имѣть о томъ опредѣленное представленіе). Критикѣ еще не удавалось тогда разоблачить *новую тайну*, снять покровъ съ нея, хотя и были эти старанія. Загадочныя явленія очень часто подвергались весьма внимательному испытанію; бывали многочисленныя и торжественныя собранія, гдѣ люди серьезные, съ усерднымъ желаніемъ разъяснить дѣло и не предубѣжденные, даже скептики, трезвостью и мѣткостью взгляда и умѣньемъ надлежащимъ образомъ отнестись къ дѣлу достаточно гарантированные отъ увлеченія и ослѣпленія съ своей стороны, равно какъ отъ продѣлокъ и обмана со стороны испытуемыхъ, внимательно и зорко слѣдили за поведеніемъ пресловутыхъ посредницъ (mediums) съ невидимымъ міромъ, находчиво предупреждая всѣ малѣйшія обстоятельства, могшія благопріятствовать тонкому, искусному обману со стороны сестеръ. И при всемъ этомъ, явленія происходили все разнообразнѣе и поразительнѣе, и строгіе наблюдатели и контролеры склоняли головы предъ непонятнымъ и страннымъ, но устойчивымъ, не сдающимся имъ фактомъ. И не удивительно! По отношенію къ такого рода явленіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь, мало еще вышепомянутыхъ качествъ для испытателей ихъ; нужно при этомъ многократное наблюденіе и точное изслѣдованіе фактовъ, примѣненіе къ нимъ, въ видѣ пробныхъ опытовъ, разныхъ возможныхъ началъ и извѣстныхъ законовъ, и проч. Вообще, серьезное и трезвое наблюденіе людей, пожалуй, способныхъ и свѣдущихъ,—не то же, что научное, основательное и полное изученіе и изслѣдованіе, а послѣднему, какъ это само собою понятно, еще не можетъ быть мѣста при двухъ-трехъ наблюденіяхъ факта, положимъ, и внимательныхъ, но все же

болѣе или менѣе поверхностныхъ, не всестороннихъ, не глубокихъ и не тонкихъ. Можетъ быть успѣшному испытанію явленій препятствовало еще и то обстоятельство, что собранія, на которыхъ явленія испытывались, были „многочисленны и торжественны" и имѣли болѣе или менѣе театральный характеръ. Какъ бы то ни было, а испытанія были такъ неблагопріятны для желанной разгадки странныхъ явленій, что многіе изъ испытателей, прежде скептически относившіеся къ новоявившейся „тайнѣ" *духосвобщеній*, послѣ испытанья и провѣрки явленій ея, прямо и рѣшительно становились на сторону обезоружившихъ ихъ сестеръ-искусницъ и побѣдившаго ихъ факта, дѣлаясь за тѣмъ жаркими и убѣжденными ревнителями и проповѣдниками неразоблачимой и непреоборимой, какъ имъ казалось, „новой тайны". И скоро много появилось у нея такихъ служителей и пропагандистовъ, ревниво оспаривавшихъ у трехъ сестеръ широту практики и предпочтеніе публики. Особенную извѣстность между ними получилъ John Edmonds-juge à la cour suprême и прежній президентъ сената, предавшійся спиритизму послѣ скептическаго испытанія (1). Расплодившіеся медіумы (посредники съ духовнымъ міромъ), меньше чѣмъ въ годъ, послѣ появленія на сцену извѣстныхъ трехъ сестеръ, наполнили собою всѣ главные города американскаго континента. Но преимущество популярности и практики, равно и обогащенья на счетъ любопытной и довѣрчивой публики, не смотря на такое множество за-

(1) Онъ опубликовалъ свое сочиненіе подъ заглавіемъ „Spiritualisme", первое серьезное заявленіе о спиритскомъ движеніи (du mouvement spiritisme), довольно важное выраженіе спиритскихъ идей и стремленій того времени.

мечтательныхъ конкуррентовъ, оставалось и осталось за дѣвицами Fox и г-жею Brown.

Въ вышеприведенномъ адресѣ американскихъ гражданъ говорилось, что странныя и загадочныя явленія были въ большомъ ходу и силѣ не только въ Америкѣ, но и почти во всѣхъ странахъ Европы. О Европѣ позаботились на этотъ разъ американскіе же дѣятели — мнимые духи. Въ началѣ 1852 года было объявлено распоряженіе духовъ, чтобы всѣ американскіе почитатели ихъ сошлись въ одно общее собраніе въ опредѣленномъ мѣстѣ. Въ адресѣ, составленномъ по этому случаю и опубликованномъ въ „Cleveland Plaindealer“ (29 января 1852 г.), между прочимъ говорилось: „невидимыя существа обѣщаютъ, что, если состоится предлагаемое собраніе въ указанномъ городѣ (Cleveland), они заявятъ свое присутствіе такимъ очевиднымъ и поразительнымъ образомъ, что всѣ сомнѣнія и возраженія скептиковъ будутъ уничтожены навсегда, — они призовутъ также вѣрующихъ изъ—за моря, чтобы духи были вопрошаемы въ этотъ разъ всею землею и чтобы это собраніе въ *городѣ лѣсовъ* послужило пунктомъ соединенія людей въ *религію духовъ* (spiritisme). Распоряженіе о собраніи было сдѣлано очень практично; чрезъ него, очевидно, имѣлось въ виду сблизить и объединить всѣхъ вовлеченныхъ въ спиритизмъ, опредѣлить ихъ интересы и стремленья, представленіемъ соучастія и взаимной поддержки поощрить и усилить ревность служенія ихъ одному общему дѣлу, и такимъ образомъ гарантировать надежный и широкій успѣхъ послѣднему. Предназначенное собраніе дѣйствительно было и за нимъ послѣдовало еще много другихъ въ разныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, городахъ Соединенныхъ Штатовъ; указанная цѣль со-

браній, по отношенію къ американскимъ спиритамъ, конечно была достигнута. Но заморскіе люди (европейцы), не смотря на торжественный призывъ и обѣщанное, конечно очень могущественное, вліяніе со стороны духовъ, не явились однако на конвенцію американскихъ спиритовъ. Такъ какъ *гора* не пришла къ *духамъ*, то сами *духи* направились къ ней; другими словами, американскіе спириты-медіумы перешли Атлантику, чтобы нанести духовъ-*собщителей* въ Европу. Какъ бы и въ самомъ дѣлѣ, по сверхъестественной способности къ перемѣнѣ мѣста, нежданные гости появились въ Европѣ еще вначалѣ 1852 года, когда только—что въ Америкѣ послѣдовало обѣщаніе о призывѣ заморскихъ людей на общеспиритскую конвенцію. Вѣроятно миссіонеры-спириты отправились въ Европу еще раньше выданнаго распоряженія о конвенціи въ Америкѣ. И потому то, конечно, въ помянутомъ адресѣ обѣщался съ такою увѣренностію призывъ вѣрующихъ изъ—за моря. Разсчетъ заправителей спиритскихъ, надо полагать, имѣлъ здѣсь свое основаніе, только не оправдался по своей несоразмѣрности съ основаніемъ. — Едва первый медіумъ высадился въ Шотландіи, какъ тотчасъ же появилось ихъ десять въ Англіи и—почти непосредственно нѣсколько сотъ въ Германіи; въ 1853 году ихъ уже много было въ Парижѣ; за тѣмъ, въ скоромъ времени, они разсѣялись по всѣмъ важнымъ городамъ Европы (Figu. t. IV. c. xiv). Французская публика, всегда особенно склонная къ увлеченію новостями всякаго рода, съ жаромъ бросилась и на диковинную новость *кружащихся* и *гадательныхъ*, или *прорицающихъ столовъ* (des tables tournantes et divinatoires), со всѣми прибавленьями этого явленія. На время все занялось опы-

тами и экзерциціями въ новыхъ необычайныхъ представленіяхъ. Но большинство публики съ увлеченіемъ бросилось на эти опыты и экзерциціи безъ всякой вѣры здѣсь во что нибудь, даже вовсе не разсуждая и не давая никакого отчета себѣ въ происходившихъ странныхъ явленіяхъ; ее увлекла одна только новость и загадочность дѣла и она занималась имъ, подобно, какъ ребенокъ усердно и съ безотчетнымъ интересомъ занимается на первыхъ порахъ какой нибудь новой и диковинной для него игрушкой. И какъ ребенокъ, когда наиграется игрушкой, когда приглядится и надоѣстъ она ему, бросаетъ ее, оставляетъ безъ вниманія то, что прежде такъ много его занимало: такъ же точно отнеслась и французская публика къ гадательнымъ столамъ и другимъ явленіямъ этого рода. Когда первый жаръ остылъ, увлеченье новизной прошло (а это случилось около года спустя послѣ появленія во Франціи спиритовъ-медіумовъ), тогда и охота къ упражненіямъ пропала и столы перестали вертѣться повсюду и ихъ двигатели-*духи* въ большомъ числѣ замолкли и успокоились. Одумавшись, присмотрѣвшись, стали даже называть дурачествомъ серьезное отношеніе къ явленію, которымъ на первыхъ порахъ такъ многіе занимались; стали видѣть ни больше ни меньше, какъ глупость и болѣзненное сумасбродство въ томъ, чтобы соединять съ нимъ разумное значеніе, связывать его съ невидимыми, духовными дѣятелями и ожидать отъ него важныхъ послѣдствій. На самые опыты стали смотрѣть, какъ на фокусы, впрочемъ замѣчательные и оригинальные, основывающіеся на дѣйствіи особенныхъ естественныхъ законовъ и отношеніяхъ силъ (хотя дошли до такого заключенія, нужно сказать, не столько по точ-

ному изслѣдованію дѣла, сколько по вѣроятному, здравомысленному и непосредственному предположенію). Стали замѣчать и послѣдствія отъ занятія спиритскимъ дѣломъ, но послѣдствія не общественныя, а личныя, въ то же время опасныя, болѣзненныя, проявляющіяся разстройствомъ органическихъ и душевныхъ жизненныхъ силъ и отправленій. Но въ то время, какъ большинство публики относилось къ наносымъ явленіямъ съ однимъ лишь легкомысленнымъ и скоро проходящимъ любопытствомъ, интересуясь ими какъ еще не бывалой и невиданной забавой,—нашлось довольно людей, которые отдались дѣлу спиритизма всей душой, съ слѣпою и безграничною довѣренностію приняли спиритскій смыслъ внѣшнихъ загадочныхъ явленій и, очарованные, съ болѣзненно-восторженнымъ увлеченіемъ стали питать и развивать въ себѣ и проповѣдывать другимъ спиритскія идеи и суевѣрія, не смотря на холодныя насмѣшки и предостереженія однихъ и на горячія обличенія и увѣщанія со стороны другихъ. Число увлекавшихся становилось все больше, зараза дѣйствовала скрытно, но успѣшно; появились сочиненія—брошюры и книги, упорядочивавшія, развивавшія и обосновывавшія новыя странныя идеи и стремленья; открылъ пропагандирующую и апологетическую дѣятельность свою извѣстный заправитель спиритизма и спиритовъ Allan Kardec,—и наносный, только что зародившійся, спиритизмъ основалъ во Франціи главную резиденцію свою, центръ своего развитія и распространенія; спириты образовали здѣсь изъ себя особенное общество (la société des spirites въ Парижѣ), съ своими правилами и условіями, съ извѣстнымъ денежнымъ взносомъ и съ спеціальною цѣлію—развивать, пропагандировать и поддерживать спиритизмъ.

Въ протестантскомъ мірѣ былъ нѣсколько другой пріемъ спиритамъ—медіумамъ съ ихъ представленіями и внушаемыми другимъ вѣрованіями. Германія, напримѣръ, издавна и больше, чѣмъ какая либо другая европейская страна, была научно знакома со всѣми такъ называемыми чудесами Индіи, Вавилона, Египта—произведеньями тамошнихъ ученыхъ, жрецовъ и храмовъ; знала она, что всѣ эти чудеса совершались (значитъ—могутъ также совершаться и подобныя имъ) знаніемъ дѣйствій нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ естественныхъ законовъ и взаимныхъ отношеній тѣхъ или другихъ силъ природы. Потому и чудодѣйства новыхъ искусниковъ были встрѣчены въ Германіи, какъ и вообще въ протестантскомъ европейскомъ мірѣ, хладнокровно; на нихъ не бросились здѣсь съ такимъ легкомысленнымъ, какъ во Франціи, увлеченіемъ; они не привлекли здѣсь такого видпаго вниманія къ себѣ, на нихъ большею частію посмотрѣли, какъ на не новыя, давно уже бывалыя, штуки, понимая или угадывая ихъ происхожденіе и характеръ и зная настоящую ихъ цѣну. Но, съ другой стороны, въ Германіи и вообще въ протестантскомъ мірѣ, еще со временъ Канта, были Сведенборгіане—послѣдователи извѣстнаго духовызывателя и ясновидца, также Иллюминаты, Мормоны и другія мистическія общества и направленія, благопріятствовавшія пріему теоретической, доктринарной стороны спиритизма. Такимъ образомъ, новое суевѣрное мнѣніе о сообщеніи съ духами и о полученіи отъ нихъ откровенія, для людей указанныхъ направленій (особенно для послѣдователей Сведенборга), оказалось лишь повтореніемъ и подтвержденіемъ стараго, ихъ собственнаго мнѣнія, въ томъ же или подобномъ родѣ. Этихъ-то, вѣроятно, людей, больше и прем-

де всего, и имѣли въ виду, на нихъ именно и разсчитывали американскіе сочинители адреса, по случаю предназначавшейся общеспиритской конвенціи, когда высказывали въ немъ обѣщаніе и надежду „призвать вѣрующихъ изъ-за моря“. Потому, конечно, что эти люди, по самому характеру своихъ воззрѣній, были, болѣе или менѣе, уже близки къ спиритизму, американскіе спириты-медіумы и ихъ европейскіе собратья и появились въ Шотландіи и Германіи прежде и въ большемъ числѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы.

У насъ въ Россіи спиритизмъ также пріобрѣлъ себѣ ревностныхъ служителей, усердныхъ практикантовъ и слѣпо вѣрующихъ. Нельзя съ опредѣленностью сказать объ образованіи и умноженіи спиритовъ русскихъ и о развитіи у насъ спиритизма. У насъ не было и, конечно, не могло быть адресовъ, какъ заявленій общественнаго мнѣнія, на манеръ американскій, въ духѣ тамошнихъ свободныхъ постановленій; да и само общество наше такъ нечувствительно ко всему, что, происходя въ средѣ его, не причиняетъ только ему матеріальнаго зла. Не встрѣчалъ у насъ спиритизмъ почти никакихъ и обличеній себѣ (какъ во Франціи и Германіи (1), по той простой причинѣ, что въ обществѣ нашемъ, кромѣ самихъ увлекшихся этимъ суевѣрнымъ направленіемъ, ничего почти о немъ не знаютъ, или

(1) Исключая развѣ двухъ-трехъ короткихъ и не весьма обличительныхъ писемъ о спиритизмѣ въ „Дух. Бес.“, какой нибудь легкоостроумной замѣтки въ „Домащ. Бесѣдѣ“, небольшой статейки въ „Радугѣ“ и тамъ же редакторовыхъ замѣчаній на статью А. Болтина,—замѣчаній по направленію критико-полемическихъ, но не сильно обличительныхъ, хотя можетъ быть и усердныхъ. Послѣ появилась еще статейка о спиритизмѣ въ „Духовномъ Вѣстникѣ.“

имѣютъ понятія очень легкія, скудныя, поверхностныя, далеко не соотвѣтствующія дѣйствительному спиритизму. И спиритизмъ вообще и его состояніе въ нашемъ обществѣ въ частности игнорируется у насъ; извѣстны только, бывшія въ пятидесятыхъ годахъ довольно распространенными, экзерциціи (бывшія впрочемъ больше изъ одного простаго любопытства, потому скоро и прекратившіяся) съ кружащимися столиками и пишущими въ нихъ карандашами при извѣстныхъ условіяхъ, и — только почти. А между тѣмъ на этомъ дѣло не остановилось; зараженныхъ спиритскимъ суевѣріемъ (въ смыслѣ религіозной докторины и религіознаго стремленія) довольно есть въ обѣихъ нашихъ столицахъ и въ другихъ городахъ. Есть у насъ не только слѣпо и безотвѣтно преданныя жертвы спиритизма, но и разсуждающіе защитники, апологеты его, свидѣтельствомъ чему служатъ происшедшія отъ нашихъ спиритовъ „изложеніе спиритскихъ догматовъ, нравственныя начала спиритизма, записка о не препятствованіи распространенію спиритическаго ученія (всѣ три въ рукописи) и статья въ Радугѣ „спиритизмъ".

Распространенію и усиленію въ Европѣ и Россіи спиритскихъ экзерцицій и суевѣрій много способствовалъ извѣстный и замѣчательный въ своемъ родѣ чудодѣй Даніилъ Юмъ. Правда, онъ практиковалъ у насъ больше, какъ умышленный по ремеслу фокусникъ, и только эксплуатировалъ легкомысліе и суевѣріе публики въ пользу своей извѣстности и собственнаго кармана. Но по началу своей практики онъ былъ искренній спиритъ, и во всякомъ случаѣ до шарлатанства дошелъ онъ отъ спиритизма. Съ другой стороны, дѣятельность спиритовъ и содержаніе спиритизма вовсе

не исключають изъ себя обмана и дураченья, потому и шарлатанство Юма не лишаеть его характера спирита; только это былъ спиритъ больше экспериментаторъ (spirite expérimentaire) и практикантъ, чѣмъ теоретикъ или доктринеръ (каковыми являются заправители спиритовъ въ послѣднее время) и, нужно сказать, весьма крупный экземпляръ спирита въ своемъ родѣ (спиритовъ, по качеству сознательнаго ихъ отношенія къ дѣлу спиритизма, нужно полагать нѣсколько родовъ, о чемъ будетъ рѣчь послѣ въ своемъ мѣстѣ). И разсказъ о Юмѣ (хотя и краткій по возможности) будетъ довольно характеристиченъ для понятія о природѣ и подлинности происхожденія спиритизма; онъ покажетъ, какъ и при какихъ условіяхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, бываетъ образованіе и возможное видоизмѣненіе спирита (котораго на этотъ разъ будемъ видѣть мы въ лицо); кромѣ того разсказъ этотъ послужитъ пополненіемъ къ представленію внѣшнихъ загадочныхъ феноменовъ, существенно связанныхъ съ нынѣшнимъ спиритизмомъ по началу его.

Даніилъ Дунгласъ Юмъ, родомъ изъ Эдинбурга, воспитывался въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, у своей тетки. Въ дѣтствѣ былъ слабаго здоровья и нервнаго темперамента; рано обнаружилъ живое, увлекающееся и болѣзненно пылкое воображеніе, склонное къ сверхъестественному, къ страннымъ сказкамъ и суевѣріямъ. У него былъ сверстникъ и другъ Эдвинъ, также слабый и задумчивый. Оба съ увлеченіемъ толковали о привидѣніяхъ, о которыхъ наслышались. По условію, заключенному между молодыми суевѣрами, Эдвинъ явился Юму чрезъ три дня по смерти, когда этотъ былъ въ трехъ стахъ миляхъ отъ мѣста смерти и мо-

тивы друга. Такимъ образомъ Юмъ въ тринадцать лѣтъ былъ уже ясновидящимъ (такой фактъ ясновидѣнія, при указанныхъ условіяхъ, очень понятенъ). По словамъ его, у него и мать была ясновидящая (значитъ эта болѣзненная способность у Юма была наслѣдственная); она заранѣе предузнала о времени своей смерти и предупредила сына. Ей явилась умершая дочь ея, маленькая Мери, и, бросивши изъ руки одну за другой четыре лиліи, дала этимъ понять матери, что она умретъ чрезъ четыре мѣсяца (и этотъ фактъ ясновидѣнія также объяснимъ безъ особеннаго затрудненія). Юмъ, жившій у тетки, предчувствовалъ, что мать желаетъ его видѣть, и въ тоже время получилъ отъ нея увѣдомленіе о явленіи сестры; но при смерти матери не могъ быть по болѣзни, и былъ извѣщенъ о ея смерти видѣніемъ, получасомъ прежде телеграммы. Всѣ эти факты мнимаго, такъ называемаго ясновидѣнія, очевидно, были плодомъ суевѣрно—разстроеннаго и крайне возбужденнаго воображенія.

Америкою въ это время владѣли уже *духи*; тысячи медіумовъ обоихъ половъ дѣлили вниманіе публики; въ числѣ ихъ были красивыя женщины, пользовавшіяся большимъ успѣхомъ. Вотъ и въ комнатѣ племянника—Юма, по видимому ни съ того, ни съ сего (такъ казалось теткѣ), принялась трещать и ходить мебель, завертѣлись столы, стали слышны звуки. Почтенная воспитательница скоро къ ужасу своему сообразила, что всѣ эти странности дѣло нечистой силы. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ увѣщаній, преусердно дѣланныхъ племяннику, — оставить недоброе занятіе и страшное сообщество, набожная и напуганная тетка нечаянно вбѣгала въ комнату, гдѣ творились чародѣйства, съ молитвою крестила вер-

тящійся столъ, клала на него Библію, наконецъ вскакивала и садилась на него сама, и — къ большему ужасу и негодованію старухи — столъ вертѣлся будто бы еще легче, быстрѣе и граціознѣе прежняго, (нужно имѣть въ виду, что это передаетъ самъ Юмъ, сдѣлавшій представленіе помянутыхъ и подобныхъ фокусовъ спеціальнымъ своимъ ремесломъ и обратившій его въ широкую и плодоносную спекуляцію, — свидѣтель, значитъ, далеко не вѣроятный). За тѣмъ слѣдовало безуспѣшное увѣщаніе Юма тремя священниками разныхъ исповѣданій, по приглашенію тетки, и наконецъ совершенный разрывъ между набожною теткою и безбожнымъ, дѣлавшимъ, какъ казалось ей, вражія дѣла, илемянникомъ. — Юмъ не объясняетъ нарочито и съ опредѣленностью, какъ онъ дошелъ до состоянія видѣть у себя и производить такія странныя и необычайныя явленія; такое признаніе не въ видахъ его. По его представленію, дѣло произошло какъ-то непостижимо, безъ какой нибудь предварительной и существенной подготовки; что-то постороннее, невидимое и неотразимое дѣйствовало здѣсь; и внѣ его и въ немъ самомъ (словомъ-*духи*, какъ послѣ сталъ онъ признавать). Но дѣло говоритъ само за себя. Природная болѣзненная раздражительность и меланхолическое чувство, мрачное, но живое и чрезъ мѣру производительное воображеніе, воспитаніе въ суевѣрныхъ разсказахъ о привидѣніяхъ и духахъ обусловили и развили въ молодомъ Юмѣ склонность къ чудесному, таинственному, сверхъестественному, образовали въ немъ еще съ дѣтства воспріимчиваго и страстнаго суевѣра. При этомъ образованіе Юма, по собственному его признанію, вслѣдствіе слабости здоровья, было весьма небрежно и недостаточно и доучиться ему не пришлось

никогда (¹). Просвѣщенно-христіанскаго понятія о духахъ, объ образѣ ихъ бытія и дѣятельности, о характерѣ ихъ отношеній къ людямъ и объ условіяхъ ихъ общенія съ людьми, также понятія о человѣческихъ душахъ, объ ихъ состояніи по смерти и объ отношеніи ихъ къ оставленному земному міру, какъ и вообще христіанско-религіозныхъ понятій, въ ихъ чистотѣ и необходимой для просвѣщеннаго христіанина полнотѣ, Юмъ безъ сомнѣнія не получилъ и не имѣлъ. При такомъ крайнемъ невѣжествѣ, тѣмъ легче и больше жило и дѣйствовало съ дѣтства посѣянное въ немъ и пришедшее по характеру ему суевѣріе. Практика американскихъ медіумовъ-спиритовъ и ихъ мистическое объясненіе видимо загадочныхъ и поразительныхъ феноменовъ, происходившихъ въ ихъ присутствіи, а вѣрнѣе производимыхъ ихъ полнымъ участіемъ, представили собою какъ нельзя болѣе подходящій предметъ для исхода и приложенія суевѣрно-мистическаго настроенія Юма. И стоило только Юму, при этихъ условіяхъ, съ возбужденностію, къ которой онъ былъ такъ способенъ, и съ напряженнымъ ожиданіемъ непремѣннаго успѣха, въ видѣ пробнаго опыта, принять на себя роль спирита-экспериментатора: и всѣ внѣшне-спиритскіе феномены могли представляться ему и производиться его собственнымъ участіемъ очень легко, хотя въ то же время безотчетно и безсознательно для него самаго. Та-

(¹) Послѣ впрочемъ Юмъ хвалился препятствіями, мѣшавшими ему пріобрѣсти образованіе, видя въ нихъ признакъ исключительнаго призванія къ *„великому дѣлу“*. „Ничтожная наука, говорилъ онъ, только мѣшаетъ сверхъестественной жизни“. Дѣйствительно, какъ и не воздавать было Юму хвалы и благодаренія невѣжеству, безъ котораго онъ конечно не сдѣлался бы тѣмъ, чѣмъ былъ!

кимъ образомъ дебютантъ-экспериментаторъ сдѣлался во мнѣніи своемъ спиритомъ-медіумомъ; а обманчиво удававшіеся опыты, дѣйствуя обратно, поощряли и укрѣпляли спиритское суевѣріе безсознательнаго виновника ихъ. Частое упражненіе произвело навыкъ, который могъ болѣе или менѣе обнаруживаться и въ болѣе нормальномъ, спокойномъ состояніи экспериментатора-спирита, и, значитъ, сталъ уже подлежать и могъ подчиняться сознанію и анализу съ его стороны. Различая далѣе между возбужденнымъ и болѣе трезвымъ состояніемъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ опыты еще не могли происходить съ такою полнотою, какъ въ первомъ, и по первому состоянію соображая необходимыя условія происхожденія ихъ, Юмъ легко могъ сообразить и средства, чтобы дѣйствовать на другихъ, примѣняя къ нимъ тѣ же условія. А свойственная возмужалому возрасту склонность къ промысламъ для собственнаго обезпеченія, склонность особенно естественная въ Шотландцѣ по рожденію и Американцѣ по мѣсту и образу жизни (каковымъ былъ Юмъ), да еще потерявшемъ право на теткино наслѣдство (вслѣдствіе вышеупомянутаго разрыва), легко могла привести напрактиковавшагося и освоившагося съ дѣломъ Юма къ мысли — сдѣлать изъ своихъ спиритскихъ упражненій ремесло и средство къ обезпеченію и извѣстности, оставляя за ними, по собственному ли, все еще продолжавшемуся суевѣрію, или уже безъ него, необычайность происхожденія и мнимо-спиритскій характеръ. Зная условія, при которыхъ могутъ происходить или казаться только извѣстные феномены, Юмъ могъ научиться тѣмъ же способомъ производить и другіе, подобные имъ. И такимъ образомъ по началу искренне и безотчетно суевѣрный спиритъ,

осмысливши дѣло, сталъ спиритомъ-искусникомъ по ремеслу. Вотъ естественное, если не безусловно вѣрное дѣйствительности, то весьма правдоподобное представленіе развитія Юма, какъ спирита въ своемъ родѣ.

Напрактиковавшись довольно въ Америкѣ, гдѣ, по словамъ Юма, день и ночь будто бы „осаждали его толпы посѣтителей разныхъ сословій, люди свѣтскіе и духовные, неученые и ученые, священники и врачи, здоровые и больные",—Юмъ переправился и перенесъ свою практику въ Европу, объѣхалъ Англію, Италію, Францію, Голландію, Германію и Россію. Въ 1858 году Юмъ женился въ Петербургѣ на сестрѣ русской графини К. Молодая г-жа Юмъ скоро была посвящена мужемъ въ его спиритскія *новоявленныя тайны* и предалась имъ полно, сильно и искренно, всею душою, съ безотвѣтною вѣрою; но умерла 22 лѣтъ отъ легочной чахотки, которою часто сопровождается сильное мозговое раздраженіе и, нужно полагать, долговозбужденное состояніе чувства (надобно замѣтить, что тою же болѣзнью страдалъ и самъ Юмъ). Смерть была даже пріятна довѣрчиво-преданной жертвѣ-страдалицѣ. Умирая, мечтала она, какъ вернется на землю, и, прощаясь съ подругою, совѣтовала ей хорошо ощупать ея руку, чтобы легче узнать ее, когда она предстанетъ изъ того міра.... Дѣйствительно, на сеансахъ Юма, какія дѣлалъ онъ, разъѣзжая по Европѣ, присутствовавшіе могли ощупывать руку *являющихся духовъ* (т. е. душъ умершихъ)—то влажную, теплую и нѣжную, то липкую и противную, чувствовали прикосновеніе *духа* къ своимъ колѣнамъ и плечамъ; рука *духа* подавала колокольчикъ клавшему руку подъ столъ одному изъ присутствовавшихъ; колокольчикъ звенилъ будто самъ собою. Од-

нажды рука такого же духа сняла всѣ кольца съ рукъ присутствовавшихъ и высыпала ихъ на столъ; конечно, при этомъ или руки были подъ столомъ, или на нихъ не смотрѣли отуманенные и очарованные ожидаемымъ, или уже представляемымъ явленіемъ духа; а кто былъ спокойнымъ и могъ еще видѣть что нибудь и различать, тотъ видѣлъ даже и самую руку *духа*—то одну кисть, то съ частью рукава, терявшагося въ складкахъ драпировки (!). Способъ сообщеній или отвѣтовъ *духовъ* на сеансахъ Юма употреблялся первоначальный спиритскій, медленный и грубый,—это трескъ въ мебели, стукъ въ стѣнахъ и преимущественно удары ножекъ стола, при наложеніи на него чьихъ рукъ; три удара для отвѣта утвердительнаго (напр. на вопросъ медіума: „присутствуетъ ли въ комнатѣ какой нибудь духъ для сообщенія съ нами?“), одинъ или два для отрицательнаго, пять ударовъ—обратиться къ алфавиту и потомъ брать тамъ постепенно буквы, по порядку мѣста соотвѣтствующія числу послѣдующихъ ударовъ, и поставивши ихъ въ рядъ, читать образуемый ими отвѣтъ ([1]). Бывали отвѣты и образные: послѣ отвѣта, напр., даннаго отъ духа вышеуказаннымъ способомъ обращенія къ алфавиту, „мы (т. е. духи) желаемъ, чтобы вѣрили въ......“; спрашивали,—въ кого? И, вмѣсто отвѣта обыкновеннымъ порядкомъ, спрашивающій ощу-

([1]) Какъ видимъ, условное число знаменательныхъ ударовъ для такого или другого рода отвѣтовъ въ разныхъ редакціяхъ духосообщеній неодинаково. У извѣстныхъ, напримѣръ, намъ сестеръ Фоксъ, для отвѣта утвердительнаго былъ одинъ ударъ, три было для отрицательнаго, два, кажется, для сомнительнаго или нерѣшительнаго; ограничивалось дѣло и просто молчаніемъ. О подобномъ же значеніи числа стуковъ говорится и въ Le livre des Esprits (во введеніи).

щалъ ударъ въ колѣно, опускалъ руку и находилъ на колѣнѣ крестъ, дополняющій смыслъ вышеприведенной фразы или желанія духовъ. Штука слишкомъ груба (подобно вышеприведеннымъ), чтобы не понять ее, какъ должно. Много и другихъ обманчиво эффектныхъ штукъ дѣлалъ Юмъ: волшебные аккордеоны, поднятіе себя на воздухъ къ потолку, даже быстрыя, безъ помощи естественныхъ фармацевтическихъ средствъ, исцѣленія и проч.; но о практикѣ его, какъ фокусника и шарлатана, излишне было бы говорить. Довольно замѣтить, что всѣ его представленія давались въ одномъ привилегированномъ, болѣе аристократическомъ кругу, позднимъ вечеромъ, при одномъ лунномъ свѣтѣ и развѣ при полусвѣтѣ лампы; наиболѣе поразительныя вещи дѣлалъ онъ, какъ скоро скрывалась луна. При этомъ на сеансы допускались только „вѣрующіе", т. е. легковѣрные, склонные къ пустому очарованію и способные дозволить дурачить себя всякому умѣющему взяться за нихъ. Невѣрующихъ же тщательно удаляли, такъ какъ „духи съ большимъ трудомъ дѣйствуютъ тамъ, гдѣ встрѣчаютъ противное вліяніе, гдѣ живетъ духъ скептицизма". Въ особенности духи отказывались дѣйствовать при ученыхъ (даже при одномъ), „высокія качества которыхъ обращаются противъ нихъ самихъ (??) на этомъ новомъ поприщѣ, гдѣ матерія дѣйствуетъ за одно съ духомъ (??)". По этому Юмъ, прежде сеанса, требовалъ обыкновенно списокъ приглашенныхъ и исключалъ всѣхъ не симпатичныхъ духамъ (значитъ, онъ разузнавалъ напередъ о лицахъ, съ какими можно ему имѣть дѣло и съ какими нельзя). Предосторожности для удобства обмана и мистифированья слишкомъ очевидныя!

Но вотъ что говоритъ самъ Юмъ о цѣли своей практики. Цѣль эта—„доказать спиритуальность и безсмертіе души“. Онъ называетъ свои дѣйствія „фактами, способными внушить людямъ вѣру въ спиритуализмъ“. Его опыты, по словамъ его, „поселили во многихъ живую вѣру въ безсмертіе души, чего не могли сдѣлать никакія другія средства“. На него „возложена обязанность, по словамъ его, доказать существованіе духовъ“; съ этою цѣлію онъ показывалъ ихъ явленія, заставлялъ ихъ говорить и дѣйствовать, на самомъ дѣлѣ самъ говоря и дѣйствуя за нихъ. „Я проповѣдую, говоритъ Юмъ, революціонный спиритуализмъ, надъ которымъ наши ученые умѣютъ только зѣвать“. Не могши снискать ни расположенія, ни даже нейтральности духовенства, не только католическаго, но и протестантскаго, медіумъ говоритъ объ этомъ, повидимому, съ искреннимъ удивленіемъ и не понимаетъ, какъ могъ папа отказаться отъ такого полезнаго помощника, владѣющаго средствомъ побѣждать скептицизмъ массъ и давать „*осязать*“ невѣрующимъ вѣчныя истины. Кому непонятно, что между цѣлію духовнаго характера „доказать спиритуальность человѣческой души“ и средствами—„теплыми, влажными, нѣжными и мягкими руками, удареніемъ въ колѣно, подачею колокольчика или вещественнаго креста, движеніемъ и стукомъ мебели“ и подобными проявленіями чисто матеріальнаго, физическаго свойства существуетъ коренное, существенное и непримиримое несоотвѣтствіе и противорѣчіе! Такъ понимаемая или только выставляемая цѣль, при дѣйствованіи такими средствами, есть, если не насмѣшливая и злобная каррикатура, то грубо нелѣпая, жалкая пародія на непонимаемыя должнымъ образомъ дѣйствитель-

ныя доказательства въ пользу спиритуальности и безсмертія души человѣческой (¹).

Мы довольно долго остановились на Юмѣ, потому что онъ представляетъ въ своемъ лицѣ, какъ, при какихъ условіяхъ, при какихъ внутреннихъ субъективныхъ особенностяхъ и при воздѣйствіи какихъ внѣшнихъ, стороннихъ обстоятельствъ, коротко и образно говоря,—на какой почвѣ и въ какой атмосферѣ происходитъ образованіе и развитіе спирита. И не для одного, разумѣется, Юма имѣли извѣстное значеніе эти условія; при нихъ и отъ нихъ, съ несомнѣнностію нужно полагать, образовывались и образуются многіе и большая часть, если не всѣ спириты-суевѣры. При этомъ Юмъ представляетъ въ себѣ (in concreto) двѣ общія и главныя формы спирита: искренняго суевѣра (въ своей ранней молодости) и спирита или медіума-промышленника, взявшаго своей задачей дурачить другихъ съ цѣлію увлеченія ихъ въ суевѣріе и практику спиритизма (въ странствіяхъ его по Европѣ). И эти формы въ общей массѣ спиритовъ встрѣчаются не столько вмѣстѣ въ одномъ лицѣ, какъ въ Юмѣ, сколько отдѣльно одна отъ другой, образуя такимъ образомъ два большіе (хотя и значительно не равные) разряда спиритовъ. Наконецъ жена Юма можетъ служить примѣромъ еще третьяго рода спиритовъ (спиритокъ собственно)—спиритовъ чувства, со свойственными ихъ полу впечатлительностію и увлеченіемъ и съ свойственнымъ ихъ развитію

(¹) Юмъ самъ говоритъ о себѣ въ „Revelations sur ma vie surnaturelle" (1863 г., par Daniel Dunglas Hume); говорится о немъ еще въ „Histoire de merv... p. Figu. (глава послѣдняя) и въ послѣдней книжкѣ нашихъ „Отеч. Зап." за 1863 г. Упоминаетъ о немъ и „книга медіумовъ", какъ о великомъ спиритѣ-экспериментаторѣ (part. I, ch. 2, § 169).

и положенію легкомыслемъ, способныхъ съ особенною чувствительностію отзываться на религіозныя внушенія и требованія, съ особенною искренностію и непосредственностію симпатизировать имъ и предаваться полно, сильно, безотвѣтно, но въ то же время необразованныхъ религіозно, не принявшихъ истинно-религіознаго содержанія въ жизнь ума и сердца, остающихся съ незамѣщенною пустотою въ душѣ (въ этомъ отношеніи) и не получившихъ должнаго, или вовсе никакого направленія природнымъ религіозно-духовнымъ потребностямъ, по всему этому широко, безпрепятственно и радушно открытыхъ вліяніямъ ложнымъ. И этотъ классъ спиритовъ не послѣдній и не незначительный въ общей массѣ ихъ. Теперь не видѣли мы только спиритовъ теоретиковъ или доктринеровъ; но ихъ увидимъ послѣ, при раскрытіи спиритизма, какъ извѣстной доктрины и извѣстныхъ стремленій, составляющихъ произведеніе этихъ спиритовъ.

III.

Заблуждаются же люди относительно такихъ явныхъ вещей, какъ спиритскіе факты мнимыхъ духопроявленій! И заблуждаются такъ странно, что на вещахъ пустыхъ и очевидно фальшивыхъ думаютъ построить и удержать великое зданіе, основать и развить важное, многозначительное дѣло! Такъ уже образуется человѣкъ, что то онъ въ дѣйствительно великомъ не видитъ надлежащаго значенія, отуманенный неблагопріятными и не добрыми вліяніями,—то, какъ предназначенный къ великому и отъ природы получившій стремленіе къ нему, слишкомъ близоруко переноситъ значеніе его на вещи пустыя и

ничтожныя, объективируя въ нихъ въ тѣхъ или другихъ формахъ свое субъективное глубоко—внутреннее стремленіе, свою духовную потребность, оторванныя и разобщенныя съ ихъ дѣйствительнымъ предметомъ. Такъ всегда бываетъ съ тѣми, кто въ дѣлѣ религіи не хочетъ, или не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ; такъ было до христіанства—въ языческомъ мірѣ, такъ было и бываетъ и во время христіанства—съ людьми измѣнившими ему, или не наставленными въ немъ. Кто идетъ внѣ *Свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка, Свѣта* Божественнаго, тотъ необходимо блуждаетъ во тьмѣ. Невозможно человѣческому разуму освѣтить, какъ должно, духовный путь человѣку; потому что этотъ—кромѣ того, что ограниченный—разумъ образуется отъ міра и всегда бываетъ подчиненъ его измѣнчивымъ и ограничительнымъ, съ другой стороны матеріализующимъ (въ разныхъ видахъ и степеняхъ) вліяніямъ. А потребность религіозной вѣры, существенно присущая человѣческому духу,—вѣры, приносимой съ ея истиннымъ предметомъ въ жертву самонадѣянному мірскому разуму, не искореняясь совершенно диктаторскимъ самоуправленіемъ внутренно безсильнаго ума, болѣзненно обнаруживается при этомъ въ какихъ нибудь недостойныхъ, жалкихъ суевѣріяхъ. Вотъ и спиритизмъ съ своимъ страннымъ вѣрованіемъ въ проявленія и сообщенія духовъ, въ извѣстныхъ матеріальныхъ формахъ, и въ обладаніе мнимо-духосообщеннымъ, мнимо-истиннымъ ученіемъ, противнымъ христіанству,—представляетъ печальное произведеніе ума, неподчиненнаго въ дѣлѣ религіи просвѣщающей и спасительной вѣрѣ Христовой, и вмѣстѣ съ тѣмъ—произведеніе болѣзненнаго суевѣрія, вслѣдствіе насильственнаго подавленія вѣры въ ея истинномъ направленіи.

Только представленіе людей заблуждающихся побуждаетъ сказать что нибудь о фактахъ спиритскихъ духосообщеній; очевидный же характеръ самого заблужденія спиритовъ относительно значенія этихъ пресловутыхъ фактовъ и не требовалъ бы, кажется, разбора и критики ихъ. Во всякомъ случаѣ ограничимся относительно ихъ по возможности короткими и общими только замѣчаніями. О возможности и дѣйствительности всѣхъ, или нѣкоторыхъ спиритскихъ феноменовъ, въ томъ ли самомъ видѣ, въ какомъ представляютъ ихъ спириты, или въ нѣсколько ограниченномъ противъ того, будемъ говорить послѣ; а теперь посмотримъ на эти феномены только какъ на формы *духосообщеній*, какъ на свидѣтельства и выраженія—въ своемъ родѣ—*откровеннаго* будто бы происхожденія и характера спиритизма.

„Апріорныя утвержденія или отрицанія въ дѣлѣ явленій и фактовъ ни мало не убѣдительны и ничего не могутъ доказать съ вѣроятностію. Факты—вотъ истинный критерій сужденій о спиритизмѣ, доказательство безъ возраженій; и они-то должны быть изучаемы внимательно, серьезно и глубоко для вѣрнаго сужденія о спиритизмѣ“. Такъ говоритъ учитель и защитникъ спиритизма (А. Кардекъ) (¹). Но нужно быть крайне ослѣпленнымъ, или непомѣрно близорукимъ, или умышленно неискреннимъ, чтобы не видѣть и не сознаться, что мнимый въ спиритизмѣ способъ духовъ — заявлять о своемъ присутствіи, вступать въ общеніе съ людьми и передавать имъ свои открытія и наставленія—крайне исключителенъ, мелоченъ, причудливъ и шуточенъ для такихъ существъ, какъ духи, не естественъ и страненъ,

(¹) Le livre des esprits, introd. 13—14.

и такой солидной, важной цѣли, какую присвоиваетъ себѣ спиритизмъ, какъ — *просвѣтить и морализировать человѣчество, произвести великую нравственную революцію въ немъ, побороть въ немъ зло и возродить его къ добру новымъ откровеніемъ и новой религіей духовъ*, — способъ этотъ слишкомъ несоотвѣтственъ, недостоинъ и рѣшительно не пригоденъ. Духи могутъ являться и входить въ общеніе съ извѣстными людьми только въ комнатѣ, могутъ сказывать о своемъ присутствіи и вызывать на разговоръ съ собою стуками въ мебели, въ стѣнѣ, ударами ножекъ стола, какими-то звуками въ пустомъ будто бы комнатномъ пространствѣ и какою-то прихотливою и мелочною игрою съ комнатными вещами! Но какъ же духи, существа не матеріальныя сами въ себѣ и послѣ смерти свободныя отъ условій матеріи, могутъ дѣйствовать на матерію и производить явленія вполнѣ матеріальнаго свойства? Какъ они приподнимаютъ, движутъ и переносятъ съ мѣста столъ и другія вещи, производятъ удары, звуки, управляютъ рукою медіума, непосредственно пишутъ сами *(пневматографія)*, также играютъ на фортепіано и другихъ инструментахъ, говорятъ человѣческимъ внятнымъ голосомъ, осязаютъ присутствующихъ (ударяютъ даже и довольно чувствительно), бываютъ сами осязаемы и видимы то отчасти, напримѣръ по одной рукѣ, то въ цѣломъ обликѣ человѣческомъ? (¹) Правда, спириты, въ объяс-

(¹) Hist. des merv... p. Figuier t. IV ch XII. Le liv. d. med. p. II ch. 1 § 56 Дѣйствія духовъ на матерію и „физическія проявленія".

Соотвѣтственно способу проявленій и сообщеній духовъ, различаются медіумы; они бываютъ *типтологи, двигатели, медіумы явленій музыкальныхъ, пневматографы, чувствующіе, говорящіе, пишущіе, слышащіе, видящіе, осязающіе* и много другихъ. Есть конечно и медіумы

ненія дѣйствія духовъ на матерію, говорятъ о такъ называемомъ *периспри* (le perisprit)—тонкой, непрообразной, невидимой, но при этомъ матеріальной оболочкѣ духа, которою онъ необходимо окруженъ будто бы въ тѣлѣ, даже и внѣ тѣла, по разлученіи съ нимъ, и которую никогда не оставляетъ. Этотъ периспри, обусловливая человѣческую личность и индивидуальность духа, по выходѣ его изъ тѣла, по своей эластичности, способенъ измѣняться, принимать разныя формы, сгущаться, становиться видимымъ, и — какъ самъ матеріальный — способенъ дѣйствовать на матерію и тѣло, при посредствѣ еще какого-то *всемірнаго тока* (1). Но объ этихъ периспри и токѣ обстоятельнѣе скажемъ послѣ; теперь же замѣтимъ, что периспри и токъ еще могли бы пожалуй придать какую-нибудь силу спиритскому объясненію дѣйствія духовъ на матерію, если бы дѣйствительность бытія этихъ орудныхъ посредниковъ и обладанія ими со стороны духовъ имѣла какую-нибудь вѣроятность, основанную на чемъ либо другомъ, только не на мнимыхъ сообщеніяхъ спиритскихъ; но такъ какъ эти периспри и токъ—ничто иное, какъ *открытія духовъ*, а здѣсь разсматривается еще самая возможность проявленій и сообщеній ихъ въ извѣстныхъ спиритскихъ феноменахъ и вмѣстѣ, слѣдовательно, подлинность и вѣроятность приписываемыхъ имъ сообщеній (въ частности и—о периспри съ токомъ): то очевидно, что периспри и токъ въ этомъ случаѣ, какъ объясненіе, никакъ еще не могутъ быть приняты, иначе бы значило

обладающіе, такъ какъ духи могутъ проявляться и въ различныхъ запахахъ (Le livre des esprits chap. X; Le livre des mediums ch. xvi, par. II).

(1) Le liv. des med. par. I. ch. 1 § 3. chap. 2 § 54—56.

допустить доказательство и объясненіе дѣйствительности явленія тѣмъ, что само получаетъ вѣроятность бытія не иначе, какъ только лишь послѣ и въ силу того доказательства. Ктому жъ прибавимъ, и самые духи (высшіе) не опредѣляютъ хорошо (потому что сами хорошо не знаютъ, чего и не утаиваютъ), что такое этотъ всемірный токъ и этотъ периспри, особенно послѣднее? Они стараются внушить только вѣру въ значеніе периспри въ сношеніи духа съ вещественнымъ, видимымъ міромъ, а о сущности периспри учатъ пока не безпокоиться. Оборотъ понятный у спиритовъ, и для цѣли ихъ необходимъ, какъ увидимъ послѣ!

Далѣе, столы и другія вещи говорятъ (стуками) и пишутъ (вставленнымъ карандашемъ) при положеніи на нихъ рукъ нѣсколькихъ человѣкъ. Здѣсь спросимъ сначала, почему способъ проявленій и сообщеній духовъ такъ исключительно ограничивается только лишь комнатою и извѣстнымъ ихъ будто бы дѣйствіемъ на комнатныя вещи, извѣстными перемѣнами въ положеніи послѣднихъ, и кромѣ того не проявляется еще нигдѣ, никакъ и ничѣмъ? За тѣмъ, въ частности, о способѣ разговора и письма духовъ замѣтимъ, что и онъ почему-то связывается съ такимъ условіемъ (съ наложеніемъ рукъ), которое дѣлаетъ изъ него способъ довольно странный и исключительный, и въ тоже время искуственный. При этомъ еще и подъ руками далеко не всѣхъ и каждаго бываютъ мнимо-знаменательные стуки, верченье и письмо, и въ случаяхъ, когда бываютъ, не у всѣхъ въ одинаковой степени, не съ одинаковою легкостью и скоростью. И на этотъ разъ условіе—опять тѣсное, и какое-то неопредѣленное ограниченіе. Нужны, говорятъ, нѣкоторыя особенности, спеціальная способ-

ность *медіуменическая* (mediumenique). Но какія это особенности и что это за способность, какъ опредѣлить ее,—спириты не указываютъ на это никакихъ признаковъ ни извѣстныхъ животно-органическихъ, ни извѣстныхъ нравственныхъ или вообще душевныхъ, да говорить и указать ихъ нельзя (1). Богатство и сила *тока*, выходящаго отъ *перисприи*, да симпатія духа къ медіуму—вотъ что единственно обусловливаетъ медіуменическое отправленіе, по ученію ихъ. Значитъ, странное и подозрительное дѣло объясняется чѣмъ-то неизвѣстнымъ, неопредѣленнымъ, ни въ чемъ, кромѣ даннаго невѣроятнаго случая, не проявляющимся и никогда не замѣчаемымъ, чѣмъ-то ново-придуманнымъ или вымышленнымъ, требующимъ доказательства и еще не доказаннымъ (2). А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ не трудно указать и дѣйствительныя особенности, органическія и душевныя, образующія медіумовъ, или, по крайней мѣрѣ, характеризующія ихъ, и—естественныя, чисто человѣческія условія, которыя даютъ мѣсто спиритскимъ феноменамъ, или такъ называемымъ на языкѣ спиритскомъ „проявленіямъ“ (духовъ). Скоро будетъ случай обстоятельнѣе говорить объ этихъ особенностяхъ и условіяхъ; а здѣсь довольно замѣтить, что со

---

(1) Le liv. d. med. par. II chap. 11 § 62.

(2) Замѣтимъ при этомъ еще противорѣчивую несообразность. Различная сила медіуменической или медіанимической способности зависитъ отъ не одинаковаго развитія перисприи, а высшее или низшее развитіе перисприи обусловливается большимъ или меньшимъ развитіемъ и совершенствомъ воплощеннаго духа; но качество этого духа непремѣнно сказывается въ умственныхъ или нравственныхъ проявленіяхъ человѣка, а медіуменическая способность, по сказанію спиритовъ, нисколько не связана съ умственными или нравственными качествами субъекта (равно какъ и съ животно-органическими) и по этимъ качествамъ не узнается,—не явное ли противорѣчіе?

стороны упражняющихся въ произведеніи спиритскихъ феноменовъ (экспериментаторовъ) необходимо требуется болѣе или менѣе продолжительная возбужденность состоянія, полное и строго выдержанное сосредоточеніе мысли и напряженнаго вниманія исключительно на одномъ предметѣ, на ожидаемомъ мнимомъ проявленіи духа, безъ малѣйшей разсѣянности, безъ всякой задней или посторонней мысли. Такія же требованія и для присутствующихъ свидѣтелей спиритскихъ проявленій, это — несомнительность, отсутствіе подозрѣнія, симпатія къ духамъ, предварительная вѣра въ возможность ихъ проявленій и сообщеній и ожиданіе успѣха въ предстоящемъ испытаніи (пустое, какъ выражаются спириты, любопытство, сомнѣніе, неискренность и подозрительность, вообще взгляды и вниманіе не въ пользу мнимыхъ духопроявленій, обыкновенно не благопріятствуютъ совершенію ихъ, много затрудняютъ или вовсе отталкиваютъ духовъ отъ несимпатичной среды) (1). Должно быть, условія, которыми такъ заботливо и ограничительно обставляются первые начальные опыты духопроявленій, имѣютъ существенную связь съ происхожденіемъ этихъ проявленій и эти послѣднія, въ свою очередь, состоятъ въ необходимой причинной зависимости отъ нихъ? Въ такомъ случаѣ явленіе, представляемое естественнымъ и — съ такимъ широкимъ и важнымъ значеніемъ, на самомъ дѣлѣ выказывается слишкомъ узкимъ, мелочно зависимымъ и искуственнымъ, и его претендуемый спиритическій характеръ и соотвѣтственное значеніе — мнимыми и ложными.

(1) Le livre des mediums part. II chap. II § 62; еще: Revel. du monde des espr. ser. 1-ère conseils aux mediums (стр. 8—10).

Тѣже спиритскія проявленія производятся при разныхъ еще другихъ, на простой, не спиритскій взглядъ, мелочныхъ, но, какъ видно, настоятельно и существенно необходимыхъ приспособленіяхъ. Упражняющемуся, напримѣръ, со столами предпочтительно рекомендуется употреблять столики малые, легкіе, ручные; когда же они нѣсколько большаго размѣра, то хорошо, говорятъ, если полъ подъ ними гладкій, паркетный, навощеный, а еще лучше, если при этомъ ножки столовъ на колесахъ (1). Правда, это совѣтуется новичку въ спиритскихъ упражненіяхъ, на первое лишь время возбужденія его медіумической способности; впослѣдствіи способность эта, постепенно развиваясь, можетъ будто бы достигнуть до того, что въ состояніи будетъ дѣйствовать на предметы уже значительной тяжести и легко станетъ управляться съ ними. Вообще нужно сказать, спириты-учители заботливо предусмотрительны и находчивы на руководства и предостереженія для начинающихъ спиритскія упражненія, въ видахъ образованія прозелитовъ спиритизма (2). Но къ чему бы вся эта выучка, эта дрессировка и искуственность тамъ, гдѣ, по представленію спиритовъ, дѣло должно происходить (и если бы оно дѣйствительно происходило по

---

(1) Hist. du merv. p. Figu. t. IV chap. XV. Le livre des med. p. II chap: о физич. проявленіяхъ.

(2) Не помнится хорошо, читано ли въ какомъ спиритскомъ сочиненіи или только устно слышано отъ спирита (послѣднее несомнѣнно), что между приготовительными правилами для образованія изъ себя такъ называемаго *медіума-писателя* (пишущаго сообщенія духовъ безъ всякихъ другихъ посредствъ, кромѣ карандаша въ рукѣ подъ невидимымъ вліяніемъ духа-сообщителя) вовсе не лишне соблюдать опредѣленное правило относительно напримѣръ положенія руки на бумагѣ, держанія карандаша, даже очинки его и т. п.

представленію ихъ) вліяніемъ и дѣйствіемъ духовъ? Кстати здѣсь замѣтить, что спириты и все дѣло отношенія къ духамъ съ производимымъ отъ нихъ ученіемъ не впопадъ называютъ наукою; не обличаетъ ли это искуственное названіе человѣческаго происхожденія и искуственнаго характера спиритизма, вмѣсто мнимо-духовнаго и откровеннаго? Гдѣ вліяніе и дѣйствіе духовъ и положительныя сообщенія ихъ, какая тамъ наука? Тоже и на оборотъ, конечно.

О способѣ бесѣдованія съ духами посредствомъ условно-знаменательныхъ стуковъ уже было сдѣлано замѣчаніе (при историческомъ обзорѣ появленія и начальнаго распространенія духосообщеній въ Америкѣ). Такъ какъ при этомъ способѣ возможно получать отвѣты только „да“ или „нѣтъ“, или собственно говоря, возможно придавать условному числу стуковъ значеніе только лишь этихъ отвѣтовъ, то явно, что содержаніе отвѣта должно быть непремѣнно выражено въ вопросѣ, значитъ, напередъ должно быть представляемо спрашивающимъ, предугадано имъ и (какъ отрицать это?) желанно для него. Мысль или мнѣніе, такимъ образомъ утверждаемое (по спиритскому — сообщеніе), очевидно принадлежитъ не столько отвѣчающему (если даже предположить отвѣчающимъ и постороннее лицо), сколько спрашивающему, и, во всякомъ случаѣ, предполагаетъ въ послѣднемъ предварительное, такъ сказать, вхожденіе въ мысли *духа* и представленіе въ собственныхъ мысляхъ, если не того, какъ непремѣнно долженъ, то, покрайней мѣрѣ, того, какъ можетъ быть рѣшенъ вопросъ. И вопросы здѣсь существеннѣе отвѣтовъ, такъ какъ послѣдніе лишь приспособляются къ нимъ, а въ самихъ вопросахъ напередъ высказывается мысль, имѣю-

щая опредѣлить или положительную или отрицательную форму условно-знаменательнаго отвѣта (¹). Для самыхъ первыхъ вопросовъ въ *духосообщеніяхъ*, когда явленія только что начинались и еще не опредѣлились, какъ проявленія духовъ или что нибудь другое, такой характеръ вопросовъ и отвѣтовъ очень много значитъ, именно: онъ заставляетъ предполагать въ нихъ много субъективнаго и подозрѣвать въ нихъ собственныя мысли, собственныя желанія и намѣренія спрашивающихъ. Стуки, движенье мебели и подобныя явленія, еслибы и дѣйствительно были они неожиданны и непонятны и происходили безъ всякаго вѣдома и участія чьего нибудь, сами собою не только не говорятъ о дѣйствіи здѣсь какихъ-нибудь духовъ, но и не даютъ даже подозрѣвать въ нихъ этого дѣйствія; и какъ они могутъ, ни съ того ни съ сего, навести на мысль — обратиться къ нимъ (къ этимъ стукамъ и движеньямъ) съ вопросомъ: не духъ ли и не духъ ли собственно умершаго человѣка стучитъ здѣсь? Чтобы сдѣлать обращеніе съ подобнымъ вопросомъ къ загадочнымъ стукамъ (а другаго рода обращенія быть не могло, потому что числомъ стуковъ невозможно отвѣтить на менѣе опредѣленный вопросъ, напримѣръ: „кто здѣсь? кто стучитъ?“ и т. п.), нужно напередъ имѣть мысль (а можетъ быть и желать провести ее), что души умершихъ не только имѣютъ близкій и всегда, такъ сказать, запросто-удобный (а не особенный и чрезвычайный, слѣдовательно и весьма рѣдкій) доступъ къ жи-

(¹) Условное значеніе числа отвѣтныхъ стуковъ было дѣломъ собственно заправлявшихъ явленіемъ и говорившихъ вопросы; оставалось, значитъ, только получить желанные стуки; какъ они могли происходить и дѣйствительно происходили объ этомъ скажемъ послѣ.

вущимъ людямъ, но и могутъ заявлять о своемъ присутствіи и вызывать на бесѣду съ собою очевидными, осязательными, матеріальнаго именно свойства дѣйствіями или знаками, — словомъ, напередъ нужно имѣть понятіе о душахъ, о ихъ состояніи по выходѣ изъ тѣлъ человѣческихъ и объ отношеніи ихъ къ людямъ — въ нынѣшнемъ спиритскомъ смыслѣ. Не напрасно обращаемъ вниманіе на этотъ способъ *духосообщенія*; это способъ самый первый, начальный, исходный. Чрезъ него узнали въ первый разъ, что стучатъ, движутъ мебель и проч. невидимыя разумныя существа-духи, что они такъ близки къ людямъ и желаютъ имѣть явное общеніе съ ними, могутъ давать наставленія имъ; а помимо его какъ бы узнать все это? Едва ли бы и узнали! Этотъ первоначальный, *нѣмой* способъ мнимаго разговора съ духами далъ возможность и основаніе дѣятелямъ спиритизма обратиться и къ другимъ, болѣе легкимъ и удобнымъ, болѣе рѣчистымъ и плодовитымъ способамъ (къ набору, по числу стуковъ, буквъ изъ алфавита, къ употребленію карандаша, вставленнаго въ движущійся при извѣстныхъ условіяхъ предметъ, и къ прямому, непосредственному письму рукою медіума, подъ тайнымъ вліяніемъ духа). Отъ него возникла (такъ покрайней мѣрѣ по представленію спиритовъ) вѣра въ проявленія и сообщенія духовъ; изъ него вышелъ и развился спиритизмъ. По всему этому въ сужденіи о подлинности спиритизма очень важно, и даже дѣло первой важности — видѣть не безукоризненность, нечистоту и явную подозрительность этого начальнаго, неусовершеннаго способа разговора съ духами. И вотъ мы видѣли въ немъ это.

Разбирая такимъ образомъ внѣшнія спиритическія

проявленія ихъ типъ и характеръ ихъ и условіями произведенія ихъ, и приписываемое имъ мнимый смыслъ — усвояемое имъ значеніе, нельзя было не видѣть, что первыя (т. е. самыя проявленія) существенно не соотвѣтствуютъ послѣднимъ (смыслу и значенію) и непремѣнно исключаютъ ихъ, заставляя предполагать въ себѣ и довольно уже ясно обнаруживая сами другой дѣйствительный и собственный ихъ смыслъ и иное, тождественное себѣ значеніе; и такимъ образомъ въ самомъ основаніи и началѣ спиритизма лишаютъ его дѣйствительно спиритическаго характера, по крайней мѣрѣ, съ достаточною основательностію даютъ заподозривать подлинность выдаваемыхъ изъ тѣхъ явленій спиритизма. Если теперь отъ первоначальныхъ, исходныхъ спиритическихъ фактовъ и мнѣній, разсмотрѣнныхъ доселѣ въ незащищенной наготѣ ихъ, обратимся къ ихъ защитѣ у спиритовъ, къ представленіямъ въ пользу возможности ихъ, къ оправданію и объясненію ихъ мнимо-подлинной дѣйствительности, то увидимъ только ложную искусственность доводовъ, произвольную измышленность положеній, незаконность и несостоятельность притязаній самообольщенныхъ вѣрователей, защитниковъ и проповѣдниковъ спиритизма. Спириты имѣютъ цѣлую теорію объясненій и доказательствъ своихъ воззрѣній и вѣрованій. Теорія эта изложена главнымъ образомъ въ извѣстной „Книгѣ медіумовъ“ (Le livre des mediums) и составлена по сообщеніямъ, или подъ диктовку духовъ-наставниковъ, какъ и все у спиритовъ. Не входя въ подробное раскрытіе всѣхъ частностей и приложеній теоріи, обратимъ вниманіе только на главныя и общія ея положенія, касающіяся основныхъ мнѣній спиритскихъ.

Мнимое отправленіе въ средѣ спиритовъ *миссіи духовъ* составляетъ общую сущность спиритизма, и потому представленія въ пользу возможности и естественности сообщеній духовъ или душъ умершихъ съ живущими людьми (или съ душами, пребывающими въ тѣлесномъ воплощеніи),—сообщеній въ тѣхъ формахъ и размѣрахъ, какія представляются спиритизмомъ, естественно занимаютъ первое, начальное мѣсто въ теоріи духопроявленій и духосообщеній. „Можетъ ли духъ сообщаться съ человѣкомъ, т. е. можетъ ли онъ съ нимъ мѣняться мыслями“? — спрашиваетъ спиритъ—самоувѣренный защитникъ, безъ сомнѣнія и творецъ самъ теоріи духопроявленій. „Почему же нѣтъ?—продолжаетъ. Что такое человѣкъ, какъ не духъ, замкнутый въ тѣлѣ? Почему же свободный духъ не можетъ сообщаться съ плѣннымъ духомъ, какъ свободный человѣкъ съ человѣкомъ, закованнымъ въ цѣпи? Кто признаетъ *переживаніе* души (т. е. переживаніе душею тѣла), будетъ ли правильно со стороны того не допускать переживанія душевныхъ расположеній (въ какой степени и какихъ собственно?)? Такъ какъ душа повсюду (¹), то не естественно ли думать, что душа того человѣка, который насъ любилъ при своей жизни, приходитъ къ намъ, бываетъ при насъ, что она желаетъ сообщаться съ нами

(¹) Спириты не признаютъ опредѣленныхъ мѣстъ для пребыванія душъ, разлучившихся съ тѣлами, потому что не находятъ, гдѣ во вселенной могутъ быть такія мѣста (мы еще встрѣтимся со взглядомъ ихъ въ этомъ отношеніи). Потомъ они имѣютъ свой особый взглядъ на состояніе душъ умершихъ по смерти тѣлъ, принимаютъ рядъ послѣдовательныхъ перевоплощеній (reincarnation), чѣмъ и объясняется надѣленіе душъ чувственными, земными, житейскими расположеніями, способностями дѣйствованія и проч., — какъ это будетъ видно въ излагаемыхъ вопросахъ спирита.

и употребляетъ къ этому тѣ средства, какія у нея въ распоряженіи (средства особенныя, матеріальныя, существующія только въ спиритскомъ ученіи)? Во время своей жизни не дѣйствовала ли она на свое тѣло, не она ли управляла его движеніями? Почему же, слѣдовательно, послѣ тѣлесной смерти, соединясь съ другимъ духомъ, связаннымъ съ тѣломъ, она не позаимствуетъ его живаго тѣла, чтобы проявить свою мысль, какъ нѣмой можетъ воспользоваться говорящимъ, чтобы заставить понять себя?" „Чтобы съ основаніемъ отвергать сообщенія и проявленія душъ умершихъ (въ спиритскомъ смыслѣ и въ спиритскихъ формахъ), нужно съ несомнѣнностію доказать слѣдующіе антитезисы:

„Что существо, мыслящее въ насъ во время нашей жизни, не должно болѣе мыслить послѣ нашей смерти; если же оно еще мыслитъ, то не должно болѣе думать о тѣхъ, кого любило; ежели же оно думаетъ о тѣхъ, кого любило, то не должно болѣе желать сообщаться съ ними; если оно можетъ быть вездѣ (это еще вопросъ, рѣшаемый обыкновенно не въ спиритскомъ смыслѣ), то не можетъ быть подлѣ насъ; ежели же оно около насъ, то не можетъ сообщаться съ нами; — что посредствомъ своей эѳирной оболочки, составленной изъ тона (бытіе этой оболочки само еще требуетъ доказательства), оно не можетъ дѣйствовать на неподвижную матерію; а ежели можетъ дѣйствовать на нее, то не можетъ дѣйствовать на существо одушевленное; если можетъ дѣйствовать на одушевленное существо, то не можетъ управлять его рукою для письма; а если можетъ заставить его писать, то не можетъ отвѣчать на его вопросы и передать ему свою мысль. (1)

(1) Le livre des mediums part. 1-ère ch. 1-ère § 5 и 6.

«Можно бы и еще длиннѣе растянуть этотъ, своеобразно впрочемъ построенный, *соритъ* произвольно искусственныхъ соображеній, да что же изъ всего этого можетъ слѣдовать? Съ самой даже спиритской точки зрѣнія здѣсь—не болѣе, какъ одни предположенія, допустимъ—не лишенныя правдоподобности, но еще не видно, чтобы они были вѣрны въ дѣйствительности и оправдывались ею. И чтобы съ правомъ заподозривать или прямо отвергать дѣйствительность духопроявленій и сообщеній въ средѣ спиритовъ, нѣтъ конечно нужды для этого доказывать невѣроятность или ложность приведенныхъ предположеній спирита (какъ это требуетъ авторъ книги «Медіумовъ») доводами столь же явными, какъ тѣ, которыми Галилей доказывалъ, что не солнце движется около земли, или столько точными, какъ математическое a+b=", и подобными. И безъ того видно, что этими предположеніями напередъ допускается, какъ данное, какъ основаніе,—существованіе душъ по смерти такое, какимъ оно представляется уже въ спиритскомъ ученіи, существованіе не въ опредѣленномъ какомъ нибудь мѣстѣ, а вездѣ, гдѣ угодно, потомъ—съ тонкою матеріальною или съ какою-то *полуматеріальною* (?) оболочкою и съ послѣдовательными перевоплощеньями, отъ того въ немъ предполагается чувственность, отъ которой души не отрѣшаются будто и по разлученіи съ тѣлами.

Такой способъ умозаключенія, полагающій въ начало доказательства то, что само еще нуждается въ доказательствѣ и получаетъ вѣроятность не иначе, какъ отъ того, что имъ же думаютъ доказывать въ данномъ случаѣ, говоритъ очевидно далеко не въ пользу сочинителя-спирита, не въ пользу и самаго дѣла, защищаемаго имъ. Если бы такія представленія и говорили въ поль-

зу ихъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя забывать, что теорія возможности или вѣроятности явленія, какъ бы ни казалась она благовидною, еще не утверждаетъ необходимо и не опредѣляетъ точно его дѣйствительности; при ней, на сколько основательно бываетъ признаніе явленія, на столько же, если не больше, остается мѣста и права и для отрицанія его. И какая въ дѣйствительности существуетъ связь между доказанною, положимъ, возможностію или вѣроятностію духосообщеній и утвержденіемъ спиритовъ, что извѣстные, бывающіе у нихъ и съ ними, факты и явленія суть именно проявленія и сообщенія душъ? Не такая же ли, какъ если бы кто, выходя напримѣръ изъ предположенія, что душа во время сна бываетъ свободна отъ чувственныхъ возбужденій и отъ управленія тѣлеснымъ организмомъ, и что она при этомъ можетъ, или ей естественно—жить жизнію не чувственно—духовною, какъ въ бодрственномъ состояніи, а больше свободно-духовною (предположеніе впрочемъ въ цѣломъ много не вѣрное),—сталъ бы утверждать, что всѣ, видѣнные и видимые имъ, сны и грезы суть именно мысли, чувства и созерцанія души, свойственныя чисто духовной ея природѣ, принадлежащія свободно-духовному ея состоянію (нужно, впрочемъ, сказать, что спириты не обинуясь утверждаютъ и это, какъ увидимъ послѣ)? Очевидно, нужны (если только могутъ быть) другія, болѣе основательныя и твердыя данныя для поддержки спиритскаго вѣрованія въ сообщенія и проявленія духовъ. И спириты представляютъ эти другія данныя, хотя никакъ не болѣе основательныя и твердыя.

М. Лебедевъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

ЗАМѢТКА О ПРЕПОДАВАНІИ ПЕДАГОГИКИ

ВЪ ДУХОВНЫХЪ АКАДЕМІЯХЪ.

Дѣло уже рѣшенное, что педагогика должна быть преподаваема въ духовныхъ семинаріяхъ, и тамъ преподованіе ея дѣйствительно нужно, особенно потому, что воспитанники духовныхъ симинарій, какъ будущіе пастыри Церкви, научно приготовляются дѣйствовать на религіозное и нравственное развитіе народа; а это предполагаемое вліяніе ихъ должно выражаться не иначе, какъ подъ формою постепеннаго воспитанія его въ нѣдрѣ Церкви, дондеже вообразится въ немъ Христосъ. Нужно тамъ знаніе правилъ и пріемовъ педагогики равнымъ образомъ и потому, что воспитанникамъ духовныхъ симинарій впослѣдствіи придется быть наставниками и руководителями сельскихъ школъ, слѣдовательно понадобится искуство—успѣшнѣе дѣйствовать на дѣтей того или другаго возраста, давать стройное развитіе естественнымъ ихъ способностямъ, цѣлесообразно управлять ихъ наклонностями и устранять дурныя ихъ привычки. Но нужна ли каѳедра педагогики въ ряду курсовъ академическихъ?

Съ перваго взгляда этотъ вопросъ кажется излишнимъ. Повидимому, слѣдуетъ ли и спрашивать о потребности педагогики въ академіи, когда академія должна приготовлять наставниковъ для всѣхъ каѳедръ семинаріи? Но, съ другой стороны, странно было бы думать, что лица, получившія образованіе въ академіи, для того и получили его, чтобы передавать ученикамъ семинаріи буквально то самое, что слушали и изучали они въ курсахъ академическихъ: уровень науки въ академіяхъ конечно долженъ стоять выше семинарскаго и, въ отношеніи къ семинаріямъ, имѣть иную цѣль. Итакъ, если педагогику и нужно преподавать въ академіи, то все таки остается рѣшить вопросъ: какова должна быть она и по научному своему составу, и по образу ея преподаванія, чтобы курсъ ея семинарскій не былъ чисто повтореніемъ однихъ и тѣхъ же педагогическихъ уроковъ, выслушанныхъ въ аудиторіи академической, и чтобы однакожъ въ семинаріи она достигала своей цѣли?

Воспитывать дитя (παιδαγωγεῖν) значитъ—имѣть дѣло съ человѣческою его природою, развивать ее, настроять, усовершать. Это понятіе о воспитаніи, кажется, не подлежитъ сомнѣнію; но оно тотчасъ вызываетъ вопросъ: а гдѣ основаніе и норма правильнаго развитія, законнаго настроенія и дѣйствительнаго усовершенія человѣческой природы? Отвѣтовъ на этотъ вопросъ, какъ скоро вопрошатели ищутъ основанія и нормы въ мірѣ объективномъ, представляется великое множество и всѣ они не походятъ одинъ на другой, потому что составляются обыкновенно въ виду условій той среды, въ которую воспитанникъ впослѣдствіи имѣетъ быть поставленъ и въ которой предназначается ему дѣйство-

вать. Отсюда педагогика, утверждаясь на различныхъ основаніяхъ и держась различныхъ нормъ, установленныхъ извѣстными авторитетами, дѣлается выраженіемъ частныхъ взглядовъ на воспитаніе и, въ своихъ направленіяхъ и цѣляхъ разнообразясь до безконечности, мало по малу теряетъ свое значеніе и даже лишается довѣрія. Значеніе ея падаетъ тѣмъ естественнѣе, что, ограничиваясь частною идеею воспитанія, она почти необходимо упускаетъ изъ виду цѣлость человѣческой природы и воспитательными своими пріемами дѣйствуетъ большею частію на которую нибудь одну ея сторону, напримѣръ, познавательную, либо чувственную, не занимаясь нравственною и эстетическою.

Но и между объективными началами воспитанія есть одно, несомнѣнно имѣющее характеръ всеобщности и необходимости,—такое начало, на которомъ зиждется благо цѣлыхъ поколѣній, которое связуетъ общество одними и тѣми же интересами, отъ котораго зависитъ согласіе мнѣній всѣхъ и о всемъ, которымъ скрѣпляются взаимныя симпатіи лицъ и народныхъ сословій и условливается единодушное движеніе всвной воспитываемой среды къ общей, указываемой человѣку, цѣли. Таково начало религіозно-нравственное, принятое, выясненное и свято хранимое православною Церковію. На этомъ началѣ воспитанія должна, безъ сомнѣнія, основываться педагогика, преподаваемая въ д. семинаріяхъ, и въ немъ находить норму своего развитія среди разнообразныхъ условій жизни домашней и общественной, которой стихіи необходимо входятъ въ него, какъ содержаніе, и подъ его авторитетомъ гармонически слагаются между собою. По существу этого начала, какъ объективнаго, педагогика въ д. семинаріяхъ справед-

ливо потребовала себѣ отдѣльной каѳедры; ибо такъ она есть приложеніе всего факультетскаго образованія къ воспитанію дѣтей: и св. Писаніе, и христіанскій догматъ, и богословская нравственность, и церковный канонъ,—все приноситъ свою долю правилъ въ то основаніе, на которомъ должна опираться педагогика семинарская.

Сколь бы ни совершенно впрочемъ было объективное основаніе педагогики, во всякомъ случаѣ однакожъ несомнѣнно, что воспитаніе имѣетъ дѣло съ человѣческою природою и потому не иначе мыслится, какъ подъ условіемъ возможности прививаться къ ней и обнаруживаться улучшеніемъ ея силъ и способностей; а это бываетъ тогда, когда человѣческая природа гармонически и сочувственно отзывается на тѣ внушенія, съ которыми относится къ ней педагогика. Въ наше время нерѣдко приходится слышать и даже читать, что всѣ, заботливо сообщаемыя дѣтямъ, религіозныя и нравственныя понятія суть плоды искусственные, которымъ натура наша, какъ порожденію инородному, естественно не сочувствуетъ, и что поэтому надобно оставить дѣтей собственному ихъ произволу — опредѣлять для себя добро и зло. Само собою разумѣется, что такъ думаютъ и говорятъ исключительные чувственники—люди, никогда не поднимающіеся своею мыслію выше видимости и не пытавшіеся сдѣлать ни одного шага на поприщѣ самопознанія. Но педагогическій взглядъ ихъ, обличаемый конечно всею древностію и исторіею, съ особенною силою можетъ быть опровергнутъ не иначе, какъ изслѣдованіями психологическими, которыя должны показать, что внушаемыя дѣтямъ начала нравственной и религіозной жизни дѣйствительно согласны

съ человѣческою природою, что она сама требуетъ ихъ и находитъ въ нихъ естественную свою пищу. Разсматриваемая съ этой стороны, педагогика, очевидно, тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ психологіею, принимаемою въ обширномъ смыслѣ науки о человѣческой природѣ вообще,—и эта связь ея указываетъ ей начало развитія уже не объективное, а субъективное,—не внѣшнее, а внутреннее. Педагогъ, предлагая дѣтямъ свои положенія, не привноситъ въ науку ничего сторонняго или предзанятаго, и не позволяетъ себѣ никакого произвола при изложеніи своего ученія, но внимательно вслушивается въ требованія человѣческой души, какъ въ звуки сокровенной арфы, которой устройство ему болѣе или менѣе знакомо, и по основнымъ законамъ истинной ея природы, по вѣрному камертону ея существа, настроиваетъ силы и способности воспитанника. Таково субъективное или внутреннее начало педагогики. Значительная опытность въ дѣлѣ самопознанія даетъ педагогу болѣе или менѣе ясное знаніе общихъ законовъ развитія силъ, или понятія о той нормѣ, въ какой онѣ должны развиваться. Эта норма имѣетъ въ виду особенно гармоническое соотношеніе силъ, по которому одна между ними не стѣсняетъ дѣятельности другой, не заглушаетъ ея, не забѣгаетъ неблаговременно впередъ и не остается, когда не слѣдуетъ, назади, но проявляется и мѣрно дѣйствуетъ въ свое время. Все это требуетъ, чтобы педагогъ былъ хорошимъ психологомъ и ни на шагъ не отступалъ отъ данныхъ психологическаго анализа: подъ этимъ только условіемъ можетъ онъ искусно и успѣшно руководить развитіемъ дѣтскихъ способностей.

Изложивъ понятіе о педагогикѣ, основывающейся на

данныхъ психологіи, я вижу въ ней такую науку, которая должна и можетъ быть преподаваема только въ академіи, хотя въ тоже время не лишается способности благотворно дѣйствовать на педагогическій курсъ и въ семинаріи. Психологія съ другими, выводимыми изъ ней науками, преподается на академической каѳедрѣ съ такою подробностію, что легко позволяетъ дѣлать примѣненіе своихъ положеній къ педагогическому употребленію ихъ, или къ практическому воспитанію дѣтей. Разсмотрѣвъ аналитически, напримѣръ, способность памятованія и замѣчая, когда она естественно пробуждается, какими признаками даетъ знать о своемъ пробужденіи, какія имѣетъ главныя свойства, какъ измѣняется и разнообразится въ своихъ направленіяхъ, отъ чего обыкновенно усиливается и ослабѣваетъ, что вносить въ душу и какъ внесенныя ею впечатлѣнія, становясь достояніемъ духа, существенно никогда не погибаютъ для человѣка, хотя бы феноменально и изглаживались, психологъ потомъ тотчасъ становится педагогомъ и на готовомъ, только-что раскрытомъ основаніи, начинаетъ говорить,—какъ, при такой природѣ памяти, надобно воспитывать ее, когда приступать къ ея развитію, какую давать ей пищу, какая въ этомъ отношеніи должна быть мѣра и сообразность съ ея направленіемъ, чтобы она постепенно укрѣплялась, а не ослабѣвала, какъ надобно удерживать и ограничивать ее, если она препятствуетъ развитію другихъ способностей, а особенно—какая нужна разборчивость и осторожность въ доставленіи ей случаевъ получать тѣ или другія впечатлѣнія, если, вошедши въ душу, они никогда не теряются и не остаются безслѣдными. Излагаемая такимъ образомъ педагогика будетъ имѣть сама педагога—

въ психологія, которая на каждомъ шагу отзовется, какъ контролеръ ея выводовъ, и найдетъ законнымъ — либо подтвердить ихъ, если они согласны съ ея анализомъ, либо отвергнуть, если не согласны. Съ этимъ своимъ педагогомъ педагогика будетъ идти рука объ руку по всему курсу психологіи и выводимыхъ изъ ней наукъ — логики, ионки и эстетики, и вездѣ найдетъ основанія для педагогическихъ своихъ положеній и заключеній. Въ психической феноменологіи получитъ она начало для правильнаго воспитанія душевныхъ способностей дитяти; въ психической физіологіи увидитъ опору и руководство для нормальнаго развитія дѣтскаго организма; въ психической пневматологія найдетъ способы успѣшно дѣйствовать на проясненіе и укрѣпленіе духовной жизни воспитанника; въ логикѣ откроетъ основаніе для развитія познавательной его дѣятельности и узнаетъ разные методы, посредствомъ которыхъ надобно развивать ее; въ ионикѣ встрѣтится съ началами, имѣющими ближайшее приложеніе къ образованію нравственной стороны дитяти; а въ эстетикѣ, изучивъ природу сердца, тѣмъ самымъ облегчитъ для себя возможность воспитывать и облагороживать его чувствованія. Но само собою разумѣется, что все это можетъ быть достигнуто не иначе, какъ если педагогика и психологія будутъ преподаваемы во-первыхъ нераздѣльно, т. е. соединятся въ одной и той же программѣ, во вторыхъ — однимъ и тѣмъ же лицомъ. Нераздѣльное преподаваніе этихъ наукъ въ обоихъ отношеніяхъ представляется дѣломъ полезнымъ и потому, что какъ психологіи естественно контролировать выводы педагогики, такъ и педагогика съ своей стороны можетъ служить повѣркою, или какбы пробирнымъ камнемъ психологическаго вани-

да. При строго логическомъ выводѣ педагогическихъ положенiй и примѣненiи ихъ къ практическому воспитанiю дѣтей, тотчасъ должно открыться, вѣрна ли принятая идея психологiи. Откроется равнымъ образомъ и то, согласенъ ли педагогъ съ самимъ собою, какъ съ психологомъ. Вѣдь опытъ нерѣдко показываетъ, что отецъ, отчаянный вольнодумецъ въ смыслѣ религiозномъ и гражданскомъ, на зло всѣмъ требованiямъ логики, заставляетъ дѣтей молиться Богу и повиноваться властямъ. Очевидно, что дѣти въ этомъ случаѣ становятся невольными обличителями отца.

Профессоръ Керновъ.

ИНОСТРАННЫЯ ЦЕРКОВНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вѣсти съ востока. Безпорядки на Синайской горѣ. Новый циркуляръ турецкаго правительства. Печальное состояніе св. земли. Вопросъ о праздновании воскреснаго дня въ Греціи. Вѣсти съ запада. Невѣріе въ западной Европѣ. Съѣздъ студентовъ въ Люттихѣ. Рѣчь ректора грацскаго университета, Шмидта. Участіе евреевъ въ распространеніи враждебныхъ христіанству сочиненій. Брошюра раввина Филипсона. Характеристика современнаго умственнаго направленія въ рѣчи Гладстона. Борьба вѣры съ невѣріемъ. Протестъ студентовъ богословскаго факультета противъ рѣчи Шмидта. Распоряженія университетовъ парижскаго и лёвенскаго. Рѣчь профессора медицины и студенты туринскаго университета. Адресъ студентовъ бреславльскаго университета. Популярныя сочиненія и публичныя лекціи въ защиту христіанства въ Германіи за текущій годъ. Вліяніе борьбы съ невѣріемъ на взаимныя отношенія представителей римскаго-католичества и протестантства. Чтеніе патера Гіацинта въ Notre Dame de Paris. Рѣчь архіепископа упсальскаго на провинціальномъ съѣздѣ шведскаго духовенства. Monumenta inedita sacra Ticshendorffii. Предполагаемое изданіе перевода LXX.

Вѣсти съ востока не представляютъ ничего отраднаго. Церковныя реформы князя Кузы, смутившія весь православный востокъ, отозвались даже на отдаленной Синайской горѣ. Настоятель синайскихъ монастырей, архіепископъ Кириллъ, при первомъ же извѣстіи о секуляризаціи монастырскихъ имѣній въ придунайскихъ княжествахъ, гдѣ было нѣсколько монастырей, принад-

лежащихъ св. Синайской горѣ, счелъ себя обязаннымъ энергически протестовать противъ распоряженій Кузы. Но братія подчиненыхъ ему обителей, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не только не поддержала своимъ голосомъ его протеста, но и до того была возмущена имъ, что наложила на него руки и заключила его въ одну изъ тѣсныхъ келій подъ стражу. При первыхъ слухахъ объ этихъ безпорядкахъ, турецкое правительство отправило слѣдственную коммиссію, при отрядѣ египетскихъ войскъ, для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Результаты наряженнаго слѣдствія еще неизвѣстны.

Недавно турецкое правительство сообщило циркуляромъ представителямъ христіанскихъ церквей и другихъ религіозныхъ обществъ въ имперіи, что принадлежавшее имъ доселѣ право гражданскаго суда въ подвѣдомственныхъ имъ обществахъ уничтожается и что христіане отнынѣ должны со всѣми своими исками, жалобами и пр. обращаться въ подлежащія турецкія присутственныя мѣста. Эта мѣра, лишающая иновѣрческихъ подданныхъ Порты одной изъ самыхъ важныхъ гарантій, произвела между ними величайшее смущеніе; но главнымъ образомъ смущаетъ ихъ то, что новый указъ затрогиваетъ и религіозный вопросъ, такъ какъ турецкое законодательство основано на началахъ Корана, который проводитъ далеко не тѣ понятія о гражданскомъ правѣ, которыя проводятся въ христіанскомъ и еврейскомъ законодательствѣ. До сихъ поръ министерскій циркуляръ подаетъ поводъ къ многочисленнымъ протестамъ со стороны немусульманскихъ подданныхъ Порты, но по всей вѣроятности дѣло не обойдется и безъ вмѣшательства первостепенныхъ державъ Европы, которыя гарантировали имъ statu quo. Такимъ обра-

зомъ въ восточномъ вопросѣ завязывается новый узелъ.

Св. земля подверглась тяжкому испытанію въ прошедшемъ году. „Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ (прошедшаго года), пишетъ старшая дочь англиканскаго епископа въ Іерусалимѣ, Гобата, появились въ странѣ страшныя тучи саранчи, и такъ какъ на голыхъ горахъ Іудеи онѣ не нашли себѣ достаточнаго пропитанія, то и бросились на окрестности Яффы, Наблуса (Сихема) и на Галилею. Въ нѣсколько часовъ не осталось и слѣдовъ зелени въ апельсинныхъ садахъ и виноградникахъ, а чрезъ нѣсколько дней вся страна приняла такой видъ, какой она имѣетъ только зимою. Оливковыя деревья до того были объѣдены, что, по словамъ туземцевъ, они снова дадутъ плодъ не раньше, какъ черезъ 6—7 лѣтъ. Невозможно составить себѣ никакого представленія о томъ впечатлѣніи, которое производятъ эти неизмѣримыя массы летающихъ и прыгающихъ животныхъ, которыя необозримыми рядами неудержимо стремятся впередъ, какъ солдаты. Прочитайте двѣ первыя главы пророчества Іоиля, и вы будете имѣть полное описаніе этого страшнаго зрѣлища. Когда они ворвались въ городъ, мы поняли отчаяніе египтянъ во времена Моисея. Лавки и даже колодцы были заперты на нѣсколько дней. Нельзя было ничего дѣлать, все время нужно было употреблять на то, чтобы какъ нибудь защищаться отъ назойливыхъ враговъ. Нашъ домъ былъ полонъ ими, дворъ представлялъ сплошную зеленую массу. Онѣ врывались въ наши комнаты, въ наше платье, въ нашу посуду. Ихъ убивали въ огромномъ количествѣ, и разлагаясь, онѣ производили нестерпимый смрадъ“.

„Вскорѣ затѣмъ открывшійся скотскій падежъ истребилъ множество воловъ, такъ что бѣдные земледѣльцы

не знаютъ, какъ имъ быть со своими лошадьми предъ наступленіемъ зимы".

Затѣмъ принялась холера, и похитила тысячи жертвъ въ Яффѣ, Газѣ и Наблусѣ. Галилея до сихъ поръ была на поражена ею, но жители были объяты смертельнымъ страхомъ. Почти всѣ христіане изъ Акки и Каифы убѣжали въ Назаретъ, поручая себя покровительству Пресвятой Дѣвы.

Къ довершенію несчастія, скоро обнаружился недостатокъ въ водѣ; потому что, вслѣдствіе засухи, весенніе ручьи пересохли. Цистерны были наполнены водой только на половину; и такъ какъ въ окрестностяхъ находится всего два или три источника и притомъ одинъ изъ нихъ еще въ Августѣ (минувшаго года) изсякъ, то вода чрезвычайно вздорожала, равно какъ и необходимое для приготовленія пищи масло. Подвозъ зелени, пока не истребила ее саранча, прекратился по причинѣ холеры, такъ что угрожалъ настоящій голодъ. Въ это бѣдственное время іудеямъ оказывали кое-какую помощь ихъ соотечественники въ Европѣ, а христіанскому населенію помогали, чѣмъ могли, консулы христіанскихъ державъ. Впрочемъ они не отказывали въ посильной помощи и нехристіанскимъ жителямъ страны.

Наконецъ холера пробралась и въ святой городъ! „Я могу только сказать при этомъ, что наши бѣдствія увеличились, пишетъ докъ Гобатъ въ письмѣ отъ 3-го Ноября прошедшаго года. Было у насъ нѣсколько бурь и темныхъ тучь, которыя разрѣшились наконецъ желаннымъ для насъ дождемъ. Но холера взяла свое: 23 Октября умерло 42 человѣка; 24-го числа 109 чел. и съ тѣхъ поръ паша запретилъ извѣщать публику о

числѣ умершихъ. Но я навѣрное могу сказать, что ежедневно умирало не менѣе 60 челов. Въ сію минуту четыре погребальныхъ процессіи тянутся предъ моими окнами. Іудеи и турки пострадали отъ холеры больше всѣхъ. Многіе родители умерли, оставивъ дѣтей своихъ сиротами. Вопль женщинъ раздираетъ душу. Сего дня утромъ одинъ бѣдный еврей принесъ съ собою четырехмѣсячное дитя, положилъ его на руки моему отцу и сказалъ: „возьмите его и дѣлайте съ нимъ, что хотите; мать его умерла, и мнѣ нечѣмъ его кормить". Минуту спустя одна старая еврейка обратилась ко мнѣ съ просьбою, чтобы я усыновила трехъ малолѣтнихъ дѣтей, оставшихся круглыми сиротами послѣ смерти отца и матери, которые на дняхъ умерли отъ холеры. Подобные случаи повторялись въ каждый день, но наше убѣжище ужъ слишкомъ переполнено. Деньги, присланныя изъ Англіи, приходятъ къ концу; мы ихъ затратили на покупку хлѣба, воды и капусты для бѣдныхъ евреевъ и прозелятовъ, которыхъ въ теченіи всего этого времени содержали на свой счетъ. Горе будетъ страшное въ эту зиму; молитесь за насъ и пожалѣйте объ этомъ несчастномъ народѣ".

Православная Греція представляетъ въ настоящее время примѣръ единственной православной страны, гдѣ нарушается оффиціально покой воскреснаго дня. До восшествія на престолъ короля Оттона, какъ правительство, такъ и народъ свято хранили покой этого дня. Всѣ таможни и почтамты закрывались, равно какъ прекращались и всѣ публичныя работы. Но по вступленіи на престолъ баварской династіи, въ воскресенье *должны* были совершаться всѣ аукціоны, публичныя продажи и важнѣйшіе контракты, такъ что народъ

привыкъ наконецъ думать, что для благосостоянія государства необходимо производить всѣ эти дѣла именно въ воскресный день. Противъ этого страннаго мнѣнія, основаннаго на странномъ правительственномъ распоряженіи, впервые подала голосъ газета „Star of the East (звѣзда востока), сряду же послѣ своего появленія въ свѣтъ въ 1858 году. Издатель этой газеты, грекъ, первый заявилъ публично, что онъ впредь общественными дѣлами въ воскресенье заниматься не будетъ. Его примѣру послѣдовалъ одинъ аѳинскій шапочный мастеръ, который, выдержавши предварительно серьозную борьбу съ разными препятствіями, рѣшился объявить публикѣ, что его магазинъ будетъ закрытъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и что вообще онъ будетъ принимать заказы и исполнять ихъ только по буднямъ. Къ нимъ присоединился сѣдельный мастеръ въ Анаполѣ (въ западной Лаконіи), гдѣ особенно распространена „звѣзда востока". Желательно было бы, чтобы эти голоса нашли себѣ откликъ и въ другихъ жителяхъ православной Греціи.

Вѣсти съ запада въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще безотраднѣе, чѣмъ съ востока. Если востокъ возбуждаетъ къ себѣ наше сердечное сочувствіе своими физическими и нравственными страданіями, своей борьбой большею частію безплодной—не смотря на добрую волю и отчаянныя усилія — съ разными аномаліями, вводимыми въ его соціальную и церковную жизнь его самовластными повелителями и приставниками; то европейскій западъ внушаетъ наблюдателю серьезныя опасенія за будущее. Всѣ согласны въ томъ, что онъ (да и одинъ ли онъ?) переживаетъ критическое время. Никогда еще нападки на вѣру, нравственность, поряд-

ни государственной, соціальной и семейной жизни не были такъ сильны, не высказывались съ такой циничческой откровенностью и съ такимъ непостижимымъ легкомысліемъ, какъ въ наши дни. Доказательствомъ служитъ конгрессъ студентовъ въ Люттихѣ.

На немъ присутствовало до 1500 чел. студентовъ изъ разныхъ европейскихъ и американскихъ университетовъ. По словамъ Neue evangelische Kirchenzeitung, они разсуждали о религіозныхъ и политическихъ вопросахъ съ цинизмомъ, переходящимъ всѣ границы. Нѣкоторые ораторы прямо заявили, что ихъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобы истребить всѣ религіи, разрушить всѣ церкви, искоренить самую мысль о Богѣ изъ человѣческаго сознанія. По ихъ мнѣнію атеизмъ есть послѣдняя цѣль всякой человѣческой науки. Всѣ эти богохульныя положенія были встрѣчены шумными рукоплесканіями. Другіе говорили, что извѣстные изверги, залившіе кровію Францію въ 1793 г., исполняли только свой долгъ; къ этому студенты прибавляли, что и еще должно пасть 100 тыс. человѣческихъ головъ прежде, чѣмъ счастіе человѣчества утвердится на прочномъ основаніи.

Эти каннибальскія заявленія озадачили даже самыхъ крайнихъ радикаловъ во французской прессѣ. Демократы обвиняютъ клерикальную партію въ томъ, что она будто бы довела молодыхъ людей до такого безобразія своимъ суевѣрнымъ ученіемъ, пустыми церемоніями и безсмысленными легендами; духовенство въ свою очередь винитъ во всемъ независимыя школы и университеты, гдѣ, по его словамъ, юношеству преднамѣренно внушается ненависть ко всему религіозному. Не зная близко мѣстныхъ отношеній, мы не можемъ сказать,

кто дѣйствительно виноватъ въ такомъ настроеніи университетской молодежи. Но, прочитавши рѣчь ректора грацскаго университета, Оскара Шмидта, сказанную имъ въ полномъ собраніи профессоровъ и студентовъ при открытіи зимняго семестра, мы расположены думать, что клерикальная партія не совсѣмъ клевещетъ на университеты. Вотъ что сказалъ между прочимъ Rector magnificus: „человѣкъ есть развитая обезьяна; онъ возникъ изъ неорганической матеріи чрезъ безконечный рядъ случайностей, мало по малу пріобрѣтавшихъ остойчивость. Что человѣкъ по своему развитію представляется ближайшимъ выродкомъ обезьяны, это доказано вполнѣ новѣйшими изслѣдованіями“. Какого уваженія къ религіи ожидать отъ юношества, ввѣреннаго руководству подобныхъ обезьянъ въ ректорскихъ мантіяхъ?

Распространенію невѣрія между университетской молодежью много содѣйствуютъ антирелигіозныя сочиненія Ренана, Штрауса, Мишле и др., которыя читаются ею съ жадностью. Чтожъ удивительнаго, если, при недостаткѣ противодѣйствующихъ вліяній, отъ этого развивается въ ней духъ крайняго отрицанія?

Французскіе и нѣмецкіе евреи сдѣлали что-то въ родѣ своей спеціальности изъ распространенія книгъ Ренана и Штрауса въ народной массѣ, передѣланныхъ приспособительно къ ея понятіямъ. Во многихъ гостинницахъ, содержимыхъ евреями, предлагаютъ прямо посѣтителямъ означенныя книги вмѣстѣ съ газетами. Ненависть евреевъ къ христіанству беретъ даже верхъ надъ ихъ препрославленной жадностью къ деньгамъ. Они тратятъ большія суммы на пріобрѣтеніе означенныхъ книгъ и пускаютъ ихъ по дешевой цѣнѣ, а не-

8*

рѣдко и даромъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными возможно—большему числу читателей.

Ученые евреи стараются вредить христіанству изслѣдованіями, направленными въ опровержение того или другаго факта изъ первобытной исторіи христіанства. Такъ напр. извѣстный въ ученомъ мірѣ еврейскій раввинъ Филипсонъ недавно издалъ въ Берлинѣ брошюру подъ названіемъ: Haben wirklich die Juden Jesum gekreuzigt? (Дѣйствительно ли Іудеи распяли Іисуса?) Въ этой брошюрѣ авторъ старается доказать, что Іудеи не распинали Іисуса Христа и слѣд. сказаніе объ этомъ фактѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно находится у Евангелистовъ, есть выдумка. Главнымъ основаніемъ для этого мнѣнія служитъ составленное самимъ же Филипсономъ предположеніе, что Пилатъ и безъ вмѣшательства Іудеевъ *долженъ былъ* распять Іисуса Христа по причинамъ политическимъ, какъ одного изъ тѣхъ самозванныхъ мессій, которыхъ много появлялось въ то время. Самое большее, что авторъ соглашается уступить Евангелистамъ относительно распятія,—это то, что кто нибудь изъ Іудеевъ сдѣлалъ доносъ, или кто нибудь изъ учениковъ выдалъ Іисуса Христа Пилату. Neue evangelische Kirchenzeitung очень справедливо замѣчаетъ по поводу этой брошюры Филипсона, что древніе талмудисты, завѣрявшіе фактъ распятія въ томъ видѣ, въ какомъ передаютъ его Евангелисты, лучше понимали вѣру и духъ своего народа, чѣмъ современные раввины, потерявшіе чутье и для того и для другаго. Впрочемъ историческіе грѣхи брошюры могутъ быть объяснены и проще,—именно ея практической тенденціей. Авторъ трудился надъ нею, по его словамъ, въ интересахъ религіозной терпимости. Ему хотѣлось до-

казать христіанамъ, что они не правы въ своей ненависти къ іудеямъ, такъ какъ іудеи неповинны въ распятіи Іисуса Христа. Странный же способъ выбралъ Филиппсонъ для примиренія іудеевъ съ христіанами,— оправдывая однихъ, клеветать на другихъ.

Прекрасно охарактиризовалъ современное анти-религіозное направленіе умовъ въ западной европѣ Гладстонъ (бывшій министръ финансовъ въ Англіи) въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ эдинбургскомъ университетѣ по случаю поднесенія ему титула почетнаго ректора:

„Мы живемъ въ такое время, когда наша связь съ міромъ невидимымъ и самое существованіе этого міра обращается въ вопросъ. Часто говорятъ намъ объ общихъ законахъ такимъ образомъ, какъ будто они существуютъ независимо отъ всякаго законодателя и судьи, о слѣпой необходимости, которая направляетъ всѣ вещи къ неизбѣжной цѣли, такъ что наша свободная воля и способность отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ уничтожаются и разлетаются въ прахъ, съ другой стороны говорятъ объ индивидуальномъ разумѣ, которому мы должны слѣдовать подъ условіемъ—ничего не принимать на авторитетъ, не думать ни о какомъ предшествовавшемъ намъ воспитаніи человѣческаго рода, не признавать никакого долга и обязанностей въ отношеніи къ тѣмъ, которые жили прежде, или которые будутъ жить послѣ насъ, словомъ: подъ условіемъ, чтобъ каждый самъ по себѣ начиналъ съизнова дѣло“.

„Вотъ теперешнія ходячія понятія, вотъ облака, омрачающія небо. Онѣ разстилаются между нами и солнцемъ

и заставляютъ людей вѣрить въ инерцію; чего они не видятъ, то и не существуетъ; онѣ подавляютъ надежды вѣка, во многихъ отношеніяхъ счастливаго и богатаго будущимъ. Св. Августинъ, если не ошибаюсь, однажды сказалъ: самыя опасныя и дурныя времена тѣ, когда способность ставить вопросы превышаетъ способность разрѣшать ихъ".

„Среди этого безпокойнаго движенія умовъ мы можемъ предохранить себя по крайней мѣрѣ отъ одного заблужденія, именно того заблужденія, которое трактуетъ и христіанство заурядъ со всѣмъ остальнымъ. Христіанство должно распространять теплоту, которая проникала бы все, оно должно принимать внутреннѣйшее участіе во всѣхъ истинныхъ интересахъ и потребностяхъ человѣчества, лелѣять всѣ правильныя способности человѣческой природы, усвоять себѣ все, что подъ тѣмъ или другимъ именемъ содѣйствуетъ умноженію отеческаго наслѣдія человѣческаго рода. Что касается лично меня, то я наученъ опытомъ, что въ той мѣрѣ, какъ возрастаетъ наше удивленіе, при постепенномъ изученіи природы вселенной и ея безчисленныхъ обитателей, и приспособленности ея частей къ поддержанію и пользѣ людей,—въ той же мѣрѣ проясняется наше внутреннее око; мы осязательнѣе видимъ слѣды Всевышняго въ нитяхъ исторіи, которыя часто и такъ сильно, по видимому, бываютъ перепутаны. Мы находимъ повсюду предъ собой и позади себя, надъ нами и подъ нами силу, которая проникаетъ всю жизнь, объемлетъ все, которая раскрывается не раздѣляясь, дѣйствуетъ не истощаясь. Въ тоже время мы находимъ, что съ этою силою соединены благость и мудрость, для которыхъ эта безграничная сила является какбы орудіемъ. Но нигдѣ эта благость и мудрость не являются

нами въ такомъ ослѣпительномъ блескѣ, какъ въ таинствѣ искупленія,—когда Божественное Провидѣніе, подготовляя это великое дѣло чрезъ рядъ вѣковъ, дѣйствуя во многихъ мѣстахъ и во многихъ поколѣніяхъ, дѣйствія и событія человѣческія напередъ группируетъ такъ, что всѣ они сводятся къ одной цѣли, именно къ искупленію міра воплотившимся Богомъ, чрезъ Котораго и на Котораго изливаются всѣ лучи славы и отъ Котораго стремятся потоки спасительнаго свѣта въ самыя мрачныя и самыя печальныя мѣста творенія“.

Благородный голосъ знаменитаго государственнаго человѣка Англіи въ защиту священныхъ интересовъ человѣчества прозвучалъ не одиноко. Мы имѣемъ утѣшеніе отмѣтить въ своей лѣтописи нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ западной Европѣ сохранилось еще много здоровыхъ силъ для ограниченія античеловѣчнаго (иначе мы не можемъ выразиться) направленія современной мысли. Здѣсь прежде всего мы должны упомянуть о протестѣ студентовъ богословскаго факультета на рѣчь ректора грацскаго университета. Четверо изъ нихъ отъ имени своихъ товарищей по факультету напечатали свой протестъ отдѣльной брошюрой (1), въ которой доказываютъ, что теорія, высказанная ихъ ректоромъ, равно гибельна и „для короны царской, и для жезла епископскаго, и для банкирской кассы, и для цѣпи ректора“.

По опредѣленію академическаго сената семь студентовъ парижскаго университета—пять медицины и два по

(1) Вотъ заглавіе брошюры: Die Theologen und die Festrede vom 15 November 1865. Eine Rechtfertigung in Namen der Hörer der theologischen Facultät, veröffentlicht von Leopold Schuster, Johan Wöhr, Franz Polzl, Joseph Trühwirth. Graz 1865.

юридическому факультету—исключены изъ университета за участіе въ люттихскомъ конгрессѣ.

Тоже сдѣлалъ лёвенскій университетъ со студентами, вопреки запрещенію отправившимися на конгрессъ въ Люттихъ.

Студенты туринскаго университета привѣтствовали шумными рукоплесканіями заявленіе своего профессора медицины, что „религія необходима для науки, для прогресса и для общества“.

Римско-католическіе студенты бреславльскаго университета подали адресъ въ богословскій факультетъ, съ просьбою открыть особенную каѳедру апологетики при этомъ факультетѣ.

Вообще, если много теперь въ западной Европѣ враговъ вѣры, то не мало и защитниковъ ея. Никогда такъ много не появлялось въ свѣтъ сочиненій въ защиту вѣры, какъ въ прошедшую зиму — и особенно въ Германіи; никогда не говорилось такъ много проповѣдей на апологетическія темы, никогда не читалось такъ много популярныхъ лекцій, никогда эти лекціи не посѣщались такой многочисленной публикой, никогда сочиненія съ апологетическимъ содержаніемъ не расходились въ такомъ огромномъ количествѣ. И что особенно замѣчательно, въ ряды защитниковъ вѣры становятся представители тѣхъ наукъ, со стороны которыхъ производятся сильнѣйшія нападки на нее, именно представители наукъ естественныхъ. Этотъ фактъ, въ соединеніи съ большимъ запросомъ на апологетическія сочиненія, очень знаменателенъ: онъ показываетъ, что наше время глубоко сознаетъ потребность вѣры и, можетъ быть, тѣмъ глубже, чѣмъ сильнѣе нападки на нее.

Изъ проповѣдей, популярныхъ чтеній, книгъ и бро-

шюръ, появившихся въ теченіи прошлой зимы въ Германіи, мы остановимся только на нѣкоторыхъ, по недостатку времени и мѣста для остальныхъ.

Начнемъ съ замѣчательной рѣчи профессора Гельда „объ отношеніи современнаго міроваго воззрѣнія къ христіанству", произнесенной имъ 8 Января текущаго года въ собраніи евангелическаго союза. Авторъ начинаетъ съ опредѣленія того, что называетъ онъ современнымъ міросозерцаніемъ. Современное міросозерцаніе, по его словамъ, есть такое умственное направленіе, которое, не прерывая совершенно связи съ христіанствомъ, отрицаетъ въ немъ все сверхъестественное и, преимущественно, чудеса. Между факторами, содѣйствовавшими развитію такого умственнаго направленія, авторъ отмѣчаетъ прежде всего реформацію, которая разрушила духовное единство средневѣковой Европы; ея дѣло продолжили классическія и естественныя науки, философія и особенно великіе писатели и поэты прошлаго столѣтія. Всѣ эти факторы постепенно произвели существующее теперь разъединеніе между христіанствомъ и современнымъ направленіемъ умовъ.

Рѣшая вопросъ о средствахъ къ соглашенію христіанства съ современнымъ направленіемъ, авторъ разсматриваетъ предварительно два главныхъ проекта къ соглашенію, предлагаемые представителями разныхъ богословскихъ круговъ; одни требуютъ, чтобы Церковь принесла современному направленію въ жертву тѣ пункты въ своемъ ученіи, которые не мирятся съ сознаніемъ нашего времени. Въ вознагражденіе ея за эту жертву, оно приметъ все остальное, что, за исключеніемъ этихъ пунктовъ, останется содержаніемъ христіанства. Другой проектъ думаетъ достигнуть требуемаго соглашенія пу-

темъ реформъ церковнаго устройства, чрезъ основаніе истинной, *народной* церкви.

Разсматривая оба эти проекта, авторъ находитъ ихъ никуда не годными. Онъ очень справедливо полагаетъ, что, отреченіемъ отъ особенностей своего ученія, Церковь не привлечетъ къ себѣ никого изъ тѣхъ, которые чуждаются ея теперь, и оттолкнетъ всѣхъ, кто вѣритъ еще въ божественное происхожденіе ея самой и ея ученія. Съ другой стороны, передать церковную власть народнымъ массамъ, особенно въ большихъ городахъ, на томъ основаніи, что онѣ — церковныя общины, значило бы, подъ видомъ свободы, проводить въ церковную жизнь крайнюю тираннію. Вмѣсто того, чтобы обезображивать церковное ученіе, наши современники, по мнѣнію автора, должны бы были позаботиться о болѣе глубокомъ изученіи его. Въ лицѣ Христа, какъ объ Немъ учитъ Церковь, какимъ представляется Онъ въ св. Писаніи и какимъ знаетъ Его исторія, вовсе нѣтъ того противорѣчія, которое предполагаетъ наше время.

Нисколько не уменьшая важности отчужденія современныхъ умовъ отъ христіанства, авторъ однакожъ находитъ, что христіанство не должно за себя опасаться. „Хотя наше время, заключаетъ онъ, ставитъ въ вопросъ все будущее человѣчества, но христіанству бояться нечего: у него очень сильные союзники. Эти союзники — совѣсть, которая требуетъ святой жизни, и душевная тоска, которая можетъ успокоиться только во Христѣ—Богѣ. Вопросъ: *что вамъ мнится о Христѣ; чей есть сынъ?*—составляетъ предметъ борьбы, но эта борьба можетъ лишь увеличить Его славу".

11-го января докторъ Клейнертъ открылъ рядъ апологетическихъ чтеній въ „обществѣ для постройки цер-

рей въ Берлинѣ чтеніемъ о священномъ Писаніи". Клейнертъ такъ понимаетъ задачу современной христіанской апологетики: „апологетическія чтенія о евангельской истинѣ не имѣютъ цѣли обосновывать евангельскую истину, потому что она прочно стоитъ сама по себѣ; не имѣютъ также цѣли—обосновывать вѣру, потому что она пріобрѣтается жизненнымъ опытомъ: онѣ имѣютъ цѣлію только подкрѣпить разумными основаніями вѣру, обоснованную уже жизнію; въ частности для нашего времени онѣ имѣютъ своею задачею показать, что современное образованіе столько же доставляетъ оружія *за*, сколько и *противъ* христіанства.

Наглядное доказательство того, какъ много доставляетъ оружія современное образованіе въ пользу той или другой богооткровенной истины, представилъ докторъ Гоффманъ (генералъ-суперъ-интендентъ въ Берлинѣ) во второмъ своемъ апологетическомъ чтеніи „о единствѣ человѣческаго рода". Свою лекцію онъ началъ словами апостола Павла: *сотворилъ есть отъ единыя крове весь языкъ человѣчь жити по всему лицу земному* (Дѣян. 17, 26). Какъ извѣстно, въ настоящее время сильно распространенъ противоположный этому взглядъ. Онъ основывается на нѣкоторыхъ наблюденіяхъ надъ организмомъ и языкомъ человѣческимъ. Естественныя науки, въ опроверженіе библейскаго ученія о единствѣ человѣческаго рода, ссылаются на большую разность между существующими теперь человѣческими расами со стороны анатомическаго устройства и языка. Въ опроверженіе этого взгляда, Гоффманъ говоритъ, что новѣйшія открытія представляютъ много доказательствъ въ подтвержденіе ученія о единствѣ человѣческаго рода и ни одного неопровержимаго про-

тивъ него, что предполагаемые гигантскіе размѣры первобытныхъ людей—созданіе воображенія, что разности въ устройствѣ черепа, въ величинѣ лицеваго угла, въ цвѣтѣ кожи обусловливаются климатомъ, образомъ жизни, цивилизаціей, что мнимая неспособность нѣкоторыхъ племенъ къ образованію—выдумка, и что наконецъ ископаемые остатки человѣка всѣ вмѣстѣ не восходятъ раньше времени, указываемаго въ Библіи для происхожденія человѣческаго рода.

Особенный интересъ возбуждали въ прошлую зиму въ Цюрихѣ апологетическія чтенія Штутца (1). Этотъ интересъ главнымъ образомъ возбужденъ былъ личностью оратора. Это—доцентъ геологіи. Многочисленная публика посѣщала его чтенія отъ начала до конца съ возрастающимъ вниманіемъ. Лекціи дѣйствительно интересны. Вотъ ихъ содержаніе: „противоположности и ихъ возникновеніе; истинный и новомодный протестантизмъ; современное міросозерцаніе, естествоиспытаніе и чудо; современная критика и памятники христіанства; Іисусъ Христосъ; апостолъ Павелъ; апостольскій символъ; задача вѣрующихъ мірянъ". Со стороны Штутца, какъ геолога, особенно важно для христіанской апологетики заявленіе, что геологія не имѣетъ права судить о тѣхъ или другихъ теоретическихъ или фактическихъ истинахъ откровенія, потому что онѣ принадлежатъ къ совершенно чуждому ей порядку явленій.

Не утомляя нашихъ читателей изложеніемъ содер-

---

(1) Онѣ появились недавно въ печати отдѣльною книгою (до 250 стр.) подъ названіемъ: die Thatsachen des Glaubens, Vorträge über die religiösen Streitfragen unserer Zeit und unseres Orts, eine Antwort auf die Rathhausvorlesungen von. U. Stutz Secundarlehrer und Docenten der Geologie am eidgenossischen Polytechnicum.

жанія сочиненій, съ апологической цѣлью появившихся въ печати въ прошедшую зиму, мы не можемъ однакожъ не указать еще на нѣкоторыя болѣе замѣчательныя изъ нихъ. Къ числу ихъ мы относимъ: 1) Iesus und Hillel von F. Delitzch (Іисусъ и Гамаліилъ соч. Ф. Делитьча). 2) Die modernen Darstellungen des Lebens Jesu, von D. Uhlhorn (Новѣйшія представленія жизни Іисуса, докт. Ульгорна). 3) Apologetische Vorträge in St. Gallen, von D. Teodor Christlib (апологетическія чтенія въ С. Галленѣ док. Θеодора Христлиба).

Авторъ перваго изъ этихъ сочиненій, проводя параллель между І. Христомъ и Гамаліиломъ, доказываетъ противъ Ренана и Гейгера, что между І. Христомъ и Гамаліиломъ нѣтъ ничего общаго, что первый ничего не заимствовалъ у послѣдняго.

Ульгорнъ разсматриваетъ въ первой лекціи „Жизнь Іисуса" Ренана, во второй „Характиристику Іисуса" Шенкеля и „Жизнь Іисуса" Штрауса; въ третьей—вопросъ о подлинности Евангелія, въ четвертой—вопросъ о чудесахъ. По нашему мнѣнію авторъ справедливо замѣчаетъ въ своей книгѣ, что „лучшею апологіею жизни Іисуса служитъ жизнь христіанина, въ которомъ живетъ Іисусъ".

Изъ лекцій Христлиба до сихъ поръ напечатано только двѣ первыхъ: а) о разрывѣ между современнымъ образованіемъ и христіанствомъ и б) о разумѣ и откровеніи. Намъ нравится особенно слѣдующее мѣсто изъ первой лекціи: „духовно-нравственныхъ предметовъ нельзя доказывать математически; еще менѣе можно доказывать такъ божественныя истины. Кто говоритъ: мои мысли не ваши мысли, тотъ въ свое дѣло и въ свои слова вноситъ логику, высшую логики Аристоте-

ля. Къ принятію своихъ мыслей никого нельзя принудить путемъ чисто логическимъ, и всего менѣе тѣхъ, которые *не хотятъ* вѣрить и вслѣдствіе этого не способны и къ серьезному изслѣдованію".

Изъ французскихъ сочиненій апологетическаго содержанія назовемъ здѣсь: а) Vie de Iesus Christ, son temps, sa vie, et son oeuvre, par Pressensè (Іисусъ Христосъ, Его время, Его жизнь и Его дѣло. соч. Пресансе), б) Le Pentateuque Mosaique defendu contre les attaques de la critique negative, par E. Arnaud (Защита пятокнижія Моусеева противъ нападокъ отрицательной критики, соч. С. Арно) и в.) Лекціи Гіацинта въ Сорбоннѣ.

Не маловажное значеніе имѣютъ также для апологетики сдѣланныя недавно открытія въ Помпеѣ и въ Египтѣ.

Новѣйшія изслѣдованія въ Помпеѣ открыли замѣчательные слѣды христіанства въ этомъ языческомъ городѣ. На большомъ домѣ эдила Помпы на улицѣ Фортуны найдено на стѣнѣ магазина оконченное на половину изображеніе креста. Оно сдѣлано какимъ-то острымъ инструментомъ. Вблизи изображенія находится каррикатура и насмѣшка въ стихахъ надъ поклоненіемъ распятому Богу.

Беккеръ издалъ недавно описаніе подобнаго же изображенія, найденнаго въ римскихъ императорскихъ палатахъ и относящагося къ началу III вѣка (¹). Самое изображеніе находится теперь въ Museo Kircheriano въ Римѣ. Къ брошюрѣ Беккера приложена точная копія его. На крестѣ изображена человѣческая фигура съ лоша-

(¹) Оно носитъ слѣдующе заглавіе: Das Spott—Crucifix der römischen Kaiserpaläste aus dem Anfange des dritten Jahrhunderts, erläutert von F. Becker. Breslau. Verlag von Max Mälzer 1866 г. § 44.

линою или ослиною головой. Налѣво отъ креста нѣсколько пониже представлена маленькая фигура съ простертыми на молитву руками. Внизу подпись: „Алексаменосъ молится Богу". Направо повыше креста находится большое греческое ипсилонъ. Художественнаго значенія изображеніе не имѣетъ. Оно нацарапано грифелемъ. Оно сдѣлано на стѣнѣ въ комнатѣ пажей въ императорскомъ дворцѣ, находившемся у подножія палатинской горы. Свойство кирпича показываетъ, что зданіе построено не раньше царствованія Адріана (117—138).

Изъ сочиненій Тертулліана и Минуція Феликса видно, что въ то время между язычниками ходила молва, будто христіане считаютъ Богомъ ослиную голову. Раньше этого подобная же молва носилась относительно іудеевъ и, по всей вѣроятности, сродство между іудействомъ и христіанствомъ, часто возводимое язычниками до совершеннаго тождества, было причиною того, что эта нелѣпая молва распространена была и на счетъ христіанъ.

Предполагаютъ, что это изображеніе относится ко временамъ Септимія Севера, или Каракаллы. Вѣроятно между императорскими пажами были и христіане, а ихъ языческіе товарищи смѣялись надъ ними.

Въ брошюрѣ Беккера собрано много очень дѣльныхъ замѣчаній о первоначальной формѣ креста, о видахъ крестной казни и о происхожденіи изображенія распятія. Сочиненіе автора есть плодъ трудолюбивыхъ и основательныхъ изслѣдованій, которыми онъ занимался во время своего продолжительнаго пребыванія въ Римѣ, равно какъ обширнаго знакомства съ литературою предмета.

Землекопы на Суэсскомъ перешейкѣ и нѣкоторые пу-

тешественники сдѣлали также интересныя открытія относительно древней исторіи израильтянъ и египтянъ и взаимныхъ отношеній ихъ другъ къ другу. Прусскій ученый Бругшъ разобралъ свитокъ папируса, въ которомъ говорится о построеніи городовъ Пиѳона и Рамезеса (построеніе ихъ приписывается израильтянамъ въ книгѣ Исхода 1,11: *и создаша грады тверды Фараону, Пиѳо и Рамесси и Онъ, иже есть Иліополь*) и о заготовкѣ кирпича апурами (такъ называли египтяне евреевъ). О кирпичныхъ работахъ Израиля даетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія книга Исходъ: *и рече Фараонъ: се нынѣ умножишася людіе сіи на земли: убо не дадимъ почити имъ отъ дѣлъ. Заповѣда же Фараонъ приставникомъ дѣлъ людскихъ и книгочіямъ, глаголя: не ктому приложите дати плевъ людемъ къ плиноодѣланію, яко же вчера и третіяго дне: но сами да идутъ и собираютъ плевы себѣ. И урокъ плиноодѣланія, еже они творятъ, на кійждо день наложимъ имъ: не уемлите ничто же: праздни бо суть, сего ради возвопиша, глаголюще: да пойдемъ и пожремъ Богу нашему. Да отягчатся дѣла людей сихъ, и пекутся о нихъ, и не помыслятъ о словесѣхъ суетныхъ* (Исх. 5. 6—9 и далѣе до ст. 19). Надпись, найденная на одной, засыпанной землею, скалѣ въ долинѣ Гамаматъ, гласитъ, что здѣсь работало 800 человѣкъ изъ народа израильскаго съ ломами. Найденныя тутъ же изображенія даютъ возможность различать еврейскихъ работниковъ по овалу лица и по длиннымъ бородамъ, которыми они отличались отъ египтянъ.

Такимъ образомъ въ опроверженіе людей начали говорить камни.

Кромѣ оживленія апологетической и ученой дѣятельности, борьба съ врагами христіанства начинаетъ зна-

чительно смягчать взаимныя отношенія между представителями разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Въ виду общей опасности, они начинають довѣрчиво простирать другъ другу руки для взаимнаго содѣйствія. Въ массахъ этого стремленія къ взаимному сближенію еще не замѣтно; но передовые люди все яснѣе и яснѣе начинають сознавать необходимость этого сближенія и печатно заявляютъ о своей готовности къ нему.

Патеръ Гіацинтъ (кармелитскій монахъ), читавшій въ прошлую зиму, по порученію архіепископа парижскаго, лекціи въ церкви Notre—Dame de Paris о „независимой нравственности“ (1) сдѣлалъ слѣдующее обращеніе къ протестантамъ и деистамъ: „я вступаю теперь въ среду христіанскихъ протестантовъ и истинныхъ деистовъ и говорю: вы — мои союзники. Естественно я не могу забывать того, что насъ раздѣляетъ; пропасть, раздѣляющая насъ, есть Церковь; но я не могу также забывать и того, что насъ соединяетъ. Вы, подобно мнѣ, вѣруете во Христа (протестанты), или если не вѣруете въ Него (деисты), то, по крайней мѣрѣ, преклоняете свои колѣна предъ живымъ, личнымъ Богомъ. А если такъ, то я не замѣчаю уже больше бездны, насъ раздѣляющей, а дружески простираю вамъ руку и приглашаю васъ на помощь, которую вы очень легко можете оказать мнѣ, пока я буду защищать нравственное ученіе нашей христіанской Церкви“.

(1) Такъ называемая „новая школа“ утверждаетъ, что вовсе не необходимо вѣрить въ Бога для того, чтобы исполнять всѣ обязанности хорошаго гражданина, и потому пытается начертать такую систему нравственности, которая была бы совершенно независима отъ вѣры и опиралась исключительно на основаніи личнаго интереса, или общественной пользы. Отсюда названіе: le morale independant.

Одно изъ побужденій къ взаимному сближенію христіанскихъ вѣроисповѣданій высказалъ архіепископъ упсальскій (въ Швеціи) на провинціальномъ соборѣ шведскаго духовенства, по поводу непріятностей, которыя пришлось испытать римско-котоликамъ въ Баденѣ отъ протестантовъ. „Эти бѣдствія имѣютъ свое начало не въ ревности объ истинномъ христіанствѣ, а скорѣе въ мотивахъ, совершенно противоположныхъ, и потому нечему тутъ радоваться. Что случилось теперь съ римско католической церковью, то послѣ можетъ случится и съ евангелической, и по нашему мнѣнію указываетъ на разрушеніе церкви и вѣроисповѣданія, а не на укрѣпленіе той и другаго“.

Въ заключеніе упомянемъ еще объ изданіяхъ и ученыхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ общій интересъ для богословской науки.

Извѣстный Тишендорфъ издалъ въ началѣ текущаго года новый томъ своихъ monumenta sacra inedita. Этотъ томъ дополняетъ „библютеку христіанскихъ письменыхъ памятниковъ“ однимъ неизвѣстнымъ до сихъ поръ палимпсестомъ, содержащимъ въ себѣ всѣ новозавѣтныя посланія, равно какъ и апокалипсисъ, который впрочемъ вошелъ въ составъ слѣдующаго тома, тоже явившагося уже въ печати. Этотъ палимпсестъ былъ найденъ нашимъ преосв. Порфиріемъ, епископомъ чигиринскимъ, во время его путешествія по востоку. Тишендорфъ, увидавши его въ библіотекѣ преосвященнаго, съ его позволенія подновилъ рукопись химическимъ способомъ, разобралъ ее и издалъ. Только пять изъ существующихъ доселѣ рукописей въ этомъ родѣ могутъ быть признаны древнѣе изданной теперь Тишендорфомъ по времени. Между подписчиками на все из-

даніе находится 21 коронованная особа. 23 экземпляра пріобрѣтаются для императорскихъ русскихъ библіотекъ. Между подписчиками имена кардиналовъ перемѣшаны съ именами англійскихъ лордовъ. Большая часть европейскихъ университетовъ также подписались на изданіе.

Кромѣ того Тишендорфомъ изданы „апокрифическіе апокалипсисы (Apocalypses apocryphae). Между ними находится и апокрифическій апокалипсисъ апостола Павла, считавшійся доселѣ потеряннымъ. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ признакамъ, подъ которыми знали его бл. Августинъ и Созоменъ. Оригинальный греческій текстъ Тишендорфъ отыскалъ въ библіотекахъ миланской и мюнхенской. Сирскій переводъ его недавно найденъ англійскими миссіонерами въ Уруміи. Въ этомъ апокалипсисѣ разсказывается, что видѣлъ ап. Павелъ на третьемъ небѣ, куда онъ былъ восхищенъ, равно какъ въ раю и въ аду. Изъ этого, равно и изъ другихъ подобныхъ же апокалипсисовъ, изданныхъ въ сборникѣ Тишендорфа, древніе нѣмецкіе поэты заимствовали не мало картинъ для своихъ поэтическихъ произведеній.

Докторъ де-Лагардъ, извѣстный своими критическими изданіями важнѣйшихъ документовъ, относящихся къ древней церковной исторіи, занимается въ настоящее время предварительными работами для новаго критическаго изданія перевода LXX.

И. Троицкій.

О ДРЕВНОСТИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА.

По нынѣшнему духу и направленію естественныхъ наукъ, нельзя не замѣтить, что эти науки чуждаются всякой мысли объ отношеніи добываемыхъ ими результатовъ по разнымъ отраслямъ изученія природы къ ученію слова Божія, къ тѣмъ немногимъ, но тѣмъ не менѣе яснымъ и положительнымъ внушеніямъ, какія сообщаются въ св. Писаніи о мірѣ, человѣкѣ и разныхъ другихъ предметахъ, изслѣдованіе которыхъ составляетъ прямую задачу и цѣль естествознанія. Стремленіе къ независимости и освобожденію себя изъ подъ вліянія слова Божія составляетъ одно изъ характеристическихъ явленій въ области современныхъ естество-научныхъ изысканій, такъ ясно обнаружившееся, по поводу извѣстной декларація, изданной въ концѣ 1864 года отъ нѣкоторыхъ англійскихъ ученыхъ съ цѣлію предостеречь естествоиспытателей отъ научныхъ рѣшеній, несогласныхъ съ религіознымъ ученіемъ. Этому стремленію къ независимости нельзя, конечно, отказать въ извѣстной долѣ законности, если только оно держится въ надлежащихъ границахъ и не переходитъ въ открытый антагонизмъ къ Бож. откровенію, разрывающій всякую связь

между научными и религіозными интересами. Св. Писаніе не имѣетъ прямою цѣлію своею распространеніе научныхъ свѣдѣній; на него нельзя смотрѣть, какъ на кодексъ научныхъ положеній, дающій отвѣты на всѣ пытливые вопросы ума человѣческаго; въ немъ нельзя искать руководства по геологіи, астрономіи, физикѣ и другимъ естественнымъ наукамъ. Какъ откровеніе прежде всего нравственное, имѣющее главнымъ предметомъ—духовную жизнь человѣка, св. Писаніе, если и касается тѣхъ или другихъ научныхъ вопросовъ, то касается ихъ на столько, на сколько это нужно для высшихъ нравственныхъ цѣлей. Излагая исторію творенія, оно не имѣетъ исключительною цѣлію научить насъ, какъ организовался міръ, и удовлетворить нашему любопытству, но научить насъ главнымъ образомъ тому, чему не научила бы насъ сама по себѣ ни геологія, ни астрономія, ни вообще наука, именно,—что мы одолжены бытіемъ и жизнію, вмѣстѣ съ окружающимъ насъ міромъ, Богу—высочайшему, личному, свободному и разумному существу, Который создалъ все по своей благости. О физическихъ собственно процессахъ образованія міра Библія говоритъ коротко и сжато. Это разграниченіе между наукою и религіозною областію, кажется намъ, необходимо долженъ дѣлать всякій, кто приступаетъ къ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ научныхъ результатовъ, при свѣтѣ откровенія. Если естествознаніе стремится къ пріобрѣтенію болѣе полныхъ свѣдѣній о разныхъ явленіяхъ видимаго міра, нежели какія можно почерпнуть изъ Библіи,—въ законности этого стремленія ему никто не можетъ отказать: великая и обширная книга природы—книга дѣлъ Божіихъ всегда служила для ума человѣческаго и въ частности для ума христіанскаго, пред-

метомъ любознательности и источникомъ многихъ полезныхъ и плодотворныхъ свѣдѣній, служащихъ къ разъясненію многихъ весьма важныхъ научныхъ вопросовъ, на которые въ другой великой книгѣ—книгѣ слова Божія нельзя искать полныхъ и подробныхъ рѣшеній. Пока естествознаніе держится въ предѣлахъ точнаго изученія и изслѣдованія этой первой книги, въ предѣлахъ т. е. точнаго наблюденія надъ явленіями природы и правильнаго законнаго умозаключенія изъ „точно" обслѣдованныхъ фактовъ опыта, на самостоятельность и независимость въ его изслѣдованіяхъ никто не станетъ посягать, кто хочетъ быть безпристрастнымъ защитникомъ религіозныхъ интересовъ и не желаетъ набросить невыгодной тѣни на защищаемое имъ дѣло. Пока геологія занимается наблюденіемъ и описаніемъ процессовъ образованія земной коры, различаетъ послѣдовательный рядъ этихъ образовательныхъ процессовъ, изслѣдуетъ отдѣльные пласты земной коры, группируетъ ихъ въ извѣстные классы, подводитъ подъ извѣстные порядки,— она дѣйствуетъ въ своей сферѣ, въ которой принадлежитъ ей полное право свободнаго, безпрепятственнаго изслѣдованія.

Но дѣло получаетъ другой видъ, какъ скоро отъ фактовъ опыта и точнаго изслѣдованія природы, естествознаніе обращается къ попыткамъ—теоретически, изъ какихъ нибудь апріорическихъ началъ, рѣшить тотъ или другой вопросъ, на который дано уже положительное рѣшеніе въ откровеніи и котораго никогда нельзя рѣшить путемъ чисто научнымъ. Когда геологія, отъ изслѣдованія геологическихъ процессовъ и фактовъ, обращается къ попыткѣ теоретически объяснить исторію развитія земли и начертать теорію творенія, всякому

не предубѣжденному въ ея пользу становится яснымъ, что, принимаясь за это дѣло, она не находится уже на почвѣ точнаго, эмпирическаго изслѣдованія природы, а въ области умозрѣнія, или, точнѣе, въ области натуръфилософіи. Правда, натуръ—философическое умозрѣніе, имѣющее въ виду объяснить образъ происхожденія и развитія міра, можетъ очень близко примыкать къ области опытныхъ, наблюдаемыхъ нынѣ фактовъ; оно можетъ даже отрицать само себя и увѣрять, что оно вовсе не умозрѣніе, а чистый результатъ наблюденія, тѣмъ не менѣе однакожъ, по принципу своему, по точкѣ отправленія, оно остается въ существѣ дѣла чисто философскимъ умозрѣніемъ. Въ послѣднихъ основаніяхъ своихъ оно необходимоу твердается на какомъ нибудь, болѣе или менѣе правдоподобномъ, предположеніи, на гипотезѣ, которую съ одной стороны никогда нельзя доказать естество—научнымъ способомъ, съ другой—всегда можно подвергнуть діалектической критикѣ. Положеніе, на которомъ основывается новѣйшая геологическая теорія образованія земли, что „силы природы изначала, всегда и неизмѣнно дѣйствовали по однимъ и тѣмъ же законамъ, какъ дѣйствуютъ нынѣ“, есть ничто иное, какъ теорія, умозрѣніе, которое можетъ быть принято на вѣру, но никогда не можетъ быть доказано эмпирическимъ способомъ. Замѣчаніе это имѣетъ приложеніе ко всѣмъ вообще теоріямъ въ области естествознанія. Современное матеріалистическое ученіе, отвергающее самостоятельность духовнаго начала въ человѣкѣ и утверждающее тожественность психической дѣятельности съ физіологическими процессами, такъ же опирается на недоказанной гипотезѣ, хотя и обставляется извѣстнымъ количествомъ фактовъ, принаровлен-

ныхъ къ подтвержденію этой гипотезы. Никто не отвергаетъ факта, что мыслящая и сознающая сила человѣка находится въ тѣсной связи съ состояніемъ мозга, что поврежденіе послѣдняго всегда влечетъ за собою разстройство въ дѣятельности первой. Но матеріалистическое заключеніе изъ этого неоспоримаго факта, что, „съ прекращеніемъ дѣятельности мозга необходимо кончается дѣятельность мысли и исчезаетъ самосознаніе", можетъ быть оспариваемо совершенно на законныхъ логическихъ основаніяхъ. Этимъ заключеніемъ переступаются границы точнаго естество-научнаго изслѣдованія и, кромѣ факта, на которомъ оно по видимому опирается, имъ напередъ предполагается мысль, что самосознаніе безусловно и необходимо нуждается въ матеріальной опорѣ, что умственная дѣятельность совершенно тожественна съ дѣятельностію мозга, что органъ мыслящей дѣятельности служитъ причиною не только проявленія, но и самаго существованія этой дѣятельности. Мысль эта, опять, можетъ быть принята на вѣру, какъ гипотеза, теорія, но отнюдь не можетъ быть выдаваема за неопровержимый результатъ точнаго изслѣдованія, основанный на фактахъ опыта.

Переступая границы точнаго изслѣдованія природы, опредѣляемыя собственнымъ принципомъ естествознанія— „наблюденіемъ и опытомъ" и вторгаясь въ область недоступную для эмпирическаго наблюденія, естествознаніе уже выступаетъ изъ своей собственной сферы и тѣмъ самымъ измѣняетъ своей прямой задачѣ и цѣли. Конечно дѣло науки вообще и въ частности естественной науки нельзя ограничить одною фактическою стороною изслѣдованія, однимъ наблюденіемъ надъ фактами опыта; умъ человѣческій и особливо умъ, научно образован-

ный, по самому коренному свойству своему стремится объяснить внутренній смыслъ наблюдаемыхъ имъ явленій, осмыслить въ своемъ сознаніи рядъ фактовъ, наблюдаемыхъ въ опытѣ, и при этомъ невольно касается тѣхъ или другихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не можетъ быть достигнуто путемъ фактическаго изслѣдованія природы. Но увѣреніе новѣйшихъ естествоиспытателей, будто они не хотятъ насаться въ своихъ изслѣдованіяхъ вопросовъ о такихъ предметахъ, которые выходятъ изъ круга опытнаго наблюденія, несправедливо и опровергается ихъ же собственными теоріями и рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, относящихся къ метафизической области. Библія, какъ откровеніе высшее, божественное, даетъ положительныя рѣшенія на важнѣйшіе вопросы человѣческаго духа, отъ которыхъ онъ не можетъ отрѣшиться, не отказавшись напередъ отъ прирожденной ему потребности духовнаго развитія, и которыхъ тѣмъ не менѣе однакожъ онъ никогда не въ состояніи удовлетворительнымъ образомъ рѣшить путемъ самостоятельнаго изслѣдованія. Если естествознаніе въ своихъ изслѣдованіяхъ касается этихъ вопросовъ и своимъ рѣшеніемъ ихъ расходится съ положительнымъ ученіемъ слова Божія, и къ тому же еще выдаетъ свое рѣшеніе за неопровержимый результатъ точнаго изслѣдованія фактовъ, богословская наука всегда въ правѣ и даже обязана указать должныя границы естественнонаучной дѣятельности и обнаружить несостоятельность и незаконность ея аподиктическихъ рѣшеній въ той сферѣ, которая лежитъ за предѣлами внѣшняго опыта и въ которую естествознаніе, оставаясь вѣрнымъ своему строго сенсуалистическому принципу, не должно бы дѣлать набѣговъ. Если, при критическомъ разборѣ результа-

товъ современнаго естествознанія, направленныхъ противъ тѣхъ или другихъ пунктовъ нашего религіознаго ученія, дѣлать строгое различіе между дѣйствительно точными изслѣдованіями естествознанія, обоснованными на наблюденіи и фактахъ опыта, и теоріями, которыя всегда утверждаются на какой нибудь недоказанной, на вѣру принятой гипотезѣ, то нападки современныхъ естествоиспытателей на догматы откровенной религіи и противорѣчія съ положительными библейскими истинами потеряютъ свою устрашающую силу. Тогда обнаружится, что вся сила этихъ нападокъ заключается въ искусномъ, софистическомъ сочетаніи разныхъ недоказанныхъ теоретическихъ положеній съ эмпирическими фактами,—другими словами,—въ искусномъ замаскированіи разныхъ теорій подъ оболочкою фактовъ. Стоитъ только снять эту маску съ quasi точныхъ результатовъ естествознанія,—и они окажутся не болѣе, какъ мечтательными апріорическими построеніями, которыя не имѣютъ подъ собою никакой другой почвы, кромѣ фантазіи самыхъ изслѣдователей. Этихъ пріемовъ мы намѣрены держаться при критической оцѣнкѣ результатовъ современнаго естествознанія, по вопросу о древности человѣческаго рода, рѣшеніемъ котораго, какъ и многихъ другихъ вопросовъ, относящихся къ религіозной области, современное естествознаніе на значительное разстояніе расходится съ св. Писаніемъ. Противодѣйствіе разнымъ антирелигіознымъ выводамъ современнаго естествознанія всегда можетъ быть успѣшно и плодотворно, когда задачею его будетъ поставлено раскрытіе и опроверженіе общихъ началъ, на которыхъ коренятся подобные выводы, а не одно только преслѣдованіе отдѣльныхъ пунктовъ и частныхъ положеній, происходящихъ изъ этихъ началъ.

Вопросъ о древности человѣческаго рода съ давнихъ поръ возбуждалъ интересъ къ себѣ въ мыслящихъ людяхъ. У всѣхъ почти древнихъ народовъ мы находимъ отвѣты на этотъ вопросъ, заключающіеся въ легендахъ, разныхъ миѳическихъ сказаніяхъ и историческихъ памятникахъ, дошедшихъ до насъ отъ древнѣйшихъ періодовъ жизни этихъ народовъ Но собственно научныя изслѣдованія по вопросу о древности человѣческаго рода принадлежатъ новому времени. Не имѣя достаточныхъ свѣдѣній въ геологіи. палеонтологіи, археологіи, лингвистикѣ, статистикѣ и въ другихъ отрасляхъ знанія, разработкою которыхъ наука обязана новѣйшему времени, философы и историки древности, ученые и хронологи среднихъ вѣковъ не могли заняться точнымъ изслѣдованіемъ этого вопроса и представить намъ строго научныхъ, фактически подтвержденныхъ и критически обслѣдованныхъ результатовъ по этому предмету. Мнѣнія тѣхъ и другихъ о древности человѣческаго рода утверждались большею частію на философскихъ воззрѣніяхъ, или примыкали къ религіознымъ вѣрованіямъ. Что касается до послѣднихъ, то библейское лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра и человѣка было для нихъ главнымъ источникомъ, въ которомъ находили они рѣшеніе этого, равно какъ и многихъ другихъ научныхъ вопросовъ. Сомнѣніе въ достовѣрности библейскаго догмата объ Адамѣ, какъ первомъ родоначальникѣ всего человѣческаго рода, послужившее поводомъ къ научному изслѣдованію вопроса о древности человѣческаго рода, заявлено было на почвѣ научной критики уже въ концѣ XVII столѣтія. Замѣчательно, что догматъ этотъ сперва былъ оспариваемъ во имя самой Библіи. Въ 1695 году Ла-

Пейреръ, французскій протестантскій ученый, издалъ богословское разсужденіе, основанное на предположеніи о существованіи людей задолго до времени Адама (1). Въ этой книгѣ Ла-Пейреръ старается доказать, что исторія Адама и его потомковъ есть не что иное, какъ начало исторіи однихъ только евреевъ, а не исторіи людей и человѣчества вообще, что существовали люди гораздо прежде Адама и что эти люди, разсѣянные по всей землѣ, были не иные кто, какъ язычники,—эти, какъ выражается авторъ, первозданные человѣки, всегда столь ясно отличные отъ народа Божія. Съ этой точки зрѣнія Пейреръ объясняетъ, въ свою пользу, множество общихъ выраженій, находящихся въ самой Библіи. „Земля“, о которой такъ часто говорится въ Библіи, не есть для него вся поверхность земнаго шара, а только „Обѣтованная Земля“, назначенная самимъ Богомъ своему народу. Къ ней то одной онъ прилагаетъ разсказы Библіи о твореніи, о потопѣ, о разсѣяніи племенъ и т. п. Такимъ образомъ, исторія Ноя становится у него въ параллель съ исторіею Адама. Ной остается единственнымъ представителемъ послѣ потопа не цѣлаго человѣчества, которое, по причинѣ чрезмѣрной давности своего существованія, не могло сохранить въ памяти имя своего родоначальника, а только евреевъ... Попытка Пейрера, представляющая смѣсь вѣры и свободной критики, была, во всякомъ случаѣ, исключительною; почвою служила ей только теологія и свободное, произвольное толкованіе разныхъ мѣстъ Библіи. Догматъ объ Адамѣ, какъ первомъ родоначальникѣ человѣческаго рода, непоколебимо царствовавшій въ хри-

(1) Systema theologicum ex praeadamitarum hypothese.

стіанскомъ религіозномъ сознаніи въ продолженіе столь долгаго времени, одержалъ побѣду, почти не вступая въ состязаніе съ доктриною протестантскаго теолога, и на библейскую хронологію не было наброшено почти никакой тѣни его мечтательною теоріею—преадамизма. Однакоже попытка Пейрера не осталась совершенно безслѣдною. Сомнѣніе, высказанное имъ противъ господствующаго, освященнаго религіознымъ вѣрованіемъ, взгляда на вопросъ о началѣ и древности человѣческаго рода, повлекло за собою болѣе смѣлыя и рѣшительныя, хотя не болѣе состоятельныя, попытки къ самостоятельному научному изслѣдованію этого вопроса. Скоро наступило на западѣ время, когда на авторитетъ Библіи, въ рѣшеніи тѣхъ или другихъ научныхъ вопросовъ, начали нападать съ ожесточеніемъ, часто слѣпымъ, фанатическимъ. Если одна часть образованныхъ классовъ продолжала искать въ Библіи безусловнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, даже тѣхъ, которые стоятъ внѣ религіозной области, то другая часть этихъ самыхъ классовъ начала безъ всякой критики отвергать все, что находила или думала находить въ этой книгѣ. Этотъ недостатокъ просвѣщенной, серьезной, научной критики, общій обѣимъ партіямъ, обусловливалъ одинаковые результаты. Отрицаніе и утвержденіе, равно лишенныя основанія, вели часто обѣ партіи къ крайностямъ, какъ только шло дѣло о научныхъ вопросахъ. Если, желая быть согласными съ текстомъ книги Іисуса Навина, нѣкоторые защитники библейскаго ученія поддерживали неподвижность земли и движеніе солнца, то анти-библейскіе мыслители, чтобы отвергнуть библейскій потопъ, хотѣли видѣть въ грудахъ ископаемыхъ только слѣды нѣсколькихъ пилигримовъ, кото-

рые потеряли во время своего путешествія свои раковины. Свободные мыслители XVIII вѣка, желавшіе говорить только во имя философіи, науки и разума, слишкомъ легко уступая неразумному отвращенію, внушаемому имъ всякимъ фактомъ, всякимъ свидѣтельствомъ, которые находились въ связи съ какою нибудь религіозною идеею, часто заслуживали упрековъ гораздо большихъ, чѣмъ неумѣренные противники ихъ. Они показали себя гораздо болѣе отрѣшенными и нетерпящими въ своихъ изслѣдованіяхъ, нежели тѣ, которыхъ упрекали они въ отрѣшенности отъ фактовъ, въ слѣпой, фанатической приверженности къ устарѣвшимъ доктринамъ. Они возвели свое отрицаніе въ догматъ и обезславили дѣло науки, которое взяли на себя защищать. Сама наука, которую они считали единственно неопровержимымъ и компетентнымъ судьею въ рѣшеніи всѣхъ возможныхъ вопросовъ, впослѣдствіи осудила ихъ, въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ, и если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ во многихъ пунктахъ оправдала тѣхъ, которые казались имъ врагами науки, защитниками лжи и суевѣрія. Въ эту-то бурную эпоху антирелигіознаго движенія на западѣ заявленъ былъ, со стороны многочисленныхъ приверженцевъ свободнаго изслѣдованія, рѣшительный протестъ противъ библейской хронологіи и основаннаго на ней религіознаго ученія о древности человѣческаго рода. Поверхностное, мало критическое знакомство съ баснословными хронологическими вычисленіями разныхъ восточныхъ народовъ, съ астрономическими, археологическими и вообще культурными памятниками, открываемыми въ разныхъ древнихъ странахъ, производило сильное впечатлѣніе на умы, враждебнымъ обра-

зомъ настроенные противъ всего библейскаго, охотно и слѣпо расположенные довѣрять каждому документу, если только въ немъ было кажущееся основаніе для опроверженія той или другой религіозной истины. Результатами своихъ изслѣдованій по исторіи и хронологіи древнихъ восточныхъ народовъ энциклопедисты XVIII стол., особливо Байли [1]. Деламбри [2] и Комброкъ, [3] старались подорвать истинность библейскаго лѣтосчисленія, съ которымъ такъ тѣсно связывается вопросъ объ исторической достовѣрности повѣствованія Моисея о началѣ міра и начальной исторіи человѣческаго рода. Люди вѣрующіе, аттакованные энциклопедистами, старались защищать свои вѣрованія, которыя считали дорогими и близкими сердцу. Но ртивники были сильны и многочисленны, они опирались на науку своей эпохи, указывали на нѣкоторые историческіе поверхностно изученные факты, легко могущіе увлечь воображеніе и заинтересовать умъ въ свою пользу. Библейская хронологія, назначающая, какъ извѣстно, довольно короткій, семитысячелѣтній приблизительно срокъ для существованія человѣческаго рода, сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ и казалась со всѣхъ сторонъ не состоятельною въ глазахъ людей, предубѣжденныхъ противъ Библіи и охотнѣе довѣрявшихся индійскимъ ведамъ, китайскимъ и египетскимъ генеалогіямъ царей, чѣмъ библейскимъ повѣствованіямъ, хотя бы преимущество послѣднихъ предъ первыми было ясно, какъ день. Дѣятельность энциклопедистовъ въ изученіи памятниковъ

---

(1) Traité de l' Astronomie indienne et Orientale. Par 1787. Histoire de l' Astronomie, его же.

(2) Histoire de l' Astronomie du Moyen Age Par. 1819.

(3) On the Chronology of the Hindoos 1814 г.

древнихъ восточныхъ народовъ, управляемая не столько уваженіемъ къ истинѣ и научнымъ безпристрастіемъ, сколько напередъ составленнымъ предубѣжденіемъ въ пользу глубокой древности этихъ памятниковъ, могущей поколебать господствовавшее, основанное на библіи мнѣніе о древности человѣка, не увѣнчалась однакожъ положительными и плодотворными результатами для науки, и стремленіе, которымъ задались они въ началѣ своей дѣятельности, пролить новый свѣтъ на вопросъ о древности человѣка, осталось только однимъ стремленіемъ. Только интересъ, возбужденный ими къ изслѣдованію древнѣйшихъ временъ человѣчества, былъ значительно усиленъ.

Въ скоромъ времени изученіемъ восточныхъ древностей занялись люди, научнымъ образомъ подготовленные къ этому труду, обладавшіе большимъ запасомъ историческихъ свѣдѣній и отличавшіеся строгою разборчивостію и основательными критическими пріемами въ своихъ научныхъ изысканіяхъ. Труды Клапрота ([1]) Бентлія, ([2]) Герена, ([3]) Бунзена и другихъ знатоковъ въ изслѣдованіи восточныхъ древностей и въ частности хронологій восточныхъ народовъ, нанесли рѣшительный ударъ легкомысленнымъ увлеченіямъ энциклопедистовъ разными памятниками древнихъ народовъ и обнаружили всю несостоятельность ихъ нападокъ на библейское лѣтосчисленіе. При ближайшемъ, болѣе критическомъ, знакомствѣ съ тѣми самыми памятниками, на которыхъ прежніе изслѣдователи (если

([1]) „Asiatic Researches„ vol 1. Historic of Hindostan его же.

([2]) „Asiatic Researches“ vol II.

([3]) Jdeen über Politik, Handel, Verkehr der alten Volker.

только можетъ быть усвоено имъ это названіе), основывали свое мнѣніе о баснословно — глубокой древности человѣчества, оказалось, что бо́льшая часть изъ этихъ памятниковъ относится къ недавнему времени и часто не выходитъ за предѣлы нашей Христіанской эры; какъ напр. извѣстные зодіаки, случайно найденные въ египетскихъ храмахъ, во время экспедиціи Бонапарта въ Египетъ, или египетскія пирамиды, произведшія такъ много шуму своею мнимою, или вѣрнѣе, придаваемою имъ древностію. (¹) Скоро послѣдовало разочарованіе въ невообразимо — глубокой древности восточныхъ народовъ; хронологическія показанія ихъ о своей древности, обставленныя многочисленнымъ рядомъ нулей, стали казаться смѣшными и никто уже не хотѣлъ вѣрить Японцамъ, что за 500,000'''000,000''079,123'450,000 лѣтъ великій Моголъ изъ Индостана присылалъ посольство въ Японію, чтобы заимствовать отъ нихъ разныя государственныя учрежденія (²). Клапротъ своими изслѣдованіями весьма основательно доказалъ, что исторія самыхъ древнихъ восточныхъ народовъ начинается спустя уже значительное пространство времени послѣ Авраама, жившаго приблизительно за 2000 лѣтъ до Р. Х., что за этимъ рубежомъ начинаются уже такъ называемыя доисторическія времена въ жизни восточнаго человѣчества. Всѣ опредѣленія времени, предшествующія этой эрѣ, у всѣхъ восточныхъ народовъ, за исключеніемъ евреевъ, переходятъ скоро въ темныя, болѣе или менѣе только вѣроятныя предположенія, между которыми могутъ считаться довольно вѣрными лишь нѣкоторыя опредѣ-

---

(¹) Кювье. Die astronomischen Denkmalern alt. Egipt.

(²) Tholuk. vermisch. Schrift. т. 2 стр. 232.

ленія времени изъ египетской исторіи, которыя могутъ быть приведены въ связь съ астрономическими данными ([1]). Но и по этимъ даннымъ исторія Египта, какъ доказалъ Бунзенъ, не восходитъ далѣе, и это maximum,—какъ за 1000 лѣтъ до Р. Х. Было много стараній собрать преданія о древнѣйшихъ доисторическихъ временахъ, представляющіяся въ позднѣйшихъ сказаніяхъ древнихъ народовъ; но въ этихъ преданіяхъ оказалось слишкомъ много миѳовъ и сказокъ, чтобы на нихъ можно было основать вѣрное и точное познаніе. Библія, такимъ образомъ, оставалась единственно вѣрнымъ источникомъ, изъ котораго можно было заимствовать вѣрныя свѣдѣнія о доисторическихъ временахъ человѣческаго рода. Но и Библія, какъ извѣстно, кратко повѣствуетъ о начальныхъ временахъ его. Священный бытописатель быстро проходитъ надъ первыми временами человѣческаго рода и спѣшитъ ввести насъ въ частную исторію народа Божія. Форма библейскихъ повѣствованій о временахъ, предшествующихъ исторіи Авраама—отца вѣрующихъ, имѣетъ синтетическій характеръ. Бытописатель останавливается на важнѣйшихъ моментахъ въ исторіи падшаго человѣчества и не описываетъ подробно всѣхъ событій, относящихся къ внѣшней исторіи первобытнаго времени. Не смотря однакоже на скудость историческихъ источниковъ, желаніе уяснить, на сколько можно подробнѣе, доисторическія времена человѣчества не оставляло ученыхъ до самаго послѣдняго времени. Но уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ кругу ученыхъ естествоиспытателей возник-

(1) Результаты изслѣдованій Клапрота о древности восточныхъ народовъ см. въ Asiatic Res. v. 1.—

ло недовѣріе къ ученымъ изысканіямъ историковъ, лингвистовъ и филологовъ по дѣламъ доисторическихъ древностей, и высказалось стремленіе поставить вопросъ о древности и древнѣйшихъ временахъ человѣческаго рода на другую почву—на почву геологическихъ изслѣдованій, искать разрѣшенія этого вопроса не въ письменныхъ фоліантахъ, завѣщанныхъ намъ не совсѣмъ глубокою древностію, а въ лѣтописяхъ подземнаго міра, древность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Открытіе окаменѣлыхъ человѣческихъ остатковъ въ условіяхъ, по видимому, глубокой геологической древности, на островѣ Гваделупѣ и еще скелета, которому геологъ Шейцеръ усвоилъ названіе Homo diluvii testis, обрадовало новыхъ дѣятелей на поприщѣ доисторическихъ изысканій. Но ближайшія анатомическія изслѣдованія этихъ находокъ обнаружили всю рановременность смѣлыхъ геологическихъ попытокъ браться за разъясненіе древнѣйшихъ временъ человѣчества. Въ ископаемыхъ допотопныхъ остаткахъ, найденныхъ на островѣ Гваделупѣ, анатомія разпознала окаменѣлыя растенія, а въ таинственномъ свидѣтелѣ великой геологической катастрофы признала остатки исполинской ящерицы, которые часто находили потомъ въ прирейнскихъ каменоломняхъ и особливо въ Японіи. (1) Этою неудачею охлаждено было на время рвеніе смѣлыхъ геологовъ къ разъясненію доисторическихъ документовъ, хранящихся въ геологическомъ архивѣ, такъ мало еще разработанномъ, уясненномъ и приведенномъ въ порядокъ. За послѣднее десятилѣтіе геологія успѣла далеко шагнуть на пути своего развитія. Матеріалъ въ области геологическихъ изыс-

(1). Циммерманъ. „Міръ до сотворенія человѣка." Стр. 20.

ваній значительно увеличился, искуство въ наблюденіяхъ достигло большаго совершенства. Въ этотъ короткій промежутокъ, хвалится сама геологія, она успѣла уже создать исторію образованія земли, начертать картину постепеннаго развитія нашей планеты, открыть въ подземныхъ лѣтописяхъ множество фактовъ, относящихся къ первобытной исторіи человѣчества, лежащей за предѣлами не только письменныхъ, но даже традиціонныхъ извѣстій. Вопросъ о древности человѣческаго рода, давно занимавшій геологовъ, но оставленный вслѣдствіе неудачныхъ пріемовъ въ изслѣдованіи и разрѣшеніи его, сдѣлался въ настоящее время однимъ изъ первостепенныхъ вопросовъ, занимающихъ едва ли не всѣхъ геологовъ. Сочиненіе англійскаго геолога Ляйэлля, посвященное спеціальной разработкѣ вопроса о древности человѣка на землѣ, и сочиненіе Дарвина о происхожденіи видовъ придали, въ новѣйшее время, такой толчекъ этому вопросу, что никто изъ современныхъ естествоиспытателей, по словамъ Шлейдена, не можетъ оставить теперь его безъ вниманія (1). Новѣйшая геологическая наука, не ограничиваясь точными фактическими изслѣдованіями по вопросу о древнѣйшихъ доисторическихъ временахъ человѣческаго рода, даетъ уже положительныя рѣшенія на многіе вопросы, относящіеся къ этому предмету, и высказываетъ свой собственный взглядъ на доисторическую эпоху въ жизни человѣчества, свое собственное ученіе о древности человѣческаго рода, но это ученіе, расходясь во многихъ пунктахъ съ результатами прежнихъ научныхъ изысканій

(1) „Древность челов. рода, происхожденіе видовъ и положеніе человѣка въ природѣ". Три публичныя лекціи, перев. Вакета, стр. 5.

по этому предмету, не сходится, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, съ положительнымъ библейскимъ ученіемъ о началѣ и первобытныхъ временахъ человѣчества, которыя, какъ ни кратко описываются въ Библіи, но представляются здѣсь въ надлежащемъ истинномъ свѣтѣ. Свѣтъ этотъ, во всякомъ случаѣ, долженъ бы служить руководствомъ и просвѣщающимъ началомъ при научныхъ изслѣдованіяхъ этихъ неясныхъ страницъ въ исторіи человѣчества, и особливо при выводѣ тѣхъ или другихъ заключеній о нихъ. Сравненіе результатовъ новѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій о древности человѣческаго рода съ ученіемъ св. Писанія объ этомъ предметѣ и критическій разборъ важнѣйшихъ изъ этихъ результатовъ, при свѣтѣ слова Божія, мы поставляемъ задачею своего труда.

Ученіе новѣйшихъ геологовъ о древности человѣческаго рода существенно опирается на тѣхъ началахъ, которыя лежатъ въ основаніи новѣйшей геологіи. Безъ основательнаго знакомства съ этими началами и надлежащаго критическаго разбора ихъ невозможна правильная оцѣнка тѣхъ геологическихъ выводовъ, по отношенію къ вопросу о древности человѣческаго рода, которые прикрѣплены, если можно такъ выразиться, къ этимъ началамъ и непосредственно вытекаютъ изъ нихъ. Поэтому мы считаемъ необходимымъ сначала, хотя въ общихъ чертахъ, ознакомиться съ основными началами новѣйшей геологіи и потомъ уже перейти къ изложенію и разбору важнѣйшихъ геологическихъ результатовъ, относящихся къ вопросу о древности человѣческаго рода.

Хотя геологическая наука и нова и молода, но противоположныя между собою мнѣнія о томъ, какъ про-

изошелъ и образовался земной шаръ, очень древни. Еще древніе греческіе натур—философы спорили о нептунизмѣ и вулканизмѣ, т. е. о томъ, нужно ли считать воду или огонь первоначальнымъ образовательнымъ началомъ земнаго шара [1]. Древніе Египтяне, большая часть греческихъ философовъ, были въ существѣ дѣла нептунисты, т. е. они приписывали первоначальное образованіе земли преимущественно или исключительно водѣ [2]. Основатель научной геологіи Вернеръ былъ также нептунистомъ и его теорія была принята почти всѣми современниками его. Но вскорѣ въ лагерѣ естествоиспытателей возникла сильная оппозиція противъ нептунизма. Леопольдъ Бухъ и Александръ Гумбольдтъ, въ спорѣ между нептунистами и вулканистами, дали перевѣсъ послѣднимъ. Но и вулканизму не суждено было на долго удержать пріобрѣтенное имъ завоеваніе области геологіи. Въ настоящее время обѣ теоріи—вулканизма и нептунизма—находятся въ равновѣсіи т. е. большая часть геологовъ послѣдняго времени стали склоняться къ тому мнѣнію, что огонь и вода принимали въ образованіи земли почти одинаковое участіе. Подъ вліяніемъ этого воззрѣнія образовалась въ новѣйшее время въ геологіи третья теорія образованія земли—теорія „метаморфизма".

Геологи, занимаясь наблюденіемъ процессовъ образованія земли и изслѣдуя различныя формаціи земной коры, съ давнихъ поръ обращали вниманіе на вопросы, откуда происходитъ, что земная кора представляетъ такъ много формацій? Почему онѣ лежатъ не горизон-

---

(1) Ritt. Geschichte der Philosophie, 1 Theil, 169.
(2) Ibidem, стр. 172.

тальными пластами, не въ непрерывной и постоянной послѣдовательности, но по мѣстамъ приподняты, по мѣстамъ перемѣшаны другъ съ другомъ? Отъ чего на поверхности земли вездѣ встрѣчаются то возвышенія, то низменности,—морскія глубины и верхи горъ? На эти вопросы геологія, не дальше какъ за 10 лѣтъ назадъ, отвѣчала такъ: эти факты суть слѣдствіе цѣлаго ряда огромныхъ переворотовъ, которые земля испытала въ послѣдовательномъ процессѣ своего образованія и развитія. Перевороты эти частію совершались медленно, но по большей части наступали мгновенно и внезапно. Кювье—знаменитый авторитетъ въ области геологіи до самаго послѣдняго времени—склонилъ къ этой теоріи переворотовъ обширный кругъ естествоиспытателей. Что же это за силы, производившія такіе громадные перевороты въ земной корѣ, которая по видимому имѣетъ непоколебимую опору? Ковье отвѣчалъ на это, что нынѣ дѣйствующими на землѣ силами не возможно удовлетворительно объяснить этотъ рядъ громадныхъ переворотовъ. „Въ нихъ теченіе природы, говорилъ онъ, измѣнено; въ нихъ нить естественныхъ дѣйствій прервана". Ни вліянія дождя, холода, оттепели, текущихъ водъ, морскихъ волнъ, ни дѣятельности вулкановъ, пробивающихъ твердые пласты почвы и накопляющихъ на поверхности ея изверженія, словомъ ни одного изъ агентовъ, ни всѣхъ въ совокупности дѣйствующихъ нынѣ силъ въ природѣ не достаточно для произведенія тѣхъ переворотовъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ формаціи различныхъ геологическихъ эпохъ. Другими словами: періодовъ образованія земной коры, характеризуемыхъ великими переворотами, нельзя объяснить, не допустивъ при этомъ дѣйствія высшей разумной Си-

лы, дѣйствующей по опредѣленному плану и самыя разрушенія въ природѣ направляющей къ обновленію ея и къ достиженію высшихъ разумныхъ цѣлей въ области міроозданія. Агасицъ—одинъ изъ ученнѣйшихъ англійскихъ натуралистовъ, развившій геологическіе взгляды Кювье и отчасти подтвердившій ихъ новыми доказательствами, призналъ и этотъ выводъ Кювье, служащій, можно сказать, основнымъ взглядомъ его геологической теоріи.

Не удивительно, что уже по одному этому взгляду теорія Кювье стала въ высшей степени подозрительною въ глазахъ многихъ новѣйшихъ геологовъ и возбудила въ нихъ стремленіе опровергнуть ученіе Кювье, чтобы такимъ образомъ окончательно освободить геологію отъ стѣснительнаго и, по ихъ мнѣнію, нераціональнаго вмѣшательства сверхъ-естественныхъ объясненій. Дѣйствительно послѣдователи новѣйшей геологической теоріи, господствующей въ настоящее время, называютъ ученіе Кювье „чудовищнымъ“ (ungeheuerlich) (¹). По мнѣнію ихъ нѣтъ никакого разумнаго основанія принимать для объясненія образовательныхъ процессовъ земной коры силы, о свойствахъ которыхъ мы не можемъ дать себѣ яснаго отчета. Чудеса, говорятъ послѣдователи этой теоріи, могутъ служить доказательствами въ области теологіи, а не въ естественныхъ наукахъ; чудесами легко доказывать и объяснять все, потому что они освобождаютъ насъ отъ труда мысли и изслѣдованія. Главнымъ представителемъ такого образа мыслей, относительно геологической теоріи Кювье, въ ряду современныхъ естествоиспытателей, служитъ знаменитый англій-

(¹) Carl Vogt. „Köhlerglaube und Wissenschaft“ стр. 185.

скій геологъ Чарльзъ Ляйэлль, который между многими дѣйствительными заслугами въ области естествознанія, говорятъ, оказалъ ему и ту услугу, что поколебалъ старинное зданіе геологіи, построенное на шаткихъ, мистическихъ началахъ. Мы не можемъ войти въ подробное изложеніе собственной теоріи Ляйэлля, но укажемъ только на основные взгляды его, служащіе къ разъясненію новѣйшаго рѣшенія вопроса о древности человѣка.

Вотъ въ общихъ и краткихъ чертахъ ученіе Ляйэлля, высказанное и развитое имъ въ его „Principles of Geologie"—Основанія Геологіи. Всѣ явленія при образованіи земнаго шара произошли только отъ тѣхъ причинъ, которыя и теперь дѣйствуютъ. Причины эти дѣйствовали во всѣ древнѣйшія эпохи и ими можно объяснить всѣ процессы и факты въ исторіи развитія и образованія нашей планеты. Всѣ явленія, которыя представляетъ намъ внутренность земли, на сколько она доступна наблюденію, могутъ быть объяснены изъ нынѣ дѣйствующихъ силъ и законовъ. Дѣйствія силъ, измѣняющихъ видъ земной коры, ни въ какой періодъ образованія земли существенно не уклонялись отъ тѣхъ законовъ, которые дѣйствуютъ нынѣ; различіе тутъ можно допустить только степенное, количественное, а отнюдь не существенное, радикальное. „И нынѣ, какъ и въ древнѣйшія времена, говоритъ Ляйэлль, вода и атмосферныя явленія своимъ вліяніемъ разъѣдаютъ твердыя скалы, вслѣдствіе чего отлагаются новые пласты въ низменностяхъ—на днѣ озеръ, морей и рѣкъ. И теперь еще эти пласты продолжаютъ покрывать остатки животныхъ и растеній, которые каменѣютъ и обугливаются здѣсь подъ вліяніемъ воздуха, воды и растворен-

ныхъ минеральныхъ частей. И въ наше время, подъ вліяніемъ вулканическихъ силъ, скрытыхъ внутри земнаго шара, по мѣстамъ поднимаются отдѣльные острова и даже цѣлыя страны, а по мѣстамъ опускаются и понижаются. И теперь еще по временамъ бываютъ бурныя изверженія, поднимающія изъ внутренности земли огнежидкія массы и покрывающія цѣлыя страны остатками изверженій и массами пепла". Очевидно, вся теорія Лайэлля опирается на отвлеченномъ, апріорическомъ положеніи, что силы, дѣйствующія въ природѣ, неизмѣнны, или, какъ выражается самъ Лайэлль, „вѣчно постоянны, вѣчно равны сами себѣ—„Existing causes".—Вслѣдствіе такого взгляда, лежащаго въ основаніи геологической теоріи Лайэлля, онъ, въ противоположность одностороннему нептунизму или вулканизму, держитъ сторону такъ называемаго метаморфизма, т. е. постепеннаго образованія каменныхъ породъ физико-химическимъ путемъ. Не наше дѣло перечислять сомнѣнія и возраженія, заявленныя противъ новѣйшаго метаморфизма послѣдователями прежней геологической школы. Мы должны обратить здѣсь вниманіе на другой существенный и особенно важный для насъ пунктъ въ теоріи Лайэлля, принятіе безконечно долгихъ періодовъ времени, въ продолженіи которыхъ будто бы происходило образованіе земли,—періодовъ времени, превосходящихъ не только наши обыкновенныя мѣры, но почти не постижимыхъ и для нашего воображенія.

Геологи издавна уже имѣютъ дѣло съ огромными числами; въ послѣднее десятилѣтіе числа эти, благодаря щедрой прибавкѣ нулей, увеличились до безконечности. Такъ для перехожденія отъ первоначальнаго, по мнѣнію геологовъ, газообразнаго состоянія земли, до темпера-

туры, необходимой для обитанія органическихъ существъ, геологи назначаютъ не менѣе какъ 353,000,000 лѣтъ, а отъ времени появленія первыхъ органическихъ существъ на землѣ до настоящаго времени протекло, по ихъ вычисленіямъ, 1,300,000,000 лѣтъ. Но и эти цифры оказываются еще ничтожными. По утвержденію новѣйшихъ естествоиспытателей, на землѣ, въ продолженіи ея геологическаго развитія, около 30 разъ происходила полная смѣна видовъ живыхъ органическихъ существъ. Эта смѣна происходила будто бы всегда постепенно, такъ что, по вычисленіямъ одного изъ новѣйшихъ геологовъ, въ теченіи 50,000 лѣтъ вымирало только $^{1}/_{1000}$ часть всѣхъ органическихъ видовъ на землѣ и замѣнялась новыми. Слѣдовательно для одной полной смѣны нужно допустить 50,000,000 лѣтъ, а для всѣхъ 30 послѣдовательныхъ полныхъ смѣнъ 1,500,000,000 лѣтъ (1). Сообразно съ этими вычисленіями, время потребное для всего развитія нашей планеты приравнивается новѣйшими геологами приблизительно двумъ миллiардамъ лѣтъ, а иногда и больше, благодаря дальнѣйшему развитію щедрой геологической ариѳметики. Всѣ эти вычисленія, поражающія громадностію своихъ размѣровъ самое пылкое воображеніе, явились въ новѣйшей геологіи, какъ необходимый результатъ метаморфическаго воззрѣнія на процессъ образованія земли, и въ частности земной коры. Отстраняя мнѣніе прежнихъ геологовъ—Кювьенистовъ о внезапныхъ и мгновенныхъ катастрофахъ, которыми эти ученые старались объяснить большую часть переворотовъ на земномъ шарѣ, и желая объяснить всѣ

---

(1) См. Bronn. „Geschichte der Natur“ стр. 272 сн. Циммерм. „Міръ до сотвор. челов.“ стр. 54.

геологическіе процессы первобытнаго міра изъ постояннаго и нормальнаго дѣйствія тѣхъ же самыхъ силъ и агентовъ, которые производятъ настоящія измѣненія въ земной корѣ, новѣйшіе геологи естественно должны были придти къ заключенію о неизмѣримой продолжительности времени, въ теченіи котораго могъ совершиться процессъ образованія земной коры и разныхъ геологическихъ породъ. Въ настоящее время, вслѣдствіе уравновѣшенія и взаимоограниченія силъ, производящихъ измѣненія въ земной корѣ, геологическіе процессы, какъ показываютъ наблюденія, совершаются большею частію постепенно и медленно, за исключеніемъ судорожныхъ плутоническихъ и нептуническихъ движеній, которыя по временамъ и притомъ въ частныхъ мѣстахъ продолжаютъ обнаруживать свою конвульсивную и порывистую дѣятельность. Наблюденія, напримѣръ, надъ повышеніемъ материковъ, показали, что средняя быстрота возвышенія земной поверхности на $2^1/_2$ фута въ столѣтіе составляетъ уже довольно значительную цифру (¹). Сколько же нужно столѣтій, чтобы могли возвыситься массы, объемъ которыхъ простирается до 75,000,000 квад. футовъ, каковы напр. древніе холмы равнины Огайо, лежащей не вдалекѣ отъ Миссисипи, на американскомъ континентѣ, или, еще большія массы, каковы высочайшія горы Швейцаріи, средней Азіи и т. под?. Съ точки зрѣнія метаморфической теоріи Ляйэлля, для которой наблюдаемыя нынѣ явленія въ измѣненіи земной коры служатъ масштабомъ для измѣренія геологическихъ процессовъ, чрезъ которые проходила земля во всѣ предшествующіе періоды ея развитія, для этого конеч-

(¹) Ляйэлль „о древн. человѣкѣ“ стр. 35.

но необходимы милліоны столѣтій, которыя предъ бездною вѣковъ, обнимающихъ періодъ всего мірообразованія, должны казаться для этой теоріи не болѣе, какъ мелкими цифрами. Что эти цифры и на самомъ дѣлѣ кажутся такими для послѣдователей новѣйшей геологической теоріи, это ясно высказываетъ одинъ изъ отвращенныхъ новѣйшихъ геологовъ. „Въ исторіи образованія и развитія нашей планеты, говоритъ этотъ ученый, промежутки времени въ 1000 и даже милліонъ лѣтъ ничтожны. Что значитъ милліонъ лѣтъ для времени существованія міра? Если бы эфемерное насѣкомое, живущее въ видѣ крылатой мошки только одинъ день, имѣло разсудокъ, то ему показалось бы время существованія какого нибудь жука вѣчностію и оно причислило бы это животное къ безсмертнымъ существамъ. Въ безмѣрномъ времени міра человѣкъ—не болѣе, какъ такая однодневка“ (¹).

Такова, въ главныхъ чертахъ, новѣйшая геологическая теорія, возникшая на развалинахъ недавней теоріи переворотовъ, заклейменной нынѣ, какъ мы видѣли, названіемъ „чудовищной“. Изъ представленнаго нами, хотя сжатаго, тѣмъ не менѣе правильнаго изложенія ея становится понятнымъ, почему эту теорію часто называютъ квіетическою теоріею (отъ quies—покой). Метаморфизмъ и квіетизмъ служатъ основными принципами и характеристическими особенностями этой модной теоріи. Вникая глубже въ принципы новѣйшей геологической теоріи и сравнивая ихъ съ принципами Дарвиновой теоріи о происхожденіи организмовъ, нельзя не замѣтить, что обѣ эти теоріи не только соприкасаются, но даже совпадаютъ и сливаются одна съ другою. Раз-

---

(¹) Цимм. Міръ до сотв. чел. стр. 41 и 45.

ница здѣсь только въ томъ, что Даранъ приложилъ начала геологическаго ученія Ляйелля къ изслѣдованію органической природы. Какъ тамъ, такъ и здѣсь единственными агентами всякаго развитія признаются нынѣ дѣйствующія силы, вѣчно себѣ самимъ равныя и неизмѣнныя; что у Ляйелля носитъ названіе метаморфизма, то у Дарвина замѣняется превращеніемъ—transmutation; если послѣдній отвергаетъ постоянныя различія видовъ организмовъ, то первый отрицаетъ опредѣленныя разграниченія геологическихъ эпохъ, допускаемыя прежними геологами; у обоихъ существенными необходимыми пунктами въ теоріи являются безконечно долгіе періоды времени, едва вообразимые для человѣческаго представленія; у того и другаго въ концѣ концовъ вытекаетъ отрицаніе высшаго Божественнаго вліянія на происхожденія отдѣльныхъ видовъ творенія (¹). Не удивительно, если согласіе двухъ естествоиспытателей, изъ которыхъ каждый занимаетъ самое видное мѣсто въ кругу современныхъ представителей естественной науки, производитъ сильное впечатлѣніе на многихъ, даже серьезно мыслящихъ людей и возбуждаетъ стремленіе у многихъ новѣйшихъ изслѣдователей дать возможно большее приложеніе ихъ взглядамъ и подвести подъ ихъ воззрѣнія рѣшенія вопросовъ, даже не относящихся непосред-

(¹) „Наше понятіе о величіи Божіемъ, говоритъ Дарвинъ, останется такъ же чисто и возвышенно, если мы примемъ, что Онъ сотворилъ только одну или незначительное число органическихъ формъ, обладавшихъ способностію произвести другія формы посредствомъ своего развитія, какъ и въ томъ случаѣ, если примемъ вліяніе Божественной силы на происхожденіе каждаго отдѣльнаго существа. Это понятіе можетъ быть расширено еще далѣе, до принятія, что творческая дѣятельность Божества произвела только ессенцію міра, способную къ развитію". On the Origin of Species, въ нѣмецкомъ переводѣ, Dr. Bronn—a: Ueber die Entstehung der Arten, стр. 57.

ственно къ области естествознанія. Новѣйшее антибиблейское рѣшеніе вопроса о древности человѣческаго рода, къ которому, кромѣ большинства современныхъ геологовъ, какъ мы увидимъ послѣ, примкнули многіе ученые изъ другихъ сферъ научной дѣятельности, есть именно плодъ этого стремленія. Оно вытребовано, если можно такъ выразиться, основными геологическими принципами Ляйэлля и вызвано теоріею Дарвина. Обыкновенно принимаемое лѣтосчисленіе отъ сотворенія человѣка, основанное на Библіи, никакъ не мирится съ основными пунктами геологіи Ляйэлля и главнѣйшими положеніями Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить вмѣстѣ съ послѣдователями Ляйэлля, что земля наша существуетъ такъ долго, что, со времени возникновенія на ней органической жизни до настоящаго времени, протекло около милліарда лѣтъ, если допустить, далѣе, вмѣстѣ съ сторонниками Дарвина, что органическія твари, равно какъ и неорганическія вещества въ своемъ развитіи, подчинены одинаковымъ, невообразимо медленнымъ процессамъ преобразованія изъ однихъ формъ въ другія, то сдѣлается совершенно неразрѣшимымъ вопросъ, отчего человѣкъ—одинъ изъ видовъ организмовъ, по теоріи Дарвина—явился такъ поздно въ ряду другихъ органическихъ тварей, что какихъ нибудь семь съ небольшимъ тысячъ лѣтъ достаточно для обозначенія всего періода его существованія? Могъ ли человѣкъ, если онъ не подлежалъ другимъ законамъ развитія, какимъ подчинены всѣ органическія существа, въ такой короткій срокъ пройти безчисленный рядъ измѣненій изъ однихъ формъ въ другія и достигнуть самой высшей, самой зрѣлой, по выраженію Дарвина, органической формы, оставивъ позади за собою всѣ

остальные виды органическаго царства? Новѣйшая геология, стремясь къ разрушенію общихъ геологическихъ воззрѣній на исторію развитія нашей планеты, которыхъ держались воспитанники прежней геологической школы, въ видахъ поддержанія и послѣдовательнаго проведенія своихъ собственныхъ принциповъ чрезъ исторію землеобразованія, не могла оставить неприкосновенными и тѣхъ частныхъ пунктовъ въ ученіи прежней геологіи, которыми подрывались общія основы новѣйшей геологической теоріи. Однимъ изъ такихъ пунктовъ, въ ученіи прежней геологіи, какъ мы подробнѣе разовьемъ это въ своемъ мѣстѣ, было почти согласное съ библейскою хронологіею рѣшеніе вопроса о времени выступленія человѣка на землѣ или о древности человѣка. Не подорвать этого „стариннаго геологическаго предразсудка“ — какъ выражается одинъ изъ послѣдователей новѣйшей геологической теоріи, значило—сдѣлать уступку въ пользу прежнихъ геологическихъ принциповъ... ([1]) Новѣйшая палеонтологія, примкнувшая въ лицѣ Дарвина къ геологическимъ воззрѣніямъ Ляйэлля, естественно, должна была предложить геологіи дѣятельныя услуги къ разрушенію этого *предразсудка,* тѣмъ болѣе, что съ такимъ или другимъ рѣшеніемъ вопроса о древности человѣческаго рода связывается ея собственный интересъ. Всѣ ученые, сочувствующіе началамъ новѣйшей геологіи и раздѣляющіе воззрѣнія Дарвина,—филологи, археологи, антикваріи, лингвисты—начали помогать новѣйшимъ геологамъ въ борьбѣ „съ стариннымъ предразсудкомъ“, задерживающимъ и замедляющимъ торжество новыхъ

([1]) Шлейденъ. „Древность человѣческаго рода“, стр. 6.

натуралистическихъ принциповъ. При такихъ дружныхъ, энергическихъ стремленіяхъ къ одной и той же цѣли такихъ прогрессивныхъ наукъ, какъ особливо геологія и палеонтологія, напередъ можно было предвидѣть послѣдствія предпринятаго ими дѣла, и нѣтъ ничего страннаго, если въ кратковременный промежутокъ, въ какіе нибудь четыре года, новѣйшіе ученые успѣли возвысить срокъ существованія человѣческаго рода до 100,000 лѣтъ. Но такъ какъ съ точки зрѣнія этихъ ученыхъ, тысячи и даже милліоны лѣтъ—не больше, какъ мелкіе элементы въ исторіи прошлаго періода міра, то естественно, что стотысячелѣтній возрастъ человѣческой древности кажется для нихъ еще слишкомъ ничтожнымъ и далеко не обнимающимъ всей исторіи человѣчества. Ободренные такимъ началомъ дѣла, они не теряютъ надежды гораздо дальше прослѣдить исторію человѣка и почти опредѣленно высказываютъ обѣщаніе открыть, въ скоромъ времени, присутствіе человѣка за 300,000 лѣтъ (¹). Тогда, конечно, цифра древности человѣческаго рода станетъ въ болѣе пропорціональное отношеніе къ тѣмъ милліардамъ, которые геологи и палеонтологи насчитываютъ для древности земли и существъ, живущихъ на ней, и торжество новыхъ геологическихъ

(¹) „По геологическимъ открытіямъ, говоритъ Шлейденъ, можно уже, въ настоящее время, отнести существованіе человѣка на землѣ далеко за 100,000 лѣтъ, но не надобно забывать, что мы только начинаемъ дѣлать такія открытія. Не только не не вѣроятно, а можно, напротивъ, съ достаточною вѣрностію, предполагать, что рано или поздно найдутъ, въ древнѣйшихъ „третичныхъ“ слояхъ, остатки людей, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и отличныхъ отъ найденныхъ до сихъ поръ остатковъ,—и тогда мы должны будемъ отнести существованіе людей на землѣ болѣе, чѣмъ за 300,000 лѣтъ“. Ibidem, стр. 9 сн. съ 25 стр.

и палеонтологическихъ принциповъ обнаружится во всемъ своемъ наружномъ блескѣ.

Ни наши знанія, ни объемъ нашего труда не позволяютъ намъ войти въ подробный критическій разборъ новѣйшей геологической и палеонтологической теорій, играющихъ такую важную, можно сказать, первостатейную роль въ современномъ естество—научномъ рѣшеніи вопроса о древности человѣческаго рода. Мы ограничимся здѣсь критическими замѣчаніями, направленными противъ главнѣйшихъ пунктовъ одной геологической теоріи; съ положеніями другой—палеонтологической теоріи намъ часто придется встрѣчаться, при разборѣ геологическихъ доказательствъ древности человѣческаго рода, и мы такимъ образомъ будемъ имѣть случай въ другомъ мѣстѣ касаться ихъ.

Вся новѣйшая геологическая теорія, какъ мы видѣли, покоится на томъ положеніи, что силы, дѣйствующія въ природѣ, „вѣчно себѣ равны" и что въ процессѣ образованія земли никогда не дѣйствовали силы, отличныя отъ нынѣ дѣйствующихъ. Послѣдователи новѣйшей геологической теоріи должны сознаться, что положеніе это есть не болѣе, какъ предположеніе, гипотеза, которую никогда нельзя доказать путемъ чисто научнымъ, которую можно принять только на вѣру. Никто не станетъ спорить противъ того, что естествоиспытатели и на основаніи гипотезы могутъ дѣлать попытки къ объясненію разныхъ явленій природы и даже процесса образованія земли. Съ чисто научной точки зрѣнія при подобныхъ попыткахъ обращается вниманіе на то, объясняетъ ли гипотеза, лежащая въ основаніи ихъ, исторію развитія земли безъ значительныхъ возраженій; если объясняетъ, то такая теорія

считается правдоподобною, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выдаваема за неопровержимый результатъ точнаго изслѣдованія. И самъ Ляйэлль и его послѣдователи не могутъ скрыть, что, съ чисто научной точки зрѣнія, ихъ теорія подлежитъ не маловажнымъ возраженіямъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Не говоримъ уже, что первоначальный моментъ возникновенія матеріи, изъ которой, допустимъ, развилась сама собою наша планета, остается необъяснимымъ при помощи однихъ силъ дѣйствующихъ нынѣ въ природѣ. Въ самой исторіи развитія нашей планеты, какъ представляется она въ новѣйшей геологіи, можно указать такія явленія, которыя не могутъ быть объяснены изъ законовъ и силъ, наблюдаемыхъ въ настоящее время въ природѣ. Если мы поближе посмотримъ на такъ называемую теорію творенія, принимаемую новѣйшими геологами, то увидимъ, что она только по видимому держится на первомъ, случайно и неизвѣстно откуда, послѣдовавшемъ „толчкѣ" и его неминуемыхъ послѣдствіяхъ, что она только повидимому опирается на самостоятельное движеніе вещественныхъ массъ и дѣйствіе силъ „вѣчно себѣ равныхъ и неизмѣнныхъ", а на самомъ дѣлѣ на каждомъ почти шагу предполагаетъ дѣйствіе какой то особливой, неизвѣстной ей силы, которую не желая назвать высшею, разумною, Божественною Силою, новѣйшая геологическая наука старается или вовсе игнорировать, или прибѣгаетъ, какъ обыкновенно бываетъ при безсиліи объяснить что нибудь раціональнымъ образомъ, къ случаю, который ничего не объясняетъ и ничего не доказываетъ (1). Прежде всего

(1) Подробное изложеніе теоріи образованія земли и развитія вселенной см. у Циммерм. стр. 1,—150 у Бурмейстера въ Schopfungsgeschichte стр. 14—69.

огромный газовый шаръ, изъ котораго, по мнѣнію новѣйшихъ космологовъ, произошла наша планета, не могъ образоваться самъ по себѣ и когда нибудь получить форму шара, если и предположимъ, повторяемъ, что газообразное вещество разлито было по всему міровому пространству отъ вѣчности, какъ утверждаютъ новѣйшіе ученые. Этому противорѣчитъ извѣстный физическій законъ о расширеніи газовъ. По этому закону, для газовъ нѣтъ первоначальнаго объема, потому что они безпрестанно стремятся занять большій объемъ. Частицы газовъ, какъ показываютъ наблюденія, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго слѣда взаимнаго притяженія, но находятся постоянно въ состояніи отталкиванія; вслѣдствіе чего они стремятся безпрерывно къ расширенію и наполняютъ свободно и вполнѣ всякое пространство, даже безконечное. Если соединить два стеклянныхъ шара узкою трубочкой и одинъ изъ нихъ наполнить угольною кислотою, а другой — водородомъ, чрезъ нѣсколько времени обнаружится, что углекислота и водородъ будутъ занимать оба шара равномѣрно. Поэтому газообразная матерія, наполнявшая вначалѣ міровое пространство, никогда не могла бы сдѣлаться шаромъ, если бы она предоставлена была самой себѣ, своимъ собственнымъ силамъ, если не предположить какой нибудь особенной высшей Силы, которая бы дала ей форму шара и поддерживала эту форму; или что тоже, еслибы не было Силы, господствующей надъ массой газа и удерживающей распространеніе его въ безконечность. Это относится не къ одной землѣ, но и ко всѣмъ міровымъ тѣламъ. Вся вселенная, какъ всякая отдѣльная система, только подъ этимъ условіемъ — подъ условіемъ дѣйствія высшей Силы — можетъ

быть представлена первоначально огромнымъ газовымъ шаромъ. Если необходима была эта сила для образованія формы шара, то нельзя не допустить участія ея въ развитіи дальнѣйшихъ процессовъ, чрезъ которые проходила наша планета, равно какъ и другія міровыя тѣла, по ученію современной науки. Положимъ, газовая матерія случайно получила форму шара; для образованія гдѣ нибудь въ этомъ шарѣ „средоточія“ или „плотнѣйшаго зерна“ требовалось новое вмѣшательство посторонней силы. Сами послѣдователи новѣйшей геологической теоріи признаютъ, что, при чрезвычайномъ разжиженіи газообразной матеріи, которое необходимо предположить, невозможны были въ ней никакіе химическіе процессы, и что поэтому безъ „притяженія здѣсь“ все осталось бы по старому, безъ дальнѣйшаго движенія и развитія. Но, по приведенному выше физическому закону, у газовъ нѣтъ частичнаго притяженія; напротивъ, частицы ихъ отталкиваются другъ отъ друга. Сосредоточеніе газовой массы въ какой нибудь точкѣ противорѣчитъ природѣ газовъ и потому оно могло быть произведено только Силой, отличной отъ газовъ, отъ ихъ естественныхъ силъ, Силой, слѣдовательно, сверхъестественной. Теорія, и послѣ этого момента, въ процессѣ землеобразованія, не можетъ идти далѣе, не допустивъ снова иниціативы, если можно такъ сказать, высшей Силы. Она должна признать, что образовавшійся газовый шаръ — даже съ центромъ — получилъ вращательное движеніе около оси отъ какой либо внѣшней посторонней силы. Сила эта — говорятъ — могла происходить отъ притяженія удаленныхъ небесныхъ тѣлъ. Но этимъ не только предполагается, что эти небесныя тѣла уже образовались, — а они могли образоваться только дѣйствіемъ

высшей Силы, — но предполагается также, что достаточно одного притяженія подобныхъ тѣлъ для приведенія притягиваемаго ими шара во вращательное движеніе. Но одно притяженіе этого сдѣлать не могло. Притягиваемый шаръ отъ одного притяженія посторонними тѣлами не могъ начать вращательнаго движенія около своей оси. Кромѣ того, притяженіе, если оно дѣйствовало между отдаленными тѣлами, могло бы сблизить ихъ и, наконецъ, соединить ихъ въ одну массу. Слѣдовательно, необходимо предположить, что какая либо Сила положила препятствіе такому сближенію и для каждой планетной системы, въ частности, и для земли назначила опредѣленную сферу.

Нѣтъ нужды слѣдить за всѣми дальнѣйшими моментами, какіе допускаетъ новѣйшая геологія въ исторіи землеразвитія. Для нашей цѣли достаточно было показать, что основный принципъ новѣйшей геологіи—принципъ метаморфизма, которымъ устраняется изъ исторіи образованія земли участіе всякой другой силы, кромѣ дѣйствующихъ нынѣ силъ природы, оказывается несостоятельнымъ на самыхъ первыхъ страницахъ этой исторіи, начертанной самою новѣйшею геологіею. Теорія метаморфизма тогда только въ состояніи будетъ объяснить всѣ явленія въ исторіи развитія нашей планеты посредствомъ однихъ дѣйствующихъ нынѣ силъ природы, когда докажетъ, что случай также относится къ числу дѣйствующихъ нынѣ силъ природы. Но едва ли теорія, имѣющая цѣлію разумно объяснить устройство и образованіе земнаго шара, когда нибудь можетъ признать за начало удивительное для разума и науки доказательство.

Несостоятельность другаго принципа новѣйшей гео-

логической теоріи, принципъ „квіетизма“, обнаруживается сама собою, какъ скоро показана несостоятельность перваго, на которомъ основывается и утверждается этотъ послѣдній. Если самые факты, допускаемые геологіею въ исторіи образованія земли, заставляютъ признать въ твореніи и дальнѣйшемъ развитіи нашей планеты дѣйствіе особенной высшей Силы, отличной отъ всѣхъ дѣйствующихъ нынѣ силъ природы, то они же — эти самые факты заставляютъ каждаго добросовѣстнаго изслѣдователя быть возможно сдержаннѣе, умѣреннѣе и осторожнѣе при заключеніяхъ отъ наблюдаемыхъ нынѣ явленій къ явленіямъ прошедшей жизни природы. Нѣтъ нужды отрицать, держась Библейской точки зрѣнія на твореніе, что наблюдаемыя нынѣ силы природы—подъ управленіемъ Высочайшаго Виновника всякаго бытія, а слѣдовательно и самихъ силъ—дѣйствовали въ самомъ процессѣ образованія и развитія земнаго шара; но дѣйствіе этихъ силъ должно признать, во всякомъ случаѣ, условнымъ, зависящимъ отъ дѣйствія Высшей, господствующей надъ ними Силы, законы и планы дѣятельности которой сокрыты отъ ума человѣческаго. Если бы даже допустить, вмѣстѣ съ новѣйшими естествоиспытателями, что, рано или поздно, эта Сила будетъ разоблачена—какъ они говорятъ—отъ своего таинственнаго покрова и будетъ сведена въ рядъ обыкновенныхъ физическихъ силъ, что тѣ пробѣлы въ исторіи міроздания, для объясненія которыхъ теперь нужно прибѣгать къ высшей Силѣ, съ теченіемъ времени, когда наука обогатится большимъ знаніемъ фактовъ и законовъ природы, будутъ совершенно легко и естественно объясняться изъ физическихъ силъ и явленій; во всякомъ случаѣ, до открытія этихъ силъ, до

ученія ихъ свойствъ и законовъ, нельзя говорить положительно о ихъ дѣятельности, о ихъ вліяніи на ходъ образованія и развитія земли. Въ какомъ отношеніи эти—неизвѣстныя наукѣ—силы находились къ другимъ, можемъ, извѣстнымъ силамъ, какое вліяніе имѣли на движеніе преемственныхъ моментовъ въ исторіи образованія земли, наука не можетъ отвѣтить ничего положительнаго, оставаясь въ невѣдѣніи относительно сущности и свойствъ этихъ загадочныхъ и потому самому таинственныхъ силъ. Отсюда всѣ геологическія вычисленія, направленныя къ измѣренію геологическихъ процессовъ первобытнаго міра, къ опредѣленію моментовъ времени въ исторіи землеобразованія,—пока не болѣе, какъ величественныя фантастическія зданія, построенныя на воздухѣ. Если даже принять на вѣру бездоказательное положеніе теоріи Ляйэлля, что въ природѣ всегда дѣйствовали только нынѣ дѣйствующія силы,—все же для объясненія измѣненій, испытаныхъ землею во время послѣдовательнаго ея развитія, необходимо признать, что мѣра, объемъ и напряженность этихъ силъ въ разные моменты развитія земли были весьма различны. Нельзя допустить, чтобы напримѣръ въ період первого газообразнаго состоянія нашей планеты дѣйствующія въ ней силы имѣли тотъ же объемъ и находились въ той же комбинаціи, какъ въ послѣдующіе періоды или въ наше время. Нельзя такъ же допустить, чтобы силы, внутри земли находящіяся, дѣйствовали совершенно такъ же, какъ теперь, когда земная кора была гораздо тоньше и силы гораздо меньше встрѣчали сопротивленія со стороны наружной оболочки земнаго шара. Тоже самое нужно сказать о всѣхъ другихъ моментахъ, чрезъ которые, по ученію новѣй-

шей геологіи, проходила наша планета, до времени окончательнаго своего образованія; каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется особенными условіями, которыя во всякомъ случаѣ должны были видоизмѣняющимъ образомъ дѣйствовать на степень напряженности и энергіи силъ въ тотъ или другой періодъ землеобразованія. Но знаетъ ли новѣйшая геологія всѣ разнообразныя условія, среди которыхъ развивалась прошедшая исторія земнаго шара? Чтобы безпристрастнѣе отвѣчать на этотъ вопросъ, мы не станемъ говорить сами, а предложимъ отвѣтъ на это одного знаменитаго геолога, которому выше мы усвоили эпитетъ болѣе „откровеннаго“ между другими геологами. Говоря о періодахъ образованія земли, различаемыхъ новѣйшею геологіею, первый изъ этихъ періодовъ, обнимающій время отъ первоначальнаго состоянія земли въ видѣ газообразнаго шара, до населенія ея органическими существами, онъ почти прямо называетъ „мифическимъ“. То, что мы говоримъ объ этомъ промежуткѣ, пишетъ онъ, мы не знаемъ, а только предполагаемъ и мечтаемъ. Можетъ быть все происходило такимъ образомъ, какъ учитъ геологія. Но нѣтъ причины утверждать это положительно, тѣмъ какъ по всей вѣроятности мы не знаемъ всѣхъ условій и законовъ этого времени. Все, разсказываемое нами о первоначальномъ состояніи земли, также сомнительно, какъ древніе мифы о греческихъ аргонавтахъ, паденіи Трои, рожденіи первыхъ римскихъ царей отъ Марса и т. под. Слѣдующій за тѣмъ періодъ, начинающійся съ появленіемъ на землѣ органической жизни, составляетъ такъ сказать средніе вѣка существованія земли. Архивъ, въ которомъ хранится лѣтописи этого періода, очень обширенъ, но легко могло случиться, что мы

многаго не замѣтили въ огромной сокровищницѣ извѣстій, сохраняемыхъ въ каменныхъ породахъ горъ и въ крутизнахъ возвышенностяхъ Альповъ. Положительнѣе новѣйшая исторія, начинающаяся со времени окончательнаго устройства земнаго шара и характеризующаяся наступленіемъ равновѣсія и спокойствія силъ,—кому доступны лѣтописи этого періода, тотъ видитъ предъ собою цѣлую книгу ясно изложенныхъ фактовъ“ (1). Изъ этого откровеннаго, хотя образно выраженнаго, признанія одного изъ компетентнѣйшихъ современныхъ геологовъ мы имѣемъ полное право заключать, что геологамъ далеко не ясно и раздѣльно представляются всѣ факты и обстоятельства, въ условіяхъ которыхъ развивалась наша планета въ періоды, предшествующіе нынѣшнему ея состоянію. А безъ яснаго, полнаго и раздѣльнаго представленія этихъ условій, даже при знаніи всѣхъ дѣйствующихъ нынѣ силъ и законовъ природы, чѣмъ такъ же геологія едва ли можетъ похвалиться,—невозможны никакія математически—точныя и безошибочныя заключенія отъ наблюдаемыхъ нынѣ явленій къ явленіямъ, находящимся за предѣлами наблюденія, и съ этой стороны слѣдовательно ариѳметическіе расчеты новѣйшей геологической науки, направленные къ измѣренію геологическихъ процессовъ первобытнаго міра, пока—не болѣе, какъ зданія, построенныя на пескѣ. Если въ настоящее время Миссисипи въ теченіе столѣтія уноситъ съ верхнихъ частей своихъ около 8,700,000,000 куб. футовъ землянистыхъ частицъ къ своему устью, то это еще не уполномочиваетъ къ заключенію, что и во всѣ предшествующіе періоды су-

---

(1) Циммерм. „Міръ до сотвор. челов.“ стр. 77—80.

ществованія этой рѣки, отложеніе рѣчныхъ осадковъ происходило точно въ такомъ же объемѣ, и заключеніе Ляйелля о стотысячелѣтнемъ существованіи дельты этой рѣки, которая (дельта) въ настоящее время представляетъ массу въ 16,000 англійскихъ миль, совершенно произвольно и можетъ быть принято только на вѣру. Но таковы всѣ почти геологическія вычисленія, основанныя на квіетической гипотезѣ новѣйшей геологической теоріи Ляйелля. Стремленіе измѣрять явленія первобытной исторіи земли по масштабу отдѣльныхъ, наблюдаемыхъ въ настоящее время, явленій, часто доводитъ новѣйшихъ геологовъ до странной и слишкомъ не научной смѣлости. Такъ, напримѣръ, Гумбольдтъ сообщилъ, послѣ своего путешествія въ южной Америкѣ, одно интересное извѣстіе объ одномъ маленькомъ вулканѣ Хорулье-Jorullo, возникшемъ въ 1759 году, именно, что лава, излившаяся во время изверженія этого вулкана и находящаяся въ нѣкоторыхъ трещинахъ окружающей его равнины, была еще такъ накалена во время произведеннаго имъ наблюденія въ 1846 году — слѣдовательно чрезъ цѣлое почти столѣтіе послѣ изверженія, — что можно было закурить приложенную къ ней сигару. Одинъ изъ новѣйшихъ геологовъ выводитъ изъ этого факта заключеніе, что раскаленная масса земли, въ многіе трилліоны разъ большая упомянутой лавы, требовала милліоны лѣтъ для ея охлажденія до нынѣшней температуры (¹). Или вотъ другой примѣръ. Одному англійскому геологу удалось произвести нѣсколько наблюденій надъ процессомъ обугливанія растеній и изъ этихъ опытовъ онъ выводитъ заключеніе, что для об-

(¹) Циммерм. стр. 54.

[illegible] известковой породы, но мѣстамъ достигающихъ 20 и болѣе футовъ толщины, требовалось не менѣе 9, а для круглаго счета 10 милліоновъ лѣтъ (1), — разница незначительная, но при всѣхъ подобныхъ геологическихъ вычисленіяхъ, игнорирующихъ различіе условій, въ разные періоды развитія земли, лишній нуль не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ всѣ числа имѣютъ значеніе не болѣе, какъ неизвѣстнаго — x.... Но не противорѣчатъ ли теоріи равномѣрнаго, безусловно одинаковаго дѣйствія силъ во всѣ періоды развитія земли, нѣкоторые положительные факты, наблюдаемые въ кругу нынѣшнихъ явленій природы? Какимъ образомъ примирить основную мысль, лежащую въ основаніи квіетической теоріи Ляйелля, съ постоянно наблюдаемымъ фактомъ, встрѣчающимся во всѣхъ областяхъ природы, что развитіе въ зародышѣ и въ періодъ юности совершается несравненно быстрѣе, чѣмъ въ послѣдующіе періоды жизни? Почему Ляйелль не хочетъ приложить этого общаго закона развитія, наблюдаемаго въ природѣ, къ землѣ въ первые періоды ея существованія? Какъ наконецъ съ точки зрѣнія Ляйелля объяснить весь міръ палеонтологическій? Если исчезаемыя животныя и растенія погибли не отъ внезапной катастрофы, а путемъ обыкновеннаго умиранія, разложенія, вывѣтриванія подъ атмосферными вліяніемъ, какимъ же образомъ они сохранились по мѣстамъ въ такомъ огромномъ количествѣ? Не должны ли они были уже давно разложиться и вывѣтриться, прежде чѣмъ успѣли бы превратиться въ окаменѣлости, заключающіяся въ ила-

(1) Bischof Profess. in Bonn [illegible]

стали? На эти и множество подобныхъ вопросовъ Ляйэль и его послѣдователи не дали еще удовлетворительнаго отвѣта и принципъ квіетизма въ новѣйшей геологической теоріи точно также остается не защищеннымъ отъ множества возраженій, какъ и основной принципъ ея матеріалистическаго метаморфизма.

Одинъ изъ защитниковъ прежней геологической теоріи — Кювье, указывая на великіе геологическіе процессы образованія земли и погребенныя въ пластахъ ея громадныя формы животныхъ и растеній, говоритъ, что „многія явленія первобытнаго міра имѣютъ характеръ необыкновеннаго, страннаго для взора, привыкшаго къ настоящимъ явленіямъ образованія и развитія земли, и что для объясненія необыкновенныхъ фактовъ явственно требуется и необыкновенная теорія (чудесная пожалуй для многихъ)“ (1). Не становясь на сторону послѣдователей прежней геологической школы, мы однакоже не можемъ не согласиться съ этимъ глубокимъ и мѣткимъ замѣчаніемъ, скрывающимъ въ себѣ упрекъ новѣйшей геологической теоріи, отстраняющей все чудесное и необыкновенное изъ исторіи міреобразованія, какъ „неразумный, темный и мистическій остатокъ устарѣлаго образованія“, и впадающей въ крайности гораздо большаго ослѣпленія, вслѣдствіе самопрельщеннаго пристрастія къ своимъ одностороннимъ принципамъ, несостоятельность которыхъ очевидна для всякаго, непредубѣжденно мыслящаго. Защитнику библейскихъ и религіозныхъ началъ и вообще всякому, кто дорожитъ истиною, нельзя не пожалѣть, что къ началамъ такой несостоятельной со всѣхъ сторонъ теоріи,

(1) „Fabri. Briefe gegen Materialismus“ стр. 278.

какъ будто въ последнему слову науки, приписывается рѣшеніе вопросовъ, соприкасающихся съ ученіемъ слова Божія, и чрезъ то полагаются препятствія безпристрастному изслѣдованію этихъ вопросовъ, при которомъ только и возможно согласіе науки съ Библіею въ ихъ общихъ задачахъ и цѣляхъ. Библейско-хронологическій вопросъ о началѣ міра и древности человѣческаго рода, къ которому, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, примыкаетъ множество другихъ весьма важныхъ, религіозныхъ вопросовъ, благодаря стремленію новѣйшей теоріи дать торжество своимъ геологическимъ принципамъ, рѣшается въ настоящее время геологіею не въ пользу Библіи. На сколько безпристрастно это рѣшеніе предъ судомъ Библіи и даже самой геологической науки,—т. е. открытыхъ и открываемыхъ ею фактовъ,—мы увидимъ.

Библейское ученіе о древности человѣческаго рода находится въ тѣсной связи съ общимъ откровеннымъ ученіемъ о первобытныхъ временахъ міра и человѣчества. Изъ тѣхъ немногихъ, тѣмъ не менѣе, ясныхъ и положительныхъ свѣдѣній, какія сообщаются въ Откровеніи объ этихъ отдаленныхъ временахъ, нельзя не замѣтить, что въ Библіи начальный періодъ въ исторіи міра и человѣчества представляется развивающимся подъ вліяніемъ особенныхъ условій и въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ всѣхъ послѣдующихъ временъ, заключающихся въ предѣлахъ исторической жизни человѣчества. Исключительное долголѣтіе патріарховъ въ первый періодъ существованія человѣчества, внезапное истребленіе почти всего человѣчества въ водахъ всемірнаго потопа, чудесное смѣшеніе языковъ, разсѣяніе племенъ послѣ потопа,—все это такіе фак-

тія, которые предполагаютъ особенныя причины, отличныя отъ нынѣшнихъ условій, среди которыхъ развивается жизнь міра и человѣчества. Безъ этихъ условій, короткій срокъ, назначаемый Библіею для существованія человѣческаго рода, можетъ казаться неправдоподобнымъ, какъ и на самомъ дѣлѣ кажется такимъ — людямъ предубѣжденнымъ въ пользу новѣйшей геологической теоріи, охотно игнорирующей различіе условій, подъ вліяніемъ которыхъ въ разные періоды времени происходили тѣ или другія явленія въ области физическаго міра и человѣческаго царства. На всѣ великія явленія, происходившія въ первоначальный доисторическій періодъ, Библія смотритъ еще съ точки зрѣнія не однихъ внѣшнихъ физическихъ причинъ и условій, но съ точки зрѣнія болѣе возвышенной, именно — съ религіозно-нравственной. Она указываетъ на совершенно иныя и гораздо глубочайшія причины происхожденія расъ, смѣшенія языковъ, разсѣянія племенъ и т. под., чѣмъ каковыя — климатическія условія и другія внѣшнія причины, изъ которыхъ современные ученые стараются объяснить эти величайшія явленія въ жизни человѣчества; и великій всемірный потопъ представляется въ Библіи слѣдствіемъ не однѣхъ только физическихъ и геологическихъ причинъ, но главнымъ образомъ слѣдствіемъ высшихъ нравственныхъ цѣлей Божественнаго міроправленія. Изслѣдователь исторіи человѣчества и особливо исторіи первобытныхъ временъ, устраняющій изъ круга своихъ изслѣдованій мысль о высшихъ нравственныхъ законахъ Божественнаго міроправленія и разсуждающій объ однихъ физическихъ законахъ и слѣпыхъ силахъ природы, не говоря о Богѣ — виновникѣ этихъ силъ и законовъ, по мѣткому и справедли-

воду замѣчанію одного германскаго ученаго, походитъ на дитя, которое думаетъ, что видѣло океанъ, когда въ первый разъ увидѣло большой ручей (¹), и такой односторонній изслѣдователь никогда не можетъ сойтись въ послѣднихъ результатахъ своихъ изслѣдованій, о какомъ бы то ни было религіозно-историческомъ вопросѣ съ откровеннымъ ученіемъ, потому что онъ не хочетъ знать такого рода причинъ и дѣйствій, которыя поставляются въ Библіи на первомъ планѣ при объясненіи тѣхъ или другихъ великихъ историческихъ явленій. Но новѣйшая геологическая наука, выходя въ своихъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ первобытнымъ временамъ міра и человѣка, изъ предзанятыхъ одностороннихъ теорій, радикально противоположныхъ основнымъ воззрѣніямъ Откровенія на первоначальныя судьбы міра и человѣка, тѣмъ самымъ ставитъ себя въ глубокое противорѣчіе съ Библіею и своимъ рѣшеніемъ повидимому частныхъ научныхъ вопросовъ, какимъ можетъ показаться на первый взглядъ вопросъ о древности человѣческаго рода, подрываетъ, или по крайней мѣрѣ старается подорвать все библейское ученіе о происхожденіи и первоначальныхъ судьбахъ міра и человѣка, набросить тѣнь на историческую достовѣрность библейскихъ повѣствованій объ этихъ временахъ и свести Библію въ рядъ человѣческихъ произведеній, отражающихъ въ себѣ недостатки времени, воззрѣнія эпохи, предразсудки вѣка. Когда геологія касается, въ своихъ изслѣдованіяхъ о древнѣйшихъ временахъ человѣческаго рода, разныхъ, соприкосновенныхъ съ этимъ предметомъ, вопросовъ, напримѣръ о происхожденіи че-

(¹) Fabri gegen Materialism., стр. 194.

ловѣка, о состояніи людей въ первые періоды существованія, она охотно примыкаетъ къ разнымъ бездоказаннымъ теоріямъ, распространеннымъ въ другихъ отрасляхъ естествознанія, и на нихъ строитъ свои выводы, противорѣчащіе разнымъ пунктамъ откровеннаго ученія, и только болѣе точною фактическою стороною своихъ изслѣдованій по означенному вопросу геологія не расходится съ Библіею. Фактъ въ высшей степени замѣчательный, какъ нельзя болѣе подтверждающій высказанный нами въ началѣ взглядъ на отношеніе Библіи къ естествознанію, а именно, что Библія не боится точнаго изслѣдованія природы. Всѣ нападки со стороны естествознанія на разные пункты нашего религіознаго ученія выходятъ не изъ области обстоятельнаго фактическаго изслѣдованія природы, а изъ предзанятыхъ теорій и взглядовъ на тѣ или другіе вопросы, подъ которые насильно подводятся отдѣльно взятые факты, разобщенные отъ другихъ явленій, проливающихъ совершенно иной свѣтъ на тотъ или другой вопросъ. Въ справедливости этихъ замѣчаній мы убѣдимся при разборѣ геологическихъ указаній относительно древности человѣческаго рода.

Н Рождественскій.

(*Продолженіе будетъ*).

СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ

И ЦЕРКОВНЫЯ СРЕДСТВА ПРОТИВЪ НЕГО (¹).

Что такое современный матеріализмъ? На этотъ вопросъ мы могли бы отвѣчать: современный матеріализмъ есть философская система, особенная форма міровоззрѣнія, и думаемъ, что этотъ отвѣтъ не былъ бы неправильнымъ. Исторія философіи показываетъ намъ, что въ различныя эпохи матеріализмъ, или — если имѣть въ виду главнымъ образомъ теоретическую его сторону — сенсуализмъ бывалъ господствующею философіею болѣе или менѣе продолжительное время. Но въ настоящую минуту мы имѣемъ въ виду не эту сторону мате-

(¹) Статья эта составляетъ извлеченіе (съ нѣкоторыми измѣненіями во второй половинѣ) изъ разсужденія доктора Фабри на вопросъ, предложенный любекскимъ церковнымъ съѣздомъ: Wic ist von Seiten der Kirche den Einflussen des neueren naturwissenschaftlichen Materialismus auf das Volk zu begegnen? (Какимъ образомъ церковь можетъ противодѣйствовать вліянію новѣйшаго естественно-научнаго матеріализма на народъ?) Разсужденіе это было читано на второмъ засѣданіи съѣзда 10 сентября 1856 г. Оно имѣетъ не одно историческое значеніе (какъ картина умственнаго направленія современной намъ Германіи) — и не одна Германія можетъ узнать изъ него свои духовныя язвы и средства къ ихъ врачеванію. *Пер.*

ріализма; въ нашу задачу не входитъ философская критика сенсуализма. Подобная задача была бы ужъ нѣсколько запоздалою въ настоящее время. Матеріализмъ, понимаемый такимъ образомъ, былъ уже нѣсколько разъ и очень основательно опровергаемъ. Въ подтвержденіе достаточно указать на книгу Шаллера Leib und Seele (тѣло и душа) и на превосходную антропологію Фихте. Имѣя въ виду эти и другія, какъ новыя, такъ и старыя философскія опроверженія матеріализма, мы можемъ, не обинуясь, считать борьбу съ теоретическимъ матеріализмомъ конченною и притомъ не въ его пользу; ему никогда не удавалось, не говоря ужъ о чемъ нибудь другомъ, объяснить даже фактъ человѣческаго самосознанія; считая все духовное продуктомъ и феноменомъ матеріи, онъ путается въ самыхъ осязательныхъ противорѣчіяхъ и въ послѣднихъ своихъ выводахъ оканчиваетъ полнѣйшимъ нигилизмомъ, уничтожающимъ самую возможность знанія. Поэтому матеріализмъ, какъ философская система, имѣетъ слишкомъ ничтожное научное значеніе.

Такъ, можетъ быть, не философская, а естественно-научная сторона новѣйшаго матеріализма составляетъ его силу? Положимъ. Но и эту сторону матеріализма мы не можемъ подвергнуть здѣсь всестороннему критическому обсужденію, не выходя изъ предѣловъ своей задачи. Впрочемъ намъ жаль опустить такой прекрасный случай, и потому мы хотя слегка, но коснемся этой стороны матеріализма. Современный матеріализмъ и прямо называется „естественно-научнымъ“. И совершенно справедливо. Въ самомъ дѣлѣ то, что есть въ новѣйшемъ матеріализмѣ новаго, отличнаго отъ его предшественниковъ, состоитъ именно въ томъ, что онъ поч-

ти не касается философскихъ оснований, а ищетъ для себя опоры въ естествознаніи и прямо утверждаетъ, что и самъ онъ есть не что иное, какъ точный выводъ изъ естествоиспытанія. "Factum imperat (фактъ повелѣваетъ)— вотъ та громкая фраза, которая составляетъ шибболетъ новѣйшаго матеріализма. Взглянемъ же на него съ этой стороны.

Матеріализмъ, какъ мы сказали, есть міровое воззрѣніе и желаетъ быть таковымъ. Но при этомъ онъ нуждается въ извѣстныхъ принципахъ, которые должны быть положены въ основаніе того объясненія, которое онъ даетъ всей совокупности міровыхъ явленій. Такимъ принципомъ напр. можно считать его положеніе, что чувственное воспріятіе есть единственный источникъ всякаго познанія; такимъ принципомъ можно считать признаніе вѣчныхъ атомовъ, изъ соединенія и раздѣленія которыхъ состоитъ весь видимый міръ во всѣхъ формахъ своего проявленія и въ которыхъ, по его мнѣнію, заключается конечная причина міра. Но такъ какъ ни одинъ матеріалистъ никогда не утверждалъ, чтобы эти атомы подпадали подъ чувственное воспріятіе, то и выходитъ, что въ сущности ученіе объ атомахъ—чисто априорическое и слѣд. прямо противорѣчитъ основному положенію матеріализма, что чувственное воспріятіе есть единственный источникъ всякаго познанія. Ясно, что основные принципы матеріализма выходятъ изъ сферы естественно-научныхъ фактовъ и, какъ всѣ научные принципы, составляютъ предметъ не естествоиспытанія, или „точной эмпиріи" (exacten Empirie), а просто на просто философской критики. Но эта послѣдняя во всѣ времена настойчиво отвергала эти принципы.

Имѣя въ виду высокое значеніе научныхъ претензій

новѣйшаго матеріализма, войдемъ на минуту въ нѣкоторыя подробности. Ученіе объ „обмѣнѣ матеріи“ (Stoffwechsel), или, выражаясь языкомъ болѣе употребительнымъ, „о круговомъ теченіи жизни“ (Kreislauf des Lebens) составляетъ, какъ извѣстно, одно изъ особенно цѣнныхъ выводовъ новѣйшаго естествоиспытанія. Всѣ мы охотно признаемъ за этимъ выводомъ приписываемое ему качество точнаго вывода и видимъ въ немъ шагъ впередъ въ дѣлѣ знакомства съ жизнію природы въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ. Но не видимъ, какое особенное доказательство въ пользу матеріализма можно вывесть изъ факта — непрерывнаго обмѣна матеріи: между тѣмъ какъ это доказательство должно бы быть тѣмъ очевиднѣе, что матеріализмъ прямо опредѣляетъ себя міровымъ воззрѣніемъ, основаннымъ на обмѣнѣ матеріи (Weltanschauung des Stoffwechsels). Фактъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, былъ извѣстенъ очень давно; уже Іовъ и Екклесіастъ возвѣщаютъ намъ объ немъ, и Эпикуръ, точно также, какъ и Молешоттъ, смотритъ на воплощеніе природы въ человѣка и человѣка въ природу, какъ на единственное этико-космическое движеніе жизни. Все пресловутое пріобрѣтеніе новѣйшаго естествоиспытанія въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что съ помощью микроскопа оно указало подробности этого круговаго теченія природы, извѣстнаго самому простому крестьянину съ ранней юности изъ его весеннихъ, лѣтнихъ, осеннихъ и зимнихъ работъ. Но въ этомъ фактѣ нѣтъ и слѣда какого нибудь новаго естественно-научнаго доказательства въ пользу матеріализма; скорѣе теперь, съ удвоенною силою должно повторить ему старинное возраженіе: „если матерія владычествуетъ надъ міромъ, если она въ

тоже время находится въ вѣчномъ, непрерывномъ круговомъ движеніи, если это движеніе случайно, ничѣмъ высшимъ не управляется, а, какъ выразился съ классическимъ безсмысліемъ Карлъ Фохтъ, eine blind zusammengewürfelte, то какимъ образомъ выходитъ, что вся природа, весь органическій и неорганическій міръ, напримѣръ камень, дерево, трава, животное, человѣкъ обнаруживаютъ въ себѣ постоянную *остойчивость* (Beharren), удерживаютъ свою форму? Какимъ образомъ выходитъ, что я, какъ человѣкъ, черезъ пять, шесть и больше лѣтъ, при постоянномъ обмѣнѣ матеріи, остаюсь все тѣмъ же по виду, по лицу, по сознанію и по темпераменту"? На это возраженіе матеріализмъ не имѣетъ никакого, сколько нибудь удовлетворительнаго, отвѣта, и болѣе авторитетные представители естествознанія — достаточно упомянуть о Либихѣ, Эренбергѣ, Арнольдѣ, Лотце, Вагнерѣ, Гушке—объявили, что присвоиваемое новѣйшему матеріализму научное значеніе—совершенно призрачное и основывается только на смѣлыхъ претензіяхъ.

Мы не уклонимся отъ своего предмета, если сдѣлаемъ еще нѣсколько болѣе общихъ замѣчаній. Новѣйшее естествоиспытаніе, въ большинствѣ своихъ представителей, и особенно въ лицѣ своихъ значительнѣйшихъ корифеевъ, отвергаетъ матеріализмъ, покрайней мѣрѣ, въ его слѣдствіяхъ и въ его мнимой научной очевидности. Съ радостію и благодарностію привѣтствуемъ мы этотъ фактъ. Но все же возникаетъ вопросъ: отчего новѣйшій матеріализмъ распространяется между нами, именно какъ естественно—научный? На это есть общія причины, заключающіяся въ цѣломъ складѣ настоящаго времени, и мы возвратимся къ нимъ

впослѣдствіи. Но онѣ не вполнѣ объясняютъ дѣло. Вообще, въ направленіи современнаго естествознанія должно заключаться нѣчто такое, что благопріятствуетъ успѣхамъ матеріализма и что, по крайней мѣрѣ, отчасти даже вызвало его. Вѣдь считается же философскій матеріализмъ XVIII вѣка результатомъ предшествовавшаго ему философскаго развитія. Подобное же отношеніе должно находиться между новѣйшимъ естествознаніемъ вообще и новѣйшимъ естественно-научнымъ матеріализмомъ. Говоря это, мы затрогиваемъ одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ и животрепещущихъ вопросовъ нашего времени. Давно уже ни для кого не секретъ, что между естествоиспытателями и теологами, между естественными науками и христіанскимъ сознаніемъ произошелъ разрывъ. Кажется, всего лучше будетъ, если мы не будемъ маскировать настоящаго положенія дѣла. Да и трудно было бы маскировать его. Не говоря уже о безчисленныхъ исчадіяхъ прямаго матеріализма, мы имѣемъ предъ глазами очень знаменательный фактъ: всѣ писатели, къ какому бы направленію они ни принадлежали — къ деистико-раціоналистическому, или пантеистическому,—обнаруживаютъ какую-то болѣзненную слабость къ естественнымъ наукамъ и стараются основывать свои аргументы на ихъ выводахъ. Благодаря этимъ пріемамъ, имъ удалось популяризовать свои мысли въ очень широкихъ кружкахъ, чего раньше не удавалось имъ сдѣлать. Такимъ образомъ, въ теченіе какихъ нибудь десяти лѣтъ, насъ буквально засыпали популярными сочиненіями по естественнымъ наукамъ. Всѣ онѣ, не говоря уже о чисто-матеріалистическихъ, основаны на деистическихъ, или пантеистическихъ началахъ. Легко себѣ представить, какъ много

вредятъ христіанству подобныя сочиненія, хотя бы ихъ авторы и не разсчитывали на это. Во всякомъ случаѣ, имъ не лишне было бы помнить при этомъ случаѣ латинскую пословицу: „gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo". Но всего прискорбнѣе, что общее направленіе современнаго образованія отразилось на многихъ нѣмецкихъ богословахъ; вмѣсто того, чтобы съ священною строгостью напоминать людямъ объ обязанности нравственнаго усовершенствованія всѣхъ вообще и каждаго въ частности, многіе изъ нынѣшнихъ богослововъ мечтаютъ о какомъ-то усовершенствованіи самаго христіанства (Perfectibilität des Christenthums) и изъ „прогресса естественныхъ наукъ" думаютъ почерпать свои, какъ они выражаются, самые убѣдительные аргументы.

Эти факты, повторяющіеся каждый день, слишкомъ важны для того, чтобы объ нихъ умалчивать, или маскировать ихъ. Если необходима борьба, то пусть она будетъ открытою и честною, и тѣмъ болѣе, что, по нашему глубокому убѣжденію, примиреніе борющихся сторонъ вовсе не такъ трудно, какъ обыкновенно представляютъ, покрайней мѣрѣ для тѣхъ, которые не желаютъ спора для спора. Мы убѣждены, что оппозиція, главнымъ образомъ, держится тѣмъ, что противники не разграничиваютъ строго между собою сферы, въ которыхъ вращаются.

Мы сказали выше, что господствующее теперь въ естественныхъ наукахъ воззрѣніе на природу есть *физико-механическое*. Конечно, подобный методъ разсматривать природу имѣетъ свою хорошую сторону; его цѣль — добиться точныхъ и вѣрныхъ результатовъ заслуживаетъ всякаго одобренія; но примѣненіе его мо-

жетъ быть очень ограниченное. До тѣхъ поръ, пока онъ ограничивается разсматриваніемъ и описаніемъ внѣшнихъ явленій, ихъ комбинаціей и выводомъ изъ ихъ совокупности законовъ внѣшняго теченія природы, дотолѣ онъ дѣйствуетъ въ своей сферѣ. Далѣе механизма внѣшней законности (Gesetzlichkeit) онъ идти не можетъ, но и въ предѣлахъ этой законности его дѣло ограничивается только отысканіемъ, описаніемъ и комбинированіемъ этихъ законовъ. Отсюда сущность этого физико-механическаго метода состоитъ въ описаніи. Но кто не знаетъ, какъ трудно удержаться въ должныхъ границахъ, какъ легко принять простое описаніе космоса съ его внѣшними законами за объясненіе его, или придти къ мысли, что всякое объясненіе, всякое изслѣдованіе сущности вещей невозможно и составляетъ самое пустое и безплодное занятіе? Это мнѣніе явно или тайно проглядываетъ во всей современной литературѣ по естественнымъ наукамъ. Такимъ образомъ, волей или неволей, мы должны признаться, что въ наше время все болѣе и болѣе распространяется то ошибочное мнѣніе, будто сфера эмпирическаго, чувственнаго наблюденія есть единственная, прочно обезпеченная область человѣческихъ изслѣдованій, а все остальное, что лежитъ за предѣлами этой области, есть туманная мечта. Такъ, существуетъ не мало книгъ, которыя представляютъ намъ блистательное описаніе космоса и его жизни по способу физико-механическому, и которыя, съ видомъ великодушія, все, не принадлежащее къ эмпирической области и именно религіозную сферу, называютъ областью „туманныхъ желаній и чувствованій“. А такъ какъ при такой постановкѣ дѣла само собою возникаетъ предположеніе, что твореніе тогда только

можетъ быть правильно понято, когда его разсматриваютъ внѣ всякихъ отношеній къ Творцу, то отрицаніе Творца уже само собою является въ современномъ естествознаніи. Есть высшія нѣмецкія школы, гдѣ преподаватели естественныхъ наукъ и медицины, не то чтобы вслѣдствіе какого нибудь уговора, даже можетъ быть безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія, а просто, платя дань господствующему обожанію эмпиріи, избѣгаютъ нѣкоторыхъ выраженій, напримѣръ: „умереть", а вмѣсто того, говоря о смерти человѣка, употребляютъ слово „уничтожиться", или, въ крайнемъ случаѣ, „летальный исходъ" (letaler Ausgang); и такимъ образомъ составилась совершенно новая терминологія, невольная тенденція которой состоитъ въ томъ, чтобы и всѣ психическія отправленія представлять чисто механическими функціями тѣлеснаго аппарата. Поэтому нисколько не удивительно, если нѣкоторые физіологи, которые впрочемъ не хотятъ, чтобы ихъ считали матеріалистами, говорятъ на своихъ лекціяхъ: „мы не желаемъ лишать вѣры въ безсмертіе никого, для кого она составляетъ душевную потребность, но должны признаться, что на пути точнаго изслѣдованія (т. е. сколько бы разъ ни вскрывали труповъ) никогда не находили слѣдовъ души"; или другіе, вскрывая ножемъ трупъ, съ безсмысліемъ увеселяютъ своихъ слушателей восклицаніемъ: „господа, посмотрите на то, что этотъ бѣднякъ (покойникъ) называлъ своею душею"!

Можно было бы коснуться и еще нѣкоторыхъ чертъ, характеризующихъ это направленіе, но и сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться въ двухъ истинахъ. Во 1-хъ, отсюда мы видимъ, что физико-механическое естествоиспытаніе стремится *универсализировать* себя. Во

2-хъ это стремленіе неизбѣжно втягиваетъ его въ борьбу со всѣми другими областями знанія и изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ богословіе такъ же, какъ и философія, не можетъ допускать, чтобы сомнѣвались въ реальномъ базисѣ его существованія, или въ крайнемъ случаѣ бросали ему въ видѣ успокоительной приманки фразу, что основаніемъ ему служитъ „область предчувствія и желаній". Здѣсь мы не будемъ распространяться относительно этого пункта. Прибавимъ одно. Въ борьбѣ между естественными науками и богословіемъ прежде всего необходимо точно распредѣлить границы для обѣихъ сторонъ. Безъ этого всѣ споры будутъ лишь наборомъ словъ. Но если мы обратимъ вниманіе на этотъ пунктъ, то откроется, что обѣ стороны вращаются вокругъ извѣстныхъ принциповъ, которые лежатъ за чертою эмпирической сферы и составляютъ научныя предположенія. А отсюда явствуетъ, что въ современной полемикѣ естествознанія съ христіанствомъ дѣло идетъ не о чемъ нибудь новомъ, какъ стараются иные увѣрить; въ настоящемъ случаѣ выступаютъ противъ него тѣ же старинные, хорошо ему знакомые, поборники деизма, пантеизма и матеріализма, только въ новой кожѣ. Да, можно смѣло утверждать, что не будь этихъ, съ вѣтру схваченныхъ принциповъ, физико-механическое естествознаніе, держась строго въ своихъ границахъ, никакъ не могло бы придти въ столкновеніе съ богословіемъ и христіанствомъ. На этомъ основываемъ мы свое убѣжденіе въ возможности соглашенія между безпристрастными представителями той и другой науки. Съ другой стороны изъ сказаннаго видно, что физико-механическое направленіе, господствующее въ современномъ естествознаніи,

благодаря своему стремленію универсализировать себя, не смотря на протестъ лучшихъ своихъ представителей, способствовало и способствуетъ успѣхамъ матеріализма.

Теперь мы должны критически выровнять почву для того, чтобы въ общихъ чертахъ изобразить временно-историческое значеніе матеріализма. Мы видѣли, что современный матеріализмъ вовсе не есть какое нибудь значительное явленіе въ области философіи или естественныхъ наукъ. Правда, онъ извлекаетъ для себя пищу изъ обѣихъ этихъ областей, но его собственное значеніе опирается на то, что онъ есть законченное выраженіе *потока времени* (Zeitströmung), проносящагося надъ головами нашихъ современниковъ. Это видно уже по характеру борьбы, имъ возбужденной. Ни одинъ чисто научный вопросъ никогда не вызывалъ такой громадной спорной литературы, какъ вопросъ о матеріализмѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ Фохтъ отвѣчалъ на извѣстное объясненіе Рудольфа Вагнера своимъ памфлетомъ Köhlerglaube und Wissenschaft (слѣпая вѣра и наука), выдержавшимъ уже четыре изданія, съ тѣхъ поръ какъ Людовикъ Бюхнеръ выступилъ на ряду съ нимъ со своимъ сочиненіемъ Kraft und Stoff (сила и матерія), которое также вышло четвертымъ изданіемъ, появилось въ свѣтъ въ теченіе одного года около тридцати самостоятельныхъ большихъ и малыхъ сочиненій, избравшихъ своимъ предметомъ критику матеріализма, не считая многочисленныхъ журнальныхъ статей. Съ увѣренностью можно сказать, что нѣтъ ни одной точки зрѣнія, съ которой бы не разсматривался этотъ предметъ, такъ что обзоръ относящейся къ нему литературы, кромѣ прямаго интереса, имѣетъ и кос-

венный, — онъ знакомитъ насъ съ той неопредѣленностью и путаницей, какія существуютъ въ головахъ нашихъ современниковъ относительно важнѣйшихъ вопросовъ науки и жизни. Эта лихорадочная литературная борьба доказываетъ, что современный матеріализмъ пользуется огромной популярностью и что эта популярность опирается на тайномъ, сердечномъ сочувствіи ему нашихъ современниковъ.

Попытаемся разсмотрѣть поближе происхожденіе современнаго матеріализма, доискаться тѣхъ источниковъ, которые, соединившись вмѣстѣ, произвели тотъ страшный потокъ, который угрожаетъ намъ гибелью и разрушеніемъ.

Намъ кажется, что матеріализмъ обязанъ своей силою преимущественно тремъ факторамъ. Первый изъ нихъ интеллектуальный и состоитъ въ *отрицательномъ* направленіи, которое болѣе и болѣе принимаетъ современная наука. Со временъ Декарта автономія человѣческаго разума сдѣлалась основнымъ догматомъ новѣйшей философіи и, если по мѣстамъ бывали уклонененія, то въ общемъ направленіи она являлась господствующею. Впрочемъ мы должны здѣсь замѣтить, что современная философія, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, признаетъ мечтой знаніе, основанное на себѣ самомъ, и въ своихъ построеніяхъ выходитъ изъ „*факта*", какъ даннаго, и такимъ образомъ принимаетъ болѣе и болѣе христіанско-деистическое направленіе, Но понятно, что въ нѣсколько лѣтъ нельзя уничтожить труда цѣлыхъ столѣтій. Признавая главенство разума въ дѣлѣ познанія, приписывая ему способность знать истину самому отъ себя и въ себѣ, положили начало тѣмъ извилистымъ путямъ въ исканіи истины,

которые, при всемъ разнообразіи системъ, всѣ вели къ одной цѣли—обоготворенію человѣка. Послѣдовательно идя по этому направленію, дошли наконецъ до той односторонне-спиритуалистической культуры разума, которая царитъ въ нашемъ образованіи. Но человѣчество не можетъ отпадать отъ высшаго, не дѣлаясь въ тоже время рабомъ низшаго. Отрицаніе Бога ведетъ къ обоготворенію человѣка, а это въ свою очередь послѣдовательно приводитъ къ поклоненію низшимъ твореніямъ. Нынѣшній сенсуализмъ, признающій существованіе одной грубой матеріи, а тѣмъ низведшій и самый разумъ до продукта этой матеріи, есть послѣдній выводъ направленія, опирающагося на автономіи разума.

На сколько и какого рода поддержку нашелъ себѣ матеріализмъ въ принципахъ современнаго естествознанія, мы сказали выше. Многочисленные примѣры древняго и новаго времени доказываютъ, что антагонизмъ Евангелію, составляющій отличительный признакъ матеріализма, вовсе не свойственъ естественнымъ наукамъ. Первоклассные геніи, величайшіе изобрѣтатели, трудами которыхъ и теперь еще живетъ наше время, Коперникъ, Кеплеръ, Ньютонъ, Лейбницъ, Галлъ. Эйлеръ и другіе доказываютъ, что съ свободою естественно-научныхъ изслѣдованій можетъ легко итти рука объ руку глубокое христіанское убѣжденіе, сопутствуемое смиреніемъ. Но эти, равно какъ и нѣкоторыя современныя исключенія не опровергаютъ той мысли, что общее направленіе современнаго естествознанія грозитъ серьезною опасностью образованію. По крайней мѣрѣ оно внесло уже разладъ въ отношенія различныхъ сферъ науки и жизни. Естествознаніе хвастливо утверж-

даетъ, что оно только одно обладаетъ очевиднымъ знаніемъ и что ему удалось, судя по возгласамъ нашей журналистики, убѣдить въ этомъ огромную массу современниковъ. Эти успѣхи матеріализма серьезно пугаютъ лучшихъ представителей естествознанія и приводятъ ихъ въ глубокое раздумье; но не лежитъ ли значительная доля отвѣтственности за этотъ грустный фактъ на нихъ самихъ,—не содѣйствовали ли сами они своими изслѣдованіями рѣзкому преобладанію матеріальныхъ интересовъ надъ духовными?

Это приводитъ насъ къ третьему фактору, играющему едва ли не самую значительную роль въ дѣлѣ распространенія матеріалистическихъ тенденцій въ наше время. Мы говоримъ о *матеріальныхъ интересахъ*.—Что эти интересы составляютъ господствующіе интересы нашего времени, это—фактъ, и притомъ фактъ, отлично характеризующій наше время. Никогда господство матеріальныхъ интересовъ не достигало такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ теперь. Правда, во всѣ времена бывали города и села, въ которыхъ, вслѣдствіе широкаго развитія торговой и промышленной дѣятельности, матеріальные интересы преобладали надъ духовными, но никогда это преобладаніе не было такъ рѣшительно, какъ теперь. Напротивъ, въ былыя времена часто случалось, что центры усиленной дѣятельности торговой и промышленной, складочныя мѣста всевозможныхъ богатствъ не только бывали колыбелью благородной гражданственности и свободной науки, но и находили время и деньги на сооруженіе и поддержаніе школъ и церквей, которыя своимъ вѣковымъ, спокойнымъ величіемъ пристыжаютъ нашу мелочную, меркантильную возню изъза матеріальныхъ средствъ жизни. Наше время есть

время чрезвычайнаго и крайне односторонняго развитія индустріи, торговли и промышленности. Мы не думаемъ безусловно осуждать всѣ открытія и усовершенствованія въ этой области. Мы имѣемъ въ виду не матеріальный прогрессъ самъ по себѣ, а духъ, имъ заправляющій. Опасность угрожаетъ намъ именно со стороны этого духа. Она заключается въ томъ, что излишняя заботливость о развитіи и усовершенствованіи матеріальныхъ средствъ и удобствъ жизни угрожаетъ превратиться въ общественный культъ. Наше время буквально надсѣдается, восхваляя себя за свои открытія и усовершенствованія, и вовсе не думаетъ воздать честь и славу Тому, Кто безусловно располагаетъ какъ изобрѣтателями, такъ и ихъ открытіями. Что жъ удивительнаго, если, при такомъ извращеніи порядка вещей, всѣ достоинства измѣряются мѣрой матеріальнаго благосостоянія, средство дѣлается цѣлію, высшее превращается въ низшее?

Но всего опаснѣе то, что зло не ограничивается какимъ нибудь мѣстомъ или страною; нѣтъ, оно распространилось по всей Европѣ, проникло весь цивилизованный міръ. Мы живемъ во времена *централизаціи*. Солидарность европейскихъ интересовъ составляетъ, по мнѣнію большинства, торжество нашего времени и вѣрнѣйшій оплотъ для богатаго надеждами будущаго. О, если бы всѣ тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ разумѣть знаменія времени, поняли, сколько опасности заключается въ этой хваленой солидарности для европейскаго человѣчества! Не на добро связываетъ его эта солидарность, опирающаяся на такомъ шаткомъ основаніи.

Что появленіе новѣйшаго матеріализма совпало съ

развитіемъ матеріальныхъ интересовъ, это вовсе не случайность. Напротивъ, мы должны сказать, что самый матеріализмъ есть ничто иное, какъ послѣднее и прямое выраженіе этого господствующаго направленія времени. Во всѣ времена и въ нѣдрахъ самаго христіанства существовали грѣхъ и заблужденіе и—не рѣдко—въ широкихъ размѣрахъ. Корыстолюбіе, алчность, плотоугодіе, сластолюбіе во всѣ времена доводили многихъ до погибели. При всемъ томъ, никогда эти пороки не угрожали такой опасностью, какъ теперь, потому что никогда не достигали такихъ размѣровъ, какъ теперь. При этомъ насъ поражаетъ ужасающее спокойствіе, съ которымъ наши современники смотрятъ на быстрое распространеніе всѣхъ этихъ пороковъ, спокойствіе, напоминающее времена Ноя, когда, преспокойно ѣли, пили, женились и выходили замужъ до самаго того дня, когда Ной взошелъ въ ковчегъ (Лук. 17. 26—30). Но кто изъ насъ не знаетъ, какую бурю предвѣщало это спокойствіе? Подобное же спокойствіе предъ бурей еще болѣе страшною предвозвѣщалъ Господь въ Евангеліи. Не смѣемъ утверждать, что это предсказаніе Господа относится къ нашему времени, но не можемъ не поставить на видъ нашимъ современникамъ, что такое спокойствіе всегда было зловѣщимъ признакомъ. Для характеристики нашего времени важна еще одна черта, это—ниспроверженіе всѣхъ авторитетовъ какъ въ церковной, такъ и въ соціально-политической жизни.

Всѣ эти явленія находятъ себѣ полнѣйшее сочувствіе въ современномъ матеріализмѣ. Онъ отрицаетъ послѣднія основы нравственности какъ общественной, такъ и частной, и конечное разрушеніе ихъ считаетъ своею задачей. Достаточно привести здѣсь два свидѣтельства —

одно изъ нихъ относится къ прошедшему, другое—къ настоящему столѣтію,—для того, чтобы показать, какъ солидно преслѣдуетъ онъ эту задачу. Извѣстный матеріалистъ Ла-Метри въ своемъ Traite de la vie heureuse (трактатъ о счастливой жизни) пишетъ: „счастіе составляетъ право всякаго человѣка; онъ долженъ найти его тамъ, гдѣ оно есть; оно на столько же принадлежитъ самому порочному, на сколько и самому добродѣтельному. Наслажденіе любовію, доступное въ своемъ естественномъ состояніи и животному, это тончайшее щекотаніе чувствъ есть единственное наше благо; оно одно дѣлаетъ насъ счастливыми; при немъ не нужны намъ ни честь, ни одобреніе міра. Ни педантство, ни добродѣтель не должны становиться намъ на дорогѣ къ этому счастью. Добродѣтель—мечта, искуственное произведеніе, чужестранное растеніе; не природа зарождаетъ его въ нашей груди. Раскаяніе, такъ неугомонно преслѣдующее насъ, нужно выбросить изъ головы, и безпокойную совѣсть—плодъ побоевъ и предразсудковъ, полученныхъ нами въ дѣтствѣ, нужно заглушить, заставить молчать, до тѣхъ поръ зажимать ей ротъ, пока она совершенно разучится говорить. О Богѣ и думать нечего, а что нѣтъ другой жизни, это доказано. Слѣдовательно остается бояться только одного существа, препятствующаго нашему счастью—діавола. Къ этому судьѣ философъ конечно отнесетется почтительно, такъ какъ иначе ему нечего бояться ни надъ землею, ни подъ землею".

Отъ чего же не попробовать уничтожить и этого послѣдняго врага, котораго боялся еще Ла-Метри? Карлъ Фохтъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ уже первый въ этомъ родѣ опытъ. Онъ объявилъ во всеуслышаніе: „свобод-

кой воли не существуетъ, а вмѣстѣ съ нею и никакой отвѣтственности и вмѣненія, которыя хотятъ намъ навязать мораль, карательная судебная расправа и, Богъ знаетъ, еще что такое. Мы ни на одну минуту не бываемъ властелинами себя самихъ, своего разума, своихъ духовныхъ силъ, такъ же какъ не можемъ по своему произволу — позвольте мнѣ выразиться нѣсколько грубо—распоряжаться дѣятельностію своихъ почекъ. Организмъ не можетъ распоряжаться самъ собою; имъ управляетъ законъ его матеріальнаго состава... Поэтому посмотрите, какъ всѣ идутъ ощупью, какъ бы въ темнотѣ, когда хотятъ свести понятія о правѣ къ ихъ послѣднимъ основаніямъ... Не возможно доказать позволительности наказаній и, слѣдовательно, отвѣтственности и вмѣненія даже для тѣхъ, которые не хотятъ допустить принимаемой нами зависимости отъ матеріи. Какъ бы мы ни увертывались, все же должны будемъ придти къ истинѣ и сознаться, что наказанія ни на чемъ нельзя основать, хотя оно и существуетъ какъ явленіе, необходимо обусловливаемое извѣстнымъ состояніемъ человѣческихъ обществъ. Но и это еще вопросъ"!

Несмотря на эти откровенныя признанія, замѣчательныя, покрайней мѣрѣ, своей прямотой, и теперь еще есть люди, которые усиливаются доказать, будто матеріализмъ не ведетъ необходимо къ безнравственности. Мы согласны, что могутъ быть исключенія, можетъ и съ матеріалистическими воззрѣніями и правилами соединяться относительно — честный образъ дѣйствій. По довольно вѣроятнымъ сказаніямъ древности, Эпикуръ въ своихъ поступкахъ былъ лучше, чѣмъ въ своемъ ученіи. Но развѣ отъ этого его ученіе было менѣе раз-

рушительно? Развѣ примѣръ Эпикура помѣшалъ цѣлымъ тысячамъ его послѣдователей испортиться нравственно? Упомянутый нами Ла-Метри погибъ жертвою разврата, а его современникъ и единомышленникъ, баронъ Гольбахъ, авторъ „Системы природы", считался въ свое время рѣдкимъ человѣкомъ по своей простотѣ и благотворительности. У меня самого есть одинъ хорошій знакомый, заклятый матеріалистъ по теоріи, но въ то же время человѣкъ, серьезно ищущій истины, и даже убѣжденный, что христіанство и матеріализмъ, въ собственномъ смыслѣ, не могутъ считаться враждебными другъ другу. Во всѣ времена бывали почтенныя непослѣдовательности. Дѣло не въ отдѣльныхъ личностяхъ. Направленія, подобныя современному матеріализму, никогда не бываютъ дѣломъ одного или нѣсколькихъ лицъ. Онѣ суть заблужденія и грѣхи *времени*, такъ что нѣкоторые передовые люди въ такомъ гибельномъ направленіи заслуживаютъ особеннаго сожалѣнія, какъ жертвы грѣховъ времени, а потому, въ извѣстномъ отношеніи, могутъ быть несравненно лучше какого нибудь лицемѣра между противниками.

Но эта оговорка, которую мы сдѣлали изъ уваженія къ истинѣ, ничего не доказываетъ въ пользу матеріализма; его тенденціи не дѣлаются отъ того нравственнѣе, обязанность бороться съ ними не дѣлается менѣе настоятельною. Нѣтъ нужды слѣдить безнравственность матеріализма во всѣхъ пунктахъ его системы; она заключается необходимо въ его слѣдствіяхъ. Матеріализмъ—если намъ позволено провести здѣсь коротенькую параллель съ другой стороны—въ своихъ послѣдствіяхъ обнаруживаетъ *радикальный* характеръ какъ относительно политической, такъ и соціальной жизни.

Гоненіе на французскій сенсуализмъ, продолжающееся до настоящаго времени, показываетъ, что соціализмъ и коммунизмъ составляютъ прямыя политико-соціальныя слѣдствія матеріализма. Уже Ла-Метри сказалъ: „медикъ есть единственный философъ, приносящій пользу своему отечеству". Современные матеріалисты тоже говорятъ намъ, что усовершенствованіе человѣка производится въ существѣ дѣла только медициною, діэтою и климатомъ. Эта же теорія заставляла Сенъ-Симона, Фурье и всѣхъ другихъ соціалистовъ и коммунистовъ утверждать, что заботливость о матеріальномъ благосостояніи составляетъ единственную задачу государствъ и обществъ. А такъ какъ вожделѣнному рѣшенію этой задачи мѣшаетъ существующее между людьми неравенство со стороны матеріальнаго благосостоянія, то это послѣднее, очевидно, прежде всего должно быть уничтожено. Эти положенія вытекаютъ совершенно послѣдовательно изъ основнаго принципа матеріализма. Кому угодно, можетъ, пожалуй, закрывать себѣ глаза на эти выводы, но это не значитъ ихъ уничтожить, или ослабить ихъ роковое значеніе. Да, нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что именно въ этихъ выводахъ и заключается сила новѣйшаго матеріализма. Они, и только они одни перспективой привольной и разгульной жизни, на чужой счетъ, привлекаютъ къ ораторамъ матеріализма толпы слушателей и послѣдователей. Одинъ врачъ и естествоиспытатель, именно Августъ Веберъ, авторъ сочиненія „Die neueste Vergötterung des Stoffs" (новѣйшее обоготвореніе матеріи) превосходно выразился на этотъ предметъ: „говоря откровенно, сила матеріализма заключается не въ твердости теоретическихъ доказательствъ—онѣ успѣли уже

разоблачить всѣ свои слабыя стороны — нѣтъ, единственно и исключительно она заключается въ *настроеніи людей*. Въ этомъ настроеніи мы имѣемъ, главнымъ образомъ, ключъ къ уразумѣнію того удивительнаго явленія, что такое несостоятельное въ теоретическомъ отношеніи и такое же утѣшительное для человѣчества ученіе нетолько не отвергнуто съ негодованіемъ, но и выхваляется, какъ благопріобрѣтеніе торжествующей науки. Человѣку вообще свойственно считать за истину то, что поблажаетъ его наклонностямъ. А что можетъ быть для него пріятнѣе, какъ не освобожденіе отъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ узъ, сдерживавшихъ до сихъ поръ проявленіе этихъ наклонностей въ должныхъ границахъ? Это такъ ясно, что доказательства были бы совершенно лишними. А кто понимаетъ и судитъ объ этомъ иначе, тому мы въ правѣ сказать, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о людяхъ". Это говоритъ врачъ, который, конечно, и не думалъ судить о матеріализмѣ съ христіанской точки зрѣнія. И между тѣмъ онъ сказалъ сущую правду. Сказываютъ, что единственный книгопродавецъ въ одномъ не большомъ нѣмецкомъ городѣ недавно продалъ двадцать экземпляровъ Бюхнеровой Kraft und Stoff *фабричнымъ мастеровымъ*. Спрашивается, что побудило этихъ людей тратиться на подобную книгу? Ужъ конечно, не убогія попытки автора придать матеріализму научное основаніе, а скорѣе очень понятные практическіе пункты его ученія. Ихъ влечетъ къ этой книгѣ нахальная дерзость, съ какою авторъ провозглашаетъ идею о Божествѣ вздорнымъ созданіемъ человѣческой фантазіи, осмѣиваетъ безсмертіе души, даетъ понять, что мать можетъ истребить плодъ своего чрева, признаетъ только каче-

ственное превосходство человѣка предъ животными и, наконецъ, вмѣстѣ съ Карломъ Фохтомъ увѣряетъ насъ, что нѣтъ ни свободной воли, ни нравственнаго вмѣненія. Всѣ эти пункты способны притягивать къ себѣ своимъ одуряющимъ наркотизмомъ не однихъ *фабричныхъ*.—Матеріализмъ гораздо обстоятельнѣе былъ раскрытъ и обоснованъ (на сколько это возможно для такой несостоятельной доктрины) сенсуалистами XVIII в., чѣмъ современными его корифеями. Заслуга этихъ послѣднихъ состоитъ только въ томъ, что они, гдѣ было можно, разоблачили предъ нами съ большею откровенностью и безтактностью послѣдніе выводы изъ своей системы. Вѣроятно, благодаря этому обстоятельству, ихъ сочиненія покупаются на расхватъ, тогда какъ болѣе серьезныя сочиненія сенсуалистовъ прошедшаго столѣтія почти не находятъ для себя читателей въ наше время.

Хотѣлось бы думать, что мнѣ удалось изобрѣсть происхожденіе, сущность и опасности современнаго матеріализма, хотя и вкратцѣ, но съ удержаніемъ всѣхъ существенныхъ чертъ его. Если вывести послѣдній результатъ изъ всего сказаннаго, то у насъ получится понятіе о матеріализмѣ, какъ совершенной противоположности христіанству. Или если бы мы захотѣли выразиться символическимъ языкомъ апокалипсиса, то должны были бы назвать его философіей „звѣря, возстающаго изъ бездны", ученіе котораго въ настоящее время почитаютъ цѣлыя тысячи людей частію сознательно, частію безсознательно.

А если такъ, то вопросъ: какимъ образомъ Церковь можетъ противодѣйствовать вліянію на народъ новѣйшаго естественно-научнаго матеріализма, — долженъ серьезно устрашать насъ своей трудностью.—Однакожъ попытаемся отвѣчать на него хотя кратко.

Прежде всего должно сказать, что нѣтъ ни одного специфическаго средства въ рукахъ людей противъ болѣзни времени, достигшей своего полнаго развитія въ матеріализмѣ. Плевелы ростутъ и будутъ рости, по словамъ Господа, до самой жатвы (Матѳ. 13, 30). Но сознаніе этой глубокой и непреложной истины должно не ослаблять, а подкрѣплять наши силы на дѣло Божіе. Къ великому прискорбію, мы должны сознаться, что въ наше время чаще бываетъ наоборотъ...

Ближайшимъ средствомъ противъ язвы матеріализма представляется литературная борьба съ нимъ. Правда, на сколько матеріализмъ есть явленіе естественно-научное и философское, на столько борьба съ нимъ не входитъ въ прямую задачу Церкви; но Церковь рада союзничеству всякой истинной науки, всякаго свѣта въ борьбѣ съ тьмою. Мы уже видѣли, что эта задача давно и серьезно поставлена и выполняется многими. Отличнымъ дополненіемъ къ этому средству могло бы служить основаніе популярнаго періодическаго изданія, которое въ противоположность господствующему физико-механическому пониманію природы проводило бы параллель между естественнымъ откровеніемъ природы и сверхъестественнымъ, исторически и непосредственно даннымъ Божественнымъ откровеніемъ, раскрывая ту главную мысль, что оба эти откровенія не противорѣчатъ другъ другу, а дополняютъ себя взаимно. Съ годъ тому назадъ кружокъ римско-католическихъ ученыхъ въ Мюнстерѣ взялся уже за это предпріятіе (¹). Можно также указать на только что выходящій въ свѣтъ трудъ

(¹) Авторъ разумѣетъ издающійся въ Мюнстерѣ съ 1865 г. журналъ: Natur und Offenbarung (Природа и Откровеніе), основательно и съ успѣхомъ выполняющій указанную авторомъ задачу въ его смыслѣ. *Пер.*

Вольфганга Менцеля: Die Naturkunde im christlichen Geiste aufgefasst (Физика понимаемая въ христіанскомъ духѣ). При обширныхъ познаніяхъ, здравомъ сужденіи, ясномъ, отчетливомъ и живомъ языкѣ автора, это произведеніе можетъ быть рекомендовано, какъ отличный опытъ въ этомъ родѣ. Затѣмъ хорошо было бы составить популярный трактатъ противъ матеріализма. Вотъ все, что, по нашему мнѣнію, можно сдѣлать противъ матеріализма литературнымъ путемъ.

Впрочемъ у насъ дѣло идетъ не о томъ, что можетъ сдѣлать противъ матеріализма ученая дѣятельность вообще, а что можетъ сдѣлать Церковь, чтобы отразить распространеніе его въ народѣ. Указанная нами литературная дѣятельность могла бы преслѣдовать и поражать матеріализмъ только въ чисто ученой сферѣ, — исторгать корни, запущенные имъ въ превратную философію и въ благопріятную ему область физико-механическаго естествознанія. Что же касается третьяго и главнѣйшаго фактора, способствующаго сильнѣе всего успѣхамъ матеріализма, именно сочувствія массы, матеріалистическаго направленія времени, то эта дѣятельность оставляла бы его почти нетронутымъ. И здѣсь-то именно лежитъ та область, въ которой борьба съ матеріализмомъ составляетъ призваніе Церкви Христовой. Итакъ, прежде всего мы должны обратить вниманіе на то, какимъ образомъ можно противодѣйствовать матеріализму церковной практикой.

Все, что дѣлается въ различныхъ областяхъ церковной дѣятельности для распространенія и утвержденія въ сердцахъ нашихъ современниковъ Евангелія, косвеннымъ образомъ противодѣйствуетъ и успѣхамъ матеріализма... Матеріализмъ прямо выступаетъ противъ Еван-

гелія, какъ противникъ послѣдовательный, начинающій борьбу не на животъ, а на смерть. Слѣдовательно, противъ него должны быть употреблены прямыя и притомъ самыя вѣрныя и испытанныя оружія. Гдѣ же мы найдемъ эти оружія? Искать ихъ далеко не зачѣмъ. Онѣ уже указаны и на дѣлѣ испытаны св. Апостоломъ (Еф. 6, 11—17).

Вотъ одно изъ оружій, указанныхъ Апостоломъ: *мечь духовный*—самое острое и непобѣдимое, какъ оборонительное, такъ и наступательное оружіе въ самомъ широкомъ смыслѣ. Здѣсь поставимъ одинъ вопросъ и отвѣтимъ на него: Какимъ образомъ дѣйствовать этимъ мечомъ слова Божія противъ современнаго намъ матеріализма? Я говорю не о мѣстѣ и не о внѣшней формѣ, въ которой можно примѣнять къ дѣлу это оружіе; кажется, что это не особенно важно въ настоящемъ случаѣ; можно употреблять его вездѣ—и на каѳедрѣ и на площади и въ прессѣ, и какъ чрезъ мудрыхъ въ словѣ, такъ и буіихъ. Не этихъ ли послѣднихъ избралъ Богъ, да премудрыя вѣка сего посрамитъ? Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду слово Божіе, какъ оружіе само въ себѣ, безъ отношенія къ условіямъ его употребленія. Вѣдь оружія матеріализма направлены прямо противъ него; слѣдовательно, оно прежде всего должно стоять само за себя. Имѣетъ ли оно само въ себѣ достаточно крѣпости независимо отъ тѣхъ искуственныхъ пріемовъ, которые могутъ употреблять его защитники для защиты его дѣла? Можетъ ли оно, не ожидая себѣ помощи отъ нихъ, собственною своею силою помочь и себѣ и имъ? Вотъ въ чемъ вопросъ. Этотъ вопросъ тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ больше явныхъ и тайныхъ враговъ слова Божія. Число этихъ послѣднихъ

больше, чѣмъ мы предполагаемъ. Они встрѣчаются и между горожанами и между поселянами, и устраните только искуственныя сдержки, полагаемыя преданіями, обычаями и властями, и—увы!—нѣкогда овцы нашего стада—толпами будутъ переходить на сторону нашихъ враговъ. Итакъ достаточно ли сильно за себя и за насъ наше духовное оружіе, чтобы, опираясь на него, рѣшиться на борьбу съ перечисленными у Апостола противниками?

Намъ совѣстно за свой вопросъ; но, конечно, вы понимаете, что безъ особенныхъ побужденій мы не предложили бы его. Къ глубокому прискорбію мы должны сказать, что дѣйствительно имѣемъ эти побужденія. Съ замираніемъ сердца мы замѣчаемъ, что иные проповѣдники Евангелія какъ будто съ умысломъ обходятъ нѣкоторые пункты въ словѣ Божіемъ и любятъ останавливаться только на тѣхъ, которые сближаются съ общепринятыми представленіями. Притомъ и эти послѣдніе стараются раскрывать какъ-то уклончиво, мягко и—если позволительно выразиться—безхарактерно. Отъ чего это происходитъ? Отъ чего такой выборъ между истинами слова Божія? Чѣмъ вынуждается эта уклончивая, смягченная, безхарактерная форма, въ которую облекаются эти *избранныя* истины? Это умалчиваніе объ однѣхъ истинахъ и намѣренное обезличеніе другихъ равняется, по меньшей мѣрѣ, сомнѣнію во внутренней состоятельности тѣхъ и другихъ.

Этотъ-то грустный фактъ и заставляетъ поставить вопросъ о дѣйственности слова Божія. Мы желали бы его постановкой напомнить всѣмъ проповѣдникамъ и защитникамъ Евангелія ту несомнѣнную истину, что слово Божіе *само по себѣ* живо и дѣйственно, прохо-

дить до раздѣленія души и духа, членовъ и мозговъ. Убѣжденіе въ этой непреложной истинѣ не только предохранитъ насъ отъ многихъ ложныхъ пріемовъ въ защитѣ дорогаго всѣмъ намъ дѣла, но и прямо и просто разрѣшитъ для насъ вопросъ о томъ, какъ намъ дѣйствовать противъ матеріализма оружіемъ слова Божія. Будемъ брать его такимъ, каково оно есть. Будемъ дѣйствовать имъ прямо и просто безъ всякихъ ухищреній. Будемъ отвѣчать нападающему на насъ міру святыми истинами Евангелія, нисколько не смягчая ихъ священной строгости. Онъ назоветъ ихъ общими мѣстами? Вѣдь онѣ не имѣютъ для него интереса новости. Нѣтъ нужды: пусть называетъ; но мы напомнимъ ему нѣсколько забытыхъ имъ фактовъ. Напомнимъ ему, что этими общими мѣстами апостолъ Павелъ заградилъ уста стоикамъ и эпикурейцамъ въ ареопагѣ. Напомнимъ ему, что этими общими мѣстами двѣнадцать простыхъ рыбаковъ пересоздали міръ. Напомнимъ ему, что этимъ общимъ мѣстамъ человѣчество обязано лучшими страницами своей исторіи. Напомнимъ ему, что этимъ общимъ мѣстамъ онъ самъ обязанъ своей цивилизаціей, гуманностью, лучшими сокровищами своего ума, сердца, вкуса. Эти и многіе другіе факты онъ, кажется, забылъ совершенно.

Современный намъ міръ вѣритъ только въ то, что видитъ. Невидимое для него не существуетъ. Но мы скажемъ ему, не обинуясь, что возможна, вполнѣ разумна и законна и другая вѣра,—именно вѣра въ невидимое (Евр. 11. I), и что она можетъ быть столь же прочна и непоколебима, какъ и вѣра въ видимое. Съ этого основнаго пункта мы и должны начать свою борьбу съ людьми, преданными исключительно видимости.

Наша задача оторветь ихъ отъ этой видимости. Слово Божіе поможетъ намъ выполнить эту задачу. Оно высказываетъ простыя, но неопровержимыя истины: *что пользы человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ и погубитъ свою душу? — рожденное отъ плоти плоть есть; видимое временно, вѣчно только невидимое; — міръ преходитъ и похоть его*. Будемъ же напоминать современному намъ міру эти простыя, но спасительныя для него въ его теперешнемъ состояніи истины. Отрицать ихъ онъ не можетъ, потому что это значило бы отрицать самые неопровержимые факты своей жизни — ея скоротечность, гниль, ничтожество. Можетъ быть въ виду этихъ неумолимыхъ фактовъ его совѣсть выйдетъ изъ своего одурѣлаго спокойствія и тревожно спроситъ: что мнѣ дѣлать, чтобы спастись? Тогда мы отвѣтимъ ей: *нѣтъ инаго имени подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися, кромѣ имени Іисуса Христа*. Все это нѣсколько сурово. Наши современники не привыкли къ такому языку; ихъ избаловали религіозной сантиментальностью. Но на насъ лежитъ печальный долгъ вылечить ихъ отъ этой сантиментальности. Притомъ-вѣдь наша прямая обязанность—*сказать имъ всю волю Божію*.

Въ самомъ дѣлѣ, вся теоретическая и ученая борьба съ матеріализмомъ вращается вокругъ вопроса о томъ, есть ли невидимое, духовное. Вслѣдствіе этого церковная борьба съ нимъ должна быть направлена на возбужденіе въ нашихъ современникахъ вѣры, которая есть *уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ*. Если намъ удастся пробудить и укрѣпить эту вѣру, то мы пріобрѣтемъ въ ней прочную почву, на которой легко уже будетъ возводить полную систему христіанскихъ истинъ.

Но пробужденіе вѣры въ невидимое при посредствѣ слова Божія тогда только будетъ успѣшно, когда это слово будетъ дѣйствительно *мечемъ духовнымъ* въ устахъ нашихъ. А для этого проповѣднику самому нужно быть органомъ духа. Только подъ этимъ условіемъ слово Божіе, живое и дѣйственное въ своемъ Божественномъ источникѣ *чрезъ себя*, будетъ живо и дѣйственно *чрезъ насъ*. Будемъ же молить Господа неотступно, припадать къ Нему съ теплыми слезами денно и нощно, чтобы Онъ самъ своею всесильною благодатію оживилъ въ нашихъ собственныхъ сердцахъ свое слово для того, чтобы оно изливалось изъ нихъ потокомъ воды живой, текущей въ животъ вѣчный для всѣхъ, кто приходитъ почерпать къ намъ изъ этого потока. Безъ этого условія всѣ наши искуственные пріемы, всѣ средства науки и искусства мало принесутъ намъ пользы.

Этимъ впрочемъ мы не хотимъ сказать, что мы не должны знать никакого языка, кромѣ языка Библіи, никакой науки, кромѣ богословія. Нѣтъ, владѣя языкомъ Библіи, мы должны также въ совершенствѣ овладѣть и языкомъ своихъ современниковъ. Средствомъ для овладѣнія языкомъ Библіи можетъ служить лишь глубокое, всестороннее, безустанное изученіе слова Божія. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи мы стоимъ далеко ниже уровня слова Божія, даже далеко ниже уровня разумѣнія древней Церкви. И въ этомъ обстоятельствѣ заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ нашего безплодія сравнительно съ плодовитой вѣрой древней Церкви. А чтобы хорошо понимать языкъ нашихъ современниковъ, необходимо овладѣть формальными элементами современнаго образованія. Чрезъ это откроются намъ новые пути къ головѣ и сердцу нашихъ современниковъ.

Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ входить въ подробное раскрытіе проектируемыхъ средствъ къ борьбѣ съ матеріализмомъ отъ лица Церкви. Да и по самому существу нашей задачи мы должны ограничиваться лишь простымъ указаніемъ этихъ средствъ. Не скажемъ, что указали здѣсь всѣ возможныя средства; не скажемъ даже, что указали лучшія изъ нихъ. Скажемъ только, что, по нашему мнѣнію, онѣ могутъ быть дѣйствительными, если Господу угодно будетъ сдѣлать ихъ таковыми (Псал. 126, 1), и что въ упованіи на Его всесильное содѣйствіе могутъ быть испробованы. Мы хотѣли лишь указать неотложность борьбы съ матеріализмомъ и обратить вниманіе на необходимость дѣйствовать противъ него всѣми возможными оружіями;— кратко, мы хотѣли напомнить себѣ и другимъ, что именно теперь и настоитъ то время, когда служители Церкви, по слову Апостола, должны стать, какъ одинъ человѣкъ, *облецытися во вся оружія Божія*. А Тотъ, Кто умудряетъ младенцевъ, внушитъ каждому изъ насъ, какое оружіе для кого подручнѣе и можетъ оказаться дѣйствительнѣе.

Въ заключеніе еще разъ возвратимся къ матеріализму. Надобно указать еще одинъ серьезный фактъ. Матеріализмъ нѣсколько разъ уже бывалъ господствующей философской системой. Такъ, онъ былъ такой системой во время Эпикура, въ XVIII в., и затѣмъ является такою же въ наше время подъ прикрытіемъ естественныхъ наукъ. И всякой разъ періоды его господства бывали періодами упадка и деморализаціи человѣчества, и всегда оканчивались страшными катастрофами. Отсюда позволяемъ себѣ сдѣлать такой выводъ: „всякій разъ, какъ матеріализмъ выступалъ въ каче-

ствѣ господствующаго направленія времени, онъ являлся бурной птицей, предвѣщавшей великія міровыя катастрофы“. И что особенно замѣчательно, каждое послѣдующее проявленіе матеріализма принимало большіе противъ предъидущаго размѣры и каждая послѣдующая катастрофа бывала страшнѣе предшествовавшей. Размѣры господства матеріализма въ данную эпоху можно измѣрять нападками на христіанство. Нѣтъ сомнѣнія, что, если мы сравнимъ наше время съ временемъ, непосредственно предшествовавшимъ французской революціи, то окажется, что теперь совершается еще большее броженіе въ умахъ, что крестъ Христовъ теперь болѣе чѣмъ когда нибудь представляется юродствомъ для людей вѣка сего. Какой же катастрофы мы должны ждать послѣ этого? Этотъ вопросъ стоитъ того, чтобы надъ нимъ задуматься.

Правда, христіанинъ не долженъ смотрѣть на свое время глазами пессимиста. Онъ вѣруетъ, что *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй Израиля*. Но *приставники въ дому Божіи, присные Его, стражи дому Израилева* не должны спокойно почивать до тѣхъ поръ, пока пробудитъ ихъ грозный часъ суда Божія. Поздно ужъ будетъ поправлять зло, когда сквозь громъ и бурю всесокрушающаго взрыва раздастся въ ихъ смятенной совѣсти страшный гласъ Господа: *лицемѣры! лице неба и земли распознавать умѣете, какъ же знаменій времени сего не разумѣете?* (Матѳ. 16, Лук. 12).

И. Троицкій.

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ:

«Споры безпоповцевъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни о бракѣ». *К. Надеждина.* Спб. 1865 г.

(Статья вторая).

Въ первой статьѣ ([1]) мы старались показать, какой видъ имѣло раскольническое ученіе о бракѣ въ первую пору жизни раскола и вслѣдствіе какихъ причинъ явилось въ безпоповщинскомъ расколѣ ученіе о всеобщемъ безбрачіи. Теперь, по принятому нами плану, мы займемся рѣшеніемъ слѣдующаго вопроса: какъ и подъ какими вліяніями первоначальное ученіе безпоповцевъ о всеобщемъ дѣвствѣ съ теченіемъ времени измѣнялось и развивалось и въ какомъ видѣ рѣшаетъ вопросъ о бракѣ современная намъ безпоповщина.

Говоря о причинахъ появленія и утвержденія въ безпоповщинскомъ расколѣ ученія о безбрачіи, мы видѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣли характеръ чистой случайности. Такъ напримѣръ, указа 1684 г., вслѣдствіе

([1]) См. „Христ. Чт." за Май.

котораго одни изъ раскольниковъ принуждены были бѣжать за границу, другіе добровольно шли на костеръ и сожигались, третьи прятались по лѣсамъ и болотамъ, не зная покоя ни днемъ ни ночью, всѣ же вообще, по необходимости, предпочитали жизнь одинокую жизни семейной,—конечно, могло бы и не быть, еслибы Софья Алексѣевна, видѣвшая услуги раскола въ лицѣ стрѣльцовъ, иначе цѣнила заслуги заблуждающихъ. Съ другой стороны, осада Соловецкаго монастыря, давшая поводъ монахамъ этой обители разсѣяться по всему Поморью съ проповѣдью о необходимости для всѣхъ строгой, дѣвственной жизни, принесла православію, какъ показалъ опытъ, больше вреда, чѣмъ пользы, и, слѣдовательно, начата была безъ внимательнаго обсужденія ея послѣдствій. А между тѣмъ эти случайныя распоряженія власти по дѣлу раскола имѣли весьма важное вліяніе на утвержденіе въ безпоповщинѣ ученія о безбрачіи,—вліяніе, почти не меньшее того, какое имѣло на него прекращеніе въ расколѣ священниковъ стараго, до-никоновскаго рукоположенія. Это видно, между прочимъ, изъ того, что даже поповщина, рѣшившаяся принимать къ себѣ бѣглыхъ поповъ „новаго поставленія", при помощи которыхъ могла безпрепятственно заключать свои браки, удерживалась отъ семейной жизни въ ту пору, когда, благодаря указу 1684 г., расколъ преслѣдовался всѣми возможными средствами. А послѣ этого уже не трудно понять, что при перемѣнѣ обстоятельствъ, при новомъ болѣе мягкомъ отношеніи власти къ расколу, вопросъ о бракѣ, рѣшенный безпоповщиной въ пользу всеобщаго дѣвства, могъ снова явиться на сцену и вызвать заблуждающихъ на новое, болѣе согласное съ обстоятельствами, рѣшеніе его. Такъ и случилось.

После заточенія въ монастырь Софьи Алексѣевны самостоятельнымъ правителемъ государства сдѣлался Петръ Великій. Вслѣдъ за этой перемѣной не явилось въ безпоповщинѣ „улетѣвшее на небо“ священство, не уничтожилось въ умахъ заблуждающихъ мнѣніе о наступленіи царства антихристова и скорой кончинѣ міра, но внѣшнія обстоятельства раскола значительно измѣнились. Указъ 1684 г. продолжалъ еще существовать въ качествѣ дѣйствующаго закона, но практическое приложеніе его съ самаго начала царствованія Петра сдѣлалось мягче, снисходительнѣе. Правда, и при Петрѣ, особенно въ началѣ его царствованія, было не мало случаевъ фанатическаго преслѣдованія раскольниковъ; но эти преслѣдованія были больше дѣломъ личнаго усердія къ исполненію 12 статей Софьи Алексѣевны областныхъ властей, нежели слѣдствіемъ внушенія со стороны высшей власти. Что же касается Петра, то еще до изданія указовъ, признавшихъ открытое существованіе раскола, онъ показалъ не мало снисходительности къ заблуждающимъ. Такъ, еще въ 1702 г., когда Петру, проходившему изъ Архангельска въ Повѣнецъ чрезъ извѣстную рѣку Выгъ, было доложено, что на этой рѣкѣ живутъ раскольники, онъ, по свидѣтельству историка Выговской пустыни, отвѣчалъ: „пускай живутъ, и проѣхалъ смирно, яко отецъ отечества благоутробнѣйшій“ (1). Вскорѣ послѣ этого (въ 1705 г.), Петръ чрезъ своего любимца Меньшикова входитъ даже въ сношеніе съ раскольниками Выговской пустыни—главнаго притона тогдашней безпоповщины—и, за согласіе ихъ работать на повѣнецкихъ заводахъ, даетъ имъ ука-

(1) Исторія Выг. пуст., стр. 113. Раск. дѣла XVIII стол., т. I, стр. 286.

зомъ право на открытое, свободное отправленіе богослуженія по старопечатнымъ книгамъ (¹). Мало этого, поручая въ 1706 г. Питириму заняться обращеніемъ раскольниковъ въ нижегородской губерніи, великій преобразователь писалъ: „съ противниками Церкви съ кротостію и разумомъ поступать по Апостолу: быхъ беззаконнымъ яко беззаконенъ, да беззаконныхъ пріобрящу, быхъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасу, а не такъ, какъ нынѣ жестокими словами и отчужденіемъ" (²). Въ 1708 г., когда Карлъ XII, пользуясь измѣной Мазепы, вступилъ въ Малороссію и достигъ стародубскаго края, нѣкоторые изъ стародубскихъ раскольниковъ напали, по словамъ прот. Іоаннова, на непріятеля, „нѣсколько сотенъ побили и живыхъ захватя въ Стародубъ къ самому Государю, тогда бывшему тамо, плѣнниками привели". Въ награду за такой патріотизмъ, Петръ тогда же приказалъ полковнику Іергольскому переписать всѣхъ раскольниковъ и утвердилъ ихъ за собою „съ тѣмъ, чтобы впредь оными никто не могъ владѣть". Эта „перепись, по словамъ Іоаннова, тѣмъ счастіемъ слобожанъ наградила, что они промыслами своими, торгами и художествами и нынѣ въ купеческомъ состояніи безпрепятственно пользуются" (³). Ожили раскольники, узнавъ обо всѣхъ этихъ милостяхъ къ нимъ новаго царя, хотя рѣзкое противорѣчіе этихъ милостей все еще неотмѣненному указу 1684 г. и приводило нѣкоторыхъ въ недоумѣніе касательно истиннаго взгляда на ревнителей мнимо-древняго благочестія великаго преобразователя,

---

(¹) Раск. дѣла т. I, стр. 288. Исторія Выг. пуст. стр. 114.

(²) Раскол. дѣла т. II, стр. 218.

(³) Истор. извѣстіе о раск. стр. 223.

Но вотъ наступаетъ 1714 годъ и Петръ торжественно своими именными указами даруетъ раскольникамъ право, наравнѣ со всѣми другими подданными, жить въ селеніяхъ и городахъ безъ всякаго сомнѣнія и страха, только бы они объявляли о себѣ въ приказахъ церковныхъ дѣлъ и записывались въ платежъ двойнаго оклада (¹). „Буде ко св. Церкви (раскольники) не обратятся, говорилось въ одномъ изъ этихъ указовъ, а похотятъ быть въ своей раскольнической прелести, и такіе бъ приходили и записывались въ платежъ двойнаго оклада, объявляя доношеніями о себѣ по домашнимъ своимъ (вѣроятно: и о домашнихъ своихъ) въ приказахъ церковныхъ дѣлъ, безъ всякаго сомнѣнія и страха“. Припомнивъ распоряженіе касательно раскола Софьи Алексѣевны и сравнивъ съ нимъ вышеприведенныя слова, всякій пойметъ, какая рѣзкая перемѣна должна была произойти во внѣшнемъ быту раскольниковъ въ слѣдствіе указаннаго постановленія Петра Великаго. Изъ людей, рѣшительно нетерпимыхъ властію, раскольники дѣлались теперь членами государства, имѣвшими право на открытое существованіе. Если же мы обратимъ вниманіе еще на то обстоятельство, что указами 1719, 1720 и 1722 годовъ (²) позволено было раскольникамъ не ходить на исповѣдь, вѣнчаться не у церкви, носить бороду и стариннаго покроя платье,—съ условіемъ только платить за все это штрафъ, то должны будемъ согласиться, что съ царствованіемъ Петра для ревнителей старины настали сравнительно свѣтлые дни. Вмѣ-

(¹) Полн. Собр. Зак. т. V № 2996; сн. съ №№ 2991, 3232 и т. VI № 3547.

(²) Ibidem. т. V №№ 3340 и 3547, т. VI № 3944.

сто прежняго странствованія по лѣсамъ и болотамъ, раскольники могли теперь спокойно селиться въ городахъ и селахъ и пользоваться всѣми удобствами жизни осѣдлой. Тѣ же изъ нихъ, кои по ревности къ „древнему благочестію“ не хотѣли жить вмѣстѣ съ еретиками, могли по прежнему устроять въ пустыняхъ скиты, не опасаясь уже болѣе, что труды рукъ ихъ будутъ истреблены агентами власти. Неудивительно послѣ этого, что многіе изъ раскольниковъ въ царствованіе Петра не только прекратили свое враждебное отношеніе къ власти, но старались всячески услужить царю и даже не находили словъ достойно восхвалить великодушнаго монарха. Такъ, по словамъ историка Выговской пустыни (¹), подтверждаемымъ и офиціальными документами (²), „настоятели Выговскаго скита, Даніилъ и Андрей, по совѣту съ братіями и суземскимъ старостою и съ выборными, всегда посылающе своихъ посланныхъ съ письмами и съ гостинцами къ его Императорскому Величеству, съ живыми и стреляными оленями, и со птицами, ово коней сѣрыхъ пару, а ово быковъ большихъ подгнаша ему, и являхуся и письма подаваху. И Императорское величество все у нихъ милостивно и весело принимаше и письма ихъ въ слухъ всѣмъ читаше“. Мало того: Андрей Денисовъ, по свидѣтельству Павла Любопытнаго, писалъ даже „панегирикъ, заключающійся въ десяти резонахъ, витійственно изражающій высоту, отличіе въ россійскихъ вѣнценосцахъ перваго Императора Петра Алексѣевича, и особенное его покровительство старовѣрческихъ церквей и всѣхъ старообрядцевъ отъ тиранской руки Никона

(¹) Истор. Выг. пуст. стр. 140.
(²) Раск. дѣл. т. I, стр. 308.

(т. е. послѣдователей прав. церкви), патріарха Московскаго" (1).

Впрочемъ, долгъ справедливости требуетъ сказать, что, если снисходительныя мѣры Петра противъ раскола, дававшія заблуждающимъ возможность жить спокойно, безъ преслѣдованій, и принимались многими изъ ревнителей старины за благодѣянія, то, съ другой стороны, было въ это время въ числѣ раскольниковъ не мало и такихъ лицъ, которыя, не смотря на всю снисходительность Петра къ заблуждающимъ, ненавидѣли его отъ всей души и вмѣсто того, чтобы жить спокойно въ городахъ и селахъ, платя за это двойной окладъ, по прежнему скрывались въ лѣсахъ и даже сожигались. Причина этого страннаго явленія заключалась въ реформаторскихъ дѣйствіяхъ Петра: царь, увѣровавшій въ поганыхъ нѣмцевъ до того, что по обычаю ихъ и самъ обрилъ себѣ бороду — образъ и подобіе Божіе — и переодѣлся въ ихъ поганое платье,—царь не соблюдающій постовъ, не уважающій святыни, уничтожившій патріаршество, обратившій монастыри въ богадѣльни для раненыхъ солдатъ, заточившій первую супругу въ монастырь и женившійся на нѣмкѣ,—царь, который, самъ перерядившись въ нѣмца, приказываетъ сдѣлаться нѣмцами и своимъ подданнымъ, брѣетъ имъ бороды, одѣваетъ ихъ въ нѣмецкіе кафтаны, перемѣняетъ даже то, что во власти одного Бога,—*времена и лѣта*, установивъ праздновать начало новаго года 1-го Января—вмѣсто 1-го Сентября, наконецъ царь, не пощадившій своего собственнаго сына—наслѣдника престола—и въ заключеніе по гордости назвавшій себя Императоромъ,—такой царь большинству

(1) Катал. Павл. Любопытнаго 1861 г. стр. 41.

раскольниковъ (и не имъ однимъ), преданныхъ старинѣ и роднымъ обычаямъ, казался врагомъ Богу и Церкви, антихристомъ. Съ другой стороны Петръ хотя и далъ право раскольникамъ жить свободно въ городахъ и селахъ, но двойной окладъ, платимый ими за это право, не всегда спасалъ ревнителей старины отъ застѣнковъ преображенскаго приказа. Правда, Ромодановскій, Ушаковъ и Толстой пытали раскольниковъ чаще всего не за церковный расколъ, а за оскорбленіе Величества, за разные неблагопріятные отзывы о лицѣ Государя и его дѣйствіяхъ, но вѣдь пытаемымъ, распускавшимъ о царѣ-преобразователѣ странные слухи именно по привязанности къ старинѣ, которую Петръ ломалъ, отъ этого было не легче. При томъ бывали случаи, что, по приказанію Петра, летѣла съ плечь голова и такихъ раскольниковъ, которые, кромѣ раскола, ни въ чемъ не были виноваты. Таковъ, между прочимъ, діаконъ Александръ, которому въ Нижнемъ-Новгородѣ, при всенародномъ собраніи, была отсѣчена голова, а тѣло сожжено Марта 21-го дня 1720 г. (1). Особенно же не благосклонно сталъ смотрѣть на расколъ Петръ Великій послѣ страшной исторіи царевича—Алексѣя Петровича, въ сочувствіи которому подозрѣвались всѣ приверженцы стараго порядка вещей, и слѣдовательно всего больше раскольники. Этому предубѣжденію противъ заблуждающихъ помогали наконецъ и внушенія „равноапостольнаго“ Питирима, какъ величалъ его Петръ (2), писавшаго Государю въ 1718 году: „раскольники благополучію государственному не радуются, а радуются не-

(1) Раск. дѣл. т. I, стр. 641.

(2) Расколъ, обличаемый своею исторіею стр. 167.

счастію; безпоповщина въ молитвахъ Царя не поминаетъ, а поповщина именуетъ Царя благороднымъ" (1). Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, Петръ, объявившій еще въ 1702 году, что онъ, „по дарованной ему отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаетъ и охотно предоставляетъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей", и обѣщавшій „крѣпко смотрѣть, чтобы никто какъ въ своемъ публичномъ такъ и частномъ отправленіи богослуженія обезпокоенъ не былъ" (2), при концѣ своей жизни — въ 1724 году вынужденъ былъ причислить раскольничьи дѣла къ „злодѣйственнымъ" за то, что, по его словамъ, „раскольничья прелесть, упрямства наполненная, правовѣрію противна". А слѣдствіемъ этого было то, что, тогда какъ одни изъ раскольниковъ, на основаніи указа о платежѣ двойнаго оклада, жили спокойно въ своихъ поселеніяхъ и даже хвалили великодушіе Государя, другіе по прежнему скитались по лѣсамъ и распускали о царѣ самые нелѣпые, оскорбительные толки, за что, разумѣется, попадали на виску и подъ кнутъ.

Нужно впрочемъ замѣтить, что въ эту страшную пору существованія „слова и дѣла", подвергались преслѣдованію только тѣ изъ заблуждающихъ, которые были не осторожны въ словѣ, или не отличались благоразуміемъ въ дѣйствіяхъ, т. е. люди экзальтичные, не умѣвшіе своихъ вѣрованій, которыя Петру казались пустяками, мирить съ новыми порядками царя, казавшимися имъ неправославными, однимъ словомъ: фана-

---

(1) Раск. дѣл. т. II, стр. 219—220.

(2) Полн. Собр. Зак. т. IV, № 1910.

тики. Что же касается людей спокойныхъ, разсудительныхъ, осторожныхъ, то они съ разу поняли, что широкою вѣротерпимостію Петра можно отлично воспользоваться для своихъ сектаторскихъ цѣлей, и вели свои дѣла такъ, что, вполнѣ оставаясь вѣрными своему „древнему благочестію", въ тоже время были на хорошемъ счету и у правительства, и не только не терпѣли отъ него никакихъ невзгодъ, напротивъ пользовались самымъ внимательнымъ покровительствомъ его. И къ удивленію, такъ мастерски умѣла устроить свои отношенія къ власти та часть раскольниковъ, которая извѣстна была подъ именемъ безпоповщины и которая, какъ извѣстно, въ своихъ взглядахъ на православную Церковь и православную власть была суровѣе, фанатичнѣе остальныхъ своихъ братій—поповщины. Этой услугой обязана безпоповщина извѣстнымъ раскольническимъ писателямъ Андрею и Семену Денисовымъ. Эти два человѣка, ставъ во главѣ поморскаго безпоповщинскаго раскола, умѣли, при своемъ несомнѣнномъ умѣ и рѣдкой практической ловкости, выставить предъ правительствомъ свое общество въ такомъ благопріятномъ видѣ, что свѣтская власть нетолько сама оказывала ему всевозможное покровительство и милости, но даже защищала Выговцевъ отъ различныхъ притязаній къ нимъ со стороны правительства церковнаго; а при своемъ необыкновенномъ, впрочемъ вполнѣ заслуженномъ, вліяніи на толпу, успѣли убѣдить своихъ подчиненныхъ, что можно, и находясь „подъ игомъ работы Его Императорскаго Величества", оставаться „истиннымъ христіаниномъ". Слѣдствіемъ всего этого было то, что поморская безпоповщина, сосредоточившаяся въ извѣстномъ Выговскомъ скиту, вѣмщавшемъ въ себѣ цѣлыя

тысячи раскольниковъ, „въ вѣрѣ и моленіи по старопечатнымъ книгамъ отъ разоренія и обидъ, по ея собственнымъ словамъ, умилостивленная“ (¹), обратилась теперь къ устройству своего матеріальнаго быта и при помощи разныхъ оборотовъ успѣла въ короткое время собрать такое богатство, что обитатели пустыни, созданной на началахъ *монастырскихъ*, получили теперь возможность вести жизнь не только спокойную, но и болѣе, чѣмъ довольную. Богатство Выговскаго скита было такъ велико, что обитатели его, прежде во времена гоненій сами нерѣдко терпѣвшіе голодъ, теперь нашли возможнымъ помогать изъ своихъ средствъ не только „суземскимъ жителямъ“ т. е. раскольникамъ, жившимъ по разнымъ мѣстамъ Выговской пустыни и бывшимъ въ зависимости отъ монастыря, но и лицамъ стороннимъ, разумѣется, съ тайною мыслію привлечь ихъ на свою сторону. „Всякое изобильство, говорится въ исторіи Выговской пустыни, во обѣихъ обителяхъ умножащеся и распространяшеся отъ пашень и отъ торговъ и отъ морскихъ промысловъ вездѣ изобилствующе, скоту умножающуся, конскіе дворы коньми и кобылами и жеребятами наполняхуся и доилицъ дворы огустѣвахуся. Платія и обущи во обѣихъ обителяхъ изобильствующе: вся сія вышняго Бога промысломъ безъ всякой тѣлесной нужды братство упокоевашеся. И видѣша отцы надъ собою милосердіе и посѣщеніе Божіе положиша залогъ всѣхъ приходящихъ гостей и проѣзжихъ и нищихъ и странныхъ кормити безъ разбору и бѣднымъ и нищимъ помогати во всякихъ нужныхъ случаяхъ. И въ то время бысть въ Олонецкомъ и

(¹) Раск. дѣла. т. 1 стр. 304.

Каргопольскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ и во всѣхъ околнихъ волостяхъ и въ Лопскихъ погостахъ хлѣбная скудость и недородъ и гладъ великій, многіе мірскіи нищіи найдоша въ монастырь овіи на коняхъ, а иніи пѣши по зимамъ и скитахуся изъ монастыря въ монастырь и по скитамъ просяще милостыни и кормящеся множество народа, и къ лѣту въ свои домы отхождаху. И тогда бысть двѣ дороги чрезъ монастырь, одна въ Каргопольскій уѣздъ, а другая къ морю. И начаша людіе оными дорогами ѣздити, приставая въ гостиной, и приказаша настоятели всѣхъ проѣзжихъ и нищихъ кормити безъ разбору" (¹). Весьма естественно, что спокойная и безбѣдная жизнь въ скитахъ Выговскаго общежитія произвела значительную перемѣну въ поморскихъ раскольникахъ; фанатизмъ ихъ, обнаружившійся прежде въ открытой враждѣ власти и въ покушеніи къ самосожигательству, сталъ теперь мало по малу слабѣть, а въ слѣдъ за этимъ началъ ослабѣвать и ихъ прежній аскетизмъ. Проповѣдники „суроваго житія", проводившіе прежде самую строгую жизнь—по необходимости, теперь, среди общаго изобилія и довольства во всемъ, стали позволять себѣ такія удовольствія въ жизни, которыя ясно показывали, что ревнители „иноческаго житія" не прочь и отъ наслажденія благами міра сего. Если къ этому мы прибавимъ, что въ средѣ поморскихъ раскольниковъ уже не было въ это время тѣхъ выходцевъ изъ разныхъ монастырей, которые прежде весь раскольническій міръ хотѣли превратить въ одну громадную монастырскую общину, что — далѣе — ученіе безпоповцевъ о наступленіи послѣднихъ

(¹) Истор. Выгов. пуст. стран. 190.

временъ міра и царствованіи антихриста хотя и продолжало существовать въ Выговскомъ скиту, но уже только въ одной теоріи, да и то не вполнѣ мирилось съ тѣмъ спокойнымъ и обезпеченнымъ положеніемъ, въ какомъ находились поморскіе раскольники; то поймемъ, что обстоятельства, среди которыхъ возникло и утвердилось въ безпоповщинскомъ расколѣ ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ, значительно измѣнились въ послѣдніе годы царствованія Петра перваго. Что же? Эта перемѣна во внѣшнемъ быту раскольниковъ—безпоповцевъ имѣла ли какое либо вліяніе на ученіе ихъ о всеобщемъ безбрачіи? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы изложимъ слѣдующій небольшой эпизодъ изъ исторіи раскола.

Въ концѣ XVII вѣка, одинъ изъ новгородскихъ раскольниковъ, принадлежавшій къ поморскому безпоповщинскому толку, имено Θеодосій Васильевъ, вздумалъ основать отдѣльное раскольническое общество съ тѣмъ, чтобы самому стать во главѣ его. Съ этою цѣлію Θеодосій оставляетъ Новгородъ, бѣжитъ со всею семьею въ Польшу и здѣсь основываетъ отдѣльный толкъ, получившій отъ его имени названіе Θедосѣевщины. Проповѣдуя своимъ ученикамъ общее безпоповщинское ученіе, Θеодосій, вѣроятно, для того, чтобы рѣзче отдѣлить свою общину отъ Поморщины, сталъ учить и многому такому, чего Поморцы не принимали. Въ числѣ особенностей ученія Θеодосія было между прочимъ то, что бракъ двухъ лицъ, заключенный въ православной Церкви до перехода ихъ въ расколъ, нужно считать законнымъ и не расторгать. Трудно сказать, что заставило Θеодосія Васильева быть защитникомъ законности браковъ, заключенныхъ въ православной Церкви. Быть можетъ, бывшій крестецкій дьячекъ рѣшился на этотъ шагъ въ

надеждѣ такою снисходительностію переманить къ себѣ въ Польшу побольше послѣдователей изъ Россіи, гдѣ Поморцами подобные браки расторгались; или, можетъ быть, онъ сдѣлалъ это потому, что спокойная жизнь Ѳедосѣевцевъ внѣ предѣловъ Россіи не представляла тѣхъ неудобствъ къ продолженію семейной жизни, какія испытывали раскольники, жившіе внутри отечества. Какъ бы то ни было, только Ѳеодосій своимъ ученіемъ о бракѣ сталъ въ явное противорѣчіе съ своими прежними единомышленниками — Поморцами. Само собою разумѣется, что особенности ученія Ѳеодосія въ скоромъ времени стали извѣстны Поморцамъ и вызвали со стороны ихъ сильный протестъ. Когда Ѳеодосій Васильевъ прибылъ изъ Польши въ Выговскій скитъ—съ цѣлію убѣдить Поморцевъ къ принятію особенностей его ученія, послѣдніе составили совѣтъ, на которомъ рѣшились доказать, что Ѳеодосій самъ заблуждаетъ въ своемъ ученіи,—и особенно въ ученіи „о внѣшнихъ бракахъ". Сдѣлать это Поморцы могли безъ особеннаго труда. Рѣшившись принимать браки, вѣнчанные въ православной Церкви, какъ законные, Ѳеодосій сталъ въ противорѣчіе и съ самимъ собою и вообще съ основнымъ ученіемъ безпоповщины, котораго онъ не отвергалъ. Еще въ 1694 г. Ѳеодосій вмѣстѣ съ другими новгородскими раскольниками положилъ на соборѣ: „а которые наши дѣти духовные юноши или дѣвы, будучи у насъ на исповѣди, и по наказанію отцевъ своихъ духовныхъ преступятъ и женитися станутъ, а дѣвицы за мужъ пойдутъ и вѣнчатися отъ еретиковъ, отъ русскихъ поповъ будутъ, иже служатъ антихристу...., и намъ духовнаго дѣла отнюдь не творить (у нихъ) и дѣтей ихъ не крестить, ни молитвы не давать, и съ ними ни пити, ни ясти, ни

на молитвѣ стояти, и на службу къ себѣ не пускати, развѣ только при самой смерти" ([1]). Правда—здѣсь рѣчь идетъ не о бракѣ лицъ, вѣнчавшихся въ православной Церкви до перехода въ расколъ, а о вѣнчаніи у православныхъ священниковъ лицъ, принадлежащихъ къ расколу; но если Ѳеодосій считалъ этихъ священниковъ еретиками, слугами антихриста, то само собой понятно, что, надъ кѣмъ бы они ни совершали таинство брака, дѣйствія ихъ польскимъ расколоучителемъ должны были почитаться одинаково незаконными и нечестивыми. Съ другой стороны, если Ѳеодосій наравнѣ со всѣми другими безпоповцами училъ, что въ православной Церкви нѣтъ никакой святыни, что таинства, совершаемыя православными священниками,—скверна, и на этомъ основаніи, подобно Поморцамъ, перекрещивалъ всѣхъ, переходившихъ къ нему изъ православія, то на какомъ же основаніи онъ сталъ признавать законнымъ таинство брака, совершенное въ православной Церкви,—и притомъ одно это таинство? Наконецъ, за бракомъ, по закону естества, слѣдуетъ рожденіе, и родившая, какъ нечистая, требуетъ по закону очищенія, которое можетъ дать только священникъ: кто будетъ давать это очищеніе родившимъ у Ѳедосѣевщины, у которой, какъ и у всей вообще безпоповщины, нѣтъ уже православнаго священства? Придется или родившихъ оставлять нечистыми, или обращаться за очищеніемъ ихъ къ тѣмъ же еретическимъ священникамъ, дѣйствія которыхъ не освящаютъ, а оскверняютъ истиннаго христіанина ([2]). Не

([1]) Іоаннов. стр. 97.

([2]) Послѣднее соображеніе—о молитвѣ родильницѣ—представляется мелочнымъ; но въ глазахъ раскольника, ратующаго нерѣдко за одну

ограничиваясь всѣми этими соображеніями, которыми Поморцы старались лично доказать Өеодосію, что онъ поступаетъ незаконно, принимая и оставляя „безъ развода на чистое житіе“ лицъ, вѣнчанныхъ въ православной Церкви, глава Поморскаго раскола Андрей Денисовъ писалъ еще польскому расколоучителю нѣсколько посланій „о уничтоженіи брачнаго таинства во всемъ мірѣ“ (1), въ которыхъ, не отвергая супружества въ пользу дѣвства, онъ однакоже старался доказать, что въ настоящее время брака быть не можетъ, такъ какъ „за разсыпаніемъ руки освященныхъ“, т. е. за прекращеніемъ православнаго священства, его не кому совершать.

Не смторя впрочемъ на то, что въ представленныхъ выше соображеніяхъ Поморцевъ и въ посланіяхъ Андрея Денисова были представлены, по замѣчанію писателя „повѣсти о началѣ раздора Өедосѣевцевъ съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ“, „доводы праведнѣйшіе отъ св. Писанія на непринятіе новолюбной тайны брачной“, Өеодосій до конца своей жизни (1711 г.) не согласился съ Поморцами въ ученіи о „внѣшнихъ бракахъ“ (2). За то ученики его скоро поняли несостоятельность ученія своего наставника о бракахъ, вѣнчанныхъ въ православной Церкви и, по примѣру Поморцевъ, а можетъ быть и по убѣжденію ихъ, стали переходившихъ въ расколъ изъ православія разводить „на чистое житіе“. Когда послѣдовало это измѣненіе ученія Өеодосія, опре-

---

букву, оно имѣетъ весьма важное значеніе, такъ что Иванъ Алексѣевъ долженъ былъ писать въ опроверженіе этого возраженія нѣсколько сочиненій. Кат. Пав. Любоп. стр. 93, №№ 329 и 370.

(1) Ibidem 1861 г. стр. 37, №№ 84 и 85.

(2) Споры безпоповцевъ Преобр. кладбищ. и Покров. часовни стр. 43.

дѣленно сказать трудно. Судя по тому, что въ посланіи Андрея Денисова къ Ѳедосѣевцамъ, жившимъ на Рапиной мызѣ, писанномъ въ 1716 году, уже нѣтъ рѣчи о бракѣ, можно думать, что въ это время послѣдователи Ѳеодосія, при пріемѣ въ расколъ вѣнчанныхъ въ православной Церкви, поступали уже согласно съ Поморцами. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что одинъ изъ Ѳедосѣевцевъ, бывшій духовникомъ всѣхъ главныхъ учителей этого толка, говорилъ въ 1719 г. на допросѣ, что, по мнѣнію учителей Евстрата Ѳедосѣева и Егора Васильева, равно какъ и по его собственному мнѣнію, „бракъ въ святой Церкви бываемый у православныхъ христіанъ, пороченъ.... за перемѣну вѣры и книгъ неправославныхъ“ (¹). Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія Поморцы не только сами учили и требовали отъ всѣхъ жизни безбрачной, но и другихъ безпоповцевъ убѣждали къ подобному же образу жизни. И это понятно. Хотя милости Петра перваго къ Выговцамъ начались еще съ самаго начала XVIII столѣтія, но эти милости были частною мѣрою великаго преобразователя къ небольшому кружку заблуждающихъ и не могли ручаться за спокойствіе и безопасность всего вообще раскола. Съ другой стороны и самыя средства Выговской пустыни были въ началѣ прошлаго столѣтія еще не такъ велики, чтобы у обитателей ея могла родиться мысль о перемѣнѣ своей скромной, отшельнической жизни на жизнь болѣе полную, радостную, семейную. Иное дѣло, когда указомъ о платежѣ двойнаго оклада Петръ, такъ сказать, далъ расколу свое царское слово въ томъ, что онъ не намѣренъ преслѣдовать за-

(¹) Раск. дѣла т. 1. стр. 94.

блуждающихъ огнемъ и мечемъ, и когда Выговцы, воспользовавшись новымъ положеніемъ раскола, пріобрѣли себѣ такое богатство, при помощи котораго тѣ изъ нихъ, которые были не особенно склонны къ аскетической жизни, могли позволять себѣ такую обстановку въ жизни, при которой отсутствіе жены является самымъ важнымъ недостаткомъ.... Какъ же отнеслась къ вопросу о бракѣ поморская безпоповщина въ это время? Извѣстія раскольниковъ объ этомъ предметѣ противорѣчатъ другъ другу. По однимъ сказаніямъ, Андрей Денисовъ, бывшій главою безпоповщинскаго раскола, до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1730 г., продолжалъ доказывать необходимость безбрачной жизни для всѣхъ безпоповцевъ; по извѣстіямъ другихъ, этотъ проповѣдникъ „жестокаго житія“ къ концу своей жизни сталъ снисходительнѣе смотрѣть на брачное сожитіе раскольниковъ. Намъ думается, въ этихъ извѣстіяхъ нѣтъ прямаго противорѣчія; разнорѣчивыя показанія раскольниковъ объ отношеніи Андрея Денисова къ вопросу о бракѣ показываютъ только, что этотъ человѣкъ всегда и во всемъ дѣйствовалъ двулично, приспособляясь къ обстоятельствамъ, и что въ случаѣ нужды этотъ страстный приверженецъ раскола не прочь былъ сдѣлать своимъ подчиненнымъ, равно какъ и правительству, разнаго рода уступки, лишь бы только первые оставались вѣрными „древнему благочестію“, а послѣднее не преслѣдовало ревнителей старины. Такъ напр. Денисовъ, смотрѣвшій на современную ему власть, какъ на еретическую, и по этому запретившій въ своей общинѣ молиться за нее, когда нужно было торжественно заявить правительству о своихъ отношеніяхъ къ нему, не усумнился написать въ своихъ знаменитыхъ поморскихъ

отвѣтахъ: „Христосъ Богъ въ священномъ Евангеліи научаетъ, глаголя: воздадите убо яже кесарева, кесареви, и яже Божія, Богови. Симъ спасительнымъ его наказаніемъ и мы грубіи научаемся, яже въ богослуженіе и въ богоугожденіе надлежатъ, благочестія таинства, церковная уставохраненія, спасительная дѣла воздавати всевѣрно Богови: тако и отъ Его веедержащія Божія десницы поставленному и славою и честію вѣнчанному, всепресвѣтлѣйшему державнѣйшему Императору, всемилостивѣйшему нашему Государю, должныя чести и покоренія, благодаренія и всевѣрная служенія всеусердно воздавати. Сице мы отъ апостольскаго священнаго наказанія научаемся глаголющаго: Бога бойтеся, царя чтите.... Мы аще о внесенныхъ отъ Никона новопреданіихъ сомнѣваемся, но не сомнѣваемся о богопоставленнѣмъ самодержавстіи богохранимаго и богопомазаннаго самодержца, но его боговѣнчанное, и богочтенное, премудрое и всемилостивѣйшее величество, всепресвѣтлѣйшаго Императора Петра Великаго, отца отечества, богохранимаго самодержца, всемилостивѣйшаго нашего Государя, всеговѣйно почитаемъ и всеусердно прославляемъ и всежеланно благодарствуемъ и благодарствовати и почитати никогда не престанемъ, мы его государскаго благочестія не истязуемъ, но Господа Бога за его милосердое величество молимъ, по реченному псалмопѣвца: Господи, спаси Царя и услыши ны, въ онь же день аще призовемъ Тя. Мы и прочыя отъ Бога почтенныя всероссійскія градоправителей и военачальниковъ персоны должны не судити, но чествовати и Бога за нихъ молити, яко за почтенныя отъ Бога яко за радители и правители государства“ (1). Точно также Денисовъ, въ угоду своимъ под-

(1) Пом. отв. 52.

чиновнымъ, а можетъ быть и по собственному убѣжденію, писавшій „о бытіи послѣдняго времени и противникѣ Божіемъ антихристѣ: что существующее время по всѣмъ обстоятельствамъ самое послѣднее“ (1), въ тоже время требовалъ отъ своихъ учениковъ самыхъ усердныхъ трудовъ и устроялъ свою общину въ матеріальномъ отношеніи такимъ образомъ, какъ будто Выговцы надѣялись прожить цѣлые вѣка. Неудивительно послѣ этого, что хитрый Денисовъ видимо противорѣчилъ и въ своемъ ученіи о бракѣ. Когда расколъ подвергался преслѣдованію со стороны власти, когда поморскіе безпоповцы отъ страха гоненій бродили по лѣсамъ, не зная покоя ни днемъ ни ночью, когда въ слѣдствіе этого семейная жизнь могла только препятствовать безопасности ревнителей старины, Денисовъ, подъ вліяніемъ наставленій своихъ учителей и руководителей— соловецкаго выходца Игнатія, инока Корнилія и друг. писалъ „похвалы честному и высокому дѣвству“ (2), въ которыхъ доказывалъ, что съ прекращеніемъ въ мірѣ истиннаго священства „уничтожилась въ Христовой Церкви, супружеская тайна“ (3), и что по этому всѣмъ, желающимъ угодить Богу, остается проводить строго-дѣвственную жизнь. Когда же обстоятельства раскола перемѣнились, когда заблуждающимъ даровано было властію право гражданства и они получили чрезъ это возможность жить осѣдло нетолько въ скитахъ, но и въ селахъ и городахъ,—не удивительно, что въ это время умный Денисовъ пришелъ къ мысли, что при подобныхъ обстоя-

(1) Катал. П. Любопыт. стр. 27. № 10 и стр. 37 № 79.

(2) Катал. Любопыт. стр. 31, № 34.

(3) Ibidem стр. 37 №№ 84 и 85.

тельствахъ трудно заставить всѣхъ ревнителей древняго благочестія проводить жизнь безсемейную и въ тоже время строго дѣвственную. Если, какъ зналъ Денисовъ изъ своей настоятельской практики, и въ тяжелыя времена для раскола, чтобы предохранить жителей пустыни отъ разврата, нужны были не только постоянныя „поученія о подвигѣ добродѣтели, о чистотѣ сердца, о всегдашнемъ воздержаніи отъ грѣха" и проч., но и болѣе энергическія мѣры, то какими же средствами можно было оградить цѣломудріе невольныхъ дѣвственниковъ теперь, когда жизнь ихъ стала спокойная и обезпеченная? Что же однако дѣлать? Истиннаго священства, которое могло бы желающихъ благословлять на бракъ, нѣтъ по прежнему; вѣнчаться въ православной Церкви, которая Денисову казалась царствомъ тьмы и нечестія, нельзя; допустить въ обществѣ „свободу ложа"—грѣшно; да и не всякій рѣшится на такой скотскій образъ жизни. Послѣ такихъ соображеній намъ понятною становится не согласная съ кореннымъ ученіемъ безпоповщины, заявившей въ началѣ, что „истинное священство на всегда улетѣло на небо", попытка Поморцевъ и, разумѣется, во главѣ ихъ Андрея Денисова,—отыскать себѣ архіерея, попытка, въ которой, какъ видно, Денисовъ принималъ самое живое, горячее участіе. Такъ, по словамъ Любопытнаго, онъ не разъ писалъ „нравственное и ободряющее посланіе путешествующему брату Михаилу Вышатину (избранному на это дѣло) ради церковной и благочестивой пользы о хиротоніи" (1), писалъ „похвальное и благодарственное посланіе" и спутникамъ Вышатина, увѣщевая ихъ къ „ревностному отысканію

(1) Кат. Любоп. стр. 40 №№ 99 и 100.

православнаго священства" (1). Что Денисовъ, или, какъ выражается Любопытный, „старѣйшины поморской церкви" рѣшились, вопреки своему коренному ученію о конечной погибели въ мірѣ священства, отправить Вышатина на Востокъ для отысканія архіерея главнымъ образомъ изъ-за вопроса о бракѣ (2), не малымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить извѣстіе Любопытнаго о томъ, что Вышатинъ имѣлъ съ выгорѣцкими старѣйшинами неоднократное разсужденіе о бракѣ, доказывая имъ его необходимость. По всей вѣроятности, дѣло было такъ: когда настали для Выговской пустыни спокойныя времена, люди умные и размышляющіе, къ числу которыхъ принадлежалъ и Михаилъ Вышатинъ, такъ какъ онъ, по словамъ Любопытнаго, былъ „мужъ ученый, вѣдущій греческій и латинскій языки", увидѣли, что надѣяться на продолженіе введеннаго въ общинѣ всеобщаго безбразія значитъ предаваться неосуществимымъ мечтамъ. Въ скоромъ времени опытъ подтвердилъ справедливость подобныхъ опасеній. По свидѣтельству прот. Іоаннова, „съ начала многіе поморскаго монастыря послушники по ревности своей отходили молиться въ лѣсъ, гдѣ и подѣлали для себя уединенныя келліи, но со временемъ уединеніе сіе такъ имъ наскучило, что они безъ келейницъ больше быть не могли. Послушницы на первый разъ приносили подвижникамъ симъ одно только нужное, а потомъ начали приносить имъ и отъ чрева своего пустынные плоды" (3). Видя такое безобразіе и понимая, что положить конецъ ему можно

---

(1) Ibidem стр. 39 № 92 сн. примѣч. стр. 40.

(2) Іоанновъ смотритъ нѣсколько иначе на дѣло стр .195.

(3) Полн. истор. извѣст. о раск. стр. 139.

только допущеніемъ брака, Вышатинъ и подобные ему „нравоучители ближнихъ“ обратились къ настоятелю Выговской пустыни Андрею Денисову съ заявленіемъ ему и своихъ опасеній и указанныхъ безпорядковъ. Вопросъ былъ такъ важенъ, что для обсужденія его потребовались „соборы выгорѣцкихъ старѣйшинъ“. Нетрудно себѣ представить, что происходило на этихъ „соборахъ“. Защитники всеобщаго безбрачія ссылались въ свое оправданіе на отсутствіе православнаго священства, на послѣднія времена міра, на голосъ „древнихъ отцевъ“, т. е. первыхъ безпоповщинскихъ расколоучителей и проч. Вышатинъ и подобные ему указывали на появившійся въ средѣ невольныхъ дѣвственниковъ развратъ и говорили, что при такомъ образѣ жизни ни къ чему не послужитъ и содержаніе „древняго благочестія“, такъ какъ блудники и прелюбодѣи царствія Божія не наслѣдятъ. Какими же средствами положить предѣлъ разврату, не измѣняя въ тоже время „древнему благочестію“, спрашивали Вышатина „выгорѣцкіе старѣйшины“? Вѣдь бракъ, который одинъ могъ бы прекратить зло, можетъ быть заключенъ только съ благословенія православнаго священника, а такого священника нѣтъ между нами, да и есть ли гдѣ, неизвѣстно.— Нѣтъ православнаго священства, отвѣчалъ Вышатинъ подъ вліяніемъ ходившихъ въ расколѣ слуховъ, у насъ—въ Россіи, но есть такое священство далеко—на востокѣ (¹). Гдѣ же на востокѣ, спрашивали Вышатина неотвязчивые ревнители дѣвства, въ какой землѣ, въ какомъ царствѣ? Хотя ходившіе въ расколѣ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія слухи указывали на

(¹) Истор. очерк. поповщ. стр. 38—39.

Антіохію, какъ такую страну, гдѣ сохранялись неизмѣнно святая вѣра и древнее благочестіе, однако Вышатинъ по чему-то предполагалъ существованіе „Христовой хиротоніи“ не въ Антіохіи, а въ Палестинѣ и на эту страну указалъ Поморцамъ, какъ на вмѣстилище православнаго священства. Само собой понятно, что въ виду такого указанія защитникамъ всеобщаго дѣвства не оставалось ничего болѣе, какъ только просить Вышатина „ради церковной и благочестивой пользы“— отправиться въ Палестину и тамъ искать „Христовой хиротоніи“, съ пріобрѣтеніемъ которой спорный вопросъ о бракѣ рѣшался бы самъ собою. А до этого времени рѣшено было оставить дѣло въ томъ видѣ, какъ оно существовало прежде, т. е. всѣхъ переходившихъ въ Поморскую общину обязывали не женатыхъ къ всегдашнему дѣвству, а женатыхъ—разводили на „чистое житіе“.

Судя по тому, что Вышатинъ рѣшился отправиться въ далекое и трудное странствованіе уже въ преклонныхъ лѣтахъ, можно думать, что онъ искренно вѣрилъ въ существованіе въ Палестинѣ „православнаго священства“; а изъ того, что Андрей Денисовъ писалъ Вышатину и его спутникамъ письма, въ которыхъ ободрялъ ихъ въ трудномъ дѣлѣ указаніемъ на пользу, какая могла быть для раскола отъ удачнаго исполненія взятаго ими на себя порученія, видно, что и старѣйшины „поморской церкви“ раздѣляли надежду Вышатина на отысканіе въ Палестинѣ „Христовой хиротоніи“. Неизвѣстно опредѣленно, въ которомъ году происходили въ Выговскомъ скиту „соборныя“ разсужденія о бракѣ и когда именно Вышатинъ отправился на востокъ. Но несомнѣнно, что въ 1728 г. вопросъ о бракѣ уже занималъ

Поморцевъ. Въ этомъ году случилось быть въ „поморскихъ странахъ“ другому защитнику брачной жизни, писателю извѣстной книги: „О тайнѣ брака“, который, въ числѣ вопросовъ, поданныхъ имъ „самому Андрею Денисьевичу съ прошеніемъ, да благословитъ соборнымъ судомъ на оныя рѣшенія подати“, предлагалъ и вопросъ о бракѣ. Какъ бы впрочемъ ни было, только надежды Поморцевъ на отысканіе въ Палестинѣ православнаго священства не суждено было исполниться. Вышатинъ, послѣ „долговременнаго“ странствованія по Палестинѣ, въ 1732 г. скончался и его спутники возвратились въ отечество ни съ чѣмъ. Еще прежде, именно въ 1730 г., скончался и Андрей Денисовъ, принимавшій такое горячее участіе въ отысканіи „Христовой хиротоніи“. Слѣдствіемъ всего этого было то, что и вопросъ о бракѣ, изъ-за котораго по преимуществу и рѣшились Поморцы на отысканіе православнаго священства и который находилъ себѣ въ Вышатинѣ жаркаго защитника, остался нерѣшеннымъ.

Въ то время, какъ шестидесятилѣтній поморецъ Вышатинъ „торжественно поражалъ возникавшее тамъ пагубное бракоборство, изумляя своими глаголы соборъ выгорѣцкихъ старѣйшинъ и врачевалъ защитниковъ бракоборства“ (1), явился въ „поморскихъ странахъ“ другой защитникъ брачной жизни, болѣе счастливый въ своемъ желаніи ввести въ среду безпоповщинскаго раскола семейную жизнь. Это былъ молодой человѣкъ, небольшаго роста, красивой наружности и „рѣшительнаго духа“, по выраженію Любопытнаго, по имени Иванъ Алексѣевъ. Родившись въ Вели-

(1) Историч. словар Любопытнаго.

короссію въ 1709 г., Иванъ Алексѣевъ еще въ молодыхъ лѣтахъ оставилъ отечество и семью свою и удалился въ Малороссію, вѣроятно, въ надеждѣ найти здѣсь больше свободы своимъ раскольническимъ наклонностямъ. Выше мы сказали, что Петръ Великій, послѣ побѣды надъ Карломъ XII, велѣлъ переписать всѣхъ стародубскихъ раскольниковъ и, утвердивъ ихъ за собою, даровалъ имъ разнаго рода льготы. Вѣроятно свободная жизнь этихъ раскольниковъ въ стародубскихъ слободахъ была причиной того, что Иванъ Алексѣевъ рѣшился пріютится въ Стародубьѣ и даже записался въ число стародубскихъ государственныхъ крестьянъ. Привольно было жить Алексѣеву въ слободахъ, гдѣ никто не смѣлъ безпокоить ревнителей древняго благочестія, — но не такова была натура у этого человѣка, чтобы онъ могъ довольствоваться скромною ролью слобожанина. Выучившись грамотѣ, „крюковому сладимому пѣнію", „чистописанію уставомъ" и „изографству святыхъ иконъ", Алексѣевъ вскорѣ сдѣлался человѣкомъ замѣтнымъ въ расколѣ. А его страстная преданность расколу, или, какъ самъ онъ выражался, „рачительство о правости догматъ церковныхъ", изъ за котораго онъ „родъ и отечество оставилъ и тѣхъ ради претерпѣвалъ многіе недостатки и отщетился земнаго утѣшенія, единъ лишенъ пребывая, не имѣя обстоянія сродства земнаго, всегда желая въ дому закона церковнаго неисходно до кончины прибывати, не измѣняючи то ни на славу мірскую, ни на прибытки текущія", — подавали единомышленникамъ Алексѣева надежду, что этотъ безродный скиталецъ, при своемъ умѣ и книжномъ наученіи, можетъ много сдѣлать въ пользу „древняго благочестія". Раскольники не обманулись въ сво-

ихъ надеждахъ на Алексѣева. Живя въ Стародубьѣ — главномъ гнѣздѣ раскольниковъ поповщинской секты и входя съ ними въ частыя сношенія, Иванъ Алексѣевъ, принадлежавшій самъ къ безпоповщинѣ, и именно къ Ѳедосѣевскому толку (¹), до того изучилъ слабыя стороны своихъ противниковъ, что сдѣлался въ послѣдствіи самымъ непобѣдимымъ обличителемъ ихъ „невѣжества и суевѣрія" и особенно „ихъ явнаго заблужденія въ пріемѣ пресвитерства отъ Никоновой Церкви, вѣруя быть оному правильному и святому и Духа Божія въ ихъ дѣйствіи бытіе имущему". На эту тему т. е. въ опровержение „всѣхъ глупыхъ и суевѣрныхъ доводовъ поповщинскихъ о ихъ бѣгствующемъ беззаконномъ іерействѣ" Алексѣевъ написалъ столько самыхъ дѣльныхъ сочиненій, что безпоповцы справедливо могли считать этотъ вопросъ поконченнымъ (²). Писалъ Алексѣевъ и противъ православія (³). Радовались Ѳедосѣевцы, пріобрѣтя въ Алексѣевѣ такого горячаго защитника своихъ интересовъ, съ умиленіемъ читали его сочиненія противъ поповцевъ и противъ православія и, разумѣется, не допускали и мысли, чтобы этотъ „славный творецъ разныхъ сочиненій въ защиту Христовой церкви (т. е. безпоповщинскаго Ѳедосѣевскаго толка) и въ обличеніе враговъ ея, торжественно поражавшій Никоніанизмъ и заблужденіе

(¹) Любопытный называетъ Ивана Алексѣева членомъ поморской церкви (Катал. стр. 89); но это несправедливо; по свидѣтельству современныхъ писателей раскола („Истина"—соч. издан. въ Яссахъ въ 1864 г. Стр. 78 и 79), Алексѣевъ принадлежалъ къ толку Ѳедосѣевцевъ. —

(²) Катал. Любопыт. стр. 91-92 №№ 315-324.—

(³) Ibid. № 312.

старообрядцевъ“ (т. е. поповщины), рѣшился когда либо взять въ руки перо для пораженія „Ѳедосіанскихъ заблужденій и ихъ гнуснаго бракоборства“ (¹), т. е. возсталъ противъ собственнаго своего общества. А между тѣмъ случилось именно такъ. Внимательно изучая слабыя стороны своихъ противниковъ, Алексѣевъ не закрывалъ глазъ и при встрѣчѣ съ недостатками общества, къ которому принадлежалъ самъ; а на бѣду Ѳедосѣевцевъ, въ этомъ обществѣ было „тьмы и суевѣрія, невѣжества и глупости“ не меньше, чѣмъ въ поповщинѣ и другихъ толкахъ. Самое главное зло, какое встрѣтилъ Алексѣевъ въ обществѣ Ѳедосѣевцевъ и съ которымъ никакъ не могла помириться его душа, состояло въ крайнемъ развратѣ, которому предавались Ѳедосѣевцы — всѣ отъ мала до велика, отъ молодыхъ людей до преклонныхъ старцевъ, занимавшихъ роль наставниковъ, и который былъ прямымъ слѣдствіемъ ученія безпоповцевъ о всеобщемъ дѣвствѣ.

Мы видѣли выше, что Ѳедосѣевцы сначала снисходительно смотрѣли на бракъ и даже принимали безъ развода „на чистое житіе“ вѣнчавшихся въ православной Церкви. По смерти Ѳеодосія, ученики его, подъ вліяніемъ убѣжденій Поморцевъ, установившихъ въ своей общинѣ всеобщее безбрачіе, измѣнили ученіе своего наставника и, подобно Поморцамъ, стали требовать отъ всѣхъ послѣдователей своего толка строгаго дѣвства. На такихъ началахъ и была устроена Ѳедосѣевцами община на Ряпиной мызѣ, въ уѣздѣ Юрья Ливонскаго. Но тогда какъ Поморцы, убѣдившіе Ѳедосѣевцевъ въ необходимости безбрачной жизни, подъ строгимъ надзо-

(¹) Историч. Словар. Любопыт.

ремъ своихъ умныхъ настоятелей и при монастырскомъ устройствѣ своей общины, вели жизнь, по возможности, цѣломудренную, Ѳедосѣевцы никакъ не могли высокаго ученія своего о дѣвствѣ приложить къ жизни. На той же Ряпиной мызѣ дѣло дошло до того, что „поселившіеся ту, скажемъ словами Поморца (¹), начаша жити житіемъ многозазорнымъ, пьянственныя и всякихъ безчинствъ умножилися сонмы и всякая возрасте нечистота“; тѣ же изъ Ѳедосѣевцевъ, которымъ совѣсть не позволяла развратничать, обращались къ православнымъ священникамъ, съ благословенія ихъ вступали въ браки и затѣмъ обращались въ православіе. Такъ поступилъ между прочимъ самъ настоятель Ряпиной мызы, по имени Константинъ Ѳедоровъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи ямбургскимъ протоіереемъ и своими дѣйствіями въ пользу православія доведшій Ѳедосѣевцевъ до необходимости бросить Ряпину мызу и снова переселиться въ Польшу (²). Подобное печальное для раскола обстоятельство, казалось бы, должно было внушить Ѳедосѣевцамъ мысль, что высокое само по себѣ ученіе ихъ о всеоб-

---

(¹) Повѣст. о зачалѣ раздора Выговц. съ Ѳедосѣевцами.

(²) Вотъ какъ говоритъ писатель повѣсти „О зачалѣ раздора Выговцевъ съ Ѳедосѣевцами“ о дѣйствіяхъ Константина Ѳедорова: „во оной Ряпиной мызѣ на конечное попусти Богъ умиленное паденіе, ибо во оной настоятель Константинъ Ѳедоровъ, сплетшійся любострастными юзами, всякому безчинію рачитель явися. Таже совокупляется страстный таковой же страстницѣ любодѣйнѣ, бывшей прежде у него духовной дщери, съ нею же вѣнчаяя новолюбными іереями, и потомъ, совершенный, о жалости!—отступникъ показуется, всѣми новостей связуется веригами и бываетъ лютый на христіаны и презельный гонитель. Пришедъ въ Спбургъ и подробно синодскимъ членамъ староверцевъ дѣла подноситъ. Они же его протопопомъ въ Ямбургъ опредѣляютъ и даютъ ему всеполную власть надъ старовѣрскими дѣлами, гдѣ бы они въ тѣхъ мѣстахъ ни находилися. Онъ же, пріемъ сію власть, весь во антихристову личину облечеся и помазаннымъ мечемъ новолюбства на старовѣрство воору-

щемъ дѣйствѣ рѣшительно не осуществимо въ жизни и ведетъ только къ крайней деморализаціи общества. Къ сожалѣнію, Ѳедосѣевцы, не имѣвшіе до основанія извѣстнаго Преображенскаго кладбища школъ, въ которыхъ бы могли получать хотя небольшое образованіе, въ большинствѣ своихъ членовъ отличались крайнимъ невѣжествомъ отъ прочихъ безпоповщевъ, и особенно Померцевъ, которые еще при жизни Андрея Денисова завели у себя школы, доставлявшія, по словамъ историка Выговской пустыни, „наслажденіе отъ книжнаго поученія" не только обитателямъ скитовъ Выговскаго и Лексинскаго, но и окрестнымъ жителямъ (¹). Вотъ какъ характеризуетъ послѣдователей этого толка Иванъ Алексѣевъ: „возгнушася душа моя людьми сими, кои въ законѣ хвалятся и о томъ ины гонятъ, а сами слѣпи суще, и силы законныя не разумѣютъ и въ невѣжествѣ своемъ вопіютъ: „удаляйся, удаляйся, что крѣпче, то лучше", и на сіе доводы слабыя и Церкви святѣй неприличныя показуютъ и неразумно вопіютъ: „писано есть, писано есть"; а что писано, и сами силы совершеннаго разума незнаютъ" (²). По словамъ Алек-

жается. И толико стѣсни оныхъ жительство въ Копорщинѣ и во оной Ряпиной обители, яко и слѣда обрѣтися во оныхъ мѣстахъ староверства невозможе. И многихъ подклони подъ иго новолюбныхъ законовъ. Паче же оныхъ Ряпинскихъ жителей всѣхъ развѣя, яко и останку оныхъ на томъ мѣстѣ не обрѣстися. Послѣди же часовня ихъ въ чухонскую превратися въ кирку"; снес. Собр. Зак. т. V, № 3161.

(¹) Истор. Выгов. пуст. стр. 123.

(²) „О тайнѣ брака", введеніе: „О святѣй Церкви Христовѣ, яко знати ю подобаетъ отъ основанія ея". Считая такимъ образомъ писателемъ книги „О тайнѣ брака" Ивана Алексѣева, мы, очевидно, противорѣчимъ издателю каталога Павла Любопытнаго (стр. 90, примѣч.), который говоритъ, что указанное сочиненіе не можетъ принадлежать Ивану Алексѣеву уже потому только, что сочинитель книги о тайнѣ брака въ 7236 (1728) г. былъ въ поморскихъ странахъ для объясненія о разныхъ цер-

сѣева, сами наставники Ѳедосѣевскіе его времени были крайніе невѣжды и знали только часословъ и псалтырь. „Посмотримъ нынѣ нѣкихъ учителей, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, иже токмо вѣдятъ изученіе часовника и псалтыри, и то нужно, по безумію же своему собраша изъ писанія нѣкія тетрадки, и въ нихъ ни разума истиннаго взыскавъ никто, ниже безстрастныхъ учителей испыта, яко нѣкій нетопырь темный зрящихъ истинно досаждаетъ и яко вранъ крачетъ и невѣжда сый о себѣ слѣпымъ наставникъ и вождь является“. Недостатокъ

новныхъ дѣлахъ съ Андреемъ Денисовымъ, а Ивану Алексѣеву тогда было не больше 11 лѣтъ. Для насъ необъяснима ошибка издателя каталога въ счетѣ лѣтъ. На стр. 89 онъ напечаталъ, что Иванъ Алексѣевъ умеръ въ Стародубьѣ 1776 г. 67 лѣтъ (слѣдовательно род. въ 1709 г.) а на стр. 90 утверждаетъ, что въ 1728 г. ему было не больше 11 лѣтъ, между тѣмъ какъ Алексѣеву былъ въ это время 19-й годъ. Возрастъ, правда, молодой, но Андрей Денисовъ, самъ сдѣлавшійся настоятелемъ Выгонской пустыни съ небольшимъ 20-ти лѣтъ отъ роду, могъ удостоить своего вниманія и такого молодаго человѣка, какимъ былъ Алексѣевъ въ бытность свою въ Поморьѣ въ 1728 г. Касательно же того, что въ каталогѣ между сочиненіями Ивана Алексѣева совсѣмъ не упоминается сочиненіе „о тайнѣ брака“, нужно замѣтить, что Любопытный часто по недосмотру, а иногда и намѣренно—съ предвзятою мыслію, невѣрно передаетъ заглавіе и содержаніе сочиненій, о которыхъ сообщаетъ свѣдѣнія, и основываться на его показаніяхъ нужно съ крайнею осторожностію. Такъ напр., по словамъ Любопытнаго, еще Ѳеодосій Васильевъ писалъ „посланіе въ Выгорѣцкую киновію о вѣчномъ бытіи въ Христовой церкви законныхъ браковъ и что они свято могутъ совершаться и кромѣ хиротоніи. Это посланіе, по словамъ Любопытнаго, есть разительное и тонкое обличеніе на ложное и малодушное посланіе Андрея Денисьевича Выгорѣцкаго киновіарха къ оному Ѳеодосію о торжественномъ отверженіи въ мірѣ существованія законныхъ браковъ“ (стр. 141). А между тѣмъ Ѳеодосій никогда не училъ, будто бракъ можно заключать и „кромѣ хиротоніи“,—это—мысль новоженовъ, явившаяся въ расколѣ спустя долго послѣ смерти Ѳеодосія,—равнымъ образомъ и Денисовъ, какъ показываютъ его посланія, не отвергалъ безусловно брака, а только говорилъ, что его нужно заключать въ православной Церкви, съ благословенія православнаго (въ смыслѣ безпоповщинскомъ) священника. Кромѣ того, самъ же Любопытный въ своемъ историч. сло-

знакомства съ книжнымъ ученіемъ Ѳеодосѣевцы думали замѣнить тупымъ, рабскимъ подражаніемъ примѣру своихъ „стариковъ“ и слово ихъ считали чуть не выше ученія евангельскаго. „О несмысленная и косная сердца ваша къ послушанію разума истины, писалъ Иванъ Алексѣевъ по этому поводу, не каменная ли та ваша сердца и разума истиннаго непріемлющія главы: старики что творили ваши, то твердый вамъ законъ, отъ него же и сказать нечего: а что древніи старики, самовидцы и слуги Божію Слову, святіи Апостолы и намѣстники ихъ архипастыри церковніи, Духа Святаго

варѣ называетъ Денисова „твердымъ привнавателемъ вѣчности брачнаго бытія въ Христовой церкви“. Можно ли же послѣ этого вѣрить безусловно Любопытному? Для насъ къ признанію Ивана Алексѣева писателемъ книги „о тайнѣ брака“ служитъ основаніемъ, кромѣ дѣльныхъ замѣчаній объ этомъ предметѣ А, Б. (опис. раск. соч. ч. I, стр. 265—270), слѣдующее извѣстіе современнаго раскольническаго сочиненія, что еще при Андреѣ Денисовѣ „заблудшіе лжеучители находились Иванъ Алексѣевъ и Михаилъ Вышатинъ и усиливались весьма крѣпко, дабы возстановить безсвященнословныя браки въ существо христіанъ“ („Истина“—Яссы. 1864 г. стр. 14). Вышатинъ спорилъ съ Денисовымъ о бракѣ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія; писатель книги „о тайнѣ брака“ былъ въ Поморьѣ въ 1728 г., и также велъ рѣчь съ Денисовымъ о бракѣ; а изъ вышеприведенныхъ словъ видно, что съ Денисовымъ разсуждали о бракѣ только эти два лица: Вышатинъ и Алексѣевъ; слѣдствіе понятно. Кромѣ сочиненія „о тайнѣ брака“ Алексѣеву же принадлежитъ и другое: „слово обличительное на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ“, хотя о сочиненіи съ такимъ заглавіемъ также не упоминаетъ Любопытный. Вотъ что говорится въ той же „истинѣ“ объ этомъ предметѣ: „и вотъ первый новоженъ явился Иванъ Алексѣевъ и началъ попеченіе имѣть о бракахъ и сталъ говорить, что предки ихъ ошибались. И видя Ѳеодосья Васильевича люди, что тако глаголетъ, абіе отъ церковнаго тѣлеси его отлучили (вотъ доказательство, что Алексѣевъ принадлежалъ не къ поморскому, а къ Ѳеодосѣевскому толку), по доказательствамъ поморянина Андрея Денисьевича. Алексѣевъ новоженовъ до общества своего припустилъ и піяницъ въ обществѣ имѣлъ. Это первое звѣно съ безбрачными расколъ сдѣлалъ о бракахъ и отдѣлился“ (стр. 78 об. и 79). Знакомый съ содержаніемъ „слова обличительнаго“ поймётъ изъ приведенныхъ словъ, кому принадлежитъ это сочиненіе.

исполньшеся говорили, то вамъ ни за что... Не весте ли, яко не всякое всякаго старика слово согласно съ Божіею волею: ибо древле во іудеехъ старческая преданія опасно хранима бяху: но Христосъ на ся рече имъ: за преданіе старцевъ вашихъ разористе заповѣдь Божію" (1). Само собой понятно, что при такой косности ума Θедосѣевцевъ и при такомъ упорномъ консерватизмѣ ихъ, и по переселеніи съ Рапиной мызы въ Польшу они остались неизмѣнными въ своемъ ученіи о всеобщемъ дѣвствѣ. А послѣдствіемъ этого было то, что развратъ, появившійся между Θедосѣевцами на Рапиной мызѣ и бывшій причиной „оскудѣнія" этого притона, нетолько не ослабѣлъ въ польской Θедосѣевской общинѣ, но, благодаря сравнительно большей безопасности здѣсь Θедосѣевцевъ, развился еще больше и дошелъ до самыхъ безобразныхъ предѣловъ. Нетолько „юноши и дѣвы", лишенные возможности вступать въ бракъ, а между тѣмъ „страстію порѣваеми похоти", собирались „въ темныя ночи или по гумнамъ, или по лѣсамъ, или по сводническимъ домамъ, по посидѣлкамъ нечистымъ", и здѣсь сами „досмотрѣвши юноши дѣвъ, а дѣвы юношей", предавались разврату, причемъ нерѣдко вступали въ любовныя связи лица самаго близкаго родства между собою,—но даже сами руководители Θедосѣевскаго безбрачнаго общества—наставники держали у себя женщинъ подъ видомъ „стряпухъ" и жили съ этими „рабами Христовыми" блудно. „Елицы отъ грамотныхъ или отъ наставниковъ, или и отъ простыхъ, аки доброе указаніе о себѣ имущихъ, стряпухи и покойщицы имутъ, тіи рабы Христовы и стряпухи ихъ

(1) Слово облич. на соб. новоявл. раздорниковъ.

рабыни Христовы, замѣчаетъ съ ироніей Алексѣевъ, чего ради млози и бѣлая носятъ и одежды простыя и шапки старинныя во знакъ рабовъ Божіихъ и святыни своея" (1). И пусть бы такая скотская жизнь имѣла мѣсто только въ какой либо польской трущобѣ, среди лицъ, потерявшихъ вмѣстѣ съ любовію къ отечеству и чувство совѣсти и стыда. Нѣтъ, по свойственному людямъ невѣжественнымъ фанатизму и прозелитизму, наставники Ѳедосѣевскіе, какъ саранча, разлетались по всѣмъ мѣстамъ Россіи, проникали въ села и города, въ домы честныхъ людей, и своимъ обязательнымъ требованіемъ дѣвства всюду поселяли развратъ. „Горе вамъ книжницы и фарисеи—лицемѣры, рече Христосъ, писалъ Алексѣевъ, яко преходите море и сушу сотворити единаго пришельца: а егда будетъ вамъ, творите его сына геенны сугубѣйша васъ. И таково есть дѣло Ѳедосѣева согласія: обходятъ бо грады и веси и домы честныхъ и лицемѣрною своей святынею на воздержное и дѣвственное житіе люди увѣщеваютъ. А егда будетъ имъ общь, блуда и скверподѣянія исполняютъ, чего все согласіе ихъ до верха оплываетъ" (2). Путешествуя по разнымъ мѣстамъ Россіи и даже за границей (тогдашней напр. Польшѣ и др. мѣстахъ), Иванъ Алексѣевъ видѣлъ все это безобразіе жизни своихъ братій по вѣрѣ и, какъ человѣкъ честный, не могъ не возмутиться имъ. Еще и прежде, будучи ребенкомъ, Алексѣевъ смутно чувствовалъ что-то мрачное въ средѣ своихъ единовѣрцевъ. Играя съ дѣтьми своего возраста, онъ, самъ лишенный семьи и родныхъ, нерѣдко любопытствовалъ

(1) Книга „О тайнѣ брака".

(2) Слово обличит. на соборъ. новолв. раздорн.

узнать о семьѣ и родныхъ своихъ маленькихъ товарищей,—и, къ удивленію, всегда слышалъ одинъ отвѣтъ, что игравшія съ нимъ дѣти были сироты, которыя не знали ни отца ни матери. Тогда будущій защитникъ семейнаго начала не понималъ грустнаго значенія слышаннаго имъ отвѣта; въ ребяческой наивности онъ думалъ, что, вѣроятно, сиротство—общая участь дѣтей. Теперь, когда Алексѣевъ съ лѣтами достигъ большей способности понимать людей и въ тоже время узналъ въ подробности закулисную жизнь своихъ единовѣрцевъ,—теперь онъ нашелъ ключь къ разгадкѣ общаго сиротства Ѳедосѣевскихъ дѣтей. Оказалось, что эти дѣти были плоды Ѳедосѣевскаго дѣвства, только не признанные своими родителями и потому жившіе въ обществѣ подъ именемъ сиротъ. Проповѣдники безбрачія, предаваясь разврату, считали необходимымъ въ тоже время являться въ глазахъ своего общества строгими дѣвственниками. А потому они или умерщвляли незаконные плоды своего разврата, или по крайней мѣрѣ считали долгомъ не признавать ихъ своими дѣтьми. Отецъ или мать, назвавшіе своего ребенка—*своимъ*, подвергались разнаго рода эпитиміямъ и даже отлученію отъ общества, въ которомъ, по его ученію о всеобщемъ дѣвствѣ, не *могло* быть ни родителей, ни дѣтей. И вотъ такимъ образомъ являлось въ Ѳедосѣевскомъ обществѣ молодое поколѣніе какъ будто изъ земли. Не видѣли эти дѣти ни заботъ отца, ни ласки матери,—и жили они между своими, какъ чужіе. Крайне безнравственнымъ и возмутительнымъ показался честному Алексѣеву такой порядокъ вещей въ Ѳедосѣевскомъ обществѣ и онъ рѣшился во что бы то ни стало положить конецъ безпоповщинскому безбрачію, которое вело къ такимъ гибельнымъ слѣдстві-

нимъ. Нельзя не сознаться, что Алексѣевъ задался трудною задачею, но у него достало твердости духа преслѣдовать ее съ непоколебимою настойчивостію до конца своей жизни, и, къ общей радости честныхъ родителей и невинныхъ дѣтей, онъ достигъ своей цѣли. Много пришлось потерпѣть Алексѣеву за свое намѣреніе ввести въ безпоповщину семейное начало: но „великая туга сердца и печаль", какую испытывалъ онъ при видѣ Ѳедосѣевскаго разврата со всѣми его послѣдствіями, и „польза народная", которую имѣлъ Алексѣевъ въ виду, преслѣдуя свою цѣль, дали ему силы великодушно перенести всѣ невзгоды.

Сначала Алексѣевъ рѣшился узнать, откуда ведетъ свое начало безпоповщинское безбрачіе. Это—для того, чтобы, если можно, поразить зло въ корнѣ. И вотъ къ какимъ результатамъ пришелъ онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о „началѣ безженства" въ расколѣ: „егда привведенія ради новинъ мнози народи въ разныя страны и мѣста разбѣгошася, хотяще древняя сохранить, и въ сихъ разная вожделѣнія пріяся: овіи требующе іерейство ради мірскаго жительства, а друзіи вящшее опасеніе отъ новшества имуще, возжелаху безбрачно житіе водити, а брачніи своихъ женъ какъ сестръ имѣти. Не имущіи поповъ исперва совѣтомъ и желательно изволиша вси обще безбрачно быти, а брачніи кромѣ смѣшенія со женами жити, кое пожеланіе ихъ тогда по ревности свѣжей сносно бяше. И единъ предъ другимъ желающе паче въ лѣсахъ и пустыняхъ умерщвленно жить. На нихъ же и сопряженніи смотряще, тщахуся тожде творити: и въ томъ овіи состарѣшася, овіи и помроша, не требующе женскаго совокупленія, и сіе обыкновеніе на долзѣ проходя, крѣпость воспрія; браки начаша от-

вергати, а сопряженніи дѣтородіе. И аще кто немощи естественныя не возмогъ понести, живучи со женою дѣтородіе сотворить, начаша тѣхъ отъ яденія и питія и молитвъ отлучати“ (¹). Такимъ образомъ неимѣніе священства и строгій аскетизмъ первоначальныхъ безпоповцевъ, жившихъ, въ слѣдствіе внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ,— вотъ, по мнѣнію Алексѣева, причины появленія въ безпоповщинѣ всеобщаго безбрачія. Не трудно было Алексѣеву понять и доказать своимъ единовѣрцамъ, что многое изъ того, что было причиной введенія въ первоначальной безпоповщинѣ всеобщаго дѣвства и служило охраной безпоповщинскаго цѣломудрія, теперь измѣнилось. Расколъ находился теперь въ болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, чѣмъ прежде. Ревнители дѣвства, жившіе прежде въ лѣсахъ и пустыняхъ, теперь селились въ селахъ и городахъ,—среди міра и его соблазновъ. Вмѣсто прежней „свѣжей ревности“ къ цѣломудрію теперь повсюду замѣчалось ослабленіе аскетизма и наклонность къ распущенности въ жизни. „Отцы наши, писалъ Алексѣевъ, жили далече отъ міра, проходяще пустынное житіе и скитское: сего ради не токмо сіи, но и самая поповщина тамо жившая брачныхъ не требовала, не въ гнушаніе вещи, но да не смутятъ мѣсто и пустыню да не сотворятъ міръ. Мы же живемъ посредѣ міра суще и ходяще во всѣхъ соблазнахъ мірскихъ пребываемъ, на всякъ день зримъ толикая, елико душу смяти и потрясти сердца довлѣюще, чего тіи въ пустыняхъ весьма удаленни были... Тѣмъ и не во образецъ оныхъ намъ пребываніе“ (²). Не ограничи-

(¹) „О тайнѣ брака“ предисловіе.

(²) „О тайнѣ брака“.

вая́сь этою общею мыслію, Алексѣевъ указывалъ и частные случаи къ соблазну въ жизни своихъ братій по вѣрѣ. „Отверзите очи ваши, писалъ онъ, и видите како вы сами многажды дѣтемъ своимъ подгнѣтою бываете, дающе имъ власть въ пищахъ, во украшеніи тѣлесномъ, во обхожденіи разныхъ домовъ, въ гуляніи излишнемъ, яже вся сія великимъ поджогомъ огня похотнаго бываютъ“. „Нынѣ, писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, мужіе и жены, юноши и дѣвы вкупѣ собираются въ домы и едини со другими гуляюще и играюще, и едини на другихъ огнемъ любви распалени, и совѣстію естественно связуеми, и къ другъ другу влекоми несытнымъ вожделѣніемъ, и другъ предъ другомъ себѣ украшающе, и на се послѣднее истощающе, да въ свѣтлая облекутся, что единыя ради блудныя совѣсти. Что же рѣщи о дѣвахъ? во отчаяніи браковъ суще, ради прочихъ лбы златомъ украшаютъ, власы умащаютъ, ризами свѣтлыми ущвѣчаютъ и весь поставъ тѣла въ угодіе блудно прехищряютъ, имъ же бы лучше мужа законно пріяти“. Но если Алексѣеву не трудно было доказать, что многое въ жизни безбрачныхъ безпоповцевъ измѣнилось въ пользу брачной жизни, то съ другой стороны нельзя было ему, какъ безпоповцу, не сознаться и въ томъ, что главное, что заставило безпоповцевъ установить въ своемъ обществѣ всеобщее дѣвство, оставалось безъ перемѣны; безпоповцы по прежнему не имѣли „православнаго священства“, которое одно могло бы благословлять на бракъ ревнителей древняго благочестія. Какъ было устранить это препятствіе къ введенію въ безпоповщинѣ семейнаго начала?

Мы видѣли, что Михаилъ Вышатинъ, для устраненія указаннаго затрудненія, рѣшился отправиться въ Пале-

стику для отысканія тамъ „Христовой хиротоніи". Иванъ Алексѣевъ избралъ для этого другой путь. Узнавъ отъ своихъ единовѣрцевъ, что Ѳеодосій Васильевъ, основатель Ѳедосѣевщины, къ которой принадлежалъ Алексѣевъ, принималъ въ свое общество лицъ, вѣнчанныхъ въ православной (а по мнѣнію раскольниковъ, еретической, *внѣшней*) Церкви безъ развода ихъ „на чистое житіе" и такимъ образомъ, очевидно, признавалъ подобные браки законными, Иванъ Алексѣевъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство и, не смотря на то, что обычай Ѳеодосія былъ признанъ Поморцами неправильнымъ и оставленъ самими Ѳедосѣевцами, рѣшился изслѣдовать, законно ли поступалъ въ этомъ случаѣ глава Ѳедосѣевщины. Много времени употребилъ Алексѣевъ для рѣшенія указаннаго вопроса, много перечиталъ онъ „правилъ и исторій"; но за то результатъ подобныхъ трудовъ былъ самый утѣшительный для человѣка, рѣшившагося уничтожить Ѳедосѣевскій развратъ и ввести въ безпоповщинѣ бракъ. На основаніи своихъ изслѣдованій, Алексѣевъ убѣдился нетолько въ томъ, что Ѳеодосій Васильевъ поступалъ законно, признавая правильными вѣнчанные въ православной Церкви браки лицъ, переходившихъ послѣ въ расколъ, и что Ѳедосѣевцы грѣшатъ противъ истины, расторгая подобные браки, но и въ томъ, что сами раскольники могутъ вѣнчаться въ Церкви православной и что браки ихъ въ этомъ случаѣ будутъ законными. Вотъ что говоритъ Алексѣевъ по этому поводу: „видѣвъ азъ нестроеніе церковное во многихъ, помощію Божіею воспріяхъ трудъ изслѣдовати оное древлеположеніе безженства, на коемъ основаніи дѣло сіе положеніе имать, и аще коими святыми подтвердися и восточною святою Цер-

венію объяснися; и се многими времены созирая и великими труды и нищетою телѣсныхъ потребъ многія правилы и многія исторіи, аще было гдѣ отъ святыхъ повелѣніе или такія случаи въ восточной Церкви, дабы по какой либо нуждѣ невѣнчанныя въ бракъ расторгати и за отпаденія вмѣняти и яденія и питія и молитвѣ сихъ отлучати; и ни во единомъ мѣстѣ тако писано обрѣтохомъ, кромѣ сего, что таковыя браки Церковію святою пріяты и неразведше со всѣми правовѣрными вочтени, а кои отвергаху сіи и наложеницъ держаху, къ еретикамъ пріобщени“ (1). Запасшись такими свѣдѣніями, Алексѣевъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ уже въ силахъ начать свою проповѣдь о томъ, что „человѣку брачное сожитіе есть необходимо, что предки ихъ, кои учили противному, въ томъ ошибались, и что дѣвственная жизнь на произволеніе наше оставлена, и то только для тѣхъ, кои оную вмѣстить могутъ и изволяютъ“ (2). На вопросъ безпоповцевъ: какъ же заключать бракъ, когда нѣтъ православнаго священства, отвѣтъ у Алексѣева уже былъ готовъ.

Впрочемъ прежде, чѣмъ начать свою проповѣдь о необходимости брачной жизни, Алексѣевъ рѣшился узнать мнѣніе объ этомъ предметѣ другихъ лицъ, и именно тѣхъ, которыя въ то время играли самую видную роль въ безпоповщинскомъ расколѣ и слыли за искусныхъ знатоковъ „божественныхъ писаній“. Съ этою цѣлію, въ 1728 г., на 19-мъ году своей жизни, отправляется Алексѣевъ въ Поморье, главный тогдашній притонъ безпоповщины, и здѣсь въ числѣ 24 вопро-

(1) „О тайнѣ брака“ предислов.
(2) Іоаннов. стр. 153.

совъ „о разныхъ церковныхъ дѣлахъ“ предлагаетъ извѣстному Андрею Денисову и вопросъ „о новыхъ бракахъ, кои по познаніи (т. е. раск. ученія) тако сопрягошася (1), какъ съ ними поступати“? Андрей Денисовъ отвѣчалъ: „таковыхъ у насъ обще подъ цѣломудрённое житіе и соединеніе братства церковнаго пріимать положено“. Сознавая свои молодые годы, Алексѣевъ не могъ спорить съ Денисовымъ, подобно Вышатину, который на подобный отвѣтъ Денисова замѣтилъ ему рѣзко: „я—де вамъ не товарищъ буду на судѣ Божіи въ томъ, яко браки затвористе“, и настоялъ, чтобы отправлено было въ Палестину посольство для отысканія тамъ „православнаго священства“. Слыша не по сердцу и не по убѣжденію отвѣтъ Денисова, Алексѣевъ только подумалъ, что настоятель Выговскаго скита хитритъ и говоритъ такъ не по убѣжденію, а „по немощи развращеннаго народа“,—„чтобы обществу было не подъ раздоръ“. Не ограничиваясь Поморьемъ, Алексѣевъ, для разъясненія и подтвержденія своихъ мыслей о необходимости брачной жизни, рѣшился посѣтить Москву, „подольскую страну окрестъ Бара“, „Польшу-Куты при Венгерской земли“ и другія раскольническія убѣжища въ Россіи и за границей. Здѣсь Алексѣевъ нашелъ больше сочувствія своимъ мыслямъ. Такъ, въ Москвѣ въ пользу „новыхъ браковъ“ были расколоучители „Антонъ Ивановичь и Семенъ Артемьевичь,“ въ Польшѣ—въ Кутахъ при Венгерской земли“ Алексѣевъ встрѣтилъ учениковъ Михаила Вышатина, которые „ему персонально о семъ Михаилѣ сказаша подробно, какъ о брач-

---

(1) Значитъ Алексѣевъ спрашивалъ о бракахъ не лицъ православныхъ, переходившихъ послѣ въ расколъ, а о бракахъ самихъ раскольниковъ.

ныхъ милосердіе имѣлъ"; тоже извѣстіе подтвердили и раскольники „Волоцкой земли". Наконецъ даже Леонтій Өедосіевичъ, человѣкъ, по выраженію Алексѣева, „отъ боку Андрея Денисьевича бывшій," т. е. самый близкій Денисову, въ бытность свою въ Малороссіи, во время пребыванія тамъ Ивана Алексѣева, также говорилъ и дѣйствовалъ въ пользу „новыхъ браковъ" (1). Однимъ словомъ: путешествуя по разнымъ мѣстамъ, Алексѣевъ убѣдился, что многими изъ безпоповцевъ уже сознавалась крайность въ ученіи о всеобщемъ безбрачіи и что слѣдовательно его проповѣдь о необходимости и законности брачной жизни будетъ падать на почву, хотя и не вполнѣ приготовленную, но и не совсѣмъ лишенную способности къ воспріятію и произращенію сѣмени слова правды. Тогда-то, скажемъ словами Павла Любопытнаго, „мужъ тщательный въ благовѣстіи Христовомъ и твердый въ своихъ предпріятіяхъ", Алексѣевъ рѣшился начать открытую, смѣлую рѣчь противъ безпоповщинскаго дѣвства и въ пользу брачной жизни. Доказывать много, что требованіе безпоповщины отъ *всѣхъ* строгаго дѣвства—незаконно, что тѣ только обѣты дѣвства угодны Богу, которые даются по доброй волѣ, а не по принужденію, какъ это было у безпоповцевъ, что къ дѣвству призываются Господомъ только тѣ, кои могутъ нести этотъ высокій подвигъ, что бракъ не можетъ препятствовать спасенію истиннаго христіанина, что онъ также, какъ и дѣвство, установленъ отъ Бога и святъ, что обязывать *всѣхъ* обѣтами дѣвства значитъ неизбѣжно вести слабыхъ къ паденію, итти

(1) Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ книги: „о тайнѣ брака" ч. 1., глава: „о обычаяхъ отецъ настоящаго времени".

противъ воли Творца, сотворившаго мужа и жену, и обрекать родъ человѣческій на уничтоженіе, что Церковь Христова тѣхъ, кои рѣшительно и безусловно отвергали бракъ, признавала еретиками и проч.,и проч.,— доказывать все это Алексѣеву не стоило особенныхъ трудовъ. И слово Божіе, и ученіе Церкви, и живыя доказательства безпоповщинскаго разврата въ лицѣ дѣтей-сиротъ,—все служило подтвержденіемъ его словъ. Не такъ легко было Алексѣеву убѣдить безпоповцевъ въ справедливости той своей мысли, что они, не смотря на свое исключительное положеніе, все же могутъ законно вступать въ браки, что, по неимѣнію „православнаго“ священства, имъ можно вѣнчаться и въ Церкви „внѣшней“ (т. е. православной) и что такіе браки, и по ученію слова Божія, и по ученію Церкви, законны и не должны быть расторгаемы. Читая эти мысли Алексѣева, можно подумать, что онъ, преслѣдуя свою цѣль — введеніе въ безпоповщинскую общину брака, измѣнилъ своимъ раскольническимъ убѣжденіямъ и изъ безпоповца, который чуждается какой бы то ни было связи съ Церковію православною, сдѣлался поповцемъ-сторонникомъ той самой „хиротоніи“, отъ которой получило начало поповщинское бѣглое священство, противъ котораго Алексѣевъ такъ горячо и побѣдоносно ратовалъ. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ мы видимъ не то. Зависимость отъ Церкви православной, въ какую ставилъ Алексѣевъ своихъ единовѣрцевъ, убѣждая ихъ вѣнчать въ ней браки, была чисто внѣшняя и, такъ сказать, механическая; и проповѣдуя подобную зависимость, Алексѣевъ смотрѣлъ на православную Церковь не иначе, какъ на вмѣстилище всевозможныхъ ересей, чуждое всякой святыни, т. е. подобно всѣмъ безпопов-

цемъ. Чтобы понять такую странность, нужно обратить вниманіе на то, какъ смотрѣлъ Алексѣевъ на бракъ. Бракъ, по мысли Алексѣева, есть тайна, но не въ смыслѣ таинства, какъ понимаетъ его православная Церковь,—таинства, въ которомъ чрезъ пресвитерское вѣнчаніе и благословеніе сообщается брачущимся особенная благодать св. Духа, а въ смыслѣ таинственнаго значенія супружеской любви, какъ образа любви Христа къ Церкви. Продолжая развивать свой взглядъ на бракъ, Алексѣевъ говоритъ, что бракъ установленъ самимъ Богомъ еще при созданіи первыхъ людей, что основаніемъ его служитъ благословеніе, преподанное Богомъ Адаму и Евѣ, а чрезъ нихъ и всѣмъ ихъ потомкамъ, и что поэтому для заключенія брака требуется только взаимная любовь брачущихся и согласіе ихъ на вступленіе въ бракъ, выраженное словами предъ свидѣтелями, и согласіе родителей; послѣднее необходимо для того, чтобы выразить въ немъ законную родительскую власть надъ дѣтьми и чтобы не допустить въ бракѣ какихъ либо злоупотребленій, напр. близкаго родства, дурнаго выбора жениха или невѣсты и проч. Что же послѣ этого значитъ церковное вѣнчаніе брака, принятое въ христіанской Церкви? Это, по словамъ Алексѣева, небольше, какъ „общенародный христіанскій обычай", не имѣющій прямаго отношенія къ существу брака; введено же Церковію вѣнчаніе для того, чтобы имъ отличить законное сопряженіе брачущихся лицъ отъ блуднаго сожитія, и въ соотвѣтствіе „нѣкоему чину", употреблявшемуся при заключеніи браковъ еще въ ветхомъ завѣтѣ между іудеями, и „общенародному обычаю", существовавшему въ древности въ разныхъ формахъ и существующему до нынѣ между язычниками и другими народами. Поэтому вѣнчаніе необходимо, но оно не со-

ставляетъ существенной стороны въ бракѣ и не даетъ брачущимся никакой особенной благодати. Отсюда Алексѣевъ выводитъ такое заключеніе, что, при неимѣніи православнаго священства, можно вѣнчаться и въ церкви еретической. Христіанскій общенародный обычай чрезъ это будетъ соблюденъ, а благодать, необходимая для брака и которой еретики не имѣютъ, зависитъ не отъ вѣнчанія, а отъ первоначальнаго Божія благословенія. Таково въ краткихъ чертахъ ученіе Ивана Алексѣева о бракѣ и вѣнчаніи, развиваемое имъ въ книгѣ: „о тайнѣ брака“. Очевидно, что онъ смотритъ на бракъ съ естественной, а не съ христіанской точки зрѣнія, и разумѣетъ собственно бракъ, такъ называемый, гражданскій. Какъ ни страннымъ можетъ показаться читателю, что Алексѣевъ—раскольникъ, котораго мы привыкли считать жаркимъ ревнителемъ старины и буквы, еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія (¹) заговорилъ о бракѣ подобно современнымъ намъ раціоналистамъ, однако смѣемъ увѣрить, что мы изложили ученіе его совершенно вѣрно. Теперь остается вопросъ: какъ Алексѣевъ дошелъ до такого взгляда на бракъ и вѣнчаніе и чѣмъ онъ защищаетъ свой взглядъ?

Прежде всего, перечитывая разныя старинныя книги, Алексѣевъ нашелъ въ нихъ такія опредѣленія брака, въ которыхъ не говорится о существенномъ значеніи для него пресвитерскаго вѣнчанія и въ которыхъ, повидимому, подается та мысль, что единственнымъ основаніемъ брака служитъ первоначальное Божіе благословеніе, данное въ лицѣ Адама и Евы всѣмъ ихъ потом-

(¹) Книга: „О тайнѣ брака“ написана въ 1762 г., но ученіе свое о бракѣ Алексѣевъ началъ проповѣдывать раскольникамъ еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

нами, и за тѣмъ—взаимное согласіе желающихъ вступить въ бракъ, выраженное словами предъ свидѣтелями. Такъ, въ большомъ катихизисѣ на вопросъ: „что есть бракъ" дается такой отвѣтъ: „бракъ есть тайна, еюже женихъ и невѣста отъ чистыя любве своея въ сердцы своемъ усердно себѣ изволятъ и согласіе между собою и обѣтъ сотворятъ, яко произволительно по благословенію Божію во общее и нераздѣлимое сожитіе сопрягаются: якоже Адамъ и Евва прежде паденія и безплотьскаго смѣшенія правъ и истинный бракъ имѣста; и есть сопряженіе мужа и жены по законномъ чину въ сожитіе нераздѣльное, иже отъ Бога пріемлютъ особнѣ сію благодать, дабы дѣти добрѣ и христіански родили и воспитали, и да соблюдутся отъ мерзостнаго блуднаго грѣха и невоздержанія". А на вопросъ: „кто есть дѣйственникъ тайны брака" находимъ въ катихизисѣ отвѣтъ такого рода: „первое убо самъ Богъ, яко Моисей Боговидецъ пишетъ: и благослови я Господь Богъ глаголяй: раститеся и множитеся и наполняйте землю и обладайте ею, иже и Господь въ Евангеліи утверждаетъ глаголяй: яже Богъ сочета, человѣкъ да неразлучаетъ; посемъ сами брачущіися сію себѣ тайну дѣйствуютъ, глаголюще: азъ тя посягаю въ жену мою, азъ же тебе посягаю въ мужа моего: аки самъ кто продается, самъ есть вещь и купецъ; сице и въ сей тайнѣ сами себѣ продаются и предаются оба себѣ купно въ сію честную работу" (¹). Правда, въ другихъ старинныхъ книгахъ, уважаемыхъ раскольниками, Алексѣевъ въ статьяхъ о бракѣ встрѣчалъ рѣчь и о священническомъ благословеніи; но образъ выраженій этихъ статей такъ не точенъ, что Алексѣевъ и въ нихъ не находилъ прямого

(¹) Больш. катих. л. 391—393.

указанія на существенное значеніе для брака священническаго благословенія. Такъ, въ Кормчей говорится, что „форма, сіесть образъ или совершеніе брака, суть словеса совокупляющихся, изволеніе ихъ внутреннее предъ іереемъ извѣщающая“ (1). Выраженіе „предъ іереемъ“ привело Алексѣева къ той мысли, что, по смыслу Кормчей, священникъ, участвующій въ заключеніи брака, есть не больше, какъ одинъ изъ свидѣтелей взаимнаго согласія бракущихся на вступленіе въ брачный союзъ, но ничуть не совершитель этого священнодѣйствія; и потому, приведя указанныя слова Кормчей, Алексѣевъ даетъ на основаніи ихъ такое понятіе о бракѣ: „тѣмъ же бракъ основаніе свое имать на любовныхъ слогахъ обоихъ лицъ жениха и невѣсты по закону, на которыхъ слогахъ и согласіяхъ и древле окончевахуся брачная жениха и невѣсты сопряженія. Твердость же сего согласія и любве — оное Божіе слово: да будеть оба плоть едина“ (2).

Далѣе, изучая библейскую и другія „многія исторіи“, Алексѣевъ замѣтилъ, что было время, когда браки заключались въ родѣ человѣческомъ безъ всякаго „священнословія“ — по одному взаимному согласію лицъ, желавшихъ вступить въ брачный союзъ, и согласію родителей бракившихся. Такъ, по словамъ Алексѣева, „по Адамѣ сущія народы на единомъ любовномъ основаніи брака начало и конецъ творяху. Начало сего — благохотѣніе взаимное, конецъ же словеса общаго хотѣнія родителей жениха и невѣсты и самихъ жениха и невѣсты“ (3). Такъ браки заключались, по словамъ Алек-

(1) Кормч. ч. II, гл. 50 л. 198.

(2) „О тайнѣ брака“, глава: „о браковѣнчаніи православныхъ въ еретикахъ.“

(3) „О тайнѣ брака“, глава: „разглагольствіе краткое къ вопрошающимъ о разньствіи суда въ пріятіи нововѣнчавшихся брачно.“

сѣева, „въ естественномъ законѣ даже до закона писаннаго" и нетолько между язычниками, но и между іудеями. Въ примѣръ подобныхъ браковъ между послѣдними, Алексѣевъ указываетъ на бракъ Исаака съ Ревеккою (Быт. гл. XXIV). Въ послѣдствіи времени, говорить Алексѣевъ, „нѣціи отъ языкъ уже въ капищахъ стали поимать себѣ женъ" (1), а у іудеевъ „приложися нѣкій чинъ приводити новобрачныя предъ храмъ Господень и отъ храма Божія симъ закрѣплятися". Но такъ какъ этотъ „чинъ" явился уже „въ законѣ писанномъ", а браки заключались и прежде и считались законными, то очевидно, говоритъ раскольническій учитель, что заключеніе браковъ іудеями въ храмѣ и язычниками въ капищахъ было введено не потому, будто безъ этого брачныя сопряженія не имѣли законности и силы, а единственно для того, чтобы при заключеніи подобнымъ образомъ браковъ, кромѣ согласія родителей, согласія жениха и невѣсты, дать мѣсто еще и „согласію общенародному" и тѣмъ съ одной стороны сдѣлать брачныя сопряженія формально болѣе твердыми, такъ какъ вступавшіе въ бракъ при участіи „общенароднаго согласія" тѣмъ самымъ обязывались къ взаимной вѣчной любви нетолько другъ предъ другомъ и предъ родителями, но и предъ цѣлымъ обществомъ, — въ лицѣ нѣкоторыхъ его членовъ, присутствовавшихъ при бракѣ въ качествѣ свидѣтелей, или какъ выражается Алексѣевъ — „въ большее и лучшее извѣщеніе брака", съ другой — предохранить вступившихъ въ брачное сожитіе отъ разнаго рода нареканій, показавъ всѣмъ и каждому, что они вступили въ сожитіе не „яко татіе", какъ дѣлаютъ

(1) „О тайнѣ брака", глава: „вина, ея же ради и еретиковъ и еллиновъ и прочихъ невѣрныхъ не лѣть есть расторгати или повторяти брака".

блудники, а „подобательнымъ путемъ", т. е. чрезъ бракъ. Въ существѣ же дѣла и при указанныхъ формальностяхъ „сила сопряженія отъ онаго содѣтельства Божія и словесе (да будетъ два плоть едина) таинство пребы и пребываетъ".

Обращаясь за тѣмъ къ исторіи новозавѣтной, Алексѣевъ и въ ней нашелъ мнимыя основанія думать, будто церковное вѣнчаніе не имѣетъ существеннаго значенія для брака. Такъ онъ говоритъ, что и въ Церкви христіанской „первѣе бяше бракъ, сему же послѣдоваше церковное дѣйство" и въ подтвержденіе своихъ словъ указываетъ на книгу Діонисія Ареопагита „о церковномъ священноначаліи", изъ которой будто бы видно, что при Апостолахъ не было еще обычая заключать браки въ Церкви: „яко во апостольскихъ дняхъ не быти о бракахъ чиновнаго уставленія, свидѣтельствуетъ о томъ святый Діонисій Ареопагитъ въ книгѣ 3-ей о церковномъ священноначаліи, въ нейже пишетъ главы о священноначаліи, о евхаристіи святѣй, о составленіи мура, о священническихъ чинахъ, о совершеніи иночества, о усопшихъ и о образѣ божественныхъ священникъ, а о браковѣнчаніи не положи главы" (¹); „мнится, замѣчаетъ по этому поводу Алексѣевъ, что еще не бысть во оныя времена уставленія о томъ, еже послѣди святыми уставися" (²). Слово: „мнится" показываетъ, что Алексѣевъ самъ не довѣрялъ, можно ли изъ молчанія Діонисія Ареопагита о таинствѣ брака заключать, что бракъ во времена апостольскія заключался безъ церковнаго вѣнчанія. И потому въ подтвержденіе своей мысли о несущественномъ значеніи для брака церковнаго вѣнчанія онъ указываетъ на другое обстоятельство изъ практики

(¹) „О тайнѣ брака" гл. 5.

(²) Такъ же, гл. 9.

первенствующей Церкви, именно, что при обращеніи къ вѣрѣ Христовой язычниковъ Церковь, при пріемѣ ихъ въ свои нѣдра, совершала надъ ними крещеніе, мѵропомазаніе и другія таинства, но никогда не совершала надъ ними брака, если обращавшіеся были въ брачномъ сожитіи до обращенія, а позволяла имъ жить по прежнему, какъ мужу и женѣ. Точно также, говоритъ Алексѣевъ, поступала Церковь и съ еретиками, и притомъ не только съ такими, которыхъ принимала чрезъ одно отреченіе отъ ереси и въ обществѣ которыхъ слѣдовательно предполагалась и іерархія и законныя таинства, но и съ такими, надъ которыми при пріемѣ совершалось крещеніе. Наконецъ, Алексѣевъ указываетъ на то, что Церковь православная никогда не перевѣнчивала лицъ православныхъ, которыя, по какимъ либо обстоятельствамъ, вступали въ бракъ въ церквахъ еретическихъ, хотя никогда не одобряла подобнаго уклоненія отъ православной святыни. „Вси святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ правила, пишетъ Алексѣевъ, и вся святыя Церкве обычаи и исторіи свидѣтельствуютъ, елико пріемляху браки отъ эллинъ, еликія отъ еретикъ, яко же въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, вси равно въ Церковь не повторно, не разведше пріемляхуся; зри, колико быша сего во дни аріанства, во дни единовольныхъ еретикъ, во дни иконоборства, егда вси грады, вси страны въ то принуждахуся: обаче ни едина исторія не помяне, чтобы браковѣнчанніи въ тѣхъ еретикахъ правовѣрніи како или повторялися или разводилися или неприниималися". „Видимъ, говоритъ Алексѣевъ въ другомъ мѣстѣ, яко по эллински, яко по жидовски, такожде по еретически браки воспріявше, Церковь Божія равно въ пріятіи поступаетъ, о чемъ весь народъ христіанскій, пришедый отъ оныхъ въ познаніе истины, свидѣтельствуетъ наши

словеса не ложны быти. Аще же кои и познавше свѣтъ Евангельскаго разума и потомъ случаемъ какимъ либо браковѣнчашася въ еретикахъ, и тако браковѣнчанни паки со женами возвращахуся къ соборной Церкве, не разведше, ниже второвѣнчанно въ соборную прiимахуся Церковь и не токмо прiимахуся таковiи тако, но и призывахуся. Свидѣтельствують сiе вси церковнiи исторiи, свидѣтельствують соборные каноны, свидѣтельствують вси обычаи христiанскiи" (¹). Изъ такой церковной практики Алексѣевъ выводитъ слѣдующiя заключенiя: во 1-хъ изъ того, что Церковь принимала безъ повторенiя языческiе, iудейскiе и еретическiе браки, Алексѣевъ заключаетъ, что церковное вѣнчанiе, по суду самой Церкви, не существенно необходимо для брака и что бракъ и безъ него можетъ быть законенъ; во 2-хъ на томъ основанiи, что еретическiе браки Церковiю не расторгались и не повторялись, Алексѣевъ внушаетъ своимъ единовѣрцамъ, что и они, за неимѣнiемъ православнаго священства, могутъ вѣнчаться въ Церкви еретической (т. е. нашей православной) и что такiе браки ихъ будутъ вполнѣ законны; въ 3-хъ тѣмъ, что Церковь православная, принимая браки еретиковъ безъ повторенiя, не принимала другихъ ихъ (только нѣкоторыхъ) таинствъ, Алексѣевъ доказываетъ мысль, что и безпоповцы, вѣнчаясь въ Церкви православной (по мнѣнiю Алексѣева еретической), не должны принимать отъ ней никакихъ другихъ „дѣйствъ"; наконецъ въ 4-хъ изъ того, что Церковь различно смотрѣла на таинства, совершаемыя еретиками, и именно: браки ихъ принимала, а прочiя таинства не признавала, Алексѣевъ выводитъ заключенiе о существенномъ различiи между бракомъ и прочими хри-

---

(¹) „О тайнѣ брака" гл. 5.

стіанскими таинствами и объясняетъ это различіе тѣмъ, что „тайна брака не такъ отъ церковнаго дѣйства силу имать, какъ отъ Божіяго онаго содѣтельства и Божіихъ оныхъ словесъ (т. е. первоначальнаго благословенія Божія мужу и женѣ).... Прочіи же тайны церковныя на страданіи Христовѣ основаніе имутъ и точію благодатію св. Духа совершаются: аще крестити, аще рукоположити, аще муро освятити, вездѣ благодати потреба чрезъ Христа, коея еретицы не имутъ: тѣмъ же и тайны сія не могутъ за тайны вмѣняться, яко не отъ Христа и Духа святаго начало и совершенство свое имутъ.... Посему Церковь не разнственно всѣ браки имяше... И отъ всякаго языка, аще отъ еллинъ незнающихъ Бога, аще отъ жидовъ и аще отъ еретиковъ приходящія со своими ихъ браки пріемлетъ въ томъ же дѣйствѣ, точію бы въ нихъ было законно по коегождо обычаю совокупленіе. Прочія же тайны, кромѣ сея единыя, святая Церковь не пріемлетъ". Но если бракъ можетъ быть законно заключенъ по взаимному согласію жениха и невѣсты и согласію родителей... и если церковное вѣнчаніе не существенно необходимо для брака, то для чего же послѣ этого и вѣнчаться и при томъ въ Церкви еретической? Нельзя ли просто вступать въ бракъ по одному согласію родителей и жениха и невѣсты? Эти весьма естественные вопросы приходили на мысль Алексѣеву, и вотъ какъ онъ рѣшаетъ ихъ: „немощно, понеже треми согласіи бракъ составляется, согласіемъ родителей, согласіемъ жениха и невѣсты и согласіемъ общенароднымъ. Но мы вѣрніи Христа познавше основателя спасенія нашего, и по той вѣрѣ обычаи вси воспріяхомъ аще правовѣрніи аще еретики, браки въ церкви священнодѣйствомъ заключати. Тѣмъ же оная два согласія воспріявшу, потреба и сей третій обычай брака въ церкви заключати. И тако

благонадежно и твердо брака дѣло будетъ обычаемъ подтвержденное и честно по Апостолу и любве суще нерѣшимыя назидательно. И зри убо, обычай народный есть крѣпость большая брака и честь: по коему дѣлу и во языцѣхъ обычаемъ подтверждашеся бракъ, аще и каковъ бяше; также и въ еретикахъ обычаемъ народнымъ имяше бракъ честь и подтвержденіе. Такъ и въ православныхъ христіанскимъ обычаемъ бракъ честенъ и законенъ. Тѣмъ же поиматися на единомъ согласіи домовномъ не твердо и не честно, и великихъ бѣдъ и предъ Богомъ и человѣки ходатайственно, откуда содомству блуду и нестроеніемъ нужно явитися". Такимъ образомъ на вѣнчаніе Алексѣевъ смотритъ просто, какъ на обычай, но обычай такой, котораго нельзя оставить, потому что онъ даетъ браку крѣпость и честь, впрочемъ не по существу своему, а единственно по выраженію въ немъ „общенароднаго согласія", т. е. даетъ крѣпость и честь чисто формальную, такъ сказать, гражданскую, потому что на вступившихъ такимъ образомъ въ бракъ налагается отвѣтственность за неразрывность ихъ союза предъ цѣлымъ обществомъ.

Путемъ такихъ-то историческихъ данныхъ и, основанныхъ на нихъ, разнаго рода соображеній и умозаключеній дошелъ Алексѣевъ до своеобразнаго понятія о бракѣ и вѣнчаніи и убѣдился въ возможности вступать въ бракъ безпоповцамъ въ Церкви православной—безъ опасенія сдѣлаться чрезъ это причастными ея мнимымъ ересямъ. Какъ же отнеслась къ новому ученію томившаяся въ оковахъ невольнаго безбрачія безпоповщина? Объ этомъ скажемъ послѣ.

И. Нильскій.

СПИРИТЫ И СПИРИТИЗМЪ.

(*Продолженiе.*)

Спириты, что бы представить сообщенiя и проявленiя духовъ въ извѣстныхъ спиритскихъ (видимыхъ и осязаемыхъ) формахъ дѣломъ естественнымъ, возможнымъ и понятнымъ, излагаютъ ученiе о такъ называемомъ и отчасти уже знакомомъ намъ „*периспри*“ (le périsprit), составленное ими будто-бы по сообщенiямъ духовъ, открывшихъ имъ — Спиритамъ эту, доселѣ неподозрѣваемую часть, или принадлежность души и духа. Въ связи съ „периспри“ и для той-же цѣли духи дали будто-бы Спиритамъ, а Спириты — авторы представляютъ къ убѣжденiю своихъ читателей — сообщенiя о „*всемiрномъ* и *животномъ токѣ*“ (le fluide universel, le fluide animal). Все это ученiе говоритъ собственно объ *организацiи* духа (спиритское выраженiе) и о возможности и средствахъ дѣйствiя его на матерiю.

„Представленiе невозможности спиритскихъ фактовъ духопроявленiй и отрицанiе ихъ происходитъ, говоритъ сочинитель „Книги Медiумовъ“, отъ незнанiя натуры духовъ, о которой вообще имѣютъ самую ложную

идею, потому что представляютъ ихъ (духовъ) существами какими-то отвлеченными, туманными и неопредѣленными, что совершенно не справедливо. (¹) „Факты проявленій, еще опредѣленнѣе выражается тотъ-же авторъ, кажутся не понятными для тѣхъ, которые полагаютъ, что *духъ не имѣетъ ничего матеріальнаго* (!). Въ этомъ-то и заключается заблужденіе (!); ибо духъ не есть нѣчто отвлеченное, онъ есть существо опредѣленное, ограниченное пространствомъ и имѣющее свои очертанія.... Для насъ идея формы не раздѣльна съ идеею о духѣ, и мы не можемъ себѣ представить духа безъ *формы*.... Все (?) намъ говоритъ, что духъ, оставляя тѣло, не выходитъ изъ него освобожденнымъ отъ всякой *оболочки*; онъ сохраняетъ образъ человѣка, и, дѣйствительно, когда онъ является намъ, мы видимъ его такимъ какимъ знали прежде". (²) Мы еще возвратимся къ этимъ спиритскимъ представленіямъ при опредѣленіи характера спиритизма и при объясненіи его; а теперь посмотримъ, что представляютъ Спириты далѣе:

„Кромѣ матеріальной оболочки — тѣла, духъ имѣетъ еще другую,—*полуматеріальную* (?), которая соединяетъ его съ первою. Эта вторая оболочка, или „периспри", существуя и во время пребыванія души въ тѣлѣ, остается при духѣ и по смерти, когда онъ освобождается отъ первой, грубо матеріальной, тѣлесной оболочки. Периспри составляетъ такую же необходимую принадлежность духа, какъ—тѣло принадлежность человѣка.

Тонкая, воздухообразная, эѳирная, не осязаемая, невѣсомая, въ нормальномъ состояніи не видимая, эта обо-

---

(¹) le livre des mediums part 1-ere chap. 1-er § 3.

(²) Ibid. par. II-eme chap. 1. §§ 54 и 55.

лочка духа имѣетъ матеріальныя свойства и матеріальное происхожденіе, образуясь изъ планетной *fluide* (основная, элементарная жидкость, или токъ) и существуя въ данное время въ состояніи, соотвѣтственномъ качеству планеты, на которой живетъ воплощенный духъ, также—степени развитія и совершенства самаго духа. По мѣрѣ совершенствованія духа периспри дѣлается всё тоньше и эфирнѣе. Периспри имѣетъ форму человѣка, или лучше—это форма всѣхъ разумныхъ существъ, воплощенныхъ и невоплощенныхъ; потому—то, если намъ является духъ, то всегда съ тѣми формами, въ которыхъ мы знали его во время жизни. Эта полуматеріальная оболочка составляетъ воздушное, эфирное тѣло для духа—вмѣ обыкновеннаго нашего тѣла,—составляетъ очертаніе, обликъ, форму духа, дѣлаетъ его существомъ опредѣленнымъ, ограниченнымъ, индивидуальнымъ (въ противоположность представленію о немъ, какъ о чемъ-то будто отвлеченномъ, неопредѣленномъ, туманномъ, непохожемъ на ничто). „Будучи въ нормальномъ своемъ состояніи невидимъ и вообще неощутимъ, периспри имѣетъ однако, если можно такъ выразиться, гибкость и разширимость, также способность уплотняться или сгущаться (подобно тому, какъ нѣкоторыя тѣла переходятъ изъ жидкаго состоянія въ твердое, изъ разрѣженнаго въ уплотненное и обратно). Потому форма периспри измѣняется по волѣ духа, который по своему желанію можетъ дать ему тотъ или другой видъ. Духъ, когда желаетъ быть узнаннымъ, можетъ на время принять на себя ту именно наружность, которую имѣлъ во время земной жизни со всѣми тѣлесными особенностями и недостатками. Потому многіе видѣли, какъ подъ вліяніемъ нѣкото-

рыхъ медіумовъ показывались руки, имѣвшія всѣ свойства рукъ живыхъ существъ, которыя можно было осязать, въ которыхъ была теплота, упругость тѣла,— руки, которыя схватывали присутствующихъ, нѣжно ласкали, оставляли знаки на кожѣ, давали удары даже довольно чувствительные, играли аріи на инструментахъ, и потомъ вдругъ изчезали, какъ тѣнь (¹). „Для духа воплощеннаго периспри служитъ агентомъ или органомъ, посредствомъ котораго онъ дѣйствуетъ въ тѣлѣ и на тѣло; чрезъ него духъ получаетъ впечатлѣнія чувствъ, передаетъ свою волю и управляетъ тѣлесными органами. Для духовъ, вышедшихъ изъ тѣлъ (особенно для такъ называемыхъ духовъ *блуждающихъ*, въ промежутки между однимъ воплощеніемъ и другимъ — les esprits errants) периспри составляетъ необходимое, но вмѣстѣ и совершенно естественное (органическое) условіе и средство дѣйствованія на матерію, на человѣческія тѣла, на медіумовъ (²)“.

Казалось-бы, можно Спиритамъ и остановиться на этомъ, — чего проще такаго представленія? При немъ такъ опредѣленно, съ точки зрѣнія этаго представленія, такъ понятно дѣйствіе духа на матерію. Уплотняя и видоизмѣняя периспри до твердости матеріи, до формъ человѣческаго тѣла, духамъ легко и естественно „двигать, стучать мебелью и поднимать ее вверхъ, звонить колокольчиками, бросать съ силою разныя домашнія вещи, жать руки и колѣна присутствующихъ, мазать своими руками по лицу, нѣжно ласкать, дѣлать щипки,

---

(¹) Периспри съ исходящимъ отъ него токомъ такъ способенъ утончаться и преобразовываться, что духи проявляются чувственно не только свѣтомъ, или сіяніемъ, но даже разными запахами.

(²) Ibid. part. 1. chap. 1 §. 1 part. II. chap. 1 §§. 54 55. 56.

больно ударять, играть на фортепьяно и другихъ инструментахъ руками видимо-человѣческими (иногда даже съ частью рукава ??) и иногда быть видимыми даже въ полномъ человѣческомъ образѣ" (подъ столомъ, за драпировкой, въ темнотѣ) и проч. но Спириты, слѣдуя наученіямъ духовъ (!), не останавливаются на этомъ простомъ представленіи; они усложняютъ и нѣсколько видоизмѣняютъ дѣло, въ тоже время и ухитряютъ его, прибавляя въ объясненіе дѣйствія духовъ на матерію и медіумовъ еще два новооткрытыхъ или посредника и на это въ своемъ родѣ предусмотрительно указываютъ, какъ на свидѣтельство, что представляемая ими теорія — не ихъ собственнаго произведенія, не ихъ мудрецами измышлена, а сообщена имъ духами. Будемъ излагать дѣло опять словами спирита автора.

„Кромѣ периспри, духъ имѣетъ своимъ агентомъ *всемірный токъ* (словомъ *токъ* русскими спиритами переводится французское „fluide", собственно—жидкость, fluide universel) и *токъ животный* (le fluide animal)—медіума. Всемірный токъ—это—элементарное начало всѣхъ вещей. Онъ есть элементъ электрическаго тока. Не находимый и не представимый нами на землѣ въ его безусловной простотѣ (для этого нужно возвыситься до состоянія чистыхъ духовъ) онъ въ измѣненномъ видѣ (конечно въ сгущенномъ, уплотненномъ, или какъ нибудь подобно этому) составляетъ всю обыкновенную матерію. Впрочемъ мы можемъ представлять, что въ простотѣ своей онъ походитъ на то, что мы называемъ животнымъ магнетизмомъ. Онъ-же, этотъ всемірный токъ, составляетъ вмѣстѣ и периспри. Всемірный токъ представляетъ для духа нѣчто въ родѣ проводника, на ко-

торый духъ дѣйствуетъ, какъ мы дѣйствуемъ на воздухъ, чтобы произвести нѣкоторыя явленія посредствомъ его расширенія, сжатія, сотрясенія и проч. Животный токъ отдѣляется медіумомъ отъ периспри его духа.“ (¹) Какъ же теперь при этихъ орудныхъ посредникахъ дѣйствуетъ духъ на матерію, какимъ образомъ напр. производитъ онъ движеніе твердыхъ тѣлъ и другія операціи съ ними?

„Вызванный духъ сочетаваетъ часть извлеченнаго, собраннаго имъ *всемірнаго тока* съ тѣмъ *токомъ* (animal) который отдѣляетъ отъ себя медіумъ, и этимъ сочетаніемъ оживляетъ предметъ (столъ) искуственою, поддѣльною и мгновенною жизнію. Подготовленный такимъ образомъ, столъ духъ притягиваетъ (вверхъ) и приводитъ въ движеніе подъ вліяніемъ своего собственнаго тока, отдѣляющагося по его волѣ.“ Когда масса, которую духъ желаетъ поднять или привести въ движеніе, тяжела для него, онъ призываетъ къ себѣ другихъ духовъ, находящихся съ нимъ въ одинаковыхъ условіяхъ (²).

(¹) ibid part. 11, ch. 1. §. 58, ch. 4 §. 74.

(²) Относительно-прямое дѣйствіе на матерію и физическія проявленія матеріальнаго свойства болѣе свойственны духамъ, въ *лѣствицѣ* или *іерархіи* духовъ стоящимъ на низшей степени развитія; такъ какъ соотвѣтственно этой степени у нихъ и периспри менѣе тонокъ и болѣе матеріаленъ и, значитъ, болѣе способенъ дѣйствовать на матерію. Вызываемые высшіе духи съ утонченнымъ периспри даютъ физическія проявленія и сообщенія чрезъ духовъ низшихъ (болѣе всего чрезъ „esprit familier“), которые въ этомъ отношеніи „служатъ имъ подобно тому, какъ люди менѣе развитые умственно и болѣе-физически (работники) исполняютъ физическій трудъ для людей, привыкшихъ къ умственнымъ занятіямъ слабымъ тѣломъ. „Низшіе духи и по выходѣ изъ тѣла воображаютъ еще, что живутъ въ немъ, и, соотвѣтственно этому, думая дѣйствовать на матеріальный предметъ (напр. на фортепіано) руками, образуютъ изъ покорнаго ихъ волѣ периспри дѣйствительно видъ руки или пальцевъ, которые и бываютъ видимы присутствующимъ,

Вотъ какъ и почему происходитъ движеніе стола или другаго предмета подъ наложенными на него руками, по представленію автора „книги медіумовъ“, а за нимъ и прочихъ спиритовъ! При этомъ образѣ отношенія къ матеріи и вліяніи на нее, духъ, по воображенію того-же автора, можетъ заставить и статую дѣлать движенія и стукъ, говорить и отвѣчать посредствомъ ихъ, одушевивъ ее на минуту, подобно какъ столъ, искуственною, мгновенною жизнію. Эта теорія,—восклицаетъ относящій ее къ духамъ, но конечно самъ авторъ ея,—какой бросаетъ свѣтъ на множество феноменовъ, остававшихся до этаго времени не разрѣшимыми! Сколько аллегорій и таинственныхъ явленій она объясняетъ! ([1]).

Очевидно, авторъ впадаетъ въ не послѣдовательность и измѣняетъ себѣ, называя представляемыя имъ положенія спиритизма съ развитіемъ ихъ—*теоріей*, и тѣмъ не-осторожно обнаруживаетъ, что ни кто другой, не духи какіе нибудь, а самъ онъ творецъ-измыслитель ихъ ([1]).—Мнимые же духи, отъ которыхъ производятся эти открытія,

---

на вопросъ—чѣмъ они дѣйствуютъ, вполнѣ искренно, хотя и не совсѣмъ справедливо отвѣчаютъ:—руками, пальцами. „Такъ объясняютъ спириты явленія рукъ духовъ и другихъ принадлежностей обыкновеннаго тѣла, равно какъ и производимыя ими физическія дѣйствія. le. livr. d. med. p, II, cap. 4. §. 74.

([1]) Т. е. привидѣній; въ родѣ напр. „каменнаго гостя“— Пушкина и нашихъ сказочныхъ привидѣній и суевѣрныхъ представленій—произведеній возбужденнаго, суевѣрнаго чувства и разстроеннаго, болѣзненно-производительнаго воображенія или поэтизирующей, фантазіи. p. 11, ch. 2, §. 74; ch. 5, §. 88. Самыя привидѣнія объяснены въ смыслѣ духопроявленій въ Revue spirite №№ май, іюнь іюль 1858 г. фев. мартъ, апр. авг. 1860 г.

([1]) „Въ наукѣ (?) существованіе периспри не только открыто намъ духами,—говоритъ самъ авторъ, но оно есть вмѣстѣ и неизбѣжное слѣдствіе, выведенное нами изъ собственныхъ нашихъ наблюденій“ (p. II, ch. 1. §. 54),—изъ какихъ только и какъ?—Этого авторъ нигдѣ не показываетъ.

хорошо и опредѣленно не раскрываютъ, да и сами хорошо не знаютъ предметовъ своихъ сообщеній, и потому въ разсужденіи о нихъ представляютъ одну замѣчательную путаницу, нисколько не раскрывая и не объясняя дѣла. Вотъ разсужденіе духа о пересприи, этомъ основномъ камнѣ спиритской теоріи духопроявленій и сообщеній (разсужденіе было отвѣтомъ на вопросъ о сущности периспри): „что одни называютъ периспри, есть ничто иное, какъ то, что другіе называютъ матеріальною оболочкою, составленною изъ тока. Я скажу, чтобы вы могли понять меня болѣе логично (!), что токъ этотъ есть усовершенствованность чувствъ, распространимость зрѣнія и идей (!!). Я говорю о духахъ высшихъ. Что-же касается низшихъ, то земные токи еще несовершенно отдѣлены отъ нихъ; и какъ вы видите,—это есть матерія; отсюда—страданія отъ голода, холода и т. д., которыхъ не могутъ испытывать высшіе духи, потому что земные токи очищены вокругъ ихъ мысли, т. е. вокругъ ихъ души. Теперь остается объяснить вамъ съ ученой точки зрѣнія (!) самую сущность периспри; это уже другое дѣло. Сперва поймите нравственно (!). Слѣдуетъ только разсмотрѣть качества токовъ, но это пока еще необъяснимо; наука мало еще знаетъ, но до этаго дойдутъ, если наука захочетъ идти рядомъ со спиритизмомъ (!). Периспри можетъ разнообразиться и измѣняться до безконечности; душа есть мысль, ея свойство—не измѣняться; и въ этомъ отношеніи не идите далѣе; это такая статья, которая не можетъ быть объяснена. Думаете-ли вы, что я ея ищу также, какъ и вы! Вы ищете периспри, мы же теперь ищемъ душу (?). Подождите-же“. (¹)

(¹) „Книги Медіумъ“ ч. 1. гл. 4. § 51. Подъ этой безтолковщиной

Трудно представить что нибудь темнѣе, безсвязнѣе и безтолковѣе этаго *пояснительнаго* сообщенія духа о периспри, хотя нужно сказать, подобныхъ безсознательныхъ и безсмысленныхъ мѣстъ въ спиритскихъ сочиненіяхъ не весьма много, и это—кажется—особенно видное. По всему видно, что авторъ спиритизма въ „книгѣ медіумовъ" для объясненія духопроявленій и дѣйствія духовъ на матерію измыслилъ какой-то неопредѣленный, перемѣнчивый, во всемъ покорный, и ко всему примѣнимый периспри, и неразлучно, навсегда связалъ съ нимъ своихъ духовъ, подчинивши его безусловной ихъ волѣ, и помощію его дѣйствительно нашелъ возможнымъ объяснять многіе, или почти всѣ дѣйствительные, или только представляемые загадочные, феномены въ жизни людей и духовъ, свободно примѣняя свое неопредѣленное, безсодержательное изобрѣтеніе ко всякому данному случаю и опредѣляя характеръ его по требованію этого случая. Но авторъ естественно долженъ былъ ожидать, что будетъ вопросъ со стороны руководимыхъ и наставляемыхъ имъ спиритовъ о сущности этого всеобъемлющаго и ко всему пригоднаго периспри; по всей вѣроятности вопросъ этотъ и былъ предлагаемъ мнимымъ духамъ-наставникамъ чрезъ изобрѣтательнаго посредника (медіума) ихъ. Нуженъ былъ отвѣтъ. Здѣсь-то и оборвался фантазеръ-спиритъ, не нашелся придумать что нибудь удовлетворительное) когда нужно стало сказать что либо опредѣленное, твердое и точное. Вотъ и пошелъ онъ лавировать въ отрывочныхъ фразахъ, темныхъ выраженіяхъ неопредѣ-

подпись духа: Lamennais. Переводъ этаго разсужденія, въ избѣжаніе нарѣканія въ неточности, взятъ нами готовый изъ рукописнаго перевода книги медіумовъ, сдѣланнаго самими спиритами Русскими.

женныхъ, безсодержательныхъ мысляхъ и говоритъ при этомъ, какъ главное, что „нужно прежде понимать нравственно“ (вѣроятно т. е. въ понятіи о периспри довольствоваться приданнымъ ему значеніемъ въ дѣлѣ духопроявленій и въ дѣйствіи духовъ на матерію), — что больше периспри пока еще не объяснимъ, что онъ разнообразится и измѣняется до безконечности, но когда нибудь объяснится, если наука пойдетъ рука объ руку со спиритизмомъ, и въ заключеніе проситъ терпѣливо ждать и не любопытствовать, утѣшая тѣмъ, что и духи сами также ищутъ (только *душу*, а не периспри). „Пусть человѣкъ, прибавляетъ еще затрудненный и уклончивый авторъ-спиритъ, употребляетъ спиритизмъ для своего нравственнаго усовершенствованія, это главное“. Нужно избѣгать излишняго любопытства; оно и тщеславно и безплодно; удовлетвореніе его не подвинетъ человѣка ни на шагъ впередъ. Единственное средство идти впередъ, это — сдѣлаться лучшимъ“ (¹). Примѣнительно къ данному случаю смыслъ этого внушенія слѣдующій: „дѣлайтесь лучшими на основаніяхъ и въ направленіи, какія проповѣдуетъ вамъ спиритизмъ; принимайте послушно, не пытливо, на вѣру возвѣщаемыя вамъ новости, довольствуйтесь въ разсужденіи ихъ тѣмъ значеніемъ, какое придается имъ въ нашемъ спиритизмѣ; вамъ говорятъ, что они много значатъ, хорошо объясняютъ вещи, какое же вамъ дѣло до того, что такое они сами по себѣ и какъ существуютъ? Это излишне, безполезно и съ вашей стороны тщеславно“. При такомъ образѣ отношенія къ дѣлу, очевидно выходитъ не открытіе и познаніе бытія вещей

(¹) P. 1 ch. 4 § 51.

дѣйствительныхъ, а произвольно измышленное, ни на чемъ не основанное, слѣпое представленіе, или воображеніе ихъ. Мнѣ объясняютъ странное само въ себѣ, не вѣроятное явленіе какимъ-то новымъ предметомъ, о которомъ ни я, ни сами объяснители опредѣленно ничего сказать не въ состояніи; предметъ этотъ познанію не подлежитъ, и единственное свидѣтельство самого бытія его состоитъ въ томъ только, что имъ, неизвѣстнымъ объясняютъ другое непонятное и сомнительное. Вмѣсто того, чтобы на этомъ крайне недостаточномъ основаніи признать дѣйствительность его существованія, скорѣе не вправѣ ли я заподозрить и прямо отвергнуть какъ явленіе объясняемое чѣмъ-то неопредѣленнымъ, такъ и объясняющій его и внѣ этого объясненія нигдѣ и никакъ неизвѣстный предметъ?!

Впрочемъ въ другихъ мѣстахъ „книги медіумовъ“ авторъ ея высказываетъ стремленіе объяснить какъ нибудь периспри болѣе, чѣмъ въ предъидущемъ сообщеніи о немъ духа, дать о немъ нѣсколько болѣе опредѣленное понятіе, если не прямое и точное, то, по крайней мѣрѣ, по уподобленію приблизительное. Какъ и слѣдуетъ ожидать, въ существѣ дѣла предметъ, какъ дѣйствительный, опять не выясняется, но за то довольно ясно обнаруживается источникъ, изъ котораго вымыли эта и другія выдумки спиритовъ, и стремленіе, которое выражается въ нихъ: „По причинѣ своего *эѳирнаго свойства* (nature éthérée) то, что называется собственно духъ, не можетъ дѣйствовать на грубую матерію безъ посредника, т. е. безъ посредства связи, соединяющей его съ матеріей; мысль равно не можетъ дѣйствовать на тѣло безъ периспри (съ которымъ она имѣетъ большое сходство), какъ не можетъ она дѣй-

ствовать напр. на палку без тѣла, и не мысль, или душа, а уже периспри дѣйствуетъ на мышцы, которыя вслѣдствіе того схватываютъ палку, чтобы ударить въ предметъ (1)". Периспри такимъ образомъ представляется ближайшимъ органомъ души, или мысли (имѣющимъ съ нею близкое сходство), орудныиъ посредникомъ между нею и органами собственно тѣла; это — „электрическій токъ, служащій проводникомъ къ полученію и передачѣ мысли, это-тотъ таинственный, неосязаемый дѣятель, извѣстный подъ именемъ нервнаго тока, который играетъ такую значительную роль въ экономіи жизни, но при всемъ томъ еще не вполнѣ оцѣненъ въ физіологическихъ и патологическихъ явленіяхъ (2)". И магнетизмъ при этомъ вводится авторомъ, какъ „безъ сомнѣнія начало всѣхъ явленій, происходящихъ при посредствѣ периспри и тока, только, по замѣчанію его, это — не такой магнетизмъ, какимъ его обыкновенно понимаютъ (3), а какой-то отличный отъ обыкновенно представляемаго, хотя въ чемъ состоитъ это отличіе его—авторъ нисколько не опредѣляетъ. Очевидно, спиритъ пользуется заключеніями и предположеніями науки и употребляетъ ихъ въ своемъ вкусѣ; не уясненныя и точно не опредѣленныя онъ принимаетъ за рѣшительныя и несомнѣнно вѣрныя дѣйствительности и объединяетъ, отожествляетъ съ ними свое произвольное изобрѣтеніе (периспри), по его сущности и мнимымъ отправленіямъ еще болѣе темное. Онъ знаетъ, какъ вѣрно и успѣшно оправдываются предположенія науки естественной; ему

(1) P. II, ch. 4 §§ 74 и 76.
(2) P. II, ch. 1 § 54.
(3) P. II, ch. 4 § 74.

извѣстно, какъ малыми, прежде неизвѣстными причинами производятся и объясняются въ физическомъ мірѣ крупныя и сложныя явленія; и человѣкъ не положительный, а мистикъ и фантазеръ,—человѣкъ не такого свойства и направленія, чтобы терпѣливо и усиленно искать и изучать, — онъ вообразилъ, что довольно взять что нибудь примѣнительно къ своей фантазіи изъ существующихъ научныхъ предположеній, произвольно придать этому взятому особый, по своему вкусу, мистическій смыслъ и вымышленное значеніе, и, въ силу бойкаго и неожиданнаго оправданія гипотезъ естественной науки, оно непремѣнно должно оказаться и быть вѣрнымъ дѣйствительности и вѣрно объяснять разныя загадочныя не только дѣйствительныя, но и мнимыя, представляемыя лишь явленія. И вотъ онъ создалъ въ своемъ воображеніи какой-то туманный и по своей неопредѣленности на все способный, ко всему приложимый, всемогущій *перисприт*, и положилъ его въ основаніе своей теоріи о жизни, развитіи и дѣятельности воплощенныхъ и безтѣлесныхъ духовъ.

Такое вліяніе успѣховъ науки по отношенію къ физическому міру авторъ-спиритъ подтверждаетъ весьма ясно. „Мы не знаемъ, говоритъ онъ, внутреннихъ свойствъ периспри, но предполагаемъ его составленнымъ изъ матеріи электрической, свѣтовой, или какой либо другой столь же тонкой... Не между ли эѳирными веществами самыми утонченными, которыя считаются даже не вѣсомыми, какъ напр. электричество, находимъ самыхъ могучихъ дѣятелей? Развѣ не вѣсомый свѣтъ не производитъ химическаго дѣйствія на матерію вѣсомую? (1)“ „Когда видятъ, что воздухъ опрокидываетъ

(1) P. 1, ch. 1 § 3.

зданія, паръ передвигаетъ огромныя тяжести, порохъ, превращаемый въ газъ, взрываетъ на воздухъ скалы, электричество разбиваетъ деревья въ щепы, пробиваетъ стѣны и проч., послѣ этого можно ли находить удивительнымъ, что духъ посредствомъ своего периспри можетъ поднимать столъ? (1) Въ другомъ мѣстѣ авторъ сравниваетъ дѣйствіе духа на поднимаемый, или движимый имъ столъ, посредствомъ животнаго и всеміриаго тока, съ дѣйствіемъ воздуха, вытянутаго, или разрѣженнаго подъ стеклянным колпакомъ, или съ дѣйствіемъ водороднаго газа на воздушный шаръ, дѣйствіемъ, увеличивающимъ, или уменьшающимъ удѣльный, относительный вѣсъ колокола и шара, безъ измѣненія собственной ихъ тяжести. Почему же, спрашиваетъ онъ, духъ посредствомъ животнаго (отъ периспри) и всеміриаго тока не можетъ сдѣлать того же со столомъ, или другимъ матеріальнымъ предметомъ, что вытянутый, или разрѣженный воздухъ дѣлаетъ съ колпакомъ (колпакъ подъ давленіемъ наружнаго воздуха крѣпко пристаетъ къ тому, на чемъ стоитъ, какъ бы непомѣрно тяжелѣетъ) и водородный газъ — съ воздушнымъ шаромъ (шаръ, наполненный газомъ, легчайшимъ воздуха, поднимается вверхъ и летитъ, какъ бы самъ сдѣлавшись гораздо легчайшимъ) (2)? Тотъ же авторъ въ другой книгѣ, объясняя не признаніе спиритизма и не благопріятное отношеніе къ нему большинства, говоритъ о враждебномъ первоначально пріемѣ предубѣжденными и невѣжественными современниками великихъ, и благодѣтельныхъ ученыхъ открытій въ естественномъ мірѣ,

(1) P. II, ch. 1 § 59.
(2) P. II, ch. 4 §§ 79—81.

„судьбою ихъ, объясняетъ настоящую и опредѣляетъ будущую судьбу своего спиритизма“. Невѣріе, насмѣшки и преслѣдованія, — говоритъ, — возбуждали эти открытія въ большинствѣ общества; однако время, болѣе близкое, внимательное и широкое ознакомленіе съ ними и послѣдовавшее приложеніе ихъ блистательно оправдали великихъ изслѣдователей и изобрѣтательныхъ ученыхъ, обнаруживши и разсѣявши въ тоже время слѣпое невѣжество современнаго, не сочувствовавшаго имъ большинства. Нельзя полагать границы природѣ и съ увѣренностію говорить, что она вся вошла въ наше познаніе и сверхъ того не остается ничего въ ней, ничего болѣе не можетъ она представить намъ. Судя о настоящемъ и будущемъ по прошедшему, было бы слишкомъ ошибочно и эгоистично думать, что человѣкъ достигъ своего апогея въ познаніи, и — болѣе чѣмъ не основательно — увѣрять себя и другихъ, что природа раскрыла для насъ послѣднюю страницу своей книги. Неблагоразумно также отрицать что нибудь потому только, что этого мы не видимъ, что это не подходитъ подъ установившіяся и предвзятыя идеи наши, или что это совершенно противно всѣмъ извѣстнымъ доселѣ законамъ природы. Оно можетъ существовать и дѣйствовать по закону не извѣстному, а отрицатели не могутъ имѣть притязанія на знаніе всѣхъ законовъ природы (1)“. Такимъ образомъ авторъ спиритъ относитъ

---

(1) Le livre des esprits, introd. 13—14. Le livr. d. med. p. II, ch. 4. § 78. Гдѣ-то еще спиритское открытіе периспри сравнивается съ открытіемъ Ньютономъ великаго закона тяготѣнія и на ряду съ нимъ поставляется началомъ новой эпохи въ человѣческомъ знаніи. По поводу ожидаемаго признанія спиритскихъ „проявленій и открытій“, въ „сообщеніяхъ изъ міра духовъ спиритизмъ сравнивается съ изобрѣте-

спиритизмъ къ одному роду явленій съ великими научными открытіями въ естественной сферѣ бытія. Но, очевидно, нелѣпо сопоставлять и объединять эти два, совершенно различные предметы, и судьбу и значеніе одного примѣнять къ другому. Было время, когда не признавали первыхъ провозвѣстниковъ новыхъ естественныхъ истинъ, но потому, что не видали, или не понимали, какъ должно, выводовъ и приложеній этихъ истинъ, а самыя доказательства ихъ въ тоже время существовали и были—положительныя, твердыя, очевидныя, не пререкаемыя. Тогда не видѣли, или не понимали, но тогда было что видѣть и понять и чѣмъ убѣдиться. Напрасно вѣрователи и защитники спиритизма представляютъ себѣ нынѣшнихъ оппонентовъ ему съ такимъ же отношеніемъ къ дѣлу, какъ это бывало у оппонентовъ минувшихъ лѣтъ по отношенію къ являвшимся тогда учено-естественнымъ открытіямъ. Теперь не отрицаютъ безъ основанія и безъ достаточнаго изслѣдованія, не отрицаютъ по одному лишь предубѣжденію, или по незнакомой и нежданной новости предмета; теперь не бѣгаютъ доказательствъ, а ищутъ ихъ, что бы они ни доказывали, хотя бы и противное установившимся понятіямъ, и встрѣчаютъ ихъ съ достойнымъ сочувствіемъ и радостью; теперь не допускаютъ и не хотятъ видѣть бездоказательнаго, абсолютнаго догматизма тамъ, гдѣ онъ неумѣстенъ. И непризнаніе спиритизма опредѣляется не какимъ нибудь аномальнымъ отношеніемъ къ нему, но его собственною

ніемъ книгопечатанія, съ открытіемъ силы пара, съ устройствомъ электрическаго телеграфа (Révél. d. mond. I. évor. p. 11, — Morale, — du progrès).

бездоказательностію, очевидною несостоятельностію и ложью. Вообще же между заключеніями и открытіями наблюдательныхъ и опытныхъ естественныхъ наукъ, и между не основанными ни на чемъ, бездоказательными, откуда то съ вѣтра взятыми положеніями спиритизма не только общаго, но и сколько нибудь близкаго нѣтъ и не можетъ быть ничего; и напрасно авторъ-спиритъ думаетъ найти опору себѣ въ такомъ противоестественномъ сопоставленіи тѣхъ и другихъ; притязаніе на какое нибудь уравненіе ихъ слишкомъ легкомысленно и грубо.

Ясно выразилось современное научное вліяніе въ разсужденіи спирита о периспри, какъ принадлежности духа, и другою своею стороною и охарактеризовало спиритизмъ далеко не спиритуальностью. То несомнѣнно, что спириты своимъ спиритизмомъ думаютъ противодѣйствовать грубому матеріализму, отвергающему душу и всякую духовность, какъ не опредѣленное, безформенное, не представимое, по его понятію, и безсодержательное, какъ ничто. Но авторъ-спиритъ и самъ не расположенъ признать духа безъ формы, или образа, доступнаго человѣческому представленію; онъ только не желаетъ отказаться вовсе отъ признанія бытія духовъ. И вотъ, какъ для собственнаго успокоенія, такъ и для расположенія въ пользу бытія духовъ крайнихъ матеріалистовъ, онъ придумалъ для духа форму, образъ, обликъ, очертаніе матеріальнаго свойства, и такимъ образомъ сдѣлалъ уступку чувственнымъ понятіямъ и требованіямъ матеріализма, чтобы предотвратить или ослабить и даже уничтожить совершенное отрицаніе духовныхъ существъ. Но всякая уступка со стороны одного изъ двухъ противныхъ положеній даетъ

перевѣсъ другому, всякое отступленіе въ истинѣ естественно ведетъ ко лжи. Такъ случилось и съ нашимъ авторомъ спиритизма. Въ своемъ разсужденіи о периспри онъ является не то чтобы крайнимъ матеріалистомъ, но и не чистымъ спиритуалистомъ, спиритуалистомъ на столько, на сколько онъ признаетъ бытіе духовъ, но духовъ какихъ то полуматеріальныхъ, или тонко, усовершенствованно матеріальныхъ. „Когда говорятъ, пишетъ спиритъ, что душа не матеріальна, это нужно понимать въ смыслѣ относительномъ, а не безусловномъ, ибо безусловная нематеріальность была бы *ничто* (!), а духъ по необходимости долженъ быть *что нибудь*; этимъ словомъ хотятъ выразить, что составляющее его *вещество* (!) до того совершенно, что не имѣетъ никакого сходства съ тѣмъ, что мы называемъ матеріею; поэтому (или въ этомъ смыслѣ) для насъ духъ нематеріаленъ (¹).“ Можетъ казаться, что здѣсь за исключеніемъ слова *вещество*, которое впрочемъ можетъ быть понимаемо и въ не собственномъ смыслѣ, еще не опредѣленно говорится о существѣ духа, или души, и не высказывается крайности. Отцы и учители Церкви, извѣстно, высказывали также нѣсколько ограничительный взглядъ на духовное существо души и духа. Но они разсуждали о нихъ по сравненію ихъ съ Богомъ, единымъ, чистымъ и совершеннымъ Духомъ, предъ которымъ даже существо ангеловъ ограниченно, грубо и какъ бы тѣлесно *(Іоаннъ Дамаскинъ* въ точномъ изложеніи вѣры); а спиритъ говоритъ вообще о существѣ духа безъ всякаго исключенія, даже для Бога; безусловная *нематеріальность*, по

(¹) par. 1 ch. 4. § 50.

его представленію, непремѣнно—*ничто*. Такъ матеріализованы представленія человѣка, проповѣдующаго, по его мнѣнію, спиритуализмъ, что онъ ни представить, ни допустить ничего не можетъ не матеріальнаго, и по необходимости только утончаетъ и разрѣжаетъ матерію для существа духовъ—произвольно и безгранично, отъ чего впрочемъ она, очевидно, не перестаетъ быть матеріею. Спиритскій периспри — необходимая, существенная принадлежность духа, дающая ему форму и индивидуальность и не позволяющая обратить духа въ ничто и отрицать его, какъ ничто, — этотъ периспри какъ то *полуматеріаленъ*, тонокъ, эѳиренъ, прозраченъ, образуется изъ тончайшихъ элементовъ планеты и въ существѣ дѣла не инаковъ, разумѣется, какъ матеріаленъ. Какъ же теперь эта матеріальная форма дух. относится къ самому существу духа или къ его содержанію? Спиритъ не представляетъ себѣ этого необходимаго вопроса, или намѣренно обходитъ и не хочетъ знать его. Можетъ быть онъ сказалъ бы, что периспри по существу своему иное, чѣмъ духъ, отличенъ отъ него, не тожественъ съ нимъ, но это была бы крайняя нелѣпость. Развѣ духъ что нибудь въ родѣ глины или воска, чтобы онъ получалъ форму отвнѣ, отъ другаго предмета. Глина и воскъ, разъ получивши форму, могутъ сохранять ее сами собою и не нуждаются въ постоянномъ, постороннемъ воздѣйствіи. Вообще нельзя представить, чтобы форма предмета была стороннею, чуждою самому предмету, какому бы то ни было, отличною и особенною отъ него, тѣмъ болѣе—это—по отношенію къ существу духовному. Форма предмета есть видъ, физіономія, состояніе, характеръ предмета, выражаемый имъ самимъ, на себѣ самомъ, и изъ себя

самаго. Значитъ, матеріальная форма духа (периспри) необходимо даетъ понятіе о матеріальности и самаго существа духа. Таковымъ его и представляетъ спиритъ, приписывая духу, какъ мы уже видѣли, *эѳирную натуру* (nature éthérée)—а эѳиръ—конечно тѣло и матерія. Другой авторъ-спиритъ, говоря, что все существующее образовано и образуется изъ молекулъ, т. е. частицъ, атомовъ (разумѣется также не чего нибудь другаго, а именно матеріи, потому что только матеріи свойственны частицы, или атомы), по различію рода существъ дѣлитъ ихъ на молекулы грубо-матеріальныя, жидкостныя, или *токовыя* (fluidiques) и *духовныя* (spirituelles) (¹). Значитъ, и духи образованы изъ атомовъ, только утонченныхъ, высоко-развитыхъ, весьма различныхъ не только отъ обыкновенныхъ матеріальныхъ, но и отъ молекулъ fluidiques (²); отъ того они, по видимому, не имѣютъ ничего общаго съ нашею матеріею, но въ существѣ дѣла представляютъ олицетворенною туже матерію—въ ея высокой, послѣдней степени развитія и совершенства. Такимъ образомъ мнимый, самозванный спиритизмъ (или спиритуализмъ) значительно матеріализируетъ; неправда грубо лжетъ себѣ самой; и это служитъ однимъ изъ характеристическихъ свидѣтельствъ о спиритизмѣ и однимъ изъ самыхъ сильныхъ и обличительныхъ доводовъ противъ спиритовъ и спиритизма. Что же касается до отношенія всего этого къ фактамъ мнимыхъ духопроявленій, то надѣлять ду-

---

(¹) Revelations du monde des esprits... par J. Roze médium; ser. 1-ére communications sur l'astronomie, les sciences, par l'esprit d'Arago.

(²) Конечно изъ такихъ или подобныхъ, какіе древне-греческіе философы называли огненными, эѳирными, для показанія высокой степени превосходства ихъ и тонкости предъ грубою, обыкновенною матеріею.

ховъ матеріальными свойствами и принадлежностями для доказательства и объясненія возможности съ ихъ стороны дѣйствовать на матерію, болѣе чѣмъ грубо и для цѣли безуспѣшно. Если что въ какой бы то ни было степени матеріально, то это уже—не духъ. *Полуматеріальнаго*, средняго между духомъ и матеріею, въ существѣ дѣла нѣтъ; это также матерія, хотя и утонченная.

Чтобы духи могли имѣть такое участіе къ людямъ, какое представляется спиритизмомъ, могли сохранять въ такой степени мірскіе, человѣческіе интересы и имѣть такой легкій доступъ въ этотъ міръ — къ людямъ и дѣламъ ихъ, свободно и скоро являться по вызову ихъ,—для всего этого необходимы другія условія бытія душъ по разлученіи ихъ съ тѣлами, чѣмъ какъ открыто это въ свящ. Писаніи и какъ всегда учила и учитъ объ этомъ Православная Церковь. Нужно, чтобы не было для душъ рѣшительнаго разрыва съ міромъ, окончательнаго удаленія изъ него; нужно, чтобы оставалась у нихъ близкая связь съ нимъ и стремленіе къ нему; нужно наконецъ, чтобы не было для нихъ одного опредѣленнаго мѣста въ селеніяхъ небесныхъ или адовыхъ. Согласно съ этими требованіями спириты признаютъ и проповѣдуютъ *перевоплощенія*, или *пересуществованія* духовъ (повтореніе воплощеній или множественность тѣлесныхъ существованій—reincarnations, peréxistences, pluralité des éxistences), вмѣстѣ разумѣется и предсуществованіе ихъ (preéxistence). Это спиритское основаніе духопроявленій и сообщеній составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ главныхъ и крайне безосновательныхъ заблужденій спиритизма и утверждается на самыхъ дѣтскихъ, наивныхъ представленіяхъ. Вотъ эти

курьёзныя представленія, взятыя спиритомъ a contrario и изложенныя въ вопросной формѣ. Если нѣтъ перевоплощеній и предсуществованія духовъ, если не повторяются тѣлесныя существованія, въ такомъ случаѣ:

Почему души (воплощенные духи) высказываютъ способности столь различныя и не зависимыя отъ идей, пріобрѣтаемыхъ воспитаніемъ?

Откуда у дѣтей, въ самомъ первомъ возрастѣ ихъ, являются не обыкновенныя способности къ той или другой отрасли знанія, тогда какъ другія остаются не развитыми цѣлую жизнь?

Откуда являются у нѣкоторыхъ людей преждевременные инстинкты къ добру или порокамъ, врожденныя чувства достоинства, или низости, противорѣчащія средѣ, въ которой они родились?

Почему нѣкоторые, не зависимо отъ воспитанія, болѣе развиты, чѣмъ другіе?

Почему есть люди дикіе и образованные? Если вы возмете ребенка Готтентота отъ кормилицы и если его воспитаете въ наилучшихъ лицеяхъ нашихъ, сдѣлаете-ли вы его когда нибудь Лапласомъ или Ньютономъ?

Души или не равны, или равны. Если есть одно существованіе и оно должно рѣшить нашу будущность, какое будетъ въ ней сравнительное положеніе дикаря и образованнаго? будутъ-ли они уравнены или различены въ блаженствѣ?

Также трудящійся надъ улучшеніемъ себя и не дѣлающій этаго не по своей винѣ, а по недостатку просвѣщенія, какъ будутъ они судимы? Будутъ-ли послѣдніе осуждены, какъ отверженные, или осудятся непросвѣтившіе ихъ, или же ни тѣ, ни другіе?

Какая наконецъ будетъ участь дѣтей? Если блажен-

ство, то за что? Если—осужденіе,—за что опять? и по какому преимуществу они избавлены отъ скорбей настоящей жизни? (¹)

Поступательный законъ природы, какъ въ цѣломъ, такъ и относительно всѣхъ родовъ и видовъ существъ и предметовъ, не дѣлаетъ-ли весьма логичнымъ и естественнымъ признаніе такаго-же хода въ жизни духовъ и людей (духовъ въ тѣлесныхъ воплощеніяхъ) (²)?

Достаточно, кажется, было только привести эти вопросы въ пользу повторяемости или множественности воплощеній, что бы безъ особаго разбора видѣть всю крайнюю слабость и наивность ихъ, и легкомысліе и поверхность взгляда автора ихъ. Нѣтъ ни малѣйшей необходимости придумывать для душъ длинный рядъ повторяющихся тѣлесныхъ существованій, чтобы удовлетворительно рѣшить представляемыя спиритомъ, зрѣло не обдуманныя возраженія. Не говоря уже о томъ, что большая часть ихъ преувеличена и неправильно поставлена,—всѣ они удобно и достаточно разрѣшаются на другихъ, давно извѣстныхъ и безспорныхъ основаніяхъ. Возраженія по поводу неодинаковыхъ, какъ бы прирожденныхъ, или прежде присущихъ способностей и расположеній, проявляющихся у нѣкоторыхъ людей съ ран-

(¹) При предположеніи, что люди будутъ имѣть другое *тѣлесное* существованіе, предполагается также, что всѣ эти неравенства въ положеніи ихъ и трудности въ судѣ надъ ними мало по малу уравняются и уничтожатся.

(²) „Книга медіумовъ", гл. „о повторительности тѣлесныхъ существованій;" Le liv d. esp. liv II. ch. IV.—Pluralité des existences; „Изложеніе догматовъ" гл. о томъ же. Есть еще одно представленіе спиритовъ въ пользу повторяемости тѣлесныхъ существованій, сродное впрочемъ приведеннымъ здѣсь, только болѣе общее. Съ нимъ мы встрѣтимся послѣ, при разборѣ си темы спиритскаго ученія.

няго возраста, удерживающихся и развивающихся будто помимо всякаго вліянія воспитанія, среды и окружающихъ обстоятельствъ, показываютъ, что авторъ-спиритъ представляетъ душу, при ея вхожденіи въ тѣло и въ первое время пребыванія въ немъ, чѣмъ-то въ родѣ совершенно пустаго, не писаннаго листа, какою-то tabula rasa, безъ всякаго внутренняго, духовнаго содержанія, безъ всякихъ задатковъ, имѣющихъ развиться умственныхъ и нравственныхъ способностей и наклонностей. Если душа въ первый разъ (разумѣя—и на одинъ разъ) входитъ въ тѣло, тѣмъ болѣе если признавать ее при этомъ существомъ опредѣленнымъ, индивидуальнымъ, личнымъ (какъ авторъ спиритъ и долженъ признавать) и еще существовавшимъ нѣсколько времени раньше воплощенія (что также, только произвольно, принимается въ спиритизмѣ), то ужели она при этомъ не имѣетъ никакаго, сколько нибудь опредѣленнаго содержанія, никакихъ свойствъ (по крайней мѣрѣ зачатковъ ихъ) духовнаго, значитъ разумно-нравственнаго существа. ни какаго подобія характера, или качества, и есть какое-то „обсолютное ничто“ въ умственномъ и нравственномъ, т. е. собственно въ духовномъ отношеніи? представлять такъ, значитъ принимать за существо совершенное *ничто* (употребляя выраженіе самаго-же автора-спирита,—у него впрочемъ несправедливое—относительно представленія духа безъ внѣшней, тѣлесной формы, или очертанія), — значитъ высказывать логическую не возможность и не естественность, словомъ—нелѣпость. Кромѣ того спиритъ въ своихъ не обдуманныхъ представленіяхъ опускаетъ изъ вниманія дознанное наблюденіемъ и наукою вліяніе на образованіе и характеръ младенца не только со стороны родителей, но иногда и до-

вольно не близкихъ предковъ; также слишкомъ легко обращается съ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ и воздѣйствій и произвольно устраняетъ ихъ изъ вида. Окружающія вліянія могутъ быть не всегда замѣтны и чувствительны для глазъ, но тѣмъ не менѣе дѣйственны, могутъ проходить скрытными, сложными и извилистыми путями, и такимъ образомъ производить соотвѣтственный себѣ и нежданный результатъ; прежде чѣмъ съ рѣшительностію отвергать участіе ихъ въ данномъ случаѣ, нужно напередъ имѣть много глубокаго, неопустительнаго вниманія, строгаго и отчетливаго наблюденія и зрѣлаго обсужденія всевозможныхъ обстоятельстъ, могущихъ имѣть какое либо соприкосновеніе съ наблюдаемымъ и изучаемымъ субъектомъ. А спиритъ Кардекъ, какъ очевидно явствуетъ изъ его приведенныхъ представленій, не даетъ даже и надлежащей постановки вопросу о вліяніяхъ на образованіе человѣка и на проявленіе эксцентричности и уклоненій въ характерѣ, способностяхъ и расположеніяхъ у нѣкоторыхъ людей, — вопросу дѣйствительно многосложному и трудному, но при соблюденіи надлежащихъ правилъ и условій рѣшенія, при достаточномъ вниманіи къ возможнымъ причинамъ и вліяніямъ, почти всегда, удоборазрѣшимому путемъ естественнымъ, безъ необходимости прибѣгать къ заоблачнымъ средствамъ и перемѣнять ходъ жизни души человѣческой. Спириту какъ будто рѣшительно неизвѣстны соображенія и заключенія наблюдательной науки о человѣкѣ, опредѣляющія сумму и виды причинъ, вліяющихъ на образованіе характера, способностей и наклонностей человѣка; оттого онъ и представляетъ дѣло такъ поверхностно, близоруко, легкомысленно. Ему бы со вниманіемъ и разсужденіемъ дознать прежде положе-

ніе въ наукѣ разсматриваемаго вопроса, и тогда можетъ быть не оказалось бы надобности прибѣгать къ умноженію тѣлесныхъ существованій души и обрекать ее на длинный, ни откуда невидный, ни чѣмъ не доказываемый и не оправдываемый рядъ странствованій и перевоплощеній.

Представленныя защитникомъ перевоплощеній трудности и даже какъ будто не возможность, при единствѣ тѣлеснаго существованія, справедливаго суда и опредѣленія будущей вѣчной участи относительно неповиннаго невѣжды и просвѣщеннаго, случайной жертвы обстоятельствъ и сознательнаго грѣшника, людей дикихъ и образованныхъ, взрослыхъ и дѣтей, также ничтожны и странны, кромѣ того грубо невѣжественны относительно Богопознанія и только въ мало просвѣщенной головѣ могли породить требованіе множественности тѣлесныхъ существованій, для устраненія мнимыхъ, будто бы неизбѣжныхъ и никакъ неразрѣшимыхъ препятствій. Дѣло въ томъ, что спиритъ крайне недостойно представляетъ премудрое и святое Божіе провосудіе, которое будто, безъ измѣны себѣ и безъ нарушенія справедливости по отношенію къ судимымъ, не въ состояніи возвыситься и проявиться надъ представленными какимъ нибудь ограниченнымъ и религіозно-непросвѣщеннымъ спиритамъ, препятствіями. И человѣкъ здравомысленный въ состояніи сказать сколько нибудь правый судъ объ указанныхъ *неравныхъ* людахъ и сколько нибудь близко опредѣлить относительное достоинство ихъ; а легкомысленный спиритъ не хочетъ, кажется, и самому Богу приписать премудрости и правды больше разсудительности просто-человѣческой. Кромѣ того развѣ при множественности тѣлесныхъ существованій

не могутъ повторяться обстоятельства, производящія нравственное не равенство въ людяхъ и относительное не равенство вмѣняемости имъ нравственнаго ихъ состоянія, и такимъ образомъ представлять тѣже роковыя для спирита, но не для Бога, препятствія къ правому суду надъ ними и воздаянію имъ? Наконецъ поступательный законъ въ физической природѣ, на который также указываетъ защитникъ перевоплощеній, вовсе не обязываетъ предполагать необходимости, существованія такого же закона и относительно предѣловъ или хода бытія существъ духовныхъ въ тѣлесныхъ воплощеніяхъ. Такъ легкомысленны, фальшивы и невѣжественны спиритскія представленія въ пользу множественности тѣлесныхъ существованій души-этаго непремѣннаго условія, при которомъ единственно и мыслимы только мнимыя проявленія духовъ въ спиритскомъ смыслѣ; такъ какъ только при этой множественности или повторяемости воплощеній (съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками между ними) оставалась бы близкая, предполагаемая въ спиритизмѣ связь отшедшихъ душъ съ здѣшнимъ міромъ и людьми, сохранялись бы въ нихъ земные, человѣческіе интересы и расположенія, и былъ бы возможенъ для нихъ свободный доступъ въ міръ и къ людямъ, потому что въ этомъ только случаѣ души по смерти пребывали бы внѣ опредѣленнаго мѣста или состоянія, въ которомъ они ожидаютъ своей рѣшительной, но уже заранѣе опредѣляющейся участи (Лук. XVI, 26) (1).

---

(1) Мнѣніе о переселеніи душъ, какъ извѣстно, существовало въ древности и еще продолжаетъ существовать и нынѣ въ грубыхъ представленіяхъ извѣстныхъ восточныхъ народовъ, въ болѣе только грубыхъ формахъ, чѣмъ какъ оно принимается въ спиритизмѣ. Впрочемъ и въ

Мы видѣли. что ни факты спиритскіе сами по себѣ, ни мнимо научное обоснованіе и объясненіе ихъ представленною Кардекомъ теоріей далеко не даютъ имъ значенія духо сообщеній, а совершенно напротивъ, и такимъ образомъ лишаютъ спиритизмъ права указывать въ нихъ выраженіе и свидѣтельство своей связи будто бы съ духами,

---

этомъ послѣднемъ въ разныхъ редакціяхъ духосообщеній оно представляется не одинаково. По Кардеку, духи воплощаются въ тѣла исключительно человѣческія, а по медіуму Roze, духи совершаютъ свою миссію въ тѣлахъ, начиная съ самыхъ низшихъ тѣлъ минеральнаго царства и постепенно одушевляютъ за тѣмъ все царство растительное и все царство животное, кончая человѣкомъ, въ тѣлѣ котораго проходятъ то же неопредѣленное, но очень большое число воплощеній (Révélations du monde des espr. ser. 1. De l' action de l'esprit dans la création"). Спириты вѣрованіе древнихъ обращаютъ въ свою пользу, воображая въ немъ выраженіе еще болѣе древняго знанія и изначальнаго преданія о множественности тѣлесныхъ воплощеній духовъ. Но нѣтъ и слѣдовъ этаго вѣрованія въ преданіи и писаніи Еврейскаго народа, преимущественную чистоту содержанія которыхъ признаютъ даже раціоналисты и которыми по справедливости должна быть оцѣниваема чистота представленій и вѣрованій другихъ народовъ древности (язычниковъ). И не странно ли спиритамъ въ настоящее время искать себѣ основанія въ басняхъ и заблужденіяхъ древняго грубаго невѣжества.?—Не свободные отъ суевѣрій массы, воспринимавшихся такъ сказать съ молокомъ матери, нѣкоторые мыслители древности, какъ дѣти народа, воспитанные въ его общихъ вѣрованіяхъ, принимая вѣру въ переселеніе и предсуществованіе душъ, представляли и соединеніе душъ съ тѣлами также сходно съ нынѣшними спиритами. У нихъ былъ тотъ же периспри, только не подъ этимъ названіемъ. „Сначала, думалъ новоплатоникъ Ямвлихъ,—созданные Богомъ души всѣ были равны между собою и размѣщены по разнымъ небеснымъ тѣламъ; но, оставивъ лучшую жизнь, они низпадаютъ на землю и здѣсь теряютъ свое равенство въ слѣдствіе неодинаковаго употребленія своихъ способностей. Звѣномъ, соединяющимъ душу съ земнымъ тѣломъ служитъ *тонкое еѳирное тѣло души, одаренное неразумными силами*" (Хр. Чт. 1861 г. ч. 1. стр. 61), по мнѣнію спиритовъ и это, конечно, должно служить въ ихъ пользу, подтверждать дѣйствительность ихъ периспри; но такимъ образомъ и всѣ заблужденія и нелѣпости древнихъ съ совершенно равнымъ правомъ и основаніемъ могли бы быть принимаемы за дѣйствительныя выраженія и свидѣтельства истины? Почему же отдавать предпочтеніе только тѣмъ изъ нихъ, которые взяты спиритами въ ихъ кодексъ мечтаній?

своего мнимаго происхожденія отъ нихъ, и отнимаютъ у спиритовъ единственное ихъ основаніе выдавать свое ученіе за духосообщенное, и потому будто бы истинное, благотворное и обязательное. Со стороны историчестой твердости и достовѣрности факты мнимыхъ духосообщеній также обличаютъ спиритовъ и спиритизмъ— не въ томъ смыслѣ, чтобы ихъ вовсе не было, а въ томъ, что какъ они происходили и развивались по представленію спиритовъ, этаго рѣшительно не достаточно для свидѣтельства о *духосообщенности* спиритизма и для увѣренія въ извѣстномъ отношеніи духовъ къ спиритамъ и въ дѣйствіи ихъ въ области спиритизма. Если бы спиритскія духосообщенія были дѣйствительны, то они были бы необыкновенны; если бы притязаніе спиритизма было справедливо и истинно, то онъ имѣлъ бы характеръ религіознаго сообщенія, имѣлъбы широкое, *мессіанское* назначеніе преобразовать религію (или сообщить новую) и просвѣтить людей познаніемъ по благоволенію Божію (какъ это легкомысленно и дерзко присвоиваетъ себѣ спиритизмъ). Но какъ такія притязанія спиритизма—не болѣе, какъ безумое хищеніе съ его стороны, то и историческій характеръ появленія и развитія мнимыхъ духосообщеній ни мало не соотвѣтствуетъ и рѣзко противорѣчитъ этимъ притязаніямъ. Появленія спиритзма обставлено такъ, какъ не должно и не можетъ быть это по отношенію къ дѣйствительно-религіозному сообщенію, даруемому по волѣ Бога и долженствующему имѣть широкое, общечеловѣческое значеніе. Спириты пишутъ и говорятъ о фактахъ проявленій духовъ во множествѣ; но факты эти не имѣютъ исторической обстановки, строго историческаго характера, а потому и безспорной достовѣрности; они не

засвидѣтельствованы, не утверждены достаточно; извѣстность ихъ ограничивается по большей части тѣсными кружками лицъ, видѣвшихъ или испытавшихъ ихъ, часто только однимъ лицомъ, передающимъ письменно (въ спиритскихъ книгахъ) испытанный будто бы случай, или по большей мѣрѣ—свидѣтельствомъ публики, бывшей въ отношеніи къ нимъ, какъ бы къ театральнымъ представленіямъ; потому факты эти (въ томъ видѣ, въ какомъ представляются они въ спиритизмѣ), не зависимо отъ того или другаго взгляда на нихъ и отношенія къ нимъ, сами въ себѣ далеко не не сомнѣнны. Въ „книгѣ медіумовъ“ и другихъ внушительно говорится, что фактовъ были тысячи во всѣхъ частяхъ свѣта, что они безспорны, потому что переданы и засвидѣтельствованы многими свидѣтелями (по большей части самыми же спиритами) искренними и добросовѣстными (искренность и добросовѣстность не исключаютъ возможности обмана, или заблужденія); но кромѣ такого напоминанія почти вовсе не приводится фактовъ въ ихъ исторической, дѣйствительной опредѣленности и цѣлости, т. е. не разсказываются факты съ обстоятельностію; если же и приводятся они въ такомъ видѣ (большею частію въ „Revue spirite“), то единственно по свидѣтельству о ихъ дѣйствительности и подлинности не многихъ лицъ, гораздо чаще одного лица, передающаго тотъ или другой, бывшій будто бы съ нимъ или съ другимъ кѣмъ, фактъ (1). Развитіе формъ сообще-

(1). Въ „Книгѣ Медіумовъ“ въ образецъ безспорныхъ, исключающихъ всякія подозрѣнія фактовъ приводится слѣдующій, на самомъ дѣлѣ довольно подозрительный, фактъ (такъ какъ дѣло касалось денежнаго интереса): на одномъ кораблѣ французскаго флота въ Китайскомъ морѣ лица, принадлежавшія къ экипажу, усердно занимаясь стологанданіемъ и предполагая здѣсь дѣйствія духовъ, вздумали обратиться къ духу умер-

ній съ духами или переходъ отъ одного способа полученія духо-сообщеній къ другому, вмѣстѣ съ тѣмъ появленіе и усиленіе увѣренности, въ связи съ извѣстными феноменами, что въ нихъ дѣйствуютъ духи, все это представляется спиритами также неопредѣленно, отрѣшенно отъ какихъ нибудь опредѣленныхъ фактовъ. Говорятъ напр., спириты: „замѣтили, или пришли къ заключенію, что въ феноменахъ такого-то рода дѣйствуетъ невидимая, разумная, посторонняя сила (духовъ)“, потомъ „нашли, что такой-то, прежній способъ сообщеній съ духами излишне-сложенъ и затруднителенъ, медленъ и мало удобенъ, и что онъ легко можетъ быть замѣненъ другимъ—простѣйшимъ и гораздо болѣе удобнымъ“ и, замѣняли первый способъ послѣднимъ. Очевидно, здѣсь невозможно отличить вліяніе, или внушеніе духовъ отъ собственныхъ представленій и изобрѣтательности самыхъ спиритовъ. Изъ всего этаго слѣдуетъ то простое и слишкомъ ясное заключеніе, что духи—мнимые наставники и просвѣтители заявили дѣй-

шаго ихъ капитана и спросить его—не имѣетъ ли онъ чего сказать имъ? Посредствомъ стуковъ ножкою стола полученъ былъ отвѣтъ такаго содержанія: умершій капитанъ остался должнымъ такую-то сумму лейтенанту корабля, и теперь онъ проситъ бывшихъ своихъ сослуживцевъ и подначальныхъ — не сдѣлаютъ-ли они сбора для уплаты долга лейтенанту. Просьба капитанова духа была исполнена съ благоговѣйнымъ усердіемъ (ч. 2, гл. 2 или 3). Лейтенантъ, кредиторъ умершаго капитана, присутствовалъ здѣсь же и, конечно, принималъ участіе въ дѣлѣ; что удивительнаго, если онъ вздумалъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ для возвращенія собственныхъ денегъ, унесенныхъ капитаномъ въ могилу? Хитрость удалась, и онъ не открылъ разумѣется своей хитрости, чтобы удержать за собою полученныя деньги. Сослуживцы его въ простотѣ увлеченныхъ сердецъ остались безъ всякаго подозрѣнія, а извѣстный авторъ спиритизма, свѣдавшій объ этомъ казусѣ, выставляетъ его въ примѣръ безукоризненности и несомнѣнности спиритскихъ фактовъ духопроявленій.

ствительность своей религіозно-реформаторской миссіи и свое участіе въ спиритскихъ феноменахъ весьма не безспорно и далеко не убѣдительно. Если бы спиритскіе факты были дѣйствительно духопроявленія и если бы они были дѣломъ промысла Божія о людяхъ, то Промыслъ не попустилъ бы фактической сторонѣ спиритизма, на которой собственно и можетъ утверждаться все его значеніе, быть такъ неопредѣленною и до крайности сомнительною. Христіанство, какъ Богодарованное, благодатное средство для спасенія людей (позволяемъ себѣ сопоставленіе христіанства и спиритизма, такъ какъ послѣдній самъ дерзко ставитъ себя наряду съ нимъ и даже выше его), христіанство было предвозвѣщено Самимъ Богомъ еще въ самые первые дни бытія человѣка и его религіознаго отношенія къ Богу (Быт. 3, 15). За тѣмъ въ продолженіе долгихъ періодовъ времени, изъ тысячъ лѣтъ, Богъ постоянно напоминалъ о немъ и приготовлялъ людей (главнымъ образомъ избранныхъ — евреевъ) къ принятію его то собственными явленіями и обѣтованіями патріархамъ, то разными прообразами, то наконецъ пророчествами, предъизображеніями и опредѣленными указаніями въ писаніяхъ в. завѣта, всѣмъ закономъ, равно и всею судьбою еврейскаго народа. Предъ временемъ появленія христіанства не только іудейство, но и язычество имѣло и чувствовало настоятельную нужду въ немъ и было готово къ принятію его. Божественное происхожденіе и значеніе христіанства, при самомъ появленіи его, было запечатлѣно и утверждено непререкаемыми свидѣтельствами изъ жизни Небеснаго Основателя его и изъ исторіи его первоначальнаго распространенія и утвержденія, свидѣтельствами многими, открытыми и

неотразимыми, подлинность и величіе которыхъ признаны даже самыми врагами христіанства. Такъ явно определенны и тверды историческія данныя, опредѣлившія дѣйствительное значеніе христіанства и утвержденіе его въ мірѣ. Но спиритизмъ не имѣетъ за себя ничего подобнаго.

Исторія первоначальнаго развитія мнимыхъ духопроявленій и утвержденія вѣры въ нихъ неопредѣленна, безлична и, конечно, боится свѣта; потому что ея собственно говоря, нѣтъ и у самихъ спиритовъ, и они (какъ это знаетъ пишущій по опыту) избѣгаютъ говорить съ опредѣленностію о началѣ своего спиритизма и неохотно встрѣчаютъ вопросы въ этомъ отношеніи. Разумѣется, неудобно и непрактично для нихъ отвѣчать на эти вопросы съ точною обстоятельностію. Можно разсказать частный, какой угодно фактъ, случившійся гдѣ нибудь, можно разсказывать много такихъ фактовъ, бывавшихъ положимъ порознь въ разныхъ мѣстахъ и прошедшихъ незамѣченными; но составить цѣлую связную исторію первоначальныхъ фактовъ съ точно опредѣленнымъ указаніемъ мѣстъ, времени и лицъ, долженствующихъ придти въ извѣстность, и со всею обстановкою и послѣдствіями ихъ—это уже другое дѣло, и можетъ быть весьма неуспѣшно для спиритовъ и не полезно спиритизму. И конечно по тому же чувству предосторожности и по наблюденію своихъ интересовъ, спириты не производятъ уже въ настоящее время опытовъ духопроявленій, выражавшихся прежде въ извѣстныхъ феноменахъ со столами и подобнымъ образомъ (довольствуясь непосредственнымъ писаніемъ медіума подъ вліяніемъ будто бы духа),— не производятъ даже и для убѣжденія новообращае-

мыхъ къ спиритизму, предпочитая въ этомъ дѣлѣ убѣжденіе книжное, т. е. (теорію, разныя разсужденія и прежде записанные факты) (¹). Когда говорятъ спириты, что „факты главнымъ образомъ составляютъ истинный критерій сужденій о спиритизмѣ и доказательства въ его пользу, исключающія всякія возраженія", то очевидно разсчитываютъ на факты, только существующіе въ книгахъ и объясненные тамъ возможно-благопріятнымъ для спиритизма образомъ. И только имѣя въ виду эти объясненные и подкрѣпленные теоріей книжные факты, позволяютъ себѣ говорить спириты, не боясь противурѣчія, что „апріорныя утвержденія,

(¹) „Думаютъ, пишетъ спиритъ, что для убѣжденія достаточно показать факты, это и дѣйствительно кажется болѣе логичнымъ; а между тѣмъ опытность показываетъ, что этотъ путь не всегда лучшій... Мы по опыту утверждаемъ, что самая лучшая метода спиритскаго преподаванія состоитъ въ томъ, чтобъ относиться къ разсудку прежде, чѣмъ къ зрѣнію... и всегда начинать съ теоріи. Тамъ всѣ феномены показаны, объяснены, и можно дать себѣ отчетъ въ нихъ, понять ихъ возможность. Съ того времени, какъ мы занимаемся спиритизмомъ, сколько лицъ остались равнодушными и невѣрующими въ присутствіи фактовъ весьма очевидныхъ, и сколькіе убѣдились, не видя ничего, но единственно потому только, что они читали, или слышали факты и объясненіе ихъ и поняли" (Le liv. d. med. p. 1. ch. 3 §§ 19 и 31). „Мы всегда замѣчали, что тѣ, которые вѣрятъ, не видавши, потому только что читали и поняли, тѣ далеки отъ того, чтобы быть суевѣрными; напротивъ они больше размышляютъ. Они обращаютъ вниманіе больше на *сущность*, чѣмъ на *форму* (?!), для нихъ философская часть составляетъ главное; они говорятъ себѣ, что если бы феномены и не существовали, то не менѣе того все же остается философія, которая одна только разрѣшаетъ задачи, остававшіяся до этого времени не разрѣшимыми, даетъ самую правильную теорію о прошедшемъ и будущемъ человѣка. Кто размышляетъ, тотъ очевидно хорошо понимаетъ, что можно откинуть проявленія духовъ, но тѣмъ не менѣе сущность самаго ученія остается таже... Прежде, чѣмъ слышали что нибудь о проявленіяхъ духовъ, множество особъ имѣли внутреннее чувство объ этой наукѣ, которая дала только форму или цѣлое ихъ идеямъ" (ibid.). Это весьма характеристично для понятія о спиритахъ и объ образованіи спиритизма

или отрицанія въ дѣлѣ явленій и фактовъ ни мало не убѣдительны и ничего не могутъ доказать съ вѣроятностію“ (1).

IV.

Доселѣ рѣчь шла о несоотвѣтствіи спиритскихъ феноменовъ присвояемому имъ значенію; но не было слова о дѣйствительности ихъ. Отвергать ее, разумѣется, нельзя; приписывать феномены исключительно, или главнымъ образомъ шарлатанству и намѣренному обману, придавать имъ характеръ фокусовъ — тоже несправедливо; могло быть, что феномены производились и наблюдались съ недоразумѣніемъ и съ суевѣріемъ— относительно участія въ нихъ посторонней, невидимой, разумной силы духовъ. Мы считаемъ себя вправѣ только ограничить нѣсколько широту или объемъ феноменовъ противъ того, какъ они представляются спиритами-авторами въ ихъ книжныхъ произведеніяхъ.

Въ прошломъ десятилѣтіи (1853—1857), когда столодвиженіе, или столгаданье было въ большомъ ходу, оно объяснялось токомъ, дѣйствующимъ въ извѣстномъ направленіи чрезъ цѣпь рукъ, лежащихъ на столѣ, и — токомъ въ противоположномъ направленіи, дѣйствующимъ въ столѣ. Чрезъ 15 — 30 минутъ наблюдатели слышали какое то трещанье въ столѣ, происходящее, по ихъ объясненію, отъ медленнаго перехода тока изъ рукъ въ худо-проводящія его волокна дерева. За тѣмъ столъ потрясался и сначала дѣлалъ нѣкоторыя неправильныя движенія, а потомъ начи-

(1) Le liv. d. esp. introd. 13—14.

налъ почти описывать кругъ. Токъ этотъ (fluide) называли электрическимъ, магнетическимъ, теплороднымъ, жизненнымъ (vital) [1]. Нѣсколько иначе и проще можно представлять дѣло такъ, что напряженное, любопытное ожиданіе, продолжительное и утомительное держанье рукъ въ одномъ, не совсѣмъ удобномъ положеніи, и происходящее вслѣдствіе того нервное колебаніе ихъ можетъ производить въ пальцахъ, лежащихъ на удободвижимомъ предметѣ, достаточное сотрясеніе, чтобы дать движеніе ему. При этомъ нужно замѣтить, что столъ (по крайней мѣрѣ не большой, столикъ-guеridon о трехъ ножкахъ) дѣйствительно довольно легко приходитъ въ движеніе подъ руками двухъ, даже одного лица, но не всякаго, и не одинаково легко и скоро подъ руками разныхъ лицъ, довольно замѣтно различающихся между собою нѣкоторыми особенностями органическими (темпераментомъ) и психическими предрасположеніями, что явно указываетъ въ этихъ именно особенностяхъ естественную причину движенія стола. Столикъ при движеніи чертитъ вставленнымъ въ него карандашемъ какія нибудь безпорядочныя линіи; что удивительнаго, если онъ выведетъ каракулю, которую услужливое и предрасположенное воображеніе, дополнивши не достающее, или исправивши неправильное въ ней, можетъ принять, напр. за букву и за тѣмъ точно также снисходительно найдетъ что нибудь похожее на ломаную или растянутую другую букву и т. д., а прибавить, или подразумѣвать ничего не стоитъ; и такимъ образомъ на первый разъ получится не полное, усѣченное подобіе слова. Лица, съ суевѣрно-настроеннымъ воображе-

---

[1] Agénor de Gasparin, въ сочиненіи: Des tables tournantes, du surnaturel des esprits,—Paris 1854.

ніемъ, съ лихорадочнымъ трепетомъ смотрятъ на свое собственное, неподозрѣваемое сочиненіе, по значенію вообраэкенныхъ въ слово каракуль предполагаютъ помимо себя постороннюю, разумную пишущую силу духа и довѣрчиво предаются обаянію собственнаго возбужденнаго суевѣрія. А тутъ находится какой нибудь не суевѣрный, но хитрый, или шутливый искусникъ, который, пользуясь такимъ положеніемъ дѣла, для того ли, чтобы только подурачить легковѣрныхъ суевѣровъ, или съ болѣе расчетливою, заднею мыслію, прилагаетъ къ движенью стола собственное руководство и направленіе, и прежде безпорядочныя линіи постепенно получаютъ болѣе и болѣе опредѣленный видъ буквъ, составляющихъ какое нибудь слово,—отвѣты получаются отчетливѣе, полнѣе, опредѣленнѣе, суевѣрное мнѣніе о дѣйствованіи и сообщеніи здѣсь духа питается и усиливается (1).

1. Есть еще другая теорія въ объясненіе того же явленія. Она допускаетъ (и довольно правдоподобно), что карандашъ при движеніи столика можетъ выписывать буквы и слова и безъ чьего нибудь намѣреннаго руко-

(1) Что искуство легкаго и неулпчимаго письма посредствомъ движенія столика успѣшно пріобрѣтается намѣреннымъ упражненіемъ и навыкомъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ, бывшій на одномъ спиритскомъ сеансѣ. На немъ одинъ не спиритъ въ очію уличилъ двухъ упражнявшихся въ письмѣ, признанныхъ служителей спиритизма. Замѣтивъ имъ, что карандашъ худо писалъ у нихъ потому, что одинъ изъ нихъ мѣшалъ другому, не умѣя чертить буквъ на оборотъ, онъ съ самоувѣренностію занялъ ихъ мѣсто и, не обнаруживъ съ своей стороны видимаго усилія въ письмѣ, написалъ такъ четко и красиво, что позавидовалъ бы такому письму любой каллиграфъ; само собою разумѣется, что и столъ при этомъ былъ въ движеніи совершенно такомъ же, какое было подъ руками спиритовъ и вмѣстѣ подъ мнимымъ вліяніемъ духа (Histoire.., p. Figuier chap. XVII, 325—326).

водства, или управленія столикомъ, хотя тоже естественно. Мысль объ ожидаемомъ движеніи стола и о написаніи при этомъ какихъ нибудь словъ, всецѣло занимая въ данное время напряженное вниманіе извѣстнаго лица (каковыя лица спириты называютъ медіумами), можетъ независимо отъ сознанія дѣйствовать на нервы и оконечности его пальцевъ, которые, сообщая движеніе столику, будутъ незамѣтно управлять имъ такъ, что напишется именно то, что думалъ, чего желалъ, ожидалъ, или опасался этотъ человѣкъ, словомъ, чѣмъ было занято его напряженное вниманіе и ожиданіе въ это время. Вообще говоря, на вопросъ—не то ли, не такъ ли, не тогда ли и т. п., всегда можетъ быть отвѣтъ: то, такъ, тогда, или на оборотъ, смотря потому, въ какую сторону склонна собственная мысль не намѣреннаго и безсознательнаго виновника отвѣта. Очевидно, эта теорія *рефлекса мысли* можетъ служить восполненіемъ первой, или другими словами—и та и другая теорія могутъ оправдываться дѣйствительностію (всего вѣроятнѣе) вмѣстѣ, въ одинъ разъ, въ одномъ дѣйствіи или случаѣ [1].

Фигье, по изслѣдованіямъ другихъ ученыхъ, опредѣляетъ причину спиритскихъ феноменовъ нѣсколько ина-

---

[1] Несознательнымъ дѣйствіемъ мускульныхъ движеній (action inconsciente de mouvements musculaires), подъ вліяніемъ мысли о движеніи, объясняли въ свое время собственно движеніе стола Chevreul и Babinet—члены парижской академіи, и Faraday—(de la societé royale de Londres),—первый въ сочиненіи: De la baguette divinatoire, du pendule explorateur et des tables tournantes (Paris 1854), второй въ Etudes et lectures sur les sciences d'observation (Paris 1856). На приложеніе теоріи рефлекса мысли къ самому письму указывается въ книгѣ медіумовъ (p. 1 ch. подъ заглавіемъ systemes), гдѣ авторъ спиритъ говоритъ свое слово о разныхъ теоріяхъ въ объясненіе спиритскихъ феноменовъ. Мы приведемъ ниже это слабое, на самомъ дѣлѣ ничего не говорящее слово.

же [1]. Слѣдуя имъ, онъ полагаетъ, что секретъ загадочныхъ спиритскихъ явленій во многихъ отношеніяхъ, даже прямо въ существѣ дѣла сходенъ, или тождественъ съ секретомъ бывшихъ чудодѣйствъ болѣе, или менѣе извѣстныхъ, *тавматурговъ* — Месмера, Каліостро, Филипса и другихъ, и что спиритскіе медіумы производятъ всѣ свои феномены при такихъ же условіяхъ, въ такомъ же положеніи и по тѣмъ же законамъ, какъ и субъекты магнетизера, или сомнамбулы подъ его вліяніемъ. Напряженно и продолжительно сосредоточенное вниманіе исключительно на одномъ предметѣ, на одной идеѣ *fixe* (движенія стола), безъ малѣйшей разсѣянности и безъ всякой посторонней и задней мысли, когда весь внутренній міръ, всѣ силы души сведены на этотъ предметъ и имъ однимъ ограничены, производитъ въ упражняющемся субъектѣ—медіумѣ сначала сильную возбужденность мозга и нервовъ, затѣмъ вскорѣ утомленіе, оцѣпененіе ихъ (sommeil или demi-sommeil nerveux, etat hypnotique)—все на томъ же, исключительно одномъ предметѣ или одной мысли. При этомъ теряется способность контролировать свои дѣйствія собственною волею и является безпрекословное и безотчетное подчиненіе волѣ и желанію другихъ и собственной, занимавшей предъ тѣмъ медіума, охватившей и подавившей собою весь его внутренній міръ—идеѣ. Обаяющая, мистическая торжественность, пропитанная суевѣріемъ чудесность спиритскихъ сеансовъ, исключительность положенія медіума, какъ посредника съ таинственнымъ міромъ, умѣющаго

---

(1) D-r. Braid (Neurypnology du sommeil nerveux 1843. De la magie, de la sorcellerie, du magnetisme; de l'hypnotisme, de l'electro-biologie 1852, Psychologie de la fascination, 1855). P-r, Debay (Les mystères du sommeil et du magnetisme) и Carpenter (англійскій физіологъ). Hist. du merv. p. Figu: t. IV ch. XIV 271—293 и XVI, 317—323.

придти въ прямое соприкосновеніе съ невидимыми силами, — необычайность ожидаемыхъ чрезъ него результатовъ, продолжительное состояніе подъ сосредоточенными, испытующими взглядами,—къ этому предрасполагающія субъективныя особенности и условія органическія и моральныя: большая, болѣзненная впечатлительность и возбужденность, неспособность къ возобладанію надъ увлекающимъ вліяніемъ и къ трезвому, свободному, независимому отношенію къ предмету, вообще-преобладаніе чувства и воображенія надъ другими болѣе спокойными и строгими способностями и склонность къ суевѣрію,—ко всему этому еще полная и искренняя увѣренность въ дѣйствительно-духовномъ характерѣ дѣла, къ которому приступаютъ, и всецѣлая, смиренная преданность распоряженію духа, который *непремѣнно* имѣемъ воздѣйствовать на способнаго посредника — эти и многія другія подобныя условія весьма много способствуютъ погруженію медіума въ нервическій сонъ, или состояніе гипнотизма (біологизма и аневрозизма тожъ). Гипнотизовавшійся, отуманенный на одной мысли о предстоящемъ движеніи стола вліяніемъ духа чрезъ медіума, при безотчетной увѣренности и напряженномъ ожиданіи, что вотъ духъ двигнетъ рукою его, субъектъ—медіумъ самъ безотчетно дѣлаетъ руками легкое и незамѣтное давленіе на столъ по направленію въ сторону, и такимъ образомъ даетъ иниціативу круговому, или неправильному движенію стола, которое, незамѣтно тоже, поддерживается уже прочими соучастниками медіума, такъ какъ эти послѣдніе, замѣтивъ малѣйшее движеніе, или сотрясеніе въ столѣ, должны обращаться вмѣстѣ со столомъ, не прежнему держа на немъ руки цѣпью. Понятно, что, обра-

щаясь повидимому за столомъ, они наложенными руками сами увлекаютъ за собою столъ, простодушно думая, что онъ движется постороннею силою, а сами они только слѣдуютъ ему, чтобы руки ихъ на столѣ остались въ прежнемъ положеніи. Когда дѣло оканчивается, медіумъ—виновникъ всей происшедшей сцены, выйдя изъ своего ненормальнаго состоянія, подобно какъ субъектъ магнетизера, или сомнамбулъ, не имѣетъ сознанія произведеннаго имъ дѣйствія и серьезно и искренне оскорбится, если замѣтить ему, что мнимаго, таинственнаго двигателя духа представлялъ не кто другой, а онъ самъ. Впрочемъ на интимныхъ спиритскихъ сеансахъ, гдѣ по большей части бываютъ только *вѣрующіе*, т. е. легковѣрные, простодушно заинтересованные и преданные дѣлу, и некому бываетъ сдѣлать медіуму такого оскорбительнаго замѣчанія, такъ какъ присутствующіе сами находятся въ состояніи далеко не благопріятномъ для какого-нибудь серьознаго, критическаго анализа, понятно, что при такомъ ходѣ дѣла достаточно, чтобы только одно изъ упражняющихся лицъ пришло въ состояніе нервическаго сна, или гипнотизма, и то на самое короткое время, потому что нужно, чтобы дано было столу лишь начало движенія, а потомъ оно уже легко и незамѣтно будетъ поддерживаться вмѣстѣ съ прочими соучастниками самимъ даже очнувшимся первоначальнымъ виновникомъ его, такъ какъ далеко не всякій способенъ придти въ состояніе, требующееся для несознательнаго произведенія движенія, и даже не въ каждой группѣ упражняющихся можетъ найтись такой способный человѣкъ, поэтому самому не при всѣхъ опытахъ и бываетъ движеніе; въ иныхъ случаяхъ послѣ долгаго, терпѣливаго ожиданія дѣло оканчивается совер-

шенно ничѣмъ. И такъ какъ и изъ способныхъ впадать въ состояніе гипнотическое не всѣ одинаково скоро и легко доходятъ до этого, то этимъ объясняется, почему столъ при разныхъ опытахъ приходитъ въ движеніе съ неодинаковою скоростью, различающеюся между 10—30-ю и болѣе минутами.

Что касается движеній столовъ *отвѣчающихъ*, когда ножки ихъ, приподнимаясь, числомъ дѣлаемыхъ стуковъ даютъ отвѣты на предложенные вопросы, то тотъ же способъ объясненія, съ наибольшею вѣроятностію прилагаемый къ явленію столовъ движущихся въ его простѣйшей формѣ, съ такою же вѣроятностію можетъ быть приложенъ и къ этому, болѣе развитому виду того же явленія; только въ этомъ случаѣ состояніе нервическаго сна для одного изъ лицъ, составляющихъ цѣпь, нужно предположить болѣе продолжительное. Лице, впадшее въ нервическій сонъ, безъ собственнаго вѣдома отвѣчаетъ на предлагаемые ему вопросы и требованія, наклоняя столъ (т. е. легкій столикъ) и заставляя его дѣлать удары въ числѣ примѣнительномъ (по извѣстному у спиритовъ условію) къ дѣлаемымъ предложеніямъ, или спросамъ. Возвратившись потомъ къ нормальному состоянію, это лице не помнитъ того, что дѣлало въ прежнемъ состояніи не естественномъ, точно также, какъ лице магнетизированное не сохраняетъ въ памяти совершенныхъ имъ въ этомъ состояніи дѣйствій. Человѣкъ, играющій такую роль безъ собственнаго сознанія, похожъ на бодрствующаго сомнамбула, на человѣка, какъ бы спящаго даже въ бодрственномъ состояніи. Человѣкъ этотъ не спитъ собственно, но его сознаніе отуманено, отуплено въ слѣдствіе сильнаго, исключительнаго внутренняго сосредоточенія,

какому предается онъ: это — *медіумъ*. Такъ какъ его ненормальное состояніе и безсознательное отправленіе продолжительнѣе, труднѣе и значительнѣе, чѣмъ у лицъ, дающихъ инициативу движенію стола, то она и встрѣчается и производитъ соотвѣтственное себѣ явленіе рѣже и далеко не во всѣхъ упражняющихся группахъ. Для того, чтобы ударами ножекъ стола отвѣчать на вопросы, нужны лица, уже напрактиковавшіяся въ дѣлѣ движенія столовъ; нужно также, чтобы между ними нашелся субъектъ, особенно способный при извѣстныхъ условіяхъ впадать въ требуемое состояніе, впадать по привычкѣ болѣе скоро и пребывать въ немъ болѣе долгое время; нуженъ, словомъ, медіумъ искусный, испытанный, бывалый практикантъ.—

Что касается письма, исполняемаго медіумомъ непосредственно, безъ всякихъ приборовъ, съ однимъ карандашемъ въ рукѣ, то и въ этомъ случаѣ (если и устранить подозрѣніе въ возможности здѣсь прямаго, сознательнаго подлога со стороны медіума, произвести который ему такъ удобно (¹)) съ увѣренностію можно сказать, что медіумъ есть не что другое, какъ магнетизированный и возбужденный сомнамбулъ, субъектъ, погруженный въ нервическій сонъ или, если угодно, *біологизованный* (такъ какъ эти разные термины въ сущности выражаютъ одно и тоже состояніе). Развившаяся отъ частаго упражненія способность и обратившаяся

(¹) Сами авторы спиритизма сознаются въ возможности подмѣны *вѣщаній духа* собственными, человѣческими мыслями медіума, только говорятъ при этомъ, что нужно умѣть различать подлинно-спиритическое отъ просто-человѣческаго; а этимъ умысломъ въ совершенствѣ владѣютъ лишь они сами — хорошіе практиканты — спириты. (Le livr. d. espr. ch. X.)

въ привычку, напрактикованное вліяніе лица, дѣлающаго вопросы, или предложенія, суевѣрно-мистическая торжественность предстоящаго испытанія и подобныя обстоятельства — каждое порознь и вмѣстѣ располагаютъ медіума къ погруженію въ такое состояніе. Всецѣлое возбужденіе и почти конвульсивное движеніе, когда медіумъ торопливо чертитъ письменные знаки, которые должны представить отвѣтъ призваннаго, сверхъестественнаго существа, быстрое оставленіе карандаша (гораздо рѣже-пера) послѣ того, какъ написанъ отвѣтъ, рука, послѣ лихорадочнаго писанія упадающая въ мертвенной бездѣйственности, какъ бы рука автомата, всѣ эти и подобные внѣшніе признаки, которыхъ (говоритъ Фигье) каждый можетъ быть свидѣтелемъ, ([1]) ясно показываютъ, что медіумъ находится въ аномальномъ внутреннемъ состояніи, повинуется чужой волѣ, какъ бы замѣняющей его собственную, и не имѣетъ сознанія дѣйствія, какое совершилъ онъ въ продолженіе этого страннаго и скоро прекращающагося органическаго и психическаго состоянія. Сеансъ оканчивается; медіумъ, пришедши въ себя, первый удивляется отвѣту, который видитъ написаннымъ и который написанъ не кѣмъ либо другимъ, а имъ же самимъ ([2]).—По наблюденію самого,

---

([1]) Фигье представляетъ, что говоритъ о нихъ по личному наблюденію (t. IV. ch. XVI. 326—327).

([2]) Нужно замѣтить, что иногда и карандашъ или перо оставляются, какъ оставленъ столикъ, тарелка или корзинка (corbeille) и просто какая-то дощечка. Медіуму, пришедшему въ потребное умственное и вообще психическое состояніе, предлагаютъ обратиться къ духу съ какимъ либо вопросомъ. И сдѣлавши это, онъ передаетъ отвѣтъ на предложенный вопросъ, не прибѣгая къ письму, а прямо устно, словами (медіумъ говорящій). Онъ и въ этомъ случаѣ убѣжденъ, вмѣстѣ съ присутствующими сообщниками, что отвѣтъ происходитъ отъ духа, а его собст-

пишущаго эти строки, надъ спиритами—соотечественниками дѣло представляется безъискуственнѣе и проще. Спириты держатъ руку съ поставленнымъ карандашомъ на бумагѣ до тѣхъ поръ, пока, удаляя всякую постороннюю мысль отъ себя, всякое малѣйшее вниманіе къ чему нибудь, не придутъ въ состояніе полузабытья, или отупѣнія (состояніе такъ легко приходящее и такъ часто бываюшее и не у спиритовъ), и пока въ этомъ состояніи рука, уставшая лежать съ поставленнымъ карандашемъ, не придетъ въ движеніе и не начнетъ при этомъ писать на предложенный вопросъ (приходитъ рука въ движеніе, потому что кладется она и лежитъ въ этомъ ожиданіи, вытѣсняющемъ вниманіе ко всему другому изъ отуманенныхъ, отупѣвшихъ головъ *медіумовъ*). При этомъ въ мозгу послѣднихъ происходитъ, конечно, процессъ мысли, легко опредѣляющейся сдѣланнымъ вопросомъ, и мысли довольно даже продолжительной, только мыслители эти въ своемъ состояніи какъ бы не замѣчаютъ ее; они пріучаютъ себя быть не внимательными къ тому, что происходитъ въ нихъ, не сознаютъ того, что дѣлается ими (Пишущему представляется это дѣло весьма простымъ и не только возможнымъ, но и обыкновеннымъ, нерѣдко бывающимъ со многими—и не спиритами; только подобные случаи проходятъ обыкновенно не замѣченными). Или и то можетъ быть, что медіумы — писатели и сознаютъ свои мысли во время

венное участіе ограничивается лишь матеріальнымъ служеніемъ его органовъ. Этотъ варіантъ, рѣдко впрочемъ употребляющійся, не измѣняетъ ничего въ вышеприведенномъ объясненіи относительно вдохновеній (inspiration) медіумовъ. И здѣсь медіумъ представляетъ лицо гипнотизированное, погруженное въ нервическій сонъ, только употребляющее слова, вмѣсто письма (Фигье т. 16, 328).

писанія, но по предубѣжденію о внушеніи духа настроиваются и привыкаютъ считать ихъ не своими собственными, а спиритическими, вдохновенными.

Правда, медіумы-писатели пишутъ сообщенія и довольно длинныя и сложныя, хотя въ тоже время, (на сколько самому пишущему эти строки удавалось читать ихъ— не записанныя въ книгахъ и нарочито необработанныя даже нѣкоторыя и книжныя) сообщенія мало толковыя и не ясныя; во всякомъ случаѣ производить ихъ всѣ отъ безсознательнаго указаннаго состоянія медіумовъ было бы слишкомъ много и, кажется, невѣроятно. Но весьма возможно, замѣтимъ на это, и иногда бываетъ у нѣкоторыхъ людей и такое возбужденное, болѣзненно-восторженное состояніе, въ которомъ они, сохраняя въ извѣстной степени сознаніе и способность самоуправленія, постоянно, или при извѣстныхъ возбуждающихъ обстоятельствахъ, во всякомъ случаѣ весьма уже продолжительно и для нихъ какъ бы естественно-чувствуютъ себя свыше просвѣщенными и свои мысли, рѣчи и дѣйствія считаютъ не своими собственно, а вдохновенными. Не мало было лживыхъ пророковъ и учителей, которые, мечтая объ озареніи свыше, привыкали наконецъ видѣть въ себѣ людей вдохновенныхъ (¹). — Въ новое и послѣднее время также были и есть цѣлыя, многочисленныя общества иллюминатовъ, мечтающихъ (сознательно) принимать въ себя по временамъ озаренія отъ Духа Божія, говорить и дѣйствовать по Его внушенію. Медіумы-писатели, за исключеніемъ намѣренныхъ обманщиковъ между ними (не подозрѣвать кото-

(¹) Въ этомъ духѣ была даже цѣлая секта монтанистовъ. Магометъ отчасти можетъ быть причисленъ сюда же.

рыхъ, было бы слишкомъ уже довѣрчиво и слѣпо), въ большей части могутъ и безспорно должны быть отнесены къ этому роду мнимо-озаряемыхъ и ложно, болѣзненно, хотя не безсознательно экзальтированныхъ людей.

За исключеніемъ сейчасъ указаннаго случая сообщеній длинныхъ и какъ-бы сознательныхъ, требующихъ болѣе, чѣмъ только автоматическаго участія мысли, къ объясненію большей части извѣстныхъ намъ спиритскихъ феноменовъ съ полною вѣроятностію можетъ быть приложена вышеприведенная теорія *гипнотическаго* состоянія, или нервнаго сна, съ производящими это состояніе причинами и условіями. Вѣроятность этой теоріи, кромѣ ея собственной удобоприложимости и достаточности къ объясненію, подтверждается еще слѣдующими данными. Сами спириты, конечно подъ именемъ духовъ, какъ существенно необходимое условіе для произведенія извѣстныхъ феноменовъ, или—на языкѣ спиритскомъ—для полученія проявленій и сообщеній отъ духовъ, требуютъ со стороны медіумовъ той-же предварительной, внутренней настроенности, которая, при извѣстной обстановкѣ, при извѣстномъ характерѣ и вліяніи спиритскихъ сеансовъ, обусловливаетъ, какъ мы показали, погруженіе медіумовъ въ гипнотическое состояніе или нервный сонъ. „Что бы получить сообщенія отъ высшихъ духовъ, гласятъ „conseils aux mediums“,—необходимо глубоко сосредоточиться въ себѣ и изгнать изъ своего духа постороннюю мысль, за тѣмъ всецѣло предаться въ распоряженіе *духа*, который имѣетъ открыться (Это значитъ—нужно заглушить въ себѣ всякое проявленіе сознанія и мысли, принести себя въ жертву и совершенно подчиниться одной идеѣ *fixe*, одному ожиданію; даже самую эту идею и это ожиданіе не нужно дѣлать предметомъ созна-

нія, какъ нѣчто-постороннее отъ него; оно должно слиться съ ними и совершенно замолкнуть, уничтожиться въ нихъ, — словомъ нужно медіуму какъ бы отупѣть на одномъ представленіи и ожиданіи). Искренностію, довѣріемъ и преданностію (humilité) (продолжаютъ „conseils aux mediums“), качествами, свидѣтельствующими объ искренности желанія получить наставленіе и познать истину и добро, необходимо обусловливаются откровенія чистыхъ духовъ. Напротивъ, пустое любопытство, сомнѣніе, суетное желаніе удовлетворить собственной гордости приводятъ къ обману низшими духами (скорѣе—ни къ чему) (¹). Далѣе, при отсутствіи или нарушеніи требующихся условій для полученія духосообщеній и духопроявленій, когда, напримѣръ, приступаютъ къ опытамъ не съ искренностію и простосердечно-преданною довѣрчивостію, а съ сокрытою мыслію подмѣтить въ спиритскихъ экзерциціяхъ какую нибудь хитрость, или когда не выдерживается строгая и полная сосредоточенность вниманія и въ голову упражняющихся привходитъ какая нибудь мысль посторонняя, допускается разсѣянность, и вообще когда субъекты, занимающіе мѣста медіумовъ, не имѣютъ необходимыхъ внутреннихъ предрасположеній и отличаются спокойностью, трезвостью мысли, пытливостью, или на-

(¹) Révélations du monde des esprits... par J. Roze, medium; ser. 1-ére conseils aux mediums, 8—10; здѣсь подпись духа *Людовика* (Louis). Кстати замѣтить, что подъ разными сообщеніями спиритскими, особенно въ указанномъ сочиненіи, значатся имена сообщителей, болѣе всего: Louis, Lamennais, Augustin (блажен.), Paul (апост.), Luc (Еванг.), Esprit de Verité (?) и даже *Іисусъ Назорей* и др. „Это послѣднее имя, говорится, кажется, въ книгѣ медіумовъ или въ рукописи „Нравственныя начала спиритизма...“,—мы остерегаемся выставлять вездѣ, гдѣ бы слѣдовало, во избѣжаніе соблазна немощныхъ“.

сифілливостью: въ такихъ и подобныхъ случаяхъ опыты вовсе не удаются, не смотря ни на какое ожиданіе и терпѣніе; или же когда эти опыты сопровождаются письменными отвѣтами на вопросы, то получаются отвѣты далеко не серьезные, не добрые и не желанные, отвѣты грубые, или шутовскіе и безтолковые и по меньшей мѣрѣ противорѣчивые. Кромѣ того извѣстно (изъ Фигье), что, пользуясь сосредоточеніемъ вниманія на одномъ предметѣ, безъ всякой разсѣянности и какой-нибудь мысли, электро-біологистъ, или гипнотизёръ (A. S. P. Philips (1853—1860) ([1]), также Teste и Dupotet) — не корыстные фокусники, а любознательные ученые практиканты весьма легко и успѣшно приводили людей, съ извѣстными органическими и психическими расположеніями, въ состояніе гипнотизма или нервнаго сна, при чемъ отнимали у нихъ способность всякаго самоуправленія, подчиняли ихъ собственной волѣ и заставляли дѣйствовать по ней, какъ автоматовъ въ полномъ смыслѣ, приводили ихъ въ состояніе крайней галлюцинаціи, заставляя видѣть предметы и явленія, вовсе не бывшіе, и все это съ потерею всякаго сознанія. Эти гипнотизованныя или біологизованныя лица видѣли, напримѣръ, стаи птицъ въ комнатѣ по одному только слову, что „вотъ летятъ птицы"; видѣли въ зеркалахъ разныя лица и предметы по одному тоже слову о нихъ, или по бывшему предъ тѣмъ желанію видѣть и обѣщанію показать ихъ; не могли встать съ мѣста, или развести руки, послѣ того какъ обводили около нихъ пустыми руками и говорили имъ,

([1]) Его сочиненія: Cours de bradisme ou hypnotisme nerveux (Paris. 1860); Electro-dynamisme vital ou les relations physiologiques de l'esprit et de la matière (Paris 1855).

что „они связаны и ни за что не освободиться имъ", и т. п.; вообще собственную волю, способность представленія и другія силы, равно и силу физическую пассивно и безсознательно подчиняли чужому произволу. Такіе и подобные феномены, сходные со спиритскими по своей причинѣ, т. е. по состоянію лицъ, производящихъ, или по способу произведенія ихъ, неоднократно наблюдались еще многими учеными (Debay, Bods, Grimes, Littré) и съ достаточною основательностію подтверждаютъ справедливость теоріи, приложенной выше къ объясненію спиритскихъ феноменовъ (1). Если, наконецъ, спиритскій медіумъ есть не другое что-нибудь, какъ лицо въ состояніи гипнотизма или нервнаго сна, а частая подверженность гипнотическому состоянію не можетъ для всѣхъ обходиться даромъ и проходить безслѣдно (чрезмѣрный притокъ крови къ мозгу причиняетъ опасныя болѣзненныя послѣдствія), то естественно, что и повтореніе медіуменическихъ экзерцицій должно оказывать вредное вліяніе на здоровье медіумовъ. И дѣйствительно, физическое разстройство и продолжительныя, неизлѣчимыя болѣзни, подверженности нервнымъ припадкамъ и обморокамъ, болѣзненное разстройство воображенія, полное умопомѣшательство (folie), даже преждевременная смерть,—вотъ несчастный удѣлъ многихъ медіумовъ, не отличающихся крѣпкою организаціею мозга и нервовъ, спокойнымъ воображеніемъ, сдержаннымъ чувствомъ и другими предохранительными качествами противъ вреднаго вліянія ихъ упражненій. Особенно часты случаи мозговаго разстройства или умопомѣшательства. „Американскія газеты (Boston

(1) Hist... p. Figuier t. IV. ch. XIV—XVI.

Pilot, Courrier and Jnquirer, Herald и др.),—говоритъ Фигье, — переполнены сообщеніями о случаяхъ помѣшательствъ и изступленныхъ самоубійствъ вслѣдствіе несчастнаго вліянія спиритскихъ экзерцицій, и приводитъ „взятыя случайно“ выдержки изъ газетъ ежедневныхъ (1). Французскія газеты (Courrier de la Moselle, Courrier de Lyon, Gironde de Bordeaux, Salut Public de Lyon и др.), говоря о томъ же, выставляютъ на видъ, что цифра умопомѣшанныхъ въ областяхъ, гдѣ особенно изобилуютъ спириты, относительно прежнихъ лѣтъ возрастаетъ слишкомъ неумѣренно и опасно (2).

---

(1) Chap. XVII, 331—332.

(2) Спириты находятся вынужденными отъ статистическихъ вычисленій отбавлять нули, какъ бы случайную ошибочную (!) прибавку. Sermons sur le spiritisme... refutés par un spirite de Metz (1863. Paris et Metz).

О РАЗЛИЧІИ

МЕЖДУ ОРГАНИЧЕСКИМЪ И НЕ ОРГАНИЧЕСКИМЪ. (¹)

Тѣла, называемыя обыкновенно органическими и далеко превышающія своею численностью предметы, не имѣющіе организаціи, отличаются отъ нихъ такими наглядными, не двусмысленными чертами, что, по видимому, не возможно смѣшивать между собою оба эти царства природы и излишне слѣдить ихъ различіе въ подробностяхъ. Между тѣмъ какъ два великихъ отдѣла органической природы—животныя съ одной стороны и растенія съ другой—въ своихъ самыхъ низшихъ и простѣйшихъ формахъ такъ близко подходятъ другъ къ другу, что относительно многихъ изъ нихъ, даже при по-

---

(¹) Этой статьѣ, заимствованной нами изъ Zeitschrift für die gesammte lutherische Theologie und Kirche 1866 г. кн. 1., предпослано тамъ слѣдующее примѣчаніе редакціи: „Авторъ этой лекціи (Vortrags), доцентъ анатоміи и физіологіи въ Эрлангенѣ, отдалъ ее въ наше распоряженіе, и такъ какъ въ наше время, когда ставятъ въ вопросъ не только основы христіанства, но и самое существованіе его, всякое пораженіе матеріализма научнымъ оружіемъ имѣетъ интересъ для богословія, то мы помѣщаемъ ее въ нашемъ журналѣ, который включаетъ въ свою задачу защиту христіанства въ самомъ широкомъ смыслѣ.“ Тѣми же соображеніями водились и мы при переводѣ этой статьи.

мощи всѣхъ научныхъ средствъ, нельзя рѣшить, какія это тѣла — растительныя, или животныя, подобнаго постепеннаго перехода отъ неорганической, безжизненной природы къ организованнымъ, живымъ тѣламъ не существуетъ безспорно. Есть низшіе организмы, которыхъ нельзя причислить рѣшительно ни къ растеніямъ, ни къ животнымъ; — они съ одинаковой справедливостью могутъ быть причисляемы и къ тѣмъ и къ другимъ и какъ будто составляютъ какое-то общее, среднее царство между животными и растеніями. Напротивъ рѣдко бываютъ случаи, когда можно смѣшать растительное, или животное тѣло съ камнемъ, кристалломъ или какимъ нибудь тѣломъ, искуственно произведеннымъ изъ безжизненной матеріи. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что есть среднія формы между минералами и растеніями, также точно какъ существуетъ переходъ отъ растенія къ животному и отъ животнаго къ растенію въ вышеуказанномъ смыслѣ, но это утвержденіе основывается только на наблюденіи такихъ тѣлъ, которыя, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывались дѣйствительно или растительнаго, или минеральнаго происхожденія. Что между царствомъ минеральнымъ съ одной стороны и царствами животнымъ и растительнымъ съ другой существуетъ рѣзко проведенная граница, это считалось съ древности дѣломъ рѣшеннымъ. Иногда впрочемъ шли еще дальше и утверждали, что между этими царствами существуетъ не только рѣзкая граница, но и дѣйствительный пробѣлъ, перерывъ, который могъ возникнуть не иначе, какъ насильственно. Боннетъ, извѣстный естествоиспытатель прошедшаго столѣтія, написавшій разсужденіе о природѣ органическихъ тѣлъ, упоминаетъ въ своей книгѣ, что Мопертюи, авторъ космологіи,

очень серьезно утверждалъ, будто недостатокъ среднихъ формъ между минералами и органическими тѣлами до такой степени не согласимъ съ теперешнимъ міровымъ строемъ, гдѣ существуетъ непрерывная постепенность между всѣми предметами, что не иначе соглашался мириться съ этимъ недостаткомъ, какъ допустивши, что такія среднія формы первоначально дѣйствительно существовали, но что, вслѣдствіе насильственнаго переворота, произведеннаго, по его мнѣнію, какой нибудь кометой, пронесшейся надъ землею, онѣ истреблены безъ слѣда. По поводу этой теоріи, Боннетъ превосходно замѣтилъ, что, если комета задѣла что нибудь на землѣ, такъ развѣ одинъ безтолковый мозгъ автора космологіи.

Но если мы прямо примемъ за фактъ, что между безжизненною природою и міромъ животныхъ и растеній существуетъ рѣзкая граница, и обратимъ нашъ взоръ на пограничную линію, проведенную природой, то увидимъ слѣдующее: хотя животныя и растенія, въ своихъ высоко развитыхъ формахъ, и по внѣшней и по внутренней сторонѣ, совершенно отличны другъ отъ друга, но, при всемъ томъ, такъ много имѣютъ и общаго между собою (достаточно указать на возрастаніе, питаніе, размноженіе, правильное возникновеніе и исчезаніе), ихъ сродство такъ ясно доказывается существованіемъ несомнѣнныхъ переходныхъ формъ, что, на основаніи этого сродства, будетъ справедливо подвести ихъ подъ общее названіе и противопоставить мертвой природѣ. Не важно то, какое слово выберемъ мы для этого названія. Обыкновенно употребляютъ слово *органическій* или *организованный* для того, чтобы обозначить царство животныхъ и растеній и, *такъ же*, противо-

поставить безжизненной природѣ. Первоначальное значеніе или, по крайней мѣрѣ, ближайшее опредѣленіе слова „органическій“ можетъ быть не иное, какъ слѣдующее: оно обозначаетъ такое тѣло, которое должно быть или растительнаго, или животнаго происхожденія, но какое именно это тѣло—животное или растительное—оно не беретъ на себя рѣшить. Если иногда увѣряютъ, что вообще легко отличить органическое тѣло отъ неорганическаго по одному виду и по внѣшнимъ явленіямъ и что для этого нѣтъ нужды ближайшимъ образомъ изслѣдовать его сущность, то нельзя сказать, чтобы это увѣреніе не допускало исключеній. Такое исключеніе, т. е. случай, гдѣ трудно бываетъ отличить органическое отъ неорганическаго, бываетъ напримѣръ тогда, когда намъ приходится имѣть дѣло не съ цѣлымъ органическимъ тѣломъ, а съ маленькими частями, обломками, или измѣнившимися остатками его. Въ подобномъ случаѣ трудно бываетъ отличить органическое отъ неорганическаго, иногда потому, что не существуетъ уже главныхъ отличительныхъ признаковъ органическаго, именно тѣхъ явленій, въ которыхъ выражалась его жизнь; иногда потому, что нѣкоторыя части внутри органическихъ тѣлъ не только исключительно состоятъ изъ веществъ, встрѣчающихся въ неорганической природѣ, но и по мѣстамъ принимаютъ форму нѣкоторыхъ неорганическихъ тѣлъ; иногда потому, что есть минеральныя тѣла, которыя своими формами напоминаютъ органическія тѣла. Такимъ образомъ ни относительно формы, ни относительно матеріальнаго состава нельзя провести между тѣми и другими безусловной границы. Какъ есть минеральныя тѣла органическаго происхожденія, такъ есть и органическія тѣла,

которыя очевидно образовались не въ организмахъ, и какъ есть животныя и растительныя тѣла, которыя иногда въ цѣломъ, иногда въ частяхъ, принимаютъ форму минераловъ, такъ есть и минеральныя тѣла, которыя повторяютъ форму нѣкоторыхъ органическихъ тѣлъ.

На этомъ основаніи очень важно не только установить опредѣленныя границы между органическими и неорганическими тѣлами, но и для опредѣленія различія между ними поискать опредѣленныхъ критеріевъ, связанныхъ съ ихъ сущностью.

Есть еще другая болѣе общая точка зрѣнія, съ которой вопросъ о различіи между органическими и неорганическими тѣлами получилъ особенное значеніе именно въ наше время. Благодаря огромнымъ успѣхамъ, которые сдѣлала химія въ нашъ вѣкъ, мы знаемъ, что хотя органическія тѣла содержатъ въ себѣ, въ качествѣ своихъ ближайшихъ составныхъ частей, тѣ матеріи, которыя имъ свойственны, но при анализѣ всѣ эти матеріи распадаются на тѣ самые элементы, которые находятся и въ неорганической природѣ и которые входятъ въ составъ неорганическихъ тѣлъ. Относительно нѣкоторыхъ веществъ, находящихся въ органическихъ тѣлахъ, удалось даже достигнуть того, что производятъ ихъ искуственно изъ ихъ элементовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ удастся достигнуть этого въ большихъ размѣрахъ. Во всякомъ случаѣ изъ добытыхъ до сихъ поръ наукою результатовъ можно вывести по крайней мѣрѣ то заключеніе, что если не обращать вниманія на форму, а имѣть въ виду только матеріальный составъ, то различіе между органическими и неорганическими тѣлами будетъ тѣмъ болѣе терять

ся, чѣмъ чаще мы будемъ возвращаться къ химическимъ элементамъ. Всѣ вещества, входящія въ составъ органическихъ тѣлъ, не только въ своихъ элементахъ напередъ уже находятся въ безжизненной природѣ, но и частію посредственно, частію непосредственно изъ нея же заимствуются онѣ и въ процессъ образованія и возрастанія организмовъ.

Все это прямо приводитъ насъ къ вопросу: какъ смотрѣть на разности, усматриваемыя нами между органическими и неорганическими тѣлами, существенныя ли это разности, или только кажущіяся, т. е. такія, которыя тѣмъ больше будутъ сглаживаться, чѣмъ ближе мы будемъ держаться существа дѣла? Равнымъ образомъ: силы, которымъ органическія тѣла обязаны своей формой и существованіемъ, особенныя ли силы, или только модификаціи общихъ физико-химическихъ силъ, точно также какъ матерія, изъ которой состоятъ органическія тѣла, есть ничто иное, какъ комбинація *тѣхъ же* химическихъ элементовъ, которые напередъ уже даны въ неорганической природѣ?

Этотъ вопросъ имѣетъ особенный интересъ потому, что, съ одной стороны, если бы можно было доказать тождество сущности между органическими и неорганическими тѣлами, то можно было бы надѣяться подвести подъ химикофизическіе законы и высшіе, самые загадочные виды дѣятельности организмовъ, именно психическія явленія, какъ это хочетъ сдѣлать матеріализмъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны, если бы удалось доказать, что все органическое отлично отъ неорганическаго по своей сущности, нужно было бы напередъ отказаться отъ всѣхъ попытокъ въ этомъ родѣ.

На вопросъ: есть ли существенное различіе между

органическими и неорганическими тѣлами, обыкновенно даютъ три отвѣта.

Первый: такого различія нѣтъ, такъ какъ все, что мы причисляемъ къ неорганической природѣ, имѣетъ такія же свойства, представляетъ тѣ же явленія, какія мы наблюдаемъ и въ такъ называемыхъ органическихъ существахъ. Всѣ явленія видимаго міра, начиная отъ самыхъ громадныхъ — каковъ наприм. земной шаръ, разсматриваемый какъ міровое тѣло, — и до самыхъ малыхъ, каковы крошечные шарики, изъ которыхъ состоитъ ткань животныхъ и растеній, показываютъ, что онѣ находятся въ такой же законосообразной связи другъ съ другомъ, какую замѣчаемъ мы и въ организмѣ и которая составляетъ его сущность. Міръ — такой же организмъ, какъ и человѣкъ: первый — макрокозмъ, вторый — микрокозмъ. О различіи между органическимъ и неорганическимъ не можетъ быть и рѣчи.

Другой отвѣтъ: опредѣленнаго различія между органическими и неорганическими тѣлами не существуетъ. Но здѣсь отвергается это различіе на другомъ основаніи, а не на томъ, на которомъ оно отвергалось въ предъидущемъ случаѣ. Оно не существуетъ потому, что всѣ органическія тѣла по матеріи, равно какъ по химическимъ и физическимъ явленіямъ, производимымъ этой матеріей, повинуются тѣмъ же законамъ, какимъ и неорганическія тѣла. Напр. силы, которыя развиваются отъ извѣстной массы горючаго вещества, при обмѣнѣ матеріи въ животныхъ тѣлахъ чрезъ окисленіе, и тратятся частію на образованіе теплоты, частію на механическій трудъ, суть тѣ же самыя силы, которыя могутъ быть произведены тѣмъ же веществомъ и внѣ организма.

Такимъ образомъ по первому взгляду вся природа представляется органическою, по второму — вся же природа представляется неорганическою: этотъ вторый взглядъ устраняетъ все, что есть въ органическихъ тѣлахъ особеннаго, отличительнаго въ сравненіи съ другими тѣлами.

Третій отвѣтъ: хотя органическія тѣла, по своей матеріи и развивающимся отъ нея силамъ, не имѣютъ ничего особеннаго, но тѣмъ не менѣе есть въ нихъ нѣчто такое, что возвышается надъ матеріей, какъ отличное отъ нея, нѣчто такое, что исключительно принадлежитъ органическимъ тѣламъ и чего не достаетъ всѣмъ безъ изъятія неорганическимъ тѣламъ. Вслѣдствіе этого всѣ органическія тѣла связаны этимъ узломъ и стоятъ особнякомъ отъ мертвой природы.

Если мы разсмотримъ поближе тѣ точки зрѣнія, на которыхъ стоятъ всѣ три указанные нами взгляда, то прежде всего должны будемъ сказать, относительно перваго изъ этихъ взглядовъ, по которому вся природа представляется органическою, что онъ скорѣе обходитъ вопросъ, чѣмъ разрѣшаетъ его. Разсматривать всѣ космическія и теллурическія силы въ цѣломъ, какъ нѣчто органическое, только въ томъ отношеніи справедливо, что онѣ всѣ вмѣстѣ представляютъ правильный циклъ, постоянный обмѣнъ, родъ круговращенія матеріи. Неоспоримо, что здѣсь также какъ и въ организмѣ, понимаемомъ въ тѣсномъ смыслѣ, находится связь, понятная человѣческому разсудку только при допущеніи цѣлесообразнаго порядка. Но если — какъ случалось съ нѣкоторыми естествоиспытателями и философами всѣхъ временъ — представлять себѣ всю землю организмомъ, горы — скелетомъ, рѣки и моря — жизнен-

ными соками и жилами этого организма, то это будетъ скорѣе поэтическое представленіе, чѣмъ естественно-научное объясненіе; это значило бы произвольно расширять понятіе, которое обыкновенно соединяютъ съ словами „органическій“ и „организмъ,“ но этимъ путемъ невозможно достигнуть опредѣленія его.

Ближе подходятъ къ сущности дѣла два другіе взгляда, но приходятъ къ противоположнымъ результатамъ. По одному изъ нихъ сущность органическихъ тѣлъ не отлична отъ сущности неорганическихъ, такъ какъ они состоятъ изъ веществъ, слагаются относительно изъ тѣхъ же элементовъ, которые встрѣчаются и въ неорганическомъ мірѣ, и такъ какъ химическіе процессы въ организмахъ слѣдуютъ тѣмъ же законамъ, по которымъ они происходятъ и внѣ ихъ. Покажите намъ, говорятъ сторонники этого взгляда своимъ противникамъ, какое нибудь вещество въ организмѣ, которое не распадалось бы на тѣ же элементы, какіе находятся и въ неорганическихъ тѣлахъ въ качествѣ ихъ составныхъ частей; измѣрьте намъ силы, которыя приводятъ въ движеніе эти вещества въ жизненномъ процессѣ, и докажите, что онѣ подчинены другимъ законамъ, а не тѣмъ, которые дѣйствуютъ въ искуственныхъ машинахъ или въ грубыхъ процессахъ природы,—тогда мы повѣримъ, что такое различіе существуетъ. А до тѣхъ поръ, пока вы этого не сдѣлаете, мы будемъ думать, что то, что вы называете жизненною силою, есть ничто иное, какъ не разъясненный еще комплексъ физическихъ и химическихъ явленій. Нельзя также оспаривать,—можно прибавить,—что этому предположенію физіологія, наука объ органическихъ процессахъ, обязана своими важнѣйшими успѣхами. Во многихъ случаяхъ (достаточ-

но припомнить только процессы пищеваренія, дыханія и кровообращенія) удавалось объяснить считавшіяся до тѣхъ поръ загадочными явленія жизни только черезъ переложеніе ихъ на физическіе или химическіе процессы. Так. образомъ отсюда легко придти къ мысли— покрайней мѣрѣ она можетъ быть оправдана—что разъ проложенный путь можетъ вести дальше, что и для тѣхъ жизненныхъ процессовъ, для которыхъ не найдено еще химико физическое объясненіе (какъ напр. для процессовъ возрастанія, развитія, ощущенія и движенія) такое объясненіе когда нибудь можетъ быть найдено.

Послѣдній изъ этихъ взглядовъ, по видимому, меньше, чѣмъ предъидущій, можетъ опереться на результаты точной науки; за то онъ ближе примыкаетъ къ обыкновенному пониманію, къ принятому образу рѣчи, можно бы сказать: къ здравому человѣческому смыслу. Онъ искони находилъ своихъ защитниковъ между самыми знаменитыми и самыми основательными естествоиспытателями, и изъ борьбы, которую вели эти два противоположныя мнѣнія, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, онъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Онъ утверждаетъ: хотя всѣ вещества, находящіяся въ организмахъ, соединяются и разлагаются также, какъ это дѣлается и внѣ тѣлъ, хотя силы, которыя при этомъ развиваются, слѣдуютъ тѣмъ же законамъ, какіе дѣйствуютъ въ искуственныхъ машинахъ, химическихъ аппаратахъ, или въ процессахъ неорганической природы, но при этомъ они повинуются такому принципу, который составляетъ принадлежность только органическаго міра, а такъ какъ этотъ принципъ не матеріаленъ, то и нельзя подводить его подъ физическіе и химическіе законы.

Разсмотримъ теперь то, что можно сказать *за и противъ* этого взгляда.

Противоположность во взглядахъ на органическія тѣла, существующая уже издавна, какъ мы замѣтили выше, въ новѣйшее время обозначилась еще рельефнѣе при объясненіи одной особенности въ устройствѣ органическихъ тѣлъ, замѣченной при микроскопическихъ изслѣдованіяхъ этого устройства. Эта особенность—составъ органическихъ тѣлъ изъ *клѣточекъ*. Что организмы состоятъ изъ клѣточекъ, это можно видѣть только при помощи микроскопа, поэтому и эту особенность узнали ближе съ тѣхъ поръ, какъ микроскопъ доведенъ былъ до своего теперешняго совершенства. Наука объ органическихъ тѣлахъ сдѣлала огромное пріобрѣтеніе въ томъ, что открыла и доказала это свойство органическихъ тѣлъ. Это пріобрѣтеніе тѣмъ важнѣе, что въ клѣтчаточномъ составѣ тѣлъ, какъ бы объ немъ ни думали, во всякомъ случаѣ впервые былъ найденъ критерій, примѣнимый *ко всѣмъ* органическимъ тѣламъ безъ исключенія, какъ къ растеніямъ, такъ и животнымъ, и, вѣроятно, какъ къ высшимъ и самымъ сложнымъ, такъ и къ самымъ нисшимъ и простѣйшимъ формамъ обоихъ царствъ. Съ тѣхъ поръ, какъ узнали это, вопросъ о сущности органическихъ тѣлъ измѣнился. Нельзя сказать, чтобы это значительно подвинуло впередъ самое разрѣшеніе этого вопроса, потому что клѣточка—такая же, если не болѣе мудреная загадка, какою досихъ поръ былъ весь организмъ; но теперь споръ перенесенъ былъ въ другую сферу и предъ нимъ очутился вполнѣ опредѣленный, доступный наблюденію и притомъ простой объектъ. Вопросъ о сущности органическаго превратился въ вопросъ о сущности клѣточки, и вопросъ о различіи между органическими и неорганическими тѣлами превратился въ вопросъ о различіи

между заключающейся въ организмѣ клѣточной и образовавшимися изъ неорганической матеріи кубиками, шариками или кристаликами. Поэтому въ настоящее время въ вопросѣ о сущности органическаго нельзя сдѣлать шагу впередъ, не коснувшись по крайней мѣрѣ вкороткѣ клѣтчаточнаго устройства организмовъ, значенія, которое ему усвояется, и различныхъ способовъ его понимянія.

Всякій животный организмъ состоитъ изъ извѣстнаго числа органовъ, типически связанныхъ другъ съ другомъ и раздѣляющихся на отдѣльныя функціи, изъ которыхъ слагается жизнь организма. Каждый органъ состоитъ изъ извѣстнаго числа организованныхъ субстанцій, которыя называютъ тканями. Такихъ тканей не много: онѣ повторяются въ различныхъ органахъ одного и того же организма, только въ различныхъ комбинаціяхъ. Далѣе онѣ—однѣ и тѣ же для всего животнаго царства. Это было извѣстно еще до изобрѣтенія микроскопа. Этотъ фактъ зналъ уже Аристотель, ибо то, что онъ называлъ ὁμοιομερῆ есть ничто иное, какъ то, что теперь называютъ тканью. Но только при помощи микроскопа впервые узнали, что каждая отдѣльная органическая ткань сама въ свою очередь состоитъ изъ крошечныхъ тѣлецъ опредѣленной формы, на видъ похожихъ другъ на друга. Во вторыхъ нашли, что эти формальныя составныя части не безъ основанія могутъ быть приняты за настоящіе, формальные элементы, и что въ различныхъ видахъ тканей онѣ не теряютъ своего сходства, а бываютъ чрезвычайно похожи другъ на друга по своему виду и по своимъ проявленіямъ, особенно если имѣть въ виду ихъ первоначальное образованіе, такъ что они со всей справедливостью могутъ

быть названы partes similares, или ὅμοια μέρη. Но что особенно важно: оказывается, что эти ячеечныя и простѣйшія тѣла составляютъ формальные элементы не только всѣхъ животныхъ организмовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они же составляютъ тѣ формальные элементы, изъ которыхъ, какъ уже извѣстно, состоитъ растительная субстанція тканей во всѣхъ растеніяхъ, такъ что наименованіе тѣхъ и другихъ однимъ и тѣмъ же словомъ само собою напрашивалось на языкъ. Поэтому слово „ткань", которымъ обозначали уже элементарныя составныя части растеній, перенесли и на аналогическія съ ними формальные элементы животныхъ, и так. образомъ формулировалось положеніе, что ткань есть существенная составная часть всѣхъ организмовъ и что клѣтчаточное сложеніе составляетъ общій и самый существенный характеръ всего органическаго.

На первый разъ можетъ показаться, будто есть коекакія исключенія, которыя не дозволяютъ высказанному сейчасъ положенію придавать значеніе общаго правила. Но на самомъ дѣлѣ эти исключенія только кажущіяся; при ближайшемъ разсмотрѣніи и онѣ подойдутъ подъ общее правило.

Такое исключеніе прежде всего можно находить въ томъ, что огромная часть субстанцій, входящихъ въ составъ человѣческаго и животнаго тѣлъ, въ состояніи полнаго развитія не представляетъ ничего клѣтчаточнаго, а скорѣе имѣетъ волокнистое, трубко-образное или слоистое устройство. Это исключеніе устраняется изслѣдованіями надъ первоначальнымъ образованіемъ такихъ субстанцій. Эти изслѣдованія показали, что первоначально и онѣ состояли изъ тѣхъ же похожихъ другъ на друга шариковъ, какими онѣ являются въ

другихъ клѣтчаточныхъ субстанціяхъ. Такимъ образомъ всѣ волокнистыя трубко-образныя, или слоистыя составныя части тѣла обязаны своимъ происхожденіемъ только позднѣйшему превращенію простѣйшихъ клѣточекъ. Другое исключеніе составляетъ не какія либо части животныхъ, или растеній, а группа цѣлыхъ организмовъ, которые такъ малы, что ихъ видѣть можно только чрезъ микроскопъ, и которые не обнаруживаютъ въ себѣ клѣтчаточнаго сложенія, такъ какъ внутри ихъ нельзя замѣтить никакихъ особенныхъ органовъ. Это—такіе организмы, которые стоятъ на низшей степени организаціи и которые отчасти, какъ напр. инфузоріи, несомнѣнно принадлежатъ царству животныхъ, а отчасти и до сихъ поръ составляютъ предметъ спора, т. е. наука и доселѣ не рѣшила къ чему ихъ причислить: къ животнымъ, или къ растеніямъ.

Для соглашенія съ общимъ закономъ того факта, что есть живыя существа, которыя не обнаруживаютъ въ себѣ клѣтчаточнаго сложенія, и такимъ образомъ, по видимому, составляютъ исключеніе изъ этого закона, существуетъ два объясненія.

По одному изъ этихъ объясненій простѣйшіе и мельчайшіе организмы также точно, какъ самые сложные и высшіе, состоятъ изъ клѣточекъ; но эти послѣднія составныя части ихъ не доступны нашимъ теперешнимъ оптическимъ средствамъ, потому что хотя эти средства достаточны для того, чтобы замѣтить внѣшнюю форму тѣлъ, но недостаточны для того, чтобы различить послѣдніе формальные элементы ихъ. Такимъ образомъ такіе элементы могутъ существовать, но, чтобы видѣть ихъ—нуженъ оптическій аппаратъ съ увеличенною силою, которая также относилась бы къ силѣ самаго

сильнаго микроскопа, какъ эта послѣдняя къ силѣ простаго, не вооруженнаго глаза.

По другому, болѣе вѣроятному, объясненію, простѣйшія формы инфузорныхъ животныхъ потому и не разложимы на клѣточки, что все ихъ тѣло состоитъ не изъ множества такихъ клѣточекъ, а только изъ одной и единственной. Для ботаниковъ существованіе одно-клѣтчаточныхъ растеній давно уже несомнѣнно. Почему же не быть одно-клѣтчаточнымъ животнымъ? Дѣйствительно это предположеніе можетъ быть подкрѣплено и съ другой точки зрѣнія. Извѣстно, что высшіе организмы при своемъ образованіи или развитіи проходятъ рядъ разныхъ степеней. На нѣкоторыхъ изъ этихъ степеней они принимаютъ формы, обыкновенно бывающія постоянными формами твореній въ низшихъ видахъ развитія. Напр. человѣкъ на извѣстной, очень ранней степени развитія представляетъ изъ себя явственную форму жаберной дуги (Kiemenbögen), которая составляетъ постоянную принадлежность только низшихъ формъ позвоночныхъ животныхъ, именно рыбъ. Далѣе извѣстно, что исходный пунктъ для образованія организмовъ, первая степень, на которой находится образующійся организмъ, есть яицо, и это яицо имѣетъ всѣ аттрибуты простой клѣточки. Такимъ образомъ не было бы никакого противорѣчія законамъ аналогіи, если бы мы допустили, что есть низшія, животныя существа, которыя въ развитіи своей формы, остающейся ихъ постоянною формою на всю жизнь, не простираются дальше простой клѣточки.

Который бы изъ этихъ двухъ взглядовъ мы признали справедливымъ, во всякомъ случаѣ ни тотъ, ни другой не препятствуютъ допустить, что клѣтчаточная струк-

тура составляетъ первоначальное свойство всѣхъ организмовъ.

Теперь возникаетъ вопросъ: что такое клѣточка? какое значеніе имѣетъ она для цѣлаго организма? Не трудно составить себѣ представленіе о животной или растительной клѣточкѣ, даже никогда ее не видавши.

Представимъ себѣ слизистой кусочекъ, имѣющій форму совершеннаго шара; представимъ себѣ, что внутри этого слизистаго кусочка, — почти въ срединѣ, находится маленькая свѣтлая капелька или пузырекъ, и что снаружи все это заключено въ тоненькую, прозрачную кожицу, и мы будемъ имѣть понятіе и о внѣшнемъ видѣ и о составѣ клѣточки. Слизь, полужидкая масса, которую я назвалъ, какъ первую составную часть, есть въ то же время и главная составная часть: это и есть собственно тѣло клѣточки, или, какъ прежде говорили, содержаніе клѣточки. Свѣтлая капля, или пузырекъ есть такъ называемый зародышъ клѣточки (Zellenkeim), или Nucleus. Кожица, обнимающая клѣточку снаружи, есть клѣтчаточная плева, которая у растеній постоянно бываетъ въ формѣ толстаго мѣшечка, но въ животныхъ клѣточкахъ не составляетъ необходимой составной части; она можетъ здѣсь и не быть, или быть до такой степени тонкою, что ее нельзя уже и наблюдать.

То, что мы назвали слизью, и что на новѣйшемъ техническомъ языкѣ называется протопласмой (Protoplasma), на самомъ дѣлѣ не есть слизь, а субстанція, по своей плотности похожая на слизь: это смѣсь твердыхъ и жидкихъ веществъ. Жидкое вещество есть вода, которая составляетъ большую часть органической субстанціи; твердыя вещества отчасти разложены въ водѣ,

отчасти являются отрѣшенно отъ нея въ формѣ болѣе или менѣе крупныхъ, или мелкихъ крупинокъ; это частію—соли, частію—такъ называемая бѣлковина, жиры и пр.

Далѣе если мы спросимъ: какое значеніе имѣютъ эти элементарныя тѣла для всего организма, то опять получимъ не одинъ отвѣтъ. На этотъ счетъ существуетъ два главныхъ взгляда; они образовались сряду же по открытіи структуры клѣтчатокъ, но теперь одинъ изъ нихъ значительно уже вытѣснилъ другой.

Какъ скоро нашли, что послѣднія составныя части всего органическаго суть круглые слизистые шарики, или пузырьки, то прежде всего возникла мысль, что эти тѣльца могутъ имѣть аналогію себѣ въ неорганическомъ мірѣ. Если бы это оказалось справедливымъ, то мы имѣли бы въ клѣточкѣ переходный членъ, чрезъ который неорганическая матерія переступаетъ порогъ органическаго. Пузырекъ, клѣточка были бы формой, которую стоило лишь матеріи принять, чтобы начать организоваться. Огромная бездна, существующая между обоими царствами природы для ограниченнаго взгляда, разомъ уничтожилась бы.

Можно было думать, что капельная, или пузырьковая форма есть нѣчто такое, что во многихъ веществахъ частію образуется само собою подъ вліяніемъ физическихъ силъ, частію легко можетъ быть произведено искуственно. Не могли ли и пузырьки, изъ которыхъ состоятъ органическія тѣла, возникнуть такимъ образомъ? Если бы удалось произвести такую капельку искуственно, то это была бы органическая клѣточка. А такъ какъ сложные организмы представляютъ въ себѣ сочетаніе, или комплексъ такихъ клѣточекъ, то

стоитъ лишь понять образованіе и сущность одного такого тѣльца, чтобы разгадать тайну цѣлаго организма. Дѣйствительно нѣкоторые естествоиспытатели возлагали такія сангвиническія надежды на открытіе клѣтчаточнаго устройства организмовъ. „Дайте мнѣ пузырекъ, способный къ всасыванію, сказалъ химикъ Распайль, и я построю вамъ цѣлый организмъ."

Прибѣгали къ помощи всевозможныхъ опытовъ и теорій, чтобы доказать возможность образованія клѣточки изъ неорганической матеріи. Между прочимъ утверждали, что если взять бѣлокъ яица, смѣшать его съ жидкимъ жиромъ и взболтать вмѣстѣ, то образуется множество маленькихъ, твердыхъ шариковъ, которые бываютъ окружены бѣлковинной кожицей и изъ которыхъ каждое чрезвычайно похоже на органическую клѣточку.

Далѣе призывали на помощь явленіе кристаллизаціи и утверждали: какъ въ жидкости, содержащей въ себѣ какое нибудь твердое вещество въ разрѣшенномъ состояніи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ это вещество осаждается въ маленькія частички опредѣленной формы, такъ и въ жидкости, въ которой находятся всѣ необходимыя для жизни организма вещества, при извѣстныхъ условіяхъ вмѣсто кристалловъ образуются пузырьки. Для этого не много нужно: стоитъ только какому нибудь самому крохотному кристаллу, находившемуся въ разрѣшенномъ состояніи, и потомъ достигшему полнаго, компактнаго образованія, свойственнаго кристалламъ, имѣть внутри себя маленькую пустоту, наполненную водою, и стоитъ лишь субстанціи, которая въ немъ окристаллизовалась, вмѣсто того, чтобы быть твердою и непроницаемою, остаться мягкою, пле-

вистою, способною къ текучести и доступною для жидкости. Слѣдствіемъ этого—какъ легко себѣ представить—было бы то, что осадокъ, при которомъ образуется родъ кристалла и дѣлается крохотнымъ, замѣтнымъ только чрезъ микроскопъ зернышкомъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивался бы въ объемѣ, какъ это бываетъ съ кристаллами, принималъ бы все болѣе и болѣе жидкости извнѣ, и такимъ образомъ возросъ бы въ то, что мы называемъ клѣточкой.

Эта гипотеза для объясненія сущности органическихъ тѣлъ впервые высказана была Ѳеодоромъ Шванномъ, открывшимъ животную клѣточку.

Но какъ гипотеза Шванна, такъ и всѣ другія подобныя ей гипотезы, выходившія изъ мысли, что для органической клѣточки существуетъ какая нибудь аналогія въ неорганической природѣ, и что долженъ быть какой нибудь физико-химическій процессъ, который можно было бы сравнивать съ образованіемъ клѣточки и объяснять это образованіе, въ настоящее время почти оставлены и уступили свое мѣсто другому взгляду на клѣточки, особенно удачно раскрытому Вирховомъ. По этому взгляду выходитъ, что клѣточка не есть органическій атомъ или молекула (какъ представляется она въ предъидущемъ взглядѣ), входящая въ этомъ качествѣ въ органическій обмѣнъ матеріи, а скорѣе есть тѣло со всѣми свойствами обозначаемыми словомъ „организація“, что она есть живое органическое тѣло, отдѣльное органическое существо. По этому взгляду клѣточкѣ принадлежатъ всѣ тѣ явленія, которыя мы вообще признаемъ основными явленіями жизни въ организмахъ. Прежде всего находятъ въ клѣточкѣ явленіе распложенія, т. е. признаютъ очень вѣроятнымъ, что отдѣльныя клѣточки

точно также, какъ цѣлое животное, или растеніе, не вновь образуются изъ неорганической безформенной матеріи, а скорѣе всякой разъ происходятъ отъ подобныхъ себѣ клѣточекъ, что всѣ тѣ явленія, которыя входятъ въ процессъ образованія клѣточекъ, суть ничто иное, какъ явленія умноженія, распложенія, распространенія клѣточекъ. Такимъ образомъ сформировалось слѣдующее положеніе: omnis cellula a cellula (всякая клѣточка происходитъ отъ клѣточки), по подобію извѣстнаго положенія Гарвея: omne vivum ex ovo (все живое происходитъ отъ яица).

Кромѣ явленій распложенія клѣточкѣ принадлежатъ также и явленія питанія и возрастанія, и до нѣкоторой степени явленія сжимаемости (contractilität) и, вѣроятно, также явленія чувствительности. Каждая отдѣльная клѣточка, будетъ ли она составлять тѣло цѣлаго животнаго, или только самую крохотную частичку его, можетъ питаться, воспринимать вещества, усвоять ихъ себѣ и снова выдѣлять ихъ; она можетъ увеличиваться чрезъ возрастаніе и умножаться чрезъ распложеніе. Многія клѣточки способны къ нѣкоторому измѣненію вида, которое можетъ напр. имѣть мѣсто при простѣйшихъ формахъ движенія животнаго; наконецъ насколько явленія чувствительности въ цѣломъ организмѣ связаны, по видимому, съ извѣстной дѣятельностью массы клѣточекъ, находящихся въ головномъ и спинномъ мозгу, нужно приписать клѣточкѣ и способность къ воспріятію внѣшнихъ впечатлѣній.

Всѣ эти проявленія дѣятельности, въ которыхъ выражается жизнь клѣточки, происходятъ въ ней совсѣмъ не такъ, какъ мы привыкли наблюдать ихъ въ организмахъ вообще.

Наприм. питанiе сложнаго организма есть такой процессъ, въ которомъ принимаетъ участiе нѣсколько отдѣльныхъ органовъ, и который дробится на большое количество отдѣльныхъ отправленiй (Thätigkeiten). Напротивъ питанiе клѣточки совершается почти незамѣтно; хотя оно позволяетъ о себѣ знать, но не позволяетъ себя анализировать. Равнымъ образомъ размноженiе организма есть процессъ сложный, распложенiе клѣточки напротивъ состоитъ въ простомъ раздѣленiи, въ распаденiи на двѣ половины, при чемъ каждая изъ обѣихъ половинъ снова принимаетъ форму цѣлаго. То же нужно сказать и о другихъ проявленiяхъ дѣятельности клѣточекъ.

Если послѣ этого мы должны будемъ смотрѣть на клѣточки, какъ на организованныя тѣла—потому что имъ принадлежатъ всѣ отдѣльныя жизненныя явленiя,—то вмѣстѣ съ тѣмъ принуждены будемъ представлять себѣ клѣточку организмомъ возможно-простымъ, элементарнымъ, и на этомъ основанiи справедливо можно называть клѣточки *элементарными организмами*. Слизистый шарикъ съ свѣтлой каплей въ срединѣ и съ нѣжной кожицей снаружи на самомъ дѣлѣ есть живое тѣло, и жизнь этого тѣла слагается изъ тѣхъ же факторовъ, изъ которыхъ слагается жизнь цѣлаго животнаго, или цѣлаго растенiя. Но жизненныя явленiя выступаютъ здѣсь въ своей простѣйшей, элементарной формѣ и всѣ сводятся къ одному и тому же субстрату, именно къ твердо-мягкому, полужидкому тѣлу клѣточки, не обнаруживающему въ себѣ никакой дальнѣйшей сложности.

Всякiй высшiй, сложный организмъ состоитъ изъ соединенiя крошечныхъ тѣлъ, которыя сами въ свою

очередь суть организмы, и въ которыхъ повторяются всѣ виды дѣятельности, замѣчаемые нами въ цѣлыхъ организмахъ. Эти крошечныя тѣла implicite заключаютъ въ себѣ то, что мы explicite находимъ въ цѣломъ.

Итакъ послѣ этого не должно казаться страннымъ, что есть простые организмы, которые состоятъ только изъ одной клѣточки, и что есть клѣточки, которыя представляютъ въ себѣ цѣлое животное тѣло. Если клѣточка есть организмъ, то могутъ быть также и организмы, состоящіе изъ одной клѣточки; и если есть растенія и животныя дѣйствительно похожія по виду на простую клѣточку, то этимъ подтверждается понятіе о клѣточкѣ, какъ объ организованномъ тѣлѣ.

Такимъ образомъ значеніе открытія клѣтчаточнаго устройства организмовъ для уразумѣнія ихъ сущности, кажется, всего лучше можетъ быть объяснено сравненіемъ. На это сравненіе наводитъ уже насъ и самое словоупотребленіе.

Издавна устройство живого существа сравниваютъ съ устройствомъ общества и вслѣдствіе этого употребляютъ слово организмъ какъ въ физіологическомъ, такъ и въ политическомъ значеніи. Подъ организмомъ политическимъ разумѣютъ устройство общества, подъ организмомъ физіологическимъ внутренній распорядокъ частей и органовъ, свойственный живому существу и необходимый для жизни.

Но только съ тѣхъ поръ, какъ узнали съ помощью микроскопа послѣднія составныя части органическихъ существъ, открылась возможность дать себѣ отчетъ, въ чемъ состоитъ это сходство. Именно чрезъ микроскопъ мы можемъ видѣть и наблюдать отдѣльныя части, изъ которыхъ состоитъ физіологическій организмъ. Эти

части суть тѣ крошечныя тѣла, которыя называютъ клѣточками.

Каждое общество представляетъ собою правильно организованный союзъ огромнаго числа недѣлимыхъ, которыя похожи (homolog) другъ на друга, но находятся въ различныхъ отношеніяхъ къ цѣлому. Такъ же точно и каждый живой организмъ состоитъ изъ совокупности отдѣльныхъ частицъ, или клѣточекъ, систематически связанныхъ въ матеріальное единство въ живомъ растительномъ и животномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ по этому второму взгляду, обоснованному Вирховомъ, организмъ есть какъ-бы общество клѣточекъ, и каждая, заключающаяся въ немъ, клѣточка относится къ нему такъ же, какъ отдѣльные члены общества къ цѣлому общественному тѣлу. И какъ въ обществѣ повторяются тѣ же отношенія, какія встрѣчаются и въ жизни отдѣльныхъ членовъ его, такъ точно и въ сложномъ организмѣ повторяются тѣ же виды дѣятельности, какіе находятся и въ отдѣльныхъ клѣточкахъ. Жизнь того и другого организма есть ничто иное, какъ результатъ взаимодѣйствія всѣхъ, входящихъ въ составъ его, отдѣльныхъ, элементарныхъ организмовъ.

Этотъ взглядъ на клѣточку въ новѣйшее время распространяется все болѣе и болѣе. Если сравненіе клѣтчаточнаго организма съ общественнымъ тѣломъ, состоящимъ изъ недѣлимыхъ, не можетъ быть строго проведено въ подробностяхъ, то по крайней мѣрѣ по нему можно составить себѣ общее представленіе о значеніи клѣточки для организма. Конечно это сравненіе ничего не даетъ для разъясненія самой природы клѣточки; жизнь клѣточки—снова повторимъ—остается для насъ еще болѣе мудреною загадкою, чѣмъ жизнь цѣлаго

животнаго, цѣлаго растенія. Клѣтчаточное строеніе составляетъ отличительную, характеристическую особенность всѣхъ организмовъ, но оно не даетъ намъ ни малѣйшей возможности свести сущность органическихъ тѣлъ на сущность неорганическихъ.

Теперь сдѣлаемъ общее сравненіе органическихъ тѣлъ съ неорганическими. Это сравненіе будетъ касаться трехъ пунктовъ: во-первыхъ формы органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, во-вторыхъ возникновенія формы, или образованія органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, и въ третьихъ отношенія, въ которомъ находится форма къ матеріи съ одной стороны въ органическихъ, съ другой—въ неорганическихъ тѣлахъ.

Между неорганическими тѣлами есть только одинъ, опредѣленный классъ, который можетъ идти здѣсь въ расчетъ, именно тѣ тѣла, которыя имѣютъ опредѣленную, связанную съ ихъ сущностью форму, въ противоположность тѣмъ, въ которыхъ форма опредѣляется внѣшними вліяніями. Такими тѣлами внѣ организмовъ являются только кристаллы. Всѣ остальные предметы видимаго міра или вовсе не имѣютъ опредѣленной формы, или если имѣютъ ее, то бываютъ обязаны ею или внѣшнимъ, случайнымъ вліяніямъ, или воздѣйствію людей и животныхъ. Напротивъ, на кристаллы съ давнихъ поръ смотрятъ какъ на тѣла, ближе всѣхъ стоящія къ организмамъ, и вслѣдствіе этого прямо называютъ ихъ минеральными организмами. Такъ какъ сходство въ сущности предполагаетъ сходство въ образованіи и возникновеніи, то въ процессѣ *кристаллизаціи* надѣялись найти ключь къ разгадкѣ процесса *организаціи*, или образованія и возникновенія организмовъ.

Такимъ образомъ мы не можемъ не коснуться сходства кристалловъ съ организмами.

Если мы сопоставимъ форму и образованіе организмовъ съ формою и образованіемъ кристалловъ, то хотя и не будетъ недостатка въ аналогіяхъ, но разности гораздо поразительнѣе.

Нѣкоторое сходство со стороны общей формы между кристаллами и организмами можно находить въ томъ, что въ тѣхъ и другихъ обнаруживаются извѣстные законы симметріи. Кристаллы имѣютъ симметрическія и не симметрическіе плоскости, грани, углы; организмы —симметрическіе части, члены, органы. Что же касается частностей, то какъ въ формахъ кристалловъ, такъ и въ организмахъ господствуетъ такое разнообразіе, что нѣтъ никакой возможности вести параллель дальше. Вообще симметрія кристалловъ совершенна въ томъ отношеніи, что ее можно опредѣлять математически, и она бываетъ равно выдержана по всѣмъ тремъ направленіямъ пространства. Но симметрія организмовъ можетъ быть названа совершенною уже въ другомъ отношеніи. Такъ какъ въ кристаллахъ находятся только плоскости, ребра, углы, то видъ симметріи придаютъ имъ свойства поверхности. Въ организмахъ симметрія внѣшнихъ формъ всегда сводится къ симметріи внутреннихъ органовъ, къ симметріи построенія, къ структурѣ.

Вторымъ пунктомъ сравненія можетъ служить разность величины (Grössenunterschiede) съ одной стороны въ кристаллахъ, съ другой въ организмахъ. Въ организмахъ величина, которую могутъ принимать отдѣльныя тѣла, бываетъ опредѣленною для каждой формы животныхъ и растеній; она можетъ измѣняться только въ тѣсныхъ границахъ; причина, полагающая границы прибавкѣ или убавкѣ величины, заключается въ самомъ организмѣ, и только въ самыхъ ничтожныхъ раз-

мѣрахъ можно искать ее во внѣшнихъ вліяніяхъ. Въ кристаллахъ не существуетъ для каждой отдѣльной формы опредѣленныхъ, ей только принадлежащихъ размѣровъ. Только отъ случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ зависитъ то, что одинъ и тотъ же кристаллъ иногда бываетъ слишкомъ великъ, иногда слишкомъ малъ.

Самое поразительное различіе между кристаллами и организмами со стороны формы состоитъ въ томъ, что тѣла послѣднихъ бываютъ округлены, а не ограничены ровными плоскостями и прямыми линіями, какъ тѣла кристалловъ. Это одинаково справедливо, возьмемъ ли мы для сравненія сложный, или простой организмъ, цѣлый организмъ, или только часть его, или послѣднія составныя его части. Въ самомъ дѣлѣ клѣточка, которая вездѣ, гдѣ только она является въ первоначальномъ своемъ видѣ, имѣетъ форму шара, яснѣйшимъ образомъ показываетъ, что сфера есть основная форма всего органическаго. Впрочемъ этого различія нельзя вести по всѣмъ формамъ организмовъ и кристалловъ. Какъ есть кристаллы съ округленными углами, также точно съ другой стороны есть организмы, своими острыми гранями и ровными плоскостями напоминающіе форму кристалловъ. Такіе организмы мы встрѣчаемъ наприм. между растеніями въ двурѣзникахъ (Diatomeen), или бацилляріяхъ (Bacillarien); между ними многіе имѣютъ форму угловатаго прутика. Между животными нѣкоторыя инфузоріи, носящія названіе радіоларіевъ (Radiolarien) имѣютъ такой скелетъ, что почти цѣлое животное можно принять за кучку кристалловъ. Наконецъ есть извѣстныя, не полныя образованія кристалловъ, кристальные минералы, которые по своей

структурѣ похожи на нѣкоторыя органическія субстанціи. Такъ наприм. волокнистая масса асбеста поразительно похожа на волокнистую массу животныхъ жилъ. Равнымъ образомъ нѣкоторымъ древовиднымъ образованіямъ кристалловъ (лучшее представленіе о нихъ можно получить по стекламъ, расписаннымъ морозомъ) нельзя отказать въ сходствѣ съ органическими и особенно растительными образованіями.

Поэтому внутреннія свойства имѣютъ въ настоящемъ случаѣ больше важности, чѣмъ внѣшная форма. Всякой кристаллъ по своей сущности есть твердое, компактное й однородное тѣло. Напротивъ субстанція, изъ которой состоятъ органическія тѣла, во всѣхъ случаяхъ представляетъ изъ себя смѣсь различныхъ веществъ, изъ которыхъ одни бываютъ жидкими, другія твѐрдыми. Нѣтъ ни одного органическаго тѣла, въ которомъ бы вода въ капельно-жидкомъ оостояніи не составляла существенной составной части. Кромѣ того, даже въ самомъ простѣйшемъ изъ всѣхъ организмовъ, въ клѣточкѣ, можно замѣчать различіе между формою составныхъ частей, именно можно различать кожицу, или корочку и ядро — твердую корочку и жидкое содержаніе. Затѣмъ всѣ сложные организмы состоятъ изъ массы различныхъ составныхъ частей, которыя называютъ органами, тканями и формальными элементами. Каждая изъ этихъ частей по своему положенію, по своей формѣ и по своимъ отправленіямъ находится въ опредѣленномъ отношеніи къ цѣлому; ни одной изъ нихъ нельзя уничтожить, не повредивши цѣлому. Въ силу этого-то свойства и называютъ организмы индивидуумами. Въ кристаллахъ нѣтъ ничего подобнаго. Большая часть ихъ распадается на кристаллы меньшей величины, суще-

ственно ничего отъ этого не теряя. Поэтому если и называютъ иногда кристаллы индивидуумами, то несправедливо.

Со стороны формы и состава мы должны обратить здѣсь вниманіе на родъ и способъ происхожденія. Для организмовъ имѣетъ силу правило: omne vivum ex ovo. За огромное большинство всѣхъ организмовъ можно съ увѣренностью сказать, что они не только не могли образоваться изъ безформенной матеріи, какъ кристаллы, но и что каждый изъ нихъ возникъ изъ маленькаго, уже сформированнаго и организованнаго, на манеръ клѣточки построеннаго тѣла, которое называютъ то зерномъ, то шпорнемъ, то яицомъ и которое образуется въ организмѣ того же вида. Изъ этого зерна организмъ развивается чрезъ процессъ роста и развитія, которому нѣтъ никакой аналогіи въ неорганическихъ тѣлахъ. Впрочемъ издавна уже усиливаются доказать сходство въ способѣ образованія организмовъ и кристалловъ. Однажды сдѣлана была даже попытка приписать кристалламъ родъ половаго распложенія. Такъ еще Линней смотрѣлъ на отпрыскиваніе кристалловъ, какъ на результатъ оплодотворенія камня матери мужской солью. Естественно, что въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи объ этомъ; правильное возникнованіе и исчезновеніе не составляетъ принадлежности кристалловъ. За то въ новѣйшее время дѣлаютъ попытки въ противоположномъ родѣ, именно утверждаютъ, что и въ организмахъ половое распложеніе допускаетъ исключенія и въ этихъ исключеніяхъ думаютъ находить аналогію между кристаллизаціей и организаціей.

Если вещество, изъ котораго состоитъ извѣстный

кристаллъ, разложить въ достаточной массѣ жидкости, или при извѣстной степени теплоты обратить въ жидкое состояніе, и если эту жидкость предоставить самой себѣ, т. е. дать ей или улетучиться, или остыть, то можно быть увѣрену, что при этихъ условіяхъ кристаллъ снова образуется. Но теперь если выйти изъ предположенія, что сила, образующая организмы, тождественна или родственна съ тою, которая производитъ кристаллизацію, то нужно было бы ожидать, что если обратить въ водянистую жидкость всѣ составныя части организма и потомъ провести на нее нужное количество свѣта и тепла, то вмѣсто кристалла образуется органическое тѣло, хотя бы то и въ простѣйшей формѣ. Естественно нельзя надѣяться произвести этимъ способомъ Homunculus-a, — но если бы даже удалось имъ доказать возникновеніе плѣсеннаго гриба, или какого нибудь инфузорнаго животнаго, и это было бы очень важно для уразумѣнія сущности органическихъ тѣлъ.

Дѣйствительно сдѣлано было много опытовъ и наблюденій съ цѣлію доказать, что низшіе организмы возникаютъ сами собою при благопріятныхъ условіяхъ. Многіе утверждаютъ, что если водянистый настой животныхъ, или растительныхъ субстанцій поставить въ температурѣ, благопріятной для организмовъ и предоставить свободный доступъ свѣту и воздуху, и если чрезъ нѣсколько времени жидкость изслѣдовать подъ микроскопомъ, то въ ней окажется масса крошечныхъ растительныхъ, или животныхъ организмовъ. Съ перваго разу это явленіе, по видимому, не допускаетъ никакого другого объясненія, кромѣ того, что въ такой жидкости могутъ образоваться организмы при подоб-

ныхъ условіяхъ, при которыхъ въ другомъ случаѣ образуются кристаллы.

Но теперь оказывается, что возможно и другое объясненіе этого явленія, и что на дѣлѣ эти наблюденія не имѣютъ той доказательности, которую имъ приписывали. Теперь извѣстно, что какъ въ атмосферномъ воздухѣ, такъ и въ ключевой и дождевой водѣ могутъ обрѣтаться носящіеся въ нихъ маленькіе зародыши низшихъ организмовъ, которые, попавъ на мѣста благопріятное для ихъ развитія и питанія, прививаются и развиваются въ маленькое животное, или растеніе. Далѣе извѣстно, что эти низшіе организмы имѣютъ способность, разъ приставши къ какому нибудь мѣсту, чрезвычайно скоро размножаться, такъ что достаточно нѣсколькихъ сѣмянъ для развитія, чтобы въ короткое время развелось цѣлое населеніе. Такимъ образомъ легко придти къ мысли, что въ указанномъ выше опытѣ возникновеніе плѣсенныхъ грибовъ и инфузорій зависитъ не отъ того, что эти организмы произвольно выродились изъ загнившей матеріи, а отъ того, что употребленныя въ дѣло субстанціи заключали въ себѣ зародыши тѣхъ формъ, которыя потомъ очутились здѣсь въ полномъ развитіи. Нѣкоторые доказываютъ справедливость этого объясненія противоположнымъ опытомъ. Именно, если при опытѣ принять всѣ нужныя предосторожности, умертвить всѣ, могущіе быть въ употребленной для опыта матеріи животные и растительные зародыши, и затѣмъ позаботиться о томъ, чтобы во все продолженіе опыта дозволять доступъ только такому воздуху, который не можетъ содержать такихъ зародышей (они могутъ быть истреблены въ немъ жаромъ), то не окажется ни одного плѣсеннаго гриба и

ни одной инфузоріи, сколько бы времени жидкость ни стояла.

Если это справедливо (а едва ли можно сомнѣваться въ этомъ, хотя дѣло еще не рѣшено окончательно), то отсюда слѣдуетъ, что положеніе omne vivum ex ovo должно быть распространено и на низшіе и простѣйшіе организмы, и что мы до сихъ поръ не знаемъ ни одного организма, который образовался бы по способу кристалловъ, что скорѣе всѣ организмы, какіе мы знаемъ, возникаютъ отъ дѣйствительной матери, отъ организованнаго материнскаго организма. Мы уже замѣтили, что то, что можно сказать объ организмахъ въ цѣломъ, можетъ быть примѣнено и къ мельчайшимъ живымъ частямъ ихъ, къ клѣточкамъ или элементарнымъ организмамъ. Образованіе клѣточекъ такъ же мало можно свести на образованіе кристалловъ, какъ и образованіе организмовъ.

Вообще если есть физико-химическія силы, которыми можно объяснить образованіе организмовъ, то во всякомъ случаѣ онѣ должны быть не тѣ, которыя дѣйствуютъ при образованіи кристалловъ.

Остается еще сравнить организмы съ кристаллами со стороны того отношенія, въ которомъ находятся свойства матеріи, входящей въ составъ тѣхъ и другихъ, къ формѣ, свойственной тому и другому роду тѣлъ.

О кристаллахъ мы знаемъ, что ихъ форма непосредственно связана съ химическими свойствами матеріи. Самымъ яснѣйшимъ образомъ это можно видѣть въ такъ называемомъ *изоморфизмѣ*: безчисленными опытами доказано, что форма извѣстнаго кристалла внутреннѣйшимъ образомъ связана съ химическими свой-

ствами его матеріи и что малѣйшее измѣненіе этихъ свойствъ измѣняетъ и форму кристалла. Кристаллы обнаруживаютъ огромное разнообразіе со стороны формы; этому разнообразію вполнѣ соотвѣтствуетъ такое же разнообразіе и со стороны химическаго состава.

Совершенно другое отношеніе мы видимъ въ организованныхъ тѣлахъ. Извѣстно, что растенія и животныя несравненно богатѣе формами кристалловъ. Но этому богатству формъ вовсе не соотвѣтствуетъ разнообразіе въ свойствахъ матеріи, входящей въ составъ растительныхъ и животныхъ тѣлъ; напротивъ тѣ субстанціи, которыя при жизни животнаго или растенія играютъ самую важную роль, во всѣхъ органическихъ тѣлахъ одни и тѣ же.

Такимъ образомъ на одной сторонѣ мы находимъ разнообразіе формъ при измѣняющемся химическомъ составѣ, на другой еще большее разнообразіе при поразительномъ сходствѣ матеріальныхъ составныхъ частей. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что между формою и матеріей въ организмахъ должно находиться совсѣмъ иное отношеніе, чѣмъ въ кристаллизованныхъ минералахъ, что форма организмовъ должна имѣть другое основаніе, чѣмъ форма кристалловъ.

Еще есть сторона, съ которой мы можемъ взглянуть на занимающій насъ вопросъ и придемъ къ тому же результату.

Кристаллъ можетъ держаться только до тѣхъ поръ, пока матеріальныя частички, или молекулы, находятся въ томъ же положеніи, которое они приняли въ моментъ возникновенія. Измѣните, или разрушьте какъ нибудь матерію, и форма кристалла разрушится, кристаллъ перестанетъ существовать.

Совершенно наоборотъ бываетъ въ организмахъ. Ихъ форма наилучшимъ образомъ выдерживается въ теченіе ихъ жизни и постепенно уничтожается, когда оканчивается жизнь. Но жизненный процессъ по существеннымъ обстоятельствамъ и основнымъ условіямъ состоитъ въ томъ, что постоянно происходитъ воспріятіе новыхъ веществъ извнѣ и выдѣленіе старыхъ, и это нужно сказать какъ объ организмѣ въ цѣломъ, такъ и о каждой малѣйшей частицѣ его, о каждой клѣточкѣ, о каждомъ волокнѣ. Посему если составъ живого, органическаго тѣла, или части его, во всякой данный моментъ бываетъ одинъ и тотъ же, то матеріальныя частички, содержащіяся въ немъ, въ каждое мгновеніе бываютъ другія. Можно сказать, что форма органическихъ тѣлъ поддерживается чрезъ постоянное обновленіе матеріи и пропадаетъ, какъ скоро это обновленіе матеріи, или, какъ обыкновенно выражаются, обмѣнъ матеріи останавливается.

Отсюда слѣдуетъ, что форма организмовъ должна находиться въ совершенно иномъ отношеніи къ матеріи, изъ которой они состоятъ, чѣмъ въ кристаллахъ, или въ какихъ-либо другихъ неорганическихъ тѣлахъ. Форма организмовъ не зависитъ отъ свойствъ матеріи, какъ форма кристалловъ; она поддерживается и въ то время, когда матерія измѣняется, или обновляется; она даже требуетъ для своего поддержанія такого обмѣна, такого обновленія, и посему есть нѣчто такое, что стоитъ выше химико-физическихъ процессовъ.

Если мы примемъ въ разсчетъ всѣ эти и подобныя имъ соображенія, то ничего не останется больше дѣлать, какъ намъ успокоиться на положеніи, что организмы основаніе своей формы заключаютъ въ самихъ

себѣ, хотя и не исключительно въ химическихъ свойствахъ и въ физическихъ силахъ матеріи, или дѣлать шагъ дальше и допустить существованіе особеннаго, формирующаго принципа въ организмахъ наряду съ матеріальнымъ субстратомъ и присущими ему силами. Въ древности уже замѣчали необходимость этого шага, и особенно Аристотель пытался опредѣлить отношеніе между формою и матеріей въ организмахъ; онъ неоднократно высказывалъ убѣжденіе, что въ каждомъ организмѣ на ряду съ матеріальнымъ субстратомъ нужно допустить существованіе отличной отъ него причины, которая направляетъ развитіемъ формы. Для поясненія своей мысли Аристотель пытался сравнивать организмы съ произведеніями искуства, съ зданіями, или съ статуями. Какъ для созданія какого нибудь произведенія искуства нужны двѣ вещи, прежде всего приличный матеріалъ вмѣстѣ съ орудіями для его обработки, и потомъ нѣчто отличное отъ него, именно опредѣленный планъ, по которому должна быть произведена работа: равнымъ образомъ и для образованія организма необходимы двѣ вещи, во-первыхъ матерія съ опредѣленными свойствами и силами, и во-вторыхъ принципъ, который соединяетъ ее по какому нибудь плану.

Для обозначенія этого принципа Аристотель употреблялъ слова: *εἶδος* (видъ), *μορφή* (образъ), *ουσία* (сущность), *ἐντελέχεια* (субстанція); а такъ какъ нельзя было свести этого принципа на матеріальныя причины, то онъ прямо отождествилъ его съ *ψυχή* (душею).

Позднѣе пытались выразить то же самое словами: vis essentialis (существенная сила), vis plastica (пластическая, образовательная сила), idea operatrix (зиждительная идея), nisus formativus (образовательное стре-

мленіе). Это мнѣніе находило своихъ защитниковъ всегда между тѣми особенно естествоиспытателями, которые предметомъ своихъ изслѣдованій избрали способъ образованія и развитія.

Въ новѣйшее время, когда начали примѣнять и къ органическимъ тѣламъ и къ жизненнымъ процессамъ точный физическій и химическій анализъ, обыкновенно примѣняемый къ тѣламъ и процессамъ природы, подъ вліяніемъ огромныхъ успѣховъ, пріобрѣтенныхъ въ этой области, впервые пришли къ мысли, что для объясненія явленій органической природы не нужно другого принципа, кромѣ физическихъ и химическихъ силъ. Отсюда и образовалась извѣстная противоположность въ пониманіи органическихъ тѣлъ; но въ настоящее время эта противоположность не можетъ пока обратиться въ правильный споръ.

Съ своей стороны мы не видимъ почему бы признаніе принципа, господствующаго надъ отдѣльными процессами въ органическихъ тѣлахъ, не могло мириться съ признаніемъ, что самые эти процессы слѣдуютъ химическимъ и физическимъ правиламъ; по крайней мѣрѣ такое признаніе не противорѣчитъ задачѣ физіологіи — анализировать отдѣльные жизненные процессы химически и физически.

И. Троицкій.

ПО ВОПРОСУ О СОЕДИНЕНІИ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ВОСТОЧНОЮ, ПРАВОСЛАВНОЮ.

Православная Восточная Церковь, вѣрная молитвенному слову самого Спасителя, *да вси едино будутъ*, всегда молила и молитъ Бога, при каждомъ своемъ Богослуженіи, о соединеніи всѣхъ христіанъ. Безъ сомнѣнія, чтобы основательнымъ образомъ рѣшить вопросъ о соединеніи разномыслящихъ христіанскихъ обществъ, нужно предварительно раскрыть общія основанія, на которыхъ можетъ и долженъ утвердиться истинный, а не мнимый, союзъ во Христѣ. Основанія эти должны быть не иныя, какъ строго каноническія, т. е. заимствованныя изъ слова Божія и основныхъ началъ вселенской Церкви. Здѣсь нельзя ограничиваться ни одними соображеніями человѣческаго разума, ни частными мнѣніями той или другой стороны, ни какими нибудь внѣшними по отношенію къ Церкви видами, напр. гражданскими или политическими. Если мы хотимъ, чтобы наше соединеніе было въ собственномъ смыслѣ духовное, то должны со всею строгостію выдерживать его церковный характеръ, а для этого взять основанія союза ни откуда болѣе, какъ изъ существа, духа и жизни самой Церкви, т. е. Церкви вселенской. Исти-

ная Церковь Христова есть и должна быть одна въ мірѣ; она должна быть сама въ себѣ *вселенская*, т. е. не только не должна ограничиваться извѣстными мѣстами, народами, временами, но и не раздѣляться въ исповѣданіи вѣры; разныя помѣстныя церкви, если онѣ истинны, если хотятъ всегда быть истинными, должны смотрѣть на себя и въ глазахъ другихъ представляться не иначе, какъ частями этой одной Церкви; поэтому и соединеніе между ними можетъ состояться не иначе, какъ слагаются части одного цѣлаго, т. е. единствомъ основаній и силою внутреннихъ, а не внѣшнихъ, связей. Гдѣ же слѣдовательно искать основаній для единенія, какъ не въ основахъ цѣлаго? Что же и можетъ скрѣпить союзъ между отдѣльными частями, какъ не единство цѣлаго? Откуда же и брать самую идею единенія, какъ не изъ идеи цѣлаго? Говоря яснѣе: соединеніе должно въ точности и во всей чистотѣ осуществить и выразить въ себѣ истинную идею, характеръ, существо и цѣли *единой* истинной, *вселенской* Церкви Христовой; частныя церкви въ своемъ единеніи должны всѣ вмѣстѣ, такъ сказать, олицетворить вселенскую Церковь и представить ее въ дѣйствительности.

Въ дѣйствительности соотношеніе между разномѣстными церквами можетъ имѣть и имѣетъ разные виды и степени: поэтому и единеніе ихъ въ смыслѣ церковномъ бываетъ болѣе или менѣе совершенно, а отсюда условія для совершеннаго союза ихъ въ составѣ единой Церкви вселенской должны быть не одинаковы. Есть единеніе *вѣры*—въ собственномъ смыслѣ, которое мы назовемъ здѣсь *догматическимъ*, когда христіане разныхъ мѣстъ и національностей, согласно и неизмѣнно, исповѣдуютъ одно и тоже вѣроученіе и не только

въ основныхъ догматахъ, но и въ частныхъ предметахъ вѣры нисколько не разногласятъ между собою, когда и въ буквальномъ изложеніи вѣры и въ ея пониманіи они совершенно единомысленны. Таково единеніе церквей греко-восточной, славяно-русской и грузинской.

Могутъ быть нѣкоторыя соотношенія между церквами и внѣ исповѣданія вѣры. Такъ есть соотношеніе *іерархическое*, когда, при недостаткѣ единенія догматическаго, разномыслящія церкви сохраняютъ въ себѣ непрерывное изъ одного источника преемство священноначалія. Въ такомъ соотношеніи между собою находятся напр. церкви восточная и западная, греческая и армянская. Не смотря на разность вѣроисповѣданія, Православная Церковь всегда признавала рукоположеніе священства въ церкви римской и армянской и въ условія совершеннаго воссоединенія ихъ съ собою не вносила новаго рукоположенія ихъ священнослужителей отъ православныхъ епископовъ. Это имѣетъ свою важность и очень не малую, такъ какъ священноначаліе положено въ самомъ основаніи Христовой Церкви и въ непрерывномъ преемствѣ его лежитъ залогъ неизсякающаго дѣйствія благодати Божіей въ церквахъ. Гдѣ священство законно, тамъ и священнодѣйствія правильны. Но при этомъ одномъ условіи, церкви не могутъ еще считаться въ единеніи между собою: единство исповѣданія вѣры есть первое и самое главное условіе. Иначе единеніе было бы болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее, болѣе формальное, чѣмъ существенное, болѣе въ дѣйствіяхъ, чѣмъ въ мысляхъ; слѣд. единеніе не только не полное, но и не непрерывное, не чистое, не вѣрное и не твердое. Единство іерархіи, текущей въ

видахъ разныхъ лицъ, дѣлаетъ ихъ родственниками между собою и опредѣляетъ ихъ взаимныя права; но если эти родственники раздѣляются между собою въ образѣ мыслей, чувствъ, стремленій, могутъ ли они составить дѣйствительный, искренній союзъ между собою? Кромѣ того союзъ іерархическій можетъ имѣть свое дѣйствительное значеніе при связи въ самомъ устройствѣ Церкви, которую мы назовемъ *дисциплинарною*, т. е. когда христіанскія общества разныхъ мѣстъ, при помѣстной раздѣльности и внутренней самостоятельности въ своихъ предѣлахъ, духовно управляются по единымъ общимъ правиламъ церковной дисциплины, на основаніи каноническаго права вселенскаго, опредѣленнаго уставами и преданіями древней Церкви. Это не одно и тоже съ союзомъ іерархическимъ: потому, что и при этомъ видѣ союза христіане могутъ не имѣть общихъ правилъ церковной жизни, и тогда этотъ союзъ остается безъ внутренней силы. Напр. общее преемство іерархіи въ церквахъ греческой и армянской соединяется въ каждой изъ этихъ церквей съ такими особенными правилами, которыхъ онѣ не признаютъ взаимно обязательными.

Можетъ быть между христіанами союзъ *нравственный*; если предположить, что христіане, при несогласіи въ разныхъ, болѣе или менѣе важныхъ, предметахъ вѣры, сохраняли бы между собою союзъ сердецъ, и не касаясь вопросовъ догматическихъ, пребывали бы въ христіанскомъ мирѣ и любви между собою въ жизни. На этотъ послѣдній видъ христіанскаго союза надобно обратить вниманіе потому, что духъ настоящаго времени и господствующій въ нынѣшнемъ обществѣ образъ мыслей преимущественно и почти исключительно скло-

идется, въ пользу союза христіанъ нравственнаго, не придавая особеннаго значенія догматическому единенію, и какъ бы вовсе не думая о единеніи іерархическомъ и дисциплинарномъ. Первое онъ, можно сказать, уничтожаетъ въ идеѣ личной свободы совѣсти, а последнее, понимая слишкомъ формально, отрицаетъ, какъ что-то не самостоятельное, даже прямо несостоятельное и хочетъ ограничиваться въ своихъ стремленіяхъ союзомъ людей и народовъ общественнымъ, гражданскимъ. Въ послѣднемъ случаѣ уничтожается идея Церкви, какъ въ представленіи нравственнаго союза христіанъ, безъ единенія догматическаго, исключается самая вѣра. Это есть коренное заблужденіе нашего времени.

О какомъ единеніи вѣрующихъ помышлялъ Самъ Спаситель міра, когда, въ торжественный часъ приготовленія къ искупительной смерти за міръ, молилъ небеснаго Отца, да вси едино будутъ? Здѣсь, въ этой молитвѣ, въ основаніе христіанскаго единенія Іисусъ Христосъ полагаетъ:—собственное Свое, личное единеніе съ Богомъ Отцемъ, освященіе всѣхъ вѣрующихъ Божественною истиною и чистымъ словомъ Откровенія, убѣжденіе міра въ посланіи Сына Божія отъ Отца въ міръ, для спасенія міра, высшее Откровеніе Богопознанія, единаго, истиннаго, неизвѣстнаго міру, о любви Божіей къ человѣку, наконецъ пріобщеніе вѣрныхъ предвѣчной славѣ Сына Божія. Это основанія *догматическія*; ихъ нельзя толковать въ одномъ нравственномъ смыслѣ; въ нихъ заключаются коренныя истины вѣры. Потомъ св. апостолъ Павелъ, когда убѣждаетъ христіанъ къ единству духа въ союзѣ мира, одно ли нравственное единеніе имѣетъ въ виду? Нѣтъ; онъ указы-

ваетъ на единство вѣры, единство крещенія и научаетъ, что все внутреннее и внѣшнее устройство Церкви, имѣя основанія Божественныя, назначено къ тому, чтобы всѣ христіане пришли наконецъ въ *единство вѣры и познанія Христа, какъ Сына Божія*. (Еф. 4, 3—5. 11—13).

Такимъ образомъ въ самомъ основаніи христіанства лежитъ единство вѣры, единеніе вѣрующихъ догматическое, котораго выраженіемъ должно служить исповѣданіе вселенской Церкви. Что касается нравственнаго союза христіанъ между собою, то слишкомъ странно предполагать чистоту и твердость такого союза тамъ, гдѣ люди разногласятъ между собою въ самыхъ основныхъ истинахъ религіи и въ самыхъ важныхъ и существенныхъ вопросахъ духа человѣческаго. Можно конечно намъ любить другъ друга во имя единства нашей природы: но такая любовь скорѣе можетъ быть названа инстинктивною, чѣмъ нравственною, какъ скоро, ограничиваясь однимъ естественнымъ чувствомъ, она не освящается и не возвышается идеею высшаго, нравственнаго, собственно-духовнаго достоинства человѣка: а это достоинство раскрывается и утверждается только христіанскою религіею и именно тѣми возвышенными, Божественными идеями искупленія, освященія и предвѣчнаго назначенія человѣка, которыя заключаются въ коренныхъ догматахъ христіанства. Особенно же въ предѣлахъ *Церкви* союзъ нравственный, безъ единства вѣры, совершенно не мыслимъ: гдѣ нѣтъ единства вѣры, тамъ нѣтъ и Церкви. Въ этомъ отношеніи истинная вселенская Церковь всегда была такъ строга, что съ людьми, отдѣлявшимися отъ единства вѣры, она не позволяла своимъ служителямъ и чле-

нимъ входить даже въ общеніе молитвы. (Апост. прав. 45. 65. 71. Лаод. 6. 33. и пр.). И это весьма справедливо съ точки зрѣнія Церкви: иначе, допуская безразличіе въ духовномъ общеніи между людьми разныхъ вѣроисповѣданій, Церковь уничтожала бы сама себя. Это однакоже не препятствуетъ благонравственнымъ отношеніямъ Церкви къ иномыслящимъ въ христіанствѣ, такъ какъ не означаетъ и замкнутости ея самой въ себѣ, похожей на эгоизмъ или нетерпимость: Церковь не только не питаетъ никакой ненависти или презрѣнія къ разномыслящимъ съ нею въ вѣрѣ, но и любить ихъ, любить не только въ человѣчествѣ, а и во Христѣ, какъ призванныхъ ко спасенію и могущихъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, получить Божественную благодать, хотя эта любовь къ нимъ не можетъ быть такъ полна, какъ къ единомысленнымъ въ вѣрѣ; Церковь молится о соединеніи всѣхъ разномыслящихъ въ единое стадо единаго Пастыря, ищетъ всѣми благими, нравственными средствами обращенія ихъ, не позволяя себѣ принужденія ихъ къ тому, или намѣреннаго преслѣдованія за несогласіе съ нею.

Наконецъ тотъ союзъ, который мы назвали іерархическимъ и дисциплинарнымъ, представляетъ особенныя трудности въ дѣйствительности. При различіи національностей въ христіанствѣ, при разнообразіи народныхъ нравовъ, при дѣйствіи разныхъ историческихъ причинъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, слишкомъ трудно требовать единообразнаго устройства и одинаковыхъ формъ управленія для всѣхъ помѣстныхъ Церквей. Но, безпрепятственно допуская и самостоятельность мѣстнаго управленія и разнообразіе частныхъ сторонъ его, вселенская Церковь всегда желала единства въ корен-

нихъ началахъ духовнаго управленія христіанъ, въ существенныхъ его принадлежностяхъ, даже въ формахъ и обрядахъ, соединенныхъ съ существенными предметами церковнаго права и жизни духовной. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ каноническія правила, наслѣдованныя Церковію отъ св. Апостоловъ, Соборовъ вселенскихъ и св. Отцевъ.

Совершеннѣйшее единеніе христіанъ, конечно, было бы то, когда бы они и по вѣрѣ и по духу и по внѣшнему образу духовнаго управленія составили, наконецъ, въ дѣйствительности единую вселенскую Христову Церковь. Но пока это остается еще только идеаломъ христіанства на землѣ, желаніемъ, молитвою разрозненной въ своихъ членахъ Церкви и стремленіемъ христіанъ истинныхъ, самымъ первымъ дѣломъ въ соединеніи частныхъ Церквей, началомъ и основаніемъ ихъ союза должно быть въ настоящее время согласіе въ предметахъ *вѣры*. Когда нѣтъ этого согласія, когда въ той или другой Церкви остается мысль — удержать за собою свое вѣроисповѣданіе, не касаясь другаго, союзъ духовный, собственно церковный между ними не возможенъ, и при всѣхъ ихъ добрыхъ желаніяхъ и взаимномъ уваженіи не можетъ быть признанъ, по той причинѣ, что при различіи вѣроисповѣданій, доколѣ это различіе остается въ своей силѣ, разномѣстныя Церкви не могутъ быть *равно истинны*: та или другая изъ нихъ должна быть непремѣнно не истинная, заблуждающая. Какое тутъ можетъ быть единеніе? Нравственное, въ союзѣ мира и взаимной любви? Но это недостаточно; и такой союзъ, повторяемъ, не можетъ быть чистъ и твердъ, какъ скоро общества людей, соединяемыхъ сердцами, раздѣляются между собой умами. А кромѣ

убѣжденій ума, тутъ много значитъ и совѣсть христіанская. Она не допускаетъ истиннаго христіанина безразлично входить въ церковное общеніе съ людьми разномыслящими въ вѣрѣ, хотя бы встрѣчала со стороны ихъ самый дружелюбный пріемъ и съ своей стороны не питала къ нимъ никакой неприязни. Напримѣръ, вѣрный сынъ нашей православной Церкви пойдетъ ли пріобщаться св. Таинъ въ Церковь протестантскую, когда знаетъ, что тамъ эти страшныя Тайны разумѣются не такъ, какъ онъ понимаетъ ихъ въ своей Церкви? А доколѣ совѣсть не допускаетъ такого твоннаго таинственнаго общенія между членами разныхъ христіанскихъ обществъ, церковный союзъ между ними не можетъ быть признанъ состоятельнымъ и вѣрнымъ. Словомъ, *мы не допускаемъ такого союза между христіанскими обществами, въ которомъ каждое изъ нихъ оставалось бы при своемъ вѣроученіи.* Согласіе въ вѣрѣ необходимо *прежде всего.*

Что мы называемъ здѣсь соглашеніемъ? Соглашеніе въ вѣрѣ также можетъ быть предполагаемо въ разныхъ видахъ. Могутъ, напримѣръ, разногласящія стороны дѣлать одна другой уступки въ спорныхъ вопросахъ и такимъ путемъ взаимныхъ уступокъ доходить до соглашенія. Въ вопросахъ церковныхъ это можетъ быть допущено относительно богослужебной обрядности и административной формальности: но въ предметахъ догматическихъ такой способъ соглашенія не умѣстенъ. Тутъ одно изъ двухъ: или разногласящія Церкви — одна истинна, другая — заблуждаетъ, и въ такомъ случаѣ соглашеніе, конечно, должно состоять въ томъ, чтобы заблуждающая сторона оставила свои заблужденія и усвоила вѣроисповѣданіе другой стороны — истин-

ней; само собою разумѣется, что Церковь истинная не можетъ дѣлать никакихъ уступокъ не истинной. Или обѣ стороны болѣе или менѣе заблуждаютъ; тогда какія бы уступки ни дѣлали онѣ другъ другу, никакое соглашеніе между ними не составитъ единой *истинной* Церкви; изъ двухъ заблуждающихъ обществъ образуется одно, можетъ быть еще болѣе, можетъ быть менѣе—заблудшее, но ни мало или не вполнѣ—истинная Церковь. Могутъ ли, напримѣръ, общества лютеранское и кальвинское посредствомъ взаимныхъ уступокъ, составить между собою союзъ истины, когда основныя начала въ томъ и другомъ — не истинны? Такимъ образомъ и обращеніе однихъ христіанъ, болѣе заблуждающихъ, къ обществу другихъ, менѣе поврежденному въ ученіи вѣры, не дѣлаетъ этого послѣдняго общества истинною Церковію. Не мало обращается, напримѣръ, протестантовъ къ Церкви римско-католической: но отъ этого послѣдняя не стала истинною; слѣдовательно и соединеніе протестантовъ и римскихъ католиковъ не можетъ быть признано истиннымъ единеніемъ христіанъ во Христѣ.

Не можетъ ли соглашеніе состояться такимъ образомъ, чтобы истинная Церковь, не требуя формальнаго и буквально точнаго принятія ученія ея противною стороною во всѣхъ подробностяхъ, удовлетворялась бы только объясненіемъ этой стороны относительно сущности и смысла не согласнаго съ Церковію ученія, такимъ объясненіемъ, которое давало бы этому ученію смыслъ, согласный съ вѣрою Церкви, только иными словами, въ иныхъ формахъ выражаемый? Напримѣръ, если бы христіане, допускающіе исхожденіе Святаго Духа Filioque объявили, что они въ сущности ученія

о Святомъ Духѣ согласны съ восточною Церковью, т. е. признаютъ исхожденіе Его отъ единаго Отца, но желаютъ удержать въ своемъ исповѣданіи слово: Filioque, разумѣя здѣсь временное посланіе Святаго Духа отъ Сына? Или если бы протестанты согласились признать дѣйствительное предложеніе (transsubstantiatio) освященныхъ даровъ въ таинствѣ Евхаристіи въ Тѣло и Кровь Христову, но только не желаютъ вводить у себя въ церковное употребленіе самаго выраженія о *пресуществленіи*? И такія условія союза не могутъ быть допущены; такое единеніе было бы двусмысленно, не опредѣленно, и потому не твердо и не совершенно. Единство вѣры требуетъ совершенной, именно *буквальной* точности въ изложеніи вѣроученія и совершенной искренности въ исповѣданіи. Такимъ образомъ, именно въ видахъ истиннаго единенія христіанъ во вселенской Церкви, Ефесскій III вселенскій Соборъ положительно воспретилъ всякое другое изложеніе вѣры въ церковномъ употребленіи, кромѣ Никейско-Цареградскаго, разумѣя здѣсь различіе не въ мысляхъ только, но и въ словахъ (III всел. прав. 7).

Остается одинъ, истинный и дѣйствительный способъ соединенія Церквей: тотъ, чтобы Церкви заблуждающія всецѣло обращались къ единой истинной Христовой Церкви, обращались именно принятіемъ всего исповѣданія ея, во всей буквальной точности, отрекаясь отъ всякаго своеобразнаго пониманія догматическихъ предметовъ вѣры, и не требуя отъ Церкви, которую они въ своемъ обращеніи признаютъ истинною, никакой условной уступки въ вѣроученіи. Только на такихъ исключительныхъ условіяхъ древняя вселенская Церковь воспринимала въ свое общеніе христіанъ изъ иномы-

слящихъ (еретическихъ) обществъ, не уступая въ своемъ ученіи *даже буквы*, какъ напримѣръ это было во времена аріанскія.

Если такъ, то предстоитъ вопросъ: когда Церкви ищутъ взаимнаго общенія и единенія, которая изъ нихъ должна рѣшить вопросъ о единеніи? Которая должна обращаться къ другой и которая воспринимать другую въ общеніе *съ собою*? Разумѣется—рѣшеніе дѣла должно по праву принадлежать той Церкви, которая по праву можетъ и должна быть признана истинною Церковію. Но что касается вопроса о самой истинности той или другой Церкви, мы не знаемъ инаго, болѣе вѣрнаго и несомнѣннаго признака истинности, кромѣ *неизмѣннаго* сохраненія вѣры, безъ прибавленія и безъ убавленія въ догматахъ ея, отъ вѣка Апостольскаго и первыхъ временъ вселенской Церкви. Здѣсь не только никакія сомнѣнія невозможны, но, можно сказать, и никакія разсужденія неумѣстны, по крайней мѣрѣ излишни. Церковь Христова истинная есть и должна быть едина, т. е. она должна сохранять непрерывно и неизмѣнно коренныя истины вѣры, положенныя въ самомъ ея основаніи. Кто положилъ, утвердилъ, опредѣлилъ эти основанія, эти истины? Послѣ Іисуса Христа Апостолы и вслѣдъ за ними, по преемству ихъ ученія и благодати, ближайшіе къ нимъ Пастыри и Учители общимъ ихъ голосомъ. Признаніе этого единственнаго *принципа* истинности должно быть краеугольнымъ камнемъ единенія Церквей, и только на этомъ принципѣ облегчается дѣло единенія; съ устраненіемъ же этого принципа никогда единеніе не можетъ состояться, даже при самыхъ усердныхъ стремленіяхъ къ нему, потому, что не можетъ быть найдена никакая другая, болѣе вѣрная, и

прибавимъ, болѣе простая норма для опредѣленія истинности того или другого вѣроисповѣданія. Собственно говоря, самое раздѣленіе вѣроисповѣданій есть уже ложь и обличаетъ въ себѣ ложность начала; истина всегда одна; раздѣленіе мыслей выражаетъ уже болѣе или менѣе произвольное или нерасудное уклоненіе отъ истины съ той или другой стороны. Не можетъ здѣсь имѣть мѣста и та, кажущаяся благовидною и согласною съ духомъ просвѣщеннаго христіанства мысль, что и исповѣданіе вѣры, какъ дѣло живаго, слѣдовательно развивающагося непрестанно сознанія христіанъ, и жизнь Церкви, какъ тѣла живаго и общества дѣятельнаго, можетъ съ теченіемъ времени болѣе и болѣе развиваться: слѣдовательно будто бы нельзя требовать, чтобы вѣра Церкви первобытной, опредѣлившаяся при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, оставалась неподвижною и неизмѣнною на вѣки и служила неприкосновенною нормою всеобщаго исповѣданія христіанъ всѣхъ временъ. На это невозможно согласиться; конечно вѣра христіанская, при помощи научнаго и практическаго просвѣщенія, можетъ раскрываться болѣе и болѣе въ сознаніи христіанъ, могутъ и самые предметы вѣры получать въ исповѣданіи нашемъ болѣе ясности, отчетливости, опредѣленности: въ этомъ отношеніи нельзя оспоривать всей пользы, принесенной христіанству просвѣщеніемъ научнымъ и даже общественнымъ. Но отрѣшаться отъ первоначально положенныхъ основаній вѣры, подводить ее подъ иныя, новоизмышленныя начала, измѣнять составъ основнаго исповѣданія вѣры, чрезъ прибавленіе въ немъ чего либо, недопущеннаго при первоначальномъ его опредѣленіи, или чрезъ убавленіе чего либо установленнаго въ вѣрѣ,

значило бы выступать изъ предѣловъ кореннаго вѣроученія, давать ему или большія или меньшія границы противу первоначальнаго его ограниченія: и слѣдовательно давать себѣ уже право власти надъ составомъ христіанскаго ученія и самыми его источниками, право, которое никому не можетъ принадлежать, ни даже самой Церкви, какъ это ясно и положительно выражаетъ апостолъ Павелъ (Гал. 1, 8, 9), значитъ—посягать на самый авторитетъ этого ученія, т. е. Богооткровенный, вводить его уже въ кругъ человѣческихъ ученій, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнять по произволу условія чистаго христіанства и основанія вѣры. Это потому, что внести новый предметъ вѣры въ исповѣданіе или исключить прежній, значитъ—или прибавить новое условіе спасенія, новое требованіе для ума и совѣсти христіанъ, новое правило жизни; или же—исключить одно изъ прежнихъ. Развѣ римская Церковь, внесши въ исповѣданіе вѣры Filioque, чистилище, индульгенціи и главенство папы, не измѣнила христіанства въ его догматическихъ и нравственыхъ основаніяхъ? Измѣнила уже тѣмъ, что всѣхъ, не признающихъ этихъ нововведеній, объявила *не истинными* христіанами и слѣдовательно лишенными спасенія. Протестантство, уничтоживъ таинственное значеніе священноначалія въ Церкви, исключивъ нѣкоторыя таинства и, ограничивъ смыслъ и силу другихъ, развѣ не измѣнило существеннымъ образомъ характера и нравственныхъ условій самой жизни духовной въ христіанствѣ? Не говоримъ уже о томъ, что допустивъ перемѣны въ вѣроученіи, подъ какими бы то ни было условіями, трудно уже положить предѣлы и самымъ перемѣнамъ; возможность перемѣнъ по необходимости обратится *въ принципъ*, по которому всякая пере-

мѣна будетъ имѣть свое оправданіе. Гдѣ же, наконецъ, мы остановимся? И до чего дойдетъ наше исповѣданіе вѣры? До чего дойдетъ, это лучше видно тамъ, гдѣ свобода мысли и распоряженій въ христіанствѣ дѣйствительно признана принципомъ для общества христіанъ: именно въ протестантствѣ.

Еще одно замѣчаніе. Когда члены иновѣрныхъ обществъ ищутъ единенія съ истинною Церковію, то долженъ быть поставленъ и такой вопросъ: желаютъ ли они въ этомъ единеніи стать безусловно дѣйствительными членами церкви, т. е. войти въ нераздѣльный даже *по внѣшности* составъ ея, или хотятъ основать особое общество, только въ *духовномъ* союзѣ съ Церковію. Если не намѣрены составлять особаго общества, то должны вполнѣ подчиниться православной Церкви, не только по вѣрѣ, но и по жизни и по всему духовному управленію, какъ ея дѣйствительные члены. Нельзя же представить истинныхъ христіанъ, которые въ этомъ отношеніи не принадлежали бы ни къ какой церкви и у себя не составляли бы никакого правильно-устроеннаго общества вѣрующихъ. Если же обращенные хотятъ устроить у себя самостоятельную, независимую Церковь, то конечно могутъ имѣть свои правила и формы духовнаго управленія, но не иначе, какъ на общихъ основаніяхъ вселенскаго управленія Церкви и въ согласіи съ коренными канонами соборными и отеческими; не говоримъ о частныхъ формахъ, обрядахъ, которые могутъ быть устроены различно по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Теперь обратимся къ англиканской церкви. Извѣстно, что мысль о соединеніи этой церкви съ православною Греко-Русскою возникла не давно, въ началѣ про-

шедшаго столѣтія. Съ того времени, то угасая, то снова возрождаясь, она доселѣ не имѣла желаемаго для обѣихъ сторонъ успѣха; въ настоящее время она съ новою силою поднялась въ Великобританіи и даже въ Америкѣ. Не входя теперь въ подробности по исторической сторонѣ этого дѣла и не изслѣдывая частныхъ причинъ не успѣха его въ прежнее время, выскажемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о ходѣ его. Какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ ходѣ этого дѣла можно замѣтить нѣкоторыя общія, одинаковыя черты, по которымъ, какъ прежде, такъ и нынѣ можно угадывать его результаты.

Прежде всего есть какая-то неясность въ самыхъ источникахъ и начинаніяхъ этого дѣла. *Кто* ищетъ соединенія съ нами? *Съ кѣмъ* мы имѣемъ дѣло? Желаетъ ли единенія самая *церковь* англиканская, въ полномъ, или болѣе, или менѣе обширномъ составѣ своемъ? Или это стремленіе принадлежитъ какому-либо особому *обществу* англиканскихъ христіанъ, неудовлетворенныхъ ученіемъ и характеромъ своей церкви? Или наконецъ хотятъ соединиться съ нами отдѣльныя лица, члены этой церкви, духовныя или мірскія? И тѣ лица, которыя теперь открыто развиваютъ мысль о соединеніи и въ публичныхъ собраніяхъ своихъ и въ сочиненіяхъ и въ сношеніяхъ съ нами, — дѣйствуютъ ли по уполномочію отъ всѣхъ другихъ, проникнутыхъ этою же мыслію, отъ извѣстнаго ли общества, или отъ цѣлой церкви мѣстной, или же они дѣйствуютъ только сами отъ себя, по своимъ личнымъ соображеніямъ? На эти вопросы не представляется довольно яснаго и отчетливаго отвѣта въ данныхъ и прошедшаго и настоящаго времени со стороны англиканской. Между тѣмъ эти вопросы имѣютъ

свое значеніе, не потому только, что они естественны и неизбѣжны въ самомъ началѣ этого дѣла, но и потому, что отвѣты на нихъ по свойству своему могутъ имѣть вліяніе на ходъ всего дѣла. Не все равно, *церковь* ли вся (мѣстная) обращается къ намъ съ предложеніемъ единенія, или особое *общество*, или не болѣе, какъ *единицы*, т. е. отдѣльныя лица, хотя бы и важныя и оффиціальныя по своему положенію въ своей странѣ. Также не все равно: сами ли отъ себя говорятъ и дѣлаютъ эти лица, или по уполномочію отъ другихъ, и какъ далеко простирается ихъ полномочіе. Если тутъ дѣйствуетъ *церковь*, то, какъ самостоятельная и независимая въ своемъ внутреннемъ быту (какъ и всякая помѣстная церковь), какъ имѣющая сама въ себѣ свое духовное право, англиканская церковь можетъ желать соединенія съ нами не безусловнаго, можетъ требовать сохраненія у себя извѣстныхъ правъ, и для того вызывать насъ на каноническія, болѣе или менѣе обширныя разсужденія совмѣстно съ нею, такъ что въ рѣшеніи вопроса о соединеніи должна принять и съ нашей стороны участіе наша *Церковь* въ лицѣ правительствующаго Собора, и даже смотря по важности условій соединенія, и *вселенская* церковь. Видно, что въ самомъ началѣ этого дѣла (въ прошедшемъ столѣтіи) такъ и посмотрѣли на него и у насъ, и въ самой Англіи: потому, что тогда были сношенія между англиканскимъ духовенствомъ, нашимъ Синодомъ и восточными патріархами. Жаль, что такой взглядъ не выдержанъ, можетъ быть потому, что не въ самомъ дѣлѣ церкви англиканской принадлежало стремленіе къ единенію, — а только одной партіи въ ней; какъ бы то ни было, только отъ невыдержки первоначальнаго взгляда на вопросъ, онъ пото-

рилъ свою ясность, которой и въ настоящее время не имѣетъ. Иной видъ принимаетъ вопросъ, когда принадлежитъ не церкви самой, а какому либо особому обществу; тогда въ условія единенія входитъ вопросъ: хочетъ ли это общество основать свою особую, самостоятельную церковь, или нѣтъ? а съ этимъ вопросомъ соединяется еще не мало другихъ. Наконецъ, если только отдѣльныя лица ищутъ соединенія, то, можно сказать, дальнія и многосложныя разсужденія будутъ излишни и неумѣстны; соединеніе частнаго лица, хотя бы самого важнаго въ другой странѣ, съ Церковію православною должно состоять въ *безусловномъ* принятіи всего исповѣданія и правилъ этой Церкви и всецѣломъ ей подчиненіи духовномъ, не касаясь только отношеній политическихъ и гражданскихъ.

Если лица, проповѣдующія нынѣ въ Англіи единеніе съ Восточною Церковію, уполномочены на то своею церковію или какимъ либо обществомъ, съ этою цѣлію составившимся и сознательно, преднамѣренно стремящимся къ ней, то это полномочіе должно быть положительно выражено и эти лица должны выражать уже не свои частныя мнѣнія, которыя для насъ могутъ и не имѣть никакой важности, а мысли церкви или общества, и въ такомъ случаѣ ихъ разсужденія получатъ въ глазахъ нашихъ всю свою важность. Но глядя на образъ мыслей и выраженій по вопросу о единеніи, какія въ настоящее время намъ приходится встрѣчать со стороны англиканской, нельзя не задать вопроса: достаточно ли сознанъ, обдуманъ, ясно поставленъ этотъ вопросъ въ Англіи между тѣми самыми лицами, которыя разсуждаютъ о немъ?... По тѣмъ даннымъ (письменнымъ), какія мы имѣемъ подъ руками, едва ли можетъ

быть на это отвѣтъ положительный. А отъ сего много теряетъ самое дѣло. И въ этомъ отношеніи мы самой постановки вопроса не можетъ признать удовлетворительною. Ниже мы раскроемъ это полнѣе.

Если намъ скажутъ, что такой отчетливости и положительности въ настоящемъ вопросѣ нельзя требовать съ англиканской стороны, по той причинѣ, что при господствующей тамъ свободѣ мнѣній и голосовъ по всякимъ вопросамъ, особенно трудно ожидать строгой последовательности и сосредоточенности въ развитіи церковнаго вопроса, какую можно искать и находить только при господствѣ церковнаго авторитета или при строгомъ единствѣ въ организаціи извѣстнаго религіознаго общества. Но во 1-хъ, отъ этого не измѣняется сущность дѣла: не можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ вопросъ, пока онъ не ясно поставленъ; а не можетъ онъ быть и ясно поставленъ, если не ясно сознанъ и не въ точности опредѣлено пространство его; во 2-хъ) если въ Англіи не можетъ быть желаемой для этого сосредоточенности мнѣній и голосовъ, то намъ остается смотрѣть на всѣ заявленія съ той стороны по вопросу о соединеніи, какъ частныя, личныя, и обращаться съ ними, не какъ съ церковными, а какъ единичными и случайными. Да можетъ ли быть рѣчь о соединеніи *церквей*, если тамъ нѣтъ ни средоточія, ни авторитета церковнаго, если основа этого дѣла заключается только въ личной свободѣ мнѣній и частной инниціативѣ отдѣльныхъ лицъ? Въ такомъ случаѣ весь видъ дѣла совершенно измѣняется, и съ нашей стороны отношенія къ нему должны получить со всѣмъ иной характеръ, чѣмъ если бы могли быть увѣрены, что имѣемъ дѣло *съ церковію*, или по крайней мѣрѣ правильно и твердо

организованнымъ религіознымъ обществомъ, сознательно и последовательно стремящимся, определеннымъ путемъ, къ ясно сознанной цели.

Мы не находимъ также достаточно ясности и твердости во внутренней стороне дела, именно въ самомъ понятіи англиканскихъ христіанъ объ истинности Церкви и въ ихъ взгляде на самое единеніе верующихъ. Безъ сомненія для полной ясности и твердости въ такомъ важномъ деле, какъ вопросъ о истине веры, исповедуемой темъ или другимъ христіанскимъ обществомъ, нужно бы предварительно самое внимательное и тщательное изученіе основъ единой всеобщей истины, положенныхъ въ Церкви Христовой, изученіе не одно теоретическое, но и историческое: такъ какъ эти основы не только утверждены въ Церкви законоположительно отъ Іисуса Христа и Апостоловъ, но и раскрываются въ самой исторіи Церкви, въ ея преданіи, въ ея практике и жизни. Такимъ образомъ по замечанію одного изъ величайшихъ учителей Церкви, Василія Великаго, мы не поймемъ и самого Евангелія, если не уразумеемъ силы церковнаго преданія, такъ что (Св. Василій не затрудняется сказать), отъ Евангелія осталось бы одно имя безъ содержанія, если бы не сохранялось преданіе [1]. Вообще истина веры, исповедуемой христіанскою вселенскою Церковію, имеетъ не только догматическій, но и историческій характеръ. Англиканскіе ученые, къ сожаленію, не вполне обнимаютъ эту сторону вопроса, и отъ того не ясно представляютъ себе сущность и силу каѳолическаго православія. Чтобы убедиться въ этомъ, обратимся къ первоначальнымъ попыткамъ ихъ въ этомъ деле.

---

(1) Св. Василій Великій въ книгѣ о св. Духѣ Гл. 19.

Въ началѣ XVIII столѣтія, когда возникли первыя сношенія между англиканской церковію и греческою, также и русскою, по вопросу о единеніи, общество англиканъ, вступившихъ въ эти сношенія, само себя стало называть въ нихъ *православнымъ и каѳолическимъ останкомъ британскихъ церквей*, и выражалось такъ: «эти церкви *по сознанію ихъ* получили первое свое христіанство отъ Церкви Іерусалимской и получили тогда еще, когда не были подчинены епископу Рима и церкви римской; онѣ исповѣдуютъ *одну и туже вѣру святую каѳолическую, преданную Апостолами, и изъясненную на соборахъ Никейскомъ и Константинопольскомъ*; и потому останокъ этихъ церквей имѣетъ быть признаваемъ *частію Каѳолической церкви* въ общеніи *съ Апостолами и со святыми Отцами этихъ соборовъ и съ ихъ преемниками* (1). Это было писано въ 1716 году, въ посланіи англиканъ къ восточнымъ патріархамъ, именно въ предполагавшемся тогда конкордатѣ между церковію англиканскою и греко-русскою. Должно спросить—на какомъ основаніи и по какому праву этотъ останокъ британскихъ церквей такъ самъ себя разумѣетъ? Чѣмъ онъ доказываетъ свое православіе и каѳоличество и почему не сомнѣвается въ своемъ общеніи съ Апостолами и Отцами церкви вселенской? Можно бы такое саморазумѣніе принять за обычный образъ мы-

(1) Англійскій писатель Ѳома Ласбури (Lathbury) недавно издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Исторія не присягавшихъ“ (A history of the Nonjuror), т. е. непризнававшихъ королемъ Англіи Вильгельма Оранскаго. Въ этой книгѣ, на основаніи современныхъ документовъ, изложенъ эпизодъ сношеній этихъ Nonjurors съ греко-русскою Церковію. Извлеченія изъ книги Ласбури въ русскомъ переводѣ помѣщены въ Христіанскомъ Чтеніи 1865 г. за сентябрь. Оттуда взяты нами и вышеизложенныя выраженія англиканъ.

alей всѣхъ, отдѣляющихся отъ единства Церкви и своемыслящихъ обществъ, которыя всегда считаютъ *только* себя истинно-вѣрующими, православными: но въ понятіяхъ англиканъ мы не находимъ такой исключительности; въ томъ же проэктѣ конкордата они и грекорусскую Церковь признаютъ и называютъ *Каѳолическою*, *Апостольскою*. Какимъ же образомъ два христіанскія общества могутъ почитаться и называться и быть *равно* каѳолическими, апостольскими, когда между ними есть разногласіе и раздѣленіе? А что они разногласятъ между собою, видно изъ объясненій самихъ англиканъ, которые въ томъ же проэктѣ конкордата прямо говорятъ, что они не соглашаются съ Восточною Церковію въ *пяти* пунктахъ, вовсе не маловажныхъ (какъ они думаютъ сами), а очень важныхъ съ точки зрѣнія Православной Церкви, и въ видахъ единенія съ нею требуютъ *съ ея стороны* уступокъ (1)? Отдавая съ своей стороны полную цѣну достопочтеннымъ стремленіямъ англиканскихъ христіанъ къ единенію, мы приписываемъ такую странность въ ихъ сужденіяхъ именно-недостатку ясности и твердости въ понятіяхъ о каѳолическомъ православіи. Восточные патріархи судили строже. «Чему удивляться въ такомъ разногласіи англиканскихъ христіанъ съ Восточною Церковію, писали въ отвѣтъ имъ патріархи; бывъ рождены и воспитаны въ началахъ лютеранъ и кальвинистовъ и пропитаны ихъ предразсудками, они упорно держатся ихъ и никакъ

(1) Это слѣд. пункты: 1) о важности постановленій вселенскихъ соборовъ, равнозначительныхъ Св. Писанію; 2) о прославленіи Божіей Матери; 3) о почитаніи святыхъ людей и ангеловъ и призываніи ихъ въ молитвахъ; 4) о преложеніи св. даровъ въ Евхаристіи и поклоненіи имъ; 5) о почитаніи св. иконъ.

не могутъ оторваться отъ нихъ (1). Да и въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ англикане выражали свое согласіе съ Восточною Церковію, не достаетъ опредѣленности.

Въ отвѣтъ на замѣчанія патріарховъ относительно предположеннаго конкордата, англикане въ 1722 году выразились такъ: „какъ бы ни подозрѣвала насъ Восточная Церковь въ лютеро-кальвинизмѣ, мы открыто объявляемъ ей, что чужды намъ начала этихъ сектъ, и что самые отвѣты наши (на замѣчанія патріарховъ) могутъ избавить насъ отъ этого нареканія“ (2). Послѣ такого рѣшительнаго заявленія надо бы ожидать, что англикане постараются дѣйствительно отрѣчься отъ кальвиническихъ заблужденій и всецѣло принять исповѣданіе восточное, по крайней мѣрѣ изложить свои мнѣнія въ такомъ свѣтѣ, съ такою ясностію и опредѣленностію, чтобы уже не оставалось сомнѣнія въ единомысліи ихъ съ православною Церковію. Что же видимъ? Въ томъ же посланіи 1722 года англикане повторяютъ обычныя протестантскія отрицанія догматовъ вселенской Церкви и самопроизвольныя опредѣленія разныхъ предметовъ вѣроученія и церковнаго благочинія, и въ заключеніе еще требуютъ отъ восточной Церкви *ослабленій и уступокъ*, какъ пути къ примиренію и единенію ихъ съ нею. Это уже слишкомъ странно. И чтожe они говорятъ въ подтвержденіе своихъ мыслей? „Христіанство, говорятъ они, не есть постепенно развивающаяся религія; но оно было во всей своей цѣлости и совершенствѣ тогда еще, когда скончавали свое житіе Апостолы и Евангелисты; и отъ того наиболѣе раннія пре-

(1) Въ Христ. Чтеніи 1865. Октябрь стр. 386.
(2) Въ Христ. Чтеніи 1865. Сентябрь стр. 278.

данія безъ сомнѣнія предпочтительнѣе преданій болѣе позднихъ, и первые вожди—самые лучшіе вожди. Такимъ образомъ все, что кажется уклоненіемъ отъ первоначальнаго состоянія, все, что въ дѣлѣ вѣры или практики противорѣчитъ самымъ раннимъ вѣкамъ, должно быть принимаемо съ подозрѣніемъ. На этомъ основаніи мы надѣемся, заключаютъ англикане, что сужденія патріарховъ будутъ опредѣляться не силою предубѣжденій или примѣрами позднѣйшихъ временъ, а общими обычаями и ученіемъ первыхъ *пяти* вѣковъ, что они (патріархи) не будутъ считать себя неизмѣнно связанными силою опредѣленій востока VIII вѣка, тѣхъ временъ, когда и на западѣ существовалъ равносильный имъ авторитетъ" (¹). Здѣсь удивительнымъ образомъ вѣрныя мысли соединяются съ ошибочными, и точность взгляда съ одной стороны съ какимъ-то непониманіемъ дѣла съ другой. Справедливо, что христіанство было совершенно само въ себѣ въ самомъ началѣ своего явленія въ мірѣ, что оно не есть религія постепенно развивающаяся, такъ это въ отношеніи къ существу христіанства, его основѣ, которая не можетъ быть иная, *паче лежащей*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ развѣ христіанство не есть религія живая, дѣятельная, непрестанно развивающая свои внутреннія, духовныя силы? Развѣ самъ Іисусъ Христосъ не уполномочилъ своихъ учениковъ раскрыть яснѣе и полнѣе свое ученіе міру? Развѣ Апостолы не предоставили того же права и даже обязанности своимъ преемникамъ, какъ видимъ изъ апостольскихъ посланій къ Тимоѳею и Титу? Развѣ наконецъ Церковь, въ

(¹) Тамъ же, стр. 387.

которой, какъ въ тѣлѣ, воплощено такъ сказать христіанство, не есть тѣло живое, которое непрестанно растетъ духовно (и даже внѣшнимъ образомъ) въ своихъ членахъ и, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ и условій, имѣющихъ отношеніе къ духовной жизни ея, развѣ не имѣетъ права и долга восполнять духовныя потребности свои и для того болѣе и болѣе раскрывать христіанское ученіе и благоустроять нравственную жизнь человѣка въ нѣдрахъ христіанства? Иначе и Церковь надобно бы осудить на недѣятельность, на жизнь неподвижную и потому не истинную: она была бы мертва, или походила бы на какой-то механизмъ, однажды на всегда устроенный, не способный удовлетворять потребностямъ вѣры и жизни новыхъ временъ, и такимъ образомъ находящійся въ опасности сдѣлаться наконецъ безполезнымъ для человѣчества; и все христіанство надо бы признать не силою высшею, всеобъемлющею, возраждающею непрестанно человѣчество и подвигающею его впередъ на пути жизни духовной, а только отвлеченнымъ ученіемъ, высокимъ и совершеннымъ въ самомъ себѣ, но котораго совершенство заключается только въ первоначальномъ его выраженіи, въ буквѣ, написанной первыми его проповѣдниками, а не въ духѣ живомъ и всеоживляющемъ. Такимъ образомъ Церковь, послѣ V вѣка, развѣ не могла имѣть важныхъ побужденій къ тому, чтобы раскрыть еще точнѣе и полнѣе христіанское ученіе, нежели какъ оно выражалось въ предъидущихъ вѣкахъ, равно и потребности христіанской жизни развѣ послѣ V вѣка уже не могли быть на столько сильны, чтобы вызвать въ Церкви дополнительныя къ прежней практикѣ опредѣленія и постановленія? Разсуждать иначе, значитъ просто—не-

понимать ни силы христіанства, ни жизни Церкви. Справедливо, что „все оказывающееся *уклоненіемъ отъ* первоначальнаго состоянія Церкви, все, что въ дѣлѣ вѣры или практики христіанской *противорѣчитъ* первымъ вѣкамъ, должно быть принимаемо съ недовѣріемъ“. Но иное дѣло—уклоненіе отъ первоначальнаго пути Церкви, противорѣчіе первобытному христіанству; иное — полнѣйшее и яснѣйшее раскрытіе, точнѣйшее опредѣленіе его истинъ, догматическихъ или практическихъ. Уклоненіе и противорѣчіе значитъ—измѣна въ основаніяхъ, выступленіе изъ опредѣленныхъ границъ, отверженіе данныхъ началъ; но въ подробнѣйшемъ и точнѣйшемъ раскрытіи истины ея основанія, существо, духъ могутъ оставаться неизмѣнны, а силы еще увеличиться. Да и почему англикане, признавая въ Церкви право опредѣлять истины христіанской вѣры и постановлять правила христіанской жизни *до* V-го вѣка, не хотятъ допустить этого же права *послѣ* V вѣка? Если Церковь имѣла это право въ отношеніи къ II и III вѣкамъ и самому вѣку Апостольскому, какъ мы видимъ въ Соборныхъ опредѣленіяхъ IV вѣка, то почему Церковь не сохраняетъ того же права въ VIII и слѣдующихъ вѣкахъ въ отношеніи къ предъидущимъ? Признаемся, въ заключеніяхъ англиканъ мы не видимъ послѣдовательности, что происходитъ по нашему мнѣнію, опять скажемъ, отъ недостатка ясности и точности въ понятіяхъ ихъ о каѳолическомъ достоинствѣ и силѣ православія. Мы не совсѣмъ понимаемъ и то разсужденіе англиканъ, что „восточные пастыри не могутъ считать себя неизмѣнно связанными силою опредѣленій VIII вѣка, тѣхъ временъ, „*когда и на Западѣ существовалъ равносильный имъ авторитетъ*“. Что ко-

такъ важно спорить? Теми, что между постановленіями VIII вѣка и первыхъ вѣковъ нѣтъ связи и единства, что постановленія VIII вѣка въ свое время не были приняты западомъ, когда еще не было раздѣленія между Западомъ и Востокомъ, а потому и въ послѣдующія времена эти постановленія не могли быть обязательны столько же для западныхъ, сколько и восточныхъ Христіанъ? Но это невѣрно даже фактически. Постановленія VIII вѣка (безъ сомнѣнія здѣсь надобно разумѣть догматы VII вселенскаго Собора о почитаніи иконъ, отъ котораго отрицаются англикане) имѣютъ непрерывную связь и единство съ практикою Церкви первыхъ вѣковъ, именно связь изначальнаго и никогда не изсякающаго преданія вселенской Церкви, какъ выразилъ это и VII вселенскій Соборъ въ своемъ опредѣленіи объ иконахъ: „хранимъ *не нововводно*, говоритъ онъ, всѣ писаніемъ или безъ писанія утвердившіяся у насъ преданія, изъ которыхъ одно есть живописаніе иконъ“ (1). Дѣйствительно, употребленіе святыхъ иконъ въ Церкви христіанской и почитаніе ихъ свидѣтельствуется отцами и учителями самыхъ первыхъ вѣковъ, каковы Тертулліанъ, Оригенъ, Климентъ Александрійскій, Василій Великій, который прямо называетъ это почитаніе *преданіемъ Апостоловъ* (2) и пр. Тоже отцы и Соборъ VII вселенскій говоритъ о прославленіи и почитаніи людей святыхъ. Что касается запада, то и онъ никогда не былъ чуждъ этого преданія и догмата, хотя можетъ быть, по причинамъ мѣстнымъ, и менѣе чѣмъ востокъ употреблялъ иконы въ храмахъ и при богослуженіи,

(1) См. въ *книгѣ Правилъ* изд. отъ Св. Синода.

(2) Васил. письмо 360 къ Юліану Твор. т. 3.

папа же римскій Адріанъ съ своей стороны принималъ дѣятельное участіе въ рѣшеніяхъ VII Собора и его постановленіе о почитаніи иконъ и мощей разсылалъ по епархіямъ германскимъ и галльскимъ. Зачѣмъ же англикане противопоставили авторитетъ римскаго папы Восточному вселенскому Собору? Не точно они выражаются и въ томъ, что по этому предмету называютъ авторитетъ папы *равносильнымъ*. Авторитетъ папы равносиленъ былъ значенію и силѣ каждаго въ отдѣльности восточнаго патріарха; но *Соборъ* патріарховъ и епископовъ восточныхъ, тѣмъ болѣе Соборъ вселенскій всегда былъ и долженъ быть признаваемъ выше папы, и папа своимъ авторитетомъ не могъ отмѣнять постановленій Восточныхъ Соборовъ (не частныхъ, а) общихъ, тѣмъ болѣе вселенскихъ, не могъ даже не подчиняться имъ. Слѣдовательно, если бы папа даже не согласился съ постановленіями Восточной Церкви VIII вѣка, его несогласіе не только ничего не значило бы въ отношеніи къ истинности и силѣ постановленнаго ею догмата, но и подверглось бы вселенскому суду, какъ это видимъ въ примѣрахъ папъ VI и VII вѣковъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ самомъ началѣ англиканскихъ стремленій къ соединенію съ восточною Церковію, въ самыхъ основаніяхъ этого дѣла, положенныхъ первыми его дѣятелями, не доставало ясности и твердости. Дальнѣйшее развитіе дѣла въ послѣдующее время представляетъ только развитіе тѣхъ же не ясныхъ и не твердыхъ понятій. Можно даже удивляться, какъ мало съ теченіемъ времени сознана и выяснена сущность и сила вопроса. И въ позднѣйшее время, уже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ текущаго столѣтія въ англиканскихъ воззрѣніяхъ поражаетъ тоже странное смѣшеніе

вѣрныхъ мыслей съ невѣрными, глубокихъ съ односторонними. Въ ученіи, которое сдѣлалось извѣстнымъ въ послѣднее время подъ именемъ *англо-каѳолицизма* и которое проповѣдали ученые англиканы Плетей, Ньюманъ, Фроудъ, Пальмеръ, Вилліамсъ, Уэтерлэндъ и др. съ крѣпкимъ убѣжденіемъ о Церкви англиканской, какъ вѣтви церкви каѳолической, высказываются такія мысли: „Церковь не есть отвлеченная идея, не есть союзъ вѣрныхъ невидимый, не есть и простое общество вѣрующихъ; но, она видима, основана Іисусомъ Христомъ на землѣ, съ ея іерархіею и преемствомъ власти апостольской; въ ней, въ этой истинной Церкви, обитаетъ Духъ Божій; она есть хранительница даровъ благодати и руководительница вѣрующихъ ко спасенію“ ([1]). Все это совершенно вѣрно и направляется противъ лютеранскихъ и реформатскихъ взглядовъ на Церковь. Но вотъ что далѣе находимъ въ этомъ же ученіи: „единою, каѳолическою церковію въ строгомъ смыслѣ дѣйствительно и была христіанская Церковь *въ первые вѣка, когда не было раздѣленія между Востокомъ и Западомъ*, когда всѣ Церкви пребывали въ мирѣ и святомъ союзѣ между собою; и этой-то *древней* Церкви во всей полнотѣ принадлежатъ обѣтованія Христовы“ ([2]). Вѣрно ли это? Не совсѣмъ. Неужели единство и каѳоличество Церкви, по мнѣнію ученыхъ богослововъ Англіи, составляютъ внѣшніе аттрибуты ея? Неужели они думаютъ, что единство Церкви истинное, по мысли Самого Божественнаго Основателя ея, должно заключаться только въ пространственномъ союзѣ христіанъ и ви-

([1]) См. Ueber d. Puseismus—in Zeitschrift fur d. histor. Theolog. Leibz. 1844.

([2]) Тамъ же.

димой цѣлостности Церкви, а не прежде всего—въ единствѣ основанія Церкви, въ единствѣ духа ея, понимаемомъ въ смыслѣ неизмѣнности и вѣрности ея самой себѣ? Безъ всякаго сомнѣнія, Церковь нераздѣльная въ первые вѣка представляетъ вполнѣ соотвѣтственное Божественной идеѣ о ней, истинно-каѳолическое состояніе ея и наилучшій образъ для всѣхъ временъ и мѣстъ христіанства: но думать, что каѳолическое достоинство Церкви опредѣляется внѣшнимъ пространствомъ ея, что съ отдѣленіемъ отъ нея нѣкоторыхъ частей утрачивается и это достоинство и единство Церкви, что вслѣдствіе этого истинность христіанства въ одномъ мѣстѣ и въ данное время надобно повѣрять исключительно такими мѣстами и временами, гдѣ былъ видимый союзъ христіанъ, значитъ не точно и не глубоко понимать самое основаніе Церкви,—значитъ, скажемъ болѣе, грѣшить противъ достоинства и силы самой Богооткровенной истины. Въ этой истинѣ, въ ея чистотѣ и цѣлости, заключается истинность и Церкви; слѣдовательно и при видимомъ раздѣленіи церквей и при болѣе или менѣе тѣсномъ ограниченіи ея мѣстности, истинною Церковію надобно признавать ту вѣтвь христіанства, въ которой Богооткровенная истина сохранилась во всей чистотѣ и цѣлости: и этотъ критерій истинности Церкви равно приложимъ и къ самымъ древнимъ временамъ, какъ и новѣйшимъ. Напримѣръ былъ періодъ, и именно въ первые вѣка, когда и сама Восточная Церковь раздѣлялась въ своемъ составѣ до такой степени, что первоначальная чистота исповѣданія оставалась только въ меньшинствѣ восточныхъ христіанъ, а большинство совратилось въ аріанство; аріане даже и доказывали свое каѳоличество тѣмъ, что на

сторонѣ ихъ было большинство и всѣ они согласно отвергали исповѣданіе меньшинства; однакожъ не только достоинство истинности, но и достоинство каѳоличества несомнѣнно принадлежало этому меньшинству, именно потому, что въ немъ не измѣнялась изначала основанная въ христіанствѣ истина; это было истинно единая, каѳолическая Церковь, потому что единую, каѳолическую, т. е. изначала откровенную для всѣхъ временъ и мѣстъ сохраняла истину. Неужели ученые англикане, поставляя принципомъ истинности Церкви отсутствіе въ первые вѣка раздѣленія между Востокомъ и Западомъ, забыли объ этомъ раздѣленіи въ самомъ Востокѣ, раздѣленіи можетъ быть еще болѣе важномъ и опасномъ для христіанства, чѣмъ послѣдующее раздѣленіе Востока и Запада? Они думаютъ и говорятъ, что *только древней нераздѣльной Церкви во всей полнотѣ принадлежатъ обѣтованія Христовы.* Это опять не точно и даже странно въ мышленіи ученыхъ богослововъ. Обѣтованія Христовы во всей полнотѣ принадлежатъ Церкви всѣхъ временъ и мѣстъ, до скончанія вѣка, не смотря ни на какія раздѣленія, принадлежатъ — разумѣется — не всѣмъ равно частямъ ея, раздѣляющимся между собою въ исповѣданіи вѣры, а именно тѣмъ, которыя сохраняютъ въ себѣ неизмѣнно Божественныя основанія Церкви и въ нихъ заключенную Богооткровенную истину. Истинная Церковь, повторяемъ, есть прежде всего Церковь первенствующая; самая чистая истина въ ней есть истина первоначальная, такъ какъ и самые вѣрные учители ея были учители первые и ихъ первые преемники; но эта самая первоначальная истина не ограничивается временемъ, даже самымъ лучшимъ временемъ Церкви, первымъ: она осталась

въ мірѣ и во всѣ послѣдующія времена, и послѣ раздѣленія церквей, и гдѣ она осталась, тамъ сохранилась и истинная Церковь. Вѣдь и англикане называютъ же сами себя *каѳолическимъ* остаткомъ британской церкви. Тутъ вопросъ только въ томъ: въ какой степени та или другая вѣтвь христіанства сохранила въ себѣ первобытную истину? Между тѣмъ англикане, въ вопросѣ о единствѣ и каѳоличествѣ Церкви, выставляя на первый планъ первовѣковое единеніе Востока и Запада, а послѣдовавшее между ними разъединеніе обращая въ возраженіе противъ дальнѣйшаго сохраненія въ Церкви единства и каѳоличества, тѣмъ самымъ не благопріятствуютъ ли только притязаніямъ Запада? Не выставляютъ ли Западъ въ видѣ необходимой опоры единства и каѳоличества Церкви? Мы замѣтили это и выше. Наконецъ, оспоривая каѳолическое значеніе, слѣдовательно значеніе каѳолическаго достоинства и обязательной силы въ постановленіяхъ Востока послѣ раздѣленія между нимъ и Западомъ, не унижаютъ ли они Церкви Восточной и не наводятъ ли сами въ собственныхъ глазахъ тѣни на ея неизмѣнную чистоту? Это очень жаль.

Принявъ такой принципъ въ своемъ сужденіи о истинности Церкви, англикане выводятъ заключеніе, что въ настоящее время, при раздѣленіи христіанскаго міра, истинная Церковь должна быть возстановлена *не по образу какой-либо изъ существующихъ церквей*, а по образу Церкви древней, на основаніи Слова Божія и апостольскаго преданія. „То только истинно, прибавляютъ они, что во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ и всѣми было принято: quod semper, quod ubique, quod ab

[illegible]

omnibus" (1). Повидимому это совершенно вѣрно: но только на словахъ, а не въ приложеніи къ дѣлу. Мы поставимъ вопросъ: существуетъ ли въ настоящее время *вселенская* Церковь, или нѣтъ? По ходу англиканскихъ мыслей можно подумать, что не существуетъ, что именно настоящія раздѣленія христіанскаго міра препятствуютъ быть нынѣ единой вселенской Церкви; остаются только церкви помѣстныя. Правда ли это? Нѣтъ, и тысячу разъ — нѣтъ. И въ настоящее время существуетъ вселенская Церковь, именно въ единствѣ и неизмѣнности изначальнаго, Божественнаго основанія въ чистотѣ Евангельской истины, въ непрерывности апостольскаго преемства Богоучрежденнаго священноначалія, существуетъ не только въ духѣ, во внутренней цѣлости, но и во внѣшнемъ общеніи и союзѣ частныхъ, православныхъ церквей. Правда, что пространство этого союза не всемірно, даже не слишкомъ велико: но, повторяемъ, предѣлы мѣстной пространственности, хотя и ограничиваютъ, но не уничтожаютъ каѳолическаго значенія Церкви, точно также, какъ внѣшнія бѣдствія Церкви не унижаютъ ея внутренняго достоинства. Почему же для возстановленія истины въ томъ или другомъ обществѣ христіанъ не можетъ быть образцемъ одна изъ *существующихъ* церквей, именно тѣхъ, которыя въ единствѣ вѣры и духа составляютъ въ настоящее время несомнѣнно вселенскую Церковь? Правда, что высшимъ преимущественнымъ образцемъ въ дѣлѣ возстановленія христіанской истины всегда будетъ и должна быть Церковь древняя: но та Церковь, которая сохранила у себя древнюю чистоту

(1) Тамъ же.

исповѣданія, или тотъ союзъ мѣстныхъ церквей, который и въ настоящее время держится древнихъ основаній, развѣ могутъ быть считаемы *новыми* и не заслуживающими уваженія, потому только, что нынѣ востокъ и западъ раздѣлены между собою и нѣтъ уже *внѣшняго* каѳоличества? Существуетъ *внутреннее* каѳоличество: существуетъ доселѣ и древняя Церковь и соединиться съ одною изъ нынѣшнихъ церквей, соблюдать въ себѣ это внутреннее каѳоличество, значитъ соединиться съ древнею церковью. Ничего не можетъ быть вѣрнѣе и этого, принимаемаго англо-каѳоликами, принципа: „то истинно, quod semper, quod ubique, quod ab omnibus"; но развѣ послѣ VIII вѣка и до нашего времени уже не стало въ мірѣ тѣхъ истинъ, которыя до этого вѣка были принимаемы *вездѣ и всѣми*? Развѣ нынѣ нѣтъ Церкви, въ которой соблюдено то, что всегда, вездѣ и всѣми было принято? Развѣ съ отдѣленіемъ запада отъ востока, послѣдній уже потерялъ это *все*? Гдѣ же нынѣ истина? Гдѣ теперь спасеніе? Неужели то, что послѣ VIII вѣка принято *всѣми* церквами востока, безъ участія запада, не имѣетъ уже вселенскаго значенія? Удивительно, какъ англикане, думая устраниться отъ запада и сближаться съ востокомъ, на самомъ дѣлѣ все еще склоняются къ западу. Это было бы даже необъяснимо, если бы не извѣстно было, что нѣкоторыя истины догматическія и очень важныя, англикане считаютъ принятыми восточною церковію послѣ отдѣленія запада и хотятъ убѣдить себя и насъ, что эти истины *до VIII вѣка* не были признаны вездѣ и всѣми во вселенской Церкви первыхъ вѣковъ. Таковы именно догматы о почитаніи святыхъ, о преложеніи св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи, и др. Но это со сто-

ропы англиканъ очень крупная ошибка и достойное сожалѣнія заблужденіе.

Англикане думаютъ выйти изъ этого тѣснаго круга сужденій о вселенской Церкви, въ которомъ они сами себя стѣснили, разсуждая такимъ образомъ, что „ни Римская церковь, ни Греко-Русская, ни Англиканская, *отдѣльно взятыя*, не составляютъ *каждая сама въ себѣ истинной* церкви; но каждая изъ нихъ есть *вѣтвь* величественнаго древа Церкви *вселенской*". Опять неточность и странное внутреннее противорѣчіе понятій. Если каждая изъ указанныхъ церквей сама въ себѣ, или отдѣльно взятая, не есть Церковь истинная, какимъ же образомъ каждая изъ нихъ можетъ считаться вѣтвію, или частію вселенской Церкви? Развѣ первѣйшая черта вселенской Церкви, истинность, принадлежащая ей въ цѣлостномъ составѣ ея, не должна быть по этому самому необходимымъ свойствомъ и каждой части ея, отдѣльно взятой, если только это дѣйствительная, а не мнимая часть вселенской Церкви? Какимъ же образомъ изъ вѣтвей, принадлежащихъ къ одному дереву, напр. дубу, каждая, бывъ разсматриваема особо, можетъ быть не настоящимъ дубомъ? И на оборотъ, какимъ образомъ части, изъ которыхъ ни одна, особо взятая, не подходитъ къ составу цѣлаго, могутъ тѣмъ не менѣе считаться и оставаться дѣйствительными частями его? Тутъ одно изъ двухъ: или эти части, вѣтви одного дерева, слишкомъ надломлены или и со всѣмъ отломлены отъ ствола, и потому уже не могутъ составить одного цѣлаго, не могутъ слѣд. и считаться частями его; или то цѣлое, которое они составляютъ, не есть цѣлое истинное, дѣйствительное, т. е. однородное и соотвѣтствующее вполнѣ своему названію, а есть только мнимое,

воображаемое, несостоятельное. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ могли англиканскіе богословы сопоставить церкви римскую, греко-русскую, англиканскую, какъ вѣтви *одного* древа вселенской Церкви, когда между этими церквами есть очевидная рознь? Онѣ и *вмѣстѣ* не могутъ составлять вселенской церкви, доколѣ не будетъ между ними самими полнаго единства церковнаго. А если, тѣмъ не менѣе, считать ихъ частями одного тѣла вселенской Церкви по тому только, что всѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ *христіанскій міръ*, образуютъ міровой составъ христіанства, словомъ по тому только, что исповѣдуютъ одного Христа, то это значитъ не имѣть точнаго понятія о вселенской Церкви. Тó цѣлое, которое онѣ составляютъ въ мірѣ, не можетъ быть названо въ истинномъ смыслѣ вселенскою Церковію: это — каѳоличество только мнимое, потому, что оно только *внѣшнее*, только по имени и видимому образу христіанства, а не по исповѣданію вѣры, не по духу церковному, не по внутренней жизни.

Не скажутъ ли Англикане, что пункты вѣроученія и практики, принятые и сохраняемые частными церквами *единомысленно*, опредѣляютъ собою ихъ истинность и каѳолическое достоинство; а тѣ стороны, въ которыхъ онѣ разногласятъ между собою, удерживаясь въ каждой церкви, дѣлаютъ каждую церковь въ отдѣльности не истинною? Англикане такъ и говорятъ. Но что же за странное понятіе о вселенской Церкви, которая въ одно и тоже время и въ одномъ составѣ и истинна въ цѣломъ и не истинна въ частяхъ? И можетъ ли такимъ образомъ держаться вселенская Церковь? И какъ такія разрозненныя между собою части должны относится одна къ другой? Если каждая изъ нихъ, по суду англи-

канскому, не истинна сама въ себѣ, то можетъ ли сынъ одной церкви считаться родственнымъ другой и всѣмъ прочимъ? Если *нѣтъ*, то вселенская Церковь не существуетъ; если *да*, то это ведетъ къ безразличію между церквами, и тогда теряется точный критерій истинности и вселенская Церковь утрачиваетъ самый существенный свой характеръ—внутреннее единство, т. е. опять—*не существуетъ*. Словомъ: образъ мыслей Англиканъ ведетъ къ уничтоженію истинно-вселенской Церкви, а вводитъ какое-то новое ими самими измышленное каѳоличество. Въ последствіи мы увидимъ это яснѣе.

От такой неясности въ основныхъ понятіяхъ о Церкви и о каѳоличествѣ происходитъ у Англиканъ неясный взглядъ и на самое дѣло единенія. Казалось бы, что если по мнѣнію ихъ каждая церковь, отдѣльно взятая, не истинна сама въ себѣ, а только въ совокупности своей, и въ своемъ единомысліи между собою всѣ онѣ составляютъ Церковь вселенскую, то въ видахъ тѣснѣйшаго, дѣйствительнаго единенія ихъ между собою и каждой изъ нихъ съ Церковію вселенскою, слѣдовало бы каждой, оставивъ свои частныя заблужденія, возстановить въ себѣ единую общую, чистую истину, на общихъ, непреложныхъ основаніяхъ каѳолической, Апостольской Церкви. Но у Англиканъ и тутъ оказывается странная непослѣдовательность. Они думаютъ и хотятъ настаивать, что между церквами Греко-Русскою и Англиканскою нѣтъ существеннаго различія, что та и другая церковь въ своемъ существѣ, въ основныхъ догматахъ *равно истинны*, *православны*, а видимое различіе между ними требуетъ только не многихъ объясненій и можетъ, при взаимномъ признаніи обоюд-

наго православія, оставаться въ каждой изъ нихъ безпрепятственно. Отсюда они заключаютъ, что соединеніе этихъ церквей должно состоять не болѣе, какъ въ возстановленіи духовнаго общенія между ними посредствомъ безразличнаго участія членовъ ихъ въ таинствахъ той и другой церкви. Съ такими мыслями явился въ Россіи въ 40-выхъ годахъ извѣстный (бывшій) діаконъ англиканской церкви Пальмеръ. Онъ безъ дальнихъ разсужденій изъявилъ желаніе, чтобы мы допустили его въ нашей Церкви къ причащенію св. таинъ; даже сперва не хотѣлъ выразить этого желанія формальнымъ порядкомъ, а просто и прямо обратился съ этимъ къ одному священнику. Изумленный требованіемъ священника—отречься отъ заблужденій англиканскихъ, Пальмеръ сталъ доказывать, что между Церковію восточною и англиканскою нѣтъ существеннаго различія, по крайней мѣрѣ *онъ не видитъ*. Съ этою мыслію онъ написалъ прошеніе къ нашему синоду о принятіи его *въ церковное общеніе*, а не *о соединеніи* съ нашею Церковію, т. е. требовалъ, чтобы синодъ принялъ его не какъ не православнаго, а какъ единомысленнаго съ нами. На какомъ же основаніи? На основаніи представительной грамоты одного шотландскаго, жившаго въ Парижѣ, епископа, который съ своей стороны свидѣтельствовалъ *о православіи* Пальмера, по тому уваженію, что Пальмеръ представилъ ему исповѣданіе вѣры, согласное (будто бы) *съ истиннымъ смысломъ Апостольскаго символа*; при чемъ епископъ въ своей грамотѣ просилъ всѣхъ епископовъ православной Церкви допустить Пальмера въ своихъ епархіяхъ къ общенію въ таинствахъ, какъ скоро епископы, *вмѣстѣ съ англиканами* разумѣютъ *одинаково* смыслъ Апостольскаго Сим-

вола (1). Такое отношеніе къ греко-русской Церкви нельзя не назвать уже слишкомъ бездеремоннымъ. Само собою разумѣется, что нашъ синодъ не только не могъ уважить такихъ представленій, но имѣлъ прямое право и вовсе не принимать ихъ. Онъ отвѣчалъ на прошеніе Пальмера, что „какъ британская церковь никакимъ соборнымъ актомъ не выразила своего намѣренія возстановить утраченное съ нашею Церковію общеніе, чрезъ отверженіе всѣхъ противныхъ нашему вѣроученію мнѣній, и какъ грамота одного епископа и прошеніе одного діакона, представляющія частныя лишь мнѣнія, синодальному разсмотрѣнію не подлежатъ, то синодъ не можетъ допустить Пальмера къ общенію православной Церкви иначе, какъ въ порядкѣ, установленномъ для присоединенія иновѣрцевъ" (2). Такое рѣшеніе синода было точно каноническое: и могъ ли онъ иначе отвѣчать на предложеніе Пальмера, не позаботившагося даже обстановить свое дѣло надлежащимъ порядкомъ? Правда, Пальмеръ представилъ тогда исповѣданіе вѣры, нѣсколько приближенное къ православному и отступавшее отъ извѣстныхъ XXXIX пунктовъ англиканской церкви: но если это было и искренно со стороны Пальмера, онъ не могъ выдавать этого исповѣданія, а нашъ синодъ принимать его—за изложеніе вѣры англиканской *церкви*, какъ потому, что оно не было въ собственномъ смыслѣ актомъ церковнымъ, каковой долженъ бы быть изданъ отъ имени всей церкви англиканской и съ подписями всѣхъ или большинства единомысленныхъ въ этомъ дѣлѣ епископовъ ея, такъ и потому, что за этимъ

(1) Грамата эта въ Архивѣ Св. Синода № 2436.
(2) Въ архивѣ канцеляріи оберъ-прокурора синода № 337.

исповѣданіемъ оставались еще въ англиканской церкви въ полной силѣ XXXIX членовъ, составляющіе символъ вѣры ея: они не были отмѣнены или исправлены самою Церковію, и епископъ шотландскій, давшій представительную грамату Пальмеру, напрасно рѣшился на этотъ разъ ограничиться апостольскимъ символомъ; въ началѣ текущаго же столѣтія XXXIX членовъ были *соборно* приняты и подтверждены шотландскими епископами.

Новое, вслѣдствіе такого рѣшенія синода, представленіе къ нему Пальмера требуетъ особеннаго вниманія: оно вполнѣ обнаруживаетъ всю несостоятельность Пальмера и всѣхъ, стоявшихъ за нимъ англиканъ, не только въ дѣлѣ единенія съ православною Церковію, но и въ самомъ пониманіи этого вопроса. „Я не знаю, писалъ Пальмеръ Синоду нашему, равно какъ и мой епископъ, въ какое именно время, чрезъ какое неправославіе или ересь и какимъ соборнымъ актомъ той или другой стороны или обѣихъ вмѣстѣ, мы (англикане) лишены канонического права имѣть общеніе съ Церквами восточными“. Надобно быть слишкомъ не далекимъ богословомъ, чтобы выражать такой вопросъ или недоумѣніе: А отвѣтъ самый простой: англиканская церковь, вначалѣ принадлежавшая къ составу римской Церкви, и раздѣлявшая ученіе ея, а потомъ (въ XVI стол.) принявшая многіе пункты лютеранскіе и кальвинистскіе, за это именно лишилась церковнаго общенія съ восточною. православно-каѳолическою Церковію, *по силѣ догматическихъ постановленій вселенскихъ Соборовъ I-го, II-го и III-го*, воспретившихъ всякое отступленіе отъ никео-цареградскаго символа и вселенскихъ преданій, подъ опасеніемъ именно лишенія церковнаго общенія. Въ частности, когда Церковь восточная соборно и торже-

ственно осудила нововведенія римской Церкви и отлучила ее отъ своего общенія (въ IX — XI вѣкахъ), то тѣмъ же актомъ она осудила и всякую другую Церковь, въ тоже время или въ послѣдующее раздѣлившую заблужденія римскія. Почему англиканская церковь хотѣла бы исключить себя изъ этого осужденія, какъ скоро она до извѣстнаго времени не захотѣла отдѣлить себя отъ римской, да и по отдѣленіи досель удержала у себя нѣкоторыя изъ самыхъ важныхъ заблужденій Рима, каково, напримѣръ, ученіе filioque? Также, если въ началѣ XVIII столѣтія *Соборъ* восточныхъ патріарховъ, въ отвѣтъ на попытки англиканъ къ соединенію съ восточною Церковію, положительно осудилъ всякое разномысліе съ древнимъ ученіемъ Церкви и подкрѣпилъ свой отзывъ приложеніемъ соборныхъ опредѣленій восточной Церкви 1672 года противъ лютеранъ и кальвинистовъ, то почему Пальмеръ игнорируетъ эти акты или не хочетъ признать въ нихъ никакой силы? Какихъ еще соборныхъ актовъ ему было нужно? Послѣдствія показали, что съ его стороны тутъ была даже не искренность. Далѣе Пальмеръ писалъ: „я признаю, что залогъ православной вѣры у всѣхъ одинъ и тотъ же, что истина не можетъ измѣняться отъ разстоянія временъ или мѣстъ, и что поэтому британское православіе съ русскимъ или восточнымъ и обратно—восточное съ британскимъ должны быть совершенно согласны. И я уповаю, что это и теперь дѣйствительно такъ,—и это для всѣхъ будетъ очевидно, если только мы устранимъ первое обвиненіе или подозрѣніе въ неправославіи, отложимъ въ сторону важность новѣйшихъ опредѣленій той и другой стороны, примиримъ несогласія въ выраженіяхъ и приведемъ всѣ вопросы къ простымъ и яс-

нымъ предложеніямъ объ истинномъ и ложномъ. Ибо все, что ни опредѣляла та или другая сторона послѣ разрыва или прекращенія общенія, все это, по самому предположенію раздѣленія, доселѣ еще не считается даже формально извѣстнымъ епископамъ той и другой стороны, а тѣмъ болѣе не имѣетъ важности закона въ ихъ Церквахъ“. — На это мы скажемъ, что залогъ вѣры, т. е. Евангельское исповѣданіе Христа, дѣйствительно у всѣхъ одинъ и тотъ же; правда, что и истина, чистая, *безусловная*, не можетъ измѣняться *сама въ себѣ* отъ разстоянія временъ и мѣстъ; отсюда справедливо заключить можемъ, что и православіе, гдѣ бы оно ни было, въ Россіи или Британіи и вездѣ должно быть *само въ себѣ одно*, и слѣдовательно *британское* православіе, если оно дѣйствительно существуетъ, *должно быть съ русскимъ и греко-восточнымъ совершенно согласно*. Но откуда же видно, что британское православіе дѣйствительно таково? Уже по тому самому, что британцы спѣшатъ выговорить на этотъ предметъ условія, постановить ограниченія, показываетъ, что въ дѣйствительности не совсѣмъ такъ, какъ они говорятъ. Иначе, къ чему эти условія и ограниченія? Какимъ напр. условіямъ и ограниченіямъ подлежитъ единство православія русскаго съ греческимъ или грузинскимъ? А Пальмеръ еще хотѣлъ, чтобы *мы отложили въ сторону важность новѣйшихъ опредѣленій* церквей восточной и англиканской! Странно; неужели ничто новѣйшее не можетъ имѣть никакой важности? Неужели новѣйшія опредѣленія не могутъ имѣть своихъ неоспоримыхъ основаній? Если основанія новѣйшихъ церковныхъ постановленій одни и тѣже или по крайней мѣрѣ согласны съ основами древнѣйшихъ: то развѣ первыя не могутъ по справедливости имѣть

одинаковой важности съ послѣдними? Ни въ существѣ Церкви, ни въ ея исторіи нѣтъ такихъ предѣловъ, которые бы ограничивали извѣстнымъ временемъ и, такъ сказать, останавливали на извѣстной эпохѣ важность постановленій и за которыми всякое новое опредѣленіе уже теряло бы каноническое достоинство. Тѣмъ болѣе нельзя на это согласиться, когда предѣломъ для разграниченія важности полагается раздѣленіе церквей. Послѣ раздѣленія не имѣютъ обязательной для всѣхъ силы постановленія той только стороны, которая по своему суемудрію сама отпала отъ единства и своимъ отпаденіемъ лишила свои суемудренныя нововведенія основной истинности и обще-канонической важности. Но за что же должны потерять важность и силу постановленія той стороны, которая осталась вѣрною изначальнымъ основаніямъ вѣры и Церкви вселенской? Если сѣверо-американскія колоніи отдѣлились отъ Британіи и составили независимое государство, то неужели съ этого именно времени законы британскіе уже потеряли всякую важность, и если бы Сѣверо-Американскіе Штаты рѣшились снова возвратиться въ одинъ составъ съ Британіею, неужели новые законы ея уже не имѣли бы обязательной силы для американцевъ? И почему наконецъ Пальмеръ хотѣлъ отложить въ сторону важность новѣйшихъ опредѣленій Церкви *восточной*, не думая лучше отложить новые пункты вѣроученія, привзошедшіе въ церковь *англиканскую* отъ римской и протестантской, именно послѣ отдѣленія первой отъ восточной, а послѣдней и отъ восточной и отъ римской? Это было бы справедливѣе и логичнѣе съ точки зрѣнія самихъ же англиканъ. Правда, Пальмеръ говоритъ о новѣйшихъ опредѣленіяхъ той и другой *сторо-*

ны; но въ отношеніи къ англиканской церкви это было не искренно; ходъ мыслей его показываетъ, что тутъ имѣется въ виду Церковь только восточная.

Не останавливаясь на довольно наивномъ замѣчаніи Пальмера, что нельзя отъ приходящихъ къ восточной Церкви иновѣрцевъ требовать прямаго принятія ея постановленій послѣ раздѣленія церквей, по той еще причинѣ, что эти постановленія *не считаются формально извѣстными епископамъ иновѣрнымъ*, мы согласны съ его предположеніемъ, — *привести всѣ вопросы къ простымъ и яснымъ предложеніямъ объ истинномъ и ложномъ*, равно и съ тою мыслію Пальмера, въ томъ же прошеніи къ синоду выраженною, что *истина сама по себѣ простая и безотносительная не имѣетъ нужды во взаимныхъ сличеніяхъ между разными церквами и особыхъ опредѣленіяхъ*, чтобы церкви могли взаимно признавать другъ друга истинными, какъ требуютъ этого мѣстныя новѣйшія опредѣленія. Но по всей справедливости такое разсужденіе болѣе идетъ къ Православной Церкви противъ англиканской, чѣмъ на оборотъ. Ничего не можетъ быть проще и яснѣе тѣхъ понятій о истинѣ и лжи, какія предлагаетъ Церковь восточная, греко-русская. „Все, что основано на словѣ Божіемъ, писанномъ и неписанномъ, т. е. на изначальномъ преданіи апостольскомъ и на вселенскомъ непрерывномъ голосѣ Церкви, то истинно; все противное сему ложно". Вотъ неизмѣнный критерій церковной истины и лжи. По этому критерію новѣйшія постановленія греко-русской Церкви, прямо ли утвержденныя на указанныхъ основаніяхъ, или только согласныя съ ними въ духѣ и предѣлахъ, истинны безсомнительно; а противныхъ въ православной Церкви никогда не было и нѣтъ. Какое другое опре-

дѣленіе истины церковной, болѣе простое и ясное и неоспоримое, дали бы англикане? И конечно, если бы такая простая и безотносительная истина была также безотносительно признана англиканскою церковію за основной принципъ церковнаго исповѣданія и практики, то не было бы намъ нужды сличать и повѣрять свои Церкви одну другою, опредѣлять еще идею православія, какъ бы еще недовольно ясную и опредѣленную, и придумывать особыя основанія для взаимнаго единенія. По этой же истинѣ, и не иначе, должны быть повѣрены и всѣ частныя постановленія и мнѣнія той или другой Церкви. Безъ сомнѣнія самъ Пальмеръ и другіе англикане согласились бы съ этимъ, если бы, оставаясь вѣрными своему принципу — раздѣлять истину въ силѣ предѣлами времени и внѣшнимъ раздѣленіемъ Церквей, они сами себя не затрудняли въ приведеніи вопросовъ къ простымъ и яснымъ понятіямъ о истинѣ и лжи, если бы въ понятіе о истинѣ *простой и безотносительной* не вносили страннымъ образомъ сложности и относительности. Что же въ самомъ дѣлѣ говорить о простотѣ, ясности и безотносительности понятій истины, когда условіемъ ея опредѣленія полагается самый грубый предѣлъ — эпохи историческая и раздѣленіе времени? Это значитъ только противорѣчить себѣ и разрушать дѣло въ самомъ его основаніи.

«Я желаю, писалъ Пальмеръ въ заключеніе, оставить и отвергнуть всякую ересь, въ которой можно было бы обличить меня или мою Церковь. Но мнѣ кажется вѣроятнѣйшимъ, что Св. Синодъ не столько требовалъ отъ меня личнаго отреченія отъ какой-либо частной ереси, сколько хотѣлъ показать, что православіе одного клирика или даже епископа, *хотя бы они были совер-*

щенно православные, не можетъ, вопреки обычаю и мнѣнію восточной Церкви, входить здѣсь въ расчетъ, а что надобно ожидать соборнаго акта всѣхъ епископовъ британскихъ, и это *не столько для того, чтобы уничтожить подозрѣніе въ заблужденіяхъ лютерано - кальвинскихъ*, сколько, и преимущественно и прежде всего, для истребленія самаго корня застарѣлаго раскола *и для обнаруженія желанія единенія*". Это даже поразительно; как будто Пальмеръ въ самомъ дѣлѣ не понималъ хорошо, чего требовалъ отъ него Синодъ, какъ будто Синодъ не ясно или только *для формы* выражалъ свои требованія какъ будто Синоду былъ нуженъ только формальный актъ, а не самая сущность дѣла. Поразительна и эта настойчивость, съ какою англикане усиливались быть признанными въ своемъ православіи, какъ будто *не они* искали соединенія съ нами, а *мы*-съ ними. Дѣйствительно Пальмеръ не стѣснился выразить въ самомъ же прошеніи къ Синоду и то, что его епископъ *можетъ* просить у епископовъ британскихъ соборнаго акта къ обнаруженію желанія возстановить единеніе съ восточною Церковію *по призванію россійскаго Синода* (¹). Еще разъ повторимъ, тутъ одно изъ двухъ: или совершенный недостатокъ потребныхъ въ такомъ важномъ дѣлѣ свѣдѣній, или—не искренность.

Дѣло Пальмера не имѣло успѣха ни лично для него самаго, ни для англиканской церкви: и не могло оно имѣть никакого успѣха. Причину этого мы выскажемъ прямо и коротко: Пальмеръ слишкомъ много бралъ на себя. Онъ хотѣлъ не только отстаивать правоту англиканской Церкви въ ея statu quo, но и дока-

(¹) Синод. Арх. № 2436.

зывать, или лучше сказать, навязывать православный смыслъ извѣстнымъ XXXIX членамъ англиканскаго исповѣданія, вопреки ихъ смыслу буквальному; онъ хотѣлъ, чтобы мы признали эти члены ни въ буквѣ ихъ, а въ томъ смыслѣ, какой придавалъ имъ *лично* самъ Пальмеръ, даже вопреки объясненіямъ самихъ же англиканскихъ епископовъ (¹); онъ говорилъ отъ имени своей Церкви и отъ лица своихъ епископовъ, слѣдовательно хотѣлъ имѣть видъ и голосъ представителя ихъ: но по возвращеніи въ Англію не нашелъ сочувствія своему дѣлу ни въ Англіи, ни въ самой Шотландіи, гдѣ высшее духовенство, даже на соборномъ совѣщаніи о соединеніи Церквей, не высказало достаточно ни расположенія къ этому, ни готовности перемѣнить образъ своего вѣроученія. Извѣстна дальнѣйшая судьба Пальмера: онъ совратился въ папизмъ. Какъ ни странно можетъ казаться это съ перваго взгляда, но не трудно понять, почему Пальмеру даже легче было принять папизмъ, чѣмъ Православіе. Съ одной стороны въ англиканскомъ вѣроученіи, не смотря на отдѣленіе отъ Рима, сохранились ещё элементы ученія римскаго; съ другой стороны, римская Церковь, въ видахъ своего прозелитизма, никогда, а особенно въ новѣйшее время, не отказывала своимъ прозелитамъ въ самомъ крайнемъ снисхожденіи не только въ обрядахъ, но и въ самыхъ догматахъ, съ однимъ непремѣннымъ условіемъ—признанія папы въ качествѣ главы Церкви. Намъ кажется, что и основному принципу англо-каѳоличества, признающаго вселенскую

(¹) См. L' Eglise Romaine comparée avec la bible, les pères de Eglise anglicane, par l' évequе *Luscombe* (шотландскій епископъ) 1839.

Церковь не въ точныхъ предѣлахъ одной чистой неизмѣнной истины, а болѣе во внѣшней совокупности помѣстныхъ Церквей, не входя въ частные пункты ихъ вѣроисповѣданія, по этому самому принципу, говоримъ, для англиканъ должно стать наконецъ безразличнымъ дѣломъ — обращаться къ восточной или къ западной Церкви. Англиканскіе богословы точно также съ нѣкотораго времени начали натягивать и фальшивить толкованіе римскихъ догматовъ, въ сличеніи ихъ съ своими, чтобы доказывать сходство и возможность единенія своей и римской Церкви, какъ дѣлали это относительно православнаго вѣроученія (1). Такимъ образомъ не одинъ Пальмеръ, но и много англиканъ, духовныхъ и свѣтскихъ, обратились въ папизмъ въ одно время съ Пальмеромъ, а въ прошедшемъ (1865) году около 200 самыхъ важныхъ священнослужителей англиканской Церкви подали папѣ прошеніе о соединеніи съ римскою (2). Нельзя этого обстоятельства ставить въ укоръ Православной нашей Церкви, какъ дѣлаютъ нѣкоторые; нельзя обвинять насъ за то, что мы не такъ уступчивы, какъ римляне. Указывая на обстоятельство минувшаго столѣтія, когда шотландскіе епископы заявляли, что „если восточная Церковь согласится *не требовать* отъ нихъ молитвеннаго призыванія ангеловъ и святыхъ, поклоненія иконамъ и св. дарамъ въ Евхаристіи, то между англиканскою и восточною церквами водворится полнѣйшее согласіе" (3) — указывая на это обстоятельство, нѣкоторые думаютъ, что по смыслу такого заявленія,

(1) См. Письма Джунковскаго *въ Русскомъ Инвалидѣ* текущаго года № 185.

(2) Тамъ же.

(3) Архив. Синод. 29 Мая 1722.

при снисходительности православныхъ пастырей, единеніе могло бы легко совершиться и теперь уже около 150 лѣтъ Церковь англиканская составляла бы одно съ нашею и вѣроятно приняла бы наши *обряды* (1). Но такіе мыслители совершенно ошибаются. Православная Церковь ни въ лицѣ соборной Іерархіи, ни въ отдѣльныхъ пастыряхъ, ни въ своемъ народѣ никогда не позволитъ себѣ такой снисходительности и не согласится на подобныя уступки, гдѣ дѣло касается ученія вѣры, не частнаго, а вселенскаго, и не обрядовыхъ формъ, а основныхъ предметовъ религіи, каково напр. поклоненіе святымъ дарамъ въ Евхаристіи, основанное на догматѣ преложенія ихъ въ тѣло и кровь Христову (чего не допускаютъ англикане), или и не основныхъ членовъ вѣры, но имѣющихъ необходимую догматическую и нравственную, а не одну обрядовую или дисциплинарную, связь съ основными догматами. Таково призываніе святыхъ, соединяющееся внутреннею, живою связію съ догматами о вѣчной жизни и прославленіи святыхъ въ царствѣ Божіемъ, о непрерывности общенія Церкви земной, подвизающейся, съ небесною, торжествующею, и т. д. Жертвовать такими драгоцѣнными предметами вѣры мнимому единенію съ людьми, ихъ отвергающими, значило бы для православной Церкви дорожить не истиною, въ которой она уступала бы заблужденію, а ложью, которую она хотѣла бы принять въ общеніе съ собою. И будто бы такое единеніе могло бы быть дѣйствительнымъ и плодотворнымъ? Нѣтъ; оно было бы мнимое, такъ какъ не можетъ же истина съ ложью соединиться существеннымъ образомъ въ одно цѣлое, и привело бы

(1) Джунковскій—тамъ же.

наконецъ, рано или поздно, или къ новому разрыву вслѣдствіе самой несовмѣстности разнохарактерныхъ убѣжденій, или къ поглощенію истины ложью, такъ какъ тутъ не ложь обращалась бы къ истинѣ, а наоборотъ—истина ко лжи. Чѣмъ же лучше была бы въ такомъ случаѣ восточная Церковь западной, которая всѣмъ готова жертвовать въ видахъ прозелитизма и Пальмеру пожертвовала даже своимъ главнымъ догматомъ Filioque (1)? Не только мы не были бы лучше западныхъ, но можно сказать, были бы еще хуже: потому что они жертвуютъ своими заблужденіями, а мы пожертвовали бы чистою истиною. Напрасно также думаютъ, что тутъ дѣло идетъ только *объ обрядахъ*. Это значитъ просто— не понимать дѣла.

Возродившееся съ новою силою стремленіе къ единенію въ текущемъ десятилѣтіи и уже не въ одной Англіи, а и въ Америкѣ, къ сожалѣнію представляетъ въ себѣ такой же, какъ и прежде, недостатокъ ясности, твердости и послѣдовательности. При этомъ невольно приходитъ на мысль вопросъ: если англикане, серіознымъ образомъ, а не поверхностно, чувствуютъ потребность единенія и желаютъ достигнуть его дѣйствительно, существенно, а не формально только, то почему, прежде всякихъ другихъ попытокъ, не займутся они серіознымъ, догматическимъ и историческимъ изученіемъ восточнаго каѳоличества? Почему не усилятъ у себя богословскую науку на столько, чтобы она полнѣе раскрыла въ ихъ понятіяхъ и сознаніи общія основанія богооткровенной истины и точнѣе указала приложеніе этихъ основаній къ данному вопросу о Цер-

(1) Тамъ же.

ки? Рѣшить этотъ вопросъ силою одной практики, безъ высшихъ соображеній, путомъ одного добровольнаго съ разныхъ сторонъ соглашенія, помимо коренныхъ, церковныхъ, хотя и отвлеченныхъ, началъ—невозможно: невозможно и потому, что было бы несправедливо, и потому, что вызывало бы только безконечные споры. Вопросы церковные не то, что политическіе, рѣшаемые силою обстоятельствъ; дѣла международныя, которыя направляетъ или тонкая, своекорыстная дипломатія, или житейскій смыслъ народовъ. Повидимому, англикане смотрятъ на церковное единеніе, какъ дѣло между-народныхъ правъ и интересовъ, въ родѣ напр. свободной торговли; но это ошибка. Свобода и истина—не одно и тоже; можно болѣе или менѣе допускать свободу совѣсти и убѣжденій: но совсѣмъ другое дѣло—союзъ совѣстей и убѣжденій, на которомъ зиждется Церковь. И тамъ, гдѣ признается свобода убѣжденій, люди разномыслящіе не могутъ быть признаваемы, да и другъ друга не могутъ признавать—*равно правомыслящими*. А въ Церкви одно основное начало истины и жизни—единство. Какимъ же образомъ англикане, желая единенія между церквами, хотятъ въ то же время удержать свое разномысліе въ вѣрѣ? Въ объясненіе этой странности мы находимъ три особенныя обстоятельства внутри самой англиканской церкви: во 1-хъ потерю руководящей къ единой, чистой истинѣ нити среди необъятнаго множества разнорѣчивыхъ въ дѣлѣ вѣры партій, множества происходящаго отъ неограниченной свободы мнѣній и религіозныхъ убѣжденій; во 2-хъ, еще не полное отрѣшеніе этой церкви отъ римской, еще остающуюся въ послѣдней силу притяженія относительно первой; пслѣдствіе и долго-

временной исторической связи между ними, и такого же долгаго историческаго отчужденія англиканской церкви отъ востока, и вслѣдствіе общности началъ внутренняго развитія духовной жизни въ Англіи съ остальнымъ римско-католическимъ міромъ, общности, которой не могло разорвать и вліяніе принятаго Англіею протестантства; въ 3-хъ, странную и невидную въ другихъ мѣстахъ смѣсь остатковъ римскаго католичества съ лютеранствомъ и даже кальвинизмомъ, которые всѣ равно чужды востоку. Пока остаются въ силѣ эти особенныя обстоятельства англиканской церкви, нельзя надѣяться не только единенія между нею и Церковію восточною, но и чистаго, не потемненнаго взгляда англиканъ на это дѣло. Такъ разсуждаютъ и сами англикане, болѣе безпристрастные. „Наша обязанность, писалъ одинъ англиканскій мыслитель въ 1860 году, въ особенности при настоящемъ настроеніи нашей Церкви, послѣ безпристрастнаго обсужденія историческихъ лѣтописей, отрѣшиться отъ этого мѣстнаго впечатлѣнія, какъ-то вселившагося въ насъ, будто западная Церковь есть наидревнѣйшая часть вселенской Церкви, наиболѣе безопасная по праву наслѣдія и, какъ бы, будто она какъ столпъ осталась неподвижною, тогда какъ восточная часть этого нѣкогда совершеннаго храма отпадала и отпала отъ нея среди потрясеній прошедшихъ вѣковъ. Дѣло было вовсе не такъ. Мы съ увѣренностію утверждаемъ, что всякій, кто изучаетъ исторію прошедшаго съ безпристрастіемъ и по источникамъ неповрежденнымъ, долженъ будетъ придти къ заключенію, что во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ не рѣшенный, и что правымъ и честнымъ трудомъ никакъ нельзя вину сложить на восточную сторону. Что до насъ, то мы не-

лагаемъ, на основаніи разныхъ авторитетовъ, что это дѣло должно быть рѣшено въ пользу восточной Церкви, потому что, видимо, латинская церковь уклонилась отъ достославной древней Церкви востока и оставила ее такою же, каковою она и доселѣ находится. Во всякомъ случаѣ, если, какъ мы видимъ, все указываетъ намъ на то, что восточная Церковь имѣетъ, въ рукахъ Провидѣнія Божія, содѣлаться орудіемъ для просвѣщенія свѣтомъ Евангелія великой части свѣта; во всякомъ случаѣ, говоримъ, наши христолюбивыя желанія и надежды пусть обращаются къ сей древней Церкви“ (¹). Вотъ, и при безпристрастіи, сколько еще нерѣшительности, происходящей отъ нетвердости и неясности понятій о православіи вообще и о восточной Церкви въ особенности.

(*Продолженіе будетъ.*)

(¹) Ecclesiast. and Theolog. 1860. № 8.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ

ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ

въ 1867 году.

«Христіанское Чтеніе», издаваемое при с.-петербургской дух. академіи съ 1821 года, будетъ и въ слѣдующемъ 1867 году выходить ежемѣсячно по прежней программѣ. Въ составъ его входятъ слѣд. отдѣлы:

Отдѣлъ I. Переводъ св. книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка, именно — въ 1867 году будетъ изданъ переводъ третьей книги Царствъ и слѣдующихъ за нею — съ особымъ счетомъ листовъ и страницъ.

Отдѣлъ II. Творенія св. Отцевъ и учителей древней Вселенской Церкви. Въ этомъ отдѣлѣ въ наступающемъ году будетъ переводъ твореній *св. Ѳеодора Студита*, начиная съ его писемъ.

Отдѣлъ III. Духовно-ученыя изслѣдованія: догматическія, церковно-историческія, каноническія, полемическія, религіозно-философскія и др.

Отдѣлъ IV. Статьи, относящіяся къ нравственной христіанской жизни,—какъ-то: размышленія, повѣствованія, имѣющія поучительный характеръ и проповѣди.

Отдѣлъ V. Обозрѣніе современныхъ церковныхъ дѣлъ и богословской и вообще духовно-ученой литературы отечественной и иностранной.

«Христіанское Чтеніе» будетъ выходить книжками отъ 10—12 листовъ въ каждый мѣсяцъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ *безъ доставки* на домъ *6 руб. сер.*; а *съ доставкою и пересылкою во всѣ города 7 руб. серебромъ*. Желающіе получить «Христіанское Чтеніе» въ концѣ года въ корешковомъ переплетѣ благоволятъ высылать за полный экземпляръ (12 книгъ) 10 руб. серебромъ. Въ видахъ облегченія подписчиковъ Редакція по примѣру прошедшаго года допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты до полугодно—за ручательствомъ впрочемъ лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

При академіи и у книгопродавца Кораблева въ С.-Петербургѣ еще продаются полные экземпляры «Христіанскаго Чтенія» за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864 и 1865. Каждый экземпляръ отдѣльно за 1822—1848 годы по *5 руб. сер.* безъ пересылки, а съ пересылкою *6 руб. сер.*; экземпляры 1849—1866 годовъ по *6 руб. сереб.* безъ пересылки, а съ пересылкою по *7 руб. сер.* Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности или съ 1822 по 1827, или съ 1833 по 1847 включительно, тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по *3 руб. сер. безъ пересылки*, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра.

Подписка на «Христіанское Чтеніе» принимается въ Редакціи журнала при с.-петербургской дух. академіи, или въ правленіи этой академіи; также—въ правленіяхъ иногороднихъ д. семинарій, въ газетной экспедиціи с.-петербургскаго почтамта и въ конторѣ Редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сирякова.

Редакція впрочемъ отвѣчаетъ за исправную доставку только тѣхъ экземпляровъ, которые выписываются отъ с.-петербургской дух. академіи, т. е. или непосредственно отъ Редакціи, или чрезъ правленіе академіи; а потому проситъ гг. иногородныхъ подпис-

тиковъ обращаться съ требованіями журнала прямо и исключительно въ с.-петербургскую дух. академію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда, города или почтовой конторы, въ которую слѣдуетъ доставлять журналъ, званія, имени и фамиліи подписчика.

Можно также получать *въ Редакціи* отдѣльными книгами:

1) Бесѣды св. Златоуста на псалмы (въ 2-хъ том.), помѣщенныя въ Хр. Чт. за 1860 г. Цѣна 3 р., на перес. за 2 ф.

2) *Его же* бесѣды на разныя мѣста св. Писанія. Т. I, II и III. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к., на перес. за 2 ф.

3) *Его же* бесѣды на Евангеліе св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Въ 2-хъ томахъ (около 70 листовъ). Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

4) *Его же* бесѣды на 1-е посланіе св. апостола Павла къ Коринѳянамъ. Въ 2-хъ томахъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

5) *Его же* бесѣды и слова на разные случаи. Т. I и II. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к., на пересылку за 2 ф.

6) *Его же* бесѣды къ антіохійскому народу. Цѣна 2 руб., на пересылку за два фунта.

7) Церковную Исторію Евсевія. Цѣна 2 руб., на пересылку за два фунта.

8) Указатель сочиненій, содержащихся въ 88 частяхъ «Христіанскаго Чтенія». Цѣна (съ пересылкою) 50 к. сер.

9) Указатель сочиненій, содержащихся во всѣхъ частяхъ «Христіанскаго Чтенія» съ 1843 по 1860 г. включительно. Цѣна 20 к. сер., на пересылку за 1 фунтъ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

въ 1867 году.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ, издающійся при казанской духовной академіи по распоряженію святѣйшаго Сѵнода, съ 1855 года, и выходившій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходящій ежемѣсячно — по двѣнадцати книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ 1867 году будетъ издаваться по прежней програмѣ, въ строго-православномъ духѣ и въ ученомъ направленіи, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками, не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1867 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *въ Казани съ доставкою на домъ, и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—семь рублей серебромъ.*

Подписка принимается *въ Казани въ редакціи Православнаго Собесѣдника при духовной академіи.*

Примѣчаніе. Редакція тѣмъ изъ подписчиковъ, которые выпишутъ, *прямо отъ нея*, вдругъ не менѣе 10 полныхъ годовыхъ экземпляровъ ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА, за 1865, 1866, и 1867 годы, дѣлаетъ уступку противъ объявленной цѣны по 1 рублю съ каждаго изъ десяти и болѣе, *вдругъ выписанныхъ* экземпляровъ, (т. е. съ 10 экземпляровъ 10 руб., съ 11 экз. 11 руб. и т. д.).

Редакція ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА проситъ желающихъ выписывать изданія ея—обращаться съ своими требованіями *прямо* въ эту редакцію, съ приложеніемъ за нихъ денегъ по вышеозначеннымъ цѣнамъ, и прописывать свои адресы ясно и точно.

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ:

«Споры безпоповцевъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни о бракѣ». *К. Надеждина.* Спб. 1865 г.

(Статья третья).

При первомъ взглядѣ на ученіе Ивана Алексѣева о бракѣ и на способъ, какой онъ указывалъ своимъ единовѣрцамъ для законнаго вступленія въ супружество ([1]), можно было опасаться, что слово его объ этомъ предметѣ вмѣсто вниманія и сочувствія встрѣтитъ въ безпоповцахъ однѣ только насмѣшки и укоризны. Въ самомъ дѣлѣ, людямъ, смотрѣвшимъ на бракъ, какъ на таинство, которое не можетъ быть совершено ни кѣмъ, кромѣ лица „хиротонисаннаго" и притомъ православнаго, серьезно доказывалось, что бракъ „силу имать не такъ отъ церковнаго дѣйства, какъ отъ Божіяго содѣтельства и отъ Божіихъ словесъ", изреченныхъ Господомъ еще первымъ людямъ, и что пресвитерское вѣнчаніе есть не больше, как обычай, не имѣющій суще-

([1]) См. „Христ. Чтен." за Августъ.

ственнаго значенія для законности брака. Ревнителямъ „древняго благочестія“, считавшимъ православную церковь исполненною всевозможныхъ „новшествъ“, ересей, тьмы и нечестія, вслѣдствіе чего она будто бы сдѣлалась царствомъ человѣка беззаконія и сына погибели, убѣдительно предлагалось Алексѣевымъ заключать свои браки въ этой именно церкви. Какого пріема должна была ожидать себѣ проповѣдь Алексѣева въ средѣ такихъ людей? Шутникъ должно быть этотъ Алексѣевъ, говорили о немъ люди веселаго характера и недалекаго ума, по легкомыслію своему думавшіе, что въ хорошемъ расположеніи духа можно поглумиться и надъ такимъ важнымъ предметомъ, каково по существу своему брачное сожитіе. Опасный человѣкъ, думали о немъ другіе, понимавшіе, какую страшную мину подвелъ стародубскій государственный крестьянинъ для взрыва шатавшагося уже отъ разврата зданія безбрачной безпоповщины. Дерзкій мальчишка, вопіяли третьи и именно — люди, по мнѣнію толпы, самые почтенные, украшенные „сѣдиною аки плѣснію“ и полагавшіе все достоинство и мудрость „учителя въ сѣдинахъ добрыхъ“. Великій сластолюбецъ, вѣроятно, этотъ почитатель „великороссійскаго вѣнчанія“, замѣчали объ Алексѣевѣ четвертые, на словахъ защищавшіе дѣвство, а на дѣлѣ мѣнявшіе „посестрій“, какъ кафтаны, и обо всѣхъ судившіе по себѣ. Пьяница, ошалѣвшій отъ вина до бреда, кричали наконецъ въ азартѣ пятые—потому ли, что по своему непроходимому невѣжеству не могли отличить умныхъ рѣчей Алексѣева отъ болтовни нетрезваго человѣка, или, быть можетъ, только во имя высказаннаго однимъ нашимъ писателемъ дикаго замѣчанія, что на Руси умный человѣкъ или пьяница, или... но Алексѣевъ имѣлъ кра-

сивую наружность. Иной на мѣстѣ Алексѣева, пожалуй, растерялся бы отъ такого хаоса различныхъ злорѣчивыхъ сплетней и пересудовъ на счетъ его личности и, затаивъ въ душѣ своей любимый идеалъ, свою завѣтную мысль, продолжалъ бы, скрѣпя сердце, жить по прежнему въ мирѣ и согласіи съ поднявшими крикъ „гусями“,—по крайней мѣрѣ до поры—до времени, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Но не таковъ былъ характеръ у этого человѣка; задавшись извѣстною цѣлію, онъ не только не останавливался предъ встрѣчавшимися къ достиженію ея препятствіями, напротивъ находилъ въ нихъ для себя новый источникъ энергіи и силы. Съ другой стороны, намѣреваясь внести въ изсохшую отъ разврата безпоповщинскую среду начало семейной жизни, Алексѣевъ раньше предвидѣлъ, что миссія его не обойдется безъ разнаго рода пожертвованій съ его стороны. А потому, ни мало не смутившись отъ злорѣчія своихъ противниковъ, онъ, въ сознаніи правоты своего дѣла, совершенно спокойно сталъ объяснять имъ, что, начавши свою проповѣдь о необходимости брачной жизни, онъ и не думалъ шутить, а напротивъ рѣшился на этотъ шагъ „отъ великія туги сердца и печали“, при видѣ безпорядковъ въ обществѣ мнимыхъ дѣвственниковъ, что видѣть въ его проповѣди какую-то опасность для раскола — несправедливо; потому что эта проповѣдь предпринята имъ единственно „въ красоту и честь собранія церковнаго и пользу народную“, что ставить въ вину ему молодость и изъза нея не довѣрять самому ученію его значитъ забывать, что „невсякое всякаго и старика дѣло согласно съ волею Божіею“; въ опроверженіе же клеветы, будто Алексѣевъ сталъ учить о необходимости брачной жиз-

ни „ради нѣкія страсти“ и будто онъ „зѣло прилежалъ хмѣльному питію“ (1), защитникъ брака писалъ цѣлыя главы въ своей книгѣ: „о тайнѣ брака“ и между прочимъ указывалъ на свое безбрачіе. Такимъ образомъ всѣ дурные слухи, пущенные въ ходъ противниками брачной жизни — съ цѣлію очернить въ глазахъ невольныхъ дѣвственниковъ честную личность Алексѣева, оказались не больше, какъ злорѣчивой сплетней. А потому, оставивъ въ сторонѣ самаго Алексѣева, безпоповщинскіе наставники обратились къ его ученію и стали доказывать всѣмъ, кто сочувствовалъ этому ученію, что оно исполнено лжи и разнаго рода ересей. Въ прежнее время, пожалуй, такой голословный судъ объ ученіи Алексѣева былъ бы принятъ раскольниками за чистую монету; но защитникъ брачной жизни уже успѣлъ пошатнуть авторитетъ „стариковъ“ безпоповщинскихъ, показавъ и доказавъ ихъ грубое невѣжество; а потому, не ограничиваясь голословнымъ обвиненіемъ ученія Алексѣева, безпоповщинскіе учители сочли нужнымъ представить самыя основанія, по которымъ они произнесли объ немъ такой суровый приговоръ. Мы изложимъ эти основанія съ возможною подробностію, такъ какъ большая часть ихъ и до настоящаго времени приводится безпоповцами въ оправданіе существующаго между ними безбрачія.

Въ защиту своего безбрачія и въ опроверженіе мысли Алексѣева о необходимости брачной жизни для тѣхъ, кои не могутъ почему либо нести высокаго подвига дѣвства, безпоповцы указывали на исключительность своего положенія, по которому они не имѣютъ православнаго священства, которое одно имѣетъ право за-

(1) Послѣдняя клевета была основана на знакомствѣ Алексѣева съ нѣкоторыми нетрезвыми людьми.

ключать браки, и живутъ будто бы уже въ послѣднія времена міра,—въ царство антихриста, когда, по ученію слова Божія, истинные послѣдователи Христа не только обязаны избѣгать всѣхъ мірскихъ связей, и между ними—по преимуществу связей брачныхъ, но и не могутъ даже вступать въ эти связи вслѣдствіе прекращенія во всемъ мірѣ православной іерархіи. Въ этомъ случаѣ безпоповщинскіе наставники ссылались на слѣдующія слова Апостола Павла: имущіи жены, якоже не имущіи будутъ (¹), и на слова Спасителя: горе непразднымъ и доящимъ въ тыя дни (²).

Само собой понятно, что Алексѣеву, учившему, что бракъ можетъ быть законно совершенъ и въ церкви еретической (т. е. нашей православной), не трудно было доказать своимъ противникамъ, что указаніе ихъ „на оскудѣніе духовныхъ“ не можетъ служить достаточной причиной къ безусловному отверженію браковъ. Что же касается мысли о послѣднихъ временахъ міра, въ которыя будто бы истинный христіанинъ не долженъ вступать въ брачныя связи, то, не оспоривая справедливости самой мысли о наступленіи царства антихристова, Алексѣевъ говорилъ, что ни въ словѣ Божіемъ, ни въ ученіи отцевъ Церкви нѣтъ прямаго и безусловнаго запрещенія вступать въ бракъ въ это бѣдственное для послѣдователей Христовыхъ время. Въ словахъ Спасителя: горе непразднымъ и доящимъ въ тыя дни,—по толкованію блаженнаго Θеофилакта, рѣчь идетъ не о бѣдствіяхъ христіанъ въ послѣднее время міра, а о бѣдствіяхъ жителей Іерусалима, какія имѣли испытать они во время разрушенія этого города; точно также

(¹) 1. Корино. VII, 29.
(²) Мө. XXIV, 19.

ничего не говорятъ противъ брачной жизни въ царство антихриста и слова Апостола Павла: имущіи жены, якоже не имущіи будутъ; „понеже, писалъ Алексѣевъ, то Апостолъ о прехожденіи міра сего образа писа, въ немъ же елика суть содѣваются, прейдутъ, а не о настоящемъ брака совокупленіи, аки бы уже имущему жену не можетъ нарещися жена, но блудница, какъ ваши учители разсуждаютъ, не сполна воспріемлюще писаніе. Но мы сполна апостольское слово воспріимемъ, да разумно покажется глаголемое. Что же се глаголетъ Апостолъ; слышимъ: аще и оженился, не согрѣшилъ есть: и аще посягаетъ дѣва, не согрѣшила есть. Скорбь же плоти имѣти будутъ таковіи. Азъ же щажа вы, се глаголю братіе; яко время прекращенно есть, да имущія жены, яко не имущія будутъ: плачущіися, яко не плачущіи: и радующіися, яко не радующееся: и купующіи, яко не содержаще: и требующіи міра сего, аки не требующе: преходитъ бо образъ міра сего. То Апостолъ. Но видите ли что нынѣ обрѣтаемое: кто требуетъ міра, тотъ и нынѣ содержитъ продаемое: веселящіися въ мірѣ такъ и нынѣ веселятся: кому печаль есть и туга въ понужденіи слезъ, той и нынѣ плачетъ. Убо по сей лѣствицѣ речемъ и сіе: кто получи себѣ жену, той и нынѣ также имать жену. Тѣмъ же всуе наведеніе се вами апостольское, аки бы онъ о нынѣшнихъ бракахъ писалъ; жену получаяй обычаемъ не будетъ ему за жену; не попуститъ бо сице умствовати вышереченная лѣствица: ибо Павелъ не о единыхъ женахъ писа, но и о купцахъ и прочихъ, кои вси какъ и прежде видими пребываютъ. Но сіе разумѣти подобаетъ о скращеніи житія сего, яко все прейдетъ и богатство

и слава и жены: преходитъ бо, рече, образъ міра сего" (1).

Не желая согласиться съ мыслію Алексѣева о необходимости брачной жизни, безпоповцы указывали на то обстоятельство, что всѣ они связаны обѣтами дѣвства и что по этому самому не могутъ и не должны вступать въ бракъ, такъ какъ, по словамъ Апостола, вдовица, измѣнившая своему обѣту, вѣры отвергается и идетъ въ слѣдъ сатаны (2), а по ученію Василія Великаго, нарушившая обѣтъ дѣвства подвергается наказанію, какъ прелюбодѣйца (3); кромѣ того въ оправданіе своего безбрачія безпоповцы ссылались еще на примѣръ прежнихъ отцевъ.

Въ опровершеніе этого, повидимому, важнаго обстоятельства, Алексѣевъ говорилъ, что слова Апостола Павла не приложимы къ безпоповцамъ: у Апостола рѣчь идетъ о вдовицахъ, которыя добровольно обрекали себя на безбрачіе и служеніе церкви и притомъ давали этотъ обѣтъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ (60 лѣтъ); юныхъ же вдовицъ Апостолъ повелѣлъ отрицаться и совѣтовалъ имъ вступать въ бракъ. Между тѣмъ безпоповцы обязываютъ къ дѣвству мужчинъ и женщинъ безъ различія возраста и старыхъ и молодыхъ, оставляя притомъ жить ихъ вмѣстѣ въ однихъ домахъ, что не можетъ не вести къ разнаго рода искушеніямъ. „Апостолъ не о повсемственныхъ вдовицахъ то пишетъ, замѣчалъ Алексѣевъ, но о вчиненныхъ въ церковныя вдовицы, коимъ вдовицамъ обыкновенно быть тогда по воли своей отрицатися міра и мірскихъ сластей и обѣ-

(1) „О тайнѣ брака" ч, II гл. 1.

(2) 1 Тимоѳ. V, 11. 12. 14.

(3) Прав. 18.

щатися при церкви быти Божіи въ служеніи. Но въ таковыя церковныя вдовицы нѣкія юныя вдовицы вчинившеся неразсмотрѣнно и потомъ юностію возбужденіи отвергшеся вчинанія, вдавшеся сластемъ, яко и во слѣдъ сатаны нѣкоимъ поити на укоризну христіанства. Сего ради Павелъ и пишетъ къ Тимоѳею глаголя: юныхъ вдовицъ отрицайся, се есть, не пріимати ихъ во обѣтъ церковныхъ вдовицъ, да некако бо, рече, разсвирѣпѣютъ о Христѣ посягати восхотятъ, имуще грѣхъ отверженіе обѣта... Тѣмъ же и глаголетъ: хощу убо юнымъ вдовицамъ посягати, чада рождати, домъ строити, ни едину вину даяти противнику клеветы ради... Вчиняти же въ церковныя вдовицы повелѣ не меньше шестидесяти лѣтъ. Тѣмъ же вы безъ разсмотрѣнія зіяюще на се, едино вопіете: вдова отвергше свой обѣтъ прелюбодѣйца есть, а того не обзираете, яко вы на страшномъ судѣ Божіи понесете грѣхи сихъ, яко всякаго возраста вводите во обѣтъ дѣвственнаго житія: а обѣтъ той взявши, мужей со женами, а женъ съ мужьми оставляете купно пребывати и судите только то, кто бракъ воспрія, а той, кто и десять браковъ имать, ничто вамъ то есть, но рабъ Божій и раба Христова. О слѣпоты перомъ неописанныя!“ Точно также, продолжалъ Алексѣевъ, и правило Василія Великаго о вдовицахъ и черноризицахъ не можетъ служить оправданіемъ безпоповщинскаго безбрачія: „обѣщаніе, о коемъ пишетъ Василій, не есть сообразно вашему обѣту. Ибо тѣхъ бяше обѣщаніе дѣвствовати изъ естественнаго спасенія въ вышеестественное преходно житіе, рекше, изъ могущаго въ мірѣ спасенія въ высокое дѣвственное спасеніе и равноангельское житіе. Кое обѣщаніе бысть по самой воли обѣщающагося и по довольномъ

свидѣтельствѣ. Но аще и ваши учители новоприходящихъ въ свое согласіе также испытуютъ и обѣты подлинныя воспріемлютъ отъ таковыхъ, но далече разума святыя Церкве. Ибо во святѣй Церкви и мірскіи и монастырскіи народи вѣрныхъ спасахуся, въ васъ же единъ образъ спасенія монастырскій. Тѣмъ же и новоприходящій къ вамъ истязуется, будешь ли съ нами дѣвственное житіе имѣти, то пріимемъ въ согласіе: аще ли не будешь дѣвственно жить, то съ нами не имаши общества и христіаниномъ быть не можешь. То сицевыми словесы новоприходяй устрашенъ бывъ безнадежною спасенія виною, и не хотя даетъ обѣтъ усильный на единъ путь дѣвственнаго житія чюждеумно, коимъ святая Церковь неусиловаше, токмо оніи древніи Маркіониты, Монтанисты... и подобніи имъ исперва на дѣвственное житіе воспріемлюще и безбрачно жити устрояюще и къ дѣвству обязующе и жити со женами и дѣвами оставляху, какъ и въ васъ видимъ вашихъ дѣвственниковъ. И то ли есть безженнаго и дѣвственнаго житія у васъ истинный обѣтъ, что юнымъ и мужемъ купно съ женскимъ поломъ сожительствовати такъ, что на малѣ у коего и наставника не быти стряпухи, а паипаче въ Москвѣ жительствующихъ. Еда давшіи сіи въ васъ обѣты плоти сея страстныя отрѣшишася и быша аки безплотни, что такъ не опасно единъ со другимъ мужіе и жены купно ходятъ, гуляютъ по гумнамъ, по пунямъ, по лѣсамъ, по домамъ собираются таимичишнымъ: сіе ли есть сообразіе оныхъ древнихъ, обѣщающихъ дѣвственно жити: и то ли есть правильнаго положенія наблюденіе... Не тако убо не тако, о друзи, оныхъ дѣвства обѣты исполненіе бысть: бо тіи по обѣщаніи дѣвственнаго житія освященіе отъ

архіереевъ многи пріемлюще и сокровенная мѣста въ домахъ и въ церквахъ имяху и подъ стражею блюдоми, по свидѣтельству святаго Амвросія. Тѣмъ же ужасно есть воистину того дѣвства обѣщаніе, кое соединено со женами, а браки до конца отлучаетъ и ненавидитъ" (¹). Остановивъ вниманіе на той мысли, что обѣты дѣвства даются въ безпоповщинѣ по принужденію—въ слѣдствіе опасенія за несогласіе вести безбрачную жизнь подвергнуться отлученію отъ общества, Алексѣевъ замѣчалъ, что подобные обѣты неимѣютъ никакой нравственной цѣны предъ Богомъ и что самое дѣвство лицъ, давшихъ вынужденные обѣты, не можетъ считаться добродѣтелію. „Святый Апостолъ Павелъ и Василій Великій о произвольныхъ обѣтахъ глаголютъ, а не усильныхъ. Слышите бо о томъ самаго Апостола глаголюща: хощу, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ: но кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице. Глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ, добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ. Аще ли не удержатся, да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися. Добродѣтель убо есть и глаголется дѣло доброе произволеніемъ, а не по нуждѣ бываемо: аще же нужею бываемо доброе дѣло, нѣсть добродѣтель истинна, ниже мзду иматъ. Тѣмъ же Церковь Христова на произвольную добродѣтель, а не на нужную призываетъ. Могій, рече Христосъ, вмѣстити да вмѣститъ. Сему разсужденію и мы подражающе дѣвство почитаемъ, а бракъ не отвергаемъ, но на власти оставляемъ... Тѣмъ же руководителю церковному многоочиту быти подобаетъ и разсуждати коегождо время и мѣру: и того ради

(¹) „О тайнѣ брака" ч. II глав: „на Ѳедосеевы, отвергающія браки и на разводы ихъ въ бракахъ."

и хотяща во обѣтъ удерживати спасеннѣйше есть, дондеже указаніе отъ дѣлъ добрѣ извѣстится" ([1]). Что же касается примѣра „прежнихъ отцевъ", на который ссылались противники Алексѣева въ оправданіе своего безбрачія, то, по словамъ Алексѣева, „ко внѣшнимъ сей отвѣтъ не увѣтливъ и ищущимъ правды ненадеженъ: ибо и всякое согласіе на то можетъ ссылатися: отцы наши такъ творили, но на семъ пря не можетъ окончатися.... отцы наши, дондеже нуждѣ не явитися, о богомоліи не бяше проповѣди: егда же нужда явися, явишася и доводы въ нихъ о богомоліи. Тако и въ насъ не бяше нужда въ народѣ о бракѣ, не бяше о томъ и словесъ: егда же нужда явися о томъ и взысканіе содѣяся. Но не подобаетъ сему дивитися и отскакати въ сомнѣніе, глаголюще: яко у отецъ нашихъ не было. Вѣдати же нестрастно о семъ подобаетъ, яко отцы наши жили далече отъ міра, проходяще пустынное житіе и скитское, сего ради брачныхъ не требовали не въ гнушаніе вещи, но да не смутятъ мѣсто и пустыню да не сотворятъ міръ. Мы же живемъ посреди міра суще и во всѣхъ соблазнахъ мірскихъ пребываемъ... Тѣмъ же и не во образъ оныхъ намъ пребываніе ([2])."

Желая доказать, что Алексѣевъ, проповѣдуя законность браковъ, заключенныхъ въ еретической (т. е. православной) Церкви, самъ еретичествуетъ и что подобные браки суть не больше, какъ блудодѣянія, защитники дѣвства ссылались въ подтвержденіе своихъ словъ во 1-хъ на 31-е правило Лаодикійскаго собора, на 14-е правило IV вселенскаго собора и 72-е правило VI вселенскаго собора, въ которыхъ запрещается лицу

([1]) Ibid. гл. „изысканіе о обѣтахъ, яко не по согласію святыя церкве обѣты не имутъ силы и преступаяй сія не подлежитъ канонамъ."

([2]) Ibid. ч. I. гл. „о преложеніи прежнихъ дѣлъ и обычаевъ."

правовѣрному вступать въ бракъ съ лицомъ еретическимъ; во 2-хъ—на слова Алексѣя Комнина и Іоанна митрополита (русскаго), въ которыхъ бракъ, не заключенный въ православной церкви, называется блудомъ; и въ 3-хъ—на 135-е правило Тимоѳея Александрійскаго и на 168-е правило Ѳеодора Вальсамона, въ которыхъ бракъ, вѣнчанный въ еретической церкви, прямо называется прелюбодѣяніемъ, которое повелѣвается расторгать, если вѣнчанные такимъ образомъ не согласятся на новое вѣнчаніе въ церкви православной.

Противъ перваго изъ указанныхъ основаній, т. е. противъ соборныхъ правилъ, Алексѣевъ говорилъ, что въ нихъ рѣчь идетъ „не о вѣнчаніи въ еретикахъ, но о бракахъ вѣрну съ еретики, о чемъ намъ, замѣчаетъ Алексѣевъ, нѣтъ при. Ибо въ насъ настоитъ не о поятіи еретическихъ лицъ, но о вѣнчаніи обоихъ вѣрныхъ въ еретикахъ взысканіе". Соглашаясь далѣе, что „бракъ правовѣрнымъ съ еретики возбраненъ правилами," Алексѣевъ указываетъ и причину этого запрещенія: „понеже отъ брака съ еретики многимъ правовѣрнымъ въ ереси падати случашеся и случается: вѣнчаніе же въ еретикахъ, замѣчаетъ онъ, не тако. Ибо единое бывше предстаетъ: и аще еретическими обѣты вѣнчавшійся не обяжется, не вмѣнится ему во отступленіе вѣры. Ибо разно есть, еже правыя вѣры отступити и еже въ еретикахъ браковѣнчаніе воспріяти. Лице же правовѣрное, совокупльшееся со иновѣрнымъ, временемъ можетъ едино отъ другаго развратитися. Потому „и святіи отцы больше на сіе возстаютъ, дабы не поималося правовѣрное лицо со иновѣрнымъ, а о вѣнчаніи въ еретикахъ умалчиваютъ (1). Тѣмъ же сіе мое малое по-

(1) „О таинѣ брака ч. I. глав. „изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи."

трудженіе о правилахъ соборныхъ благоволите словеса пріяти и подобающее о нихъ разумѣвати. И познавше въ сихъ лежащій разумъ не о вѣнчаніи во иновѣрныхъ быти, но о брацѣ, сирѣчь, о поятіи вѣрному иновѣрное лице, а о вѣнчаніи нимало воспомянеся. Сего ради уже къ тому не извольте намъ сихъ правилъ во свидѣтельство о вѣнчаніи представляти, вѣдуще, яко ино есть бракъ и ино есть вѣнчаніе брака: брака бо составленіе бываетъ договоромъ и сложеніемъ обоихъ лицъ родителей и самихъ тѣхъ сложеніемъ жениха и невѣсты—въ домахъ: и на томъ единомъ имя полагается брака. А самое вѣнчаніе брака или и прежде сего обрученіе брака совершеннѣйше отъ вины домовнаго сложенія законно бываетъ въ церкви, или каковъ обычай нужди позовется, обаче іереемъ: кое домовнаго брака замокъ или печати приложеніе, по повсемственному обычаю благословеніемъ явственнымъ всенароднѣ—въ незазорную жизнь. Но святая Божія Церковь не умствуетъ и внѣшнее вѣнчаніе браковъ за блудническое сходбище, но за сущій бракъ и законный; о чемъ и шестаго вселенскаго собора правило 72 ясно показуетъ: къ сему же и весь повсемственный обычай пріятіемъ такихъ браковъ свидѣтельствуетъ законными браки. Аще же речете сіи браки незаконныя, то церковь незаконными или рещи беззаконными браки составляется. Убо и порочна есть отъ васъ церковь, яко отъ еретикъ вѣнчанныя браки пріемлетъ. А наипаче рещи по васъ: вы внѣшнія браки, аки безъ священнословія бываемыя, вмѣняете ихъ блудническое сшествіе: а церковь ихъ пріемлетъ. Убо по васъ блудниками церковь Божія исполнена. Змія порожденія ехиднова, заключалъ Алексѣевъ, тако ли вамъ подобаетъ дщерь Божію зло-

хульно нарицати, тако ли вамъ невѣсту Христову глаголати, нетлѣнную, непорочную, бѣлѣйшую и чистѣйшую, аки луну, порочити. Богъ освяти, вы же тако ю далекими наводы порочите, глаголюще: внѣшніе браки блудное сшествіе, а она сія пріемлетъ“ ([1]). Такимъ образомъ, не ограничиваясь указаніемъ истиннаго смысла соборныхъ правилъ, которыми защитники дѣвства старались доказать незаконность браковъ, вѣнчанныхъ въ еретической церкви, Алексѣевъ показалъ безпоповцамъ, что они сами являются хулителями церкви, называя подобные браки блудомъ.

Еще легче было Алексѣеву показать несостоятельность другого основанія, на которомъ хотѣли утвердить проповѣдники дѣвства свою мысль, будто браки, вѣнчанные въ еретической церкви, суть не больше, какъ блудное сожитіе. На приводимыя ими слова Алексѣя Комнина: „елико аще безъ священныхъ молитвъ своя рабы на сочетаніе брака совокупляюще, не боголюбивъ бракъ составляютъ имъ, но блудническое смѣшеніе утверждаютъ; ихъ же бо не совокупи Богъ священными молитвами призываемъ, тіи вси сходятся на грѣхъ“ ([2]), Алексѣевъ писалъ и весьма справедливо: „сія словеса не о іерейскихъ каковыхъ браковѣнчаніихъ глаголются, но о тѣхъ, иже никогда никако браковѣнчанно имутъ жены, каковъ было пришелъ тогда господамъ обычай—самѣмъ священными молитвами поимати жены, рабомъ же просто поимати жены, да не погибнетъ ихъ на рабѣхъ господство“, т. е., по мысли

([1]) „О тайнѣ брака“ ч. I. гл. „изслѣдствіе истиннаго разума святыхъ отецъ правилъ, ихже нѣціи по ложному мнѣнію на отрѣваніе браковъ пріемлютъ.“

([2]) Кормч. ч. II, гл. 43. л. 36 обор.

Алексѣева, Алексѣй Комнинъ называлъ блудническимъ смѣшеніемъ не бракъ вѣнчанный въ еретической церкви, а сожитіе лицъ нигдѣ невѣнчанныхъ. Слѣдовательно, слова Комнина не имѣютъ никакого отношенія къ бракамъ, которые онъ защищалъ и которые предлагалъ вѣнчать въ православной (по мнѣнію раскольниковъ, еретической) Церкви—православными священниками. Защитники дѣвства замѣчали, что эти священники — еретики, и потому хотя и „имутъ въ дѣйствѣ браковѣнчанныя молитвы, обаче не имутъ на сочетаніе творительныя силы духа Святаго;“ слѣдовательно „и несовокупляетъ Богъ вѣнчанныя ими,“ и они (т. е. вѣнчанные еретиками) суть не больше, какъ блудники. Алексѣевъ, учившій и доказавшій, что существо брака заключается во взаимномъ согласіи жениха и невѣсты и что вѣнчаніе само по себѣ не даетъ брачущимся никакой особенной благодати, а есть только „всенародный“ обычай, дающій браку формальную, гражданскую твердость, могъ, отвѣчая на указанное замѣчаніе, ограничиться только слѣдующими словами: „вѣнчаніе, кѣмъ бы оно ни совершалось, хотя бы и еретическимъ священникомъ, церковь не равняетъ просто поимающимъ, якоже прежде речено“ (¹) Точно такой же смыслъ, говорилъ Алексѣевъ, заключается и въ словахъ митрополита Іоанна: „аще кто кромѣ святыя церкве сотворитъ свадьбу, яко блудникомъ епитимія“, на которыя также ссылались противники еретическаго браковѣнчанія. Здѣсь опять называются блудниками не лица, вѣнчавшіяся въ церкви, хотя бы и еретической, но лица,

---

(¹) „О тайнѣ брака“ ч. I. гл. „изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи.“

вступившія въ сожитіе безъ всякаго вѣнчанія, и притомъ тайно, т. е. дѣйствительные блудники: „о невѣнчанно поемлющихся глаголетъ (Іоаннъ митр.), писалъ Алексѣевъ, и тайно по себѣ домовно сопрягающихся; о чемъ выше въ царской (Алексѣя Комнина) заповѣди или и у насъ въ новогородскихъ еретикахъ стригольникахъ такіе случаи быша, отвращающеся священниковъ и дѣйства ихъ непріемлюще, своевольно со женами совокупляхуся, а не о еретическихъ браковѣнчаніяхъ (¹)". „Внѣшняя церковь, продолжали возражать противники еретическаго вѣнчанія, не есть церковь святая и во внѣшней церкви браковѣнчанныя не совокупляетъ Богъ, яко священнословія тамо не бываетъ: убо вси тамо браковѣнчанныя сходятся на блудъ, а блудныхъ церковь не пріимаетъ не разведше: а посему и сихъ неинако, но браки расторгше пріяти въ церковь подобаетъ". Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого умствованія, Алексѣевъ замѣчалъ только: „ложенъ ихъ въ доводѣхъ сихъ на отрѣваніе новыхъ браковъ глаголъ, паче же и сопротивенъ есть святѣй церкви. Зане святая соборная церковь благоволи внѣшнія браки, яко истинныя пріяти браки. Но аще по инымъ доводамъ не быша тіи совокуплены священными молитвами и блудники суть. Убо святая церковь внѣшніе браки пріятъ блудниковъ пріятъ. И что послѣдуетъ сему, то послѣдуетъ рещи: яко вся святая церковь въ пріятіи такихъ браковъ погрѣши, едини сіи непогрѣшаютъ, отрѣвающе оныя браки", и въ заключеніе Алексѣевъ дѣлаетъ такое, рѣдкое въ устахъ безпоповца, замѣчаніе: „святая церковь не умствуетъ о внѣшней церкви

(¹) Ibid, въ ст. „доводъ второй подобообразный первому."

такъ, аки бы въ ней священныхъ небыло молитвъ, но глаголетъ молитвы бываемыя въ ней молитвы священныя, и вся сосуды и одежды внѣшнія церкви и дѣйства не суть простая, но суть священная" (1).

Что же касается до 135-го правила Тимоѳея Александрійскаго и 168-го правила Ѳеодора Вальсамона, которыми противники Алексѣева хотѣли поразить защитника „еретическаго вѣнчанія", такъ какъ въ томъ видѣ, какъ приводили эти правила безпоповцы, они прямо называютъ браки вѣнчанные въ еретической церкви, не браками, а прелюбодѣяніемъ; то вмѣсто ожидаемой побѣды надъ Алексѣевымъ защитники дѣвства сами потерпѣли на этомъ пунктѣ страшное пораженіе отъ него. Дѣло въ томъ, что, воспитанные на „часовникѣ и псалтири", противники Алексѣева не сочли нужнымъ справиться съ подлинными правилами александрійскаго архипастыря, помѣщенными въ Кормчей, и съ подлинными сочиненіями знаменитаго толкователя правилъ церковныхъ, и привели подъ ихъ именемъ такія правила, которыя не только чужды смысла св. Писанія и св. отцевъ, но и не отличаются смысломъ грамматическимъ. Вотъ эти мнимыя правила указанныхъ писателей. „Еже отъ еретикъ вѣнчани по вѣрѣ еретической,

(1) Ibid ч. I глав. „изслѣдованіе истиннаго разума святыхъ отецъ правилъ, ихже нѣціи по ложному мнѣнію на отрѣваніе браковъ пріимаютъ". Эти слова напоминаютъ намъ слова другого расколоучителя, прот. Аввакума, который допускалъ, подобно Алексѣеву, существованіе въ церкви православной священныхъ вещей, но о „дѣйствахъ" православныхъ священниковъ и молитвахъ правосл. церкви отзывался, какъ о еретическихъ, дьявольскихъ: „а воду ту святитъ, писалъ онъ о водѣосвящаемой православнымъ священникомъ, хотя истинный крестъ погружаетъ, да молитву дьявольскую говоритъ, Въ правилѣхъ пишетъ, и образу Христову въ еретическомъ соборѣ не кланятися. Егда онѣ престанутъ отъ молитвы, тогда послѣ ихъ кланяйся. А тутъ же хотя и крестъ, да еретическое дѣйство". Опис. раск. соч. ч. II, стр. 19.

то не браки, но прелюбодѣйчище есть. Аще имутъ истинныхъ іереевъ, да вѣнчаются снову, аще ли не имутъ, да живутъ просто“. Это—мнимое 135-ое правило Тимоѳея Александрійскаго. А вотъ какія умствованія выдали безпоповщинскіе защитники безбрачія подъ именемъ 168-го правила Ѳеодора Вальсамона: „и якоже рекло писаніе, яко еретическій бракъ нѣсть бракъ, но прелюбодѣйчище. Аще обратятся къ соборной апостольской церкви, а крещени, мνромъ помазуются токмо. Аще хотятъ жити совокупно, аще и дѣти будутъ, паки да вѣнчаются въ церкви. Да аще въ нѣкоей Палестинѣ не будетъ священника и церкви, и имъ плакати во все время живота своего, кождо во своихъ храминахъ порозну, и дастъ ей грамоту отпустную. А святыхъ таинъ при смерти сподобляются оба лика. Аще же и священникъ есть, а церкви нѣсть; а въ простой храминѣ не вѣнчать. Аще невѣрніи и не крещени, да крещаются святымъ крещеніемъ. Или едино лице познаетъ вѣру истинную, а другое не познаетъ, и отцемъ духовнымъ ихъ разлучити. И апостолъ рече сице, яко мужъ невѣренъ святится о женѣ вѣрнѣ: или жена невѣрна святится о мужѣ вѣрнѣ. И се во указъ и во образъ Церкви не приводите: тамо апостольское слово къ вѣрнымъ, здѣ же воспомянуто о еретическомъ брацѣ, а не о иныхъ. Пріемляй сихъ чрезъ правила святыхъ, и не повинется писанію: аще епископъ, или іерей, да извержится изъ сана“. Кто былъ сочинителемъ этихъ странныхъ, противорѣчивыхъ умствованій, мы не знаемъ. Послѣднія слова мнимаго правила Тимоѳея Александрійскаго невольно напоминаютъ приведенныя нами въ первой статьѣ разглагольствія (¹) протопопа Авва-

(¹) „Христ. Чтеніе“. Май. Стр. 516.

кума о томъ же предметѣ; а мнимое правило Феодора Вальсамона, по своему смыслу и выраженіямъ (1), такъ и просится въ книгу истаго Ѳедосѣевца. Какъ бы впрочемъ ни было, только противники ученія Ивана Алексѣева о законности браковъ, вѣнчанныхъ въ церкви еретической, сдѣлали большую ошибку, сославшись въ спорѣ съ нимъ на приведенныя выше правила. Они знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, знали, что Алексѣевъ слишкомъ много читалъ, чтобы не знать, что напр. правилъ Тимоѳея александрійскаго находится въ Кормчей всего только 15-ть, и слишкомъ хорошо знакомъ былъ съ невѣжествомъ безпоповщинскихъ наставниковъ, чтобы вѣрить имъ на-слово, особенно при рѣшеніи такого вопроса, изслѣдованію котораго онъ посвятилъ всѣ свои силы. А потому, дѣйствуя противъ Алексѣева при помощи подложныхъ правилъ, они рисковали не только не достигнуть цѣли, напротивъ повредить себѣ и дѣлу, которое защищали, и подвергнуться самому рѣзкому обличенію со стороны своего противника. Такъ и случилось. Доказавъ „подметность“ мнимыхъ правилъ Тимоѳея Александрійскаго и Ѳеодора Вальсамона (2), Алексѣевъ обращается затѣмъ къ своимъ противникамъ съ слѣдующею безпощадною рѣчью: „затворитеся врата адова, заградитеся уста еретическія, умолкните языки блядословящіи на святую Церковь. Доколѣ вамъ сія сатанинскія жабы изъ нѣдръ вашихъ испускати и аки зміеве и ехидны души хри-

(1) Напр, „и отцемъ духовнымъ ихъ разлучити“ снес. 24-е правило Ѳедосѣевскаго собора, бывшаго въ Польшѣ въ 1651 г. въ полн. истор. извѣст. Іоаннов. стр. 165.

(2) „О тайнѣ брака“ въ главѣ: „изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи“.

столюбивыхъ уязвляти. Доколѣ вамъ такія діавольскія клеветы на угодниковъ святыхъ Божіихъ и на учителей и столповъ церковныхъ отрыгати. Сія ли ваша святымъ почесть, сицево ли говѣніе свѣтиломъ церковнымъ, еже ихъ безчестити наводами сими богомерзкихъ правилъ. Исчадіе суще ехидновы есте, воспитовающихъ вы сладкимъ и душеспасительнымъ ученіемъ терзатели, и аки сажею окоптелыя злоуміемъ чистое видѣніе ихъ обезславляете. И како вы чрезъ оныхъ навѣты Бога надѣетеся узрѣти и милости чрезъ нихъ получити. Нестерпимы воистину сицевыхъ враговъ хулы, яко ни страха Божія, ни стыда человѣческаго имуще, безчувственныя нѣкія невѣжды таковыхъ архипастырей церковныхъ облыгаютъ и своимъ безуміемъ высокоученую ихъ премудрость безчестятъ, и въ Духъ Святый согрѣшаютъ, догматами такихъ учителей церковныхъ свое блядословіе называютъ. Блюдитеся вы сынове церковніи такихъ блядословцевъ и не соплетайтеся съ ними, но бѣгайте ихъ, аки злосмрадныя гагрены, слово бо имъ не бываетъ во исцѣленіе, понеже двоими язвами сими гніютъ—властолюбіемъ и упрямствомъ, тѣмъ и въ цѣльбу здраваго ученія необыкновенніи приходити, но токмо аки крастовыя прикасающеся здравымъ крастою своею надѣляти. Вѣдайте, аще величайшіи учители наши не могоша въ нихъ добраго чювства вложити, что же мы содѣяти имъ можемъ, только сіе—не бесѣдовати ради суетнаго съ ними упражненія въ томъ и въ домы своя не припущати ихъ“ (¹).

Судя по тому, что на всѣ возраженія безпоповщинскихъ наставниковъ противъ ученія Алексѣева о необ-

(¹) „О тайнѣ брака“ ч. I, гл. „о преложеніи древнихъ дѣлъ и обычаевъ“.

ходимости брачной жизни и о возможности (законной) заключать браки въ церкви православной были представлены сочинителемъ книги: „о тайнѣ брака“, какъ видѣлъ читатель изъ всего вышесказаннаго, самыя основательныя опроверженія, можно бы думать, что защитники всеобщаго, безусловнаго дѣвства оставятъ свое упорство и признаютъ ученіе Алексѣева справедливымъ. Но „язвы властолюбія и упорства“, которыми, по словамъ Алексѣева, гнили эти люди, были до того застарѣлы и глубоки, что защитникъ брака, какъ видно изъ послѣднихъ его словъ, даже и не надѣялся на исцѣленіе ихъ. И если онъ писалъ опроверженія на разные „доводы“ своихъ противниковъ, то, кажется, единственно для того, чтобы освободить отъ лжеученія бракоборцевъ молодое поколѣніе, на которое Алексѣевъ по преимуществу и расчитывалъ, обращаясь къ своимъ единовѣрцамъ съ проповѣдію о необходимости брачной жизни (¹). И Алексѣевъ не обманулся въ своихъ надеждахъ. Потому ли, что ученіе защитниковъ всеобщаго дѣвства со всѣми основаніями, на которыхъ оно утверждалось, будучи сопоставлено съ ученіемъ Алексѣева о бракѣ, являлось въ глазахъ людей не преду-

(¹) Въ одномъ мѣстѣ Алексѣевъ, сказавъ, что безпоповщинскіе проповѣдники дѣвства „не хотяще богопреданному ученію и церковному преданію покоритися, свои нѣкія ложныя и блядословія полныя догматы избираютъ“, замѣчалъ: „того ради и не хотѣхъ писати на ихъ блядословныя догматы, яко сами отъ себе ложны и безумны быти познаются, но любве ради спасенія ищущихъ въ трудъ сей вдахся; да не вредятся отъ сихъ лукавыхъ догматъ, наипаче же да знаютъ гнилое основаніе раздорныхъ сихъ безумцевъ и да вѣдаютъ, коль богопротивное ученіе подъ святынею ихъ (аки зміи ядовитыи подъ листомъ) таится; тѣмъ же и глаголю: блюдитеся сынове святыя церкве таковыхъ и не прельщайтеся на словеса ихъ притворная и на мнимую ихъ святыню“. („О тайнѣ брака“ ч. 1 гл. „на новообрѣтенный потребникъ, глаголемый Іоанна Кущника обличеніе“).

бѣжденныхъ и безпристрастныхъ слишкомъ натянутымъ и фальшивымъ, или потому, что нужда брачнаго сожитія слишкомъ живо чувствовалась невольными дѣвственниками вслѣдствіе господствовавшаго въ средѣ ихъ разврата, только все, что было въ безпоповщинѣ болѣе честнаго и способнаго на принятіе слова истины, стало на сторону Алексѣева и готово было воспользоваться его совѣтами въ устроеніи своей жизни. Мы не можемъ сказать, какъ велико было число послѣдователей Алексѣева, рѣшившихся дѣвственную жизнь перемѣнить на брачную; но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что число ихъ было не мало. Въ 1757 году около Алексѣева сгруппировалось уже цѣлое „общество" людей, которыхъ противники его называли „новоженами". И такъ какъ слово Алексѣева о необходимости брачной жизни было обращено ко всѣмъ вообще безпоповцамъ, то неудивительно, что въ обществѣ, главою и руководителемъ котораго сдѣлался Алексѣевъ, были люди разныхъ толковъ: и Ѳедосѣевцы, и Поморцы, и Филиповцы (Филиповцы отдѣлились отъ Поморцевъ въ 1737 г.), словомъ: всѣ тѣ изъ безпоповцевъ, кои не въ силахъ были вынести безъ паденія высокаго подвига дѣвства и въ тоже время считали грѣхомъ предаваться разврату. Жизненный вопросъ о бракѣ заставлялъ этихъ людей забывать взаимную вражду между собою изъ-за нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей и становиться подъ одно знамя, поднятое Алексѣевымъ. Теперь остается рѣшить вопросъ: какъ и гдѣ безпоповцы, рѣшившіеся, по слову Алексѣева, вести брачную жизнь, заключали свои браки? Алексѣевъ, какъ мы видѣли выше, указывалъ для этого одинъ путь — вѣнчаться въ православной церкви. Но могли

ли раскольники воспользоваться этимъ путемъ? Предлагая этотъ вопросъ, мы имѣемъ въ виду не самихъ безпоповцевъ, считавшихъ всякое общеніе съ православною церковію за тяжкій грѣхъ, за ересь, — вопросъ о возможности вѣнчаться въ церкви еретической (т е. православной) безъ опасенія сдѣлаться чрезъ это отступникомъ отъ „истинной вѣры" былъ рѣшенъ Алексѣевымъ удовлетворительно и это рѣшеніе было признано послѣдователями его правильнымъ,—но церковь православную, молитвами которой рѣшились безпоповцы освящать свои брачныя сожитія. Извѣстно, что вскорѣ послѣ учрежденія Св. Сѵнода церковная власть издала по вопросу о бракѣ раскольниковъ постановленія, по которымъ раскольники могли вѣнчаться въ церкви православной не иначе, какъ принявъ предварительно православіе. Такъ, въ указѣ Св. Сѵнода отъ 15-го мая 1722 года сказано: „въ брачныхъ раскольниковъ съ православными сочетаніяхъ лице раскольничье, православному сопрягаемое, первѣе да пріиметъ церкви святѣй обѣщаніе съ присягою; обоихъ, расколъ держащихъ, лицъ не вѣнчать"; а если бы кто изъ священниковъ нарушилъ это постановленіе, тотъ подвергался наказанію, какъ наказанію подвергались и сами вѣнчавшіеся (1). Въ томъ же 1722 году 16-го іюля было постановлено о томъ же предметѣ слѣдующее: „раскольники, ежели похотятъ дѣтей своихъ вѣнчать отъ православныхъ іереевъ, и таковыхъ православнымъ іереямъ вѣнчать по чину церковному и по новоисправленнымъ требникамъ, какъ и прочихъ правовѣрныхъ, точію... брачущихся обязывать присягою и сказками,

(1) Собраніе пост. по част. раскола ч. I, стр. 34.

что имъ впредь расколу не держать, но быть въ содержаніи правовѣрія твердымъ и съ раскольниками никакого согласія не имѣть и разговоровъ о раскольническомъ ихъ мнѣніи не употреблять и раскольническихъ учителей при себѣ не держать, и нигдѣ съ ними не общаться, подъ жестокимъ штрафомъ" (1). Этотъ послѣдній указъ былъ подтвержденъ въ 1736 году (отъ 21-го марта) (2) и существовалъ, какъ видно, въ качествѣ дѣйствующаго закона до 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія (3), когда позволено было православнымъ священникамъ вѣнчать раскольниковъ, не обязывая ихъ обращаться къ церкви православной. Такимъ образомъ, по силѣ указанныхъ постановленій церковной власти, послѣдователи Алексѣева ставились въ большое затрудненіе. По ученію своего руководителя, они могли вступать законно въ браки только въ нашей православной церкви, а между тѣмъ церковь не соглашалась вѣнчать раскольниковъ безъ предварительнаго обращенія ихъ къ православію. Согласиться на это послѣднее условіе безпоповцы, конечно, не могли; да и самъ Алексѣевъ училъ, что только тому, кто, вѣнчаясь въ церкви еретической (т. е. нашей православной) „еретическими обѣты не обяжется, не вмѣнится" вѣнчаніе „во отступленіе вѣры" (4). Съ другой стороны самое вѣнчаніе въ православныхъ храмахъ „по чину церковному и по новоисправленнымъ требникамъ", какъ требовали того указы Св. Сvнода 1722 и 1735 годовъ, могло смущать ревнителей древняго

---

(1) Ibid. стр. 53—54.

(2) Ibid. стр. 304—308.

(3) Ibid. ч. II. стр. 241—242. снес. стр. 374, 380—384, 387—388.

(4) „О тайнѣ брака" гл. 5.

благочестія. Вѣнчаясь подобнымъ образомъ, пришлось бы послѣдователямъ Алексѣева ходить около аналоя противъ солнца, а не по солнцу, получать пастырское благословеніе имянословное, а не двуперстное и проч.,— все—такія вещи, изъ-за которыхъ главнымъ образомъ и отдѣлялись отъ церкви раскольники. Что же однако было дѣлать? Исходъ изъ тяжелаго, невыносимаго для многихъ пребыванія въ дѣвствѣ къ законной супружеской жизни былъ, по видимому, такъ легокъ, и вотъ является препятствіе съ той стороны, откуда всего меньше можно было ожидать его ([1]). Къ радости Алексѣева и его послѣдователей, въ то время, когда издавались указы съ предписаніемъ вѣнчать раскольниковъ не иначе, какъ „по церковному чину и новоисправленнымъ требникамъ“ и по присоединеніи ихъ къ православію, между православнымъ духовенствомъ было не мало лицъ, которыя считали распоряженія власти, чего бы они не касались, не для нихъ писанными, или по крайней мѣрѣ „за пенязи“ готовы были нарушать ихъ—при всякомъ удобномъ случаѣ. Что слова наши— не клевета на православное духовенство первой половины прошлаго столѣтія, а сущая правда,—на это можно представить множество доказательствъ. Такъ, еще въ 1716 году изданъ былъ высочайшій указъ „о сборѣ во всемъ государствѣ штрафа съ неисповѣдавшихся и о переписи и обложеніи раскольниковъ двой-

([1]) Церковная власть, кажется, и сама сознавала непрактичность своего распоряженія о вѣнчаніи раскольниковъ подъ непремѣннымъ условіемъ обращенія ихъ къ церкви, когда еще до оффиціальнаго отмѣненія этого постановленія признавала раскольническіе браки, вѣнчанные вопреки указу 1722 г., нерасторжимыми, а священниковъ, вѣнчавшихъ подобные браки, свободными отъ суда. Собраніе пост. по част. раск. т. II. стр. 103—104.

нымъ окладомъ противъ ихъ платежей". Между тѣмъ въ 1722 году прото-инквизиторъ, іеродіаконъ Пафнутій доносилъ Св. Сvноду, что означенный указъ „приводится въ исполненіе только въ московской и нижегородской епархіяхъ". 21-го Февраля того же года Сvнодъ опредѣлилъ „во всѣ епархіи ко архіереямъ послать Его Императорскаго Величества указы, дабы они каждый въ своей епархіи учинили подлинныя вѣдомости по состоявшемуся ([1]) Его Императорскаго Величества имянному указу 1716 г. Февраля 8-го дня". 16-го іюля того же года Св. Сvнодъ вмѣстѣ съ сенатомъ „приговорили: прежде состаявшіеся о раскольникахъ Его Императорскаго Величества указы *возобновить* и *повторительно распубликовать*, дабы всякъ вѣдалъ, и незабытно памятовалъ, что по первому, февраля 1716 года, состоявшемуся, Его Императорскаго Величества имянному указу велѣно" ([2]). И что же? Октября 15-го того же года Св. Сvнодъ нашелъ нужнымъ—„во епархіи ко архіереямъ о присылкѣ надлежащихъ бородочамъ и раскольникамъ вѣдомостей въ самомъ скоромъ времени послать съ прежнихъ отпусковъ *третьи* указы, въ которыхъ написать такое подтвержденіе: ежели по тѣмъ третьимъ указамъ оныхъ о раскольникахъ вѣдомостей на указной по генеральному регламенту срокъ не пришлется, то Св. Сvнодъ будетъ впредь поступать такъ, какъ Его Императорскаго Величества именной 1721 г. января 27-го дня состоявшійся указъ повелѣваетъ" ([3]). Не смотря впрочемъ на такую угрозу, дѣло не подвигалось впередъ, и въ 1724 году (ноября 16-го)

([1]) Собраніе постанов. по част. раск. ч. I. стр. 25.
([2]) Ibid. стр. 45.
([3]) Ibid. стр. 65.

Св. Сvнодъ сознавался, что по всѣмъ его указамъ „достодолжнаго исполненія не учинено“ и „изъ многихъ епархій вѣдомостей о раскольникахъ не прислано ихъ“ (1). Наконецъ, когда въ 1726 велѣно было вѣдомости о раскольникахъ и о сборѣ съ нихъ денегъ передать въ сенатъ, сvнодальный оберъ-прокуроръ Баскаковъ объявилъ, что въ сvнодальной конторѣ находятся вѣдомости одной только Московской губерніи, а изъ прочихъ губерній онѣ не присланы; — когда же сенатъ настаивалъ, чтобы Сvнодъ сообщилъ ему вѣдѣніе, сколько гдѣ собиралось съ раскольниковъ денегъ, послѣдній указомъ 18-го марта 1726 г. снова требовалъ вѣдомостей „изъ всѣхъ мѣстъ для отсылки въ высокій сенатъ“ и съ этою цѣлію посылалъ указы „во всѣ епархіи, кромѣ кіевской и переяславской, ко архіереямъ“ (2). Но и послѣ этого вѣдомости не присылались, какъ видно изъ указовъ отъ 6-го іюня и 7-го декабря того же 1726 года (3). Если же такъ медленно исполнялись распоряженія власти высшимъ епархіальнымъ начальствомъ, то что же сказать о простыхъ сельскихъ священникахъ, изъ которыхъ многіе въ первой половинѣ прошлаго столѣтія едва могли прочитать сvнодскіе указы? И удивительно ли послѣ этого, что многіе изъ православныхъ священниковъ или не знали о распоряженіяхъ власти — вѣнчать раскольниковъ не иначе, какъ по присоединеніи ихъ къ церкви, или по крайней мѣрѣ не считали этихъ распоряженій обязательными для себя—особенно, когда не исполненіе ихъ могло принести имъ какую либо выгоду. И это не пред-

---

(1) Ibid. стр. 118—119

(2) Ibid. стр. 163—169.

(3) Ibid. стр. 173—175 и 178.

положеніе только, а опять горькая правда, засвидѣтельствованная самою властію церковною. Такъ не смотря на указъ Св. Сѵнода 15 мая 1722 г., которымъ опредѣлялось „поповъ, которые по раскольническому содержанію противно что дѣйствуютъ, лишать священства и отдавать въ наказаніе гражданскому суду“,—не смотря на разосланную повсюду Св. Сѵнодомъ въ томъ же году (17-го мая) присягу, которую каждый изъ духовныхъ долженъ былъ дать и въ которой между прочимъ значилось: „клянусь и еще Богомъ живымъ, что во всю мою жизнь церковнымъ раскольникамъ сообщаться и никакихъ съ ними согласій употреблять ни подъ какимъ предлогомъ отнюдь не дерзну“; (¹)—было не мало „поповъ нѣкіихъ окаянныхъ“, по выраженію одного сѵнодскаго указа, которые не только готовы были исправить для раскольниковъ какую угодно требу, но и сами придерживались раскольническихъ мыслей. Такъ, въ 1723 году открылось, что въ Калугѣ находилось въ ту пору множество священниковъ, которые, „по учиненіи присяги, по раскольническому обыкновенію отправляли церковныя и прочія требы, маня раскольникамъ“. Въ томъ же году „по допросу явился въ противности церковной и расколѣ попъ Прохоръ Спиридоновъ изъ коломенской епархіи“ (²). Въ томъ же году ходатайствовала предъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ жена одного московскаго священника, по имени Ѳедора Матвѣева, бывшаго у Покровской, что въ Москвѣ за Смоленскими воротами на пескахъ, церкви и за потворство раскольникамъ сосланнаго въ Соловецкій мона-

(¹) Собраніе постанов. по части раск. ч. I. стр. 38—39.
(²) Ibid. стр. 78—79.

стырь ([1]). Въ 1724 году были обличены „въ познаніи раскольнической прелести“ два московскихъ же священника,—Иванъ Өеоктистовъ—при Вознесенской церкви, что за Серпуховскими воротами, и Никифоръ Михайловъ—при Воскресенской, что въ Монетчикахъ, церкви ([2]). Въ 1725 г. „попъ села Опыхова, Бѣлевскаго уѣзда, Никифоръ Львовъ“, показалъ на допросѣ въ канцеляріи Св. Сѵнода, что онъ „издѣтска крестное на себе знаменіе изображалъ, по наученію отца своего двоеперстнымъ сложеніемъ лѣтъ съ 30 и больше; въ томъ числѣ и по поставленіи въ попа оное крестное знаменіе изображалъ лѣтъ съ 10, и мірскія потребы отправлялъ: младенцевъ крестилъ, и свадьбы вѣнчалъ, и дѣтей своихъ духовныхъ исповѣдывалъ по старопечатнымъ книгамъ“ ([3]). Въ томъ же 1725 году производилось въ Св. Сѵнодѣ дѣло о священникѣ Новгородской епархіи, Старорусскаго уѣзда, погоста Черенчицъ, Флорѣ Харитоновѣ, который вмѣстѣ съ женою и сыномъ былъ обличенъ въ сочувствіи къ расколу, хотя послѣ и раскаялся въ своемъ заблужденіи ([4]). Въ 1726 году Холмогорскій провинціалъ-инквизиторъ доносилъ чрезъ Московскую сѵнодальнаго правленія канцелярію Святѣйшему Сѵноду, что „священникитой епархіи укрываютъ раскольниковъ, а преосвященный Варнава, Архіепископъ Холмогорскій и Важевскій, по его доносамъ, о священническихъ нестроеніяхъ указа не чинитъ“ ([5]). Въ 1727 г. преосвященный Нижегородскій Питиримъ, ревностный преслѣдова-

---

([1]) Ibid. стр. 87—88.
([2]) Ibid. стр. 110.
([3]) Ibid. стр. 125—126.
([4]) Ibid. стр. 143—144.
([5]) Ibid. стр. 158.

тель раскола, просилъ Св. Сүнодъ снова подчинить ему бывшіе въ вѣдомствѣ сүнодальной области города: Арзамасъ, Ярополчь, Вязниковскую слободу и Гороховецъ съ уѣздами, и это—потому, что тамъ раскольники снова стали умножаться „за укрывательствомъ и потачкою тамошнихъ поповъ", которые дѣйствовали такъ изъ-за „сверхнихъ своихъ прибытковъ, которые имѣютъ за укрывателство раскольниковъ" (1). Въ 1737 г. раскольникъ Круглый въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ говорилъ на допросѣ, что онъ въ 1732 г. женился на дѣвкѣ Настасьѣ Митрофановой, „а вѣнчалъ де его Круглова въ церкви Преображенія Господня тоя церкви попъ Григорій Гавриловъ завѣдомо, что онъ Круглой раскольникъ и въ церковь не ходитъ, и тогда де къ вѣнчанію въ церковь онъ Круглой пошелъ для того, что онъ попъ Григорій говорилъ ему Круглому, что вѣнчать будетъ по старинному, и въ церкви де при вѣнчаніи хожденіе вкругъ имѣлось по солнцу, а за то де оному попу далъ онъ Круглой денегъ пять рублевъ" (2). Впрочемъ къ чему много указывать на частные случаи. Лучшимъ доказательствомъ того, что въ числѣ духовенства православнаго не только въ прошломъ столѣтіи, но и до самаго послѣдняго времени, было не мало лицъ, которыя изъ-за денегъ, или даже по искреннему сочувствію къ мнѣніямъ заблуждающихъ, готовы были оказывать раскольникамъ всевозможныя снисхожденія, служитъ пребываніе въ поповщинскомъ расколѣ, во всю его жизнь, и нерѣдко въ значительномъ количествѣ, такъ называемыхъ бѣглыхъ поповъ, которые явно, открыто оставляли пра-

(1) Ibid. стр. 188—189.
(2) Раск. дѣл. т. I, стр. 358.

вославіе и становились на сторону раскола. А послѣ всего сказаннаго очевидно, что не смотря на постановленіе церковной власти—вѣнчать раскольниковъ не иначе, какъ по предварительномъ присоединеніи ихъ къ церкви, безпоповцы, рѣшившіеся, по ученію Алексѣева, вступать въ бракъ съ благословенія еретической (т. е. православной) церкви, могли заключать свои браки безпрепятственно, не обязываясь „еретическими обѣтами", и даже не „по новоисправленнымъ требникамъ", а по старопечатнымъ, такъ какъ, не смотря на усиленныя заботы церковнаго правительства объ изъятіи изъ употребленія старопечатныхъ книгъ, ихъ находилось въ прошломъ столѣтіи очень много не только у раскольниковъ, но даже въ православныхъ церквахъ. Такъ напр. въ 1723 году доведено было до свѣдѣнія Св. Синода, что въ Калугѣ „во всѣхъ церквахъ" служили по старопечатнымъ книгамъ (¹).

Судя по тому, что послѣдователи Алексѣева могли заключать и, конечно, заключали свои браки хотя и въ православныхъ церквахъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ тѣхъ обрядовыхъ особенностей, которыя признавались заблуждающими единственно—правильными, можно бы думать, что противники брачной жизни обратятъ вниманіе на эту сторону „новыхъ браковъ" и если не признаютъ ихъ вполнѣ правильными, то по крайней мѣрѣ предпочтутъ подобныя сожитія блуду. Къ удивленію, на дѣлѣ оказалось совершенно противное; брачныя сожитія, освящавшіяся въ православныхъ (а по ихъ мнѣнію, еретическихъ) церквахъ, бракоборцы признали въ своемъ фанатическомъ ослѣпленіи не только блудомъ,

---

(¹) Собран. пост. по части раск. ч. I, стр. 78.

но даже хуже блуда, и стали проповѣдывать, „яко лучше хотя четырехъ или пять женъ или десять невѣнчанныя въ бракъ имѣти и съ ними блудити, нежели едину бракомъ сопряженную“ (¹). Подобныя „темнаго помраченія реченія“, какъ называетъ ихъ Алексѣевъ, должны были, естественно, показать всѣмъ, кто еще не рѣшался послѣдовать Алексѣеву, что защитники всеобщаго дѣвства если не сошли окончательно съ ума, то по меньшей мѣрѣ погрязли въ развратѣ до того, что потеряли всякое чувство нравственное, — и ободрить несмѣлыхъ людей къ окончательному разрыву съ обществомъ, во главѣ котораго стояли проповѣдники такой дикой безнравственности,—и къ переходу на сторону Алексѣева. А слѣдствіемъ этого было то, что число „новоженовъ“ день ото дня болѣе и болѣе увеличивалось и наконецъ желавшихъ вступать въ браки оказалось такъ много, что самъ Алексѣевъ рѣшился вѣнчавшихся въ православныхъ храмахъ раскольниковъ подвергать разнаго рода стѣсненіямъ, и именно—однихъ изъ брачившихся онъ сталъ принимать въ свое общество безъ всякихъ ограниченій, допускалъ ихъ въ общія молитвенныя собранія и раздѣлялъ съ ними трапезу, другихъ сталъ лишать этихъ правъ общенія. Нѣтъ нужды говорить, что, допустивъ подобное различіе „въ пріятіи новыхъ браковъ“, Алексѣевъ измѣнилъ своимъ началамъ и впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Что же собственно заставило Алексѣева рѣшиться на такой невыгодный для его ученія шагъ, бывшій, какъ увидимъ послѣ, причиной того, что нѣкоторые изъ его послѣдователей оставили его? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ

(¹) „О тайнѣ брака“ глав, „о двоебрачныхъ и трибрачныхъ“.

вопросъ сочинитель книги: „о тайнѣ брака“: „сего разньства въ пріятіи новыхъ браковъ не есть вина человѣкоугодія, ниже заблужденія, но вина знаменательная, да будетъ того дѣла память безсмертна. Яко да егда вопроситъ кто въ послѣдующая времена, для чего такъ овыя пріемлются, а овыя того же дѣйства не пріемлются: можетъ родъ грядущій сказати вину, яко сіе памятное знаменованіе уставися во храненіе внѣшнія страны: да егда видиши себе за бракъ сей отлучима, разумѣй то іерейство, отъ него же пріялъ еси вѣнчаніе брака, незаконно: дѣйство же его брака за силу законнаго основанія и за случаи нужныи заключенія того и за повсемство чина христіанскаго, вмѣняется церковію за дѣйство сущее брака, а не за оно, чтобы и прочая дѣла того іерейства вмѣняти за сущая таинства“. Алексѣеву возражали, что „первенствующая церковь, по его собственнымъ словамъ, не разньственно“ принимала браки, вѣнчанные въ церквахъ еретическихъ,—почему же онъ допустилъ различіе „въ пріятіи нововѣнчанныхъ?“. Въ отвѣтъ на это справедливое возраженіе Алексѣевъ писалъ: „рѣхъ вамъ, яко то необычно есть по закону святыя церкви, оставивше свою церковь правовѣрну, внѣ искати тайны брака заключеніе, только виною нужды случаемыя, обаче не безъ надежди благія сея: ибо прежде обычай бяше, во внѣшнихъ воспріявшу браковѣнчаніе, ко іерейству соборныя церкве обращшуся приходити и тамо послѣдующая брака исполняти, се есть родовъ исправленіе, крещенія младенцевъ и прочихъ: такъ и отъ еллинъ, и отъ іудей, и отъ еретикъ обращеннымъ: нынѣ же тако браковѣнчанныя, не имущему іерейства собору, отъ внѣшняго іерейства безъ разньства посполито пріимати

всѣхъ, что будетъ? развѣ се: *умноженіе явившееся браковѣнчанныхъ* временемъ востребуетъ и вся та іерейская таинства, глаголюще: аще едина тайна того іерейства въ насъ пріята, то что возбраняетъ о прочихъ тайнахъ пріяти. Итакъ по малу и само іерейство незаконное воспріиметъ. Тѣмъ же да не отъ свободы сея израстетъ злое послѣдованіе оно, уздою задержанія сего входа дается онымъ чювство, да знаетъ всякъ, яко іерейство оно не господствуетъ по инымъ дѣйствамъ, точію сего случайнаго брака". Сказавъ затѣмъ, въ оправданіе своего отступленія отъ порядка въ принятіи въ церковь вѣнчанныхъ въ еретикахъ, существовавшаго въ древней церкви, что и „въ ветхомъ и новомъ писаніи" было не мало „заповѣданій не по силѣ естества вещей, но по нуждѣ простого народа" и что и въ древности „иныхъ паденія большаго облюденіемъ подобательное завѣщаніе въ неподобательно обращалось", т. е. для избѣжанія большаго зла допускалось меньшее, напр.—отмѣна однихъ правилъ и установленіе другихъ, Алексѣевъ продолжалъ: „такъ и въ насъ о новобрачныхъ подобательное первенствующія церкве оставльше, въ различный судъ пріятія въ общество сихъ сотворися. Потреба была всѣмъ безъ разньства во обществѣ быти: но яко да не симъ соединеніемъ сложатся къ чюждему приступити дѣйству. Зрите же, что и фарисеи вопрошаютъ Христа: достоитъ ли человѣку по всякой винѣ жену свою отпущати, якоже Моисей заповѣда. На сіе Христосъ отвѣща имъ, яко Моисей по жестокосердію вашему написа вамъ жены отпущати, изначала же не бысть тако. Здѣ ясно Христосъ объяви, яко мнози Моисеемъ заповѣди быша (даны) по народѣ непокоривомъ. То и мы глаголемъ,

яко старшій въ насъ уставиша сіе благоразумно, опасаючи неразсудный и слабый народъ отъ дѣйствъ новшественныхъ, посредѣ общества и отлученія новобрачныя опредѣлиша быти: не яко ненавидя новобрачныя или браки, но братіею суще вмѣняючи, то отлученіе устроиша нѣкіимъ даючи чювство неправильныхъ дѣйствъ. Ибо, замѣчаетъ Алексѣевъ, и то есть любовь, что (бы) нѣковимъ противнымъ дѣйствомъ воспятить къ злобѣ сущей неразумныя приходити" (1). Нѣтъ спора, что мысль, которою руководствовался Алексѣевъ при установленіи различныхъ ограниченій для вѣнчавшихся въ православной церкви, могла казаться многимъ безпоповцамъ довольно уважительною, но нельзя не сознаться и въ томъ, что „неразсудный и слабый народъ", изъ-за котораго собственно и ввелъ Алексѣевъ различіе въ пріемѣ „нововѣнчанныхъ", могъ перетолковать ее по-своему и притомъ не въ пользу того дѣла, защиту котораго взялъ на себя Алексѣевъ. Видя себя отлученными отъ общихъ молитвенныхъ собраній и лишенными общенія въ трапезѣ, вѣнчавшіяся въ православныхъ храмахъ лица недалекія смысломъ могли подумать, что вѣрно вѣнчаніе въ еретической церкви— незаконно, если за него налагается наказаніе, и что слѣдовательно и самый бракъ, заключенный подобнымъ образомъ, неправиленъ. Къ какимъ, невыгоднымъ для ученія Алексѣева, слѣдствіямъ могли вести подобныя думы, понятно всякому. Съ другой стороны указаннымъ ограниченіемъ въ пріемѣ „нововѣнчанныхъ" Алексѣевъ давалъ поводъ къ обвиненію себя въ несправедливости и въ самоуправствѣ и обнаружилъ крайнюю

(1) „О тайнѣ брака" глав. „разглагольствіе краткое къ вопрошающимъ о разньствіи суда въ пріятіи нововѣнчавшихся брачно".

непрактичность. Въ самомъ дѣлѣ, однихъ изъ раскольниковъ, вѣнчавшихся въ православной церкви, принимать въ общество безъ всякихъ ограниченій, другихъ за то же самое подвергать разнымъ стѣсненіямъ, — развѣ это справедливо? Кромѣ того, чѣмъ, кромѣ произвола, могъ руководствоваться Алексѣевъ, сортируя на разныя группы своихъ послѣдователей? Наконецъ, если онъ принималъ въ общество безъ всякихъ ограниченій повѣнчанныхъ православными священниками раскольниковъ „разумныхъ", а лишалъ общенія въ общей молитвѣ и трапезѣ „неразсудныхъ и слабыхъ", — въ такомъ случаѣ онъ шелъ противъ большинства заблуждающихъ и притомъ такого, которое могло и не понять цѣли, съ какою установлено было это различіе въ пріемѣ „нововѣнчанныхъ". Дѣйствуя на оборотъ, Алексѣевъ вооружалъ противъ себя людей вліятельныхъ въ расколѣ, которые своимъ авторитетомъ могли оттолкнуть отъ защитника брачной жизни массу. Но главная ошибка Алексѣева состояла въ томъ, что, рѣшившись подвергнуть нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣдователей разнымъ стѣснительнымъ ограниченіямъ, онъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что положеніе раскольниковъ, послѣдовавшихъ его ученію, и безъ того было крайне тяжелое, благодаря тѣмъ возмутительно-жестокимъ отношеніямъ, въ какія поставили себя къ новоженамъ защитники всеобщаго дѣвства, и что слѣдовательно ему не слѣдовало увеличивать своими ограниченіями тяжесть этого положенія.

Видя, что клеветы на честную личность Алексѣева не достигли своей цѣли, а доводы, которыми безпоповцы старались доказать необходимость всеобщаго дѣвства, оказались слишкомъ слабыми въ сравненіи съ

тѣми резонами, какіе указывалъ Алексѣевъ въ пользу брака,—защитники всеобщаго безбрачія рѣшились перемѣнить свою тактику въ борьбѣ съ Алексѣевымъ и его послѣдователями и изъ области теоретическихъ преній и разглагольствій перешли на почву практическую, житейскую. Заклеймивъ всѣхъ, вступавшихъ въ браки въ православныхъ храмахъ, именемъ еретиковъ, отступниковъ отъ истинной вѣры, которымъ грозитъ въ будущей жизни одна вѣчная погибель, защитники дѣвства положили—прервать всякое общеніе съ подобными людьми, точно съ зачумленными. Съ этою цѣлію въ Польшѣ составляется въ 1751 году (1) Ѳедосѣевцами (2) сборище, на которомъ они постановили противъ новоженовъ слѣдующія правила: „съ новоженомъ въ единой храминѣ не жити христіанамъ; аще ли начнутъ жити и таковыхъ отлучать. Такожде и не стряпать въ новоженскихъ домѣхъ и не обѣдать; аще ли обрящутся таковіи, да сотворятъ поклоновъ 100 до земли. Аще ли которые старостію погорблены и не имѣютъ гдѣ пристанища, таковымъ подобаетъ попустить и на моленіе ихъ пріимать, а сосуды имъ свои особные имѣть и съ христіанами имъ въ пищахъ не сообщатися, и на единомъ столѣ съ новоженами не ясти и дѣтей ихъ новоженскихъ не пѣстовати; аще ли преслушаютъ, да отлучатся. А которыя дѣти новоженскія въ возрастѣ и восхощутъ быти съ христіаны, то жити имъ въ особныхъ

(1) Такъ сказано у Іоаннова стр. 155, но по другимъ извѣстіямъ сборище Ѳедосѣевцевъ происходило „осьмыя тысящи двѣсти шестдесятаго года“, т. е. въ 1752 г. (Сборн. для истор. старообр. Попова т. I, стр. 11). На этотъ же годъ указываетъ и 35-е правило этого сборища (Полн. истор. извѣст. стр. 169).

(2) Дальнѣйшая рѣчь будетъ касаться исключительно Ѳедосѣевцевъ; о Поморцахъ скажемъ ниже.

храминахъ и стряпать имъ самимъ на себя; христіаномъ же съ сицевыми нужды ради ясти не возбраняемъ, а духовнымъ у таковыхъ не праздновать; аще ли преслушаютъ, да отлучатся. Въ отлученныхъ домахъ и въ мірскихъ и въ новоженскихъ Христа не славить; аще ли обрящутся таковіи, да творятъ 300 поклоновъ до земли при соборѣ (1). Новоженовъ младыхъ и старыхъ безъ роспуста (т. е. безъ развода) на покаяніе отцемъ духовнымъ отнюдь не принимать. Аще ли кто безъ роспусту и старыхъ пріемлетъ на покаяніе, отлучить такового и съ новоженомъ онѣмъ отъ христіанъ; аще ли обѣщается отецъ духовный впредь тако не творити и въ томъ прощеніе принесетъ, да сотворитъ поклоновъ 300 при соборѣ. У новоженовъ дѣтей (разумѣются—дѣти больные, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ) крестить съ обѣщаніемъ, чтобы имъ разойтися, а при смертномъ часѣ на христіанскія руки чтобы отдали младенца, и аще не разойдутся, и надъ таковыми младенцами погребенія не отпѣвать. Младенцевъ здравыхъ у новоженовъ ни духовнымъ, ни мірскимъ людемъ отнюдь не крестить. Аще ли духовный окреститъ здраваго, и таковаго духовника отъ духовенства отставитъ, а простаго человѣка отставивъ, отлучить. Аще ли покаются, да сотворятъ 300 поклоновъ до земли. Новожены аще восхо-

---

(1) За общеніе въ пищѣ съ новоженами полагается отлученіе, а за сславленье только 300 поклоновъ. Справедливъ же послѣ этого слѣдующій отзывъ Алексѣева о наставникахъ Ѳедосѣевскихъ: „сицевымъ пастыремъ таково пастырство пріискренно: аще кто его почитаетъ, аще кто ему *дары принесетъ*, того только упасетъ, да не прійдетъ въ руки иному что принося, а не душу его спасетъ. А кто не дарствуетъ, или вопреки возглаголетъ, обличатъ,—того изженетъ и оставитъ его по горамъ заблуждати и въ стремнинахъ погибати души его, ея же ради Христосъ умре. О пастырство сего кормящаго, вина ученія спиту погубляющи". „О тайнѣ брака" глав. „изысканіе о новобрачныхъ дѣтехъ крещенія").

щутъ къ покаянію, разводить ихъ въ разныя деревни и налагать имъ постъ на шесть недѣль, яко же и ко крещенію готовиться, и ходити имъ на всякую недѣлю къ соборному моленію и стоять ниже всѣхъ, а поклоны класть въ вечерни; а по отпустѣ службы, всякому человѣку исходящему кланятися до земли. А которые новожены разболятся, и въ томъ ихъ дому безъ распусту на исповѣдь не принимать, и погребенія въ дому ихъ не стоять, а другую половину (т. е. жену) при погребеніи въ то время не пущать, дондеже исправится. Въ бани христіаномъ съ мірскими (такъ называютъ раскольники православныхъ) и съ новоженами не мытися и отнюдь не входить, и изъ единыхъ сосудъ въ оскверненной водѣ съ ними не мытися, но имѣти христіаномъ сосуды особныя; аще ли обрящется кто мыющійся изъ мірскихъ и изъ новоженскихъ сосудовъ, сей да сотворитъ поклоновъ 300 до земли при соборѣ" (¹). Чтобы понять всю тяжесть положенія, въ какое поставлены были послѣдователи Алексѣева указанными правилами, необходимо помнить, что новожены, какъ мы уже говорили, не составляли отдѣльнаго общества въ безпоповщинскомъ расколѣ, а принадлежали каждый къ своему толку и пребываніе въ этомъ толкѣ каждый считалъ единственно вѣрнымъ путемъ ко спасенію. Такъ смотрѣли на дѣло и новожены изъ Ѳедосѣевцевъ; а между тѣмъ, благодаря указаннымъ правиламъ, они совершенно отлучались отъ Ѳедосѣевскаго общества и слѣдовательно лишались, по ихъ мнѣнію, и надежды на спасеніе. Не только сами они не могли пользоваться те-

(¹) Полн. истор. извѣст. о старообр. Іоаннова ч. II стр. 156 — 175; правил. 14, 24, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 42 и 46. Слич. сборн. для истор. старообр. Попова т. I, стр. 11—20.

перь никакими утѣшеніями вѣры, но даже и дѣти ихъ обрекались на ту же безотрадную участь. Имъ, какъ еретикамъ, было отказано ѳедосѣевскими наставниками въ общеніи не только въ пищѣ и питіи, но даже въ молитвѣ, даже въ таинствахъ крещенія и покаянія, безъ которыхъ, по ученію самихъ безпоповцевъ, никто не можетъ получить спасенія. Напрасно Алексѣевъ всею силою своего краснорѣчія убѣждалъ Ѳедосѣевцевъ перемѣнить свои отношенія къ новоженамъ изъ ихъ общества, напрасно онъ доказывалъ имъ, что „церковь святая внѣ вѣнчанныхъ" не только не отвергала, напротивъ „призываше къ себѣ такихъ и пріявше совокупляше со своими и къ покаянію принуждаше, дѣти ихъ абіе крещаше, невѣрную часть привѣтствоваше, вѣрной о невѣрной молитися веляше, а вѣрную часть на церковныя молитвы приходити веляше" (¹),—Ѳедосѣевцы оставались „глухи и нечювственны" къ такимъ убѣжденіямъ защитника брачной жизни и по прежнему продолжали чуждаться новоженовъ, какъ отступниковъ отъ вѣры. Слѣдствія такихъ отношеній Ѳедосѣевцевъ къ новоженамъ были самыя печальныя для послѣднихъ и—для самой Ѳедосѣевщины. У однихъ новоженовъ—Ѳедосѣевцевъ дѣти, по свидѣтельству Алексѣева, оставались некрещеными „до лѣтъ трехъ, пятихъ и десятихъ и до двадесяти лѣтъ: нѣціи же и не крещени помроша", другіе, не надѣясь получить крещеніе своимъ дѣтямъ отъ своихъ наставниковъ, „во иныхъ церквахъ младенцы своя крестиша"; сами же новожены, видя такое презрѣніе къ себѣ прежнихъ братій по вѣрѣ, одни „во иносогласіе отходили" и являлись „хульницы и ругатели"

(¹) „О тайнѣ брака" глав „Отвѣтъ ко отрѣвающимъ отъ покаянія новобрачныхъ".

прежнихъ своихъ единовѣрцевъ,—другіе, потерявъ всякую надежду на спасеніе, начинали жить такъ, что своимъ поведеніемъ производили всеобщій саблазнъ,—третьи, понимая, что все неблаговоленіе къ нимъ мнимыхъ „духовныхъ“ зависитъ отъ вступленія ихъ въ бракъ, оставляли своихъ женъ, брали себѣ „стряпухъ въ покойщицы“ и по прежнему начинали жить блудно ([1]). Казалось бы, подобныя явленія въ средѣ новоженовъ—Ѳедосѣевцевъ, неблагопріятныя для самой Ѳедосѣевщины, должны были вразумить Ѳедосѣевскихъ наставниковъ и побудить ихъ на отношенія къ новоженамъ болѣе мягкія. На дѣлѣ мы видимъ совершенно противное. Желая сдѣлать брачное состояніе, противъ котораго вооружались, какъ можно болѣе тяжелымъ и омерзительнымъ, Ѳедосѣевскіе наставники придумали новую жестокость въ отношеніи къ новоженамъ. Читатели наши, быть можетъ, видѣли когда нибудь небольшую брошюрку г. Стебницкаго подъ названіемъ: „съ людьми древняго благочестія“ ([2]); въ ней находится разсказъ автора о томъ, какъ одинъ разъ, во время путешествія по Россіи, ему пришлось остановиться въ одной раскольничьей деревнѣ, въ которой жили Ѳедосѣевцы, и быть свидѣтелемъ, какъ онъ выражается, неописаннаго безчеловѣчія, состоявшаго въ томъ, что женщинѣ семейства того дома, въ которомъ г. Стебницкій останавливался, никто изъ родныхъ и стороннихъ не хотѣлъ оказать ни малѣйшей помощи въ самую трудную минуту ея жизни, именно—во время рожденія ею сына,—

([1]) Ibid глав. „изысканіе о новобрачныхъ дѣтехъ крещенія“ и „о срадованіи въ новорожденномъ“; снес. полн. ист. извѣст. стр. 153—155.

([2]) Это—оттискъ статьи, помѣщенной въ „Библіотекѣ для Чтенія“, изд. 1865 г.

никто не хотѣлъ оказать помощи, не смотря на самыя страшныя мученія, какія испытывала раждавшая. И если бы не спутница г. Стебницкаго, одна провинціальная актриса, помогшая родильницѣ,—раскольница, можетъ быть, разсталась бы съ жизнію и вмѣстѣ съ младенцемъ. Для объясненія такого возмутительнаго факта г. Стебницкій пустился въ распросы, изъ которыхъ оказалось что ѳедосѣевскіе наставники, считающіе бракъ скверною, признали скверною и самое рожденіе, и потому строго, подъ угрозой жестокаго наказанія, запретили своимъ ученикамъ и ученицамъ не только помогать родильницамъ, но даже присутствовать при совершеніи этой „скверны". Читая этотъ разсказъ, изложенный въ игривой разговорной формѣ, иные пожалуй готовы были обвинять г. Стебницкаго въ сочиненіи разныхъ небылицъ. Мы не знаемъ, сочинилъ ли г. Стебницкій разсказанный имъ фактъ, или былъ личнымъ свидѣтелемъ его,—но должны сказать, что „неописанное безчеловѣчіе", въ которомъ упрекаетъ г. Стебницкій Ѳедосѣевцевъ, дѣйствительно водится за ними и притомъ—съ давнихъ поръ. Еще при Алексѣевѣ Ѳедосѣевскіе наставники, чтобы остановить распространявшееся новоженство, „уставъ положили, дабы отъ всякаго христіанскаго общенія и отъ домовъ родители и служащіи родамъ отгоними были", и запретили „бабамъ помоществовати тому нужному дѣлу" подъ угрозою „отлученія отъ молитвъ и ядѣнія" за ослушаніе. Можно себѣ представить, какимъ тяжелымъ ударомъ должно было обрушиться это варварское распоряженіе мнимыхъ дѣвственниковъ на новоженокъ, которыя и безъ того жили среди безбрачныхъ Ѳедосѣевцевъ, какъ овцы посреди волковъ; послѣ такого распоряженія непраздное

состояніе, и само по себѣ не легкое, должно было представляться каждой новоженской женщинѣ еще болѣе ужаснымъ отъ мысли о совершенной безпомощности, въ какой будетъ находиться она во время мукъ рожденія. Если же припомнимъ, что за рожденіемъ слѣдовало для новоженки, по правиламъ Ѳедосѣевцевъ, безусловное отлученіе отъ общества и слѣдовательно, по ея мнѣнію, и отъ спасенія, то не удивимся, что жены новоженокъ и *послѣ* рожденія испытывали вопреки слову Божественной любви (¹) не радость, а скорбь. Глубоко поразило Алексѣева это безчеловѣчное постановленіе Ѳедосѣевскихъ вожаковъ, вслѣдствіе котораго „бѣдныя", по его словамъ, новоженки испытывали „печали неутѣшимыя", и онъ написалъ по поводу его такое ѣдкое и вмѣстѣ умное обличеніе фарисейской праведности Ѳедосѣевцевъ, которое сдѣлало бы честь и современнымъ намъ раскольническимъ писателямъ, болѣе имѣющимъ средствъ къ научному образованію. „Человѣка истиннаго глаголю, писалъ Алексѣевъ, не отъ вида человѣческа по плоти узнавати, но отъ природнаго и первозданнаго его нрава, сирѣчь, отъ милости, отъ благотворенія. Ибо изначала сице естественнѣ быти человѣкъ отъ Бога получи, да знаетъ милость и немощи человѣческія разсуждая, милуетъ, подаетъ руку помощи страждущему. И егда убо Спасъ нашъ пріиде въ міръ, рекъ: милости хощу, а не жертвы. Велика убо во истину добродѣтель—милость... аще же кто не вѣсть милости, нѣсть человѣкъ, но и скотовъ и звѣрей и самыхъ бѣсовъ горшій". Сказавъ затѣмъ, что нѣтъ „бѣды, скорби и погибели" тяжелѣе „рожденія

(¹) Іоан. XVI, 21.

женъ, смертная бо врата сія ихъ суть", Алексѣевъ продолжалъ: „ты же не токмо самъ не сожалѣеши, но и пристоящимъ на то женамъ въ семъ бѣдствѣ не велиши спострадати и въ скорби оной помощи. И таковымъ своимъ немилосердіемъ бѣсовъ превосходиши въ злобѣ: и бѣсъ бѣсу на пагубу нашу многажды помогаетъ, ты же не хощеши и слышати, да человѣкъ человѣку въ смерти помоществуетъ". Указавъ потомъ изъ исторіи много примѣровъ того, какъ древніе христіане помогали въ несчастіяхъ даже невѣрнымъ язычникамъ, не только своимъ братіямъ по вѣрѣ,—какъ въ частности многіе святые своими молитвами оказывали помощь рождавшимъ женамъ, какъ даже Апостолъ Іоаннъ, дѣвственникъ и другъ Христовъ, не счелъ для себя оскверненіемъ войти въ домъ игемона, звавшаго Апостола на помощь къ женѣ, не могшей разрѣшиться отъ бремени, Алексѣевъ писалъ: „вамъ же толико страждущей рожденіемъ женѣ требовательно заповѣдати своимъ, да не помощьствуютъ и повелѣваете оставляти умрети той, нежели таковымъ болѣзнемъ оныя прикоснувшися оскверниися. И коего звѣря сіе немилосердіе, фарисейская бо сія есть чистота, о ней же самъ Христосъ глаголетъ: за преданіе старецъ вашихъ разористе заповѣдь Божію" (¹). „Самъ Богъ глаголетъ: егда жена родитъ отроча, не помнитъ отъ радости скорби, яко человѣкъ родися въ міръ: а въ сихъ сей ли Божій гласъ въ родящихъ исполняется; никако, но егда родится въ нихъ отроча, то пропали родившіи, яко не знаютъ къ кому главу преклонить, не могуще гдѣ рожденному исправу получить". Сказавъ далѣе, что по закону спра-

(¹) „О тайнѣ брака", глав. „изысканіе шестое о времени рожденія женъ".

ведливости и на основаніи примѣровъ древности, слѣдуетъ оказывать помощь даже блудницамъ рождающимъ, такъ какъ и „гражданство не въ рожденствѣ блудъ и рожденіе вмѣняетъ, разсуждаючи блудъ дѣло дьявольское, а рождаемое отъ блуда дѣло Божіе“, и потому „блудъ казнятъ, а рождаемое, опасно хранить повелѣваютъ“. Алексѣевъ замѣчалъ: „вы же браковѣнчанныхъ хуже блудниковъ и хуже своихъ стряпухъ поставили, яки бы печать антихриста пріемшихъ, того ради ваши стряпухи и свободны и скорѣе вы справку рожденнымъ отъ нихъ сотворите, нежели нововѣнчаннымъ“. Святые помогали женамъ рождающимъ и даже язычницамъ, „оніи же безумные воздержницы и враги и ненавистницы родовъ не токмо какъ собою сожалѣть и показать милость по (примѣру) святыхъ оныхъ къ родящимъ, но и бабъ, помогающихъ родамъ, предъ всѣмъ соборомъ епитиміею наказуютъ, отъ молитвъ и яденія отлучаютъ“, несмотря на то, что „отъ сего жестокосердія во оныхъ родахъ двѣ души хощутъ погибнути, едина матерня, а другая—младенца“; а все это происходитъ отъ того, замѣчалъ Алексѣевъ, что эти фарисеи „букварн едини изучили“ и ничего больше не смыслятъ (¹). Не лестно было Ѳедосѣевскимъ наставникамъ слышать и читать такія похвалы себѣ со стороны Алексѣева, но за то же они и отплатили ему за его „обличеніе“ достойнымъ образомъ. Несмотря на то, что Алексѣевъ „отщетился земнаго утѣшенія, единъ лишенъ пребывая, неимѣя обстоянія сродства земнаго“, т. е. велъ жизнь безродную и безбрачную, Ѳедосѣевцы отлучили его наравнѣ съ новоженами отъ своего об-

(¹) Ibid. глав. „о срадованіи въ нарожденномъ“.

щества (около 1757—8 г.), и притомъ безъ всякаго предварительнаго объявленія ему о мнимыхъ винахъ его. Нетрудно представить себѣ, какъ оскорбилъ Алексѣева такой поступокъ съ нимъ прежнихъ братій его по вѣрѣ; и вотъ въ 1759 г. онъ пишетъ: „слово обличительное на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ", въ которомъ, доказавъ всю несправедливость причинъ, по которымъ Ѳедосѣевцы отлучили отъ своего общества Алексѣева, онъ пришелъ къ тому заключенію, что „соборъ", рѣшившійся на отлученіе отъ общества своего брата безъ всякихъ уважительныхъ къ тому причинъ есть „соборъ богопротивный, душепагубный, раздорническій", а въ 1762 году пишетъ огромную книгу „о тайнѣ брака", въ которой съ безпощадною откровенностію разоблачаетъ предъ читателями темныя стороны жизни ѳедосѣевскаго общества, доходящій до цинизма развратъ его, грубое невѣжество ѳедосѣевскихъ наставниковъ, ихъ жадность къ деньгамъ и невниманіе къ своимъ обязанностямъ, даже ихъ еретичество, зависѣвшее отъ совершеннаго незнанія ими самыхъ основныхъ началъ вѣры и нравственности христіанской. Потому ли, что этимъ сочиненіемъ своимъ Алексѣевъ нанесъ сильный ударъ лживому и гибельному для нравственности ученію Ѳедосѣевцевъ о безбрачіи,—вслѣдствіе ли новыхъ, болѣе мягкихъ, отношеній къ расколу власти, начавшихся съ первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины 2-й (1762 г.) и бывшихъ причиной того, что тяжелое бремя дѣвства сдѣлалось теперь для большинства раскольниковъ, поселившихся въ городахъ среди всевозможныхъ искушеній, почти невыносимымъ, или наконецъ изъ опасенія, чтобы оттолкнутые отъ общества новожены не перешли на сторону православія,

такъ какъ съ царствованія Екатерины 2-й церковная власть стала дѣйствовать на заблуждающихъ съ большимъ успѣхомъ для св. церкви, — только къ концу жизни Алексѣева нѣкоторые изъ Ѳедосѣевцевъ измѣнили свои варварскія отношенія къ новоженамъ на болѣе мягкія и человѣчныя. Такъ въ 1770 году (1) московскіе Ѳедосѣевцы между прочимъ постановили: „престарѣлыхъ новоженовъ и христіански живущихъ однажды въ годъ, кромѣ болѣзни, безъ развода въ покаяніе пріимать“ и кромѣ того опредѣлили „принимать въ покаяніе безъ развода и молодыхъ“ въ случаѣ ихъ болѣзни, а „дѣтей рождающихся отъ нихъ крестить“. Въ томъ же духѣ были опредѣлены отношенія къ новоженамъ и стародубскими Ѳедосѣевцами въ 1771 году— съ тою разницею, что въ Стародубьѣ положено было „окромѣ болѣзни однажды въ годъ безъ разводу на покаяніе пріимать“ новоженовъ всѣхъ безъ различія и старыхъ и молодыхъ (2). Въ послѣдствіи времени, какъ увидимъ, петербургскіе Ѳедосѣевцы произнесли объ указанныхъ опредѣленіяхъ московскихъ и стародубскихъ Ѳедосѣевцевъ слѣдующій отзывъ: „статьи или письма о новоженахъ, обносящіяся въ людѣхъ, говоренныя въ Москвѣ 7278 (1770) и въ Стародубѣ 7279 (1771) лѣта, и ежели гдѣ таковыя обрящутся, яко не

---

(1) Въ „словѣ на соборъ новоявленныхъ раздорниковъ „Алексѣевъ говоритъ, что еще“ на бывшемъ лѣта 7265 (т. е. 1757 г.) съѣздѣ уставленіе общее было“ у Ѳедосѣевцевъ „отъ новоженъ точію крестити явѣ, кое въ нихъ доселѣ втай творено было“. Трудно понять точный смыслъ этихъ словъ. Не то ли хотѣлъ сказать Алексѣевъ, что Ѳедосѣевцы, не смотря на грозное опредѣленіе 1751 г. не крестить новоженскихъ дѣтей, если родители ихъ предварительно „не разойдутся на чистое житіе“, тайно нарушали это опредѣленіе, а въ 1757 г. рѣшились крестить новоженскихъ дѣтей даже явно?

(2) Сборн. для истор. старообр. Попова т. I, стр. 66—67,

бывшія вмѣняти и въ доказательство ихъ не приводити, а если которые будутъ во свидѣтельство ихъ приводити, или что изъ нихъ заимствовати во оправданіе, таковыхъ отъ церкви наказывати“ (1); но это было уже послѣ смерти Алексѣева.

Доселѣ мы говорили объ отношеніяхъ къ ученію Алексѣева о бракѣ и къ послѣдователямъ этого ученія одной части безпоповцевъ, именно—Ѳедосѣевцевъ; какъ же отнеслись къ „новому“ ученію Стародубскаго жителя и къ новоженамъ другіе толки безпоповщины — Поморщина и Филиповщина? На этотъ вопросъ Алексѣевъ даетъ слѣдующій отвѣтъ. Сказавъ въ одномъ мѣстѣ своей книги „о тайнѣ брака“, что, по ученію Ѳедосѣевцевъ,—„бракъ внѣшній пріять печать антихристову пріять, тѣмъ же появый жену отпаде отъ Бога, отпаде отъ церкве, изгнанъ отъ всякаго общества христіанскаго, и нѣсть ему никоея милости христіанскія, развѣ разведется съ женою, яже все ему спасеніе отъя, и да обѣщается чисто иночески жить“, онъ замѣчаетъ: „такъ въ Ѳедосеевыхъ; а во иныхъ судъ милостивѣйшій на таковыхъ; разведше (2) подъ цѣломудренное житіе, единодомовно жить оставляютъ. Обаче во обоихъ едино то, ежели кто родитъ, за се отъ общества отгоняютъ и дѣтище рожденное не крестятъ, развѣ великая просьба дойдетъ, и въ домы ихъ не входятъ, сквернъ быти вмѣняючи, слѣдовательно и живущія въ немъ имъ мерзки и оставляютъ таковыхъ на пути отчаянія и погибели“ (3). Такъ т. е.

(1) Ibid. стр. 30—31.

(2) Въ рукописи, имѣющейся у насъ подъ руками, написано: не разведше; но какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ, частица не здѣсь лишняя и, вѣроятно, составляетъ описку переписчика.

(3) „О тайнѣ брака“ глав. „о срадованіи въ нарожденномъ“.

„подъ цѣломудренное“, но „единодомовное житіе“ принимали новоженовъ „въ общество церковное“, по свидѣтельству Алексѣева, во многихъ странахъ, какъ-то „въ поморскихъ и понизовскихъ, въ сибирскихъ, въ великороссійскихъ, въ малороссійскихъ, въ польскихъ, и въ воложскихъ.“ Такимъ образомъ, все различіе отношеній къ новоженамъ Поморцевъ и другихъ раскольниковъ отъ отношеній къ нимъ Ѳедосѣевцевъ, состояло, по словамъ Алексѣева, въ томъ, что тогда какъ Ѳедосѣевцы совершенно отлучали отъ своего общества вступавшихъ въ бракъ и въ случаѣ раскаянія разводили ихъ въ „разныя деревни“, Поморцы не отгоняли новоженовъ отъ своего общества, не лишали ихъ надежды на спасеніе и позволяли мужу и женѣ жить въ одномъ домѣ, но только—съ условіемъ, чтобы они не имѣли между собою супружескихъ отношеній. Въ случаѣ нарушенія этого условія, обнаружившагося въ рожденіи, виновные, по словамъ Алексѣева, подвергались и у Поморцевъ тѣмъ же наказаніямъ, какимъ подвергались за рожденіе дѣтей новожены—Ѳедосѣевцы. Другія извѣстія представляютъ дѣло нѣсколько иначе. Такъ, по свидѣтельству Павла Любопытнаго, одни изъ Поморцевъ, когда ученіе Ивана Алексѣева о необходимости брачной жизни стало находить себѣ послѣдователей, писали сочиненія, въ которыхъ по прежнему доказывали, что за неимѣніемъ православнаго священства брака быть не можетъ. Таковъ былъ между прочимъ Даніилъ Матвѣевъ, написавшій нѣсколько сочиненій, въ которыхъ защищалъ и доказывалъ одну главную мысль, что „тайна брака нынѣ въ христовой церкви бытія своего неимѣетъ“, потому что „супружеству въ церкви

безъ пресвитера быть нельзя (¹)". Другіе, и что важнѣе всего, сами настоятели Выговскаго скита думали будто бы о томъ же предметѣ совершенно иначе, и именно не только соглашались съ ученіемъ Алексѣева, что бракъ необходимъ и будетъ существовать въ церкви вѣчно, но даже писали, что онъ можетъ быть законно совершенъ и безъ священническаго вѣнчанія. Таковъ, по свидѣтельству Любопытнаго, былъ Иванъ Филиповъ, бывшій настоятелемъ Выговскаго скита съ 1741 до 1744 года и будто бы писавшій „показаніе, или врачевство злочестивымъ бракоборцамъ, увѣряя ихъ Духомъ Божіимъ, гласящимъ вездѣ, что законный бракъ въ христовой церкви будетъ существовать вѣчно и онъ совершаться можетъ навсегда свято единымъ того существомъ, кромѣ хиротоніи, будучи предметъ случайной принадлежности, и благословеніемъ сопрягающихся родителей" (²). Въ слѣдъ за Иваномъ Филиповымъ въ томъ же направленіи и духѣ писали будто бы и другіе поморцы—Иванъ Өедоровъ Ершъ (³) и Трифонъ Петровъ (⁴). Признаемся откровенно, мы не вполнѣ вѣримъ этому свидѣтельству Павла Любопытнаго. Что Даніилъ Матвѣевъ писалъ *противъ* брака, это — правда (⁵); но согласиться съ тѣмъ, что Иванъ Филиповъ и другія указанныя выше лица Поморскаго толка писали въ пользу брака и притомъ „безсвященнословнаго", не позволяетъ то обстоятельство, что когда въ Москвѣ,

---

(¹) Катал Любопыт. стр. 82, №№ 278—280.

(²) Ibid. стр. 89, № 311.

(³) Ibid. стр. 96, № 343.

(⁴) Ibid. стр. 136, № 592.

(⁵) См. свидѣтельство этого писателя въ первой статьѣ Христ. Чт. за май, стр. 518.

въ такъ называемой Покровской часовнѣ, поморянинъ Василій Емельяновъ сталъ учить, что „женившійся не согрѣшаетъ, бракъ чистъ и ложе нескверно“ и что бракъ можетъ быть заключенъ и безъ пресвитерскаго вѣнчанія, въ Выговскомъ скиту составилась (въ 1777 г.) сходка, на которой заставили Емельянова подписаться подъ слѣдующими опредѣленіями: 1) о бракѣ учить такъ какъ прежніе отцы учили; 2) истиннымъ бракомъ признавать только благословенный священникомъ; 3) брачущихся отлучать; 4) вновь поступающихъ (въ расколъ) принимать не иначе, какъ съ разводомъ; 5) проповѣдующихъ брачную жизнь отлучать. Эти опредѣленія противъ „безсвященнословныхъ“ браковъ, составленныя въ 1777 году, были бы необъяснимы, еслибы допустить, что еще Иванъ Филиповъ, бывшій настоятелемъ Выговскаго скита въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, училъ, что законный бракъ можетъ совершаться и кромѣ хиротоніи, и что по примѣру Филипова развивали подобный же взглядъ на бракъ Трифонъ Петровъ (ум. 1766 г.), Иванъ Ѳедоровъ Ершъ (ум. 1755 г.) и другіе. Можно впрочемъ указать и положительное свидѣтельство о томъ, что нѣкоторыя изъ указанныхъ лицъ не такъ смотрѣли на бракъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Любопытный. Такъ въ 1738 г. одинъ раскольникъ показалъ на допросѣ въ Св. Сѵнодѣ, что когда онъ по смерти первой жены пришелъ въ Выговскій скитъ и объявилъ объ этомъ старѣйшинамъ монастыря, „оные Вторушинъ (Семенъ Денисовъ), *Иванъ Филиповъ*, Мануилъ Петровъ, Данила Матвѣевъ говорили ему Круглому, чтобъ онъ болѣе не женился, вѣдь-де нынѣ брака истиннаго нѣтъ“. (¹) Что же касается отношеній

(¹) Раск. дѣл. т. 1. стр. 479. Подтвержденіемъ свидѣтельства Любо-

Поморцевъ къ новоженамъ,—то въ доказательство того, что они были болѣе мягки, чѣмъ какими рисуетъ ихъ Алексѣевъ, можно указать на слѣдующіе факты. Когда Круглый, уйдя изъ Выговскаго монастыря, женился на „крестьянской правовѣрной дѣвкѣ Аннѣ Никитиной дочери“ причемъ вѣнчался въ православномъ храмѣ и даже „противъ солнца“ (¹), а потомъ, овдовѣвъ, снова возвратился въ Выговскій скитъ,—настоятели монастыря не отвергли Круглаго, какъ принявшаго печать антихриста, какъ поступили бы Ѳедосѣевцы, а только „велѣли ему шесть недѣль у часовни стоять у дверей, приходящимъ и исходящимъ къ часамъ, вечерни, повечерницѣ, полунощницѣ и утрени кланяться; а во время того, какъ оные раскольники обѣдаютъ въ то время приказали въ понедѣльникъ, вторникъ, среду, четвергъ, пятницу молиться въ землю, а въ субботу и воскресенье молиться въ поясъ, что онъ Круглой и исполнилъ; а по прошествіи-де шести недѣль стали его пускать въ часовню“ (²). Затѣмъ когда Круглый, во-

---

пытнаго о томъ, будто въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Выговскомъ скиту учили, что бракъ можетъ быть законно заключенъ и *безъ пресвитерскаго вѣнчанія* можетъ, повидимому, служить доносъ (въ 1732 г.) на Выговцевъ Петра Холтурина, въ которомъ было между прочимъ писано, что будто бы настоятели скита—„Даніилъ и Симеонъ и прочіи по градомъ и по селамъ ѣздятъ и людей прельщаютъ ученіемъ своимъ и дѣйство священническое дѣйствуютъ, крестятъ и исповѣдываютъ и *свадьбы вѣнчаютъ*“ (Раск. дѣл. т. 1. стр. 324—5, 333 и 348). Но по разслѣдованію доносъ не оправдался, и самъ Холтуринъ на допросѣ и очной ставкѣ „повинился и подписался, что доносилъ напрасно гнѣва ради прежняго, хотя тѣмъ своимъ неправеднымъ гнѣвомъ и клеветами на ихъ Выговскую пустыню гнѣвъ навести къ разоренію“ (Ibid. стр. 354 снес. стр. 335). Мы не отвергаемъ того, что настоятели Выговской пустыни—Даніилъ и Семенъ Денисовъ крестили и исповѣдывали, но болѣе, чѣмъ сомнѣваемся, чтобы они и свадьбы вѣнчали (снес. Раск. дѣл. т. 1, стр. 424 и 430).

(¹) Раск. дѣл. т. 1. стр. 364.

(²) Ibid. стр. 480. снес. стр. 381.

преки совѣту выгорѣцкихъ старѣйшинъ, снова женился въ Выгозерскомъ погостѣ на дочери крестьянина Митрофана Панфилова,—„дѣвкѣ Настасьѣ Митрофановой,“ при чемъ вѣнчался также у православнаго священника, хотя и „по старинному—по солнцу (1),“ Семенъ Денисовъ и послѣ этого нетолько не отлучилъ Круглаго отъ своего общества, напротивъ допускалъ его на богослуженіе въ часовню, когда Круглому случалось бывать въ раскольническихъ скитахъ, и приглашалъ его на общую трапезу, только при этомъ „сажали его особо и давали ему посуду и ложки особливыя для того,“ какъ объяснялъ Круглый на допросѣ „что почитали его Круглова за то, что онъ входилъ въ церковь для вѣнчанія на другой женѣ, за отпадшаго будто бы отъ ихъ православныя вѣры“. (2) Съ другой стороны, по свидѣтельству Круглаго, въ это время находилось въ зависимости отъ Выговской пустыни множество скитовъ, въ которыхъ жили раскольники съ женами и дѣтьми въ однихъ кельяхъ. (3) Правда, эти семейные раскольники не были новожены, а были изъ числа перешедшихъ изъ православія въ расколъ и вступившихъ въ браки еще въ то время, когда принадлежали къ церкви; правда и то, что въ указанныхъ скитахъ „новорожденныхъ младенцевъ, по словамъ Круглаго, не было,“ (4) и слѣдовательно означенные раскольники жили съ своими женами, хотя и „единокелейно“, однакоже „цѣломудренно; но уже одно то, что подобное „единодомовное“ пребываніе было допущено Поморцами,

(1) Ibid. стр. 358.
(2) Ibid. стр. 471.
(3) Ibid. стр. 378 и 425.
(4) Ibid. стр. 378, 424 и 430.

показываетъ, что въ это время между ними сталъ слабѣть прежній суровый взглядъ на брачное сожительство. Кромѣ того, въ числѣ раскольниковъ, жившихъ въ разныхъ скитахъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, были и такіе, которые, по словамъ Круглаго, „прозываны новожены" и которыхъ однакоже настоятели Выговскаго монастыря не чуждались, посылая „для ученія ихъ разныхъ наставниковъ изъ Выгорѣцкаго общежительства" (¹). Какъ бы впрочемъ ни было, но изъ всего вышесказаннаго очевидно. что Поморцы отнеслись къ новоженамъ снисходительнѣе, чѣмъ Ѳедосѣевцы. И это естественно. Вопросъ о бракѣ былъ поднятъ между поморцами еще раньше, чѣмъ началъ свое ученіе Алексѣевъ; и хотя усилія Вышатина въ пользу брака не увѣнчались успѣхомъ, но все же его умныя рѣчи объ этомъ предметѣ на „соборѣ Выгорѣцкихъ старѣйшинъ" не могли пройти безслѣдно и не могли быть скоро забыты Поморцами. Съ другой стороны, въ то время, какъ Алексѣевъ началъ проповѣдывать свое ученіе о необходимости брачной жизни, и между Поморцами, не смотря на всѣ заботы настоятелей Выговскаго скита о благоустройствѣ своей общины, стали появляться соблазнительные безпорядки, какъ засвидѣтельствовали объ этомъ сами настоятели Выгорѣцкаго общежительства—Семенъ Денисовъ, написавшій „цѣлую книгу о нравственности", направленную „на всѣ роды безнравственности его киновіи" (²), и Иванъ Филиповъ, который писалъ (въ 1744 г.) въ своей „Исторіи Выговской пустыни": „и у насъ въ Выговской пустыни умножишася грѣхи и беззаконія и всякія неправды; ихъ же

(¹) Ibid. стр. 449 и 489. снес. стр. 379.
(²) Слов Пав. Любоп. стр. 128. № 592.

и писати не возмогаю срама ради“ ([1]). Само собой разумѣется, что въ средѣ невольныхъ дѣвственниковъ не малую долю беззаконій, на которыя жаловались настоятели, составляли грѣхи противъ цѣломудрія. Между грубыми и невѣжественными Ѳедосѣевцами, жившими притомъ большею частію не въ общинѣ польской, а отдѣльными семействами по городамъ и селамъ, подобныя преступленія не считались чѣмъ либо особеннымъ; не такъ должны были посмотрѣть на развратъ своихъ подчинненыхъ настоятели поморскаго общежительства. Здѣсь преступленія частныхъ лицъ ложились пятномъ на цѣлое общество и развратъ нѣкоторыхъ изъ поморцевъ могъ вести къ невыгодному мнѣнію о самомъ общежительствѣ. А между тѣмъ это общество было не какое либо польское захолустье, куда вниманіе правительства могло и не проникать, а всѣмъ извѣстная „пустыня,“ за которою власть зорко слѣдила и безпорядки которой слѣдовательно могли скоро сдѣлаться извѣстными правительству и вызвать со стороны его ту или другую мѣру, стѣснительную для раскольниковъ. Когда подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ Поморцы проводили жизнь по возможности дѣвственную,— власть могла только сожалѣть о неправильномъ направленіи семейной жизни Выговскихъ раскольниковъ; въ случаѣ же разврата мнимыхъ „дѣвственнковъ“ правительство могло по справедливости наложить на безпорядки общины свою руку, а вѣскость этой руки хорошо знали раскольники. Наконецъ, въ числѣ послѣдователей поморщины было не мало раскольниковъ, которые, не переселяясь по какимъ либо обстоятель-

([1]) Истор. Выгов. Пуст. стр. 372.

ствамъ въ общежительство, жили по деревнямъ и погостамъ съ своими семьями. Заставить этихъ ревнителей „древняго благочестія“ жить съ своими женами „цѣломудренно“ не было въ рукахъ настоятелей никакихъ средствъ, кромѣ нравстенныхъ убѣжденій въ законности и спасительности подобнаго образа жизни; но эти убѣжденія не всегда оказывались дѣйствительными; а между тѣмъ оставить этихъ людей безъ руководства въ дѣлѣ вѣры настоятели Выговской пустыни считали грѣхомъ. И вотъ по необходимости подобные раскольники и съ женами допускались въ Выгорѣцкое общежительство, допускались даже въ часовню, гдѣ вмѣстѣ съ обитателями пустыни слушали „вечерню, заутреню и часы (1), а вмѣстѣ съ этимъ волей—неволей допускалась въ общинѣ и мысль о брачной жизни. Удивительно ли послѣ всего этого, что, когда между Поморцами нашлись люди, послѣдовавшіе ученію Алексѣева, настоятели Выгорѣцкаго общежительства, непризнавая этого ученія истиннымъ, не рѣшились однако же строго преслѣдовать новоженство, какъ меньшее зло сравнительно съ развратомъ, который начиналъ появляться между Поморцами и за который Выговцы могли поплатиться очень дорого (2), хотя въ силу своихъ прежнихъ

(1) Раск. дѣл. т. 1. стр. 489.

(2) Это и случалось. Такъ одинъ раскольникъ, по неудовольствію на Выговцевъ, „безчинно съ невѣнчанными дѣвками жившихъ“ по разнымъ скитамъ „описалъ,“ а равно описалъ и то, „сколько въ коемъ скиту ребятъ родилось у дѣвокъ и кто прижилъ и проч. всякія крамолы“, — и подалъ это „доношеніе“ архимандриту Палеостровскаго монастыря. Разумѣется, начались розыски, причинившіе Поморцамъ не мало хлопотъ и издержекъ. Другой разъ сами „дѣвки били челомъ въ коммиссію на тѣхъ, которые имъ ребятъ прижили и не кормятъ ихъ и дѣтей;“ и это челобитье не обошлось для Выговцевъ безъ „напастей и расходовъ“ (Истор. Выг. пуст. изд. Кожанч. стр. 436, 456 и 462).

убѣжденій и не могли признать новоженовъ „истинными" христіанами и потому подвергали ихъ въ своемъ обществѣ разнаго рода ограниченіямъ. Такое отношеніе Поморцевъ къ новоженству, можно сказать, было вынуждено необходимостію, какъ необходимостію же доведены были они и до ученія о всеобщемъ дѣвствѣ.

Что же касается Филиповцевъ, то свѣдѣній объ ихъ взглядѣ на новоженовъ изъ періода исторіи раскола, о которомъ идетъ рѣчь, мы не знаемъ. Впрочемъ, судя по крайне фанатическому ученію Филиповцевъ о церкви православной, какъ царствѣ антихриста, можно думать, что на вѣнчавшихся, по ученію Алексѣева, въ православной церкви раскольниковъ они смотрѣли очень неблагосклонно. Только въ самые послѣдніе годы жизни Алексѣева нашелся, какъ увидимъ послѣ, между Филиповцами человѣкъ, по имени Ануфрій, который призналъ вѣчность брака и сталъ учить, что для законнаго заключенія его достаточно благословенія родителей съ краткими молитвами безъ церковнаго вѣнчанія. Но это уже—новый моментъ въ исторіи развитія и измѣненія безпоповщинскаго ученія о бракѣ, о которомъ мы скажемъ подробно въ слѣдующей статьѣ.

И. Нильскій.

О ДРЕВНОСТИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА.

(*Продолженіе.*)

При переходѣ къ изложенію важнѣйшихъ геологическихъ результатовъ, по вопросу о древности человѣческаго рода, мы считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть вопросъ: можно ли геологію считать исключительно вѣрнымъ и компетентнымъ судьею въ рѣшеніи вопросовъ, относящихся къ исторіи человѣка? Сама геологія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. „Методы, говоритъ Фогтъ, прилагаемые къ историческимъ изслѣдованіямъ, оказываются вовсе несостоятельными въ рѣшеніи вопросовъ о начальныхъ временахъ человѣчества, и можно сказать съ полнымъ правомъ, что ни историкъ, ни антикварій, ни археологъ, а только геологъ, по началамъ своей науки, можетъ изслѣдовать эти древнѣйшіе періоды и сдѣлать о нихъ свой приговоръ“ (¹). Начала, о которыхъ говоритъ Фогтъ, суть тѣ же самыя, какъ и во всѣхъ другихъ естественныхъ наукахъ, т. е. опытъ и наблюденіе въ предметахъ, доступныхъ нашему созерцанію, и наведеніе—индукція—

(¹) „Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ“, стр. 181.

въ предметахъ, которыхъ не всѣ стороны открыты нашему чувственному воспріятію. Все, что опирается на эти начала, съ точки зрѣнія геологіи, — истина, все, что расходится съ ними, — ложь. Никто не станетъ спорить, что методъ геологіи заключаетъ въ себѣ много плодотворныхъ задатковъ для успѣшной научной дѣятельности, и надлежащее пользованіе имъ обусловливаетъ весьма важные результаты въ сферѣ человѣческаго знанія. Нѣтъ ни одной отрасли знанія, къ которой бы въ той или другой степени былъ неприложимъ этотъ методъ. Сфера опыта далеко не такъ узка, какъ представляютъ себѣ нѣкоторые; крайними полюсами своими она граничитъ съ „бытіемъ", предѣлы котораго простираются въ безконечность. Все, что есть, все, что существуетъ, все, что имѣетъ реальное бытіе можетъ быть предметомъ опытнаго изслѣдованія, если не внѣшняго, то внутренняго, если не чувственнаго, то духовнаго, если не непосредственнаго, то индуктивнаго. Съ этой точки зрѣнія, не одна геологія, и не одно естествознаніе, а и всѣ науки (а какая наука не имѣетъ реальнаго содержанія?), могутъ быть названы опытными науками. Если естествознанію въ настоящее время усвояютъ исключительное право на это названіе, то не потому, чтобы методъ его былъ неприложимъ къ другимъ наукамъ, а потому, что оно болѣе, нежели всѣ другія науки, успѣло въ послѣдовательномъ проведеніи этого метода въ кругу своихъ изслѣдованій. Успѣхъ этотъ объясняется свойствомъ тѣхъ явленій, въ области которыхъ вращается естествознаніе. Отмежевавъ себѣ исключительную сферу внѣшняго опыта, — во всякомъ случаѣ болѣе доступную для наблюденія, нежели другія сферы бытія, — оно поставило бы себя,

такимъ образомъ, въ болѣе выгодныя условія, по отношенію къ изслѣдованію, чѣмъ всѣ другія отрасли знанія, и, очень естественно, если опередило ихъ на пути своего развитія. Въ настоящее время почти всѣ науки стремятся обосновать себя на болѣе прочныхъ основахъ, нежели какимъ слѣдовали доселѣ, и, принципъ фактическаго изслѣдованія, не допускающаго произвольныхъ, апріорическихъ построеній, считается идеальнымъ принципомъ, къ осуществленію котораго наука должна придти въ своемъ высшемъ развитіи. Поэтому мы не только оставляемъ неприкосновеннымъ, въ кругу геологіи, основной принципъ, которому она слѣдуетъ въ своихъ изысканіяхъ, но сами обязываемся, по возможности, слѣдовать ему въ оцѣнкѣ геологическихъ результатовъ, по вопросу о древнѣйшихъ временахъ человѣчества. Положимъ, этотъ принципъ нѣсколько одностороненъ даже въ кругу естественныхъ изслѣдованій, потому что весь вообще міръ видимыхъ явленій есть не болѣе, какъ феноменъ, коего сущность,—какъ бы мы не назвали ее—совокупностію ли силъ или законовъ, или другимъ какимъ именемъ,—во всякомъ случаѣ выше-матеріальнаго характера и выходитъ изъ предѣловъ видимаго опыта; но тотъ, кто хочетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать неосновательнымъ выводамъ естествознанія, часто допускаемыхъ имъ вслѣдствіе односторонности принципа, долженъ самъ стать на его эмпирическую точку зрѣнія и доказать, что тѣ или другія положенія его не подтверждаются достаточнымъ количествомъ фактовъ, — тѣ или другіе выводы его противорѣчатъ законамъ правильнаго, аналогическаго заключенія, и слѣдовательно осуждаются тѣмъ судомъ, который онъ признаетъ за единственно-компетентный.

Предметъ, о которомъ мы намѣрены вести рѣчь, — именно: — начальныя времена человѣческаго рода, — какъ очевидно съ перваго взгляда, далеко не всѣми своими сторонами доступенъ наблюденію, и геологія принуждена идти, въ изслѣдованіи его, почти исключительно по пути наведеній, аналогическихъ сближеній, и умозаключеній изъ разныхъ, опытныхъ, подлежащихъ наблюденію фактовъ. Факты эти, въ свою очередь, далеко не всегда отличаются такою ясностію и очевидностію, чтобы можно было пользоваться ими, какъ прямыми документами, не требующими разъясненія и не нуждающимися въ постороннихъ предположеніяхъ, при выводѣ изъ нихъ тѣхъ или другихъ заключеній. Открытіе могилы съ хорошо сохранившимся черепомъ, обломки кремней, не всегда имѣющихъ ясные признаки искуственнаго происхожденія, остатки украшеній, смутно опредѣляющихъ степень развитія человѣка, извѣстное расположеніе человѣческихъ остатковъ, отношеніе ихъ къ слоямъ, въ которыхъ они лежатъ и которыми покрыты, соприсутствіе ихъ съ другими животными и растительными остатками, находящимися вмѣстѣ съ ними, — вотъ тѣ документы, которыми геологъ принужденъ довольствоваться въ своихъ изслѣдованіяхъ относительно древности человѣческаго рода. Изслѣдователь древности едва ли гдѣ либо встрѣтитъ для себя столько темноты и мрака, какъ въ лѣтописяхъ подземнаго міра, скрывающихъ древнѣйшую судьбу человѣчества и молчаливо передающихъ намъ дѣла давно минувшихъ дней, о которыхъ не сохранилось воспоминанія въ самыхъ древнихъ преданіяхъ человѣческихъ. Здѣсь каждая страница затемнена таинственностію, и каждый шагъ къ пріобрѣтенію познанія сопряженъ съ

неимовѣрными трудностями. Одинъ и тотъ же фактъ, одно и тоже свидѣтельство могутъ быть понимаемы здѣсь и такъ и иначе, смотря по тому, съ какихъ сторонъ они открываются изслѣдователю и какое впечатлѣніе производятъ на него въ моментъ самаго изслѣдованія. Отсюда различіе въ выводахъ, отсюда безчисленныя распри ученыхъ естествоиспытателей относительно однихъ и тѣхъ же фактовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ геологія стала собирать остатки, сохранившіеся отъ доисторическаго состоянія человѣка и начала пользоваться ими, какъ данными для опредѣленія древности человѣческаго рода, въ области ея высказано столько противорѣчащихъ взглядовъ и мнѣній, что самый довѣрчивый критикъ усумнится признать геологію, при настоящемъ ея развитіи исключительно вѣрнымъ и компетентнымъ судьею по дѣламъ доисторической древности. Геологія еще не на столько успѣла въ своемъ развитіи, чтобы могла передать намъ съ доскональною точностію то, чего не сохранили въ себѣ лѣтописи человѣческія, и что осталось далеко позади письменныхъ и традиціонныхъ свидѣтельствъ. Въ этомъ сознаются лучшіе изъ геологовъ, и только легкомысленнѣйшіе изъ нихъ могутъ хвалиться, что они выучились читать геологическія лѣтописи и не затрудняются при разборѣ самыхъ темныхъ и сбивчивыхъ мѣстъ, содержащихся въ нихъ.

Кромѣ неясности геологическихъ лѣтописей, нельзя не сказать также о ихъ не полнотѣ и отрывочности. Изъ обрывковъ кулисъ, уцѣлѣвшихъ отъ сгорѣвшаго театра, здѣсь приходится дѣлать заключенія о пьесѣ, которую нѣкогда тамъ разыгрывали; изъ немногихъ остатковъ надобно рѣшить, какія роли занимали погиб-

шіе актеры, и къ какому времени относится ихъ сценическая дѣятельность. „Часто случается, сознается Ляйэлль, что, подвинувъ въ данной странѣ на сколько можно далѣе наши геологическія изслѣдованія о первыхъ слѣдахъ появленія человѣка въ ней, мы останавливаемся, наталкиваясь на формацію, которая вполнѣ лишена всѣхъ органическихъ остатковъ, и такимъ образомъ нить нашихъ изысканій по исторіи живыхъ существъ, а слѣдовательно и человѣка, вдругъ неожиданно обрывается и преграждаетъ намъ путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ" (¹). Число встрѣчь съ подобными перерывами въ правильной послѣдовательности геологическихъ памятниковъ, на которыхъ геологи основываютъ свои заключенія о древности человѣка, можетъ быть, въ значительной мѣрѣ увеличилось бы и такимъ образомъ разочаровало бы геологовъ въ непреложности ихъ настоящихъ познаній, если бы геологическія изслѣдованія не ограничивались узкими предѣлами только нѣкоторыхъ мѣстностей, а обнимали бы собою всю поверхность земнаго шара. Въ настоящее время, какъ извѣстно, изучены слои далеко не всей поверхности земнаго шара; они изслѣдованы только въ Европѣ, нѣкоторыхъ частяхъ Азіи, Америки, Океаніи и ихъ острововъ (²). Если представить еще, что три четверти земли покрыты въ настоящее время водою, непозволяющею производить геологическихъ изслѣдованій, тогда какъ въ прежнее время нѣкоторыя изъ этихъ частей, по ученію самихъ геологовъ, представляли континенты, по всей вѣроятности, населенные людьми, то сдѣлается совершенно ясвымъ, какъ ничто-

(¹) „Древн. челов." стр. 195.

(²) Жувансель „О началѣ міра", стр. 19.

женъ успѣхъ современной геологіи въ построеніи чего нибудь въ родѣ непрерывной исторической цѣпи, обнимающей періодъ доисторическаго существованія человѣка. Для такого построенія геологамъ приходится переносить звѣнья, найденныя въ одной мѣстности, для пополненія недостающихъ частей въ другой, и такимъ образомъ ощупью доходить до какихъ нибудь точныхъ и опредѣленныхъ результатовъ. Правда, въ видимой природѣ всѣ явленія взаимно связаны между собою, и когда узнаны законы связей одного порядка явленій, то нѣтъ нужды наблюдать всѣ явленія одно за другимъ, со всевозможныхъ точекъ и во всевозможныхъ частяхъ; нѣсколько отдѣльныхъ наблюденій часто позволяютъ утверждать, что законъ явленій въ частностяхъ не наблюденныхъ, такой-то. Такъ, довольно опредѣлить положеніе трехъ точекъ окружности, чтобы знать положеніе всѣхъ остальныхъ точекъ кривой; чтобы составить исторію дуба, нѣтъ нужды слѣдить за этимъ деревомъ, въ продолженіи долгаго періода его существованія, который превосходитъ періодъ нашего собственнаго существованія, или производить наблюденіе надъ всѣми дубами, какіе существуютъ на свѣтѣ: для этого достаточно разсмотрѣть нѣсколько деревъ этого вида, находящихся во всѣхъ тѣхъ состояніяхъ, которыя они испытываютъ, начиная съ перваго момента развитія ихъ сѣмянодолей, до окончательнаго періода одряхленія и разложенія. Но геологическія наблюденія далеко не всегда отличаются такимъ математическимъ характеромъ; природа далеко не съ такою легкостію подчиняется узкимъ опредѣленіямъ ученыхъ, какъ обыкновенно это представляютъ; во многихъ случаяхъ она является великимъ, удивительнымъ ху-

денникомъ, неистощимая фантазія котораго производитъ безчисленныя варіаціи на одну и ту же тему; только возможно-большее количество наблюденій и фактовъ можетъ спасать геологическія наблюденія отъ ошибокъ. Всякій, даже самый маловажный, фактъ можетъ пріобрѣсть здѣсь огромное значеніе, изъ малѣйшей ошибки при наблюденіяхъ можетъ произойти необозримый рядъ заблужденій; всякое фактически-неосновательное или не логическое послѣдствіе можетъ навести на окольные пути, откуда нѣтъ исхода. Изъ этого видно, съ какою крайнею осмотрительностію и осторожностію геологъ долженъ отыскивать въ этомъ лабиринтѣ путеводную нить, вводящую насъ въ доисторическую мглу первобытныхъ временъ человѣчества. Ограниченный ничтожнымъ количествомъ, не всегда ясныхъ фактовъ, поставленный въ необходимость почти на каждомъ шагу прибѣгать къ наведеніямъ, аналогическимъ сближеніямъ и умозаключеніямъ, онъ долженъ избѣгать всего, что основывается на личномъ чувствѣ, на индивидуальномъ взглядѣ, на приблизительной оцѣнкѣ. Одно только измѣреніе и возвышеніе, выражаемое въ числахъ и производимое въ возможно большемъ количествѣ и массахъ, можетъ дать прочное основаніе для его построеній и выводовъ относительно первобытныхъ временъ человѣка.

Обращаясь къ результатамъ, добытымъ геологіею по вопросу о древности человѣческаго рода, мы должны признаться, что въ нихъ есть и свѣтлыя и темныя стороны, и основательныя, и шаткія соображенія, и часто научныя и мечтательныя построенія. Отсюда, въ нѣкоторыхъ пунктахъ они представляютъ полнѣйшее согласіе съ библіею, какого только желать можно, въ дру-

гихъ расходятся съ нею на значительное разстояніе. Чтобы получить ясное понятіе о значеніи тѣхъ геологическихъ открытій, которыя въ послѣднее время бросили свѣтъ на вопросъ о древности человѣка и о степени достовѣрности выводовъ, изъ нихъ сдѣланныхъ, необходимо ознакомиться, хотя въ краткихъ очеркахъ, съ тою средою, гдѣ произведены были эти изысканія и открытія, т. е. съ земною корою, или, по крайней мѣрѣ, съ ближайшими къ намъ, по времени образованія, слоями ея. Разумѣется, мы можемъ представить здѣсь лишь самыя краткія данныя.

Какую бы теорію образованія земной коры мы ни взяли, въ каждой изъ нихъ мы встрѣтимся, съ такъ называемою, классификаціею земныхъ пластовъ, въ которой опредѣляется порядокъ и временная послѣдовательность различныхъ горныхъ породъ. Породы, которыя, по однородности содержащихся въ нихъ окаменѣлостей, можно считать одновременными, по времени происхожденія, принято въ геологіи называть формаціями; ряды такихъ формацій, отличающихся общими характеристическими признаками, называютъ періодами; наконецъ, нѣсколько такихъ періодовъ соединяютъ въ эпохи. Всѣхъ формацій, въ которыхъ доселѣ найдены какіе либо ископаемые органическіе остатки, насчитываютъ теперь 36 и раздѣляютъ ихъ на 4 эпохи. 1) Самую древнюю, первичную или палеозойскую (отъ παλεὸς древній и ζῶον животное), 2) вторичную или мезозойскую (μέσος средній и ζῶον); 3) третичную или кенозойскую (отъ καινος новый и ζῶον); и 4) наконецъ, новѣйшую или потретичную. Древнѣйшая эпоха представляетъ виды растеній и царства животныхъ, теперь не встрѣчающихся. Во второй эпохѣ виды измѣняются и

нѣсколько приближаются къ нынѣшнимъ видамъ. Въ третичной встрѣчается сперва не много, а потомъ больше и больше видовъ растеній и царства животныхъ, которыя являются теперь. Четвертая эпоха заключаетъ въ себѣ лишь двѣ формаціи, изъ которыхъ первая, болѣе древняя, называется дилювіальною (допотопною), или, по новѣйшей номенклатурѣ, постпліоценовою, и хотя содержитъ въ себѣ раковины, принадлежащія къ нынѣ еще живущимъ, но значительная часть животныхъ, въ ней находимыхъ, принадлежатъ къ видамъ, уже вымершимъ, каковы особые виды слоновъ, мамонтовъ, носороговъ, львовъ, гіенъ, медвѣдей, мастодонтовъ и т. п.; послѣдняя же изъ двухъ формацій этой эпохи называется аллювіальною или новѣйшею и содержитъ въ себѣ ископаемыя, какъ изъ раковинъ, такъ и изъ млекопитающихъ, исключительно принадлежащія къ нынѣ еще живущимъ видамъ и животнымъ (¹). Вопросъ теперь въ томъ,—гдѣ находятся древнѣйшіе остатки человѣка, къ какой эпохѣ относится время первоначальнаго его появленія на землѣ?

Въ рѣшеніи этого вопроса новѣйшая геологія должна была бороться съ ошибкою, допущенною прежнею геологическою школою, во главѣ которой стоялъ Кювье. На основаніи изреченій нѣкоторыхъ учителей науки, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, почти всѣ принимали, что человѣкъ принадлежитъ только новѣйшей геологической эпохѣ, т. е. новому времени, наступившему послѣ послѣдней великой катастрофы, измѣнившей поверхность нашей планеты и сообщившей ей настоящій видъ. Кювье изрекъ приговоръ, что нахожденіе человѣческихъ остатковъ въ дилювіальныхъ (постпліоцено-

(¹) См. Ляйэлль „древн. чел.“. стр. 1—7 сн. Шлейд. „древн. чел.“ стр. 9—10.

выхъ) отложеніяхъ, вмѣстѣ съ костями вымершихъ нынѣ животныхъ, нигдѣ не доказано, что факты, приводимые на это, основаны на ошибкахъ, что слѣдовательно о присутствіи человѣка съ вымершими видами животныхъ, объ окаменѣлыхъ человѣческихъ остаткахъ вообще, нечего и думать. Какъ обыкновенно случается, послѣ приговора, сдѣланнаго извѣстнымъ авторитетомъ,—на факты, которые потомъ встрѣчались, не обращали уже надлежащаго вниманія, оставляли ихъ въ сторонѣ, смотрѣли на нихъ, какъ на ошибки, съ которыми давно покончили, словомъ, относились къ нимъ совершенно отрицательно и думали, что уже устранили все, что можетъ дать намекъ на ископаемаго допотопнаго человѣка. Мнѣніе это до послѣдняго времени составляло одинъ изъ тезисовъ общепринятаго геологическаго катихизиса. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, мысль объ одновременномъ существованіи человѣка съ угасшими нынѣ животными, принадлежавшими къ допотопной эпохѣ, имѣла не большое число приверженцевъ, въ ряду людей, не пользовавшихся большимъ научнымъ авторитетомъ. Въ послѣднее полустолѣтіе, въ различныхъ частяхъ Европы, въ пещерныхъ брекчіяхъ находили кости людей, или предметы ихъ работы, покрытые сталактитами (кристаллизовавшимися осадками просочной воды) вмѣстѣ съ остатками угасшихъ родовъ гіенъ, медвѣдей и носороговъ. Факты эти ободрили приверженцевъ вышеупомянутой гипотезы и утвердили въ той мысли, что время появленія человѣка должно быть отнесено къ болѣе отдаленной геологической эпохѣ, нежели какъ предполагали доселѣ. Но съ другой стороны, ученые, подвергши вопросъ ученой критикѣ, почувствовали естественное недовѣріе къ убѣдительности этихъ

доказательствъ, принимая въ соображеніе, что однѣ пещеры служили временнымъ убѣжищемъ для многихъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, гостей, и были также выбираемы людьми, или какъ жилища, или какъ мѣста погребенія. Напротивъ, другія пещеры служили каналами, по которымъ стекала вода во время случайныхъ наводненій и скрытыхъ рѣкъ, такъ что остатки животныхъ, населявшихъ извѣстную область въ весьма различныя эпохи, впослѣдствіи могли перемѣшиться въ этихъ пещерахъ и отложиться въ одномъ и томъ же слоѣ. Однако факты, открытые въ 1858 году систематическими изслѣдованіями въ различныхъ пещерахъ снова заинтересовали ученую публику и убѣдили, что прежній скептицизмъ, при разсматриваніи доказательствъ, представляемыхъ пещерами, относительно древности существованія человѣка, заходилъ уже слишкомъ далеко. Съ этихъ поръ многіе факты, обыкновенно приводимые въ доказательство одновременнаго существованія человѣка рядомъ съ угасшими млекопитающими видами, были вновь провѣрены, вслѣдствіе чего вопросъ этотъ обогатился новыми открытіями, какъ относительно пещеръ, такъ и аллювіальныхъ (потопныхъ) отложеній долинъ. Мы не будемъ входить въ подробное описаніе этихъ фактовъ. Въ книгѣ англичанина Ляйэлля „о древности человѣка" съ достаточною обстоятельностію и подробностію изложена исторія наблюденій, сдѣланныхъ въ послѣднее время, по вопросу о древности человѣка [1].

---

[1] Согласно методу, принятому англійскими учеными, Ляйэлль представляетъ въ своей книгѣ сводъ всѣхъ новѣйшихъ открытій, по разсматриваемому вопросу. Сначала у него говорится объ открытіяхъ относительно существованія человѣка въ новѣйшую, ближайшую къ намъ формацію, гдѣ современниками ему были, по большей части, нынѣ еще живущіе виды животныхъ и растеній; за тѣмъ разсматриваются откры-

Для нас важны собственно результаты этихъ розысканій, которые могутъ быть высказаны въ немногихъ и краткихъ словахъ. Теперь наука почти аподиктически утверждаетъ слѣдующіе факты:

1)—Что предки наши были современниками допотопныхъ млекопитающихъ, теперь исчезнувшихъ съ лица земли.

2)—Что почва, называемая геологами дилювіальною, образовалась (по крайней мѣрѣ отчасти) послѣ появленія человѣка, и

3) Наконецъ, — что человѣкъ, безъ сомнѣнія, былъ свидѣтелемъ послѣдняго великаго переворота, совершившагося на нашей планетѣ.

Чтобы имѣть возможность оцѣнить значеніе этихъ открытій для библейской науки, имѣющей въ виду правильное изъясненіе библейскихъ повѣствованій, нужно припомнить, что не дальше какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, всѣ эти факты отвергались наукою и ставили въ немалое затрудненіе католическихъ и про-

---

тія, свидѣтельствующія о существованіи человѣка въ болѣе отдаленную пору, именно во второй половинѣ дилювіальной или послѣ—пліоценовой формаціи, одновременно съ нѣкоторыми уже угасшими нынѣ породами животныхъ, каковы—мамонтъ и носорогъ, жившіе въ нынѣшней Европѣ; наконецъ, излагаются открытія, свидѣтельствующія о существованіи человѣка въ первой половинѣ постпліоценовой формаціи, въ такъ называемый ледяной періодъ. Далѣе этого, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, открытія человѣческихъ остатковъ не простираются. Книга Ляйэлля представляетъ не болѣе какъ сырой матеріалъ; въ ней собрано безчисленное множество фактовъ, обслѣдованныхъ разными учеными, большею частію провѣренныхъ личнымъ наблюденіемъ самаго автора. Но тотъ ошибся бы кто думалъ бы, найти въ этой книгѣ стройное, цѣльное, систематическое, чисто научное изслѣдованіе вопроса. Уклончивость, при извлеченіи изъ тѣхъ или другихъ фактовъ тѣхъ или другихъ выводовъ, характеризующая научный пріемъ большинства англійскихъ ученыхъ, доведена у Ляйэлля до высшей степени, такъ что, прочитавши Ляйэлля, трудно сказать, какъ думаетъ Ляйэлль.

тестантскихъ богослововъ, при изъясненіи тѣхъ мѣстъ библіи, гдѣ говорится о твореніи міра и первоначальномъ происхожденіи человѣческаго рода. Авторитетъ Кювье, имѣвшій такое громадное значеніе въ области геологіи, не рѣдко находилъ для себя доступъ въ область теологіи, и теорія его о разновременномъ,—періодически отдѣльномъ другъ отъ друга, — появленіи сначала исчезнувшихъ нынѣ млекопитающихъ, — а за ними человѣка въ глазахъ нѣкоторыхъ западныхъ богослововъ казалась столь убѣдительною, что всякое противорѣчіе ей считалось едва ли не противленіемъ ясной и доказанной истинѣ. Вестермейеръ одинъ изъ католическихъ богослововъ, выходя изъ того принципа, что естествознаніе должно служить однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ, при изъясненіи библіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о видимомъ мірѣ, прямо утверждалъ, что донынѣшнее толкованіе первой главы книги Бытія во многихъ пунктахъ оказывается несостоятельнымъ предъ судомъ науки, и что задача современной экзегетики должна состоять въ томъ, чтобы исправлять ошибки прежнихъ экзегетовъ и построять свои изслѣдованія на болѣе прочныхъ и твердыхъ основаніяхъ. Останавливаясь на твореніи шестаго дня, описываемомъ въ повѣствованіи Моисея, Вестермейеръ не находитъ въ этомъ мѣстѣ ничего такого, что противорѣчило бы принятію теоріи Кювье о разновременномъ появленіи человѣка и исчезнувшихъ нынѣ видовъ животныхъ. Хотя твореніе животныхъ и человѣка въ Библіи относится къ одному заключительному дню міроздания, и такимъ образомъ ясно утверждается одновременность ихъ появленія, но это кажущееся противорѣчіе, по мнѣнію католическаго экзегета, легко устраняется тѣмъ простымъ

предположеніемъ, что подъ днями творенія Моисей разумѣлъ огромные періоды, обнимающіе несчетное число лѣтъ. Въ такомъ случаѣ, продолжаетъ Вестермейеръ, ничто не будетъ мѣшать предположенію, что между твореніемъ животныхъ и твореніемъ человѣка, въ одной и той же эпохѣ, могла имѣть мѣсто значительная „пауза", въ теченіи которой произошелъ великій переворотъ, извѣстный въ геологіи подъ именемъ „диллювія", и многіе виды животныхъ исчезли съ лица земли, предваривъ своимъ исчезновеніемъ явленіе человѣка, назначеннаго къ обладанію и господству надъ тварями (1). Такой способъ изъясненія библейскаго повѣствованія о времени появленія человѣка мы встрѣчаемъ не у одного Вестермейера, но у всѣхъ почти католическихъ и протестантскихъ богослововъ, стремившихся въ началѣ и особенно въ срединѣ нынѣшняго столѣтія согласить результаты извѣстныхъ въ то время научныхъ изслѣдованій съ ученіемъ Библіи.

Не говоря уже о произвольности этого способа изъясненія, мало или даже совсѣмъ неоправдываемаго буквальнымъ смысломъ библейскаго текста, надобно прямо сказать, о неудовлетворительности его для той цѣли, для которой оно измышлено. Кювье отнюдь не расположенъ былъ относить явленіе человѣка, съ угасшими нынѣ млекопитающими къ одной, какъ бы то ни было продолжительной эпохѣ; онъ положительно увѣрялъ, что вмѣстѣ съ остатками носороговъ и мамонтовъ никогда не были и не будутъ найдены человѣческія кости. Вообще Кювье ясно разграничилъ двѣ великія эпохи мірообразованія — диллювіальную и аллювіальную, — изъ

(1) Westerm. Alt. Test т. 2 стр. 70.

которыхъ первую характеризовалъ присутствіемъ на землѣ огромныхъ, допотопныхъ животныхъ, а послѣднюю—явленіемъ человѣка и тѣхъ видовъ растительныхъ и животныхъ организмовъ, которые до настоящаго времени продолжаютъ свое существованіе. Межою, разграничивающею эти двѣ великія эпохи, служила у него не пауза неопредѣленной продолжительности, а одинъ изъ величайшихъ геологическихъ переворотовъ,—обыкновенно считавшихся при Кювье внезапными и весьма сильными, который измѣнилъ поверхность земной коры и повлекъ за собою радикальныя измѣненія въ ея геологическихъ отношеніяхъ. Родъ человѣческій, по мнѣнію Кювье, созданъ уже значительно послѣ этого переворота, когда на землѣ водворился покой, возмущаемый только рѣдкими и вообще медленными измѣненіями. Къ чести Православнаго Богословія нужно сказать, что оно не увлекалось, подобно западной богословской наукѣ, мимолетными теоріями естествознанія, но, оставаясь вѣрнымъ прямому смыслу библейскаго текста и древнимъ толкованіямъ отцовъ и учителей Церкви, утвержденныхъ и авторизованныхъ Православною Церковію, не допускало ни огромныхъ періодовъ въ исторіи творенія міра, ни громаднаго промежутка между сотвореніемъ человѣка и появленіемъ высшихъ видовъ млекопитающихъ, ни мнѣнія Кювье о явленіи человѣка послѣ потопа (дилювія);—не допускало, безъ сомнѣнія, потому, что не находило достаточныхъ основаній къ ихъ принятію, ясно сознавая, что это—не точные результаты естествознанія, а одни мнѣнія ученыхъ, не подтвержденныя достаточнымъ количествомъ фактовъ. Въ настоящее время сама наука пришла къ отрицанію послѣднихъ двухъ мнѣній и путемъ точныхъ изслѣдова-

ній доказываетъ одновременность существованія человѣка съ допотопными животными и явленіе человѣка въ эпоху, предшествующую послѣднему великому перевороту на земномъ шарѣ, который на геологическомъ языкѣ называется дилювіемъ. Геологи не теряютъ надежды найти ископаемые остатки человѣка когда нибудь и въ болѣе ранней эпохѣ, напр., въ третичной. Если эта надежда осуществится, въ такомъ случаѣ синхронистическій способъ изъясненія первой главы книги Бытія, которaго держится наша библейская наука и по которому различные виды творенія, описанные у Моусея, слѣдовали быстрою преемственною чредою другъ за другомъ, отдѣляясь краткими промежутками, означенными у Бытописателя подъ именемъ дней, получитъ рѣшительный перевѣсъ надъ противоположнымъ ему способомъ изъясненія, которымъ въ исторію мірозданія вносятся огромные промежутки времени, въ теченіи которыхъ будто бы совершилось великое дѣло мірозданія. Соприсутствіе человѣка—послѣдняго вида творенія — наряду съ первоначальными видами животнаго и растительнаго царствъ весьма естественно можетъ навести на мысль всякаго, не предубѣжденнаго изслѣдователя о совмѣстномъ, весьма близко отстоящемъ другъ отъ друга появленіи всѣхъ видовъ творенія. Нѣкоторые изъ современныхъ западныхъ теологовъ, кромѣ нежеланія сознаться въ своихъ ошибкахъ, допущенныхъ ими при изъясненіи библейскаго повѣствованія о твореніи міра и человѣка, кажется, потому не хотятъ принимать послѣднихъ открытій новѣйшей геологіи относительно ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ въ дилювіальный періодъ, что находятся въ убѣжденіи, будто, при помощи новыхъ наблюденій, положеніе: „человѣкъ есть

послѣднее дѣло творенія" опровергнуто, какъ считаютъ это и многіе нѣмецкіе естествоиспытатели ([1]), но еще никто изъ естествоиспытателей не представилъ доказательствъ, ни даже сколько нибудь вѣроятныхъ соображеній, что послѣ человѣка появлялись новыя формы животныхъ. Новѣйшей наукѣ удалось открыть только то, что человѣкъ засталъ больше видовъ животныхъ, чѣмъ до тѣхъ поръ долго полагали. А это, повторяемъ, такое открытіе, которое съ любовію могутъ привѣтствовать защитники библейскихъ интересовъ, какъ залогъ будущаго сближенія результатовъ научныхъ исканій съ ученіемъ Библіи.

Но не указываетъ ли намъ это открытіе новѣйшей геологіи на то, съ которыхъ поръ существуетъ родъ человѣческій? Другими словами, не указываетъ ли оно на время первоначальнаго появленія человѣка на землѣ? Нисколько. И врядъ ли удастся ученымъ узнать это даже тогда, когда страны, служившія людямъ первымъ обиталищемъ, будутъ изслѣдованы со всевозможною тщательностію. Изъ исканій, сдѣланныхъ геологами доселѣ, слѣдуетъ только опредѣленіе и то не довольно точное и рѣшительное геологической эпохи, въ которую произошло явленіе человѣка на землѣ. „Для опредѣленія древности самыхъ старыхъ человѣческихъ костей не только годами или вѣками, но даже тысячелѣтіями, при тѣхъ фактахъ, которые мы до сихъ поръ изслѣдовали, говоритъ одинъ ученый, у насъ нѣтъ ни малѣйшей опоры. Пока мы можемъ только сказать, что эти кости очень древни. Между тѣмъ какъ въ исторической хронологіи указываются годы, мѣсяцы и дни, хронологія геологическая не можетъ и думать о подобной

(¹) Ewang. Kirhenz. 1864 г. См. статью A. Wagner—a, Bibel und Wissenschaft.

точности. Геологи перестали теперь сомнѣваться, что родъ человѣческій пережилъ нѣсколько сильныхъ измѣненій земной поверхности, но найти мѣру для ихъ времени они не могли еще доселѣ. Можно опасаться, что оно останется для геологіи не извѣстнымъ, по крайней мѣрѣ, надолго, чтобы не сказать навсегда (¹). Однако въ послѣднее время не было недостатка въ смѣлыхъ попыткахъ — хронологически опредѣлить древность существованія человѣка, на основаніи новыхъ геологическихъ изысканій и главнымъ образомъ новыхъ геологическихъ принциповъ. Попытки эти, какъ и слѣдовало ожидать, не привели къ точнымъ результатамъ, но, къ сожалѣнію, внесли въ научныя изслѣдованія о древности нашего рода много такого, что ослабляетъ и нарушаетъ согласіе ихъ съ Библіею, о которомъ мы говорили. Естествоиспытатели новѣйшей геологической школы, устранивъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ о древности человѣческаго рода, тѣ ошибки, въ которыя впадали естествоиспытатели прежней школы, какъ бы взамѣнъ этого впали въ другаго рода крайности которымъ чужды были послѣдніе. Расходясь съ библейскимъ ученіемъ о времени происхожденія человѣческаго рода, геологическою стороною своихъ изслѣдованій, Кювье и послѣдователи его какъ нельзя больше сходились съ нимъ въ хронологическомъ опредѣленіи срока, обнимающаго періодъ существованія человѣка, — и западные богословы, въ этомъ случаѣ, со всею справедливостію могли опираться, какъ и дѣйствительно опирались, на авторитетъ знаменитаго естествоиспытателя, защищая вѣрность библейской хронологіи противъ нападковъ легкомысленнаго

(¹) См. статью Бэра, въ мѣсяцесловѣ за 1864 г. о „первонач. состоянія челов. рода".

невѣрія и ни на чемъ не основаннаго вольнодумства. Самъ Кювье считалъ себя въ этомъ пунктѣ совершенно согласнымъ съ Библіей и видѣлъ въ немъ одинъ изъ основательнѣйшихъ результатовъ своихъ изслѣдованій, который блистательнымъ образомъ доказываетъ связь науки съ откровеніемъ. „Если точно изслѣдовать, говоритъ Кювье, то, что произошло на поверхности земли со времени послѣдняго переворота, совершившагося на ней, то сдѣлается совершенно яснымъ, что переворотъ этотъ и послѣдовавшее за нимъ явленіе человѣка относятся къ недавнему времени (1)... Всѣ физическія данныя относительно древности земли, со времени явленія на ней человѣка, говорятъ въ пользу хронологическихъ расчетовъ, основанныхъ на Библіи и не даютъ никакого основанія заключать о больше древнемъ существованіи человѣческаго рода". „Если что есть доказаннаго въ геологіи, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Кювье, такъ это предположеніе, что поверхность нашей земли была когда то опустошена великимъ и нежданнымъ переворотомъ, время котораго не восходитъ далѣе 5 или 6 тысячъ лѣтъ (2). Мнѣніе Кювье раздѣляли почти всѣ товарищи его по наукѣ. Жерве-де-ла-Призъ пришелъ къ тому заключенію путемъ изученія Нильскихъ наносовъ, образующихъ аллювіальную почву Египта (3). Марсель-де-Серъ — чрезъ изученіе торфяныхъ пластовъ, образовавшихся на сѣверѣ Европы изъ истлѣвшихъ растительныхъ остатковъ, — чрезъ наблюденіе надъ дѣйствіями нѣкоторыхъ водопадовъ, напр., Ніагарскаго, — надъ измѣненіями, какія производятъ на берегахъ воды озеръ,

(1) Cuwier Discours. etc. стр. 139.
(2) Ibid. ст. 287.
(3) Accord du livre de la Genèse avec la Géologie ст. 75.

надъ засоренiемъ иломъ и щебнемъ логовищъ рѣкъ, напр. По,—надъ морскими отмелями, надъ нарастанiемъ горныхъ ледниковъ (глетчеровъ), надъ паденiемъ горъ, надъ разными веществами, выносимыми изъ нѣдръ земли подземными вулканическими изверженiями, надъ вывѣтриванiемъ и распаденiемъ утесовъ, надъ работами въ каменоломняхъ (¹). Соссюръ — наблюденiемъ надъ скатываньемъ камней въ долинѣ Шамуни (²). Абюссонъ—надъ отложенiями на берегахъ рѣкъ и озеръ (³). Делюкъ, Доломье и Букландъ — вообще надъ состоянiемъ нынѣшнихъ материковъ (⁴). Такимъ образомъ, почти всѣ воспитанники Кювье, въ своихъ ариѳметическихъ расчетахъ, относительно древности человѣческаго рода, приходили къ заключенiямъ, вполнѣ подтверждающимъ библейскую хронологiю. Между тѣмъ новѣйшiе изслѣдователи, въ области геологiи, пришли къ совершенно противоположнымъ заключенiямъ относительно подлинности библейской хронологiи. „Если въ чемъ новѣйшая наука не можетъ сойтись съ Библiею, говоритъ одинъ изъ представителей этой науки, такъ это именно въ хронологическомъ опредѣленiи времени, обнимающаго перiодъ существованiя человѣческаго рода. Шеститысячелѣтнiй срокъ, который, какъ кажется, Библiя назначаетъ для существованiя человѣка, оказывается слишкомъ ничтожнымъ, когда найдены факты, свидѣтельствующие о стотысячелѣтнемъ существованiи нашего рода.... Здѣсь не можетъ быть мѣста сомнѣнiямъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ теологи, чувствуя

(¹) De serres de la Cosmogonie стр. 212.
(²) Voyage dans les Alpes стр. 625.
(³) Traité de Geognosie стр. 163.
(⁴) см. Journal de Physique .Prais 1792 г. pars I стр. 42.

неустойчивость своего положенія предъ свѣтомъ науки. Всякая попытка согласить результаты научныхъ изслѣдованій о древности человѣка съ религіознымъ преданіемъ Евреевъ можетъ повесть только въ пучину безсмыслицы“ (1).

Правда, наша религія никогда не настаивала на неприкосновенности 6,000 или 7,000 лѣтъ, которыя, по вычисленіямъ хронологовъ, библія даетъ человѣческому роду, и если бы наука очевиднѣйшимъ образомъ доказала, что нужно прибавить къ этому сроку нѣсколько вѣковъ человѣческой жизни, то это нисколько не измѣнило бы нашей вѣры въ Библію, потому что, хотя библейская хронологія сама по себѣ вѣрна, такъ какъ содержитъ въ себѣ показанія лѣтъ, открытыя Богомъ и записанныя богоугодными людьми, по внушенію Духа Божія, но изслѣдованіе ея, какъ дѣло человѣческое, могло имѣть погрѣшности. Какъ ни простъ, повидимому, методъ изслѣдованія библейской хронологіи, опредѣляемый хронологическими указаніями, содержащимися въ самой Библіи, однакоже, онъ сопряженъ съ величайшими затрудненіями, по сознанію самихъ хронологовъ, окончательно едвали когда либо разрѣшимыми (2). Трудности эти происходятъ первѣе всего отъ того, что хронологическія показанія, какъ мы находимъ ихъ теперь въ различныхъ спискахъ одного и того же текста, въ различныхъ переводахъ священныхъ книгъ и въ самомъ подлинникѣ, различны между собою, такъ что трудно опредѣлить, какое показаніе, въ какомъ текстѣ или спискѣ подлинное и вѣрное. Далѣе, одни и тѣ же

(1) Vogt Köhlerglaube und Wissenschaft. стр. 245.

(2) См. „Изслѣдованіе библейской хронологіи“ Спасскаго. Кіевъ, 1857.

мѣста св. Писанія, по которымъ опредѣляется время извѣстнаго періода, различно понимаются толкователями, такъ что не легко бываетъ иногда найти истинный смыслъ ихъ. Наконецъ, неполныя лѣта, въ библейскомъ лѣтосчисленіи, принимаются весьма часто за полныя, отъ чего время событій и въ самой Библіи опредѣляется не съ совершенною точностію, а только приблизительно. Встрѣчаются даже періоды, вовсе не обозначенные въ хронологическихъ показаніяхъ, какъ, напримѣръ, время отъ 6-го года царствованія Дарія Истаспа до 1-го года Артаксеркса Лонгимана. Все это, въ большинствѣ случаевъ, заставляетъ изслѣдователей довольствоваться въ своихъ хронологическихъ изысканіяхъ выводами только приблизительными, наиболѣе вѣроятными. Ни одинъ періодъ Священной Исторіи не отличается, повидимому, такою ясностію и опредѣленностію хронологическихъ показаній въ Священной Библіи, какъ періодъ отъ сотворенія Адама до призванія Авраама. Всѣ хронологическія указанія, относящіяся сюда, собраны какъ бы нарочито священнымъ бытописателемъ вмѣстѣ въ двухъ главахъ книги Бытія: пятой и одиннадцатой. Священный бытописатель съ хронологическою точностію означаетъ лѣта жизни каждаго патріарха до рожденія отъ него слѣдующаго патріарха—его сына, равно какъ и лѣта остальной жизни до смерти (Бытія V, 3, 4; XI, 12, 13). Въ родословіи патріарховъ, жившихъ до потопа, кромѣ того, выставляется общая сумма лѣтъ всей жизни каждаго патріарха (Бытія V, 5). Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить продолженіе времени отъ Адама до Авраама, стоитъ только сложить въ одну сумму лѣта каждаго патріарха—и эта сумма покажетъ общее число лѣтъ, протекшихъ отъ Адама до Авраама...

Но, сличая хронологическія показанія текста LXX,—съ котораго переведенъ нашъ славянскій,—съ показаніемъ настоящаго текста еврейскаго, мы находимъ весьма значительныя разности, вслѣдствіе которыхъ наше лѣтосчисленіе, составленное по тексту LXX, превышаетъ лѣтосчисленіе по нынѣшнему еврейскому тексту 1432 годами,—числомъ, которое въ общей суммѣ лѣтъ имѣетъ весьма большую важность. Если же въ самомъ точномъ отдѣлѣ библейской хронологіи встрѣчаемъ для себя такое затрудненіе, то что сказать о другихъ, менѣе точныхъ, отдѣлахъ, напримѣръ; о періодѣ Скиніи, обнимающемъ время отъ исхода евреевъ изъ Египта до заложенія храма Соломонова, гдѣ общая сумма лѣтъ опредѣляется чрезъ сложеніе частныхъ чиселъ, означающихъ время совершившихся въ продолженіе его событій;—или, напримѣръ; о періодѣ Судей, гдѣ общая сумма лѣтъ получается чрезъ сложеніе лѣтъ каждаго порабощенія евреевъ иноплеменниками съ лѣтами правленія каждаго судіи, или, наконецъ, въ періодѣ вавилонскаго плѣненія, — отъ паденія іудейскаго царства до Рождества Христова, гдѣ время опредѣляется по пророчествамъ? Конечно, чрезъ снесеніе, сличеніе и совокупленіе хронологическихъ текстовъ, разсѣянныхъ по разнымъ книгамъ св. Писанія, такъ же при помощи другихъ соображеній, можно приходить къ общему опредѣленію времени, обнимающаго тотъ или другой періодъ, и такимъ образомъ дойти, наконецъ, до общаго опредѣленія времени, протекшаго отъ начала рода человѣческаго до Іисуса Христа и отъ Іисуса Христа до нашего времени. Но еще ни одному хронологу не удалось представить такого вычисленія, которое бы, въ своемъ послѣднемъ результатѣ, давало точную, математически

опредѣленную цифру. Если мы обратимся къ исторіи библейскаго времясчисленія въ церкви христіанской, то найдемъ въ ней полное подтвержденіе нашихъ словъ. Она представитъ намъ рядъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что хронологи никогда не сходились въ своихъ вычисленіяхъ до точности, и всегда разнились въ своихъ послѣднихъ результатахъ другъ отъ друга, — хотя разность эта, какъ увидимъ, была не слишкомъ значительна. Отцы церкви и писатели церковные до 8 вѣка почти всѣ единогласно полагали рожденіе Спасителя въ 6-й тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія человѣка, но въ опредѣленіи года почти всѣ разнились между собою. Въ исторіи лѣтосчисленія восточной церкви хронологи замѣчаютъ три эры, принимавшіяся на Востокѣ. Первая—меньшая полагаетъ Рождество Спасителя въ 5493 году; вторая — 5500 или 5501, третья — 5509. Въ соборныхъ опредѣленіяхъ мы также не находимъ правила, точно опредѣляющаго, сколько именно лѣтъ должно считать отъ сотворенія человѣка до Рождества Спасителя. Въ дѣяніяхъ пятошестаго вселенскаго собора можно примѣчать, что вселенская церковь въ лѣтосчисленіи слѣдовала тексту LXX, — и считала отъ сотворенія міра до Рождества Христова 5508 лѣтъ, но отцы седьмаго вселенскаго собора явленіе въ міръ Спасителя относили къ 5501 году. Западные писатели съ 5 вѣка, положась на хронику Евсевія, съ которою познакомилъ ихъ блаженный Іеронимъ и въ которой время Рождества Христова относится къ 5199 году, не занимались самостоятельнымъ изслѣдованіемъ библейской хронологіи, но слѣдовали хроникѣ Евсевія почти съ буквальною точностію. Беда — первый изъ западныхъ писателей проложилъ путь къ самостоятельному

изслѣдованію библейской хронологіи. Съ этого времени на Западѣ стали появляться приверженцы еврейской хронологіи, по которой отъ сотворенія до нынѣ еще не исполнилась пятая тысяча лѣтъ. Число защитниковъ еврейскаго лѣтосчисленія особенно усилилось на Западѣ со времени тридентинскаго собора, на которомъ переводъ Vulgata объявленъ переводомъ каноническимъ. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы съ этого времени еврейское лѣтосчисленіе было безусловно принято всѣми и во всѣхъ церквахъ на Западѣ. Хотя послѣ тридентинскаго собора многіе западные писатели посвящали свои великіе труды и таланты на защиту еврейскаго текста относительно хронологическихъ показаній его, но въ то же время постоянно являлись не менѣе ученые изслѣдователи, которые приходили къ другимъ результатамъ въ своихъ вычисленіяхъ, — результатамъ, не рѣдко приближающимся къ восточному лѣтосчисленію ([1]). Новѣйшія изслѣдованія, въ области библейской хронологіи, также представляютъ не малое число мнѣній и разсужденій, которыя, кажется, еще надолго отстраняютъ полное торжество истины ([2]). Но, не смотря на разногласія въ изслѣдованіяхъ библейской хронологіи, — мы опять должны сказать, — разногласія эти не таковы, чтобы, съ устраненіемъ ихъ и окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла, могъ быть полученъ результатъ, въ самомъ основаніи ниспровергавшій доселѣ принимавшееся лѣтосчисленіе, и нѣтъ никакого основанія думать, чтобы библейская наука когда либо пришла къ необходимости прибавить къ нынѣшнему

([1]) Подробнее изложеніе исторіи библейскаго времясчисленія см. въ „Изслѣдованіи библейской хронологіи“ Спасскаго.

([2]) Ibid.

лѣтосчисленію два, три или даже четыре ноля, какъ хотятъ того новѣйшіе естествоиспытатели; — говоримъ — когда-либо, — тѣмъ больше въ настоящее время, въ виду тѣхъ вычисленій, которыя представляетъ намъ современная геологія. Вычисленія эти не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что можно было бы сравнить „съ свѣтомъ“, предъ которымъ „теологи могли бы чувствовать свою неустойчивость“. Хронологическую сторону новѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій о древности человѣческаго рода скорѣе можно сравнить съ темнымъ пятномъ на солнцѣ, которое помрачаетъ собою самые свѣтлые результаты новѣйшей науки и бросаетъ невыгодную тѣнь на всѣ ея изслѣдованія. Можно надѣяться, что, съ бо́льшимъ разлитіемъ свѣта на горизонтѣ науки, тѣнь эта исчезнетъ подобно тому, какъ въ физической природѣ тѣнь исчезаетъ при появленіи свѣта. Но, въ ожиданіи этого прекраснаго разсвѣта, мы попытаемся, однакожъ, теперь вступить въ сумрачную сферу геологическихъ мечтаній и посмотримъ, нельзя ли, въ нѣкоторой степени, озарить ее даже тѣми лучами свѣта, которые просвѣчиваютъ въ теперешнихъ открытіяхъ науки и имѣютъ свои средоточія въ различныхъ пунктахъ ея изслѣдованій. Всеозаряющій свѣтъ слова Божія и ученіе богопросвѣщенныхъ мужей церкви будетъ предохранять насъ отъ преткновеній и уклоненій отъ пути истины.

Область, въ которую мы теперь вступаемъ, по сознанію самихъ геологовъ, принадлежитъ къ числу самыхъ темныхъ, а путь изслѣдованій въ ней—къ числу самыхъ трудныхъ и исполненныхъ опасностей разнаго рода. „Слѣды, оставленные намъ древнѣйшими людьми, говоритъ А. Вагнеръ, остатки, сохранившіе объ нихъ

свидѣтельство, отличаются лишь тѣмъ отъ остатковъ вымершихъ видовъ животныхъ, что къ зубамъ и костямъ прибавляются здѣсь нѣкоторыя свидѣтельства первобытныхъ промысловъ и занятій. Даже въ древнѣйшихъ странахъ цивилизованнаго міра, тамъ, гдѣ монументы и памятники говорятъ намъ на своемъ іероглифическомъ языкѣ о древнѣйшей порѣ человѣческой исторіи, гдѣ позднѣе мыслящіе и высокообразованные люди употребляли всѣ усилія къ собиранію народныхъ сагъ и преданій, чтобы вывести изъ нихъ первобытную исторію страны, — даже въ этихъ древнихъ странахъ и въ преданіяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда воспоминаній о томъ вѣкѣ безъ металловъ, отъ котораго остались намъ лишь каменныя орудія и свайныя постройки. Лишь видъ и форма, въ какихъ отложились эти остатки, лишь относительное положеніе ихъ къ слоямъ, въ которыхъ онѣ покоятся, лишь сосѣдство ихъ съ остатками растеній и животныхъ, ввѣренныхъ, вмѣстѣ съ ними, нѣдрамъ земли — могутъ дать намъ понятіе о древности и древнѣйшихъ временахъ человѣчества“ (1). Изъ этихъ словъ видно, на какихъ данныхъ смѣлые изъ новѣйшихъ геологовъ основываютъ свои попытки, направленныя къ хронологическому вычисленію древности человѣческаго рода. Данныя эти суть слѣдующія: во 1-хъ свойства самыхъ ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ, указывающихъ будто бы на большую или меньшую ихъ древность; во 2-хъ свойства фауны и флоры (растительнаго и животнаго царства), которыми они сопровождаются;

(1) Ewangelische Kirchenzeitung 1864 г. „Bibel und Wissenschaft“ v Wagner.

въ 3-хъ свойства человѣческихъ произведеній, найденныхъ вмѣстѣ съ древнѣйшими остатками человѣка, и въ 4-хъ, наконецъ, отношеніе ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ къ тѣмъ слоямъ, въ которыхъ они находятся. Послѣдній способъ опредѣленія древности ископаемыхъ остатковъ признается геологами лучшимъ сравнительно съ первыми тремя; поэтому мы сначала обратимъ вниманіе на этотъ способъ вычисленія человѣческой древности, а затѣмъ разсмотримъ остальные, какъ менѣе состоятельные и приложимые къ дѣлу, по признанію самихъ геологовъ.

Касаясь системы раздѣленія на классы пластовъ земли, мы имѣли случай показать, что геологія, въ короткое время своего существованія, создала исторію образованія земли, прослѣдила въ послѣдовательномъ порядкѣ лѣстницу формацій, подраздѣлила ихъ на извѣстное число классовъ, обозначила главнѣйшіе періоды въ ихъ образованіи и не только опредѣлила временную послѣдовательность каменныхъ породъ, но даже въ подробностяхъ представила исторію фауны и флоры допотопнаго міра, по остаткамъ органической жизни, погребеннымъ въ различныхъ слояхъ земли. Если бы все это построеніе основывалось на опытѣ, если бы ему соотвѣтствовалъ самый порядокъ напластыванія формацій въ природѣ, и тогда для геолога не было бы возможности указать хронологическое отношеніе между различными пластами и, хотя приблизительно, опредѣлить древность каждой изъ геологическихъ эпохъ, допускаемыхъ имъ въ исторіи развитія нашей планеты. Всякая попытка къ ариѳметическимъ вычисленіямъ, въ сферѣ геологическихъ изысканій, безполезна и всегда предполагаетъ предзанятую мысль въ

пользу какого нибудь не доказаннаго положенія, въ родѣ того, что силы природы вѣчно равны себѣ и т. п. Но, замѣчательно, что формаціи съ заключенными въ нихъ остатками погибшихъ органическихъ формъ нигдѣ въ природѣ не слѣдуютъ одна за другою въ постепенной послѣдовательности, налегая спокойно одна на другую, напротивъ, вездѣ, гдѣ бы ни изслѣдовали геологи твердую кору земли, встрѣчаются скачки, разрушающіе стройную классификацію земныхъ пластовъ, которую хотѣлось бы утвердить новѣйшимъ геологамъ. „Какую бы систему классораздѣленія мы ни взяли, говоритъ одинъ изъ откровенныхъ геологовъ, нигдѣ не найдется въ совокупности всѣхъ членовъ геогностическаго столбца, представляемаго обыкновенно во введеніяхъ въ геологію, — обыкновенно же не достаетъ въ промежуткахъ между находящимися формаціями тѣхъ или другихъ членовъ изъ числа означенныхъ въ столбцѣ. Однимъ словомъ, ряды геогностическіе бываютъ вездѣ болѣе или менѣе не полны и нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ бы всѣ послѣдовательные осадки находились сполна; почвы, считаемыя въ этомъ отношеніи образцовыми и служащія къ опредѣленію другихъ осадковъ, по сравненію съ ними, составляютъ только нѣкоторыя части цѣлаго столбца. Одни и тѣ же пласты, нисколько не различающіеся признаками, находятся во всѣхъ ярусахъ земли. Нѣтъ ни одного пласта, который бы не находился на самой земной поверхности, не покрытой никакимъ другимъ слоемъ; въ одномъ мѣстѣ, на поверхности, лежитъ порода, такъ называемая, первичная, — въ другомъ — угольная, или вторичная, — въ третьемъ—тріасовая, — въ четвертомъ— юрская, или мѣловая и т. п. Съ другой стороны, вос-

ходя отъ породъ новѣйшихъ, такъ называемыхъ дилювіальныхъ, къ древнѣйшимъ, мы находимъ, что иногда порода третичная, иногда мѣловая, иногда юрская и т. п. лежатъ непосредственно на гранитѣ и другихъ первичныхъ породахъ" ([1]). Если же земныя формаціи, называемыя въ геологіи первичными, вторичными и третичными такъ перемѣшаны между собою, что часто невозможно бываетъ опредѣлить, какая изъ нихъ осѣла прежде и какая послѣ, то само собою разумѣется, что геологъ по одному расположенію земныхъ пластовъ не можетъ съ вѣрностію заключать даже о временной послѣдовательности ихъ, и тѣмъ менѣе, конечно, опредѣлить хронологическое отношеніе между ними. Объ относительной древности первичныхъ породъ, сравнительно съ лежащими на нихъ осадочными и вулканическими породами, говоритъ Ляйэлль, также трудно судить, какъ о фундаментѣ стараго зданія, относительно къ самому строенію. Фундаментъ могъ быть старше строенія, могъ быть положенъ въ одно время съ возведеніемъ строенія и, наконецъ, могъ быть подведенъ вновь подъ строеніе ([2]). Сами по себѣ, по своему внутреннему составу, формаціи также не представляютъ никакихъ признаковъ своей относительной давности или недавности. Извѣстно, что во всѣхъ геологическихъ пластахъ есть нѣкоторые общіе элементы, которые, при различныхъ химическихъ соединеніяхъ съ другими элементами, могли и могутъ давать слои различнаго рода. Что касается дилювіальныхъ отложеній, содержащихъ въ своихъ

([1]) Въ Хр. Чтеніи за 1859 г. см. статью „Разборъ сужденій новѣйшихъ естествоиспытателей о происхожденіи міра".

([2]) Ibid.

верхнихъ слояхъ древнѣйшіе остатки человѣка, то они также не представляютъ, въ этомъ отношеніи, ничего исключительнаго, и ни своимъ положеніемъ и наружнымъ видомъ, ни расположеніемъ и составомъ образующаго ихъ матеріала, не указываютъ на число лѣтъ, обнимающихъ періодъ ихъ существованія. Какой же послѣ этого, спрашивается, имѣетъ смыслъ способъ опредѣленія древности ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ по слоямъ, въ которыхъ они находятся, когда геологія не имѣетъ достаточныхъ данныхъ, чтобы опредѣлить относительную древность самыхъ слоевъ, безъ помощи разныхъ предположеній и гипотетическихъ, чисто субъективныхъ воззрѣній? „Правда, отвѣчаетъ Фогтъ, древніе слои не дадутъ отвѣта о своей древности, они останутся безмолвными при всѣхъ попыткахъ геологіи вызвать ихъ на откровенную бесѣду съ собою, при помощи своихъ искуственныхъ снарядовъ. Но нынѣ образующіеся слои гораздо довѣрчивѣе къ намъ, и говорятъ съ нами не только о себѣ, но и о своихъ предшественникахъ, желавшихъ бы утаить отъ насъ тайну своего происхожденія и своей почтенной древности“ (¹). Дѣло въ томъ, что, по мѣстамъ, еще донынѣ продолжаютъ образовываться земляные наносы, дающіе возможность наблюдать быстроту каждогоднаго ихъ наростанія. Опредѣляя приблизительно среднюю цифру ежегоднаго накопленія этихъ наносовъ, геологи приходятъ, такимъ образомъ, къ заключенію о времени, которое нужно было для скопленія другихъ массъ, образовавшихся въ прежнія эпохи развитія земной коры. Если эти массы не представляютъ никакихъ признаковъ позднѣйшаго

(¹) „Köhlerglaube und Wissenschaft“, стр. 293.

разрытія, происходящаго весьма часто отъ нарушающаго дѣйствія различныхъ силъ и стихій природы, какъ-то:—воды, подземнаго огня и т. п.,—причемъ остатки животныхъ и людей, населявшихъ извѣстную область, могутъ отлагаться въ одномъ и томъ же слоѣ въ весьма различныя времена,—то такія массы считаются хорошими «хронометрическими скалами», по отношенію къ заключающимся въ нихъ органическимъ остаткамъ. Число лѣтъ, требовавшееся для скопленія слоевъ надъ ископаемыми остатками, въ нихъ погребенными, переносится на самые остатки, и древность послѣднихъ опредѣляется, такимъ образомъ, древностію первыхъ. Таковъ въ главныхъ чертахъ способъ вычисленія древности человѣческаго рода по слоямъ.—Самъ Ляйэлль сознаетъ шаткость этого способа вычисленія человѣческой древности, при всей приверженности къ своей квіетической теоріи, на которой опирается этотъ способъ вычисленія. „Попытки хронологическаго опредѣленія древности человѣческихъ остатковъ періодами времени, нужными для накопленія надъ ними земляныхъ слоевъ, говоритъ Ляйэлль, не представляютъ достаточной основательности, хотя признаются лучшими въ числѣ другихъ попытокъ. Всѣ подобныя вычисленія, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, еще весьма сомнительны и не точны; потому что накопленіе земли во многихъ случаяхъ могло быть неравномѣрнымъ, да и не всегда происходитъ прямо вверхъ; могли случиться долгіе промежуточные періоды неподвижности, могли происходить мгновенныя судорожныя движенія, ускоряющія быстроту отложенія, такъ что весьма не трудно надѣлать большихъ ошибокъ, пускаясь въ опредѣленіе средней быстроты наростанія, отъ котораго зависитъ вѣрность

разсчетовъ“ (1). Послѣ сказаннаго нами о несостоятельности квіетической теоріи Ляйэлля и неприложимости ея основнаго принципа къ изслѣдованію геологическихъ фактовъ, лежащихъ за предѣлами внѣшняго опыта,—въ области прошедшаго,—послѣ оговорки самаго Ляйэлля не въ пользу хронометрическаго масштаба, помощію котораго новѣйшая геологическая теорія думаетъ измѣрить геологическіе процессы первобытнаго міра и опредѣлить древность человѣческихъ остатковъ, погребенныхъ въ различныхъ слояхъ земной коры,—намъ остается привести нѣсколько опытовъ вычисленія человѣческой древности „по слоямъ“, и на дѣлѣ показать несостоятельность тѣхъ результатовъ, которыми новѣйшіе геологи думаютъ поколебать убѣжденіе теологовъ въ шести или въ семитысячелѣтнемъ существованіи человѣческаго рода.

Въ основаніи одного изъ вычисленій по осадкамъ принята, какъ мы уже имѣли случай замѣчать въ своемъ мѣстѣ, дельта Миссисипи, въ которой, не далеко отъ окрестностей Натчеза, найдена бедряная кость человѣка, лежащаго на глубинѣ 30 футовъ ниже поверхности, и при томъ ниже скелетовъ другихъ уже исчезнувшихъ животныхъ (2). Нынѣшніе наносы, образующіе эту дельту, разстилаются на пространствѣ 30,000 квадратныхъ миль и имѣютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько сотъ футовъ толщины. Это подало поводъ нѣкоторымъ естествоиспытателямъ думать, что образованія этихъ наносовъ продолжаются тамъ съ безконеч-

(1) „Древн. челов.“, стран. 21, сн. 50.

(2) Подробное описаніе см: у Ляйэлля, стр. 180; у Фогта въ сочиненіи: „Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ“ и у Шлейдена: „О древности человѣческаго рода“.

ныхъ временъ. Ляйэлль думаетъ, что можно приблизительно опредѣлить minimum времени, необходимаго для отложенія осадковъ, образующихъ дельту и аллювіальную равнину Миссисипи, измѣряя ежегодную массу воды, извергаемую Миссисипи и опредѣливъ среднее годовое количество твердыхъ частицъ, содержащихся въ ея водахъ. Самое умѣренное опредѣленіе времени даетъ, по мнѣнію Ляйэлля, для нынѣшней дельты высокую древность, простирающуюся до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ лѣтъ, болѣе 100,000 лѣтъ ([1]). Если же для всей дельты требуется болѣе 100,000 лѣтъ, то сколько нужно положить для кости, лежащей на глубинѣ 30 футовъ отъ поверхности? Отвѣтъ на это находимъ у того же автора: „если я не ошибся, говоритъ Ляйэлль, въ своемъ вычисленіи, что настоящая дельта Миссисипи потребовала для своего роста minimum болѣе 100,000 лѣтъ, то чрезъ этотъ разсчетъ необходимо вытекаетъ, что сѣверная Америка, болѣе тысячи столѣтій тому назадъ, была уже населена человѣческимъ родомъ ([1]). Хотя знаменитый геологъ не потрудился привести намъ подробныхъ доказательствъ въ пользу своихъ разсчетовъ, но допустимъ, что наблюденія надъ образованіемъ осадковъ Миссисипи были произведены со всевозможною осмотрительностію: и тогда заключеніе, выведенное изъ этихъ наблюденій, представляется не только сомнительнымъ, но и положительно не вѣрнымъ. Физически невозможно, чтобы рѣка производила осадокъ равномѣрно въ теченіе 100,000 лѣтъ. Осажденіе зависитъ отъ движенія воды, а оно—отъ наклонности ложа

([1]) „Древность челов.“, стран. сн. 38. „Principles of Geology“, стр. 273.

([2]) „О древн. челов.“, стран. (38), 193.

рѣки; слѣдовательно, осажденіе должно измѣняться по мѣрѣ того, какъ наполняется это ложе, даже когда всѣ внѣшнія условія остаются безъ перемѣны..., ([1]). Но мы знаемъ изъ несомнѣнныхъ данныхъ, что Лайэлль, при своемъ вычисленіи, не принялъ во вниманіе нѣкоторыхъ условій, имѣющихъ довольно важное значеніе въ образованіи дельты. Гюмпрейсъ (Humphreys), одинъ изъ современныхъ французскихъ естествоиспытателей, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе по поводу вычисленія Лайэлля: „Къ тому, что осаждается изъ воды, должно присовокупить песокъ, который она уноситъ съ собою, и слѣдовательно годовой осадокъ аллювіальной равнины Миссисипи должно принимать, по крайней мѣрѣ, вдвое толще, чѣмъ принимаетъ Лайэлль; а чрезъ это число лѣтъ, требовавшихся для образованія наноса, уменьшится, по крайней мѣрѣ, на половину, т. е. для дельты потребуется не болѣе 50,000 лѣтъ, а для кости не болѣе 25,000 лѣтъ ([2]). Другой французскій естествоиспытатель Raumond-Thomossy, долгое время жившій въ Америкѣ и имѣвшій возможность болѣе тщательнымъ и точнымъ образомъ изслѣдовать отложенія аллювіальной почвы Миссисипи, указалъ еще на нѣкоторыя условія въ образованіи дельты, на которыя не обратили вниманія ни Лайэлль, ни Гюмпрейсъ. Онъ доказалъ, что кромѣ ила, осаждающагося изъ воды и песка, уносимаго водою, нужно брать еще въ разсчетъ скорость образованія морскихъ отложеній, быстроту осажденія песка, какъ тяжелаго вещества, равно также и теченіе

([1]) „О первоначальномъ сост. человѣка въ Европѣ“. Мѣсяцесловъ 1864 года.

([2]) См. въ Revue Chr. за 1865 г. статью „О происхожденіи и древности человѣка“.

подземныхъ водъ, которыя, просачиваясь сквозь песокъ, уносятъ его съ собою и отлагаютъ очень быстро. Такимъ образомъ Раймондъ пришелъ къ тому заключенію, что древность отъ 14 до 15 тысячъ вполнѣ достаточна для образованія всей дельты; а наносъ въ 30 футовъ толщины, подъ которымъ находится кость человѣка, могъ образоваться въ относительно очень недавнее время, за 8 или даже за 7 тысячъ лѣтъ назадъ (¹). Уже одна разница въ приведенныхъ нами вычисленіяхъ даетъ понять, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ точнаго математическаго характера, и потому самому не заслуживало большаго довѣрія; тѣмъ больше, что всѣ они покоятся на одномъ недоказанномъ основаніи, именно—на однообразномъ возрастаніи осадковъ земли. Но новѣйшія изслѣдованія, произведенныя въ окрестностяхъ Натчеза, доказали всю безполезность и тщетность трудовъ, потраченныхъ геологами на вычисленіе древности ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ, найденныхъ въ Натчезѣ, на Миссисипи. Ляйэлль, посѣтивъ вторично Америку, не могъ удостовѣриться въ томъ, что какой-либо свидѣтель, на показанія котораго можно положиться, присутствовалъ при открытіи человѣческой кости на глубинѣ 30 футовъ отъ поверхности. Послѣ долгихъ разслѣдованій, онъ склонился къ тому убѣжденію, что кость человѣческая могла быть случайно занесена изъ ложа рѣки и, можетъ быть, попала въ означенное мѣсто уже долгое время спустя послѣ того, какъ другія кости угасшихъ животныхъ отложились и заняли свое положеніе, въ означенномъ слоѣ! (²) Этимъ открытіемъ уничто-

(¹) Ibid.

(²) „Древн. челов. стр. 192, подробнѣе см. въ сочиненіи Ляйэлля „Вторая поѣздка въ Америку“ т. 2 стр. 197.

жается весь прежній разсчетъ геологовъ и становится невозможнымъ утверждать, что этой кости не только 100,000, но даже 100 лѣтъ. Кромѣ того обстоятельства, что эту кость нашли одну, въ отсутствіи другихъ костей скелета, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что она найдена не въ первоначальномъ своемъ мѣстѣ и положеніи. „Все это, заключаетъ Лайэлль, обязываетъ насъ въ настоящее время воздерживаться отъ сужденій о высокой древности натчезскаго ископаемаго". Другой случай открытія весьма глубокой древности въ той же самой дельтѣ (¹) слѣдуетъ разсказать обстоятельнѣе. Когда въ Новомъ Орлеанѣ,—въ штатѣ Луизіаны,—строся газовый заводъ, Ирландскіе землекопы открыли въ разрываемой ими почвѣ нѣсколько слоевъ кипариса, лежащихъ въ послѣдовательной глубинѣ подъ нынѣшнею поверхностію. По мѣстамъ можно было разсмотрѣть до 10 подобныхъ слоевъ. При вырытіи фундамента подъ зданіе, на глубинѣ 16 футовъ, найдено рабочими обожжонное дерево и человѣческій скелетъ, отдѣльныя кости котораго распались отъ прикосновенія къ нимъ, кромѣ черепа, сохранившагося лучше. Онъ лежалъ подъ корнями кипарисоваго дерева, принадлежащаго къ четвертой группѣ подъ поверхностью земли (²). Открытіе это дало поводъ геологамъ къ вычисленіямъ; чтобы опредѣлить древность геологической находки докторъ Доулеръ сдѣлалъ подробное вычисленіе относительно поднятія почвы Новаго Орлеана, въ которой значительную роль занимаютъ упомянутые слои

(¹) Довольно странно, что Америка изъявляетъ въ настоящее время притязаніе на то, будто обладаетъ древнѣйшими доказательствами человѣка!

(²) Лайэлль стр. 38 см. стр. 189. Фогтъ „Человѣкъ" стр. 284—287.

париса и пришолъ къ слѣдующимъ результатамъ: „если нынѣшняя почва Новаго Орлеана, постепенно возвышаясь, поднялась надъ уровнемъ воды приблизительно въ 14,400 лѣтъ и если на каждый изъ древнѣйшихъ слоевъ лѣса,—которыхъ насчитываютъ до 10,—приходится по стольку же времени, т. е. всего 144,000, то древность всей дельты опредѣлится въ 158,400 лѣтъ, а найденный въ ней скелетъ долженъ былъ занять упомянутое мѣсто,—подъ четвертою группою слоевъ,—57,600 лѣтъ тому назадъ ([1]).

Основы этого вычисленія такъ шатки, что едва ли кто либо согласится съ ихъ результатами. Непонятно, во 1-хъ, почему Доулеръ для поднятія почвы надъ уровнемъ воды назначаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 14,400 лѣтъ? Геологія учитъ насъ, что въ древнія, первобытныя времена растительность на землѣ была несравненно роскошнѣе и громаднѣе, нежели въ настоящее время ([2]). Относительно малое количество животныхъ, дышащихъ воздухомъ, обусловливало, въ древнѣйшіе періоды существованія земли, обиліе углекислоты въ воздухѣ, а обиліе этого газа обусловливало чрезвычайную быстроту тогдашней растительности, характеръ которой приводитъ насъ въ настоящее время въ изумленіе. Мы знаемъ ([3]), что и въ наше время Миссисипи носитъ на своихъ водахъ изъ отдаленныхъ лѣсовъ разныя растенія, отъ огромныхъ стволовъ до пучковъ папоротника, въ такомъ количествѣ, что потокъ означается

([1]) Разсчетъ этотъ довольно подробно приводится въ сочиненіи Фогта о „Человѣкѣ стр. 284—287.

([2]) Циммерм. „Міръ до сотвор. человѣка“ въ частности см. отдѣлъ его сочиненія объ ископаемыхъ животныхъ и растительныхъ организмахъ, стр. 120.

([3]) Изъ сочиненія Циммермана же стр. 120.

ими въ морѣ струею, шириною въ нѣсколько миль и длиною въ нѣсколько сотъ миль и доносить растительные остатки до Гренландіи, Исландіи и Норвегіи. Легко и совершенно естественно предположить, что въ первобытномъ мірѣ несравненно больше потоки уносили огромное количество растительныхъ остатковъ изъ болѣе обильнаго источника растительности. Такія растенія тонули въ водѣ по значительной своей тяжести (напр. пальмы и стволы кипарисовъ), или тяжелѣли подъ вліяніемъ воды. Этимъ путемъ на днѣ рѣки и донынѣ накопляется дерево, иногда столь опасное для судовъ, плавающихъ по рѣкамъ (1). Въ древніе періоды роскошнаго состоянія растительности подобныя накопленія совершались съ гораздо большею быстротою и въ гораздо большемъ размѣрѣ, такъ что не удивительно, если, напримѣръ, около нынѣшняго Нью-Орлеана, почва котораго, по мнѣнію самихъ геологовъ, въ прежнее время составляла долину, въ которую вторгались воды Миссиссипи и другихъ меньшихъ потоковъ, — въ коротній срокъ накопилось нѣсколько слоевъ кипариса, лежащихъ нынѣ въ послѣдовательной глубинѣ одинъ надъ другимъ. Нельзя же допустить, какъ, кажется, думаетъ Доулеръ, чтобы стволы кипариса, покоющіеся нынѣ въ землѣ, близъ Орлеана, были незанесенные отвнѣ, а росли въ этой же самой мѣстности на поверхности земли, періодически слѣдуя другъ за другомъ и послѣдовательною чредою смѣняя другъ друга по нисходящей и восходящей линіи. Вещь совершенно невозможная, говоритъ Бэръ, чтобы древнѣйшіе лѣса въ Америкѣ росли ниже уровня воды (2). Если же авторъ

(1) Ibid.

(2) „О перв. сост. челов. въ Европѣ" стр. (114.) 48.

допускаетъ чередующіяся повышенія и поднятія почвы въ означенной мѣстности, то какія же на это есть доказательства и какія данныя въ пользу такого предположенія? Почему авторъ предполагаетъ такую равномѣрность и однообразіе въ возвышеніи Нью-орлеанской почвы? На какомъ основаніи каждому изъ древнѣйшихъ слоевъ лѣса назначаетъ такой равномѣрный срокъ, именно — 14,400 лѣтъ? Имѣются ли у автора другія, болѣе точныя данныя, кромѣ недоказанной гипотезы о равномѣрномъ, однообразномъ дѣйствіи силъ во всѣ времена существованія природы? У защитниковъ Доулерова разсчета мы не находимъ никакого отвѣта на эти вопросы. При недостаточности нашихъ познаній въ области естественныхъ наукъ, мы могли бы подумать, что разсчетъ Доулера непонятенъ только для насъ, и только у насъ вызываетъ разные вопросы и недоумѣнія, но въ этомъ сознаются люди, весьма хорошо знакомые съ естественными науками и занимающіе не послѣднее мѣсто въ ряду современныхъ естествоиспытателей. „Признаюсь, говоритъ Бэръ, разсчетъ Доулера для меня не понятенъ, и—въ томъ видѣ, какъ онъ излагается въ различныхъ европейскихъ сочиненіяхъ,—представляется мнѣ не больше, какъ американскою бреднею“ (1). Ляйэлль также не находитъ возможности понять и оцѣнить значеніе хронологическихъ вычисленій, на основаніи которыхъ Доулеръ приписываетъ орлеанскому скелету древность въ 56,000 лѣтъ (2). Послѣ этого намъ приходится оставить Америку съ убѣжденіемъ, что дельта Миссисипи не представляетъ собою

(1) Ibid.

(2) „Древн. челов.“ стр. 38—39.

хорошей „хронометрической скалы", съ помощію которой можно было бы измѣрять время существованія человѣческихъ остатковъ, погребенныхъ въ ней.

Между хронометрическими скалами, опредѣляющими будто бы древность заключающихся въ нихъ ископаемыхъ остатковъ, и въ частности остатковъ человѣка, указываютъ также на дельту и аллювіальную равнину р. Нила. Дельта эта съ давнихъ поръ обращала на себя вниманіе геологовъ. По мѣстамъ, гдѣ ослабляется быстрота теченія Нила, и еще болѣе тамъ, гдѣ, при впаденіи рѣки въ море, совсѣмъ перестаетъ движеніе воды, отлагается илъ, увлекаемой рѣкою съ верховьевъ и составляетъ наплывы, увеличивающіеся съ теченіемъ времени: количество этихъ отложеній ученые неоднократно пытались вычислить приблизительно, и даже опредѣлить каждогодное ихъ наростаніе. Хотя, при желаніи дойти, въ этомъ случаѣ, до точныхъ результатовъ, ученые встрѣчались съ значительными трудностями: тѣмъ не менѣе большая часть естествоиспытателей школы Кювье, какъ мы уже имѣли случай говорить, была согласна въ томъ, что эти наростанія восходятъ много, много за 5,000 лѣтъ, если предположить даже болѣе медленное образованіе ихъ въ началѣ, чѣмъ въ нынѣшнее время (¹). Между тѣмъ, нынѣшніе ученые пришли къ совершенно другимъ заключеніямъ о древности египетскихъ наносовъ и заключающихся въ нихъ вещей и остатковъ. Изслѣдованія, производимыя въ нильской долинѣ, между 1851 и 1854 годами, подъ руководствомъ англичанина Горне-

(¹) Жерве-де-ля Призъ—„Accord du livre de la Genèse avec la Geologie, Caen, 1803 стр. 75. сн. D' Aubuisson"—Traité de Géognosie Eg. Strasb. 1819 vol 11, стр. 462.

ра, повели къ открытію нѣкоторыхъ новыхъ фактовъ относительно геологіи аллювіальной почвы Египта и натолкнули изслѣдователей на нѣкоторыя открытія, бросающія, по видимому, новый свѣтъ на вопросъ о древности человѣка. Въ осадкахъ, образующихъ дельту и аллювіальную равнину Нила, часто находили куски обожженныхъ кирпичей и горшечныхъ издѣлій, лежащихъ на различной глубинѣ отъ земной поверхности. Одинъ изъ такихъ кирпичей найденъ на 60 футовъ глубины, близъ центральныхъ частей нильской долины, не вдалекѣ отъ Каира. Жираръ, одинъ изъ членовъ египетской экспедиціи, предположивъ среднюю скорость отложеній нильскаго ила, на равнинѣ между Ассуаромъ и Каиромъ, въ 5 англійскихъ дюймовъ въ столѣтіе, насчиталъ для древности обожженнаго кирпича, занимающаго мѣсто на глубинѣ 60 футовъ, ровно 12,000 лѣтъ. Другое открытіе указывало, по видимому, еще на большую древность существованія человѣка въ Египтѣ. На ливійскомъ берегу рукава Розетта, въ буровой скважности, на 72-хъ футахъ глубины, найденъ другой кусокъ обожженнаго краснаго кирпича, одного дюйма въ поперечникѣ и $^1/_4$ дюйма толщины. Розіеръ, въ большомъ французскомъ сочиненіи объ Египтѣ (¹), принимая скорость отложенія осадка въ указанной мѣстности въ два дюйма въ столѣтіе, пришелъ къ заключенію, что кирпичъ, найденный на глубинѣ 72-хъ футовъ, долженъ быть погребенъ больше 30,000 лѣтъ тому назадъ.

Открытія эти произвели впечатлѣніе на многихъ, даже серьезно занимающихся людей. До этого открытія поч-

---

(¹) „Dèscription de l'Egipte Histor. Natur" t. 2, стр. 449.

ти всѣ антикваріи единогласно утверждали, что обжиганіе кирпичей было неизвѣстно въ долинѣ Нила до временъ римлянъ. Только Бирчъ — англійскій антикварій, опровергалъ это мнѣніе и указывалъ на два кирпича, извлеченныхъ изъ египетскихъ гробницъ и находящихся нынѣ въ британскомъ музеѣ, изъ которыхъ одинъ, по его мнѣнію, долженъ быть отнесенъ къ 18-й египетской династіи, царствовавшей около 1450 года до Рождества Христова, а другой къ 19-й, около 1300 года до Рождества Христова (¹). Послѣднія открытія придали гораздо болѣе древній характеръ исторіи Египта и привели ученыхъ къ совершенно инымъ разсчетамъ относительно времени населенія Египта. Даже самъ Бэръ, такъ скептически отнесшійся къ вычисленіямъ Доулера, въ вычисленіяхъ объ осадкахъ Нила находитъ на столько, по крайней мѣрѣ, основательности, что признаетъ совершенно естественнымъ впечатлѣніе, произведенное египетскими осколками на людей, занимающихся розысканіемъ древностей. Но шаткости этихъ разсчетовъ Бэръ не думаетъ скрывать и находитъ въ нихъ весьма мало правдоподобности, чтобы можно было положиться на ихъ результаты (²). Все дѣло состоитъ здѣсь въ опредѣленіи точнаго количества ила, отлагавшагося въ разныя времена, въ различныхъ частяхъ нильской долины. Но этого ни одинъ геологъ, по началамъ своей науки, сдѣлать не можетъ. Даже въ настоящее время наблюдаемое отложеніе ила въ различныхъ частяхъ нильской долины такъ измѣнчиво, что,—по словамъ самого Лайэлля, свидѣтельство

(¹) Лайэлль „О древности челов." стр. 33.

(²) „О первонач. сост. челов. въ Европѣ" стр. 42—49.

котораго, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть заподозрѣно въ пристрастности, какъ человѣка, раздѣляющаго мнѣніе о глубокой древности человѣка,—въ высшей степени трудно вывести среднее число, хотя сколько нибудь приближающееся къ дѣйствительности [1]. Попытки, сдѣланныя новѣйшими геологами въ надеждѣ получить точный хронометрическій масштабъ для опредѣленія древности нильскихъ осадковъ, уже тѣмъ самымъ обличаютъ свою несостоятельность, что не привели ученыхъ къ одинаковымъ результатамъ. Тогда какъ Жираръ среднюю скорость отложенія въ центральныхъ частяхъ нильской долины полагаетъ въ 5 дюймовъ въ столѣтіе и древность найденнаго осколка опредѣляетъ въ 12,000 лѣтъ, другіе наблюдатели — новѣйшей же школы — утверждаютъ, что Нилъ, въ указанной мѣстности, въ продолженіе столѣтія, производитъ осадковъ только $3^1/_2$ дюйма толщиною, и что для найденнаго осколка нужно положить не 12,000, а 13,375 лѣтъ [2]. Такія же противорѣчія встрѣтило другое вычисленіе, представленное Розіеромъ [3]. Если бы даже удалось ученымъ добиться точныхъ результатовъ относительно нынѣшняго наростанія осадковъ Нила, и въ такомъ случаѣ не устранялось бы, всегда представляющееся, въ подобномъ случаѣ, сомнѣніе: съ такою ли же быстротою наростаніе происходило въ прежнія вре-

---

(1) „Древн. челов. род.“ стр. 34.

(2) Сводъ разныхъ мнѣній объ осадкахъ Нила см. въ статьѣ Бэра, стр. 49 и въ III гл. сочиненія Ляйэлля о древности человѣка.

(3) „Если буровыя скважины на ливійскомъ берегу,“ говоритъ Ляйэлль, сдѣланы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рукавъ рѣки былъ засыпанъ въ то время, когда вершина дельты была нѣсколько южнѣе или далѣе отъ моря, нежели теперь, то кирпичъ, надъ вычисленіемъ древности котораго трудился Розіеръ, можетъ быть относительно очень новымъ“. Стр. 33.

мена? Не было ли какихъ-либо причинъ, ускоряющихъ или замедляющихъ быстроту наростанія? Говоря объ осадкахъ Миссисипи, мы замѣтили, что равномѣрное осажденіе ила изъ рѣки, въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, невозможно даже въ томъ случаѣ, если допустить неизмѣняемость внѣшнихъ условій во все время образованія наносовъ. Замѣчаніе это вполнѣ прилагается къ образованію нильскихъ осадковъ. Но нельзя совершенно опустить изъ вниманія и того, что, кромѣ физическихъ причинъ, производящихъ измѣненія въ количествѣ рѣчныхъ осадковъ, человѣкъ способствуетъ имъ различными задержками еще болѣе, хотя они и не замѣтны въ короткій срокъ. Извѣстно, что древніе египтяне окружали плотинами мѣста, гдѣ ставили свои храмы, статуи и обелиски, чтобы этимъ воспрепятствовать доступъ водамъ Нила. Геродотъ говоритъ, что въ его время мѣста, куда цѣлыя столѣтія не допускались воды Нила, представлялись въ видѣ углубленій, вокругъ которыхъ возвышалась окружающая почва, поднявшаяся постепеннымъ скопленіемъ осадковъ ежегодныхъ наводненій (¹). Если предположить, что воды по временамъ прорывались въ эти углубленія, то они, естественно, съ перваго же раза приносили съ собою множество ила и другихъ веществъ, смытыхъ съ крутыхъ окружающихъ береговъ, такъ что тутъ въ нѣсколько лѣтъ могло отложиться далеко больше, нежели въ нѣсколько столѣтій на другихъ мѣстахъ, гдѣ подобное нарушающее дѣйствіе не имѣло вліянія. Чрезъ это всѣ нынѣшнія вычисленія объ осадкахъ Нила, обнимающія столько тысячелѣтій, уничтожаются въ са-

(¹) Это свидѣтельство приводится и у Лайелля, стр. 31.

мой основѣ. Какъ вообще шатки всѣ вычисленія относительно рѣчныхъ осадковъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, приведеннаго у г. Бера въ его статьѣ о первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ. „Волга близъ Астрахани стала нынѣ значительно уже того, чѣмъ была сто лѣтъ тому назадъ. Причина этого явленія, вѣроятно, заключается въ томъ, что большое число судовъ постоянно стоитъ въ самомъ городѣ, у лѣваго берега рѣки. Во время разлива, въ водѣ такъ много различныхъ примѣсей, что она совершенно утрачиваетъ прозрачность и принимаетъ видъ воды въ глиняной ямѣ. Между судами теченіе слабо и отъ того здѣсь осаждается примѣсь, которую болѣе сильное теченіе не преминуло бы унести. Чрезъ это берегъ теперь настолько вдвинулся въ рѣку, что пристань, служившая еще во времена Гмелина, т. е. въ 1770 годахъ, теперь находится среди одной изъ Астраханскихъ улицъ и, мало того, отъ рѣки проведены къ ней еще двѣ улицы. Въ дѣйствительности этихъ перемѣнъ нельзя сомнѣваться, потому что Гмелинъ оставилъ намъ весьма подробную карту, и, сверхъ того, на улицѣ ясно видны еще оконечности свай, на которыхъ держалась старая пристань. Будучи сперта такимъ образомъ, рѣка подмываетъ правый берегъ, но такъ какъ это происходитъ очень медленно, а прибывающая съ верховьевъ вода требуетъ исхода, то она, какъ показали точныя измѣренія, прорыла ложе рѣки съ начала нынѣшняго столѣтія на нѣсколько саженъ глубины. И такъ, вмѣсто равномѣрнаго прибыванія осадка, замѣчаемаго въ другихъ мѣстахъ Волги, но продолжающагося все-таки, только въ весьма ограниченные промежутки времени, въ Астрахани наблюдает-

ся очень значительное, размывающее дѣйствіе рѣки. Вообразимъ теперь себѣ, что Волга разомъ получитъ свою прежнюю широту, напр., чрезъ то, что снесетъ островъ, часть котораго уже оторвана ею въ 1856 году. Что произойдетъ отъ этого? Верхніе слои отличаются сильнымъ теченіемъ, а въ нижнихъ оно слабо; чрезъ это, если верхніе слои вдругъ получатъ широкое пространство для своего движенія, то нижніе почти вовсе не будутъ имѣть его, особенно при такихъ омутахъ, какъ близъ Астрахани; тогда примѣси станутъ осаждаться. Положимъ, что у нижняго конца города уроненъ осколокъ горшка въ самую средину рѣки, и что въ слѣдующемъ году Волга, противъ верхней части города, оторветъ значительный кусокъ берега или песчанаго острова, тогда этотъ осколокъ можетъ, въ теченіе одного года, покрыться пескомъ на нѣсколько саженъ. Песокъ, какъ вещество тяжелое, быстро осаждается и обыкновенно приходитъ въ покой недалеко отъ мѣста, гдѣ началось его движеніе. Еслибы съ острова вода унесла нѣсколько стоящихъ на немъ домовъ, то камни фундаментовъ, тонущіе всего скорѣе, очутились бы въ самомъ низу новаго осадка. Къ чему же могутъ привести попытки опредѣлить древность горшечнаго осколка и камней фундамента, по количеству лежащихъ на нихъ наносовъ?...“ Надобно замѣтить, что Волга не представляетъ какого нибудь исключительнаго явленія въ ряду другихъ рѣкъ. Вообще каждая рѣка, то тамъ, то здѣсь, промываетъ ложе свое, коль скоро она богата водою, и нарушающія дѣйствія въ осадкахъ веществъ, производимыхъ водою, могутъ имѣть мѣсто при всякой рѣкѣ, обильной водою и особливо отличающейся быстротою движенія своихъ водъ.

Нѣкоторые изъ датскихъ геологовъ и археологовъ пытались опредѣлить въ годахъ древность торфяныхъ отложеній въ Даніи и показать хронологическое отношеніе ихъ къ остаткамъ орудій и другихъ человѣческихъ произведеній, сохранившихся въ торфѣ на различной глубинѣ и въ различныхъ разстояніяхъ отъ обитаемой нынѣ поверхности. Принимая во вниманіе время роста этого растительнаго вещества, въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, Стеенструпъ вычислилъ, что толщина наростанія торфа въ столѣтіе не достигаетъ болѣе трехъ сантиметровъ. Очевидно, въ этомъ случаѣ, для образованія слоя въ 30 или даже 20 футовъ толщины, подъ которымъ нерѣдко находятъ остатки человѣческихъ произведеній, понадобилось бы столько тысячъ лѣтъ, что въ результатѣ оказалась бы громадная цифра, превышающая всѣ доселѣшнія вычисленія (1). Нѣкоторые, изъ довольно, впрочемъ, поверхностныхъ и не отличающихся достаточною точностію, естествоиспытателей придаютъ значеніе этимъ вычисленіямъ и на нихъ строятъ свои мечты о безконечно глубокой древности человѣческаго рода. Но для всякаго ясно, что наблюденія, произведенныя въ теченіе двухъ или даже пяти столѣтій, не могутъ уполномочивать къ заключеніямъ о цѣлыхъ тысячелѣтіяхъ, лежащихъ за предѣлами всякихъ наблюденій. Если же наука позволяетъ себѣ такого рода заключенія, то, по крайней мѣрѣ, должна обращать вниманіе на условія, среди которыхъ могло находиться извѣстное явленіе, во времена отдѣленныя отъ насъ тысячелѣтіями. Медленность наростанія торфа, наблюдаемая въ теченіе двухъ послѣднихъ

(1) Ляйелль „о древн. челов." глава II, стр. 7—15.

столѣтій въ Даніи, вовсе неприложима ко временамъ давно прошедшимъ; ибо различіе въ климатѣ, продолжительности и теплотѣ мѣста, суровости зимы, обиліи влажности, скопленія углекислыхъ веществъ,—въ родѣ растительности, образующей матеріалъ для торфяныхъ отложеній,—представляетъ столько причинъ, измѣняющихъ быстроту наростанія торфа, что, при настоящемъ состояніи геологическихъ свѣдѣній, нечего и мечтать о сколько нибудь правдоподобномъ вычисленіи времени, требовавшагося для скопленія плотной массы растительныхъ веществъ, какую представляютъ собою торфяники Даніи. Что наростаніе торфа въ Даніи въ старину происходило гораздо быстрѣе, нежели въ настоящее время, вслѣдствіе указаннаго нами различія условій, объ этомъ мы можемъ заключить изъ нѣкоторыхъ, весьма достовѣрныхъ, данныхъ. Растительность въ старину была несравненно богаче въ Даніи, чѣмъ въ нынѣшнее время. Лѣсная сосна, какъ теперь, такъ и вообще въ историческія времена, никогда не была туземнымъ растеніемъ на датскихъ островахъ и не произрастала, если ее и старались разводить. Однако, очевидно, что это дерево нѣкогда произрастало въ Даніи, потому что, по словамъ Ляйэлля, одинъ естествоиспытатель собственноручно вынулъ однажды изъ подъ ствола погребенной сосны кремневое орудіе ([1]). Дубъ въ настоящее время тоже не растетъ въ Даніи, между тѣмъ стволы его весьма часто находятъ въ слояхъ, лежащихъ ниже уровня нынѣшней почвы Даніи. Бѣлая береза—Betula alba—характеризующая нижнюю часть торфяниковъ датскихъ, также не встрѣчается нынѣ въ Даніи ([2]). Неестественно

([1]) „О др. чел." стр. 8.
([2]) Ibid.

ли послѣ этого предположеніе, что въ прежнее время, когда растительность въ Даніи была богаче и обильнѣе, образованіе торфяныхъ отложеній, въ которыхъ такую важную роль играютъ растенія, происходило въ ней гораздо быстрѣе, чѣмъ въ нынѣшнее время, когда растительность этой страны значительно обѣднѣла и потеряла свой прежній исполинскій характеръ? Кромѣ того, въ настоящее время самое образованіе торфа подчиняется нѣсколько другимъ условіямъ, чѣмъ въ прежнія времена. Торфъ, по словамъ геолога Циммермана, образуется въ настоящее время почти исключительно изъ войлокообразно-переплетенныхъ корней особенной группы растеній, которая извѣстна въ ботаникѣ подъ общимъ названіемъ торфянаго моха (Sphagnum). Этотъ мохъ образуетъ на влажныхъ мѣстахъ, покинутыхъ водою, густой дернъ, который безпрерывно разрастается и образуетъ слой значительной толщины. Для скопленія такого слоя нужны, дѣйствительно, многіе годы, особливо для того, чтобы слой сдѣлался плотнымъ и получилъ, если не совершенно черный, то, по крайней мѣрѣ, темно-бурый цвѣтъ. Древнія же торфяныя отложенія, которыя очень распространены въ Даніи, имѣютъ совершенно другія свойства. Въ нихъ очень ясно можно различать остатки многихъ растеній, вовсе не относящихся къ группѣ торфяныхъ мховъ, именно, листья камыша, стволы и корни водяныхъ растеній, а въ нѣкоторыхъ торфяныхъ болотахъ находятъ такое значительное количество хвойныхъ деревьевъ, что ихъ отдѣляютъ отъ торфа, сушатъ и продаютъ саженями, какъ смолистое дерево ([1]). Если же наука имѣетъ нѣкото-

([1]) „Міръ до сотворенія человѣка“ стр. 123.

рыя данныя къ предположенію различія въ быстротѣ наростанія и самомъ способѣ образованія торфяниковъ Даніи, сравнительно съ нынѣшними, то чѣмъ объяснить игнорированіе этихъ фактовъ со стороны новѣйшихъ геологовъ, какъ не пристрастіемъ въ пользу квіетической теоріи Ляйэлля, съ точки зрѣнія которой необходимо, во что бы то ни стало, возвысить древность земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рода человѣческаго?

Было бы безполезно и совершенно излишне приводить всѣ вычисленія человѣческой древности, основанныя на попыткахъ новѣйшихъ геологовъ опредѣлить древность слоевъ, въ которыхъ находятся ископаемые человѣческіе остатки. Но, не выходя изъ предѣловъ этого рода геологическихъ доказательствъ древности человѣческаго рода, мы должны сказать нѣсколько словъ объ открытіяхъ, придвигающихъ начало человѣческаго рода къ несравненно болѣе близкому времени къ намъ, нежели, какъ это показывали приводимыя до сихъ поръ вычисленія. Открытія эти принадлежатъ также новѣйшему времени и хронологическіе разсчеты, построенные на нихъ, добыты тѣмъ же самымъ способомъ вычисленія по слоямъ, какъ и предыдущіе разсчеты. Это — открытія, найденныя въ такъ называемыхъ „культурныхъ слояхъ“.

Еще въ прошломъ и даже за-прошломъ столѣтіяхъ, въ средней, а еще болѣе сѣверной Европѣ, въ различныхъ слояхъ земли, были находимы различныя орудія изъ камня и изъ мѣди, съ примѣсью другаго металла; кое-гдѣ ихъ собирали, но не выводили изъ этихъ рѣдкостей никакихъ особенныхъ заключеній. Только текущему столѣтію суждено было воспользоваться открываемыми любопытными вещами, какъ историческими и

вмѣстѣ хронологическими документами для исторіи человѣка. Только по истеченіи первой трети нашего столѣтія, послѣ того, какъ въ Даніи и Швеціи, съ новымъ жаромъ, были собраны и изучены всѣ памятники человѣческаго искуства до-христіанскихъ временъ, Томсенъ въ Копенгагенѣ и Нильсонъ въ Лундѣ, почти одновременно, указали, что, по крайней мѣрѣ, въ этихъ странахъ, прежде чѣмъ было открыто желѣзо, не только украшенія, но и орудія для домашняго употребленія и защиты приготовлялись изъ смѣси мѣди съ оловомъ. Такимъ образомъ заключили, что, въ теченіе долгаго времени, преимущества желѣза не были извѣстны, или, что, по крайней мѣрѣ, тогда не умѣли его обработывать. Такъ какъ во многихъ могилахъ найдены только орудія изъ камня и кости и ни разу не встрѣчено металлическаго орудія, то названные ученые пришли къ дальнѣйшему заключенію, что было время, когда вообще не было извѣстно употребленіе металловъ, и что тогда съ неимовѣрнымъ трудомъ приходилось дѣлать изъ камня вещи, которыя потомъ гораздо легче было выковывать и даже отливать изъ металла. Такимъ образомъ явилось въ геологіи раздѣленіе исторіи геологическаго развитія на періоды, которые и названы „каменнымъ“, „бронзовымъ“ и „желѣзнымъ“ вѣками, смотря по веществамъ, служившимъ, — каждое въ свою очередь, — матеріаломъ для приготовленія орудій (1).

(1) Вэръ, — стр. 27. Сн. Ляйэлль, — стр. 8—9 Фохтъ. Хотя, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, эти періоды оказались не столь рѣзко отличающимися другъ отъ друга, какъ то предполагалось сначала, однакожь они доселѣ принимаются въ геологіи, подобно тому, какъ въ исторіи принимаются періоды, хотя рѣзкихъ граней, отдѣляющихъ одинъ періодъ отъ другого, исторія указать не всегда можетъ.

Это простое разграниченіе и обозначеніе трехъ періодовъ въ исторіи человѣческаго развитія, — основанное на нѣкоторыхъ фактическихъ данныхъ, подтверждаемое нѣкоторыми историческими свидѣтельствами (¹) и не заключающее въ себѣ ничего противнаго библейскому воззрѣнію на исторію жизни человѣчества, при настоящемъ интересѣ къ вопросу о древности человѣческаго рода, — естественно, повлекло за собою стремленіе нѣкоторыхъ ученыхъ опредѣлить въ годахъ древность каждаго изъ означенныхъ періодовъ. Попытки въ этомъ родѣ хотя не привели къ особенно важнымъ послѣдствіямъ и, по собственному сознанію ученыхъ, занимавшихся ими, еще весьма недостаточны, но, кажется, обѣщаютъ хорошіе результаты въ будущемъ. И въ настоящее время ими придвигается начало человѣческаго рода къ несравненно болѣе близкому време-

(¹) Теперь дознано, что и въ историческихъ документахъ заключаются болѣе или менѣе ясные намеки на эти періоды. Древнѣйшіе греки употребляли еще различныя смѣшенія мѣди вмѣсто желѣза, какъ объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ Гезіодъ о древнихъ еллинахъ. Op. et dies v. 149. Болѣе осязательно, чѣмъ свидѣтельство Гезіода, то обстоятельство, что у Гомера кователь называется „χαλκεύς“ отъ χαλκός — бронза. Въ пѣсняхъ Гомера очень часто говорится о бронзѣ. Она употреблялась не только для панцырей, но и для наступательнаго оружія. Оконечность копья Ахиллеса, а равно и мечь Мемнона Павзаній описываетъ сдѣланными также изъ бронзы (кн. III, 3, 8). Увѣренность въ томъ, что бронза употреблялась раньше желѣза раздѣляютъ позднѣйшіе писатели, напр. Виргилій (VII, стр. 743). Что касается до каменнаго періода, то о немъ въ письменныхъ памятникахъ не находится никакихъ опредѣленныхъ намековъ. Но во многихъ отдаленныхъ странахъ, при открытіи ихъ въ новѣйшія времена, замѣтно, что этимъ именно признакомъ, т. е., отсутствіемъ употребленія металловъ характеризуется первая ступень въ развитіи цивилизаціи. Подробное разсужденіе объ этомъ предметѣ см. въ статьѣ академика Бэра „о первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ“, помѣщенной въ мѣсяцесловѣ на 1864 годъ, — въ приложеніи, стр. 30; также у Ляйэлля въ книгѣ „о древности человѣка“ гл. XIX, стр. 354—370.

ни, нежели показывали приводимыя до сихъ поръ цифры. Что, напр., касается до опредѣленія времени каменнаго вѣка, не далеко отъ котораго, по принятію почти всѣхъ геологовъ, лежитъ начало человѣческаго рода, то датскіе геологи и археологи являются въ этомъ случаѣ весьма умѣренными и осторожными. Одинъ изъ сильнѣйшихъ авторитетовъ въ этомъ отношеніи, Ворсо, говоритъ, что каменный періодъ въ Даніи слѣдуетъ отнести не дальше, какъ за 3,000 лѣтъ до нашей эпохи, и что существуютъ геологическіе доводы, что бронзовый вѣкъ относится къ 500 или 600 годамъ до Рождества Христова.

Другое болѣе подробное вычисленіе сдѣлано швейцарскимъ археологомъ Морло, относительно — дельты Тиньеры, — потока, впадающаго въ Женевское озеро, близъ Вильнева ([1]). Эта маленькая дельта, имѣющая форму сплющеннаго конуса, состоитъ изъ трехъ слоевъ чернозема. Первый слой, занимающій пространство въ 15,000 квадратныхъ футовъ, достигаетъ толщины пяти дюймовъ и лежитъ фута на четыре подъ нынѣшнею поверхностію конуса. Въ этомъ верхнемъ слоѣ, относящемся къ римскому періоду, слѣдующему за желѣзнымъ, найдены римскія черепицы и одна могила. Второй слой, занимающій пространство въ 25,000 кв. футовъ, имѣетъ шесть дюймовъ толщины и находится на глубинѣ 10 футовъ. Въ немъ нашли куски немуравленой посуды и пару бронзовыхъ щипцовъ, указывающихъ на бронзовый вѣкъ. Третій слой, занимающій пространство въ 35,000 кв. футовъ, въ 6 или 7 дюй-

([1]) Morlot, Bulletin de la societe Vaudoise des scien. Nat. t. VI. p. 292.

мовъ толщины, расположенъ на глубинѣ 19 футовъ. Въ немъ найдены обломки грубой горшечной посуды, куски обугленнаго дерева, нѣсколько разбитыхъ костей и человѣческій скелетъ. Упомянутый археологъ подвергъ разсматриваемую мѣстность подробному изслѣдованію и измѣрилъ разстояніе между отдѣльными слоями сотнями, долями метра, чтобы на нихъ основать счисленіе времени. Выводя изъ правильной послѣдовательности слоевъ такую же точно правильность и постепенность въ ихъ образованіи, Морло пришолъ къ заключенію, что, по разстоянію между отдѣльными культурными слоями, можно приблизительно опредѣлить ихъ древность, такъ какъ въ подобныхъ тѣлахъ объемы ихъ относятся, какъ кубы одноименныхъ линій. Опредѣливъ римскій культурный слой, по меньшей мѣрѣ, въ 13 и по большей въ 18 столѣтій, на томъ основаніи, что первое нападеніе на восточную Швейцарію предприняли римляне въ 15 году до Рождества Христова, вслѣдствіе этого слою бронзоваго періода Морло приписалъ древность отъ 29—42 столѣтій, слою же каменнаго періода отъ 47—70 столѣтій. Ляйэлль считаетъ это вычисленіе болѣе точнымъ, нежели вычисленіе Ворсо и находитъ его самымъ основательнымъ изъ всѣхъ вычисленій, основанныхъ на изученіи культурныхъ слоевъ (¹). Мнѣніе это основывается на томъ, что наблюденія Морло производились надъ такими слоями, сплошная правильность построенія которыхъ доказываетъ, что они образовались постепенно, однообразнымъ дѣйствіемъ одной и той же причины. Но есть основательныя причины сомнѣваться въ вѣрности этого

(¹) „Древн. челов." стр. 24.

предположенія, — т. е. въ томъ, будто осадки потока во всѣ времена были равномѣрны. Мы уже упоминали, что между періодомъ римскимъ и періодомъ употребленія бронзы полагается учеными цѣлый періодъ желѣза, котораго многочисленные обломки находятъ въ Швейцаріи и другихъ частяхъ Европы. Но конусу Тиньеры не достаетъ пласта, соотвѣтствующаго этому періоду; поэтому можно думать, что его возрастаніе не было такъ правильно, какъ показалось это Морло и какъ представляетъ себѣ Ляйэлль. Кромѣ того, здѣсь должно быть принято во вниманіе еще слѣдующее соображеніе: осадки различныхъ веществъ, нанесенные потокомъ на дельту и еще до сихъ поръ дѣлающіе къ ней новыя, ежегодныя прибавленія, шли отъ вершины гидравлическаго бассейна потока, слѣдовательно, возрастаніе дельты было въ началѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ последующія времена, когда покатость дельты, чрезъ накопленіе въ ней наносныхъ веществъ, значительно уменьшилась, и отложеніе водяныхъ осадковъ получило болѣе ровный и спокойный характеръ. Не трудно было бы значительно умножить возраженія противъ разсчетовъ Морло. Достаточно, напр., предположить сильный дождь, чтобы разрушить вычисленіе столѣтій, насчитанныхъ почтеннымъ археологомъ. Но мы удерживаемся отъ подобнаго рода предположеній, такъ какъ они, во всякомъ случаѣ, произвольны и требуютъ доказательствъ, которыхъ мы не можемъ представить. Что касается до археологическихъ и историческихъ соображеній, которыя Морло приводитъ въ доказательство вѣрности своего разсчета, то въ нихъ мы не видимъ особенной силы и основательности. Здѣсь все основано на какихъ-то жалкихъ обломкахъ римскихъ кирпичей и стертой,

ничего не доказывающей монетѣ. Морло говоритъ, что въ этихъ странахъ, до вторженія римлянъ, не умѣли обжигать кирпичей и на этомъ основаніи древность культурныхъ остатковъ, найденныхъ въ римскомъ слоѣ, опредѣляетъ въ 13 или 18 столѣтій. Но если и допустить, что жители Швейцаріи, до вторженія римлянъ, не знали искусства обжиганія кирпичей, то, безъ всякаго сомнѣнія, они упражнялись въ этомъ искусствѣ позже. Отъ чего же найденные куски кирпича не отнести къ болѣе близкому къ намъ времени, а непремѣнно относить ко временамъ первоначальнаго вторженія римлянъ въ Швейцарію? Доказательствъ на это мы не находимъ у швейцарскаго археолога. А гдѣ нѣтъ доказательствъ, тамъ не можетъ быть и рѣчи о достовѣрности. Это принципъ, котораго держатся не одни естествоиспытатели, но всѣ люди науки.

Третье вычисленіе древности человѣческаго рода по культурнымъ слоямъ было сдѣлано Тройономъ, чтобы приблизительно опредѣлить древность одного свайнаго поселенія, сохранившагося въ торфяномъ болотѣ Шамблонѣ, близъ Ивердюна, на Невшательскомъ озерѣ, и относящагося, по своимъ признакамъ, къ бронзовой эпохѣ (1). Мѣсто расположенія Ивердюна,—древняго римскаго города,—„Eburdanum", лежавшаго, за 15 вѣковъ назадъ, на берегу самаго озера и отдѣленнаго отъ него въ настоящее время пространствомъ вновь образовавшагося материка, шириною въ 2,500 футовъ,—послужило, для упомянутаго ученаго, масштабомъ для опредѣленія быстроты времени, съ котораго ложе озера выполнилось различными рѣчными осадками, составляю-

(1) Troyon. «Sur les habitations lacustres».

щими въ настоящее время твердую, материую поверхность. Допуская, что удаленіе воды изъ озера происходило съ одинаковою же быстротою въ предшествующіе періоды, какъ и въ последніе 15 столетій, древность свай Шамблона, относящихся къ бронзовой эпохе, Тройонъ определяетъ приблизительно, по крайней мере, въ 3,500 летъ. Но главное условіе для верности этого разсчета состоитъ въ томъ, чтобы дно озера,—на которое осажденъ болотный илъ, образующій въ настоящее время материкъ, шириною въ 2,500 футовъ,—было везде ровно и однообразно, а относительно этого не произведено еще никакого изследованія (¹). Это замечаніе вполне применяется также и къ следующему вычисленію, которымъ мы намерены заключить разборъ геологическихъ доказательствъ относительно человеческой древности, основанныхъ на изученіи слоевъ.

Вычисленіемъ этимъ мы обязаны Виктору Гальерону, применившему свои изследованія къ другому подъозерному жилищу, относящемуся, по словамъ швейцарскаго археолога Рютимейера, къ самой ранней части каменнаго века. Сваи жилища, о которомъ идетъ речь, лежатъ подле Тіельскаго моста, между Біенскимъ и Невшательскимъ озерами. Древній монастырь св. Іоанна, основанный 750 летъ тому назадъ и первоначально построенный на самомъ берегу Біенскаго озера, находится теперь въ значительномъ разстояніи отъ берега. Это обстоятельство дало возможность Гальерону определить быстроту наростанія земли на счетъ озера, въ продолженіе $7^1/_2$ вековъ. Допуская, что быстрота, съ какою замещается вода болотною почвою, была также и въ древ-

(¹) Ляйэлль—„О древн. чел.“ стр. 25.

ностиц Гальеронъ находитъ нужнымъ прибавить къ $7^1/_2$ вѣкамъ, еще 60 вѣковъ, для образованія болота, отдѣляющаго монастырь отъ мѣста древняго помѣщенія его у Тіельскаго моста, т. е. назначаетъ для всего этого процесса 6,750 лѣтъ (¹). Противъ этого, равно какъ и противъ другихъ вычисленій, основанныхъ на изученіи культурныхъ слоевъ, дѣлаютъ много возраженій, особенно тѣ, которымъ хотѣлось бы измѣрять время существованія человѣческаго рода на землѣ не тысячами, а десятками и сотнями тысячелѣтій, которымъ тяжело отказаться отъ мысли, что начало каменнаго вѣка, къ которому, напр., относятся каменныя орудія, открытыя Буше-де-Пертесомъ на берегахъ рѣки Сомы, относится, по крайней мѣрѣ, за 100,000 лѣтъ до настоящаго времени. Мы, съ своей стороны, также не придаемъ большаго значенія вычисленіямъ Ворсо, Морло, Тройона и Гальерона, не находимъ ихъ, если не болѣе, то, во всякомъ случаѣ, не менѣе основательными, чѣмъ вычисленія Миссисипи, нильскихъ осадковъ и торфяниковъ Даніи. Для насъ важно то, что вычисленія означенныхъ ученыхъ, не смотря на то, что построены на началахъ новѣйшей геологіи, — на заключеніяхъ отъ нынѣ наблюдаемыхъ явленій къ прежде совершившимся фактамъ,—тѣмъ не менѣе, однакожъ, такъ далеко расходятся съ другими вычисленіями новѣйшихъ геологовъ, и, напротивъ, такъ близко сходятся съ хронологическими вычисленіями древности человѣческаго рода, основанными на библейскомъ лѣтосчисленіи. Это даетъ поводъ думать, что, съ теченіемъ времени, когда геологическія изслѣдованія, относительно древности человѣка, обога-

(¹) Ibid.

тятся большимъ количествомъ фактовъ, то и въ хронологическихъ выводахъ они ближе подойдутъ къ Библіи, чѣмъ въ настоящее время. Всякія исправленія въ сдѣланныхъ доселѣ вычисленіяхъ, по замѣчанію одного французскаго ученаго, скорѣе уменьшатъ, нежели подтвердятъ приводимыя до сихъ поръ цифры (1).

Какъ ни шатки геологическія вычисленія человѣческой древности, основанныя на измѣреніи хронологическихъ отношеній различныхъ горныхъ породъ къ тѣмъ ископаемымъ человѣческимъ остаткамъ, которые въ нихъ заключаются, но въ сравненіи съ другими способами вычисленія они представляются еще довольно основательными, — по крайней мѣрѣ, не столь странными. Намѣреваясь говорить о способѣ вычисленія древности человѣческаго рода по свойству ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ, найденныхъ въ разныхъ пластахъ земной коры, мы должны напередъ сказать, что о цифрахъ, и вообще хотя сколько нибудь точныхъ ариѳметическихъ разсчетахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Всѣ разсужденія о глубокой древности ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ, найденныхъ въ дилювіальныхъ отложеніяхъ, основываются на предзанятыхъ убѣжденіяхъ въ пользу тѣхъ или другихъ предположеній относительно свойствъ допотопныхъ организмовъ и не подкрѣпляются достаточно точными и вѣрными данными. До послѣдняго времени геологія смотрѣла на „ископаемость“, какъ на отличительное свойство допотопныхъ организмовъ. Отвергая существованіе допотопнаго человѣка, Кювье отвергалъ, вмѣстѣ съ этимъ, возможность нахожденія „ископаемыхъ“ человѣческихъ остатковъ и на всѣ

(1) Revue Chr. 1865 г.

находки въ этомъ родѣ смотрѣлъ, какъ на созданія фантазіи и мечты разгоряченнаго воображенія, слишкомъ увлекшихся своимъ дѣломъ, изслѣдователей. Новѣйшія изслѣдованія въ области геологіи разрушили старинный геологическій предразсудокъ относительно ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ и цѣлымъ рядомъ критически обслѣдованныхъ фактовъ утвердили существованіе „ископаемаго человѣка“ (¹). Какое же значеніе имѣетъ это открытіе для доказательства глубокой древности человѣческаго рода? Съ точки зрѣнія новѣйшей геологической теоріи, отодвигающей дилювіальный (допотопный) періодъ отъ нынѣшняго времени на 100,000 лѣтъ, оно имѣетъ значеніе документа, помощію котораго утверждается стотысячелѣтняя древность человѣческаго рода. Но съ точки зрѣнія точнаго, безпристрастнаго изслѣдованія оно не имѣетъ никакого значенія для хронологическихъ разсчетовъ и важно только въ палеонтологическомъ отношеніи, какъ новый, отвергавшійся прежде фактъ. Если бы даже геологія, путемъ точнаго изслѣдованія, доказала стотысячелѣтнюю древность дилювіальной эпохи, — чего, однакожь, она сдѣлать не можетъ, — и въ такомъ случаѣ сужденія ея объ ископаемыхъ человѣческихъ остаткахъ, — будто ими доказывается стотысячелѣтняя древность человѣческаго рода, — были бы несправедливы и не логичны. Въ послѣднее время ученые палеонтологи пришли къ убѣжденію, что „ископаемость“ не есть исключительное свойство допотопныхъ организмовъ. Гексли, одинъ изъ авторитетныхъ ученыхъ, въ области современной палеонтологіи, говоритъ объ этомъ пред-

(¹) См. разсужденіе Ляйэля по поводу открытій „ископаемаго человѣка Денизы, Неандертальскаго и Енгисскаго череповъ“.

метѣ слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ на первобытный міръ мы не смотримъ болѣе, какъ на особливое, совершенно отличное отъ нынѣшняго состояніе вещей, то и „ископаемости“ человѣческихъ костей мы не придаемъ больше того значенія, какое приписывали ему послѣдователи старой палеонтологической школы. Есть достаточное количество данныхъ, доказывающихъ, что и въ наше время, подъ вліяніемъ разныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, организмы превращаются въ окаменѣлости, и притомъ относительно въ очень короткій срокъ“ (¹). Если это сужденіе признать за вѣрное (а отвергать его нѣтъ основанія), то всѣ заключенія геологовъ отъ ископаемости къ древности человѣческихъ остатковъ окажутся не болѣе, какъ зданіемъ, построеннымъ на пескѣ. Геологія не имѣетъ никакихъ данныхъ для различенія допотопныхъ ископаемыхъ человѣческихъ костей отъ нынѣшнихъ, окаменѣвшихъ въ недавнее время. Въ прежнее время сохраненіе, такъ называемаго, „хрящеватаго вещества“ въ ископаемыхъ костяхъ считалось характеристическимъ признакомъ ихъ допотопнаго происхожденія, теперь это мнѣніе отвергается, какъ ошибочное. „Сохраненіе хрящеватаго вещества въ костяхъ, говоритъ Фогтъ вполнѣ зависитъ отъ внѣшнихъ условій и по одному этому признаку въ нихъ вовсе нельзя заключать о давности ихъ происхожденія. Гдѣ нѣтъ капельниковой покрышки надъ костями, тамъ кости часто до такой степени истлѣваютъ, что отъ прикосновенія распадаются въ пыль, гдѣ, напротивъ, образовалась капельниковая почва, онѣ, по большей части, сохраняются лучше и даже удержи-

---

(¹) См: „Briefe gegen Materialismus“ D. Fabrie, стр. 293.

ваютъ все органическое хрящеватое вещество, какъ было при жизни" ([1]).

Теперь обратимся къ другому признаку, по которому новѣйшіе геологи заключаютъ о чрезвычайно глубокой древности нѣкоторыхъ „ископаемыхъ" человѣческихъ остатковъ. Это уклоненіе ископаемыхъ въ анатомическомъ, остеологическомъ и физіологическомъ строеніи отъ нынѣшнихъ типовъ человѣческаго царства. Между многочисленными открытіями послѣдняго времени найдено нѣсколько человѣческихъ череповъ, представляющихъ ясное, хотя, впрочемъ, довольно незначительное уклоненіе отъ обыкновенныхъ человѣческихъ череповъ и въ частности отъ череповъ нынѣшнихъ туземныхъ обитателей тѣхъ странъ, въ которыхъ найдены эти черепы. Изъ числа этихъ открытій особенно замѣчательно открытіе неандертальскаго черепа ([2]), на основаніи котораго Гекели и другіе естествоиспытатели новѣйшей школы, кажется, склонны допустить особенный и новый видъ человѣка: homo Neanderthalensis ([3]). Основываясь на латинской пословицѣ: „testis unus, testis nullus", трудно бы ожидать, чтобы науки, имѣющія претензію на особенную точность въ своихъ изслѣдованіяхъ и основными началами своими признающія сомнѣніе и недовѣріе, такъ сильно увлеклись этимъ открытіемъ и сдѣлали изъ него столько поспѣшныхъ разнообразныхъ выводовъ въ отношеніи къ разнымъ отраслямъ естествознанія. Эта поспѣшность въ выво-

---

([1]) „Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ", стр. 216.

([2]) Названіе заимствовано отъ мѣстности, въ которой найденъ черепъ. Мѣстность эта находится близъ Дюссельдорфа, въ той части долины Дюссель, которая называется „Неандерталь".

([3]) Ляйэлль. Древн. челов. стр. 75.

дахъ и стремленіе къ обобщенію отдѣльныхъ, или точнѣе, единичныхъ явленій напоминаетъ слишкомъ извѣстную исторію объ одномъ путешественникѣ, который, встрѣтивъ въ гостинницѣ служанку съ рыжими волосами, писалъ въ своемъ путевомъ журналѣ, что въ странѣ, по которой онъ путешествовалъ, всѣ женщины имѣютъ рыжіе волосы. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ отличается этотъ образъ умозаключенія отъ сужденія палеонтолога-анатома, который, увидѣвъ черепъ, представляющій не совсѣмъ нормальную форму, выводитъ заключеніе, что въ этой мѣстности, гдѣ найденъ этотъ черепъ, была раса, всѣ индивидуумы которой имѣли черепъ, сформированный такимъ точно образомъ? Увлеченный изслѣдователь отбрасываетъ всякую мысль о томъ, что черепъ этотъ могъ быть чѣмъ нибудь сдавленъ, или такая форма могла быть слѣдствіемъ идіотизма и прямо, безъ всякихъ посредствующихъ соображеній, на основаніи одной сплюснутой формы черепа, переходитъ къ заключенію о расѣ людей, стоявшей на весьма низкой степени духовнаго развитія и занимавшей переходное мѣсто отъ обезьяны къ человѣку. Допустимъ, пожалуй, и такой странный образъ размышленія,—пусть эта посредствующая раса существовала прежде усовершенствовавшейся расы настоящей эпохи. Какое же отсюда можно вывести заключеніе относительно древности человѣческаго рода? Ужели одно строеніе человѣческаго черепа можетъ уполномочить изслѣдователя къ какимъ нибудь заключеніямъ относительно его древности? Между тѣмъ Ляйэлль и другіе изслѣдователи, по вопросу о первобытныхъ временахъ человѣческаго рода, помѣщаютъ открытіе этого черепа въ ряду доказательствъ чрезвычайно глубокой древно-

сти человѣческаго рода (¹). Пусть бы этотъ черепъ найденъ былъ въ исключительныхъ условіяхъ древности, принимаемыхъ, съ точки зрѣнія новѣйшей геологіи. Но его нашли въ тинѣ, которая не представляетъ никакихъ особенныхъ условій древности. Ни слѣдовъ сталагмита, ни костей животныхъ, исчезнувшихъ нынѣ видовъ, словомъ, ничего нѣтъ, что могло бы опредѣлить его время. Три года спустя, послѣ открытія костей человѣческихъ, нашли въ грязи боковой впадины пещеры зубъ медвѣдя. Онъ не былъ найденъ ни докторомъ Фульротомъ, который первый нашелъ и описалъ этотъ черепъ, ни профессоромъ Гексли, который, съ помощію этого черепа, а главнымъ образомъ своей фантазіи, думалъ создать особенную расу людей, обитавшихъ въ неандертальской долинѣ, ни Ляйэллемъ, который усмотрѣлъ въ неандертальскомъ черепѣ признаки глубокой древности, но владѣльцемъ пещеры, или, всего вѣроятнѣе, рабочими (²). Мы не думаемъ подвергать сомнѣнію достовѣрность ихъ показанія, но скажемъ относительно зуба медвѣдя тоже, что сказано нами относительно самаго черепа: testis unus, testis nullus. Можно съ увѣренностію сказать, что неандертальскій черепъ никогда не послужилъ бы для геологовъ доказательствомъ глубокой древности человѣческаго рода, если бы не было въ новѣйшее время такого сильнаго предубѣжденія въ пользу гипотезы Дарвина о перерожденіи организмовъ и перехожденіи ихъ изъ однихъ видовъ въ другіе. Мы уже имѣли случай замѣчать, что теорія Дарвина, какъ одно изъ существенныхъ своихъ доказ-

(¹) Ляйэлль. „О др. чел." гл. V, стр. 68—87.

(²) Ibid.

зательства, предполагаетъ длинные промежутки въ исторіи развитія органическаго и растительнаго царствъ. До послѣдняго времени было исключительною привилегіею геологовъ считать времена минувшихъ дней милліонами и билліонами лѣтъ. Дарвинъ оказалъ великую услугу геологіи, ботаникѣ и антропологіи, перенеся принципы геологическаго ученія Ляйэлля въ область органической природы и приложивъ баснословныя геологическія счисленія къ процессамъ развитія органическаго и животнаго царствъ. Такъ какъ Дарвиново ученіе о постепенномъ превращеніи организмовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть доказано фактическимъ образомъ, такъ какъ природа нигдѣ сама собою не оказывается способною къ усовершенствованіямъ и измѣненіямъ; такъ какъ, однимъ словомъ, Дарвинъ не можетъ доказать путемъ точнаго наблюденія, когда начинаются и гдѣ оканчиваются его Veränderungen der Organisation, то, вмѣсто всякихъ доказательствъ своей теоріи, онъ, подобно геологамъ, призываетъ на помощь громадныя миѳологическія числа и думаетъ защититься ими отъ возраженій докучливыхъ противниковъ, которымъ не хотѣлось бы принимать на вѣру его мечтательную теорію. „Чтобы прослѣдить исторію какой либо группы нынѣшнихъ организмовъ, говоритъ одинъ изъ послѣдователей Дарвина, нужно напередъ отказаться отъ тѣхъ хронологическихъ масштабовъ, которыми ученые наши привыкли измѣрять историческія явленія; кто тысячелѣтіе считаетъ огромною цифрою, тотъ долженъ отказаться отъ изслѣдованія въ области органической жизни. Самыя близкія переходныя формы отстоятъ отъ нынѣшнихъ зрѣлыхъ формъ на безконечное число лѣтъ. Въ природѣ строго исполняется совѣтъ

древняго мудреца: „спѣши медленно" (1). Не удивительно, если подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній послѣдователи Дарвина,—сторонникомъ которыхъ называетъ себя самъ Лайэлль (2), придали такую высокую древность неандертальской находкѣ. Какъ скоро у изслѣдователя, расположеннаго въ пользу теоріи Дарвина, мелькнула мысль, что онъ видитъ предъ собою переходную форму отъ обезьяны къ человѣку, въ его воображеніи тотчасъ рисуются безконечные ряды лѣтъ, которые отдѣляютъ эту форму отъ нынѣшнихъ зрѣлыхъ формъ человѣческаго царства. „Нечего особенно удивляться, говоритъ Лайэлль, что племенамъ людей постпліоценоваго періода, къ которымъ относится древній, неандертальскій типъ, мы приписываемъ высокую древность; человѣкъ былъ также постояненъ въ своихъ остеологическихъ признакахъ, какъ множество другихъ млекопитающихъ. Чтобы дойти до нынѣшняго состоянія органическаго развитія, человѣку нужно было пройти множество инстанцій, а для этого требуется огромный промежутокъ времени. Здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, въ природѣ точно исполняется законъ natura non agit saltatim (3). Такимъ образомъ, главнѣйшимъ основаніемъ для мнѣнія о глубокой древности неандертальскаго черепа служитъ теорія Дарвина, противъ которой въ послѣднее время высказано столько возраженій со стороны разныхъ ученыхъ, что едва ли кто либо, кромѣ нашихъ русскихъ фельетонистовъ, рѣшится назвать ее послѣднимъ словомъ науки (4). Мы не станемъ пересчитывать

---

(1) Vogt Köhlerglaube und Wissenschaft. стр. 74.

(2) Гл. XXI, стр. 392.

(3) См. § „долговѣчность видовъ млекопитающихъ" гл. XX, стр. 425.

(4) Изъ сочиненій, спеціально направленныхъ противъ теоріи Дар-

всѣхъ возраженій на эту теорію. Для нашей цѣли достаточно показать несостоятельность ея въ приложеніи къ исторіи развитія человѣческаго царства.

Чтобы включить человѣческое племя въ тотъ же непрерывный рядъ развитія, которому, по теоріи Дарвина, подчинялись растительное и животное царства, нужно доказать напередъ тѣсно-родственную связь между человѣкомъ и низшими животными. Съ этою цѣлію послѣдователи Дарвина стараются ослабить и подорвать систему зоологической классификаціи Блюменбаха и Кювье, по которой человѣку назначалось особенное мѣсто въ ряду другихъ животныхъ и племя человѣческое отдѣлялось отъ всѣхъ породъ обезьянъ, какъ особенный под-классъ, подъ именемъ: animal rationale, loquens, erectum bimanum". Разсматривая анотомическія и физіологическія отношенія человѣка къ другимъ млекопитающимъ, нельзя, однакожъ, не признать законности того дѣленія, которое даетъ человѣку особенный отдѣлъ въ зоологической классификаціи и усвояетъ ему право на особливый под-классъ между млекопитающими. Анатомическія и физіологическія изслѣдованія показали, что человѣкъ, къ какой бы расѣ онъ ни принадлежалъ, имѣетъ специфическія анатомическія особенности въ связи съ главнѣйшими физіологическими отправленіями, которыя дѣлаютъ изъ него существо, назначенное къ исполненію на этой землѣ только ему одному свойственныхъ цѣлей. Послѣдователи Дарвина не могутъ от-

вина мы можемъ указать на „Principien der Classification der organischer Körper, in besondere der Thiere" Агассица, перев. Руд. Вагнера на статью Frohschammer-a, помѣщенную въ журналѣ „Atheneum" т. 1 ч. 3 § 439—530, 1862 г. „Uber Darwins Theorie von der Entstehung der Arten im Thier und Pflanzenreiche", на сочиненіе Pelzeln-a „Bemerkungen gegen Darwins Theorie vom Ursprunge der Species" и т. под.

вергать этихъ особенностей, если не хотѣть идти противъ ясныхъ и доказанныхъ фактовъ. Наше дѣло — сдѣлать перечень важнѣйшихъ изъ этихъ особенностей, не вдаваясь въ подробности, умѣстныя въ произведеніяхъ, спеціально посвященныхъ этому предмету.

Мы не будемъ говорить здѣсь о вертикальномъ положеніи человѣка, объ устройствѣ его глазныхъ орбитъ, о формѣ зубовъ, свойственной одному человѣку, о строеніи рукъ, ногъ, объ устройствѣ тазовой кости и т. под. Если, на основаніи этихъ признаковъ, относить человѣка къ особенному порядку, то, по справедливому замѣчанію Ляйэлля, должно точно также создать нѣсколько отдѣльныхъ порядковъ для обезьянъ, потому что, напр., по строенію рукъ и ногъ гориллы отличаются отъ нѣкоторыхъ четырерукихъ гораздо болѣе, нежели отъ человѣка. То, что отдѣляетъ человѣка отъ всѣхъ животныхъ и ставитъ его выше всѣхъ, даже усовершенствованныхъ породъ обезьянъ—это его нервная система и строеніе головнаго мозга. Нервная система есть орудіе разумныхъ способностей. Человѣкъ, обладающій разумомъ и имѣющій болѣе совершенныя отношенія къ окружающему его міру, чѣмъ всѣ остальныя животныя, имѣетъ и нервную систему въ высшей степени совершенную. Это совершенство нервной системы человѣка счастливымъ образомъ вліяетъ на нѣкоторые органы его духовныхъ способностей и даетъ этимъ органамъ полнѣйшее превосходство надъ органами обезьянъ. Такъ, напр., рука, составляющая для него не только органъ хватанія, но и осязанія, имѣетъ кожу, одаренную самою тонкою чувствительностію, сосредоточивающеюся, главнымъ образомъ, на оконечностяхъ ручныхъ пальцевъ. Относительно

строенія человѣческаго мозга, мы приведемъ подлинное мѣсто изъ сочиненія знаменитаго современнаго физіолога Овена, который всѣхъ млекопитающихъ раздѣляетъ, по строенію ихъ мозга, на четыре подкласса, представителями которыхъ служитъ для каждаго — кенгуру, бобръ, обезьяна и человѣкъ. „Мозгъ человѣка, говоритъ этотъ ученый, представляетъ болѣе рѣзкій и значительный шагъ въ постепенномъ развитіи, нежели тотъ, которымъ отличается предшествующій подклассъ отъ расположеннаго непосредственно ниже его. Мозговыя полушарія не только покрываютъ расширеніе обонятельнаго нерва и мозжечокъ, но выдаются за него и простираются даже кзади. Развитіе полушарій кзади до того значительно, что анатомы дали этой части названіе третьей доли мозга, которая именно свойственна только одному роду „Homo“, точно также, какъ ему только одному исключительно свойственъ задній рогъ боковаго желудка и „hippocampus minor“, характеризующій заднюю долю обоихъ полушарій. Покрывающее сѣрое вещество мозга, по числу и степени своихъ извилинъ, достигаетъ высшей степени развитія въ человѣкѣ. Съ этою высшею формою мозга соединены особыя умственныя способности, уясняющія все значеніе этихъ мозговыхъ признаковъ, полная оцѣнка которыхъ заставляетъ меня разсматривать родъ „Homo“ не только, какъ представителя отдѣльнаго порядка, но даже отдѣльнаго подкласса млекопитающихъ, для котораго я предлагаю названіе Archencephala“ (1). Замѣчательно, что самое развитіе человѣческаго мозга отлично отъ развитія мозга обезьянъ. У этихъ послѣднихъ прежде

(1) Owen—„Procedings of the Lineean Society“, London vol VIII, p. 20.

всего развиваются заднія части мозга, — орудія животныхъ инстинктовъ; у человѣка прежде всего развивается передняя часть мозга, какъ органъ разумности. Мозгъ человѣка растетъ съ дѣтскаго возраста до юношескаго, между тѣмъ какъ мозгъ обезьянъ, даже высшихъ, остается неподвижнымъ, — иногда даже уменьшается съ развитіемъ возраста (1). Не принимая во вниманіе другихъ особенностей мозговой системы человѣка, представляющихъ различіе между мозгомъ человѣка и мозгомъ обезьяны, мы не можемъ, однакожъ, не упомянуть о значительныхъ размѣрахъ человѣческаго мозга сравнительно съ мозгомъ высшихъ обезьянъ, по абсолютной величинѣ, и еще болѣе, по относительному размѣру, въ отношеніи къ тяжести и величинѣ всего тѣла: „мозгъ самыхъ карликовъ, говоритъ физіологъ Гратіоле, достигаетъ размѣровъ довольно значительныхъ, между тѣмъ какъ мозгъ обезьянъ самыхъ рослыхъ едва достигаетъ размѣровъ мозга новорожденнаго дитяти. У самыхъ высшихъ обезьянъ головной мозгъ относится къ тяжести и величинѣ всего тѣла, какъ четыре къ единицѣ; тогда какъ у самыхъ неразвитыхъ людей, напр., у австралійскихъ негровъ, отношеніе это представляется, какъ 23 къ единицѣ (фактъ въ высшей степени замѣчательный). „Если будетъ доказано, заключаетъ упомянутый ученый, что различія между мозгомъ человѣка и мозгомъ обезьяны суть единственно различія въ количествѣ, нѣтъ никакого основанія предполагать, по самой природѣ вещей, что такое множество и столь значительныхъ количественныхъ различій не можетъ простираться до различія по роду, по качеству. Съ точки зрѣнія классифи-

(1) Ibid.

каціи естественныхъ наукъ, во всякомъ случаѣ, означенныхъ признаковъ достаточно для того, чтобы отдѣлить человѣка отъ всѣхъ породъ обезьянъ и разсматривать племя человѣческое, какъ особенный подклассъ въ ряду другихъ млекопитающихъ" (¹).

Съ точки зрѣнія болѣе возвышенной, т. е. философіи и религіи, права человѣка на особенное мѣсто въ ряду другихъ тварей основываются на другихъ, болѣе возвышенныхъ, преимуществахъ человѣческой природы. Не потому человѣкъ есть существо, высшее другихъ тварей, что онъ имѣетъ болѣе развитый мозгъ, болѣе совершенную нервную систему, сравнительно съ другими животными, но потому, что онъ получилъ отъ Творца душу разумную и мыслящую. Мозгъ не есть причина разумности, но только условіе ея проявленій— необходимый органъ отношеній физическаго и нравственнаго міра. Потому-то человѣкъ и надѣленъ такимъ совершеннымъ органомъ мышленія, что онъ имѣетъ особенное назначеніе въ отношеніи къ окружающему его міру и созданъ для другихъ цѣлей, нежели прочія существа видимаго міра. Но намъ должно было спуститься на время съ этихъ возвышенныхъ вершинъ религіи и философіи, — отнять, на мгновеніе, у человѣка, — котораго, вмѣстѣ съ Галліеномъ, мы можемъ назвать „божественнымъ животнымъ", — то божественное, которое выходитъ изъ области естественныхъ наблюденій. Тѣ науки, которыя матеріализмъ возводитъ въ значеніе высшихъ наукъ, разсматриваютъ человѣка только какъ животное—физическаго человѣка. Для нашей цѣли было въ высшей степени важно показать,

---

(¹) Свѣдѣнія эти заимствованы нами изъ статьи о происхожденіи человѣческаго рода, помѣщенной въ Revue Chr. за 1865 г.

что царство человѣческое можетъ быть утверждено не на однихъ только возвышенныхъ философскихъ и религіозныхъ размышленіяхъ, но съ точки зрѣнія самыхъ естественныхъ наукъ, занимающихся наблюденіемъ внѣшнихъ фактовъ,—другими словами, на чисто анатомическихъ и физіологическихъ основаніяхъ, безъ помощи психологическихъ и теологическихъ соображеній. Однако же, во всякомъ случаѣ, было бы несправедливо и не законно оставить безъ вниманія и не поставить на видъ нѣкоторыхъ фактовъ изъ области нравственной жизни человѣка, которые ставятъ его гораздо далѣе отъ высшихъ млекопитающихъ, нежели указанныя нами анатомическія и физіологическія отличія. Фактовъ этихъ естествознаніе не имѣетъ права отвергать уже по тому одному, что они факты.

„Немногіе, даже, по всей вѣроятности, никто, изъ серьёзныхъ послѣдователей новѣйшей теоріи (Дарвина), говоритъ Лайэлль, допуская вполнѣ аналогію, существующую между способностями человѣка и высшихъ животныхъ, вовсе не расположены уменьшать огромное разстояніе, которое раздѣляетъ человѣка отъ безсловесныхъ. Если они и не дозволяютъ отнести человѣка къ особенному порядку, и еще менѣе — подклассу, на чисто физическомъ основаніи, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они возстали противъ мнѣнія Катрфажа, который говоритъ въ своемъ сочиненіи „о единствѣ человѣческаго рода“, что человѣкъ долженъ принадлежать къ особому царству, какъ только мы возьмемъ для классификаціи его нравственныя и умственныя способности“ ([1]). Мы можемъ сочувствовать

([1]) Гл. XXIV, стр. 476 „Основанія для отнесенія человѣка къ особому царству природы“.

этимъ словамъ знаменитаго ученаго, избавляющаго насъ отъ полемическихъ распрей съ новѣйшими учеными въ этомъ пунктѣ нашего изслѣдованія. Защитникъ библейскихъ интересовъ кромѣ того съ любовію можетъ остановиться на произведеніяхъ Катрфажа, Агассиса, Галама, Шлейдена, Азы-Грея и другихъ представителей современнаго естествознанія, пытавшихся съ научной, хотя не строго натуралистической точки зрѣнія, провести границу между царствомъ человѣческимъ и царствомъ низшихъ животныхъ. Не смотря на разнообразіе сужденій и взглядовъ, высказанныхъ въ произведеніяхъ этихъ ученыхъ, по вышеозначенному предмету, всѣ они сходятся въ томъ, что предоставляютъ человѣку отдѣльное мѣсто въ ряду другихъ тварей, на основаніи нравственныхъ свойствъ его природы. Еще со времени Лейбница, всѣ метафизики, пытавшіеся провести границу между умомъ человѣка и низшихъ животныхъ, или между умомъ и инстинктомъ, испытывали трудности подобныя тѣмъ, которыя встрѣчали анатомы, желавшіе отдѣлить человѣка отъ обезьяны, на основаніи такихъ не существенныхъ признаковъ, какъ вертикальное положеніе на ногахъ, строеніе зубовъ и т. п. „Мы должны отнести человѣка къ особенному царству, говоритъ Катрфажъ, не по его умственнымъ способностямъ, которыя, не смотря на свое большее развитіе, существенно тѣ же, что и у животныхъ, ни по его способности къ наблюденію, волѣ, памяти, извѣстной степени разсудка, ни по членораздѣльной рѣчи, которую онъ раздѣляетъ съ нѣкоторыми птицами и млекопитающими. Точно также подобное дѣленіе не можетъ основываться на душевныхъ способностяхъ, какъ-то: любви и ненависти, которою облада-

ютъ четвероногіе и птицы, но на чемъ-то, что совершенно лишены животныя и что принадлежитъ исключительно человѣку. Эти отличительные признаки, продолжаетъ онъ, суть отвлеченныя понятія добра и зла, добродѣтели и порока, или нравственность и вѣра въ другой міръ, лежащій за предѣлами нашего и въ Существо высшее насъ, Котораго мы должны любить и уважать, иными словами, религіозная способность" (1). Этими-то двумя признаками нравственнымъ и религіознымъ, которые человѣкъ не раздѣляетъ съ животными, Катрфажъ предлагаетъ различать человѣческое царство отъ животнаго. Но онъ опускаетъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ нравственной человѣческой природы,—это способность человѣческаго духа къ развитію и усовершенствованію, которая исключительно свойственна одному человѣку. Весьма часто утверждаютъ, что между высшимъ безсловеснымъ и низшимъ дикаремъ, существуетъ менѣе значительная разница, нежели между дикаремъ и самымъ развитымъ человѣкомъ. Но, чтобы подобная аналогія была дѣйствительна, необходимо доказать, что этотъ низшій дикарь не болѣе способенъ къ развитію, нежели шимпанзе, или орангутангъ. Животныя родятся тѣмъ, чѣмъ имъ предназначено оставаться вѣчно. Природа назначила имъ извѣстное мѣсто, и ограничила размѣръ ихъ способностей необходимою преградою. Человѣку же дана возможность самому опредѣлять свое положеніе, усовершать свои нравственныя силы, и такимъ образомъ достигать цѣли предназначенной ему Творцомъ. Мы

(1) Катрфажъ — „о единствѣ рода челов.", переводъ Каминскаго, стр. 171.

никакъ не можемъ вообразить себѣ, чтобы этотъ міръ былъ мѣстомъ развитія и усовершенствованія для какого-либо изъ низшихъ животныхъ, и ни одно изъ нихъ не можетъ чувствовать потребности къ большему совершенству. Если, съ помощію человѣческаго участія, животныя могутъ достигать усовершенствованія въ извѣстномъ кругѣ дѣятельности: медвѣдь выучивается плясать, собака—служить, обезьяны—сражаться по правиламъ воинской тактики, то это усовершенствованіе имѣетъ характеръ чисто механическій, и правильнѣе должно быть названо дрессированіемъ, а не усовершенствованіемъ. Если есть животныя, которыхъ можно заставить произносить раздѣльные нѣкоторые звуки и даже повторять довольно длинныя фразы, то никогда нельзя достигнуть того, чтобы заставить ихъ родить идею и выразить ее словомъ. Попугай повторяетъ и выговариваетъ слова подобно эху или искуственной машинѣ, никогда не достигая даже самомалѣйшаго усовершенствованія на пути словеснаго и вмѣстѣ интеллектуальнаго развитія. Не въ механической силѣ, не въ матеріальныхъ органахъ попугая нужно искать объясненія этого факта, а въ интеллектуальной силѣ, по самой природѣ неспособной къ развитію и усовершенствованію. Извѣстенъ фактъ прирученія и акклиматизаціи животныхъ, вслѣдствіе чего животныя оказываются до извѣстной степени способными къ видоизмѣненію своего естественнаго характера, которое мы называемъ воспитаніемъ. Замѣчательнѣйшій результатъ воспитанія иныхъ животныхъ состоитъ въ томъ, что привычки, которыя успѣваютъ привить къ нимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, остаются наслѣдственными. Напримѣръ, хорошая стойка на охотѣ, хотя есть чисто результатъ воспитанія,

проявляется иногда и у молодыхъ собакъ, которыхъ воспитывали далеко отъ ихъ родичей. Особенный прыжокъ ирландскихъ лошадей, дѣлать который онѣ приучились, бродя по болотистымъ мѣстамъ, свойственъ также ихъ породѣ, заведенной въ Англіи ([1]). Но кто прирученіе животныхъ считаетъ однозначущимъ съ цивилизаціею людей, и на наслѣдственность спеціальныхъ привычекъ въ животнихъ смотритъ какъ на прогрессъ въ царствѣ животныхъ, тотъ не имѣетъ правильнаго понятія ни о цивилизаціи, ни объ усовершенствованіи. Источникомъ для цивилизаціи и прогресса человѣческаго служитъ внутреннее начало—сознаніе, развивающееся подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій; началомъ усовершимости разныхъ породъ животныхъ служитъ внѣшнее принужденіе, принаровленное къ специфическимъ свойствамъ натуры животнаго. Плодомъ цивилизаціи въ царствѣ человѣческомъ служитъ развитіе нравственныхъ силъ человѣка, не стѣсняющее, а болѣе и болѣе развивающее свободу и самостоятельность его духа; плодомъ прирученія въ царствѣ животныхъ всегда бываетъ стѣсненіе и подавленіе естественныхъ свойствъ животнаго, и чисто механическая дѣятельность, поставляющая животное въ необходимость всегда дѣйствовать въ одномъ и томъ же направленіи. О самодѣятельности и собственномъ внутреннемъ стремленіи къ цѣлямъ, не предуказаннымъ стороннимъ вліяніемъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Одинъ только человѣкъ обладаетъ способностію свободнаго и сознательнаго усовершенствованія, согласнаго съ разумомъ и свободою, насажденными въ его душѣ рукою Творца. Эта способность къ

(1) „Исторія міроздація", въ русск. переводѣ стр. 265.

усовершенствованію' кладетъ особенный характеръ на всю нравственную деятельность человѣка, и охватываетъ собою всѣ духовныя силы человѣческой природы, которыя Катрфажъ ставитъ за-урядъ съ интеллектуальными свойствами животныхъ. Подъ вліяніемъ этой способности умъ восходитъ въ человѣкѣ на степень самосознанія, выражающагося въ разумномъ отношеніи къ себѣ и окружающей дѣйствительности, въ стремленіи отыскать причину и цѣль всякаго бытія, объяснить смыслъ всего существующаго; воля, возвышается до степени свободнаго самоопредѣленія къ дѣятельности, обусловливаемой высшими нравственными началами истиннаго и добраго; слово становится выраженіемъ возвышенныхъ идей и чувствъ, обращенныхъ къ Высочайшему Виновнику всякаго бытія и жизни; любовь простирается до самоотверженія и забвенія личныхъ интересовъ ради выгодъ и пользы другаго;—ненависть—до утонченной мести, заставляющей страдать человѣка, проводить безсонныя ночи, измышлять рядъ средствъ и дѣйствій, направленныхъ къ удовлетворенію эгоистической страсти, и терпѣливо выжидать случая, когда удобнѣе нанести вредъ противнику. На этой степени развитія градаціи способностей между высшими животными и человѣкомъ становятся до того значительными, что восходятъ на степень существенныхъ родовыхъ отличій, изолирующихъ человѣка отъ другихъ тварей, и дающихъ ему право на совершенно отдѣльное мѣсто въ природѣ. Но не одному только усовершенствованному племени кавказской породы доступна эта высота нравственнаго развитія; потенція для этого развитія лежитъ въ самомъ существѣ нравственной человѣческой природы, и составляетъ специфическую, характерную особенность че-

ества. По библейскому выраженію, человѣкъ созданъ по образу Божію. Это значитъ, скажемъ словами одного учителя церкви, что „человѣкъ надѣленъ способностію къ Богоподобію". Эта способность составляетъ корень нравственной жизни человѣка. Въ ней-то, по нашему мнѣнію, заключается главное, существенное отличіе человѣка отъ всѣхъ прочихъ животныхъ. Отвлеченныя познанія добра и зла, вѣра въ другой міръ, которыя, по мнѣнію Катрфажа, отличаютъ человѣческое царство отъ царства животнаго, безспорно, принадлежатъ къ числу отличительныхъ особенностей человѣка, но источникъ этихъ особенностей лежитъ глубже,—въ Богодарованной способности человѣка къ Богоуподобленію, или, говоря другими словами, въ способности къ нравственному развитію и усовершенствованію до степени Богоподобія.

Мы опредѣлили такимъ образомъ мѣсто, принадлежащее человѣку въ ряду другихъ существъ видимаго міра. Мы видѣли, что степень изолированности человѣка отъ прочихъ животныхъ опредѣляется какъ физическими нѣкоторыми признаками, такъ особенно нравственными свойствами его природы, довольно великими для того, чтобы оправдать классификацію Кювье и натуралистовъ школы Блюменбаха, выдѣлявшихъ человѣка изъ ряда другихъ тварей природы и предоставлявшихъ ему особенный отдѣлъ въ своей зоологической классификаціи. Посмотримъ теперь, на какихъ данныхъ изслѣдователи теоріи Дарвина основываютъ свое мнѣніе о родствѣ человѣка съ низшими животными, и хотятъ включить человѣческое царство въ тотъ же рядъ безконечно медленнаго развитія—видоизмѣненія, которому подчинялось, по ихъ мнѣнію, животное царство.

Не желая идти против яснаго факта, последователи Дарвина, как мы видели из слов Лайэлля, не расположены уменьшать огромное разстояние между способностями человека и низших животных и возставать против того мнения, что человек должен принадлежать к особому царству по своим умственным и нравственным свойствам. Кто принимает теорию, допускающую непрерывную изменчивость органических форм от низших до самых высших, включая человека, как последнее звено в цепи создания, тот обязан указать переход от инстинктивных свойств животных к сознательному уму человека. Где же, спрашивается, промежуточныя звенья и в каком пункте своего постепеннаго развития человек получил высшую часть своего существа, так резко отделяющую его от всех, существующих ныне, видов животных? Отвечая на этот вопрос, последователи Дарвина, при всем стремлении остаться верными своей теории, принуждены, однакож, придти в непримиримое противоречие с ея основными началами. „Мы не должны удивляться, говорит один из числа Дарвинистов, существованию градаций между видами животных и человека. Не всякое звено в длинной цепи творения переходит незаметным образом в другое. Необходимо встречаются промежутки, так сказать, скачки от одного существа к другому, которые, не составляя исключения из закона постепенности, представляют, так сказать, приспособление его к новому ряду созданий. Рождение необыкновеннаго гения от родителей, не выказывающих особенных умственных способностей, стоящаго выше своего века или племени, представляет явление, которое не следует

опускать изъ виду, при разсмотрѣніи того, не представляютъ ли иногда послѣдовательныя степени развитія случайныхъ скачковъ и перерывовъ въ непрерывной въ другихъ отношеніяхъ цѣпи психическихъ измѣненій. Если, согласно теоріи послѣдовательнаго развитія, мы допустимъ, что человѣкъ постепенно развился съ весьма низкой степени, то подобные скачки не только могли новести къ болѣе и болѣе высшимъ формамъ и степенямъ развитія, но въ гораздо болѣе отдаленные періоды могли однимъ прыжкомъ перескочить пространства, раздѣляющія инстинктъ низшихъ животныхъ отъ первой формы совершенствующагося ума, проявляемаго человѣкомъ" (¹). Итакъ, Лейбницевская аксіома: Natura non agit saltatim, которую Дарвинъ положилъ въ основу своей гипотезы и къ которой послѣдователи Дарвина такъ часто прибѣгаютъ, чувствуя неустойчивость своего положенія на почвѣ фактовъ, оказывается несостоятельною въ приложеніи къ вопросу о происхожденіи человѣка изъ низшихъ формъ животной жизни. Отъ чего же послѣдователи Дарвина не хотятъ допустить нарушенія этой аксіомы въ другихъ отношеніяхъ цѣпи органическихъ измѣненій, а допускаютъ его только при объясненіи вопроса о происхожденіи человѣка? Отъ чего, напр., они не допускаютъ подобнаго же исключенія, при разсужденіи объ измѣненіяхъ различныхъ горныхъ породъ, о развитіи животнаго и растительнаго царства и другихъ явленій видимаго міра? Только человѣкъ, по теоріи Дарвина, заснувши обезьяною, проснувшись человѣкомъ, только онъ одинъ случайнымъ прыжкомъ перескочилъ огромное пространство, раздѣ-

(¹) Лайэль, о древн. челов. XXIV, стр. 461.

ляющее инстинктъ животныхъ отъ сознающаго и совершенствующагося разума, и все другое въ природѣ развивалось по законамъ строгой постепенности, строго соблюдая совѣтъ древняго мудреца — „поспѣши медленно“. Случайный прыжокъ, — какой абсурдъ въ теоріи, претендующей разумно объяснить устройство и развитіе вселенной, не прибѣгая ни къ чему чудесному, выходящему за предѣлы человѣческаго пониманія!... Прибѣгать къ случаю для объясненія въ человѣкѣ мысли, слова, сознанія, нравственныхъ и религіозныхъ стремленій, — значитъ — ничего не объяснять, — значитъ хотѣть, чтобы изъ кучи буквъ, захваченныхъ рукою и брошенныхъ на столъ, сама собою сложилась Иліада Гомера. Между тѣмъ, такое объясненіе есть единственное, какое только могутъ представить послѣдователи Дарвина, желающіе примѣнять его теорію перерожденія къ вопросу о происхожденіи человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ человѣкъ могъ выйти изъ состоянія дикой животности къ разумной, сознательной жизни? По мнѣнію Ламарка, — теорію котораго о постепенномъ развитіи Дарвинъ не измѣнилъ, а только видоизмѣнилъ, — принципъ, образующій и условливающій прогрессивное развитіе животнаго царства есть „жизненная сила“, обусловливаемая двумя условіями — привычкою (употребленіемъ) и нуждою. Нужда производитъ улучшенія, употребленіе развиваетъ и укрѣпляетъ ихъ. Правда, нужда — улучшить свое положеніе есть могущественный рычагъ къ усовершенствованію. Всѣ успѣхи человѣческаго образованія могутъ быть возведены къ этой нуждѣ. Но нужда предполагаетъ идею, желаніе лучшаго. Человѣкъ на степени жизни органической, въ состояніи животности, могъ ли соста-

вить себѣ идею жизни лучшей, совершеннѣйшей? Но если онъ не могъ имѣть идеи, то не могъ имѣть и желанія выдти изъ своего состоянія, по латинской пословицѣ „ignoti nulla cupido“. Могло ли зрѣлище природы говорить о высшихъ идеяхъ существу, которое всѣми своими инстинктами привязано къ землѣ, въ которомъ не блисталъ лучъ разума? Способно ли было это существо къ разумному взгляду на себя самаго и на окружающія его явленія? Нѣтъ. Такое существо вѣчно осталось бы въ состояніи животности. Вильгельмъ Гумбольдтъ высказалъ глубокую мысль, сказавши, что „человѣкъ есть человѣкъ только по своей разумности, но для того, чтобы стать существомъ разумнымъ, онъ долженъ быть человѣкомъ“. Теорія Ламарка въ томъ видѣ, въ какомъ поддерживалъ ее этотъ ученый, теперь оставлена, потому что наблюденіе показываетъ, что нужда, равно какъ и привычка только развиваютъ тѣ или другія свойства въ животномъ, но не создаютъ ихъ. Видоизмѣняющему могуществу нужды и привычки, столь рѣшительно осужденному Кювье и другими натуралистами, Дарвинъ попытался подставить могущество „естественнаго подбора“ и „борьбы за существованіе“ (жизненной конкурренціи). По его мнѣнію, природа дѣйствовала подобно скотоводамъ, которые, для измѣненія домашнихъ расъ животныхъ, съ давняго времени пользовались выборомъ субъектовъ, назначенныхъ къ произведенію усовершенствованной породы. Путемъ „естественнаго подбора“ произошли въ царствѣ животныхъ безчисленныя разновидности, возможное число которыхъ было, однакожъ, ограничено примѣненіемъ другаго естественнаго принципа „борьбы за существованіе“. Этимъ объясняется торжество сильныхъ надъ слабыми, болѣе

смышленныхъ надъ менѣе развитыми,—распространеніе первыхъ и вымираніе послѣднихъ. Но ни тотъ, ни другой принципъ не годится для объясненія происхожденія разумнаго человѣческаго царства. Не только путемъ естественнаго, но даже путемъ искуственнаго подбора, которымъ, во всякомъ случаѣ, преслѣдуется опредѣленная, разумная цѣль, нельзя достигнуть того, чтобы въ результатѣ вышло что нибудь такое, чего не заключается въ данныхъ. Изъ ничего—ничего не бываетъ, изъ отрицанія нельзя сдѣлать положенія, отъ неразумныхъ нельзя получить разумное. Борьба за существованіе могла развить въ человѣкѣ изобрѣтательность, искуство защищаться отъ нападенія болѣе сильныхъ животныхъ, но сколько бы человѣкъ ни боролся за свое существованіе безъ разума, онъ никогда не достигъ бы разума. Нѣкоторые изъ сторонниковъ Дарвина, не желая говорить о „случайномъ прыжкѣ“, при объясненіи происхожденія разумнаго существа отъ неразумныхъ тварей, прямо сознаются въ безсиліи объяснить этотъ фактъ научнымъ образомъ, хотя въ то же время требуютъ вѣры въ него. Прежде нежели приводить возраженія противъ научной гипотезы, допускающей переходъ отъ безсловесныхъ животныхъ къ разумнымъ,—говоритъ Ляйелль, не лучше ли будетъ остановиться нѣсколько и посмотрѣть— не представляются ли въ окружающемъ насъ мірѣ подобныя или еще болѣе трудныя загадки [1]. Затѣмъ слѣдуетъ перечень фактовъ, на которые умъ человѣческій не можетъ дать удовлетворительнаго объясненія, напр., существованіе цѣлыхъ тысячъ людей, осужденныхъ на совершенный идіотизмъ, — смерть цѣлыхъ милліоновъ

---

(1) Стр. 483.

людей въ первые часы своего существованія и т. п. Но такого рода аргументы, говоря словами новѣйшаго естествознанія, годятся въ теологіи, а въ области точныхъ наукъ они равняются нулю и не могутъ имѣть мѣста здѣсь по самому принципу естествознанія.

Обращаясь къ физическимъ признакамъ, на основаніи которыхъ послѣдователи Дарвина связываютъ человѣка съ низшими формами животной жизни и подводятъ его подъ законы развитія, которымъ, по ихъ теоріи, подчиняется все остальное органическое царство, мы не станемъ говорить о тѣхъ мнимыхъ постепенныхъ переходахъ, которые соединяютъ гориллу съ идіотами, идіотовъ съ неграми, негра съ бѣлымъ человѣкомъ. Новѣйшія анатомическія изслѣдованія показали, что различіе между мозгомъ высшихъ и низшихъ племенъ человѣческихъ, существующихъ въ настоящее время, отнюдь не такъ значительны, чтобы ихъ можно было отнести къ тому роду различій, которыя отдѣляютъ мозгъ человѣка отъ высшихъ породъ обезьянъ; тоже самое должно сказать относительно формы черепа и вообще структуры человѣческаго организма. Обыкновенный черепъ негра отличается отъ черепа европейца нѣсколько покатымъ взади лбомъ, выдающимися дугами бровей и другими незначительными признаками, которые отнюдь не уполномочиваютъ смотрѣть на это племя, какъ на промежуточную форму между высшею или европейскою породою и обезьянами. Заключать по внѣшнимъ, притомъ еще не многимъ и не значительнымъ, признакамъ сходства между обезьяною и человѣкомъ, о происхожденіи человѣка отъ обезьяны также нелѣпо, какъ по нѣкоторымъ чертамъ сходства человѣческой физіономіи съ физіономіею льва, тигра и другихъ звѣ-

рей заключать отсюда, будто эти звѣри принимали участіе въ происхожденіи человѣка. Есть люди, у которыхъ физіономія имѣетъ птичій оттѣнокъ,— „такой-то, говорятъ, имѣетъ орлиный носъ, орлиный взоръ“ и т. под.,— ужели у кого нибудь можетъ родиться подозрѣніе насчетъ птичьяго происхожденія этихъ субъектовъ?! Впрочемъ сами послѣдователи Дарвина не придаютъ нынѣ существующимъ низшимъ расамъ человѣческаго племени такого значенія, чтобы въ нихъ можно было видѣть прямыя переходныя степени между европейскимъ человѣкомъ и обезьянами. Гораздо болѣе подтвержденія для своей теоріи они думаютъ найти въ древнѣйшихъ ископаемыхъ остаткахъ человѣческаго рода, погребенныхъ въ разныхъ слояхъ земной коры. Но въ числѣ найденныхъ доселѣ ископаемыхъ остатковъ человѣческаго рода, имѣющихъ, по мнѣнію современныхъ геологовъ, права на глубокую древность, нѣтъ ни одного, въ которомъ бы, вмѣстѣ съ сторонниками обезьяны-человѣка, мы могли признать переходную форму отъ обезьяны къ человѣку. Относительно неандертальскаго черепа, который, по словамъ Лайелля, далѣе всѣхъ другихъ найденныхъ ископаемыхъ череповъ отходитъ отъ нормальнаго человѣческаго типа, можно положительно сказать, что онъ — не опора для теоріи превращенія. Мы не имѣемъ претензіи оспаривать учено-анатомическое изслѣдованіе этого черепа профессора Гексли, на котораго, главнымъ образомъ, ссылается Лайелль въ своемъ сочиненіи о древности человѣческаго рода, а только тѣ заключенія, которыя выведены этимъ ученымъ въ пользу превращенія видовъ. По измѣренію профессора Шафгаузена неандертальскій черепъ въ его настоящемъ состояніи вмѣщаетъ 1033,24 кубическихъ

сантиметровъ воды, или около 68 англійскихъ кубич. дюймовъ. Полный же онъ долженъ бы содержать, по крайней мѣрѣ, 12-ю кубическими дюймами болѣе; слѣдовательно, minimum его объема можетъ быть приблизительно принято въ 75 куб. дюймовъ. Объемъ самаго большаго изъ нормальныхъ европейскихъ череповъ, измѣренныхъ до нашего времени, равняется 114 куб. дюймамъ, — объемъ самаго малаго — почти 55 куб. дюймамъ. Но профессоръ Шафгаузенъ говоритъ, что объемъ нѣкоторыхъ индусскихъ череповъ доходитъ до 46 куб. дюймовъ. Между тѣмъ, самый большой изъ череповъ гориллы, измѣренныхъ до сихъ поръ, содержитъ 34 куб. дюймовъ (1). На какомъ же, спрашивается, основаніи неандертальскій черепъ ставятъ между черепомъ человѣка и усовершенствованной обезьяны, когда, по своему объему, онъ занимаетъ мѣсто между высшими или, по крайней мѣрѣ, средними черепами нынѣшнихъ жителей Европы? Если прибавить къ этому, что прочія части неандертальскаго скелета совершенно сходны съ человѣческими формами, существующими теперь и не представляютъ никакой аналогіи формъ или размѣровъ съ соотвѣтствующими частями у гориллы, — чего не отвергаетъ профессоръ Шафгаузенъ, — то въ высшей степени странными должны показаться заключенія Гексли объ обезьяноподобномъ происхожденіи этого скелета. Гексли съ особенною подробностію останавливается на остеологическомъ строеніи неандертальскаго черепа, указывая на продолговатую форму черепа, сдавленность лобной кости надъ бровяными дугами и т. под., какъ на несомнѣнные признаки низшаго племени, стоящаго на

(1) Ляйэлль гл. V стр. 73—83.

переходѣ отъ обезьяны къ человѣку. Но какъ шатки заключенія Гексли, построенныя на этихъ признакахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, сообщеннаго въ недавнее время однимъ ученымъ членомъ Бельгійской академіи наукъ Dewalque. Находясь въ Люттихѣ у одного физіолога, этотъ ученый увидѣлъ въ коллекціи костей, составлявшихъ предметъ физіологическихъ наблюденій для хозяина, человѣческій черепъ, обложенный бѣлымъ мраморомъ. Этотъ изящный черепъ, относящійся, по археологическимъ признакамъ своей обдѣлки, ко временамъ римской культуры, представлялъ форму почти продолговатую, приближающуюся къ черепу обезьянъ, не только сильнымъ развитіемъ надбровныхъ дугъ и выдающимся положеніемъ орбитъ, но ещё болѣе сжатою формою мозговой полости, чѣмъ какая замѣчена въ неандертальскомъ черепѣ. По словамъ физіолога, этотъ черепъ найденъ въ дилювіальныхъ отложеніяхъ, при вырытіи фундамента для одного зданія, не менѣе, какъ на 6 футовъ глубины отъ земной поверхности. „Этотъ черепъ, говоритъ Dewalque, если бы не былъ черепомъ какого-либо римскаго нобиля, или благороднаго Галла, а принадлежалъ обыкновенному смертному, у котораго некому было позаботиться о мраморной обдѣлкѣ, то послѣдователи Дарвина навѣрное нашли бы въ немъ новое неопровержимое доказательство своей теоріи перерожденія, а Ляйэлль съ своими сторонниками увидѣлъ бы въ немъ сильное подтвержденіе для своего мнѣнія о стотысячелѣтнемъ существованіи человѣческаго рода, — тѣмъ болѣе, что этотъ черепъ найденъ въ несомнѣнныхъ геологическихъ условіяхъ древности“ (1).

(1) Briefe gegen Materialismus. Fabri стр. 299.

Имѣя въ виду приведенный нами фактъ), въ вѣрности котораго нѣтъ повода сомнѣваться, мы можемъ думать, что и неандертальскій черепъ принадлежитъ къ той же эпохѣ, какъ найденный въ окрестностяхъ Люттиха, если еще не моложе послѣдняго. Ни Гексли съ своимъ субъективнымъ предположеніемъ, относительно происхожденія неандертальскаго ископаемаго, ни Ляйэлль, увлекшійся этимъ предположеніемъ и на немъ основавшій свое мнѣніе о глубокой древности неандертальскаго ископаемаго, не могутъ противопоставить намъ серьозныхъ возраженій основанныхъ на точныхъ фактическихъ данныхъ. Если бы существовалъ переходъ, помощію измѣненія, отъ обезьяны къ человѣку, то геологи давно должны были открыть нѣсколько ясныхъ промежуточныхъ звѣньевъ, и не прибѣгали бы къ такой ничтожной, ничего не доказывающей находкѣ, какъ неандертальскій черепъ. Предупреждая это возраженіе, Ляйэлль говоритъ: „для того, что бы найти эти промежуточныя звѣнья должно обратить взоры на время отдаленнѣйшее отъ эпохи, характеризуемой остатками допотопнаго слона и другихъ вымершихъ нынѣ видовъ животныхъ. Только въ какое либо будущее время, когда, можетъ быть, будутъ открыты сотни видовъ угасшихъ, четверорукихъ (переходныхъ формъ отъ обезьяны къ человѣку) естествоиспытатель можетъ говорить съ нѣкоторою достовѣрностію объ этомъ предметѣ; теперь же мы должны довольствоваться терпѣливымъ выжиданіемъ и не измѣнять наше мнѣніе, относительно перерожденія, только вслѣдствіе отсутствія доказательствъ. До сихъ поръ мы не изучали тѣхъ страницъ великой книги природы, въ которыхъ единственно имѣемъ право надѣяться найти ископаемыя промежуточныя звѣнья. Отечество человѣко-

подобныхъ обезьянъ — это экваторіальная Африка и острова Борнео и Суматра, — страны, можно сказать, совершенно не извѣстныя относительно своихъ пліоценовыхъ и постъ-пліоценовыхъ ископаемыхъ. Когда будутъ изслѣдованы эти страны, тогда, по всей вѣроятности, откроется множество угасшихъ типовъ человѣкоподобныхъ обезьянъ, родственныхъ съ гориллами, шимпанзе и орангутантами (1).“ Изъ этихъ словъ мы узнаемъ, что между естествоиспытателями есть также свои пророки, имѣющіе способность прозирать въ будущее и напередъ отгадывать, какого рода открытія естествознаніе сдѣлаетъ въ отдаленное грядущее.... Мы знаемъ, какъ должно быть осторожными, употребляя отрицательныя доказательства въ борьбѣ съ естествознаніемъ, и потому не рѣшились бы высказаться рѣшительно противъ натуралистическаго пророчества Лейелля, если бы мы не имѣли твердыхъ основаній не вѣрить его предсказанію. Положеніе: „человѣкъ есть разумное созданіе Божіе, особливое дѣло рукъ Божіихъ, созданное непосредственно дѣйствіемъ силы Божіей, по образу и подобію Божію,“ не есть одна бездоказательная фраза, а имѣетъ на своей сторонѣ и авторитетъ Слова Божія и сознаніе человѣческое, не омраченное предубѣжденіемъ въ пользу противуположной теоріи, и здравый, психологическій анализъ, направленный къ изученію свойствъ человѣческой природы. Между тѣмъ противоположное мнѣніе о случайномъ происхожденіи человѣка изъ низшихъ формъ животной неразумной жизни стоитъ въ противоположности съ Богооткровеннымъ ученіемъ, не мирится съ началами человѣческаго разума и идетъ

(1) Гл. XXIV, стр. 479.

въ разрѣзъ со всѣми требованіями здравой логики. Какое же основаніе вѣрить въ пророчество, обѣщающее открытіе точныхъ фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе этого дикаго мнѣнія? Постоянная надежда геологовъ открыть наименѣе развитый человѣческій черепъ въ древнѣйшихъ пластахъ земной коры основана на теоріи постепеннаго перерожденія и весьма вѣроятно, что еще когда-нибудь примутъ мнимое за дѣйствительное, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что до сихъ поръ мы не имѣемъ ни одного положительнаго доказательства, что появленіе низшихъ племенъ человѣческаго рода всегда предшествовало, въ хронологическомъ порядкѣ, появленію высшихъ породъ. Напротивъ есть факты, которые убѣждаютъ насъ въ совершенно противномъ. Изъ числа этихъ фактовъ мы приведемъ одинъ, принадлежащій къ области новѣйшихъ геологическихъ открытій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ окрестностяхъ Льежа (Liège), былъ найденъ докторомъ Шмерлингомъ ископаемый человѣческій черепъ, находившійся въ пещерѣ d'Engis, относящейся, по своему геологическому положенію, къ пост—пліоценовому или дилювіальному времени. Этотъ черепъ лежалъ вмѣстѣ съ другими человѣческими костями, наряду съ вымершими нынѣ видами животныхъ—съ остатками угасшихъ видовъ слона, носорога, медвѣдя, тигра и гіены. Мы знаемъ, что это все—условія глубокой древности, съ точки зрѣнія новѣйшей геологіи. По теоріи постепеннаго развитія и перерожденія нужно бы ожидать, что черепъ Енгисской пещеры будетъ гораздо дальше отходить отъ нормальнаго человѣческаго типа по своему остеологическому строенію, чѣмъ Неандертальскій черепъ, найденный, по сознанію самаго Ляйэлля, при условіяхъ

гораздо менѣе глубокой древности (¹). Но, не смотря на несомнѣнную древность (съ геологической точки зрѣнія), Енгисовый черепъ такъ близко подходитъ къ наиболѣе развитому Кавказскому типу, что, при всей привязанности своей къ теоріи Дарвина, Гексли не осмѣлился утверждать, что и этотъ черепъ, также какъ неандертальскій, представляетъ переходную степень отъ обезьяны къ человѣку. Нормальная высота черепа, простирающаяся до $4^3/_4$ дюйма, горизонтальная выпуклость лба, достигающая $20^1/_2$ дюймовъ, отсутствіе надбровныхъ выступовъ, сильное развитіе мозговой полости (²), всѣ эти признаки предохранили Енгисскаго ископаемаго отъ обиднаго предположенія новѣйшихъ ученыхъ о животномъ происхожденіи его и о родствѣ съ гориллою и шимпанзе. Послѣдователи Дарвина расположены смотрѣть на Енгисскій черепъ, какъ на исключительное явленіе, не нарушающее ихъ теоріи постепеннаго перехожденія человѣческихъ организмовъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ. Но въ природѣ, скажемъ словами Фохта, „всякое исключеніе имѣетъ свое правило". Доколѣ не указано это правило, мы всегда имѣемъ право думать, что то или другое явленіе, не гармонирующее съ началами извѣстной теоріи, опровергаетъ истинность этой теоріи и не позволяетъ строить на ней тѣхъ или другихъ выводовъ и заключеній.

И такъ, если есть факты, противорѣчащіе принятію теоріи перерожденія, по которой появленіе низшихъ формъ человѣческаго царства предшествовало, въ хронологическомъ порядкѣ, появленію высшихъ формъ, то понятно, что всѣ геологическія вычисленія древности

(¹) Гл. V стр. 73—78.

(²) Ibid.

человѣческаго рода, основывающіяся на измѣреніи степени уклоненія нѣкоторыхъ ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ, въ ихъ органическихъ признакахъ, отъ нынѣшнихъ усовершенствованныхъ человѣческихъ расъ, — пока еще висятъ на воздухѣ и относятся къ области произвольныхъ, субъективныхъ предположеній послѣдователей Лайэлля. Можно бы значительно умножить количество фактовъ, опровергающихъ теорію постепеннаго усовершенствованія человѣческихъ организмовъ, состоящаго въ пропорціональной связи съ теченіемъ времени, но достаточно и одного приведеннаго нами факта, чтобы лишить опоры геологическія заключенія о человѣческой древности, построенныя на этой теоріи. Въ области точныхъ, естественнонаучныхъ изслѣдованій, одинъ противорѣчащій фактъ, инстанція, выражаясь словами знаменитаго верулямскаго мыслителя, разрушаетъ цѣлое теоретическое построеніе, какъ бы стройнымъ ни казалось оно по своей наружной формѣ.

Говорятъ, есть еще данныя, которыя, — независимо отъ теоріи постепеннаго преобразованія, — съ точки зрѣнія которой одно уклоненіе организмовъ отъ нынѣшнихъ типовъ служитъ признакомъ древности, — указываютъ на глубокую древность нѣкоторыхъ ископаемыхъ. Это дендрическія кристаллизаціи (dendrite), образовавшіяся на внутренней и наружной сторонѣ нѣкоторыхъ скелетовъ. Но мнѣніе, — будто скопленіе этихъ веществъ надъ органическими остатками происходитъ съ чрезвычайною медленностію и никогда не встрѣчаются на относительно недавнихъ костяхъ, въ настоящее время отвергнуто, какъ совершенно ложное и не основательное. „Присутствіе дендритовъ на ископаемыхъ, — говоритъ докторъ Мейеръ, — еще не представляетъ несомнѣннаго

доказательства глубокой древности ихъ, такъ какъ подобныя же кристаллизаціи находили иногда и на римскихъ поляхъ“.

Всѣ доказательства, такимъ образомъ, заимствованныя новѣйшими геологами отъ ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ, въ пользу своего мнѣнія о стотысячелѣтней древности человѣческаго рода, не выдерживаютъ научной критики, но или основываются на ложныхъ мнѣніяхъ, отвергнутыхъ самою наукою,—или на предзанятыхъ понятіяхъ, справедливость которыхъ еще требуется доказать тѣмъ, которые ихъ раздѣляютъ. Рудольфъ Вагнеръ, извѣстный своими физіологическими и анатомическими изслѣдованіями, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія ископаемыхъ человѣческихъ череповъ, на которые современные геологи ссылаются въ доказательство глубокой древности человѣка, пришелъ къ заключенію, что эти находки не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о древности человѣка и важны только для науки, занимающейся сравнительнымъ изученіемъ человѣческихъ череповъ. Неандертальскій черепъ Вагнеръ признаетъ за черепъ какого нибудь голландца, который только нѣсколько уклонился отъ типа череповъ, найденныхъ въ окрестностяхъ пролива Зюйдерзе, и находится въ коллекціи Блюменбаха. Что касается до другихъ череповъ, найденныхъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ свайными постройками, то Вагнеръ не соглашается приписать имъ даже тысячелѣтней древности (1). Этимъ замѣчаніемъ германскаго ученаго мы заключаемъ наше разсужденіе объ ископаемыхъ человѣческихъ остаткахъ, оставаясь при убѣжденіи, что сами по себѣ эти ископаемые не пред-

(1) Briefe gegen Materialismus, стр. 305.

ставляютъ никакихъ признаковъ, по которымъ бы можно было приписать имъ слишкомъ глубокую древность. Въ древности ихъ можетъ не сомнѣваться только тотъ, кто съ слѣпою вѣрою принимаетъ гипотезу Лайэлля о стотысячелѣтнемъ существованіи человѣческаго рода. Но для того, кто не предубѣжденъ въ пользу этой гипотезы, они не могутъ имѣть никакой силы доказательности и самый способъ опредѣленія по нимъ древности человѣческаго рода представляется страннымъ и не научнымъ. Теперь мы перейдемъ къ разбору доказательствъ, которыя послѣдователи новѣйшей геологіи заимствуютъ, для подкрѣпленія своего мнѣнія о древности человѣческаго рода, изъ разсмотрѣнія животнаго и растительнаго царствъ, которыми сопровождаются нѣкоторые изъ ископаемыхъ человѣческихъ остатковъ. Посмотримъ, — можетъ быть эта группа доказательствъ сильнѣе разсмотрѣнныхъ нами.

Животныя и растенія, учитъ современная геологія, не всегда были одни и тѣ же, но мѣнялись нѣсколько разъ на землѣ, въ продолженіе ея геологическаго развитія. Въ защиту этого ученія геологи ссылаются на существованіе органическихъ окаменѣлыхъ остатковъ, находящихся во всѣхъ формаціяхъ, исключая, такъ называемыя, огненныя, кристаллическія. Каждая формація, утверждаютъ геологи, отличается особенною, ей свойственною, флорою и фауною. Такъ называемыя, первичныя породы (иначе называемыя переходными) содержатъ въ себѣ ископаемые, которые не встрѣчаются или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко попадаются во вторичныхъ образованіяхъ, вторичныя формаціи характеризуются также особенными ископаемыми,—третичныя—тоже; и такъ далѣе. На этихъ фактахъ геологи основываютъ

свое мнѣніе о томъ, будто одинаковыя породы животныхъ и растеній жили въ одинаковые геологическіе періоды, періодически появляясь другъ за другомъ чрезъ долгіе промежутки времени, соотвѣтствующіе той или другой формаціи. Не назначая строго предѣловъ — въ какой формаціи начинается одинъ родъ растеній и животныхъ, и въ какой — другой, геологія дѣлаетъ, однакожъ, различіе между древними растительными и животными остатками, принадлежащими къ первобытнымъ эпохамъ существованія земли, и новыми, относящимися къ недавнему времени. Поэтому, при разсужденіи объ относительной древности земныхъ пластовъ, геологи обращаютъ особенное вниманіе на ископаемые органическіе остатки, погребенные въ тѣхъ или другихъ пластахъ, и считаютъ различные классы ископаемой фауны и флоры хронометрическими данными для опредѣленія не только древности самыхъ пластовъ, но и заключающихся въ нихъ вещей, напримѣръ, остатковъ человѣческихъ произведеній, костей и т. п. Въ новѣйшее время, какъ мы уже знаемъ, геологи открыли, что во многихъ пластахъ земной коры, наряду съ допотопными, вымершими видами животныхъ и растеній покоятся кости человѣческія, съ ясными будто бы признаками одновременнаго отложенія ихъ съ костями означенныхъ животныхъ. При стремленіи пролить новый свѣтъ на вопросъ о хронологической древности человѣческаго рода, геологи съ радостію ухватились за это открытіе и постоянно указываютъ на него, какъ на одно изъ доказательствъ, по меньшей мѣрѣ, стотысячелѣтней древности человѣческаго рода.

Не наше дѣло разбирать ученіе геологовъ о не однократной смѣнѣ животнаго и растительнаго царствъ, въ

продолженіе геологическаго развитія земной коры; намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на вопросъ — можно ли классы ископаемой фауны и флоры считать признаками относительной древности земныхъ пластовъ и заключающихся въ нихъ человѣческихъ остатковъ? Если опредѣленіе древности или недавности земныхъ пластовъ зависитъ отъ свойствъ ископаемыхъ окаменѣлостей, то спрашивается: на какомъ основаніи составляется опредѣленіе древности или недавности самыхъ окаменѣлостей? Слои нельзя принимать въ этомъ случаѣ за хронологическіе масштабы, потому что это значило бы обращать доказательство въ логическій кругъ: сравнительную древность органическихъ окаменѣлостей доказывать слоями, а сравнительную древность слоевъ органическими окаменѣлостями. Сами по себѣ ископаемые органическіе остатки также не представляютъ никакихъ ясныхъ признаковъ своей относительной древности. На чемъ же, повторяемъ, основывается геологическое опредѣленіе относительной древности ископаемыхъ органическихъ остатковъ, погребенныхъ въ пластахъ земли? Если поближе посмотрѣть на дѣло, то нельзя не увидѣть, что опредѣленіе древности или недавности ископаемыхъ органическихъ остатковъ дѣлается геологами также не независимо отъ предвзятыхъ мнѣній, составленныхъ a priori. Въ самомъ дѣлѣ не принимается ли для этого предварительно теорія періодическаго появленія различныхъ классовъ животныхъ и растеній на земномъ шарѣ? Не допускается ли также предварительно мнѣніе о постепенномъ усовершенствованіи этихъ классовъ отъ перваго періода міробразованія до послѣдняго, съ низшихъ родовъ животныхъ и растеній до высшихъ? Не предпосылается ли заранѣе мысль о безконечно медлен-

номъ процессѣ вымиранія растеній и животныхъ и замѣненіи однихъ видовъ другими? Дѣйствительно, эти три мнѣнія, допускаемыя a priori, составляютъ основаніе для сужденій новѣйшихъ геологовъ объ относительной древности ископаемыхъ остатковъ растительнаго и животнаго царствъ. Но что касается до перваго мнѣнія, то подтвердить его геологія не можетъ путемъ точныхъ, фактическихъ доказательствъ. Если самая мысль объ огромныхъ періодахъ въ исторіи образованія и развитія нашей планеты относится къ области не доказанныхъ гипотезъ и имѣетъ противъ себя много дѣльныхъ и серьёзныхъ возраженій, то тѣмъ болѣе можно сдѣлать возраженій противъ теоріи періодическаго появленія животныхъ и растеній. Обыкновенно выставляемый на видъ фактъ, — будто каждая формація характеризуется особливою, ей свойственною, фауною и флорою, — во-первыхъ, не имѣетъ всеобщности, по свидѣтельству точныхъ изслѣдователей, во-вторыхъ, не уполномочиваетъ самъ по себѣ къ заключенію о періодическомъ появленіи растительныхъ и животныхъ организмовъ. Если бы земныя формаціи вездѣ отличались рѣзкимъ образомъ по своимъ минералогическимъ свойствамъ или по своему напластованію, въ такомъ случаѣ еще можно было бы провести опредѣленныя границы между ними и указать періоды появленія органическихъ окаменѣлостей, заключенныхъ въ формаціяхъ. Но, какъ мы видѣли выше, земныя формаціи часто не замѣтнымъ образомъ переходятъ одна въ другую, при томъ же такъ перемѣшаны между собою, что часто не возможно бываетъ опредѣлить, какая изъ нихъ осѣла прежде и какая послѣ. Очевидно, въ такихъ случаяхъ невозможно положить общихъ, рѣзкихъ и опредѣленныхъ границъ

появленія растительныхъ и животныхъ окаменѣлостей однихъ за другими,—тѣмъ менѣе—опредѣлить съ точностію—какія изъ нихъ существовали прежде и какія послѣ. Однѣ и тѣ же окаменѣлости, какъ показываетъ опытъ, встрѣчаются во всѣхъ глубинахъ земной коры, многіе не только роды, но и виды животныхъ и растеній, господствующіе, въ такъ называемыхъ, первичныхъ формаціяхъ, переходятъ во вторичныя, изъ вторичныхъ—въ третичныя, и наоборотъ — господствующія въ третичныхъ встрѣчаются, хотя въ меньшемъ количествѣ, и во вторичныхъ и даже въ первичныхъ. Слѣдовательно, они могли отложиться одновременно во всѣхъ пластахъ земли, вслѣдствіе какой либо великой, всеобщей катастрофы, измѣнившей геологическое строеніе земной коры и повлекшей за собою измѣненіе флоры и фауны на земномъ шарѣ. Попытки нѣкоторыхъ геологовъ сблизить эту катастрофу съ библейскимъ всемірнымъ потопомъ утверждаются на научныхъ основаніяхъ и, по крайней мѣрѣ, доселѣ ни кѣмъ не опровергнуты съ очевидною точностію и основательностію. Но допустимъ, что растенія и животныя періодически появлялись на землѣ одни за другими. Имѣетъ ли геологія какія либо данныя для измѣренія періодовъ времени между одною и другою смѣною животной и растительной жизни? Геологія, какъ мы видѣли, не имѣетъ точныхъ хронометрическихъ масштабовъ для измѣренія геологическихъ процессовъ, допускаемыхъ ею въ исторіи образованія земной коры. Установить хронологическіе циклы для исторіи развитія органической жизни на землѣ есть также одна изъ неблагодарныхъ задачъ, на которую геологи потратили безуспѣшно много остроумныхъ соображеній, не достигши никакихъ точныхъ, положи-

тельныхъ результатовъ. Мысль о постепенномъ развитіи растительнаго и животнаго царствъ, съ низшихъ родовъ животныхъ и растеній до высшихъ, слишкомъ обща для того, чтобы служить основою для хронологическихъ вычисленій. Понятіе постепенности не соединяется неразрывно съ понятіемъ медленности или быстроты движенія. Извѣстно, что свѣтъ пробѣгаетъ въ каждую секунду до 288,000 нашихъ верстъ,—между тѣмъ планеты отличающіяся самою большою скоростію движенія пробѣгаютъ не болѣе 6 миль въ секунду. Разница огромная. Однакожъ въ томъ и другомъ случаѣ соблюдается законъ самой строгой, непрерывной постепенности. Постепенности въ твореніи не отвергаетъ и библія, напротивъ, она ясно указываетъ на постепенное проявленіе творящей силы, высказывающееся въ постепенномъ приближеніи растеній и животныхъ отъ менѣе развитыхъ формъ къ болѣе совершенному типу созданій—отъ былія травнаго къ древу плодовитому, творящему плодъ,—отъ пресмыкающихся и гадовъ къ совершеннѣйшимъ видамъ млекопитающихъ. Переходя съ библейской точки зрѣнія на почву научныхъ, точно обслѣдованныхъ фактовъ, и слѣдя за исторіею животной и растительной жизни на землѣ, нельзя не допустить постепенности и въ самомъ развитіи животныхъ и растительныхъ организмовъ. Наблюденія показываютъ, что животныя и растенія допотопнаго міра отличаются особеннымъ характеромъ отъ нынѣшнихъ видовъ животнаго и растительнаго царствъ. Ихъ строеніе очень несложно и оттого они имѣютъ исполинскій ростъ въ сравненіи съ нынѣшними организмами. Но, отличаясь большею массивностію и громадностію размѣровъ, первобытная фауна и флора далеко уступаетъ

нынѣшнимъ видамъ растительнаго и животнаго царствъ въ богатствѣ и разнообразіи формъ, въ красотѣ и совершенствѣ структуры. Въ этомъ отношеніи мы согласны признать, вмѣстѣ съ геологами, „слѣды органическаго прогресса въ постепенномъ развитія живыхъ формъ на земномъ шарѣ". Но мы не видимъ никакой необходимости принимать невообразимо долгихъ промежутковъ въ исторіи постепеннаго развитія фауны и флоры. Мнѣніе геологовъ объ этихъ промежуткахъ есть не болѣе, какъ только одно мнѣніе и не подтверждается опытными фактами. Въ пользу этого мнѣнія могло бы служить одно, — если бы первобытная флора и фауна радикально отличались отъ нынѣшнихъ видовъ животныхъ и растеній. Не предположивъ скачка, или даже болѣе того—новотворенія въ исторіи животнаго и растительнаго міра, трудно было бы объяснить этотъ фактъ, безъ помощи долгихъ промежутковъ времени, стоя на почвѣ естествознанія. Все новое выработывается медленно,—это законъ, на сторонѣ котораго факты исторіи и опыта. Но различіе между допотопными и нынѣшними организмами простирается отнюдь не такъ далеко, чтобы восходило на степень радикальнаго, абсолютнаго различія. Не входя въ подробное разсужденіе объ этомъ предметѣ, мы приведемъ здѣсь слова одного ученаго, спеціально занимавшагося геологіею и вполнѣ заслуживающаго довѣрія. „Хотя, говоритъ этотъ ученый, прежній міръ животныхъ и растеній показываетъ разительное отличіе отъ настоящаго, но оно не въ такой степени рѣшительно, чтобы мы не могли включать типы этихъ животныхъ и растеній въ ряды настоящихъ органическихъ тварей. Сколь не различны взгляды естествоис-

пытателей на начала классификаціи флоры и фауны, но всѣ они согласны въ томъ пунктѣ, что классораздѣленіе, которое обнимаетъ нынѣ существующіе организмы, весьма легко можетъ принять въ себя и первобытные ископаемые организмы. Органическій міръ отъ самаго начала созданъ по одному и тому же главному плану и его исторія показываетъ только постепенное стремленіе—сдѣлаться болѣе и болѣе сходнымъ съ настоящимъ состояніемъ тварей. Предъ наступленіемъ всемірнаго потопа это стремленіе достигло своей высшей степени; при сравненіи животнаго міра непосредственно предъ потопомъ и послѣ потопа, которое, конечно, можетъ быть сдѣлано только въ отношеніи къ млекопитающимъ животнымъ, мы встрѣчаемъ уже всѣ роды и, вѣроятно, всѣ виды настоящіе. Правда, предпотопная фауна представляетъ нѣсколько родовъ, которые въ послѣпотопной болѣе не встрѣчаются, и многіе изъ прочихъ родовъ представляютъ специфическое отличіе отъ послѣпотопныхъ; но надобно замѣтить, что большая часть земной поверхности, въ отношеніи къ допотопнымъ остаткамъ, еще не изслѣдована; слѣдовательно нельзя выводить изъ этого факта какихъ нибудь рѣшительныхъ заключеній. Правда, что въ допотопной фаунѣ даже между млекопитающими есть нѣсколько родовъ, о которыхъ опредѣленно можно сказать, что они между живущими нынѣ тварями болѣе не существуютъ, но ихъ истребленіе можетъ быть приписано одновременной катастрофѣ ([1]). Не желая принять послѣдняго объясненія относительно истребленія не встрѣчающихся нынѣ родовъ животныхъ, ко-

---

([1]) A. Wagner. См. Хр. Чтеніе 1859 г. ст. „разборъ сужденій новѣйшихъ естествоиспытателей о происхожденіи міра“.

вайшіе геологи — послѣдователи Лайэлля и Дарвина выставляютъ свою теорію въ объясненіе этого факта, — теорію постепеннаго, безконечно-медленнаго вырожденія (вымиранія) организмовъ, подъ вліяніемъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе — двухъ агентовъ, помощію которыхъ Дарвинъ думаетъ объяснить всѣ перемѣны въ исторіи развитія животнаго и растительнаго міра. Мы не будемъ входить въ подробный разборъ этой теоріи, — не будемъ насаться даже того, насколько лучше и удовлетворительнѣе только что представленнаго нами мнѣнія объясняется этою теоріею отсутствіе нѣкоторыхъ классовъ животныхъ и растеній въ ряду настоящихъ представителей животнаго и растительнаго царствъ. Фактъ исчезновенія и вымиранія различныхъ классовъ растеній и животныхъ продолжается еще и въ наши дни — одного этого достаточно, съ точки зрѣнія Дарвина, чтобы признать за своею теоріею больше научности и справедливости сравнительно съ теоріею, допускающею необыкновенный переворотъ на земномъ шарѣ, выходящій изъ круга наблюдаемыхъ нынѣ явленій. Для насъ опять важенъ вопросъ, имѣютъ ли последователи Дарвина какія нибудь положительныя и точныя данныя для опредѣленія количества времени, необходимаго для того, чтобы извѣстный классъ животныхъ или растеній исчезъ съ лица земли и замѣнился новымъ классомъ. Мы смѣло можемъ сказать, что не имѣютъ. Процессъ вымиранія организмовъ еще не уясненъ въ такой степени, чтобы къ нему можно было приложить математическія вычисленія. Различіе условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершается этотъ процессъ, такъ велико, что не даетъ возможности установить точныхъ и опредѣленныхъ законовъ для всѣхъ случаевъ, сюда от-

носящихся. По крайней мѣрѣ до настоящаго времени это составляетъ одну изъ задачъ естествознанія, рѣшеніе которой будетъ достигнуто развѣ только въ будущемъ. Въ настоящее время послѣдователямъ Дарвина приходится ограничиться одними общими, бездоказательными фразами въ пользу своего мнѣнія о безконечно медленномъ вымираніи организмовъ. Но даже, становясь на точку зрѣнія теоріи Дарвина, по которой явленія, наблюдаемыя въ настоящее время, служатъ абсолютнымъ масштабомъ для измѣренія процессовъ и фактовъ въ прошедшей жизни природы, нельзя доказать, будто процессъ вырожденія организмовъ безусловно долженъ быть отнесенъ къ числу самыхъ медленныхъ и *тягучихъ* процессовъ. Если есть еще нѣкоторые факты, которые, по видимому, говорятъ въ пользу этого мнѣнія, то нельзя же игнорировать другаго рода фактовъ, которые положительно опровергаютъ это мнѣніе и ведутъ къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ. Наука въ состояніи доказать съ точностію только одинъ фактъ, что для вырожденія извѣстнаго класса организмовъ необходимо, чтобы въ продолженіе нѣкотораго времени новорожденные не вознаграждали убытковъ смертности,—а этою причиною бываетъ то измѣненіе климата, происходящее вслѣдствіе колебанія или поднятія почвы, то безпрерывная борьба за существованіе, которую животные ведутъ между собою, то множество другихъ условій, или ускоряющихъ, или замедляющихъ быстроту вырожденія. Въ каждой великой части животнаго царства природа избрала извѣстное число животныхъ, которые истребляютъ другихъ. Есть хищныя насѣкомыя, есть хищныя птицы,—хищныя рыбы,—хищныя четвероногія. Не проходитъ ни одной минуты, чтобы какое нибудь

живое существо не было пожрано другимъ. Надъ всѣми многочисленными расами животныхъ поставленъ человѣкъ, разрушительная рука котораго не щадитъ ничего существующаго. Онъ убиваетъ для того, чтобы питаться, убиваетъ для того, чтобы одѣваться, наряжаться; убиваетъ для того, чтобы нападать, чтобы защищаться; онъ убиваетъ для своихъ нуждъ, для забавы; убиваетъ для того, чтобы убивать. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ преуспѣвалъ въ искусствѣ покорять себѣ животныхъ, многія породы послѣднихъ постепенно начали исчезать съ земли. Должно, такимъ образомъ, допустить, что, кромѣ внѣшнихъ условій и агентовъ, заправляющихъ ходомъ и развитіемъ животной жизни, человѣкъ принималъ существенное участіе въ истребленіи животныхъ породъ. Если принять за вѣрное мнѣніе новѣйшихъ естествоиспытателей, что люди сначала вовсе не содержали домашнихъ животныхъ и не разводили хлѣбныхъ растеній, то участіе человѣка въ означенномъ дѣлѣ нельзя будетъ представить слишкомъ слабымъ и ничтожнымъ, какъ представляютъ это послѣдователи Дарвина. Напротивъ человѣкъ долженъ былъ дѣйствовать съ особенною энергіею въ истребленіи животныхъ, чтобы питаться ихъ мясомъ, одѣваться ихъ шкурами. Имѣя опредѣленную цѣль въ дѣйствіяхъ и нападая преимущественно на тѣ классы животныхъ, истребленіе которыхъ могло принести пользу въ томъ или въ другомъ отношеніи, человѣкъ весьма много содѣйствовалъ природѣ въ уничтоженіи извѣстныхъ породъ животнаго царства, не встрѣчающихся между нынѣшними животными, и въ значительной степени ускорялъ дѣйствіе естественныхъ силъ, игравшихъ, по теоріи Дарвина, главную роль въ необразимо медленномъ развитіи ор-

ганической жизни. Въ подтвержденіе того, что вымираніе цѣлыхъ классовъ организмовъ можетъ происходить въ относительно короткій срокъ, благодаря вліянію человѣка, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ вымиранія животныхъ, случившихся уже въ историческія времена, и притомъ не слишкомъ отдаленныя отъ нашего времени (¹). Гигантскія птицы—dinornis, oepyornis, alca impennis, жившія недавно въ большомъ количествѣ въ Новой Голландіи и Магадаскарѣ и Dronte, обитавшій на островѣ Иль-де-Франсѣ и островѣ св. Маврикія, въ семнадцатомъ столѣтіи, исчезли теперь и не встрѣчаются болѣе. Точно также исчезъ и олень гигантныхъ лѣсовъ, добываемый римскими дворянами изъ Англіи, не далѣе какъ въ 15 вѣкѣ, и сохранившійся на нѣкоторыхъ памятникахъ не слишкомъ отдаленной древности; недавно также исчезла порода морскихъ коровъ въ Берииговомъ морѣ. Олень, бобръ, прежде часто встрѣчавшіеся въ Швейцаріи, нынѣ совершенно исчезли оттуда. Дикій быкъ (bos urus или bos primigenius), обитавшій въ Даніи, во времена Юлія Цезаря и жившій еще долго послѣ того, теперь не встрѣчается въ Даніи. Волки въ недавнее время истреблены въ Англіи, медвѣди — въ большей части Германіи. Нѣкоторые изъ существующихъ еще видовъ животныхъ, по замѣчанію наблюдателей, близки къ уничтоженію, какъ напр., Литовскій Зубръ или Бизонъ (Bos Bison), отъ котораго осталось только одно охраняемое стадо въ Бѣловѣжской пущѣ, избѣгнувшее окончательнаго истребленія, только благодаря защитѣ русскаго правительства. Иныя животныя едва держатся еще на границахъ германскаго материка, какъ напр., сѣвер-

(¹) Свѣдѣнія объ этихъ фактахъ заимствованы нами изъ статьи Вера о первоначальномъ состояніи человѣка въ Европѣ.

ный олень, обитающій на ограниченномъ мѣстѣ Балтійскаго прибрежья и туземный только въ Скандинавіи и Россіи. Бэръ говоритъ, что морскіе бобры вывелись бы очень скоро, если бы охота на нихъ была освобождена отъ стѣсненій. Наконецъ, вотъ интереснѣйшій фактъ, стоющій того, чтобы объ немъ упомянуть здѣсь. 16-го марта 1361 года Gibert-de-Peirefort-баронъ одной французской области—Hierle, близъ Vigan, подтвердилъ публичнымъ актомъ своимъ крестьянамъ права, которыми они пользовались съ незапамятнаго времени и, кромѣ этихъ правъ, уступилъ имъ еще нѣкоторыя новыя права, въ числѣ которыхъ—право охотиться, кромѣ зайца, кролика, куропатки и другой дичи, за вепрями, косулями, медвѣдями и другими звѣрями, которыхъ его предшественники берегли для собственной охоты. 10 марта 1654 года жители означенной области просили снова подтвердить свои права и привиллегіи барона Christofle-de-Montfaucon'а, выставляя, между прочимъ, на видъ, что предки ихъ, по акту 1361 года пользовались свободою охотиться не только за дичью, но также за вепрями, оленями, медвѣдями и другими дикими звѣрями, которыхъ, говорили крестьяне, „нельзя найти теперь во всемъ обширномъ баронствѣ Hierle (¹)". Слѣдовательно, въ теченіе 294 лѣтъ, эти породы звѣрей успѣли уничтожиться въ означенной мѣстности. Что касается до растеній, то вымираніе ихъ также подчинено многимъ условіямъ. измѣняющимъ быстроту этого процесса. Въ доказательство относительно скораго вымиранія растительныхъ классовъ, мы приведемъ одинъ фактъ. Вблизи Ориньяка, во Франціи, въ департаментѣ

(¹) Revue Chret. 1864. Декабрь.

Верхней Гароны, находится рядъ холмовъ, съ незапамятныхъ временъ называемый „буковою горою." Теперь въ этой мѣстности нѣтъ буковыхъ деревьевъ; ихъ находятъ только на значительной глубинѣ отъ земной поверхности. Но (французское) названіе мѣстности, образовавшееся, во всякомъ случаѣ, не ранѣе населенія этой мѣстности франко-германскимъ племенемъ, показываетъ, что буковыя деревья существовали въ департаментѣ верхней Гароны во времена не слишкомъ отдаленныя и исчезли изъ означенной мѣстности уже въ періодъ нашей эры. Приведенныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ несостоятельности мнѣнія послѣдователей Дарвина о безконечно-медленномъ вымираніи растительныхъ и животныхъ организмовъ и увѣриться въ справедливости высказаннаго нами замѣчанія, что фактъ вымиранія и исчезновенія организмовъ, при настоящемъ состояніи научныхъ свѣденій, относительно условій подъ вліяніемъ которыхъ совершается этотъ фактъ, не даетъ ничего прочнаго для того, чтобы гадать о хронологической древности погибшихъ животныхъ и растеній, исчезнувшихъ съ лица земли и заключающихся въ разныхъ пластахъ земной коры.

Н. Рождественскій.

(Окончаніе будетъ).

ИНОСТРАННЫЯ ЦЕРКОВНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вѣсти съ Востока.—Перемѣна въ администраціи Православной Церкви на Іонійскихъ островахъ. — Возстаніе христіанъ на островѣ Кандіи. — Воззваніе ихъ къ президенту Соединенныхъ Штатовъ.—Вліяніе возстанія на другихъ христіанъ Востока.—Сообщеніе отъ греческаго короля великимъ европейскимъ державамъ. — Вѣсти съ Запада. — Критическое положеніе папы. — Пути къ выходу изъ этого положенія. — Особенная молитва. — Предполагаемый вселенскій соборъ. — Политическіе проекты. — Лепта св. Петра. — Свободныя ассоціаціи.—Рѣчь папы депутаціи католиковъ.—Состояніе католической церкви, разсматриваемой независимо отъ папства.—Успѣхи католичества въ протестантскихъ странахъ Европы и Америки—въ Англіи, Германіи, Швеціи, Норвегіи и Соединенныхъ Штатахъ. — Успѣхи его въ Китаѣ, на Востокѣ, въ Египтѣ и на островѣ Мадагаскарѣ. — Открытія въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. — Предполагаемое новое изданіе Codex Vaticanus. — Новѣйшія апологетическія сочиненія.

Православная Церковь на Іонійскихъ островахъ, находившаяся до сихъ поръ въ непосредственной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, съ согласія его святѣйшества и священнаго константинопольскаго сvнода, отнынѣ соединяется съ православною Новогреческою церковію и поступаетъ въ управленіе священнаго сvнода Аѳинскаго. Мотивомъ къ этой административной перемѣнѣ служитъ политическое присоединеніе Іонійскихъ острововъ къ ново-греческому королевству, состоявшееся въ 1863 году.

Между православнымъ народонаселеніемъ острова Кандіи (Крита), принадлежащаго Турціи, вспыхнуло воз-

станіе. Политическая цѣль возстанія—освобожденіе отъ турецкаго владычества, церковная — присоединеніе къ православной Ново-греческой церкви. Причины возстанія объяснены въ слѣдующемъ воззваніи кандіотовъ (критянъ) къ президенту Соединенныхъ Штатовъ:

Господинъ Президентъ!

„Греческій островъ Кандія, родина минервы и юпитера, знаменитый и счастливый въ древности, ничтожный и злополучный въ настоящее время, изнываетъ подъ мусульманскимъ игомъ предъ лицомъ всего христіанскаго міра. Взявшись за оружіе вмѣстѣ съ остальною Греціею во время славной борьбы за независимость въ 1821 году, онъ участвовалъ во всѣхъ бѣдствіяхъ того времени, которое было непрерывнымъ рядомъ страданій. Наши отцы поплатились своими костями въ теченіе этой девятилѣтней борьбы, и тысячи нашихъ женъ и дѣтей были проданы въ неволю. Намъ удалось занять весь островъ и одну изъ сильнѣйшихъ крѣпостей, и мы надѣялись, что для насъ, какъ и для нашихъ братьевъ въ Греціи, пробилъ желанный часъ свободы. Но наши ожиданія не оправдались. Наши жертвы были признаны недостаточными, и мы должны были подвергнуться новымъ испытаніямъ. Неумолимыя политическія соображенія снова отдали насъ подъ оттоманское иго, сперва подъ властію вице-короля египетскаго, потомъ подъ властію султана. Три великія державы, желая смягчить сдѣланную намъ несправедливость, обѣщали намъ 10-го февраля и 8-го августа 1830 года, лондонскими протоколами, по крайней мѣрѣ, отеческое правительство и опредѣленныя права, но, къ несчастію, правительство не пожелало обезпечить за нами даже этихъ немногихъ выгодъ. Такой образъ

дѣйствій дипломаціи былъ несправедливъ и не согласенъ съ положеніемъ дѣлъ и показывалъ все ничтожество порядка, созданнаго для насъ дипломаціею, потому что съ того времени намъ не суждено было наслаждаться благодѣяніями мира; намъ приходилось безпрерывно бороться за нашу свободу, единственное наше желаніе, а иногда за выполненіе сдѣланныхъ въ протоколахъ обѣщаній. Въ 1833 г. вспыхнула революція, которая залила островъ кровью. Въ 1841 году была другая, испытавшая ту же участь. Въ 1858 году мы требовали возстановленія нашихъ правъ и выполненія постановленій гатти-гумаюна, но ничего не получили, кромѣ лживыхъ обѣщаній. Въ 1861 г. часть нашего населенія, вслѣдствіе угнетеній и несправедливостей со стороны губернатора, и, по своему невѣжеству, попала на нѣкоторое время въ сѣти, разставленныя католическою пропагандою, думая этимъ способомъ пріобрѣсти себѣ свободу. Было бы долго, г. президентъ, разсказывать наши страданія, которыя должны возбуждать сочувствіе каждаго благомыслящаго человѣка. Мы платимъ тяжкіе налоги, несоотвѣтствующіе нашимъ скуднымъ доходамъ, и не пользуемся ни одной изъ тѣхъ выгодъ, которыя достаются въ удѣлъ подданнымъ государствъ съ хорошимъ управленіемъ. Трибуналы существуютъ у насъ только по имени, и правосудіе есть вещь, для насъ неизвѣстная: все зависитъ отъ произвола губернатора. Наши дѣти, по недостатку школъ, выростаютъ во мракѣ невѣжества; насъ не допускаютъ къ исполненію никакой общественной должности; свидѣтельство наше на судѣ не имѣетъ того вѣса, какъ свидѣтельство мусульманина. Зло, причиняемое намъ турками, рѣдко наказывается; вѣротерпимость

неоднократно провозглашенная, остается пустымъ словомъ. На тѣ немногія средства, которыми мы еще располагаемъ, содержится нами наше духовенство и, за не многими исключеніями, наши школы. Нашъ языкъ, языкъ страны, населенной христіанами и турками, не принимается въ судахъ; правительство только собираетъ налоги и не даетъ намъ ни малѣйшихъ выгодъ. Таково, въ немногихъ словахъ, наше положеніе, объ улучшеніи котораго, мы не однократно умоляли правительство. Въ нынѣшнемъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, мы ходатайствовали предъ султаномъ, миролюбивымъ и почтительнымъ образомъ, объ облегченіи тяжкихъ налоговъ, о равноправіи, о приведеніи въ дѣйствіе нѣкоторыхъ правительственныхъ преобразованій, объ исполненіи заключающихся въ протоколахъ обѣщаній и обнародованнаго гатти-гумаюма, неоднократно возвѣщеннаго; но ничего не получили. Къ несчастію нашему, блистательная Порта не только оставила наши жалобы безъ разсмотрѣнія, но и подвергла насъ оскорбленіямъ, угрожая нашимъ вождямъ заключеніемъ въ крѣпости, если они не дадутъ подписки въ томъ, что никогда не будутъ впредь жаловаться; сверхъ того послала противъ насъ корабли и войско. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, мы взялись за оружіе, чтобы защищать себя противъ насилія и отстоять нашею кровію священныя права человѣческія. Борьба, въ которую мы вступили, не соотвѣтствуетъ нашему малолюдству и безсилію. Передъ нами громадныя силы одной изъ державъ, но мы полагаемся на наши права и возлагаемъ упованіе на Бога, дающаго власть и силу государствамъ какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ, будучи готовы все принести въ жертву. По происхожденію и религіи, по языку и

историческимъ преданіямъ, мы принадлежимъ къ греческому племени, и настоящее наше мѣсто въ королевствѣ греческомъ. Таково положеніе дѣлъ. Да и какую пользу пріобрѣтетъ Турція, удерживая насъ подъ своею властію? Находясь подъ ея властію, мы только производимъ, отъ времени до времени, безпрерывныя столкновенія и смуты, между тѣмъ какъ, будучи присоединены къ родной нашей матери, Греціи, мы не только улучшили бы наше положеніе, но и пополнили бы греческую націю, страждущую отъ разобщенности своихъ членовъ. Господинъ президентъ! Если въ вашей странѣ несправедливости была заглажена священною войною, доведенною съ Божіею помощью до благополучнаго конца незабвеннымъ Вашингтономъ, то какъ оправдать ту, которую мы терпимъ? Мы были бы рады, если бы добились хотя тѣни тѣхъ выгодъ, которыя достались вашей странѣ въ ту пору. При такихъ обстоятельствахъ, почтительно нижеподписавшіеся представители критянъ осмѣливаются просить великую республику, во главѣ которой вы, г. президентъ, благополучно председательствуете, вступиться въ наше дѣло, затѣмъ, чтобы великія европейскія державы обратили на него вниманіе. Да благословитъ Господь благоденствіе и могущество славной республики Соединенныхъ Штатовъ Америки (Слѣдуютъ подписи).

По последнимъ извѣстіямъ, возстаніе Кандіотовъ произвело сильное вліяніе на всѣхъ восточныхъ христіанъ. Христіане сирійскіе взялись за оружіе, чтобы поддержать своихъ собратій и добиться вмѣстѣ съ ними независимости для себя. Христіане греческаго королевства заявляютъ свое сочувствіе къ дѣлу кандіотовъ шумными сходками и настоятельными требованіями отъ

своего правительства, чтобы оно вмѣшалось энергически въ борьбу кандіотовъ съ турками, такъ что король греческій долженъ былъ сообщить чрезъ своихъ посланниковъ великимъ европейскимъ державамъ, что онъ не видитъ средствъ сдерживать воинственные порывы своего народа. Въ славянскихъ земляхъ, находящихся въ прямой или косвенной зависимости отъ Турціи, замѣчается подобное же броженіе, хотя славяне преслѣдуютъ свои церковныя и политическія цѣли. Словомъ, восточный вопросъ готовится возстать во всемъ своемъ грозномъ величіи раньше, чѣмъ можно было ожидать.

Затруднительное положеніе римскаго первосвященника [1] давно уже озабочиваетъ всѣхъ ревностныхъ католиковъ. Но никогда это положеніе не внушало столько опасеній приверженцамъ папы, какъ теперь. Удаленіе Австріи изъ Италіи, вслѣдствіе уступки Венеціи Итальянскому королевству, отнимаетъ у него точку опоры на сѣверѣ Италіи, а приближеніе срока такъ называемой французско-итальянской конвенціи, въ силу которой французскія войска, охранявшія особу папы и его власть въ его владѣніяхъ, должны окончательно очистить Римъ и церковную область, оставляетъ его совершенно беззащитнымъ не только отъ окружающаго его со всѣхъ сторонъ итальянскаго королевства, но и отъ его собственныхъ подданныхъ; потому что девятитысячная армія папы, состоящая большею частію изъ вольнонаемныхъ иностранцевъ, едва ли можетъ поддерживать спокойствіе въ одномъ только Римѣ.

Вопросъ о томъ, какъ вывести папу и папство изъ

[1] См. Христ. Чт. за 1865 г. iюнь.

этого критическаго положенія, естественно, сильно занимаетъ и самого Пія IX и всѣхъ тѣхъ, которыхъ судьба или вѣрованія болѣе или менѣе связаны съ его судьбою, или съ системою папства. Едва ли остался хоть одинъ путь, котораго бы безкорыстные и корыстные сторонники папства не испробовали, или не пробуютъ къ его спасенію.

Самъ Пій IX и не многіе, раздѣляющіе его надежды на высшую помощь, думаютъ прежде всего спасти папство путемъ религіознымъ. Съ этою цѣлью, по мысли папы, еще въ концѣ прошедшаго года, составлена особая молитва — о защитѣ и охраненіи orbis et urbis (міра и Рима) отъ всѣхъ навѣтовъ вражіихъ. Эту молитву положено читать послѣ другихъ молитвъ на литаніи всѣмъ святымъ. Читать ее имѣютъ право только кардиналы и высшіе прелаты, а изъ прочихъ духовныхъ лицъ только тѣ, которые испросятъ у папы особое на то разрѣшеніе (1).

Другой путь, которымъ думаетъ воспользоваться папа для поддержанія своего колеблющагося трона, можно назвать церковно-каноническимъ. Это — созваніе вселенскаго собора. Для этого онъ думаетъ воспользоваться имѣющимъ исполниться въ слѣдующемъ году 18-тымъ столѣтнимъ юбилеемъ со дня мученической кончины св. апостола Петра. Оффиціальныя приглашенія на соборъ къ епископамъ всего земнаго шара (вѣроятно римскія

(1) Вотъ оригинальный текстъ этой молитвы: Civitatem istam circumda Tu, Domine, et Angeli Tui custodiant muros ejus; exaudi populum Tuum cum misericordia; avertatur furor Tuus a populo Tuo, quia congregati sunt inimici nostri, qui gloriantur in virtute sua. Sed Tu contere fortitudinem illorum, et disperde illos, ut cognoscant quia non est alius qui pugnet pro nobis nisi Tu Deus noster.

газеты разумѣютъ подъ нимъ исключительно міръ католическій) будутъ заготовлены въ особой конгрегаціи. Причиною созванія собора будутъ объявлены критическія обстоятельства времени, угрожающія общимъ церковнымъ интересамъ и вызывающія къ дѣятельности всѣ наличныя силы церкви. Это добровольное возвращеніе папства къ прежней формѣ обсужденія и рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ церковныхъ, послѣ многократно заявленнаго нерасположенія къ ней очень знаменательно. Но она едва ли принесетъ ожидаемую пользу римско-католической церкви, если для опредѣленія степени участія членовъ собора въ его рѣшеніяхъ, будетъ употреблена та же формула, которую ввелъ Иннокентій IV (1243 — 1254), именно: Sancta praesente synodo. Согласно съ этой формулой о. о. собора придется и теперь, какъ на прежнихъ такъ называемыхъ вселенскихъ латинскихъ соборахъ, быть лишь простыми зрителями папскаго великолѣпія и исполнителями опредѣленій, уже раньше составленныхъ. А если такъ; то едва ли католическій міръ сочтетъ для себя обязательными постановленія такого собора. А съ другою формулой, соборъ едва ли будетъ безусловно дѣйствовать въ папскихъ интересахъ.

Папскіе совѣтники, вѣрующіе больше въ испытанное искуство римской политики, чѣмъ въ высшее заступленіе и чисто церковныя средства, думаютъ спасти папство путемъ политическимъ. Одни изъ нихъ (партія французская) совѣтуютъ папѣ предложить французскому императору титулъ свѣтскаго намѣстника папы въ Римѣ и папскихъ владѣніяхъ, подобно тому, какъ носилъ титулъ патриція римскаго Пипинъ Короткій и первое время Карлъ Великій, творцы церковной

области. Этотъ совѣтъ основанъ на томъ предположеніи, что если императоръ приметъ предложенный ему титулъ; то вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ принять на себя и обязанность защищать папу и его владѣнія отъ всѣхъ враговъ, какъэту обязанность принимали на себя съ титуломъ патриція Пипинъ и Карлъ Великій. Другіе (партія итальянская) совѣтуютъ ему искать выхода изъ критическаго своего положенія въ примиреніи и тѣсномъ сближеніи съ итальянскимъ королевствомъ. Надежды этой партіи основываются на личномъ расположеніи итальянскаго короля Виктора Эммануила къ примиренію съ папою, и на предположеніи, что національные интересы Италіи будутъ вполнѣ удовлетворены этимъ шагомъ папы. Третьи (партія ультра—католическая) совѣтуютъ ему бѣжать изъ Рима на островъ Мальту, или въ Англію, и такимъ образомъ, воспользоваться гостепріимствомъ, которое давно предлагаютъ ему англичане. Такъ какъ Наполеонъ III не можетъ, не измѣнивши всѣмъ преданіямъ своего народа и своему титулу старѣйшаго сына католической церкви, допустить, чтобы глава католичества, предъ лицомъ всей западной католической Европы, искалъ себѣ покровительства у протестантской державы; то совѣтники этого рода разсчитываютъ этой угрозой принудить французскаго императора къ болѣе прямому и энергическому содѣйствію интересамъ папства. Которому изъ этихъ трехъ совѣтовъ послѣдуетъ папа, и послѣдуетъ ли которому нибудь, неизвѣстно.

Вѣрующіе въ всемогущую силу презрѣннаго металла, думаютъ спасти папство посредствомъ займовъ и добровольныхъ пожертвованій на наемъ и содержаніе правильно организованной арміи. Заемъ дѣйствительно уда-

лось заключить въ текущемъ году и—если вѣрить римскимъ газетамъ—на выгодныхъ условіяхъ. Для добровольныхъ пожертвованій еще въ началѣ столкновеній съ итальянскимъ королевствомъ учреждена папою такъ называемая лепта св. Петра. До сихъ поръ она доставляла папѣ до 10 милліоновъ франковъ ежегодно. Но въ прошедшемъ году эта сумма вдругъ понизилась до $7^1/_2$ милліоновъ. Если на это быстрое пониженіе не повліяли какія-нибудь случайныя обстоятельства, и если оно пойдетъ прогрессивно дальше; то расходы на содержаніе папской арміи, а слѣд., и самая армія должны будутъ значительно сократиться.

Наконецъ, на помощь папству спѣшатъ и частные лица со своими усиліями. Для болѣе успѣшнаго дѣйствованія, они организуются въ свободныя ассоціаціи. Такихъ ассоціацій въ послѣднее время развелось очень много. Однѣ изъ нихъ и въ самомъ своемъ названіи, и въ статутахъ прямо ставятъ свою цѣль—вспомоществованіе дѣлу папства тѣми или другими средствами—другіе прикрываютъ эту цѣль другими задачами—болѣе общими. Для перечисленія послѣднихъ не достало бы мѣста въ нашей лѣтописи, и потому мы отмѣтимъ въ ней только первыя, и изъ нихъ тѣ только, которыя появились въ текущемъ году.

Прежде всего, въ самомъ Римѣ образовалась такая ассоціація подъ названіемъ: „Братства цѣпей св. Петра“. Члены братства носятъ поверхъ одежды небольшія цѣпи съ небольшимъ крестомъ, освященнымъ самимъ папою. Задача этой ассоціаціи ясно сквозитъ въ ея названіи и знаменательномъ символѣ, носимомъ ея членами.

Другой характеръ и размѣры имѣетъ «Общество итальянскихъ католиковъ, для защиты свободы церкви

въ Италіи». Центральная дирекція его находится въ Болоньѣ. Къ ней примыкаетъ цѣлая сѣть подобныхъ же боковыхъ обществъ, открытыхъ во Флоренціи, Луккѣ, Ливорно, Миланѣ, Туринѣ, Піаченцѣ, Пармѣ, Моденѣ, Кремонѣ, Реджіо и Пьедемонтѣ д'Алнфѣ. Въ южныхъ провинціяхъ Италіи организовано самостоятельное общество подъ тѣмъ же названіемъ. По всей вѣроятности оно также соединится съ Болонскимъ обществомъ.

По своему обычаю папа отождествляетъ свое личное дѣло съ дѣломъ своей церкви, и въ рѣчи, произнесенной $^{17}/_{29}$ марта текущаго года депутаціи католиковъ изъ всѣхъ странъ, явившейся заявить ему о своей преданности, такимъ образомъ изображаетъ характеръ и цѣли своихъ враговъ.

„Уже нѣсколько лѣтъ собираются вокругъ меня въ это время католики всѣхъ націй, такъ что я могу сказать, что я нахожусь среди представителей католичества, т. е. среди всей совокупности церкви (Universalitas ecclesiae).

„Всѣ вы, мои дорогіе чада, оплакиваете событія послѣднихъ лѣтъ. Я раздѣляю ваши сожалѣнія, даже болѣе,—я осуждаю здѣсь снова, какъ уже разъ торжественно оплакалъ и осудилъ, въ качествѣ недостойнаго намѣстника Іисуса Христа, насилія, возрастающую безнравственность и позорные нападки на религію и церковь“.

„Но хотя я оплакиваю и осуждаю это, тѣмъ не менѣе я не забываю словъ Того, Котораго я представляю на на землѣ, и Который среди своихъ смертельныхъ скорбей и крестныхъ страданій подымалъ свои умирающія очи къ небу и говорилъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ!* И я повторяю въ виду враговъ, ра-

тующихъ противъ св. престола и самого католическаго ученія: *Отче, отпусти имъ, невѣдятъ бо, что творятъ*.

„Я раздѣляю враговъ церкви на два класса: къ первому отношу тѣхъ католиковъ, которые хотя говорятъ, что почитаютъ и любятъ ее, но въ тоже время критикуютъ все, что отъ нея исходитъ: начиная съ собора никейскаго и кончая тридентскимъ, они, по выраженію одного католическаго ученаго, хотятъ реформировать всѣ каноны; начиная съ декрета папы Геласія о канонѣ св. книгъ и, кончая буллою, утвердившею ученіе вѣры о непорочномъ зачатіи, они находятъ во всемъ недостатки. Эти люди—католики, они называются даже нашими друзьями, но забываютъ почтеніе, которое они обязаны оказывать авторитету церкви, и если они не остановятся и не придутъ въ себя, то я боюсь, чтобы они не низринулись въ пропасть, въ которую упали наши враги втораго класса. Эти послѣдніе—рѣшительнѣе и опаснѣе: они состоятъ изъ философовъ и всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ дойти до истины и справедливости одним своимъ умомъ. Къ нимъ можно примѣнить то, что сказалъ великій апостолъ языковъ св. Павелъ за 18 вѣковъ тому назадъ: *присно учащеся и николиже въ познаніе истины пріити могуще*. Хотя истина носится предъ ихъ взорами, но они ищутъ ее и надѣются найти и возвѣстить намъ новую эру, когда человѣческій духъ самъ собою разсѣетъ всякій мракъ. Вы, не раздѣляющіе этихъ заблужденій, молитесь за этихъ заблудшихъ людей. Господь Богъ да изліетъ токи своего благословенія на васъ, на ваши души, на ваши семейства и на націи, которыя вы представляете. Да сохранитъ Онъ васъ отъ всѣхъ злоключеній и да наставитъ васъ на путь истины

и жизни. Benedictio Dei omnipotentis Patris et Filii et Spiritus Sancti descendat super vos et maneat semper!“

Но если мы отдѣлимъ личность папы и его дѣло отъ римско-католической церкви, то ея положеніе вовсе не представится такимъ печальнымъ, какимъ представляетъ его папа и въ какомъ находится онъ самъ.

И прежде всего численная сила ея очень велика. По послѣднимъ статистическимъ извѣстіямъ на 200,000,000 католиковъ на всемъ земномъ шарѣ приходится 1 папа, 57 кардиналовъ, 12 патріарховъ, 150 архіепископовъ и 692 епископа. Кромѣ того 226 каѳедръ находится in partibus infidelium, изъ нихъ 30 архіепископскихъ и 196 епископскихъ. Изъ кардиналовъ—6 кардиналовъ-епископовъ, 43 кардинала-пресвитера и 8 кардиналовъ-діаконовъ, 11 кардинальскихъ достоинствъ остается вакантными. Изъ патріарховъ 5 принадлежатъ къ греческому обряду и 7 къ латинскому; изъ архіепископовъ 24 къ греческому и 130 къ латинскому. 96 епископскихъ каѳедръ во всѣхъ пяти частяхъ свѣта непосредственно зависитъ отъ папскаго престола. Кромѣ того въ католическомъ мірѣ находится 101, такъ называемое, апостольское викаріатство, 5 апостольскихъ делегатствъ, 24 апостольскихъ префектуры.

Общее число мірскаго духовенства простирается до 325,000, изъ нихъ на Европу приходится свыше 260.000 и на одну Италію 115,000. На Францію приходится 50,000, на Испанію 31,000, на Германію 30,000, на Великобританію до 4,000. Такимъ образомъ въ Италіи при населеніи въ 21 милліонъ приходится 1 священникъ на 269 душъ, въ Испаніи 1 на 761, во Франціи 1 на 708, въ Германіи 1 на 917, въ Великобританіи 1 на 2,417, въ Бельгіи 1 на 1,013, въ Нидерландахъ 1 на 775.

Что же касается монашескихъ орденовъ и религіозныхъ корпорацій, то число ихъ постоянно прибываетъ. Число существующихъ теперь мужскихъ монашескихъ обителей (монастырей, конвиктовъ, конгрегацій и пр.) превышаетъ 8,000; въ нихъ находится до 120,000 монашествующихъ, — изъ нихъ: 50,000 францисканцевъ, 16,000, такъ называемыхъ, братьевъ школы, 8,000 іезуитовъ, 6,000 принадлежащихъ къ конгрегаціямъ, посвятившимъ себя уходу за больными, 5,600 бенедиктинцевъ, 4000 доминиканцевъ, 4000 августинцевъ, 4,000 кармелитовъ, 4000 цистерціанъ и траппистовъ, 2,000 регулярныхъ канониковъ, 2,000 лазаристовъ, 2000 антоніанъ, 2000 піаристовъ, 1500 редемптористовъ, 1000 базиліанъ, 1000 театинцевъ, 1000 эремитовъ-конгрегаціоналистовъ. Число монашествующихъ всѣхъ остальныхъ орденовъ простирается до 1000, за исключеніемъ институтовъ для мірскихъ священниковъ, устроенныхъ на манеръ монастырей: въ такихъ институтахъ насчитывается до 3000 членовъ. Въ женскихъ орденахъ насчитывается до 190,000 человѣкъ, изъ нихъ 162,000 приходится на одну Европу, а именно: 100,000 на Францію, 30,000 на Италію, 10,000 на Бельгію, 8000 на Германію, 7000 на Испанію, 1340 на Швецарію, до 1000 на Польшу и Венгрію. Въ сѣверной Америкѣ насчитывается до 10,000 монахинь (вмѣстѣ съ бѣлицами), въ южной Америкѣ, вѣроятно, столько же, въ Азіи почти 4000, въ Африкѣ и Австраліи вмѣстѣ до 1000. Если считать по орденамъ, то общая цифра монахинь распадется на слѣдующія частныя: сестеръ милосердія (принадлежащихъ къ ордену S. Vincent de Paul) 28,000, францисканокъ (занимающихся отчасти и уходомъ за больными) 22,000, школь-

ныхъ сестеръ 20,000; сестеръ св. сердца (du sacré coeur) 10,000, сестеръ св. Іосифа 8000, сестеръ конгрегацін Пресв. Дѣвы 8000, сестеръ Notre Dame 7000, урсулинокъ 7000, сестеръ св. Креста 6000, сердобольныхъ сестеръ св. Карла Борромейскаго 5060, доминиканокъ 4000, кармелитокъ 3000, августинокъ 3200, сестеръ мудрости 2500, цистерціанокъ 2000. На всѣ остальные женскіе ордена приходится не больше 2000, изъ нихъ многочисленнѣе другихъ антонинки (на Ливанѣ) и сіонскія сестры, насчитывающія у себя до 400 членовъ. Ко всему этому нужно присоединить еще массу маленькихъ общинъ, число членовъ которыхъ въ общей сложности простирается до 44,000.

Нравственная сила католичества опредѣляется числительною его силою. Съ такой арміей многое можно сдѣлать! А если мы присоединимъ къ численности этой арміи ея испытанный духъ; то должны будемъ сознаться, что она можетъ поставить въ затрудненіе еще не одно правительство. Исторія послѣдняго польскаго бунта и разбойничьихъ шаекъ въ Италіи представляетъ тому наглядное доказательство. Объясненія особенностей этого духа нужно искать въ организаціи католической церкви и въ ея практикѣ.

Благодаря своей числительной силѣ и знаменитой системѣ приспособленія (accommodatio), католическая церковь дѣлаетъ постоянно успѣхи въ не-католическихъ странахъ и стараго и новаго свѣта. Начнемъ съ Англіи. Чтобы достойно оцѣнить успѣхи католичества въ этой странѣ, необходимо сравнить прошедшее состояніе здѣсь католичества съ настоящимъ. Королева Елисавета (1558—1603) постановила за совершеніе католической литургіи смертную казнь, а за слушаніе ея лишеніе

имущества. Въ 1786 году лондонская чернь превратила въ пепелъ всѣ католическія капеллы въ городѣ. Въ 1829 году парламентъ преградилъ католикамъ доступъ ко всѣмъ лучшимъ мѣстамъ и должностямъ; въ арміи католикъ могъ дослужиться только до маіора, во флотѣ— до лейтенанта. Въ 1829 году въ Лондонѣ было всего 60,000 католиковъ; у нихъ со включеніемъ пяти капеллъ, находившихся при посольствахъ католическихъ державъ, было всего 24 капеллы, 1 женскій монастырь, 48 священниковъ и не было никакой литературы. Теперь въ той же мѣстности находится уже 1 архіепископъ, 1 епископъ, 220 священниковъ, 106 церквей, 28 монастырей — изъ нихъ 17 мужскихъ различныхъ орденовъ, большое количество благотворительныхъ заведеній—госпиталей, школъ для бѣдныхъ и пр. и 250,000 вѣрующихъ. Въ добавокъ ко всему этому католики обладаютъ здѣсь довольно богатою, самостоятельной литературой. Кромѣ прямыхъ усилій католической церкви успѣхамъ ея въ Англіи благопріятствовали разныя обстоятельства, — и между ними прежде всего французская революція, наполнившая Лондонъ французскими эмигрантами, оживленіе романской литературы—особенно трудами Вальтера Скотта, возбудившими интересъ къ искусству и жизни старинной католической Англіи, пюзеистическое движеніе, выдвинувшее доктрины католической церкви для защиты англиканской Высокой церкви отъ преобладанія мірской власти, и ирландское переселеніе—$^3/_5$ лондонскихъ католиковъ состоитъ изъ ирландцевъ. Между лицами католической іерархіи, содѣйствовавшими успѣхамъ католичества въ Англіи, мы должны упомянуть преимущественно о покойномъ кардиналѣ Виземанѣ, который оказалъ большую услугу католичеству

здѣсь своею личностію, благоразумною административною дѣятельностью и литературными произведеніями.

Въ Пруссіи, главной протестантской державѣ Германіи, число католическихъ священниковъ въ теченіе 9 лѣтъ—съ 1849 по 1858 годъ увеличилось на 561 человѣкъ.

Католическая миссія, состоящая изъ парижскихъ варнавитовъ и предназначенная для Швеціи и Норвегіи, получила себѣ свободный доступъ въ ту и другую страну. Она открыла уже два стана—одинъ въ Христіаніи, другой въ Бергенѣ. Въ Христіаніи число католиковъ, хотя не велико, но они владѣютъ уже церковію во имя св. Олафа. Въ Бергенѣ предполагается открыть нѣсколько капеллъ. Въ Христіаніи очень дѣятельно трудятся въ интересахъ католичества монахини ордена св. Іосифа. Есть надежды на открытіе епархіи въ Дронтгеймѣ, бывшей архіепископіи.

Объ успѣхахъ католичества въ Соединенныхъ Штатахъ сообщаетъ слѣдующія извѣстія американскій корреспондентъ Schles. Kirchenblatt: „Въ Нью-Іоркѣ въ настоящее время находится до 400 церквей и капеллъ; изъ нихъ 40 самыхъ красивыхъ и обширныхъ принадлежитъ католикамъ и я не сомнѣваюсь, что число ихъ въ 10 лѣтъ по крайней мѣрѣ удвоится. Ни въ одной мѣстности Соединенныхъ Штатовъ, за исключеніемъ развѣ чисто католическихъ, приращеніе церкви не идетъ впередъ такъ замѣтно, какъ здѣсь. Не проходитъ недѣли безъ объявленій объ открытіи какой нибудь новой „газеты,“ или журнала, объ основаніи новой церкви, капеллы, монастыря, или по крайней мѣрѣ объ освященіи ихъ. По улицамъ тянутся длинныя вереницы дѣвочекъ въ предшествіи и сопровожденіи монахинь. Свя-

щенниковъ въ таларѣ, равно какъ въ низенькой шляпѣ и мантіи, можно встрѣчать на улицахъ ежедневно. Священныя изображенія на деревѣ, камнѣ, металлѣ, бумагѣ и проч., статуетки изъ воску и гипса можно находить повсюду въ нижнемъ городѣ. Стоитъ ли послѣ этого удивляться, если пуританскіе фанатики Новоанглійскихъ Штатовъ приходятъ въ ужасъ отъ успѣховъ католической церкви въ сѣверной Америкѣ... Въ Нью-Іоркѣ выходитъ 6 политическихъ журналовъ, издаваемыхъ католиками: Tablet, Metropolitan Record, Greemans Journal, Irish American и пр. Періодическая литература сравнительно обширнѣе, чѣмъ въ католической Германіи. Церкви посѣщаются примѣрнымъ образомъ. Ни одной женщины не увидите безъ розенкранца (родъ чётокъ), и рѣдкіе мужчины не носятъ ихъ въ своихъ рукахъ. По субботамъ церкви бываютъ полны кающихся и нигдѣ я не видалъ такъ много причастниковъ, какъ здѣсь.... Всѣ церкви снабжены ослѣпительнымъ газовымъ освѣщеніемъ. Главные алтари во всѣхъ церквахъ, а въ каѳедральной и боковые окружены отъ 50—80 газовыхъ рожковъ и свѣчъ. Сначала этотъ ослѣпительный свѣтъ непріятно поражаетъ глаза, но потомъ къ нему привыкаешь и даже начинаешь находить, что ничего не можетъ быть лучше для вечернихъ службъ. Пресвитеріи повсюду покрыты богатыми и красивыми коврами, а въ нѣкоторыхъ церквахъ и дорожки между ложами. Скамьи безъ пюпитровъ, но съ скамейками для колѣнъ и мягкими подушками, покрытыми красной шерстяной матеріей. Нѣтъ ни одной церкви не отопляемой. Повсюду богослуженіе совершается съ такимъ величіемъ и пышностью, съ какими въ Германіи совершается только въ великіе праздники. Облаченія и свящ. сосуды

богаты и сделаны со вкусомъ. При олтарѣ прислуживаетъ небольшая кучка министрантовъ, одѣтыхъ въ высшей степени чисто и опрятно и обутыхъ въ бѣлые башмаки.“

Мы остановились на всѣхъ этихъ подробностяхъ потому, что постановка богослуженія въ католическихъ церквахъ составляетъ одинъ изъ видовъ системы приспособленія.—Она прямо разсчитана на эффектъ, который, какъ извѣстно, производитъ сильное впечатлѣніе на толпу и преимущественно на женщинъ.

Всего въ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ находится въ настоящее время 3052 католическихъ церкви; изъ нихъ 2800 выстроены послѣ 1820 года. По отдѣльнымъ штатамъ число католическихъ церквей, священниковъ и народонаселенія распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Священ.	Церквей.	Народонасел.
1) Въ Санъ-Франциско	85	123	110.000
2) „ Орегонъ-Сити	28	31	24.000
3) „ Сенъ-Луи	640	830	938.000
4) „ Нью-Орлеанѣ	233	198	330.000
5) „ Цинциннати	523	663	581.000
6) „ Нью-Іоркѣ	904	731	1.358.000
7) „ Балтиморѣ	532	476	767.000
	2.745	3.052	4.103.000

Въ Пекинѣ католики построили обширную церковь. Въ Кантонѣ у нихъ два вдовьихъ дома и 63 миссіонерскихъ стана. Обращенныхъ въ католичество католическія газеты считаютъ десятками тысячъ. Но относительно этого послѣдняго пункта имъ нельзя безусловно вѣрить.

Въ Египтѣ видимъ тоже самое. По направленію канала, имѣющаго соединить средиземное море съ кра-

скимъ, выстроено три небольшихъ городка — Портъ-Саидъ, Исмаелія и Герчи и въ каждомъ изъ нихъ католики успѣли уже выстроить по 1 церкви и открыть по одному стану, въ которыхъ живутъ францисканцы, принадлежащіе къ кустодіи св. земли (Custodia di terra sancta). По предложенію г. Лессепса, главнаго антрепренёра по проведенію канала, жители гор. Герчи согласились переименовать его въ El Maria (городъ Маріи) въ воспоминаніе бѣгства св. семейства въ Египетъ. Кромѣ поименованныхъ 3-хъ церквей, въ скоромъ времени будетъ открыто еще нѣсколько католическихъ церквей и монашескихъ подворьевъ на Истмѣ и на разныхъ другихъ мѣстахъ египетскаго вице-королевства. Въ Каирѣ 12 августа 1865 г. освящена новая церковь во имя св. праведнаго Іосифа, обручника Прес. Дѣвы, въ оградѣ тамошняго католическаго монастыря кларриссинокъ. Мѣстныя власти, по словамъ католическихъ газетъ, не только не противодѣйствуютъ построенію католическихъ церквей и монастырей, но и всячески содѣйствуютъ этому, то уступкою земли подъ эти постройки, то ссудою денегъ и под.

Если вѣрить „Сіону", то яковитскій патріархъ въ Константинополѣ присоединился къ католической церкви со всѣми своими епископами и единовѣрцами на условіяхъ, предложенныхъ ему, такъ называемымъ, апостольскимъ делегатствомъ, находящимся въ этомъ городѣ.

На островѣ Мадагаскарѣ восемь дѣтей тамошняго перваго министра приняли крещеніе отъ католическихъ миссіонеровъ и Равагари, будущій наслѣдникъ престола, посѣщаетъ іезуитскую школу съ цѣлію приготовленія къ крещенію. По сосѣдству съ главнымъ городомъ острова, Тананарива, обратилась въ католичеств

цѣлая, большая деревня и требуетъ себѣ священниковъ. Католическія газеты очень сожалѣютъ, что это требованіе не можетъ быть удовлетворено по недостатку мѣстныхъ миссіонеровъ.

Но оставимъ католическую церковь съ ея скорбями и радостями, съ ея успѣхами и неудачами, и перейдемъ на болѣе мирную почву—фактовъ, имѣющихъ общій интересъ для всего христіанскаго міра.

Директоръ французской почты въ Іерусалимѣ, Карлъ Джуарнани сдѣлалъ недавно замѣчательное открытіе въ Іерусалимѣ. Не-подалеку отъ церкви св. гроба онъ нашелъ древнюю подземную церковь, очень часто упоминаемую у древнихъ писателей подъ именемъ Maria minor и относящуюся ко временамъ Карла Великаго. Въ то время примыкалъ къ ней женскій монастырь (бенедиктинокъ) и страннопріимница для поклонницъ. Церковь эта имѣетъ три придѣла, раздѣленные другъ отъ друга рядами колоннъ и образующіе отдѣльные апсиды. Средина увѣнчана куполомъ, подъ которымъ можно находить и до сихъ поръ слѣды ораторіи монахинь. Мѣсто, гдѣ находится церковь, никому не было до сихъ поръ извѣстно, такъ что самъ хозяинъ его не подозрѣвалъ ея существованія.

Интересныя открытія сдѣлалъ также г. Вильсонъ [1] въ окрестностяхъ Іерусалима. Въ Тельгумѣ, (который онъ признаетъ за древній Капернаумъ) онъ откопалъ древнюю синагогу, сохранившуюся на столько, что съ нея можно было снять формениый планъ. На горѣ Гаразинъ, кромѣ замѣтныхъ слѣдовъ самаританскаго храма, онъ открылъ развалины христіанской церкви, чрез-

---

(1) См. Христ. Чтен. за 1865 г. Іюль и Ноябрь.

вычайно похожей на нынѣшнюю мечеть Омарову (обращенную въ мечеть, какъ извѣстно, изъ христіанской церкви). Авторъ сочиненія „Постройки Константина Великаго на св. гробѣ въ Іерусалимѣ“ г. Унгеръ придаетъ большое значеніе этому открытію. Теперь г. Вильсонъ началъ свои раскопки въ Сидо (Силоамѣ). Недавно изданъ имъ новый огромный планъ Іерусалима (въ Англіи).

Изданіе ватиканскаго кодекса, сдѣланное кардиналомъ Маи, оказалось очень неудовлетворительнымъ предъ современными требованіями палеографіи, вслѣдствіе чего оказывается нужнымъ сдѣлать новое, болѣе исправное изданіе этого древнѣйшаго списка Св. Писанія. Папа, соревнуя великолѣпному изданію синайскаго кодекса, думаетъ сдѣлать это второе изданіе вполнѣ достойнымъ и самаго списка и своего имени. Съ этою цѣлью составлена коммисія изъ спеціалистовъ для изданія Ватиканскаго кодекса. Къ участію въ ней приглашенъ и г. Тишендорфъ, на долю котораго предназначается значительная часть работъ.

Въ заключеніе упомянемъ еще о двухъ новѣйшихъ апологетическихъ сочиненіяхъ. Это—Acht apologetische Vorträge über die Person Iesu Christi, mit Rücksicht auf die neuesten Schriften von Strauss, Renan, Schenkel et. c. (Восемь апологетическихъ чтеній о лицѣ Іисуса Христа по поводу новѣйшихъ сочиненій Штрауса, Ренана, Шенкеля и др.) г. Шиконца и Apologetische Vorträge (Апологетическія чтенія) г. Христлиба.

Авторъ перваго изъ названныхъ нами сочиненій стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, на которой стоитъ большинство борцовъ за Божественную личность Спасителя, какъ Она является въ Св. Писаніи и ученіи Церкви.

Главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ трудолюбиво собралъ и искусно сгруппировалъ все, что можетъ служить къ правильной оцѣнкѣ, такъ называемой отрицательной, или разрушительной, критики евангельской исторіи. Послѣдній выводъ, къ которому пришелъ авторъ, разсматривая эту критику, состоитъ въ слѣдующемъ: „разрушительная критика евангельской исторіи до сихъ поръ не могла еще придти ни къ какому вѣрному результату и вслѣдствіе этого наука, полагающая въ основаніе своихъ операцій увѣренія этой критики, опирается на слишкомъ не вѣрную и колеблющуюся почву".

Объ апологетическихъ чтеніяхъ г. Христлиба мы уже упоминали въ своей лѣтописи (¹). Къ двумъ, поименованнымъ нами въ своемъ мѣстѣ лекціямъ, онъ присоединилъ теперь еще двѣ обширныхъ лекціи о „новѣйшихъ анти-библейскихъ понятіяхъ о Богѣ". Авторъ подвергаетъ здѣсь основательной критикѣ заблужденія атеизма, матеріализма, пантеизма и деизма, разоблачаетъ ихъ логическую и нравственную несостоятельность, восходитъ къ ихъ началу, слѣдитъ за ихъ результатами и заключаетъ выводомъ, что „единственно вѣрное, чуждое всѣхъ этихъ заблужденій, удовлетворяющее не только потребностямъ мыслящаго разума, но и стремящагося къ Богу сердца — есть библейское понятіе о живомъ, Личномъ, Тріединомъ Богѣ".

Къ числу апологетическихъ сочиненій можно отнести и Der Materialismus in der Culturgeschichte (матеріализмъ въ исторіи культуры) док. Гафнера. Вотъ результаты, къ которымъ пришолъ авторъ въ своихъ изслѣ-

---

(¹) См. іюльскую книжку Христ. Чтен. за текущій годъ.

дованіяхъ: 1) идею *духа* мы находимъ у всѣхъ народовъ: она свѣтитъ надъ колыбелью всѣхъ племенъ; 2) отрицаніе духа у всѣхъ народовъ было плодомъ всеобщей испорченности и корнемъ для дальнѣйшаго разложенія народной жизни; 3) всѣ здравыя силы націй вступали въ борьбу съ матеріализмомъ, чтобы защитить *идею духа*. По мѣрѣ успѣховъ реакція обновлялась и освѣжалась жизнь народовъ. А гдѣ чувствовался недостатокъ въ этой реакціи, тамъ жребій народовъ свершался. *Народы, терявшіе вѣру въ духъ, теряли источникъ своей жизни.*

Защитники и друзья христіанства не безъ интереса и не безъ пользы прочтутъ такъ же — Geschichte des Materialismus und kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Von Friedrich Albert Lange. Iserlohn 1866 (Исторія матеріализма и критика ея значенія въ настоящее время. Ланге) и Die zwei Hauptfeinde des Christenthums in unserer Zeit, falsches Denken und halbes Wissen, Von Dr. Carl Haas. Tübingen 1866 г. (Два главныхъ врага христіанства въ наше время: кривомысліе и полузнаніе, Гааса), — хотя авторъ перваго изъ этихъ сочиненій стоитъ и не на христіанской точкѣ зрѣнія.

И. Троицкій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ".

въ 1867 году.

Журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей», издаваемый, по благословенію Святѣйшаго Сѵнода, при кіевской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1867 году, и начнетъ съ 1-го генваря восьмой свой годъ.

«Руководство для сельскихъ пастырей» выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ одного до двухъ съ половиною печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 25 до 35 печатныхъ листовъ, съ особымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна на мѣстѣ 3 рубля, съ доставкою на домъ и пересылкою во всѣ мѣста внутри Россіи 5 рублей серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочинныхъ можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1867 года.

Въ редакціи находятся также экземпляры «Руководства для сельскихъ пастырей» за 1860, 1861, 1863, 1864, 1865, 1866-й годы. Желающіе могутъ получать оные въ бумажномъ переплетѣ, по обыкновенной цѣнѣ съ пересылкою 5 руб. сер. Подписчикамъ рекомендуемъ обращаться съ своими требованіями: **въ редакцію «Руководства для сельскихъ пастырей» въ Кіевъ.**

Гг. же подписчиковъ, живущихъ вдали отъ почтовыхъ конторъ, Редакція покорнѣйше проситъ, чтобы они въ адресахъ своихъ означали губернію, уѣздъ и село, куда слѣдуетъ высылать журналъ, и разборчиво прописывали званіе и фамилію получателя. Въ случаѣ неполученія подписчиками какихъ нибудь №№ журнала, редакція покорнѣйше проситъ обращаться къ ней съ своими требованіями, которыя немедленно будутъ удовлетворяемы, по примѣру прежнихъ годовъ, если только, по справкѣ съ почтовымъ вѣдомствомъ, окажется, что вторично требуемые №№ дѣйствительно не досланы.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, Архимандритъ **Ѳеоктистъ**.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ" въ 1867 году.

«Православное Обозрѣніе» въ будущемъ 1867 году вступитъ въ восьмой годъ своего существованія, и будетъ продолжать свое дѣло въ томъ же духѣ, по мѣрѣ своихъ силъ и по степени большей или меньшей благопріятности внѣшнихъ обстоятельствъ.

Въ 1867 году «Православное Обозрѣніе», по прежнему будетъ издаваться ежемѣсячно—книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ, по той же программѣ.

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ безъ доставки на домъ шесть рублей серебромъ, съ доставкою на домъ въ Москвѣ, равно съ пересылкою въ другіе города семь рублей серебромъ.

Въ Москвѣ можно подписываться: въ конторѣ редакціи «Православнаго Обозрѣнія», на Остоженкѣ, въ приходѣ Новаго Воскресенія, въ домѣ священника Смирнова-Платонова,—въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ, — и въ книжныхъ магазинахъ гг. Соловьева (бывшемъ Базунова), Ѳерапонтова, Глазунова, Салаева и другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ Петербургѣ: въ книжныхъ лавкахъ гг. Базунова, Овсянникова, Крашенинникова, Кораблева, Исакова, Давыдова и другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные, для скорѣйшей и вѣрнѣйшей доставки журнала, благоволятъ адресоваться съ своими требованіями прямо и исключительно: **въ контору редакціи «Православнаго Обозрѣнія» въ Москвѣ.**

Редакторъ, протоіерей Н. Сергіевскій.
Ординарный профессоръ богословія въ московскомъ университетѣ.

ЗНАЧЕНІЕ ИДЕИ БЕЗСМЕРТІЯ

ДЛЯ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА.

Одинъ изъ новѣйшихъ раціоналистовъ (¹) пытается объяснить происхожденіе въ человѣкѣ идеи безсмертія изъ одного желанія продолженія жизни, такъ свойственнаго человѣку, и называетъ ее произвольнымъ, субъективнымъ созданіемъ человѣческаго воображенія.—Слишкомъ мало для объясненія такой жизненной идеи, какова идея безсмертія. Это не просто желаніе, но потребность и потребность неумолимая. Цѣль этого желанія не въ одномъ простомъ продолженіи жизни, какою живетъ человѣкъ, а въ осмысленіи жизни. Безъ удовлетворенія этой потребности, при отрицаніи безсмертія, для человѣка не только нѣтъ будущаго, но нѣтъ и настоящаго. Вмѣстѣ съ отрицаніемъ жизни въ будущемъ теряетъ всякую цѣну и всякое значеніе и та жизнь, какою живетъ онъ въ настоящемъ. Вотъ почему такъ сильно и такъ всеобще въ человѣкѣ и самое желаніе безсмертія.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на всю положительность факта смерти, не смотря на всю горькую дѣйствительность,

(¹) Фейербахъ въ Wesen des Christenthums.

повидимому, исключающую возможность всякой мечты о безсмертіи, мысль о немъ всегда была однимъ изъ самыхъ неотразимыхъ и самыхъ живучихъ представленій. При видѣ смерти, съ которою мы встрѣчаемся также часто, какъ и съ видомъ самой жизни, при видѣ могилъ и гробовъ, которыхъ также много, какъ и самыхъ домовъ и жилищъ, скорѣе нужно бы дивиться тому, что человѣкъ пришелъ къ мысли о безсмертіи, нежели думать о другой жизни, намъ невѣдомой. И однако же такова сила желанія безсмертія, что съ мыслію о смерти никогда не мирилось и не помирится наше личное чувство. Исторія не сохранила намъ никакихъ свидѣтельствъ о томъ, что почувствовалъ первый человѣкъ, когда впервые увидѣлъ смерть своего близкаго. Но, судя по тому, что чувствуемъ мы,—мы—уже пережившіе нѣсколько періодовъ міровой исторіи и свыкшіеся съ видомъ смерти, думаемъ и должны думать, что это явленіе должно было до глубины поразить человѣка и ужасомъ и изумленіемъ. Не даромъ великіе художники пробовали свои силы надъ изображеніемъ того момента, когда Адамъ и Евва увидѣли бездыханный трупъ Авеля. Правда, по библейскому сказанію—еще прежде, т. е. въ моментъ паденія, скорбь объяла душу человѣка, но только теперь, въ моментъ первой смерти, сказалось со всею силою и слѣдствіе паденія, — и виновникъ первой смерти носитъ печать на лицѣ, *стеня и трясыйся*, живетъ онъ на землѣ. Грустная проблемма смерти съ тѣхъ поръ не переставала возмущать человѣка и возбуждать усиленнѣйшее желаніе безсмертія. „Сынъ тайны и загадки"—египтянинъ весь поглощенъ былъ этимъ желаніемъ. Вотъ онъ нашелъ средство задержать процессъ разложенія тѣлъ и началъ строить

урны и гробницы съ пирамидами, которыя, казалось, своею вершиною хотѣли достать до небесъ, чтобы приблизить прахъ къ источнику жизни. Не было народа, даже самаго грубаго въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, у котораго не было бы проблесковъ этой идеи. Часто она совершенно непослѣдовательно врывалась въ пантеистическую или въ матеріалистическую систему древнихъ религіозныхъ воззрѣній. Эта же грустная проблема смерти, безъ сомнѣнія, лежала въ основѣ тѣхъ древнихъ философемъ, которыя такъ заняты были вопросомъ о началѣ зла въ мірѣ и такъ безутѣшно рѣшали его. Нашъ новый міръ—съ новыми стремленіями, которыми онъ гордится, также не свободенъ отъ вліянія этой идеи; мы живемъ въ вѣкъ самый положительный, какіе едва ли бывали въ исторіи, но и въ наше время вы не найдете человѣка, который былъ бы совершенно равнодушенъ къ этому вопросу, не встрѣтите ни одинъ положительный умъ, который бы не останавливался съ особеннымъ любопытствомъ на какомъ либо замѣчательномъ фактѣ, свидѣтельствующемъ о дѣйствительности иной, не земной жизни... Такъ сильно желаніе безсмертія, — и не потому только, что нужно продолженіе жизни само по себѣ (содержанія этой иной невѣдомой жизни мы ясно представить не можемъ), а и потому, что жизнь настоящая, дѣйствительная, дѣлается для насъ при этомъ несравненно дороже, привлекательнѣе. Иначе благо жизни—пустое слово. Иначе даръ жизни, будь онъ прекрасный, есть даръ мгновенный, иначе счастіе жизни — призракъ и сонъ. Иначе сонъ—все продолженіе настоящей короткой жизни, которая должна быть прервана небытіемъ, ничтожествомъ. Цѣль,—начала жизни—все теряется, все облекается въ

какой-то сумракъ, въ какую-то мглу и ничтожество. Наша дѣйствительность, со всѣми ея стремленіями, часто очень сильными, со всѣми заботами, на которыя тратятся силы,—все интеллектуальное и нравственное развитіе человѣчества, все великое въ исторіи, и въ нашихъ собственныхъ глазахъ, блекнетъ и пропадаетъ. Жалокъ и смѣшонъ человѣческій трудъ, глупы и пусты человѣческія увлеченія;—онъ ловитъ лишь призраки,—пробужденіе отъ этихъ соній—ничтожество.

Можно, говорятъ, не задаваться подобными вопросами. То время, когда насъ не было, когда мы не существовали, не тяготитъ насъ,—оно ничтожно для нашего сознанія,—почему же не можетъ быть тѣмъ же для нашей мысли и то будущее ничтожество, котораго мы такъ боимся? Не напрасенъ ли этотъ страхъ? Не потому ли и тяготитъ насъ мысль объ этомъ небытіи, что намъ приходится разочароваться, что мы вдавались въ вопросы отвлеченные, праздные, не имѣющіе значенія для жизни? И правда ли еще то, будто идея безсмертія имѣетъ вліяніе на ходъ жизни и дѣятельности? Развѣ человѣкъ, приступая къ дѣятельности, руководится именно ею? Его движутъ внутреннія потребности данной минуты—и ничего болѣе. Жизнь слагается сама по себѣ и отвлеченныя идеи часто не имѣютъ для нея никакого значенія. Иначе не было бы и разлада между жизнію и идеей. Могильный мракъ и ужасы смерти—все это пища одного воображенія, большею частію празднаго. Согласимся, хотя и нельзя не задаваться такими вопросами, если они задавались и задаются *невольно*, но какъ же объяснить первичное возникновеніе этой идеи и ея неизмѣнную живучесть въ человѣчествѣ? Зачѣмъ она иначе? Что вызываетъ ее въ душѣ человѣка и даетъ

ей живучесть, если не потребность начала и точки опоры для жизни и дѣятельности, если не сознаніе, что безъ нея нѣтъ этого начала, что съ отрицаніемъ ея вся жизнь теряетъ всякую цѣну и достоинство? Пусть желаніе безсмертія само по себѣ еще не ручается за объективность идеи безсмертія, еще не есть доказательство того, что мы, дѣйствительно, будемъ жить вѣчно, хотя и это слѣдуетъ, потому что безъ залоговъ безсмертія въ душѣ человѣческой, самое возникновеніе мысли о безсмертіи было бы не объяснимо, но то несомнѣнно, что увѣренность въ безсмертіи нужна для свѣтлаго, благодушнаго воззрѣнія на жизнь, и особенно для того, чтобы была *цѣль* жизни, чтобы дѣятельность человѣческая направлялась къ этой цѣли и оживлялась ею. Это не значитъ, конечно, что безъ нея непремѣнно мрачно смотритъ человѣкъ на себя и впадаетъ въ апатію и бездѣятельность. Древній грекъ весело смотрѣлъ на жизнь и услаждался ею болѣе, чѣмъ другіе народы, а онъ не зналъ личнаго безсмертія. За то, какъ не постоянно, не прочно было это воззрѣніе! Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ созналъ онъ, что и „Красота“, которую онъ находилъ въ природѣ и которою услаждался, „смертна“ (Еврипидъ),—впалъ въ разочарованіе и началъ чувствовать гнетъ „судьбы“, этой неразумной, безсердечной силы, подъ которой представлялъ онъ себѣ Божество. Тягость жизни — вотъ чѣмъ кончилось очарованіе греко-римскаго міра.

Допустимъ и то, что при каждомъ отдѣльномъ поступкѣ мы не руководимся ни этою, ни другою отвлеченными идеями. Но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе на нашу жизнь, на общій складъ ея — неуловимое и не легко замѣтное повидимому—весьма ощутимо. Чѣмъ

живѣе сознается она, тѣмъ дѣйствительнѣе и для самой жизни. Какъ иначе объяснить, напримѣръ, новый характеръ жизни христіанскаго міра, сравнительно съ жизнію древняго классическаго міра?... Нѣтъ сомнѣнія, что этой идеѣ безсмертія, какъ ни представляютъ ее далекою отъ жизни, обязанъ онъ успѣхами самой гражданственности своей. Мысль эта возвысила человѣческую личность, придала ей цѣну на вѣки, уяснила достоинство человѣческой природы. Христіанство тѣмъ и сильно для жизни, что въ немъ человѣкомъ пріобрѣтено право самостостоятельнаго личнаго бытія на вѣки, что чрезъ него онъ узналъ свое нравственное могущество. Могущество и цѣна человѣка здѣсь тѣмъ яснѣе, чѣмъ осязательнѣе сама идея безсмертія. Въ самомъ дѣлѣ— въ христіанствѣ идея эта не есть выводъ изъ какой нибудь теоріи, не результатъ какихъ нибудь разсудочныхъ комбинацій, нѣтъ,—она вся основана на фактѣ, на воскресеніи Спасителя.

Правда, все зависитъ того, какъ понимать человѣческое достоинство. Для матеріалиста оно нисколько не уменьшается отъ того, что человѣческая жизнь кончается тѣмъ, чѣмъ и жизнь животнаго. Положимъ,—но и вліяніе идеи безсмертія не въ томъ только, что она даетъ благодушное воззрѣніе на жизнь и точку опоры, не въ томъ только, что она указыветъ ей цѣль. Возможна жизнь и дѣятельность и безъ нея. Китаецъ живетъ же тысящелѣтія безъ всякой почти думы о небѣ, о раѣ. Но характеръ дѣятельности долженъ вдругъ измѣниться. Какой это характеръ—нѣтъ нужды разъяснять. Всѣ такъ называемыя стремленія къ общественному благу, соединенныя съ ограниченіемъ эгоизма, все, что похоже на самопожертвованіе, всякое предпо-

чтеніе матеріальныхъ наслажденій стремленію интеллектуальному или моральному, все это должно невозвратно исчезнуть для человѣка. Когда нѣтъ никакой цѣли жизни, высшей того, что дается дѣйствительнымъ моментомъ, когда нѣтъ никакого иного блага, кромѣ того, которое получается отъ чувственнаго наслажденія, когда одинаково ожидаетъ ничтожество и мое тѣло и мою мысль и чувство, то глупо дѣлать различіе между стремленіями высшими и низшими, глупо не стремиться всѣми средствами — per fas et nefas — къ тому, чтобы до дна выпить чашу наслажденій. Развѣ только въ разсчетѣ на продолжительность наслажденія—можно поставить себѣ за правило умѣренность. *Ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ*. Вотъ естественное слѣдствіе отрицанія безсмертія и неизбѣжный логическій выводъ. Если не такъ живутъ иногда люди, отрицающіе безсмертіе, то это объясняется присутствіемъ въ нихъ иного воззрѣнія, которое непослѣдовательно примѣшивается къ матеріалистическому взгляду на человѣка и доказываетъ собою невозможность для ума развитаго жить исключительно на основаніи матеріалистическихъ началъ. Такое неотразимое вліяніе на жизнь отрицанія идеи безсмертія со всею ясностію и положительностію всегда сказывалось на массахъ народа во времена господства духа отрицанія, въ тѣ времена, когда являлась мода на матеріализмъ. Массы, не знающія отвлеченія, не запутанныя софистикой, живущія непосредственнымъ тактомъ дѣйствительности, всегда быстро прилагали къ жизни неизбѣжный выводъ изъ отрицанія безсмертія. Такъ было во время первой французской революціи. Такъ было въ Германіи во время революціи 1848 года, когда въ тавернахъ и на площадяхъ читалось популярное изложеніе Фейербаха

и других материалистических сочинений. За этим следовало полнѣйшее нравственное разложеніе массъ, грабежъ, воровство, развратъ самый грязный. Явилась мода на коммунизмъ и безсемейную жизнь. Множество дѣтей находили брошенными на улицахъ на произволъ судьбы...

Скажутъ, выводъ этотъ все-таки былъ поспѣшенъ и его нельзя было принять безъ вреда для самой матеріальной жизни. Но общій характеръ жизни и дѣятельности, который дается такими началами, здѣсь вѣрно схваченъ и уловленъ. Какъ ни разсуждайте на подобномъ основаніи, дальше идеи пользы, пожалуй—пользы общественной, дальше этого тощаго принципа моральнаго — не уйдете.

Впрочемъ результаты отрицанія безсмертія давно уже сказались въ опредѣленныхъ формахъ — еще въ древнемъ мірѣ—въ Эпикуреизмѣ и Стоицизмѣ. Эпикуреизмъ служилъ выраженіемъ того вліянія, какое производило это отрицаніе на натуру — легкомысленную, руководящуюся чувствомъ, на натуру пассивную, слабовольную. Это былъ самый грубый нравственный реализмъ и носилъ женственный, дряблый характеръ. Свободы отъ страха смерти Эпикуреецъ искалъ лишь въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Его единственною добродѣтелію было умѣнье умѣренно и разсчетливо наслаждаться этими удовольствіями и изыскивать средства продлить ихъ на возможно долгое время. Не таковъ былъ стоицизмъ, одинаково не знавшій страха смерти. Онъ носилъ характеръ строгій, мужественный. Онъ не хотѣлъ губить нравственныхъ силъ въ матеріальныхъ наслажденіяхъ. Но его уваженіе къ человѣческому достоинству и нравственнымъ силамъ не дало въ результатѣ ничего,

кромѣ безплодной борьбы съ бѣдами жизни и смертію. Стоикъ умиралъ геройски и безъ смущенія. Вотъ и все. Но на жизнь онъ смотрѣлъ мрачно, онъ цѣнилъ ее мало, онъ умиралъ, потому что видѣлъ въ смерти свободу отъ *зла жизни*. Суровъ онъ былъ и въ отношеніи къ другимъ; онъ не зналъ ничего подобнаго ни любви, ни самоотверженію. Это просто гордый типъ, безполезный для жизни, хотя и честный. Эти два древніе типа могутъ, намъ кажется, и доселѣ служить типическимъ выраженіемъ того вліянія, какое производитъ отрицаніе безсмертія на различные человѣческіе характеры.

Возражаютъ, далѣе, что идея безсмертія имѣетъ будто бы и свои слабыя стороны по отношенію къ требованіямъ нравственнымъ. Въ безсмертіи, говорятъ, человѣкъ ищетъ награды себѣ, значитъ понимаетъ нравственность рабски. На этомъ основаніи Кантъ хотя и признавалъ идею безсмертія нужною именно для награды добродѣтели, часто здѣсь страждущей, но требовалъ, чтобы человѣкъ ею не руководился. По его воззрѣнію, она нужна въ интересахъ лишь вѣчной правды, а не въ интересахъ самаго человѣка. На этомъ же основаніи Шлейермахеръ исключалъ ее изъ числа нравственныхъ мотивовъ, для пользы самой христіанской нравственности. Та награда, какой ищетъ человѣкъ въ безсмертіи, говорятъ другіе, дается ему самою добродѣтелію, и другой награды не нужно—она лишняя. „Всѣ пороки, какіе являлись на землѣ, говорилъ сочинитель Systéme de la nature, — наказывались въ дѣйствительности гораздо строже, чѣмъ грозятъ за нихъ въ будущей жизни. Злодѣй можетъ избѣжать руки правосудія, но никогда не спасется отъ собственнаго суда. Наше я направляетъ наши сердца и даетъ законы, оно само

и караетъ за преступленіе. Разорванное и испепеленное сердце злодѣя не скроется подъ натянутою улыбкою страстнаго человѣка. А болѣзни и муки самаго тѣла, — развѣ онѣ не стоятъ того, чтобы изъ за нихъ полюбить добродѣтель?“ Еще рѣшительнѣе въ этомъ отношеніи идеалисты, для которыхъ мысль и дѣло не разлучны. Искать награды за добродѣтель въ жизни будущей, говорятъ они, значитъ не знать добродѣтели, не любить ее, быть безнравственнымъ. Только человѣкъ не развитый интеллектуально можетъ задаваться подобнымъ вопросомъ. Но награды и наказанія матеріалистовъ, состоящія въ растратѣ здоровья и внутреннемъ смущеніи, слишкомъ не полны и вполнѣ отвѣчаютъ ихъ *одностороннему*, тощему воззрѣнію на нравственность, какъ на идею пользы и вреда. Нравственность этимъ не обнимается и стимулы вреда и пользы не всегда и не вездѣ приложимы. Награда идеалистовъ слишкомъ *отвлеченна* и ею не можетъ удовлетвориться полный, цѣльный человѣкъ. Внѣшнія бѣды и скорби часто слишкомъ значительны, чтобы не возмущать внутренняго мира сознанія. Онѣ вовсе не какой нибудь призракъ, онѣ даютъ знать себя болѣе реальнымъ образомъ, чѣмъ интеллектуальное проявленіе, а такъ называемыя интеллектуальныя наслажденія не даютъ дѣйствительному, цѣльному, живому человѣку того мира и успокоенія, какое обѣщаетъ ему идеальная философія. Дѣйствительность даетъ намъ чувствовать и чувствовать горько, что одною мыслію не питается нашъ духъ, не говоря уже о тѣлѣ. То правда, что здѣсь есть и награды за добро и наказанія за порокъ, но награды не полныя. А мы ищемъ полнаго примиренія идеи добра съ дѣйствительностію. Примирить ее въ одномъ *мышле-*

нія не значитъ примирить *дѣйствительно*. Нельзя не замѣтить, наконецъ, и того, что наши нравственныя стремленія не рѣдко проявляются въ такой формѣ, которая рѣшительно необъяснима съ подобной точки зрѣнія. Что заставляетъ мученика правды жертвовать своею жизнію, если въ *себѣ самомъ* онъ носитъ награду за правду? Не разстается ли онъ съ своею наградой въ моментъ этой смерти, если все ограничивается тѣмъ, что давала ему добродѣтель здѣсь? Его желаніе скорѣе покончить съ этимъ гнетомъ внѣшнихъ обстоятельствъ не есть ли полусознательное, если не сознательное исканіе иной, высшей правды?...

А главное — въ томъ, что идея безсмертія нужна не единственно для награды. Дѣло во все не въ томъ только, что съ ея отрицаніемъ человѣкъ лишается награды, хотя и это нужно, какъ видѣли мы, потому что награда здѣсь не можетъ быть полною, а въ томъ еще, что добро лишается безъ нея *цѣли*, въ томъ, что оно является не достаточно разумнымъ, въ томъ, наконецъ, что нравственное совершенство теряетъ возможность развитія. Сказать, что человѣкъ достигаетъ въ дѣйствительности нравственнаго идеала, ограничивающаго задачу нравственной жизни моментами проявленія ея въ жизни настоящей, за которою слѣдуетъ уничтоженіе личнаго бытія, значитъ не только ограничивать, но и *убивать* нравственный идеалъ, который носитъ въ себѣ возможность безграничнаго развитія. Гдѣ-же онъ сталъ бы проявляться въ своей безграничной силѣ?—Въ общей суммѣ человѣческаго развитія, въ исторіи человѣчества? Но вѣдь это такъ называемое человѣчество — понятіе абстрактное, пустое. Человѣчество, какъ понятіе, не существуетъ въ дѣйствительности. Реализація

нравственной идеи, если она не есть явленіе безсмысленное, возможна только при мысли о нескончаемости личнаго человѣческаго бытія.

Говорятъ, наконецъ, что всѣ такъ называемыя утѣшенія, получаемыя для жизни отъ этой идеи, все ея миротворное значеніе въ равной степени могутъ замѣняться тѣмъ же сознаніемъ своей правоты; умирая, человѣкъ нравственно развитый можетъ спокойно сказать, какъ говорилъ одинъ изъ древнихъ мыслителей: „quod potui feci, faciant meliora potentes,“ что мученики правды могутъ идти охотно на смерть, одушевляемые тѣмъ же сознаніемъ, т. е. что они дѣлали добро для будущихъ поколѣній. Даже смерть друзей намъ близкихъ, которыхъ мы любили, не можетъ быть, говорятъ, тяжела для развитаго ума, который можетъ найти равносильное утѣшеніе. Какъ на образчикъ подобныхъ утѣшеній, указываютъ на отвѣтъ Гегеля одной женщинѣ, неутѣшно плакавшей надъ ея умершимъ ребенкомъ. Вотъ что отвѣчалъ ей этотъ мыслитель и обожатель мышленія. „Я спрошу васъ при этомъ о томъ же, о чемъ спрашивалъ свою жену при подобныхъ обстоятельствахъ:—что лучше—имѣть ли любимое дитя и потомъ потерять его, или вовсе не имѣть его никогда? Она отвѣчала, что первое, конечно, лучше. Такъ и должно быть. Не смотря на потерю вашего маленькаго друга, у васъ все еще остается воспоминаніе о немъ и о той радости, какую ощущали вы, когда онъ былъ живъ. Итакъ для вашей *мысли* онъ не умиралъ никогда и никогда не умретъ. Въ ней—въ мысли—утѣшеніе и въ смерти близкихъ къ намъ и въ нашей собственной смерти. Мы не умремъ въ исторіи, въ *сознаніи человѣчества.*“ Но и здѣсь тоже одно обольщеніе мысли, не имѣющее

значенія для живаго чувства, что и въ вопросѣ о наградахъ, и намъ кажется, что съ матеріалистической и пантеистической точки зрѣнія гораздо послѣдовательнѣе и разумнѣе вовсе не разсуждать ни о какомъ безсмертіи. Что такое это историческое безсмертіе, къ чему оно послужитъ для человѣка, который ничего не будетъ сознавать? Намъ кажется, что умирающему—при мысли о похвалахъ исторіи его личности—должно быть еще тяжелѣе, именно потому, что онъ самъ этой похвалы не услышитъ. По крайней мѣрѣ это половинчатое безсмертіе, т. е. безсмертіе не въ себѣ, а въ другихъ, не въ личномъ бытіи, а въ потомствѣ и исторіи, слишкомъ ничтожно, чтобы сравнивать его съ безсмертіемъ дѣйствительнымъ, котораго оно лишь блѣдная тѣнь. И если не изъятъ отъ такихъ побужденій и матеріалистъ, то это говоритъ противъ его принципа. А дѣйствительно не изъяты отъ такихъ побужденій и новые представители матеріализма. Можетъ быть и бываетъ, что человѣкъ все отрицающій, кромѣ матеріалистическихъ основъ человѣческой природы, не боится смерти, питаясь мыслію, что онъ дѣлаетъ добро для будущаго, что его смерть будетъ сѣменемъ, зародышемъ лучшихъ формъ жизни, что значеніе его мученичества оцѣнитъ благодарное потомство. Что же значитъ это желаніе жить, если не лично, то въ исторической идеѣ, что можетъ значить оно, если не какое-то необъяснимое, безсознательное влеченіе къ жизни безъ конца? Что такое это безсмертіе въ мысли, какъ не образъ полнаго личнаго безсмертія? Эта несвобода отъ идеи безсмертія, выражающаяся въ стремленіи къ безсмертію—историческому, идеальному — всего лучше доказываетъ необходимость идеи безсмертія для человѣческой дѣятельности и нрав-

ственности. Одно сознаніе правоты, сознаніе, что я сдѣлалъ, что могъ, слишкомъ ничтожно при мысли о ничтожествѣ сдѣланнаго мною, по крайней мѣрѣ для меня лично. Мы не думаемъ, чтобы на здоровое человѣческое чувство могли дѣйствовать хорошо и гегелевскія утѣшенія въ смерти близкихъ. Не споримъ, что для жены пресловутаго мыслителя это было такъ, но едва ли согласилась бы на это другая женщина, которая могла бы отвѣтить, что для нея лучше было бы, если бы она вовсе не имѣла дитя, что тогда ее не мучили бы воспоминанія о его потерѣ. Такъ могъ бы утѣшаться и разорившійся богачъ, т. е. только воспоминать, что у него когда-то были деньги. Едва-ли подобное утѣшеніе онъ принялъ бы съ сочувствіемъ....

А. Х.

СПИРИТЫ И СПИРИТИЗМЪ.

(*Окончаніе*).

Мы покончили съ феноменальной стороной спиритизма и переходимъ къ его внутренней сторонѣ. Прежде всего здѣсь имѣетъ значеніе вопросъ о цѣли и побужденіяхъ къ его явленію и объ отношеніи къ откровенной христіанской истинѣ.

Тамъ, гдѣ видимые, или представляемые факты сами по себѣ составляютъ еще вопросъ, положимъ, спорный (допустимъ это для спиритизма, чтобы тѣмъ больше обличить его), тамъ для оцѣнки цѣлаго явленія, связаннаго и совмѣстнаго съ тѣми фактами, съ успѣхомъ можно и должно обращаться къ разсмотрѣнію относительнаго значенія этого явленія, то есть, его побудительной причины, стремленій, цѣли и его отношеній къ другимъ, соприкосновеннымъ съ нимъ явленіямъ, — къ явленіямъ, среди которыхъ оно возникло и которыхъ мѣсто само хочетъ занять. При этомъ факты, съ которыми связано явленіе, представятся въ такомъ или другомъ свѣтѣ, получится вѣрное основаніе и законное право для такого или другого взгляда на нихъ, на ихъ происхожденіе и природу, на ихъ истинность и значеніе.

Всякое разумное явленіе, тѣмъ болѣе имѣющее притязаніе на общественное значеніе, существенно опредѣляется своею цѣлью. Цѣль спиритизма, какую указываютъ его адепты и ревнители, цѣль весьма солидная, даже высокая и вмѣстѣ чрезвычайно трудная: цѣль эта—„просвѣтить и морализировать человѣчество", „произвести великую нравственную революцію въ немъ" ([1]). Со спиритизмомъ соединяютъ задачу, *фактически* доказавши существованіе душъ умершихъ по смерти, или всегдашнее безсмертіе ихъ, расположить людей жить преимущественно въ интересахъ духа, въ видахъ его возвышенія надъ чувственностію и постепеннаго усовершенствованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, утвердивъ во всѣхъ вѣру въ дѣйствительность откровеній со стороны небесныхъ провозвѣстниковъ истины и добра (духи или души умершихъ людей), нравственно обязать людей *всѣмъ сердцемъ*, *всею душею и всею крѣпостію* принимать и осуществлять въ жизни наставленія ихъ: о самоотверженіи и смиреніи, о возвышеніи надъ благами и удовольствіями чувственнаго міра, о полной и совершенной взаимной любви, любви всеобщей, единственной (unique); такъ чтобы, если не буквально *едиными устами и единымъ сердцемъ*, то нравственно единымъ духомъ любви жило и проявляло свою жизнь человѣчество, и чтобы „не было въ средѣ его великихъ и малыхъ, чтобы уравнялись всѣ ранги любовью и знаньемъ".

([1]) Относительно спиритскихъ притязаній и воображаемой общественной роли спиритизма, кромѣ главныхъ и крупныхъ спиритскихъ сочиненій: Le livre des esprits, разныхъ Revelations du monde des esprits, и другихъ, указываемъ въ особенности на брошюры: Le spiritisme sans les esprits (Paris 1863) и Reponses aux sermons contre le spiritisme... par les spirites de Willenave-de-Rions (Bordeaux 1863). Ниже приведенныя выдержки и по смыслу и по выраженію взяты изъ первой брошюры.

Задача, какую призванъ осуществить спиритизмъ въ исторіи человѣчества (такъ самонадѣянно мечтаютъ адепты спиритизма), высокая задача: — всеобщею любовью возродить человѣчество къ добру,... побороть, *обезглавить* зло и согнать его съ лица земли, одолѣвши самаго *духа зла* (не библейскаго ниспадшаго ангела, но невѣденіе и мракъ, облегающій людей и разсѣиваемый лишь спиритизмомъ). Задача спиритизма—помощію (или *миссіею*) душъ умершихъ нашихъ родственниковъ и друзей и вообще бывшихъ обитателей этого міра — *вторично освободить* или *искупить* (redempter) человѣческій родъ (дѣйствительно, великая, но и безумная для спиритовъ и спиритизма задача!). „Близко время, восклицаетъ одинъ искренне или искуственно восторженный спиритъ-теоретикъ (авторъ — Le spiritisme sans les esprits),—когда скорбь одного будетъ скорбію всѣхъ, и всѣ, чувствуя ее, будутъ стремиться ее прекратить,—когда любовь одного сердца будетъ биться безмѣрною любовію въ сердцахъ всѣхъ людей..., приближается любовь сильная и могущественная... и эта всеобщая любовь начала уже свое развитіе...!“

О достоинствѣ цѣли, которую думаютъ преслѣдовать спириты, говорить мы не будемъ. Теперь замѣтимъ только, что, за исключеніемъ пункта о полномъ *любовномъ* равенствѣ всѣхъ (можетъ быть посредственно, даже и во внѣшнихъ отношеніяхъ), гдѣ можно подозрѣвать виды и стремленья не совсѣмъ чистые, гдѣ на счетъ самоотверженія и самоуничиженія однихъ можетъ намѣренно питаться корысть и себялюбіе другихъ [1],—во мно-

[1] „*Вы дѣти народа* будете первыми ратниками непобѣдимаго освободительнаго воинства; *вы бѣдные, обдѣленные* убьете зло...“, взываетъ все тотъ же „un spirite théoricien“ (le spirit. sans les esprits).

гихъ остальныхъ своихъ чертахъ цѣль эта не новая, она давно составляетъ предметъ самыхъ высокихъ и сильныхъ попеченій и стремленій, и въ чистомъ, совершеннѣйшемъ видѣ, съ вѣрными и дѣйственнѣйшими средствами, и не во имя тварей, а во имя Творца, Владыки и Спасителя всяческихъ, преслѣдуется христіанствомъ. Ново здѣсь (въ спиритской цѣли) только фактическое доказательство существованія человѣческихъ душъ по смерти и то—по внѣшней лишь формѣ (разумѣя спиритскіе факты мнимыхъ *душепроявленій*). Форма эта, форма странная, крайне-условная, причудливая и декоративная, рѣшительно не соовѣтствуетъ существу и достоинству доказываемаго предмета и отнимаетъ сама у доказательства его доказательность и убѣдительность. Обратимся къ побужденіямъ и причинамъ, которыя могли вызвать появленіе спиритизма, какъ морализующей силы, и опредѣлили его реформаторскія притязанія. Спиритизмъ, производимый отъ духовъ, (открывающихъ свое присутствіе и общеніе съ людьми извѣстнымъ уже намъ матеріальнымъ образомъ), есть явленіе не недавнее и вовсе не новое; въ простой, не столько искуственной, какъ у спиритовъ, формѣ и безъ претензій на обновленіе нравственной жизни человѣчества, онъ существовалъ издавна. О гадательныхъ или прорицательныхъ столахъ (tables divinatoires) и вызовахъ умершихъ говорятъ еще Тертулліанъ (¹) и Мину-

(¹) „Les magiciens *deshonorent les âmes des morts qu'ils prétendent évoquer*; habiles charlatans—ils imitent les miracles, savant envoyer des songes par le pouvoir des anges et des démons, qu'ils invoquent; par leur moyens *des tables devinent l'avenir*". Вообще нужно сказать l'evocation des morts занимало весьма видное мѣсто (grande place) между суевѣріями язычниковъ. Тертулліанъ въ мнимыхъ душахъ умершихъ, являвшихся будто-бы по вызову, видѣлъ демоновъ: „Les démons contre-

цій Феликсъ (1). Индійскіе ламы, способомъ сходнымъ и почти тождественнымъ съ нынѣшнимъ спиритскимъ, приводятъ столъ въ движеніе, заставляютъ его подниматься и летать по воздуху, и при помощи этого средства, умѣютъ находить похищенныя и скрытыя вещи (2); такое искуство передается у нихъ, конечно, отъ временъ давнихъ. Тоже явленіе, тоже дѣйствіе, значитъ— и дѣйствующая причина—таже. Это—во первыхъ. А главное, по утвержденію самихъ спиритовъ (наученныхъ духами), „духи всегда и прежде были близки и присущи людямъ, интересовались судьбами ихъ жизни, наблюдали за ихъ поведеніемъ и руководили имъ, провидя ихъ сокровенныя мысли, чувства и желанія, измѣняя ихъ и внушая новыя, и такимъ образомъ вліяя и на самый образъ дѣйствій людскихъ. Только это вліяніе духовъ было и есть внутреннее, неощутимое, безотчетное для людей; спиритизмъ дѣлаетъ его внѣшнимъ, видимымъ, осязательнымъ“ (3). Если, теперь, нынѣшнія *учительскія* спиритскія мечтанія вышли изъ побужденій деморализаціи и невѣжества человѣческаго общества, то слѣдуетъ замѣтить, что побужденія эти не были менѣе сильны и настоятельны и во времена прежнія и давнопрошедшія; бывали эпохи въ жизни чело-

---

font les morts... Ce sont eux, en effet, qui agissent sous le voile des âmes (De anima, 57,—„Tertullien—Cours d'eloquence sacrée, par M. l' Abbé Freppel, t. II. 398—400. Paris 1864).

(1) Hist. par Figuier, t. IV. ch. XIV, p. 263.

(2) Сѣвер. Пчела 1854. Hist. par Figuier t. IV. ch. XIV, p. 263—264.

(3) Le livre des esprits chap. IX.—Извѣстный Сведенборгъ (современникъ Канта) мечталъ быть въ общеніи съ душами умершихъ. Кромѣ l'evocation des morts древнихъ язычниковъ, домы и благосостояніе Славянъ оберегали, и теперь еще извѣстные въ нашемъ народѣ, *домовые*, *щуры*—души умершихъ предковъ, и пугали нашихъ суевѣрныхъ предковъ *русалки*—тоже души чуждыхъ умершихъ людей.

вѣчества, можно сказать, постоянныя и непрерывныя, когда *просвѣщеніе ума и сердца* были для него по истинѣ необходимы и было бы животворно-благодѣтельно, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ въ настоящее время. Отъ чего же духи, если они имѣли всегда такой близкій доступъ къ людямъ, такъ интересовались судьбою ихъ, принимали такое живое, сочувствующее и дѣйственное участіе (тайное) въ ходѣ внутренней и внѣшней ихъ жизни, если при томъ открытое общеніе и наученіе съ ихъ стороны должно быть такъ важно и благодѣтельно по послѣдствіямъ и много сильнѣе по дѣйственности, чѣмъ вліяніе тайное; если наконецъ уже давнымъ давно производили они такіе внѣшніе феномены, которые теперь считаются свидѣтельствомъ ихъ присутствія и дѣйствія,—отъ чего они такъ долго таились и не открывали себя такимъ образомъ? Зачѣмъ такъ много медлили просвѣщеніемъ и возвышеніемъ людей, цѣлые вѣка сидѣвшихъ *во тьмѣ и сѣни смертной*, пренебрегали способомъ столь явнымъ и дѣйственнымъ? Почему на эту драгоцѣнную помощь человѣчеству они подвинулись лишь съ какого нибудь 46 года XIX столѣтія уже по Р. Хр. [1], когда нельзя сказать, чтобы она болѣе была нужна нынѣ, чѣмъ въ былыя времена? Или подобное дѣло, то есть открытое и внѣшнее, *положительное наставничество*, было и есть для духовъ чистая невозможность, и вообще на нихъ не лежало и не лежитъ обязанности и права, имъ не дано миссіи на такое отношеніе къ людямъ, или же духи оказываются вовсе невнимательными къ настоятельнымъ требованіямъ и къ благовременному отзыву на нихъ, а руководятся ка-

---

[1] Chap. XII, t. IV. Hist. par. Figuier.

кимъ-то капризомъ, опредѣляются къ дѣйствію случаемъ. Это послѣднее подтверждается и вполнѣ случайнымъ, не связаннымъ ни съ какими дѣйствительными побужденіями, не вышедшимъ ни изъ какихъ разумныхъ причинъ—началомъ нынѣшнихъ явныхъ духосообщеній и духооткровеній въ Америкѣ и Европѣ ([1]). Но такой образъ опредѣленія себя къ извѣстной дѣятельности, нужно еще замѣтить, существенно не вяжется съ представленіемъ о духахъ, какъ существахъ разумныхъ и высшихъ человѣка, и бросаетъ тѣнь основательнаго подозрѣнія на сокрытыхъ виновниковъ нынѣшняго спиритизма, его доктрины, его претензій и стремленій.

Можетъ быть то, что мы сказали сейчасъ, еще недостаточно твердо свидѣтельствуютъ *объ отсутствіи разумныхъ побужденій* для важныхъ мечтательныхъ претензій самозванныхъ *апостоловъ* спиритизма?.. Во всякомъ случаѣ въ подкрѣпленіе тому же заключенію есть еще доводъ.

Всякая сила или всякое явленіе съ широкими стремленіями и разумною цѣлію, тогда только необходимо и законно, когда та цѣль, какую оно поставляетъ себѣ, не осуществляется уже другою высшею и вполнѣ состоятельною силою. Но мы сказали уже, что многое изъ того, чего еще только предполагаетъ достигнуть спиритизмъ, не только служитъ цѣлію, но и съ рѣшительностію достигается христіанствомъ. Всѣ лучшія задачи спиритизма, все лучшее въ содержаніи его доктрины, относящееся до нравственности, заимствовано изъ христіанскаго ученія. Высокая природа и безсмертіе человѣческой души, нужда для нея въ усовершенство-

---

([1]) Гл. XII.

ваніи, возвышеніе надъ удовольствіями и соблазнами чувственнаго міра, дѣятельная любовь ко всѣмъ людямъ, какъ къ себѣ самимъ, и самоотверженіе, всеобщее духовное равенство и братство всѣхъ людей предъ Богомъ во Христѣ,—все это, какъ извѣстно, въ чистотѣ и возвышенности содержитъ и проповѣдуетъ христіанское ученіе, и сообразно этому въ теченіи столькихъ вѣковъ воспитываетъ и руководитъ людей къ дѣйствительному совершенству. Христіанство же, какъ морализующая и духовно-возращающая сила, несравненно дѣйственнѣе спиритизма, авторитетъ его неизмѣримо высокъ, твердъ, непререкаемъ и несравнимъ съ темными, странными и соблазнительными авторитетами спиритскими (даже оскорбительно должно быть для христіанства и самое сопоставленіе его съ спиритизмомъ!) Какія же побужденія могутъ быть для появленія спиритизма, какъ особой морализующей силы, при существованіи христіанства и въ интересахъ одной и той же цѣли съ христіанствомъ?

Согласіе спиритовъ въ ихъ цѣли и стремленіяхъ съ христіанствомъ—только кажущееся, и то—развѣ крайне—близорукимъ и намѣренно—слѣпымъ. На самомъ же дѣлѣ спиритизмъ относится враждебно къ христіанству и всецѣло отрицаетъ его; кромѣ того спириты особенно полемизируютъ еще противъ нѣкоторыхъ, весьма важныхъ въ дѣлѣ нравственности—догматовъ христіанскихъ въ частности. Посмотримъ, какъ они относятся къ дѣлу. Слишкомъ извѣстно самое первое, такъ сказать азбучное, но и болѣе всего необходимое въ дѣлѣ полемики или отрицанія правило, что нужно достаточно знать то, противъ чего идешь или что оспариваешь. Спириты между тѣмъ самымъ грубымъ образомъ нарушаютъ это

простое, элементарное правило. Представляя извѣстный догматъ лишь голословно, какъ общее и краткое положеніе, но не зная его развитія и изъясненія, и потому самому понимая его ограниченно, по своему, они поражаютъ не собственно христіанское ученіе, а только самихъ себя или плодъ своего собственнаго представленія, и тѣмъ выказываютъ лишь свое невѣжество и неумѣнье отнестись къ дѣлу, какъ слѣдуетъ. Ихъ противопредставленія не идутъ къ тому, противъ чего они направляются, потому что послѣднее берется ими не все въ цѣлости, понимается не вполнѣ; въ немъ остаются еще опущенныя противниками изъ вида стороны, которыя не даютъ мѣста приводимымъ возраженіямъ. Говоря, напримѣръ, отъ лица душъ умершихъ противъ бытія діавола и его отношенія къ людямъ (по смыслу христіанскаго ученія), спириты думаютъ имѣть крѣпкій и неустранимый доводъ въ томъ, что будто, какъ они представляютъ, при извѣстномъ вліяніи демона на человѣка, насилуется и вовсе уничтожается свободное произволеніе послѣдняго, и чрезъ то становится незаконною вмѣняемость ему грѣха и его отвѣтственность за грѣхъ. „Человѣкъ грѣшитъ, побѣждаемый злымъ духомъ, и онъ виновенъ—и почему же? потому что ничто не помогало (?) ему—слабому въ борьбѣ съ такимъ могущественнымъ врагомъ!.. Если же благодатная помощь освобождаетъ душу человѣка отъ напастей діавола, то какая заслуга здѣсь со стороны человѣка? Воля Божія, безъ его вѣдома (?), чудесно освобождаетъ его отъ искушеній и страстей; и это сверхъестественное вмѣшательство, это чудо, конечно не свидѣтельствующее о свободно-нравственныхъ достоинствахъ со стороны самаго человѣка, должно дѣйствовать постоян-

но, если Богъ не хочетъ, чтобы человѣкъ постоянно падалъ и пребывалъ во злѣ" (1). Но гонители діавола, на такомъ основаніи, не потрудились узнать, что по христіанскому ученію силы человѣка не такъ слабы, чтобы онъ не могъ вовсе противиться искушеніямъ злаго духа, и благодать по отношенію къ человѣку, даровавъ ему силы къ жизни и дѣятельности, не дѣйствуетъ принудительно и „безъ его вѣдома", а только содѣйствуетъ человѣку въ его собственныхъ, предварительныхъ свободныхъ усиліяхъ и подается ему въ такой мѣрѣ, въ какой вызываютъ ее эти усилія его въ борьбѣ со врагомъ и его желаніе высшей помощи. Самое желаніе сопротивленія, возможныя старанія стоять противъ искушеній и сознаніе нужды въ высшей помощи вмѣняются человѣку въ заслугу и низводятъ ему божественную помощь, которая не подавляетъ и не насилуетъ однако его собственныхъ силъ и стремленій, и дѣйствуетъ не помимо ихъ и не вопреки имъ (2). Если бы это знали противники христіанскаго догмата о злыхъ духахъ, (а знать имъ слѣдовало бы), то должны бы сказать, если бы нашли что нибудь другое, совсѣмъ уже не то, что они близоруко сочли доводомъ крѣпкимъ и несокрушимымъ. И отъ простыхъ, здравомыслящихъ людей необходимо отношеніе къ дѣлу такое, какого требуетъ самое дѣло; тѣмъ болѣе этого слѣдовало бы ожидать отъ людей *вдохновенныхъ высшими духами* и

(1) Serm. § 1 spir. 35—37.

(2) „Природа человѣческая способна къ принятію и добра и зла, божественной благодати и противной силы, но принуждена къ нимъ быть не можетъ". „Безъ согласія воли человѣческой Самъ Богъ ничего непроизводитъ въ человѣкѣ, хотя и могъ-бы,—по причинѣ свободы, которою одаренъ человѣкъ" (Св. Макар. Египет. бесѣд. XV, п. 54 и XXXVII, п. 10.—Прав. Догм. Бог. преосв. Макарія, т. 4, § 193).

проповѣдующихъ будто бы ихъ высокія и непреложныя вѣщанія ([1]).

Относительно другого христіанскаго догмата объ опредѣленномъ состояніи въ опредѣленномъ мѣстѣ душъ умершихъ до всеобщаго суда, состояніи, обусловливающемся нравственнымъ достоинствомъ душъ, разлучившихся съ тѣлами, и соотвѣтственною будущею окончательною участію ихъ послѣ рѣшительнаго суда послѣдняго дня, спириты показываютъ еще болѣе крайнюю ограниченность и грубую чувственность взгляда, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительное незнаніе и полное отсутствіе истинно-религіознаго, духовнаго представленія о предметѣ. „По общепринятому вѣрованію, разсуждаетъ легкомысленный авторъ „книги медіумовъ", — душа по смерти идетъ на небо или въ адъ; но гдѣ небо и гдѣ адъ?" Спиритъ пренаивно желаетъ духовные предметы видѣть непремѣнно чувственными, съ извѣстными для него качествами, въ извѣстномъ мѣстѣ и пространствѣ. „Прежде говорили, что небо вверху, а адъ внизу; но что такое верхъ и низъ вселенной—съ того времени, какъ знаютъ шарообразную форму земли, движеніе звѣздъ, безконечность пространства, въ которомъ тонетъ взглядъ въ разстояніяхъ неизмѣримыхъ, въ которомъ что въ извѣстную данную минуту составляло верхъ, то по прошествіи 12 часовъ будетъ низъ? Правда, что подъ словомъ низъ разумѣютъ также глубины земли; но чѣмъ сдѣлались эти глубины съ того времени, какъ они изрыты геологіею? Чѣмъ сдѣлались также концентрическія

([1]) За нѣкоторыми исключеніями сказанное въ началѣ этого отдѣла находится въ статьѣ, помѣщенной въ Сынѣ Отечества (№№ 289 — 291, 1864 г. — „Нѣсколько словъ о спиритизмѣ". Статья принадлежитъ автору настоящаго сочиненія.

сферы, названныя небо огня, небо звѣздъ, съ того времени, когда узнали, что земля не составляетъ центра міровъ, что самое наше солнце есть одно изъ милліоновъ солнцъ, которыя сіяютъ въ пространствѣ и изъ которыхъ каждое составляетъ центръ планетныхъ движеній, а планеты всѣ населены душами...? (съ твердою рѣшительностію и точно-опредѣленными существами населяютъ ихъ однако только еще спириты, хотя и безъ твердо-рѣшительныхъ доказательствъ). Ученіе о назначеніи опредѣленной мѣстности для душъ не можетъ согласоваться съ данными науки; астрономія и геологія разрушаютъ назначенныя для нихъ жилища." Но во первыхъ, никто изъ учителей церкви и христіанскихъ богослововъ не назначалъ съ рѣшительною опредѣленностію буквально верха и низа, или внутренности земли для неба и ада, никто по крайней мѣрѣ не соединялъ съ этими общими, болѣе примѣнительными и образными, чѣмъ подлинными и точными словами строго опредѣленнаго, извѣстнаго мѣста и представленія въ границахъ чувственнаго, настоящаго міра, потому что никто такъ легкомысленно, суемудро и самонадѣянно, какъ спиритъ, не относился къ предмету вѣры, здѣсь недовѣдомому, открыть который человѣческому знанію во всей его полнотѣ и опредѣленности не суждено Богомъ, да и не полезно. Тѣмъ болѣе не назначали опредѣленнаго мѣста въ сферѣ существующаго міра (какъ невѣжественно клевещетъ спиритъ) для пребыванія душъ послѣ всеобщаго суда въ вѣчномъ царствѣ Божіемъ; такъ какъ всѣ православные богословы *чаяли и чаютъ* къ тому времени *новаго небесе и новы земли* по обѣтованію Божію, *по прошествіи* или по скончаніи нынѣшняго міра (2 Петр. III, 10—13). Были частныя и скром-

ныя примѣнительныя гаданія и мнѣнія—всегда покорныя *разуму вѣры*, но не догматическія твердыя опредѣленія; вся православная церковь всегда вѣровала и вѣруетъ въ извѣстное пребываніе душъ по смерти—однѣхъ, праведныхъ въ *царствѣ небесномъ* или *на небѣ*, *царствѣ Божіемъ*, *дому Божіемъ*, *въ обителяхъ Отца небеснаго*, *въ раю*, и проч. (¹),—другихъ, грѣшниковъ — *во тьмѣ кромѣшной* (внѣшней), *въ безднѣ*, *преисподней*, *въ темницѣ духовъ*, *въ геенѣ*, *въ огнѣ вѣчномъ*, *въ мукахъ*, *во адѣ* и т. п. (²), не опредѣляя съ точностію положенія и внѣшняго образа этихъ мѣстъ, потому что этого не открыто Словомъ Божіемъ (а человѣкъ какъ и откуда уразумѣетъ это?), и представляя главнымъ образомъ состояніе для однихъ блаженное, для другихъ мучительное въ соотвѣтственныхъ тому и другому мѣстахъ (³).

Во вторыхъ вышеприведенныя представленія спирита показываютъ, что спиритъ совершенно не различаетъ религіозныхъ истинъ вѣры отъ новыхъ открытій въ естественныхъ наукахъ и легкомысленно приносъ первыя въ жертву послѣднимъ, хотя однѣ другимъ въ существѣ дѣла нисколько не противорѣчатъ и одни другихъ не исключаютъ—по той простой причинѣ, что относятся къ совершенно разнымъ мірамъ и условіямъ бытія (⁴).

(¹) Матѳ. V, 3, 10; VIII, 11; Лук. XIII, 28, 29; Іоан. XIV, 2.

(²) Матѳ. XXII, 13; XXV, 30, 46; Лук. VIII, 31; Филип. II, 11; 1 Петр. III, 18; Матѳ. V, 22; X, 28; XXV, 41; Лук. XVI, 23.

(³) „Спрашиваешь, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна?“ спрашиваетъ въ свою очередь Богомудрый вселенскій учитель, и отвѣчаетъ: „но какое тебѣ до этого дѣло? Нужно знать, что она есть, а не то, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ скрывается.... И такъ будемъ доискиваться не о томъ, гдѣ она, но какъ избѣжать ея“ (св. Іоан. Злат. на посл къ Римл. бес. XXXI, 702—703 по Рус. пер. Пр. догм Бог. Преосв. Мак. т. V, § 257).

(⁴) „Чѣмъ болѣе наши познанія въ естественныхъ наукахъ расширяются, тѣмъ болѣе они должны ограничивать нашу надменность—(т. е.

Съ своей узко-ограниченной точки зрѣнія авторъ-спиритъ продолжаетъ: „Другое ученіе болѣе логичное назначило душамъ въ жилище не опредѣленное, ограниченное мѣсто, но пространство вселенной; это—цѣлый недвижимый міръ, посреди котораго мы живемъ и который окружаетъ насъ. Представляется ли къ этому какая либо невозможность, противно ли здѣсь что нибудь разсудку? Нисколько; напротивъ все (?) намъ говоритъ, что иначе и быть не можетъ.“ Въ воображеніи, особенно спиритскомъ, можно кого угодно поселить, гдѣ угодно; ему не будетъ казаться невозможнымъ, не логичнымъ его собственное, досужее произведеніе фантазіи, но съ подлинною дѣйствительностію это произведеніе невѣжественнаго воображенія, очевидно, можетъ не имѣть, или лучше—не можетъ имѣть ничего общаго, даже сроднаго. Спиритъ ничего не можетъ видѣть внѣ чувственнаго міра, онъ не иначе и смотрѣть можетъ, какъ взоромъ чувства,—такъ узко ограниченъ его кру-

---

не приводить насъ *къ отрицанію недоступнаго нашему познанію*, или къ *произвольному представленію его на недостаточныхъ основаніяхъ познаннаго*—а давать намъ болѣе глубокое чувство нашего невѣденія въ отношеніи къ знанію вещей Божественныхъ)—твердость увѣренности въ утвержденныхъ фактахъ *земли вѣдомой* должна находиться въ совершенной гармоніи со скромною осторожностію относительно понятій (и откровенныхъ христіанскихъ истинъ) — *міра невѣдомаго*.... Знать, что есть нѣкоторые предметы, которыхъ мы не можемъ знать, это само въ себѣ—познаніе драгоцѣнное и вѣрное, и самая высшая заслуга въ отношеніи къ знанію—состоитъ въ вѣрномъ опредѣленіи его границъ: „благоразумно и внушительно для спиритовъ разсуждаетъ докторъ Чарльмеръ, почтенный богословъ-философъ-натуралистъ (у Гизо въ его „Размышленіяхъ о сущности Христ. вѣры“,—„о предѣлахъ знанія.“) „Что душа человѣка предвидитъ (полагаетъ) эти (недовѣдомые) предметы (*невѣдомаго міра*) стремится къ нимъ,—говоритъ Гизо,—въ этомъ заключается высота его природы; а что его знаніе ограничивается міромъ конечнымъ, гдѣ онъ живетъ, въ этомъ (естественная и неизбѣжная) немощь его дѣйствительнаго состоянія (Прав. Обозр. янв. 1865, стр. 25, 28, 29, 31).

гозоръ, такъ худо развита и худо способна его сила духовнаго-умнаго зрѣнія! Не удивительно потому, если ему кажется *логичнымъ*, *не противнымъ разсудку* и единственно *возможнымъ* только то, что входитъ или произвольно и неестественно-искаженно вносится имъ въ границы его чувственныхъ представленій. Но и трезвый, не близорукій человѣческій взглядъ и здравая человѣческая логика слишкомъ ограниченны и безсильны, чтобы опредѣлять и устроять по своей мѣркѣ условія бытія существъ духовныхъ, вышедшихъ изъ условій бытія человѣческаго; а отвергать или искажать по своему немощному смыслу истину свыше преданнную—было бы, конечно, безуміемъ.

Представляя мѣстопребываніе душъ (по смерти) въ окружающемъ насъ чувственномъ мірѣ и никакъ не возвышаясь мыслію за предѣлы его, авторъ-спиритъ не находитъ, гдѣ-бы назначить мѣсто въ немъ для блаженства и мученія душъ праведныхъ и грѣшныхъ, и на этомъ ложномъ, не основательно воображаемомъ основаніи, легкомысленно отвергаетъ самую дѣйствительность мздовоздаянія въ христіанскомъ смыслѣ о немъ. „Что тогда, спрашиваетъ онъ, сдѣлается съ будущими мученіями и наградами, если вы отнимете у нихъ назначенныя имъ (невѣжествомъ самого спирита?) мѣста? Замѣтьте, что невѣріе въ наказанія и награды вообще происходитъ отъ того, что ихъ представляютъ въ неисполнимыхъ условіяхъ“ (по логикѣ такихъ чувственныхъ людей, какъ авторъ!)... „Но скажите напротивъ, что души почерпаютъ свое счастіе сами въ себѣ, что ихъ участь подчинена нравственному ихъ состоянію (это въ извѣстномъ смыслѣ и справедливо), что собраніе душъ добрыхъ есть источникъ блаженства для

нихъ (слишкомъ скудный и безсодержательный, если единственный), что по мѣрѣ ихъ чистоты они проницаютъ и провидятъ то, что недоступно для душъ менѣе очищенныхъ, — и тогда это всѣ поймутъ и признаютъ безъ труда (но содержанія блаженства, предмета духовнаго наслажденія, здѣсь все-таки не видно никакого). Скажите еще, что души не иначе достигаютъ высшей степени совершенства, какъ только усиленнымъ стараніемъ улучшить себя (кто же и не говоритъ этого?) и послѣ цѣлаго рода испытаній, которыя служатъ къ ихъ очищенію (только не въ смыслѣ ничѣмъ не оправдывающихся спиритскихъ тѣлесныхъ существованій), — что ангелы суть души, достигшія полнаго совершенства, котораго съ доброю волею могутъ достигнуть всѣ [1], — что ангелы, — посланники Бога, которымъ поручено наблюдать за исполненіемъ Его велѣній во вселенной, что они счастливы столь лестнымъ для нихъ порученіемъ (это совершенно справедливо): и вы придадите ихъ блаженству цѣль болѣе полезную и болѣе привлекательную (?), чѣмъ *безпрестанное созерцаніе*". Но никто и не ограничиваетъ дѣятельности и служенія ангеловъ однимъ созерцаніемъ, хотя и одно созерцаніе безконечной божественной красоты должно быть признано источникомъ полнаго блаженства для всякаго конечнаго существа. „Скажите наконецъ, заключаетъ спиритъ, что демоны не что иное, какъ души злыхъ людей, еще

---

[1] Спиритъ не показываетъ основанія, по которому не признаетъ онъ бытія ангеловъ, какъ особыхъ духовныхъ существъ; ему кажется только, что не зачѣмъ раздѣлять духовный міръ на ангеловъ и души людей и, что нѣтъ будто бы о томъ свидѣтельствъ въ св. писаніи, хотя не только новый, но и ветхій завѣтъ полны весьма ясными и опредѣленными свидѣтельствами о бытіи ихъ, какъ отдѣльныхъ дух. существъ отъ душъ человѣческихъ и высшихъ надъ ними.

не очистившихся, но которыя современемъ могутъ достигнуть совершенства (слишкомъ много для душъ злыхъ быть съ характеромъ деменовъ), и это покажется болѣе согласнымъ съ правдою и благостію Бога, чѣмъ ученіе, которое говоритъ, что они созданы для зла (?) и на вѣчныя времена преданы злу"... (недобросовѣстная или грубо-невѣжественная неправда! — Такого ученія нѣтъ; злые духи созданы добрыми и для добра, но злу они предались сами, сами и стоятъ въ немъ; спиритъ искажаетъ ученіе христіанское о злыхъ духахъ). „Вотъ что разсудокъ, самый строгій, логика самая взыскательная и здравый смыслъ могутъ допустить" — этимъ рѣшаетъ дѣло спиритъ (1). *Строгую разсудливость*, *взыскательную логичность и здравомысленность* представленій спирита видѣли мы, и больше разсуждать о нихъ не будемъ; только слѣпое невѣжество и крайне-ограниченная чувственность взгляда, могутъ позволить себѣ такія, до странности мелкія и ложныя представленія; а производить всѣ эти аномаліи здраваго (не говоримъ уже религіознаго) смысла отъ духовъ (высшихъ и чистыхъ) и говорить будто по ихъ сообщеніямъ, это — или грубая, не искусно-хитрая ложь, или болѣзненное самообольщеніе.

Съ отрицаніемъ опредѣленнаго состоянія душъ по смерти въ опредѣленномъ мѣстѣ до всеобщаго суда, съ отрицаніемъ затѣмъ вѣчности блаженства и мученій, спириты связываютъ ученіе о *повторяемости* или *множественности тѣлесныхъ существованій* человѣческихъ душъ или духовъ. Люди кончаютъ эту жизнь не равными по нравственному развитію и достоинству; это

(1) Le liv. d. med. p. 1, chap. 1, § 2.

неравенство для людей не нравственных весьма часто условливается обстоятельствами и причинами, прямо отъ нихъ не зависящими (не произвольнымъ невѣжествомъ, дурнымъ воспитаніемъ, средою, обстановкою, примѣрами и т. п.): было бы противно правдѣ Божіей, умствуютъ спириты, навсегда обречь ихъ послѣ этого на мученіе, за зло кратковременное и условное мстить вѣчнымъ наказаніемъ; было бы несогласно съ благостію и премудростію Бога лишить этихъ несчастныхъ средствъ къ покаянію, исправленію и самоусовершенствованію, ограничивши предѣлъ ихъ тѣлесной жизни однимъ весьма краткимъ существованіемъ, и такимъ образомъ допустить торжество зла надъ добромъ, наказанія надъ любовію и блаженствомъ. Разсуждая такъ, спириты заключаютъ о необходимости и естественности многихъ, повторяющихся тѣлесныхъ существованій для душъ человѣческихъ, видя въ нихъ единственное средство устранить и примирить кажущіяся имъ въ противномъ случаѣ противорѣчія, несогласія и неестественности въ послѣдней судьбѣ грѣшныхъ душъ и въ отношеніи къ нимъ правды, благости и премудрости Бога. Души воплощаются столько разъ и до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ назначенной для нихъ и свойственной имъ степени совершенства; такимъ образомъ всѣ онѣ наконецъ дѣлаются добрыми, добро торжествуетъ надъ зломъ въ нравственномъ мірѣ, и *будущимъ наказаніямъ* нѣтъ мѣста. Для душъ порочныхъ лишніе періоды тѣлесной жизни, жизни скорбной, „темничной“, исполненной тяжелыхъ лишеній и испытаній, пока они не вразумятся, не очистятся и не исправятся, служатъ достаточнымъ наказаніемъ за ихъ уклоненіе ко злу отъ должнаго пути, представляя вмѣстѣ и средства къ исправленію ихъ.

для душъ добрыхъ, ревностно идущихъ по пути усовершенствованія, малочисленность плотскихъ существованій, кратковременность *темничнаго* заключенія въ тѣлѣ составляетъ достойную и весьма пріятную награду за ихъ ревность по благочестію и самоусовершенствованію (¹).

Въ существѣ дѣла спириты не уравновѣшиваютъ, какъ думаютъ, преступленія и наказанія, мнимо не соразмѣрныя съ ихъ ложной точки зрѣнія; они прямо оставляютъ зло людей и противленіе ихъ Богу вовсе безнаказаннымъ, конечно, по страху, который внушаютъ имъ будущія наказанія нечестивымъ. Пройти лишній періодъ земной, тѣлесной жизни (если бы это дѣйствительно могло быть)—всякій скажетъ—еще не составитъ сколько-нибудь чувствительнаго наказанія для порочной души, такъ какъ, живя въ тѣлѣ, она не тяготится своимъ *заключеніемъ*, не чувствуетъ непріязни *собственно* къ тѣлесной жизни; даже люди, преслѣдуемые несчастіемъ и удрученные лѣтами и болѣзнями, старцы сохраняютъ привязанность и любовь къ жизни и не охотно разстаются съ нею. Людямъ же, живущимъ болѣе по плоти, чѣмъ по духу, которыхъ собственно и думаютъ наказывать спириты многочисленностію тѣлесныхъ существованій,—этимъ людямъ, какъ извѣстно, по большей части весьма счастливо живется въ здѣшней *скорбной* и *тяжелой* жизни, такъ что изъ-за своихъ *благъ* чувственныхъ они вовсе забываютъ о духовныхъ благахъ и не хотятъ жертвовать первыми-ими-

---

(¹) Sermons sur le spiritisme,... refutés par un spirite de Metz. Le livre des mediums,—Le liv. d. espr.—„Pluralité des existences“ (p. II, ch. IV). Рукописные „Догматы Христовой церкви по спиритизму“, гл. о томъ же.

жизни и суетными, въ пользу послѣднихъ—дѣйствительныхъ и высокихъ.

Какъ средство къ исправленію и возвышенію порочныхъ, низкихъ душъ, множественность тѣлесныхъ существованій обнаруживаетъ въ себѣ также крайнюю несостоятельность мнѣнія спиритовъ. Почему думаютъ спириты, что, при повтореніи тѣлесной жизни въ послѣдующіе періоды ея, не будутъ повторяться тѣже неблагопріятныя условія, которыя, въ предшествовавшемъ существованіи, удерживали извѣстныхъ людей на низкой степени нравственности, или лучше—были причиною безнравственности ихъ? Кто измѣнитъ для спиритовъ эти условія и устранитъ препятствія къ достойному нравственному развитію? Дурное воспитаніе, злая среда, неблагопріятная обстановка, соблазнительные примѣры, условливаемое общественнымъ положеніемъ невѣжество нѣкоторыхъ и подобныя обстоятельства могутъ имѣть мѣсто всегда во всѣхъ воплощеніяхъ нравственно-низкихъ душъ и всегда могутъ препятствовать нравственному возвышенію ихъ. Замѣтимъ еще, что, по представленію спиритовъ, души, приходя къ сознанію своей порочности, въ промежутки между однимъ тѣлеснымъ существованіемъ и другимъ, не сохраняютъ этого сознанія по входѣ въ новое тѣло, но въ то же время удерживаютъ въ себѣ прежніе нравственные недостатки, злые инстинкты и склонности, и слѣдовательно оказываются расположенными жить опять тою же, какъ и прежде, дурною жизнію (1). Какъ же произойдетъ при этомъ нравственное улучшеніе и возвышеніе ихъ; какъ сдѣлаютъ спириты всѣ души добрыми и высокими

(1) Le livre des espr., II, ch. VII.

единственно чрезъ долгій рядъ тѣлесныхъ существованій, оставляя за ними прежнія ихъ склонности и не измѣняя внѣшнихъ условій *новыхъ жизней* ихъ? Поставлять въ зависимость отъ неопредѣленно-долгаго времени развитіе или исправленіе свободнаго произволенія, какъ это дѣлаютъ спириты, защищая свое мнѣніе о множественности тѣлесныхъ существованій душъ,—и невѣрно, потому что недоброе произволеніе время отъ времени скорѣе и болѣе можетъ крѣпнуть въ стремленіи ко злу, уменьшаетъ цѣну ожидаемаго исправленія и отнимаетъ надлежащее достоинство его, такъ какъ здѣсь исправленіе представляется не дѣломъ чистой и полной свободы, не выраженіемъ внутренней, собственной силы произволенія; здѣсь слѣпо и безгранично разсчитывается на время, случай, внѣшнія обстоятельства. Безгранично расширять продолжительность самаго времени жизни, допускать неопредѣленное число тѣлесныхъ существованій душъ, смотря потому, когда обстоятельства натолкнутъ свободно-нравственныя существа на путь добраго развитія—значитъ законъ правды, законъ добра, законъ жизни неестественно подчинять безпорядочнымъ расположеніямъ *злонравныхъ душъ*.

Предполагать множественность тѣлесныхъ существованій душъ побуждаетъ спиритовъ ихъ же недоумѣніе касательно того, какъ, въ противномъ случаѣ, разсудитъ и вознаградитъ Богъ непроизвольно неравныя въ нравственномъ отношеніи души, каковыми естественно должны оказаться они послѣ одного тѣлеснаго существованія. Для правильнаго проявленія по отношенію къ нимъ судящей правды Божіей, спиритамъ кажется необходимымъ, чтобы между ними не было *непроизвольнаго* неравенства и чтобы *въ продолженіи времени* всѣ

они сравнялись и стали добрыми. Къ такому представленію спириты пришли отъ невѣжественнаго предположенія, что будущія наказанія, по христіанскому ученію, будутъ безусловны и безотносительны для всѣхъ грѣшниковъ,—что при опредѣленіи виновности ихъ не будутъ имѣть значенія обстоятельства внутреннія и внѣшнія, сопровождавшія грѣхъ и послужившія къ произведенію его, — что и природные идіоты, младенцы, люди рожденные въ варварскомъ язычествѣ, воспитанные въ нечестивой и развращенной средѣ—подвергнутся одинаковому наказанію съ людьми, которымъ были чужды всѣ подобныя неблагопріятныя обстоятельства, которые были окружены даже условіями, прямо благопріятствовавшими доброму, благочестивому развитію и сдѣлались порочными единственно отъ себя, и въ своей грѣховности вполнѣ виновны, безъ всякаго извиненія (1). Такъ недостойно понимаютъ спириты премудрое и благое правосудіе Божіе, представляя его ограниченнѣе разумной правды даже человѣческой! Они не разумѣютъ, какъ должно, смысла словъ апостола Христова, что *Богъ воздастъ комуждо по дѣломъ его* (Римл. 2, 6), что *Онъ во свѣтъ приведетъ тайная тьмы и объявитъ совѣти сердечные* (1 Коринѳ. 4, 5) и что *коегождо дѣло явлено будетъ, день бо явитъ, зане огнемъ открывается; и коегождо дѣло, яково же есть, огнь искуситъ* (1 Коринѳ. 3, 13). Они, какъ видно, вовсе не знаютъ словъ самаго Спасителя: *рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по волѣ его, біенъ будетъ многи; не вѣдѣвый же, сотворивъ достойная ранамъ, біенъ будетъ мало. Всякому же, ему же дано будетъ много,*

(1) Serm. sur le spirit... refutés p. un spirite de Metz,—55—60.

много взыщется отъ него, и ему же предаша множайше, множайше истяжутъ отъ него (Лук. 12, 47, 48)... *Пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ; и пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу пріиметъ. И иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминь, глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея* (Матѳ. 10, 41, 42). Слова эти весьма ясно опредѣляютъ характеръ будущаго воздаянія въ царствѣ Божіемъ, гдѣ, по словамъ Спасителя, *обители многи суть* (Іоанн. 14, 2), соотвѣтственно разнымъ степенямъ достоинства и виновности праведныхъ и грѣшныхъ.

" Самое главное основаніе и вмѣстѣ побужденіе отвергать будущее мздовоздаяніе въ христіанскомъ смыслѣ спириты находятъ въ мнимой *несоразмѣрности* будущихъ наказаній съ преступленіями. Какимъ образомъ, умствуютъ они, возможны и справедливы за грѣхи временные, за непродолжительно-порочную жизнь наказанія вѣчныя, мученія нескончаемыя? Это не естественно и недостойно правды Божіей. Такое ложное мнѣніе показываетъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ у спиритовъ религіозной вѣры, крайній недостатокъ съ ихъ стороны познанія богословскихъ-христіанскихъ истинъ, отсутствіе религіознаго образованія. „Не по времени согрѣшенія судимы будутъ,—скажемъ словами великаго вселенскаго учителя церкви, — но по естеству прегрѣшеній" (1). Грѣхъ не необходимъ и не неизбѣженъ; противъ искушеній, въ помощь слабой, но не безсильной природѣ человѣка, существуютъ извѣстныя дѣйственныя средства, и естественныя и благодатныя; человѣкъ взысканъ

(1) Златоуст. на Іоан., бес. 38.

сдѣланнымъ любовію Бога въ искупленіи и его духовное, вѣчное благо, его спасеніе составляло и составляетъ предметъ любве-обильнаго промышленія и всеблагой воли Божіей; за противленіе этой волѣ, за нарушеніе нравственнаго закона, за грѣховную жизнь угрожаютъ человѣку *великія и страшныя* наказанія; за покорность волѣ Божіей, за подвиги благочестія, одушевляемые истинною вѣрою и любовію, ожидаютъ его *великія* награды: если и при всемъ этомъ человѣкъ погрязаетъ въ беззаконіяхъ и упорно противится волѣ Божіей о его спасеніи, то естественно грѣхъ его долженъ быть *великъ*, соразмѣрно съ *величіемъ* побужденій и средствъ къ воздержанію отъ него и съ величіемъ побужденій и средствъ къ богоугодной жизни. А побужденія эти — *вѣчность* съ одной стороны блаженства, съ другой — мученія, и *безконечность* любви Божіей, безцѣнно великою Жертвою даровавшей человѣку возможность и средства быть святымъ и богоугоднымъ и благодатнымъ *сыномъ Божіимъ*. Слѣдовательно, если человѣкъ подвергается въ будущей жизни вѣчнымъ мученіямъ, то потому, что самъ сознательно и добровольно избралъ ихъ и неуклонно шелъ къ нимъ, не смотря на всѣ великія побужденія идти къ добру и — страшныя предостереженія отъ зла. Кромѣ того вѣчность мученія грѣшника будетъ условливаться *всегдашнимъ, не измѣннымъ* внутреннимъ или нравственнымъ состояніемъ грѣшника, сердцу котораго, кромѣ болѣзненнаго злорадства о злѣ и грѣховнаго возмущенія или *не покаянныхъ* угрызеній совѣсти, ничто не можетъ быть доступно ([1]; а добро при этомъ восторжествуетъ, потому что не исправимое

([1]) Во адѣ кто исповѣстся Тебѣ? (Пс. 6, ст. 5).

зло само въ себѣ будетъ терпѣть естественное наказаніе.

Проповѣдуя свои мнѣнія, не только явно враждебныя христіанству, но и совершенно противныя здравому смыслу, свидѣтельствующія о крайнемъ невѣріи и невѣжествѣ проповѣдниковъ, относительно христіанскихъ истинъ, которыя при этомъ отвергаются или искажаются ими,—спириты сильно чернятъ и разумность и благонамѣренность *высшихъ и чистыхъ духовъ*, которымъ приписываютъ эти мнѣнія, какъ сообщенія ихъ, и которыя мнѣнія, очевидно, не имъ, духамъ, принадлежатъ, а самимъ не христіански и не здраво мыслящимъ спиритамъ. А какъ странно при этомъ увѣряютъ спириты въ истинности своихъ мудрованій, къ какимъ и наивнымъ и возмутительно-грубымъ убѣжденіямъ прибѣгаютъ они, безцеремонно разсчитывая на легковѣріе и *простоту* людскую? „Не противьтесь новымъ ученіямъ по тому одному (!),—говорятъ *духи посредствомъ* одного медіума,—что иногда они будутъ казаться въ противорѣчіи съ тѣмъ, во что привыкли вы вѣрить до настоящаго времени... Если вы искренно желаете получить наставленія въ великихъ истинахъ, которыя Богъ благоизволитъ (!) открывать вамъ, то не давайте себѣ никакого отчета въ пріобрѣтенныхъ вами прежде идеяхъ—религіозныхъ и философскихъ, моральныхъ и политическихъ; будьте расположены принимать сообщенія, въ какомъ бы противорѣчіи ни были они съ прежде усвоенными вами мнѣніями, если только они *съ перваго раза* не противны вашему разуму, *разуму сердца* (la raison du cœur)", т. е. собственно вкусу—чувственному, суетному, невѣжественному. „Не безпокоясь слѣдуйте совѣтамъ нашимъ... Думайте, что предлагаемые вамъ

совѣты мудры и что они принесутъ пользу вамъ и въ настоящей и въ послѣдующей жизни... Вѣрьте въ духовъ, которые заявляютъ вамъ о своемъ желаніи обогатить васъ истинами, полезными для усовершенствованія вашего... Когда ваши духовные руководители указываютъ вамъ путь, вы можете быть совершенно увѣрены, что вамъ нужно и должно слѣдовать по нему, безъ колебаній и предубѣжденій въ пользу уже извѣстныхъ и ранѣе внушенныхъ вамъ понятій, и не стѣсняясь никакими противорѣчіями его съ послѣдними... Вѣруйте въ средства, какія Богъ (?) употребляетъ для вашего просвѣщенія; будьте увѣрены, что кажущееся въ нашихъ сообщеніяхъ вреднымъ, на самомъ дѣлѣ полезно и необходимо... Неизмѣнна цѣль, но средства разнообразятся безъ конца, для соблюденія вашей свободы не нарушимою (!). Богъ обращаетъ страсти каждаго на пользу, соотвѣтственно естественному (!) характеру и направленію ихъ (эхо іезуитскихъ нравственныхъ принциповъ!) (1)". Здѣсь уже болѣе чѣмъ невѣжество или болѣзненное ослѣпленіе: это—не просто бредни, заблужденія или увлеченіе разстроеннаго ума и воображенія. Это—грубое, возмущающее посмѣяніе надъ религіознымъ чувствомъ, надъ общепринятыми вѣрованіями и убѣжденіями. „Вы для насъ дѣти, — свысока вѣщаетъ *духъ* Vincente-de-Paul (2),—и дѣти часто боязливыя; ваши маленькія (!) скорби, маленькія радости и

---

(1) Révélations du monde des esprits,—dissertations spirites obtenus par J. Roze medium; serie 1 conseils pour juger sainement la révélation,—de l' usage de la raison и др. p. 12—13, 17—18, 23, 33, 34, подъ сообщеніями или совѣтами стоятъ имена духовъ: Lamenais, Louis, Augustin и даже Esprit de Verité и др.

(2) Ibid. p. 14—15.

маленькія боязни (или разочарованія — découragements) вызываютъ у насъ улыбку сожалѣнія (!)“.

Правда, тѣ же *духи*—совѣтники говорятъ: „принимайте не колеблясь то, *чего ваш разумъ не отвергаетъ съ перваго раза*, отвергайте то, *что его сразу оскорбляетъ*, хотя этотъ омраченный“, т. е. здравый, „разумъ не всегда можетъ понимать, что ему сообщается; и просите разъясненій на то, что вамъ кажется сомнительнымъ“. „Какъ бы ни было законно (!) довѣріе, которое внушаютъ вамъ духи, тѣмъ не менѣе всегда необходимо взвѣшивать и *подчинять суду разума* всѣ сообщенія, какія вы получаете, и испрашивать необходимыхъ разъясненій на отвѣты темные и сомнительные“ (1). Но совѣтники спиритскіе не противорѣчатъ здѣсь себѣ. Что это за разумъ, согласіемъ съ которымъ опредѣляютъ спириты принятіе своихъ сообщеній? Это—не разумъ здравый, воспитанный христіанскими, признанными, научными и нравственными идеями,—такой разумъ *духи* называютъ „омраченнымъ“ и на несогласіе съ нимъ своихъ сообщеній настоятельно совѣтуютъ не обращать ни малѣйшаго вниманія; это — упомянутый выше *разумъ сердца*, суетнаго, испорченнаго чувства, фальшиваго и чувственнаго вкуса,—*разумъ страстей* и антирелигіозныхъ или ложно религіозныхъ расположеній. „Великій Боже, — восклицаетъ духъ — Fourrier (2), — когда ты вдохнешь въ человѣка мудрость управленія этимъ *могущественнымъ двигателемъ* — *страстію* (соотвѣтственно естественному характеру и направленію ея!) сколько золъ разсѣется и сколько добра послѣдуетъ отъ этой силы, которую теперь знаютъ

(1) Ibid. p. 11—15, 16.
(2) Ibid.

только съ худой стороны!“ — Относительно же совѣтуемыхъ вопросовъ о недоумѣнныхъ и темныхъ сообщеніяхъ, находчивые совѣтники тутъ же даютъ отвѣтъ такого рода: „сообщается только то, что возможно и полезно знать въ настоящее время и въ настоящемъ положеніи (*que vous pouvez porter à présent*); излишнее любопытство суетно и эгоистично; духи знаютъ, что и въ какой мѣрѣ нужно сообщить, и имъ должна быть предоставлена забота наученія; во всѣ эпохи *откровенія* всегда находилось и находится множество людей, которые ниже сообщаемыхъ истинъ и потому не могутъ, какъ должно, понимать ихъ... Удовлетворительные отвѣты на вопросы могутъ быть лишь въ такомъ случаѣ, когда вопросы не насаются того, *чего не должно еще знать* или *что не можетъ быть понято спрашивающими*, и что всѣмъ вполнѣ *сообщено еще не можетъ быть*, такъ какъ не настало для этого время“ (1). Въ противномъ случаѣ уклончивые наставники отвѣчаютъ: „pas d'épreuve“ или „nimia curiositas“, и требуютъ слѣпой непоколебимой (inébranlable) вѣры себѣ, которая легко раждается отъ *истиннаго* взгляда на современные (спиритскіе) факты, отъ пониманія цѣли ихъ (!), и которую необходимо сохранять и въ томъ случаѣ, если бы были узнаны даже и законы (!), по которымъ происходятъ спиритскіе феномены и сообщенія“ (2). Такъ грубо и фальшиво утверждаетъ свою истинность и обязательность мнимая „новая религія духовъ“, дерзко ставящая себя на мѣсто христіанства, какъ религія высшая и болѣе чистая въ сравненіи съ нимъ!

Никому, не отуманенному спиритскимъ очарованіемъ

(1) Ibid. p. 29.
(2) Ibid. p. 4—5.

и бредомъ, и въ голову конечно не должно приходить допускать не только прямую и несомнѣнную истинность, но и какую-нибудь возможность истины въ спиритскомъ притязаніи на откровенный характеръ мнимо спиритическаго ученія; никто изъ здравомыслящихъ и не подумаетъ даже поставить этого притязанія в вопросомъ спорнымъ и сомнительнымъ, заслуживающимъ непремѣннаго опроверженія, достойнымъ серьозной полемики, хотя бы то и въ виду несомнѣннаго и очевиднаго изобличенія претендентовъ въ дерзкой лжи и грубомъ обманѣ. Христіанское откровеніе, единое, истинное и божественное, не оставило никакихъ указаній, ни даже намековъ на какое нибудь другое, имѣющее быть впослѣдствіи,—откровеніе, по отношенію къ нему, дополнительное, поясняющее или исправительное (какъ это мечтаютъ спириты о своемъ лжеоткровеніи), или въ какомъ либо еще иномъ родѣ. Напротивъ, Божественный основатель христіанства ясно считалъ Свое *дѣло* просвѣщенія, искупленія и спасенія людей *совершеннымъ*, оконченнымъ *на земли* (Іоан. 17—4), Свое ученіе *непреходящимъ*, не замѣнимымъ (Матѳ. 24, 35), и вѣру въ Себя и въ ученіе Свое вполнѣ и единственно достаточнымъ условіемъ достиженія людьми назначенія ихъ — живота вѣчнаго и спасенія (Іоан. 14; 6, 3; 36. Мар. 16; 15 и 16. Матѳ. 28. 20. сн. Евр. 13; 8, 20. 1 Кор. 15; 25). И Боговдохновенные апостолы Христовы учили, что *основанія инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. 3, 11); *и отрицали бытіе инаго имени подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. 4; 11, 12); наконецъ съ рѣшительностію заповѣдали христіанамъ: *аще мы или ангелъ съ небесе благовѣститъ*

сами мы, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ (Гал. 6, 8); *и аще кто приходитъ къ вамъ и сего ученія не приноситъ, не пріемлете его и радоватися ему не глаголите* (2 Іоан. 9, 10). Успокоеніе христіанскому чувству, утвержденіе христіанской вѣрѣ—полное, непререкаемое, непоколебимое, въ виду всевозможныхъ антихристіанскихъ лжеоткровеній и лжеученій!

Впрочемъ, притязанія спиритизма, на неприкосновенность христіанской истины, не стоятъ подробныхъ опроверженій. Переходимъ къ разсмотрѣнію системы спиритизма самой въ себѣ—внѣ отношеній ея къ христіанству.

Вотъ въ краткомъ видѣ цѣльное содержаніе „науки" или „религіи" спиритовъ.

Въ началѣ, представляютъ спириты, сотворенъ Богомъ міръ духовъ Simples et ignorants (простыхъ и неодаренныхъ вѣдѣніемъ), но со способностію и назначеніемъ развиваться и усовершаться какъ въ умственномъ—познательномъ, такъ и въ нравственномъ—дѣятельномъ отношеніи. Для достиженія этого, духи посылаются или сами идутъ въ матерію, „водворяются" въ ней, воплощаются. Только жизнію въ тѣлахъ, жизнію дѣятельною по отношенію къ развитію, управленію и ограниченію матеріи или тѣла, жизнію полною лишеній, испытаній, искушеній, скорбей, опредѣляется возможность развитія и усовершенствованія для духовъ. Такъ чувственны, матеріальны представленія мнимыхъ, самозванныхъ „спиритуалистовъ" (спиритовъ), что они рѣшительно не могутъ допустить другой нравственно-дѣятельной *реальной* жизни, кромѣ жизни тѣлесно-чувственной! Жизнь чисто духовная для нихъ и не мыслима, какъ „что-то отвлеченное, неопредѣленное, туман-

ное, какъ „*абсолютное ничто*“. Чѣмъ-же послѣ этого будутъ или были вначалѣ сотворенные духи, до ихъ „водворенія“ въ матеріи? Какую *отвлеченность, неопредѣленность, туманность*, какое *совершенное ничто* сотворилъ Богъ???

Одушевляя постепенно тѣла минеральнаго, растительнаго и животнаго царства, духи, по мѣрѣ собственнаго развитія и совершенства, достигаютъ тѣлъ человѣческихъ ([1]), переходя въ тоже время съ планетъ менѣе совершенныхъ на болѣе совершенныя планеты (globes) ([2]). Пребывая въ матеріи, духи, продолжаютъ нѣкоторымъ образомъ дѣло творенія; они присутствуютъ въ тѣлахъ минеральнаго и растительнаго царства въ образовательный моментъ жизни ихъ, и оставляютъ ихъ, когда это образованіе заканчивается и жизнь окончательно устанавливается ([3]).

([1]) Такъ по *редакціи Духосообщеній* медіума Roze („Révélat. du mond. des Espr.)..., а по *редакціи* Кардека (Le liv. des espr.) духи воплощаются въ тѣла исключительно человѣческія.

([2]) Планеты такимъ образомъ всѣ населены; духи, воплощенные въ тѣлахъ спиритовъ, бывали (во время сна) на многихъ и главныхъ изъ нихъ, и медіумъ Roze весьма категорически и увѣренно описываетъ путешествія своихъ собратовъ на отдаленные міры, изображая высоко развитыхъ жителей ихъ (Lésurques), опредѣляя даже число ихъ и долговѣчность на извѣстныхъ глобусахъ, описывая тамошнюю флору и фауну, устройство жилищъ, одеждъ, парковъ, водоемовъ, мостовъ, музыку и другія произведенія природы, мануфактуры и изящныя искуства до „ravissantes femmes nues“—роскошнаго произведенія тамошнихъ скульпторовъ (Révél. du mond. d. espr. ser. 1-ére: Voyage sur Jupiter (p. 118) sur Uranus (p. 164) sur Saturne (p. 157) sur Eteopis, sur Lopàssas (p. 129) и sur la longevitè dans quelques planétes). Какъ видно, воображеніе спиритовъ, много обманывающее ихъ и на яву, во снѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ сказывается необыкновенно-причудливою производительностію.

([3]) Въ минералахъ они дѣйствуютъ, во время образованія ихъ, какъ *сила управляющая соединеніемъ образовательныхъ жидкостей или токовъ*—fluides (directrice de la force attractive des fluides или action atrac-

После того они возвращаются изъ тѣлъ въ атмосферу съ расположеніемъ служить, по закону прогресса, высшему творенію и постепенно переходятъ изъ тѣлъ менѣе совершенныхъ въ тѣла болѣе совершенныя и наконецъ *достигаютъ индивиндуальности* (значитъ прежде духи не имѣютъ ея?!), одушевляя при этомъ сначала существа микроскопическія. За тѣмъ уже *прогрессъ совершается par incrustations* (чрезъ соединеніе, сплоченіе) до образованія животныхъ высшихъ по понятію; и тогда образуется *единство* или *единица* („unité“), которая послѣ должна стать человѣческою душею (¹). Что же такое послѣ этого духи? Какъ оказывается—что то въ родѣ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ, или образовательныхъ силъ матеріи, которыя отъ безличности и по истинѣ какой-то *туманной неопредѣленности*, вслѣдствіе развитія и взаимнаго *сочетанія* (incrustations)—(можетъ быть на подобіе извѣстныхъ монадъ Лейбница?) достигаютъ какъ-то бытія личнаго, сознательнаго, разумнаго!

По степени развитія и самоусовершенствованія *прогрессирующихъ* духовъ постепенно утончаются и тѣла, принимаемыя на разныхъ, болѣе и болѣе совершенныхъ планетахъ; наконецъ высокоразвитые духи освобождаются отъ всякаго тѣлеснаго заключенія (сбрасывая съ себя тѣло какъ „mauvais habit“) и остаются съ однимъ только *переспри* (—тончайшею, *полуматеріальною*, ѳеирообразною, невѣсомою оболочкою), который тоже постепенно болѣе и болѣе утончается и разрѣ-

---

tive et directrice des fluides); въ растеніяхъ дѣйствіе ихъ бываетъ *attractive et intuitive*, въ животныхъ—болѣе или менѣе *intuitive et intelligente*, въ человѣкѣ—*intelligente*, *raisonné et libre*. Rèvél. du monde des espr....ser. 1 — Sciences: De l'action de l'esprit dans la creation и Progression général de l'esprit.. Par Esprit de Vérité p. 195—196, 203—204.

(¹) Ibid.

жается вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ возвышеніемъ духа; въ концѣ концевъ духи освобождаются и отъ перисприи и, достигши высшей, назначенной и свойственной имъ степени совершенства, вступаютъ въ *лоно Отчее*, въ *плирому*, соединяются и сливаются съ Богомъ ([1]).

Одни изъ духовъ принимаютъ миссію въ матеріальный міръ съ полною охотою, даже сами испрашиваютъ ее у Бога (по побужденію любви, по желанію творить и во избѣжаніе тяжелой *необходимости* оставаться всегда недѣятельными), проводятъ жизнь въ тѣлахъ (человѣческихъ) съ доброю ревностію, во благо себѣ и общему дѣлу Божію въ мірѣ, потому и развиваются и совершенства достигаютъ скорѣе и скорѣе оканчиваютъ тѣлесную жизнь въ воплощеніяхъ и соединяются съ Бо-

([1]) Который „est *collectif* et n'est en definitive que *la masse réunie en groupe* lié par l'amour *des esprits purs et parfaits*" (ibid.—De la fin de l'esprit,—p. 186. Сродные спиритамъ мормоны еще ограниченнѣе и атеистичнѣе представляютъ Бога. По ихъ мнѣнію, Богъ есть тотъ же, только высоко развившійся и достигшій высшей и самой послѣдней степени совершенства—человѣкъ).—Если при всемъ сказанномъ о жизни и дѣйствіи духовъ въ матеріи и о конечномъ отношеніи ихъ къ Богу, взять еще во вниманіе, что и планеты всѣ, по представленію спиритовъ, постепенно развиваясь дѣйствіемъ населяющихъ ихъ воплощенныхъ духовъ, болѣе и болѣе утончаютъ свою матерію; то это будетъ напоминать нѣсколько извѣстную пантеистическую теорію Шеллинга: матеріализацію въ природѣ отдѣлившихся отъ Бога (плиромы) идей (духовъ), и за тѣмъ постепенное одухотвореніе образовавшейся такимъ образомъ природы и сліяніе одухотвореннаго съ Божественною Плиромою. Платонова *душа міра* также видится здѣсь, только—въ раздробленія. Гностическое образованіе и усовершенствованіе міра отпадшими отъ Бога и попавшими въ матерію *эонами* тоже не чуждо спиритскому представленію. Впрочемъ спиритскій пантеизмъ не такъ опредѣленъ и точенъ, какъ другія извѣстныя теоріи пантеизма. По видимому, въ спиритизмѣ матерія отдѣляется отъ духовнаго начала, но въ немъ и духовное бытіе состоитъ хотя и изъ спиритуальныхъ по названію, но—все же *молекулъ*, частицъ, и слѣдовательно не просто, а сложно и должно быть дѣлимо, что свойственно только матеріи. При томъ же, какъ мы уже знаемъ, спириты не допускаютъ *спиритуальности абсолютной*, считая ее за *абсолютное ничто*.

томъ. Относительная кратковременность тѣлеснаго заключенія и слѣдующая за тѣмъ жизнь съ Богомъ, или въ *Богѣ*, служитъ *естественною* наградою за ихъ добрую тѣлесную жизнь, за ихъ подвиги благочестія и самоусовершенствованія. Другіе духи неохотно принимаютъ миссію въ тѣла (почему? вѣдь они до „водворенія въ матеріи“ — *simples et ignorants*?), съ нерадѣніемъ и непріязнію проводятъ ее, не разумно проходятъ *испытанія*, недостойно, порочно живутъ; отъ того живутъ въ тѣлахъ дольше и очень долго, перемѣняютъ большое, можетъ быть не исчислимое число воплощеній, пока наконецъ не достигнутъ — какъ и первые, предназначеннаго и свойственнаго имъ совершенства. Продолжительность испытаній въ многочисленные періоды скорбной тѣлесной жизни служитъ единственнымъ и тоже вполнѣ *естественнымъ* (мы уже видѣли эту естественность) мздовоздаяніемъ не какъ должно—живущимъ воплощеннымъ духамъ. Впрочемъ и добрые духи, разъ окончившіе миссію въ тѣлахъ, не на вѣки погружаются въ Божественное лоно. „Уже въ настоящей или вообще тѣлесной жизни,—такъ говорится объ этомъ въ одномъ спиритскомъ сочиненіи, — духи чрезъ свои добродѣтели и самоотверженіе какъ бы *теряютъ часть своей индивидуальности* (ослабляетъ ее). Въ моментъ, опредѣленный вѣчными законами, которые управляютъ вселенной, они допускаются *составить часть самаго Бога*. Тогда индивидуальность ихъ совершенно теряется (s'efface), они становятся *тожественными* (между собою и Богомъ) до того времени, когда *снова добровольно обрекутъ себя на раздѣленіе съ безконечнымъ, чтобы снова на долю посвятить себя труду и творенію*. Вотъ въ какомъ смыслѣ,— прибавляетъ будто-бы — Esprit de Verité, — всѣ люди

братья и дѣти Божіи, и Богъ есть вездѣ, и человѣкъ долженъ любить и вспомоществовать подобному себѣ, помогать ему идти впередъ и снова пріобрѣтать или возвращать свое мѣсто въ лонѣ (au sein) великаго и божественнаго центра, изъ котораго онъ вышелъ (Révél. du monde des espr. s. 1.—de la fin de l'esprit. p. 186—187)" (1).

Между перевоплощеніями духовъ бываютъ болѣе или менѣе значительные промежутки (отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ вѣковъ), въ которые духи приводятъ къ сознанію свое поведеніе во время пройденныхъ воплощеній и опредѣляютъ свою жизнь на будущее время, избираютъ для себя такой или другой родъ новаго воплощенія, такое или другое положеніе общественное, тѣ или иныя особенности организма. Въ бывающемъ въ эти промежутки сокрушеніи духовъ о недостоинствѣ прошедшей жизни, въ сознаніи, что они дѣлали зло, что они виновны и должны подлежать наказанію—состоитъ весь (!) судъ для грѣшныхъ душъ (2). Но отъ этого сознанія и сокрушенія ничего не вносится порочными духами въ послѣдующую тѣлесную жизнь; воплощаясь снова, они нисколько не помнятъ своего прошлаго (3). При такой изолированности сознанія и дѣятельности духа въ каждомъ особомъ воплощеніи возможенъ-ли непремѣнный прогрессъ—этотъ коренной и *постоянный*, всеобъемлющій спиритскій законъ нравственной жизни, въ оправданіе котораго спириты измыслили неопредѣ-

(1) „*Индивидуальность* духовъ будетъ имѣть конецъ, а *principe*, изъ котораго произошли они, вѣченъ" говорится въ Книгѣ Духовъ" (liv. 1-ére, chap. 1—origine et nature des esprits).—„Духи суть *individualisation du principe intelligent* (который отождествляется съ Богомъ),—тамъ же.

(2) Ibid—remunération divine,—par Augustin,—p. 8.

(3) Le liv. d. espr., liv. II, chap. VII: Oubli du passé.

лечное множество періодовъ тѣлесной жизни для слабыхъ въ нравственности духовъ, въ видахъ необходимаго исправленія ихъ, — и во имя котораго они такъ самоувѣренно отвергаютъ *будущій* судъ, воздаяніе грѣшникамъ въ христіанскомъ смыслѣ, конечно не въ исправленіе имъ, а къ дальнѣйшему развращенію ихъ при надеждѣ ненаказанности? Въ каждомъ новомъ воплощеніи духъ долженъ начинать жизнь, какъ совершенно еще неопытный, ничего сознательнаго не вынесшій изъ прежней жизни, долженъ начинать свое развитіе сначала; только злые инстинкты и наклонности сохраняются во вновь воплощающемся не добромъ духѣ. Возможно ли при этомъ *непремѣнное* исправленіе порочныхъ духовъ, къ которому *необходимо* должна вести, по мнѣнію спиритовъ, придуманная ими множественность тѣлесныхъ существованій? Слишкомъ очевидно, что нѣтъ.

Въ тѣ же промежутки между воплощеніями *esprits errants*—блуждающіе духи являются къ людямъ (духамъ, воплощеннымъ на землѣ въ тѣлахъ человѣческихъ)—по вызову или самопроизвольно, даютъ имъ отвѣты на вопросы, разныя сообщенія и наставленія по собственному усмотрѣнію ([1]). Высшіе изъ духи, обитающіе на болѣе совершенныхъ планетахъ, въ утонченномъ тѣлѣ или въ эѳирообразномъ перисприи, дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ черезъ низъ же посредство и главнымъ образомъ чрезъ *esprit familier*—духа фамильнаго, *собственнаго* или нарочито близкаго и присущаго каждому человѣку,

([1]) Кажется, нигдѣ еще не упоминали мы, что спириты имѣютъ общенія и ведутъ бесѣды съ духами, живущими въ тѣлахъ, съ отсутствующими родственниками, друзьями, знакомыми (во время сна и забытья послѣднихъ. Le liv. d. espr. ch. X: évocation de personnes vivantes).

замѣняющаго, въ представленіи спиритовъ, нашего *Ангела Хранителя* (1).

Мы люди,—первозданные духи въ воплощеніи и живемъ отъ начала творенія; каждый изъ насъ прошелъ, быть можетъ, безчисленное множество воплощеній и пройдетъ еще неопредѣленное число ихъ. Добрые изъ насъ представляютъ собою воплощенныхъ духовъ болѣе чистыхъ и усовершившихся, не добрые—духовъ худо развитыхъ, духовъ *легкихъ*, низшихъ, еще не исправившихся, не очистившихся. Духовъ положительно злыхъ, діаволовъ нѣтъ; въ существующемъ понятіи о нихъ преувеличены не добрыя качества и дѣйствія обыкновенныхъ духовъ низшихъ, грубыхъ и не добронравныхъ; они иногда дурно относятся къ людямъ во время своего существованія внѣ тѣла, между однимъ и другимъ воплощеніемъ, но при этомъ они болѣе *вѣтрены*, *капризны*, *грубо-шутливы*, чѣмъ злонамѣренны и злостны (2).

---

(1) Высшіе духи, *протекторы* духовъ, воплощенныхъ на землѣ, обитаютъ на солнцѣ, переходя туда, по мѣрѣ развитія, съ планетъ составляющихъ солнечную систему. Такимъ образомъ солнце, въ своей системѣ, служитъ центромъ, кормиломъ правленія, источникомъ жизни не только физической для тяготѣющихъ къ нему міровъ, но и жизни нравственной для населяющихъ эти міры духовъ (Révél d. mond. d. espr... ser. 1; soleil).

(2) „Извѣстное вѣрованіе въ отпаденіе духовъ отъ Бога, въ дѣйствительности, по мнѣнію спиритовъ, есть не что иное, какъ искаженное представленіе отшествія духовъ въ матерію. Но это отшествіе не было слѣдствіемъ или наказаніемъ за грѣхъ и противленіе Богу; оно было добровольною, хотя и необходимою *миссіею* для дѣла творенія Божія въ мірѣ и для блага самихъ духовъ. Духи сами даже испрашиваютъ у Бога этой миссіи себѣ, какъ милости и благодѣянія, побуждаемые любовію къ дѣятельности, удовлетворять которой они будто не могутъ, оставаясь въ чисто духовномъ состояніи (Révél du monde des espr... ser. 1-e Chute des anges). Но почему же бытіе собственно злыхъ духовъ, положительно и ясно свидѣтельствуемое божественнымъ откровеніемъ, всегда, отъ начала человѣческаго рода и всѣми народами признавалось дѣйствитель-

Бѣдные, низкіе и обдѣленные природой люди, представляютъ воплощенія духовъ, добровольно избравшихъ низкое, бѣдственное положеніе въ обществѣ, или извѣстный худо-развитый организмъ, въ видахъ заглажденія и искупленія пороковъ жизни въ предшествовавшихъ воплощеніяхъ, или съ цѣлію скорѣйшаго усовершенствованія въ добрѣ, чрезъ перенесеніе скорбей и лишеній, и для сокращенія времени тѣлеснаго заключенія. Геніи и вообще высоко-даровитые люди, съ великимъ умомъ и великими характерами, это—воплощенные духи, достигшіе высокой степени развитія умственнаго и нравственнаго еще въ предшествовавшихъ воплощеніяхъ. Высоко стоящія цивилизованныя націи и пребывающіе въ варварскомъ невѣжествѣ народы представляютъ общества воплощающихся *взаимносимпатизирующихъ* духовъ, усовершившихся уже болѣе или менѣе, или отсталыхъ и косныхъ. Дурныя дѣти у добрыхъ родителей и въ добрыхъ семействахъ, и наоборотъ, являются такимъ же образомъ.

Довольно, разумѣется, только представить такія мнѣнія; о достоинствѣ своемъ, о естественности своей, о здравомысліи составителей своихъ слишкомъ ясно говорятъ они сами. Спириты какъ будто не знаютъ, да и дѣйствительно должно быть недоразумѣваютъ того простого и естественнаго обстоятельства, что люди, гдѣ бы то ни было, не рождаются въ дѣйствительности ни великими, ни низкими, ни мудрыми, ни невѣжественными,

---

ныхъ?? А спиритское мнѣніе о злыхъ духахъ на чемъ основывается и чѣмъ оправдывается? Развѣ однимъ не желаніемъ спиритовъ имѣть у себя такихъ опасныхъ враговъ и освободить себя отъ затруднительнаго побужденія быть бдительными и дѣятельными противъ ихъ нападеній и соблазновъ?!

въ добрыхъ ли, въ злыхъ; развитіе отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ націй опредѣляется исторической почвой и общественной атмосферой, такъ называемымъ, *накопленіемъ цивилизаціи* и внѣшними воздѣйствующими условіями, развивающими самосознаніе, побуждающими къ труду, укрѣпляющими волю и такимъ образомъ производящими успѣхи развитія—(конечно при свободномъ отношеніи человѣка къ этимъ условіямъ). Развитіе духовное, нравственное условливается христіанскимъ воспитаніемъ и образованіемъ. Сравниваемые въ виду этихъ, не всѣмъ одинаково доступныхъ условій, люди, стоящіе на разныхъ степеняхъ развитія, могутъ считаться среднимъ числомъ относительно равными; лучшій изъ рожденныхъ и образовавшихся внѣ этихъ благопріятныхъ условій, въ средѣ грубаго, невѣжественнаго общества или народа, можетъ быть самъ въ себѣ равнымъ лучшему изъ сыновъ и питомцевъ развитаго общества, возросшему и образовавшемуся при условіяхъ, благопріятствующихъ доброму и успѣшному развитію, представляющихъ и естественное побужденіе къ нему и дающихъ ему и содержаніе и направленіе. Равнымъ образомъ, чувственный и животнострастный человѣкъ общества просвѣщеннаго стоитъ или даже превосходитъ въ недостоинствѣ плотоугодливаго мусульманина и дикаря—сына лѣсовъ и пустыни. Различіе и особенности между тѣми и другими людьми производятся (въ широкомъ смыслѣ) особенностями и преимуществами исторически-общественнаго положенія ихъ, а не какими нибудь принесенными изъ предшествующаго существованія качествами и сложившимся тамъ характеромъ и направленіемъ; собственныя свойства и качества имѣющаго развиваться и воспитываться духа, при рожденіи,

у тѣхъ и другихъ, какъ, можно сказать, и у всѣхъ людей — болѣе или менѣе одинаковы и равны. Таковы общія пневматологическія и антропологическія представленія спиритовъ, представленія, ни на чемъ не основанныя, ничѣмъ не оправдываемыя и, очевидно, произвольныя.

Не менѣе своеобразны и также безосновательны, а потому и неправдоподобны и космологическія спиритскія представленія. Возьмемъ изъ нихъ самое общее и главное (1).

Слишкомъ ли не разсудливо и далеко увлеклись обаяніемъ современныхъ понятій и мечтаній о прогрессѣ, по сходству ли съ нѣкоторыми, бывшими о томъ же предметѣ теоріями, или по собственному мечтательно-оптимистическому расположенію воображать во всемъ наивысшія совершенства, безъ пониманія настоящей жизни и дѣйствительныхъ совершенствъ — высокихъ, насколько возможно, спириты мечтательно полагаютъ, что законъ прогресса дѣйствуетъ и съ необходимостью осуществляется не только въ мірѣ духовномъ, разумномъ, свободномъ, нравственномъ (inèvitable progrés de l'esprit), но и въ мірѣ физическомъ, вещественномъ, будучи существенно присущъ и этому послѣднему. Всѣ планеты (globes) развиваются, *прогрессирують*, усовершаются и затѣмъ *преобразуются* (transforment). Это развитіе и преобразованіе совершается участіемъ воплощенныхъ духовъ, составляющихъ *душу* (коллективную, собирательную) каждаго обитаемаго или небеснаго тѣла. Совершается оно для самихъ же духовъ, которымъ, по

---

(1) Руководствуясь главнымъ образомъ все тою же книгою Reuelations du monde des esprits... par Roze medium; serie 1-ere communications sur l'astronomie, les sciences par l'esprit d'Arago et divers esprits.

мірѣ) ихъ самовозвышенія, нужны постепенно высшія и высшія тѣла (тѣла въ собственномъ смыслѣ для воплощеній, и глобусы, изъ элементовъ которыхъ образуются первыя, для обитанія). Подготовляется преобразованіе медленно и постепенно трудомъ, развитіемъ промышленности, искуствъ и знаній въ приложеніи ихъ къ воздѣлыванію (въ широкомъ смыслѣ) и улучшенію планеты (1). Развитіе планетъ, приводящее ихъ къ преобразованію, состоитъ въ утонченіи матеріи, въ образованіи и накопленіи *токовъ* (*fluides*), масса которыхъ, наконецъ моментально отбываетъ, улетучивается и соединяется съ высшею планетою, къ которой тяготѣла первая. Это и есть самый актъ преобразованія (transformation). На мѣстѣ отбывшей такимъ образомъ планеты (или—какъ оно называется—въ *voirie*) изъ оставшихся грубыхъ частей ея, и изъ новоприбывающихъ, движущихся въ міровомъ пространствѣ образовательныхъ молекулъ, или наконецъ и изъ соединенія спутниковъ преобразовавшейся планеты образуется новый міровой глобусъ или планета и начинаетъ свою жизнь и развитіе до собственнаго въ ея очередь преобразованія (2).

Такимъ образомъ планеты, по представленію спиритовъ, имѣютъ двоякое образованіе. Первое чрезъ сближеніе и сцѣпленіе движущихся въ пространствѣ молекулъ (способныхъ къ утонченію и развитію, на чемъ

(1) ....„Воздѣлываніемъ въ тѣсномъ смыслѣ, очищеніемъ, уравненіемъ, осушеніемъ, орошеніемъ и подобными операціями, измѣняющими почву и климатъ„. Больше на этотъ разъ спириты ничего отъ себя не придумали; но за то изъ этого ни какъ нельзя вывести воображаемаго спиритами преобразованія планетъ.

(2) Rével d. mond. d. espr... Serie 1-ere: Vie des globes et transformation des globes.

основывается возможность развитія самихъ планетъ), которое естественно происходитъ въ силу закона взаимнаго притяженія; соединяющіяся въ одну массу частицы окружаются, проникаются и связываются нѣкотораго рода оболочкою, жидкостною или токовою атмосферою (atmosphère fluidique) (¹). Второе, или лучше вторичное образованіе небесныхъ тѣлъ совершается вышеуказаннымъ образомъ послѣ метаморфозы и отбытія развившейся планеты. Этимъ же образомъ получила образованіе и бытіе наша земля.

На мѣстѣ, которое теперь занимаетъ она въ пространствѣ, существовала прежде планета первой формаціи, она была окружена пятью спутниками. Достигши свойственной ей степени развитія, планета эта преобразовалась и внезапно отбыла съ своего мѣста, оставивши здѣсь (въ voirie) грубо-матеріальную часть свою (съ недоразвившимися растеніями, животными и человѣческими организмами) (²).

Съ отбытіемъ планеты перестал̀ъ дѣйствовать обусловливавшійся ею законъ тяготѣнія, державшій спутниковъ ея на извѣстномъ разстояніи отъ нея самой и между собою. Законъ этотъ, или лучше сила эта получила теперь другое направленіе и выразилась въ другомъ, новомъ явленіи. Четыре спутника, по силѣ соб-

---

(¹) Дальнѣйшій ходъ этого образованія представляется согласно съ нынѣшними теоріями астрономіи и геологіи; говорится о круговомъ движеніи, о центральномъ огнѣ, о первоначально тонкомъ слоѣ коры, о парахъ и т. п. (Ibid...formation normale d'un globe).

(²) Которые при подобныхъ катастрофахъ, до образованія новаго глобуса пребываютъ въ состояніи каталепсіи; одушевлявшіе ихъ духи находятся въ такихъ случаяхъ какъ-то здѣсь же—или сокрытыми въ омертвѣвшихъ организмахъ, или около нихъ въ пространствѣ, и потомъ по образованіи новой планеты вступаютъ въ прежнія свои тѣла.

ственнаго взаимнаго притяженія, освободившагося отъ сдерживавшей и нейтрализовавшей его силы планеты, столкнулись, сцѣпились между собою, и соединеніемъ своимъ (incrustation, juxtaposition) образовали новое, сложное міровое тѣло—землю (1). Актомъ образованія земли авторъ спиритъ объясняетъ „извѣстный изъ священныхъ книгъ и древнихъ народныхъ преданій,"—потопъ. Отъ взаимнаго сближенія планетъ-спутниковъ облака, пары и атмосферы ихъ смѣшались; вслѣдствіе столкновенія и удара одной планеты о другую, воды каждой вышли изъ своихъ вмѣстилищъ и со стремительностію полились одни къ другимъ, и такимъ образомъ произошло то, что въ книгѣ Бытія выражается словами: *разверзошася вси источницы бездны и хляби небесныя отверзошася, и бысть дождь на земли* (Бытія VII, 11—12). Отъ того же способа формаціи земли произошли, по представленію спирита, горы, глубокія низменности и другіе открываемые теперь геологическіе перевороты; также различіе климатовъ, коренное различіе расъ людей, животныхъ и растеній (происходящихъ по началу отъ разныхъ, составившихъ землю глобусовъ), и различныя, находимыя теперь окаменѣлости растеній и животныхъ (при образовательномъ переворотѣ попавшихъ подъ широты не свойственныя имъ и тамъ вымершихъ бы-

---

(1) Пятый изъ спутниковъ, наша теперешняя луна, по нѣкоторой особенности въ развитіи и между-планетномъ отношеніи, не подчинилась общей участи своихъ товарищей и теперь существуетъ отдѣльно. Но будетъ время (конечно это время еще весьма далеко), когда и она пріобщится къ землѣ, какъ будетъ равнымъ образомъ время (это еще дальше) когда и сама земля, по извѣстномъ развитіи, въ свою очередь пріобщится своему солнцу, уступая притягательному вліянію его на ея *partie fluidique*; *partie trop materielle* останется на мѣстѣ (въ voirie) и войдетъ въ образованіе еще новой планеты (Ibid ..Lois de la transformation).

стро или медленно). Послѣ указаннаго смѣшенія землеобразовательныхъ планетъ, разнородсіе въ общей массѣ ихъ не могло установиться скоро, но потребовалось много и очень много времени для этого. И теперь еще продолжается это уравновѣшеніе, отъ того и по настоящее время происходятъ еще разныя измѣненія и перевороты на нашей планетѣ (¹).

Выходя изъ того же представленія объ образованіи земли, спиритъ очень легко и наивно объясняетъ, съ своей точки зрѣнія, библейское сказаніе о раѣ, древне-поэтическія воспоминанія о золотомъ вѣкѣ, долговѣчность и великорослость (по библіи) первоначальныхъ людей, и признаетъ бытіе *кондамитовъ*. Что люди произошли не отъ одной четы и *не отъ единыя крове*, какъ говоритъ св. Апостолъ (Дѣян. 17, 26), это ложное и не оригинальное—спиритское мнѣніе, само собою впрочемъ слѣдуетъ уже изъ произвольнаго представленія спиритовъ о миссіи и водворенія духовъ въ матерію, и о воплощеніяхъ ихъ въ тѣла человѣческія. Сотворенные изначала во множествѣ духи, для своего развитія непремѣнно нуждавшіеся въ жизни тѣлесной, были посланы въ матерію, и въ своихъ переходныхъ воплощеніяхъ достигли до человѣческихъ организмовъ—конечно не въ одной только парѣ. И до потопа, по спиритскому представленію, слѣдовательно, еще до образованія нашей земли, на отдѣльныхъ глобусахъ, вошедшихъ въ

(¹) Спиритъ наивно думаетъ, что если бы земля наша имѣла первое, простое, нормальное образованіе, въ такомъ случаѣ всѣ произведенія и обитатели ея по большей части были бы однообразны, представляя развѣ какія нибудь не существенныя, климатическія и т. п. особенности и разности (Ibid.... Molécules et developpements sur la formation des mondes).

составъ ея, духи одушевляли уже тѣла человѣческія, и люди существовали хотя и не на всѣхъ, а на рѣдкихъ пунктахъ, исключая Азіи, т. е. глобуса, которому теперь соотвѣтствуетъ Азія. И на этомъ послѣднемъ, относительно болѣе тогда заселенномъ людьми, люди произошли не отъ одной пары, не отъ Адама только и Евы. По мнѣнію спиритовъ, первоначальные планетные организмы оживляются духами, по степени ихъ развитія соотвѣтствующими физическому и моральному состоянію, которое свойственно міру въ самомъ его началѣ, т. е. духами еще мало развившимися. Но, какъ всегда, недостаточно развитая масса должна была имѣть руководителей въ духахъ болѣе развитыхъ и высшихъ, (которые въ свою очередь должны получать наставленіе и просвѣщеніе отъ другихъ, еще болѣе высшихъ духовъ). Адамъ былъ человѣкъ одинъ изъ многихъ (!), одушевленный духомъ, которому Богъ назначилъ *эту миссію* по отношенію къ странѣ (тогда еще отдѣльной планетѣ), послужившей колыбелью наслѣдовавшаго ему народа, который смотрѣлъ на эту страну, какъ на цѣлую землю. Для другихъ странъ были другіе свои Адамы (!!). Адамъ сохранялъ въ этой новой жизни воспоминаніе о прежнемъ счастливѣйшемъ существованіи на какой нибудь высшей планетѣ, гдѣ обиталъ онъ какъ высшій духъ; это дало мѣсто *легендѣ* (!) о земномъ раѣ.

Въ образованіе земли, кромѣ упомянутыхъ спутниковъ преобразовавшейся и отбывшей съ своего мѣста планеты, вошли, какъ мы уже сказали, недоразвившіяся части этой планеты, оставленныя ею на мѣстѣ: между ними находились организмы животныхъ и людей въ состояніи каталепсіи, которые пришли въ нормальное состояніе и начали жить по прежнему по образованіи земли. Эти

грубые, низшіе остатки высшей и совершеннѣйшей планеты, по отношенію къ планетѣ вновь образовавшейся и къ организмамъ ея, имѣли однако преимущество въ развитіи, что и выразилось въ особенной великорослости нѣкоторыхъ первоначальныхъ людей и животныхъ и въ большой долговѣчности первыхъ. Со временемъ эти преимущества исчезли, великорослые и долговѣчные люди и звѣри постепенно выродились, подъ вліяніемъ планетныхъ неблагопріятныхъ условій (¹). Оживлявшіе эти преимущественные организмы духи—тѣ же, которые были воплощены въ нихъ и на первой, преобразовавшейся планетѣ, воспоминали, хотя смутно, о своей, конечно лучшей прежней жизни на ней; отсюда произошли извѣстныя у древнихъ народовъ сказанія о *золотомъ вѣкѣ* (²).

(¹) Подъ великорослыми людьми разумѣются библейскіе исполины изъ нечестиваго племени Каина. Такимъ образомъ люди съ *преимуществами* по происхожденію съ высшей планеты, оказываются худшими и крайне нечестивыми; это какъ то не естественно. Долговѣчность принадлежала не нѣкоторымъ, какъ говоритъ спиритъ, а всѣмъ тогдашнимъ людямъ: да и было все это, равно какъ и животныя особенно крупнаго размѣра, главнымъ образомъ до потопа, а не послѣ него, какъ выходитъ по спиритской теоріи.

(²) Ibid. Apparition des hommes sur la terre, de la longévité des premiers hommes и Age d'or. Не безъ основанія думается, что не теорія, образовавшаяся независимо отъ указанныхъ и другихъ подобныхъ фактовъ, довела говорящаго — подъ именемъ духовъ — автора до такого объясненія ихъ; а скорѣе самые факты, ставши предметомъ объясненія заумствовавшагося спирита, привели его къ выдумкѣ извѣстной теоріи, по крайней мѣрѣ значительно послужили къ тому. Но факты имѣютъ весьма естественное и вполнѣ вѣроятное объясненіе себѣ, и спиритская теорія, порожденная ими, оказывается такимъ образомъ пустой, досужей фантазіей. „Современники землеобразовательной катастрофы, разсуждаетъ спиритъ, не говорятъ о происходившихъ тогда переворотахъ, потому что они не имѣли возможности знать ихъ, по причинѣ физическихъ явленій (массы паровъ, тумана, облаковъ отъ сошедшихся четырехъ глобусовъ), скрывавшихъ отъ глазъ ихъ то, что происходило. Но

Не совсѣмъ какъ то вяжется съ мнѣніемъ спиритовъ объ образованіи всего существующаго изъ молекулъ, о твореніи духовъ и объ образованіи планетъ первой формаціи, признаніе ими вѣчности вселенной. Между тѣмъ спиритъ-авторъ разсуждаетъ: „если Богъ есть совершеннѣйшій образъ (type) жизни, дѣйствія (движенія) и любви, то разумъ долженъ сказать, что Онъ *никогда не могъ быть въ недѣятельности, никогда не былъ безъ предмета*, который бы онъ любилъ и велъ къ совершенству: потому *по всей необходимости* (?) должно признать вѣчность бытія вселенной, какъ предмета любви и дѣятельности Божеской. Твореніе же должно быть понимаемо какъ непрестанное и прогрессивное возобновленіе существующаго (¹). О концѣ вселенной (не земли) спириты не говорятъ нарочито; но если Богъ по началу (a parte ante) никогда не могъ существовать безъ вселенной, какъ безъ необходимаго и единственнаго предмета любви и дѣятельности, то естественно, что никогда (и a parte post) Онъ не можетъ оставаться безъ нея, по той же мнимой необходимости. И духи, по тому же опять побужденію къ дѣятельности, единственно будто возможной для нихъ только въ матеріи, равно и для поддержанія жизни и развитія во вселенной, прошедши всѣ фазисы развитія въ тѣлахъ, должны

китайцы имѣли познаніе объ этихъ переворотахъ. Они помнятъ хотя очень смутно, въ древнихъ лѣтописяхъ своихъ, исчезновеніе главной, первобытной планеты, по ихъ представленію пожранной дракономъ (!)“. Не здѣсь ли опять, между прочимъ, дѣйствительный источникъ или по крайней мѣрѣ исходный пунктъ геологической спиритской теоріи, выставляемой подъ неестественнымъ авторитетомъ духа Араго?!!

(¹) Ibid. De l' éternité de l' univers, также: Le liv. d. espr.—liv. 1, ch. 2—Esprit et matière. И мнѣніе и доводы въ пользу его, свидѣтельствующіе о крайне ограниченномъ представленіи Бога, — не новые и давно извѣстные помимо спиритовъ.

снова повторять свое „возрожденіе" въ матеріи и снова проходить всѣ тѣ же фазисы и воплощенія; и это повтореніе должно идти такимъ образомъ въ безконечность (¹).

Всѣ вышеизложенныя спиритскія мнѣнія, составляющія основу спиритскаго міросозерцанія, во многомъ не новыя (²), а въ особенностяхъ своихъ странныя и произвольныя, не смотря на прилагаемое къ нимъ названіе *науки* и *философіи*, не могутъ конечно служить и удовлетворять знанію, стать его предметомъ, дать ему содержаніе, по той простой причинѣ, что рѣшительно не имѣютъ за собою тѣхъ условій, которыми опредѣ-

---

(¹) Нужно впрочемъ замѣтить, что духи проходятъ путь развитія въ тѣлесной жизни весьма медленно и чрезвычайно продолжительное время; что доказывается нашимъ пребываніемъ по сію пору еще на землѣ, одномъ изъ низшихъ по развитію міровыхъ тѣлъ, и пребываніемъ другихъ духовъ на планетахъ еще болѣе низкихъ и не въ человѣческихъ даже тѣлахъ, а въ тѣлахъ извѣстныхъ низшихъ царствъ природы. Переходъ лучшихъ духовъ съ земли на высшую планету совершается не раньше какъ съ преобразованіемъ земли, подобномъ тому, какое было съ прежде бывшей на ея мѣстѣ планетой, и которое спириты, по своему, отожествляютъ со *вторымъ пришествіемъ* Христовымъ. А скоро ли будетъ это явленіе, можно судить по тому, что если бы оно настало теперь, то, какъ говорятъ спириты, за небольшимъ исключеніемъ высшихъ духовъ, воплощенныхъ на землѣ по особеннымъ цѣлямъ, пожалуй вовсе не нашлось бы духовъ достойныхъ перейти на высшую планету.

(²) Оригенисты осуждены были (на частномъ соборѣ К—скомъ 541 г. и на 5-мъ Вселенскомъ) за то, что учили, что Богъ сотворилъ столько тварей, сколько могъ, и до настоящаго міра существовало много другихъ міровъ; за ученіе о предсуществованіи душъ, о заключеніи ихъ въ тѣла, какъ въ темницы; за ученіе объ одушевленіи планетъ и стихій; за ученіе, будто бы мученія грѣшниковъ не безконечны, въ будущей жизни будетъ продолжаться развитіе и усовершенствованіе людей, пока не исчезнетъ зло и не останется одно добро. Мнѣніе о *періодахъ* міра было, кажется, между прочимъ, у неоплатониковъ. О перевоплощеніи говоритъ Сократъ въ Платоновомъ Федонѣ, пользуясь этимъ распространеннымъ въ массѣ вѣрованіемъ, какъ доводомъ въ пользу безсмертія человѣческаго духа. Въ концѣ III отдѣла мы привели мнѣніе Ямвлиха, близко родственное извѣстному спиритскому ученію о духахъ или душахъ человѣческихъ.

ляется и характеризуется знаніе. Обогащать знаніе ни на чемъ не основанными, ни чѣмъ не оправдываемыми вымыслами и мнѣніями, давать значеніе опытно или наблюдательно научныхъ выводовъ и предположеній голословнымъ и бездоказательнымъ, откуда то съ вѣтра приходящимъ *сообщеніямъ*; это противно существу и кореннымъ законамъ развитія человѣческаго познанія. Частію конфирмуя въ своей теоріи извѣстныя уже научныя или философскія заключенія и гипотезы, а главнымъ образомъ развивая свои собственныя химерическія созданія воображенія, спириты съ полною увѣренностію обѣщаютъ наукѣ свѣтъ и богатство знанія, пріобрѣтеніе „идеи законовъ, управляющихъ твореніемъ“, если она „пойдетъ рука объ руку со спиритизмомъ“; такая услужливость спиритовъ наукѣ и знанію смѣшна и напрасна.

Равнымъ образомъ не могутъ быть спиритскія мнѣнія или *сообщенія* и предметомъ вѣры; потому что для вѣры вопросы, которыхъ они касаются, опредѣленно и несомнѣнно раскрыты и рѣшены истинно Божественнымъ откровеніемъ, авторитетъ котораго въ дѣлѣ вѣры единственно не пререкаемъ, высокъ и истиненъ.

Съ этою последнею мыслію отъ общихъ положеній спиритской *философіи* перейдемъ къ мнѣніямъ спиритовъ объ истинахъ въ области собственно христіанской догматики.

Одинъ изъ русскихъ спиритовъ, принадлежащій къ числу авторовъ спиритизма, слѣдующимъ образомъ понимаетъ и другихъ учитъ понимать первые основные догматы нашей Божественно-откровенной религіи, начиная съ первыхъ словъ Священной Моисеевой книги Бытія. Сказаніе Моисея о твореніи міра толкуетъ какъ

иносказаніе, видя въ немъ общее представленіе міротворенія и не находя ничего, относящагося собственно къ землѣ. При этомъ подъ *небомъ* и *землею*, сотворенными вначалѣ, разумѣетъ духовное начало (но не духовъ личныхъ) и начало матеріальное—универсальный токъ (а не самую матерію); подъ *водою*, надъ которою носился духъ Божій, — тоже матеріальное начало или универсальный токъ; подъ *свѣтомъ*, созданнымъ въ первый день—свѣтовую матерію, образовавшуюся изъ смѣшенія духовнаго и матеріальнаго начала; подъ *твердію* (втораго дня)—отдѣльныя матеріальныя массы, изъ которыхъ со временемъ должны были образоваться планеты и которыя, погрузившись въ универсальный токъ, наполнявшій все безконечное пространство вселенной, раздвинули его и въ немъ размѣстились *(твердь раздѣляющи посредѣ воды и воды)*; подъ *сушею* и *землею*—вообще материкъ или всѣ твердыя матеріальныя массы (планеты), а не землю въ частности и т. д.; наконецъ подъ *днями* творенія — періоды времени въ нѣсколько тысячь лѣтъ. Таковъ смыслъ сказанія Моисея; въ немъ выразилось воспоминаніе того знанія о происхожденіи міра, которое имѣлъ онъ въ состояніи духа и которое принесъ съ собою изъ высшаго міра — высшій духъ, миссіонеръ и посланникъ Божій, воплотившійся на землѣ въ лицѣ Моисея для высшихъ цѣлей [1].

Это представляетъ спиритъ, какъ опытъ толкованія болѣе *раціональный* и *логичный*, чѣмъ христіанское прямое пониманіе словъ священнаго бытописателя. Еще съ

---

[1] Говорится это въ ненапечат. пока спиритскомъ сочиненіи „Догматы Христовой Церкви, изложенные согласно спиритскому ученію“. Сочиненіе это имѣетъ быть напечатано на французскомъ языкѣ въ Парижѣ. И уже напечатано. *Ред.*

большею рѣшительностію говоритъ онъ о первобытномъ состояніи, грѣхопаденіи прародителей и о *первородномъ*, *прародительскомъ* грѣхѣ.

„Повѣствованіе Моисея о первобытномъ состояніи Адама и Евы — разсуждаетъ спиритъ — слѣдуетъ принимать за повѣствованіе иносказательное. Во первыхъ— змій говоритъ! а что такое змій?—гадъ,—гады же, какъ намъ извѣстно, неодарены даромъ слова (діавола въ образѣ змія спиритъ не допускаетъ, потому что онъ, низверженный, по христіанскому ученію, въ бездну и тамъ связанный до *великаго суднаго дня* (2 Петр. 2, 4; Іуд. 6), не могъ явиться и быть допущенъ въ рай — въ жилище блаженныхъ; а если-бъ и явился, то ему для успѣха въ его намѣреніи лучше бы принять образъ ангела, а не змія, въ предупрежденіе совершенно естественнаго и неизбѣжнаго со стороны Евы подозрѣнія по поводу рѣчи гада, о безсловесности котораго Ева должна была знать хорошо". Потомъ продолжаетъ спиритъ, — что такое древо познанія добра и зла? Можемъ ли мы представить себѣ дѣйствительное древо, плодъ котораго давалъ бы намъ познаніе?.. Слѣдовательно въ этомъ повѣствованіи все— иносказаніе: Адамъ и Ева, рай, змій и древо познанія добра и зла ([1]). Въ Адамѣ и Евѣ представляется *олицетвореніе начала тѣлесной жизни каждаго сотвореннаго духа въ отдѣльности* ([2]). „Рай есть изображеніе того

([1]) Такое разсужденіе спирита яснѣе всего говоритъ о крайнемъ легкомысліи и невѣжествѣ самозванныхъ, жалкихъ исправителей священныхъ истинъ христіанскаго Богословія. Замѣтимъ объ указанномъ выше сочиненіи спирита, изъ котораго беремъ это разсужденіе его. Изъ формы сочиненія видно, что это уже не *прямыя сообщенія духовъ*, а плодъ собственнаго спиритскаго религіознаго или теологическаго мышленія (т. е. не здравомыслія).

([2]) Этому мнѣнію своему спиритъ видитъ подтвержденіе (по темнотѣ своей почти совершенно безсмысленное) въ словахъ Апостола Павла:

міра или планеты, гдѣ духи начинаютъ свои тѣлесныя существованія". Спиритизмъ показываетъ намъ, что духи сотворены простыми безъ свѣденій и знаній. Духъ при началѣ своего сотворенія имѣетъ свое дѣтство, онъ едва имѣетъ сознаніе о себѣ самомъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ чувства самосознанія, въ немъ мало по малу развивается и разумъ и свободная воля. Очевидно, что для такихъ невинныхъ существъ, не имѣющихъ знанія и опытности, необходима помощь нашего общаго Отца, Который, чтобы сдѣлать для нихъ жизнь возможною (?), долженъ былъ помѣстить ихъ на такой планетѣ, гдѣ вся природа и всѣ твари соотвѣтствовали бы ихъ не-

„сѣется тѣло душевное, воскресаетъ тѣло духовное" и пр. (1 Кор. 15, 44, 49). „Что, спрашиваетъ, — означаютъ слова: есть тѣло духовное, есть тѣло душевное? Воплощенная душа имѣетъ плотское тѣло—это тѣло душевное; духъ же послѣ смерти, освобожденный отъ этого, плотскаго, грубаго тѣла, сохраняетъ свое эѳирное тѣло, котораго онъ не лишался и во время воплощеннаго своего состоянія и которое мы называемъ периспри или обликъ—это тѣло духовное. Духъ, облеченный въ свое эѳирное тѣло—периспри, въ воплощеніи составляетъ душу, потому такъ и написано, что *первый человѣкъ* Адамъ сталъ *душею живущею*. т. е. душею воплотившеюся въ грубое тѣло, а *послѣдній Адамъ*, т. е. когда душа очистится отъ всѣхъ недостатковъ и сдѣлается совершенною, будетъ *духомъ животворящимъ*, т. е. не будетъ имѣть болѣе надобности воплощаться въ тѣлесное или плотское тѣло и будетъ носить *образъ небеснаго*, потому что каждый человѣкъ долженъ быть сперва земнымъ, какъ былъ первый человѣкъ, потомъ небеснымъ, какъ былъ *второй человѣкъ*, *Господь съ неба*, т. е. Іисусъ Христосъ (Въ спиритизмѣ принимается, что въ Іисусѣ Христѣ былъ воплощенъ духъ Адамовъ). Слова же: „но не духовное прежде, а душевное, потомъ духовное" — показываютъ, что духъ не можетъ быть совершеннымъ, не пройдя прежде чрезъ всѣ ѳазисы души, т. е. не пройдя чрезъ всѣ тѣлесныя перевоплощенія и испытанія, нужныя для очищенія его отъ недостатковъ. А слова „первый Адамъ" и „послѣдній Адамъ"—ясно показываютъ, что *именемъ Адама иносказательно изображается картина начала и конца тѣлесныхъ существованій каждаго духа отдѣльно*; иначе — чтобы означало выраженіе'—послѣдній Адамъ (!)?" Такъ мало и худо видитъ спиритъ, слѣпо смотря въ книгу священнаго писанія!

винности, гдѣ климатъ былъ бы умѣренный, земля приносила бы сама собою всѣ плоды и проч. „Такой міръ, въ сравненіи съ нашимъ земнымъ міромъ, дѣйствительно есть истинный рай, но рай земной, а не небесный, ибо въ немъ обитаетъ одна невинность, а въ раю небесномъ живетъ одно совершенство". Змѣй есть иносказательное изображеніе соблазна. Моисей называетъ его мудрѣйшимъ. И дѣйствительно, что хитрѣе, вкрадчивѣе и лукавѣе соблазна? Запрещеніе вкушать плодъ отъ древа познанія добра и зла выражаетъ запрещеніе нарушать предвѣчные законы, установленные Богомъ. „Для первыхъ людей это нарушеніе влекло за собою смерть: „*въ онь же аще день снѣсте отъ него*, *смертію умрете*", т. е. при первомъ нарушеніи одного изъ предвѣчныхъ законовъ Моихъ, вы умрете. Слова эти, вѣроятно (?), и сбылись буквально; потому во первыхъ, что въ такомъ мірѣ, въ которомъ жили наши прародители и который назначенъ былъ для воплощенія новосотворенныхъ духовъ, могли жить только невинные, виновные же не могли быть въ него допускаемы, иначе они внесли бы въ него съ собою различные пороки". „А во вторыхъ, что значитъ изгнаніе изъ рая? Это значитъ изгнаніе изъ того міра, или— другими словами—тѣлесная смерть. Слѣдовательно, прародители наши, только что нарушили законъ, должны были, какъ виновные, оставить тотъ міръ, т. е. умереть. Проклятіе земли значитъ, что Богъ воплотилъ духовъ Адама и Евы въ мірѣ гораздо низшемъ того, въ которомъ они жили. Въ мірѣ этомъ плодородіе почвы было скудно и люди, чтобы имѣть себѣ пропитаніе, должны были ее воздѣлывать въ потѣ лица" и проч. „Моисей, чтобы не сдѣлать своего повѣствованія

слишкомъ многосложнымъ, можетъ быть умолчалъ еще о многихъ другихъ мірахъ, въ которыхъ Адамъ пребывалъ до воплощенія своего на землѣ". „Мы не говоримъ, что Адамъ и Ева были положительные миөы. Можетъ быть они дѣйствительно существовали на землѣ, а даже можетъ быть они были на ней первою парою людей, *самородно созданныхъ*, или по крайней мѣрѣ— изъ числа первыхъ ея обитателей, почему Моисей и занесъ ихъ имена въ свое иносказательное повѣствованіе. Но мы утверждаемъ, что Моисей подъ *именемъ Адама разумѣлъ каждаго изъ тѣхъ сотворенныхъ духовъ*, которые начинали первое изъ своихъ многочисленныхъ существованій и проходили его въ мужескомъ полѣ, а подъ именемъ Евы—духовъ проходившихъ первое тѣлесное существованіе—въ женскомъ полѣ. Когда первые Адамъ и Ева были воплощены въ томъ мірѣ, который Моисей называетъ раемъ, когда у нихъ начало развиваться чувство самосознанія, разумъ и свободная воля, тогда начали рождаться въ нихъ идеи и желанія, и къ нимъ необходимо присоединились воображеніе и мечтаніе, слабость человѣческой натуры увлекла ихъ, и въ ихъ душѣ возникло чувство *или* гордости, *или* зависти, которому они поддались, *или* же они дѣйствительно возмнили сами быть богами; *но, какъ бы то ни было,* они нарушили заповѣдь Бога и подверглись неизбѣжному слѣдствію этого нарушенія—смерти, т. е. тѣлесно умерли въ *тотъ же день*, какъ оказали ослушаніе, ибо сдѣлались виновны, а виновные не могли оставаться въ мірѣ, назначенномъ для невинныхъ.

Вотъ — паденіе и изгнаніе изъ рая, гдѣ *роль змія разыгрывали собственныя ихъ идеи и мечтанія*, которыя вовлекли ихъ въ соблазнъ и проступокъ. „Но Богъ не

осудилъ ихъ за ихъ проступокъ на вѣчныя мученія и не лишилъ ихъ средствъ достигнуть совершенства и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчнаго блаженства. Онъ, для искупленія ихъ и для дальнѣйшаго совершенствованія, дозволилъ имъ перенести новыя тѣлесныя существованія, воплотивъ ихъ въ другомъ мірѣ, но уже гораздо низшемъ, чѣмъ бы міръ рая..." „Такимъ образомъ духъ, переходя чрезъ многочисленныя тѣлесныя существованія, всякій разъ въ новомъ своемъ существованіи родится отягченный уже проступками, но *не перваго Адама*, отъ преступленія котораго онъ могъ уже очиститься, а *втораго* или *третьяго* или *двадцатаго Адама* (разумѣются грѣхи въ предшествовавшія воплощенія того же духа). Вотъ эта-то скверна, отъ которой духъ не успѣлъ еще очиститься, и называется первороднымъ или прародительскимъ грѣхомъ". Такимъ образомъ грѣхъ первыхъ людей, по представленію автора-спирита, необходимъ, какъ *естественное проявленіе духовно-тѣлесной сознательной жизни*; а грѣха такъ называемаго *прародительскаго* или *первороднаго*, въ смыслѣ христіанскаго ученія, не лежитъ на людяхъ; мы раждаемся во грѣхахъ или со грѣхами, потому что у насъ остаются при каждомъ новомъ воплощеніи не очищенными, не заглаженными пороки наши въ предшествовавшихъ тѣлесныхъ существованіяхъ.

Въ другомъ, уже много знакомомъ намъ спиритскомъ сочиненіи, дѣло представляется, какъ мы и видѣли отчасти, нѣсколько иначе (1). Въ Адамѣ, говорится тамъ, былъ воплощенъ духъ, назначенный отъ Бога руково-

(1) Révélations du monde des esprits..... par Roze, medium. Мы уже замѣчали, какъ нужно смотрѣть на спиритскія несогласія и противорѣчія.

дителемъ уже помимо его существовавшихъ въ воплощеніи несовершенныхъ духовъ, и прежде того обитавшій, соотвѣтственно своему развитію, на какой либо изъ высшихъ планетъ. И судя по извѣстному уже намъ объясненію потопа (во время землеобразовательной катастрофы, отъ столкновенія планетъ-спутниковъ), приходится предположить, что Адамъ проходилъ свое назначеніе даже не на землѣ, которой тогда еще не было, а на одномъ изъ вошедшихъ въ составъ ея спутниковъ первобытной планеты, на томъ именно, которому соотвѣтствуетъ теперь наша Азія; если же не такъ, если жизнь Адама признавать на землѣ, то будетъ слѣдовать, что Адамъ жилъ уже послѣ потопа. Но не это собственно важно; этому можно и не придавать значенія. Всѣ вообще спиритскія умствованія и представленія объ образованіи земли и другихъ планетъ, о появленіи первыхъ людей, первобытномъ состояніи и назначеніи ихъ, объ Адамѣ и Евѣ, о раѣ и мѣстоположеніи его и подоб., безъ ущерба, кажется, для спиритизма, слѣдуетъ отнести къ тѣмъ „преждевременнымъ и ошибочнымъ теоріямъ *духовъ систематиковъ и надменныхъ*, теоріямъ болѣе увлекательнымъ, чѣмъ основательнымъ,“ которыя, по откровенному сознанію самаго даже автора Книги медіумовъ, „падутъ предъ разумомъ такъ же, какъ и много другихъ, *вышедшихъ изъ головъ человѣческихъ* (¹). Впрочемъ теоріи эти имѣютъ то значеніе, что они представляютъ примѣры приложенія къ дѣлу весьма сильнаго между спиритами стремленія извѣстные, превышающіе средства человѣческаго познанія вопросы (для вѣры впрочемъ самымъ достаточнымъ и

(¹) Le liv. d med. p. 1 ch. 4, § 51-й.

успокоительнымъ образомъ раскрытые Христіанскимъ откровеніемъ) рѣшать и объяснять собственнымъ произвольнымъ умствованіемъ, по своему ограниченному, безсильному смышленію. Спириты весьма усердно и самоувѣренно, хотя и очень легкомысленно стараются порѣшить для себя этого рода вопросы и рѣшаютъ ихъ каждый по своему, какъ кому представляется *логичнѣе*, т. е. кому какъ позволяетъ собственная способность вымысла и воображенія; развитость мышленія, количество и характеръ вспомогательныхъ какихъ нибудь свѣдѣній (по богословіи, по естественнымъ наукамъ, философіи и исторіи древнихъ религій). При этомъ тотъ или другой спиритъ, придумавшій извѣстную теорію, не соглашается съ мнѣніями другихъ своихъ сообщниковъ о томъ же предметѣ и въ тоже время позволяетъ себѣ относиться къ нимъ съ достаточно-спокойною терпимостью. Въ одномъ на этотъ разъ вполнѣ сходятся спириты,—въ томъ именно, что христіанское рѣшеніе занимающихъ ихъ вопросовъ (котораго впрочемъ они не понимаютъ, какъ слѣдуетъ) считаютъ не соотвѣтствующимъ дѣйствительности и недостаточнымъ, понимая откровенныя христіанскія истины, какъ иносказанія и то не полныя, требующія въ настоящее время раскрытія и указанія подлиннаго смысла ихъ и надлежащаго пополненія себѣ, чему и думаютъ служить своими досужными умствованіями наивные спириты (¹). Но мы уклонились, будемъ говорить о томъ, что въ ряду спирит-

(¹) Въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи людей, нѣкоторые изъ спиритовъ (русскихъ), пользуются извѣстной теоріей Дарвина, прибавляя къ ней, съ своей точки зрѣнія, къ развитію человѣческихъ организмовъ изъ организмовъ слѣдующихъ за человѣкомъ низшихъ животныхъ — и переходъ духовъ въ человѣческія тѣла изъ тѣхъ же животныхъ.

скихъ заблужденій имѣетъ большую важность по своему прямо—и больше—религіозному значенію.

Мы остановились выше на сказаніи книги „Révélations du monde des esprits" объ Адамѣ, и намъ осталось сказать о грѣхѣ его, по представленію автора „духосообщеній." „Адаму былъ данъ отъ Бога *совѣтъ* („ибо Богъ всегда оставляетъ человѣку его свободное произволеніе!) *не стараться проникать очень глубоко въ тайны творенія* (!). Онъ не послѣдовалъ этому совѣту, не выполнилъ его и коснулся *запрещеннаго плода*. Вслѣдствіе того Адамъ лишился способности принимать откровенія свыше, а отсюда послѣдовало *невѣжество*, на которое осуждена его *раса*, ибо *духъ*, *оживляющій раждающагося человѣка*, *по достоинству своему всегда бываетъ соотвѣтственъ тому духу* (vient toujours d'un valeur en harmonie avec celui....), *послѣ или на мѣсто котораго приходитъ онъ или посылается*. Въ этомъ только смыслѣ и долженъ быть понимаемъ *прародительскій* или *перворoдный грѣхъ* (le péché originel). Богъ не можетъ наказывать человѣка за преступленіе, котораго онъ не сдѣлалъ ([1]). Но вслѣдствіе преступленія Адамова, которымъ онъ осудилъ себя на невѣденіе (только?) и потомство его *необходимо должно быть* (?) невѣжественно, какъ и онъ самъ. Духи, приходившіе одушевлять Адамовыхъ потом-

---

([1]) И по христіанскому ученію, противъ котораго очевидно говорится это, Богъ тоже не наказываетъ человѣка за преступленіе, котораго человѣкъ не сдѣлалъ; Онъ наказываетъ за грѣхи, которые человѣкъ дѣлаетъ и къ которымъ получилъ естественную злую наклонность вслѣдствіе нравственной порчи въ Адамѣ, какъ въ сѣмени или источникѣ всего его потомства. При томъ же на потомствѣ Адама лежитъ не *самый грѣхъ его*, принадлежащій только Адаму, а *естественныя слѣдствія грѣха* — поврежденіе въ корнѣ человѣческой природы и вслѣдстіе того отчужденіе отъ Бога, недостоинство предъ Нимъ. Спириты не умѣютъ понимать этого.

ковъ, *были невѣжественны сами по себѣ*, но не потому, что прародитель людей сдѣлалъ преступленіе, за которое они обязаны будто бы нести наказаніе (¹).“

Нѣтъ первороднаго грѣха, наслѣдственной порчи и послѣдствій этого грѣха — въ христіанскомъ смыслѣ, значитъ нѣтъ и искупленія въ этомъ смыслѣ,—послѣдовательно съ своей точки зрѣнія думаютъ спириты. Іисусъ Христосъ—посланникъ Божій на землѣ, подобный другимъ такого же рода лицамъ: Моисею и даже Аполлонію Тіанскому и древне-языческимъ религіознымъ учителямъ (и философамъ), хотя и высшій ихъ, такъ какъ, *примѣнительно ко времени и развитію людей*, проповѣдывалъ болѣе возвышенное ученіе и былъ основателемъ сравнительно высшей религіи,—Іисусъ Христосъ, по волѣ Бога, приходилъ на помощь людямъ, или воплощеннымъ въ нихъ духамъ, *чтобы своимъ ученіемъ и примѣромъ собственной жизни показать имъ кратчайшій путь* къ достиженію должнаго развитія и совершенства, или—что тоже—ко спасенію и тѣмъ *искупить ихъ отъ многочисленныхъ бѣдствій, сопряженныхъ съ земною жизнію*, которымъ они, по естественной своей слабости и слѣпотѣ, имѣли подвергнуться тѣмъ въ большемъ числѣ тѣлесныхъ существованій, чѣмъ далѣе стали бы уклоняться въ своей жизни отъ прямаго пути и идти по пути ложному. Въ этомъ, по мнѣнію спиритовъ, состоитъ весь смыслъ и все знаніе совершеннаго Христомъ искупленія и дарованнаго Имъ намъ спасенія. Искупительной *цѣны* или *жертвы* Христовой смерти спириты не признаютъ и съ рѣшительностію отвергаютъ все хри-

(¹) Révél. d. mond. espr.... Apparition des hommes sur la terre. Подъ сообщеніемъ стоитъ имя Августина (блажен.).

стіанское ученіе объ искупленіи на основаніяхъ, свидѣтельствующихъ о совершенномъ непониманіи этого ученія и о вовсе не христіанской точкѣ зрѣнія (которыхъ потому и не приводимъ мы). Ни Христосъ, ни его Апостолы, по слѣпому представленію спиритовъ, *не были теологами и догматистами* (?); они были только проповѣдниками нравственности, морализаторами человѣчества ([1]). Спириты называютъ Іисуса Христа нашимъ Спасителемъ, Господомъ, Сыномъ Божіимъ, но не совсѣмъ въ собственномъ смыслѣ. Если нѣкоторые изъ нихъ еще колеблются прямо отвергать Божескую природу во Христѣ и не рѣшаются утверждать, что Онъ былъ простой сотворенный духъ, по существу подобный всѣмъ намъ, то это дѣлаютъ не по разумно-сознательному, глубоко-прочувствованному убѣжденію искренней и живой вѣры, а только по нерѣшимости поправить слишкомъ ясныя свидѣтельства Новаго Завѣта и ветхозавѣтныя пророчества о лицѣ Іисуса Христа и Божествѣ Его и, можетъ быть, по нежеланію открыто пойти противъ неизмѣннаго, общехристіанскаго и самаго твердаго и священнаго вѣрованія. За то другіе (и ихъ большинство) съ увѣренностію, свойственною легкомысленнымъ, и со смѣлостію, достойною безразсудства, прямо и ясно позволяютъ себѣ говорить, что Іисусъ Христосъ — не болѣе какъ „одинъ изъ сотворенныхъ духовъ, равный всѣмъ имъ и намъ по природѣ, но только много высшій по развитію и совершенству, и т. под.

Совершенно своеобразно, извращая смыслъ Христіанскаго ученія, толкуютъ спириты, съ своей точки

([1]) Въ вышеуказанномъ рукописномъ сочиненіи, въ „Réponses aux sermons contre le spiritisme"…. par les spirites de Willenave-de Rions.

зрѣнія, и о всѣхъ имѣющихъ быть событіяхъ *послѣдняго, великаго дня, въ онь же Господь хощетъ судити вселенней* (Дѣян. 17, 31). „По пророчеству Христову и по описанію Апостоловъ, говорятъ они будетъ конецъ *вѣка*, но не міра, т. е. конецъ одной эпохи и начало другой и то—по отношенію только къ землѣ, а не къ цѣлой вселенной. Земля наша выйдетъ изъ теперешней фазы бытія и вступитъ въ новую въ отношеніи какъ физическомъ, такъ и нравственномъ; она преобразуется (на подобіе первобытной на ея мѣстѣ планеты). Подъ воскресеніемъ мертвыхъ нужно понимать бывшее уже (*грядетъ часъ и нынѣ есть*. Іоан. 5, 25) вслѣдствіе Христовой проповѣди *воплощеніе блуждающихъ духовъ*, которые, *услышавъ гласъ Сына Божія*, т. е. услышавъ и уразумѣвъ Его ученіе, оставили прежнее нерадѣніе о своемъ совершенствованіи и поспѣшили испросить для себя новое воплощеніе, чтобы на дѣлѣ послѣдовать ученію Христову, и такимъ образомъ снова ожили въ тѣлесной жизни. И въ послѣдній день имѣющіе быть въ блуждающемъ состояніи духи (духи умершихъ не воплотившіеся снова) тоже, *услышатъ гласъ Сына Божія*, т. е. услышатъ приговоръ, что на землѣ, преобразовавшейся, не дозволяется болѣе воплощаться духамъ, не достигшимъ извѣстной степени совершенства, такъ какъ сама земля вступитъ тогда на новую степень совершенства. И такимъ образомъ блуждающіе и незаботившіеся о своемъ совершенствованіи духи должны будутъ тогда воплотиться не на землѣ, но въ мірѣ низшемъ, гдѣ жизнь будетъ тягостнѣе и страданія будутъ сильнѣе, чѣмъ на землѣ (*изыдутъ въ воскрешеніе суда*); даже и до воплощенія своего находясь еще въ состояніи духовъ, они не останутся на землѣ, а *изгонятся* въ низшіе міры,

чтобы злыми внушеніями своими не смущали живущихъ на землѣ. Тѣ же, которые дѣлали добро, старались о своемъ совершенствованіи, тѣ *изыдутъ* изъ міра духовъ, въ *воскресеніе жизни*, т. е. воплотятся на землѣ, гдѣ будетъ уже царствовать *одна правда. Равнымъ образомъ и живущіи оставльшіи*—проводившіе жизнь добрую и достигшіе должной степени развитія и совершенства, измѣнившись вмѣстѣ съ землею, вступятъ въ новый лучшій и совершеннѣйшій міръ бытія и жизни (по гласу: *пріидите благословенніи отца Моего, наслѣдуйте*...),— а не совершенные, порочные изгонятся въ низшіе, худшіе міры страданій и скорбей (*идите отъ мене проклятіи*....) и, внеся въ нихъ свѣтъ и знанія, пріобрѣтенныя ими на землѣ, составятъ тамъ новое „поколѣніе духовъ" болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ тѣ, которыхъ тамъ найдутъ и очищаясь, усовершенствуясь сами, будутъ руководить ихъ на пути совершенствованія. Такимъ образомъ *прейдетъ родъ сей*, т. е. „поколѣніе духовъ", жившихъ на землѣ въ воплощеніи, и на мѣсто его, на имѣющую образоваться на мѣстѣ земли новую планету, новую землю, вступитъ изъ какихъ нибудь низшихъ міровъ или сферъ бытія „новый родъ, новое поколѣніе духовъ", и будетъ жить здѣсь и развиваться вмѣстѣ съ планетой своей до такой же, имѣющей послѣдовать съ ними въ ихъ очередь катастрофы, и такъ въ безконечность. Второе пришествіе Христово на землю правильнѣе понимать въ несобственномъ смыслѣ. Христосъ пошлетъ на землю слово свое чрезъ небесныя *силы*, т. е. чрезъ своихъ ангеловъ или *высшихъ духовъ*, (въ спиритскомъ смыслѣ), которые пронесутъ и огласятъ его по всей землѣ. Въ антихристѣ слѣдуетъ видѣть не лицо, а олицетворенное представленіе всей суммы зла,

какое будетъ дѣйствовать въ людяхъ въ послѣднее время на землѣ ([1]).

Спиритъ-авторъ приводимаго нами рукописнаго сочиненія о „догматахъ Христовой Церкви по спиритизму“, можетъ быть искренне, не хитростно добродушный, но не наставленный, какъ слѣдуетъ христіанину, въ вѣрѣ Христовой и въ надлежащемъ пониманіи Слова Божія и ученія Церкви, съ прискорбною наивностью относится къ мѣстамъ писанія, также къ вѣроопредѣленіямъ и доказательствамъ ихъ въ нашихъ догматикахъ, простодушно, но слѣпо-увѣренно толкуя ихъ криво ([2]).

Не умѣя понимать истиннаго смысла въ Священномъ писаніи, и при этомъ пытливо и съ предубѣжденіемъ разсуждая о религіи и ея интересахъ, извѣстный намъ авторъ-спиритизма соблазняется многими мѣстами Писанія, несправедливо видитъ въ нихъ несогласіе съ опредѣлившимся ученіемъ и вѣрованіемъ Православной Церкви, невѣжественно приходитъ отъ нихъ къ своеобразнымъ ложнымъ мнѣніямъ или пренаивно находитъ въ нихъ мнимое подтвержденіе помимо и независимо отъ нихъ сложившимся своимъ заблужденіямъ. Такъ, на основаніи словъ Апостола о воскресеніи мертвыхъ *сѣется*

([1]) Слова: діаволъ, сатана, употребляемыя по свидѣтельству Евангелія самимъ Іисусомъ Христомъ, употреблялись Имъ будто какъ аллегорическое представленіе зла, а не въ смыслѣ личномъ. Соотвѣтственно всѣмъ этимъ мнѣніямъ произвольно и криво толкуются относящіяся до этихъ вопросовъ мѣста свящ. писанія (Матѳ. 24 и 25, Іоанна 5; 2 Петр. 3; 1 Кор. 15; 2 Солун. 2; Апок. 11—13, 21; Матѳ. 16. 23, 25, 41 и др.) Въ вышеуказ. рукопис. сочин. о догматахъ.

([2]) Въ указанномъ сочиненіи приводятся длинными тирадами и разбираются мало образованнымъ разумѣніемъ спирита опредѣленія, раскрытія и доказательства догматовъ: о духовномъ мірѣ, о первородномъ грѣхѣ, объ искупленіи, о частномъ судѣ, о страшномъ судѣ и о вѣчныхъ мукахъ,—по Догматикамъ Преосвященныхъ Макарія и Антонія.

въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи, сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное, есть тѣло душевное, есть тѣло и духовное.... Плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія и тлѣнное не наслѣдуетъ нетлѣнія (I Кор. 15,—42, 44, 50.)—спиритъ отвергаетъ будущее воскресеніе тѣлъ, произвольно разумѣя подъ *плотію и кровію* въ собственномъ смыслѣ человѣческое тѣло, а не всего человѣка, не возрожденнаго *духомъ* и живущаго *плотски*, а *не по духу*, который не можетъ *угодить Богу* (Рим. 8; 4—9, 12—13. Галат. 6, 8. Быт. 6. 3. Іоан. 3; 6) и потому не наслѣдуетъ царствія Божія (что не одно и тоже съ воскресеніемъ), хотя и воскреснетъ, потому что *изыдетъ не въ воскрешеніе живота, но въ воскрешеніе суда* (Іоан. 5. 28—29). При этомъ, несправедливо понимая *тѣло душевное* за обыкновенное или настоящее тѣло человѣка, легкомысленный экзегетъ—спиритъ въ тѣлѣ духовномъ, не задумываясь и совершенно произвольно, видитъ свой пресловутый, такъ много значущій въ спиритизмѣ, воображаемый *периспри*.—Отвергая прародительскій, первородный грѣхъ въ христіанскомъ его смыслѣ, указываетъ на не идущія къ дѣлу слова гражданско-нравственнаго закона Моисеева: *да не умрутъ отцы за сыны и сынове не умрутъ за отцы, кійждо за свой грѣхъ да умретъ* (Втор. 24; 16.). На основаніи словъ Спасителя: *будите совершенни яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5; 48); и: *нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (Матѳ. 18; 14); *се же есть воля пославшаго Мя Отца, да все, еже даде Ми, не погублю отъ Него, но воскрешу е въ послѣдній день* (Іоан. 6; 39), спиритъ съ увѣренностію заключаетъ, что всѣ люди непремѣнно спасутся, всѣ воплощающіеся въ нихъ духи необходимо достиг-

нуть совершенства и блаженнаго состоянія; спиритъ не дѣлаетъ при этомъ различія между *желаніемъ* со стороны Бога совершенства и спасенія людей и между дѣйствительнымъ осуществленіемъ этого желанія со стороны самыхъ людей, пользующихся въ своей дѣятельности полною, не нарушимою отъ Бога свободою, которая можетъ обращаться и ко злу столько же, какъ и къ добру, а въ дѣйствительности обращается къ первому болѣе, чѣмъ къ послѣднему.

Основываясь на словахъ Апостола Павла: *чаяніе твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ* (тварь съ заботливостію ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ); *яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8; 19, 21.), и думая, что христіанскіе богословы, разумѣющіе подъ словомъ тварь—тварь вещественную и животную, понимаютъ эти слова Апостола такъ, что и самая тварь достигнетъ нетлѣнія, слѣдовательно и безсмертія (???), — неразумный спиритъ, на этомъ измышленномъ основаніи, отвергаетъ христіанскій смыслъ приведенныхъ словъ Апостола и приходитъ къ заключенію, что въ этихъ словахъ говорится о нынѣшнихъ спиритскихъ откровеніяхъ духовъ. Выраженіе: *тварь съ заботливостію ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ*, означаетъ по его мнѣнію, что „существа духовнаго міра (духи въ спиритскомъ смыслѣ) съ заботливостію ожидаютъ того времени, когда имъ будетъ дозволено дѣлать откровенія людямъ, чтобы скорѣе открыть имъ глаза и тѣмъ заставить ихъ убѣдиться въ необходимости заботиться о своемъ нравственномъ улучшеніи“.

Разсуждая о будущемъ состояніи праведныхъ, спиритъ не принимаетъ христіанскаго ученія о сущности блаженства ихъ, по той только причинѣ, что, по узкой

ограниченности своего чувственнаго взгляда, не можетъ понять и представить чисто духовнаго, высоко блаженнаго, *премірнаго* состоянія *прославленныхъ* предъ Лицемъ Божіимъ и въ *общеніи* святыхъ и ангеловъ, и съ своей узкой и грубой точки зрѣнія называетъ такое состояніе „вѣчнымъ бездѣйствіемъ“.

Впрочемъ приведенныя выше теоріи спиритовъ о началѣ и концѣ вселенной, объ образованіи земли, о происхожденіи людей, объ Адамѣ и Евѣ, о раѣ, о первобытномъ состояніи и грѣхопаденіи, объ участи духовъ въ жизни и развитіи цѣлаго физическаго міра и проч., не составляютъ послѣдняго, рѣшительнаго слова спиритской философіи или науки и имѣютъ въ содержаніи спиритизма характеръ и силу не совершенныхъ и полныхъ истинъ, но только мнѣній—наиболѣе вѣроятныхъ и въ тоже время мнѣній будто-бы болѣе основательныхъ и правильныхъ, чѣмъ христіанское ученіе касательно тѣхъ же вопросовъ.Это — практическіе опыты отношенія спиритовъ къ міру предметовъ и истинъ внѣопытныхъ, недоступныхъ научному и философскому познанію и открываемыхъ въ христіанствѣ только религіозной вѣрѣ человѣка,—опыты, вызванные спиритскимъ началомъ *прогресса* въ познаніи тѣхъ предметовъ и истинъ по новымъ (воображаемымъ и мнимымъ) откровеніямъ (а не въ живомъ усвоеніи ихъ по однажды дарованному, истинно божественному, откровенію). Конечно, въ этихъ опытахъ высказалась вся нашедшаяся на этотъ разъ производительность вымысла авторовъ спиритизма, но они не исключаютъ въ тоже время возможности и новой дѣятельности и новыхъ произведеній того же произвольнаго, слѣпаго вымысла. За окончательно дознанныя и рѣшительныя истины признаются спи-

ритами: кромѣ нынѣшнихъ проявленій и сообщеній духовъ, давшихъ бытіе спиритизму,—воплощенія въ людяхъ изначала сотворенныхъ духовъ, ихъ перевоплощенія или многочисленность тѣлесныхъ существованій, не бытіе злыхъ духовъ (равно и ангеловъ), какъ существъ особыхъ отъ душъ человѣческихъ, не бытіе на людяхъ слѣдствій прародительскаго грѣха и ненадобность для нихъ потому искупленія въ христіанскомъ смыслѣ и значеніи его, потребность для людей только въ высшемъ просвѣщеніи и наставленіи и примѣнительное къ этому значеніе христіанства и спиритизма,—*необходимый* (inevitable) нравственный *прогрессъ* всѣхъ духовъ или людей, полное (не по степени только, но и по объему) торжество добра и совершенное прекращеніе, исчезновеніе зла, и не бытіе *будущихъ наказаній*, наконецъ *прогрессъ* и качественное развитіе и въ физическомъ, всецѣло-одухотворенномъ мірѣ.

Самое же существенное и первое значеніе въ спиритскомъ философско-религіозномъ созерцаніи и вообще въ спиритизмѣ, въ послѣднемъ его развитіи, слѣдуетъ, конечно, приписать общему взгляду спиритовъ на религію и религіозныя истины и примѣненію этого взгляда къ христіанскому откровенію и его истинамъ. Въ этомъ спириты и согласны всѣ и убѣждены твердо; при томъ здѣсь—источникъ и сѣмя не только настоящихъ, но и еще возможныхъ—будущихъ ложныхъ мнѣній и вымысловъ спиритскихъ. По представленію спиритовъ: „истины религіознаго ученія (высокія, *премірныя*, божественно откровенныя) должны *непремѣнно согласоваться съ характеромъ*, *усвоенныхъ людьми понятій и взглядовъ* и *соотвѣтствовать формамъ представленій обыкновенной человѣческой логики*. А такъ какъ людскія понятія и взгля-

ды и людская логика подлежать измѣненію и развитію, то соотвѣтственно этому *должны измѣняться въ понятіяхъ людей и религіозныя истины*, именно самый смыслъ ихъ и значеніе, должно слѣдовать т. е. *объективное развитіе* или—точнѣе—*измѣненіе* въ самомъ содержаніи религіознаго ученія (а не субъективное, состоящее въ болѣе полномъ и живомъ усвоеніи религіозныхъ истинъ умомъ и сердцемъ). Хотя спириты и говорятъ при этомъ (по неразумію ли, или съ умышленной, но крайне-грубой уловкой), объ измѣненіи (развитіи, *прогрессѣ*, по ихъ мнимо-благовидному, уклончивому выраженію) собственно въ пониманіи истины, а не въ существѣ ея содержанія, но на самомъ дѣлѣ въ этомъ измѣненномъ спиритскомъ пониманіи и объективный смыслъ истины, самая сущность ея терпитъ коренное измѣненіе, являясь по большой части съ прямой противоположности или совершенно новымъ чѣмъ-то въ сравненіи съ тѣмъ, какъ представляется она въ христіанскомъ откровеніи, въ ея чистой дѣйствительности, не искаженной и не обезображенной спиритскимъ невѣжественнымъ вольнодумствомъ.

„До сихъ поръ,—разсуждаетъ русскій авторъ спиритизма,—нѣкоторые догматы христіанской религіи представляютъ намъ въ *формахъ, совершенно невозможныхъ для нашихъ понятій*. Правда, не все заключающееся въ религіи может быть понятно для человѣка; человѣкъ еще такъ далекъ отъ совершенства, что умъ его многаго понять не можетъ (но со временемъ, при дальнѣйшихъ успѣхахъ въ развитіи, все непостижимое — пойметъ самъ собою, естественно?!). Но изъ этого не слѣдуетъ необходимости допускать въ вѣрѣ вещи, *несогласныя съ понятіями, твердо усвоенными*; нельзя, напри-

мѣрѣ, назвать чернымъ того, что *принято* называть бѣлымъ и на оборотъ; нельзя къ идеѣ о справедливости относить дѣйствій пристрастія, къ *идеѣ о милосердіи— дѣйствій жестокости или мщенія*, къ идеѣ о совершенствѣ—познанія и нравственныя качества человѣка, хотя бы самаго умнѣйшаго и самаго добродѣтельнѣйшаго на землѣ: (понятно, противъ чего въ христіанскомъ ученіи направлено это) или должно признать, что всѣ наши понятія ошибочны, ложны, что справедливость, милосердіе, совершенство, пристрастіе, жестокость, мщеніе и проч. — вовсе не то, что мы называемъ этими именами. Не благоразумнѣе ли *держаться средины*, не впадая въ противоположныя крайности, равно вредныя (sic!)? Почему многіе (уже не нѣкоторые?) догматы христіанскаго ученія расходятся съ нашими понятіями? Потому что имъ даютъ превратныя истолкованія" ([1]).

Раскрывая и оправдывая свой взглядъ на религію и свои требованія по отношенію къ христіанству, спиритъ ставитъ слѣдующія положенія, прилагая ихъ къ религіозному ученію (какъ будто они и въ самомъ дѣлѣ приложимы къ откровеннымъ догматамъ христіанскимъ!).

„Въ природѣ нѣтъ скачковъ, все совершается постепенно; все имѣетъ свое время и потому всякая вещь приходитъ въ свое время; каждый вѣкъ имѣетъ свои понятія, что въ одномъ вѣкѣ казалось хорошо, то въ другомъ кажется дурно; мы не преподаемъ дѣтямъ того, что преподаемъ взрослымъ; человѣчество идетъ путемъ прогресса въ умственномъ отношеніи и въ отношеніи смягченія нравовъ" ([2]).

([1]) Тѣже „догматы Христовой Церкви, изложенные согласно спиритическому ученію"—въ рукописи.

([2]) Тамъже.

При всей ограниченности и произвольности взгляда, спиритъ однако понимаетъ или, по крайней мѣрѣ, находитъ нужнымъ не обойти совершеннымъ не вниманіемъ то существенно-важное обстоятельство, что онъ, въ отношеніи своемъ къ христіанской догматикѣ, имѣетъ дѣло съ *истиной положительной*, не допускающей измѣненія, непреложной, и потому старается по своему устранить очевидную несообразность своего взгляда на религіозную истину и своего отношенія къ христіанскимъ догматамъ— съ объективною неизмѣнностью и непреложностью божественно-откровенной христіанской истины. Въ виду этого, онъ говоритъ о различеніи между предметомъ и его пониманіемъ, о примѣненіи—въ изложеніи Христова ученія въ Свящ. Писаніи—къ характеру развитія и степени понятій современниковъ и слушателей Іисуса Христа,—о происшедшей отъ того будто не собственности, образности выраженія, скрывающей прямой смыслъ истины, открываемый теперь въ спиритизмѣ. И здѣсь не менѣе, чѣмъ и въ другихъ случаяхъ, авторъ спиритизма по обыкновенію и наивно страненъ, и даже самъ себѣ невѣренъ.

„Отцы церкви,—неразсудно пишетъ русскій спиритъ,— *не признаютъ для религіи совершенствованія, они осудили ее на неподвижность;* но основательно ли это? Ошибочность ихъ заключенія происходитъ отъ того, что они смѣшиваютъ предметъ съ его пониманіемъ. Объяснимъ нашу мысль примѣромъ: громъ есть явленіе постоянное, не измѣняемое, но пониманіе его сообразно съ умственнымъ развитіемъ людей (¹). Въ древности громъ счи-

(¹) Физическое явленіе, постепенно уразумѣваемое самимъ человѣкомъ, и *положительную* откровенную истину, сообщенную для просвѣ-

тали выраженіемъ гнѣва Божія; русскій простой народъ относилъ его къ стуку колесницы, на которой пророкъ Илія разъѣзжаетъ по небу. Въ настоящее же время, когда сдѣлались извѣстны законы электричества, объясненіе грома стало логичнымъ. Что бы вышло, если бы мы и громъ (т. е. понятіе о немъ) осудили на ту же неподвижность, на которую осудили религію, и старались бы удерживать мнѣніе, что громъ есть выраженіе гнѣва Божія (мнѣніе, можетъ быть, и не такъ несправедливое, какъ это представляется спириту), или что это Илія пророкъ разъѣзжаетъ по небу въ своей колесницѣ? Это была бы нелѣпость, которой въ настоящее время не повѣрилъ бы ни одинъ человѣкъ здравомыслящій, и было бы логично (спиритъ до нельзя любитъ употреблять это слово и—по большей части некстати), предавать его за это анаѳемѣ (??)? Точно такъ и въ отношеніи религіи (!). Религія основана на истинѣ, а эта истина должна оставаться непреложною (но не остается она такою у самихъ спиритовъ, которые въ своемъ новомъ пониманіи истины или существенно извращаютъ, или вовсе отрицаютъ ее!), но пониманіе этой истины или истолкованія ея должны сообразоваться со степенью умственнаго развитія людей (даже до прямаго превращенія самой сущности истины, какъ у спиритовъ?) (¹). И потому система неподвижности (!), принятая Отцами Церкви въ отношеніи ихъ истолкованій догматовъ Церкви, не естественна, она не можетъ удер-

щенія человѣка словесно и письменно, можетъ сравнивать только крайнее нездравомысліе.

(¹) Дѣлая несправедливый и невѣжественный укоръ Отцамъ Церкви, спиритъ слишкомъ не сознателенъ къ собственному обращенію съ христіанской истиной.

жаться; доказательствомъ чему служитъ то, что Отцы Церкви разъ уже должны были измѣнить своей системѣ неподвижности и не смотря на анаѳемы, которыя они бросали на Галилея (?) вынуждены были наконецъ измѣнить свой догматъ (!) ([1]), и согласиться съ очевидностью, что не солнце ходитъ вокругъ земли, а земля вокругъ солнца; и потому не мѣшало бы имъ воспользоваться этимъ урокомъ и послѣдовать примѣру исторіи". Это и смѣшное, и жалкое разсужденіе спирита имѣетъ однако для насъ то значеніе, что ясно показываетъ откуда происходятъ религіозныя заблужденія и стремленія спиритовъ. Очевидно, авторъ-спиритъ находится подъ наноснымъ и ложнымъ вліяніемъ современныхъ, самодѣятельно не усвоенныхъ идей прогресса и развитія, могущихъ, пожалуй, имѣть приложеніе къ какой нибудь естественной религіи, но рѣшительно не приложимыхъ къ божественно-откровенной религіи христіанской.

„Почему,—спрашиваетъ далѣе спиритъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ такъ распространено невѣріе? Почему весь (?) почти высшій образованный (!) классъ обратился (клевета!) къ матеріализму, нигилизму и другимъ пагубнымъ системамъ? Потому,—отвѣчаетъ,—что человѣкъ по природѣ своей жаждетъ и ищетъ убѣжденій; но убѣжденія эти никакимъ образомъ не могутъ быть внушены насиліемъ, а тѣмъ еще менѣе доводами, явно *противорѣчащими общепринятымъ*, *усвоеннымъ уже понятіямъ*. Этимъ путемъ никогда нельзя обратить къ вѣрѣ тѣхъ, которые отшатнулись отъ нея; можно напротивъ скорѣе

([1]) Спиритъ кого угодно готовъ чтить именемъ Отцовъ Церкви и все безразлично называетъ догматомъ.

и еще болѣе отклонить ихъ въ невѣріе. Не находя искомыхъ убѣжденій въ нашей православной (?) вѣрѣ, человѣкъ обращается къ философскимъ системамъ, которыя хотя и не вполнѣ его удовлетворяютъ, но по-крайней мѣрѣ не представляютъ и вещей, рѣзко противорѣчащихъ общепринятымъ понятіямъ (!). Тамъ не утверждаютъ, что духъ (?) можетъ быть сожигаемъ (кто же и гдѣ утверждаетъ это?) матеріальнымъ огнемъ, что наказаніе вѣчными мученіями за мгновенное увлеченіе (?) есть дѣйствіе справедливости, что при свойствахъ всевѣденія и всемогущества созданіе существъ и обреченіе ихъ (?) на вѣчное зло и вѣчное страданіе есть дѣйствіе милосердія (но развѣ тамъ научаютъ жалкое невѣжество грубо искажать во все незнаемый предметъ, чтобы потомъ охуждать и отвергать его??); но намъ именно въ этомъ смыслѣ (для невѣжественнаго смысла недобросовѣстнаго спирита!) истолковываютъ нѣкоторые догматы нашей церкви, по этому мы и сказали, что они *невозможны для нашихъ понятій*.—Потому *нѣтъ возможности въ нынѣшнее время удержать вѣрованіе въ существованіе діавола въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ему; ни убѣдить въ вѣчности мученій и въ огнѣ ада*. Что было хорошо въ одномъ вѣкѣ, то дурно въ другомъ. Въ прежніе вѣка, при неразвитости ума и преобладаніи матеріи, дѣйствовалъ страхъ вѣчнаго огня и многихъ удерживалъ отъ предосудительныхъ дѣйствій, чего не въ состояніи была бы сдѣлать идея о нравственныхъ страданіяхъ (потому что выраженіе ея въ дѣйствительности весьма ограниченно и условно!). А въ настоящемъ вѣкѣ, когда человѣкъ *въ состояніи* уже *разсуждать*(!), вѣчный огонь ада не только не удерживаетъ отъ предосуди-

тельныхъ дѣйствій [1], а напротивъ, противорѣча разсудку, даетъ поводъ сомнѣваться въ непогрѣшимости и другихъ догматовъ, особенно тѣхъ, превратное (?) истолкованіе которыхъ *не сходится съ нашими понятіями*. А откинувъ часть, нѣкоторые отвергаютъ и всю религію: отсюда невѣріе, матеріализмъ, нигилизмъ и прочія пагубныя для человѣчества и общества системы [2].

Справедливо, что невѣріе, матеріализмъ, нигилизмъ и прочія пагубныя для человѣчества антихристіанскія и антирелигіозныя системы происходятъ отъ нынѣшнихъ *развитыхъ* антирелигіозно понятій и отъ нынѣшняго *смягченія* нравовъ, т. е. отъ крайняго ослабленія религіозной строгости и твердости, отъ потери вѣры сознанія религіозныхъ потребностей; но и все приведенное разсужденіе самаго спирита и высказываемое имъ при этомъ стремленіе происходитъ не изъ того же ли источника? Указывая на другихъ, спиритъ обличаетъ себя. Самый спиритизмъ полусуевѣрный, полураціоналистическій, полуматеріалистичный, явно антихристіанскій и до крайности нездравомысленный и нераціональный — лучше ли, безвреднѣе ли онъ указываемыхъ спиритомъ „пагубныхъ системъ“? Религіозное безвѣріе не признаетъ Богомъ открытыхъ истинъ, составляющихъ насущную потребность человѣческаго духа, и Богомъ явленныхъ дѣйствій для спасенія человѣка; самонадѣянный, эгоистичный разумъ и въ самой даже религіи—въ дѣлѣ отношенія Бога къ человѣку и въ

---

(1) Весьма справедливо, но только достойно сожалѣнія, а не похвалы и поблажки въ искаженіи истинъ въ угоду нехристіанскому, антирелигіозному вкусу.

(2) Изъ записки о не препятсвованіи распространенію спиритическаго ученія.

познаніи *вещей божественныхъ* ничего не хочетъ видѣть выше себя, выше собственнаго представленія, выше человѣческаго; нравственной распущенности и суетности не по нраву, не по вкусу нравственныя положительныя обязательства и строгое неизбѣжное вмѣненіе, оканчивающееся правосудно-грознымъ, положительнымъ и неизмѣннымъ, всегдашнимъ воздаяніемъ. И вотъ спиритизмъ, приверженцы котораго заражены и болѣютъ, конечно—и вмѣстѣ и порознь, всѣми означенными недугами, спиритизмъ, какъ услужливый и, можетъ быть, несознательный, если не злонамѣренный врагъ, идетъ къ тому, чтобы питать и усиливать болѣзни заблужденія, *злодѣйски* прислуживается всѣмъ тѣмъ указаннымъ, нездраво-естественнымъ и антирелигіознымъ взглядамъ и расположеніямъ, безумно удовлетворяя имъ, оправдывая и поощряя ихъ именемъ самого же христіанства, священный и спасительный смыслъ Божественно — откровенныхъ истинъ котораго отрицаетъ, извращенно толкуетъ и обезображиваетъ произвольно, невѣжественно, дерзко, въ угоду, по вкусу и требованію ихъ.

На мѣсто *религіи* высокой и спасительной *вѣры*, требуемой и творимой Божественнымъ откровеніемъ, спиритизмъ стремится поставить *религію* скуднаго, воображаемаго знанія и не всегда вѣрнаго, не всегда здраваго и всегда недостаточнаго естественнаго чувства. На мѣсто непреложно-авторитетныхъ и несомнѣнно вѣрныхъ дѣйствительности истинъ христіанскаго ученія ставитъ онъ легкомысленныя, узкія представленія близорукаго, но слѣпо-эгоистичнаго, мнимаго раціонализма, значительно окрашеннаго и пропитаннаго началами и стремленіями матеріализма, и вмѣстѣ—странныя химеры ничѣмъ не управляемаго, безпорядочнаго и суевѣрнаго

воображенія. Спириты думаютъ изгнать изъ исторіи христіанства все непостижимо высокое, все сверхъестественное, съ безразсуднымъ самомнѣніемъ обзывая *вѣру въ чудесное слѣдствіемъ неумѣнья понимать нерядовыя явленія естественныя*, выраженіемъ невѣжества, произведеніемъ суевѣрнаго воображенія однихъ и нечистокорыстнаго расчета другихъ. Отношеніе Бога къ человѣку, явленіе спасительнаго *дѣла Божія* въ людяхъ спириты легкомысленно представляютъ въ формахъ просто-человѣческихъ понятій и дѣйствій (1). Не желая знать и видѣть будущей строгой правды въ воздаяніи, правды уже не милующей недостойныхъ, непріятной и страшной для нравственной безпечности и грѣховности, спириты обманчиво ласкаютъ себя и другихъ воображаемою ненаказанностію, въ успокоеніе и поощреніе нравственному нерадѣнію и безрелигіозности, — обѣщаютъ всѣмъ грѣшнымъ и порочнымъ *неминуемую*, саму

(1) Спириты хвалятся тѣмъ, что съ точки зрѣнія ихъ спиритизма не существуетъ чудесъ, хотя чудеса болѣе отрицаются ими голословно, чѣмъ объясняются хотя бы то съ видимою только достаточностію, а которыя если объясняются, то крайне произвольно и неблаговидно, и слишкомъ уже *по спиритски*. Фактъ Преображенія, напримѣръ, объясняется обнаруженіемъ лучистаго тока отъ периспри; въ питаніи пятью хлѣбами нужно, говорятъ, разумѣть пищу духовную, пищу ученія Христова (Révél. d. mond. d. espr. p. 111 Commentaires sur les quatre évangiles), хотя въ Евангеліи проповѣдь и питаніе весьма опредѣленно различаются, какъ два совершенно особыя, одно за другимъ слѣдовавшія событія. „Съ понятіемъ о чудесахъ,—разсуждаетъ будто бы бл. Августинъ въ *редакціи* мнимыхъ „духо-сообщеній“,—нужно соединять событія, совершившіяся въ силу законовъ, которые были и будутъ еще для большей части (людей или чудесъ?) неизвѣстны. Въ этомъ смыслѣ (но никакъ не въ другомъ какомъ) чудеса были и еще будутъ и *есть* (спиритскіе мнимые факты физическихъ духопроявленій). Если вы находите въ Св. Писаніи явленія необъяснимыя, это значитъ, что они произошли отъ причинъ только для васъ неизвѣстныхъ, хотя совершенно согласныхъ съ вѣчными законами; всякое же другое понятіе о нихъ — ложь или извращеніе истиннаго смысла ихъ (Ibid. p. 1, des miracles,—signé Augustin).

собою имѣющую придти *праведность*, и всѣмъ и каждому—непремѣнно блаженную будущность ([1]). Спириты ставятъ въ особое достоинство своему спиритизму, что онъ представляетъ будущее каждаго человѣка въ одномъ утѣшительномъ видѣ, устраняя изъ него все правосудно-грозное и заслуженно-непріятное. Хорошо достоинство прислуживаться нравственной безпечности, поощрять и питать порочность, ложными увѣреніями ласкать и усыплять въ погибели!

Съ отверженіемъ сущности искупленія и христіанства, для спиритовъ очевидно не можетъ имѣть своего истиннаго, богоустановленнаго значенія и православная христіанская церковь съ характеризующими ее свойствами, правами и постановленіями и съ богодарованными ей средствами спасенія—святыми таинствами ([2]). По этому

([1]) Все наказаніе за зло спириты ограничиваютъ лишь „естественными непріятными послѣдствіями отъ зла или отъ уклоненія отъ Божіихъ законовъ", послѣдствіями временными, которыя испытываетъ злой человѣкъ въ продолженіе жизни въ неестественно-множественныхъ тѣлесныхъ воплощеніяхъ, которыя и оканчиваются съ этими воплощеніями.

([2]) На таинства спириты смотрятъ какъ на „выраженіе нашей вѣры или нашихъ убѣжденій наружными знаками, или какъ на обрядовое воспоминаніе совершившихся событій". Такое же опредѣленіе даютъ они даже вообще всей религіи (Записка о непрепятств. распростр. спирит. ученія). А вотъ какое разсужденіе встрѣчаемъ мы въ „Откровеніяхъ изъ міра духовъ" въ частности о бракѣ: „Супружество предъ людьми и ихъ законами необходимо должно быть освящено чрезъ представителя закона; но супружество предъ Богомъ—это—искреннее единеніе двухъ сердецъ, двухъ симпатизирующихъ духовъ — не имѣетъ нужды въ другомъ свидѣтельствѣ, кромѣ свидѣтельства самаго Бога, и въ другомъ какомъ либо храмѣ, кромѣ сердецъ супруговъ.—Люди несправедливо себѣ присвоили титло представителей Бога и *право вязать и рѣшить* на землѣ; это право въ дѣйствительности принадлежитъ только тому, кто своими личными добродѣтелями, своимъ Богопознаніемъ и исполненіемъ Божественныхъ законовъ можетъ быть достоинъ этого права. Когда вы встрѣтите такого человѣка, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, просите его

спириты безразлично допускают въ воображаемую ими церковь людей всѣхъ вѣроисповѣданій — христіанскихъ и, какихъ угодно, не христіанскихъ, подъ условіемъ лишь доброты жизни и ревности о самосоусовершенствованіи—въ понятіяхъ вѣроученія и нравственнаго закона каждаго исповѣданія. „*Я допускаю къ вѣчному блаженству*, говоритъ одинъ спиритъ (1),—*всѣхъ праведныхъ, къ какой бы религіи кто не принадлежалъ*. Но какой мыслящій человѣкъ XIX вѣка рѣшится сдѣлать упрекъ *этой терпимости*? и будетъ настаивать на томъ, что необходимо заставлять человѣка устроять спасеніе его души противъ собственнаго сознанія и расположенія (религіозная терпимость, достиженіе блаженства или дѣло спасенія — не одно и тоже!)? „Словами: *внѣ церкви нѣтъ спасенія*, церковь хочетъ сказать только, что нѣтъ спасенія для католика безъ соблюденія евангельскихъ правилъ (только?), предписывающихъ ему доброту, любовь къ Богу и ближнимъ; но она не можетъ осуждать члена другой какой либо религіи, который постоянно и точно соблюдаетъ эти правила (?), даже не зная о внѣшнемъ существованіи (католическомъ узаконеніи) ихъ (2)". При этомъ воображая, что во всѣхъ древнихъ и новыхъ не

благословитъ вашъ союзъ, и благословеніе его будетъ милостиво услышано вѣчнымъ Богомъ (Rév d. mond. d. espr. p. II.—Variétés).

Тамъ же проповѣдуется только *умная* или внутренне — сердечная молитва. При этомъ такъ разсуждается объ обрядности въ Богослуженіи: Культъ, который въ протекшія времена могъ имѣть большое вліяніе на невѣжественныя и грубыя (materielles) массы, дѣйствуя на ихъ внѣшнія чувства, въ настоящее время многочисленными развлеченіями (distractions) и предметами любопытства, какія предлагаетъ онъ, производитъ дѣйствіе совершенно противное. Форма не значитъ совершенно ничего, внутреннее настроеніе (intention)—все предъ Богомъ.

(1) Un spirite de Metz

(2) Sermons sur le spiritisme.., réfutés par un spirite de Metz (1863).

христіанскихъ религіяхъ и системахъ мыслителей, все равно какъ въ христіанствѣ, заключаются истины—только на извѣстной степени развитія, на извѣстной степени чистоты и ясности, скрывающіяся подъ болѣе или менѣе грубыми формами и кажущіяся заблужденіями только въ отдѣльности и разъединеніи ихъ,—и въ тоже время отчасти справедливо сознаваясь, что *сообщенія, дѣлаемыя высшими духами*, вполнѣ (будто??) утверждаясь на нравственномъ ученіи Спасителя, утверждая (confirmant) и развивая ее, въ весьма многихъ пунктахъ *соприкасаются и сходствуютъ съ мистеріями древнихъ*,— спириты мечтательно увѣряютъ себя и другихъ, что ихъ спиритизмъ, соединяя и согласуя разсѣянныя истины всѣхъ религій и философскихъ системъ, очищая ихъ отъ естественной примѣси человѣческихъ заблужденій и сближая ихъ съ христіанствомъ чрезъ *логическое* истолкованіе его догматовъ и раскрытіе настоящаго, собственнаго смысла его ученія, — образуетъ *одно свѣтлое цѣлое*, одну *общую совершеннѣйшую религію духа*, и на всей землѣ изъ всѣхъ людей—желанное Христомъ *единое стадо единаго пастыря, всеобщее царство любви, братства, прогресса* (¹).

Спиритовъ весьма много занимаетъ (по крайней мѣрѣ на бумагѣ, въ сочиненіяхъ ихъ) нравственная доброта жизни, нравственное улучшеніе. „Истинный спиритъ,— говорится, напримѣръ, въ книгѣ медіумовъ (и не въ ней только говорится подобное), — не пропуститъ случая, чтобы сдѣлать добро, облегчить страждущее сердце, утѣшить, ободрить безнадежнаго, произвести нравствен-

(¹) Révél. d. mond. d. espr... p. 1. Rapports du spiritisme avec les révélations anciennes. Encouragement aux adeptes du spiritisme, etc. Le spiritisme sans les esprits.

ный переворотъ: въ этомъ заключается возложенная на него свыше обязанность, въ этомъ онъ находитъ также утѣшеніе и для себя; спиритизмъ (съ этой стороны) дѣлаетъ счастливыми тѣхъ, которые ему слѣдуютъ" ([1]). Вообще быть добродѣтельнымъ, дѣлаться нравственно лучшимъ — представляется особеннымъ стремленіемъ и свойствомъ спирита; возбуждать къ этому, споспѣшествовать въ этомъ — это главная, даже единственная цѣль спиритизма, это—девизъ его. Воззваніями о любви, братствѣ и самоусовершенствованіи полны цѣлыя сочиненія спиритскія. „Amour, charité, devouèment" — въ этихъ трехъ словахъ, по словамъ спиритовъ, сокращается „исповѣданіе вѣры спиритской философіи", сообщенной духами ([2]).

Стремленія свои съ цѣлію улучшенія нравственности спириты простираютъ чрезвычайно широко и далеко. Спиритизмъ, по ихъ представленію, не частное только явленіе общества и времени, среди другихъ явленій въ нихъ; его значеніе и явленіе не можетъ остаться таковымъ, оно дѣлается общечеловѣческимъ; спиритизмъ— это *морализирующая сила для всего человѣчества.* Цѣль и задача спиритизма: „нравственно возродить, усовершить весь человѣческій родъ, *произвести великую нравственную революцію въ немъ*, искупить его отъ зла, побороть, *обезславить* зло, согнать его съ лица земли, разрушить самый *храмъ* зла, осчастливить всѣхъ людей нравственнымъ улучшеніемъ ихъ и взаимною любовью, даровать *золотой*, нескончаемый *вѣкъ* всему человѣчеству". Чѣмъ же и какъ расчитываютъ спириты произ-

([1]) P. 1, ch. 1, § 30.

([2]) Sermons sur le spirit.

вести осуществленіе этой непомѣрной, для такой силы, какъ спиритизмъ, утопической задачи? Источникъ, изъ котораго возникнетъ сила, которою разовьется и созрѣетъ великое явленіе нравственнаго перерожденія и усовершенствованія человѣчества, заключается, по заблужденію спиритовъ, въ однихъ лишь естественныхъ, присущихъ человѣческому духу идеяхъ добра и истины. Спиритизмъ будетъ давать только возбужденіе, ходъ и направленіе этимъ дѣятелямъ. Божественная помощь, явленная людямъ въ Христіанствѣ, совершенно устраняется спиритами. „Въ сердцѣ каждаго, говоритъ одинъ спиритъ-теоретикъ, — есть добрыя нравственныя чувства и въ мозгу каждаго—благородныя, справедливыя, мудрыя мысли и врожденныя истины: *они то*, развиваясь чрезъ практику, составляютъ *истинный источникъ всякой морали*, залогъ и источникъ умственнаго и нравственнаго преуспѣянія, возрожденія, развитія, *искупленія* человѣчества. Нужно только, чтобы эти чувства, мысли и истины не оставались исключительнымъ достояніемъ каждаго въ отдѣльности; нужно, чтобы они *сообщались*, взаимно обмѣнивались и, приходя въ извѣстность, всею своею общею суммою становились достояніемъ каждаго". Такимъ образомъ развивающееся и имѣющее быстро возрастать *взаимо-общеніе* въ умственномъ и нравственномъ наученіи (collectivité des études et la moralisation collective), вотъ сила, которая имѣетъ произвести, по мнѣнію спиритовъ. возрожденіе и новое искупленіе человѣчества.

Въ слѣпотѣ заблужденія и невѣжества спиритъ не представляетъ себѣ печальныхъ, но слишкомъ внушительныхъ показаній многовѣковаго, общечеловѣческаго опыта о томъ, какъ недостаточны и безсильны есте-

ственныя человѣческія средства, чтобы исправить и возвысить человѣческую нравственность, поставить ее на вѣрный, неуклонный путь, утвердить ее на твердыхъ основаніяхъ и надежно дѣйственныхъ побужденіяхъ. Несостоятельны оказались человѣчесвія усилія: создать естественную нравственность на естественныхъ, присущихъ человѣку основаніяхъ и естественными, доступными ему средствами—при несравнимо болѣе солидныхъ и дѣйственныхъ проявленіяхъ этихъ усилій, чѣмъ не здравоестественныя *сообщенія* спиритовъ. Стремленія и усилія этого рода—внѣ христіанства достойны уваженія за свои благородныя побужденія и цѣль и — сострадания по своей безуспѣшности; но въ христіанскомъ мірѣ, кромѣ удивленія къ своей крайней суетности, кромѣ сожалѣнія о своемъ странномъ, слѣпомъ безразсудствѣ, ничего другого вызвать, ничего другого достойны быть они не могутъ. Спириты особенно разсчитываютъ на общее (collective) участіе въ дѣлѣ нравственнаго просвѣщенія и возвышенія человѣчества, когда всякій будетъ „излагать законъ свой „всѣмъ" и мечтаютъ собрать сумму „мудрыхъ истинъ, благородныхъ чувствъ и добрыхъ правилъ" отъ многихъ и многихъ людей. Но какъ будто много нужно здраваго смысла, чтобы понимать, что духовное содержаніе людей въ сущности не весьма разнообразится въ каждомъ изъ нихъ,—и сообразить, что 10—20 и больше человѣкъ посредственныхъ или еще слабыхъ въ духовномъ развитіи могутъ принести дѣльнаго и годнаго въ общую *сборную сумму* „истинъ, чувствъ и правилъ", даже меньше, чѣмъ одинъ или два человѣка, богато одаренныхъ, и что принесенное ими доброе не будетъ чѣмъ либо новымъ и особымъ отъ того, что дадутъ отъ себя

ды послѣдніе. А если принять здѣсь во вниманіе все то, что можетъ породить ни чѣмъ не управляемая и еще болѣзненно-разстроенная фантазія и произвольный, неразумный вымыселъ; то трудно не замѣтить, что и при настоящемъ небольшомъ обществѣ спиритовъ, содержаніе сообщеній ихъ представляетъ уже весьма странную и негодную смѣсь; съ увеличеніемъ же числа спиритскихъ вѣщателей, еще болѣе будетъ увеличиваться эта негодная смѣсь другими такими же прибавленіями.

Спиритскій проектъ *„великой нравственной революціи“* въ человѣчествѣ заимствованъ нами изъ ораторски-восторженной брошюры: „Le spiritisme sans les esprits“ (одного спирита теоретика). Правда, авторъ ея, поставивши въ началѣ своего произведенія эпиграфъ „à chacun suivant ses moyens intellectuels“, говоритъ, что онъ преднамѣренно, въ видѣ уступки, становясь на сторону невѣрующихъ, отрѣшается отъ дѣйствій духовъ въ спиритизмѣ и отъ ихъ сообщеній, и представляетъ спиритизмъ какъ бы явленіе просто человѣческое, безъ отношенія къ дѣйствительной въ глазахъ спиритовъ силѣ и причинѣ его; и дѣлаетъ это авторъ для того, чтобы изображеніемъ доброты цѣли и стремленій спиритскихъ, добрыхъ и полезныхъ послѣдствій отъ спиритизма, показать, что спиритское движеніе есть „дѣло угодное Богу“, есть произведеніе дѣйствующаго въ спиритахъ, вліяющаго на нихъ „духа Божія“, и чтобы такимъ образомъ легче и успѣшнѣе помирить „невѣрующихъ“ съ устраненной на время, но дѣйствительной въ сущности причиной спиритскаго движенія и спиритскихъ явленій. Но при этомъ спириту и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть не замѣчая того, измѣняетъ секрету спиритизма и вовсе снимаетъ съ него искуственный и фаль-

шивый, слишкомъ сквозящій покровъ его. Преднамѣренно уступчивое представленіе „спиритизма безъ духовъ" такъ похоже на правду, такъ близко къ естественности и вѣрно-дѣйствительности изображаетъ оно спиритское движеніе, что чего нибудь другого, какой нибудь посторонней силы, вмѣшательства духовъ какихъ нибудь для его объясненія рѣшительно не требуется, и требовать этого, равно какъ предлагать это — совершенно не естественно и болѣе, чѣмъ напрасно.

„Смотрите, — говоритъ спиритъ, — сколько могущественъ этотъ образъ дѣйствія (по которому *каждый сообщаетъ свой законъ всѣмъ* для дѣла общаго просвѣщенія). Вотъ ваши родители, ваши друзья, къ которымъ вы имѣете довѣріе, — они медіумы. Это значитъ, что Богъ внушилъ имъ мысль о вдохновеніи отъ духовъ. Эти родители, эти друзья, которые не имѣютъ ничего особеннаго, чѣмъ бы отличались они отъ прочихъ смертныхъ, являются какъ *избранные* (какъ посвященные). Эти простые люди, получившіе только малое наученіе, или не получившіе и вовсе никакого, пріобрѣтаютъ *вѣру въ себя*, и то, *что они чувствовали, что они мыслили* (безотчетно и смутно), получаетъ вполнѣ опредѣленную форму, получаетъ дѣйствительность, тѣлесность (corps) въ ихъ мозгу, сосредоточивается (condense), освобождается отъ того, что могло быть въ немъ темнаго, и выкладывается на бумагу въ фразахъ вразумительныхъ и логичныхъ... Этотъ другъ, этотъ родитель, который сознавалъ прежде невозможность выдать публично свои идеи, считая себя неспособнымъ, онъ, *вспомоществуемый увѣренностію въ исполненіи миссіи* (!), является способнымъ выражаться языкомъ болѣе возвышеннымъ, чѣмъ его разговорный языкъ; самого его такъ *сильно*

удивляетъ его писаніе, что онъ тутъ же *отказывается признать написанное своимъ собственнымъ произведеніемъ*. Затѣмъ авторъ, сказавши объ обаятельномъ, или, какъ онъ выражается, *заразительномъ* вліяніи спиритской среды и спиритскаго дѣла (на спиритскихъ сеансахъ) на приходящихъ любопытныхъ и рѣшающихся испытывать явленіе собственнымъ участіемъ (разумѣется, при расположеніи въ характерѣ ихъ къ этому вліянію),—продолжаетъ: „Упомянутая группа (любопытствующихъ привлеченныхъ на спиритскій сеансъ и вовлеченныхъ въ спиритизмъ практическимъ участіемъ въ опытахъ) не есть ли видъ взаимной школы, гдѣ знаніе одного переходитъ въ мозгъ другого? Тотъ, кто въ началѣ своихъ опытовъ, высказывалъ свои мысли *не иначе, какъ съ медленностію и замѣшательствомъ* (!) (вообще неохотно и не увѣренно), послѣ нѣсколькихъ практическихъ сеансовъ, *пріобрѣталъ искусство* (savoire-faire), котораго никогда бы не достигъ безъ этого труда, ставшаго заманчивымъ для него (!). Чтеніе диссертацій присутствующихъ лицъ на сеансахъ напечатлѣвало въ его мозгу часть характера, свойственнаго каждому изъ нихъ. *Искуство разсужденія* одного прираждалось къ другому и на оборотъ". „И этотъ *прогрессъ*, — заключаетъ спиритъ,—составляетъ пріобрѣтеніе, которое никогда болѣе не прекратится. Судя по этимъ элементарнымъ опытамъ, имѣющимъ совершаться постоянно, кто не скажетъ (никто, кромѣ себя обманывающихъ спиритовъ), что этотъ *разсадникъ* содержитъ въ сѣмени людей, предназначенныхъ дѣйствовать на судьбы человѣчества въ его будущемъ?"

Дѣйствительно, спиритъ-„теоретикъ" много добрыхъ плодовъ отъ спиритизма представляетъ въ настоящемъ

(собственно въ своемъ воображеніи и на бумагѣ) и еще бóльшую проповѣдуетъ надежду; прещедрыя и префантастическія даетъ обѣщанія въ будущемъ, пересыпая ихъ соразмѣрно-сильными и воодушевленными увѣреніями и обѣщаніями; настоящее при этомъ (внѣ спиритизма, разумѣется) представляется спиритомъ въ самомъ мрачномъ видѣ.

„*Всеобщая любовь*, — съ искреннимъ или, можетъ быть, съ искусственнымъ увлеченіемъ, — пишетъ авторъ-спирититъ, — уже начинаетъ свое возрастаніе, вамъ всѣмъ извѣстно это; ибо ваши стремленія къ добру усиливаются съ каждымъ днемъ, ваши характеры смягчились уже и братскіе узы стали тѣснѣе; ваша дружба и ваша любовь удвоились въ силѣ и благородные порывы ваши движутъ васъ доставить мѣсто *въ свѣтѣ истины* (ou soleil de la vérité) всѣмъ окружающимъ васъ. Приближается *любовь сильная и могущественная*".

«Приближается часъ, когда дѣти земли
Въ одинъ общій союзъ съединятся любовью
И добро воспѣвать однимъ голосомъ будутъ.
Руки всѣхъ будутъ вмѣстѣ, и общій языкъ
Сердца всѣхъ имѣть будутъ для вѣчной морали;
Всѣмъ одинъ будетъ Богъ, всѣмъ одни и законы.
Златой вѣкъ для тебя *бѣдный родъ* настаетъ!
Какъ видѣнье во снѣ твое зло все проходитъ...
На землѣ нѣтъ ужъ больше великихъ и малыхъ,
Любовь ваша и знанье сравняютъ всѣ ранги.
Не обагрится ужъ больше и земля наша кровью
Ея же сынами пролитою», и т. д.

„Спиритизмъ, освобожденный отъ того, что, по видимому, сообщаетъ ему сверхъестественную физіономію, какъ сдѣлалъ это въ видѣ уступки самъ спиритъ, не

кажется ли вамъ, восклицаетъ онъ, дошедши уже до крайняго глумленія,—истиннымъ Духомъ Божіимъ (¹)?

Не только кажется, но совершенно ясно является и видится, что это—болѣзненное произведеніе духа человѣческаго, вдавшагося въ суевѣріе, обольщающагося странными фантасмагоріями и химерами собственнаго неразумнаго воображенія и вымысла,—духа, непокорнаго вѣрѣ Христовой и въ слѣпотѣ заблужденія возстающаго на Духа Божія, живущаго и дѣйствующаго въ церкви христіанской,—духа неразумно-революціоннаго не только въ умственной и нравственной области вѣры и знанія, но и въ дѣлѣ жизни общественной".

А какую сильную и энергическую борьбу проповѣдуетъ авторъ „духосообщеній" послѣдователямъ спиритизма, противъ великаго и тяжелаго зла, исходящаго, по его представленію, отъ правителей и служителей Церкви! „Опояшьте ваши чресла, по слову Учителя! Прошли времена, предсказанныя пророками, времена фантастической слѣпоты, эгоизма, фарисейскаго ханжества и лицемѣрія. Вотъ идетъ *духовный* (spirituel) *мессія* и я многократно повторяю вамъ, образуйте святой союзъ и подайте другъ другу руки" (²).

Но довольно уже сказано, чтобы видѣть, что такое спиритизмъ въ своей сущности и содержаніи. Это смѣсь мистицизма, раціонализма и даже матеріализма съ соціалистическими стремленіями.

Представимъ въ заключеніе общій взглядъ на внутреннюю сторону развитія спиритизма, какъ со всею вѣроятностію можно ее представлять на основаніи извѣстныхъ намъ данныхъ историческаго образованія спи-

(¹) Le spiritisme sans les esprits par spirite theoricien, Paris 1863 г.
(²) Ibid.—Les temps annoncés,—сказано духомъ Беранже (!).

ритизма въ связи съ характеромъ и содержаніемъ его доктрины. Такъ какъ известные спиритскіе феномены въ простейшей, первоначальной своей форме (столодвиженіе, видимо безпричинные, таинственные звуки) имеютъ несомненную действительность и естественное происхожденіе (отвергать это, какъ хорошо известное по опытамъ—было бы не справедливо), то весьма естественно и необходимо предположить, что кто нибудь однажды случайно произвелъ одно изъ техъ явленій. А такъ какъ происхожденіе ихъ, какъ мы показали въ начале, связывается съ известными благопріятными условіями, которыя конечно имелъ первый ненамеренный производитель феномена; то совершенно естественно могло случиться, что условія эти повторили свое действіе на него, вместе съ темъ повторился и феноменъ, а затемъ сталъ повторяться и чаще, темъ более, что случайный виновникъ явленія, заинтересованный его загадочностію и странностію, тоже весьма естественно получилъ расположеніе къ занятію имъ, а вместе съ дальнейшими опытами въ немъ уже образовывался соразмерный, постепенно увеличивавшійся навыкъ къ его произведенію. Предположимъ теперь (предположить это необходимо), что помянутый виновникъ феноменовъ былъ склоненъ къ суеверію, былъ настроенъ къ воображенію таинственнаго, къ вере въ явленія привиденій и людей умершихъ или духовъ ихъ; легко представить, какъ определилось при этомъ его понятіе (въ спиритскомъ смысле) о производимыхъ имъ феноменахъ,—понятіе въ спиритскомъ смысле, если не съ положительною, твердою верою въ участіе здесь духовъ умершихъ, то по крайней мере съ суеверньмъ предположеніемъ—не духи ли здесь действуютъ? Что фено-

менія—не естественнаго происхожденія, что въ произведеніи ихъ должна участвовать какая либо таинственная сила, это, конечно, вообразилъ онъ весьма скоро и увѣренно, этому вѣрилъ онъ легко, безъ всякаго недоумѣнія, безъ всякой нерѣшительности. Суевѣрно понятымъ своимъ секретомъ дѣлился онъ съ другими, близкими себѣ и себѣ подобными, тѣ въ свою очередь дѣлали тоже, и число суевѣровъ умножалось, распространялось вмѣстѣ съ тѣмъ и произведеніе опытовъ мнимыхъ духопроявленій. Не погрѣшимъ, конечно, противъ дѣйствительности, если представимъ далѣе, что въ средѣ суевѣровъ присталъ человѣкъ, который сначала наблюдалъ, испытывалъ ихъ легковѣріе и суевѣрность, а потомъ сообразилъ, что загадочные на видъ феномены и мистическое (хотя и грубое), суевѣрное опредѣленіе ихъ легко могутъ послужить предметомъ выгодной спекуляціи. Нашлись и ему подобные. Практика духосообщеній быстрѣе пошла въ ходъ. Дѣйствительно—бывшее прикрашивалось и преувеличивалось, придумывалось и распускалось вовсе небывалое, наивное легковѣріе принимало выдумки за правду, суевѣрно настроенное воображеніе само представляло ихъ какъ дѣйствительность. Придумывались удобные къ обману и самообольщенію способы бесѣды съ таинственными виновниками феноменовъ, съ мнимыми духами. Нужно замѣтить, что въ Америкѣ (сѣверной), среди развитой націи (Соединен. Штаты) на ряду съ образованностію, солидною практичностью уживается и распространено больше, чѣмъ гдѣ либо, весьма сильное суевѣріе. Тамъ въ большомъ также ходу и изобиліи, какая то преимущественная особенность американскаго характера—разнаго рода рекламы и пуфы (объ этомъ говорятъ почти

каждый писатель объ Америкѣ, касающійся нравственной стороны американскаго народа).

Американскіе спириты не ограничились въ своей практикѣ и спекуляціи одной Америкой. Легковѣріе, обманъ и суевѣріе нашли себѣ отголосокъ, пріемъ и послѣдованіе и между гражданами стараго свѣта, особенно въ Европѣ. Вѣра или мечта о томъ, что умершіе не оставляютъ насъ — живыхъ совершенно, что между ними и нами продолжаетъ быть невидимая связь, духовное отношеніе, мечта, питаемая еще незабытою привязанностью къ умершимъ и влеченіемъ облегчить для себя тяжесть утраты, представлять потерю въ утѣшеніе себѣ не совершенною, такъ какъ бы отшедшіе отъ насъ отошли только видимо,—эта мечта или вѣра такъ свойственна людямъ, люди такъ расположены къ ней и многіе больше или меньше, долѣе или короче живутъ съ нею. Мысль и чувство о недавно умершихъ, дорогихъ сердцу, дѣлаютъ ихъ такъ близкими, какъ бы присущими намъ, а воображеніе, представляя ихъ образы, обращаетъ это какъ бы въ дѣйствительность. Потому спиритизмъ, посѣвая вѣру въ дѣйствительность близкаго, *реальнаго* общенія между живыми и умершими, и будто осуществляя на практикѣ это общеніе, встрѣтилъ благопріятную для себя почву, и увлеченіе имъ съ этой стороны, хотя, разумѣется, не здраво, но понятно.

Что спиритизмъ принялъ характеръ религіознаго явленія, это объясняется очень просто, этому способствовало первоначально религіозное положеніе сѣвероамериканскаго народа. Въ Сѣверной Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ ея, откуда вышелъ и распространился спиритизмъ, гдѣ существуютъ тысячи свободныхъ религіозныхъ сектъ, и каждая изъ нихъ не связываетъ

членовъ своихъ чѣмъ нибудь неизмѣнно-опредѣленнымъ и обязательнымъ, чѣмъ нибудь священно и непререкаемо-авторитетнымъ, гдѣ „открываютъ церковь какъ какой нибудь журналъ, и гдѣ на вопросъ къ какому кто принадлежитъ религіозному обществу, какое содержитъ ученіе, во что вѣруетъ? отвѣчаютъ: я слушаю теперь проповѣди г. такого-то“, — гдѣ религія съ ея убѣжденіями и вѣрованіями есть дѣло личной свободы, личнаго разумѣнія и вкуса, — гдѣ религіозная свобода, не признавая ничего неизмѣнно-опредѣленнаго, священно-авторитетнаго и обязательнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ человѣка и всего твердаго, несомнѣннаго и не даетъ ему ничего успокоительнаго въ дѣлѣ религіи, — гдѣ каждому предоставляется самому создавать себѣ религію и каждый можетъ имѣть ее свою, — въ такой странѣ, въ такомъ обществѣ, при такихъ религіозныхъ условіяхъ далеко не каждый можетъ быть спокойнымъ въ религіозномъ отношеніи и считать содержаніе и характеръ своей религіи совершенно и достаточно законнымъ и рѣшительнымъ, такъ чтобы не надъ чѣмъ было ему задуматься, не въ чемъ сомнѣваться, нечего желать и искать болѣе. При этомъ когда стало утверждаться въ сѣверо-американскомъ обществѣ ложное вѣрованіе, что въ извѣстныхъ феноменахъ дѣйствуютъ и проявляются души умершихъ, что они могутъ давать и даютъ отвѣты на предлагаемые имъ вопросы, дѣлаютъ и добровольныя сообщенія и наставленія, при этомъ естественно могло родиться и родилось стремленіе обратиться за разрѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ и за опредѣленіемъ религіозныхъ истинъ къ этимъ жителямъ и вѣстникамъ того міра, который составляетъ предѣлъ, въ которомъ—конечная цѣль нашей религіи, гдѣ—осу-

ществленіе—самымъ дѣломъ религіозныхъ истинъ—вѣры, религіозныхъ надеждъ и стремленій (¹). Въ католическомъ и православно-христіанскомъ мірѣ нашлись также люди, которые по своему слабовѣрію и *недуховности*, не въ силахъ вѣрить божественно-высокому и вышеестественному авторитету христіанскому и которые пустились искать и слушать въ спиритизмѣ воображаемо—*основательные* авторитеты—мнимыя души умершихъ. Сознавши, что продолженіе занятій такъ называемыми *проявленіями*, при распространеніи и усиленіи вниманія къ нимъ со стороны, могло бы служить совсѣмъ не въ пользу спиритизма и его связи съ духами, что обманъ въ такомъ случаѣ весьма бы могъ разоблачиться и самообольщеніе съ ослѣпленіемъ должны бы были обнаружиться,—спириты, руководимые чувствомъ самосохраненія и совѣтами своихъ ревнителей, стали постепенно оставлять и почти совсѣмъ оставили экзерциціи въ „физическихъ проявленіяхъ", положивши считать цѣль, для которой они были (заявить и утвердить дѣйствительность духосообщеній)—вполнѣ достигнутою. Въ замѣнъ этого спириты всѣ предались *рукописанію*, занятію правда меньше, труднѣе уличимому, чѣмъ факты духопроявленій, но за то въ тоже время, по своей явной подозрительности, и не требующему вовсе улики себѣ. И вотъ пишутъ спириты, кто бойко, кто медленно, кто обыкновеннымъ почеркомъ, кто зигзагами и спиралями, кто ломая карандаши, кто не ломая ихъ, пишутъ подъ именемъ духосообщеній свои не ясныя, скороспѣлыя, необдуманныя *праздныя* мысли, чувства и фантазіи,

(¹) Предварительное существованіе въ Америкѣ общества мормоновъ, во многомъ сходствующихъ со спиритами, не было, конечно, безъ вліянія на образованіе и усиленіе спиритизма.

намѣренно и, конечно, по привычкѣ относясь къ нимъ, во время письма, какъ можно меньше сознательно, представляя механизмъ мысли и письма его собственному, преднастроенному, привычно-установившемуся ходу. Скоро такимъ образомъ образовалась у спиритовъ цѣлая доктрина. А всякая доктрина можетъ обнаруживать и распространять отъ себя такое или другое вліяніе нравственное; у нея могутъ быть—какъ и дѣйствительно оказались—и въ большомъ числѣ, послѣдователи по убѣжденію, привязавшіеся къ ней и становящіеся подъ знамя спиритизма по расположенности къ ея принципамъ и стремленіямъ—моральнымъ и общественнымъ; могутъ быть у нея, какъ и опять на самомъ дѣлѣ есть, усердные и преданные дѣлу пропагандисты и самозванные *апостолы*. Словомъ, доктрина образуетъ уже около себя цѣлую корпорацію, соотвѣтственное себѣ общество, тѣсно связанное и одушевляемое единствомъ опредѣленныхъ интересовъ и стремленій съ претензіею и возможностію на вліяніе, распространеніе, утвержденіе и преобладаніе, во вредъ существующимъ уже общественнымъ убѣжденіямъ и вѣрованьямъ и зависящему отъ нихъ складу и порядку жизни религіозно-нравственной и соціальной. Такъ возникло и образовалось возмутительное и жалкое самозванство спиритизма, этотъ грубый обманъ и самоослѣпленіе, это дерзкое и страшное глумленіе надъ всѣмъ священнымъ и спасительнымъ, не въ евангельскомъ, а въ простомъ буквальномъ смыслѣ—нищихъ духомъ, разумомъ и вѣрою—спиритовъ [1].

М. Лебедевъ.

---

[1] Замѣтимъ о числѣ спиритовъ. Въ 1863 еще году спириты выставляли его около шести милліоновъ (Revue spirite, 1863 кн. 1 или 2). Мо-

ЧУДЕСА НЕ ТОЛЬКО ВОЗМОЖНЫ,

НО И НЕОБХОДИМЫ (1).

Можетъ ли Богъ творить чудеса? „Этотъ вопросъ — отвѣчаетъ Руссо въ своемъ третьемъ Lettre de la montagne — поставленный серьёзно, былъ бы нечестивъ, если бы не былъ глупъ; наказывать того, кто отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, было бы слишкомъ много чести для него; достаточно посадить его въ

жетъ быть, считаются здѣсь всѣ бывшіе отъ начала спиритизма и теперь уже повымершіе спириты? Во всякомъ случаѣ цифра — слишкомъ большая и маловѣроятная для времени отъ начала пятидесятыхъ или конца сороковыхъ годовъ. Счетчиковъ—самихъ же спиритовъ могъ побуждать собственный интересъ выставить цифру своихъ совѣрователей преувеличенною. Но вообще говоря, число приверженцевъ спиритизма далеко не мало; много ихъ, какъ извѣстно, въ Америкѣ, много также во Франціи, они распространены почти повсюду. Revue spirite издается девятый годъ, книги спиритскія выходятъ девятыми изданіями; значитъ, много есть подписчиковъ и покупателей, которые серьёзно преданы дѣлу. Число умопомѣшанныхъ во Франціи, бывшее до появленія спиритизма, 12 тысячъ, въ 1863 году возрасло до 60-ти, какъ полагаютъ вслѣдствіе распространенія и зловреднаго вліянія спиритскихъ экзерцицій (Réponses aux sermons contre le spiritisme...). Есть будто бы преданные спиритизму между Друидами, въ Абиссиніи (Rev. spir. апрѣль 1858),—и не удивительно, къ обману и суевѣрію малоразвитые люди особенно расположены.

(1) Изъ Zeitschrift für die gesammte luterische Theologie und Kirche. 1866, Drittes Quartalheft.

карьеръ". Тѣмъ не менѣе Руссо вовсе не былъ жаркимъ защитникомъ библейскихъ чудесъ; — онъ крѣпко держится только за абстрактную возможность чуда, собственно же чудесамъ, какъ фактамъ, онъ придаетъ очень мало значенія.

Еще съ большимъ сомнѣніемъ относится къ евангельскимъ чудесамъ, не считая ихъ однако положительно невозможными, Пеко (Pecaut), авторъ книги Le Christ et la Conscience, пользующейся во Франціи почти такой же извѣстностью, какъ и книга Ренана Vie de Jesus, книги, еще болѣе обольстительной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ эта послѣдняя. „Должны ли мы отвергать ихъ (чудеса)? Конечно нѣтъ. Должны ли признать ихъ всѣ историческими фактами? Всего менѣе. Какъ же къ нимъ отнестись? Изучать ихъ, какъ очень темныя, но къ счастію вовсе не высшія проявленія религіознаго чувства".

Если Ренанъ въ своей книгѣ Vie de Jesus, по видимому, готовъ допустить возможность чудесъ, то это не больше, какъ фраза. „Мы не говоримъ, что чудо не возможно; мы говоримъ только, что до сихъ поръ не было ни одного доказаннаго чуда". Эта уступка отзывается насмѣшкою. Въ душѣ Ренанъ думалъ совсѣмъ другое. Онъ уже раньше достаточно познакомилъ насъ съ своими мыслями на этотъ счетъ. „Іисусъ Христосъ есть теургъ — говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи о свободѣ совѣсти. Его чудеса — наважденія человѣка обольщеннаго".

Когда отвергаешь всѣ чудеса заурядъ, тогда нечего усиливаться показывать видъ, что отвергаешь ихъ только условно. Подобное отверженіе чудесъ, съ деистической точки зрѣнія, будетъ безхарактерной слабостью, — съ

[illegible]ческой — коварной ложью. Христіанство выходитъ изъ такихъ посылокъ, которыя требуютъ не только возможности, но и необходимости чудесъ. Условной возможности чудесъ, которую съ видомъ великодушія уступаютъ ему, оно не можетъ принять, потому что ни мало не нуждается въ подобныхъ уступкахъ.

Гораздо прямѣе выражается объ этомъ предметѣ Штраусъ въ своей „Жизни Іисуса“. Онъ прямо говоритъ: „я выкожу изъ положенія, что чудеса—миѳъ“. Равнымъ образомъ онъ вовсе не думаетъ дѣлать секрета изъ конечной цѣли, которую при этомъ преслѣдуетъ,—онъ прямо вводитъ нѣмецкій народъ въ свою душевную лабораторію и говоритъ: „кто хочетъ выгнать священниковъ изъ церкви, тотъ долженъ напередъ выгнать чудо изъ религіи“. Онъ не допускаетъ ни малѣйшей возможности чудесъ и рѣшительно отвергаетъ ихъ.

Вотъ его основанія:

а) „Религіозная вѣра,—говоритъ онъ, всегда предполагаетъ чудесное событіе только въ тѣсныхъ предѣлахъ религіозной сферы вѣрующаго“. Но здѣсь не то: Христіанство признаетъ дѣйствительность чуда не только въ церкви, но подъ извѣстными критеріями и въ языческомъ мірѣ.

б) „Всякое истинно-философское мышленіе, продолжаетъ Штраусъ, во всѣ времена отвергало чудеса“. Но это будетъ справедливо въ такомъ только случаѣ, когда мы напередъ объявимъ всѣхъ философовъ, не отвергавшихъ чудесъ, не обладавшими истиннымъ философскимъ мышленіемъ. Вѣдь напр. Лейбницъ смотрѣлъ на чудо, какъ на моментъ, входившій въ божественный планъ міра, въ видѣ потенцій, или зародышеобразно (Keimhaft), а Шеллингъ признаетъ въ мірѣ аберраціи отъ

первоначальныхъ цѣлей, аберрація, требующія чудесъ для своего устраненія. Какъ быть съ этими вопросами?

Къ этому Штраусъ прибавляетъ еще, что „всякое, по видимому, самое вѣроятное проявленіе чуда обыкновенно бываетъ обставлено такимъ множествомъ самыхъ невѣроятныхъ подробностей, что если бы мы вздумали выдѣлить ядро этого предполагаемаго чудеснаго событія и взвѣсить его съ кучей внѣшней, вздорной шелухи, въ которую оно зарыто, то оно потянуло бы ровно столько, сколько перышко на вѣсахъ противъ стофунтовой гири". Но мы съ своей стороны не можемъ не допустить возможности и дѣйствительности чудесъ, если не хотимъ увеличить затрудненій, думая устранить ихъ. Если Св. Павелъ признается, что во время самаго жестокаго озлобленія на христіанъ, когда онъ дышалъ муками и убійствомъ, видѣлъ своими глазами Самаго воскресшаго Господа; то этого видѣнія нельзя принять за галлюцинацію, не превративши въ неразрѣшимую загадку такихъ фактовъ, какъ внезапное обращеніе фарисейскаго фанатика, внезапное просвѣтленіе его сознанія, характеръ его писаній. Какъ вы объясните намъ галлюцинаціей мгновенное и радикальное перерожденіе человѣка? Какимъ образомъ галлюцинація вдругъ сдѣлала для него, почти вовсе не знакомаго съ христіанскими истинами, все содержаніе этихъ истинъ до такой степени ясными, до какой мы съ вами, при всѣхъ своихъ научныхъ средствахъ, никогда не поднимемся? Можете представлять себѣ, какъ угодно, событіе близъ Дамаска, — но въ писаніяхъ Павла лежитъ предъ вами такое духовное чудо, котораго вы не объясните никакими галлюцинаціями. Одно изъ двухъ: или отвергните эти писанія — чего вы не можете сдѣлать, — хотя бы и хотѣ-

ли—или допустите въ основѣ ихъ дѣйствительное чудо—но этого вы не хотите, хотя бы и могли.

в) Третье основаніе, приводимое Штраусомъ, можетъ быть обращено противъ него самаго. Онъ говоритъ, что различаетъ между болѣе или менѣе вѣроятнымъ проявленіемъ чуда, а не между тѣмъ или другимъ чудомъ. Положимъ. Дѣйствительно, когда Талмудъ разсказываетъ, что Самуилъ сидѣлъ на скорпіонѣ, находившемся посреди рѣки, и что этотъ скорпіонъ ужалилъ человѣка, стоявшаго на берегу и что отъ этого тотъ умеръ; то мы вправѣ смѣяться надъ подобнымъ чудомъ, какъ надъ созданіемъ дѣтскаго воображенія; но когда Евангеліе повѣствуетъ о томъ, что Іисусъ Христосъ ходилъ по водамъ, то въ этомъ повѣствованіи и для невѣрующаго ничего нѣтъ смѣшнаго. Такимъ образомъ дѣло идетъ не о различныхъ только степеняхъ вѣроятности какого нибудь чуда, а и о различныхъ степеняхъ достовѣрности чуда въ самомъ себѣ.

Мы слишкомъ далеки отъ уполномоченія своими контръ-замѣчаніями убѣдить Штрауса въ противномъ. Кто по принципу отвергаетъ фактичность всего, что только лежитъ за предѣлами естественной цѣпи причинъ и дѣйствій, тотъ не опровержимъ, или—вѣрнѣе—всякая попытка опровергнуть его сокрушается объ его волю—объ его упорство невѣрія очевидной истинѣ. „Если бы, говоритъ Вольтеръ—на парижской площади предъ глазами 2000 человѣкъ и моими собственными совершилось чудо, то я скорѣе усомнился бы въ свидѣтельствѣ 4002-хъ глазъ, чѣмъ призналъ бы это чудо истиннымъ“. Штраусъ стоитъ на той же самой точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ и Вольтеръ.

Ренанъ соглашается подъ извѣстными условіями при-

знает чудо, напр., воскресеніе мертваго. Но при этомъ онъ требуетъ, чтобы такое чудо было совершено въ присутствіи коммисіи ученыхъ специалистовъ—физіологовъ, физиковъ, химиковъ, равно какъ лицъ, знакомыхъ съ исторической критикой, и для того, чтобы оно имѣло всю фактическую достовѣрность, требуетъ, чтобы опытъ былъ повторенъ нѣсколько разъ. И заносчиво, и не умно! Съ своей стороны—воскресителя мертвыхъ, который согласился бы совершить воскрешеніе при подобныхъ условіяхъ, мы напередъ объявляемъ жалкимъ шарлатаномъ, не ожидая приговора почтеннаго ареопага ученыхъ экспертовъ: это былъ бы второй Месмеръ, который, какъ извѣстно, долго и отлично умѣлъ дурачить самыхъ компетентныхъ специалистовъ своего времени.

При этомъ мнѣ припоминается одна лейпцигская исторія. Философъ Кругъ однажды напечаталъ въ газетахъ огромными буквами объявленіе, что въ слѣдующую же изъ лекцій, которыя онъ читалъ у себя дома, онъ представитъ фактическое доказательство, что не существуетъ никакого вмѣшательства въ человѣческую жизнь со стороны міра духовъ. Онъ началъ съ заклинанія, которымъ приглашалъ духовъ положить на столъ какое нибудь пожертвованіе въ пользу городскихъ нищихъ. Духи не шелохнулись, чудо не совершилось, и экспериментальное доказательство въ подтвержденіе того, что ни ангелы, ни дьяволы не имѣютъ никакихъ дѣлъ съ людьми, вполнѣ удалось!...

До такихъ глупостей доходятъ иногда и умные люди, когда ставятъ вопросъ о возможности чудесъ и требуютъ чувственныхъ опытовъ для точнаго доказательства. Христіанство опирается на предположеніе или лучше—вѣр-

ное признаніе необходимости чудесъ, а не на предположеніе ихъ возможности. Доказательство необходимости заключаетъ въ себѣ и доказательство возможности, но отличается отъ него тѣмъ, что при немъ чудеса теряютъ характеръ изолированности и случайности; для нихъ является причина и цѣль, при немъ нельзя уже сопоставить Іисуса Христа съ Аполлоніемъ Тіанскимъ; при этомъ указываются и вѣрные критеріи для различенія истиннаго чуда отъ ложнаго. Но это доказательство необходимости, равно какъ возможности и дѣйствительности чудесъ, можетъ быть найдено не естественно-научнымъ, а интеллектуальнымъ путемъ, и не чрезъ посредство чувственныхъ опытовъ, а чрезъ указаніе на дѣйствительные факты и теперь встрѣчающіеся также точно, какъ и прежде.

Можно представлять себѣ христіанство, какъ угодно, но одно непремѣнно нужно уступить ему: оно произвело радикальный нравственно-религіозный переворотъ, оно положило конецъ древнему міру и основало новый, оно раздѣлило пополамъ всемірную исторію, и во второй половинѣ ея владычествуетъ, какъ сила, неисточимая въ своихъ средствахъ. Все это должны признать за нимъ и тѣ, которые не признаютъ его новымъ принципомъ въ глубочайшемъ и всеобъемлющемъ смыслѣ, принципомъ возрожденія и возсозданія, какимъ само оно справедливо считаетъ себя. Но кому въ школѣ страданій суждено было осязать неразрывную связь между грѣхомъ и зломъ, предъ кѣмъ при помощи строгаго и основательнаго самонаблюденія раскрылась бездонная пропасть испорченности человѣческой души, кто не только останавливался не разъ въ благоговѣйномъ изумленіи предъ цѣлесообразнымъ устройствомъ міра,

но и не разъ же грустно задумывался надъ противорѣчіями, стонами, неурядицей, встрѣчающимися на каждомъ шагу, и порывался сколько нибудь помочь горю, тотъ знаетъ христіанство: оно въ его глазахъ есть и будетъ краеугольнымъ камнемъ обновленнаго человѣчества, обновленнаго міра; онъ можетъ оцѣнить его на основаніи своего собственнаго опыта, своего самосознанія. Коренное нравственное измѣненіе, которое оно въ немъ производитъ, совпадаетъ съ его глубочайшими потребностями. Но если христіанство есть новый принципъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно является на опытѣ, то изъ его сущности, понимаемой такимъ образомъ, съ внутренней необходимостью вытекаютъ два абсолютныхъ чуда, изъ которыхъ однимъ начинается, а другимъ оканчивается жизнь Божественнаго Основателя христіанства. И дѣйствительно, если среди грѣховнаго человѣчества должно быть положено новое, святое и освящающее начало, то это не иначе могло быть сдѣлано, какъ именно такимъ образомъ, чтобы жизнь новаго Сына человѣческаго началась и кончилась среди настоящаго порядка природы, но въ тоже время возвышалась бы надъ этимъ порядкомъ, такъ чтобы ея начало не было запятнано грѣховной скверной, а ея конецъ—тлѣніемъ. И оба эти чуда вовсе не были ни уклоненіемъ отъ міроваго строя, ни дисгармоніей; въ системѣ христіанства, они донынѣ остаются, какъ необходимыя, преднамѣренныя Божественныя дѣйствія въ общемъ Божественномъ планѣ относительно міра.

Но, кто однажды допуститъ, что Сынъ человѣческій, долженствующій освободить отъ грѣха человѣчество и существенно обновить его, долженъ быть привитъ къ человѣчеству, или лучше человѣчество къ Нему,

какъ дикая вѣтвь къ *доброй маслинѣ*, и при этомъ не долженъ быть связанъ узами грѣха и смерти, а напротивъ, долженъ побѣдоносно сокрушить эти узы, и что то и другое не иначе могло совершиться, какъ чрезъ посредство абсолютнаго чуда,—кто допустить это, тотъ легко пойметъ, какъ ему относиться къ Евангельскимъ повѣствованіямъ о чудесахъ. Мы не хотимъ сказать, что онъ безъ всякой критики обязывается признать ихъ таковыми,—истинныя чудеса не боятся критики,—мы хотимъ лишь сказать, что онъ пріобрѣтаетъ здѣсь вѣрный критерій для этой критики. Христомъ внесено въ человѣчество новое жизненное начало. Посему Христосъ, въ которомъ заключается новое творческое начало, есть живое чудо, чудо изъ чудесъ. Въ Его воскресеніи открылась та новая жизнь, которой Онъ былъ началомъ. Его чудеса были самообнаруженіями этой новой жизни, которую Онъ скрывалъ подъ *зракомъ раба*. Здѣсь дѣло идетъ вовсе не о томъ, какія изъ Евангельскихъ чудесъ признавать, и какія нѣтъ,—какъ этого хочетъ вольномыслящая критика,— а о томъ, что нужно допустить въ І. Христѣ силу чудесъ, которая съ внутренней необходимостью вытекала изъ самаго существа Его личности, и проявленіе этой силы, совершавщееся также съ внутренней необходимостью по волѣ и слову Его, сообразно съ цѣлію пришествія Его на землю для спасенія человѣческаго рода.

Такимъ образомъ, христіанство выходитъ изъ такихъ посылокъ изъ которыхъ вытекаетъ сама собою необходимость чуда, между тѣмъ, какъ противники чудесъ выходятъ изъ посылокъ, которыя, исключая необходимость чуда, въ тоже время отвергаютъ его возможность.

Для примѣра возьмемъ „христіанское вѣроученіе“

Александра Швейцера. Первый томъ этой книги вышелъ въ 1864 г. Въ § 57 говорится о чудѣ: но еще въ концѣ 56 § мы находимъ слѣдующія положенія: 1) смерть должна быть разсматриваема независимо отъ грѣха; она принадлежитъ къ естественному порядку; 2) ученіе о томъ, что грѣхопаденіе перваго человѣка имѣло своимъ результатомъ нынѣшнее состояніе міра, тоскливо ожидающаго освобожденія, есть созданіе воображенія. Вотъ посылки Швейцера. Напрасно авторъ „христіанскаго вѣроученія" усиливается прикрыть ихъ противорѣчіе Св. Писанію. Писаніе прямо говоритъ, что смерть т. е. кончина жизни, сопровождаемая агоніей, есть слѣдствіе грѣха, что проклятіе, произнесенное Богомъ по грѣхопаденіи человѣка, упало и на землю, такъ что трудъ человѣка встрѣчаетъ себѣ постоянныя препятствія со стороны разныхъ случайностей, обусловливаемыхъ противодѣйствіемъ ему силъ природы, и что какъ паденіе человѣка сопровождалось поврежденіемъ природы, такъ и возстановленіе человѣка должно повести къ освобожденію природы отъ рабства тлѣнія. Это ученіе есть ученіе библіи, и кто отвергаетъ чудеса, тотъ долженъ начать съ отрицанія этого ученія. Это мы и находимъ у Швейцера. Въ § 57 онъ положительно отвергаетъ чудеса: „порядокъ природы—говоритъ онъ—въ смыслѣ неизмѣнной дѣятельности Бога есть совокупность Божественныхъ дѣйствій, направленныхъ на міръ, и потому невозможно допустить какихъ нибудь случайныхъ перерывовъ въ этомъ порядкѣ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ Богъ становился бы въ противорѣчіе съ порядкомъ природы, или съ Самимъ Собою, кратко: чудесъ нѣтъ!"

Но такъ какъ возвращеніе къ жизни дѣйствитель-

но—а не мнимо-умершаго противно порядкамъ природы, слѣдовательно есть чудо; то и воскресенія Іисуса Христа—какъ чуда не было, по такому мудрованію невѣрія. Но Ап. Павелъ очень рѣшительно выражается: *аще же Христосъ не воста; суетна вѣра ваша* (Кор. 15, 17), т. е. если чуда воскресенія Христова—не было, то и христіанство не существуетъ—ничто. А значитъ и „христіанское вѣроученіе,“ выходящее изъ такихъ посылокъ, тоже не существуетъ, хотя и вовсе не чудо. Такая странность и противорѣчіе опыту и здравому смыслу!

Дѣйствительно ли всѣ міровые порядки исчерпываются порядками природы? Дѣйствительно ли не существуетъ сверхъ-естественнаго вмѣшательства — какъ неприлично и дерзко выражаются о промыслѣ и творческихъ дѣйствіяхъ нынѣшніе вольнодумцы, — со стороны Бога въ порядки природы, вмѣшательства, которое входило бы въ міровой планъ и такимъ образомъ включалось бы въ общіе міровые порядки? Христіанское міросозерцаніе, вѣрное Божественному откровенію, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, и мы увѣрены, что справедливость этого отвѣта можетъ быть доказана и разумными основаніями и вполнѣ достовѣрными фактами, которые и въ наши дни не трудно отыскать.

Всѣ мы самымъ осязательнымъ образомъ можемъ наблюдать проявленія могущества свободной воли надъ природою. Всякое произвольное движеніе тѣла служитъ тому доказательствомъ, и хотя мы могли бы изслѣдовать содѣйствующія этому движенію функціи нервныхъ и мускульныхъ аппаратовъ, но самая сила остается сколько таинственнымъ, столько же и неопровержимымъ фактомъ. Благодаря этой силѣ свободной воли мы мо-

жемъ вторгаться во все, что насъ окружаетъ въ природѣ: мы можемъ заставить законы природы служить извѣстнымъ цѣлямъ; мы можемъ давать разнымъ предметамъ природы такое направленіе, какого они не приняли бы, будучи предоставлены самимъ себѣ, мы можемъ производить нѣчто относительно новое въ предѣлахъ естественнаго порядка, напр. варіанты животныхъ и растеній,—вся обширная область искусства опирается на ограниченіе сферы природы сферой духа, такъ что въ совокупности съ разумомъ свободная воля можетъ возвыситься надъ природою и вторгаться въ нее со своими цѣлями.

Намъ скажутъ: послѣ этого и телеграфъ не будетъ ли чудомъ? А какая нибудь цвѣточная выставка, на которой красуются цѣлыя тысячи искуственно выведенныхъ розъ и георгинъ, пожалуй, будетъ цѣлымъ кабинетомъ чудесъ? Кто жъ говоритъ это? По крайней мѣрѣ мы—не болѣе, чѣмъ кто либо. Во всѣхъ этихъ фактахъ важно для насъ одно,—въ нихъ заключается первая посылка чуда—именно могущество свободной воли надъ природою и ея теченіемъ.

Теперь, если человѣкъ можетъ обнаруживать такое могущество надъ природою, то не тѣмъ ли паче Богъ?— Это заключеніе a minori ad majus съ деистической точки зрѣнія не отразимо; оно не имѣетъ силы лишь для тѣхъ пантеистовъ, у которыхъ Богъ есть все и ничто,—существо безличное, живующее только въ нашей мысли.

Мы не имѣемъ здѣсь ни времени, ни мѣста входить въ длинныя препирательства съ такого рода пантеизмомъ, но не можемъ и обойти его совершенно; потому что, не выбивши его съ позиціи, не можемъ вести дальше изслѣдованія. Впрочемъ мы будетъ очень ко-

ротии и прямо скажемъ: эта апоөеоза „всего" также точно относится къ здравому Богопознанію, какъ ложная натур-философія къ точному естествознанію. Въ самомъ дѣлѣ;—по мѣрѣ того, какъ въ психологіи входятъ въ силу наблюденія и опыты, получаетъ особенное значеніе положеніе, для котораго еще Цицеронъ (de natura Deorum 1. 17. 44) отыскалъ отличную формулу: de quo omnium natura consentit, id verum esse necesse est, т. е. въ чемъ всѣ согласны, то истинно. Теперь если мы обратимся къ исторіи религіи, то найдемъ, что человѣкъ, повинуясь не отразимому требованію своего сознанія, всегда представлялъ себѣ Бога существомъ личнымъ: и силы природы, которыя обоготворилъ, онъ не иначе представлялъ себѣ, какъ въ олицетворенномъ видѣ; даже тамъ, гдѣ религія была произведеніемъ философствующей мысли и опиралась на пантеистическихъ началахъ, какъ напр. въ буддизмѣ, чувствовалась потребность въ поклоненіи божественной личности, и даже тамъ, гдѣ философія представляла себѣ безлично міръ боговъ и людей, какъ напр. въ Брамизмѣ и Парсизмѣ, ея созерцательные образы олицетворялись, какъ скоро начинали соединять съ ними практически-религіозное значеніе. Такимъ образомъ что имѣетъ за себя согласіе всѣхъ религій, то должно имѣть свое основаніе въ самой природѣ человѣка, а что имѣетъ свое основаніе здѣсь, то имѣетъ для насъ больше обязательной силы, чѣмъ философема, которая требуетъ, чтобы мы считали за фальшивое представленіе основной поступлять религіозной основы, положенной въ самой природѣ человѣка.

Такимъ образомъ мы не имѣемъ причинъ стыдиться повторить еще разъ предъ лицемъ точной науки заяло-

ченіе, уже высказанное нами раньше, именно: если человѣкъ можетъ обнаруживать такое обширное, цѣлесообразное, духовное могущество надъ природою, то тѣмъ паче Богъ!—Тѣмъ паче, что законы природы суть ничто иное, какъ Его творческія опредѣленія; тѣмъ паче, что свобода, съ какою человѣкъ дѣйствуетъ на природу и вторгается въ ея теченіе, есть лишь отблескъ Его собственной абсолютной свободы.

Но не ставимъ ли мы Бога въ противорѣчіе съ Самимъ Собою, приписывая Ему, кромѣ владычества надъ природою, сообразнаго съ ея законами, еще владычество другаго рода? Нѣтъ, поелику этого владычества Онъ самъ хотѣлъ, такъ какъ хотѣлъ существованія свободной воли. Обмѣнъ отношеній, въ которыхъ находится абсолютно-свободный Творецъ къ твореніямъ, надѣленнымъ свободою, требовалъ совмѣстнаго существованія порядковъ—одного, основаннаго на естественной необходимости, другого—на свободѣ. Богъ естественно долженъ былъ предоставить Себѣ полную свободу—давать то, или другое направленіе теченію природы, смотря по тому, какъ будутъ пользоваться своей свободой свободныя твари; съ другой стороны Онъ долженъ былъ дозволить свободнымъ тварямъ дѣйствовать среди теченія природы по тому или другому направленію. Другими словами: въ систему Божественнаго міроправленія должна быть внесена система свободнаго обмѣна дѣйствій, которая, въ своемъ примѣненіи, если не противорѣчитъ законамъ природы, то и не можетъ стѣсняться естественной необходимостью.

Сознаніе этого міроваго порядка, не исчерпываемаго порядками природы, каждый человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ. Онъ сознаетъ въ себѣ возможность зарательнаго

дѣйствія правды Божіей, которое стоитъ выше естественной необходимости, господствующей надъ природою: Онъ сознаетъ, что между посѣвомъ и урожаемъ, воспитаніемъ и успѣхомъ, стремленіемъ и достиженіемъ, трудами и благосостояніемъ, находится связь болѣе возвышенная, чѣмъ связь естественной необходимости,—именно связь *благословенія* свыше: это основное понятіе, входящее въ составъ общечеловѣческой религіозности, опирается цѣликомъ на сознаніи существованія порядка высшаго, чѣмъ порядокъ природы.

Но прежде всего сознаніе Божественнаго владычества, возвышающагося надъ общимъ теченіемъ природы, выражается въ общечеловѣческомъ представленіи о *молитвѣ*. Хотя и есть такія теоріи молитвы, которыя выходятъ изъ предположенія, что нѣтъ никакого взаимодѣйствія между Творцемъ и твореніемъ, но взгляды отдѣльныхъ личностей нисколько не измѣняютъ общаго воззрѣнія на значеніе молитвы. Молящійся имѣетъ цѣлью посредствомъ своей молитвы испросить себѣ помощь отъ Бога, поелику онъ знаетъ, что много можетъ искренняя, сердечная молитва, и Богу было угодно, чтобы она входила въ міровой порядокъ, Имъ устроенный. Мы знаемъ, мы чувствуемъ, что нѣтъ такого сплетенія естественныхъ и соціальныхъ отношеній, противъ котораго могла бы оказаться безсильною молитва: „Я питаю глубокое почтеніе къ „Nexus rerum“—сказалъ одинъ замѣчательный человѣкъ — но не могу забыть при этомъ, что Самсонъ, не повредивши Nexus воротныхъ половинокъ, снесъ на гору—какъ извѣстно—цѣлыя ворота“.

Мы могли бы привести множество примѣровъ въ подтвержденіе того, какъ много можетъ сдѣлать вѣра, и

именно христіанская вѣра, т. е. беззавѣтно уповающая и ничтоже сумняшеся, но предполагая, что наши читатели знакомы съ исторіей христіанства на столько, чтобы припомнить нѣсколько такихъ примѣровъ, мы предоставляемъ имъ самимъ выбрать для себя эти примѣры. Со своей стороны мы скажемъ, что очень легко набрать такихъ примѣровъ, не сходя съ строго-исторической почвы. Въ самомъ дѣлѣ вездѣ мы можемъ находить чудеса, гдѣ существуетъ воздѣйствіе на природу, лежащее внѣ естественной цѣпи причинъ и дѣйствій, будетъ ли это дѣйствіе происходить непосредственно отъ Бога или отъ воли сотворенныхъ существъ, вооруженной силою Божіею, почерпающей силу отъ Бога. Сущность чуда состоитъ не въ противорѣчіи произведеннаго дѣйствія законамъ природы, а въ томъ, что въ немъ выражается сверхъестественная причинность, входящая въ порядокъ природы.

И такъ если мы выйдемъ изъ положенія, что Богъ есть Верховный разумъ, установившій міровой порядокъ и возвышающійся надъ нимъ, то предъ нами явятся въ истинномъ свѣтѣ два великихъ чуда, изъ которыхъ однимъ начинается, а другимъ оканчивается земная жизнь Іисуса Христа. Наша вѣра опирается не на діалектическія доказательства возможности чудесъ, а на факты, доказывающіе ихъ необходимость. Но отсюда же дѣлается очевидною и ихъ возможность. Ручательствомъ за возможность чудесъ служатъ для насъ чудеса творенія. Въ самомъ дѣлѣ, если тогда возможно было возникновеніе на землѣ органическихъ твореній по другому, а не по теперешнему способу ихъ естественнаго размноженія, то мы имѣемъ полное право отвѣчать противникамъ всѣхъ чудесъ то же, что, по свидѣтель-

Талмуда, отвѣчалъ саддукею извѣстный Гевига: „если произошло то, чего не было, то отъ него уже снова не можетъ произойти то, что уже было?“ Отвергать чудесное происхожденіе міра и его законовъ по всемогущему слову Творца, значитъ допускать regressus in infinitum, допускать суевѣрнѣйшее чудо слѣпой необходимости, которая ничего не знаетъ и ни за что не отвѣчаетъ. А если мы допустимъ чудесное происхожденіе міра, то само собою объяснится для насъ, почему во всемъ существующемъ есть для человѣческаго изслѣдованія какой то необъяснимый элементъ, котораго нельзя разложить посредствомъ опытовъ и который не поддается умственному анализу. Это отъ того, что не только въ основѣ христіанства, но и въ основѣ міра лежитъ чудо.

И. Троицкій.

ИНОСТРАННЫЯ ЦЕРКОВНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Религіозно-церковныя собранія на Западѣ.—Ихъ задачи, значеніе и характеръ.—Религіозно-церковныя собранія въ Германіи и Швейцаріи.— Религіозно-церковныя собранія въ Парижѣ.—May-meetings въ Лондонѣ.— Парижская всемірная выставка и Евангелическія миссіи.—Предполагаемое изданіе Encyclopaedia theologica et ecclesiastica.

Собранія по религіозно-церковнымъ вопросамъ въ западной Европѣ принадлежатъ къ числу самыхъ характерныхъ явленій ея церковной жизни. По постановкѣ вопросовъ на этихъ собраніяхъ можно судить о современныхъ потребностяхъ той или другой мѣстной церкви; по рѣшеніямъ ихъ—о направленіи церковной мысли и церковной жизни. Задачи этихъ собраній различны. Одни занимаются обсужденіемъ и рѣшеніемъ всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, могущихъ возникнуть въ данное время въ данной мѣстности, другія берутъ на себя разсмотрѣніе исключительно или преимущественно тѣхъ, или другихъ вопросовъ. Иныя ставятъ предъ собою задачи еще болѣе специальныя, — благотворительныя, миссіонерскія, ученыя, литературныя и пр. въ разныхъ формахъ и сочетаніяхъ. Нѣкоторыя представляютъ родъ праздниковъ, на которыхъ представителей извѣстной церковной об-

щины, или извѣстнаго общества или учрежденія съ религіозно-церковными цѣлями, дѣлятся другъ съ другомъ и публикою результатами, добытыми обществомъ, надеждами и планами въ будущемъ и пр. Но всѣ эти частныя задачи прямо или косвенно сводятся къ одной общей—удовлетворять такъ, или иначе тѣмъ или другимъ потребностямъ мѣстныхъ церквей. Степенью участія въ разрѣшеніи этой общей задачи опредѣляется степень значенія того, или другого собранія для мѣстной церкви. Однѣ изъ этихъ собраній имѣютъ характеръ оффиціальный, другія не оффиціальный. Дальнѣйшія особенности опредѣляются особенностями національныхъ характеровъ, церковнаго устройства, политическаго положенія церквей и пр. Всѣ эти особенности отражаются на организаціи собраній, на формѣ ихъ дѣйствій и на ихъ результатахъ.

На этотъ разъ мы сдѣлаемъ сравнительный обзоръ религіозно-церковныхъ собраній, бывшихъ въ текущемъ году въ трехъ главнѣйшихъ странахъ западной Европы—Германіи, Франціи и Англіи. Этотъ обзоръ всего лучше выяснитъ намѣченныя нами стороны этихъ собраній.

Начнемъ съ Германіи. Мы будемъ говорить только о собраніяхъ въ протестантской Германіи и притомъ тѣхъ, которыя имѣютъ характеръ оффиціальный. Это—большею частію—очередныя годичныя конференціи духовныхъ и свѣтскихъ представителей мѣстныхъ церквей, или церковныхъ округовъ. Программа совѣщаній бываетъ напередъ опредѣлена. Роли напередъ розданы. Одинъ (иногда и два) заготовляютъ разсужденіе, или докладъ по одному очередному вопросу, другой по другому, третій—по третьему и т. д. Дѣло обыкновенно начинается

съ выбора президента изъ числа собравшихся. Выборы этотъ производится самими собравшимися по свободной подачѣ голосовъ. Затѣмъ читается молитва (президентомъ), или поется свящ. гимнъ (всѣми присутствующими), иногда совмѣщается то и другое и засѣданіе открывается. Указанные докладчики (Referent—такъ называются въ Германіи лица, заготовившіе и читающіе свои разсужденія на ту, или другую тему на конференціи) начинаютъ выходить одинъ за другимъ на трибуну и читать свои разсужденія. Въ промежуткахъ между этими чтеніями происходятъ болѣе или менѣе оживленные дебаты о предметѣ чтенія, въ которыхъ могутъ принимать участіе всѣ присутствующіе. Чтенія и пренія оканчиваются постановленіемъ рѣшенія по этимъ предметамъ. Рѣшенія составляются по большинству голосовъ, повергаются на благоусмотрѣніе подлежащихъ властей и входятъ въ силу только послѣ оффиціальнаго утвержденія послѣднихъ.

Самую интересную сторону нѣмецкихъ собраній съ религіозно-церковными цѣлями составляютъ дебаты. Въ нихъ вполнѣ отражаются направленіе и взаимныя отношенія различныхъ богословскихъ или церковныхъ партій, такъ что по нимъ можно судить не только о характерѣ существующихъ въ извѣстной мѣстности богословскихъ направленій, но и объ относительной ихъ силѣ. Чтобы дать понятіе о характерѣ и значеніи дебатовъ, передадимъ съ нѣкоторою подробностью дебатъ по вопросу о катихизисѣ, происходившій на „генеральномъ синодѣ соединенной протестантской церкви въ Пфальцѣ.“ Президентъ синода, консисторіальный директоръ Глазеръ, слѣдующимъ образомъ мотивировалъ вопросъ о катихизисѣ: „нельзя отрицать того, что вве-

дѣйствующій въ настоящее время катихизисъ имѣетъ кое-какіе недостатки и что нуждается въ пересмотрѣ и улучшеніи; но по убѣжденію консисторіи, это — вопросъ не изъ особенно настоятельныхъ. Извѣстно, что составленіе новаго катихизиса сопряжено съ чрезвычайными трудностями, и что теперь нельзя уже возвратиться къ старинному, такъ называемому уніональному катихизису — вотъ два факта, въ которыхъ едва ли возможно сомнѣніе для людей, понимающихъ дѣло. У нашихъ сосѣдей въ Баваріи и въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ, такіе же катихизисы, какъ и у насъ, и однакожъ до сихъ поръ тамъ и не думали серьёзно объ измѣненіи ихъ. Къ этому нужно прибавить, что слишкомъ частая перемѣна церковныхъ учебниковъ имѣетъ свою очень опасную сторону. Поспѣшное принятіе какого нибудь новаго катихизиса безъ всякаго сомнѣнія послужило бы новымъ горючимъ матеріаломъ, новымъ яблокомъ раздора для общества, которое едва лишь успокоилось. Прежде всего мы нуждаемся въ сохраненіи спокойствія, для того, чтобы залечить раны и язвы, нанесенныя нашему обществу несчастными церковными спорами".

Затѣмъ президентъ пригласилъ собравшихся заняться обсужденіемъ вопроса о катихизисѣ „для успокоенія общества".

Послѣ богослуженія, на которомъ произнесена была проповѣдь инспекторомъ Штурцомъ, на II ст. 8 гл. Ев. отъ Іоанна, и выбора секретарей, начались дебаты. Мы пропускаемъ первые четыре дебата — о несоблюденіи нѣкоторыхъ формальностей въ вѣрительныхъ документахъ Франкентальскихъ повѣренныхъ, о реформаціонномъ сборѣ (Reformations-collecte) въ пользу бого-

словскаго конвикта въ Эрлангенѣ, объ учрежденіи проповѣдинческой семинаріи въ Шпейерѣ, о вспомогательной кассѣ для пасторскихъ вдовъ и сиротъ, равно какъ и другихъ учрежденіяхъ въ томъ же родѣ, связанныхъ съ нею, и прямо перейдемъ къ дебатамъ о катихизисѣ, такъ какъ они были оживленнѣе всѣхъ, лучше другихъ выясняютъ характеръ внутреннихъ церковныхъ отношеній въ Пфальцѣ и представляютъ не исключительно мѣстный интересъ, какъ другіе.

Дебаты о катихизисѣ начались съ предложенія докт. Якоба, которое онъ облекъ въ слѣдующую форму: „можно было бы передѣлать катихизисъ согласно съ первоначальными основаніями уніи и учредить для этой цѣли коммиссію изъ 7 членовъ, избранныхъ генеральнымъ синодомъ, и затѣмъ для разсмотрѣнія составленнаго коммиссіей проэкта и для введенія катихизиса созвать чрезвычайный генеральный синодъ". Это предложеніе г. Якобъ обосновалъ такимъ образомъ:

„Новое время существенно отличается отъ временъ реформаціи тѣмъ, что оно болѣе и болѣе сглаживаетъ конфессіональныя разности. Благодаря этому обстоятельству, сдѣлалась возможною унія между двумя евангелическими исповѣданіями, и эта унія, при всемъ своемъ уваженіи къ церковнымъ символическимъ книгамъ, какъ историческимъ свидѣтельствамъ, не считаетъ уже ихъ за норму для своего ученія, а исключительно опирается на св. Писаніе. Если возникшій такимъ образомъ первый уніональный катихизисъ имѣетъ кое-какіе недостатки со стороны своей формы, то во всякомъ случаѣ онъ сдѣлался книгою очень дорогою для общества; содержащееся въ немъ ученіе общество считаетъ истиннымъ, равно какъ и духовныя лица могутъ объ-

явить себя въ пользу этого ученія со всею искренностью. Споры, возникшіе въ соединенной пфальцкой церкви, произвели раздоръ сначала между церковнымъ правительствомъ съ одной стороны, духовенствомъ и синодами съ другой, и потомъ между духовенствомъ и обществомъ. Современный катихизисъ (составленъ въ 1853 г.) былъ плодомъ этого раздора, такъ какъ онъ возвращался къ догматамъ временъ реформаціи, какъ будто раскрытіе содержанія вѣры не подвинулось ни на одинъ шагъ впередъ съ 16 вѣка. Вслѣдствіе этого общество перестало понимать эту книгу и преподавателямъ стоитъ большихъ трудовъ растолковать ее дѣтямъ. Разрывъ между оффиціальнымъ церковнымъ ученіемъ и обществомъ дѣлается все шире и глубже, языкъ катихизиса находится въ такомъ противорѣчіи съ современнымъ образованіемъ, что пробужденіе религіозной жизни и успѣшное движеніе впередъ истинно религіознаго образованія встрѣчаетъ себѣ серьёзное препятствіе въ этой книгѣ". и пр.

Рѣчь г. Якоба раздѣлила членовъ собранія на двѣ равныя партіи. Три духовныхъ депутата, именно: деканъ Дангеймеръ, и пасторы Гельбергъ и Мауеръ высказались за реформу катихизиса въ ограниченной формѣ; три свѣтскихъ депутата — совѣтникъ Рёммихъ, директоръ Беттингеръ и нотарій Гозеусъ напротивъ высказались въ пользу удержанія катихизиса въ его настоящей формѣ. Тѣ и другіе вошли въ собраніе особыми записками, въ которыхъ изложили основанія своего мнѣнія. Основанія свѣтскихъ членовъ съ сущности сводились къ тому, что а) нѣтъ настоятельной нужды въ передѣлкѣ катихизиса и б) что настоящее время не благопріятствуетъ такимъ передѣлкамъ.

Духовные депутаты изложили свои основанія въ та-

кой формѣ: „Принимая во вниманіе: 1) что относительно формальныхъ недостатковъ катихизиса, находящагося въ употребленіи въ настоящее время, не обманываютъ себя и самые его приверженцы; 2) что онъ написанъ языкомъ не употребительнымъ въ настоящее время и всего менѣе понятнымъ для дѣтей, такъ что усвоеніе его обыкновенно дѣлается механическимъ и притомъ утомительнымъ дѣломъ памяти, при чемъ сердце остается совершенно холоднымъ; 3) что огромное большинство членовъ общества, усвоившихъ себѣ духъ стараго уніональнаго катихизиса, настоящимъ катихизисомъ такъ же мало могутъ быть довольны, какъ и новою книгою церковныхъ пѣсней (Gesangbuch), и поэтому приняли его только съ внутреннимъ недовольствомъ и терпятъ его до сихъ поръ съ глубокимъ нерасположеніемъ; 4) что это настроеніе проникаетъ собою обширнѣйшій кругъ соединенной церкви во всѣхъ сословіяхъ и классахъ; вслѣдствіе этого общество, давно уже съ нетерпѣніемъ ожидающее улучшеній въ этомъ отношеніи, довѣрчиво и съ увѣренностью ждетъ ихъ отъ генеральнаго сунода; 5) нижеподписавшіеся отъ души желаютъ спокойствія и мира въ обществѣ, но что они не могутъ питать себя надеждою на сохраненіе спокойствія и укрѣпленіе мира, если не будетъ обращено вниманіе на удовлетвореніе такой глубокой потребности; 6) что при существующемъ возбужденіи умовъ одинаково опасны, какъ большая медленность, такъ и излишняя торопливость—

Нижеподписавшіеся полагаютъ, что необходимо устроить коммиссію, составленную изъ 3 духовныхъ и 3 свѣтскихъ членовъ, и поручить ей составить проектъ новаго катихизиса.

Основанія, изложенныя въ этой запискѣ, деканъ Дангеймеръ обстоятельно раскрылъ въ своей рѣчи, произнесенной въ засѣданіи 27 ноября (9 декабря) прошедшаго года.

Изъ рѣчи г. Дангеймера мы узнаемъ, между прочимъ, что вопросъ о катихизисѣ занимаетъ собою не одинъ Пфальцъ, а и Баденъ, Ганноверъ и протестантскія мѣстности въ Баваріи. Причину этого явленія г. Дангеймеръ видитъ въ томъ, что оба старые катихизиса Лютеровъ и Гейдельбергскій, равно какъ и катихизисы 1821 и 1853 г. не могутъ уже болѣе удовлетворять ни духу нашего времени, ни способностямъ дѣтей.

Неудовлетворительность катихизиса 1853 г. въ двухъ указанныхъ отношеніяхъ подробно раскрылъ въ своей рѣчи пасторъ Маурѳръ, говорившій вслѣдъ за Дангеймеромъ. По мнѣнію г. Маурера, катихизисъ представляетъ неодолимыя трудности для дѣтей во многихъ своихъ вопросъ и отвѣтахъ. Въ подтвержденіе онъ указалъ между прочимъ на 33 вопросъ: „какое утѣшеніе доставляетъ тебѣ св. зачатіе и рожденіе І. Христа? Отвѣтъ: то, что Онъ — нашъ Посредникъ и Своею невинностію и совершеннѣйшею святостію прикрываетъ предъ лицемъ Божіимъ мои грѣхи, въ которыхъ я зачатъ“. Что же касается до неудовлетворительности катихизиса со стороны раскрываемыхъ въ немъ богословскихъ понятій, то г. Мауреръ видитъ ее въ томъ, что онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія богословскихъ воззрѣній 16 вѣка, тогда какъ новѣйшая теологія во многихъ пунктахъ расходится съ этими воззрѣніями: „теперь, по словамъ оратора, не считаютъ уже покаянія таинствомъ; не производятъ уже физическаго

зла отъ діавола; не вѣритъ уже, что онъ владычествуетъ надъ людьми и держитъ въ своей власти тѣхъ, которые не возрождены чрезъ Христа"...

Въ томъ же смыслѣ высказались послѣ г. Маурера док. Якобъ, деканъ Риттеръ, купецъ Ротгаасъ, пасторы Гоферъ и Гельбертъ и деканъ Вайцель. Первый особенно напиралъ на разрывъ между церковью и обществомъ, стараясь доказать, что причиною этого разрыва служитъ отсталость церкви: „обвиняютъ нашихъ современниковъ въ отчужденіи отъ церкви, но церковь въ значительной мѣрѣ сама виновата въ этомъ. Не обращая никакого вниманія на духъ времени, не обращая вниманія на форму, въ которой христіанство должно находить доступъ къ сердцу народа, церковь стала въ противорѣчіе со всей жизнію культуры и съ нравственнымъ принципомъ христіанства... Если вы хотите, чтобы образованная часть общества не отдѣлялась отъ церкви, то не должны пренебрегать долѣе безмѣрными пріобрѣтеніями нашего столѣтія; не заключайте духъ христіанства въ тѣсныя воззрѣнія мужей реформаціи, которые и сами не хотѣли, чтобы ихъ считали органами мысли на всѣ послѣдующія времена. Не по страсти къ нововведеніямъ, а по живому интересу къ самой церковной жизни, мы сдѣлали свое предложеніе (о реформѣ катихизиса)".

Представители консервативной партіи защищали свое мнѣніе о неизмѣнности существующаго катихизиса: а) съ *догматической* точки зрѣнія (деканъ Линкеръ и пасторъ Цапфъ) тѣмъ, что это измѣненіе, судя по духу заявленныхъ ораторами противной стороны требованій, поведетъ къ измѣненію въ догматахъ, чего пфальцкая церковная община допускать не должна; б) съ *практи-*

ческой (совѣтникъ Рёмихъ) тѣмъ, что по безпристрастномъ разсмотрѣніи всего, что можно сказать *за* и *противъ* своевременности, умѣстности и необходимости измѣненія катихизиса, отвѣтъ долженъ быть отрицательный (онъ впрочемъ не отрицалъ того, что катихизисъ имѣетъ свои недостатки, но находилъ только, что исправленіе этихъ недостатковъ нужно отложить до другого болѣе благопріятнаго времени); в) съ *педагогической* (деканъ Голленштейнеръ) тѣмъ, что катихизисъ написанъ библейскимъ языкомъ и такимъ образомъ можетъ служить хорошимъ пособіемъ для дѣтей къ пониманію языка библіи, съ другой стороны измѣненіе языка катихизиса можетъ навести къ требованію измѣнить языкъ библіи (на основаніи его непонятности для дѣтей) и такимъ образомъ идя шагъ за шагомъ можно наконецъ совершенно потерять путеводную нить въ вѣрованіяхъ общества; г) съ *юридической* (апелляціонъ—совѣтникъ Кифферъ) тѣмъ, что катихизисъ былъ введенъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій и что вслѣдствіе этого противники катихизиса должны, какъ обвинители его, представить вполнѣ достаточныя противъ него доказательства, а до тѣхъ поръ, пока они этого не сдѣлаютъ, его защитники не имѣютъ причинъ жертвовать имъ ихъ желаніямъ.

Деканъ Шварцъ предостерегалъ отъ лишнихъ экспериментовъ, потому что подобные эксперименты въ школахъ и церкви еще опаснѣе, чѣмъ въ обществѣ, и рекомендовалъ оставить этотъ вопросъ до ближайшаго генеральнаго синода.

Изъ всѣхъ доводовъ и соображеній, высказанныхъ представителями консервативной партіи за statu quo, намъ особенно нравится рѣчь почтеннаго продекана

Нея: „Я уже 25 лѣтъ стараюсь примирять разныя противоположности и съ того времени былъ членомъ всѣхъ генеральныхъ синодовъ безъ изъятія. Но сегодня не нахожу выхода изъ предложенной здѣсь альтернативы. Мнѣ кажется, что вопросъ здѣсь въ томъ, чему евангелическая церковь обязана давать отчетъ въ своей вѣрѣ — символическимъ ли книгамъ, или сознанію времени? Утверждаютъ, что катихизисъ находится въ противорѣчіи съ господствующимъ сознаніемъ времени. Я уже старъ и на своемъ вѣку пережилъ много самыхъ разнообразныхъ сознаній времени. Что выйдетъ изъ церкви, если она будетъ гоняться за духомъ времени, это всего яснѣе видно изъ примѣра свободныхъ нѣмецко-католическихъ обществъ. Въ Мангеймѣ 118 семействъ оставили свободную общину потому, что въ ней отмѣнили крещеніе и евхаристію, какъ противныя духу времени. По этому евангелическая церковь должна отказаться отъ мечты принаровлять свое ученіе къ духу времени и твердо держаться слова Божія... Церковь не можетъ существовать безъ опредѣленно-изложенныхъ вѣрованій. Отдѣльныя лица могутъ высказывать свои убѣжденія безъ особенно вредныхъ результатовъ отъ этого; но хотѣть простирать свободу совѣсти до того, чтобы каждое частное лицо имѣло право включать свое убѣжденіе въ катихизисъ, значило бы сдѣлать катихизисъ не возможнымъ. Настоящее время не благопріятствуетъ измѣненіямъ въ катихизисѣ".

Г. Нея энергически поддерживали деканы Цёллеръ и Линнеръ. При всемъ томъ долгія и жаркія пренія кончились тѣмъ, что генеральный синодъ большинствомъ 34 голосовъ противъ 30 принялъ предложеніе трехъ духовныхъ депутатовъ о ревизіи и передѣлкѣ катихизиса

и постановилъ передать свое рѣшеніе на благоусмотрѣніе высшаго начальства.

Съ своей стороны намъ остается лишь пожалѣть, если реформа катихизиса будетъ произведена въ духѣ прогрессистовъ.

2 и 3-го января текущаго года происходило собраніе въ Штутгартѣ по вопросу о церковномъ устройствѣ и въ частности объ учрежденіи *синода страны* (Landes-synod). На немъ присутствовали до 100 человѣкъ пасторовъ, консисторіальныхъ совѣтниковъ, представителей приходовъ, купцовъ и другихъ частныхъ лицъ подъ предсѣдательствомъ док. Рейтера изъ Канштатта. Послѣ дебатовъ, продолжавшихся 3 часа, было принято слѣдующее рѣшеніе: „сегодня 3 января собраніе христіанъ евангелическаго исповѣданія, принадлежащихъ Виртембергскому королевству, состоявшееся въ Штутгартѣ, единодушно признало: 1) что мѣстная евангелическая церковь имѣетъ нужду въ представительствѣ, которое опиралось бы на избраніи церковныхъ общинъ; 2) что такой *синодъ страны* прежде всего долженъ имѣть право обсуждать церковные вопросы и постановлять по нимъ свои заключенія самостоятельно и подъ руководствомъ имъ самимъ избранныхъ президентовъ, особенно же долженъ имѣть право предлагать желанія церкви церковному правительству и сопровождать своимъ согласіемъ всякую новую мѣру, всякое распоряженіе, касающееся общихъ церковныхъ порядковъ; 3) что опредѣленіе состава такого продолжительнаго (dauernden) церковнаго представительства и его преимуществъ могло бы быть предоставлено не исключительно высшему церковному начальству, а могло бы быть сдѣлано при участіи собранія, составленнаго по

выборамъ изъ равнаго числа духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; правительство должно предложить проэктъ устройства предполагаемаго сvнода про-сvноду (Vor-Synod), а этотъ въ свою очередь долженъ передать его на общее обсужденіе путемъ печати; 4) Выборы въ этотъ *про-сvнодъ* могли бы быть произведены существующими епархіальными сvнодами (Diöcesan Synoden), безъ ограниченія впрочемъ права избранія своими сочленами, или выбранными уже церковными старшинами (Kirchen-Aelteste); 5) Про-сvноду должна быть поручена ревизія постановленій, относящихся къ церковнымъ приходскимъ совѣтамъ и къ епархіальнымъ сvнодамъ.

Далѣе было рѣшено составить комитетъ для дальнѣйшаго веденія этого дѣла, и о состоявшихся дѣйствіяхъ и заключеніяхъ собранія сообщить королю чрезъ министра духовныхъ дѣлъ. Изъ протоколовъ собранія видно, что оно не думаетъ присвоивать *сvноду страны* высшей церковной власти, а только право контроля, какъ органу церкви, долженствующему служить вѣрнымъ отголоскомъ ея желаній и требованій.

По послѣднимъ извѣстіямъ король благосклонно принялъ мысль объ учрежденія проэктируемаго сvнода страны.

Гораздо дальше идутъ въ своихъ проэктахъ по тому же вопросу центральный сvнодъ реформатской церкви въ Ааргау и Бернскій листокъ. 13 февраля означенный сvнодъ обсуждалъ проэктъ новаго (предполагаемаго) устройства Ааргаузской церкви. Къ особенно жаркимъ спорамъ повелъ вопросъ о составѣ сvнода. Большинство членовъ требовало, чтобы предоставлено было безусловное право выбирать въ составъ сvнода кого угодно изъ гражданъ, имѣющихъ право голоса.

Меньшинство настаивало на смѣшанномъ составѣ синода, въ которомъ должны засѣдать съ правомъ голоса духовныя должностныя лица на ряду съ представителями общинъ.

Этотъ духъ безусловнаго демократизма еще сильнѣе проявился въ Бернскомъ кантонѣ. Бернскій листокъ (радикальная газета) предлагаетъ слѣдующія „основанія для реформы въ церковныхъ дѣлахъ, сообразной съ потребностями времени".

1) По принятому основному положенію протестантства — дозволять полную свободу вѣры и совѣсти, — должно быть предоставлено каждому право свободно высказывать свои религіозныя убѣжденія словесно и письменно, и всякая религіозная партія имѣетъ право свободно отправлять свое Богослуженіе въ границахъ нравственности и общественнаго порядка.

2) Никто не долженъ быть принуждаемъ ни къ какому церковному акту. Крещеніе, вѣнчаніе и погребеніе должны быть предоставлены на добрую волю каждаго, какъ и Богослуженіе. Для этой цѣли общество должно ввести у себя гражданскій реестръ (который замѣнялъ бы церковныя метрики и др. книги въ этомъ родѣ) и гражданскій бракъ.

3) Должна быть гарантирована свобода ученія на основаніи принятыхъ церковію общихъ религіозныхъ началъ. Служители церкви должны на этомъ основаніи учить и проповѣдывать христіанскую истину свободно, по своему убѣжденію и по своей совѣсти.

4) По этому церковь не должна обязывать ни своихъ служителей, ни своихъ членовъ ни къ какому спеціально принятому символу, такъ какъ подобное обязательство не совмѣстимо съ вышеупомянутыми положеніями.

5) Церковное устройство должно быть чисто демократическимъ, высшія церковныя власти должны быть прямо избираемы народомъ на собраніяхъ церковныхъ общинъ.

6) Относительно церковныхъ обрядовъ должно быть предоставлено больше свободы, чѣмъ сколько существуетъ ее теперь. Всякой церковной общинѣ должно быть предоставлено право, подъ извѣстными ограниченіями, принятыми церковью, во всемъ остальномъ свободно устроять свое богослуженіе, смотря по своимъ цѣлямъ и потребностямъ.

7) Въ дѣлѣ церковнаго обученія юношества должны быть въ интересѣ религіознаго образованія народа употребляемы такія учебныя пособія, которыя соотвѣтствовали бы потребностямъ и воззрѣніямъ настоящаго времени, равно какъ точкѣ зрѣнія богословской науки, а не противоположными имъ.

8) Равнымъ образомъ церковь должна соглашать свое проповѣдничество съ успѣхами науки и современнаго образованія и не стоять за догматы, которые не соотвѣтствуютъ уже больше ни теологіи, ни убѣжденіямъ образованныхъ людей нашего времени. Въ интересѣ религіознаго образованія народа она должна исправлять суевѣрныя представленія и предразсудки въ народѣ и не скрывать отъ него прочныхъ результатовъ, добытыхъ научными изслѣдованіями.

Странно было бы оцѣнивать весь этотъ проэктъ съ точки зрѣнія положительнаго, т. е. истиннаго ученія нашей православной Церкви о церковномъ устройствѣ. Единственная, примѣнимая къ нему, точка зрѣнія есть практическая его выгода, или не выгода. Но и съ этой точки зрѣнія мы должны признать его положительно

негоднымъ. Разрушительная тенденція, проглядывающая въ каждомъ его словѣ, не можетъ дать изъ себя никакихъ благопріятныхъ, положительныхъ результатовъ. Этотъ проэктъ какъ въ началахъ, такъ и въ результатахъ сходится съ программою „Перваго общаго протестантскаго союза“ (¹).

„Евангелико-лютеранскій провинціальный союзъ въ Силезіи“ держалъ прошедшей осенью свое обычное, чередное засѣданіе (37-е по порядку). Президентъ докт. Дейтшманнъ изъ Биновица прочиталъ предварительно отчетъ „объ отношеніи союза къ церковнымъ стремленіямъ нашего времени“. Изъ этого отчета мы узнаемъ, что цѣль союза состоитъ въ содѣйствіи къ поддержанію во всей неприкосновенности лютеранскаго исповѣданія, обрядовъ, устройства и управленія церковныхъ общинъ. Послѣ разсужденія г. Вестфаля изъ Сеница о формѣ вопросовъ и отвѣтовъ при крещеніи, имѣющаго исключительно мѣстный интересъ, г. Лангъ изъ Штонсдорфа собщилъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ „Христіански-консервативнаго союза учителей въ Неузальцѣ“. Этотъ союзъ основанъ въ предыдущемъ году „съ цѣлію пробуждать и поддерживать христіанскую жизнь и патріотическое чувство ближайшимъ образомъ въ учителяхъ народныхъ школъ, а чрезъ нихъ и въ болѣе обширныхъ кругахъ, и противодѣйствовать опасному стремленію времени къ эмансипаціи, равно какъ укрѣплять самыхъ членовъ союза на борьбу пробужденіемъ и поддержаніемъ въ нихъ сознанія живого христіанскаго общенія и связи другъ съ другомъ“. Изъ словъ г. Ланга видно, что, къ сожалѣнію, союзъ не пользуется тѣмъ участіемъ публики, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ

(¹) См. Христ. Чт. за 1865 г. Ноябрь.

за свои истинно-полезныя и въ высшей степени своевременныя усилія. Причина этому, по мнѣнію г. Ланга, заключается въ скромности задачи, преслѣдуемой союзомъ. Добросовѣстному исполненію союзомъ своей задачи г. Лангъ отдаетъ полную справедливость.

Послѣ обѣда говорилъ г. Фребель изъ Штригау „о миссіи церкви въ смирительныхъ домахъ". Онъ опредѣлилъ: 1) понятіе о миссіи въ темницахъ съ точки зрѣнія лютеранской Церкви, и 2) существенные принципы, вытекающіе изъ основаній лютеранской церкви для этой миссіи и сообразную съ ними ея дѣятельность.

За тѣмъ слѣдовала рѣчь пастора Крюгера изъ Шёнберна объ основныхъ чертахъ лютеранской церковной дисциплины. Она вызвала общее одобреніе и заставила присутствующихъ принять слѣдующее рѣшеніе: „содѣйствовать всѣми, зависящими отъ союза, средствами введенію вновь частной исповѣди, а до тѣхъ поръ стараться вознаградить ея лишеніе, на сколько возможно, поведеніемъ въ истинно-пастырскомъ духѣ".

8 февраля происходило засѣданіе мѣстнаго протестантскаго союза въ Гейдельбергѣ. Предметомъ разсужденій былъ вопросъ объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ. Совѣщанія кончились слѣдующимъ, единодушно принятымъ, опредѣленіемъ: „Введеніе обязательнаго гражданскаго брака во всякомъ государствѣ, признающемъ своимъ основнымъ правиломъ религіозную свободу, составляетъ a) для правительства не оспоримое право, b) для самаго государства—необходимость для поддержанія своей самостоятельности, c) для церкви—условіе для плодотворной дѣятельности въ принадлежащей ей сферѣ".

Совершенно другое рѣшеніе по тому же вопросу приняли католики въ Баденѣ 11 февраля и 23 марта. Они

протестовали противъ словъ г. Экгардта (одного изъ депутатовъ), „что (будто бы) огромное большинство и, безъ сомнѣнія, самая разумная часть баденскаго народа за введеніе гражданскаго брака“. Для передачи въ первую камеру своего протеста, они составили комитетъ, которому поручено также побуждать всѣхъ баденскихъ католиковъ къ представленію въ первую камеру сочувственныхъ объясненій. По ихъ мнѣнію, введеніе обязательнаго гражданскаго брака будетъ нападеніемъ на ученіе католической церкви, попыткою сдѣлать католическій народъ равнодушнымъ къ предписаніямъ своей церкви, мѣрою въ высшей степени опасною, такъ какъ она угрожаетъ нарушить миръ между католиками и протестантами. Кромѣ того протестующіе находятъ, что, при существующихъ обстоятельствахъ, введеніе гражданскаго брака не представляетъ ни малѣйшей необходимости, и что католическій народъ чувствуетъ къ нему положительное отвращеніе. О результатахъ этого протеста мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ свѣдѣній.

Объ оффиціальныхъ годичныхъ собраніяхъ французской реформатской церкви мы говорили въ другомъ мѣстѣ [1]. Теперь скажемъ о неоффиціальныхъ собраніяхъ различныхъ обществъ съ религіозно-церковными цѣлями. Эти собранія составляются тоже разъ въ году; но существенно отличаются отъ оффиціальныхъ и своимъ смысломъ и своей постановкой. Это—своего рода праздники для всего французскаго протестантства. На два милліона протестантовъ во Франціи приходится 18 церковно-религіозныхъ обществъ; каждое изъ этихъ обществъ празднуетъ свое ежегодное собраніе въ Па-

(¹) См. Христ. Чтеніе за 1865 г., декабрь.

рижѣ. На этихъ собраніяхъ обыкновенно читаются отчеты о дѣйствіяхъ общества за прошедшій годъ, проэктируется форма будущихъ дѣйствій и обсуждаются средства къ устраненію замѣченныхъ въ устройствѣ и практикѣ общества недостатковъ и проч. Для уясненія значенія этихъ обществъ для общей религіозно-церковной задачи французскаго протестантства мы сдѣлаемъ коротенькое извлеченіе изъ отчетовъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

Протестантское (реформатское) *центральное общество для евангелизаціи Франціи*. Это общество преслѣдуетъ одну и ту же цѣль съ *евангелическимъ французскимъ обществомъ*, т. е. поставило себѣ задачею служеніе интересамъ протестантства главнымъ образомъ матеріальными субсидіями бѣднымъ церквамъ, постройкою новыхъ, открытіемъ и поддержаніемъ школъ въ протестантскомъ духѣ, содержаніемъ миссіонеровъ и пр. Расходъ его за прошедшій годъ простирался до 184,000 франковъ, приходъ до 198,000 фр. Оно существуетъ 20 лѣтъ и до начала текущаго года давало субсидіи 12 церковнымъ общинамъ (приходамъ), выстроило 29 церквей и основало 25 школъ. Число его евангелизаторскихъ становъ (Evangelisations-station) доходитъ до 61 и на 151 пунктѣ оно совершаетъ богослуженіе на свой счетъ чрезъ своихъ евангелизаторовъ. Кромѣ того оно содержитъ на свой счетъ приготовительную школу для будущихъ духовныхъ лицъ. Въ этой школѣ подготовляется теперь къ духовному званію 16 воспитанниковъ и 32 молодыхъ человѣка оканчиваютъ на его счетъ свое образованіе въ университетахъ Монтобанскомъ, Страсбургскомъ и Женевскомъ. Одинъ благотворитель общества подарилъ ему въ прош-

домъ году новый домъ, въ которомъ можетъ легко помѣститься 30 воспитанниковъ.

Библейское французское общество, отдѣлившееся отъ *протестантскаго библейскаго общества* изъ-за изданія этимъ послѣднимъ либеральныхъ переводовъ библіи и присоединившееся къ старому *французскому и иностранному библейскому обществу* (которое въ свою очередь составляетъ вѣтвь громаднаго *англійскаго общества*), — распространило 6334 экз. Св. Писанія. Доходы его простирались до 34,566 фр.; расходы до 15,428 фр. Британское библейское общество подарило ему библій на разныхъ языкахъ на сумму 12,000 фр. и Американское рѣшило выдать субсидію въ 40,000 фр. для изданія Остервальдовской библіи. Э. де Прессансе, агентъ Британскаго библейскаго общества, сообщилъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности этого общества во Франціи. За послѣдній годъ оно распространило въ этой странѣ при посредствѣ 74 разносчиковъ 92,500 экз. библіи, изъ нихъ 87,000 продано. Вся сумма, затраченная этимъ обществомъ на распространеніе библіи во Франціи въ теченіе 33-хъ лѣтъ, восходитъ до 3,000,000 фр.

Общество для воскресныхъ школъ поддерживало 700 такихъ школъ, гдѣ обучалось 30,000 учениковъ. Издержки его простирались до 28,093 фр.; доходы до 30,977 фр., долгъ до 50,000 фр. Во Франціи воскресныя школы оказываются особенно благодѣтельными потому, что здѣсь школьное образованіе необязательно. Число изданныхъ и распространенныхъ этимъ обществомъ полезныхъ книгъ и брошюръ простирается до 70,000 экз.

Годичное собраніе *общества исторіи французскаго протестантства* подъ предсѣдательствомъ г. Гизо происходило при многочисленномъ стеченіи публики, привле-

ченной его именемъ. Г. Гизо открылъ собраніе рѣчью, въ которой указалъ важность цѣли общества. Эта цѣль, по словамъ почтеннаго президента, состоитъ въ томъ, чтобы отыскивать документы, относящіеся къ церковной исторіи французскаго протестантства въ 16, 17 и 18 столѣтіяхъ и обнародовать ихъ чрезъ журналъ общества Bulletin. „Въ письменныхъ памятникахъ—по словамъ г. Гизо—говоритъ ихъ время, движутся и самымъ нагляднымъ образомъ отражаются историческія личности, снова оживаютъ предъ нашими глазами, гораздо лучше, чѣмъ въ блестящихъ разсказахъ ученыхъ. Собранія этого рода будутъ занимать первое мѣсто во всѣхъ частяхъ исторіи. Они имѣютъ двоякое преимущество: даютъ намъ истинную исторію, истинный образъ того, чего уже нѣтъ больше и чрезъ это пробужденіе прошедшаго пробуждаютъ на долгое время думы, которыя не должны исчезать....“

Заключаемъ обзоръ парижскихъ религіозныхъ собраній двумя собраніями обществъ, посвятившихъ себя народному образованію. Это—*общество воскресныхъ школъ* и *общество для поощренія элементарнаго обученія*. Первое изъ этихъ обществъ издаетъ два дѣтскихъ журнала (Le journal des Ecoles и Le Musée des enfants) кромѣ большаго количества дѣтскихъ книгъ. Годичное собраніе этого общества составляетъ истинный праздникъ для дѣтей. Они собираются тысячами въ громадномъ наполеоновскомъ циркѣ (cirque Napoleon) со своими родственниками, руководителями и членами общества. Тутъ поются церковные гимны и разсказываются разные случаи изъ миссіонерской жизни. На послѣднемъ годичномъ собраніи очень интересовалъ дѣтей Оранжскій миссіонеръ Арбуссе (Arbousset) своими разсказами и

своимъ соломеннымъ отаитскимъ плащемъ, въ который онъ былъ одѣтъ. Не лишенъ также своего интереса слѣдующій эпизодъ этого собранія: президентъ собранія пасторъ Помье (Paumier), разсказывалъ дѣтямъ объ освобожденныхъ американскихъ неграхъ, и между прочимъ сказалъ, что если бы всѣ протестантскія воскресныя школы во Франціи пожертвовали отъ себя по 10 франковъ каждая для облегченія жалкаго положенія освобожденныхъ негровъ, то составилась бы сумма въ 6,000 фр., на которую можно было бы сдѣлать много хорошаго. Не успѣлъ онъ кончить своихъ словъ, какъ одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ пасторовъ поспѣшилъ вручить ему 10 франк. отъ имени своей воскресной школы. Многіе изъ его собратій послѣдовали его примѣру, и не больше какъ въ 5 минутъ, передъ президентомъ лежало уже 350 франковъ.

Изъ отчета Общества для поощренія элементарнаго обученія, читаннаго въ годичномъ его собраніи, мы узнаемъ нѣсколько интересныхъ подробностей о состояніи народнаго образованія во Франціи. Авторъ отчета на основаніи, обнародованной министромъ народнаго просвѣщенія, сравнительной таблицы, показывающей состояніе грамотности въ разныхъ департаментахъ, приводитъ слѣдующія данныя для уясненія этого важнаго вопроса: оказывается, что на 100 молодыхъ людей отъ 20 до 25 лѣтняго возраста въ 25 департаментахъ приходится 66 безграмотныхъ, въ 8: 40, въ 13: 35, въ 9: 30, въ 6: 25, въ 8: 20, въ 6: 15, въ 10: 10, въ 4: 5. Послѣдніе 14 департаментовъ, въ которыхъ народное образованіе стоитъ на высшемъ уровнѣ въ сравненіи съ другими, всѣ, за исключеніемъ Сенскаго департамента, лежатъ на восточной границѣ въ сосѣдствѣ

съ Германіей и Швейцаріей, т. е. тѣ, въ которыхъ оно стоитъ на низшей сравнительно степени, находятся въ центрѣ и на западѣ государства. Среднимъ числомъ безграмотныхъ въ настоящее время во Франціи приходится 34 на 100; въ 1831 году приходилось 54 на 100; такимъ образомъ за 24 года народное образованіе здѣсь сдѣлало значительный прогрессъ. На 100 браковъ въ 45 брачныя пары не могутъ сами подписать своего имени.

Англійскія религіозно-церковныя собранія [1] мы опишемъ словами очевидца.

„Я началъ посѣщеніе Майскихъ митинговъ, пишетъ корреспондентъ Neue Evangelische Kirchenzeitung, съ большими надеждами и потому-то, вѣроятно, — напередъ каюсь въ этомъ — нѣсколько обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Эти собранія характеризуютъ собою одинъ изъ видовъ христіанской благотворительности Англіи, даютъ возможность бросить взглядъ на величавые труды, предпринимаемые въ этой странѣ для преспѣянія царства Божія въ различныхъ сферахъ, онѣ представляютъ случай видѣть, узнать и изучить много интересныхъ личностей; но съ своей стороны я нахожу, что напр. Апрѣльскія конференціи въ Парижѣ [2] и церковныя собранія въ Эдинбургѣ гораздо значительнѣе и интереснѣе, и даже поучительнѣе для пониманія церковныхъ отношеній этихъ странъ. Это впрочемъ понятно само собою: шотландскія собранія представляютъ собою тѣ церкви, выборные которыхъ на нихъ присутствуютъ,

(¹) Такъ какъ они происходятъ обыкновенно въ Маѣ, то и называются Майскими собраніями—May-Meetings.

(²) Авторъ разумѣетъ оффиціальныя собранія французской реформатской церкви. См. Христ. Чтен. за 1865 годъ. Декабрь.

обсуживаютъ и рѣшаютъ важнѣйшіе вопросы; парижскія конференціи разсуждаютъ по крайней мѣрѣ о принципахъ, и такимъ образомъ даютъ возможность составить себѣ понятіе о разныхъ партіяхъ французской протестантской церкви и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Напротивъ, на здѣшнихъ Майскихъ митингахъ исключены всякія разсужденія; здѣсь даютъ публикѣ отчетъ о заранѣе извѣстномъ ей предметѣ, и нѣсколько человѣкъ читаютъ потомъ болѣе или менѣе длинныя рѣчи, которыя или дополняютъ прочитанный отчетъ нѣкоторыми подробностями, или стараются заинтересовать участвующихъ въ его пользу. Имена ораторовъ, а часто и содержаніе ихъ рѣчей напередъ бываетъ извѣстно. Въ началѣ и въ концѣ засѣданій обыкновенно читаютъ молитвы и поютъ церковныя пѣсни; иногда и въ срединѣ въ видѣ перерыва прозвучитъ какой нибудь гимнъ. Такимъ образомъ эти собранія легко впадаютъ въ своего рода монотонность, тѣмъ болѣе, что всѣ ораторы болѣе или менѣе разсчитываютъ свои рѣчи на однѣ и тѣ же особенности Англійской публики; достаточно побывать на двухъ-трехъ митингахъ, чтобы довольно вѣрно умѣть потомъ напередъ опредѣлить, чего ожидать вамъ отъ всѣхъ остальныхъ."

„Упомянутыя сейчасъ особенности такого рода, что нѣмецъ съ трудомъ ладилъ бы съ ними. Прежде всего васъ поражаетъ то, что отчеты звучатъ слишкомъ ужъ пріятно; очевидно, они болѣе или менѣе украшены: о темныхъ сторонахъ говорится только вскользь или онѣ представляются сравнительно незначительными. Мнѣ отъ разныхъ лицъ приводилось слышать, что англійская публика именно такіе отчеты и любитъ слушать, ей хочется полюбоваться и порадоваться на громадные ре-

зультатъ, достиженію которыхъ она со своей стороны содѣйствуетъ; тогда только она будетъ расположена и впередъ на жертвы и иногда дѣйствительно необыкновенныя. Этому требованію вполнѣ соотвѣтствуетъ и поведеніе публики; благопріятные отчеты и особенно громадныя цифры обыкновенно привѣтствуются шумными рукоплесканіями, на самомъ же дѣлѣ эти цифры очень не многое означаютъ. Если напр. выставляется число визитовъ, сдѣланныхъ городскими миссіонерами въ теченіе года, то во всякомъ случаѣ это число высмотритъ безмѣрно громаднымъ; но, какъ увѣряли меня, многіе изъ этихъ визитовъ состоятъ въ томъ, что миссіонеръ входитъ въ домъ и оставляетъ какой нибудь трактатъ (печатный). То же самое нужно сказать и о громадной массѣ книгъ и брошюръ, распространяемыхъ библейскими обществами и обществами трактатовъ. Такъ какъ разнощики часто за тѣмъ только и ходятъ, чтобы разнести ихъ въ возможно большемъ количествѣ, не заботясь о томъ, желаютъ ли принимать эти книги или нѣтъ и принимаютъ ли ихъ дѣйствительно, то число сбытыхъ сочиненій долеко не можетъ служить показателемъ дѣйствительно достигнутыхъ результатовъ. Правда, выставлять дѣло въ наилучшемъ свѣтѣ любятъ болѣе или менѣе всѣ секретари всѣхъ христіанскихъ обществъ, даже не желая и не замѣчая этого, но я увѣренъ, что въ Германіи этотъ недостатокъ не такъ бросается въ глаза, какъ въ Англіи. Шумные аплодисменты съ топаньемъ ногами и хлопаньемъ въ ладоши въ подобныхъ собраніяхъ для насъ нѣмцевъ имѣютъ что то странное. Правда, не рѣдко случается, что простое одобреніе публики, которымъ она поощряетъ начинающаго проповѣдника, если онъ спутается, даетъ ему время и случай снова

собраться съ мыслями. Некоторыя лица приготовляють такимъ образомъ прежде, чѣмъ они начнутъ говорить. Но еще труднѣе для насъ найтись въ своеобразномъ смѣшенiи серьёзности и юмора, характеризующемъ собою эти англiйскiе митинги. Приправлять рѣчь остротами и каламбурами здѣсь дѣло обыкновенное; публика апплодируетъ по заведенному порядку, и мнѣ разсказывали, что нерѣдко это—единственное средство для оратора перевести духъ и что публика такъ и понимаетъ эти вставки. Но нигдѣ это смѣшенiе серьёзнаго съ забавнымъ не выдавалось такъ рѣзко и своеобразно, какъ на митингѣ primitiv methodist missionary society (первоначальнаго методистскаго миссiонерскаго общества). Этотъ митингъ происходилъ въ очень помѣстительной церкви Спуржона (называемой tabernacle). Въ ней отъ 5 до 6000 мѣстъ и всѣ были заняты. Нѣкоторыя дамы забрали съ собой своихъ дѣтей и даже грудныхъ младенцовъ, которые своимъ крикомъ не мало мѣшали присутствующимъ. Уже господинъ, читавшiй отчетъ, или лучше сказать не столько читавшiй, сколько выкрикивавшiй его и тѣмъ приводившiй публику въ веселое расположенiе духа, вставилъ нѣсколько остротъ и шутокъ въ свой отчетъ. Другiе ораторы слѣдовали его примѣру, что было тѣмъ удивительнѣе, что ихъ рѣчи имѣли по преимуществу характеръ назидательный, такъ что были похожи на библейскiе уроки. Чувствуется особенное впечатлѣнiе, когда особенно убѣдительныя мѣста публика сопровождала выраженiями живѣйшаго удовольствiя: одни хлопали въ ладоши, или стучали ногами и палками, другiе во все горло кричали be it so! или Blessed be he! или Amen! въ знакъ своего согласiя. Но если эти остроты и шутки понятно вызывали искреннiй

смѣхъ въ собраніи, то на мое нѣмецкое чувство онѣ дѣйствовали въ высшей степени непріятно. Напр. одинъ ораторъ говорилъ о величіи любви Божіей, явленной во Христѣ и о томъ, что ничто не дѣйствуетъ такъ могущественно на человѣческое сердце, какъ проявленіе этой любви. Это объяснилъ онъ потомъ слѣдующимъ образомъ: „во всю жизнь, я не плакивалъ. Я потерялъ жену, дѣтей, родителей, не заплакавши. И въ дѣтствѣ я не плакивалъ, за исключеніемъ, развѣ тѣхъ случаевъ, когда моя мать сѣкла меня розгами. Но когда я слышу, что Христосъ за меня умеръ, я плачу". Шутка произвела въ публикѣ взрывъ хохота, а заключеніе было встрѣчено общимъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Подобныя вещи, на нашъ вкусъ, очень неумѣстны въ церкви; хотя и то сказать — tabernacle Спурджона больше похожа на концертную залу, чѣмъ на церковь. Но собраніе, повидимому, смотритъ на всѣ эти выходки совсѣмъ иначе; многіе, кажется, за тѣмъ собственно и пришли, чтобы позабавиться этими выходками. Эта грубая, нескладная манера составляетъ впрочемъ, какъ увѣряли меня, характеристическую особенность primitiv methodists. Дѣйствительно, какъ я сказалъ, ни на одномъ митингѣ мнѣ не приходилось встрѣчать этого смѣшенія серьёзности съ юморомъ въ такихъ размѣрахъ, какъ здѣсь, но я долженъ сказать, что все таки оно въ англійскомъ характерѣ вообще".

„Если я до сихъ поръ выставлялъ на видъ особенно тѣ стороны этихъ митинговъ, которыя вызываютъ осужденіе нѣмецкихъ наблюдателей, то не могу не упомянуть и о томъ, что я замѣтилъ прекраснаго и утѣшительнаго въ этомъ случаѣ, именно: о высокой готовности на жертвы, о живомъ участіи публики къ массѣ

евангелически-христіанскихъ дѣлъ, и широтой сердечной, стремящейся на помощь всюду, гдѣ существуетъ душевная нужда, и потому за печальными скорбями необъятнаго города не только не забывающей отдаленныхъ дикарей, но и стремящейся повсюду о дѣлѣ Господа съ живою ревностью, и на континентѣ и повсюду протягивать руку помощи. Достаточно упомянуть напр. о томъ, что Ragged-school-society содержитъ на свой счетъ въ Лондонѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ до 700 недѣльныхъ и воскресныхъ школъ, въ которыхъ получаютъ христіанское школьное образованіе до 60,000 бѣдныхъ дѣтей, и что это же самое общество, недавно имѣвшее свои школы на пять миль отъ Лондона, теперь расширило сферу своей дѣятельности на 24 мили (англійскихъ); далѣе, довольно упомянуть о томъ, что одно миссіонерское общество primitiv methodists располагаетъ ежегоднымъ бюджетомъ въ 15,000 фунтовъ стерлинговъ (1), что лондонское миссіонерское общество содержитъ до 400 миссіонеровъ. Одинъ громадный Exeter-Hall, наполненный людьми всякаго званія, людьми, обнаруживающими живѣйшій интересъ къ христіанскимъ цѣлямъ, способенъ произвести на васъ самое сильное впечатлѣніе, особенно если вы представите себѣ, что одновременно съ нимъ, или по крайней мѣрѣ въ одинъ и тотъ же день происходитъ 3—4 столь же многолюдныхъ митинга въ другихъ мѣстахъ. Повсюду, надъ всѣми этими христіанскими стремленіями, особенно въ области внутренней миссіи, паритъ благородный Earl of Schaftesbury; онъ не только даетъ этимъ формамъ христіанской благотворительности свое имя и при случаѣ свои

(1) Фунтъ стерлинговъ стоитъ на наши деньги 6 р. 28 к., а по теперешнему состоянію курса больше 8 р.

[illegible] теперь и свое время [illegible] царствія Божія. Онъ самъ ходитъ въ Ragged-schools, принимаетъ участіе въ личныхъ работахъ, и пр., и вслѣдъ за нимъ и другіе члены аристократическихъ семействъ принимаютъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Младшіе члены дворянства, какъ извѣстно, посвящающіе себя большею частію духовному званію, служатъ часто посредниками по этимъ дѣламъ между духовенствомъ и народомъ, стараются знакомиться съ тѣми нуждами, которыя лежатъ на этомъ послѣднемъ тяжкимъ бременемъ и настоятельно требуютъ помощи болѣе обезпеченныхъ и развитыхъ сословій».

«Въ видѣ дополненія къ характеристикѣ англійской церковной дѣятельности упомянемъ еще объ одномъ оригинальномъ собраніи съ религіозною цѣлію, происходившемъ въ Лондонѣ, въ текущемъ году. На это оригинальное собраніе приглашали не менѣе оригинальнымъ воззваніемъ. Вотъ оно въ буквальномъ переводѣ: „Воры, воры, воры! приходите въ публичное собраніе, которое имѣетъ быть въ ближайшій вторникъ вечеромъ въ миссіонерскомъ домѣ Turnmill-street, Clerkenwell. Одинъ выпущенный на волю преступникъ и три другихъ мошенника будутъ произносить рѣчи. Начало въ семь часовъ. За входъ ничего не платитъ". Кромѣ этого приглашенія, которое было напечатано въ газетахъ, были отправлены еще настоятельныя письменныя приглашенія къ извѣстнѣйшимъ преступникамъ, а нѣкоторые другіе получили личныя приглашенія въ своихъ квартирахъ — явиться въ собраніе. Въ назначенный часъ зала собранія, въ которой могло помѣститься до 400 человѣкъ, была до того переполнена, что оказалось нужнымъ открыть другое собраніе въ другой части зда-

нія для тѣхъ, которые не могли помѣститься въ первой залѣ. Не смотря на то, значительная толпа людей должна была возвратиться назадъ, потому что для нея не нашлось мѣста и въ этой залѣ. Въ половинѣ 8-го часа оба эти собранія, состоявшія почти поровну изъ мужчинъ и женщинъ, открыты были молитвою и пѣніемъ священныхъ пѣсней.

Вдругъ буйная толпа мужчинъ и школьниковъ ворвалась въ собраніе съ дикими криками. Образовался страшный безпорядокъ, и нужно было много времени комитету для того, чтобы водворить спокойствіе. Но послѣ этого порядокъ уже не прерывался, и большинство собравшихся слушали съ замѣтнымъ вниманіемъ и многіе даже со слезами на глазахъ произносимыя рѣчи. Только разъ, одинъ совершенно пьяный человѣкъ нарушилъ общую тишину, но и то его сосѣдъ сильною рукою тотчасъ же выставилъ его за дверь. Г. Катглинъ, секретарь внутренней миссіи, разсказывалъ о своихъ наблюденіяхъ и опытахъ въ этой сферѣ, поразительными красками описывалъ жалкое состояніе мошенника въ самые счастливые дни его жизни, и примѣнивши къ нему очень ловко извѣстныя слова свящ. писанія—мани, факелъ, фаресъ, сдѣлалъ очень серьёзное внушеніе присутствующимъ обратиться и начать лучшую, болѣе счастливую жизнь. О впечатлѣніи, произведенномъ его словами на слушателей, можно судить по импровизованной молитвѣ, которую подъ вліяніемъ ихъ произнесъ одинъ молодой человѣкъ, находившійся въ собраніи, и, вслѣдъ за чтеніемъ начала изъ библіи, обратившійся преступникъ безъискуственною рѣчью разсказалъ исторію своего паденія и обращенія. Затѣмъ слѣдовала молитва и пѣніе священной пѣсни,

послѣ чего собраніе разошлось мирно и совершенно спокойно.

Мы не думаемъ, чтобы подобный опытъ могъ удаться въ какой нибудь другой странѣ (за исключеніемъ развѣ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ), кромѣ Англіи.

Оставляя до иного раза обзоръ другихъ обществъ и ихъ собраній за неимѣніемъ мѣста, мы остановимся на нѣсколько минутъ на предполагаемомъ участіи евангелическихъ миссіонерскихъ обществъ въ всемірной парижской выставкѣ, имѣющей быть въ будущемъ 1867 г.

Вотъ подробности объ этомъ предполагаемомъ участіи, заимствованныя нами изъ письма г. Казали, директора евангелическаго миссіонерскаго института въ Парижѣ къ редактору «Христіанскаго архива» (Archives du Christianisme):

„Вѣроятно, не безъинтересно будетъ узнать многимъ, что протестантскія миссіи появятся на выставкѣ въ слѣдующемъ году.

„Въ самомъ дѣлѣ стоитъ показать, что такое въ религіозномъ, промышленномъ и соціальномъ отношеніи тѣ народы, которые наши миссіи предприняли обновить, равно какъ стоитъ дать представленіе о томъ, что сдѣлали наши миссіи между ними.

„Съ этою цѣлію сдѣлано предложеніе, чтобы иностранныя миссіонерскія общества выбрали и прислали въ комитетъ евангелическихъ миссій въ Парижѣ, какъ своихъ представителей, такъ и элементы для составленія возможно полнаго и разнообразнаго музея.

„Сюда относятся: идолы и другія составныя части языческаго богослуженія, одежда, посуда, оружіе, снимки съ жилищъ тѣхъ народовъ, переводы библіи и другія, обнародованныя миссіонерами сочиненія религіоз-

иного научнаго содержанія, экземпляры журналовъ, напечатанныхъ при „миссіонерскихъ станахъ", статистическія таблицы, карты, работы цивилизованныхъ христіанствомъ и обращенныхъ языческихъ народовъ, и наконецъ предметы, могущіе пролить свѣтъ на естественныя особенности и исторію мѣстностей, въ которыхъ трудятся миссіонеры.

„Нѣкоторыя изъ значительнѣйшихъ иностранныхъ обществъ выразили уже дѣятельное сочувствіе къ этому плану. Равнымъ образомъ императорская коммисія выставки одобрила его и обѣщала всячески его поддерживать. По ея просьбѣ, предложенный нами г. Томасъ Верне сдѣланъ членомъ императорской коммисіи по министерскому распоряженію, для того, чтобы совмѣстно съ директоромъ миссіи заправлять всѣми дѣлами, относящимися къ миссіонерскому музею; для всего этого отведено просторное помѣщеніе".

Послѣ нѣсколькихъ разсужденій, имѣющихъ цѣлію оправдать участіе миссій въ всемірной выставкѣ, г. Казали продолжаетъ:

„Наша выставка можетъ служить сильною апологіею тѣхъ частей человѣческой семьи, которыя подвержены столь многимъ опасностямъ, благодаря притѣсненіямъ и презрительной невнимательности со стороны христіанскихъ образованныхъ народовъ. Видъ хорошаго, прочнаго ножа, сдѣланнаго въ готтентотской мастерской въ долинѣ благодати (Gnadenthal), корзины, наполненной превосходной пшеницей, снятой бывшимъ каннибаломъ изъ Лессуто, прекрасной, написанной перомъ Эскимоса, страницы журнальной статьи о религіозныхъ, или соціальныхъ вопросахъ, сочиненной обращеннымъ Индусомъ... долженъ громко говорить нашей цивилизаціи,

мало [illegible] своихъ [illegible] своихъ [illegible] сдѣлать [illegible] существа, которые одинъ видъ тебѣ противенъ, некотораго [illegible], ты [illegible] воспрещаешь потому только, что онѣ стоятъ на дорогѣ у твоей алчности! Но много терпѣнія, не много человѣчности, не много справедливости, [illegible] больше миссіонеровъ, одушевленныхъ Духомъ Божіимъ,— и ты будешь краснѣть за свою политику, которая часто бываетъ фальшивѣе политики варваровъ, которыхъ ты хочешь оттереть отъ ихъ собственности; ты будешь краснѣть за свои пушки и картечи, будешь спрашивать саму себя, какимъ образомъ могло случиться, что въ то время какъ ты съ такимъ рвеніемъ разрабатываешь всѣ матеріальныя силы и богатства природы, до сего времени такъ мало прилагала усердія къ поддержанію различныхъ племенъ, которыя всевѣдущее Провидѣніе приготовило для гармоническаго развитія плановъ, предначертанныхъ Имъ для своей славы и блага человѣчества...“.

Изъ литературнаго богословскаго міра мы имѣемъ сообщить нашимъ читателямъ капитальную новость. Исидоръ Момбертъ, ректоръ церкви св. Іоанна въ Ланкастерѣ (въ Пенсильваніи), думаетъ издавать съ начала будущаго 1867 года энциклопедическій богословскій словарь подъ названіемъ: Encyclopaedia theologica et ecclesiastica (богословская и церковная энциклопедія). Издатель надѣется совмѣстить въ ней всѣ лучшія особенности Real-Encyclopedie Герцога, Realwörterbuch Винера и Dictionary of the Bible Смита. Все изданіе предполагается совмѣстить въ 18-ти томахъ большаго (лексиконнаго) формата. Всѣ богословскія знаменитости Германіи, Франціи, Англіи, Америки и другихъ странъ

привлечены къ участію въ этомъ громадномъ предпріятіи. Книги будутъ печататься и выходить одновременно въ Англіи и Америкѣ. Если это предпріятіе осуществится въ тѣхъ размѣрахъ и съ тѣми достоинствами, какія надѣется придать ему г. Мейберсъ, то, безспорно, оно будетъ очень крупнымъ явленіемъ въ ученомъ богословскомъ мірѣ.

И. Троицкій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ ХОЗЯЙСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ.

Съ разрѣшенія Святѣйшаго Сѵнода, въ Сѵнодальныя книжныя лавки въ С.-Петербургѣ и Москвѣ поступили въ продажу изданія бывшаго Библейскаго Общества:

На Русскомъ языкѣ:

Первыя восемь книгъ БИБЛІИ (1-я часть) въ 8 д. въ пер. бум., по 30 к.

ПСАЛТИРЬ, въ 12 д., а) мелкой печати: въ кож. пер. по 25 к., въ лучшемъ кор. пер. по 20 к., въ обыкнов. кор. пер. по 15 к., и б) крупной печати: въ кож. пер. по 30 к., въ кор. пер. по 25 к.

НОВЫЙ ЗАВѢТЪ въ 8 и 12 д. въ лучшемъ кож. пер. по 70 к., въ обыкнов. кож. пер. по 50 к.

На Славяно-Русскомъ:

НОВЫЙ ЗАВѢТЪ: въ 2-хъ кн., въ кож. пер. по 1 р., въ 1-й кн.—75 к.

ЕВАНГЕЛІЕ отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна и Дѣянія Св. Апостоловъ, въ кож. пер. по 50 к.

ЕВАНГЕЛІЕ 4-хъ Евангелистовъ, Дѣянія и 10 посланій Святыхъ Апостоловъ, въ кож. пер. по 70 к.

ЕВАНГЕЛІЕ отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, въ кож. пер. по 50 к.

ДѢЯНІЯ Св. Апостоловъ, въ саф. пер. по 80 к., въ кор. пер. по 25 к.

ОДИННАДЦАТЬ Посланій Апостольскихъ и Откровеніе Св. Іоанна Богослова, въ кор. пер. по 15 к.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ"

въ 1867 году.

Какъ и прежде, редакція будетъ имѣть цѣлію удовлетворять, по возможности, требованіямъ такихъ читателей, которые ищутъ въ духовныхъ изданіяхъ не одного общеназидательнаго чтенія, но обстоятельнаго знакомства съ богословскими знаніями и съ предметами, относящимися къ области религіи.

Редакція съ благодарностію приметъ статьи постороннихъ лицъ и дастъ имъ мѣсто въ журналѣ, если найдетъ ихъ соотвѣтствующими цѣли изданія.

Подписка принимается преимущественно въ редакціи журнала при Кіевской Духовной Академіи; а также въ Москвѣ у книгопродавца А. И. Ѳерапонтова; въ Петербургѣ, у книгопродавцевъ С. И. Литова и Д. Е. Кожанчикова.

Цѣна за годовое изданіе журнала (12 кн. около 10 печат. лис. каждая), 6 руб. съ перес.

По той же цѣнѣ можно получать *Труды* и за 1866 годъ.

Въ той же редакціи можно получать *Воскресное Чтеніе*, еженедѣльный журналъ, съ XXVIII г. (1864—65 года) предназначенный для народнаго образованія, и преимущественно для сельскихъ школъ. Цѣна за годовое изданіе текущаго (XXX) года (начинающееся съ Пасхи) и прошедшаго XXIX года, 4 р. с. съ пересылкою. Изданіе *Воскреснаго Чтенія* будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ (XXXI — 1867 — 68) году по прежней программѣ и по прежней цѣнѣ.

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ:

«Споры безпоповцевъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни о бракѣ». *К. Надеждина.* Спб. 1865 г.

(Статья четвертая) (1).

Въ то время, какъ нѣкоторые изъ безпоповцевъ, слѣдуя ученію Ивана Алексѣева, рѣшились перемѣнить свое невольное дѣвство на брачную жизнь и стали заключать свои супружества въ православной (а по ихъ мнѣнію,—еретической) церкви, съ благословенія православныхъ священниковъ,—началось въ безпоповщинскомъ расколѣ другое движеніе въ пользу брака,— только въ направленіи, какого Алексѣевъ не ожидалъ и не желалъ. Мы разумѣемъ вступленіе нѣкоторыхъ безпоповцевъ въ брачныя сожительства безъ церковнаго благословенія и вѣнчанія, по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, нерѣдко даже безъ согласія (по крайней мѣрѣ прямаго, открытаго) на то родителей ихъ. Явленіе на первый взглядъ странное — въ средѣ раскола, отличающагося привязанностію къ церковности, къ обряду; но оно легко объяснится, если мы при-

(1) См. „Христ. Чт.“ за Май, Августъ и Октябрь.

помнимъ ученіе Алексѣева о бракѣ и тѣ отношенія, въ какія стали безпоповцы къ послѣдователямъ этого ученія.

Мы видѣли, что Алексѣевъ, въ силу своихъ безпоповщинскихъ убѣжденій о прекращеніи въ мірѣ православнаго священства и о мнимомъ еретичествѣ нашей православной церкви, училъ, что церковное вѣнчаніе, которое, по его мысли, безпоповцы должны были получать отъ православныхъ священниковъ, не имѣющихъ, по ихъ мнѣнію, благодати Св. Духа, не составляетъ существенной принадлежности брака, а есть только „всенародный“ обычай, дающій браку формальную, гражданскую твердость, что „весь бракъ совершенство имать на обыкновенномъ и согласномъ поятіи, безъ коего, аще и соборныя церкве іерей сотворитъ вѣнчаніе, не твердо будетъ его вѣнчаніе“ (¹). Высказывая подобный взглядъ на бракъ и вѣнчаніе его, Алексѣевъ имѣлъ въ виду добрую цѣль: убѣдить своихъ единовѣрцевъ въ возможности вступать въ законное и правильное не только по существу, но и по формѣ, брачное состояніе путемъ вѣнчанія въ православныхъ храмахъ; а между тѣмъ, развивая его взглядъ послѣдовательно, можно было придти къ заключеніямъ другаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, если вѣнчаніе не имѣетъ существеннаго значенія для брака, а составляетъ только обычай, то очевидно, что въ случаѣ какихъ либо обстоятельствъ можно обойтись и безъ него. Правда, отъ исполненія этого обычая зависитъ формальная твердость брака; но въ случаѣ нужды можно измѣнять даже законъ, не только обычай и форму. А нужду эту чувствовалъ почти каждый безпоповецъ, считавшій общеніе съ православною (а по

(¹) „О тайнѣ брака“, глава: „изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи“.

мнѣнію безпоповцевъ, еретическою) церковію, въ чемъ бы оно ни состояло, за грѣхъ, за отступленіе отъ истинной вѣры, грозившее опасностію самому спасенію. Правда, Алексѣевъ говорилъ, что вѣнчающійся въ еретической церкви истинный христіанинъ не дѣлается чрезъ то отступникомъ отъ вѣры, если только онъ не „обязывается еретическими обѣты"; но во 1-хъ прежніе расколоучители смотрѣли на этотъ предметъ совершенно иначе: они запрещали раскольникамъ не только принимать отъ православной церкви какія либо таинства,—но даже и присутствовать при ея богослуженіяхъ въ качествѣ простыхъ зрителей (1); во 2-хъ, и это главное, если вѣнчаніе и даетъ браку истинныхъ христіанъ „крѣпость и честь", то, разумѣется, вѣнчаніе „въ православной церкви"; въ „противной же церкви правовѣрну необычайно и не честно есть и не твердо поиматися въ бракъ" (2). Далѣе, по ученію самого Алексѣева, вѣнчаться въ еретической (т. е. нашей православной) церкви для соблюденія „всенароднаго обычая" можно истинному христіанину только „по прежнимъ святыхъ уставамъ"; а между тѣмъ въ новоисправленныхъ требникахъ, по которымъ должны были заключать браки раскольниковъ православные священники, уставы эти, по мнѣнію раскольниковъ, измѣнены, и слѣдовательно, вѣнчаясь у такихъ священниковъ, безпоповцамъ необходимо было или невольно „пріобщаться мнимымъ ересямъ" (противосолонію, четвероконечному кресту, именословному благословенію, имени Ін-

(1) См. свидѣтельства объ этомъ въ первой статьѣ. Христ. Чт. за Май, стр. 506—507.

(2) Это возраженіе было высказано безпоповцами самому Алексѣеву. См. „О тайнѣ брака", гл.: „разглагольствіе краткое къ вопрошающимъ о разньствіи суда въ пріятіи нововѣнчанныхъ брачно".

eусъ—при чтенiи апостола и евангелiя и проч.), или подкупать священниковъ, чтобы они вѣнчали раскольниковъ „по-старинному"; а это последнее условiе и „неблагообразно" само по себѣ и не всегда удобоисполнимо. Наконецъ, когда Алексѣевъ допустилъ „разлученiе суда въ прiятiи новобрачныхъ", т. е. нѣкоторыхъ изъ вѣнчавшихся въ православной церкви раскольниковъ опредѣлилъ подвергать эпитимiи, — тогда многiе даже изъ такихъ безпоповцевъ, которые съ полнымъ сочувствiемъ встрѣтили его проповѣдь о необходимости брачной жизни, отнеслись недовѣрчиво къ способу, какой предлагалъ имъ Алексѣевъ для заключенiя браковъ. Если, разсуждали они, вѣнчанiе въ еретической церкви не грѣшно, то зачѣмъ въ такомъ случаѣ налагается наказанiе за него; если же наказанiе опредѣлено, значитъ... Алексѣевъ только обманываетъ, когда говоритъ, что вѣнчаться въ этой церкви можно безъ опасенiя нарушить чистоту истинной вѣры.

Такимъ образомъ, не прибѣгая ни къ какимъ либеральнымъ соображенiямъ, въ родѣ дикихъ разглагольствiй современныхъ ревнителей женской эмансипацiи касательно брачной жизни, а единственно на основанiи противорѣчиваго ученiя Алексѣева объ этомъ предметѣ и неблагоразумнаго опредѣленiя его нѣкоторымъ изъ вступавшимъ въ бракъ въ православной церкви раскольникамъ разнаго рода ограниченiй, многiе изъ безпоповцевъ могли придти къ мысли о составленiи браковъ безъ вѣнчанiя, по одному взаимному согласiю жениха и невѣсты.

Но были и другiя причины, уже ни мало не зависѣвшiя отъ Алексѣева, которыя заставили нѣкоторыхъ изъ безпоповцевъ оставить указанный имъ способъ къ

заключенію браковъ съ благословенія православной (а по мнѣнію раскольниковъ,—еретической) церкви и избрать для этого другой путь,—путь браковъ „безсвященнословныхъ“. Эти причины скрывались въ тѣхъ варварскихъ отношеніяхъ къ новоженамъ ревнителей всеобщаго дѣвства, которыя мы указали въ предъидущей статьѣ. Вѣнчавшіеся, по слову Алексѣева, въ православной церкви безпоповцы были признаны, какъ мы видѣли, ихъ единовѣрцами-отступниками отъ вѣры, лишившимися надежды на спасеніе, съ которыми опредѣлено было прекратить всякое общеніе, и это — не столько за то, что они позволили себѣ нарушить дѣвство и раждать дѣтей,—на подобныя преступленія своихъ подчиненныхъ наставники безпоповщинскіе, по крайней мѣрѣ Ѳеодосіевскіе, смотрѣли сквозь пальцы, такъ какъ и сами не отличались цѣломудріемъ, — но главнымъ образомъ за то, что они осмѣлились обратиться за разрѣшеніемъ на брачную жизнь къ церкви, которую нѣкоторые изъ безпоповцевъ считали царствомъ антихриста, всѣ же — церковію еретической. „Новожены во инославной вѣнчалися церкви и сего ради отступницы суть святыя церкве (¹),“—вотъ общій крикъ безпоповцевъ, раздавшійся въ слѣдъ за появленіемъ въ ихъ обществѣ последователей ученія Алексѣева. „Бракъ внѣшній пріять—антихристову печать пріять; тѣмъ же появый жену отпаде отъ Бога, отпаде церкве, изгнанъ отъ всякаго общества христіанскаго, и нѣсть ему никоея милости христіанскія, развѣ разведется съ женою, яже все ему спасеніе отъя, и да обѣщается чисто и иночески жизнь(²)“,—

(¹) „О тайнѣ брака“ гл: „изысканіе о новорожденныхъ дѣтехъ крещенія“.

(²) Ibid. гл: „о срадованіи въ нарожденномъ“.

это—судъ о новоженахъ Ѳедосѣевцевъ. Правда, Алексѣевъ доказывалъ, что судъ этотъ о новоженствѣ—несправедливъ, что безпоповцы могутъ и должны вѣнчаться въ еретической (т. е. православной) церкви въ слѣдствіе крайней нужды—„лишенія церкви“ православной, что „просто пониматися (въ бракъ) и церковныя и гражданскія достойно казни (¹);“ но, очевидно, все это были только слова, а на дѣлѣ вѣнчавшіеся въ православныхъ храмахъ терпѣли отъ своихъ единовѣрцевъ такія жестокія преслѣдованія, подвергать себя которымъ не у всякаго безпоповца доставало силъ и охоты, хотя бы онъ и вѣрилъ словамъ Алексѣева. Если же мы припомнимъ еще то обстоятельство, что общество Ѳедосѣевцевъ, современныхъ Алексѣеву, отличалось самымъ грубымъ невѣжествомъ и безусловнымъ довѣріемъ къ слову „своихъ стариковъ и учителей“, то не удивимся, что грозныя, хотя и бездоказательныя, опредѣленія Ѳедосѣевскаго сборища 1751 г. касательно новоженовъ имѣли для многихъ изъ безпоповцевъ гораздо больше значенія, чѣмъ всѣ не рѣдко самыя умныя и основательныя разсужденія Алексѣева о законности, въ случаѣ нужды, „внѣшняго браковѣнчанія“. Что же однако оставалось дѣлать тѣмъ изъ безпоповцевъ, которымъ слово Алексѣева о необходимости брачной жизни пришлось по сердцу, но которые въ тоже время не желали чрезъ вступленіе въ бракъ въ Церкви православной явиться въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ отступниками отъ истинной вѣры и обречь себя за это ихъ преслѣдованіямъ? „И сихъ ради учительскихъ въ нихъ изглашеній на бракъ (т. е. въ слѣдствіе признанія наставниками брака, вѣн-

(¹) Ibid. гл: „изысканіе пятое на омышленіе присутствія родителей или приставниковъ въ брадѣ сыновъ или подданныхъ“.

чаннаго въ Церкви православной, блудомъ и даже хуже блуда), отвѣтимъ на этотъ вопросъ словами Алексѣева, послѣдующій злообычный ихъ народъ гражданскій обычай въ поятіи женъ весьма отложиша, да не горшіи блудниковъ предъ учительми своими явятся и милости ихъ не отщетятся. Тѣмъ же обычаемъ манихейскимъ мужъ со женою поемлются, и не въ бракъ, но въ блудъ. И такъ бѣгающе дыма, въ огнь еретичества впадаютъ поятіемъ" (1); „вмѣняюще браковѣнчаніе во отступство по себѣ самихъ женятся (2)". Но такъ какъ наставники безпоповщинскіе требовали, „дабы отцы и матери сыновъ своихъ не женили и дщерей своихъ не выдавали бы, подъ отлученіемъ собранія своего: и сего ради, говоритъ Алексѣевъ, сынове ихъ и дщери ихъ юніи, страстію порѣваеми похоти, сами досматриваются, юноши дѣвъ, а дѣвы юношей, и сватовство свое или по нощемъ темнымъ, или по гумнамъ, или по лѣсамъ, или по своднической домамъ, по посидѣлкамъ нечистымъ" устроивъ, „безъ благословенія отца и матери и безъ всякаго чина гражданскаго и обычая сами собою убѣгомъ и сокровеніемъ поемлются, и помѣшкавши или въ лѣсѣ, или гдѣ во отъѣздѣ, въ домъ свой, аки новобрачніи, пріѣзжаютъ", а „отецъ и мать аще и увидятъ послѣди", въ чемъ—дѣло, „но уже отъяти не могутъ (3)". Такимъ образомъ нѣкоторые изъ Ѳедосѣевцевъ, не рѣшаясь вѣнчаться въ Церкви православной изъ опасенія подвергнуться за это отлученію отъ своего общества, но въ тоже время не желая предаваться разврату съ перемѣн-

(1) Ibid., ч. II, гл: „догмата Христова о тайнѣ брака словеса".

(2) „О тайнѣ брака" ч. I гл: „изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи.

(3) Ibid.—Ч. II, гл. 1.

ными женщинами, избирали себѣ подругъ и вступали съ ними въ сожительство на правахъ мужей. Такія же сожительства завели у себя и нѣкоторые Поморцы (¹). Само собой понятно, что подобныя жены были въ строгомъ смыслѣ тѣже любовницы, какими пробавлялись „рабы Христовы" — наставники Ѳедосѣевскіе, держа у себя „стряпухъ", о которыхъ, по сознанію Ѳедосѣевскаго сборища 1751 г., ходила „въ христіанахъ великая молва" и отъ которыхъ происходило „смущеніе многимъ христіаномъ (²)"; но все же въ бракахъ безпоповцевъ, заключавшихся безъ вѣнчанія — по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, была сравнительно и хорошая сторона—та, что вступавшіе въ подобныя сожительства, очевидно, связь съ одною избранною по сердцу женщиною предпочитали разврату съ перемѣнными „посестріями", хотя съ другой стороны въ подобныхъ сожительствахъ допускались иногда и возмутительныя злоупотребленія. Первое изъ такихъ злоупотребленій состояло въ томъ, что иногда вступали въ подобныя сожительства лица самаго близкаго родства какъ кровнаго, такъ и духовнаго. Это зависѣло отъ того, что въ заключеніи такихъ „мордовскихъ", по выраженію Алексѣева, браковъ родители часто не принимали никакого участія, и слѣдовательно выборъ подруги зависѣлъ вполнѣ отъ вкуса каждаго молодаго безпоповца. Но такъ какъ у Ѳедосѣевцевъ напр. дѣти не рѣдко не знали своихъ родителей, то случалось, что нравились иногда другъ другу и за тѣмъ вступали въ сожительство молодыя личности только жившія въ разныхъ домахъ, но получившія жизнь отъ одного и того

(¹) Исторія Выговск. пустын. Изд. Кожанчикова. стр. 436.
(²) Полн. ист. извѣст. Іоаннова стр. 170, прав. 37.

же мнимаго дѣвственника. Разумѣется, родители, замѣтивъ подобное кровосмѣшеніе, могли прекращать сожительство своихъ дѣтей; но во 1-хъ для этого мнимому дѣвственнику нужно было сознаться предъ своими дѣтьми въ томъ, что онъ старался скрыть и отъ самаго себя; во 2-хъ этимъ сознаніемъ только прекращалось, но ничуть не предупреждалось кровосмѣшеніе, такъ какъ рѣшавшіеся на безсвященнословное сожительство Ѳедосѣевцы могли „пріѣзжать въ домъ свой“ нетолько „аки новобрачніи“, но уже какъ дѣйствительные супруги; не даромъ же они „мѣшкали“, по словамъ Алексѣева, въ лѣсѣ или въ отъѣздѣ“. Было и другое зло отъ вступленія нѣкоторыхъ безпоповцевъ въ сожительства безъ вѣнчанія. Такъ какъ законы церковные и гражданскіе не признавали безсвященнословныхъ сожительствъ браками, то очевидно, что вся „крѣпость“ подобныхъ сожительствъ зависѣла отъ воли того, кто избиралъ себѣ для сожительства подругу. А слѣдствіемъ этого было то, что лишь только подруга начинала почему либо не нравиться своему мнимому мужу, онъ, если былъ человѣкъ безчестный и безнравственный, бросалъ ее и прижитыхъ съ нею дѣтей на произволъ судьбы, а иногда даже, какъ вещь, передавалъ ее другому охотнику до „мордовскаго поятія“; самъ же выбиралъ себѣ новую, по выраженію Алексѣева „плутовку“, съ которою нерѣдко повторялась таже исторія (¹). Само собой понятно, что брошенныя такимъ образомъ женщины, лишенныя чести и не рѣдко насущнаго куска хлѣба, не находя нигдѣ себѣ защиты, предавались съ отчаянія разврату и погибали нравственно и не рѣдко

(¹) „О тайнѣ брака“. Ч. II. гл. „догмата Христова о тайнѣ брака словеса“.

даже физически, налагая на себя съ горя руки. Случалось правда, что покинутыя мнимыми мужьями своими „дѣвки“, не смотря на все свое отвращеніе къ „никоніанскому духоборному суду“, являлись въ разныя „коммисіи“ и „били челомъ на тѣхъ, которые имъ ребятъ прижили и не кормятъ ихъ и дѣтей“, и, обѣщавъ жить съ ними въ мнимомъ бракѣ, „обманули“ (¹); но раскольники почти всегда успѣвали „умилостивлять“ судей, „окупая свое благочестіе“ (²), и челобитныя подобнаго рода оставались безъ всякихъ благопріятныхъ для просительницъ послѣдствій.

Потому ли, что женщины безпоповщинскія, увидѣвъ изъ примѣра своихъ подругъ, что браки ихъ безъ соблюденія „гражданскаго обычая“; т. е. безъ вѣнчанія, слишкомъ непрочны и отзываются своими тяжелыми послѣдствіями только на нихъ и на дѣтяхъ ихъ, стали неохотно вступать въ безсвященнословныя сожительства, во избѣжаніе ли „оглаголанія“ и нарѣканій за подобныя связи, какъ за блудное сожитіе, или наконецъ изъ опасенія подвергнуться за „безчинное сожительство съ невѣнчанными дѣвками“ преслѣдованію со стороны гражданской власти,—только нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ, жившихъ въ Польшѣ, придумали новый способъ для заключенія своихъ браковъ. Они стали обращаться къ польскимъ ксендзамъ и за деньги покупали у нихъ фальшивыя свидѣтельства о мнимомъ вѣнчаніи ихъ браковъ въ костелахъ. Этими свидѣтельствами они думали блуднымъ своимъ сожитіямъ придать видъ законности въ глазахъ своихъ единовѣрцевъ и особенно въ мнѣніи свѣтской власти. „Бываетъ же, говоритъ Алексѣевъ,

(¹) Исторія Выгов. пуст. изд. Кожанчикова стр. 456.
(²) Ibid. стр. 462.

въ сицевомъ ихъ случаѣ, поятія и такое невѣжество: понеже простое поятіе или супружество во обычаи гражданскомъ (кромѣ вѣнчанія церковнаго) казнится: тѣмъ же извинующеся такого оглаголанія и суда, люди ихъ въ поятіи женъ приходятъ къ ксендзамъ и чрезъ подарунки просятъ, дабы письмо извинительное сопряженному далъ, будто въ его костелѣ браковѣнчанъ: и той ксендзъ даетъ ему отъ себя шлюбъ во оправданіе, яко онымъ браковѣнчанъ. И сіе той воспріимъ, благонадеженъ пребываетъ: ово яко извиненіе внѣшняго суда письмомъ имать, ово яко костельному дѣйству не причастенъ" (1). „Есть между ними (польскими ѳедосѣевцами) и такіе изувѣры, говоритъ Іоанновъ, которые, гнушаясь церкви, не вѣнчаются нигдѣ, а живутъ съ наложницами беззаконно; но дабы не имѣть подозрѣнія или порицанія отъ людей, или чтобъ которая половина въ любви не измѣнила, то таковые за деньги покупаютъ у ксендзовъ фальшивые шлюбы (письма, свидѣтельствующія о бракѣ), яко бы вѣнчаны въ костелѣ" (2).

(1) „О тайнѣ брака" ч. II гл. I.

(2) Полн. ист. изв. Іоаннов. стр. 203. Здѣсь говорится, будто нѣкоторые изъ ѳедосѣевцевъ даже *вѣнчались* „въ уніятскихъ костелахъ". Зная отвращеніе раскольниковъ, и особенно безпоповцевъ, ко всему латинскому, мы не вполнѣ вѣримъ этому извѣстію Іоаннова. Правда, въ 35 правилѣ сборища Ѳедосѣевскаго 1751 г. прямо говорится, что нѣкоторые „русскіе люди поженилися въ Польшѣ и *вѣнчалися* въ костелахъ"; но, судя по тому, что ѳедосѣевцы принимали ихъ въ свое общество чрезъ крещеніе, мы думаемъ, что вѣнчавшіеся въ костелахъ русскіе люди не принадлежали къ числу безпоповцевъ, а были изъ числа бѣглецовъ великороссійскихъ православнаго исповѣданія, поселившихся въ Польшѣ вслѣдствіе какихъ либо невзгодъ въ отечествѣ. По крайней мѣрѣ, Алексѣевъ, хорошо знавшій закулисную жизнь польскихъ ѳедосѣевцевъ, не говоритъ ни слова о томъ, чтобы хотя нѣкоторые изъ нихъ вѣнчались въ польскихъ костелахъ.

Нѣтъ нужды доказывать, что Алексѣевъ, по ученію котораго истиннымъ и совершеннымъ бракомъ бываетъ только тотъ, который заключается не только по взаимному согласію жениха и невѣсты, но и съ соблюденіемъ „всенароднаго обычая", т. е. посредствомъ церковнаго вѣнчанія, дающаго браку „большую крѣпость и честь",— не могъ одобрить брачныхъ сожительствъ тѣхъ изъ безпоповцевъ, которые стали вступать въ супружескія отношенія съ избранными ими женщинами по одному взаимному согласію, или на основаніи фальшивыхъ свидѣтельствъ о бракѣ, выданныхъ польскими ксендзами. Но не смотря на то, что подобныя сожительства онъ называлъ „бездѣльничествомъ", „мордовскимъ поятіемъ", „бреднями" и тому подобными именами, и доказывалъ, что „поиматися на единомъ согласіи домовномъ не твердо и не честно, и великихъ бѣдъ предъ Богомъ и человѣки ходатайственно, и церковныя и гражданскія достойно казни, и людскаго жительства подлежитъ изгнанія", а обращаться за фальшивыми брачными свидѣтельствами къ ксендзамъ значитъ „пріобщаться костельному дѣйству",—многіе безпоповцы все-таки не рѣшались вѣнчаться въ православной (а по ихъ мнѣнію, еретической) церкви, какъ желалъ того Алексѣевъ, и продолжали устроять свои браки „мордовскимъ образомъ". Мы не знаемъ, какъ велико было число такихъ браковъ; но слова Алексѣева: „коего бездѣльничества нынѣ много видимъ, вмѣняюще браковѣнчаніе во отсутство, по себѣ самихъ женятся" (1), показываютъ, что охотниковъ до брачнаго сожительства „на единомъ домовномъ согласіи" было не мало.

(1) „О тайнѣ брака" гл. „изысканіе третіе о внѣшнемъ браковѣнчаніи".

Брачныя сожительства безпоповцевъ безъ вѣнчанія въ еретической (т. е. нашей православной) церкви, конечно, въ глазахъ мнимыхъ дѣвственниковъ, ревнителей древняго благочестія, были менѣе преступны, чѣмъ браки, заключавшіеся съ благословенія еретическихъ (т. е. православныхъ) священниковъ. Но все же и они не гармонировали съ ученіемъ безпоповщины о всеобщемъ дѣвствѣ. Какъ же посмотрѣли на подобныя сожительства мнимые дѣвственники? Поморцы относились къ нимъ довольно снисходительно. Въ Выговскихъ скитахъ находилось въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія не мало лицъ, „живущихъ съ невѣнчанными дѣвками“ и рождавшихъ отъ нихъ дѣтей; и эти особаго рода „новожены“ жили въ мирѣ „съ скитскими жителями“, платили въ скиты деньги (вѣроятно, для уплаты двойнаго оклада) и крестили своихъ дѣтей у разныхъ наставниковъ (1). Правда, поморцы величали подобныхъ новоженовъ „безчинниками, своевольниками и безстрашниками“ и даже подавали на нихъ „челобитье въ сенатъ“ (2), но не за новоженство ихъ, а за то, что они иногда по разнымъ неудовольствіямъ на скитское начальство „затѣвали крамолы и клеветы на пустынныхъ староверцевъ“ съ цѣлію „весь суземокъ къ разоренію привести“. Что же касается Ѳедосѣевцевъ, то прежде всего невольно бросается въ глаза краткость постановленій, которыми они опредѣляли свои отношенія къ лицамъ, вступавшимъ въ брачныя сожительства безъ вѣнчанія. Тогда какъ при опредѣленіи отношеній своихъ къ новоженамъ, вѣнчавшимся въ православной церкви, ѳедосѣевцы не упустили изъ виду, какъ мы видѣли, въ

(1) Истор. Выговск. пуст. изд. Кожанчикова, стр. 436 и 463—4.

(2) Ibid., стр. 439 и 441.

предыдущей статьѣ, самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ и постановили особенныя правила на всѣ возможныя случаи столкновеній съ ними, — касательно лицъ, вступившихъ въ браки по одному взаимному согласію, они сдѣлали только слѣдующее опредѣленіе: „а которые и тако сошлися и не вѣнчалися нигдѣ, и таковыхъ разводить, якоже и новоженовъ“ (1). Далѣе, съ перваго взгляда можно подумать, что Ѳедосѣевцы въ этомъ правилѣ тѣхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые вступали въ брачныя сожительства безъ вѣнчанія, поставили на одну доску съ новоженами, т. е. вѣнчавшимися въ православной церкви; но замѣчаніе Алексѣева о томъ, что многіе изъ Ѳедосѣевцевъ „гражданскій обычай въ понятіи женъ весьма отложиша, да не горшіи блудниковъ преды учительми своими явятся и милости ихъ неотщетятся“, невольно наводитъ на мысль, что Ѳедосѣевскіе наставники неодинаково смотрѣли на новоженовъ и на тѣхъ, которые вступали въ бракъ безъ вѣнчанія. Если же мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что брачное сожительство нѣкоторыхъ Ѳедосѣевцевъ по одному взаимному согласію въ существѣ дѣла было ни что иное, какъ блудъ, только, такъ сказать, явный, открытый, а на блудъ, какъ извѣстно, Ѳедосѣевскіе наставники смотрѣли довольно снисходительно, проповѣдуя своимъ ученикамъ, что „лучше хотя четырехъ или пять женъ или десять невѣнчанныя въ бракъ имѣти и съ ними блудити, нежели едину бракомъ сопряженную“ (2), то, кажется, не погрѣшимъ, если скажемъ, что учители Ѳедосѣевскіе не могли даже преслѣдовать безсвященнословныя супружества своихъ учениковъ также строго,

(1) Полн. истор. изв. Іоаннова, стр. 170, прав. 36.

(2) „О тайнѣ брака“ ч. II, гл. „о двобрачныхъ и требрачныхъ“.

ваніе преслѣдовали они новоженство, то должны были отнестись къ нимъ также, какъ относились они „къ единодомовному сожительству“ съ женщинами всѣхъ другихъ Ѳедосѣевцевъ и къ собственному „единоженейному пребыванію съ стряпухами“, т. е. должны были смотрѣть на подобное явленіе, какъ говорится, сквозь пальцы. Затѣмъ, самая краткость правила, въ которомъ Ѳедосѣевцы высказали свой взглядъ на лица „не вѣнчавшіеся нигдѣ“, но жившія брачнымъ образомъ, не показываетъ ли, что безсвященнословныя сожительства составляли для мнимыхъ дѣвственниковъ такое больное мѣсто, о которомъ лучше и не распространяться много, такъ какъ, вооружаясь противъ нихъ, нужно было не щадить и себя. Не даромъ же вслѣдъ за указаннымъ опредѣленіемъ слѣдуетъ другое такого рода: „а о которыхъ стряпухахъ въ христіанахъ великая молва и смущеніе многимъ христіанамъ; и таковыхъ стряпухъ отнюдь не держать“ (¹). Лица, постановившія такое опредѣленіе, могли преслѣдовать новоженовъ за вѣнчаніе ихъ въ мнимо-еретической церкви; но могли ли они по совѣсти преслѣдовать также строго и безсвященнословныя сожительства? Вѣдь каждый изъ Ѳедосѣевцевъ, имѣвшихъ у себя невѣнчанную жену, могъ сказать, что онъ держитъ у себя только „стряпуху“ — по примѣру самихъ же наставниковъ. Наконецъ, извѣстіе Алексѣева о томъ, что „бездѣльничества“ въ родѣ брачныхъ сожительствъ безъ вѣнчанія было въ его время „много“, можетъ служить новымъ подтвержденіемъ той мысли, что лица „тако сошедшіяся и невѣнчавшіяся нигдѣ“ не преслѣдовались такъ строго Ѳедосѣевцами, какъ пре-

(¹) Іоанновъ стр. 170, прав. 37.

слѣдовались ими новоженцы; иначе безсвященнословныя супружества не могли бы усилиться. Что же касается тѣхъ Ѳедосѣевцевъ, которые чрезъ „подарунки“ получали себѣ отъ ксендзовъ фальшивыя брачныя свидѣтельства и на нихъ хотѣли основать законность даже гражданскую своихъ брачныхъ сожительствъ, то объ отношеніи къ нимъ наставниковъ Ѳедосѣевскихъ Алексѣевъ говоритъ слѣдующее: „обаче ни тако сопрягшіися тіи милости отъ наставниковъ получаютъ, развѣ отвергше сицевый союзъ сопряженія: иначе же ни тіи сами, ни дѣти ихъ не пріемлются“ (¹). И эта строгость Ѳедосѣевцевъ къ своимъ братіямъ, обращавшимся за фальшивыми брачными свидѣтельствами къ ксендзамъ, весьма понятна. Если вслѣдствіе отвращенія своего къ „римскому костелу“, бывшему будто бы источникомъ еретичества и для „греко-россійской церкви“, Ѳедосѣевцы налагали по „300 поклоновъ до земли при соборѣ“ даже на „покупающихъ что въ польскихъ градѣхъ и кирмашѣхъ“ (²), то само собой разумѣется, что на вступавшихъ въ брачныя сожительства на основаніи ксендзовскихъ шлюбовъ они должны были посмотрѣть еще строже (³).

(¹) „О тайнѣ брака“ ч. II, гл. I.

(²) Іоаннов. стр. 159, прав. 7.

(³) У Іоаннова (въ Полн. истор. извѣст. о раск. стр. 153) есть извѣстіе, повторяемое и послѣдующими историками раскола (истор. русск. раск. стр. 279; твор. св. Отцовъ 1858 г., кн. 2 стр. 207), что еще при Алексѣевѣ „въ должность наставника вступилъ къ новоженамъ въ Москвѣ Ѳеодосіанецъ Гавріла Артамоновъ, который ихъ чрезъ немалое время, яко пастырь, формально управлялъ. Браки ихъ (ежели кто не вѣнчался въ церкви) сочетовалъ, исповѣдывалъ, новорожденныхъ крестилъ и умершихъ отпѣвалъ. Почему съ начала новожены и назывались Гаврило-Артамоновы, или просто Артамоновщина“. Не имѣя данныхъ совершенно отвергать это извѣстіе, мы однако же не можемъ не указать нѣкоторыхъ недоумѣній, которыя невольно рождаются при чтеніи указаннаго

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о бракѣ въ безпоповщинскомъ расколѣ, когда въ 1762 г. вступила на престолъ Екатерина Великая. Извѣстно каждому,

---

мѣста изъ книги Іоаннова. Если Артамоновъ былъ пастыремъ новоженовъ, вступавшихъ въ бракъ съ благословенія православной церкви, т. е. послѣдователей Алексѣева, то во 1-хъ не понятно, какъ могли Ѳеодосіевцы отлучить въ 1757—8 г. Алексѣева вмѣстѣ съ его послѣдователями, между прочимъ, за то, что они не имѣли у себя „отца духовнаго" (Слов. на соборъ новоявл. раздорник.); во 2-хъ, почему не упомянулъ объ Артамоновѣ, какъ пастырѣ новоженовъ, самъ Алексѣевъ въ своей книгѣ: „о тайнѣ брака", писанной имъ въ 1762 г., когда Артамоновъ былъ еще живъ (Гаврила Артамоновъ умеръ по однимъ (Слов. Любопытнаго) въ 1765 г., а по другимъ въ 1756 г. (Сборн. для истор. старообр. Попова, т. II прилож. стр. 89); послѣднее извѣстіе несправедливо, какъ несправедливо и мнѣніе пр. Макарія, будто Артамоновъ сдѣлался наставникомъ новоженовъ съ 1765 г. (истор. русск. раск. стр. 279). Какъ не упомянули о немъ и на сборищѣ московскомъ, бывшемъ по поводу новоженовъ въ 1770 г. (Сборн. для истор. стар. Попова, т. I стр. 66). Если же допустить, что Артамоновъ взялъ подъ свое покровительство тѣхъ изъ безпоповцевъ, которые не желали вѣнчаться въ церкви православной, а вступали въ брачныя сожительства по одному взаимному согласію, въ такомъ случаѣ, во 1-хъ не понятно извѣстіе о томъ, что онъ самъ „вѣнчалъ браки",—во 2-хъ тогда необъяснимо молчаніе объ Артамоновѣ, какъ сторонникѣ браковъ „безъ пресвитерскаго вѣнчанія", Павла Любопытнаго, который нерѣдко даже и тѣхъ изъ наставниковъ безпоповщинскихъ, которые писали противъ „безсвященнословныхъ браковъ", причисляетъ къ своей партіи, ратовавшей за подобные браки. Наконецъ допустить, что Артамоновъ первый началъ заключать браки безпоповцевъ при помощи разныхъ молитвъ, или, какъ выражается Любопытный „обрядомъ нерукоположенныхъ лицъ" (Катал. стр. 45), не позволяетъ извѣстіе Любопытнаго о томъ, что „первый открылъ въ Москвѣ начало брачнаго чина и первый изъ пастырей сталъ торжественно избавлять женящихся христіанъ отъ явной пропасти никоніанизма"—нѣкто Василій Емельяновъ, „славный пастырь и учитель поморской церкви (?) въ Москвѣ" (истор. слов. Любопытнаго). О самомъ же Артамоновѣ Любопытный замѣтилъ только, что онъ сперва принадлежалъ къ Ѳеодосіанской церкви и былъ ревностнымъ учителемъ ея; а потомъ сдѣлался „основателемъ *своей церкви*, подъ названіемъ своего имени—Гаврилова церковь"; но что это была за церковь и чѣмъ отличалась она въ своемъ ученіи отъ другихъ безпоповщинскихъ толковъ,—объ этомъ у Любопытнаго нѣтъ ни слова (Сборн. для истор. стар. т. II, прилож. стр. 90).

какъ отнеслась эта государыня къ заблуждающимъ. Въ первый же годъ своего славнаго царствованія она издала указъ, которымъ позволялось всѣмъ, бѣжавшимъ изъ Россіи за границу, раскольникамъ возвращаться на родину, предоставлялись для ихъ поселеній любыя мѣста, при чемъ раскольники освобождались на шесть лѣтъ отъ всякихъ податей, могли избирать себѣ какой угодно родъ жизни, носить бороду, ходить не въ указномъ платьѣ и проч. (1). Въ слѣдующіе затѣмъ годы раскольники подчинены были общимъ присутственнымъ мѣстамъ, стали допускаться по тяжебнымъ дѣламъ къ присягѣ и свидѣтельству, были освобождены отъ двойнаго оклада, получили право на занятіе общественныхъ должностей, на безпрепятственное употребленіе своего любимаго двуперстія, а наконецъ тѣхъ изъ нихъ, которые не чуждались церкви православной, хотя крестились двумя перстами, велѣно было „за раскольниковъ не признавать" (2), между тѣмъ какъ прежнія постановленія гласили: „которые хотя святѣй церкви и повинуются и всѣ церковныя таинства пріемлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не трeперстнымъ сложеніемъ: тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ, и которые хотя и по невѣжеству и отъ упорства то творятъ, обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что" (3). Слѣдствія снисходительныхъ мѣръ противъ раскольниковъ въ царствованіе Екатерины II также извѣстны. Большая часть раскольниковъ перестали скрываться въ лѣсныхъ трущобахъ, куда они бѣжали то отъ переписей,

---

(1) Полн. собран. закон., т. XVI № 11,725.

(2) Собран. постановл. по части раскола, ч. I стр., 605; опис. слов. историч. Любопытнаго, въ статьѣ объ Андреѣ Борисовѣ.

(3) Собр. постан. по части раскола, ч. I, стр. 35.

въ которыхъ видѣли приближеніе къ царству антихриста, то отъ разнаго рода преслѣдованій, продолжавшихся по мѣстамъ, не смотря на двойной окладъ, который платили раскольники за право оставаться въ расколѣ, то наконецъ отъ самаго двойнаго оклада, котораго многіе по своей бѣдности не могли платить,— и начали являться на свѣтъ Божій, селиться въ селахъ и городахъ, даже въ столицахъ, обзаводиться хозяйствомъ, пустились въ промышленность и торговлю, стали богатѣть и въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ спокойной и правильной жизни, начали въ жизни общественной сближаться съ православнымъ обществомъ до того, что нѣкоторые ревнители „древняго благочестія" отъ такого сближенія стали опасаться погибели мнимо-истинной вѣры. Но главное, что пріобрѣлъ расколъ при Екатеринѣ II и что дало ему новую жизнь, состояло въ устройствѣ почти всѣми его сектами и толками общинъ и молитвенныхъ зданій, или часовень, вмѣстѣ съ богадѣльнями (1),—и гдѣ же?—въ первопрестольной столицѣ—въ Москвѣ (2). Въ царствованіе Екатерины, какъ извѣстно, поповцы устроили себѣ такъ называемое *Рогожское кладбище* (3); изъ безпоповцевъ—Ѳедосѣевцы создали знаменитое свое *Преображенское кладбище* (4), Поморцы устроили себѣ часовню съ богадѣленнымъ до-

---

(1) Необходимая принадлежность каждой раскольничьей часовни, или вѣрнѣе, предлогъ для ея устройства.

(2) Устроены были въ это время раскольниками разныхъ толковъ часовни и въ Петербургѣ, но онѣ не имѣли того значенія для раскола, какимъ пользовались часовни московскія.

(3) Русск. Вѣстн. 1866 г., май. Историч. очерки поповщины—Мельникова, стр. 16—17.

(4) Истор. русск. раск. стр. 270—274.

немъ подъ названіемъ *Покровской* ([1]), а Филипповцы на деньги тверскаго купца Долина также выстроили себѣ часовню въ Рогожской части, въ Дурновомъ переулкѣ ([2]). Эти часовни, или вѣрнѣе: общины раскольническія, сгруппировавшіяся около этихъ часовень, вслѣдствіе пребыванія своего въ столицѣ, вслѣдствіе особеннаго своего устройства, по которому во главѣ каждой изъ нихъ, въ качествѣ попечителей, становились самые умные, богатые и вліятельные по своимъ связямъ прихожане, естественно, должны были сдѣлаться каждая для своего толка—главными центрами, около которыхъ стали группироваться всѣ раскольники провинціальные, жившіе въ городахъ и селахъ, и въ которыхъ по преимуществу сосредоточилась теперь жизнь религіозная разныхъ толковъ раскольническихъ. Каждый, возникавшій въ расколѣ вопросъ теперь не только не могъ рѣшиться безъ участія въ немъ московскихъ общинъ, напротивъ отъ Москвы, отъ приговора московскихъ раскольниковъ, зависѣло не рѣдко такое, а не другое его рѣшеніе. Неудивительно послѣ этого, что и вопросъ о бракѣ, поднятый въ безпоповщинскомъ расколѣ еще Вышатинымъ и Алексѣевымъ и до настоящаго времени бывшій только предметомъ споровъ и ссоръ между мнимыми дѣвственниками, долженъ былъ теперь ожидать себѣ рѣшенія отъ московскихъ безпоповцевъ. Какъ же отнеслась къ этому вопросу Москва съ своими Ковылиными, Емельяновыми, Скочковыми, Балчужными и другими знаменитостями раскольничьяго безпоповщинскаго міра?

„Пространные домы, скажемъ словами поморца-Зая-

([1]) Прав. Обозр. 1863 г., іюнь и іюль.

([2]) Прав. Обозр. 1864 г., январь, стр. 73—92.

цевскаго, прекрасные и свѣтлые покои, многоцѣнная трапеза и различные напитки, мягкія постели, красныя одежды, частые разговоры, близкія сношенія съ различнымъ поломъ, сѣданія и ласкательныя другъ къ другу помаванія,“—вотъ въ какой обстановкѣ жила большая часть прихожанъ Преображенскаго Ѳедосѣевскаго кладбища. Казалось бы, людамъ, жившимъ при подобной обстановкѣ, всего естественнѣе было придти къ мысли о томъ, что пустынную жизнь невозможно вести въ городахъ. что суровый аскетизмъ и строгое подвижничество не мирятся съ столицей и что слѣдовательно-*блудодѣянія ради кійждо жену себѣ да имать* (1). И однакожс на дѣлѣ оказалось совершенно противное. Ѳедосѣевцы съ главою и руководителемъ своимъ Ковылинымъ, владѣвшіе самыми громадными средствами, жившіе самымъ роскошнымъ образомъ, за что даже были укоряемы другими безпоповцами, нетолько не склонились со времени основанія въ Москвѣ своего Преображенскаго кладбища въ пользу брачной жизни, напротивъ усилили свои требованія объ обязательномъ для всѣхъ дѣвствѣ и такимъ образомъ чуть было не погубили всѣхъ трудовъ бывшаго своего единовѣрца—Алексѣева, понесенныхъ имъ при составленіи своей знаменитой книги: „О тайнѣ брака“. Чтобы понять такое направленіе Ѳедосѣевцевъ въ рѣшеніи вопроса о бракѣ, необходимо припомнить исторію основанія Преображенскаго кладбища. Этотъ притонъ Ѳедосѣевскаго раскола и Ѳедосѣевскаго разврата былъ устроенъ Ковылинымъ въ самое страшное для Москвы время,—во время свирѣпствовавшей въ ней въ 1771 году чумы. Первыми насельниками клад-

(1) I Коринѳ. VII, 2.

бища сдѣлалось тѣ изъ раскольниковъ и православныхъ москвичей, которые, въ виду опасности, искали здѣсь пріюта и помощи и которыхъ пощадила смерть. Принимая въ свою мнимую больницу всѣхъ безъ различія—и раскольниковъ и православныхъ, и мужчинъ и женщинъ,—но съ непремѣннымъ условіемъ—для раскольниковъ пожертвовать въ пользу кладбища все свое имущество, а для православныхъ, кромѣ того, перейти въ расколъ, Ковылинъ скоро увидѣлъ въ своихъ на скоро выстроенныхъ шалашахъ много послѣдователей Ѳеодосія и еще больше разнаго рода богатства. Миновала гроза, Москва стала успокоиваться, оставшіеся въ живыхъ обитатели Ковылинской больницы стали подумывать о возвращеніи къ прежней жизни и занятіямъ. Что оставалось дѣлать Ковылину при такихъ обстоятельствахъ? Распустить ихъ по домамъ значило лишиться и тѣхъ домовъ, которые вмѣстѣ съ деньгами были пожертвованы больными кладбищу. Была и другая опасность отъ возвращенія „въ міръ“ Ковылинскихъ питомцевъ. Многіе изъ нихъ приняли расколъ въ болѣзни, часто въ безпамятствѣ отъ физическихъ страданій и душевныхъ мукъ при мысли о неминуемой смерти,—во всякомъ случаѣ не по доброй волѣ, а по убѣжденію, или вѣрнѣе,—по принужденію со стороны Ковылина. Подобныя личности, живя среди православнаго общества, могли снова сдѣлаться сынами Церкви,—а этого то Ковылину всего больше и не хотѣлось. И вотъ, чтобы удержать новыхъ учениковъ „премудраго Ѳеодосія“ на кладбищѣ, скоро занявшемъ своими постройками едва не цѣлый кварталъ, Ковылинъ сталъ доказывать имъ, что „принесенное однажды въ жертву Богу не можетъ быть возвращено; оно принято Богомъ и какъ бы сгорѣло, какъ сгараетъ, напр. свѣча,

поставленная отъ усердія предъ сею иконой". Смыслъ этого разглагольствія понятенъ былъ каждому: ступай, куда хочешь, если желаешь быть нищимъ, тогда какъ, оставшись въ общинѣ, будешь сытъ, одѣтъ, спокоенъ. Такимъ образомъ, со стороны матеріальной Ковылинъ обезпечилъ созданіе рукъ своихъ—Преображенское кладбище. Нужно было теперь обратить вниманіе на нравственную сторону общины. Какъ человѣкъ умный и притомъ истый безпоповецъ, Ковылинъ не могъ не знать, что нѣтъ лучшаго средства пріобрѣсть созданной имъ общинѣ уваженіе отъ всѣхъ ѳеодосѣевцевъ и другихъ безпоповцевъ, какъ давъ устройству ея характеръ аскетическій, монастырскій. Съ этою цѣлію тѣмъ изъ перекрещенныхъ раскольниковъ, которые до перехода въ расколъ были женаты и теперь, когда моровое повѣтріе миновало, хотѣли снова возвратиться къ жизни семейной, Ковылинъ началъ доказывать: „вы вѣнчаны въ церквахъ русскихъ еретиками, браки ваши предъ Богомъ—блудъ, который будетъ наказанъ вѣчнымъ огнемъ, а потому если вы возвратитесь въ міръ и вступите въ брачныя связи,—вы погибли; одно расторженіе ихъ и посвященіе себя Богу можетъ спасти васъ". А это значило, что и тѣ, кои еще не вступали въ бракъ, должны жить дѣвственно; потому что православнаго священника, который могъ бы освящать молитвами брачныя сопряженія, нѣтъ, а вѣнчаться у еретиковъ грѣшно и гибельно для души. Такимъ образомъ Ѳедосѣевщина, благодаря своекорыстнымъ расчетамъ Ковылина, и по перенесеніи центра своего средоточія въ Москву на Преображенское кладбище, осталась такою же „бракоборной", какою мы видѣли ее въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, съ тѣмъ только различіемъ, что до Ковылина Ѳедосѣевцы

на браки лицъ, вѣнчавшихся въ православной Церкви и потомъ переходившихъ въ Ѳедосѣевскій расколъ, смотрѣли снисходительнѣе, чѣмъ на брачныя сопряженія съ благословенія православной Церкви самихъ раскольниковъ, и хотя разводили такихъ супруговъ на „чистое житіе“, однакоже, въ случаѣ рожденія ими дѣтей, отлучали ихъ отъ своего общества не навсегда, какъ поступали они съ „новоженами“, а только на нѣкоторое время, назначивъ „за перваго“ ребенка „полгода отлучать, за втораго годъ, за третьяго два лѣта“, да кромѣ того „за очистительныя молитвы три тысящи поклоновъ до земли (1)“; между тѣмъ Ковылинъ браки православныхъ, переходившихъ въ расколъ, призналъ блудомъ, достойнымъ вѣчнаго огня, и опредѣлилъ расторгать подобныя сожительства безъ всякихъ ограниченій.

Но если Ковылинъ, какъ фанатичный Ѳедосѣевецъ (2), былъ убѣжденъ, что въ слѣдствіе книжнаго прекращенія

---

(1) Іоаннов. стр. 174, прав. 45.

(2) Доказательствомъ яраго фанатизма Ковылина можетъ служить между прочимъ слѣдующее обстоятельство изъ его жизни. Бесѣдуя однажды съ новоженомъ, Ковылинъ такъ велъ свою рѣчь: „я отъ васъ никакого книжнаго свидѣтельства не пріемлю, и не представляйте мнѣ ни седьми вселенскихъ соборовъ, ни девяти помѣстныхъ, ни апостольскихъ правилъ,—али въ конецъ вамъ сказать; аще бы и Самъ Христосъ съ небесе сошелъ со архангелы и велѣлъ бы мнѣ: Илья! прими-де новоженовъ въ согласіе къ себѣ! А я бы Ему сказалъ: не послушаю Тебя, Христе; рече-де мнѣ такъ отецъ мой Илья Ивановъ (одинъ ѳедосѣевскій наставникъ, любимецъ Ковылина, управлявшій его душею, по замѣчанію (въ слов. истор., Любопытнаго) при смерти своей и приказалъ: какъ-де ты наученъ, въ томъ и стой, рече: аще онъ будетъ во адѣ, то и я съ нимъ, аще въ царствіи, то и я съ нимъ; того ради я ученія его не отстану и не измѣню. Еще скажу вамъ: аще вы будете и чудеса творить, или мертвыхъ воскрешать, не приму васъ въ общеніе себѣ“ (Спор беспоповщ. Преображ. кладб. и покр. часовн. о бракѣ стр. 38). Понятно, что такой человѣкъ доказательства Алексѣева въ пользу брачной жизни, основанныя на „исторіяхъ и канонахъ“ и изложенныя имъ въ 1762 г. въ книгѣ: „о тайнѣ брака“, могъ считать за ничто.

въ мірѣ православнаго священства уже не можетъ быть болѣе „брачной тайны", — то съ другой стороны, какъ человѣкъ, по замѣчанію Любопытнаго, „даровитый" и на самомъ дѣлѣ весьма умный, онъ не могъ не сознавать, что при той роскошной обстановкѣ жизни большей части прихожанъ Преображенскаго кладбища, какую мы указали выше, требовать отъ нихъ безбрачія и строгаго цѣломурдія — дѣло немыслимое. „Сила похоти есть столь велика, писали Ковылину и другіе безпоповцы, что можетъ противъ оныя вооружитися и твердо встати развѣ той, кому особенно вліянна есть благодать Божія за великіе подвиги и труды и многія добродѣтели. Скорѣе можетъ огонь со льномъ единовупно лежати, или порохъ на угліи ввергнутъ быти и негорѣти, чѣмъ живущій посредѣ дѣвъ и женъ, младостію цвѣтущихъ и свѣтоблистательными одеждами упещренныхъ, соблюсти себя чиста" (1). Что же оставалось дѣлать въ виду такихъ соображеній? Прежніе Ѳедосѣевскіе наставники, чтобы удержать своихъ учениковъ отъ вѣнчанія въ православныхъ храмахъ и въ то же время уменьшить тяжесть бремени, налагавшагося на нихъ безбрачіемъ, смотрѣли сквозь пальцы на развратъ молодежи, но требовали по крайней мѣрѣ соблюденія при этомъ приличія, тайны, и въ случаѣ явнаго соблазна наказывали виновныхъ разнаго рода эпитиміями; тѣхъ же, кои открыто сожительствовали, по взаимному согласію, разводили по разнымъ деревнямъ (2). Ковылинъ, какъ „любитель пышной жизни и другой, по выраженію Любопытнаго (3),

(1) Спор. безпоповц. преображ. кладб. и покров. часовн. о бракѣ стр. 30—1.

(2) Іоаннов. стр. 170 прав. 36; снес. прав. 42.

(3) Историч. словарь.

безнравственности по предмету удовлетворенія тѣла". поступилъ въ этомъ случаѣ иначе. Самъ имѣя у себя любовницъ и живя съ ними завѣдомо для всѣхъ, онъ и ученикамъ своимъ торжественно разрѣшилъ предаваться „безнравственности по предмету удовлетворенія тѣла." А чтобы не слишкомъ оскорбить подобнымъ разрѣшеніемъ „немощныя совѣсти," онъ придумалъ въ оправданіе разрѣшеннаго имъ разврата слѣдующее „дьявольское", по выраженію одного поморца, разсужденіе: „мы въ крайней нуждѣ находимся, нужда же всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять необязана, но свободна. По этому дѣлайте, что хотите, только не сообщайтесь съ еретиками никоніанами. Не согрѣшивши, не покаешься; не покаявшись, не спасешься. Безъ грѣха нѣтъ покаянія, безъ покаянія нѣтъ спасенія. Въ раю много будетъ грѣшниковъ, только тамъ не будетъ ни одного еретика. Нынѣ брака нѣтъ и брачущіеся въ никоніанскихъ храмахъ—прелюбодѣи, еретики. Живя какъ бы по закону, они не чувствуютъ угрызеній совѣсти за свой грѣхъ и не каются, тогда какъ падшій по немощи естества необходимо сознаетъ свою вину и приноситъ въ ней раскаяніе. По этому не возбраняется утолять похоть, да не обуревается человѣкъ нечистыми помыслами. Тайно содѣянное тайно и судится". Не трудно представить себѣ, что было слѣдствіемъ такихъ безнравственныхъ внушеній. Прихожане кладбища, жившіе въ своихъ домахъ, еще вели себя по возможности благоприлично. Имѣя средства обзаводиться „покойщицами", они развратничали болѣе или менѣе не гласно, держа у себя любовницъ подъ именемъ разнаго рода прислужницъ. Не то было на Преображенскомъ кладбищѣ, гдѣ въ отдѣльныхъ половинахъ помѣщались

мужчины и женщины, разныхъ возрастовъ и званій. Здѣсь происходили мерзости, о которыхъ срамно и глаголати. Не говоримъ уже о появленіи на кладбищѣ такъ называемыхъ воспитанниковъ Ильи Алексѣевича, состоявшихъ изъ незаконнорожденныхъ дѣтей мнимыхъ дѣвственниковъ; по словамъ одного современника Ковылина, развратъ на Преображенскомъ кладбищѣ наконецъ усилился до того, что „многажды случалось братъ съ сестрою, кумъ съ кумою, многажды при молитвенныхъ домахъ, во время службы великихъ праздникъ, не точію прихожане токмо, но и сами тіи служащіи ту скверноדѣяніе творили.“ Развращенность не только тѣла, но и души доходила до того, что мнимые дѣвственники и дѣвственницы не могли взглянуть другъ на друга безъ нечистыхъ помысловъ, даже на иконы святыхъ мнимыя дѣвственницы „безстыдными взирали очесы“ (¹). Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что ученики Ковылина стали какъ бы хвастаться своимъ развратомъ предъ другими безпоповцами. Когда въ 1785 г. одному изъ послѣдователей Ковылина начали говорить Поморцы о необходимости брачной жизни, онъ необинуясь отвѣчалъ цѣлому собранію: „лучше нынѣ имѣть сто блудницъ, нежели брачитися“. Поморцы описали Ковылину этотъ случай, жаловались на такую безнравственность его учениковъ и свое письмо отослали къ нему съ тѣмъ же Өедосѣевцемъ, который такъ глубоко оскорбилъ ихъ нравственное чувство. И что же? Ковылинъ „за ужиномъ прочитавши письмо про себя, изодралъ его, а онаго посланнаго старика за такія его растлѣнныя слова ничѣмъ не наказалъ, ни словомъ, ни дѣломъ и на про-

(¹) Спор. безпоп. преоб. кладб. и покр. часовн. о брак. стр. 51.

щеніе не приводилъ,—молчаніемъ прикрылъ (1)". Другой случай былъ еще омерзительнѣе: собрались однажды Поморцы къ Ковылину для разсужденій о бракѣ; послѣ многихъ споровъ нѣкоторые изъ Ѳедосѣевскихъ наставниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе поморцевъ, что, по Апостолу, бракъ честенъ и ложе нескверно, сказали: „лучше со стами животными смѣситися, нежели законнымъ бракомъ одну жену имѣть". И къ удивленію Поморцевъ, такимъ „пастухамъ буцефаламъ" Ковылинъ не сдѣлалъ даже замѣчанія за ихъ отвратительныя выраженія, не только не наказалъ чѣмъ-либо (2). Наконецъ, вотъ съ какимъ цинизмомъ говоритъ о своемъ поведеніи „дѣвственная Ѳедосѣевка" въ одной раскольнической рукописи:

Слышу вижу, понимаю
Я, что-я, въ чемъ я, то знаю,
Относительно жъ меня,
Здѣсь вамъ мыслить отъ себя:
Что угодно понимайте,
Какъ хотите, называйте.
Я стыда ни въ чемъ не знаю,
Что угодно разсуждайте,
Какъ хотите, называйте.
По сему... и проч. (3).

Въ объясненіе же, почему Ѳедосѣевка такъ смѣло и открыто идетъ по пути разврата, она замѣчаетъ:

Насъ отцы (4) за грѣхъ простятъ,
Въ райско мѣсто помѣстятъ.

Но въ то время, какъ Ѳедосѣевцы Преображенскаго

---

(1) Ibidem—стр. 43.

(2) Ibidem—стр. 57—8.

(3) Смотр. Православ. Обозрѣ. 1864 г. статья: „Странники или бѣгуны" стр. 297.

(4) Т. е. духовники, наставники.

кладбища подъ вліяніемъ убѣжденія, что „тайна брака истребися“, стали проповѣдывать и словомъ и дѣломъ самый грубый и наглый развратъ, безпоповцы Поморской московской общины пошли въ рѣшеніи вопроса о бракѣ по направленію, совершенно противоположному. Прежде всего лучшіе изъ поморцевъ вмѣстѣ съ Вѣтковцами (¹) составили въ 1765 г. соборъ, на которомъ рѣшили еще разъ (²) попытаться пріобрѣсть себѣ архіерея, отсутствіе котораго въ расколѣ было, по сознанію самихъ заблуждающихъ, главною причиною недостатка въ безпоповщинскомъ расколѣ „руковозложенія и освященія къ служенію въ Божіей церкви таинствъ“ (³) вообще, и въ частности таинства брака. А потомъ, когда и эта попытка не удалась (⁴), одинъ изъ бывшихъ на соборѣ Поморцевъ, именно Василій Емельяновъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи основателемъ такъ называемой Покровской часовни и вмѣстѣ наставникомъ ея, человѣкъ умный и практическій, сталъ проповѣдывать, что „женившійся не согрѣшаетъ, бракъ честенъ и ложе не скверно“. Какимъ путемъ дошелъ Емельяновъ до такаго здраваго, но несогласнаго съ убѣжденіями безпоповца, взгляда на бракъ, объ этомъ за недостаткомъ положительныхъ извѣстій трудно сказать что либо опредѣленное. Къ убѣжденію въ необходимости брачной жиз-

---

(¹) Іоанновъ (стр. 197) и Пр. Макарій (Ист. русск. раск. стр. 352) говорятъ, что въ этомъ соборѣ принимали участіе и Ѳедосѣевцы; но это несправедливо.

(²) О первой попыткѣ поморцевъ найти себѣ архіерея см. въ Хр. Чт. авг. стр. 234 — 6.

(³) Іоаннов. стр. 198.

(⁴) О собор. раск. 1765 г. см. въ полн. истор. извѣст. стр. 194—200, въ Истор. русск. раск. Пр. Мак. стр. 352—3 и въ истор. очерк. поповщины — Мельникова, стр. 257 — 265. Извѣстія г. Мельникова обстоятельнѣе, точнѣе и вѣрнѣе.

ни могли привести Емельянова и сочинения Алексѣева и даже простой здравый смыслъ его, понимавшій, что въ столицѣ безъ брака трудно сохранить чистоту души и тѣла даже и суровому безпоповцу. Развратъ московскихъ Ѳедосѣевцевъ могъ служить въ этомъ случаѣ для Емельянова самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ справедливости внушеній его здраваго смысла; не могъ, разумѣется, не знать Емельяновъ и того, что браки и брачныя сожительства въ расколѣ уже существовали, только въ видѣ исключеній; слѣдовательно, допуская бракъ, не какъ исключеніе, а какъ общее право каждаго, желающаго вести семейную жизнь, Емельяновъ даже неособенно противорѣчилъ преданію отцевъ. Могли быть у него и другія соображенія—чисто практическія. Онъ зналъ, что „свобода ложа", допущенная Ковылинымъ въ Ѳедосѣевщинѣ, „претитъ совѣсти" многихъ Ѳедосѣевцевъ. Допустивъ въ своей общинѣ семейную жизнь, Емельяновъ могъ расчитывать, что этимъ онъ можетъ склонить на свою сторону тѣхъ изъ богатыхъ и вліятельныхъ Ѳедосѣевцевъ, которые гнушались разврата. И въ этомъ расчетѣ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, Емельяновъ не ошибся. Такъ-лишь только онъ „открылъ въ Москвѣ начало брачнаго чина", какъ ближайшій помощникъ и товарищъ Ковылина, купецъ Зеньковъ открыто сталъ на сторону Емельянова и въ письмѣ къ нему называлъ его самыми лестными именами: пастыремъ и учителемъ, единственнымъ человѣкомъ, исполненнымъ правды и истины: „ты, Самимъ Богомъ наученный, говорилъ онъ, ты намъ Богомъ поставленный предводитель на правый путь, о тебѣ все упованіе наше, тобою чаемъ спастися" ([1]). Наконецъ весьма вѣ-

([1]) Спор. безпоповц. Преображ. кладб. и Покров. часовн. о бракѣ, стр. 4.

роптнымъ представляется намъ и то извѣстіе Іоаннова, что Емельяновъ признавалъ законною брачную жизнь, между прочимъ, для того, чтобы удержать въ расколѣ тѣхъ изъ безпоповцевъ, которые вступали въ браки, по слову Алексѣева, въ православной Церкви и терпѣли за это такія преслѣдованія со стороны своихъ единовѣрцевъ, что нерѣдко считали за лучшее совершенно оставить расколъ и переходили то въ поповщину, то въ Церковь православную (¹). Какъ бы впрочемъ ни было, только Емельяновъ сталъ учить, что бракъ возможенъ и для безпоповцевъ. Судя по тому, что Емельяновъ за свою „набожную и степенную жизнь" пользовался огромнѣйшимъ авторитетомъ между безпоповцами, что его уважали не только Поморцы, но и Ѳедосѣевцы, поповцы же и „слѣпая Нѣтовщина", по выраженію Любопытнаго, „тряслись" предъ нимъ, — можно представить, какого громаднаго успѣха должна была ожидать себѣ проповѣдь Емельянова о необходимости брака въ средѣ безпоповцевъ. Оставался теперь только одинъ вопросъ о томъ, какъ заключать бракъ безпоповцу, чтобы онъ былъ законенъ. Какъ же рѣшила этотъ вопросъ московская Поморская община съ своимъ „славнымъ пастыремъ и учителемъ" Васильемъ Емельяновымъ?

Два пути было предъ Емельяновымъ, которыми до него пользовались безпоповцы для заключенія своихъ браковъ, — путь вѣнчанія въ Церкви православной и путь браковъ „безсвященнословныхъ", заключавшихся по одному взаимному согласію жениха и невѣсты, нерѣдко безъ согласія на то родителей. Емельяновъ былъ на столько честенъ, что не могъ не признать безсвящен-

(¹) Полн. Истор. извѣст. о расколѣ стр. 153—4.

[illegible] Церкви, и что же, хотя [illegible] христіанъ“ [illegible] еретической церкви. [illegible] оставалось дѣлать? Оставалось одно средство: придумать какъ либо новый способъ для заключенія брака. И вотъ Емельяновъ изобрѣтаетъ, по выраженію Любопытнаго, свой „брачный чинъ“ такого рода, что имъ „женящіеся христіане избавлялись отъ явной пропасти никоніанизма“, и въ тоже время получали [illegible] право на брачное сожительство. Въ чемъ же состоялъ этотъ чинъ?

По мнѣнію Емельянова, для заключенія законнаго брака необходимы слѣдующія условія: 1) согласіе жениха и невѣсты; 2) родительское благословеніе; 3) обрученіе; 4) свидѣтели и 5) лѣта законныя сочетавающихся. Что же касается пресвитерскаго вѣнчанія, то оно, — лживо разсуждаетъ пресловутый расколоучитель, — „токмо благолѣпное украшеніе, случайно устроенное“, можетъ быть замѣнено (будтобы), по недостатку православнаго священства, приличными случаю молитвами, которыя въ правѣ читать и „мужи нерукоположенные“. Сначала Емельяновъ замѣнялъ пресвитерское вѣнчаніе пѣніемъ молебна Спасителю и Богоматери (1), а потомъ однимъ изъ московскихъ Поморцевъ, по фамиліи Скочковымъ, который, по выраженію Любопытнаго (2), „въ московскомъ кругѣ ученыхъ былъ первымъ лицемъ въ пер-

(1) Твор. св. отецъ 1858 г. кн. 2 стр. 208.
(2) Историч. словар.

книжныхъ особыхъ и почерпнутыхъ въ самихъ правилъ", составленъ былъ особаго рода „канонъ Господу Богу на обрядъ бракосочетанія новоприносящимъ нужнымъ поморской церкви" (¹), прочтеніемъ котораго вмѣстѣ съ молебномъ и ограничивалось вѣнчаніе въ Покровской часовнѣ бракоборцевъ раскольническихъ (²). Какъ ни страннымъ должно было показаться раскольникамъ такой

(¹) Катал. Любоп: стр. 79 № 256.

(²) Читателю можетъ показаться страннымъ, какъ Сночковъ осмѣлился составить особенное чинопослѣдованіе на совершеніе брака въ замѣнъ чина вѣнчанія, положеннаго въ требникѣ, и какъ раскольники могли „канонъ," сочиненный Сночковымъ, считать за что-либо серьезное. Для объясненія всего дѣйствительно страннаго явленія въ расколѣ, считающемъ себя защитникомъ „древняго благочестія", нужно помнить, что безпоповцы, неправильно предоставивъ, по неимѣнію у себя іерархіи, совершать различныя службы и даже таинства простолюдинамъ, не могли не видѣть, что въ старопечатныхъ требникахъ находится множество такихъ молитвъ, которыя въ правѣ читать одинъ только пастырь Церкви и которыя не идутъ къ лицу простолюдина, и потому составили свои особыя чинопослѣдованія, приличныя „мужамъ нехиротонисаннымъ". И Сночковъ не первый рѣшился на сочиненіе подобнаго чинопослѣдованія. По свидѣтельству одного поморскаго писателя, еще Андрей Денисовъ „написалъ уставъ поморской службы церковной и келейной, перекрещиваніе въ нихъ церковь приходящихъ утвердилъ обширнымъ писаніемъ, еще новоиздалъ разныхъ 29 правилъ для существованія всего безпоповскаго общества" („писаніе древлехристіанскія православныя Церкви, существующей по лѣтѣ 1666-мъ"). Съ легкой руки Денисова и другіе безпоповщинскіе наставники стали по требованію обстоятельствъ сочинять разнаго рода безчинные чины! Такимъ образомъ явились у безпоповцевъ, и особенно у Поморцевъ, „чины нехиротонисанныхъ для отправленія святыхъ тайнъ крещенія и покаянія", „чинъ обрученія староотеческой церкви брачущимся," „чинъ или обрядъ вѣнчанія," „чинъ или обрядъ очищенія жены, родившей отроча и всѣхъ окружающихъ ея предметовъ," „чинъ или обрядъ [illegible] пастыря душъ," „чинъ благословенія [illegible] въ день святой и [illegible]," „чинъ поморской церкви благословенія въ недѣлю Ваій," „чинъ освященія оскверненныхся и сихъ всякой посуды" (Катал. Любопытнаго №№ 225, 255—9, 432—435, 503—506) и множество другихъ чиновъ. Всѣ эти чины иногда написывались въ одной книгѣ, которая называлась: „книга потребникъ для чиновниковъ поморскій" (Тамъ же № 501).

обрядъ заключенія брака, но нужда брачной жизни и уваженіе безпоповцевъ къ Емельянову были такъ велики, что множество московскихъ поморцевъ бросились въ Покровскую часовню и стали заключать въ ней свои браки. Вскорѣ заведена была при часовнѣ книга, въ которую записывались имена вступавшихъ въ бракъ, вмѣстѣ съ деньгами, которыя получались за исполненіе этого обряда, а вмѣстѣ съ этимъ введено было чтеніе брачнаго апостола и Евангелія и пѣніе при входѣ жениха и невѣсты въ моленью псалма: блажени вси боящіися Господа. Этимъ послѣднимъ распоряженіемъ Покровская часовня хотѣла придать бракамъ, заключавшимся въ ней, больше формальности и торжественности, а слѣдовательно и видъ большей законности. Все, по видимому, обстояло благополучно, какъ вскорѣ получено было Васильемъ Емельяновымъ изъ Выговской пустыни письмо, которымъ онъ приглашался въ Поморскій монастырь. Какъ ни великъ былъ авторитетъ Емельянова въ Москвѣ, но и „Выгорѣцкая лавра", какъ часто величаетъ Выговскій монастырь, или общину, Любопытный, пользовалась въ то время еще прежнимъ значеніемъ между Поморцами; значитъ, нужно было отправляться въ Поморье, хотя Емельянову и не хотѣлось разставаться съ любившими его московскими учениками. Зналъ ли Емельяновъ, за чѣмъ его требовали на Выгъ, или не зналъ, трудно сказать. Но за то лишь только явился онъ въ „Выгорѣцію", какъ немедленно объяснилась причина призыва его сюда. Дѣло было въ томъ, что до Выголексинской общины дошелъ слухъ „о новозаведенномъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ нѣкіихъ христіанъ сомнительномъ толкованіи брака"; узнали Выговцы и о томъ, что представителемъ этихъ „нѣкіихъ" христі-

инъ“ былъ Василій Емельяновъ. Привыкшая къ господству надъ всѣми своими единовѣрцами, считавшая себя окончательнымъ судіею въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ о вѣрѣ, Выговская пустыня въ лицѣ своихъ насельниковъ оскорбилась поступкомъ московскихъ поморцевъ, рѣшившихся безъ вѣдома ея измѣнить прежнее ученіе о бракѣ, и потребовала къ себѣ на судъ и расправу представителя и наставника ихъ—Василья Емельянова. По общепринятому у раскольниковъ обычаю, составился (въ 1777 году) по прибытіи Емельянова на Выгъ соборъ для разсмотрѣнія спорнаго предмета. Много было разсужденій и споровъ на этомъ соборѣ, много было высказано мыслей въ пользу и противъ брака, но, не смотря на то, что сторону Емельянова держали весьма многіе изъ Поморцевъ и послѣ писали даже въ защиту брака (1), партія „бракоборцевъ“ одержала на этотъ разъ верхъ. Василій Даниловъ, въ Выгорѣціи „Тихвинскаго скита житель“, славившійся за свою „пылкость къ бракоборству въ лаврѣ и по скитамъ у всей черни“, Козьма Ивановъ, „отличный житель Выгорѣцкой киновіи, украшавшій своимъ сладкопѣніемъ и рѣдкимъ басомъ Выгорѣцію и окрестные ея скиты“, Тимофей Андреевъ, „своимъ краснорѣчіемъ, разительнымъ духомъ и твердостію въ истинахъ началъ услаждавшій всѣхъ слушавшихъ и плѣнявшій ихъ въ свое послушаніе“, Іона монахъ „пастырь выгорѣцкой киновіи, мужъ благочестивой и строгой жизни, усердный и ревностный буквалистъ“,—(2) вотъ главныя лица, въ которыхъ Василій Емельяновъ встрѣтилъ противодѣйствіе своему ученію о бракѣ.

(1) Катал. Любопытн. стр. 45 №№ 120—1 стр. 133, №№ 580 и 825.

(2) См. объ нихъ въ Словарѣ историч. и въ Каталогѣ Любопытнаго.

Козьма Ивановъ былъ главою бракоборцевъ на соборищѣ, онъ же сочинилъ, по выраженію Любопытнаго, „суевѣрныя и предразсудкомъ омраченныя статьи,“ въ которыхъ опредѣлялось, какъ брачущихся такъ и прежевѣнчанныхъ брачную жизнь отлучать, переходящихъ въ расколъ принимать не иначе, какъ съ разводомъ, и вообще законнымъ бракомъ признавать только благословенный священникомъ. Послѣдняя статья показываетъ, что Выгорѣцкіе поморцы, возставшіе противъ Емельянова, отвергали бракъ не безусловно, а потому только, что его, по ихъ мнѣнію, не кому было вѣнчать, по отсутствію у безпоповцевъ священства. Была и другая причина, побудившая нѣкоторыхъ изъ жителей „Выгорѣціи“, не соглашаться съ Емельяновымъ. „Политическія правила“ своего общества, какъ выражается Любопытный (1), они „предпочитали откровенію и разуму,“ т. е. признавая въ душѣ ученіе о необходимости брачной жизни согласнымъ съ Словомъ Божіимъ и съ простымъ здравымъ смысломъ, они видимо ратовали противъ нея по расчетамъ чисто практическимъ—потому, что принятіе семейной жизни законною находили дѣломъ неприличнымъ и невыгоднымъ для общежитія, устроеннаго на началахъ монастырскихъ и поддерживавшаго свое благосостояніе общими трудами насельниковъ. Какъ бы впрочемъ ни было, только Емельяновъ, по своему „миролюбію, незлобію и дружескому обращенію съ ближними,“ не желая производить раздора между поморцами выговскими и московскими, рѣшился уступить на время „бракоборцамъ“ и подписался подъ составленными на соборищѣ Выгорѣцкомъ статьями, отвергавшими брачную жизнь.

(1) Въ Словар. историч., въ статьѣ: „Даніилъ Матвѣевичъ.“

„Въ сему обязательному письму, еже впредь защищенія безсвященнословнымъ бракомъ чинить не буду“,—такъ подписался учитель московской померской общины.

Не легко изобразить чувства, какія волновали Емельянова въ то время, когда онъ, по окончаніи „собора,“ возвращался изъ „Выгорѣціи“ въ первопрестольную Москву. Съ одной стороны ему живо рисовалось въ воображеніи „письмо,“ въ которомъ онъ обязался не „чинить впредь защищенія безсвященнословнымъ бракомъ,“—съ другой—онъ ясно припоминалъ, что многіе московскіе его ученики уже находились въ брачныхъ сожительствахъ по его слову и „благословенію,“ а еще большее число ихъ только ожидало его возвращенія, чтобы перемѣнить свою одинокую жизнь на жизнь семейную. Что же оставалось дѣлать, на что рѣшиться? Измѣнить данному Выговскимъ „отцамъ“ обѣщанію—„учить о бракахъ такъ, какъ прежніе отцы учили“—дѣло не хорошее и можетъ повести къ церковному раздору“. Сознаться предъ московскими поморцами, что онъ училъ о возможности и необходимости для безпоповца брачной жизни—несправедливо, значило поступить противъ собственнаго убѣжденія, противъ „откровенія и разума,“ значило подорвать въ глазахъ учениковъ свой авторитетъ „истиннаго пастыря“ и ввергнуть ихъ или „въ пропасть никоніанизма“, или въ Ѳедосѣевскій развратъ. Обсуждая спокойно все, что было говорено на Выговскомъ соборѣ противъ брака, Емельяновъ увидѣлъ, что въ многихъ доказательствахъ, которыя указывали Выговцы въ защиту своего ученія о безбрачіи, было не мало и такихъ, которыя имѣли своимъ основаніемъ не Слово Божіе, безусловно обязательное для каждаго истиннаго христіанина, а обычай прежнихъ наставниковъ и „по-

литическія правила" Выгорѣцкой киновіи, — вещи условныя и временныя. „Можно защищать дѣвство, думалъ Емельяновъ, Василію Данилову, живущему въ Тихвинскомъ скиту, гдѣ нѣтъ ни одной женщины, или монаху Іонѣ, которому по самому званію своему и не слѣдъ говорить о бракѣ, — да и всѣмъ вообще Выговскимъ отцамъ, у которыхъ „все установлено по чину монастырскому" и которые проводятъ „пустынное житіе;" пожили бы они въ Москвѣ — въ этомъ любодѣйномъ Вавилонѣ, гдѣ на каждомъ шагу всякаго рода прелести и соблазны для истиннаго христіанина, гдѣ нельзя пройти по улицѣ, чтобы не встрѣтиться съ мірскими женами, или съ христіанками; а вѣдь „легчае со діаволомъ часто срѣтатися, нежели съ доброличными женами". Говорятъ: прежніе отцы не такъ учили, а не знаютъ развѣ, что прежніе отцы не учили и о моленіи за царя, а послѣ стали молиться въ самой же выгорѣціи... Нѣтъ, пусть думаютъ обо мнѣ поморскіе отцы, что хотятъ, а я по совѣсти не могу исполнить даннаго имъ обязательства. Къ тому же и Андрей Борисовичъ (¹) и другіе говорили мнѣ наединѣ, что дѣло мое правое и что они сами согласились съ бракоборцами только изъ „политики." Съ такими мыслями возвратился Емельяновъ въ Москву и, несмотря на свою подпись подъ „обязательнымъ письмомъ,", сталъ по прежнему доказывать необходимость брачной жизни и вѣнчать всѣхъ, кто обращался къ нему за этимъ. Само собою разумѣется, что въ Выговской пустынѣ скоро узнали о такомъ поступкѣ Емельянова и,

---

(¹) Емельяновъ, по словамъ Любопытнаго, находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, вскорѣ (съ 1780 г.) сдѣлавшемуся настоятелемъ Выговской пустыни. Словарь историч.

чтобы остаться вѣрными опредѣленіямъ недавно бывшаго сборища, отлучили его отъ „своей церкви". Вѣсть объ этомъ спорѣ разнеслась между поморцами разныхъ мѣстъ и такъ какъ большинство ихъ сочувствовало ученію Емельянова, то въ скоромъ времени въ Выговскій монастырь стали приходить изъ разныхъ мѣстъ и отъ разныхъ лицъ „посланія о глупомъ, безразсудномъ и невинномъ выгорѣцкомъ отлученіи отъ своей церкви московскаго отличнаго пастыря Василья Емельянова, по предмету брачной тайны" (¹). Долго шелъ споръ между московскими и выгорѣцкими поморцами о бракѣ. Еще 1794 г. было отправлено „соборное посланіе отъ лица московской церкви въ славную выгорѣцкую киновію къ главному оной старѣйшинѣ Архипу Дементьеву (²) и всей той братіи о возстановленіи церковнаго мира, разрушеннаго въ нѣкоторое время" (³). Когда кончился этотъ споръ, когда „возстановленъ былъ миръ" между поморцами выгорѣцкими и московскими, объ этомъ мы не знаемъ точныхъ извѣстій. По всей вѣроятности, это послѣдовало вскорѣ послѣ смерти тѣхъ лицъ, которые на соборѣ выгорѣцкомъ 1777 года оказались главными бракоборцами, т. е. въ началѣ настоящаго столѣтія (⁴). Съ другой стороны, основываясь на томъ извѣстіи Любопытнаго, что нѣкоторые даже изъ настоятелей вы-

(¹) Катал. Любопытн. стр. 66, № 153; стр. 101, № 365.

(²) Архипъ Дементьевъ былъ настоятелемъ и Выгорѣцкимъ киновіархомъ съ 1791 по 1809 г. Слов. историч. Любопытнаго.

(³) Катал. Любопытн. стр. 79, № 261; снес. истор. русск. раск. стр. 279.

(⁴) Монахъ Іона умеръ въ 1802 году, а Тимофей Андреевъ, къ которому писано было посланіе о „невинномъ отлученіи отъ поморской церкви Василья Емельянова", въ 1808 г. Слов. историч. Любопытнаго.

выговской пустыни были въ [illegible] съ Емельяновымъ, писали апологіи противъ [illegible] бракоборцевъ въ старообрядствѣ, даже утверждали, что церковь Христовой, вѣчность брачнаго бытія и утверждали, по [illegible] церкви, что существо [illegible] состоитъ въ предварительномъ [illegible], а не въ [illegible] обѣтѣ сопрягающихся лицъ" (¹), что Емельяновъ считался въ свое время „усерднымъ и почти единственнымъ попечителемъ выгорѣцкой лавры" (²), можно думать, что споръ между нимъ и выговцами о бракѣ ограничивался больше „посланіями къ славную выгорѣцкую нивонію" со стороны Емельянова (³), „отвѣтными и возразительными словами" въ Москву со стороны „Выгорѣціи" (⁴), и не доходилъ до сильной, запальчивой вражды между противниками, исключавшей взаимное общеніе и услуги, какъ это бывало въ расколѣ въ другихъ случаяхъ. Какъ бы впрочемъ ни было, только неблагосклонный судъ Выговской пустыни о „бракахъ", введенныхъ между московскими поморцами Емельяновымъ, былъ причиною того, что не только нѣкоторые изъ поморцевъ иногородныхъ (напр. Ростовскихъ) возстали противъ такихъ браковъ (⁵), но и многіе изъ московскихъ учениковъ Емельянова стали сомнѣваться въ ихъ законности (⁶). Это обстоятельство заставило Емельянова написать нѣсколько „исповѣданій о таинствѣ святого брака на счетъ увѣренія колебло-

(¹) Катал. Любопытн. стр. 45, № 120.
(²) Слов. Историч. Любопытнаго.
(³) Катал. Любопытнаго стр. 66, № 193.
(⁴) Ibid. стр. 139, №№ 604—5.
(⁵) Катал. Любопытнаго стр. 78, [illegible]
(⁶) Ibid. стр. 26, № 343.

щейся своей паствы о семъ предметѣ" (¹). Впрочемъ большинство Поморцевъ, не смотря на видимый разладъ Емельянова съ „Выговцами", не замедлили стать на его сторону, и въ скоромъ времени явились защитники брачной жизни въ губерніяхъ: Архангельской (²), Астраханской (³), въ Петербургѣ (⁴) и въ другихъ мѣстахъ.

И. Нильскій.

(¹) Ibid. стр. 66, № 188.
(²) Ibid. стр. 54—5, №№ 151—2.
(³) Ibid. стр. [illegible], №№ [illegible]—0, [illegible] и [illegible].
(⁴) Ibid. стр. [illegible], № [illegible].

О ДРЕВНОСТИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА.

(Окончаніе).

Мы разсмотрѣли, въ общихъ и главныхъ чертахъ, всѣ основанія, на которыхъ утверждаются сужденія новѣйшихъ естествоиспытателей о хронологической древности „ископаемыхъ органическихъ остатковъ, животныхъ и растеній — и видѣли, что ни одно изъ этихъ основаній не отличается достаточною твердостію и не выдерживаетъ, даже поверхностной, научной критики. Попытки естествоиспытателей установить точные хроно-историческіе масштабы для измѣренія органическихъ процессовъ въ исторіи развитія животной и растительной жизни точно такъ же шатки, какъ и попытки геологовъ опредѣлить въ числахъ продолжительность различныхъ геологическихъ эпохъ, приложить ариѳметическія вычисленія къ геологическимъ процессамъ развитія и образованія нашей планеты. И такъ какъ, въ обоихъ этихъ случаяхъ, современное естествознаніе идетъ не столько по пути опытныхъ наблюденій и точно обслѣдованныхъ фактовъ, сколько по пути предвзятыхъ взглядовъ и теорій, то есть основаній думать, что еще

не такъ близко время, когда мы получимъ отъ него точное, справедливое рѣшеніе означенныхъ вопросовъ... Если же такъ, — если естествознаніе не имѣетъ въ настоящее время точныхъ данныхъ для опредѣленія хронологической древности органическихъ окаменѣлостей, погребенныхъ въ разныхъ слояхъ земли, то спрашивается, какимъ образомъ эти окаменѣлости могутъ служить руководительными указателями относительной древности погребенныхъ вмѣстѣ съ ними остатковъ человѣческихъ костей и человѣческихъ произведеній? Доказывать стотысячелѣтнюю древность человѣка тѣмъ, что онъ былъ современникомъ нѣкоторыхъ исчезнувшихъ видовъ животныхъ, по нашему мнѣнію, такъ же странно, какъ если бы кто вздумалъ помощію непровѣренныхъ часовъ опредѣлять время дня и ночи. Здравая логика требуетъ сначала доказать стотысячелѣтнюю древность допотопнаго слона, мамонта, носорога и другихъ исчезнувшихъ видовъ животныхъ и тогда уже говорить о стотысячелѣтней древности человѣка, который, какъ доказываетъ современная естественная наука, былъ современникомъ этихъ животныхъ. Но доказать перваго положенія естествознаніе не можетъ безъ поэтической гипотезы Ляйэлля, произвольно отодвигающей допотопный (дилювіальный) періодъ отъ настоящаго времени на сто тысячь лѣтъ и подобной же теоріи Дарвина, допускающей безконечно медленные періоды въ развитіи животнаго царства. Впрочемъ, если бы даже естествоиспытателямъ и удалось доказать, какъ несомнѣнный фактъ, стотысячелѣтнюю древность допотопной окаменѣвшей фауны, и въ такомъ случаѣ было бы не логично говорить о стотысячелѣтней древности человѣка, на томъ только основаніи, что въ дилювіальныхъ отложе-

ніяхъ находятся слѣды существованія человѣка, указывающіе на одновременное существованіе его съ нѣкоторыми видами угасшихъ допотопныхъ животныхъ. Нелогичность такой логики можно видѣть изъ примѣра. Извѣстно, что Лайэлль существуетъ въ Лондонѣ одновременно съ нѣкоторыми археологическими памятниками, древность которыхъ восходитъ ко временамъ Римскаго господства въ Альбіонѣ (почти за 2000 лѣтъ до настоящаго времени). Логично ли будетъ сдѣлать отсюда такое заключеніе, что и Лайэлль существуетъ въ Лондонѣ около 2,000 лѣтъ?... Между тѣмъ Лайэлль съ своими послѣдователями умозаключаетъ точно такимъ образомъ, когда отъ одновременности существованія людей съ дилювіальными животными дѣлаетъ заключеніе объ одинаковой древности тѣхъ и другихъ, и называетъ ихъ ровесниками по возрасту. Съ точки зрѣнія геологіи, допускающей продолжительные періоды въ исторіи развитія земли и органической жизни на землѣ, естественны, въ этомъ случаѣ, такія предположенія: можетъ быть человѣкъ жилъ очень не долго съ дилювіальными животными, засталъ ихъ уже въ послѣднюю пору ихъ существованія, явился гораздо позднѣе ихъ на землѣ и т. под. Но защитники стотысячелѣтней древности человѣческаго рода стараются игнорировать и обходить такого рода предположенія, чтобы не ослабить и безъ того слабой и шаткой теоріи, къ утвержденію которой они направляютъ свою научную дѣятельность. Изъ новѣйшихъ ученыхъ, занимающихся разработкою вопроса о древности человѣка, можно указать только на одного французскаго естествоиспытателя Перти, который, признавая фактъ одновременнаго существованія человѣка съ дилювіальными животными, въ тоже время не [illegible]

изъ всего тѣхъ выводовъ, по отношенію къ вопросу о древности человѣческаго рода, какіе мы находимъ у послѣдователей теоріи Лайэлля. „Лайэлль справедливъ, говоритъ Перти, въ томъ отношеніи, что существованіе человѣка относитъ къ дилювіальной эпохѣ и признаетъ его современникомъ мамонта, носорога и другихъ животныхъ; но отсюда съ основательностію можно вывести только то заключеніе, что начало человѣческаго рода относится за нѣсколько тысячелѣтій до историческаго времени, но отнюдь не то, что древность человѣка нужно считать сотнями тысячелѣтій". Съ неменьшею если не съ большею основательностію, по нашему мнѣнію, изъ этого факта можетъ быть выведено другое заключеніе, что виды означенныхъ дилювіальныхъ животныхъ, не встрѣчающихся въ ряду нынѣшнихъ животныхъ, существовали на землѣ во времена не слишкомъ отдаленныя отъ нашихъ, въ эпоху уже довольно высокаго развитія культуры и цивилизаціи въ человѣческомъ родѣ. Въ подтвержденіе послѣдняго вывода мы можемъ указать на остатки искуственныхъ человѣческихъ произведеній, найденныхъ новѣйшими геологами въ дилювіальныхъ отложеніяхъ земной коры, на ряду съ вымершими типами животнаго и растительнаго царства. Сюда относятся преимущественно: 1) орудія, найденныя въ окрестностяхъ Аббевиля — въ Пикардіи, 2) озерныя жилища, или искуственныя свайныя постройки, открытыя въ Ирландіи, Швейцаріи и другихъ частяхъ Европы и 3) наконецъ кухонные остатки, или древнѣйшія сорныя груды, найденныя въ торфяныхъ отложеніяхъ Даніи и называемыя на мѣстномъ Датскомъ нарѣчіи „Kjokkenmondiger". Эти открытія надѣлали много шуму въ ученомъ геологическомъ мірѣ и

составляютъ въ настоящее время предметъ изслѣдованія для особливой отрасли геологической науки, которую Швейцарскій археологъ Морло назвалъ „археологическою геологіею“. Геологи пользуются этими находками, какъ документами для древности человѣка и основываютъ на нихъ новый рядъ сужденій о древнѣйшихъ временахъ и древнѣйшемъ состояніи человѣческаго рода. Разборомъ этихъ сужденій мы и займемся теперь съ возможною, при нашихъ свѣдѣніяхъ, полнотою и обстоятельностію.

Первый шагъ въ новомъ археологическомъ направленіи геологической науки былъ сдѣланъ французскимъ геологомъ — антикваріемъ Буше де-Пертесомъ. Этотъ ученый нашелъ въ одномъ древнемъ дилювіальномъ слоѣ, лежащемъ близъ Аббевиля, въ бассейнѣ рѣки Сомы, нѣсколько кремневыхъ обломковъ, которыхъ относительная древность въ глазахъ геолога подтверждалась ихъ геологическимъ положеніемъ вмѣстѣ съ костями мамонта, ископаемаго носорога и другихъ большихъ животныхъ. Искусный изслѣдователь, въ руки котораго попали эти обломки, умѣлъ подмѣтить въ ихъ оригинальномъ, хотя грубомъ, очертаніи признаки искуственнаго произведенія, отличающіе ихъ отъ каменныхъ полированныхъ орудій позднѣйшей эпохи и назвалъ ихъ „допотопными орудіями“. Ученые долго не хотѣли вѣрить, чтобы искуственные предметы — человѣческія издѣлія — какъ бы грубы они ни были могли находиться въ такихъ слояхъ, древность которыхъ, съ точки зрѣнія новѣйшей геологіи, должно опредѣлять по меньшей мѣрѣ въ 100,000 лѣтъ. Весьма многіе геологи посѣщали Аббевиль изъ отдаленныхъ странъ, чтобы лично осмотрѣть положеніе аллювія и судить дѣйствительно

ли орудія эти естественнымъ путемъ попали въ слой, имѣющій признаки такой глубокой древности и можно ли еще считать ихъ орудіями. Возраженіе было не слабое. Многіе вооружились противъ Аббевиля съ убѣжденіемъ, что аллювій былъ когда то потревоженъ какимъ либо позднѣйшимъ происшествіемъ и что кремневыя орудія смѣшались съ костями допотопныхъ животныхъ долгое время спустя послѣ вымиранія мамонта и его современниковъ; другіе думали, что Аббевильскіе обломки обязаны своей своеобразной формой только случайной игрѣ природы, которая, какъ показываютъ наблюденія, часто обнаруживается въ кристаллахъ и минералахъ, представляющихъ въ своемъ натуральномъ состояніи дивное сочетаніе элементовъ и формъ, которое съ трудомъ можетъ быть воспроизведено рукою художника; третьи наконецъ подозрѣвали обманъ со стороны рабочихъ, будто бы поддѣлавшихъ эти обломки для продажи. Когда геологи начали собирать эти обломки и нашли множество подобныхъ же экземпляровъ въ другихъ мѣстностяхъ, занимающихъ такое же геологическое положеніе какъ и Аббевильское предмѣстье, ученые стали склоняться на сторону Буше де-Пертеса, т. е. признавать, что какъ эти орудія, такъ и тѣ, которые ихъ дѣлали, были современники угасшимъ млекопитающимъ и относятся къ допотопному времени. Послѣ того какъ Лайэль, до сихъ поръ все еще находившійся въ сомнѣніи, объявилъ, что слой, о которомъ идетъ рѣчь, не имѣетъ признаковъ позднѣйшаго нарушенія, а кремневыя орудія, которыя онъ видѣлъ, носятъ несомнѣнные слѣды работы человѣка, между геологами быстро распространилось мнѣніе, что здѣсь открыты древнѣйшіе слѣды человѣка. Только одинъ скептическій

французскій геологъ Дюмериль не могъ удержать своего негодованія и позволилъ себѣ въ одномъ изъ засѣданій Парижской академіи, въ которомъ предложено было на разсмотрѣніе извѣстное теперь мнѣніе [illegible] съ береговъ Соммы, выразиться объ этихъ предметахъ: „C'est ce qu'on peut faire aujourd'hui". Другіе члены Академіи, по словамъ нашего русскаго академика Бэра, лично присутствовавшаго при этомъ засѣданіи, „не трогались съ мѣста" по поводу заявленій Дюмериля (*). Такъ сильно было предубѣжденіе въ пользу глубокой древности Аббевильскихъ издѣлій. Какіе же выводы сдѣланы изъ этого открытія?

Открытіе кремневыхъ орудій собственно не прибавляетъ ничего новаго къ разсмотрѣннымъ нами геологическимъ доказательствамъ о хронологической древности человѣческаго рода. Геологическія данныя, въ условіяхъ которыхъ найдены эти орудія, тѣже самыя, въ которыхъ найдены ископаемые остатки допотопныхъ людей, и на которыхъ, какъ мы уже показали въ предшествующихъ нашихъ разсужденіяхъ, нельзя построить никакихъ вѣрныхъ археологическихъ расчетовъ. Сами по себѣ, по своимъ археологическимъ признакамъ, Аббевильскія орудія также не представляютъ никакихъ доказательствъ своей древности. Что они очень грубы,— это еще не можетъ ручаться за ихъ глубокую древность. Дикія племена до сихъ поръ предпочитаютъ употреблять грубыя каменныя орудія, тогда какъ могущественныя государства рядомъ съ ними процвѣтаютъ цѣлыя тысячи лѣтъ. Для Европейца, который съ той высокой степени развитія, на которой онъ находится,

(*) Подробное описаніе открытія см. у Лайеля гл. VI.

бросить взглядъ на произведенія [illegible] грубыхъ народовъ — на каменные ножи, и стрѣлы краснокожихъ индійцевъ сѣверной Америки, на топоры Австралійскихъ туземцевъ, они ему покажутся также грубыми и почти одинаковыми по своимъ общимъ признакамъ съ орудіями, найденными въ допотопныхъ отложеніяхъ различныхъ мѣстностей Европы. Однако же на этомъ основаніи едва ли кому придетъ мысль о болѣе глубокой древности означенныхъ дикихъ племенъ, сравнительно съ образованными Европейскими народностями. Если Ляйэлль и послѣдователи его выводятъ изъ открытія Аббевильскихъ орудій заключеніе о глубокой стотысячелѣтней древности ихъ фабрикантовъ, то дѣлаютъ это опять не безъ предзанятыхъ теорій и взглядовъ. Заключенію этому, кромѣ фактовъ, открытыхъ геологіею, предшествуютъ у Ляйэлля три, равно несостоятельныя и равно не доказанныя теоріи, именно: 1) теорія безсознательнаго состоянія человѣческаго рода въ первую эпоху его существованія, 2) теорія постепеннаго, безконечно медленнаго высвобожденія человѣка изъ этого состоянія и 3) теорія столь же медленнаго развитія цивилизаціи у первоначальныхъ разумныхъ обитателей земли. „Если бы люди, говоритъ Ляйэлль, въ первую эпоху своего существованія обладали умственными силами и знаніемъ, имѣя въ тоже время способную къ усовершенствованію природу, какъ ихъ потомство, то степень развитія ихъ была бы гораздо выше. Вмѣсто грубыхъ кремневыхъ орудій, до того неправильныхъ по формѣ, что вводятъ неопытный глазъ въ сомнѣніе, дѣйствительно ли здѣсь видны слѣды руки человѣческой, мы находили бы, въ древнѣйшихъ отложеніяхъ земной коры, произведенія гораздо болѣе совершен-

ныя. Слѣды изобрѣтательности ума человѣческаго были бы гораздо совершеннѣе и разнообразнѣе тѣхъ остатковъ, которые мы нынѣ добываемъ изъ окрестностей Аббевилля, Сент-Ашельскихъ копей гравія и другихъ пещеръ. Мы видимъ, что и въ наше время быстрота успѣховъ въ искуствахъ и наукахъ идетъ въ геометрической пропорція съ увеличеніемъ знаній, такъ что, бросивъ взглядъ на прошедшее, мы увидимъ признаки уменьшенія быстроты развитія въ той же геометрической пропорціи. Такимъ образомъ тысячелѣтній успѣхъ развитія въ отдаленный періодъ можетъ соотвѣтствовать столѣтнему успѣху въ новѣйшее время, и по мѣрѣ перехода къ болѣе отдаленныя времена, человѣкъ будетъ все болѣе и болѣе уподобляться безсловеснымъ въ томъ отношеніи, что каждое поколѣніе слѣпо подражаетъ всему, оставленному предшествующимъ. Мы не можемъ въ настоящее время опредѣлить ни начала, ни конца, ни мѣры продолжительности перваго каменнаго періода, когда человѣкъ жилъ одновременно съ большими угасшими млекопитающими и употреблялъ одни орудія изъ камня, но что онъ былъ весьма продолжителенъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Продолжительность этого безчисленнаго ряда вѣковъ заключаетъ достаточно времени для усовершенствованія, о которомъ мы едва можемъ составить себѣ понятіе" (1). Таковы главныя теоретическія положенія, на которыхъ Ляйэллъ думаетъ основать свое мнѣніе о безконечно глубокой древности людей, жившихъ во времена такъ называемаго каменнаго періода.

Противъ перваго изъ этихъ положеній, выставляю-

(1) Гл. XIX стр. 362—363.

щаго намъ безсознательность и неразуміе, какъ первоначальное состояніе человѣческаго рода, мы уже имѣли случай говорить, когда касались теоріи Дарвина о происхожденіи человѣка изъ низшихъ формъ животной жизни, по этому мы ограничимся здѣсь только нѣсколькими замѣчаніями, болѣе принаровленными къ словамъ Лайэлля. Если бы люди, скажемъ въ подражаніе Лайэллю, въ первую эпоху своего существованія не обладали умственными силами и знаніемъ, то вмѣсто грубыхъ кремневыхъ орудій, геологи ничего не нашли бы въ древнѣйшихъ отложеніяхъ земной коры, что можно было бы назвать орудіями. Ни одно изъ животныхъ, какъ показываетъ опытъ, не изготовляетъ себѣ орудій; даже обезьяны, имѣющія руки, похожія на человѣческія, не производятъ и самыхъ несложныхъ орудій. Для своей защиты они отламываютъ сучья, а самыя большія изъ нихъ и наибольше похожія, по внѣшней своей структурѣ, на человѣка (гориллы), какъ увѣряютъ естествоиспытатели, нерѣдко употребляютъ для опоры цѣлыя деревья, подобно палкѣ. Однако не замѣчено, чтобы обезьяны хранили такія палки для будущаго употребленія и смотрѣли на нихъ какъ на орудія, имѣющія опредѣленное назначеніе. Природа надѣлила животныхъ естественными орудіями для защиты, которыхъ нѣтъ у человѣка. Но въ замѣнъ этого человѣкъ обладаетъ способностію наблюденія, искуствомъ изобрѣтать, т. е. находить средства къ улучшенію своего состоянія и этимъ человѣкъ разительно отличается отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ. Изобрѣтеніе самаго грубаго снаряда свидѣтельствуетъ уже о разумности изобрѣтателя,—животныя, лишенныя этой способности, какъ показываетъ исторія животныхъ и наблюденія, не

ознаменовали себя ни однимъ изобрѣтеніемъ. Такимъ образомъ если и допустить вмѣстѣ съ новѣйшими геологами и существованіе въ исторіи человѣчества такого періода, во время котораго люди не знали употребленія металловъ, а пользовались деревьями и камнями для своихъ житейскихъ издѣлій, то отсюда никакъ нельзя заключать о животности людей въ первыя времена ихъ существованія. Связывая изобрѣтеніе металлическихъ искуствъ съ извѣстною личностію, жившею спустя нѣсколько вѣковъ послѣ первоначальнаго происхожденія человѣческаго рода, именно съ личностію Фовела, Библія тѣмъ самымъ даетъ намекъ на существованіе такого промежутка въ жизни человѣчества, когда неизвѣстно было людямъ употребленіе металловъ, но отнюдь не характеризуетъ этого времени состояніемъ безсознательности и неразумности человѣка. Какъ разумное твореніе Божіе, вышедшее изъ рукъ Творца „съ печатью неба на челѣ", — говоря словами поэта, человѣкъ хотя утратилъ часть своихъ богоподобныхъ совершенствъ, уклонившись отъ своего первоначальнаго назначенія, но и въ самомъ паденіи не утратилъ своего человѣческаго достоинства, напротивъ, какъ свидѣтельствуетъ Библія и какъ подтверждаетъ историческій опытъ, съ первой минуты своего уклоненія стремился къ возвращенію своего первоначальнаго состоянія, путемъ упражненія и развитія своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ, дарованныхъ ему въ твореніи. Таковъ библейскій взглядъ на первоначальную исторію человѣка, непосредственно соприкасающуюся съ началомъ человѣческаго рода. Наука, поставившая своею задачею—прослѣдить начальныя времена человѣчества, лежащія за предѣлами исторіи, открываетъ въ древнѣй-

шихъ отложеніяхъ земной коры памятники человѣческой дѣятельности, свидѣтельствующіе о существованіи искуствъ и изобрѣтеній въ самомъ древнемъ періодѣ жизни человѣчества и въ то же время выражаетъ сомнѣніе, обладали ли люди въ первую эпоху своего существованія умственными силами и имѣли ли способную къ усовершенствованію природу. Непонятная логика! И пусть бы кремневыя орудія были единственными памятниками искуственной человѣческой дѣятельности изъ этого отдаленнаго періода. На ряду съ этими грубыми остатками человѣческаго искусства и почти въ одинаковыхъ геологическихъ условіяхъ съ ними, геологія находитъ памятники, указывающіе на гораздо высшее развитіе человѣческаго духа въ этотъ отдаленный періодъ. Мы разумѣемъ здѣсь открытіе погребальнаго склепа въ допотопныхъ отложеніяхъ Франціи не далеко отъ подошвы Пиреней, въ пещерѣ Ориньякской. Пещера эта, по описанію Ларте, которому принадлежитъ честь этого открытія, имѣетъ всѣ признаки кладбища, на которомъ люди каменнаго періода погребали своихъ покойниковъ. Входъ въ пещеру былъ плотно заваленъ грудою камней, такъ что оставалось только одно узкое отверстіе, чрезъ которое едва могъ бы вползти кроликъ; по устраненіи этой преграды взорамъ изслѣдователя представилась пещера, по своему внутреннему строенію представляющая сводообразный гротъ отъ 7—8 футовъ въ вышину, 10 футовъ въ ширину и 7 въ глубину. Внутренность пещеры почти вся оказалась наполненною костями, въ числѣ которыхъ были два цѣлыхъ человѣческихъ черепа и множество костей умершихъ животныхъ. Прямо предъ входомъ въ пещеру Ларте замѣтилъ слой пепла и древеснаго угля въ 7

дюймовъ толщины, подъ этимъ слоемъ лежалъ другой, изъ плоскихъ камней, промежутки которыхъ были наполнены маленькими камешками, словомъ—родъ очень грубо устроеннаго очага. На очагѣ и вокругъ него валялись сотни зубовъ и обломковъ костей животныхъ. Одни изъ нихъ носили слѣды дѣйствія огня, а другіе нѣтъ. Многія изъ этихъ костей оказались расколотыми, помощію искуственныхъ инструментовъ и мозговыя полости ихъ были открыты, нѣкоторые изъ нихъ носили признаки дѣйствія зубовъ. Здѣсь же сверхъ того найдены орудія, въ числѣ которыхъ не менѣе 50 кремневыхъ вещей, какъ то ножей, пращей, метательныхъ осколковъ и нѣсколько костяныхъ орудій, сдѣланныхъ изъ оленьяго рога. По всѣмъ этимъ признакамъ Ларте заключилъ, что предъ нимъ находится древнѣйшій погребальный склепъ съ скелетами людей, преданныхъ ихъ родными и друзьями послѣднему жилищу. Очагъ, находящійся у входа въ пещеру, служилъ по мнѣнію Ларте для похоронныхъ пиршествъ, совершавшихся при погребеніи умершихъ. Множество костей животныхъ и орудій, разбросанныхъ вокругъ очага, вызвало въ воображеніи остроумнаго изслѣдователя мысль объ обычаѣ, существующемъ у многихъ нынѣшнихъ дикихъ народовъ, класть въ гробы вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго искуственныя произведенія, когда-то принадлежавшія покойному, или составлявшія предметъ его привязанности, а также пищу, предназначенную для подкрѣпленія души умершаго во время путешествія въ будущую жизнь (¹). Если Ориньякское открытіе правильно понято и истолковано французскимъ антикваріемъ, — а за это

(¹) Подробн. у Ляйэлля, гл. X, стр. 160—183.

ручается согласіе съ нимъ другихъ ученыхъ, лично наблюдавшихъ означенный гротъ, между прочимъ и Лайэлля, — въ такомъ случаѣ наукѣ удалось, значитъ, прослѣдить обряды погребенія, и, что всего важнѣе, мысль о будущей жизни и безсмертіи души, далеко за предѣлы исторіи. Что это открытіе имѣетъ одинаковую, если еще не большую древность съ Аббевильскими и Аміенскими находками, это доказывается геологическимъ положеніемъ Ориньякскаго грота и учеными доводами Ларте, приведенными въ „Annales des Mines Zoologie“, t. XV p. 177. Во всякомъ случаѣ Ориньякскій гротъ съ найденными въ немъ принадлежностями по геологическимъ, археологическимъ и всѣмъ вообще признакамъ относится къ каменному періоду; въ этомъ никто не сомнѣвается изъ новѣйшихъ геологовъ. Имѣя на лицо такой фактъ, который намекаетъ не только на существованіе искуствъ, но и нравственности и высшихъ религіозныхъ понятій у людей первобытнаго времени, уже въ высшей степени несправедливо ставить ихъ на-ряду съ безсловесными и отказывать ихъ непосредственнымъ предкамъ въ разумной, способной къ усовершенствованію природѣ. Только ослѣпленное предубѣжденіе въ пользу напередъ составленной теоріи можетъ доводить до такого нелѣпаго мнѣнія. Стоя на почвѣ фактовъ и правильнаго законнаго умозаключенія изъ фактовъ едва ли можно придти къ такой путаницѣ здравыхъ человѣческихъ понятій.

Съ обнаруженіемъ несостоятельности мнѣнія Лайэлля о неразумности и безсознательности человѣка въ первую эпоху его существованія, само собою падаетъ другое мнѣніе его о безконечно-медленномъ высвобожденіи человѣка изъ этого состоянія. Состояніе животности

человѣка есть не дѣйствительное, а воображаемое состояніе, измышленное фантазіею досужныхъ умовъ и высвобожденіе изъ этого состоянія не могло происходить въ дѣйствительности. Человѣку не изъ-за чего было трудиться надъ освобожденіемъ себя изъ животнаго состоянія, когда, по свидѣтельству самыхъ геологическихъ фактовъ, онъ никогда не былъ животнымъ, а напротивъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своего бытія былъ уже человѣкомъ, со всѣми свойствами Богоподобной человѣческой природы. А если бы было наоборотъ, то хотя бы цѣлую вѣчность человѣкъ трудился надъ улучшеніемъ своего состоянія, ему не выйти бы изъ заколдованнаго круга, въ который поставила его сама природа. Нагляднымъ доказательствомъ этого служатъ животныя всѣхъ видовъ и классовъ. Не смотря на продолжительность своего существованія, обнимающую, по признанію самихъ естествоиспытателей, гораздо большій періодъ времени сравнительно съ исторіею человѣка, они нисколько не подвинулись впередъ на пути интеллектуальнаго развитія, но остались тѣми же животными, какими были въ началѣ. Пчелы XIX столѣтія нисколько не лучше строятъ свои шестиугольныя ячейки, какъ во времена счастливаго обитанія Израильтянъ въ странѣ, кипящей медомъ и млекомъ. Гуси нисколько не поумнѣли съ тѣхъ поръ, какъ совершили историческій подвигъ спасенія Рима. Соловей до сихъ поръ поетъ свою томную, заунывную, переливчатую пѣсню, какъ распѣвалъ онъ ее подъ прекраснымъ небомъ Еллады, плѣняя слухъ древнихъ художественныхъ грековъ. Словомъ, всѣ животныя, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ древнѣйшихъ историческихъ временъ до послѣдняго времени, остаются жи-

вотными, съ тѣми самыми свойствами, которыя обнаруживали они въ древнѣйшія времена. Пророчественное обѣщаніе прогресса и развитія въ царствѣ животныхъ, въ отдаленныя будущія времена, по истеченіи милліоновъ лѣтъ, есть не болѣе, какъ натуралистическая бредня, противорѣчащая основному закону, наблюдаемому въ природѣ, по которому каждое существо развиваетъ въ себѣ задатки, положенные самою природою, и не можетъ пересоздать себя наперекоръ природѣ.

Что касается до третьяго положенія Лайэлля о медленномъ развитіи искуствъ у дикихъ народовъ, то оно имѣетъ относительную справедливость, но только относительную. Исторія и опытъ показываютъ, что не всѣ дикія племена въ одинаковой степени неподвижны въ отношеніи къ развитію и усовершенствованію на пути цивилизаціи. Греки также когда то были дикими, однакоже они не стали слѣпо подражать всему, оставленному предшествующимъ развитіемъ человѣчества, но очень быстро двинулись по пути прогресса и въ теченіи какихъ нибудь шести столѣтій далеко опередили своихъ учителей—восточныхъ народовъ, въ дѣлѣ умственнаго, художественнаго и общественнаго развитія. Вообще движеніе цивилизаціи у разныхъ народовъ подчинено не одинаковымъ, а напротивъ, слишкомъ разнообразнымъ и сложнымъ условіямъ, и переходъ отъ дикаго къ цивилизованному состоянію, какъ показываетъ исторія, совершался не у всѣхъ племенъ съ одинаковою скоростію или медленностію. Предполагать безконечно медленное развитіе искуствъ у первоначальныхъ человѣческихъ племенъ, жившихъ во времена такъ называемаго „каменнаго“ вѣка и приравнивать тысячелѣтній успѣхъ развитія въ этотъ отдаленный періодъ

столѣтнему успѣху въ новѣйшее время, можно только съ точки зрѣнія теоріи, утверждающей, что человѣкъ, по мѣрѣ перехода въ болѣе отдаленныя времена, все болѣе и болѣе уподобляется безсловеснымъ. Но доказать этой теоріи ничѣмъ нельзя. Если въ древнѣйшихъ отложеніяхъ земной коры не найдемъ ни линій желѣзныхъ дорогъ, ни электрическихъ телеграфовъ, ни статуй, напоминающихъ художественныя произведенія Фидіаса, то это не служитъ еще доказательствомъ, что люди древнѣйшихъ временъ не дѣлали никакихъ изобрѣтеній и стояли на одной степени неподвижности въ теченіи безчисленнаго множества столѣтій. Сами геологи—антикваріи, при всей малочисленности изслѣдованныхъ ими фактовъ, успѣли однако же различить между искуственными человѣческими произведеніями каменнаго вѣка, болѣе грубыя издѣлія отъ менѣе грубыхъ. Слѣдовательно и въ этотъ отдаленный отъ насъ періодъ движеніе въ развитіи искуствъ было. Но съ какою быстротою совершалось это движеніе, чрезъ сколько времени одни орудія смѣнялись другими, на это геологія, при настоящемъ состояніи ея свѣдѣній, не можетъ отвѣтить даже приблизительнымъ образомъ. Выходить изъ общихъ апріорическихъ началъ въ рѣшеніи этого вопроса—геологія не можетъ, или по крайней мѣрѣ, не должна по основнымъ принципамъ своего изслѣдованія.

Отрѣшившись отъ предзанятыхъ, теоретическихъ, несостоятельныхъ положеній Ляйэлля, посредствующихъ, какъ мы сказали, между фактомъ открытія грубыхъ кремневыхъ орудій каменнаго вѣка, и выводомъ изъ этого факта заключенія о безконечно глубокой древности человѣческаго рода, мы видимъ, что заключеніе

это держится ни на чемъ. Аббевильскіе и другіе осколки каменнаго вѣка еще могутъ, въ глазахъ опытныхъ археологовъ и антикваріевъ, служить данными для опредѣленія степени развитія искуствъ у людей первобытнаго времени и вообще о состояніи тогдашней цивилизаціи, хотя также довольно шаткими данными, при которыхъ почти неизбѣжны произвольные выводы и догадки. Но для геологовъ, задающихся стремленіемъ найти какія нибудь точныя хронологическія данныя для рѣшенія вопроса о древности человѣка лучше держать себя подальше отъ Аббевильскихъ осколковъ, чтобы вмѣсто невыгодной тѣни, которую они думаютъ набросить на библейскую хронологію, не подорвать авторитета своей собственной науки.

Другой рядъ изслѣдованій по вопросу о древности человѣческаго рода, относящійся къ области археологической геологіи и возбуждающій весьма справедливо большое вниманіе у новѣйшихъ геологовъ—археологовъ, составляютъ свайныя постройки, или озерныя жилища, открытыя въ недавнее время въ большемъ количествѣ на разныхъ швейцарскихъ и другихъ европейскихъ озерахъ.

Озерныя жилища въ первый разъ обратили на себя вниманіе ученыхъ въ очень сухую зиму съ 1853 по 1854 годъ, когда рѣки и озера Швейцаріи достигли самаго низшаго, когда либо замѣченнаго уровня. Вслѣдствіе этого въ цюрихскомъ и другихъ швейцарскихъ озерахъ были замѣчены цѣлые ряды свай, которыхъ до того никто не зналъ, или, по крайнѣй мѣрѣ, на которыя никто не обращалъ вниманія. Вокругъ этихъ свай произведены были изслѣдованія и тамъ найдены искуственныя орудія и разные другіе слѣды присутствія человѣка.

Швейцарскій археологъ Фердинандъ Келлеръ первый рѣшился высказать мнѣніе, что на этихъ сваяхъ должна была лежать досчатая постилка въ родѣ платформы и на ней стояли человѣческія жилища. Келлеръ далъ этимъ постройкамъ названіе „свайныхъ“; и оно стало съ тѣхъ поръ названіемъ общепринятымъ ([1]).

Вслѣдъ почти за открытіемъ свайныхъ построекъ начались попытки со стороны изслѣдоватей древности человѣческаго рода опредѣлить время этихъ построекъ. Касаясь способа геологическаго вычисленія человѣческой древности, по такъ называемымъ „культурнымъ слоямъ,“ мы имѣли случай говорить о вычисленіяхъ Морло, Тройона и другихъ швейцарскихъ археологовъ, трудившихся надъ опредѣленіемъ древности разныхъ озерныхъ поселеній посредствомъ вычисленіяколичества земляныхъ отложеній, наросшихъ на этихъ постройкахъ. Результаты этихъ вычисленій, какъ мы знаемъ, ближе всѣхъ другихъ геологическихъразсчетовъ, подходятъ къ библейской хронологіи, хотя подобно всѣмъ вообще геологическимъ вычисленіямъ не отличаются достаточною точностію и основательностію. Десятитысячелѣтній срокъ есть самый высшій, какой можно дать, по словамъ археолога Тройона, для исторіи обитателей строеній на сваяхъ. Если принять во вниманіе культурные памятники, найденныя въ швейцарскихъ озерахъ орудія, посуду и другія человѣческія издѣлія,—то срокъ этотъ покажется не слишкомъ ограниченнымъ. Не много найдено такихъ свайныхъ построекъ, гдѣ нѣтъ никакихъ, или находится очень мало металловъ, что, съ геологической точки зрѣнія служитъ признакомъ древнѣйшаго каменнаго вѣка; большая

([1]) Лайэлль гл. II, стр. 7—29.

часть свайныхъ сооруженій характеризуется произведеніями культуры изъ бронзоваго вѣка; въ нѣкоторыхъ же изъ нихъ найдены желѣзныя вещи и даже римскія монеты. Вообще въ остаткахъ промышленности и во всемъ быту обитателей свайныхъ построекъ замѣтны признаки довольно высокой и развитой цивилизаціи. Туземный камень эти люди умѣли обработывать съ значительнымъ искуствомъ. Домашняя утварь ихъ отличается относительнымъ богатствомъ, разнообразіемъ и изяществомъ. Здѣсь находятъ точильные камни, ручные жернова, топоры, молоты, наконечники изящно обдѣланныхъ стрѣлъ, пилы, рыболовные крючки и т. под. вещи. Есть признаки, что обитатели свайныхъ построекъ, не только занимались охотою, рыбною ловлею, скотоводствомъ и сдѣлали домашними различныя расы животныхъ, но упражнялись въ земледѣліи, вели торговыя сношенія съ другими народами. Правда, въ древнѣйшихъ озерныхъ поселеніяхъ до сихъ поръ не найдено никакихъ земледѣльческихъ орудій, но въ замѣнъ этого найдены обмолоченныя зерна и цѣлые колосья ячменя и другихъ хлѣбныхъ растеній, находящихся въ обугленномъ состояніи. Разведеніе хлѣбовъ во всякомъ случаѣ предполагаетъ землепашество, хотя способъ воздѣлыванія земли въ эти древнія времена нельзя опредѣлить, по причинѣ отсутствія земледѣльческихъ орудій. На существованіе садоводства, равно какъ и земледѣлія у древнихъ обитателей свайныхъ поселеній, указываютъ остатки плодовъ разныхъ сортовъ и видовъ, находящихся такъ же въ обугленномъ состояніи. Почти нельзя сомнѣваться и въ томъ, что различные виды промышленности озерные обитатели получали изъ другихъ странъ, и притомъ не совсѣмъ близкихъ отъ этихъ поселеній. Въ нѣкоторыхъ изъ

швейцарскихъ озеръ найдены, напр., остатки благороднаго минерала нефрита и другихъ дорогихъ каменьевъ, которые, по словамъ изслѣдователей, никогда не были туземными въ Швейцаріи и даже въ ея окрестностяхъ.

По всѣмъ указаннымъ нами даннымъ (¹) можно заключать, что озерныя Европейскія поселенія обитаемы были во времена очень близкія къ историческимъ и по всей вѣроятности гораздо ближе, чѣмъ за 10,000 лѣтъ, какъ думаетъ Тройонъ. Не совсѣмъ обыкновенный способъ жилья свайныхъ обитателей не можетъ уполномочивать къ заключенію о ихъ глубокой древности. Геродотъ, жившій за 500 лѣтъ до Р. Х., упоминаетъ о поселеніи небольшой части Ѳракійскаго племени на озерѣ Празіи въ нынѣшней Румеліи (²). Подобныя же водяныя поселенія до сихъ поръ устрояются на островахъ Борнео, Гвинеѣ, устьяхъ Ефрата и другихъ рѣкахъ Африки (³). Слѣдовательно озерныя жилища Швейцаріи и другихъ частей Европы не составляютъ какого нибудь особеннаго исключительнаго явленія въ исторической жизни человѣчества и развѣ только потому не могутъ быть включены въ кругъ историческихъ временъ, что о нихъ не находится прямыхъ свидѣтельствъ въ извѣстныхъ намъ историческихъ памятникахъ.

Ученые много разсуждали о томъ, что заставляло древнихъ обитателей Европы поселяться и жить на такихъ неудобныхъ мѣстахъ какъ озера и рѣки. Одни думаютъ, что озерныя жилища служили для мало образованныхъ народовъ убѣжищами отъ нападеній другихъ болѣе силь-

(¹) Заимствованнымъ нами изъ описаній самихъ геологовъ—Лайэлля, Фогта, Бэра, Шлейдена и другихъ.

(²) Бэръ стр. 59.

(³) Ibid.

ныхъ и развившихся племенъ. Остатки разрушенныхъ мостовъ, уцѣлѣвшихъ въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ озеръ, дали поводъ къ заключенію, что эти мосты служили для древнихъ швейцарцевъ средствомъ къ сообщенію съ берегомъ, въ мирныя времена, а во время нападенія непріятелей снимались на подобіе нынѣшнихъ понтонныхъ мостовъ. Другіе напротивъ не признаютъ свайныя постройки за человѣческія жилища и смотрятъ на нихъ, какъ на искуственные островки, служившіе для рыбной ловли, или для укрѣпленій, или для склада запасовъ. Третьи, наконецъ, руководясь болѣе точными и подробными изслѣдованіями, признаютъ за обоими этими мнѣніями извѣстную долю справедливости и утверждаютъ, что одни изъ свайныхъ сооруженій назначены были для жилищъ, другія для рыбной ловли, третьи для склада запасовъ и т. д...На какомъ бы изъ этихъ мнѣній мы не остановились, мы должны сказать, что каждымъ изъ нихъ опровергается взглядъ естествоиспытателей на древнѣйшія времена человѣчества и особливо на такъ называемый каменный вѣкъ. По мнѣнію Ляйэлля, Дарвина и всѣхъ вообще послѣдователей этихъ знаменитыхъ вожатаевъ въ области современнаго естествознанія, люди каменнаго періода почти ничѣмъ не отличались отъ безсловесныхъ, а непосредственные предки ихъ вовсе не обладали разумомъ и способною къ усовершенствованію природою. Какимъ же образомъ эти люди, обитавшіе, какъ показываютъ новѣйшія открытія, на нѣкоторыхъ (хотя не многихъ) швейцарскихъ озерахъ, могли обнаружить такое искуство въ строеніи, которое можетъ показаться замысловатымъ и для нынѣшняго архитектора? Пусть не всѣ обитатели свайныхъ построекъ, принадлежащіе къ каменному періоду, жили въ началѣ

этого періода,—многіе изъ свайныхъ сооруженій каменнаго вѣка, по увѣренію изслѣдователей, должны быть отчислены къ половинѣ и даже къ концу этого вѣка,—во всякомъ случаѣ степень развитія людей, ознаменовавшихъ себя такими искуственными постройками, не мирится съ общимъ взглядомъ новѣйшихъ естествоиспытателей на каменный періодъ. По увѣренію Дезора, одного изъ изслѣдователей свайныхъ построекъ, нѣкоторыя сваи, относящіяся къ такъ называемому каменному вѣку находятся на глубинѣ 30 футовъ ниже уровня средняго стоянія воды, вбитыя иногда до 10 фут. въ дно. Чтобы на такой глубинѣ построить цѣлое зданіе будетъ ли оно назначено для жилья, или для склада припасовъ или для чего другого, во всякомъ случаѣ нужно много ума, предусмотрительности и едва ли не математической разсчитанности. Правда, строительное искуство, какъ показываютъ наблюденія, и у нѣкоторыхъ животныхъ стоитъ на степени высокаго совершенства. Архитектурное устройство пчелиныхъ сотовъ, говорятъ, отвѣчаетъ правиламъ высшей геометріи, а устройство гнѣздъ у ласточекъ отличается еще большею правильностію и симметричностію частей. Но строительное искуство у означенныхъ животныхъ вѣчно стоитъ на одной, хотя и высокой степени совершенства. Животныя не только не способны къ усовершенствованію въ строительномъ дѣлѣ, но и вообще къ перемѣнѣ и разнообразію формъ въ своихъ постройкахъ. Между тѣмъ постройки каменнаго вѣка, принадлежащія людямъ, носятъ на себѣ слѣды разнообразія и свободной дѣятельности, не подчиненной необходимости всегда строить по одному стилю и плану. Желая ослабить впечатлѣніе, производимое свайными постройками и свести строителей ихъ съ той высоты

развитій, на которую возводитъ ихъ удивленіе [illegible] отъ ихъ [illegible]. Фогтъ дѣлаетъ предположеніе, что во времена озерниковъ построенія каменнаго вѣка воды озеръ и рѣкъ [illegible] очень [illegible], такъ что [illegible] высотѣ, [illegible] футами выше. „Построить зданіе на глубинѣ 30 футовъ воды, говоритъ Фогтъ, покажется не совсѣмъ легкимъ и для образованнаго инженера; для строителя каменнаго или бронзоваго вѣка это невозможно.“ Но кромѣ бездоказательности этого предположенія ему противорѣчатъ ясные и очевидные факты. Если свайныя поселенія устроялись на такой незначительной глубинѣ, то для чего нужны были такія длинныя сваи, судя по остаткамъ которыхъ, говорятъ изслѣдователи, нужно заключить, что они имѣли около 40 футовъ въ долготу. А такихъ свай находится не мало въ разныхъ швейцарскихъ озерахъ; притомъ съ какою цѣлью могли въ такомъ случаѣ устроиться эти затѣйливыя зданія. Предохранять отъ нападеній они не могли своимъ положеніемъ, потому что непріятелю ничего не стоило перейти въ бродъ пространство, отдѣляющее ихъ отъ берега; служить укрѣпленіями тѣмъ менѣе могли зданія, построенныя почти на пескѣ; для рыбной ловли, также не всегда удобно мелководье. И такъ остается принять мнѣніе большинства изслѣдователей о свайныхъ постройкахъ, что эти зданія большею частію на значительной глубинѣ озеръ и рѣкъ, въ значительномъ разстояніи отъ берега и потому требовали большого искусства отъ своихъ строителей. Явленіе такого искусства во времена каменнаго періода дѣйствительно можетъ казаться страннымъ, необъяснимымъ и даже положительно невозможнымъ, если представлять людей этого времени съ умствен-

дикими, полуживотными и несуразными свойствами, какими характеризуетъ ихъ современное естествознаніе. Если же напротивъ смотрѣть на исторію человѣчества съ болѣе свѣтлой и возвышенной, именно съ библейской точки зрѣнія, т. е. что человѣкъ съ перваго момента своего бытія былъ надѣленъ разумною душею, искусства и разума исполненъ отъ первыхъ дней творенія, то остатки древняго человѣческаго искусства, сохранившіеся отъ доисторическаго, допотопнаго времени не будутъ возбуждать недоразумѣній и произвольныхъ натянутыхъ объясненій.

Мы перейдемъ теперь къ третьей и послѣдней группѣ открытій, относящихся къ археологической геологіи, къ такъ называемымъ кухоннымъ остаткамъ, или объѣдкамъ, найденнымъ въ древнихъ торфяныхъ отложеніяхъ Даніи. Разборомъ доказательствъ, заимствуемыхъ геологами отъ этой группы открытій, въ пользу ихъ мнѣнія о древности человѣческаго рода, мы заключимъ наше обозрѣніе новѣйшихъ геологическихъ результатовъ по этому предмету.

Изслѣдованія означенныхъ памятниковъ прошедшаго представляютъ намъ исторію народа, жившаго будто бы на прибрежьяхъ сѣверной Даніи, въ незапамятныя времена, лежащія за предѣлами письменныхъ историческихъ и даже легендарныхъ повѣстей. Памятники эти суть не что иное, какъ груды раковинъ, находящіяся на многочисленныхъ прибрежьяхъ Даніи и заключающія въ себѣ остатки костей разныхъ животныхъ, кремней, различныхъ издѣлій, обломковъ посуды и другихъ домашнихъ принадлежностей. Сѣверные ученые, которымъ наука обязана разработкою этихъ памятниковъ, преимущественно Стеенструпъ, Томсенъ и Нильсонъ

извѣстныя подъ именемъ „кухонныхъ остатковъ" отъ древнѣйшихъ обитателей Даніи, и это названіе, такъ же какъ и названіе „свайныя постройки", стало съ тѣхъ поръ техническимъ и вошло въ общее употребленіе между геологами. Открытіе это естественно повело за собою стремленіе ученыхъ воссоздать образъ жизни древнѣйшихъ обитателей Даніи, опредѣлить степень ихъ умственнаго и вообще культурнаго развитія, отгадать время, къ которому относится ихъ существованіе. Результаты изслѣдованій этихъ ученыхъ могутъ быть обобщены и представлены въ слѣдующихъ краткихъ чертахъ.

Такъ какъ въ сорныхъ массахъ не найдено ни одного желѣзнаго, ни даже бронзоваго орудія, а только одни кремневыя, то изслѣдователи навѣрное заключили, что люди, оставившіе намъ кухонные остатки, не знали употребленія металловъ и жили въ каменный періодъ. Сначала ученые думали, что эти люди не знали даже обдѣлки своихъ кремневыхъ орудій,—шлифовки и полировки,—но потомъ, когда найдено было нѣсколько экземпляровъ хорошо отшлифованныхъ орудій, ученые измѣнили свой взглядъ на древнѣйшихъ обитателей сѣверныхъ датскихъ прибрежій,—отнесли ихъ не къ самымъ первымъ временамъ, а къ концу каменнаго вѣка и стали смотрѣть на нихъ, не какъ на людей только что высвободившихся изъ состоянія животности и не успѣвшихъ, если можно такъ выразиться, опомниться отъ своего прежняго состоянія, какъ напр. древнѣйшіе обитатели Аббевиля, но какъ на людей, сдѣлавшихъ уже нѣкоторые успѣхи въ цивилизаціи. Открытіе полусгнившихъ судовъ въ болотахъ, лежащихъ не далеко отъ кухонныхъ остатковъ,—еще болѣе возвысило древнихъ

обитателей Даніи, то главными орудіями [illegible] изслѣдователей весьма не можемъ заставить быть употреблены при назначеніи срока для ихъ существованія. Ихъ не было найдено въ сорныхъ грудахъ Даніи, изъ которыхъ отыскивались тщательно отполированныхъ орудій и упомянутыхъ такихъ обломковъ судовъ, что древнѣйшіе сѣверные обитатели [illegible] были подведены [illegible] съ Абвевильскими фабрикантами, подъ категорію [illegible] которыхъ поставлены [illegible] срокъ въ 100,000 лѣтъ. Но [illegible] можетъ быть несовершенны пріятны для новѣйшихъ геологовъ открытія, принуждали ихъ сократить этотъ срокъ на цѣлыя 90,000 лѣтъ и признать древнѣйшихъ обитателей Даніи современниками свайныхъ обитателей Швейцаріи, жившихъ, по мнѣнію Морло, приблизительно за 10,000 лѣтъ [illegible]. Срокъ этотъ также произвольно назначенъ для древности людей, оставившихъ намъ свои кухонные остатки, какъ всѣ вообще сроки, назначенные геологіею для временъ протекшихъ. Сорные остатки, послужившіе на этотъ разъ хронометрическими данными для ихъ ариѳметическихъ расчетовъ, слишкомъ ненадежные руководители въ области хронологіи. Обломки орудій, найденные въ сорныхъ массахъ, ничего не говорятъ о древности ихъ фабрикантовъ; такія точно орудія могли употребляться и за 2,000 лѣтъ и теперь еще употребляются у разныхъ необразованныхъ народовъ. По сгнившимъ на половину остаткамъ судовъ едва ли можно заключить, безъ помощи смѣлой фантазіи, даже о формѣ устройства этихъ судовъ, тѣмъ менѣе конечно о времени ихъ употребленія. Въ доказательство древности кухонныхъ обитателей изслѣдователи указываютъ на то, что ни въ самыхъ кухонныхъ остаткахъ, ни

ложе Даніи. Въ нихъ не найдено никакихъ слѣдовъ жилищъ человѣческихъ. Но мы еще не имѣемъ права заключать, что у древнѣйшихъ обитателей Даніи не было жилищъ, и что поэтому самому ихъ слѣдуетъ отодвинуть отъ историческаго времени на нѣсколько тысячъ лѣтъ. Отсутствіе слѣдовъ жилищъ въ сорныхъ остаткахъ Даніи совершенно легко и естественно можетъ быть объяснено, если предположимъ, что жилища эти устроились изъ дерева и коры, какъ жилища нынѣшнихъ Лапландцевъ. Въ Лапландіи, по разсказамъ очевидцевъ, часто можно встрѣтить мѣста, усѣянныя человѣческими костями и ясно показывающія, что на этихъ мѣстахъ еще недавно находились Лапландскія палатки, но отъ самыхъ палатокъ не осталось ни малѣйшаго слѣда (1). Такой же участи могли подвергнуться жилища древнихъ обитателей Даніи. Геологическія условія, въ которыхъ находятся кухонные остатки Даніи, и здѣсь, какъ и во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ, не указываютъ опредѣленно на продолжительность времени, протекшаго съ тѣхъ поръ, какъ на морскомъ берегу Даніи обитали люди. Двоякое измѣненіе лѣсной растительности въ Даніи, въ теченіе каменнаго періода, замѣченное новѣйшими изслѣдователями, замѣненіе сосны дубомъ и дуба букомъ, могло быть на самомъ дѣлѣ. Но что для этого измѣненія требовались цѣлыя тысячелѣтія, на это мы не находимъ у геологовъ основательныхъ доказательствъ. Напротивъ есть основаніе думать, что если не сосна, то по крайней мѣрѣ дубъ произрасталъ въ Даніи во времена историческія и притомъ не слишкомъ отдаленныя отъ нынѣшнихъ, потому что гробъ супруги одного

(1) Воръ стр. 40.

Датскаго короля Горма жившаго около 900 года уже по Р. Х., обложены дубовыми досками и, какъ справедливо замѣчаетъ Беръ, нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы эти доски привезены издалека. То обстоятельство, что теперь въ Даніи, въ тѣхъ мѣстахъ морскаго прибрежья, гдѣ найдены кухонные остатки, не водятся устрицы и нѣкоторые виды животныхъ, остатки которыхъ погребены въ сорныхъ грудахъ, не проливаетъ ни малѣйшаго свѣта на хронологическій вопросъ о древности приморскихъ обитателей Даніи. Сколько времени требовалось для измѣненія мѣстной фауны со времени первоначальнаго населенія Даніи людьми, это еще вопросъ, для разрѣшенія котораго современная геологическая наука не имѣетъ никакихъ точныхъ данныхъ.

Обозрѣвая результаты новѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій по вопросу о древности человѣческаго рода, мы не руководились предубѣжденіемъ противъ тѣхъ геологическихъ данныхъ по этому предмету, которыя добыты геологами путемъ наблюденія надъ фактами опыта. Не имѣя возможности провѣрить этихъ фактовъ, мы оставляли ихъ неприкосновенными, какъ данныя, признанныя большинствомъ изслѣдователей. Мы не стали на сторону послѣдователей прежней геологической теоріи Кювье, которые, отвергая существованіе человѣка въ дилювіальный періодъ на ряду съ вымершими и не встрѣчающимися нынѣ видами животныхъ, чрезъ то самое сокращали срокъ существованія человѣка на землѣ до цифры, очень близко подходящей къ библейской хронологіи. Мы не примкнули къ скептической группѣ геологовъ, отвергавшихъ искуственное происхожденіе Аббе-

ископаемыхъ обломковъ и другихъ геологическихъ находокъ и тѣмъ самымъ разрушающихъ всякіе дальнѣйшіе выводы изъ этихъ открытій не только для хронологіи, но и для исторіи человѣка вообще. Мы оставили даже неприкосновеннымъ новѣйшее археологическо-геологическое дѣленіе до-исторической жизни человѣчества на три извѣстныхъ періода. Словомъ всѣ важнѣйшія открытія въ области новѣйшей геологіи, относящіяся къ вопросу о древности человѣческаго рода, мы оставили неприкосновенными. Задачею своею мы поставили критику выводовъ, сдѣланныхъ новѣйшими геологами изъ этихъ открытій, и притомъ выводовъ только тѣхъ, которые соприкасаются съ разными библейскими вопросами,—главнымъ образомъ, съ вопросомъ о времени существованія человѣка на землѣ, или о хронологической древности человѣка. Съ этою цѣлію мы разсмотрѣли всѣ способы геологическаго вычисленія человѣческой древности и нашли, что всѣ они, покоясь на недоказанномъ теоретическомъ положеніи новѣйшей геологіи: „силы природы вѣчно равны себѣ и всегда дѣйствовали съ одинаковою степенью напряженности“, постоянно переплетаются другими апріорическими предположеніями, заимствованными то изъ теоріи Дарвина, какъ въ вопросѣ объ ископаемыхъ, то изъ другихъ несостоятельныхъ ходячихъ воззрѣній на первобытныя времена человѣчества, образовавшихся подъ вліяніемъ матеріалистическихъ идей нашего вѣка. При такихъ произвольныхъ пріемахъ, противорѣчащихъ основнымъ требованіямъ естествознанія, нельзя было и ожидать отъ современной геологіи какихъ нибудь безпристрастныхъ и точныхъ выводовъ въ отношеніи къ тому вопросу, рѣшеніемъ котораго она задалась въ послѣднее

время. Изслѣдованіе, отрывающееся отъ почвы [illegible] и управляемое, если можно такъ выразиться, заднею мыслію, не можетъ приводить къ полнымъ результатамъ не только въ области естествознанія, но и вообще въ области человѣческаго знанія. Геологія своими изслѣдованіями о древности человѣческаго рода доказала это, какъ нельзя яснѣе. Задавшись безспорно важною цѣлію, прослѣдить доисторическія времена человѣчества, но въ тоже время поставивши, если не на первомъ, то и не на послѣднемъ планѣ, задачу опровергнуть во что бы то ни стало обыкновенно принимаемое лѣтосчисленіе отъ сотворенія человѣка, основанное на Библіи, которое по выраженію одного изъ новѣйшихъ геологовъ, „только сбиваетъ съ толку людей науки", геологія по неволѣ должна была прибѣгать къ ложнымъ объясненіямъ многихъ, открытыхъ ею въ послѣднее время фактовъ, къ натянутымъ, произвольнымъ выводамъ изъ этихъ фактовъ. Какъ бы забывши, что причины земляныхъ отложеній и условія образованія земляныхъ наносовъ въ разныхъ мѣстностяхъ далеко еще не изслѣдованы и не узнаны ею во всѣхъ подробностяхъ, она рѣшилась свои вычисленія надъ нѣкоторыми земляными осадками, покрывающими человѣческіе остатки, выдавать за несомнѣнные результаты точнаго изслѣдованія, будто бы проливающіе новый свѣтъ на вопросъ о древности человѣка. Опустивши изъ виду, что наука только что приступаетъ къ изученію законовъ, которымъ подлежатъ измѣненія человѣческихъ расъ, геологія схватилась за ископаемые остатки людей, погребенные въ разныхъ пластахъ земной коры, и думала, по сличенію ихъ съ нынѣшними типами человѣческаго царства, по степени уклоненія ихъ отъ нынѣшнихъ человѣческихъ

разъ опредѣлить время, мы по крайней мѣрѣ отстояли бы отверженіе этихъ нѣсколькихъ въ тысячи лѣтъ. Не успѣвшіе напередъ точныхъ хронометрическихъ масштабовъ для измѣренія времени, въ продолженіе которыхъ происходила преемственная смѣна животныхъ и растительныхъ классовъ на поверхности земли, геологи обратились къ окаменѣлымъ органическимъ остаткамъ и надѣялись найти въ нихъ надежныхъ руководителей при опредѣленіи древности погребенныхъ вмѣстѣ съ ними человѣческихъ остатковъ. Поверхностно смотря на дѣло прогресса въ исторіи человѣчества и думая, что наука уже успѣла опредѣлить всѣ законы, по которымъ шло въ человѣчествѣ развитіе искусствъ, изобрѣтеній и вообще культуры, смѣлые изъ геологовъ сдѣлали попытку, по остаткамъ культурныхъ памятниковъ, отрываемыхъ въ древнихъ пластахъ земли, опредѣлить время, въ которое жили люди, отъ которыхъ остались эти памятники. Понятно, какъ шатки должны были выдти результаты подобнаго рода попытокъ, не подготовленныхъ достаточною разработкою фактовъ, прикрѣпленныхъ къ извѣстнымъ напередъ составленнымъ взглядамъ и положеніямъ. Результаты эти справедливо могутъ быть сравнены съ рановременными, скороспѣлыми плодами, которымъ рано или поздно грозитъ неизбѣжный исходъ увяданія. Разоблачая несостоятельность разныхъ геологическихъ заключеній о древности человѣческаго рода, мы руководились съ одной стороны правилами безпристрастія, съ другой — не рѣдко голосомъ лучшихъ знатоковъ геологической науки и при этомъ не преслѣдовали исключительной цѣли — защиты библейской хронологіи, но имѣли въ виду защиту истины и слѣдовательно защиту самой геологіи отъ тѣхъ ложныхъ умо-

ненiй отъ своего увлеченія, которыя препятствуютъ ей достигать болѣе прочныхъ и болѣе плодотворныхъ результатовъ въ своей собственной сферѣ. Если бы геологія, оставаясь вѣрною основнымъ началамъ своего изслѣдованія, не спѣшила дѣлать обобщеній и выводовъ изъ незначительнаго количества фактовъ, а занималась изученіемъ, собираніемъ, приведеніемъ въ порядокъ, обслѣдованіемъ и критическою провѣркою разныхъ фактовъ, доступныхъ для ея наблюденія, тогда выводы ея въ отношеніи къ тѣмъ или другимъ вопросамъ отличались бы большею прочностію и не возбуждали бы того недовѣрія къ ней, какое естественно возбуждается противъ нея при настоящихъ весьма частыхъ уклоненіяхъ ея отъ своей прямой задачи и цѣли. Своими поспѣшными разрушительными выводами, направленными противъ библейской хронологіи, современная геологія не могла поколебать уваженія къ Библіи въ людяхъ серьёзныхъ, не подчиняющихся слѣпо новымъ теоріямъ, потому только, что онѣ новы. Быть можетъ, не далеко то время, когда новыя открытія въ области геологіи прольютъ новый свѣтъ, сравнительно съ теперешнимъ, на вопросъ о древности человѣка, а чрезъ нѣсколько времени и въ этомъ пунктѣ изслѣдованія, какъ во многихъ другихъ, геологія сойдется съ Библіею и въ ея источникѣ найдетъ для себя свѣтъ немерцающей истины.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія геологическихъ результатовъ по вопросу о древности человѣческаго рода, считаемъ не лишнимъ показать отношеніе этихъ результатовъ къ лингвистическимъ и статистическимъ даннымъ по этому предмету.

Лингвистика, занимающаяся сравнительнымъ изученіемъ языковъ, давно уже пришла къ результату, что языкъ, какъ оболочка процесса мышленія, не есть явленіе внезапное, но создавался постепенно, мало по малу, вмѣстѣ съ развитіемъ умственной дѣятельности человѣка. Сравнивая языки различныхъ народовъ и разлагая ихъ на составные части и элементы, ученые лингвисты успѣли различить три главные момента въ исторіи развитія человѣческаго слова. „Моментъ корней", когда звукомъ означались только отдѣльные предметы, а отношеніе предметовъ не выражалось звукомъ, а замѣнялось или удареніемъ, или мимическими знаками, или приставкою другихъ корней; такъ какъ корни во всѣхъ языкахъ односложны, то этотъ моментъ называется у лингвистовъ также односложнымъ. На такомъ періодѣ развитія остановился языкъ китайскій, который состоитъ изъ односложныхъ словъ, а отношенія различныхъ предметовъ означаются прибавленіемъ другихъ односложныхъ корней. Отъ этого момента лингвистика указываетъ естественный переходъ къ другому, когда для выраженія извѣстныхъ опредѣленныхъ идей и понятій къ корнямъ стали прибавлять извѣстные звуки чрезъ сліяніе—„Agglutinirende Schprachen". Въ этомъ періодѣ развитія находятся языки туранскіе, монгольскіе, тюркскіе. Но такъ какъ чрезъ прибавленіе спереди и сзади частицъ, для означенія рода, числа и падежа, является изобиліе формъ и сочетаній, а чрезъ это рѣчь обременяется и становится затруднительною, то надобно было установить единство въ этомъ разнообразіи и вслѣдствіе этого, по ученію лингвистики, явился третій, полный и совершеннѣйшій моментъ въ развитіи человѣческаго слова—моментъ грамматическій. Сюда отно-

сводятся двѣ области языковъ: индоевропейской семьи, которую обыкновенно называютъ арійскою, и семитской, къ которой относятся языки еврейскій, финикійскій, арабскій и халдейскій (¹). До послѣдняго времени лингвистика однако же не рѣшалась опредѣлять пространство времени, котораго требовалъ постепенный ростъ языка, начиная отъ звуковыхъ движеній до языка въ простѣйшей формѣ и отъ нея до высшихъ и наиболѣе сложныхъ формъ. Новѣйшія изслѣдованія въ области геологіи, возбудившія такой сильный интересъ въ современномъ научномъ мірѣ къ вопросу о древности человѣческаго рода, увлекли за собою и лингвистику. Нѣкоторые изъ лингвистовъ, подражая геологамъ, начали вычислять, сколько времени нужно для того, чтобы одинъ первоначальный языкъ — „праязыкъ" развѣтвился до нынѣшняго разнообразія въ каждой семьѣ языковъ, — и тысячи солнечныхъ годовъ стали маленькими элементами огромныхъ чиселъ нужныхъ для исторіи человѣческаго слова. Шлейхеръ, современный германскій филологъ, выходя изъ принципа новѣйшаго естествознанія, что нѣтъ основанія для древнѣйшихъ доисторическихъ временъ принимать болѣе быструю измѣняемость языка, чѣмъ та, которую мы замѣчаемъ въ позднѣйшихъ періодахъ его развитія, пришелъ къ слѣдующимъ разсчетамъ относительно древности человѣческаго слова. „Если мы примемъ, говоритъ Шлейхеръ, что индоевропейскій и семитскій языки, уже за четыре тысячелѣтія до настоящаго времени, стояли уже на высшей точкѣ развитія въ послѣдней грамматической формѣ, то мы увидимъ себя въ необходимости время нужное для разви-

(¹) Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache von Max Müller перев. Dr. Carl Böttger. Leipzig 1863 г.

гія называютъ звуко-дыхательный до слѣдующаго простѣйшаго періода и отъ него до послѣдней и нынѣшней формы, и принять, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза больше того, которое протекло съ времени раздѣленія индо-европейскаго и семитскаго племени до настоящаго времени. Такимъ образомъ для развитія языка начиная отъ первыхъ его зачатковъ до нынѣшней формы мы должны считать нужнымъ время, по крайней мѣрѣ, въ двадцать тысячъ лѣтъ (1). Шаткость и несостоятельность своего разсчета сознаетъ самъ Шлейхеръ и оправдываетъ его весьма наивнымъ и уже вовсе не научнымъ способомъ: „Новѣйшія изслѣдованія въ области нашей планеты, говоритъ германскій ученый, привели, какъ извѣстно, къ принятію такихъ огромныхъ промежутковъ для періодовъ ея существованія, что наша попытка опредѣлить продолжительность существованія языка, хотя и построенная на нѣсколько шаткихъ основаніяхъ, не можетъ показаться преувеличеніемъ, по крайней мѣрѣ, по числу тысячелѣтій, требуемыхъ нашимъ расчетомъ“. Изслѣдованія въ области нашей планеты не могутъ служить опорою для филологическихъ расчетовъ, какъ по причинѣ своей собственной шаткости, такъ еще болѣе по той причинѣ, что онѣ имѣютъ дѣло совершенно съ другимъ рядомъ явленій, нежели какія относятся къ области лингвистики и филологіи. Что же касается до собственно лингвистическихъ данныхъ, на которыхъ утверждается разсчетъ Шлейхера, то справедливость требуетъ назвать ихъ болѣе, чѣмъ, только „нѣсколько“ шаткими основаніями, какъ выражается о нихъ самъ Шлейхеръ. Теорія ло-

(1) Загран. Вѣстникъ 1864 г. [illegible]

степеннаго образованія и развитія языка, начиная отъ отдѣльныхъ звукоподражаній до совершеннѣйшихъ формъ рѣчи; примѣняется въ настоящее время далеко не всѣми лингвистами. Кто смотритъ на первоначальное состояніе человѣческаго рода съ точки зрѣнія новѣйшаго естествознанія, тотъ, конечно, видитъ въ языкѣ не болѣе, какъ плодъ постепеннаго изобрѣтенія человѣческаго ума и не считаетъ даже слова первоначальною принадлежностію разумной человѣческой природы; хотя при этомъ онъ не можетъ объяснить, какимъ образомъ самый умъ могъ быть изобрѣтенъ безъ помощи языка? Кто напротивъ не раздѣляетъ этой шаткой и бездоказательной теоріи и смотритъ на человѣка какъ на разумное созданіе, надѣленное изъ начала всѣми свойствами разумной природы, тотъ не можетъ отрицать въ немъ и способности, чрезъ которую онъ съ самаго начала отличался отъ неразумныхъ тварей, т. е. способности разумнаго дара слова. Даръ слова, говоритъ знаменитый германскій филологъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, вытекаетъ изъ глубины человѣческаго существа; для того чтобы изобрѣсти рѣчь, человѣкъ напередъ долженъ былъ обладать способностію говорить; другія животныя имѣютъ органы, посредствомъ которыхъ могутъ издавать членораздѣльные звуки,—щебетаніе Бушмена очень походитъ на голосъ человѣка,—но голосъ никогда не даетъ возможности низшему неразумному созданію выработать себѣ рѣчь. Теорія однообразно-медленнаго развитія языка, во всѣ періоды существованія человѣка, на которой, главнымъ образомъ, основанъ расчетъ Шлейхера, еще менѣе можетъ быть оправдана какими нибудь основательными соображеніями. Если въ приложеніи къ чисто фактическимъ явленіямъ теорія

явленіямъ", имѣетъ противъ себя много возраженій, но тѣмъ болѣе эта теорія не приложима къ языку, который, будучи результатомъ физической дѣятельности человѣческаго организма, въ тоже время служитъ выраженіемъ духовной психической дѣятельности человѣка, не подчиняющейся законамъ строгой физической необходимости. Исторія нарѣчій показываетъ, что не всѣ языки развивались съ одинаковою медленностію или скоростію, даже въ кругу историческихъ временъ. Тогда какъ большая часть семитическихъ языковъ остановилась на низшихъ формахъ и движется очень медленно въ своемъ развитіи, индо-европейская отрасль въ относительно короткій срокъ развилась до совершеннѣйшихъ формъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ достигла высшей степени разнообразія, полноты и совершенства. Если сравнить степень развитія нашего русскаго языка въ послѣднее столѣтіе съ предшествующими періодами его развитія, обнимающими въ совокупности около 900 лѣтъ, нельзя не замѣтить, что въ послѣдній періодъ онъ развивался несравненно прогрессивнѣе, чѣмъ въ прежній, и очень далеко подвинулся въ короткій срокъ на пути усовершенствованія. Нѣтъ сомнѣнія, что и языкъ подобно прочимъ явленіямъ психической и физической дѣятельности человѣка подлежитъ извѣстнымъ законамъ, которыми опредѣляется и объясняется относительная быстрота или медленность его развитія въ тотъ или другой періодъ, при тѣхъ или другихъ внѣшнихъ условіяхъ. Но законы эти, равно какъ и условія развитія языка, еще не опредѣлены и не выяснены точно наукою. „Если принять въ соображеніе, говоритъ одинъ изъ лучшихъ и добросовѣстныхъ англійскихъ филологовъ, сложность различныхъ формъ рѣчи

употребляемыхъ [illegible] и предполагать [illegible] ученій [illegible] [illegible] отъ [illegible] [illegible] [illegible] многихъ поколѣній, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] періоды въ произведеніи одного рода, — то весь результатъ является [illegible] въ [illegible] покрытою глубокой тайной. При данныхъ попыткахъ объяснить происхожденіе языковъ и развитіе ихъ видовъ [illegible] встрѣчаются [illegible] до [illegible] дѣйствіемъ [illegible] [illegible] въ томъ же [illegible] въ [illegible] самое Божественое (1). Предполагаемое наукою и подтверждаемое Библіею существованіе въ отдаленный доисторическій періодъ одного общаго языка составляетъ нынѣ [illegible] предметъ согласія большинства ученыхъ филологовъ. Но какимъ образомъ изъ одного языка, какъ изъ корня, произошло такое множество разновидностей, и какимъ законамъ подчинялись эти разновидности послѣ своего первоначальнаго обособленія и въ дальнѣйшемъ развитіи, — это составляетъ предметъ безконечныхъ споровъ между филологами. Библейское ученіе о смѣшеніи языковъ, связывающее этотъ фактъ съ разсѣяніемъ племенъ послѣ потопа, и объясняющее его [illegible] нравственныхъ причинахъ, не имѣетъ противъ себя никакихъ серіозныхъ возраженій со стороны науки, не предубѣжденной въ пользу модныхъ теорій Дарвина и Лайелля, устраняющихъ все чудесное изъ исторіи развитія природы и человѣка и

[illegible]

[illegible] Max Müll. Vorlesungen [illegible] стр. 72 [illegible]

неостанавливающихъ на мѣсто разумнаго Божественнаго управленія міромъ слѣпо дѣйствующія силы, вѣчно себѣ равныя.

Изъ области статистическихъ данныхъ по вопросу о древности человѣческаго рода мы приведемъ замѣчательное вычисленіе размноженія человѣческаго рода, сдѣланное замѣчательнымъ современнымъ статистомъ Фон-де-Бруно, профессоромъ туринскаго университета. Взявъ за данныя годичное приращеніе человѣческаго рода, которое по достовѣрнымъ статистическимъ даннымъ приблизительно увеличивается ежегодно на $^1/_{200}$ и настоящую численность его, равняющуюся 130,000,000, онъ вычислилъ, сколько нужно было лѣтъ для того, чтобы родъ человѣческій отъ одной четы разросся до такой цифры. Вопросъ рѣшается слѣдующимъ уравненіемъ:

$$2\,(1+{}^1/m)^x = 1,300,000,000$$

Здѣсь годичное приращеніе означено чрезъ $^1/m$. Бруно положилъ его равнымъ $^1/_{192}$—цифрѣ очень незначительной, имѣя въ виду разрушительныя дѣйствія потопа. При этомъ X (число лѣтъ) оказалось=5,863. Если же въ основаніи разсчета положить нынѣшнюю цифру годичнаго приращенія человѣчества, т. е. $^1/_{200}$, то въ результатѣ получится только 4,100 лѣтъ для всего періода существованія человѣка. Этимъ вычисленіемъ съ одной стороны опровергаются Полигенисты, отвергающіе происхожденіе человѣческаго рода отъ одной четы и принимающіе множество первоначальныхъ группъ, потому что они чрезъ этотъ разсчетъ приводятся къ результатамъ самымъ нелѣпымъ и противорѣчащимъ всѣмъ ихъ даннымъ, т. е. будто родъ человѣческій существуетъ только нѣсколько столѣтій; съ другой сто-

роды подрываются мечтательные разсчеты новѣйшихъ геологовъ, которые такъ щедро награждаютъ человѣчество древностію существованія. Лѣточисленіе же, основанное на Библіи, по которому время появленія человѣка на землѣ относится приблизительно за 7,000 лѣтъ, хотя и не подтверждается во всей точности, но положительно избавляется отъ нареканій за свою кратковременность. Бруно подтверждаетъ свои хронологическіе разсчеты еще новымъ, слѣдующимъ доказательствомъ. Если, основываясь на библейскомъ лѣтосчисленіи, допустить, что отъ потопа насъ отдѣляетъ 4,207 и что послѣ потопа остался только Ной съ тремя женатыми сыновьями, то, чтобы родъ человѣческій въ теченіи этого времени возросъ до настоящей его численности нужно принять годичное приращеніе его равнымъ $^1/_{217}$ цифрѣ, почти точно выражающей дѣйствительное нынѣшнее годичное приращеніе народонаселенія во Франціи. Изъ этого разсчета видно, что съ какого бы времени ни начинать счисленіе времени существованія человѣка, со времени ли сотворенія его или съ потопа, размноженіе человѣчества до нынѣшней цифры 1,293,000,000, во всякомъ случаѣ могло произойти въ періодъ времени, назначаемый Библіею для существованія человѣческаго рода. Хотя средняя цифра нынѣшняго ежегоднаго приращенія человѣческаго рода опредѣляется въ статистикѣ приблизительно и хотя Бруно въ своихъ разсчетахъ относительно древности человѣческаго рода слѣдуетъ тому же методу, какъ и геологи, т. е. заключенію отъ наблюдаемыхъ нынѣ явленій къ прошедшему, во всякомъ случаѣ результатъ его счисленія проливаетъ больше свѣта на вопросъ о времени появленія человѣка на землѣ, чѣмъ геологическія

и лингвистическія счисленія, построенныя на совершенно мечтательныхъ соображеніяхъ и догадкахъ. Статистика принадлежитъ къ числу самыхъ точныхъ наукъ и геологія предъ этою наукою въ отношеніи къ точности ариѳметическихъ счисленій почти тоже, что астрологія предъ астрономіею, или алхимія предъ химіею.

Относясь совершенно безпристрастно къ разсмотрѣннымъ нами научнымъ результатамъ по вопросу о древности человѣческаго рода, нельзя не согласиться въ концѣ концовъ съ тѣмъ, что вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу далеко еще нерѣшенныхъ наукою вопросовъ. Но изъ того, что и изъ настоящихъ научныхъ счисленій относительно времени и первоначальнаго появленія человѣка на землѣ болѣе точныя и правдоподобныя ближе подходятъ къ библейскому ученію объ этомъ предметѣ, чѣмъ къ противоположной теоріи, произвольно отодвигающей начало человѣческаго рода на сто тысячъ лѣтъ и болѣе, можно вывести заключеніе, что вполнѣ точное, научное рѣшеніе этого вопроса, вытекающее не изъ предзанятыхъ идей и теорій, а изъ безпристрастнаго и тщательнаго изслѣдованія фактовъ, относящихся къ доисторическому времени, будетъ вполнѣ согласоваться съ библейскимъ ученіемъ о древности человѣческаго рода.

Н. Рождественскій.

(¹) Населеніе земнаго шара въ настоящее время простирается по достовѣрнымъ статистическимъ даннымъ, приблизительно, именно до означенной цифры, т. е. одного милліарда, трехъ сотъ милліоновъ, распредѣленныхъ слѣд. образомъ:

Европа	275,000,000	человѣкъ.
Азія	755,000,000	—
Африка . . .	200,000,000	—
Америка . . .	60,000,000	—
и Австралія. .	3,000,000	—
Итого. . .	1,293,000,000	—

ЗАМѢТКА

Объ Эвальдовой «Исторіи Израильскаго народа» (Geschichte des Volkes Israel. 2 Ausg.).

Объ „Исторіи Израильскаго народа“ Генриха Эвальда въ послѣднее время стали высказываться сочувственные отзывы и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ свѣтскихъ журналовъ (1). Дѣйствительно, эта „Исторія“ способна привлекать къ себѣ вниманіе—больше, чѣмъ какое нибудь другое подобное сочиненіе отрицательнаго характера, т. е. принадлежащее къ тѣмъ, въ которыхъ ветхозавѣтная исторія излагается съ отстраненіемъ всякаго чуда. Ту крайность отрицанія, какую мы находимъ прежде всего у Ватке и за тѣмъ у многихъ другихъ германскихъ писателей, теперь уже почти забытыхъ,—Эвальдъ оставляетъ совершенно: онъ искренно признаетъ истинность библейской религіи и раскрываетъ ея вопросы съ живѣйшею любовію и высокимъ одушевленіемъ къ ветхому завѣту; даже старается составить себѣ понятіе объ откровеніи, на сколько это понятіе возможно съ его точки зрѣнія (фальшивой).

(1) Напр. Отечеств. Зап. 1863. апр. стр. 161.

Къ сожалѣнію, эти свойства (¹) сочиненія нимало не препятствуютъ, напротивъ еще способствуютъ положенному въ основаніе его началу производить свое разрушительное дѣйствіе, особенно въ тѣхъ изъ читателей, въ которыхъ уваженіе къ высокому ученому авторитету встрѣчается съ почти-общею наклонностію нашего времени — отрицать все, что непонятно для насъ или что выше насъ.

Посему, полагаемъ, неизлишне будетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о воззрѣніяхъ, обнаруженныхъ въ этой „Исторіи". Она очень обширна. Мы для примѣра коснемся только воззрѣній Эвальда на двѣ величайшія личности ветхаго завѣта—на Моусея и Авраама.

I.

„Должно думать, говоритъ Эвальдъ, что когда-то, въ туманной древности, было у евреевъ одно чрезвычайно-возвышенное время, полное самыхъ дивныхъ силъ, намѣреній и подвиговъ: къ его величію, къ его хорошо-сознанной славѣ и рѣзко—обозначеннымъ задачамъ весь позднѣйшій народъ обращаетъ свои взоры; древнѣйшія народныя пѣсни Ханаана раздаются съ Синая, какъ славнаго начала всякаго величія исторіи Іеговы и Его народа (Суд. 5, 4 и д.); къ отдаленному Синаю бѣжитъ Илія въ величайшемъ отчаяніи своей души, какъ къ самому древнему и послѣднему убѣжищу священнаго огня во Израилѣ, чтобы тамъ ждать гласа и свѣта Іеговы (3 Цар. 19, 8 и д.); и всѣ особенныя учрежденія и су-

(¹) Въ упомянутомъ журналѣ впрочемъ указывается не на это, а на другое, какъ то „смѣлость воззрѣній, проницательность, блестящее воображеніе, удивительное чутье (?) въ вопросахъ религіозныхъ и поэтическихъ".

ществованіе самой общины (израильской), съ ея духовными истинами и стремленіями, отсылаютъ насъ всего сильнѣе къ этому времени, имѣвшему силу создать ее и сдѣлать непоколебимою на многіе вѣки. Конечно, время, богатое столь-великими послѣдствіями, давшее народу всю его славу, опредѣлившее на многіе вѣка его совершенно-особенное направленіе и стремленіе, — нельзя и вообразить достаточно. Конечно, вождь этого времени и основатель новаго начала развитія, самаго богатаго послѣдствіями, могъ — уже потому, что онъ мало выставлялъ себя на видъ и скорѣе всю славу приписывалъ Богу, — могъ въ памяти потомства болѣе и болѣе исчезать за своими великими дѣлами и долгое время оставаться близко-извѣстнымъ только для немногихъ (?): но, что это былъ умъ величайшій, единственный (ein Geist einziger Grösse), что онъ дѣйствовалъ и долженъ былъ дѣйствовать съ удивительною силою и успѣхомъ, это несомнѣнно, если только мы не захотимъ самое мудрое (das Geistigste) во всемірной исторіи дѣло приписать случаю и такимъ образомъ впасть въ ослѣпленіе (¹)... Мы должны признать здѣсь одну изъ самыхъ дивныхъ основныхъ силъ (Urkräfte) духа, которая, хотя по своей возможности, распространена во всемъ человѣчествѣ, но съ особенною энергіею, истинностію и продолжительностію открылась только въ исторіи Израиля, и ни въ какомъ изъ пророковъ не проявилась съ такою всемірно-историческою дѣйственностію, какъ въ Моѵсеѣ (²).... Если религія есть мысль и дѣятельность предъ лицемъ Бога (in der unmittelbaren Gewissheit Gottes),

---

(¹) *Ewald*. Gesch. 2, 5. 43. 44.

(²) §. 62.

т. е. въ сознаніи Его бытія и вѣчныхъ Его истинъ,— мысль и дѣятельность, которая слабаго смертнаго столько же смиряетъ предъ Богомъ, сколько наоборотъ и возвышаетъ и исполняетъ всею истинною безконечною силою,—мысль, которая, если она дѣйствительно истинна, вездѣ тотчасъ же переходитъ и въ соотвѣтственное дѣйствіе: то ясно, что всякая изъ истинъ религіи человѣку, дѣйствительно въ ней живущему, должна являться (erscheinen muss) привлекающимъ словомъ самаго Бога.... Великое вѣчное *Я*, предъ которымъ малое человѣческое *Я* совершенно исчезаетъ и въ которомъ оно должно опять найти себя, если не хочетъ погибнуть,—это безконечное *Я* громко говоритъ о себѣ въ томъ или другомъ человѣкѣ и чрезъ то тотчасъ же наполняетъ и увлекаетъ его.... И если такимъ образомъ божественное *Я* изъ смертнаго орудія ясно и сильно говоритъ другимъ и старается тронуть другихъ, то человѣкъ является провозвѣстникомъ и истолкователемъ божественныхъ таинъ, т. е. пророкомъ (1).... Пророкъ есть вѣстникъ Бога, но въ то же время и Его уполномоченный на землѣ вождь. Самымъ рѣзкимъ образомъ открывается это на Моусеѣ (2).

Кто не порадуется прежде всего тому, что Моусей и Моисеево время, съ ихъ основнымъ значеніемъ, еще разъ нашли такое одушевленное, хотя весьма одностороннее, признаніе и оцѣнку. Эвальдъ въ этомъ отношеніи стоитъ значительно выше Эрнеста Ренана, прославленнаго французскаго ученаго, который принимаетъ монотеизмъ за особенность семитической расы, но вовсе не считаетъ его за преимущество семитовъ, а за по-

(1) §. 63. 64.
(2) §. 63.

мѣху всякой истинной цивилизаціи, или за явленіе, дѣлающее даже немыслимымъ это „чрезвычайно—возвышенное время (въ евр. древности), котораго нельзя и вообразить достаточно“.—„Здѣсь (въ монотеизмѣ), говоритъ Ренанъ, нужно видѣть результатъ извѣстнаго расположенія расы. Всякая идея о превосходствѣ или непревосходствѣ должна быть устранена отсюда. Точка зрѣнія семитовъ не есть плодъ высшей интеллектуальной организаціи (constitution); она—плодъ организаціи особенной (sui generis), имѣющей свои выгоды и свои неудобства, но которая во всякомъ случаѣ не можетъ быть исключительнымъ удѣломъ какого-нибудь отдѣльнаго племени“ (1) (т. е. израильтянъ). Не говоря уже о томъ, что у прочихъ племенъ, почитаемыхъ за семитическія, каковы, напр., моавитяне, аммонитяне, сирійцы, арабы, финикіяне и вавилоняне, существованіе монотеизма не можетъ быть оправдано исторически, какъ это основательно доказано у Дистеля (2),—взглядъ Ренана оказывается несостоятельнымъ уже и по слѣдующимъ двумъ самымъ простымъ, общимъ соображеніямъ: а) израильскій монотеизмъ стоитъ уединенно въ исторіи, а прочіе семиты, не исключая даже арійцевъ, въ сущности постоянно носятъ на себѣ всемірно-историческій отпечатокъ язычества. *Спасеніе отъ Іудей есть* (Іоан. 4, 22), а не отъ семитовъ; б) ясно также и то напрасное униниженіе монотеизма, какое дѣлаетъ Ренанъ. Уже самый общій взглядъ на исторію долженъ

(1) *E. Renan*,—Nouvelles consider. sur le caractére général des peuples semitiques—journal asiatique 1859. XIII, 229. Тоже въ указан. м. Отеч. Запис. стр. 164, 165.

(2) *Diestel*,—Der Monotheismus d. eiltest. Heidenthums in d. Jahrb. für deutsche Theologie 1860. S. 709, 77.

былъ бы удержать его отъ этого, не говоря о внутреннемъ, интеллектуальномъ и нравственномъ превосходствѣ монотеизма предъ политеизмомъ. Если израильскій народъ, какъ народъ религіи, не могъ, да и не долженъ былъ проводить начала цивилизаціи—въ искуствѣ, въ наукѣ, въ государственной жизни, съ такою же самостоятельностію, настойчивостію и полнотою, какъ классическіе народы; то, во всякомъ случаѣ, его монотеизмъ сталъ истинно-жизненнымъ началомъ всей новой, XVIII столѣтій продолжающейся культуры. На Ренанѣ мы только видимъ новый примѣръ того, до какой странной степени и у лучшихъ сравнительно писателей французскихъ могутъ быть запутанны и извращены религіозныя и религіозно-философскія сужденія. И однакожъ есть еще люди, которые раздѣляютъ подобные взгляды, каковъ на пр. Эдмундъ Шереръ [1], чтобы умолчать о нашихъ отечественныхъ *ученыхъ* фельетонистахъ.

Возвращаемся къ Эвальду. Признавая Моусея пророкомъ, Эвальдъ, если не вполнѣ понялъ дѣло, то, крайней мѣрѣ, старался приблизиться къ правильному пониманію, насколько это возможно съ его общей точки зрѣнія. Но здѣсь встрѣчается у него такой пунктъ, который далеко не достигаетъ высоты библейскаго воззрѣнія. Пророкъ, какъ открывается изъ всего, что говорится о пророкахъ въ Библіи, есть дѣйствительно „провозвѣстникъ и истолкователь божественныхъ таинъ", но на основаніи дѣйствительнаго, сверхъестественнаго откровенія и вдохновенія. А Эвальдъ этого не признаетъ. Правда, онъ ставитъ въ соотношеніе конечное *я* съ *Я* вѣчнымъ; но, какъ у него вообще не достаетъ

[1] Revue de theologie 1860. p. 361.

строгаго разграниченія богословскихъ понятій, то и не видно здѣсь со всею ясностію—понимаетъ ли онъ подъ этими *я* идеальное и эмпирическое *я* человѣка, сознаніе, какъ онъ еще выражается, „непосредственное“ и „посредственное, исходящее въ міръ“,—или понимаетъ онъ божественную и человѣческую личность. Въ первомъ случаѣ его понятіе о пророчествѣ было бы пантеистическое, всего ближе подходящее къ понятію Шлейермахера; въ послѣднемъ — по сущности деистическое. Ибо здѣсь удерживается мысль не объ объективномъ откровеніи, но о субъективныхъ воззрѣніяхъ религіозныхъ. Истины религіи, говоритъ онъ только „*являются* человѣку словомъ Божіимъ“, т. е. въ дѣйствительности онѣ не таковы. Съ этимъ вмѣстѣ въ понятіе пророка вносится у него понятіе самообольщенія: пророкъ только приписываетъ Богу то, что на самомъ дѣлѣ идетъ не отъ Бога, а исходитъ изъ религіозной глубины его собственнаго внутренняго міра, изъ этой „дивной, во всемъ человѣчествѣ распространенной силы духа“. Здѣсь Эвальдъ явно высказываетъ то, что замѣчается у всѣхъ раціоналистовъ, т. е. отрицаніе истиннаго пророчества. „Въ исторіи Израиля *открывается* таже упомянутая сейчасъ сила духа“. Потому и откровеніе, бывшее въ израильскомъ народѣ, отличается отъ язычества не видомъ, не сущностью, а только степенью; это — та же сила, которая „по своей возможности распространена во всемъ человѣчествѣ“, но въ „исторіи Израиля только открывающаяся съ особенною энергіею, истинностію и продолжительностію“. А почему это *открывается* только въ исторіи израильской и какимъ образомъ откровеніе, во всѣхъ своихъ обнаруженіяхъ различающееся только степенью, здѣсь приняло видъ совершенной и существен-

ной противоположности язычеству,—этого онъ не изъясняетъ, т. е. ведетъ дѣло произвольно.

Если уже пророчество не выводится у Эвальда изъ дѣйствительнаго сверхъестественнаго откровенія, то само собою понятно, что отъ него нельзя ожидать и признанія другихъ видовъ откровенія (Богоявленій, чудесъ). Посмотримъ, какъ относится Эвальдъ къ двумъ величайшимъ фактамъ изъ временъ Моисея — къ переходу чрезъ Чермное море и къ синайскому законодательству.

„Какъ именно произошло это весьма—древнее событіе, говорится у Эвальда о погибели египетскаго войска въ Чермномъ морѣ и о спасеніи Израильтянъ,—объ этомъ у насъ вовсе нѣтъ обстоятельнаго извѣстія" (вслѣдствіе т. е. пустой ипотезы этого ученаго о фрагментахъ Пятокнижія), но самое событіе имѣетъ твердую историческую достовѣрность (¹). Я не намѣренъ со всѣмъ жаромъ утверждать, что это событіе, въ которомъ исторія Моисея быстро достигаетъ своего апогея, сохранило всю свою ни съ чѣмъ не сравнимую важность единственно вслѣдствіе предшествовавшаго и еще продолжавшагося чрезвычайнаго возбужденія благороднѣйшихъ стремленій и высокой дѣятельности духовной; а говорю только то, какъ, съ другой стороны, сотня по внѣшности-подобныхъ событій прошла почти безслѣдно въ исторіи человѣчества и даже воспоминанія о нихъ совершенно исчезли. Событію этому должны были предшествовать самыя чрезвычайныя напряженія и благороднѣйшіе подвиги духа, занятаго борьбою за избавленіе (народа),—должны были предшествовать не только со стороны Моисея, но и со стороны сгруппировавша-

(¹) S. 99.

гося вокругъ него народа, единодушно послѣдовавшаго за нимъ, и его упованіемъ объ избавленіи: вотъ сущность; а что передаютъ объ этомъ теперешніе разсказы, это можно считать только слабымъ воспоминаніемъ о совершившемся въ тѣ дни сильнѣйшемъ движеніи духовномъ. Какъ сильно можетъ возрасти и распространиться довѣріе къ чему-либо, если только въ надлежащее время какимъ-нибудь благопріятнымъ вѣтромъ будетъ вызванъ къ свѣту уже положенный ростокъ! Тогдашній внѣшній успѣхъ былъ именно этимъ вѣтромъ благопріятнымъ; но онъ уже нашелъ ростокъ благороднѣйшій и плодоносный, — и вотъ все это множество народа исполнилось самаго радостнаго довѣрія къ своимъ истинамъ духовнымъ" (1).

И здѣсь, какъ и въ понятіи о пророчествѣ, мы видимъ тоже усиліе Эвальда перемѣстить центръ тяжести событія, собственную дѣйствительную причину его перенести со стороны Бога на сторону человѣка. Все было уже въ духѣ „Моисея и народа", а внѣшнее событіе только вызвало силы духа къ обнаруженію. Какъ видимъ, вся исторія извращена. Внѣшній фактъ, явленіе — осталось, а сущность совершенно не та. Та же одежда, но лицо подъ ней другое. По Библіи — именно Іегова совершаетъ чудо избавленія евреевъ и чрезъ то пріобрѣтаетъ въ свое достояніе этотъ народъ, конечно, уже и прежними чудесами возбужденный и подготовленный послушать гласа Его; по Эвальду все это дѣлаетъ израильскій духъ народный, при этомъ благопріятномъ случаѣ или „вѣтрѣ" только развившій тотъ „ростокъ", который уже былъ въ немъ, — какъ будто

(1) S. 93.

такое сравненіе дѣйствительно что нибудь рѣшаетъ, а не остается только голою фразою! Событіе въ природѣ, о которомъ идетъ рѣчь, по Эвальду, само въ себѣ не важно, какъ сотня другихъ подобныхъ, безслѣдно пропавшихъ въ исторіи"; по Библіи, напротивъ, именно эти славныя дѣла Божіи, имѣли самое рѣшительное значеніе для народа и привели его въ должныя отношенія къ Богу и Моусею: *рече Моисей къ людемъ: дерзайте, стойте и зрите спасеніе еже отъ Господа, еже сотворитъ намъ днесь... Видѣ же Израиль руку великую, яже сотвори Господь египтяномъ: и убояшася людіе Господа, и вѣроваша Богу, и Моисею угоднику Его* (Исх. 14, 10—14, 30, 31). Эвальдъ знаетъ эти тексты, но онъ до того въ вѣрѣ своей довольно искусенъ, чтобы не имѣть никакихъ препонъ противъ такого знанія, которое знать не хочетъ. Объ этихъ „самыхъ чрезвычайныхъ напряженіяхъ и благороднѣйшихъ подвигахъ духа Моисея и народа" (на которыхъ вся эта гипотеза основана) библейскіе памятники, конечно, говорятъ мало, а Эвальдъ придаетъ имъ еще меньше; но вѣдь это только „слабое воспоминаніе" о семъ чрезвычайномъ явленіи, что тогда, по Эвальду, „зарождалось" въ израильскомъ духѣ. Напротивъ, о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на народъ этимъ великимъ событіемъ, этою „какъ бы невидимымъ оружіемъ совершенною побѣдою" (1), — Библія разсказываетъ, какъ видимъ, подробно; но хотя этому весьма древнему событію у насъ, конечно, нѣтъ побочнаго [illegible]тельнаго извѣстія". Спрашивается, гдѣ же пріемъ ученаго историка есть ли пріемъ историческій и научный? И фразы, изъ которыхъ онъ слагается, не предоста-

---

(1) „Wie durch unsichtbare Waffen bereitete Sieg..." S. 96.

даютъ ли одинъ прахъ пустой, довольно искусно воз-бросанный, чтобы ослѣпить не искусныхъ?... Еще: вспомнимъ о торжественной пѣсни при морѣ *по прошествіи израилевѣ*. Самъ Эвальдъ признается, что эта великая пѣснь, побѣдная въ цѣломъ своемъ теперешнемъ объемѣ явилась, по крайней мѣрѣ, въ самое раннее время послѣ Моисея; но по своему же основанію и началу, она, вѣроятно, возникла непосредственно изъ живѣйшаго одушевленія въ самое Моисеево время" (1). Что же такое эта пѣснь? Она воспѣта Іеговѣ (Исх. 14, 32). Въ Немъ, въ Его величіи какъ бы исчезаетъ своимъ сердцемъ и словомъ торжествующій народъ: *поимъ Господеви, славно бо прославися*. Напротивъ, по Эвальду, если судить правильно, здѣсь скорѣе слѣдовало бы признать за главное зародышъ этого великаго духа народнаго, и воспѣть его, а вовсе не Бога, по подобію позднѣйшихъ стихотворцевъ. Моисей и израильскій народъ должны оказаться, по этой пѣсни, въ заблужденіи, т. е. людьми, приписывающими Богу то, что зародилось въ ихъ собственномъ духѣ. Все это воззрѣніе основывается на непониманіи религіозной жизни вообще и на отрицаніи существеннаго внутреннѣйшаго основанія ветхозавѣтной религіи въ особенности. *Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу*: вотъ истинное основное слово Израиля, руководимаго Богомъ живымъ. Будь твердымъ въ вѣрѣ, воздавая славу Богу, — вотъ основаніе всей его дѣятельности (сн. Рим. 4, 20. Евр. 11, гл.). Въ истинной религіи начальная дѣятельная причина — не человѣкъ, а Богъ: Богъ есть центръ, около котораго вращается человѣчество, *о немъ бо живемъ, движемся и*

(1) S. 27.

есмы. И можетъ ли быть иначе, если Богъ есть Богъ, а человѣкъ—Его твореніе? По этому-то начало и основаніе религіи всего менѣе должно полагать въ человѣческой дѣятельности: религія основывается прежде всего на дѣятельности Божественной и потомъ уже на воспріятіи человѣкомъ этой дѣятельности. Дѣятельность Бога выражается въ откровеніи и — по отношенію къ настоящему предмету—въ откровеніи сверхъестественномъ; пріемлемость со стороны человѣка — въ вѣрѣ, усвоющей откровеніе. Отъ того-то тамъ, гдѣ говорится о такихъ великихъ лицахъ, каковы Моусей и Авраамъ, съ которыми связаны самыя начальныя судьбы Ветхаго Завѣта и Религіи, — тамъ именно прямо названа *вѣра* (Быт. 15, 6. Исх. 14, 31, 4, 1, 31), тогда какъ при иныхъ случаяхъ это слово въ Ветхомъ Завѣтѣ вообще встрѣчается рѣдко.

Что касается до синайскаго законодательства, то „на извѣстіе о немъ, идущее изъ самой глубокой древности еврейской, мы, говоритъ Ѳвальдъ, можемъ смотрѣть не иначе, какъ на продуктъ истинно-историческаго воспоминанія, и имѣемъ всѣ основанія еще и для другой мысли, т. е., что пребываніе у Синая было довольно продолжительно. Но при этомъ намъ преимущественно нужно помнить то, что съ каждымъ лучшимъ законодательствомъ Богъ все болѣе и болѣе приближаетъ къ себѣ человѣка, обязывающагося Его закономъ; уже возвышеніе (die Erhebung) мыслящаго и дѣятельнаго духа народнаго къ новому, лучшему порядку жизни есть въ тоже время возвышеніе народа къ Тому, Который хочетъ, чтобы и въ свободѣ человѣка были порядки подобные тѣмъ, по какимъ Онъ устрояетъ всю вселенную; и какъ скоро народъ торжественно, съ

мучительныхъ страховъ и трепетовъ обязуется въ исполненіи своихъ приказаній за лучшіе порядковъ, то онъ сильнѣе приближается и къ соотвѣтствующему въ нихъ Богу и Богъ тогда является уже не просто Творцемъ всѣхъ людей, но и законодателемъ, устрояющимъ жизнь ихъ наилучшимъ образомъ, какой только возможенъ. Если такимъ образомъ уже и въ каждомъ самомъ раннемъ законодательствѣ, сколько нибудь улучшающемъ человѣка (Эвальдъ, по видимому, забываетъ, что улучшеніе есть понятіе относительное), можетъ приближаться Богъ къ людямъ: то какимъ же должно быть это приближеніе при посредствѣ такого законодательства, которое, какъ законодательство Моисея при Синаѣ, возникло изъ чистѣйшихъ стремленій и благороднѣйшихъ порывовъ (Erhebung) юнаго народа въ рѣдкую счастливую минуту (Augenblicks) на землѣ! Все это такъ; и, при возвышенномъ взглядѣ на дѣла Божескія и человѣческія, объ этомъ нельзя и думать иначе..." (¹).

Нельзя отрицать того, что Эвальдъ, можетъ быть, и здѣсь желалъ придать синайскому законодательству Божественную важность. Но здѣсь же еще яснѣе, чѣмъ изъ прежде сказаннаго, обнаруживается, что происхожденіе ветхозавѣтной религіи онъ, въ существѣ дѣла, объясняетъ также, какъ происхожденіе религій языческихъ, т. е. изъ народнаго духа. Законодательство Моисея, въ существѣ дѣла, онъ ставитъ на одну линію съ законами языческими, съ законами напр. Солона и Ликурга, которые однако и сами не объявляли притязаній на такое значеніе своихъ постановленій, да и не придали имъ той чистоты и святости, которыя могли

(¹) S. 134, 135.

бы определилъ подобное сравненіе. Что понимать подъ нимъ, принципъ, непосредственно отъ Бога; то у Эвальда выходитъ опять „изъ чистѣйшихъ стремленій и благороднѣйшихъ порывовъ юнаго народа“. Но это не согласно ни съ тѣмъ образомъ еврейскаго народа, въ какомъ является онъ по исторіи, ни съ православнымъ понятіемъ о законѣ. Правда, израильскій народъ свободно подчинялся закону; но, какъ говорится въ Источникѣ, только вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него дѣлами Божіими, что здѣсь — у Эвальда — отрицается. Стремленіе „юнаго народа“ постоянно направлялось не къ откровенію, а мимо откровенія — къ поклоненію золотому тельцу и къ часто повторявшемуся ропоту на Бога и Моисея, такъ что рѣшительно можно сказать, что по своимъ наклонностямъ сердечнымъ, израильскій народъ былъ вовсе не выше язычниковъ. *Не ради правды твоея, ниже преподобія ради сердца твоего ты входиши наслѣдити землю ихъ, но... да уставитъ Господь завѣтъ, имже кляся отцемъ вашимъ, Аврааму, Исааку и Іакову* (Втор. 9, 5 и д.). Отъ Моисея до послѣдняго пророка и до Новаго Завѣта это — народъ присно противящійся Богу. Евреи временъ позднѣйшихъ дополняли мѣру отцевъ своихъ (Мѳ. 23, 32); сквернились въ беззаконіяхъ и въ нечестіяхъ отцевъ (Езек. 20, 30); примѣръ отцевъ какъ бы легализовалъ развращеніе дѣтей (Амос. 2, 4). Есть ли въ этихъ библейскихъ отзывахъ объ евреяхъ что нибудь похожее на Эвальдовскую рекомендацію „юнаго народа?“ Дѣйствительно, трудно понять, какъ такой опытный въ знакомствѣ съ Ветхимъ Завѣтомъ ученый могъ выводить законъ Моисеевъ изъ „чистыхъ и благородныхъ стремленій народа“. И потому, если предъ симъ мы

принуждены были указать въ Эвальдѣ на незнаніе сущности истинной религіи, то теперешняя его мысль основывается на незнаніи силы грѣха, на невниманіи къ этой великой непостижимой борьбѣ между святою любовію Бога и грѣховною природою народа, борьбы, составляющей, такъ сказать, душу Ветхаго Завѣта. Въ понятіи ветхозавѣтнаго закона именно заключается то, что онъ тяготѣетъ надъ народомъ, какъ внѣшній положительный авторитетъ, что онъ—на скрижаляхъ каменныхъ, а не на плотяныхъ скрижаляхъ сердца. Законъ Ветхаго Завѣта именно тѣмъ менѣе могъ произойти изъ собственнаго духа и стремленій народа израильскаго, что требовался для него еще другой, Новый, высшій Завѣтъ... *яко тіи не пребыша въ завѣтѣ Моемъ* (Іер. 31, 31 и д.).

И такъ, въ основномъ и оттого-то наиболѣе чудесномъ фактѣ исторія ветхозавѣтная и исторія Эвальда ничего не имѣютъ общаго между собою, кромѣ внѣшности; самое же событіе и именно основаніе и духъ событія совершенно различны, даже противоположны: тамъ схожденіе и снисхожденіе Бога, здѣсь „возвышеніе" народа. Выходитъ, что весь израильскій народъ, смотрѣвшій на основаніе и существо своей исторіи и религіи иначе, чѣмъ Эвальдъ,—весь этотъ народъ ошибался. И это становится для насъ вдвойнѣ загадочнымъ, когда знаемъ, что самъ же Эвальдъ такимъ мѣстамъ Пятокнижія, каковы: *сами видѣсте, елика сотворихъ египтяномъ* и т. д. (Исх. 19, 4—16), или: *въ вечеръ сей увѣсте, яко Господь изведе вы изъ земли египетскія...* (16, 6. 7), каково также десятословіе, благословеніе народа: *да благословитъ тя Господь...* (Числ. 6, 24—26), изреченіе при воздвиженіи и поставленіи ковчега (10,

35. 36),—всѣмъ такимъ мѣстамъ, гдѣ все возводится именно къ Богу, приписываетъ истинное происхожденіе отъ самого Моvсея (¹). Отчего же Эвальдъ такъ путается и впадаетъ въ такія противорѣчія? Оттого, что онъ предполагаетъ и предполагаетъ молча, какъ вещь вполнѣ понятную для всѣхъ, что нѣтъ чудесъ, нѣтъ никакихъ божественныхъ дѣйствій, нѣтъ богоявленій. Его Богъ есть существо неподвижное и бездѣйственное, а не Верховный, Безконечный Разумъ. Допустить такого Бога для него трудно; скорѣе же онъ допуститъ въ постоянно-обличаемомъ и Богомъ и исторіею жестоковыйномъ народѣ „чистѣйшія стремленія", прибавивъ будто мимоходомъ, что это было „въ рѣдкую счастливую минуту на землѣ", или что „иначе нельзя думать при возвышенномъ взглядѣ на вещи". По истинѣ, пророкъ Іеремія не зналъ этихъ счастливыхъ минутъ въ исторіи своего народа и не возвышался до такихъ quasi возвышенныхъ взглядовъ, когда говорилъ объ измѣненіи эѳіопской кожи!.. (13, 23).

Здѣсь умѣстно высказаться намъ положительно о Божественномъ откровеніи въ Моvсеево время.

Идея Моvсеева времени та, что израильскій народъ долженствовалъ сдѣлаться самостоятельнымъ народомъ Божіимъ, царствомъ Божіимъ, состоящимъ подъ управленіемъ своего небеснаго царя Іеговы. На сей конецъ, ему должно было выйти изъ внѣшняго и отчасти внутренняго рабства язычеству, какому онъ подвергался въ Египтѣ. Іегова долженъ явиться ему Владыкою вселенной, имѣющимъ власть надъ всѣми силами міра, природы и исторіи. И вотъ Онъ является имъ съ тѣмъ

(¹) S. 26, 27.

именемъ, которое есть характеристическое имя Божіе, является, какъ Іегова, т. е. какъ вѣчно-сущій Богъ, какъ абсолютная реальность, какъ *твердыня израилева*, предъ которою прочіе боги — ничто, равно и весь міръ ничто: *тако речеши сыновомъ израилевымъ: Сый посла мя... И явихся Аврааму, Исааку и Іакову, Богъ сый ихъ: и имене Моего Господь не явихъ имъ* (Исх. 3, 13. 14. 6, 3). Онъ начинаетъ съ того, что въ египетскихъ казняхъ является Владыкою природы, Который, для блага людей своихъ, противъ самаго могущественнаго тогдашняго царства вызываетъ къ борьбѣ природу его же собственной страны. Онъ возстановляетъ другъ противъ друга оба элемента, на сочетаніи которыхъ собственно и основывается народная жизнь — народъ и землю. Въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи два могущественнѣйшія явленія земной природы, море и гора, должны послужить волѣ Божіей и преклониться предъ Его величіемъ: море раздѣляется, гора дрожитъ. *Море видѣ и побѣже. Горы взыграшася, яко овни.... отъ лица Господня, отъ лица Бога Іаковля* (Пс. 113, 3. 4. 7). Тамъ и здѣсь открывается Его святое всемогущество: въ морѣ открывается власть Его судебная надъ врагами; на горѣ — власть Законодателя надъ своимъ народомъ. Въ актѣ законодательства Іегова является своему народу, какъ міродержавный Царь его во всемъ своемъ величіи. Чтобы обратить народъ единственно къ Себѣ и не дать ему погрязнуть въ связи съ міромъ, Онъ ведетъ израильтянъ изъ Египта въ Ханаанъ не прямо, но большимъ обходомъ по пустынѣ, гдѣ жизнь народа чисто-естественная прекращается, гдѣ жизнь въ обществѣ другихъ народовъ не мыслима, гдѣ Израиль одинъ съ своимъ Богомъ. Узами человѣческими, узами любви

Господь влечетъ его къ Себѣ, беретъ его за руку (Ос. 11, 34); но образъ воспитанія его самый простой, приличный пустынѣ. Въ пустынѣ нѣтъ ни пищи, ни дорогъ: и Онъ Самъ даетъ имъ манну, Самъ путеводитъ ихъ въ облачномъ и огненномъ столпѣ, чтобы и съ этой стороны народъ былъ сколько возможно ближе къ Нему, *яко да искушу ихъ, аще пойдутъ въ законѣ Моемъ, или ни* (Исх. 16, 4.).

Такъ все здѣсь оказывается соотвѣтствующимъ своей цѣли и понятнымъ—при вѣрно понятой, основной мысли. Но это относительное совершенство есть, въ тоже время, и относительное несовершенство; иначе и быть не можетъ при историческихъ условіяхъ явленія Откровенія (*аще бо бы первый онъ непороченъ былъ, не бы второму искалося мѣсто* Евр. 8, 7). Всѣ тѣ явленія—въ пустынѣ и до пустыни — совершенно соотвѣтствуютъ тогдашнему состоянію народа, который еще не возвышается до степени пріемлемости не только Откровенія новозавѣтнаго, но откровенія, явившагося въ періодъ пророковъ, а приличествуютъ степени подзаконнаго состоянія, въ которомъ Божественное болѣе внѣшнимъ образомъ прикасается къ человѣческому. Богъ присутствуетъ въ своемъ народѣ, но только внѣшнимъ образомъ, какъ требовало того младенческое состояніе народа. Внутреннее руководительство чрезъ Духа Господня является какъ нѣчто рѣдкое, исключительное, поразительное для всѣхъ (напр. Числ. 11). Для откровенія Себя цѣлому народу, Онъ употребляетъ природу, ея силы и стихіи (въ египетскихъ казняхъ, въ водѣ изъ камня, въ маннѣ, въ крастеляхъ, въ буряхъ синайскихъ...) въ противоположность язычеству, чтобы съ самаго начала израильская мысль пріучилась не обого-

творять видимый міръ, но чрезъ него возноситься къ Единому Безконечному Богу, всѣ стихіи природы имѣющему въ своей власти, какъ средства для откровенія славы Его самого — единаго истиннаго Бога. И вотъ Божій даръ чудесъ — на землѣ манна, на небѣ столпъ огненный и облачный — ежедневно простирается чрезъ всю эту пустыню, которая, правда, не велика, но которую самъ еврейскій народъ жестоковыйный и твердосердечный удлиннилъ на путь сорока лѣтъ.

Да, дѣло было въ томъ, чтобы показать, что Іегова есть Богъ Вседержитель, отъ Котораго все, и чтобы Израиль сдѣлался Его достояніемъ, и вотъ сущность исторіи этого народа въ противоположность другимъ народамъ, языческимъ. Отсюда становится ясно, на какомъ глубокомъ извращеніи дѣла основывается Эвальдово и вообще новѣйшее раціоналистическое пониманіе Моѵсеева времени. Такъ какъ въ воззрѣніи раціонализма, все равно—пантеистическое ли оно или деистическое, все хотятъ выводить изъ человѣческаго духа, то и оказывается оно для уразумѣнія откровенія посредствомъ богоявленій—вовсе неспособнымъ.

II.

Еще произвольнѣе относится Эвальдъ, въ первомъ томѣ, къ исторіи Авраама и св. патріарховъ. „Религія патріарховъ, говоритъ онъ, какъ и религія Моѵсея, состояла въ монотеизмѣ. Впрочемъ, Богъ въ этой религіи (патріархальной) былъ только Богомъ домашнимъ, который подлѣ себя для другихъ домовъ и людей допускалъ и другихъ боговъ.... Предъ временами Моѵсея исторія патріарховъ преобразовалась у народа въ исторію двѣнадцати типовъ семейной жизни: отца семейства

(Авраама), матери семейства (Сарры) и т. п. Собственно благоговѣнія къ этимъ типамъ (языческаго, какъ къ полубогамъ), избѣгали; но по мѣрѣ того, какъ сила высшей (т. е. при Моусеѣ явившейся) религіи увлекала потомковъ патріарховъ, они этихъ послѣднихъ стали облекать въ самые прекрасные образы, которые въ свою очередь находили для себя самыхъ краснорѣчивыхъ истолкователей. И какъ божественное благословеніе жизни патріарховъ было давно уже извѣдано на опытѣ тѣми, которые смотрѣли на нихъ, какъ на образцы, то, при взглядѣ на давно минувшее время, положившее основаніе всей этой жизни благословенной, образовалась смѣлая мысль (самъ признается, что—смѣлая), что весь ходъ прошедшей и теперь еще развивающейся исторіи нѣкогда былъ учрежденъ свыше и напередъ предназначенъ съ божественною необходимостію. Отсюда въ исторію привзошли обѣтованія" (1) и т. д.

Комбинаціи Эвальда, въ настоящемъ случаѣ, еще смѣлѣе и произвольнѣе, чѣмъ въ отношеніи къ Моусееву времени, пытаются поставить на мѣсто исторіи, дошедшей по библейскому преданію, исторію собственнаго изобрѣтенія ученаго историка. Нельзя не видѣть и того, какъ, разсуждая о Моусеевой религіи по поводу исторіи патріарховъ, онъ до такой степени увлекся, что все религіозное основаніе этой исторіи, а слѣдовательно и исторіи происшедшаго отъ нихъ народа, основаніе, заключающееся въ вѣрѣ, въ обѣтованіяхъ, въ завѣтѣ — исчезло....

Какъ все это не вѣрно, видно вкратцѣ изъ слѣдующаго:

(1) *Ew.* Gesch. 1, 420, 7. 385—396.

Если бы израильскій народъ, т. е. народъ, произшедшій отъ патріарховъ, былъ въ Египтѣ такимъ же языческимъ народомъ, какъ и прочіе, то исторія Моусеева времени и вообще все особое отъ другихъ народовъ существованіе этого народа и его особенное развитіе были бы непонятны. Той воспріимчивости къ откровенію истиннаго Бога, которую показалъ этотъ народъ при самыхъ первыхъ подвигахъ Моисея въ Египтѣ, не было бы никогда, если бы этотъ народъ не слышалъ уже прежде объ этомъ Богѣ и не вѣровалъ въ Него. И вѣрно лучъ чистѣйшей религіи патріарховъ сіялъ свѣтомъ великимъ, если истинно-религіозное сознаніе еще удержалось въ народѣ, несмотря на болѣе двухъ вѣковъ продолжавшееся вліяніе темной языческой среды, въ которой жилъ народъ (въ Египтѣ).

Что религія Моусея началась не съ Моусея, что у патріарховъ была не другая, а эта же религія, это слѣдуетъ изъ имени матери самаго Моусея, *Іохаведы*, гдѣ, по словамъ самаго Эвальда, открываются слѣды употребленія божественнаго имени *Іеговы* (¹), составляющаго, опять по его выраженію, „собственное отличіе Моусеевой религіи" (²). И такъ „религія Моусея" была исповѣдаема уже родителями младенца Моусея!—Тоже видно изъ „высокаго имени—„*Элъ Шаддаи*" (Быт. 17, 1. Исх. 6, 3.) (³), которое Эвальдъ называетъ выраженіемъ понятія патріарховъ о Богѣ, и въ которомъ заключается мысль, что Богъ, справедливо называемый *Всемогущимъ*, есть собственно Богъ единый, предъ которымъ все множество и разнообразіе боговъ исчезаетъ, Который слѣ-

(¹) Gesch. 2, 204.
(²) 2, 202.
(³) 1, 419. 2, 202.

довательно и допускать „при себѣ другихъ Боговъ“ не можетъ. Тоже открывается изъ слова *Элогимъ*, которое, по изъясненію опять его же Эвальда, въ своемъ древнѣйшемъ употребленіи, выражаетъ не множество (боговъ), а превосходство, величіе Единаго (¹). „Нужно удивляться (ist zu bewundern) столь твердой вѣрѣ (патріарховъ), что она выразилась даже въ языкѣ“ (²), говоритъ Эвальдъ. Мы этого не скажемъ и не удивимся, а вспомнимъ, что произвольная гипотеза никогда не стѣсняется: въ случаѣ, если что къ ней не подходитъ, слѣдуетъ только „*удивиться*“, или обратиться къ „рѣдкимъ счастливымъ минутамъ на землѣ“, къ „благопріятному вѣтру“, къ „возвышеннымъ взглядамъ на вещи“.—Къ приведеннымъ именамъ можно присоединить еще изреченное къ Моvсею наименованіе: *Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ и Богъ Іаковль* (Исх. 3, 6. 15. 16),—въ которомъ открывается тотъ же Богъ, признаваемый патріархами, какой признаваемъ былъ и Моvсеемъ. — Самъ Эвальдъ чувствуетъ неотразимое впечатлѣніе отъ такихъ выраженій, какъ напр. *Богъ отца моего* (Исх. 15, 2. 18, 4.), (³)—въ которыхъ религія послѣдующаго члена семейства, образовавшагося впослѣдствіи въ народъ, представляется существенно одною съ религіею члена предыдущаго. И если Іисусъ Христосъ тѣмъ, что Богъ называетъ Себя Богомъ Авраама, Исаака и Іакова,—доказываетъ воскресеніе патріарховъ и ихъ истиннаго сѣмени, такъ какъ Богъ *нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Мѳ. 22, 31—32): то мы имѣемъ все право

(¹) 2, 50.

(²) 2, 50.

(³) 1, 420.

заключить, что патріархи во время своего земнаго странствованія должны были находиться въ живѣйшемъ общеніи съ Богомъ живымъ и стоять на высокой степени вѣры, иначе Богъ не соединилъ бы такимъ образомъ свое собственное имя съ ихъ именами. Этимъ же именно обозначеніемъ своего существа Богъ, какъ сказано, начинаетъ свое откровеніе Моусею (Исх. 3, 6.), а чрезъ то оно рѣшительно и существенно примыкаетъ къ откровенію данному св. патріархамъ и, прежде всего, патріарху Аврааму.

Истинно-дивное явленіе представляетъ личность Авраама, и истинный ключъ къ уразумѣнію явленія представляетъ вѣра—вѣра *отца вѣрующихъ*. Какъ Моусей, такъ и Авраамъ происходятъ отъ одного племени, которое еще сохранило относительно-чистое богопознаніе; Авраамъ называется и именемъ пророка (Быт. 20, 7). Богъ является Аврааму и открываетъ ему его назначеніе — быть родоначальникомъ великаго народа. Въ то же время Авраамъ получаетъ и высокое обѣтованіе: божественное благословеніе возвѣщается не только ему самому и его потомкамъ, но чрезъ него и всѣмъ племенамъ земнымъ. Замѣчательно, какъ эта послѣдняя черта дышетъ глубокою древностію: она взята съ семейства или племени, но еще не съ народа, тогда какъ при ней же знаменательно говорится: *сотворю тя въ языкъ велій*. Было вполнѣ достойно Бога съ самаго начала открыть Аврааму его назначеніе, на сколько онъ могъ понять его. Но это высокое назначеніе, къ которому онъ призывается, соединено съ большими жертвами. Родоначальникъ народа Божія долженъ оставить всякую связь съ отечествомъ, съ родными, съ отеческимъ домомъ и переселиться въ землю

чужую: безъ этого его призванiе не совершится. Земля эта не изображается предъ нимъ землею, текущею медомъ и млекомъ, она даже вовсе не называется по имени; но въ томъ-то и должно было обнаружиться его упованiе на Бога и послушанiе, чтобы пошелъ онъ *въ землю, юже ти покажу* (Быт. 12, 1). Семидесятилѣтнiй старецъ съ безплодною женою ужели будетъ родоначальникомъ великаго народа? И для этого ужели необходимо оставить всѣ житейскiя радости и семейныя обязанности и идти въ страну неизвѣстную? Но— Авраамъ *иде, яко же глагола ему Господь.* Этимъ все его бытiе отрѣшается отъ естественной почвы и вопреки всякимъ разсчетамъ ума исключительно возлагается на Бога, на вѣру. Онъ приходитъ въ Ханаанъ и получаетъ здѣсь откровенiе отъ Бога, что это та самая земля, которая должна принадлежать его потомкамъ — *сѣмени твоему дамъ землю сiю*; потому что народъ долженъ прежде всего имѣть землю. Это—для *сѣмени.* Самъ же Авраамъ въ продолженiи всей своей жизни долженъ оставаться странникомъ на этой землѣ; въ ней онъ ничего не называетъ своимъ, кромѣ гроба. Хотя онъ—и родоначальникъ народа Божiя, или, лучше, именно потому что родоначальникъ его,—Авраамъ не имѣетъ отечества земнаго, но долженъ держаться исключительно Бога и отечества небеснаго, почему и Богъ не стыдится называть Себя его Богомъ, какъ все это водительство Авраама глубоко понято и изъяснено въ посланiи къ евреямъ (гл. II). Что же касается до имѣющаго произойти народа, то Авраамъ столько былъ испытуемъ въ вѣрѣ, что еще и въ землѣ Ханаанской долженъ былъ четверть столѣтiя ждать исполненiя обѣтованiя о сѣмени. И это не все;

онъ еще долженъ принести въ жертву сына своего—„душу рода своего" (¹).

Такъ совершеннымъ самоотверженіемъ, безусловною преданностію волѣ Божіей, словомъ—вѣрою совершился *святый корень* (Рим. 11, 16),—и все существованіе израильтянъ, какъ вѣтвей отъ корня, примыкаетъ къ вѣрѣ Авраамовой, и на ней держится. *Воззрите на Авраама отца вашего* (Ис. 51, 2). Эта вѣра составляетъ одно изъ величайшихъ чудесъ ветхозавѣтной исторіи, если не самое великое. Сами Апостолы, въ особенности Апостолъ Павелъ (Рим. 4, Гал. 3), говорятъ о ней съ благоговѣніемъ. И это — чудо совершенно своеобразное, чудо, въ которомъ нѣтъ и мысли о законахъ внѣшней природы, и т. п. Часто указывали, какъ на признакъ исторической истинности патріархальной исторіи, на то обстоятельство, что патріархи не являются чудотворцами: „миѳъ навѣрное украсилъ бы ихъ величественныя личности вѣнцомъ подвиговъ чудесныхъ", особенно при усердіи тѣхъ „красноречивыхъ истолкователей" минувшей старины, во множество которыхъ, по видимому, такъ вѣруетъ Эвальдъ. Еще болѣе сильнымъ свидѣтельствомъ за святую истинность этой исторіи служитъ то, что она начинается чудомъ духовнымъ, чудомъ вѣры Авраама. Только тотъ, кто проникъ бы и духомъ и жизнію въ самое святилище этой вѣры, только такой человѣкъ способенъ былъ бы къ позднѣйшему вымыслу этого „прекраснаго образа" или всей этой исторіи, къ этой, по выраженію самого Эвальда, „смѣлой мысли" приписать патріархамъ то, что явилось будто бы только около

(¹) Зап. на кн. Быт. 2, 285.

временъ Моусея въ „увлеченіи силою высшей религіи“, а такихъ людей въ позднѣйшей исторіи потомковъ Авраама не было. Ни одинъ не достигалъ всей высоты вѣры Авраамовой: лучшіе ходили только по *стопамъ* ея (Рим. 4, 12).

Такая вѣра есть, безъ сомнѣнія, нѣчто единственное и не можетъ быть наслѣдуема потомками путемъ естественнаго размноженія. Понятно, значитъ, что какъ скоро начинается это размноженіе, то должны явиться и внѣшнія постановленія, которыя завѣряли бы объ этомъ общеніи съ Богомъ и воспитывали бы духъ этого общенія тамъ, гдѣ нѣтъ еще всей живой вѣры Авраама. И вотъ установляется обрѣзаніе. Если естественное рожденіе не можетъ распространять этой святой жизни по вѣрѣ, которая отличала родоначальника-патріарха, то ей нужно, по крайней мѣрѣ, дать какое либо внѣшнее знаменіе того, что там—происшедшій народъ не есть такой же народъ, какъ и всѣ другіе народы земли, а народъ избранный изъ всѣхъ народовъ. Вѣра, говоритъ Апостолъ, разъясняя ходъ свящ. исторіи,—вѣра прежде обрѣзанія (Рим. 4, 9, 10). Признакомъ особеннаго происхожденія народа Божія служитъ далѣе и то, что сынъ обѣтованія рождается хотя и путемъ естественнымъ, но при сверхъестественномъ оживленіи плоти омертвѣвшей (Рим. 4, 17—21, 9, 7—9. Гал. 4, 23). Исаакъ является наслѣдникомъ вѣры Авраамовой и хранителемъ Божіихъ обѣтованій; а послѣ сынъ его, Іаковъ, родоначальникъ двѣнадцати колѣнъ, и здѣсь—образованіе цѣлаго народа Божія изъ семейства или племени. Живя среди народовъ не знающихъ Бога единаго, и мало по малу, сближаясь съ ними, народъ Божій находился въ опасности потеряться въ

въ смѣшеніи народовъ. Въ это время чудная судьба Іосифа *спасаетъ евреевъ въ Египтѣ*, гдѣ на нѣкоторое время могла быть безопасна ихъ отдѣльность среди народа чуждаго, гнушавшагося обычаями другихъ народовъ. Народъ умножается до того, что становится страшнымъ для египетскаго царства... Наступаетъ время Моvсея...

Тѣ, которые смотрятъ на религію патріарховъ и вообще на всю ихъ, изложенную въ Библіи, исторію, какъ на позднѣйшую выдумку повѣствователя, увлекшагося, по выраженію Эвальда, „силою высшей (Моvсеевой) религіи", и строятъ эту исторію по-своему,— спрашиваютъ: какъ возможна была вѣрная передача патріархальной исторіи особенно въ это темное время, протекшее (въ Египтѣ) между смертію Іосифа и рожденіемъ Моvсея? Но если возможно сверхъестественное откровеніе, — а при вѣрѣ въ живаго и личнаго Бога, никто не долженъ сомнѣваться въ этомъ,—и если дѣйствительно это откровеніе было у родоначальниковъ избраннаго народа: то можно ли сомнѣваться въ томъ, чтобы Богъ, оказавшій столь великое благодѣяніе людямъ, не оказалъ меньшаго, — не оказалъ попеченія о вѣрномъ сохраненіи и распространеніи уже даннаго откровенія и существенно относящихся къ нему историческихъ фактовъ?

Впрочемъ, нѣтъ недостатка и въ исторической точкѣ опоры. Въ отношеніи къ самой древней, первоначальной, т. е. допатріархальной исторіи уже часто и справедливо было указываемо на долголѣтіе патріарховъ, или на то, что, по причинѣ малаго числа посредствующихъ членовъ, распространеніе вѣрнаго преданія отъ Адама до Авраама, было дѣломъ очень возможнымъ. Тоже обстоятельство идетъ, хотя въ меньшей степени,

къ исторіи времени патріархальнаго. Каждый изъ патріарховъ удостоенъ былъ Богоявленія, каждый могъ благословлять въ силѣ Божіей; каждый былъ живою, личною хроникою, предъ которою въ то еще близкое къ природѣ время, хроника писанная являлась бы мертвою буквою. Слова, которыя изрекалъ Богъ, благословенія, которыя произносили патріархи какъ-бы въ силѣ пророческаго полномочія, какъ свое завѣщаніе, напечатлѣвались въ душѣ дѣтей ихъ огненными письменами. Внѣшняя, фактическая сторона событій присоединялась къ этому сама собою. И потомки хранили такое преданіе со всею тщательностію; оно было для избраннаго рода основаніемъ его существованія, союзомъ его единства, зерцаломъ его обязанностей, залогомъ его будущности и потому самымъ драгоцѣннымъ наслѣдствомъ. Что Эвальдъ замѣчаетъ о распоряженіи Давида касательно изученія наизусть сынами іудиными его плачевной пѣсни объ Іонаѳанѣ и Саулѣ (2 Цар. 1, 18), приписывая такому распоряженію значеніе изданія этой пѣсни въ свѣтъ посредствомъ печати (1), — то самое можно приложить къ разнымъ изреченіямъ патріарховъ, напр., къ благословенію Іакова (Быт. гл. 49) или къ пророчеству Ноя (9, 25—27). Объ Авраамѣ прямо замѣчается, что онъ избранъ съ тѣмъ, чтобы заповѣдалъ сынамъ своимъ и дому своему послѣ себя ходить путемъ Господнимъ (Быт. 18, 19). Здѣсь слѣд. патріархамъ вмѣняется въ обязанность вѣрное распространеніе божественнаго откровенія или религіи, ибо это значитъ *путь Господень* (какъ въ Дѣян. 18, 25. 19, 9. 23. 9, 2.). А вѣрное наученіе религіи всегда состояло въ историче-

(1) 1, 24.

скомъ ея изложеніи, въ раскрытіи и истолкованіи фактовъ откровенія, какъ это видно изъ примѣровъ и позднѣйшихъ и древнѣйшихъ (что въ отношеніи къ неизмѣнному востоку все равно), представляемыхъ Ап. Павломъ (Дѣян. 13, 16 и д.), первомученикомъ Стефаномъ (гл. 7), Самуиломъ (I Цар. 12, 6 и д.), Іисусомъ Навинымъ (гл. 23. 24), Моусеемъ во Второзаконіи. Что Моусей заповѣдовалъ для будущаго времени, говоря: *помяните дни вѣчныя, разумѣйте лѣта роды родовъ: вопроси отца твоего, и возвѣститъ тебѣ, старцы твоя, и рекутъ тебѣ* (Втор. 32, 7), — то, конечно, было уже и прежде Моусея: о древнихъ начальникахъ рода просто только вспоминали, и жизнь ихъ просто, со всею обстоятельностію и вѣрностію разсказывали, а не сочиняли эту жизнь, „облекая (своихъ предковъ) въ прекраснѣйшіе образы“ въ духѣ религіи будто бы „высшей“, чѣмъ ихъ религія...

Эвальдъ и ученые одинаковаго съ нимъ направленія любятъ ссылаться, для своихъ видовъ, на исторію арабовъ. Для большей аналогіи распространенія историческихъ знаній въ древности позволительно и намъ обратиться къ исторіи Ислама. И здѣсь первое время прошло безъ письменной исторіи, которая начинается уже только во второмъ вѣкѣ Гиджры. Но тѣмъ тщательнѣе было распространеніе преданія устнаго. „Сущность преданія, говоритъ одинъ изъ ученыхъ оріенталистовъ (Ротъ), первоначально состояла изъ пересказыванія изреченій и дѣйствій первыхъ проповѣдниковъ Ислама. Одинъ разскащикъ пересказываетъ что-нибудь другому. И между тѣмъ какъ свидѣтель-очевидецъ не представлялъ никакого другаго ручательства за истинность своего разсказа, кромѣ своего добраго имени, тотъ (вто-

рой разскащикъ), кто передавалъ это извѣстіе третьему, естественно, долженъ былъ добавлять къ разсказу имя предыдущаго свидѣтеля; третій долженъ былъ упоминать объ обоихъ своихъ предшественникахъ; четвертый поименовывалъ трехъ предыдущихъ и только чрезъ такое поименованіе восходилъ до перваго виновника извѣстнаго преданія и т. д., такъ что рядъ преданій по прошествіи извѣстнаго времени дѣлался чрезвычайно длиннымъ. Текстъ преданія называется Ел-Матенъ; рядъ лицъ, хранившихъ и сообщавшихъ его, — Санадъ или Иснадъ" (¹). Ученый Вистенфельдъ, недавно издавшій древнѣйшую послѣ Корана книгу, какая только дошла до насъ изъ арабской литературы,—„жизнь Магомета, описанную Ибнъ-Исаакомъ", умершимъ въ 150 или въ 151 г. Гиджры,—замѣчаетъ, что „большую часть этой книги Ибнъ-Исаакъ наполняетъ изреченіями свидѣтелей очевидцевъ или самихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ какъ его время отъ времени, къ которому относится предметъ разсказа, отдѣлялось только двумя или тремя посредниками. Число поименованныхъ у него современниковъ, отъ которыхъ онъ собиралъ свои извѣстія, простирается до 114, и между ними многіе были очень извѣстны въ разныхъ отношеніяхъ" (²). Арабы были такъ скрупулёзны въ этихъ вещахъ, что Ибнъ-Исааку ставили въ упрекъ, за чѣмъ онъ извѣстіямъ, полученнымъ отъ многихъ лицъ объ одномъ и томъ же событіи, далъ одну связную форму, между тѣмъ какъ ихъ строгая критика требовала, чтобы все излагаемо было

(¹) *Roth* Ein Beitr. zur Gesch. der arabischen Historiographie. Götting 1859. S. 19.

(²) *Wüstenfeld*, Das Leben Muhammeds. Götting. 1860.

отдѣльно, со всею неизбѣжною при этомъ утомляющею растянутостію.

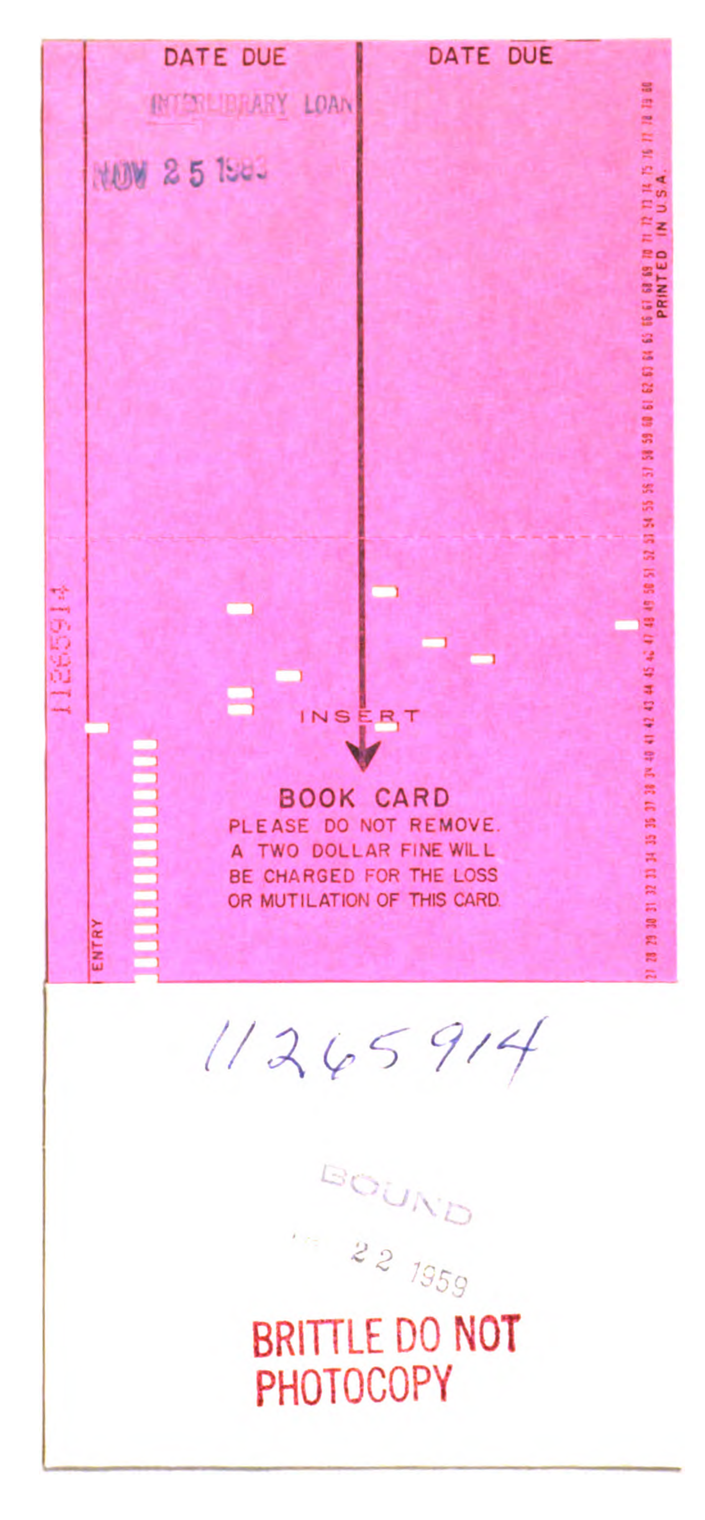
Эта аналогія религіознаго преданія изъ востока и при томъ изъ сосѣдней съ евреями Аравіи представляетъ намъ наглядно сохраненіе патріархальнаго преданія между израильтянами въ Египтѣ, хотя въ несравненно-древнѣйшее время и при большей крѣпости семейныхъ отношеній не было нужды въ такомъ утомительномъ исчисленіи посредствующихъ разскащиковъ, какое представляютъ арабскіе Иснады. Во всякомъ случаѣ Священное Писаніе не нуждалось въ этомъ еще и по особенности своего религіознаго характера: въ прямомъ отношеніи къ своему святому содержанію, оно предоставляло самой внутренней истинности его говорить за себя и обходило внѣшніе пріемы къ ея утвержденію. Свѣтъ уже тѣмъ, что свѣтитъ, свидѣтельствуетъ, что онъ — свѣтъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ

Второй половины „Христіанскаго Чтенія“

за 1866 годъ.

DATE DUE
DATE DUE
INTERLIBRARY LOAN
NOV 25 1983
PRINTED IN U.S.A.
11265914
INSERT
BOOK CARD
PLEASE DO NOT REMOVE.
A TWO DOLLAR FINE WILL
BE CHARGED FOR THE LOSS
OR MUTILATION OF THIS CARD.
ENTRY
11265914
BOUND
22 1959
BRITTLE DO NOT
PHOTOCOPY

